This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 4353,50.2

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF

SUSAN GREENE DEXTER

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

Digitized by Google

Slav 4353.50.2

HARVARD COLLECT LIBRARY
DEXTER FUND
JAN 7 1931

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

Digitized by Google

НАШИ БЛИЖНІЕ.

РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Парадоксы доктора Клименко.

Интересный процессъ привлекъ въ залу петербургскаго окружного суда массу народа. Дѣло шло о поддѣлкѣ подписи на векселяхъ. Подсудимый былъ молодой человѣкъ порядочной фамиліи, чуть не мальчикъ по годамъ, совершенно мальчикъ по виду. Нѣжное, розовенькое, какъ у дѣвочки, личико съ едва пробивающимся свѣтлымъ пушкомъ надъ верхней губой; голубые влажные глаза, застѣнчиво глядѣвшіе изъ-подъ длинныхъ и густыхъ темныхъ рѣсницъ; красиво очерченныя розовыя и пухленькія губы и тонкія, нѣсколько страстныя ноздри правильнаго носика; выхоленныя бѣлыя руки, напоминавшія руки молодой женщины-аристократки; неокрѣпнувшій, не то дѣтскій, не то юношескій, крайне симпатичный голосъ,—все это говорило, что подсудимый былъ скорѣе счастливчикомъ, баловнемъ жизни, любимцемъ семьи, чѣмъ несчастною жертвою судьбы.

Какъ онъ попалъ на скамью подсудимыхъ?

Это была простая, обыкновенная исторія.

Въ театрѣ Берга былъ бенефисъ одной изъ публичныхъ женщинъ, распѣвающихъ на подмосткахъ кафе-шантановъ скабрезныя пѣсенки съ приправою еще болѣе скабрезныхъ тѣлодвиженій. Ему хотѣлось присутствовать на бенефисѣ, попировать на бенефисномъ ужинѣ и поднести этой публичной женщинѣ нѣсколько букетовъ съ надеждою, что она, наконецъ, обратитъ вниманіе и на него и подаритъ мимоходомъ и его своею продажною любовью. У него не было въ эти дни денегъ, такъ какъ на него уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ будировала его семья за невыдержанный имъ по веснѣ экзаменъ. Чтобы исполнить свою прихоть, свой капризъ, онъ поддѣлалъ на векселѣ подпись сво-

Digitized by Google

его дяди-сенатора и добился желаемаго: онъ былъ на бенефисѣ, онъ поднесъ букеты бенефиціанткѣ, онъ присутствовалъ у нея на ужинѣ и даже удостоился послѣ ужина чести поцѣловать руку этой публичной женщины, когда она прощалась съ гостями, чтобъ докончить ночь съ однимъ изъ сотенъ своихъ любовниковъ. За эти блага онъ отдался въ руки ростовщиковъ, запуталъ себя въ ихъ сѣти, мучился нравственно цѣлый годъ, запятналъ свою фамилію, испортилъ свою будущность, долженъ былъ, быть-можетъ, отправиться въ мѣста «не столь отдаленныя» Сибири и — что было хуже всего для него, баловня, гордеца, красавчика,— переживалъ теперь безконечно долгіе часы унизительнаго публичнаго процесса. Онъ могъ избѣжать всего, признавшись своимъ роднымъ въ своемъ проступкѣ, но у него не хватало на это смѣлости, и до послѣдней минуты онъ все думалъ, что «авось дѣло уладится какъ-нибудь само собою». Какъ оно могло уладиться само собой? Онъ не спрашивалъ себя объ этомъ; онъ даже не задумывался объ этомъ. Когда ему начинало дѣлаться очень страшно за свое будущее, когда тревожныя мысли лишали его сна, онъ клалъ себѣ на голову пуховую подушку, зажмуривалъ глаза и старался заснуть «насильно». Когда ему пришлось говорить на судѣ, у него слышались въ дрожащемъ голосѣ слезы; когда онъ съ дѣтской откровенностью признавался въ своихъ продѣлкахъ, онъ всхлипывалъ и обливался слезами. Онъ не умѣлъ отказать себѣ ни въ одной прихоти и не умѣлъ мужественно перенести заслуженнаго наказанія. Онъ былъ жалокъ, мелокъ, пошлъ. Изъ такихъ людей выходятъ созданія, торгующія собой ради мелочныхъ удобствъ жизни; изъ такихъ людей никогда не выходятъ герои; такихъ людей совѣстно даже карать, какъ совѣстно наказывать трусливаго щенка, начинающаго визжать, прежде чѣмъ его коснется поднятая на него рука.

Впрочемъ, какая-то нарумяненная старушка, вся въ блондахъ и перьяхъ, разглядывая его сквозь золотой лорнетъ, со вздохомъ замѣтила:

— Pauvre enfant! il est adorable.

Если бы дѣло шло только объ уплатѣ по его векселямъ,— она, вѣроятно, заплатила бы сотни, тысячи, десятки тысячъ за этого «ребенка».

Ему нужно бы было знать это раньше.

— Нечего сказать, хороши наши «дѣти»!—съ негодованіемъ проговорилъ кто-то за мною, когда юноша оконча-

Digitized by Google

тельно разрыдался,—скверно разрыдался, точно онъ хотѣлъ упасть къ ногамъ судей и обнять ихъ колѣни, проползти за ними по полу, покрыть поцѣлуями ихъ руки, полы ихъ форменной одежды.

— Да, да, хороши, что тутъ и толковать,—замѣтилъ другой голосъ съ горькою ироніей. — А вы скажите-ка мнѣ лучше вотъ что: каковы должны быть отцы и матери, у которыхъ могли выйти подобныя дѣти?

Я оглянулся: за мною сидѣлъ господинъ лѣтъ пятидесяти, плотный, здоровый, съ серьезнымъ, немного помятымъ, но все еще красивымъ и румянымъ лицомъ, съ нѣсколько сдвинутыми бровями и съ насмѣшливымъ выраженіемъ въ глазахъ. Онъ былъ одѣтъ небрежно, какъ одѣваются достаточные старые холостяки: галстукъ повязанъ нѣсколько на бокъ, цвѣтная сорочка нѣсколько смята и сидитъ на груди скверно, воротникъ у сюртука загнулся сзади вверхъ и никѣмъ не приведенъ въ порядокъ, вся одежда, хотя сдѣлана изъ хорошаго матеріала, нова, не заношена, но немного запятнана, небрежно вычищена.

— Дѣти, всѣ дѣти дурны!—насмѣшливо продолжалъ онъ, обращаясь уже прямо ко мнѣ.—А объ отцахъ никто не говоритъ, потому что судятъ да рядятъ все больше отцы, а судятся все больше дѣти. Нарожаютъ, чортъ знаетъ, какой мерзости, которую и за людей-то совѣстно считать, да потомъ и удивляются, что на судъ являются подобные зайцы...

— Вы отцовъ обвиняете,—началъ я.

— А вы думаете, что дѣти отцовъ создаютъ?—тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ перебилъ онъ меня.—Если бы я былъ судьей, я бы, пожалуй, наказывалъ и дѣтей, а отцовъ ихъ ужъ непремѣнно приговаривалъ бы къ двойному наказанію.

— Вы, вѣрно, очень счастливый отецъ,—съ улыбкой сказалъ я:—и потому не боитесь, что и васъ могла бы случайно постигнуть тяжелая участь испытать удвоенное наказаніе за проступки вашихъ дѣтей.

— За какого же подлеца вы меня считаете, если думаете, что я былъ когда-нибудь отцомъ,—со смѣхомъ воскликнулъ мой собесѣдникъ. — Нѣтъ-съ, покуда Богъ миловалъ, еще ни къ какой юбкѣ не пришился законнымъ бракомъ. Я, батюшка, старый холостякъ, быть-можетъ, немного брюзга, немного «циникъ», но все-таки холостякъ, а не отецъ, и, признаюсь вамъ, горжусь этимъ, горжусь... Такъ и на могильной плитѣ у себя велю изобразить: «сей человѣкъ жилъ, но не плодилъ нравственныхъ и физическихъ уродовъ».

Digitized by Google

Залъ уже опустѣлъ; мы остались одни и поднялись съ мѣстъ. Меня заинтересовалъ мой собесѣдникъ, и я спросилъ его:

— Въ качествѣ холостяка вы, вѣроятно, обѣдаете гдѣнибудь въ гостиницѣ?

— У Балашева лѣтомъ отравляюсь; все же думается, что на чистомъ воздухѣ обѣдаешь,—отвѣтилъ онъ.

Я улыбнулся, взглянувъ на его здоровенную фигуру.

— Вы чего улыбаетесь?—спросилъ онъ.

— Я думаю, что смѣло могу идти обѣдать съ вами туда же, видя, какое вліяніе производитъ на васъ тамошняя отрава,— отвѣтилъ я.

— Да вы на мою физику не смотрите,—махнулъ онъ рукою.— Это я у разныхъ отцовъ и матерей семейства подкармливаюсь, а у Балашева такъ только, для проформы обѣдаю, чтобы не сказали знакомые, что на даровыхъ хлѣбахъ живу. Вѣдь семейные люди всѣ на одинъ ладъ: придите къ нимъ послѣ обѣда въ гостиницѣ — они васъ закормятъ на убой съ полнымъ радушіемъ; придите къ нимъ натощакъ прямо къ обѣду, съ цѣлью плотно поѣсть—они кислую рожу сдѣлаютъ и за спиной начнутъ называть васъ дармоѣдомъ да блюдолизомъ. Это ужъ семейная жизнь такія добродѣтели вырабатываетъ.

— А холостая жизнь какія добродѣтели вырабатываетъ?— спросилъ я, смѣясь.

— Холостая жизнь?—повторилъ въ раздумьи мой собесѣдникъ.—Пріучаетъ совсѣмъ никого не кормить,—рѣшилъ онъ и засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ, при чемъ его глаза вдругъ сдѣлались такими искренне-добрыми и веселыми, что я сразу угадалъ въ немъ стараго добряка, привыкшаго среди одинокой жизни добродушно ворчать и брюзжать на всѣхъ и все.

Мы пошли обѣдать въ Лѣтній садъ въ ресторанъ Балашева и познакомились сразу, откровенно, коротко, какъ знакомятся маленькія дѣти и старые холостяки. Мой новый знакомый, Иванъ Ивановичъ Клименко, былъ не лишенною ума, бойкою на языкъ, немного парадоксальною, немного циничною, но во всякомъ случаѣ оригинальною личностью.

Онъ былъ хохолъ, когда-то учился въ медицинской академіи избралъ спеціальностью дѣтскія болѣзни и, уморивъ, по окончаніи курса, перваго и единственнаго своего паціента-ребенка, навсегда отказался отъ медицины. Къ счастью,

Digitized by Google

у него было тысченокъ десять-пятнадцать денегъ и какой-то хуторъ съ небольшой землицей въ Малороссіи, и потому онъ могъ существовать безъ помощи заработковъ. Онъ поѣхалъ къ себѣ на хуторъ, чтобы устроить свои дѣла, но тутъ же страстно влюбился въ одну хохлушку-сосѣдку и рѣшился свить себѣ въ деревнѣ постоянное гнѣздо. Все шло отлично: хохлушка-сосѣдка слушала его страстныя объясненія, его хохлацкія пѣсни, его мечты о прелестяхъ семейнаго счастія въ деревнѣ, и когда онъ уже устроилъ все въ своемъ домѣ для семейной жизни, «скоропостижно» вышла замужъ за гусарскаго корнета, который черезъ полгода проигрался въ пухъ и бросилъ ее на произволъ судьбы съ «очевиднымъ залогомъ своей страстной любви», какъ выражался Клименко. Съ этой поры Клименко оставилъ мечты о семейномъ счастіи, сдалъ хуторъ и землю въ аренду и поѣхалъ «смотрѣть на людей».

— Да вотъ такъ и понынѣ смотрю на нихъ, подлецовъ,— закончилъ онъ свой разсказъ, отзывавшійся не то горечью, не то юморомъ и ироніей.

Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ уже извѣстною въ Петербургѣ личностью; онъ зналъ почти полъ-Петербурга, и половина Петербурга знала его въ лицо, какъ она знаетъ разныхъ корнетовъ, носящихся на рысакахъ по Невскому, и старыхъ кутилъ, аккуратно являющихся въ первые ряды креселъ въ театрахъ на всѣ «открытія» и «бенефисы». Онъ числился въ какомъ-то министерствѣ на должности «гранителя мостовой», какъ онъ выражался самъ, и могъ существовать безбѣдно, проживъ сначала свой хуторъ и землицу, а потомъ принявшись за проживанье полученнаго имъ наслѣдства отъ «тетушки», о существованіи которой онъ только потому и зналъ, что она умерла, да наслѣдства отъ дяди, который называлъ его дармоѣдомъ и въ одинъ прекрасный день такъ серьезно рѣшился лишить его, своего единственнаго наслѣдника, всего имѣнія, что «взялъ да и умеръ со злости безъ всякой духовной». Онъ состоялъ членомъ въ десяткѣ благотворительныхъ обществъ, «чтобы имѣть возможность уличать ханжей и лицемѣрокъ»; онъ посѣщалъ всѣ публичныя ученыя засѣданія и лекціи, «чтобы знать, до какой степени мы еще невѣжды»; онъ ежедневно являлся въ собраніяхъ или въ театрахъ, «чтобы узнать, есть ли такія степени разврата, до которыхъ мы не дошли еще»; онъ здоровался и говорилъ съ сотнями людей, про которыхъ онъ зналъ не только

Digitized by Google

то, что они Надрѣзковы, Ухачевы, Починкины, Корсиковы, но про которыхъ онъ даже разсказывалъ такія закулисныя исторіи, что иногда трудно было понять, откуда онъ ихъ узналъ. Въ сущности, это былъ «неудачникъ», храбро выносившій послѣдствія своихъ неудачныхъ попытокъ сдѣлаться дѣятелемъ, семьяниномъ, воротилой, знаменитостью и «человѣкомъ, какъ всѣ человѣки», говоря его словами. Онъ скучалъ, потому что у него не было опредѣленнаго дѣла и опредѣленнаго мѣста въ обществѣ, онъ бранилъ всѣхъ и все, потому что ему было совѣстно бранить свою скуку, сознаться въ которой значило бы сознаться въ своемъ неумѣньи устроить жизнь, какъ слѣдуетъ, и, по его выраженію, «войти въ свое стойло».

— Вы сегодня гдѣ думаете убивать свой вечеръ?—спросилъ онъ меня, когда мы оканчивали обѣдъ.

— Вѣроятно, дома. У меня срочная работа есть,—отвѣтилъ я.

— Ахъ, да, я и забылъ, что вы къ литературному стойлу пристроились,—замѣтилъ онъ, улыбаясь.—Это хорошо; такъ удобнѣе жить; чуть не знаешь, куда себя дѣвать—сейчасъ и идешь въ свое стойло, ну, и успокоишься. Нашему брату, людямъ, не вошедшимъ ни въ какое стойло, труднѣе успокоиться, никогда не знаешь, куда себя дѣвать, все измышляешь, какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы день прошелъ.

— Кто же мѣшаетъ пристроиться. Изберите опредѣленное занятіе,—отвѣтилъ я банальною фразой.

— Поздно, батюшка, стараго воробья на мякинѣ проводить,—махнулъ онъ рукою.—Ужъ къ какому дѣлу я ни пристройся, а все-таки не могу себя обмануть, что это дѣло—дѣйствительное дѣло, а не то же бездѣлье, да еще бездѣлье-то отупляющее.

— Я васъ не совсѣмъ хорошо понимаю.

— Объяснимтесь. Вы вотъ пишете тамъ что-то и печатаете. А какъ вы думаете, то ли вы именно пишете, что, по вашему убѣжденію, необходимо нужно писать? Не пишете ли вы только того, что вамъ можно и удобно писать? Пишите ли вы только потому именно, что обществу необходимо ваше писанье? Не пишите ли вы только потому, что вамъ самимъ нужно же что-нибудь дѣлать, чтобъ не сидѣть сложа руки и жрать? Подготовлены ли вы вполнѣ къ писанью? Не пишете ли вы иногда и такое, въ вѣрности чего вы не вполнѣ увѣрены? Поразберите-ка все это—и вы увидите, что вы чаще всего бездѣльничаете точно такъ же,

Digitized by Google

какъ и мы грѣшные, съ тою только разницею, что вамъ за ваше бездѣльничанье платятъ деньги, а намъ не платятъ. И такъ въ каждомъ дѣлѣ: пользы отъ дѣла на грошъ, вреда на рубль, а плата за дѣло—десятки и сотни рублей.

— У васъ удивительно парадоксальный складъ ума,— засмѣялся я.

— Ну, если-бъ мы стали спорить, такъ еще это вопросъ, кому изъ насъ пришлось бы отстаивать свое мнѣніе большими парадоксами: вамъ ли, признающему пользу разныхъ ремесленныхъ занятій людей, или мнѣ, признающему благовидное мошенничество этихъ занятій. Вонъ взгляните на подлыя рожи этихъ гарсоновъ во фракахъ съ салфетками подъ мышкой, какимъ онѣ самодовольно-дѣловымъ видомъ преисполнены. Вѣдь каждый изъ нихъ думаетъ, что безъ него такъ и погибло бы человѣчество, а человѣчество только выиграло бы, если бы ему пришлось самому ходить на кухню за своей порціей обѣда. Во-первыхъ, моціонъ полезенъ, во-вторыхъ, въ кухнѣ тогда не могли бы изъ вонючей провизіи готовить кушанья, въ-третьихъ, не нужно бы было тратиться «на водку», въ-четвертыхъ... ну, положимъ, что, въ-четвертыхъ, въ человѣчествѣ было бы хоть однимъ классомъ меньше людей, дошедшихъ до полнѣйшаго тупоумнаго самодовольства отъ сознанія, что они необходимыя спицы въ колесницѣ общественной жизни.

Намъ подали кофе. Клименко вынулъ портсигаръ, обрѣзалъ кончикъ сигары, закурилъ ее и откинулся на креслѣ.

— Какъ вы думаете, что болѣе всего содѣйствуетъ развитію человѣчества?—спросилъ онъ меня.

— На этотъ вопросъ не легко отвѣтить одной фразой,— улыбнулся я.

— Отчего же нѣтъ,—проговорилъ онъ.—Вы можете сказать: семейная жизнь, дружная общественная дѣятельность... да мало ли, что вы можете сказать. А я на все на это скажу вамъ, что это ложь. Общество двигаетъ впередъ недовольство. Да-съ, недовольство собою и окружающимъ. А кто же недоволенъ собою и окружающимъ? Люди, не ставшіе въ стойло.

— То-есть общество двигаете впередъ вы?—захохоталъ я.

Клименко даже обидчиво нахмурился.

— Ну, да, то-есть, не я одинъ, а мы всѣ, люди безъ стойла,—сказалъ онъ.—Попади мы въ райскій шалашъ семейнаго счастія или въ бѣличье колесо общественной дѣятельности—и конецъ. Мы успокоились бы на мысли, что

Digitized by Google

мы не даромъ коптимъ небо и что все идетъ отлично. А вотъ какъ бродишь безъ стойла да думаешь, что бы такое начать, что бы такое сдѣлать, такъ и видишь, что и то скверно, и другое гадко, и всѣ-то мы, люди-человѣки, въ сущности дармоѣды, старающіеся надувать другихъ своимъ дѣловымъ видомъ, чтобы за самый этотъ видъ получить побольше окладъ. Укажите мнѣ на любого дѣятеля, и я вамъ скажу, сколько грошей стоитъ его дѣйствительно полезная дѣятельность и сколько тысячъ рублей онъ сдираетъ съ общества своею мошеннически-напускною дѣловитостью... Нашъ братъ, человѣкъ, не попавшій въ стойло, по крайней мѣрѣ, не надуваетъ общества, а такъ-таки и выдаетъ себя за праздношатающагося... Впрочемъ, вы не думайте, что мы такъ-таки ничего и не дѣлаемъ,—нѣтъ-съ, мы наблюдаемъ, анализируемъ, критикуемъ—и притомъ еще безъ всякаго оклада и содержанія.

— Вы бы хоть мемуары писали,—улыбнулся я.

— Дураковъ умнѣе не сдѣлаешь, а мошенники и безъ насъ знаютъ, что они мошенники, — махнулъ рукой Клименко.—Я вотъ больше для саморазвитія наблюдаю. Впрочемъ, если хотите, я могу подѣлиться съ вами моими наблюденіями, вамъ, можетъ-быть, пригодятся, вѣдь вы, писатели, вездѣ свой медъ собираете...

Я поблагодарилъ Клименко за предложеніе. Мнѣ было не безынтересно услышать наблюденія этого «бывалаго» человѣка.

— Только я съ васъ взятку возьму, — добавилъ онъ.— Бросьте свою «срочную» работу сегодня и поѣдемте куда-нибудь на острова убивать время.

Я изъявилъ согласіе.

Мы вышли отъ Балашева и направились къ жилищу Клименко. Ему нужно было переодѣться.

Квартира Клименко была просторная: въ ней былъ нѣкоторый комфортъ, нѣкоторая роскошь, хотя на всемъ лежала печать холостой жизни небѣднаго человѣка безъ опредѣленныхъ занятій и привязанностей. Тутъ были и картины, и бронза, и книги, но все это словно случайно попало сюда, точно купилось отъ нечего дѣлать, отъ скуки, мимоходомъ, мимоѣздомъ, на какомъ-нибудь публичномъ «базарѣ», на какомъ-нибудь аукціонѣ, не потому, что было нужно, а потому, что попало на глаза, подвернулось подъ руку. Намъ отперла двери молодая, краснощекая, здоровая и бойкая служанка «изъ столичныхъ» съ смѣлыми и жи-

Digitized by Google

выми глазами, одѣтая празднично, нѣсколько пестро и съ претензіей казаться «барышней». Она быстро бросила на меня подозрительный и не совсѣмъ дружелюбный взглядъ.

— А гдѣ Митька?—спросилъ у нея Клименко.

— Извѣстно гдѣ—слоновъ продаетъ на улицѣ,—отвѣтила она и разсмѣялась, показавъ два ряда бѣлыхъ зубовъ.—Что ему больше дѣлать!

— Приготовьте мнѣ переодѣться,—проговорилъ онъ.

— Ѣдете опять куда-нибудь?—спросила служанка.

— Ну да, не съ вами же сидѣть, — сказалъ онъ и попросилъ меня подождать въ гостиной.

Я остался одинъ. Въ сосѣдней комнатѣ началось переодѣванье хозяина.

— Опять на всю ночь къ француженкамъ какимъ-нибудь уѣдете,—послышался не совсѣмъ тихій голосъ служанки.

— Да тебѣ-то что? — съ досадой проговорилъ Клименко пониженнымъ голосомъ.

— Видно чужія-то лучше своей!—съ упрекомъ замѣтила молодая женщина.

— Дура!—тихо проворчалъ Клименко.

— Онѣ-то умнѣе, что ли?—послышался вопросъ, сдѣланный вкрадчивымъ и лукавымъ тономъ.

— Замолчи ты! Не то я тебя выгоню!—сердился Клименко.

— Ну, ну, чего сердитесь! Хорошій мой!

Я ясно услышалъ поцѣлуй и сдержанный смѣхъ молодой дѣвушки.

— Тсс! Отстань!—ворчалъ Клименко, но въ его голосѣ уже слышался не гнѣвъ.

Минутъ черезъ пять онъ вышелъ ко мнѣ расфранченный, беззаботно насвистывая изъ «Прекрасной Елены»:

«Мы всѣ невинны отъ рожденья»...

Его лицо сіяло и точно помолодѣло.

— Ну, вотъ я и готовъ! Поѣдемте злословить! — обратился онъ ко мнѣ, быстро подходя къ зеркалу.—Надѣюсь, не долго задержалъ? У меня вѣдь все мигомъ. Не люблю копаться...

Онъ говорилъ быстро, развязно, точно желая показать, что въ эти минуты переодѣванья не произошло ничего особеннаго между нимъ и его востроглазой служанкой. А она, уже не сердитая и не хмурая, съ ласковой и лукавой улыбкой смотрѣла, стоя въ дверяхъ, какъ онъ охорашивался передъ зеркаломъ, поправляя галстукъ и жилетъ. Въ ея глазахъ было столько ласки и обожанія, что я понялъ все.

Digitized by Google

«Такъ вотъ оно, его стойло-то»,—подумалъ я и невольно улыбнулся.

Онъ, смотря въ зеркало, замѣтилъ мою улыбку, покраснѣлъ, какъ школьникъ, повернулся какъ-то по-мальчишески на каблукахъ, окинулъ взглядомъ и красавицу-служанку, и меня, быстро взялъ меня подъ руку и повлекъ за собою.

— Вы о чемъ это задумались?— спросилъ онъ меня веселымъ, совсѣмъ молодымъ тономъ.

— О стойлѣ,—отвѣтилъ я.

— О незаконномъ?— захохоталъ онъ и ударилъ меня слегка по рукѣ.—Человѣкъ, батюшка, есмь, и весь на лицо передъ вами...

Мы поѣхали въ «Ливадію». Клименко обѣщалъ мнѣ разсказать нѣсколько исторій объ «отцахъ и дѣтяхъ», такъ какъ вопросъ объ «отцахъ и дѣтяхъ» послужилъ поводомъ къ нашему первому знакомству.

II.

Какъ люди дѣлаются отцами.

Мы—я и Клименко—пріѣхали въ «Ливадію». Прислуга и кассиръ раскланивались съ Клименко, какъ съ почетнымъ посѣтителемъ ихъ увеселительнаго заведенія. Мы взяли билеты и прошли въ садъ. Въ саду уже играла музыка. Клименко окинулъ прищуренными глазами садъ и проговорилъ:

— Мы съ вами здѣсь одни.

— Нѣтъ, народу порядочно,—сказалъ я.

— Я хотѣлъ сказать, что здѣсь нѣтъ никого изъ кружка знакомыхъ мнѣ петербургскихъ шатуновъ,—пояснилъ онъ.— Они, впрочемъ, вообще рѣдко бываютъ здѣсь и по большей части засѣдаютъ въ «Демидрошкѣ»... Вы желаете слушать музыкальныя экзерциціи или болтать за стаканомъ вина на чистомъ воздухѣ?—спросилъ онъ меня.

— Послѣднее, я думаю, будетъ лучше,—замѣтилъ я.

— Вы правы, они разыграютъ свои музыкальныя пьесы такъ же скверно и при насъ, какъ безъ насъ, значитъ, лучше не стѣснять ихъ исполнять ихъ работу,— рѣшилъ онъ и направился со мною на одинъ изъ балконовъ.

Передъ нами развернулся довольно красивый видъ на рѣку; на столѣ появилось бургонское вино; мы закурили сигары и приняли покойныя позы людей, убивающихъ праздный вечеръ на чистомъ воздухѣ. Воздухъ былъ дѣйствительно чистый, теплый, располагающій къ лѣни, къ отдыху.

Digitized by Google

— Я вамъ хотѣлъ поразсказать объ отцахъ и дѣтяхъ,— началъ въ раздумьи Клименко. — Я, можетъ-быть, затруднился бы въ выборѣ разсказа, если бы этотъ тихій вечеръ не напомнилъ мнѣ почему-то такихъ же тихихъ вечеровъ въ Швейцаріи, гдѣ я лѣчился сывороткою отъ скуки.

— Я и не зналъ, что сыворотка излѣчиваетъ отъ скуки,— улыбнулся я.

— То-есть, она вовсе не излѣчиваетъ отъ скуки, но я-то лѣчился ею отъ скуки по недоразумѣнію. Дѣло въ томъ, что лѣтъ восемь тому назадъ я началъ чувствовать, что здоровье мое серьезно разстраивается: и тутъ ноетъ, и тамъ болитъ, и здѣсь ломитъ, однимъ словомъ, я чувствовалъ, что у меня есть и ноги, и руки, и голова, и сердце, а это уже вѣрный признакъ серьезной болѣзни. Здоровые люди не чувствуютъ, не замѣчаютъ своей грѣшной плоти... Я посовѣтовался съ докторами, и они послали меня сперва полоскаться водами, а потомъ переполаскиваться сывороткой. Я аккуратно исполнилъ ихъ предписанія, переполаскался всякою дрянью и, наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ пришелъ къ убѣжденію, что я вовсе и не былъ никогда боленъ, а что меня грызла скука, продолжавшая грызть меня съ удвоенною силою и въ Эмсѣ, и въ Интерлакенѣ. Вслѣдствіе этого открытія я обругалъ въ душѣ подлецами всѣхъ докторовъ, дѣлающихъ глубокомысленныя физіономіи ученыхъ, чтобы побольше срывать денегъ съ простячковъ, — и махнулъ въ Парижъ...

— Въ Парижъ?—удивился я.

— Ну, да, гдѣ же и лѣчиться отъ скуки, какъ не въ Парижѣ,— пояснилъ Клименко.—Я узналъ свою болѣзнь и принялъ радикальныя мѣры. Черезъ два мѣсяца я былъ, какъ встрепанный, — никакихъ недуговъ и слѣда не осталось. Но дѣло не въ этомъ. Я вамъ сказалъ, что сегодняшній вечеръ напомнилъ мнѣ вечера, проведенные мною въ Швейцаріи...

— Своею скукою?—спросилъ я.

— Нѣтъ, своимъ чистымъ воздухомъ и затишьемъ,—пояснилъ съ легкой усмѣшкой Клименко.—А вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ припомнилась мнѣ одна исторія, которая, какъ нельзя лучше, можетъ служить вступленіемъ къ моимъ разсказамъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Если бы я вздумалъ писать свои воспоминанія, то я началъ бы именно этой исторіей и назвалъ бы разсказъ о ней разсказомъ о томъ, «какъ люди дѣлаются отцами»... Пожалуйста, не думайте, что я

Digitized by Google

хочу скабрезничать. Я люблю скабрезныя сцены въ жизни, но не люблю скабрезныя мысли и слова. Картины вообще нужно смотрѣть, а не разсказывать... Но не бойтесь, я болѣе не буду уклоняться въ сторону отъ разсказа...

Клименко налилъ себѣ полстакана вина, сдѣлалъ два глотка, затянулся сигарой и началъ.

— Я сидѣлъ вотъ точно такъ же, какъ теперь, среди вечерняго затишья, за стаканомъ вина, съ сигарою въ зубахъ на балконѣ одного изъ большихъ женевскихъ отелей. Я уже кончилъ въ то время лѣченіе сывороткою и готовился махнуть въ Парижъ, предвкушая всѣ сладости придуманнаго мною радикальнаго лѣченія. Вдругъ ко мнѣ на балконъ вбѣгаетъ какой-то господинъ, длинный, тощій, какъ сухая треска, съ козлиной бородкой, съ длинными, какъ у деревенскаго попа, волосами, въ потертомъ и порыжѣвшемъ бархатномъ пиджакѣ и очень коротенькихъ «невыразимыхъ» свѣтлаго песочнаго цвѣта съ темными коричневыми клѣтками.

— Извините меня, что я васъ безпокою... Вы, кажется, русскій, если я не ошибаюсь?—спрашиваетъ онъ меня прерывающеюся отъ одышки и смущенія фистулою.

— Русскій,—отвѣчалъ я.

— У меня до васъ большая просьба,—съ еще большимъ волненіемъ говорилъ онъ. — Вамъ, можетъ-быть, покажется страннымъ... но что дѣлать... мы въ чужой странѣ... Не можете ли вы быть у меня свидѣтелемъ...

— Ради Бога, избавьте!—перебиваю я.—Я ни въ какія дрязги не вмѣшиваюсь... Я далъ себѣ слово...

— Позвольте!.. Вы меня не поняли... Мнѣ нуженъ свидѣтель и шаферъ... Я вѣнчаюсь и у меня недостаетъ свидѣтеля и шафера,—поясняетъ онъ, окончательно смутившись.

Я такъ и разинулъ ротъ. Если бы онъ пригласилъ меня въ читальщики къ себѣ,—я удивился бы гораздо менѣе, потому что легче было представить его лежащимъ на завтра въ гробу, чѣмъ вообразить его стоящимъ сегодня подъ вѣнцомъ.

— Скажите, вы не откажетесь?—спросилъ онъ, видя, что я не отвѣчаю, и протянулъ мнѣ руку.

Въ его голосѣ, въ его рукопожатіи было что-то молящее, точно я призывался спасти его.

— Не смѣю отказаться, — вѣжливо проговорилъ я.—Но позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить.

— Аполлонъ Александровичъ Невѣкинъ, стипендіатъ императорской академіи художествъ,—отрекомендовался онъ.

Digitized by Google

— Очень пріятно познакомиться,—промолвилъ я, назвавъ свою фамилію, и тутъ же подумалъ, что ему было бы приличнѣе называться вмѣсто Аполлона—Харитономъ.—Когда же вы вѣнчаетесь?—спросилъ я.

— Сегодня, сейчасъ,—отвѣчалъ онъ торопливо и вдругъ какъ-то неловко замялся.—Только видите ли...—началъ онъ въ смущеніи.—У меня есть еще просьба... извините меня... это такой случай...

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь,—ободрилъ я его.—Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?

Онъ начиналъ меня интересовать.

— Видите ли, у меня здѣсь только одна эта пара платья, а мнѣ не хотѣлось бы... Знаете, все-таки неприлично въ пестромъ...

— Позвольте, насколько я васъ понимаю, то вамъ нужна черная пара платья, и вы, вѣроятно, не можете ее купить...

— Затѣмъ покупать? Зачѣмъ?—воскликнулъ онъ жидкой фистулой.—Мнѣ только на разъ надѣть... Я никогда не ношу чернаго... Просто одолжите мнѣ на одинъ вечеръ, если у васъ есть...

Я не выдержалъ и расхохотался, взглянувъ на его фигуру. Онъ не столько обидѣлся, сколько смутился отъ моего невольнаго смѣха.

— Вы меня извините,—началъ я.—Но ваша фигура и моя — мы съ вами, можетъ-быть, и изъ одной глины сдѣланы, но въ разныя формы отлиты.

— А, это ничего... это ничего! — заторопился онъ. — На одинъ разъ не важность... было бы черное... а то не бѣда...

Мнѣ оставалось только согласиться. Да, впрочемъ, мнѣ уже и самому очень хотѣлось теперь полюбоваться, какъ будетъ висѣть мое платье на этой жерди. Я даже думалъ, что подобное зрѣлище окажетъ благотворное вліяніе на мое здоровье, доставивъ мнѣ нѣсколько веселыхъ минутъ. Я не ошибся въ своемъ предположеніи и пережилъ въ этотъ день нѣсколько самыхъ веселыхъ часовъ въ своей жизни. Правда, мнѣ за это удовольствіе пришлось обвѣнчать и устроить свадебный пиръ этого скелета, но я не жалѣлъ о потраченныхъ деньгахъ. Въ Парижѣ пришлось еще дороже заплатить за лѣченье отъ скуки. Когда я увидалъ невѣсту,— мнѣ пришлось разинуть ротъ отъ удивленія. Я ожидалъ увидѣть необыкновенную красоту, передъ которой не могла устоять художественная натура Невѣкина, и увидалъ второй скелетъ, только миньятюрный, съ весноватымъ лицомъ.

Digitized by Google

съ жиденькими, болѣзненно-тонкими волосами, съ доскообразной грудью и красными пятнами на щекахъ вмѣсто румянца. Невѣкинъ смотрѣлъ въ моей «черной парѣ» комичнымъ, его невѣста въ заношенномъ барежевомъ платьѣ смотрѣла жалкою. Оказалось, что жениху и невѣстѣ нечѣмъ было заплатить въ церкви, не на что было устроить угощенія, а изъ гостей, какихъ-то лохматыхъ и чумазыхъ личностей, какъ видно, не пристроившихся ни къ какому стойлу, едва ли хотя одинъ имѣлъ за душою пару франковъ. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось женить эту пару на свой счетъ, и я исполнилъ свою обязанность наилучшимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, подъ конецъ вечера всѣ лохматые гости горланили во все горло, точно они были не въ скромномъ женевскомъ пансіонѣ, а гдѣ-нибудь въ гуляющемъ трактирѣ, у насъ на святой Руси во время ярмарки. Невѣкинъ расчувствовался и все обнималъ меня, говоря мнѣ уже: «ты».

— Ты не шаферъ у меня, ты мой посажёный отецъ!— взвизгивалъ онъ, утирая слезы и присасываясь ко мнѣ своими тощими губами.

«Молодая» все больше конфузилась и молчала, хотя она была не глупа, получила институтское образованіе, кое-что читала на своемъ вѣку. Какъ я узналъ потомъ, Невѣкинъ получалъ содержаніе изъ академіи художествъ, но не представлялъ никакихъ работъ, шляясь болѣе по тавернамъ, кнейпе, гарготкамъ и кафе за границею, чѣмъ по музеямъ и мастерскимъ художниковъ, и въ послѣднее время ему перестали высылать деньги, вслѣдствіе чего онъ вступилъ въ переписку съ начальствомъ; онъ былъ недалекій малый, мало даровитая личность, плохо образованный человѣкъ, но добрый товарищъ, увлекающаяся натура, bon-vivant, любящій шампанское, сыры, устрицъ и трюфели, но, по недостатку средствъ, замѣнявшій все это сквернѣйшими напитками тавернъ, селедками и печеными каштанами; молодая, Аделаида Ивановна Рошкова, теперь madame Невѣкина, была совсѣмъ бѣдная сирота, поступившая въ Петербургѣ въ гувернантки въ отъѣздъ за границу въ семью какой-то вдовы-генеральши; генеральша повезла своихъ дѣтей и гувернантку на воды и проигралась тамъ въ пухъ и въ прахъ, такъ-что едва могла дотащиться до Женевы, гдѣ жили ея богатые родственники; родственники приняли генеральшу сухо и холодно, намылили ея полусѣдую превосходительную голову за легкомысліе, дали ей денегъ для возвращенія въ Россію въ вагонахъ третьяго класса, а гувернантку — раз-

Digitized by Google

считали; у несчастной дѣвушки не было сдѣлано съ генеральшею никакихъ формальныхъ условій о возвращеніи въ Россію, и потому ей пришлось покориться судьбѣ; для нея настали тяжелые дни голоданья въ чужомъ городѣ, въ чужой скупой Швейцаріи; въ это время ее и встрѣтилъ Невѣкинъ, пріѣхавшій въ Швейцарію «посмотрѣть на природу». Вотъ все, что я узналъ о моихъ «посажёныхъ дѣтяхъ» въ этотъ вечеръ. Что ихъ свело, почему они женились—это оставалось для меня загадкою.

На другой день поутру Невѣкинъ явился ко мнѣ, одинъ, хмурый, какъ осенняя ночь, поминутно вздыхая, точно онъ усталъ отъ тяжкой дороги. Послѣ я узналъ, что у него было въ привычкѣ такъ вздыхать, когда ему приходилось плохо. Я встрѣтилъ его радушно и спросилъ о его женѣ.

— Зубы у нея разболѣлись. Она такая слабая, — отвѣтилъ онъ со вздохомъ. — Не знаю, что мы теперь будемъ дѣлать. Мнѣ нельзя уѣхать отсюда, покуда не получу извѣстій изъ академіи, а жить здѣсь дорого. Да и не на что уѣхать, мы остались совсѣмъ на бобахъ. Правда, у жены есть довольно богатые родные, но неловко же ей просить ихъ о помощи теперь или уѣхать къ нимъ тотчасъ же послѣ свадьбы, вѣдь это ужъ выйдетъ чортъ знаетъ на что похоже...

— Извините меня,—замѣтилъ я. — Я не понимаю, какъ вы рѣшились жениться въ такомъ положеніи.

— Да что же было дѣлать, развѣ вы не знаете, какую штуку сыграли съ моей женою?—сказалъ онъ.

— Знаю. Ее бросили здѣсь на произволъ судьбы

— Ну, да... Какъ же было поступить въ этомъ случаѣ? Дѣвушка осталась на чужой сторонѣ одна, безъ средствъ.

— Да, но какъ же вы дошли до мысли, что замужество можетъ поправить ея положеніе?

— Я этого и не думалъ,—наивно сказалъ Невѣкинъ.— Просто вижу, она плачетъ, не знаетъ, что дѣлать; я ее постарался ободрить, утѣшить... Ну, а потомъ и вижу, что мнѣ, какъ честному человѣку, нельзя уже бросить ее, такъ какъ, можетъ-быть, она сдѣлается матерью.

— Позвольте, позвольте, да развѣ она оттого убивалась, что у нея любовника не было, что вы ее этимъ способомъ утѣшали?—воскликнулъ я.

— Нѣтъ... но какъ же иначе?.. Это такъ случилось... Я и самъ не знаю, почему это случилось!—прибавилъ онъ въ недоумѣніи.

Digitized by Google

Я расхохотался, какъ сумасшедшій. Я даже не извинился передъ нимъ за свой смѣхъ.

— Да, хорошо вамъ смѣяться, а каково теперь намъ,— вздохнулъ онъ.—Хоть въ петлю полѣзай... Положимъ, она еще не въ интересномъ положеніи, но вѣдь и это можетъ случиться...

— Ну, батенька, если каждый мужчина станетъ утѣшать такими средствами первую попавшуюся ему плачущую дѣвушку, такъ, разумѣется, ему придется, какъ честному человѣку, въ концѣ-концовъ, жениться на ней, только едва ли въ подобномъ способѣ утѣшенія въ горѣ есть человѣческій смыслъ,—замѣтилъ я.

— Да вѣдь это такъ само собою случилось... Чѣмъ же мы-то тутъ виноваты?—недоумѣвалъ онъ.

Я только руками развелъ...

Клименко отпилъ вина, затянулся сигарою и продолжалъ:

— Не думайте, что я разсказалъ вамъ исключительный случай. Нѣтъ, повѣрьте моей опытности и моей наблюдательности, — такихъ браковъ заключается сотни, тысячи и десятки тысячъ. Встрѣчаются мужчина и женщина, дѣлаются друзьями или утѣшаютъ другъ друга во взаимныхъ печаляхъ, гуляя при свѣтѣ луны гдѣ-нибудь по саду, просиживая вдвоемъ за интереснымъ чтеніемъ, и трахъ! видятъ, что они подружились, начитались и доутѣшали другъ друга до того, что честь требуетъ законнаго брака. Это смѣшной способъ доказывать другъ другу сочувствіе и участіе, но этотъ способъ въ ходу у людей. Оно бы, пожалуй, и ничего, если бы слѣдствіемъ этого рода утѣшеній не являлись, въ концѣ-концовъ, дѣти. Когда я уѣзжалъ изъ Женевы въ Парижъ, меня сильно интересовалъ вопросъ, какъ выбьются изъ своего положенія Невѣкины, и что за участь ждетъ ихъ дѣтей, если таковыя будутъ. Я даже хотѣлъ попросить Невѣкина писать ко мнѣ, но я врагъ вообще всякой переписки съ той поры, какъ во время моего студенчества два изъ моихъ писемъ вовсе не дошли по адресу и прочлись любознательными людьми, которымъ не слѣдовало читать этихъ писемъ. Вслѣдствіе этого я не заикнулся Невѣкину о перепискѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я совсѣмъ потерялъ его изъ виду...

Прошло около двухъ лѣтъ, и я уже забылъ объ этой странной парѣ, когда въ Петербургѣ мнѣ случайно встрѣтился на Невскомъ мой «посажёный сынъ». Онъ былъ

Digitized by Google

все такимъ же скелетомъ, былъ все такъ же пестро одѣтъ и все попрежнему вздыхалъ. Онъ по своей привычкѣ шумно обрадовался встрѣчи со мною, объявилъ, что онъ теперь пишетъ портреты, что у него есть уже сынъ... Мы обмѣнялись адресами и разошлись... Я думалъ зайти къ нему, посмотрѣть на его житье-бытье, да какъ-то такъ и не собрался: сегодня у знакомыхъ обѣдъ, завтра чей-нибудь бенефисъ, а тамъ, глядишь, голова болитъ послѣ пикника — вѣдь и у насъ, какъ и у дѣловыхъ людей, есть свои «обязанности» и «дѣла», мѣшающія иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ сходить въ баню или къ обѣднѣ.

Такъ прошло еще мѣсяца три, когда въ одну прекрасную ночь, часовъ въ двѣнадцать, въ моей квартирѣ раздался сильный звонокъ. Я только-что пріѣхалъ изъ театра и собирался лечь спать, когда зазвенѣлъ колокольчикъ... Я веду такой мирный образъ жизни, что не опасаюсь незванныхъ ночныхъ посѣтителей и не вздрагиваю при неожиданныхъ ночныхъ звонкахъ, такъ какъ у меня нѣтъ ни рулетки, ни запрещенныхъ книгъ, ни беззаконныхъ сборищъ, но тутъ, признаться, я вздрогнулъ, такъ былъ рѣзокъ этотъ звонокъ. Такъ звонятъ только власть имѣющіе полицейскіе или не признающіе властей люди въ бѣдѣ. Я пошелъ самъ отпирать двери. Черезъ минуту передо мной стоялъ Невѣкинъ, растрепанный, запыхавшійся, взволнованный.

— Ради Бога, ради Бога, спасите насъ! У мальчика крупъ! У насъ ничего нѣтъ, намъ надо доктора! — заговорилъ онъ, не здороваясь со мною. — Я совсѣмъ потерялъ голову... Былъ у всѣхъ знакомыхъ... все голь... И если бы вы знали, какой ребенокъ! Вчера еще началъ говорить: «папа»... такъ чисто-чисто сказалъ: «папа»...

Онъ и волновался, и плакалъ. Я поспѣшилъ на помощь. Самъ я давно отказался отъ практики. Но я знаю хорошихъ докторовъ. Я отослалъ Невѣкина домой и поскакалъ за врачомъ. Черезъ часъ врачъ и я уже были въ квартирѣ Невѣкиныхъ. Они жили на Гороховой, въ пятомъ этажѣ, на третьемъ дворѣ большого каменнаго разсадника тифовъ и лихорадокъ. По темной, головоломной лѣстницѣ мы добрались съ докторомъ до квартиры Невѣкиныхъ, и нашимъ глазамъ представилось нѣчто болѣе чѣмъ печальное. Передъ нами были двѣ почти пустыя комнаты, въ которыхъ если и были вещи, то именно такія вещи, которыя вовсе были не нужны для домашняго обихода. Въ гостиной стоялъ мольбертъ, на которомъ висѣли старые мужскіе панталоны и

Digitized by Google

заношенная женская юбка; у одной стѣны стоялъ на полу портретъ какого-то большебородаго купца, наполовину замазанный сѣрою краскою, какъ негодный и неудавшійся; въ углу красовалась новенькая дѣтская лошадка и игрушечные киверъ и сабля, вещи купленныя, какъ видно, очень недавно, хотя трудно было понять, какой смыслъ имѣла ихъ покупка, когда въ домѣ былъ только одинъ годовой ребенокъ; на подоконникахъ валялась груда фотографическихъ карточекъ актрисъ и актеровъ, ящикъ съ масляными красками и кисти; вмѣсто мебели здѣсь было только два кухонныхъ табурета. Въ спальнѣ, куда ввела насъ Невѣкина, стояла березовая двухспальная кровать съ грязными подушками и простынями и роскошная колыбель съ кисеей и голубыми бантами; тутъ же валялись двѣ бутылки изъ-подъ вина, закапанныя стеариномъ и, очевидно, служившія иногда вмѣсто подсвѣчниковъ; на большомъ столѣ, стоявшемъ между двумя окнами, было нѣчто невообразимое; здѣсь, на грязной скатерти, покрывавшей половину стола, были остатки ужина и грязной посуды, а на другой половинѣ его красовались банки и склянки съ духами, помадой, пудрой и громоздились двѣ картонки со шляпами; одна стѣна въ спальнѣ была вся увѣшана платьемъ или, лучше сказать, обрывками платья. Но среди этого хаоса, несмотря на нищенствующую обстановку въ жилищѣ, были двѣ служанки, одѣтыя гораздо лучше, чѣмъ ихъ господа, а на столѣ виднѣлась недавно опорожненная бутылка изъ-подъ рейнвейна. Докторъ осмотрѣлъ ребенка, хилое, золотушное и некрасивое созданье, и осторожно объявилъ, что его помощь тутъ ни при чемъ. Ребенокъ черезъ часъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ...

Я вамъ не могу передать отчаянія Невѣкиныхъ; они рыдали, то припадали къ трупу ребенка, то падали другъ къ другу въ объятія.

— Вчера еще купилъ ему игрушки,—говорилъ, захлебываясь слезами, Невѣкинъ. — Онъ вѣдь все понималъ, какъ большой... У меня, знаете, вчера были деньги... вотъ попировали передъ горемъ... Вино пили, пріятели были... А теперь!..

Невѣкинъ припалъ къ ребенку.

— Господи, какъ мы его хоронить будемъ! У меня ничего нѣтъ,—плакалъ онъ.

— Не говори, не говори о похоронахъ! Я его не отдамъ, не отдамъ зарыть въ землю моего ангела!—убивалась Невѣкина.

Digitized by Google

Я далъ имъ денегъ и уѣхалъ.

На другой день Невѣкинъ заѣхалъ пригласить меня на похороны. Я вообще люблю посѣщать всякія церемоніи, кромѣ похоронныхъ, и потому попробовалъ отказаться отъ приглашенія, но Невѣкинъ заявилъ, что я ихъ обижу, что я гнушаюсь ими, и все это говорилось въ такомъ тонѣ, что пришлось согласиться на приглашеніе. На слѣдующій день я былъ у нихъ, и вообразите мое удивленіе. Ребенокъ лежалъ въ бѣломъ глазетовомъ гробу, гробъ стоялъ на траурномъ катафалкѣ и былъ покрытъ парчевымъ покровомъ, гирлянды цвѣтовъ украшали покойника, траурныя свѣчи, выносъ ребенка былъ сдѣланъ со священникомъ, который служилъ наканунѣ панихиды по годовомъ ребенкѣ...

— Вотъ теперь нужно кормилицу разсчитать, выходныя платья ей дать,—говорилъ Невѣкинъ, когда мы возвращались съ похоронъ на поминки, на которыя было приглашено человѣкъ восемь постороннихъ людей. — Похороны пришлось устроить въ долгъ... что мы будемъ дальше дѣлать — я и не знаю... И что это за жизнь! Ни опредѣленной работы, ни опредѣленныхъ средствъ...

Я осторожно и съ подходцами намекнулъ Невѣкинымъ, что имъ было бы удобнѣе на время разойтись, ей принять мѣсто гувернантки, ему нанять комнату отъ жильцовъ.

— Да какъ же это можно! Вѣдь Адель въ такомъ положеніи!—шепнулъ мнѣ Невѣкинъ.—Она будетъ опять матерью.

— Опять!—тихо воскликнулъ я въ ужасѣ, взглянувъ на Невѣкину.

Она стыдливо опустила глаза, понявъ смыслъ нашего разговора.

— Я такъ боюсь, что это потрясеніе повліяетъ на нее,—тихо сказалъ мужъ.—Она уже на четвертомъ мѣсяцѣ беременна... Наша жизнь такъ горько сложилась, что только и ободряемся, сознавая, что мы любимъ другъ друга...

«И утѣшаемъ одинъ другого», чуть не сказалъ я и подумалъ: когда кончатся эти утѣшенія и сколько плодовъ они дадутъ? И хорошо еще, если эти плоды взаимныхъ утѣшеній будутъ погибать такъ же скоро, какъ первый плодъ этихъ утѣшеній. А что будетъ, если дѣти, наперекоръ всему, станутъ выживать?..

Я больше не видалъ Невѣкиныхъ, избѣгая встрѣчъ съ ними. Впрочемъ, еще одинъ разъ они промелькнули на минуту передо мною:—я видѣлъ ихъ подъѣзжающими къ «Де-

Digitized by Google

мидрошкѣ» въ четверомѣстной коляскѣ съ четверыми пріятелями сомнительнаго сорта; Невѣкины были одѣты во все новое; компанія была навеселѣ и безцеремонно шумѣла. Увидавъ меня, Невѣкинъ обрадовался.

— А мы сегодня кутимъ,—сказалъ онъ, потрясая мою руку. -Я получилъ заказъ написать портреты съ одной купеческой семьи, по сто рублей за портретъ и денегъ немного впередъ дали!..

— Есть у васъ дѣти?—спросилъ я.

— Какъ же, какъ же, два мальчика и дѣвочка... Вы заходите къ намъ, посмотрите...

Онъ далъ мнѣ свой адресъ: Гончарная улица, нумеръ дома чуть не сотый, нумеръ квартиры чуть не тысячный... Я понялъ, что мнѣ незачѣмъ идти туда, такъ какъ картина, вѣроятно, представится такая же, какую я видѣлъ и въ Гороховой...

Мы допили съ Клименко нашу бутылку бургонскаго и пошли бродить по саду, гдѣ набралось уже много публики. Клименко встрѣтилъ цѣлую компанію знакомыхъ, представилъ имъ меня и волей-неволей мнѣ пришлось присутствовать на веселомъ холостомъ кутежѣ до поздней ночи. Когда мы на разсвѣтѣ садились въ экипажъ, Клименко замѣтилъ мнѣ:

— Вотъ и убили еще одинъ день въ своей жизни съ спокойной совѣстью, что не сдѣлались и въ этотъ день безсознательными убійцами какого-нибудь будущаго человѣка. А это сознаніе, батенька, не шутка, и немногіе трезвые отцы семейства могутъ сказать то же, засыпая въ эту минуту въ своей супружеской опочивальнѣ...

— О, неисправимый панегиристъ холостого разгула!—засмѣялся я.

— Да, да, толкуйте!—ударилъ онъ меня по колѣнкѣ.—Поживите да посмотрите сами—и вы будете говорить то же.

— Вотъ послушаю еще, что вы видѣли, тогда, можетъ-быть, и перейду въ вашу секту,—пошутилъ я.

— Что-жъ, я не отступаю отъ своего слова и подѣлюсь съ вами своими наблюденіями... А вѣдь признайтесь,—вдругъ обернулся онъ ко мнѣ лицомъ и зорко взглянулъ мнѣ въ глаза:—вы напишете, напечатаете и продадите мой разсказъ, да кстати опишете и меня.

— Еще бы! -улыбнулся я.—Разсказъ настолько же поучителенъ, насколько поучительны и вы сами. Не будь семействъ

Digitized by Google

въ родѣ Невѣкиныхъ, не было бы и холостяковъ въ родѣ господъ Клименко...

— Пожалуй, что вы и правы,—согласился онъ, удобно откидываясь къ спинкѣ коляски и протягивая впередъ ноги.

— Второй мой разсказъ объ «отцахъ и дѣтяхъ»,—началъ Клименко, спустя минуту, но я остановилъ его движеніемъ руки.

— Не лучше ли поговорить объ этомъ въ другое время,—замѣтилъ я.—Теперь же вы меня завезете домой...

III.

Кукушка стараго времени.

— Вы знаете Макаревскихъ?—спросилъ меня на-дняхъ Клименко, бродя со мною по Невскому проспекту.

— Какихъ Макаревскихъ?—спросилъ я, въ свою очередь.

— Да все равно, какихъ... Я думаю, что всѣ Макаревскіе непремѣнно дѣти Ѳедосьи Андреевны Макаревской,—съ усмѣшкой отвѣтилъ Клименко.—Я вспомнилъ о ней и ея дѣтяхъ совершенно случайно... вѣроятно, вслѣдствіе встрѣчи вонъ съ этимъ господиномъ...

Клименко указалъ глазами на оборваннаго и полупьянаго нищаго въ форменномъ сюртукѣ и въ фуражкѣ съ кокардой, только-что подходившаго къ намъ съ просьбою о милостынѣ «отставному военному, проливавшему кровь»...

— Ѳедосью Андреевну я помню съ самыхъ раннихъ лѣтъ моего дѣтства,—началъ Клименко свой разсказъ, не торопливо проходя подъ руку со мною по Невскому.—Но страннымъ образомъ мое воспоминаніе о ней неразрывно связывается съ воспоминаніемъ о томъ, что у нея крестили ребенка. На свѣтѣ есть много такихъ людей, про которыхъ нельзя вспомнить, не вспомнивъ объ извѣстной обстановкѣ. Такъ, я зналъ одного армейскаго прапорщика, котораго я никогда не могъ вспомнить иначе, какъ запыхавшимся, облитымъ потомъ и ангажирующимъ десятую дѣвицу на галопъ... Ѳедосью Андреевну я тоже не могу вспомнить, не вспомнивъ въ то же время о крестинахъ ребенка. Эта матушка-помѣщица старыхъ временъ была настолько добродѣтельною женой, что неизмѣнно каждый годъ доказывала свою вѣрность мужу рожденіемъ новаго ребенка. Другіе помѣщики изъ нашихъ сосѣдей справляли дни своихъ именинъ и рожденій, когда же насъ приглашали къ Макаревскимъ, то мы такъ и знали, что насъ приглашаютъ на крестины. Я за-

Digitized by Google

труднился бы теперь назвать вамъ по именамъ всѣхъ дѣтей Ѳедосьи Андреевны; я достовѣрно могу сказать, что всѣ они были Ивановичи и Ивановны, такъ какъ самого счастливаго отца семейства Макаревскихъ звали Иваномъ Ѳедоровичемъ, и такъ какъ дѣти всѣ до одного были несомнѣнно законныя. Впрочемъ, Ѳедосьѣ Андреевнѣ было и недосугъ баловаться при ея плодовитости... Но я обрисовалъ бы вамъ не вполнѣ Ѳедосью Андреевну, сказавъ, что я воспоминаніе о ней соединяю только съ воспоминаніемъ о крестинахъ ребенка. Нѣтъ. Когда насъ звали къ Макаревскимъ, мы знали, что у нихъ крестины. Но когда насъ не звали къ Макаревскимъ—мы тоже напередъ знали, что Ѳедосья Андреевна, вѣрно, отсутствуетъ и хлопочетъ о томъ, куда бы «пристроить» своихъ дѣтей или, какъ она выражалась, «свою мелюзгу».

— Ну, какъ здоровье Ѳедосьи Андреевны?—спрашиваютъ, бывало, у Ивана Ѳедоровича, когда онъ заѣзжалъ къ намъ.

— Не знаю, не знаю... Она уѣхала, хлопочетъ пристроить куда-нибудь нашего мальчика,—заботливо и грустно отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Только опасаюсь я за нее... Она, знаете, въ интересномъ положеніи поѣхала въ Петербургъ—мало ли что можетъ случиться... Женщина тоже слабая... Такъ это меня тревожитъ, даже сны нехорошіе вижу... право!

— Куда же вы думаете пристроить ребенка?

— Въ Александровскій корпусъ хлопочемъ. Вотъ дочь въ прошломъ году свезли въ институтъ. Едва успѣешь одного поднять на ноги,—глядишь, Богъ другого даетъ... Столько хлопотъ!

— И дѣйствительно, такъ это и шло у нихъ: то они зовутъ на крестины одного изъ Макаревскихъ, то Ѳедосья Андреевна «пристраиваетъ» другого изъ Макаревскихъ и такъ безъ конца: крестины и пристройка, пристройка и крестины ребятъ. И какъ умѣла Ѳедосья Андреевна пристраивать дѣтей, такъ это и вообразить трудно. Объѣздитъ десятокъ вліятельныхъ лицъ, въ двадцати пріемныхъ комнатахъ продежуритъ, съ сотнею писарей и чиновниковъ переговоритъ, безъ счету прошеній напишетъ, а своего добьется. У нея даже образцы прошеній, написанные чиновниками разныхъ вѣдомствъ, хранились на случай: въ одномъ очень трогательно она называла себя «матерью, удрученною многочисленнымъ семействомъ», въ другомъ она униженно «припадала къ стопамъ», сообразуясь въ каждомъ

Digitized by Google

случаѣ съ характерами тѣхъ лицъ, къ которымъ приходилось обращаться. И зато были у нея дѣти и въ Александровскомъ корпусѣ, и въ Орловскомъ, и въ Аракчеевскомъ въ Новгородѣ, и въ Елизаветинскомъ, и въ Смольномъ институтахъ, и на Николаевской, и на Александровской половинахъ. Однимъ словомъ, это была вполнѣ «кукушка».

— Позвольте, почему вы ее называете кукушкой?—спросилъ я.

— Да говорятъ, что кукушка въ чужія гнѣзда свои яица кладетъ для высиживанія,—серьезно отвѣтилъ Клименко.— Самъ я не видалъ этого, но говорятъ, что такъ...

Я разсмѣялся.

— И точно, о своемъ гнѣздѣ, подобно большинству дѣльповъ и спеціалистовъ, она мало заботилась,—продолжалъ Клименко.—Въ свое гнѣздо она пріѣзжала только рожать, да крестить дѣтей и, оправившись отъ родовъ, съ новымъ доказательствомъ своего супружескаго счастія уже мчалась пристраивать подрастающаго ребенка, такъ что Иванъ Ѳедоровичъ большую часть года вдовствовалъ, оставленный на попеченіе разныхъ ключницъ, нянекъ, дворовыхъ дѣвокъ, поваровъ, кучеровъ и тому подобной челяди. Безъ надзора хозяйки управленіе домомъ шло, надо признаться, довольно плохо, тѣмъ болѣе, что самъ Иванъ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ нераспорядительный, любившій болѣе всего предаваться созерцанію. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ ротмистромъ въ отставку, онъ оставилъ всякія дѣла, ожирѣлъ, обрюзгъ, облекся въ халатъ и зажилъ созерцательною жизнью. Въ туфляхъ, надѣтыхъ на босую ногу, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, съ трубкою въ зубахъ, онъ проводилъ дни, или сидя у окна и смотря по цѣлымъ часамъ на давно знакомый ему, заросшій травою или занесенный снѣгомъ дворъ, или любуясь дружескою игрою собаки съ кошкой, или раскладывая «Наполеошку» съ желаніемъ угадать, пристроитъ или не пристроитъ ребенка Ѳедосья Андреевна. Среди этихъ созерцаній онъ не замѣчалъ, по скольку дней не сметались пыль и паутины, какъ готовился ему и дѣтямъ обѣдъ, что выдѣлывали его подростки, иногда доходившіе до такихъ продѣлокъ, что дворня теряла голову и только ждала той минуты, когда «пристроятъ» хоть одного изъ этихъ головорѣзовъ, которыхъ никто не сдерживалъ, никто не наказывалъ, и которымъ только въ крайнихъ случаяхъ говорили:

— Погодите! погодите! вотъ пристроятъ васъ въ корпусъ, тогда крылья-то опустите!

Digitized by Google

Иванъ Ѳедоровичъ не скучалъ, не тяготился этою жизнью и только иногда съ чувствительнымъ вздохомъ замѣчалъ на вопросъ знакомыхъ о томъ, какъ онъ поживаетъ:

— Вотъ все Ѳедосью Андреевну поджидаю... Безъ нея, знаете, точно вдовецъ.

И когда Ѳедосья Андреевна возвращалась, онъ на-время оживалъ, самодовольно улыбался, смотрѣлъ не то оторопѣвшимъ, не то запыхавшимся, и съ выраженіемъ счастливаго кота ходилъ по пятамъ за своею супругою, поминутно цѣлуя ея «пальчики».

— Измучилась ты, мамочка?—сладко шепталъ онъ.

— Соскучился ты, папочка?—также сладко говорила она.

Они переживали медовый мѣсяцъ, и ужъ тутъ, конечно, имъ было не до дѣтей, тѣмъ болѣе, что нечего было много и думать о дѣтяхъ, такъ какъ ихъ надѣялись скоро «пристроить», и они могли «на послѣдяхъ» дѣлать, что имъ угодно.

Трудно было бы найти болѣе любящихъ супруговъ и болѣе незлобивыхъ простяковъ, чѣмъ Макаревскіе, но я увѣренъ, что они пришли бы въ серьезное негодованіе, если бы общество или государство рѣшилось отказать имъ на просьбу «о пристройкѣ» ихъ дѣтей и предложило имъ самимъ воспитывать ребятъ. Нельзя сказать, чтобы они не любили своихъ дѣтей, но они не понимали, для чего они стали бы воспитывать сами этихъ дѣтей, когда есть казенные корпуса и институты. Зная о существованіи этихъ заведеній, они нисколько не заботились о томъ, сколько у нихъ дѣтей, и не задавались вопросомъ о томъ, во что обойдется воспитаніе этихъ дѣтей. Макаревскіе смотрѣли на дѣтей, какъ на казенную собственность, отъ которой казна должна была непремѣнно избавлять ихъ въ извѣстное время.

Клименко на минуту смолкъ и потомъ обратился ко мнѣ:

— Я думалъ въ нѣсколькихъ словахъ передать вамъ воспоминанія моихъ дѣтскихъ лѣтъ о Макаревскихъ; но теперь вижу, что эти воспоминанія не вполнѣ характеризуютъ Макаревскихъ, и что мнѣ нужно передать вамъ дальнѣйшія мои встрѣчи съ ними. Разсказъ выйдетъ слишкомъ длиненъ, чтобы его передать на улицѣ... Не зайдемъ ли мы позавтракать къ Вольфу? Тамъ я вамъ доскажу остальное...

Я охотно согласился на предложеніе.

— Вотъ тѣ воспоминанія, которыя я вынесъ о Макарев-

Digitized by Google

скихъ во времена моего далекаго дѣтства,—продолжалъ Клименко, когда мы уже сидѣли въ ресторанѣ Вольфа за завтракомъ.—Потомъ моя семья переѣхала въ Петербургъ, и Макаревскіе потерялись у насъ изъ виду... Прошло нѣсколько лѣтъ, мнѣ уже шелъ шестнадцатый годъ, когда мы случайно познакомились съ одной не особенно богатой вдовой учителя, Амаліей Ѳедоровной Габерштадтъ. Эта женщина существовала небольшой пенсіей, содержаніемъ пансіонеровъ и заработками двухъ дочерей, занимавшихся шитьемъ и уроками. Впрочемъ, главнымъ образомъ, эта семья могла существовать потому, что у нея была великая способность питаться болѣе духовною пищею, чѣмъ матеріальною, и сохранять поэтическіе восторги и порывы, даже питаясь картофелемъ, габерсупами, форшмаками и котлетами изъ селедокъ, смѣшанныхъ съ булкой. При такомъ взглядѣ на жизнь эта семья была вполнѣ весела и счастлива. Въ дни рожденій и именинъ здѣсь члены семьи набирали какихъ-нибудь полевыхъ цвѣтовъ или свѣжихъ березовыхъ, кленовыхъ и дубовыхъ листьевъ, сплетали изъ этой зелени гирлянды и вѣнки, украшали ими комнату и, устроивъ подобный сюрпризъ виновницѣ торжества, проводили день въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, хотя бы у нихъ въ этотъ день и не было ни одного лишняго гроша въ карманѣ. Впрочемъ, деньги и не были нужны имъ для веселья: разные Карлы Карловичи и Вильгельмины Карловны, приходившіе поздравить виновницу праздника, приходили въ такой же восторгъ отъ гирляндъ и вѣнковъ, какъ и сами хозяйки, и не требовали ничего, кромѣ возможности проплясать подъ разбитое фортепіано вальсъ въ три па или французскій кадриль съ самыми затѣйливыми фигурами. Если вдобавокъ ко всему этому подавался чай и бутерброды, то компанія была уже на верху блаженства и уносила съ собой на всю остальную жизнь воспоминаніе о томъ, какъ было весело на именинахъ у мадамъ Габерштадтъ въ такомъ-то году. Присутствуя однажды на такомъ торжествѣ, мы очень удивились, встрѣтивъ здѣсь одного изъ Макаревскихъ, семнадцатилѣтняго кадета. Онъ былъ здѣсь, какъ дома, развязно распоряжался танцами, шумно бѣгалъ въ кухню за бутербродами и за чаемъ для гостей, и, когда всѣ стали разъѣзжаться, остался ночевать у мадамъ Габерштадтъ.

— Вы какъ сюда попали, Коля?—спросила его моя мать.

— Я хожу въ отпускъ къ Габерштадтамъ,—бойко отвѣтилъ юноша.

Digitized by Google

— Развѣ ваша семья знакома съ мадамъ Габерштадтъ?

— Нѣтъ. Я познакомился съ племянникомъ мадамъ Габерштадтъ и теперь хожу къ нимъ.

— Вы, кажется, не одни здѣсь въ Петербургѣ. Вашъ братъ тоже въ корпусѣ.

— Да, братъ Александръ въ морскомъ корпусѣ, да двѣ сестры въ Смольномъ.

— А вашъ братъ здѣсь же?

— Нѣтъ, онъ ходитъ къ капитану Маевскому, тотъ его очень полюбилъ, въ театры возитъ съ собой, катаетъ, совсѣмъ избаловалъ. Ему счастье! Впрочемъ, я не завидую ему. Мнѣ тоже здѣсь весело. Капитанъ Маевскій холостякъ, а здѣсь барышни, танцуютъ часто. Конечно, онѣ нѣмки, но ничего—веселыя.

Мальчикъ былъ разбитной и угловатый, съ кадетскими взглядами.

— А вы развѣ тоже знаете Колю?—спросила подошедшая мадамъ Габерштадтъ у моей матери.

— Да, наше имѣніе находится по сосѣдству съ имѣніемъ его родителей,—отвѣчала матушка.

— Ахъ, какое почтенное семейство!—восторженно произнесла мадамъ Габерштадтъ.—Матушка Коли такая милая дама!

— Такъ вы и ее знаете?

— Да, какъ же!.. не лично, по по письмамъ, она мнѣ всегда поклоны посылаетъ и поздравляетъ меня въ письмахъ. Вотъ и нынче прислала такое письмо, пишетъ: «берегите, ради Бога, нравственность моего мальчика, какъ мать». О, я понимаю, каково должно быть для матери жить вдали отъ своего ребенка. Я, кажется, не перенесла бы, если бы моя Мальхенъ или Минна уѣхала отъ меня, да и Мальхенъ и Минна не пережили бы этого.

Она взглянула любовными глазами на свою семнадцатилѣтнюю, бѣловолосую и голубоглазую Мальхенъ, танцовавшую кадриль, и та, точно почуявъ этотъ взглядъ, подлетѣла, какъ на крылышкахъ, къ матери, обняла ее, звонко поцѣловала въ голову и снова, вся раскраснѣвшаяся, продолжала кадриль.

— Вы видите, развѣ мы можемъ разстаться! Нѣтъ, мы не можемъ разстаться!—съ увлеченіемъ произнесла мадамъ Габерштадтъ.—И я понимаю, каково должно быть мамашѣ Коли.

— Вы добрая женщина,—проговорила моя мать, знавшая недостаточность средствъ госпожи Габерштадтъ.

Digitized by Google

— Жаль, что мы не можемъ доставить мальчику какихъ-нибудь удовольствій или быть чѣмъ-нибудь полезными его сестрамъ,—съ грустью вздохнула мадамъ Габерштадтъ.—Онѣ, бѣдныя, такъ скучаютъ въ институтѣ. Мамаша Коли просила насъ навѣщать ихъ. Мы бываемъ тамъ. Мои Мальхенъ и Минна носятъ имъ иногда бездѣлицы, конфетъ или яблоковъ... но мы не можемъ многаго... наши средства не позволяютъ...

Моей матери стало какъ-то неловко и тяжело и, возвращаясь отъ Габерштадтовъ домой, она горячо осуждала Макаревскихъ...

— Бросили дѣтей на чужія руки и не заботятся о нихъ,—говорила она отцу.—Хороши отецъ и мать!

Черезъ нѣсколько дней насъ совершенно неожиданно, безъ всякаго приглашенія съ нашей стороны, посѣтилъ Коля Макаревскій.

Онъ разговорился со мною о Габерштадтахъ.

— Нѣмки онѣ добрыя, только такія цирлихъ-манирлихъ,—разбитымъ тономъ говорилъ онъ.—Все у нихъ сентиментальности на умѣ. Выстираютъ мнѣ перчатки къ воскресенью и точно какой-нибудь подарокъ дѣлаютъ, съ такой торжественностью ихъ поднесутъ: «Вотъ вамъ, Коля, и перчатки Мальхенъ приготовила!»—передразнилъ онъ сладкій голосокъ мадамъ Габерштадтъ.—Удивительная невидаль! Если бы мать присылала денегъ побольше, такъ мнѣ бы и въ магазинѣ за гривенникъ вымыли перчатки! А тутъ такъ и видишь, что на благодарность лѣзутъ! Впрочемъ, я Мальхенъ благодарю,—лукаво подмигнулъ онъ.—Она ничего что нѣмка, а аппетитная булка! Я ее разъ такъ затискалъ да расцѣловалъ, что она даже разревѣлась! Жаловаться хотѣла и потомъ двѣ недѣли дулась. Да меня не проведешь! Знаю я, чего онѣ хотятъ, эти вздыхающія дѣвчонки! Небось, вздумай я на ней жениться, такъ съ ручками и ножками выскочитъ. Мать тоже моя изъ ума выжила, пишетъ: «Я очень рада, что ты посѣщаешь скромный семейный домъ, но ради Бога остерегайся, чтобы тебя какъ-нибудь не женили эти люди. Вѣдь эти бѣдныя нѣмки только и думаютъ, какъ бы сдать съ рукъ своихъ дочерей, потому онѣ, можетъ-быть, и тебя прикармливаютъ». Нѣтъ, дудки, меня-то ужъ на кривой не объѣдутъ. Я не какую-нибудь нѣмку безъ состоянія могу подцѣпить въ провинціи, когда въ офицеры выйду. У насъ въ провинціи за офицера любую купеческую дочь отдадутъ,—только бери. Да чего!—вотъ въ про-

Digitized by Google

шломъ году вышелъ отъ насъ въ Нижній-Новгородъ Иванъ Реденъ, такъ вѣдь такую невѣсту подцѣпилъ, что— ахъ! А онъ и вышелъ-то въ гарнизонъ, да и самъ маленькій ростомъ и носъ съ пуговку. На такого тоже ужъ не очень невѣста позарится, коли она хоть что-нибудь смыслитъ!

Онъ довольно долго говорилъ въ этомъ тонѣ, изумляя меня словами и понятіями, совершенно еще незнакомыми мнѣ. Потомъ онъ перешелъ къ разсказамъ о своемъ братѣ Александрѣ.

— Гуляка этотъ Маевскій,—объяснилъ онъ мнѣ:—и для брата ничего не жалѣетъ, вмѣстѣ съ нимъ и кутитъ. Они совсѣмъ друзьями сдѣлались. Только споитъ онъ, бестія, Сашку и фанфарономъ сдѣлаетъ. Тотъ уже и теперь фыркаетъ—перчатки не перчатки, часы не часы. Да чего! ему уже въ корпусѣ тяжело жить! «У насъ, говоритъ, даже эта говядка съ душкомъ дается!» Это привыкъ, что Маевскій ему соусы въ разсоляхъ подаетъ, лишь бы онъ не блажилъ. А мать—дура, право, дура—радуется, что Сашка отъ нея теперь денегъ ни на что не проситъ, а потомъ онъ ей глаза протретъ, когда Маевскій наряжать да подкармливать его не станетъ. Теперь онъ и передо мною носъ задираетъ—да мнѣ что! Я знаю, что это не надолго, что ему же хуже будетъ, когда выйдетъ во флотъ. На мичманское жалованье не разгуляешься, въ Кронштадтѣ или въ плаваніи невѣсты богатой не поддедюлишь, а Маевскій теперь его балуетъ, а потомъ и забудетъ. Только и останется у него отъ этой дружбы что пьянство на память. Вотъ такъ же брата Павла въ Орлѣ архіерейскіе пѣвчіе вѣдь совсѣмъ споили. Возжался, возжался съ ними, ходилъ къ нимъ по праздникамъ, матери просвирки посылалъ, а теперь мать же и плачется: «и въ кого это ты, говоритъ, пьяницей сдѣлался». А у него только одинъ ей отвѣтъ: «ты, братецъ, ничего не понимаешь!» Это онъ въ привычку взялъ всѣмъ говорить: «братецъ». Шутъ, совсѣмъ шутъ гороховый вышелъ: пьетъ и канты басомъ выводитъ—вотъ и все, чему научился.

Мнѣ тогда были еще «новы всѣ впечатлѣнья бытія», и потому я не мало дивился и разсказамъ, и жаргону этого кукушкина сына. Впрочемъ, мнѣ не часто приходилось бесѣдовать съ нимъ. Мои отецъ и мать принимали его холодно и сухо, и онъ не могъ найти особеннаго удовольствія въ сближеніи со мною. Мы слышали о немъ только отъ госпожи Габерштадтъ, которая продолжала заботиться о

Digitized by Google

немъ съ самою искреннею любовью. Однажды она даже чуть не захворала, вслѣдствіе того, что Коля Макаревскій простудился или объѣлся на Рождествѣ и заболѣлъ у нея въ домѣ горячкою. Въ эти дни она совсѣмъ потеряла голову: она боялась отправить его въ корпусную больницу и въ то же время боялась, что онъ заразитъ и ея дочерей, и ея пансіонеровъ, такъ какъ она считала всѣ горячки прилипчивыми. Кромѣ того, у нея въ это время почти не было денегъ, и ей приходилось занимать гроши, чтобы больной не нуждался ни въ чемъ. Добрая душа въ эти дни походила на насѣдку, которая не знаетъ, что дѣлать со своими цыплятами, находящимися въ опасности. Она была и жалка, и смѣшна. То ей казалось, что больному непремѣнно нужно варенье, то ее смущала мысль, что, съ одной стороны, ея дочерямъ неловко ходить за молодымъ человѣкомъ, и что, съ другой стороны, онѣ могутъ заразиться сами, то ей приходило въ голову, что только молодыя дѣвушки и могутъ, какъ любящія сестры, облегчить страданія «бѣднаго сироты», какъ она теперь называла юношу. Но болѣе всего убивала ее мысль о томъ, какъ должна страдать мать этого юноши, не имѣющая возможности, вслѣдствіе наступившихъ родовъ, пріѣхать къ умирающему сыну. Толки объ этихъ страданіяхъ матери наполняли цѣлые вечера въ семьѣ госпожи Габерштадтъ и принимали иногда чисто фантастическіе размѣры.

— Что, мама, если онъ умретъ раньше, чѣмъ выздоровѣетъ его мамаша!—говорила Мальхенъ.

— О, Мальхенъ, не говори мнѣ этого!—восклицала мать.

— А я, мама, тоже объ этомъ думала сегодня,—замѣчала Минна.

— Дѣти, дѣти, это не къ добру! У меня тоже была всю ночь эта мысль въ головѣ,—восклицала мать.—Если его мама пріѣдетъ, а онъ будетъ лежать у насъ на столѣ,—она не вынесетъ этого и упадетъ у его трупа.

— Но, мама, вѣдь у нея грудной ребенокъ теперь, онъ тоже можетъ погибнуть, если она умретъ или сойдетъ съ ума,—соображала Мальхенъ.

— О, да, да! Я именно этого и боюсь! Я нарочно писала ей, что ему лучше, что онъ поправляется! Пусть лучше она не пріѣзжаетъ, думая, что онъ не опасно боленъ.

— Да, а какъ потомъ мы объяснимъ ей, если онъ умретъ?—спрашивала Минна.

— Вѣдь это еще болѣе поразитъ ее,—заявляла Мальхенъ.

Digitized by Google

— О, я потеряла голову! я потеряла голову!—хваталась руками за голову мать.

И такъ безъ конца шли опасенія, восклицанія, вздохи и слезы, а фантастическія картины все расширялись. Нужно отдать справедливость семейству мадамъ Габерштадтъ, оно нисколько не опечалилось, а даже напротивъ того обрадовалось, когда Коля Макаревскій сталъ поправляться, то-есть, обманулъ всѣ ихъ ожиданія трагической развязки. На это способны очень немногіе люди, дѣлающіе недовольную мину, когда имъ приходится протѣсниться сквозь собравшуюся на улицѣ толпу и увидать, вмѣсто окровавленнаго, раздавленнаго лошадьми человѣка, какую-нибудь пьяную бабу, сидящую въ грязи и ругающую площадными словами городового. Повторяю, семейство мадамъ Габерштадтъ не разсердилось на Колю Макаревскаго, что онъ обманулъ ихъ ожиданія и не умеръ. Добрые люди обрадовались его выздоровленію до того, что готовы были надѣлать всякихъ глупостей подъ вліяніемъ охватившаго ихъ восторга и не только ухаживали всѣ за выздоравливающимъ, но даже готовили ему сюрпризы. Мальхенъ вязала ему какой-то бисерный кошелекъ, Минна вышивала закладку, а сама госпожа Габерштадтъ сшила ему полдюжины «военныхъ галстуковъ».

Къ сожалѣнію, юноша находился еще въ раздражительномъ настроеніи духа послѣ болѣзни и вовсе не былъ тронутъ сюрпризами, а только замѣтилъ:

— Что мнѣ въ этихъ пустякахъ! Вы бы лучше написали моей матери, пока я былъ боленъ, чтобы она прислала денегъ, а то тутъ приходится терпѣть всякія лишенія безъ своего гроша въ карманѣ.

Какія лишенія приходилось ему терпѣть, онъ не сказалъ, но бѣдныя женщины мучились цѣлый вечеръ, придумывая, чего ему недостаетъ. Еще болѣе опечалило ихъ то, что имъ удалось случайно услышать, какъ выздоравливающій юноша говорилъ навѣстившему его брату Александру:

— Хорошо тебѣ, если тебѣ Маевскій ни въ чемъ не отказываетъ! А мое положеніе другое. Тутъ хоть бы и захотѣлъ чего, такъ не дадутъ. Кошелекъ какой-нибудь, пожалуй, свяжутъ, а что нужно, того и нѣтъ.

Впрочемъ, семья мадамъ Габерштадтъ получила и утѣшеніе за свои заботы и хлопоты. Когда Коля Макаревскій совсѣмъ оправился и ушелъ въ корпусъ, онѣ получили письмо и посылку отъ его матери. Она извѣщала ихъ, что

Digitized by Google

она записала ихъ имена въ свою поминальную книжку, и прислала госпожѣ Габерштадтъ на память собственной своей работы шерстяную, вязанную косыночку.

— Мама, мама, она даже во время болѣзни не забыла о тебѣ,—воскликнула Мальхенъ, примѣривая косыночку на голову и вертясь передъ зеркаломъ.

— И сама вязала! Больная вязала!—растроганно добавила Минна.

Мадамъ Габерштадтъ прослезилась...

Мнѣ было лѣтъ двадцать пять, когда судьба меня опять забросила въ родную глушь и снова столкнула съ Макаревскими, слетѣвшимися со всѣхъ концовъ Россіи въ отчій домъ. Это была стая вороновъ, почуявшихъ падаль. Дѣло въ томъ, что Иванъ Ѳедоровичъ въ одинъ прекрасный день объѣлся свинымъ саломъ и опился квасомъ, вслѣдствіе чего и отдалъ скоропостижно Богу свою незлобивую душу, не сдѣлавъ никакого распоряженія насчетъ имѣнія. Его дѣти только того и ждали. Боже мой, что эта была за картина! «Подлецъ!» «Я тебѣ морду сверну!» «Я тебѣ зубы выколочу!» стономъ стояло въ воздухѣ въ домѣ Макаревскихъ. Ѳедосья Андреевна, оторопѣвшая, растрепанная, въ чепцѣ, съѣхавшемъ на бокъ, не знала, что дѣлать—унимать ли дѣтей, или грабить, подобно имъ, свое собственное имущество.

— Вы мнѣ домъ-то, домъ-то хоть оставьте!—умоляла она.

— Отстаньте вы со своимъ домомъ! Вамъ законную часть выдѣлятъ!—кричали дѣти.

— А серебро-то, серебро вѣдь мое, въ приданое мнѣ дадено,—стонала она.

— Мы были, что ли, при вашемъ вѣнчаньи? Мало ли, что вы выдумаете, что за вами въ приданое дано, такъ-такъ вамъ все и отдать,—бѣсновались сыновья.

— Аспиды вы, аспиды!—кричала мать.

Она бросалась къ предводителю дворянства, къ исправнику, къ губернатору, къ сосѣдямъ.

— Грабятъ меня, собственныя дѣти грабятъ!—рыдала она передъ властями.—Судите ихъ, уголовнымъ судомъ судите за неповиновеніе!

— Позвольте, позвольте,—говорили ей.—Вы растолкуйте, чего вы хотите.

— Подъ судъ, подъ уголовный судъ хочу ихъ отдать!..

— Да за что же?

Digitized by Google

— За неповиновеніе, за неповиновеніе!

— Да вѣдь вы получаете законную часть имѣнія?

— Что я съ этой частью буду дѣлать! Мнѣ пусть домъ усадьбу отдадутъ, серебро мое отдадутъ. Чѣмъ я жить буду? Я ихъ пристропла, я ихъ на ноги поставила, а они грабятъ.

— Да вѣдь законъ вамъ даетъ право только на извѣстную часть имѣнія.

— Что мнѣ законъ, я не съ закономъ, а со своими собственными дѣтьми имѣю дѣло! Они должны повиноваться! Я мать, я приказываю отдать мнѣ, что мнѣ надо, а они меня грабятъ!

Растолковать ей, что ея дѣтей не за что было отдавать подъ судъ, не было никакой возможности. Она писала прошеніе за прошеніемъ и не унималась. Получивъ вездѣ отказъ на просьбы объ отдачѣ ея дѣтей подъ судъ и объ отобраніи у нихъ въ ея пользу имѣнія, она начала заваливать всѣ присутственныя мѣста и всѣхъ провинціальныхъ «особъ» прошеніями «о понужденіи ея дѣтей содержать мать, находящуюся въ престарѣлыхъ лѣтахъ». Много было съ нею хлопотъ властямъ, но едва ли не больше хлопотъ доставляла она своимъ сыновьямъ и дочерямъ, къ которымъ она поочередно пріѣзжала гостить. На другой же день послѣ своего прибытія къ кому-нибудь изъ своихъ дѣтей, она заводила старую пѣсню о грабежѣ ея имущества неблагодарными дѣтьми и уже черезъ два-три дня была на ножахъ съ тѣмъ изъ дѣтей, у котораго гостила. Черезъ недѣлю она уже бѣжала отъ этого «изверга рода человѣческаго» и подавала на него жалобу «начальству», требуя «понудить его содержать мать, находящуюся въ престарѣлыхъ лѣтахъ».

Мы кончили завтракъ и вышли изъ ресторана.

— Когда-нибудь я вамъ разскажу исторію «кукушки новой формаціи»,—сказалъ мнѣ на прощаньи Клименко. Это тоже интересный типъ, хотя и рѣже встрѣчающійся, чѣмъ кукушки старыхъ временъ,—эти матушки-помѣщицы, плодившія въ нашемъ возлюбленномъ отечествѣ дурочекъ-институтокъ и офицеровъ-бурбоновъ.

IV.

Конторщикъ.

— И куда это онъ могъ затеряться?—говорилъ Клименко, шаря въ ящикѣ письменнаго стола и перерывая бумаги.

Digitized by Google

— Да вы что ищете?—спросилъ я.

— Вотъ хотѣлъ вамъ подарокъ сдѣлать, — отвѣтилъ онъ.—Рукопись есть одна у меня, подходящая по содержанію къ моимъ разсказамъ, да первый листокъ куда-то затерялся... Впрочемъ, она и безъ этого листка понятна. Въ немъ не было ничего особеннаго, просто говорилось, что авторъ рукописи—одинъ бѣдный знакомый мнѣ юноша—за неимѣніемъ дѣла, сидя одиноко въ конторѣ наканунѣ Рождества, началъ писать свои мемуары. Эти мемуары остались неоконченными, по крайней мѣрѣ, мнѣ попалась въ руки только вотъ эта тетрадь, которою вы и можете распорядиться по своему усмотрѣнію...

— А если я ее напечатаю—авторъ не будетъ протестовать,—спросилъ я, просматривая рукопись.

— Ну, батенька, мертвые не протестуютъ. Авторъ этой рукописи умеръ въ злѣйшей чахоткѣ, оставивъ въ нищетѣ жену и ребенка. Прочитайте ее, уничтожьте или напечатайте—это ваше дѣло.

Я взялъ рукопись, прочелъ и теперь предлагаю ее читателямъ.

...У! какой сегодня морозъ, такъ и видно, что завтра Рождество. Я едва не отморозилъ ушей, спѣша въ своемъ легонькомъ пальто въ нашу контору. Къ несчастію, и въ конторѣ царитъ нынче холодъ, можетъ-быть оттого, что передъ закрытіемъ ее не сочли нужнымъ отопить, зная, что, кромѣ меня, въ нее не придетъ никто. А топить эти комнаты для меня не стоитъ! Что я такое? Простой конторщикъ и больше ничего. Я могу и въ холоду свести послѣдніе счеты, потому что это моя обязанность. Что-жъ—они и не ошиблись: волей-неволей я сдѣлалъ свою работу и теперь только ожидаю, когда явится мой принципалъ, чтобы просмотрѣть эти счеты. Онъ останется ими доволенъ: дѣла за послѣдній мѣсяцъ шли отлично, и онъ вполнѣ радостно можетъ встрѣтить праздникъ. Впрочемъ, онъ, вѣроятно, предчувствовалъ это. Сегодня утромъ, когда я явился сюда, онъ вышелъ ко мнѣ такой веселый, насвистывая какую-то арію изъ итальянской оперы и, безъ обычной своей суровости, любезно заговорилъ со мною:

— Ну, Иванъ Ивановичъ, просмотрите-ка наши книги, какъ идутъ наши дѣлишки,—сказалъ онъ мнѣ, кивнувъ головою.—Авось, дѣтишкамъ на елку что-нибудь перепадетъ.

Digitized by Google

Вы, надѣюсь, кончите работу къ пяти часамъ? Сегодня никто не помѣшаетъ.

— Я кончу скоро... у меня уже почти все провѣрено,— отвѣтилъ я.

— И отлично, и отлично,—весело проговорилъ онъ.— Вы у меня хорошій помощникъ... Плохо только, что вы все прихварываете...

Я струсилъ при послѣдней фразѣ, мнѣ показалось, что онъ можетъ отказать мнѣ отъ мѣста за то, что я все прихварываю. Про болѣзненныхъ людей всегда думаютъ, что они работаютъ меньше здоровыхъ.

— Я, кажется, не манкирую занятіями,—несмѣло замѣтилъ я.

— Что вы! что вы! Развѣ я объ этомъ говорю!—воскликнулъ онъ.—Мнѣ просто васъ жаль. Вы, вонъ, все кашляете. Вамъ нуженъ бы продолжительный отдыхъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Я въ сущности здоровъ... простудился только немного по осени,—пробормоталъ я.

Я боялся всегда, когда рѣчь заходила объ отпускѣ. Отпускъ мнѣ казался переходомъ къ отставкѣ. Уѣду я—меня нужно будетъ замѣнить кѣмъ-нибудь другимъ, тотъ можетъ оказаться способнѣе меня, и, когда я возвращусь изъ отпуска—мнѣ скажутъ:

— Вы уже болѣе не нужны.

Нѣтъ, я не могу разсчитывать на отпуски, на поправленіе здоровья въ отпуску! Да и какая польза выйдетъ изъ того, если я и поправлюсь въ отпуску? Вѣдь послѣ, оставшись безъ мѣста, захвораешь еще сильнѣе отъ холода и голода. Да если даже меня и не замѣнятъ другимъ во время отпуска, то работы въ мое отсутствіе накопится столько, дѣла придутъ въ такой безпорядокъ, что потомъ придется удвоить работу и снова израсходовать тѣ силы, которыя накопишь во время отдыха. Нѣтъ, ужъ лучше тянуть лямку, не снимая ее съ себя ни на минуту! Эти мысли мелькали въ моей головѣ, покуда я перебиралъ книги. Мой принципалъ въ это время сидѣлъ по другую сторону стола, откинувшись головою на спинку кресла, и, покуривая сигару, слѣдилъ пристальнымъ взглядомъ за мною. Мнѣ было какъ-то неловко и тяжело чувствовать на себѣ этотъ взглядъ. Конфузливый отъ природы, впечатлительный и мнительный отъ болѣзненности и бѣдности, я всегда смущался отъ пристальныхъ взглядовъ. И точно, вѣдь если люди пристально смотрятъ на кого-нибудь, то,

Digitized by Google

значитъ, они находятъ въ немъ что-нибудь особенное, необыкновенное, замѣчательное. А что же могло быть особеннаго, необыкновеннаго, замѣчательнаго во мнѣ? Не моя ли жалкая, сѣрая и болѣзненная фигура? Не мое ли истертое и выношенное платье? Не моя ли растерянная и придавленная физіономія? Нѣтъ, какъ хотите, а скверно сознавать, что люди, обративъ на тебя глаза, могутъ увидать только твое убожество и нравственное, и физическое, и матеріальное.

— Вы, кажется, женаты?—спросилъ меня мой принципалъ сквозь зубы, пуская тонкую струйку дыма.

— Женатъ,—отвѣтилъ я, краснѣя, точно сознавался въ преступленіи.

— И дѣти есть?—спросилъ онъ.

— Да, сынъ шести лѣтъ,—отвѣтилъ я и наклонился къ кассовой книгѣ, дѣлая видъ, что углубляюсь въ занятіе.

Но я чувствовалъ, угадывалъ, что мой принципалъ не спускаетъ съ меня своего взгляда.

— Что вы, вѣрно, по страстной любви женились?—спросилъ онъ.

— Да, по любви,—отвѣтилъ я глухо и сталъ передвигать костяшки на счетахъ.

Принципалъ вздохнулъ.

— Эхъ, молодость, молодость!—проговорилъ онъ съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ.—Вы, должно-быть, были очень молоды, когда женились?

— На двадцать второмъ году,—отвѣтилъ я.

— Ну, да!.. Въ эти годы умѣютъ любить, но не умѣютъ разсчитывать... На бѣдной, конечно?

— Да!

Принципалъ опять вздохнулъ.

— Вы на меня не сердитесь, что я васъ разспрашиваю о вашей внутренней жизни?—спросилъ онъ мягко.

Мнѣ сердиться! Да развѣ я смѣю сердиться на него! Я, краснѣя и запинаясь, пробормоталъ какую-то любезность.

— Я искренно расположенъ къ вамъ, — проговорилъ онъ:—и потому меня интересуетъ ваше положеніе. Вы, кажется, не кончили курса въ университетѣ?

— Да,—отвѣтилъ я.

— И вышли оттуда именно ради этой женитьбы?

Я промолчалъ, стыдясь признаться, что онъ угадалъ правду.

— Къ несчастью, теперь безъ связей или безъ диплома изъ какого-нибудь высшаго спеціальнаго учебнаго заведе-

Digitized by Google

нія трудно составить себѣ прочное положеніе и карьеру,— продолжалъ онъ.—При томъ же женатому, семейному человѣку представляется менѣе возможности выбирать мѣсто, выжидать, рисковать. Тутъ поневолѣ берешься за первый попавшійся трудъ. Вотъ и вамъ приходится прозябать здѣсь, хотя я знаю, что васъ не можетъ вполнѣ удовлетворить и обезпечить это мѣсто. Вамъ надо подумать о будущемъ...

Я опять начиналъ робѣть, точно онъ уже отказывалъ мнѣ отъ мѣста. Я пробормоталъ что-то въ родѣ того, что я доволенъ своимъ положеніемъ.

— Полноте, можно ли быть довольнымъ пятьюдесятью рублями жалованья, имѣя на рукахъ семью,—промолвилъ онъ, пожимая плечами.—Вамъ надо подумать о будущемъ, семья ваша можетъ прибавиться, нужды возрастутъ, а я, къ сожалѣнію, не могу увеличить ваше жалованье настолько, чтобы удовлетворить вполнѣ вашимъ потребностямъ. Вы знаете, что вы здѣсь не одни, содержаніе конторы обходится и безъ того дорого. Нынче не легко жить!

У меня вертѣлась на языкѣ просьба о томъ, чтобы онъ не заботился о прибавкѣ, но только бы не выгонялъ меня.

— Я къ вамъ привязался, какъ къ симпатичной, скромной личности, и потому меня заботитъ ваше положеніе,— продолжалъ онъ.—Я постараюсь что-нибудь сдѣлать для васъ. Мнѣ было бы тяжело потерять въ васъ хорошаго работника. Но все же я первый посовѣтую вамъ перейти на другое мѣсто, если оно будетъ выгоднѣе. Я самъ готовъ похлопотать объ этомъ...

Онъ посмотрѣлъ на часы, всталъ и потянулся.

— Однако, мнѣ пора! До свиданья!

Онъ вышелъ. Я остался одинъ въ этой просторной, высокой комнатѣ съ желтыми конторками, съ желтыми письменными столами, съ желтою неудобною мебелью, съ бѣловато-сѣрыми, голыми стѣнами, безъ драпировокъ, безъ занавѣсокъ, безъ картинъ, и какое-то жуткое чувство овладѣло мною въ этой неуютной, нежилой и вѣявшей холодомъ обстановкѣ, смотрѣвшей еще непривѣтливѣе въ этотъ сѣрый день, съ снѣжными тучами, безъ грѣющихъ лучей солнца, безъ голубого неба. Опустивъ на лѣвую руку голову, я машинально перевертывалъ правою рукою страницы конторскихъ книгъ, провѣрялъ цифры, итоги, реестры,—но все это было уже мною подготовлено раньше: вчера, третьяго дня, и, въ сущности, у меня не было теперь дѣла. Я могъ бы даже не придти сегодня въ контору, подобно

Digitized by Google

другимъ моимъ сослуживцамъ—моимъ начальникамъ и моимъ холостымъ товарищамъ—но я пришелъ сюда сегодня, въ этотъ день, о которомъ я уже давно мечталъ, какъ о рѣдкомъ днѣ отдыха,—пришелъ потому, что мой принципалъ сказалъ мнѣ вчера:

— А вы, Иванъ Ивановичъ, зайдите завтра: мы просмотримъ и провѣримъ съ вами книги.

У меня не повернулся языкъ сказать ему, что я уже все кончилъ и что онъ можетъ теперь же пересмотрѣть книги, не безпокоя меня завтра. Я боялся, что онъ сочтетъ мои слова за выраженіе неохоты придти на службу, за желаніе украсть у него лишній день для себя на прогулъ. Я промолчалъ вчера и пришелъ сюда сегодня. И то сказать: отчего бы мнѣ и не придти сюда? отчего бы мнѣ и не сидѣть здѣсь безвыходно? Развѣ я уже не сросся съ этою конторою, развѣ я уже не сдѣлался ея частью, ея принадлежностью, ея недѣлимымъ, какъ эти столы, какъ эти конторки, какъ эти табуреты и стулья? Да, я давно уже превратился въ вещь, въ машину, въ орудіе.

— Иванъ Ивановичъ! занесите это въ приходную книгу! Это надо передѣлать, Иванъ Ивановичъ! Иванъ Ивановичъ, сходите и принесите книги за 1875 годъ! Сдѣлайте справку, Иванъ Ивановичъ, по дѣлу такого-то!

Я все это дѣлаю безмолвно, безотвѣтно, точно, аккуратно. Но бываютъ дни, когда мнѣ не приказываютъ, не даютъ справокъ, не поручаютъ переписокъ,—и я сижу сложа руки, потому что я самъ по своей иниціативѣ, безъ приказанія, безъ указанія, не могу, не умѣю, не имѣю права ничего дѣлать. Я машина, орудіе, третья рука завѣдывающихъ конторою, но я не человѣкъ. Но вѣдь былъ же и я когда-то человѣкомъ... О, да, былъ,—и горе мнѣ, именно потому, что я былъ человѣкомъ, что на память объ этой порѣ осталось мнѣ только одно воспоминаніе—моя семья, теща, жена и ребенокъ... Бѣдный мой мальчикъ, простишь ли ты меня, когда вырастешь, за то, что я осмѣлился быть человѣкомъ?..

Я не помню ни отца, ни матери, ни родныхъ! Чужіе люди меня выкормили, поставили на ноги, воспитали, обучили въ гимназіи. У меня никогда не было своего дома, я постоянно гдѣ-нибудь гостилъ, кѣмъ-нибудь призрѣвался, кому-нибудь одолжался. Вѣроятно, вслѣдствіе этого я сталъ слишкомъ тихимъ, застѣнчивымъ, осторожнымъ, и никогда

Digitized by Google

моя душа не могла быть нараспашку, такъ какъ я вѣчно боялся сѣсть на чье-нибудь мѣсто, сказать что-нибудь непріятное другимъ, съѣсть кусокъ, предназначенный не мнѣ. Только на семнадцатомъ году я узналъ, что значитъ «свой уголъ», низенькій, холодный, сырой, но все же «свой». Въ это время я сталъ жить уроками. Я бился съ нуждою, я терпѣлъ лишенія, но все же я чувствовалъ, что я имѣю право сидѣть у себя, гдѣ хочу, и ѣсть то, что купилъ на свои деньги. Правда, уроки, которыми я началъ жить, мѣшали мнѣ самому учиться, но я смотрѣлъ на это довольно равнодушно: меня никто не могъ упрекать за то, что я засиживался въ послѣднихъ классахъ гимназіи, меня никто не могъ поторопить поскорѣе кончить курсъ ученія, чтобы не сидѣть на чужой шеѣ. Я мечталъ, что я кончу ученіе двадцати лѣтъ, поступлю въ университетъ, потомъ изберу какую-нибудь спеціальность, не торопясь, не спѣша, не бросаясь на первое попавшееся дѣло. Я только не разсчиталъ одного: я не зналъ, что въ двадцать лѣтъ могутъ пробудиться такія потребности, которыя могутъ перевернуть вверхъ дномъ всѣ мои планы. Когда я кончилъ курсъ въ гимназіи, мнѣ навернулись очень выгодные уроки. Я зарабатывалъ до полутораста рублей въ мѣсяцъ. Это было цѣлое богатство въ моихъ глазахъ, и я, вѣчно томившійся въ нищетѣ, вѣчно страдавшій отъ недостатковъ, позволилъ себѣ нѣкоторыя удобства. Я нанялъ недурную комнату, прюдѣлся получше, сталъ ѣсть не впроголодь, посѣщалъ иногда театры, любилъ принять у себя товарищей.

— Не налюбуюсь я на васъ, что вы за прекрасный молодой человѣкъ,—говорила моя квартирная хозяйка, полная обрусѣвшая нѣмка, вдова какого-то гусара, женщина съ вкрадчивыми манерами, съ предупредительными улыбочками.—Вѣчно-то вы веселы и бодры, и работаете, и веселитесь въ мѣру, не такъ какъ другіе, у которыхъ сегодня густо, а завтра пусто.

Она начала все чаще и чаще заходить въ мою комнату и приглашать къ себѣ на чай. Я любилъ сидѣть съ нею. Она, воспитанная на мѣдные гроши, была не глупа, много путешествовала, много пережила, много видѣла, была хорошая разсказчица. Я узналъ, что когда-то она была богата, что у нея была семейная драма, что мужъ ее бросилъ для любовницы и умеръ, оставивъ съ малолѣтнею дочерью. Все это разсказывалось мелькомъ, съ пробѣлами, съ какими-то умолчаніями, невольно наводившими на мысль, что въ про-

Digitized by Google

шлемъ Маріи Карловны были тоже грѣшки, темныя пятна, проступки. Но что мнѣ было за дѣло до ея нравственности, до ея прошлыхъ грѣховъ: она была моя квартирная хозяйка и веселая собесѣдница—и только. Но меня влекла не одна ея веселая, разбитная болтливость. Мнѣ было пріятно болтать съ нею, видя около себя ея шестнадцатилѣтнюю дочь, съ бѣлыми, какъ ленъ, длинными косами, съ яркимъ молодымъ румянцемъ, съ темными бровями, съ бойкими сѣрыми глазками. Леля—такъ звали дочь Маріи Карловны—не была красавицей, не отличалась правильными чертами, но она дышала свѣжестью, здоровьемъ, бойкостью, шаловливостью. Она, какъ ребенокъ, любила прыгать, хохотать, пѣть,—и съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все необходимѣе и необходимѣе слышать этотъ смѣхъ, это пѣніе, эту болтовню. Иногда Леля забѣгала ко мнѣ, и мнѣ казалось, что въ мою комнату врывался лучъ весенняго солнца. Она сошлась со мною, какъ дѣвочка, какъ ребенокъ. Она иногда подкрадывалась ко мнѣ сзади, закрывала руками мои глаза и кричала:

— Угадайте, кто съ вами?

Порой она тормошила мои волосы, развязывала мой галстукъ, повязывала его снова затѣйливымъ бантомъ, подставляла мнѣ свою руку къ губамъ, говоря со смѣхомъ:

— Благодарите же за услуги!

Разъ я перелистывалъ какую-то иллюстрированную книжку Леля подошла ко мнѣ и нагнулась черезъ мое плечо, положивъ свою руку вокругъ моей шеи и почти касаясь лицомъ моей щеки. Мнѣ кровь бросилась въ голову.

— Какая вы хорошенькая!—невольно сорвалось у меня съ языка.

— Вы сами тоже хорошенькій!—сказала она.

Она пристально взглянула въ мои глаза, повернувъ руками къ себѣ мое лицо, и вдругъ горячо-горячо поцѣловала меня прямо въ губы.

— Любишь?—съ дѣтскимъ лукавствомъ спросила она.

Я обезпамятѣлъ. Я не помню, сколько разъ покрылъ я поцѣлуями это лицо. Она не противилась, не сознавала, что она поступаетъ неловко или дурно, и крѣпко обвивала руками мою шею.

— Хорошо тебѣ такъ?—спросила она, сидя у меня на колѣняхъ.—Всегда бы такъ быть вмѣстѣ, близко-близко другъ къ другу..

Я терялъ голову.

Digitized by Google

Лелю зачѣмъ-то кликнула мать. Она убѣжала безъ смущенія, безъ боязни, какъ бѣжитъ ребенокъ отъ своихъ игрушекъ. На другой день, ругая себя, каясь за свое поведеніе, я боялся на нее взглянуть, но она была попрежнему весела и рѣзва, и пришла ко мнѣ, какъ всегда, безъ потупленныхъ глазокъ, безъ дѣвической стыдливости, безъ жеманной застѣнчивости. «Она совсѣмъ дитя»,—подумалось мнѣ. Она опять обвила мою шею руками, поцѣловала меня въ щеку и спросила меня:

— Ты это что дѣлаешь?

Она уже говорила мнѣ «ты», громко, спокойно, не боясь, что кто-нибудь ее услышитъ.

— Лекціи читаю,—отвѣтилъ я.

— Ну, читай, а я сяду къ тебѣ на колѣни и, какъ котенокъ, буду смирно-смирно сидѣть.

Она хотѣла сѣсть, я отстранилъ ее рукою.

— Что это? ты сердишься за что-нибудь?—спросила она.

— Нѣтъ, Леля, но это нехорошо,—отвѣтилъ я.

— Что нехорошо?

— Вы уже не ребенокъ, Леля. Такъ съ мужчинами нельзя обращаться.

— Отчего же? Ты знаешь Александра Васильевича Строгова, того толстаго отставного гусара, что у насъ бываетъ? Онъ вотъ всегда меня цѣлуетъ и сажаетъ къ себѣ на колѣни. Только я не люблю его. Онъ такой толстый, и усищи у него противные. Я теперь даже не хожу къ нимъ. Знаешь, онъ насъ съ мамой пригласилъ разъ къ себѣ на дачу, тамъ пирушка была, мы танцовали, весело было, но меня такъ напоили шампанскимъ, что всѣ смѣялись надо мной, что я пьяна. А потомъ, мы съ мамой тамъ ночевали, и у меня утромъ даже горячка сдѣлалась, думали, что я умру. Съ тѣхъ поръ я на него сердита.

— Какъ это рѣшается ваша матушка возить васъ къ такимъ господамъ,—съ отвращеніемъ замѣтилъ я.

— Да онъ товарищъ папы, и въ то время, когда мы у него были на вечерѣ, онъ за маму большіе долги заплатилъ. Онъ намъ очень помогъ.

— Все же не слѣдуетъ съ такими господами знаться.

— Ну да, Богъ съ нимъ, что о немъ говорить! Ты вотъ не такой, ты хорошенькій, и я тебя очень, очень люблю!

Она прижалась ко мнѣ. У меня кружилась голова. Эти сцены повторялись часто: иногда Леля заставляла меня бѣгать съ нею по комнатѣ, иногда она жаловалась мнѣ,

Digitized by Google

что мать ее притѣсняетъ, порой она говорила, что ей противно, какъ гадкій старикашка Строговъ все лѣзетъ къ ней съ поцѣлуями. И все это лепеталось и дѣлалось чисто по-дѣтски. Она относилась ко мнѣ, какъ къ подругѣ. Ее не смущало, если я былъ безъ жилета; она не задумывалась прилечь при мнѣ на диванъ; она поручала мнѣ, не краснѣя, завязать ей повыше локтя нарукавники; она изумлялась, когда я говорилъ ей:

— Это неприлично! Что вы дѣлаете, Леля!

— Отчего нехорошо?—спрашивала она.

Изъ ея разсказовъ я узналъ многое, что освѣтило непривлекательнымъ свѣтомъ ея мать. Я узналъ, что одна самая парадная комната въ нашемъ домѣ нанята какимъ-то гвардейцемъ, который пріѣзжаетъ въ нее съ дамой, всегда покрытой вуалью.

— У нея старый мужъ, а она любитъ этого гвардейца, вотъ какъ я тебя, ну, они и пріѣзжаютъ, чтобы быть вдвоемъ,—поясняла Леля.

Потомъ я узналъ, что у ея матери были еще двѣ дочери, но ихъ отецъ отдалъ въ «воспитательный домъ», потому что онъ былъ тогда не женатъ на ея матери.

— Онъ все говорилъ, что это не его дочери,—объясняла она.—А какъ же онѣ не его, если мама была его женою?

Эта дѣтская наивность и въ то же время эта страстность дѣлали Лелю страннымъ существомъ. Я чувствовалъ, что она погибнетъ, какъ только случай сведетъ ее съ человѣкомъ, который воспользуется и ея неопытностью, и ея страстностью. Ея страстность проявлялась во всемъ: въ отношеніяхъ къ матери, къ подругамъ, ко мнѣ. Мнѣ было жаль этого ребенка, и въ то же время я не могъ его удержать въ границахъ приличія, не могъ растолковать ему, что такъ нельзя вести себя.

— Развѣ тебѣ непріятно, что я тебя цѣлую? Развѣ ты сердишься на меня? Что же можетъ выйти дурного изъ того, что я тебя ласкаю?—твердила она.

Иногда дѣло доходило до слезъ, и тогда мнѣ уже самому приходилось ласкать и цѣловать ея заплаканное личико. Я сознавалъ, что мнѣ нужно переѣхать отъ нихъ, иначе я не могъ ни учиться, ни сдерживаться. Я переѣхалъ. Но на другой же день Леля была у меня.

— Леля, какъ вы сюда попали?—воскликнулъ я.

— Да мнѣ скучно безъ тебя,—отвѣтила она.—Мама все ворчитъ, я одна, подругъ нѣтъ,—ну, пошла къ тебѣ.

Digitized by Google

Она насильно сѣла ко мнѣ на колѣни и какимъ-то дѣтски-молящимъ тономъ прошептала:

— Не гони меня, я тебя очень, очень люблю!

Она быстро наклонилась и поцѣловала мою руку.

— Вѣдь ты любишь меня? Да? Возьми меня къ себѣ. Не все ли равно тебѣ, буду ли я съ тобою жить или нѣтъ? Я вѣдь не стану тебѣ мѣшать. Ты будешь учиться, я буду шить, работать, потомъ вмѣстѣ пойдемъ гулять...

— Леля...

— Не говори, не говори! Я знаю, что ты возьмешь къ себѣ. Гостилъ же у тебя твой товарищъ? Вотъ и я также буду у тебя всегда гостить. Вотъ тутъ и мѣсто мнѣ будетъ на диванчикѣ. Я маленькая, мнѣ немного нужно...

— То товарищъ, мужчина гостилъ...

— Скажите, пожалуйста, точно не все равно! Вотъ я возьму, да и одѣнусь мальчикомъ, тогда и прогнать не посмѣешь, мужчиной буду...

Черезъ мѣсяцъ я былъ женатъ.

Блѣдный, точно похолодѣвшій, смотрѣлъ я куда-то въ сторону на другой день послѣ свадьбы...

— Ваня, ты за что-нибудь сердишься?—спросила Леля, обнимая и цѣлуя меня...

— И ты еще спрашиваешь!—съ горечью проговорилъ я.— Зачѣмъ ты не созналась раньше, что ты уже любила.

— Кого?—спросила она, смотря на меня въ недоумѣніи.

— Я думаю, ты это лучше меня знаешь!—воскликнулъ я.

— Я тебя не понимаю! Кто тебѣ насплетничалъ на меня? Я никого никогда не любила, кромѣ тебя!

— Такъ что же ты продавалась, что ли?—крикнулъ я.

Она смотрѣла на меня недоумѣвающими, откровенными глазами. Я былъ внѣ себя.

— Говори, говори, кто былъ тотъ негодяй, который увлекъ тебя!—кричалъ я, стискивая ея руку.

— Мнѣ больно, Ваня! Я не знаю, за что ты сердишься,—съ дѣтскими слезами проговорила она.

Я выпустилъ ея руки или, лучше сказать, онѣ выпали изъ моихъ рукъ. Въ это время вошла моя теща.

— Что это? Ты плачешь? О чемъ это?—спросила она невиннѣйшимъ тономъ у Лели.

Я не выдержалъ и сталъ упрекать тещу.

— Хорошо вы смотрѣли за дочерью! Вы меня нагло обманули!—кричалъ я, сжимая кулаки.

Digitized by Google

Но Марья Карловна только удивлялась и клялась, что она ничего не знала о паденіи дочери. Она даже допрашивала дочь, она горько упрекала ее за вѣтренность, за дурное поведеніе, она дѣлала видъ, что теряется въ догадкахъ насчетъ того, кто погубилъ Лелю. Я ушелъ и заперся въ своей комнатѣ, чтобы ничего не видать, чтобы ничего не слыхать. Я перебиралъ всѣ событія изъ прошлаго своей жены. Мало-по-малу и понялъ все, мнѣ припомнился разсказъ объ обращеніи съ нею старика Строгова и его сыновей, вечеринка у него, горячка, сдѣлавшаяся съ Лелей послѣ этой вечеринки, долги моей тещи, заплаченные Строговымъ послѣ этой пирушки. Мнѣ припомнился его радостный видъ на моей свадьбѣ, его обѣщанія позаботиться о насъ, двусмысленныя улыбки его сыновей, двухъ развращенныхъ фатовъ. Я пришелъ къ заключенію, что моя жена дѣйствительно ничего не знала о своемъ паденіи, что она была продана матерью. Но кто же ее погубилъ: Строговъ или его сыновья, или кто-нибудь другой изъ бывшихъ на пирушкѣ? Можетъ-быть, виновникъ былъ не одинъ; во всякомъ случаѣ знали объ этомъ многіе—это теперь мнѣ было ясно, когда я вспоминалъ всѣ физіономіи; всѣ взгляды, всѣ рѣчи развращенныхъ мужчинъ, названныхъ на мою свадьбу матерью Лели. Мнѣ стали противны всѣ эти люди, я боялся теперь встрѣтиться съ ними, боялся увидѣть ихъ двусмысленные взгляды. Я понималъ, что всѣ они, и Строговъ, и его сыновья, и товарищи ихъ, и мать Лели, знали о ея паденіи, и не знала, не помнила этого только она, поплатившаяся горячкою за вечеръ гнусной оргіи. Я рѣшился порвать всякую связь съ ними. Я такъ и сдѣлалъ. Но я не могъ растолковать Лелѣ ни значенія ихъ поведенія, ни необходимости удалиться отъ нихъ. Она смотрѣла на все со своей дѣтски-наивной точки зрѣнія, не понимая ни своего проступка, ни моего положенія обманутаго мужа. Я только теперь началъ понимать, что въ сущности у Лели недоставало одного — какого бы то ни было представленія о нравственности. Она выросла въ той средѣ, гдѣ развратъ практиковался беззастѣнчиво, открыто, свободно, какъ нѣчто нормальное, законное; она не понимала, почему она дѣвушкой не могла сидѣть у меня на колѣняхъ, она не понимала предосудительности свиданій у нихъ въ домѣ молодого офицера съ чужою женой, она не понимала меня, когда я говорилъ ей:

— Я уже оттого не приму къ себѣ ни одного изъ вашихъ

Digitized by Google

знакомыхъ, что буду подозрѣвать въ немъ твоего минутнаго любовника или буду бояться, что ему извѣстно твое прошлое.

— Да что же я такого дурного сдѣлала, Ваня?—со слезами говорила она.

Я начиналъ понимать, что и теперь, будучи замужемъ, она легко измѣнитъ мнѣ при первой ласкѣ какого-нибудь смазливаго мальчика, измѣнитъ безъ думъ, безъ размышленій, безъ упрековъ совѣсти, просто потому, что этотъ мальчикъ смазливъ, что онъ приласкалъ ее, что ей «не за что не любить его», что, наконецъ, «ей такъ хорошо»—это была та проклятая фраза, которую мнѣ повторяла до замужества Леля, когда я говорилъ ей о неприличіи ея обращенія со мною. Это не была глупость, это не была простая развратность натуры, это было просто полное отсутствіе понятій о нравственности. И то сказать, какія понятія о нравственности могли быть у Лели, выросшей подъ надзоромъ Маріи Карловны и Строгова. Марія Карловна, какъ я узналъ потомъ, существовала, главнымъ образомъ, отдачею комнатъ поденно различнымъ влюбленнымъ парамъ. Отставной гусаръ старикъ Строговъ получалъ главные доходы съ тѣхъ лицъ, которымъ онъ помогалъ въ дѣлахъ любви. Мнѣ приходилось открыть передъ Лелей цѣлый новый міръ этихъ понятій, разъяснить ей все, начиная съ азбуки нравственности. Только теперь понялъ я все это и увидалъ всѣ мелочи, которыя ускользали отъ меня прежде или казались мнѣ слѣдствіемъ дѣтской непорочности. Только теперь я замѣтилъ, что Леля не имѣетъ способности краснѣть отъ застѣнчивости; что ее не приводитъ въ стыдливое смущеніе обнаженное тѣло, что она любитъ его, какъ другіе любятъ цвѣты, наряды, вино, сласти, фрукты. За такой женой нужно было слѣдить.

Не весело пошла моя семейная жизнь, Леля сердилась на меня за то, что я разогналъ ея знакомыхъ, что я почти выгналъ изъ дому ея мать, что ей скучно сидѣть все одной. Рядомъ съ этими жалобами явились и другія жалобы: у меня недоставало средствъ порядочно одѣвать ее, она же не умѣла зарабатывать денегъ и не умѣла хозяйничать. При малѣйшихъ недостаткахъ она говорила мнѣ:

— Вотъ со Строговымъ разошелся, а онъ тебѣ и работу далъ бы, и мѣсто доставилъ бы! Выдумалъ всѣхъ гнать, кто меня любитъ,—теперь и сиди безъ знакомыхъ и безъ хлѣба. Жили бы у мамы—такъ и дешевле было бы, и веселѣе. А то тутъ считай каждый грошъ, да думай, чѣмъ накормить тебя...

Digitized by Google

О продолженіи университетскихъ занятій нечего было и думать. Я уже искалъ мѣста. Наконецъ, мѣсто нашлось здѣсь, въ конторѣ, съ пятьюдесятью рублями жалованья. Это было мало, но что же дѣлать, если другого мѣста я не могъ найти, а на уроки не смѣлъ разсчитывать, какъ на невѣрное средство къ существованію. У насъ же былъ уже ребенокъ. Я сталъ ходить въ контору, я занимался перепискою дома, я лѣзъ изъ кожи, но Леля не благодарила меня за это, не цѣнила моихъ трудовъ, не поддерживала меня: она видѣла только одно то, что у нея нѣтъ такихъ нарядовъ, какъ у встрѣчавшихся съ нею ея подругъ, что мы терпимъ недостатки, что Строговъ могъ бы дать мнѣ лучше мѣсто, что, живя у ея матери, мы были бы обезпеченнѣе, что я не вывожу ее никуда и самъ или отсутствую, или молча сижу за скучною перепиской. Этого было довольно для сотенъ, для тысячъ упрековъ.

— Ты меня не любишь, оттого ничего для меня и не дѣлаешь,—упрекала она меня.

Я говорилъ, что я ничего для нея не дѣлаю по недостатку средствъ,—она говорила:

— Иди къ Строгову! Переѣзжай къ мамѣ!

Я наотрѣзъ отказывался отъ этого,—она опять говорила, что я отказываюсь потому, что не люблю ея.

— Мама то же говоритъ,—плакала она.

— Гдѣ ты видѣла мать?—сердито спрашивалъ я.

— Гдѣ? У нея была. Не сидѣть же мнѣ все дома, одной.

— Ты ужъ и къ Строгову не ходила ли?

— А если бы и пошла, такъ что же? Тамъ меня всѣ любили и ласкали. Бывало, захочу въ театръ—сейчасъ ложу берутъ, вздумаю кататься—велятъ экипажъ заложить. Если я и дулась на Строгова, такъ потому, что онъ старый и противный, а Коля и Миша Строговы всегда были мнѣ друзьями, мы росли вмѣстѣ...

— Не смѣй мнѣ говорить о нихъ!—сердился я.

— Ну да, ты вѣдь всѣхъ ненавидишь, кто меня ласкалъ. Чѣмъ же я виновата, что они меня любили? Это ты только такой медвѣдь, что тебя никто не любилъ.

Иногда у насъ дѣло доходило до крупной брани, чаще же я плакалъ и молилъ Лелю понять наше положеніе, отбросить лишнія требованія, жить мирной и скромной жизнью. Но на нее не дѣйствовали ни брань, ни мольбы. «Ты меня не любишь, оттого такъ и держишь»,—вотъ все, что слышалъ я въ отвѣтъ. Оставалось только доказывать ей любовь

Digitized by Google

удвоеннымъ трудомъ, удвоеннымъ заработкомъ. Но домъ, хозяйство поглащали все, что добывалось трудомъ, и жалобы на недостатокъ развлеченій и нарядовъ слышались постоянно. Наконецъ, должно-быть, Леля утомилась жаловаться: я пересталъ слышать ея жалобы, пересталъ видѣть ея слезы. Я началъ радоваться этой перемѣнѣ; но мнѣ стали бросаться въ глаза новые наряды Лели.

— Откуда у тебя это платье?—спросилъ я однажды.

— Мама сдѣлала,—отвѣтила она.

— Не смѣй брать отъ нея подарковъ!

— Что же мнѣ оборванкой ходить? Сшей мнѣ такое платье, какъ это, вотъ я и не буду просить у мамы. Ты думаешь, мамѣ весело глядѣть, что я обтрепалась? Мама вонъ и то говоритъ, что я на себя стала непохожа. «Тебя, говоритъ, теперь и даромъ никто не возьметъ, если твой благовѣрный умретъ».

— Ты бы хоть не передавала мнѣ того, что говоритъ твоя мать!—подавленнымъ голосомъ молилъ я.

— Да, я вѣдь знаю, что ты не любишь со мной разговаривать!

Она даже перестала теперь ласкаться ко мнѣ. Она, кажется, чувствовала ко мнѣ что-то въ родѣ презрѣнія, отвращенія, гадливости.

И то сказать, я сталъ худъ, сухъ, сгорбился, состарѣлся; здоровье, свѣжесть, силы, румянецъ молодости—все ушло безвозвратно. Это чисто матеріалистическая, чувственная натура не могла уже найти наслажденія въ ласкахъ «скелета». Впрочемъ, нѣтъ! настало время, когда Леля опять начала ухаживать за мною, когда она приблизила опять меня къ себѣ. Но Боже мой! мнѣ даже гадко вспомнить объ этомъ! Это было сдѣлано для того, чтобы я не отрекся отъ *ея* ребенка,—говорю отъ *ея* ребенка, а не отъ *моего*, потому что моимъ ребенкомъ былъ только Саша, первое дитя, подаренное мнѣ Лелей. Да, она начала обманывать меня, она начала развратничать, но неумѣло, жалко, воображая о крупной наживѣ и попадаясь въ разставленныя ей сѣти даромъ, безъ барыша, съ печальною перспективой снова сдѣлаться матерью,—и какой матерью! которая проклинала свое дитя до его рожденія за то, что «ей было больно», какъ выражалась она. Я все это видѣлъ, чувствовалъ, угадывалъ и даже не могъ разстаться съ нею: разъ она сама ушла отъ меня къ матери, но мать черезъ недѣлю же поссорилась съ нею, выгнала ее, и она вернулась снова ко мнѣ, говоря,

Digitized by Google

что я долженъ ее кормить. Я позволилъ ей жить, я ее кормлю, но я работаю не для нея, а для Саши, для моего ребенка, для моего несчастнаго мальчика. Не будь его—я бросилъ бы работу, запилъ бы, пересталъ бы трусить, что мнѣ откажетъ отъ мѣста мой принципалъ. Теперь же я тяну свою лямку покорно, неустанно, изо дня въ день, чтобы только спасти отъ голода и холода свое дитя...

Я дописывалъ послѣднія строки, когда вернулся мой принципалъ. За нимъ внесли корзинку съ игрушками.

— Сюда, сюда неси, въ гостиную!—говорилъ онъ швейцару и носильщику, указывая имъ на дверь.—Приходится воровскимъ манеромъ черезъ контору все носить, чтобъ дѣти не узнали,—обратился онъ ко мнѣ.

Онъ весь сіялъ счастіемъ. Корзины внесли, черезъ контору въ его гостиную.

— Вы кончили просмотръ книгъ?—спросилъ онъ у меня, давая на водку прислугѣ.

— Да, не угодно ли просмотрѣть,—отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ... Чего смотрѣть!.. Все вѣрно—и славу Богу!—отвѣтилъ онъ, наклоняясь надъ корзинами.—Помогите мнѣ, пожалуйста, развязать вотъ это.

Я сталъ развязывать корзины.

— А вашъ мальчуганъ гдѣ-нибудь тоже на елкѣ?—спросилъ онъ, разставляя игрушки.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ вотъ приводите его сегодня къ восьми часамъ... Пусть повеселится... Для дѣтей это лучшій праздникъ... Они годъ ждутъ елки.

Я поблагодарилъ.

— Непремѣнно, непремѣнно приводите!—повторилъ онъ.—Игрушекъ много и для него будетъ...

Черезъ полчаса, окончивъ разборъ игрушекъ, я пошелъ домой. Привести Сашу къ нимъ на елку. Какая радость была бы для него! Но въ чемъ я поведу его? У него нѣтъ даже праздничной одежды. Или привести его въ затрапезной ситцевой рубашонкѣ на посмѣшище нарядныхъ дѣтей? Видѣть, какъ, смотря на него, будутъ дѣлать гримасы и господа, и лакеи? Да и настолько ли онъ выдрессированъ, чтобы умѣть держать себя среди дѣтей, вышколенныхъ гувернантками и гувернерами? Нѣтъ, ему не мѣсто здѣсь. И не будетъ ли ему еще тяжелѣе жизнь, когда онъ посмотритъ на этотъ блескъ, на эту роскошь, на это счастье другихъ

Digitized by Google

дѣтей? Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ лучше не знаетъ, что онъ несчастливъ, что другіе живутъ лучше!

Съ поникшей головою, съ тоскою въ душѣ вернулся я домой и засталъ Сашу сидящимъ на окнѣ. Онъ обернулъ ко мнѣ свое худенькое, изсиня-блѣдное личико съ мутными глазками и молча поманилъ меня къ себѣ. Я подошелъ.

— Папа, елки!—тихо прошепталъ онъ, указывая грустными глазами на улицу, гдѣ около тротуара была разставлена масса елокъ. Онъ ничего не сказалъ больше, онъ ни о чемъ не просилъ, онъ ни на что не жаловался,—но я чуть не заплакалъ отъ этой фразы, въ которой я слышалъ и мольбу, и жалобу, и упрекъ. Онъ зналъ, что онъ былъ несчастливъ, что другіе живутъ лучше. Да, тамъ были елки, а у него не было елки, и я не могъ купить ему ее, не могъ доставить ему и минуты восторга. Бѣдный мой мальчикъ, ты еще не знаешь, что твой отецъ не только-что елку не можетъ устроить тебѣ, но что онъ не знаетъ даже, откуда возьмутся у него средства, чтобы дать тебѣ образованіе, средства къ добыванію хлѣба, возможность стать на тотъ путь, на которомъ ты могъ бы... устраивать елки для своихъ будущихъ дѣтей... Что-то изъ тебя...

— Скажите, кто авторъ этой рукописи? — спросилъ я у Клименко, кончивъ чтеніе этого недописаннаго отрывка.

— Вамъ нужна непремѣнно фамилія?—усмѣхнулся онъ.— Подите въ коммерческіе и поземельные банки, въ правленія желѣзныхъ дорогъ и въ банкирскія конторы, во всѣ эти мѣста, гдѣ золото, акціи и облигаціи обращаются въ количествѣ милліоновъ, и высмотрите тамъ любого изъ этихъ неокончившихъ курса ученія молодыхъ конторщиковъ, рано женившихся на какихъ-нибудь дочеряхъ квартирныхъ хозяекъ, на какихъ-нибудь швейкахъ, и получающихъ пятьдесятъ, шестьдесятъ рублей жалованья, безъ надежды, безъ умѣнія получить больше и составить карьеру—и спросите у этого юноши, уже страдающаго и геморроемъ, и зародышемъ чахотки, не знаетъ ли онъ фамиліи героя этой исторіи, и когда вамъ назовутъ сотни фамилій подобныхъ «конторщиковъ»—выбирайте изъ нихъ любую.

V.

Не сошлись во взглядахъ и разъѣхались.

Я сидѣлъ съ Клименко въ Демидовскомъ саду за чай-

Digitized by Google

нымъ столикомъ, когда къ намъ подошелъ какой-то господинъ съ нарядной дамой.

— Докторъ Флигенрингъ! — отрекомендовалъ мнѣ Клименко подошедшаго господина.

Спутницу доктора онъ не счелъ нужнымъ отрекомендовать. Впрочемъ, она и безъ представленія перекинулась съ нами нѣсколькими фразами и въ отвѣтъ на двусмысленную шутку Клименко ударила его китайскимъ вѣеромъ по плечу. Я понялъ, какого сорта была эта дама.

— Соломенный вдовецъ! — сказалъ мнѣ Клименко, когда Флигенрингъ отошелъ отъ насъ. — Тоже интересный экземпляръ отца... Я вамъ хотѣлъ разсказать о нашихъ отцахъ старыхъ временъ, но встрѣча съ этимъ новѣйшимъ экземпляромъ охолостѣвшаго отца измѣняетъ мой планъ. Я передамъ вамъ его исторію теперь же, а то послѣ, пожалуй, забуду поразсказать объ этомъ субъектѣ. Къ тому же вѣдь вамъ все равно, въ какой послѣдовательности я буду передавать свои наблюденія и замѣтки, такъ какъ они связаны между собою только одною общею идеею—стремленіемъ изобразить различные типы нашихъ отцовъ и матерей...

— Я васъ слушаю,—сказалъ я.

— Докторъ Флигенрингъ—знаменитость,—съ ироніей началъ Клименко.—Онъ открылъ философскій камень, съ помощью котораго изъ ничего можно дѣлать золото. Вы видѣли его жидовское узенькое личишко съ маленькимъ блѣднымъ лбомъ, съ масляными хитрыми глазами и, вѣроятно, поняли, что въ этой небольшой, сплюснутой съ боковъ головкѣ едва ли есть мѣсто для большого мозга. Оно такъ и есть: онъ не уменъ, не талантливъ, не ученъ, но онъ хитеръ и юрокъ. Этихъ двухъ качествъ совершенно достаточно, чтобы пользоваться успѣхомъ среди тысячи дураковъ, окружающихъ насъ. Въ медицинской академіи онъ сдѣлался извѣстнымъ во время студенчества тѣмъ, что перевелъ нѣсколько медицинскихъ сочиненій, попросивъ профессоровъ проредактировать переводъ. Такимъ образомъ, онъ заслужилъ репутацію человѣка трудящагося, хотя, какъ говорятъ, переводъ дѣлалъ не онъ самъ, а двѣ-три барышни, влюбившіяся въ его глаза и въ его краснобайство. Чѣмъ онъ имъ платилъ—я не стану вамъ объяснять, но, во всякомъ случаѣ, вознагражденіе не было денежное. Такъ какъ на книгахъ стояло имя переводчика, то онъ получилъ извѣстность и въ литературномъ мірѣ, и два-три книгопродавца

Digitized by Google

поручили ему перевести популярныя сочиненія «о сохраненіи женской красоты» и «о спасеніи отъ болѣзней», о которыхъ не говорятъ вслухъ. Онъ выставилъ на этихъ книжонкахъ свое имя и потерялъ всякую цѣну въ ученомъ мірѣ, но ему былъ уже не нуженъ этотъ міръ, такъ какъ онъ успѣлъ въ это время запастись отъ снисходительныхъ къ нему профессоровъ докторскимъ дипломомъ. Въ финансовомъ же отношеніи онъ выигралъ: во-первыхъ, книжонки, какъ все скабрезное, расходились быстро, а во-вторыхъ, у него явились особаго рода паціенты—увядающія красавицы и юноши въ критическомъ для юности положеніи. Онъ нашелъ нужнымъ, присматриваясь къ своимъ паціентамъ, сдѣлаться изобрѣтателемъ мазей, пилюль и порошковъ, возвращающихъ красоту и силу, или, говоря проще, сталъ изготовлять притиранія, косметики и нѣчто болѣе радикальное, за что однажды чуть не попалъ на скамью подсудимыхъ. Такова первоначальная карьера этого господина. Теперь онъ извѣстенъ въ Петербургѣ особенно тѣмъ семьямъ, гдѣ нужно скрывать невинныя шалости дѣвицъ отъ ихъ будущихъ супруговъ. Вообще, большая часть его доходовъ приносится ему женщинами: онѣ любятъ «милаго доктора», да и онъ не остается безучастнымъ къ нимъ, если онѣ только хотя немного красивѣе макбетовскихъ вѣдьмъ. Но не думайте, что онъ вполнѣ легковѣсный человѣкъ. Нѣтъ, никто лучше его не умѣетъ играть роль серьезнаго ученаго. Щупая пульсъ, онъ, съ сдвинутыми бровями, произноситъ: «о—о!» Потомъ, смотря на языкъ, онъ съ многозначительнымъ покачиваніемъ головою протягиваетъ: «э—э!» Прилегая ухомъ къ груди больной, онъ уже совсѣмъ зловѣще восклицаетъ: «ага!» Одна больная чуть не умерла со страху отъ этихъ роковыхъ междометій, но даже и она, выходя отъ него, не могла не отдать полной признательности его знаніямъ. Вотъ вамъ портретъ во весь ростъ этого «моднаго дамскаго доктора». Я думаю, нѣтъ надобности распространяться о частностяхъ, разсказывать, напримѣръ, что, свидѣтельствуя одну молоденькую барыньку, онъ вздумалъ такъ пощекотать ее, что она потомъ краснѣла при одномъ его имени. Всѣ эти детали вы можете дополнить своимъ воображеніемъ, вспомнивъ плотоядные глаза и животныя губки этого тусклаго и изношеннаго лица. Но я долженъ упомянуть объ одной особенности этой личности. Какъ вы думаете, кѣмъ онъ слылъ въ свѣтѣ: консерваторомъ или либераломъ?

Digitized by Google

— Я склоняюсь къ мнѣнію, что онъ примыкалъ къ консерваторамъ или, лучше сказать, къ крѣпостникамъ. Такіе люди должны сожалѣть объ исчезновеніи дворовыхъ дѣвокъ,—усмѣхнулся я.

— Вы не угадали: это либералъ съ легкимъ краснымъ оттѣнкомъ. По крайней мѣрѣ, такимъ онъ старался казаться. Иначе и не могло быть. Ему теперь лѣтъ сорокъ съ небольшимъ, то-есть ему было около двадцати лѣтъ въ началѣ періода реформъ, и онъ могъ сообразить всю невыгодность крѣпостническихъ, ретроградныхъ и консервативныхъ взглядовъ. Онъ даже читалъ «Колоколъ», хотя это онъ дѣлалъ только до тѣхъ поръ, пока ему была нужна помощь разной молодежи по части дешевыхъ или даровыхъ переводовъ и корректуръ. Онъ платилъ этой трудящейся молодежи за ея трудъ радикальными фразами вмѣсто государственной монеты. Впрочемъ, я упомянулъ объ убѣжденіяхъ доктора только потому, что безъ этого вы не поняли бы, какъ онъ могъ жениться на одной изъ самыхъ либеральнѣйшихъ женщинъ петербургскаго общества. Вы, можетъ-быть, слышали что-нибудь о существованіи въ былые годы въ Петербургѣ Эммы Федоровны?

— Кто это такая Эмма Федоровна? — спросилъ я. — Я зналъ одну Эмму Федоровну Шварцъ, содержавшую кухмистерскую...

— Довольно, довольно!—съ комическимъ ужасомъ вскричалъ Клименко. — Не профанируйте этого имени и не выставляйте на видъ своего невѣжества по части общественной и государственной жизни своей родины... Извините мнѣ мою откровенную грубость, но я долженъ замѣтить вамъ, что вы, нынѣшніе литераторы, выказываете удивительное невѣжество во всемъ, что касается нашей, даже недавно прошедшей жизни. Стоитъ пройти двадцати-тридцати годамъ, и вы на вопросъ о томъ, кто была, напримѣръ, Эмма Федоровна, безъ смущенія готовы отвѣтить, что она содержала кухмистерскую!.. Это вѣдь просто непростительно. Этимъ незнаніемъ всѣхъ изгибовъ, всѣхъ пружинъ нашей общественной жизни я только и объясняю ту мелочность содержанія и ту узкость рамокъ, которыя сплошь и рядомъ встрѣчаются въ русскихъ современныхъ романахъ и повѣстяхъ. Всѣ эти повѣсти и романы происходятъ не на дѣйствительной почвѣ, а гдѣ-то въ облакахъ; въ нихъ встрѣчаются русскіе типы, русскія мысли, но русской общественной жизни не ищите въ нихъ—точно эти герои могутъ дѣйствовать и

Digitized by Google

жить, не зависи ни отъ околоточныхъ, ни отъ ростовщиковъ, ни отъ домохозяевъ... Впрочемъ, я уклоняюсь въ сторону и забываю объ Эммѣ Федоровнѣ, которую вы сочли за содержательницу кухмистерской. Нѣтъ, она была нѣмка, но кухмистерской не содержала и вообще стряпней не занималась. Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ эпоху сильнѣйшаго блеска Эммы Федоровны, у насъ въ Петербургѣ еще не было рыжеволосыхъ француженокъ-кокотокъ, а вообще были или любовницы изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, или содержанки изъ рижскихъ, либавскихъ, ревельскихъ и пернавскихъ благородныхъ, но бѣдныхъ дѣвицъ.

Эмма Федоровна была уроженкой одного изъ этихъ нѣмецкихъ питомниковъ дѣвицъ легкаго поведенія и долгое время была царицею, владычицею, законодательницею петербургскаго полусвѣта. Не думайте, пожалуйста, что это была женщина въ родѣ вонъ этихъ Камилокъ, Альфонсинокъ, Сюзетокъ, и какъ ихъ тамъ еще зовутъ. Это жертвы общественнаго темперамента и болѣе ничего: онѣ, какъ странствующіе фигляры, кочуютъ изъ столицы въ столицу; онѣ, какъ мошенники, выслѣживаютъ богачей; къ нимъ ходятъ не на поклонъ, а только для покупки ихъ продающейся съ аукціона плоти; отъ нихъ не зависитъ ничья участь, но ихъ участь зависитъ отъ случайностей и, рядясь сегодня въ брильянты, большею частью фальшивые, онѣ не могутъ поручиться, что завтра имъ не придется голодать; онѣ записываются въ актрисы театра Берга и Буффъ, чтобъ не получить желтаго билета, а Эмма Федоровна была законною женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника, находившагося въ командировкѣ, и ужъ, разумѣется, не могла бояться никакихъ желтыхъ билетовъ. Онѣ и вообразить себя не сумѣютъ въ той роли, которую играла въ теченіе всей своей жизни Эмма Федоровна. Эмма Федоровна умѣла сдѣлаться центромъ, около котораго группировалась масса людей. У нея былъ одинъ изъ самыхъ роскошныхъ салоновъ Петербурга или, вѣрнѣе сказать, у нея была биржа, куда являлось не мало звѣздъ; но вовсе не затѣмъ, чтобы заплатить Эммѣ Федоровнѣ за ея мимолетныя ласки, а затѣмъ, чтобы поклониться Эммѣ Федоровнѣ и обдѣлать черезъ нее свои дѣла и дѣлишки. Въ этотъ салонъ, на эту биржу стекались многіе, такъ какъ здѣсь можно было сойтись съ лицами, къ которымъ не легко было проникнуть въ дома. Но на этой биржѣ, гдѣ обдѣлывались сотни темныхъ и важныхъ дѣлъ, была и своя семейная жизнь. Эмма Федоровна любила сво-

Digitized by Google

ихъ родныхъ, выводила ихъ въ люди, пристраивала и брала къ себѣ на воспитаніе ихъ дѣтей. Одною изъ ея воспитанницъ была и ея племянница Аннета Зейфертъ. Молодая дѣвушка получила въ домѣ тетки блестящее домашнее образованіе. У нея были всевозможные учителя, масса русскихъ и иностранныхъ журналовъ и книгъ, и, что важнѣе всего, она пользовалась неограниченною свободою. Эмма Федоровна могла удѣлять племянницѣ сотни и тысячи рублей, но не могла подарить ей ни одного часа въ день, такъ какъ ея дни были полны дѣловыхъ заботъ, визитовъ и оборотовъ. Неограниченная свобода, поклоненіе челяди, ухаживаніе молодежи, чтеніе всевозможныхъ новыхъ книгъ—все это вскружило голову молодой дѣвушки. И вотъ изъ нея вышла либералка, красная, революціонерка съ подкладкой избалованнаго ребенка, съ деспотическимъ характеромъ маленькой царицы, которая не терпитъ возраженій. Да что же иное и могло выйти изъ молоденькой красавицы, не знавшей ни нужды, ни горя, ни препятствій въ то время, когда всѣ либеральничали, когда каждая книжка русскаго журнала приносила планы новыхъ реформъ, когда каждый русскій учитель былъ непремѣнно изъ тѣхъ скоропостижныхъ радикаловъ, которые «стараго Гаврила хлещутъ въ усъ да въ рыло»?

Всѣ эти книги, всѣ эти учителя, вся взлелѣянная на даровыхъ хлѣбахъ молодежь, вертѣвшаяся около молоденькой дѣвушки,—вскружили ей неглупую головку и поощряли ее, рукоплескали ей, когда она высказывала вычитанныя ею наканунѣ ультрарадикальныя мнѣнія, когда она, одѣтая по послѣдней модѣ, стремилась на публичныя лекціи, когда она замышляла открыть какія-то школы и мастерскія, топая въ то же время ногами на горничную, неловко подавшую ей платье.

Въ одинъ прекрасный день она совершенно неожиданно вышла замужъ за самаго либеральнаго изъ вертѣвшихся въ домѣ ея тетки юношей и сдѣлала это не ради любви, а чтобы «освободиться отъ семейнаго гнета». Такъ какъ замужество за небогатаго человѣка было вызвано не любовью, не страстью, а желаніемъ «освободиться отъ семейнаго гнета», то Аннетъ Зейфертъ смотрѣла на свой поступокъ, какъ на подвигъ, и третировала своего жениха свысока, какъ третировали тѣхъ генераловъ, которые въ старые годы нанимались на свадьбы. Женихъ покорно выносилъ это обращеніе en canaille и даже поощрялъ его, громче всѣхъ толкуя о

Digitized by Google

великомъ подвигѣ своей невѣсты. Если бы онъ поступилъ иначе, то, конечно, невѣста выгнала бы его отъ себя, какъ безчувственнаго подданнаго, не признающаго великихъ достоинствъ своей повелительницы. Юноша понималъ это очень хорошо и превозносилъ свою повелительницу за то, что она допустила его до своего ложа. Этотъ юноша былъ не кто иной, какъ новоиспеченный докторъ Флигенрингъ. Тетка молодой дѣвушки, конечно, желала не такого брака для своей племянницы, но, тѣмъ не менѣе, не препятствовала ей выйти замужъ за доктора, и даже дала за нею тысячъ пять деньгами, хорошее приданое и назначила ей ежемѣсячное содержаніе въ триста рублей. Молодая чета помѣстилась очень удобно, съ извѣстнымъ комфортомъ, открыла свой салонъ, гдѣ Анна Карловна Флигенрингъ сдѣлалась оракуломъ небѣдной молодежи извѣстнаго сорта и играла въ маленькіе комплоты за ужинами. Было довольно странно видѣть здѣсь тонкія блюда, блестящую обстановку, слыша въ то же время толки о меньшемъ братѣ и анаѳемы сытому довольству «мѣщанства». Но и эти насвистанныя рѣчи, и этотъ привычный комфортъ были въ характерѣ Анны Карловны, выросшей среди блондъ и атласа и среди либеральныхъ книгъ и учителей. Самъ Флигенрингъ вторилъ женѣ, хотя его интересовала одна только сторона ихъ жизни — ужины съ дорогими винами, соусами и устрицами. Такъ прошло года три ихъ супружеской жизни; у нихъ было уже трое дѣтей, когда въ одинъ прекрасный день Эмма Федоровна умерла скоропостижно. Все ея имѣніе досталось ея роднымъ, но не Аннѣ Карловнѣ, такъ какъ Анна Карловна оказалась незаконной дочерью незаконной сестры Эммы Федоровны, подобно многимъ изъ своихъ соотечественницъ, и не имѣла никакихъ законныхъ правъ на имѣніе тетки. Этотъ ударъ былъ очень чувствителенъ для Флигенринга, успѣвшаго при помощи Эммы Федоровны получить выгодное мѣсто, но ожидавшаго ея богатаго наслѣдства. Въ это время между мужемъ и женою произошла первая семейная сцена. Флигенрингъ упрекнулъ жену за то, что они лишились теперь поддержки; жена выразила то мнѣніе, что она очень рада даже, что они будутъ «жить своимъ трудомъ», безъ «этихъ денегъ, нажитыхъ позоромъ». Она говорила это тѣмъ болѣе смѣло, что знала, какъ значительны стали теперь доходы ея мужа.

— Наконецъ, я могу легко заработать переводами, статьями не менѣе денегъ, чѣмъ субсидіи тетки,—рѣшила она.

И дѣйствительно, она принялась за работу: заработала

Digitized by Google

мѣсяца въ три до двухсотъ рублей, сдѣлала на эти деньги новое черное шелковое платье и устроила пикникъ, а затѣмъ снова начала искать работы, разъѣзжая за нею въ коляскахъ. Толковъ о работѣ у нея всегда было много, хотя и не было самой работы. Флигенрингъ сдѣлался, такимъ образомъ, единственнымъ батракомъ и кормильцемъ семьи, и этого было довольно, чтобы онъ пожелалъ сдѣлаться «главою» въ домѣ. Онъ сразу пересталъ поддакивать женѣ, преклоняться передъ ея умомъ, потакать ея капризамъ. Онъ даже сталъ требовать, чтобы она нѣсколько сократила свои собственные расходы, и сталъ спрашивать у нея отчета, куда уходятъ даваемыя ей на хозяйство деньги. Къ несчастью, именно этого она и не могла сдѣлать: у нея деньги уплывали, какъ вода, но куда—этого она и сама не знала. Она знала только, что у нея теперь никогда не было денегъ.

Мало-по-малу она начала упрекать мужа, что онъ мало даетъ денегъ и среди этихъ упрековъ появился одинъ новый мотивъ: жена упрекала мужъ за то, что онъ развратничаетъ и тратитъ деньги на сторонѣ. Это не было слѣдствіемъ ревности. Нѣтъ, Анна Карловна просто видѣла, что мужъ сталъ относиться къ ней не съ прежнимъ благоговѣніемъ, она теперь осязательно видѣла, что онъ скупится на деньги для нея, и вывела изъ этого только то заключеніе, что у него есть любовница, на которую онъ тратится. Проживъ съ этимъ человѣкомъ нѣсколько лѣтъ, она знала его такъ же плохо, какъ въ день ихъ первой встрѣчи. Флигенрингъ могъ продавать себя, но покупать другихъ—было не въ его натурѣ. Еще черезъ полгода супруга начала замѣчать, что мужъ выживаетъ изъ дому ея либеральныхъ молодыхъ друзей и лизоблюдовъ, и приводитъ въ домъ все больше и больше своихъ пожилыхъ друзей, биржевыхъ купцовъ и крупныхъ промышленниковъ, для которыхъ онъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ фактора и ходатая по сердечнымъ дѣламъ.

Произошла новая свалка.

— Ваши баклушники насъ не накормятъ, а у насъ уже трое дѣтей, а тамъ, глядишь, будетъ и четвертый, — говорилъ мужъ.

— Пожалуйста, не бойся,—запальчиво отвѣчала жена.— Я давно желала бы жить съ тобой на разныхъ половинахъ и покончить наши супружескія отношенія. Мы давно уже перестали понимать другъ друга, и намъ нечего носить маску взаимной любви. Слава Богу, я не мѣщанка!

Digitized by Google

Дѣйствительно, супруги разошлись на разныя половины, и на этихъ разныхъ половинахъ началась разная жизнь. У мужа шелъ откровенный буржуазный развратъ и широкая нажива. У жены шло либеральное фразерство и нищающая праздность. Бурныя сцены повторялись чаще и чаще; мужъ говорилъ женѣ:

— Если ты желаешь быть сытой, живи со мною, какъ съ мужемъ, вытолкай свою свору праздныхъ болтуновъ и принимай любезно моихъ знакомыхъ.

Жена отвѣчала:

— Я никогда не торговала своими убѣжденіями! Я готова выносить лишенія, но не поступлюсь никогда такими взглядами.

Въ сущности она говорила фразы, которыхъ не понимала сама. Она просто привыкла неограниченно приказывать и повелѣвать, и въ этомъ заключался весь ея либерализмъ. Этотъ либерализмъ былъ и у Титъ Титычей, бившихъ зеркала съ криками: «нашему ндраву не препятствуй!» и у матушекъ-помѣщицъ старыхъ временъ, жаловавшихся на стѣсненія и на произволъ правительства, когда настала такая пора, что «даже и своей дѣвкѣ косу не смѣй обрѣзать». Анна Карловна если не била по щекамъ крѣпостныхъ дѣвокъ, за неимѣніемъ таковыхъ, то любила хлестать по лицу идеи и требовала за эту смѣлость рукоплесканій. На половинѣ же мужа приказывать ей было трудно, а прослыть оракуломъ и божкомъ было еще труднѣе, такъ какъ друзья ея мужа если и поклонялись какой-нибудь твари, то только золотому тельцу. Но мало того, что здѣсь она не встрѣчала поклоненій,—она начала встрѣчать здѣсь далеко не тонкіе сарказмы и насмѣшки мужа. Прошло еще года два, и разладъ между мужемъ и женою дошелъ до крайнихъ предѣловъ; что мужъ считалъ бѣлымъ, то жена называла чернымъ, кого принимала жена, того готовъ былъ выгнать въ три шеи мужъ—и наоборотъ.

— Вы на свою шушеру тратите мои деньги!—кричалъ мужъ.

— А вы проживаете сотни рублей со своими эксплуататорами,—шумѣла жена.

— Вы только кричите о трудѣ, а сами пальца о палецъ не умѣете стукнуть,—говорилъ мужъ.

— Не могу же я наживаться тѣми подлыми средствами, которыми наживаетесь вы,—раздражалась жена.

— Однако, до сихъ поръ вы ѣдите мой подлый хлѣбъ,—упрекалъ мужъ...

Digitized by Google

Вы, вѣроятно, не разъ встрѣчали такія милыя пары. Но вы видѣли, что онѣ все-таки живутъ подъ однимъ кровомъ вплоть до гробовой доски. Можетъ-быть, и Флигенринги жили бы до гробовой доски вмѣстѣ, если бы не одно обстоятельство. Господинъ и госпожа Флигенринги имѣли очень дурную привычку жить гласно, то-есть посвящать своихъ друзей во всѣ свои сокровенныя тайны. Это обстоятельство заставило ихъ разойтись или, вѣрнѣе сказать, оно заставило госпожу Флигенрингъ бросить мужа. Она успѣла такъ очернить своего мужа въ глазахъ своихъ друзей, что они начали говорить ей:

— Но какъ же вы можете жить съ такимъ буржуа, съ такимъ эксплуататоромъ? Вамъ неловко существовать на деньги, добытыя такимъ путемъ. Вамъ опасно оставлять своихъ дѣтей въ такомъ домѣ. Вы должны жить самостоятельнымъ трудомъ.

Говорятъ: noblesse oblige. Здѣсь обязывало къ разводу, если не благородство, то радикальное фразерство, тѣмъ болѣе, что и кругъ пріятелей Анны Карловны нѣсколько измѣнился. Молодые лизоблюды-либералы, изъ породы самодурствующихъ матушкиныхъ сынковъ, уже давно оставили Анну Карловну, увидавъ, что ужины у нея стали поплоше, что она сама поизмялась, что черезъ нее не проникнешь къ Эммѣ Федоровнѣ, такъ такъ Эмма Федоровна сошла съ житейской сцены въ могилу, что, наконецъ, либерализмъ не кормитъ, и имъ можно «баловаться» только въ юномъ возрастѣ. На мѣсто этихъ людей Анна Карловна привлекла къ себѣ разную трудящуюся молодежь, которая, пріѣхавъ изъ провинціи и еще не зная петербургскихъ болтуновъ, была увлечена горячими и смѣлыми рѣчами Анны Карловны и слушала съ полною вѣрою разсказы Анны Карловны о томъ, какъ она, Анна Карловна, «страдала за убѣжденія», какъ она, Анна Карловна, «дѣлала подвиги». Эта смѣлая, честная и искренняя молодежь, бодро шедшая навстрѣчу всѣмъ житейскимъ невзгодамъ, повѣрила словамъ влюбленной въ себя фразерки, повѣрила тѣмъ болѣе, что Анна Карловна жила теперь бѣдно подъ одною кровлей съ богатымъ негодяемъ мужемъ, стыдясь, какъ она говорила, марать руки его позорными средствами. Эта молодежь говорила теперь Аннѣ Карловнѣ, что она, Анна Карловна, сдѣлала бы лучше, если бы вовсе не жила съ мужемъ, а жила бы своимъ трудомъ. Этотъ совѣтъ давался тѣмъ искреннѣе, что сама эта молодежь жила работой, да къ тому же и Анна Карловна

Digitized by Google

столько трубила этимъ молодымъ людямъ о своей привычкѣ къ труду, о своей нетребовательности, о своей непривычкѣ жить на чужой счетъ, что Анна Карловна должна была сойти со своего пьедестала передъ лицомъ своихъ послѣднихъ поклонниковъ или разойтись съ мужемъ. Сходить съ пьедестала, показать всѣмъ, что она фразерка, покориться супругу уже было невозможно. Супругъ уже откровенно принималъ на своей половинѣ своихъ любовницъ и, слыша за это упреки жены, говорилъ:

— Я еще слишкомъ молодъ, чтобы оставаться цѣломудреннымъ вдовцомъ!

И вотъ Анна Карловна разошлась съ мужемъ, забравъ своихъ ребятъ, о воспитаніи которыхъ она столько твердила, говоря всѣмъ и каждому, что обязанность матери-гражданки воспитать дѣтей-гражданъ. Началась для нея странная жизнь. Въ кружкѣ ея знакомыхъ всѣ только о томъ и говорили, что она сдѣлала подвигъ, отказалась отъ довольства въ домѣ гнуснаго аферіста и эксплуататора и рѣшилась своимъ трудомъ поднять дѣтей. Ей начали помогать, ее стали поддерживать, ее стали пристраивать къ работѣ. Къ несчастью, работа плохо шла впередъ, при старой привычкѣ вставать въ полдень, при любви болтать въ обществѣ праздныхъ людей, при стремленіи гнаться за какими-то великими трудами, плюя на мелкое дѣло. Не лучше шло дѣло и въ отношеніи хозяйства, при неумѣніи разсчитать гроши, при наклонности накупить варенья вмѣсто мяса, при полной безпомощности, когда было нужно обойтись безъ кухарки и горничной. Несмотря на всѣ поддержки и пособія своихъ небогатыхъ друзей, Анна Карловна просто нищенствовала въ трехъ пустынныхъ комнатахъ, гдѣ все было перевернуто вверхъ дномъ вслѣдствіе неумѣнья хозяйки даже соблюсти внѣшній порядокъ. Бывали дни иногда, когда Анна Карловна и ея дѣти не ѣли и не пили ничего; бывали зимы, когда у нихъ не было ни полѣна дровъ; бывали времена, когда у дѣтей не было ни одежды, ни сапогъ. И въ эти-то трудныя времена, наивные и честные друзья Анны Карловны болѣе всего удивлялись ея энергіи, ея послѣдовательности, ея радикализму, говоря, что она скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ прибѣгнетъ къ помощи мужа, наживающагося постыдными средствами и портившаго дѣтей. И чего-чего не говорила она въ эти времена въ своемъ домѣ про своего мужа! Вся грязь, которою можно забросать человѣка, забрасывалась въ него. Развратникъ, лицемѣръ, эксплуататоръ, обман-

Digitized by Google

шикъ, негодяя, всѣ эти эпитеты казались недостаточно яркими, когда дѣло касалось его.

— Да, вы сдѣлали подвигъ, вырвавъ отъ него дѣтей! Какое вліяніе могъ бы онъ имѣть на нихъ!—говорили друзья Анны Карловны, приходя серьезно въ ужасъ отъ ея разсказовъ.

— Да они его теперь презираютъ!—говорила она, задыхаясь отъ злобы.

И дѣйствительно, дѣти презирали отца, потому что Анна Карловна сдѣлала изъ нихъ такихъ же фразеровъ, какъ она сама. Къ сожалѣнію, она ничего не могла дать имъ, кромѣ фразъ. Они были нищими-оборванцами, они были невѣждами. Она не умѣла заработать имъ на хлѣбъ, она не умѣла сама научить ихъ чему-нибудь, она не умѣла пріучить ихъ къ труду. Это обстоятельство послужило къ новому скандалу между супругами. Друзья Флигенринга стали ему говорить, что его дѣтей встрѣчаютъ на улицѣ чуть не босикомъ, что его уже подрастающія дочери сами ходятъ въ мелочную лавку, что его дѣти нигдѣ не учатся. Это бросало тѣнь на него даже въ глазахъ его не особенно щепетильныхъ друзей. Онъ нехотя сталъ хлопотать, чтобы ему отдали его дѣтей. Но госпожа Флигенрингъ уже не могла сдѣлать этого, такъ какъ это значило бы «поступиться своими убѣжденіями», «измѣнить своимъ идеямъ». Вслѣдствіе этого она воспользовалась нѣсколькими добытыми ею гдѣ-то письмами мужа, говорившими о послѣдней степени его безнравственности, и представила его письма въ одно изъ вѣдомствъ, куда обратился ея мужъ съ просьбою «объ отобраніи» у ней дѣтей. Дѣтей рѣшили не отбирать, такъ какъ были явныя улики въ крайней развращенности отца. Тогда Флигенрингъ, побуждаемый толками и настояніями своихъ друзей, попробовалъ доказать, что его жена сумасшедшая. Но и эта попытка не удалась. Флигенрингу не оставалось болѣе ничего, какъ умыть руки, и онъ это сдѣлалъ съ величайшею радостью, такъ какъ теперь онъ вполнѣ оправдалъ себя въ глазахъ своего кружка и избавилъ себя отъ необходимости содержать своихъ дѣтей, которыя только мѣшали бы его любовницѣ, жившей уже у него въ домѣ съ другими его дѣтьми. Такимъ образомъ, дѣти Анны Карловны остались навсегда у нея на голоданье, на бездѣльничанье, на неряшество, на фразерство. Ея прежніе наивные знакомые попрежнему называли ее женщиною съ убѣжденіями, горячею матерью, честною гражданкою, а знакомые ея

Digitized by Google

мужа зовутъ его несчастнымъ отцомъ, страдающимъ за дѣтей, отнятыхъ у него недостойною женщиною, и, такимъ образомъ, оба супруга счастливы по-своему, жена тѣмъ, что сохранила за собою титулъ матери-гражданки, обрекши дѣтей на нищету и невѣжество, а отецъ тѣмъ, что освободился, не набросивъ на себя тѣни въ своемъ кругу, отъ обязанности кормить первую семью, когда у него на рукахъ есть уже вторая семья. А дѣти... А дѣти... кто изъ друзей Анны Карловны и ея супруга задумывается объ ихъ участи?

— Но все-таки она внушитъ имъ болѣе честныя идеи, чѣмъ онъ,—замѣтилъ я.

— Она научитъ ихъ честно говорить,—отвѣтилъ Клименко:—но она не научитъ ихъ честно жить. Чтобы честно жить, нужно вырасти среди трудовой жизни, нужно пріучиться къ труду съ дѣтства, нужно пріобрѣсти средства къ труду, то-есть прочныя знанія, усидчивость, выносливость,—а этого не можетъ дать дѣтямъ какая-нибудь Анна Карловна, не умѣющая усидчиво работать и не имѣющая средствъ дать разностороннее образованіе дѣтямъ. Да этого мало, батенька, а вы подумайте, что будетъ съ ея дѣтьми, если не сегодня, такъ завтра она умретъ, и дѣтямъ волей-неволей придется войти въ домъ отца, котораго они уже ненавидятъ и у котораго есть уже другая семья. А между тѣмъ, у нея чахотка въ послѣднемъ періодѣ...

Мы помолчали, мнѣ было какъ-то не по себѣ.

— А впрочемъ, Флигенринги не сдѣлали ничего особенно возмутительнаго и изъ ряду вонъ выходящаго,—промолвилъ Клименко, вставая.—Они не сошлись во взглядахъ и разъѣхались—вотъ и все.

VI.

„Молодой, полный силъ юноша".

— Прочтите!—сказалъ, расхаживая по комнатѣ, Клименко и подалъ мнѣ старый нумеръ «Полицейскихъ Вѣдомостей», указавъ на одно изъ объявленій.

Я прочелъ:

Примите участіе

въ молодомъ, полномъ силъ юношѣ, лишившемся средствъ къ существованію и потому ищущемъ изъ-за куска хлѣба мѣста секретаря, чтеца или компаньона какой-нибудь почтенной особы. Адресъ: Большая Садовая д. Яковлева, меблированныя комнаты № 13. И. В. Салмановъ.

Я пожалъ плечами и отбросилъ въ сторону нумеръ газеты.

Digitized by Google

— Постойте, постойте!—закричалъ Клименко, поднимая газету и аккуратно складывая ее.—Вы не бросайте газеты-то! Я этотъ документъ въ бархатный футляръ вложу и по смерти завѣщаю его Публичной библіотекѣ съ надписью: «Важный матеріалъ для изученія моего времени на память благодарному потомству».

Я улыбнулся.

— Да вы не смѣйтесь! Вѣдь это дѣйствительно знаменіе времени... Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ никому и не снилась у насъ возможность подобныхъ объявленій, а теперь... Господи, сколько, какъ подумаешь, нужно было пережить обществу, чтобы доработаться до подобныхъ изобрѣтеній, чтобы выработать смѣлость къ подобнымъ изобрѣтеніямъ! Вѣдь, право, Галилеи, являвшіеся передъ обществомъ со своими «e pur si muove», не нуждались въ такой смѣлости, какою долженъ обладать этотъ «молодой, полный силъ юноша»...

Клименко махнулъ рукою.

— Да, впрочемъ, что я говорю! Мы пошли даже дальше изобрѣтенія подобныхъ объявленій: мы перестали видѣть что-нибудь странное, что-нибудь необычайное въ этихъ объявленіяхъ. «Ищу мѣста чтеца къ одинокой особѣ», пишетъ одинъ; «обратите вниманіе на молодого человѣка», пропечатываетъ другой; «желаю пристроиться къ одинокому служить за экономку», поясняетъ третья, и все это сопровождается подписями, адресами мѣстожительства, безъ всякаго сознанія со стороны объявляющихъ о томъ, что они выжигаютъ на своихъ лбахъ клейма, которыя въ былыя времена если и выжигались на человѣческихъ рожахъ, то только въ видѣ наказанія черезъ палачей...

Клименко, находившись по комнатѣ, сѣлъ на кресло.

— Но не станемъ говорить о матеріяхъ важныхъ вообще и о смѣлости этого юноши въ особенности, а поговоримъ о его семьѣ,—проговорилъ онъ, вынимая и закуривая сигару.—Это тоже подходящій сюжетъ для одного изъ моихъ разсказовъ. Я знаю этого мальчугана, я знаю его семейную исторію и сейчасъ передамъ вамъ отрывки изъ моихъ воспоминаній о Салмановыхъ.

— Генералъ-маіоръ Василій Ивановичъ Салмановъ, какъ и всѣ другіе генералы, родился не генераломъ. Онъ происходилъ изъ тѣхъ обнародившихся дворянъ, у которыхъ только то и осталось дворянскаго, что они непремѣнно

Digitized by Google

стремились пристроиться куда-нибудь къ казенному мѣсту, не довольствуясь однимъ пристройствомъ къ землѣ. Василій Ивановичъ ничѣмъ не отличался въ юности отъ любого мужика и, пристроившись въ полкъ вольноопредѣляющимся, ничѣмъ не отличался отъ любого солдата, если не считать отличіемъ то обстоятельство, что солдатъ изъ мужиковъ, по большей части, такъ и долженъ былъ умереть солдатомъ, а онъ, солдатъ изъ дворянъ, очень скоро могъ перемѣнить внѣшнюю форму и нарядиться въ офицерскій мундиръ, оставшись и солдатомъ, и мужикомъ въ душѣ. Вы знаете, что ни изъ кого не вырабатывается такого чистокровнаго кулака, міроѣда, самодура, Титъ Титыча, какъ изъ мужика, если ему удастся пойти въ гору. Этотъ же типъ долженъ былъ неизбѣжно выработаться изъ Василія Ивановича, когда ему удалось быстро дойти до чиновъ. Бичъ въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ и хищникъ въ отношеніяхъ къ общественнымъ и казеннымъ деньгамъ, онъ проходилъ свой служебный путь, какъ человѣкъ, который думаетъ, что все и всѣ существуютъ на свѣтѣ только для того, чтобы служить ступенями и фундаментомъ для его счастья. Онъ былъ расторопенъ и распорядителенъ, занимая должности квартирмистра, ротнаго и полкового командира, потомъ прикомандированнаго къ комиссаріату лица; онъ былъ отваженъ до безумія и безпощаденъ до звѣрства, когда ему приходилось участвовать въ сраженіяхъ; но вездѣ и всегда и распорядительность, и геройство являлись у него слѣдствіемъ желанія лично отличиться, скорѣе сжать обильную жатву, перешагнуть черезъ ближняго. Подчиненные звали его звѣремъ; товарищи—кулакомъ; начальники—хорошимъ служакой. И тѣ, и другіе, и третьи если не всегда уважали его, то всегда побаивались. Ненавидѣли его многіе тайно; не любилъ его никто ни явно, ни тайно. Въ сущности, это былъ ходячій холодный, животный, дикій эгоизмъ. Высокій ростомъ, прямой, сухой, съ коротко подстриженными щетинистыми усами, съ гладко выбритымъ лицомъ, съ волосами, гладко зачесанными впередъ на вискахъ, съ высокимъ воротникомъ, подпиравшимъ шею, съ формально суровымъ выраженіемъ загорѣлаго лица, онъ оставался солдатомъ и тогда, когда уже былъ маіоромъ. Однимъ словомъ, это былъ чистокровный типъ вырождающагося или, вѣрнѣе сказать, выродившагося теперь бурбонства. Дослужившись до чина маіора, скопивъ не одну тысченку рублей, онъ пожелалъ тоже, какъ и всѣ смертные, жениться, сдѣлаться отцомъ семейства.

Digitized by Google

Клименко разсмѣялся.

— Не удивляйтесь моему смѣху,—произнесъ онъ. — Мнѣ вспомнилась одна изъ моихъ дѣтскихъ наивностей. Разъ, во времена моей давнопрошедшей невинности, я прочелъ въ одномъ французскомъ романѣ про дочь палача. Я оставилъ книгу и пошелъ къ матери.—«Мама, развѣ у палачей бываютъ дѣти?» спросилъ я ее.—«Бываютъ», отвѣтила мать.—«Откуда же у нихъ дѣти?» спросилъ я.—«Отъ ихъ женъ», отвѣтила мать.—«А развѣ палачихи бываютъ?» удивился я и никакъ не могъ себѣ представить, что у палачей могутъ быть обыкновенныя жены, вовсе не палачихи, а такія же простыя и, можетъ-быть, добрыя женщины, какъ и жены всѣхъ остальныхъ смертныхъ. Давно прошли годы моей юности, но я долженъ признаться, что и до сихъ поръ во мнѣ осталась эта странность: при встрѣчѣ съ нѣкоторыми лицами я никакъ не могу себѣ представить сразу, что и они могутъ быть женаты, могутъ быть отцами. Дѣйствительно, есть такія положенія людей, есть такія лица людей, что трудно себѣ представить этихъ господъ шепчущими нѣжныя слова любви, сжимающими въ объятіяхъ любимую, смущенную женщину, переживающими страстные восторги медоваго мѣсяца и, наконецъ, склоняющимися съ робкой и умиленной радостью надъ колыбелью своего первенца... Василій Ивановичъ Салмановъ принадлежалъ къ разряду именно такихъ людей. Однако, онъ женился, сдѣлался отцомъ. Дослужившись до маіорскаго чина, онъ сдѣлался той «правою рукой» одного изъ своихъ высшихъ начальниковъ, которая должна была совершать все то, чего не должна была знать или, лучше сказать, желала не знать «лѣвая рука». Такими руками обыкновенно дорожатъ, такъ какъ онѣ избавляютъ другія руки отъ необходимости пачкаться разною грязью; такихъ рукъ даже побаиваются, потому что онѣ могутъ, при случаѣ, замарать другихъ приличней къ нимъ грязью; но такія руки третируются все-таки свысока даже тѣми, кто ради своихъ выводъ заставляетъ ихъ, избавляя себя отъ грязныхъ дѣлъ, пачкаться въ грязи. Салмановъ игралъ именно эту роль въ домѣ своего начальника и очень хорошо понималъ и выгоды, и невыгоды своего положенія. Онъ зналъ, что его «терпятъ въ домѣ», покуда онъ нуженъ. Ему захотѣлось сдѣлать такъ, чтобы его терпѣли въ домѣ и тогда, когда онъ будетъ не нуженъ. Сдѣлать это онъ рѣшился при помощи рискованнаго шага женитьбы на двоюродной или троюродной племянницѣ начальника, жившей въ

Digitized by Google

домѣ этого начальника. Онъ разсчиталъ довольно вѣрно: покуда онъ «очень нуженъ» начальнику,—начальникъ не рѣшится ему отказать въ рукѣ молодой дѣвушки; двадцатипятилѣтняя дѣвушка, не имѣвшая за душой ничего, кромѣ княжеской фамиліи захудалаго рода и привычки къ блеску, едва ли не пойметъ выгодности брака съ человѣкомъ, обладающимъ капитальцемъ и смотрящимъ если не въ генералы, то въ полковники; онъ самъ, Салмановъ, скрѣпитъ прочно при помощи этого союза свою связь съ высшимъ начальникомъ, пріобрѣтетъ вліятельныхъ защитниковъ и покровителей въ лицѣ родныхъ жены и сразу станетъ въ обществѣ въ тотъ кругъ, куда не пройдешь въ качествѣ «своего человѣка» даже и съ генеральскимъ чиномъ. Онъ сдѣлалъ свое предложеніе по-военному, по-солдатски, рѣшительно, быстро, круто и ударъ былъ сдѣланъ настолько вѣрно, что ему сразу дали согласіе, и растерявшійся высшій начальникъ, услышавшій въ этомъ предложеніи чуть не угрозу со стороны своей несовсѣмъ чистой «правой руки», и молодая княжна, угадавшая въ любовномъ объясненіи не столько страстное признаніе, сколько намекъ на выгодность для нея этого дѣла, безъ котораго она, въ концѣ концовъ, можетъ остаться нищею старою дѣвою.

— Ты, Ада, обдумала все?—растерянно говорилъ смущенный дядя, оставшись наединѣ съ княжною.

— Чего же думать, дядя? Мнѣ двадцать пять лѣтъ!—не то съ горечью, не то съ насмѣшливостью отвѣтила бойкая княжна.

— Да, да... какъ время-то идетъ!—говорилъ онъ, потирая рукою лобъ.—Суровъ онъ, неотесанъ... солдафонъ...

Княжна засмѣялась презрительнымъ смѣхомъ.

— Я буду всѣмъ говорить, что всѣ сказочные герои были такими...

— Ты все шутишь... вѣтреница!—вздохнулъ дядя и нѣжно ущипнулъ княжну за подбородокъ.—А какъ же я-то безъ тебя...

Дядя смутился и замялся.

— Я думаю, мой бракъ ничего не измѣнитъ,—отвѣтила холодно и разсѣянно княжна, что-то соображая.—Я вотъ только что думаю: нельзя ли намъ помѣститься на первое время въ твоемъ домѣ... Здѣсь онъ все-таки будетъ... стѣсняться... связанъ будетъ.

— Да, да! Прекрасно!—по-старчески засуетился дядя.—Здѣсь онъ не посмѣетъ... Онъ грубъ, но вѣдь все же я

Digitized by Google

начальникъ... я, наконецъ, могу ему объяснить предварительно...

— Ахъ, ты меня не понимаешь!—нетерпѣливо перебила княжна.—Ничего ему не надо объяснять, потому что онъ все самъ понимаетъ очень хорошо и со всѣмъ мирится заранѣе... Я просто хочу прожить хоть первое время у тебя въ домѣ потому, что здѣсь легче дрессировать его... C'est un ours mal léché и его все-таки нужно пріучить хоть по-человѣчески жить, если онъ уже не можетъ по-человѣчески смотрѣть.

За семейнымъ обѣдомъ, когда всѣ домашніе генерала Синицына, какъ звали начальника Салманова, были въ полномъ сборѣ, неожиданная новость произвела изумительное впечатлѣніе на всѣхъ: хозяйка дома, заявлявшая о своемъ существованіи только слабостью нервъ, чуть не упала въ обморокъ, молоденькія дочери генерала пришли въ ужасъ, а разбитные фатоватые сыновья и племянники генерала въ гвардейскихъ мундирахъ засыпали кузину предостереженіями въ родѣ того, что «Салмановъ отъ жадности запираетъ муху въ сахарницу, чтобъ никто не воровалъ сахара». Княжна съ улыбкой выслушала всѣ вздохи женщинъ и всѣ предостереженія мужчинъ и, смѣясь, заговорила наконецъ:

— Изъ вашихъ словъ я только вижу, что вы его считаете неотесаннымъ мужикомъ и грубымъ солдатомъ. Но вѣдь справляется же съ сотнями неотесанныхъ мужиковъ одинъ образованный управляющій и обуздываетъ же тысячи грубыхъ солдатъ одинъ развитой полковой командиръ... Вотъ и я буду такимъ управляющимъ и такимъ полковымъ командиромъ...

— Но вѣдь онъ уродъ, его нельзя любить,—горячо вскричалъ одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ княжны, зорко взглянувъ на нее.

Она вся вспыхнула и горячо произнесла:

— Клянусь тебѣ, я его вовсе и не думаю любить!.. Неужели ты могъ думать!..

По окончаніи обѣда, двоюродный братъ княжны, замѣтившій объ уродствѣ ея жениха, подошелъ къ ней и тихо началъ, сильно жестикулируя, говорить съ ней.

— Клянусь тебѣ, что это дѣлается просто по необходимости... Ничего не измѣнится... Ты долженъ же понять, что иначе нельзя... Дядя старъ и въ сущности если не бѣденъ, то и не богатъ, и мы не сегодня, такъ завтра можемъ его

Digitized by Google

лишиться—что же будетъ тогда?.. Если-бъ ты или я были богаты, тогда другое дѣло... Ревность?.. Богъ мой, что за глупости!.. Не ревнуешь же ты меня теперь... И къ кому ревность... къ монстру! — слышались отрывочныя фразы раскраснѣвшейся отъ волненія княжны.

Такъ совершилась женитьба Салманова. Онъ не противился переѣзду въ домъ генерала Синицына, соображая, что это сбережетъ расходы на квартиру и сблизитъ его тѣснѣе съ кружкомъ Синицына. Онъ не поднималъ никакой бури, не дѣлалъ никакихъ сценъ женѣ въ первые дни супружеской жизни за нѣсколько черезчуръ свободную жизнь княжны въ дѣвическіе годы. Онъ даже пробовалъ разыгрывать роль супруга до конца и сталъ говорить ей: «душечка» и «мамочка». Но строгая и твердая княжна сразу поставила его въ границы приличія и дала ему понять, что къ его лицу не идутъ нѣжности, и что въ ея кругу эти нѣжности между супругами не приняты. Это обстоятельство не внесло, впрочемъ, въ ихъ супружескую жизнь никакой тѣни: они были довольны другъ другомъ, они были довольны сдѣланной аферой. Онъ стоялъ теперь твердо въ домѣ Синицына, не въ качествѣ простой «правой руки», обдѣлывающей грязное дѣльце, а въ качествѣ «своего человѣка», родственника, надѣющагося въ случаѣ невзгоды на защиту и протекцію. Она перестала быть княжною изъ захудалаго рода, боящеюся остаться въ нищетѣ, старою дѣвою, и сдѣлалась самостоятельною женщиною, не пугающеюся печальной возможности сдѣлаться матерью и надѣющеюся въ будущемъ остаться вдовою генерала, съ сотнею тысячъ капитала. Правда, бывали дни, когда взбѣшенный чѣмъ-нибудь Салмановъ пробовалъ наброситься на жену, какъ звѣрь, но въ этихъ случаяхъ жена хладнокровно замѣчала:

— Я позвоню и велю призвать дядю, чтобы онъ выгналъ васъ изъ дома!

Эта угроза усмиряла Салманова, жаждавшаго генеральскаго чина.

— И неужели вы не можете накричаться настолько на прислугу, чтобы приходить ко мнѣ въ болѣе спокойномъ видѣ,—колко усмѣхнулась жена.—Кажется, вамъ есть на кого кричать, кромѣ меня.

Мужъ такъ и дѣлалъ: онъ изливалъ гнѣвъ на другихъ, сердясь на жену. Сердиться же онъ имѣлъ бы причины, если бы можно было предположить, что у него была хоть

Digitized by Google

капелька любви къ женѣ или хоть частичка чувства чести. Но, къ его счастью, онъ не зналъ, что значитъ любовь, и не понималъ, что значитъ честь: онъ видѣлъ во всемъ только выгоду, а жена безспорно доставляла ему выгоды, и потому онъ вовсе даже и не замѣчалъ, какую роль играетъ при его женѣ генералъ Синицынъ и тотъ молодой гвардеецъ, котораго княжна увѣряла передъ свадьбой въ своей нелюбви къ своему жениху. Салмановъ даже восхищался, когда его жена царила въ обществѣ, изумляя свѣтъ своею бойкою находчивостью, своею салонною развязностью, своимъ свѣтскимъ остроуміемъ, блестя, какъ крупный призъ, предназначенный тому, кто поставитъ самую крупную ставку за блестящія фразы и пустозвонную болтовню. Мужъ даже, можетъ-быть, призналъ бы ея превосходство надъ собою, если бы его не грызъ червь самолюбія, постоянно подсказывавшій ему, что онъ, Салмановъ, самый ловкій, самый опытный, самый умный изъ всѣхъ мошенниковъ,—а мошенниками Салмановъ считалъ всѣхъ людей. Только вслѣдствіе этого убѣжденія въ своемъ превосходствѣ надъ всѣми Салмановъ иногда прикрикивалъ на жену и говорилъ:

— Если я сказалъ, что такъ хочу, то такъ и должно быть!

Жена въ этихъ случаяхъ обыкновенно хладнокровно замѣчала:

— Ахъ, не кричите, пожалуйста; у меня голова разболится и мнѣ нельзя будетъ ѣхать на балъ къ графу NN.

Мужъ утихалъ, зная, что на балу графа NN. жена должна обдѣлать выгодное для него, Салманова, дѣло. Но, несмотря на это, онъ все-таки былъ убѣжденъ, что его жена только слѣпое орудіе въ его рукахъ.

Черезъ полтора года послѣ женитьбы Салмановъ сдѣлался отцомъ. Прошло еще полтора года, и у Салманова родился еще ребенокъ. Прошло еще два года—и въ міръ явился еще одинъ носитель фамиліи Салманова. Бѣлокурые, рыжіе и черноволосые ребятишки одинаково называли его «папой», и онъ одинаково игралъ роль «отца» въ отношеніи ихъ. Роль отца онъ понималъ своеобразно: не позволять дѣтямъ шумѣть, распекать ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, самолично сѣчь ихъ за проступки, кричать при нихъ на нянекъ и гувернантокъ, производить при нихъ всѣ домашнія бури, не стѣсняться при нихъ въ дѣлѣ самыхъ грязныхъ откровеній, однимъ словомъ, смотрѣть на

Digitized by Google

нихъ, какъ на «щенковъ»—вотъ въ чемъ заключалась вся его педагогическая система. Онъ былъ вполнѣ «откровеннымъ отцомъ». Въ то же время онъ былъ вполнѣ самостоятельнымъ распорядителемъ судьбы дѣтей, такъ какъ его жена вовсе не вмѣшивалась въ ихъ воспитаніе: она, гордая, самолюбивая, вѣчно искавшая только поклоненія, только заботилась, какъ бы поскорѣе родить ихъ, такъ какъ беременность мѣшала выѣздамъ и лишала граціи ея фигуру. При такихъ условіяхъ дѣти Салмановыхъ росли странно: въ отсутствіи отца они пользовались полною разнузданностью и свободою; въ присутствіи отца они ждали ежеминутно окриковъ и иногда порки; безъ отца и безъ матери они подпадали самымъ грязнымъ вліяніямъ лакеевъ, горничныхъ, нянекъ, гувернантокъ; при отцѣ и при матери они слышали всевозможныя некрасивыя соображенія о наживѣ, о выгодахъ, о продѣлкахъ. Было еще третье вліяніе въ дѣлѣ развитія этихъ дѣтей: они стояли очень близко къ младшимъ членамъ семьи Синицына, и эти младшіе отростки генеральской семьи первые открыли этимъ дѣтямъ всѣ тайны «золотой молодежи»...

Однажды Салмановъ, проходя по Невскому проспекту, встрѣтилъ своего одиннадцатилѣтняго сына несущимся на рысакѣ.

— Стой, мерзавецъ!—крикнулъ Салмановъ, бросаясь къ рысачнику, какъ бѣшеный звѣрь.

Кучеръ остановилъ лошадь.

Отецъ стащилъ за шиворотъ сына съ дрожекъ и тутъ же публично надавалъ ему пощечинъ.

— Иди домой, каналья!—крикнулъ онъ, таща сына за руку.

— За проѣздъ заплатите,—остановилъ его кучеръ

— Я тебя, бестію, въ полицію отправлю за проѣздъ!—съ пѣной у рта отвѣтилъ Салмановъ.—Несовершеннолѣтнихъ возить на рысакахъ вздумалъ, ракалія! Запорю тебя на съѣзжей, тогда и узнаешь, что за проѣздъ тебѣ нужно получить, распротоканалья!

Съ этой минуты начинаются похожденія дѣтей Салманова и первыя рытвины на семейномъ пути Салманова. Кромѣ заботъ о карьерѣ и наживѣ, у Салманова является забота «глядѣть въ оба» за дѣтьми и «оттаривать» распротоканалій. Но, на несчастье Салманова, онъ уже былъ въ чинахъ, онъ уже былъ членомъ высшаго круга, онъ уже слылъ чуть не милліонеромъ и никакъ не могъ сдѣлать

Digitized by Google

такъ, чтобы его дѣти и ихъ товарищи, считали этихъ «шалопаевъ» и солдатскими дѣтьми, и нищими, и голяками. Нельзя же было водить ихъ въ рубищѣ, нельзя же было воспитывать ихъ въ пріютахъ, нельзя же было дать имъ въ товарищи какихъ-нибудь дворовыхъ или уличныхъ мальчишекъ, а въ «благородныхъ пансіонахъ» и среди «дѣтей высшаго круга» его «оболтусы» только тому и могли научиться, какъ «мотать деньги». Положеніе Салманова было поистинѣ трагическое. Сегодня ему приходилось заплатить пятьсотъ-шестьсотъ рублей долгу за сына, предварительно выпоровъ этого сына; завтра этотъ сынъ заявлялъ, что безъ взятки учителю «благороднаго пансіона» онъ, сынъ Салманова, не выдержитъ экзамена, и Салмановъ давалъ взятку учителю «благороднаго пансіона», опять-таки предварительно выпоровъ свое дѣтище. Такъ среди кутежей и пороковъ и росло молодое поколѣніе Салмановыхъ, переходя изъ класса въ классъ при помощи взятокъ, срывая цвѣты любви при помощи векселей и философски относясь къ тѣмъ процентамъ, которые щедро отмѣчалъ на ихъ тѣлѣ отецъ за ихъ посягательства на его капиталъ.

Только теперь Салмановъ иногда сталъ мрачно вглядываться въ своихъ дѣтей и находить, что они не похожи на него. Прежде онъ не придавалъ никакого значенія этому отсутствію въ нихъ сходства съ нимъ, но теперь, когда онъ сталъ платить за нихъ *свои* деньги, онъ часто бормоталъ въ бѣшенствѣ своей женѣ:

— Полюбуйтесь на *вашихъ* дѣтокъ! Опять-съ векселей надавали! Что я батракъ имъ достался, что ли?

— *Мои* дѣти!—презрительно пожимала плечами Салманова.—А развѣ они не *ваши?*

— Чортъ ихъ знаетъ, чьи они!—восклицалъ Салмановъ.—Вы кутили, вы развратничали, а я наживалъ-съ... но не для этихъ... Салмановъ произносилъ одно изъ тѣхъ словъ, отъ которыхъ всегда коробило его жену.

— Что-жъ, не платите за нихъ,—небрежно замѣчала она.—Ихъ посадятъ тамъ въ долговое, что ли, или судить будутъ, и всѣ узнаютъ, что имъ не изъ чего платить долговъ, и что вы тоже не имѣете средствъ платить за нихъ—и больше ничего... выйдетъ скандалъ—вотъ и все...

Салмановъ скрежеталъ зубами, потому что теперь его чинъ, его связи, его богатство лишали его возможности производить скандалы.

Digitized by Google

— Вы и за Ваню кстати не платите долговъ,—язвительно усмѣхалась генеральша.

— Ваня не дѣлаетъ-съ долговъ! Ваня не похожъ-съ на вашихъ негодяевъ! — кричалъ въ бѣшенствѣ мужъ.—Не смѣйте никогда сравнивать Ваню съ вашими...

Салмановъ доходилъ до того, что опять разражался нецензурнымъ эпитетомъ и стучалъ по столу кулакомъ на свою супругу.

Ваня былъ послѣдній сынъ Салманова. Онъ родился мѣсяцевъ черезъ девять послѣ того памятнаго дня, когда Салмановъ дошелъ до желанной цѣли всей своей жизни—получилъ при помощи жены чинъ генералъ-маіора. Это обстоятельство до того растрогало Салманова, что онъ впервые почувствовалъ что-то въ родѣ любви къ женѣ и «мучилъ» ее этою неожиданною, странною и грубою любовью въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, «разоряясь» на подарки, какъ страстно любящій женихъ, и являясь передъ нею каждый день въ густыхъ эполетахъ съ стереотипною звучавшею жирнымъ смѣхомъ и полнымъ довольствомъ фразою:

— Что прикажете, ваше превосходительство, своему генералу?

Когда мѣсяцевъ черезъ девять послѣ этого замѣчательнаго событія у Салманова родился сынъ и ему доложили объ этомъ, онъ весь просіялъ и быстро спросилъ у акушерки:

— Но вы думаете, что его превосходительство совершенно здоровъ?

«Его превосходительство», то-есть маленькій Ваня, сдѣлался любимцемъ отца, съ которымъ онъ былъ схожъ, какъ двѣ капли воды. Мальчика звали въ домѣ не иначе, какъ «генеральскимъ сыномъ», докторъ прописывалъ ему рецепты не иначе, какъ «его превосходительству», отецъ называлъ его не иначе, какъ «мой Ванька». Смотря на отношенія Салманова къ Ванѣ, можно было понять, что и звѣри могутъ любить своихъ дѣтенышей, да еще какъ любить!.. Какъ-то разъ я былъ на вечерѣ у Салмановыхъ. Народу было много, ужинъ подали поздно, всѣ подкутили, хозяинъ былъ навеселѣ, что случалось съ нимъ нерѣдко послѣ полученія генеральскаго чина. Послѣ ужина онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ мнѣ говорить, отчего я не женюсь.

— Право, хорошо,—говорилъ онъ, дружески хлопая меня по плечу.—Женка хорошенькая, дѣтки будутъ... Вы видѣли моего Ваньку?.. А?.. Пойдемте, я вамъ его покажу...

Digitized by Google

Онъ повелъ меня въ свою спальню, гдѣ уже спалъ его десятилѣтній Ваня. Мы вошли въ просторную комнату, гдѣ стояла простая походная кровать генерала и неподалеку отъ нея находилась рѣзная съ дорогими кисейными занавѣсками кровать его Вани. Кисейныя занавѣси, голубое атласное одѣяло, подушка съ прошивками, все это сразу никакъ не дозволяло предполагать, что это ложе мальчика. Скорѣе можно было думать, что здѣсь находится мѣсто отдыховъ какой-нибудь избалованной красавицы. Комната освѣщалась лампой съ синимъ шелковымъ абажуромъ. Генералъ погрозилъ мнѣ пальцемъ, сказавъ: «тише», и на цыпочкахъ, пошатываясь, подвелъ меня къ постели сына.

— Каковъ красавецъ?—прошепталъ онъ, улыбаясь и съ умиленіемъ указывая на мальчика.

Онъ простоялъ съ минуту, любуясь мальчикомъ, потомъ наклонился, поцѣловалъ его въ голову, постоялъ опять съ минуту, перешелъ къ другому концу постели и, приподнявъ одѣяло, прильнулъ губами къ ногамъ мальчугана, гладя и лаская ихъ рукою. Когда онъ поднялся, я увидалъ на его раскраснѣвшемся отъ вина лицѣ крупныя слезы.

— Вотъ такъ каждый день, каждый день я цѣлую эти ножки,—прошепталъ онъ, уже плача.—Мой сынъ... мои эти ножки... Нѣтъ! да вы не знаете, что это за красота, что это за существо...

Малютка вздохнулъ, и совсѣмъ захмѣлѣвшій генералъ сразу пришелъ въ себя и замахалъ мнѣ рукою:

— Ради Бога, ради Бога, тише!.. Испугать можемъ!..

Когда я читаю, что Омфала заставила прясть Геркулеса, а Самсона покорила Далила, я нисколько не удивляюсь, такъ какъ даже самъ генералъ Салмановъ могъ покориться и не женщинѣ, а мальчику—своему сыну. Чего не бываетъ на свѣтѣ: вспоминая объ отношеніяхъ Салманова къ Ванѣ, я даже иногда думаю, что при другихъ условіяхъ изъ генерала могъ бы выйти и любящій мужъ, и мягкосердечный отецъ съ придурью. Къ сожалѣнію, онъ не былъ ни любящимъ мужемъ, ни мягкосердечнымъ отцомъ своихъ дѣтей, за исключеніемъ Вани, и это-то различіе его отношеній къ остальнымъ членамъ семьи и къ Ванѣ сдѣлало изъ Вани чортъ знаетъ что. Онъ росъ изнѣженнымъ барчукомъ, привередливой кокеткой и вѣчно жалующимся шпіономъ отца, и отецъ видѣлъ въ этомъ только хорошія стороны.

— Нѣженъ мальчикъ, потому что онъ, слава Богу, не

Digitized by Google

какой-нибудь прохвостъ, а сынъ генерала, — разсуждалъ отецъ.

— Кокетничаетъ мальчугашка, потому что знаетъ, шельмецъ, свою красоту. Ничего онъ отъ меня не скроетъ, потому что онъ мой...

Ванѣ не отказывалось ни въ чемъ, и уже шестнадцати лѣтъ онъ блестѣлъ среди золотой молодежи, воспитываясь въ одномъ изъ самыхъ модныхъ пансіоновъ, куда онъ ѣздилъ ежедневно на собственныхъ лошадяхъ, въ блестящихъ экипажахъ, возбуждая зависть товарищей и этими экипажами, и этими рысаками. Его учили рисованію, музыкѣ, пѣнію, всему, что нужно было знать свѣтскому молодому человѣку, желающему играть видную роль въ обществѣ. За нимъ уже увивалась золотая молодежь, какъ увиваются за какой-нибудь красавицей или за какимъ-нибудь матушкинымъ сынкомъ. Отецъ только торжествовалъ, когда слышалъ, что къ сыну его льнутъ какіе-то князьки, такіе-то графчики. Онъ даже не сердился на сына, когда тотъ иногда раздражался и капризничалъ, строптиво восклицая:

— Да развѣ ты не понимаешь, отецъ, что я долженъ не ронять себя въ глазахъ этихъ людей, съ которыми мнѣ придется жить всю жизнь! Я думаю, ты не желаешь, чтобы я знакомился съ какой-нибудь голоштанной сволочью, которая ничего не дастъ мнѣ въ будущемъ.

— Да, да, мальчишка въ меня, понимаетъ, что его ждетъ въ будущемъ!—говорилъ отецъ.—Министромъ будетъ!

И кошелекъ отца открывался передъ безпощадными руками будущаго министра. Надо отдать справедливость сыну: онъ никогда не дѣлалъ долговъ, какъ его братья, которымъ отецъ давалъ очень мало денегъ. Когда у него не было денегъ, онъ хмуро запирался въ свою комнату и грызъ ногти, сидя надъ книгой.

— Ваня, ты дома?—спрашивалъ отецъ за дверями.

— Гдѣ же мнѣ быть, какъ не дома,—отвѣчалъ сынъ, не прекращая своихъ занятій.

— Занятъ чѣмъ-нибудь? — спрашивалъ отецъ, входя въ комнату.

— Читаю отъ скуки,—не оборачиваясь, отвѣчалъ сынъ.

— Дѣловое что-нибудь?

— Нѣтъ, работы никакой нѣтъ.

— Такъ что же ты сидишь одинъ?

— Съ кѣмъ же мнѣ сидѣть?

Digitized by Google

— Ну, пригласилъ бы кого-нибудь, или поѣхалъ бы куда... въ балетъ тамъ, что ли...

— Странный ты человѣкъ, отецъ! Всѣ эти приглашенія и выѣзды стоятъ много денегъ! Я и такъ обираю тебя...

— Дуракъ, дуракъ!—смѣялся генеральскимъ смѣхомъ отецъ.—Онъ обираетъ меня! А! скажите, пожалуйста! Онъ обираетъ! Не знаешь ты, что ли, что все мое—твое.

Затѣмъ слѣдовали отцовскія щедроты. Когда же сынъ почтительно цѣловалъ отцовскую руку,—отецъ не выдерживалъ, сажалъ сына къ себѣ на колѣни, бралъ въ руки его голову, любовался имъ, цѣловалъ его щеки, глаза, руки. Казалось, онъ переживалъ въ сынѣ снова свою молодость, только эта молодость была полна красоты, блеска и радужныхъ надеждъ на завидное будущее. И точно, на это будущее можно было надѣяться: если онъ, старикъ Салмановъ, начиная съ ничтожества и нищеты, дошелъ до чина генерала и до большого состоянія, то до чего же можетъ дойти этотъ юноша Салмановъ, вступая въ жизнь съ деньгами, съ связями, съ образованіемъ? Но, можетъ-быть, у этого юноши Салманова мало энергіи, мало настойчивости? Нѣтъ, онъ походитъ характеромъ на отца: то же непомѣрное самолюбіе, то же признаніе себя выше всѣхъ, то же самодурство, только все это выражалось въ сынѣ менѣе угловато, менѣе грубо, чѣмъ у отца, и напоминало соотвѣтствующія черты въ характерѣ послѣдняго въ той же степени, въ какой прекрасное лицо этого юноши, напоминало некрасивое лицо этого старика...

Салмановъ былъ совершенно счастливъ, онъ достигъ своихъ цѣлей, онъ даже сталъ кормить на убой своихъ гостей на роскошныхъ обѣдахъ, онъ разжирѣлъ, на воротникѣ его генеральскаго сюртука висѣлъ уже двойной подбородокъ и лоснящійся, облысѣвшій затылокъ, когда случился одинъ казусъ! Генералу вдругъ пришлось «удалиться отъ дѣлъ», когда онъ ожидалъ новой награды, новой ленты, и пришлось даже впопыхахъ переписать всѣ свои дома на имя жены ради предосторожности. Если бы непріятная исторія не произошла слишкомъ неожиданно для самолюбія самодура, то онъ могъ бы сообразить, что переписываніе домовъ на имя жены вовсе не поправитъ дѣла, что его связи помогутъ ему замять скандалъ, что его положеніе въ свѣтѣ вовсе не измѣнится въ будущемъ, такъ какъ свѣтъ прощаетъ все тѣмъ, у кого есть деньги. Но старикъ, недалекій по уму,

Digitized by Google

самолюбивый до сумасшествія, потерялъ голову, растерялся отъ неожиданной катастрофы и дѣлалъ глупость за глупостью, стараясь спасти свое благосостояніе. Но этого мало: его терзала мысль, что его могутъ притянуть къ суду и опозорить не только его, но и его Ваню, на котораго будутъ смотрѣть, какъ на сына подсудимаго. Въ два, въ три дня онъ состарѣлся на десятокъ лѣтъ, побагровѣлъ, сталъ задыхаться и въ одинъ прекрасный день его нашли мертвымъ въ его кабинетѣ...

Ударъ, поразившій старика, сразу перемѣнилъ отношенія членовъ семьи. Нелюбимыя генераломъ дѣти торжествовали, любимый генераломъ Ваня упалъ духомъ: первыхъ любила мать, послѣдній былъ ей не только чуждъ, но и ненавистенъ, а между тѣмъ имѣніе было теперь въ ея рукахъ. Съ этой минуты начался рядъ возмутительныхъ сценъ между братьями и между матерью и Ваней. Братья продолжали кутить, генеральша продолжала играть блестящую роль въ свѣтѣ, а Ванѣ, котораго третировали теперь en canaille, котораго называли теперь домашнимъ шпіономъ,—Ванѣ отказывали даже въ необходимыхъ учителяхъ, въ карманныхъ деньгахъ, въ тѣхъ мелочахъ, которыя ему были нужны въ качествѣ товарища золотой молодежи. Онъ, восемнадцатилѣтній юноша, уже привыкшій къ кутежамъ, уже тратившій деньги на любовницъ, уже мечтавшій о карьерѣ, долженъ былъ теперь пѣшкомъ отправляться въ пансіонъ, гдѣ онъ кончалъ курсъ. Его не только лишили карманныхъ денегъ, ему не только отказали платить по десяти рублей за уроки пѣнія и музыки, но ему даже не позволяли брать съ конюшни экипажъ и лошадь, чтобы доѣхать до пансіона. Онъ понималъ, что его хотятъ ограбить, что ему могутъ испортить карьеру, что его товарищи отвернутся отъ него, узнавъ его положеніе, что онъ даже не можетъ удержать при себѣ бѣлокурой Арманс, которая была уже въ его жизни необходимостью.

— Что же, вы намѣрены меня ограбить?—высокомѣрнымъ тономъ говорилъ онъ матери.

— А ты хочешь пожаловаться отцу?—насмѣшливо спрашивала она, смотря на него съ холоднымъ презрѣніемъ.— Ты вѣдь такъ часто прибѣгалъ къ этому средству при его жизни.

— Мнѣ очень жаль, что я не прибѣгнулъ къ другому средству,—со сдержанной злобой говорилъ онъ.

— Къ какому это?

— Къ лишенію васъ всего въ свою пользу,—отвѣчалъ

Digitized by Google

онъ.—Вы очень хорошо знаете, что все, что у насъ есть, принадлежало отцу и мнѣ.

— Тебѣ?

— Да, мнѣ, а уже, конечно, не *вашимъ* дѣтямъ.

— Иди вонъ!—приказывала мать, блѣднѣя отъ негодованія.—Негодяй!

— Я уйду, но смотрите, чтобы вамъ не пришлось самимъ придти ко мнѣ!—угрожалъ сынъ, закусывая губы и сдвигая брови.

— Я тебя велю вывести!—сурово говорила мать, протягивая руку къ электрическому звонку.

Сынъ уходилъ съ сознаніемъ, что почва ускользаетъ у него изъ подъ ногъ, что ему грозитъ не веселая будущность. Иногда онъ до крови искусывалъ губы, разрывалъ въ клочки свои батистовые платки, въ страшномъ волненіи ходя у себя по комнатѣ и придумывая тысячу средствъ спасти себя. Приближалось между тѣмъ время экзаменовъ: онъ всегда отличался талантливостью въ дѣлѣ искусствъ, хорошо пѣлъ, былъ недурнымъ музыкантомъ, понималъ кое-что въ живописи, но науки давались ему далеко не такъ легко, и экзамены изъ математики, изъ древнихъ языковъ сдавались при помощи «прибавочныхъ уроковъ». Теперь при выпускномъ экзаменѣ, когда нуженъ былъ аттестатъ, «прибавочные уроки» были необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ заявилъ объ этомъ матери.

— А! изволите лѣниться и думаете, что за васъ будутъ платить сотни и тысячи рублей!—съ презрѣніемъ проговорила она.—Ты бы поменьше кутилъ, тогда ученіе и шло бы успѣшнѣе.

— Вы можете сколько угодно упрекать меня, но я попрошу васъ не портить моей карьеры,—сдержанно отвѣтилъ сынъ, которому эта сдержанность стоила не малыхъ усилій.—Аттестатъ мнѣ необходимъ. Иначе мнѣ придется просидѣть въ пансіонѣ еще годъ или выйти изъ него, не кончивъ курса.

— Призаймись хорошенько и выдержишь экзаменъ.

— Я не могу выдержать экзамена.

— Я и не знала, что ты такъ тупъ!

Сынъ чуть не въ кровь закусилъ губы: его смѣла оскорблять эта женщина, которую онъ давно научился презирать и которую онъ теперь начиналъ ненавидѣть такъ же, какъ она ненавидѣла его.

— Вы доведете меня только до того, что я достану деньги на сторонѣ,—сухо сказалъ онъ.

Digitized by Google

— На сторонѣ? У кого это?—съ усмѣшкой спросила она.

— Мало ли у кого можно добыть деньги въ Петербургѣ!

— Но кто же дастъ *тебѣ?* Ты несовершеннолѣтній и у тебя нѣтъ ничего. Я думаю, что такихъ дураковъ мало, которые бросили бы деньги безъ надежды получить ихъ обратно.

— Ну, это еще вопросъ. Вы тоже не пожелаете скандала. Вѣдь когда вамъ представятъ мои векселя, такъ поневолѣ заплатите, какъ платилъ отецъ за *вашихъ* дѣтей.

— А! Такъ ты вотъ на что надѣешься!—воскликнула мать.—Только ты глубоко ошибаешься! Я не заплачу за тебя ни гроша, хоть бы тебѣ пришлось сидѣть въ долговомъ отдѣленіи или быть высланнымъ. Ты знаешь, *какъ* платилъ отецъ за *моихъ* дѣтей. *Такъ* я не могу платить за тебя и потому не буду платить вовсе.

— Ну, это мы увидимъ,—пробормоталъ сынъ, намѣреваясь уйти изъ комнаты.

— Постой!—остановила его мать.—Я очень рада, что ты мнѣ сказалъ, на что ты надѣешься. Я понимаю, что ты въ состояніи, чтобы только принести мнѣ непріятность, надѣлать десятки тысячъ долговъ. Но я предупрежу тебя. Мнѣ стоитъ только напечатать въ газетахъ, что я не плачу за тебя долговъ.

— Вы не сдѣлаете этого,—воскликнулъ сынъ, блѣднѣя отъ злобы при этихъ словахъ.

— Сдѣлаю, потому что считаю тебя способнымъ на все,—холодно отвѣтила мать.

— Такъ вы хотите открытаго скандала? Да?—пробормоталъ онъ.—Что-жъ, идите на него!... Посмотримъ, кто выиграетъ!..

Онъ быстро повернулся и вышелъ. Въ теченіе какихъ-нибудь шести-семи мѣсяцевъ подобныхъ сценъ произошло множество. Ненависть между сыномъ и матерью, существовавшая всегда, разрослась теперь до послѣднихъ предѣловъ. Оскорбленный, униженный, боявшійся за свое будущее, избалованный юноша готовъ былъ теперь на все, чтобы только побѣдить мать. Ея угроза напечатать въ газетахъ о неплатежѣ за него долговъ была послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія въ душѣ не знавшаго до сихъ поръ никакихъ преградъ своимъ капризамъ самолюбиваго баловня. Онъ ушелъ, но ушелъ не изъ комнаты матери, а изъ ея дома.

— Гдѣ Иванъ Васильевичъ?—спросила генеральша у лакея, не видя сына въ теченіе двухъ-трехъ дней.

Digitized by Google

— Они уѣхали,—отвѣтилъ лакей.

— Куда?

— Не могу знать-съ.

Генеральша пожала плечами и задумалась: ее начинало тревожить отсутствіе сына. «Не утопился ли? Не застрѣлился ли?..» Пожалуй, оставилъ какую-нибудь компрометирующую ее записку? Отъ него всего можно ждать! Онъ весь въ отца... Что скажутъ въ свѣтѣ?.. Ну да, кто еще прочтетъ его записку! А и прочтутъ, такъ забудутъ, припишутъ помѣшательству. «Да онъ въ самомъ дѣлѣ помѣшанный... Это нужно говорить всѣмъ»... Прошло еще дня три. Ея безпокойство росло и росло: это было безпокойство свѣтской непомѣрно самолюбивой женщины за свое имя, а не безпокойство матери за сына. Нужно было подготовить свѣтъ на всякій случай ко всему, что можетъ произойти. Она стала говорить всѣмъ и каждому, что ея сынъ скрылся, что это волнуетъ ее, что она не спитъ ночей, что она дала знать, чтобы его искали, и вдругъ среди разгара свѣтованій и соболѣзнованій, ей приносятъ газету, гдѣ крупными буквами напечатано объявленіе, которое я вамъ давалъ сейчасъ прочесть. Это былъ ударъ неожиданный, мѣткій, безжалостный. Ея сынъ, юноша, нигдѣ еще не кончившій курса, ищетъ какихъ-нибудь занятій изъ-за куска хлѣба, тогда какъ другіе ея сыновья кутятъ, тогда какъ она принимаетъ сотни людей въ своемъ великолѣпномъ домѣ.

— Что же это такое?—спрашивали ее.

— Онъ сошелъ съ ума, несчастный!—поторопилась объяснить она.

— Но вы уже приняли мѣры, чтобы спасти его?—спрашивали ее знакомые, недоумѣвая, какъ можетъ она сидѣть спокойно дома, если ея сынъ сошелъ съ ума.

— Да, да... Это меня такъ поразило. Я такъ и думала, что смерть отца страшно отразится на немъ... Я уже послала къ нему и сейчасъ ѣду сама.

Она, всегда владѣвшая собою, всегда холодно надменная, теперь потерялась, не зная, что дѣлать, что говорить. Еще сильнѣе смутилась она, когда къ ней въ волненіи заѣхалъ одинъ изъ близкихъ ей родственниковъ.

— Ты знаешь ли, что онъ разсказываетъ *все*,—объяснилъ онъ ей.—Онъ загрязнитъ наши имена, онъ выдаетъ такія вещи, которыя не слѣдовало бы никому знать...

Вечеромъ въ тотъ же день она послала за сыномъ. Лакей нашелъ его въ жалкой комнатѣ и воротился съ словеснымъ

Digitized by Google

отвѣтомъ, что «Ивану Васильевичу не въ чемъ придти». Генеральша поняла, что скандалъ будетъ только разрастаться, если она станетъ впутывать въ дѣло прислугу и постороннихъ. Она поѣхала къ сыну сама и встрѣтила на слабо освѣщенной лѣстницѣ одного изъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, который не узналъ ея, благодаря густому вуалю. Она поняла, что ея знакомый шелъ отъ ея сына.

— Скажи, пожалуйста, что ты съ нами дѣлаешь?—воскликнула она, являясь въ комнатѣ сына, сидѣвшаго за книгой.

— А! Пришли!—усмѣхнулся онъ, откидываясь на стулѣ и смѣривъ глазами мать.—Вы спрашивали, что я съ вами дѣлаю? Ничего. Я ищу мѣста ради куска хлѣба—вотъ и все.

— Но ты...

— Позвольте! Сядьте и не горячитесь,—холодно проговорилъ сынъ.—Вы обобрали все мое имѣніе въ свою пользу и въ пользу *своихъ* дѣтей...

— Не смѣй...

— Если вы будете меня перебивать, я не стану вовсе говорить, и вамъ останется только уѣхать,—сухо остановилъ онъ ее.—Я говорю, что вы обобрали мое имѣніе въ свою пользу и въ пользу *своихъ* дѣтей. Вы лишили меня даже необходимаго, даже возможности кончить мое образованіе такъ, какъ я его началъ...

— У Борелей и Дюссо!...

— И мнѣ осталось только одно средство: искать работы, чтобы существовать,—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на ея вставку.—Я счелъ, что удобнѣе было искать работу черезъ газеты: наша фамилія извѣстна половинѣ Петербурга, и я надѣялся, что ко мнѣ явятся сотни знакомыхъ намъ людей, которые и добудутъ мнѣ какое-нибудь мѣсто...

— Ахъ, ты разсчитывалъ на любителей скандаловъ, на свѣтскихъ вѣстовщиковъ!

— Да, на нихъ... Ко мнѣ уже являлись многіе за разъясненіями...

— Разъясненія отъ сумасшедшаго!—перебила мать, пожимая плечами.

— Да, это вы остроумно придумали,—усмѣхнулся сынъ.—Мнѣ уже передали, что вы называете меня сумасшедшимъ. Но я, мнѣ кажется, отпарировалъ ударъ, подробно разсказавъ всѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ я сижу безъ хлѣба.

— А, такъ ты желаешь посвящать весь Петербургъ въ наши семейныя дѣла! Это отлично, это вполнѣ честно! Негодяй!

Digitized by Google

Сынъ, блѣдный, озлобленный, поднялся съ мѣста. Въ эту минуту онъ походилъ болѣе чѣмъ когда-нибудь на своего отца.

— Я не знаю, зачѣмъ вы пришли сюда,—сдержанно, но злобно проговорилъ онъ.—Я васъ предупреждаю только, что я не вынесу брани и оскорбленій. Вы знаете, кто изъ насъ первый поступилъ подло... слышите вы: подло!.. Я оставляю за собой право разсказывать все, какъ было... Вы можете выдумывать обо мнѣ со своей стороны, что угодно... Я буду указывать на факты, а вы... указывайте на что вамъ угодно... Я могу указать и доказать, что имѣніе все принадлежало отцу, и могу сказать, когда и почему оно было переведено на васъ, я могу даже показать письма отца, гдѣ онъ пишетъ и подчеркиваетъ, что я единственный *его* сынъ, тогда какъ другіе... Впрочемъ, что я распространяюсь: идите домой, а завтра, послѣзавтра, черезъ недѣлю до васъ дойдутъ подробные отчеты обо всемъ, что я буду говорить всѣмъ и каждому.

— Прежде чѣмъ ты разскажешь что-нибудь, тебя засадятъ въ домъ умалишенныхъ! Слышишь ты!—произнесла задыхающимся голосомъ мать.

— Что же вы медлите, дѣлайте это скорѣе! Авось, меня и тамъ навѣстятъ ваши добрые знакомые...

Безпредѣльная наглость, безсердечная сдержанность, свѣтская приличность, все то, что прививалось съ дѣтства къ этому барчуку-баловню, къ этому представителю золотой молодежи, къ этому выдрессированному въ салонахъ приличному юношѣ, къ этому рысачнику, привыкшему обдавать грязью всѣхъ и все, не возмущаясь ничѣмъ, не удивляясь ничему, сказалось теперь ярко, отчетливо, цинично. Онъ былъ невозмутимъ и приличенъ, хотя иногда онъ стискивалъ зубы, точно отъ подавленной боли, и сверкалъ глазами, точно внутри его все горѣло отъ злобы, и если черты его лица и злобное выраженіе его глазъ напоминали его мужиковатаго отца, то его обращеніе и обороты его рѣчи напоминали его свѣтскую мать.

— Чего же ты добиваешься?—воскликнула мать, приходя въ отчаяніе.

— Занятій,—сухо отвѣтилъ сынъ.

— Пожалуйста, не считай меня за дурочку!—воскликнула она.

— А вы думаете, чего я добиваюсь?—спросилъ онъ.

Она нетерпѣливо пожала плечами.

Digitized by Google

— Ты, конечно, хочешь, чтобъ я тебя выдѣлила,—сказала она.

— Да? Вы такъ думаете?—сказалъ онъ въ формѣ вопроса.—Что-жъ, это будетъ очень хорошо и для меня, и для васъ.

Начался торгъ, возмутительный, циничный торгъ двухъ мошенниковъ. Мать говорила съ брезгливостью, съ омерзеніемъ. Сынъ говорилъ сдержанно, холодно, давая понять, что въ случаѣ надобности онъ не отступитъ ни передъ чѣмъ, скомпрометируетъ и мать, и ея дядю, и ея разныхъ кузеновъ и даже имя своего отца, разгласивъ все, что дѣлалось тайно, что можно еще поднять изъ архивовъ, что можно еще довести до суда.

— Но ты долженъ будешь уѣхать на-время за границу,—сказала, наконецъ, мать.

— За границу? Зачѣмъ?—удивился сынъ.

— Ты понимаешь, что эта исторія... Ты долженъ ѣхать лѣчиться.

— Лѣчиться? Но я здоровъ...

— Да, но все-таки... этотъ скандалъ нужно чѣмъ-нибудь объяснить...

— Ахъ да, я и забылъ!.. Вы хотите, чтобы общество думало, что я сошелъ съ ума? Что-жъ, я, пожалуй, поѣду на-время...

Мать поднялась съ мѣста.

— Ты поѣдешь со мной?—спросила она.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ.

На другой день всѣ близкіе, всѣ знакомые Салмановыхъ уже знали, что несчастный Иванъ Васильевичъ, потрясенный потерей отца, сошелъ съ ума, что онъ ѣдетъ лѣчиться за границу, что несчастная мать страдаетъ за участь любимаго сына...

VII.

Отецъ—добрый малый.

— Кто это?

Я указалъ Клименко на одну изъ дамъ полусвѣта, входившую въ ложу бель-этажа въ Маріинскомъ театрѣ.

— А, это дочь одного добраго малаго,—отвѣтилъ Клименко.—Изъ русскихъ. Она недавно возвратилась въ Петербургъ... Изъ Ташкента, кажется... Да вы, вѣроятно, знали и ея отца, и ее. Онъ еще не очень давно былъ та-

Digitized by Google

лантливымъ артистомъ въ труппѣ Александровскаго театра, играя роли письмоносцевъ, лакеевъ и безмолствующихъ маркизовъ и грандовъ, а она... да вы ее, можетъ-быть, и не замѣчали въ балетѣ, гдѣ она являлась два-три раза въ годъ для украшенія группъ у воды и выдавалась среди кордебалета великолѣпными брильянтами. Теперь она нѣсколько увяла, ей уже подъ сорокъ, хотя, какъ видите, она все еще довольно стройна, плечи красивы... Ея фамилія Перова. У нея двѣ сестры числились въ кордебалетѣ, одна въ оперномъ хорѣ съ полгода участвовала, и одна три раза въ годъ «гостей» играла въ драматической труппѣ. Онѣ, правда, всѣ не грѣшили талантливостью, но были хороши собой, веселы, бойки и ничего—процвѣтали. Это была цѣлая семья русскихъ... бабочекъ...

Подняли занавѣсъ; Клименко замолчалъ. Въ слѣдующемъ антрактѣ я спросилъ его:

— Вы знаете исторію этой семьи?

— Знаю ли я ихъ исторію? Еще бы!—воскликнулъ онъ, улыбаясь.—Катишь, Пашетъ, Софи, Маруська, Дашурка Перовы—это все были наши увеселительницы, наши милыя спутницы на холостыхъ кутежахъ... Ахъ, молодость, молодость, есть чѣмъ тебя помянуть!

— А исторія ихъ, все-таки, вѣроятно, не весела,—замѣтилъ я.

— Вы ошибаетесь, мой другъ!—проговорилъ Клименко.—Это самая веселая изъ веселыхъ исторій. Въ ней нѣтъ ни бурь, ни трагическихъ столкновеній, ни гамлетовскихъ to by or not to by! Это просто милый водевиль съ канканчикомъ и шансонетками. Все дѣло въ томъ, что у Перовыхъ былъ отецъ—добрый малый, простякъ, весельчакъ, однимъ словомъ, c'était un bon enfant...

Я улыбнулся.

— Но вы, все-таки, разскажете исторію?—спросилъ я.

— Пожалуй, пожалуй... Я люблю вспоминать молодость... Знаете, что,—продолжалъ Клименко, смотря въ бинокль на Перову:—мнѣ даже становится нѣсколько грустно, что я вижу теперь Дашурку отцвѣтающею... Я ея давно не видалъ, и въ моей памяти такъ и сохранился ея образъ въ видѣ живой, вертлявой дѣвчонки, умѣющей, приготовляясь къ канкану, шикарно подхватить спереди одною рукою всѣ фалбалы и воланы подола воздушнаго платья и граціозно засунуть большой палецъ другой руки подъ пазуху, гдѣ нѣту даже и признака рукава... А теперь... да, она видимо

Digitized by Google

толстѣетъ, обрюзгла и, должно-быть, копитъ деньгу... А прежде... Прежде она ничего не берегла, ничего не прятала, ничего не копила... У нихъ откровенность была въ фамильномъ характерѣ... Да, да, уходятъ годы...

— Прежде чѣмъ я познакомлю васъ съ Перовымъ-отцомъ, я долженъ сдѣлать нѣкоторое «старческое» отступленіе,—не безъ иронiи началъ Клименко свой разсказъ о Перовыхъ.—Дѣло въ томъ, что я сердитъ, очень сердитъ на Петербургъ. Въ Петербургѣ теперь кончилась жизнь: теперь это биржа, канцелярiя, общее собраніе акціонеровъ, мѣсто наживы, но не мѣсто для жизни и для прожиганія жизни. Вы мнѣ, пожалуй, укажете на золотую молодежь, на кутящихъ адвокатовъ и биржевиковъ. Полноте! развѣ эти люди живутъ? Они заботятся о фальшивыхъ и настоящихъ векселяхъ, они спекулируютъ на биржѣ и въ судебныхъ процессахъ и, между прочимъ, когда удается загрести большой кушъ, просаживаютъ въ нѣсколько минутъ сотую долю изъ того, что успѣли загрести, да и то боятся, что ихъ «обличатъ» за слишкомъ крупный подарокъ какой-нибудь заѣзжей кокоткѣ или за слишкомъ буйное разбиваніе зеркалъ въ какомъ-нибудь петербургскомъ Ташкентѣ... Въ былое время, въ тѣ дни, когда жили Саввы Яковлевы, не такъ жилось: дѣла велись управляющими, а тотъ, кто имѣлъ средства жить, предоставивъ денежные счеты управляющимъ—жилъ, да вѣдь какъ жилъ—во всю ширь русской дикой натуры... Обличенiй же вовсе и не было еще изобрѣтено... Но шутки въ сторону... Въ былое время въ Петербургѣ были и семейная жизнь, и мирныя удовольствія развиты полнѣе, вѣроятно, вслѣдствіе того, что тогда еще не было изобрѣтено никакихъ вопросовъ, и никто не думалъ не только-что о точкѣ къ реформамъ, но даже и о самихъ реформахъ. Знаете, я иногда даже жалѣю, что я поздно родился и засталъ это блаженное время уже на кончикѣ. Теперь, правда, все у насъ въ обществѣ шлифованнѣе, цивилизованнѣе, умнѣе, но... но... право же, скучно... Вотъ въ тѣ-то блаженныя времена въ Петербургѣ процвѣтала, напримѣръ, страсть къ охотѣ да не такая страсть, какъ теперь, когда есть и общества охоты, и серебряные знаки отличія у любителей охоты, и охотничьи дома, гдѣ есть и мягкія постели, и французская кухня, и вина по прейсъ-куранту,— а страсть настоящая, способная на труды и лишенія. Возьмите хоть театральный міръ: музыкантъ Вихманъ, сынъ

Digitized by Google

извѣстнаго балетмейстера Карлъ Карловичъ Дидло, знаменитый Яковъ Григорьевичъ Брянскій, театральный арфистъ и учитель всѣхъ молоденькихъ аристократокъ Карлъ Федоровичъ Пауль, нѣмецкій актеръ Федоръ Карловичъ Гёрцъ, безсмертный создатель Репетилова—Сосницкій, все вѣдь это были охотники, да еще какіе! И какія охоты устраивались на Кругломъ островѣ, на Трухтанскомъ островѣ, на Батарейномъ островѣ, на Кирпичахъ, по всему прибрежью отъ Рѣзваго острова за Шереметевскую дачу и сумасшедшій домъ. Бывало, снуютъ тамъ челны, бѣлѣются палатки, мерцаютъ костры, мелькаютъ фигуры мужчинъ и дѣтей, слышатся выстрѣлы, говоръ, остроты, смѣхъ. А нынче... на откупленныхъ мѣстахъ запустѣнье, такъ какъ богачи не охотятся, а только откупаютъ мѣста, чтобъ ни себѣ, ни другимъ, а все-таки было бы мѣсто на случай разговора объ охотѣ, а на откупленныхъ мѣстахъ только въ воскресные дни идетъ не охота, а пьяная оргія захудалаго гаванскаго и коломенскаго чиновничества, выѣзжающаго въ праздники ins Grünen и стрѣляющаго по воробьямъ и чижикамъ... Фи! развѣ это тѣ охоты, о которыхъ весело вспомнить и теперь нашему брату, проведшему лѣтніе дни свѣтлаго своего дѣтства въ этомъ веселомъ кругу истинныхъ охотниковъ? Я какъ сейчасъ помню всѣ фигуры тогдашнихъ охотниковъ, я помню непомѣрно толстаго, но ловкаго и легкаго на ходу Пауля съ серебристыми густыми кудрями, съ вѣчно розовымъ лицомъ, съ вѣчными шутками и прибаутками, громко выкрикивающаго: «гопъ-гопъ», окруженнаго приводившими другихъ въ зависть «польскими собаками», плодившимися у него въ большомъ числѣ. Я помню длиннаго, сухого, всегда сосредоточеннаго Гёрца, добродушнѣйшаго изъ добродушныхъ нѣмцевъ, вѣчно что-то соображающаго и вѣчно возражающаго всѣмъ и каждому, восклицая: «А—а, батюшка мой, это не такъ!» Я помню и дамъ, бывавшихъ здѣсь, хозяйничавшихъ въ палаткахъ, какъ дома, и имѣвшихъ видъ походныхъ барынь, которыя не боятся промочить ногъ или сѣсть въ весла въ челнѣ. Всѣ эти люди и селились поближе къ островамъ: кто жилъ въ Волынкиной деревнѣ, кто въ Екатерингофѣ, кто въ Емельяновкѣ. Эти люди составляли своего рода «веселый клубъ охотниковъ», для котораго не существовало никакихъ общественныхъ интересовъ, кромѣ охоты и охоты... Къ сожалѣнію, я, какъ я вамъ уже сказалъ, засталъ эту жизнь «на кончикѣ», когда между компаніей завзятыхъ

Digitized by Google

охотниковъ стали появляться и люди, сдѣлавшіе изъ охоты промыселъ, и люди, которыхъ интересовали болѣе всего охотничьи доспѣхи, зеленые узоры на сѣрыхъ курткахъ и серебряные свистки на красивыхъ цѣпочкахъ... Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Перовъ. Высокій, стройный, худенькій и моложавый онъ являлся на охоту всегда во всемъ новомъ съ множествомъ зеленыхъ шнурочковъ и серебряныхъ цѣпочекъ, точно на костюмированный балъ. На охотѣ онъ считалъ главною цѣлью добродушно пощеголять, хорошо поѣсть и выпить бутылку-другую вина съ доброй компаніей... Какъ сейчасъ помню, когда я впервые увидалъ его.

— А вонъ и нашъ добрый малый!—воскликнулъ одинъ изъ охотниковъ, завидѣвъ приближающагося Перова.

Я, тогда еще тринадцатилѣтній мальчуганъ, обратилъ на него вниманіе. Онъ легко и граціозно перескакивалъ съ кочки на кочку, пробираясь къ намъ. Онъ держалъ ружье на отвѣсъ съ граціей кордебалетной танцовщицы, переодѣтой стрѣлкомъ, и сіялъ новизною своего костюма и праздничнымъ видомъ своей физіономіи:

— Ба, ба, ба! опять съ новымъ ружьемъ!—встрѣтилъ его Пауль.

— Жена, жена подарила!—отвѣчалъ онъ, показывая щегольское ружье.

— А, батюшка мой, покажите!—сосредоточенно вытянулъ губы Гёрцъ.—Отъ Лежёна?..

Гёрцъ взялъ ружье, методически осмотрѣлъ его, взвѣсилъ на рукахъ, прицѣлился, прищуривъ одинъ глазъ, и рѣшилъ, отдавая назадъ ружье:

— Хорошая вещь!

— А у васъ добрая жена!—замѣтилъ кто-то, смѣясь.

— Катя? Катя у меня ангелъ!—восторженно отвѣтилъ Перовъ.—Нѣтъ, а вы знаете, господа, у меня опять дѣвочка родилась!

Всѣ почему-то разсмѣялись.

— Хорошій стрѣлокъ!—замѣтилъ Пауль.

— Это которая у васъ?—спросилъ кто-то.

— Которая?.. Позвольте?.. Пашетъ, Катишь, Софи, Маруська, Дашурка, Зина... нѣтъ... Зина... Леля, Феничка умерли...—говорилъ Перовъ, считая по пальцамъ.—Теперь это девятая, Зоя... да, точно девятая...

— Онъ, господа, самъ не знаетъ, сколько послало ему небо дочерей,—засмѣялся одинъ изъ собесѣдниковъ.

Digitized by Google

— Ха-ха-ха! и вѣдь, право, не знаю... Нѣтъ, ей-Богу, кажется, девять... то-есть было девять, но три умерли, значитъ, осталось шесть.

Перовъ говорилъ и хохоталъ, манерно поворачиваясь передъ обществомъ и играя ружьемъ...

Съ этого раза я узналъ Перова. Это былъ франтикъ, весельчакъ, гуляка, воплощенная безпечность. Онъ получалъ въ театрѣ одинъ изъ низшихъ окладовъ, но жилъ хорошо, одѣвался отлично, покучивалъ съ пріятелями. Изъ какихъ средствъ?—спросите вы.

— Моя Катюша такая добрая!—говорилъ онъ про свою жену, числившуюся тоже въ штатѣ артистокъ русской драматической труппы.

Женился онъ на ней случайно: ему посовѣтовало одно изъ вліятельныхъ лицъ жениться.

— Вы, молодой человѣкъ, закутитесь, погибнете въ холостой компаніи, вамъ надо бы подумать о женитьбѣ,—сказала ему особа отеческимъ тономъ.

— Я, ваше превосходительство, готовъ,—отвѣтилъ Перовъ.—Но на комъ же?

— Вотъ на Катеринѣ Ивановнѣ Разсоловой женились бы, дѣвица прекрасная, не нищая,—посовѣтовала особа.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Перовъ.—Но Катерина Ивановна почти не знаетъ меня.

— Я буду сватомъ,—рѣшила особа.

Сказано-сдѣлано. У Перова появилось новое платье, новое ружье, новая собака.

— А я, господа, женился,—объявлялъ Перовъ пріятелямъ.

— Женился? На комъ?—удивлялись они.

— На Катеринѣ Ивановнѣ Разсоловой!—отвѣчалъ торжествующій Перовъ.—Вы видѣли, господа, у меня новую собаку? Вотъ такъ ужъ песъ, я вамъ скажу! Что за понятливость, какъ выдрессированъ—изумительно!.. Трезоръ, Трезоръ, умри!—крикнулъ Перовъ своей собакѣ.

Собака перекувырнулась на спину и замерла на мѣстѣ. Перовъ торжествовалъ: если ужъ Трезоръ умѣлъ «умирать» по его приказу—значитъ, «охотничья собака» была отличная.

— Гдѣ же ты добылъ этого Трезора?—спрашивали его.

— Да это она же, Катюша, мнѣ подарила,—пояснялъ Перовъ.

Digitized by Google

Съ этой поры началась его счастливая жизнь: онъ фран-
зилъ на охоту, онъ ѣздилъ съ Катюшей на пикники, онъ
знакомился съ знатной молодежью, онъ вѣчно что-то на-
ѣвалъ, напѣвалъ, подпѣвалъ, пощелкивалъ пальцами и былъ въ томъ праздничномъ настроеніи, при кото-
ромъ человѣкъ «земли подъ собой не слышитъ». Однажды
его даже чуть не посадили подъ арестъ за это праздничное
настроеніе, такъ какъ онъ, вспомнивъ какой-то эпизодъ
изъ своего развеселаго житья, расхохотался на сценѣ въ
то время, когда ему нужно было изображать въ пьесѣ
мрачнаго и молчаливаго спутника страшнаго злодѣя. Онъ
обожалъ свою жену, и, надо отдать ей полную справедли-
вость, она тоже очень любила его. Когда кто-нибудь заго-
варивалъ съ нимъ о ней, онъ говорилъ:

— Катюша у меня добрая!

Когда кто-нибудь говорилъ съ нею о немъ, она всегда
переключала на французскомъ языкѣ нижегородскаго жаргона:

— C'est un bon enfant!

Впрочемъ, стоило только взглянуть, какъ заботливо уку-
тывалъ въ шубу свою Катюшу Перовъ, возвращаясь съ
шумнаго пикника, и какъ нѣжно прижималась она къ
своему мужу головкой, дремля отъ усталости въ троечныхъ
саняхъ, чтобы понять всю силу любви этихъ двухъ супру-
говъ, не знавшихъ ни ссоръ, ни недоразумѣній и испыты-
вавшихъ младенчески-наивную радость, когда имъ удава-
лось сдѣлать другъ другу сюрпризъ изъ своихъ заработан-
ныхъ денегъ.

И было же весело въ этой семьѣ: правда, Перовы были
оба немного богемы, цыгане; они чуть не каждый мѣсяцъ
мѣняли квартиру; у нихъ всегда можно было наткнуться
на какое-нибудь валяющееся на полу дорогое бальное
платье или сѣсть на лишенный одной ножки стулъ, вы-
шедшій еще недавно изъ мастерской Гамбса; обѣдая у нихъ,
вы не были застрахованы отъ утонувшей въ супѣ мухи
или зажареннаго заживо въ ростбифѣ таракана; вы даже
могли попасть къ нимъ въ такую минуту, когда Катерина
Ивановна, наскоро надѣвая бастовую шляпку съ страусо-
выми перьями и разрывая въ нетерпѣніи новыя лайковыя
перчатки, не влѣзавшія на руку, кричала вамъ: «подождите,
подождите меня, я сейчасъ пріѣду, у насъ сегодня ни гроша
въ домѣ, а между тѣмъ нѣтъ ни чаю, ни сахару»,—но въ
то же время вы нигдѣ не нашли бы такого безшабашнаго
веселья, какъ здѣсь. Родилась новая дѣвочка у Перовыхъ—

Digitized by Google

они задаютъ пиръ; умерла дѣвочка—у нихъ блестящія поминки, напоминающія именинный обѣдъ; дали Катюшѣ бенефисъ—они дѣлаютъ балъ; отказали Перову въ прибавкѣ—они съ горя ѣдутъ на пикникъ. Веселились у нихъ всѣ, кто посѣщалъ ихъ, и даже та ветхая особа, которая сосватала эту пару, несмотря на свои преклонныя лѣта не могла не веселиться у нихъ:

— А вотъ и мой старикашка!—кричала Катерина Ивановна, встрѣчая особу, и начинала кружиться съ особой, покрывая поцѣлуями дряблыя щеки и беззубый ротъ опалѣвшаго старца.

— Катюша... Катюша... дурочка... уморила,—шамкала особа задыхающимся голосомъ, но сердиться при всей своей важности не могла, потому что на Катюшу сердиться было невозможно.

Также точно любили Катюшу и смѣялись вмѣстѣ съ нею юные гвардейскіе подпрапорщики, пажики, лицеисты, правовѣды. Она и ихъ тормошила, ерошила имъ волосы, одѣвала ихъ для смѣха въ свои платья, заставляла ихъ надѣвать на нее ихъ платье, приказывала имъ танцовать съ нею «русскую»; — однимъ словомъ, веселѣе жить, чѣмъ жили Перовы, нельзя... Да, хорошо жить тѣмъ, у кого спокойна совѣсть, —невозмутимо-серьезнымъ тономъ заключилъ Клименко.

Мнѣ было уже восемнадцать лѣтъ, когда я впервые познакомился съ Пашетъ Перовой. Дѣло было на пикникѣ за городомъ. Я явился на пикникъ не особенно смѣло, потому что это былъ первый пикникъ, на который я попалъ и на которомъ я ожидалъ встрѣчи съ «женщинами»,—не просто съ женщинами, а съ «женщинами на пикникѣ». Я вошелъ въ ярко освѣщенный залъ, уставленный цвѣтами, и сразу наступилъ кому-то на платье:

— Pardon, monsieur!—пробормоталъ я и выронилъ изъ рукъ шляпу.

Я нагнулся поднять ее и услышалъ надъ собой хохотъ, да вѣдь какой! звонкій, заразительный, неудержимый. Я поднялся красный, какъ вареный ракъ, и остановился неподвижно, лицомъ къ лицу съ молоденькою дѣвушкою въ бальномъ нарядѣ.

— Ахъ, ахъ, какой онъ уморительный! Взгляни, какъ онъ раскраснѣлся! Ха-ха-ха! — заливалась она, указывая

Digitized by Google

на меня своему кавалеру. — Pardon, monsieur! Это я-то «monsieur»! Ха-ха-ха!

Я чуть не заплакалъ отъ стыда.

— Ну, вы видите теперь, что я не monsieur?—сказала она мнѣ, подходя еще ближе ко мнѣ.

Я видѣлъ только роскошныя бѣлыя руки, восхитительныя плечи и пышную грудь, высоко поднимавшуюся изъ-подъ открытаго лифа, передъ самыми моими глазами, точно именно по этой груди я долженъ былъ рѣшить, «monsieur» ли стоитъ передо мною или нѣтъ.

— Ты меня оставь, я его просвѣщать буду,—сказала она своему спутнику, котораго я не разглядѣлъ въ эти минуты полнаго одуренія.

Она взяла меня подъ руку и пошла просвѣщать. Черезъ полчаса я хохоталъ такъ же громко, какъ она, танцуя, напѣвая, дурачась вмѣстѣ съ нею и не замѣчая, какъ летитъ время.

— Отведите меня теперь къ отцу, я его потеряла изъ виду,—сказала она наконецъ.

— Къ отцу? Развѣ и вашъ отецъ здѣсь?—удивился я.

— Ну, да? Я же съ нимъ ходила, когда вы подошли,— объяснила она.

— Вотъ-то я не думалъ, чтобъ это былъ вашъ отецъ. Какъ же онъ позволилъ вамъ такъ вдругъ уйти со мною?

— Ah, c'est un bon enfant!—засмѣялась она.

— Но когда же мы увидимся опять?—спросилъ я.

— Хоть завтра! Пріѣзжайте ко мнѣ—вотъ и увидимся.

— Но я не знакомъ съ вашей семьей...

— Пустяки какіе! Къ намъ всѣ такъ ѣздятъ. Моя мать добрая женщина, а отецъ...

— C'est un bon enfant!—засмѣялся я, перебивая ее.

— Ну да! ну да! Чего вы смѣетесь? Разумѣется, c'est un bon enfant! Его и мать такъ зоветъ, и мы, и всѣ...

Я повелъ ее къ этому «bon enfant», лаская ея маленькую ручку, лежавшую на моей правой рукѣ.

— Папа, ты посмотри на него, какой онъ хорошенькій!..— вдругъ произнесла моя спутница, когда мы подошли къ ея отцу.

Она безцеремонно взяла меня за подбородокъ и повернула лицомъ къ своему отцу. Я опять покраснѣлъ.

— Шалунья! шалунья!—весело проговорилъ онъ, и только теперь я вспомнилъ и это лицо, и этотъ голосъ, и эту фамилію, и даже самъ удивился, какъ я могъ забыть въ три,

Digitized by Google

въ четыре года того Перова, надъ которымъ потѣшался кружокъ знакомыхъ мнѣ охотниковъ. Онъ выглядѣлъ и теперь попрежнему юношей, хотя, при тщательномъ изученіи его лица, можно было замѣтить и морщинки подъ глазами, и дряблость кожи, и легкую просѣдь въ волосахъ. Теперь онъ былъ не столько строенъ, сколько худощавъ...

— А я васъ немного знаю,—сказалъ я.—Я, мальчикомъ, видалъ васъ въ кружкѣ артистовъ на охотѣ на Кругломъ островѣ.

— Можетъ-быть... можетъ-быть... Меня половина Петербурга знаетъ,—отвѣчалъ онъ съ небрежной гордостью.

— Ахъ, фатишка, фатишка!—воскликнула дочь. — Онъ у насъ ужасно много мечтаетъ о себѣ. Когда на насъ смотрятъ на Невскомъ или въ театрѣ, онъ воображаетъ, что всѣ говорятъ: «вотъ дочери Перова»... замѣтьте: не просто «Перовы», а «дочери Перова»...

Она захохотала опять тѣмъ же звонкимъ, заразительнымъ, неудержимымъ смѣхомъ...

— Да, батюшка, въ наше время «вопросовъ» выводится подобный смѣхъ,—съ комичною грустью вздохнулъ Клименко...

Съ этой поры я сталъ «вхожъ въ домъ» Перовыхъ...

Я былъ всегда довольно подвижнымъ человѣкомъ, а въ тѣ годы и подавно. Но, признаюсь откровенно, иногда я ни ногъ, ни рукъ не чувствовалъ послѣ дня, проведеннаго въ этомъ домѣ. Да этого мало! къ вечеру я даже терялъ способность смѣяться, терялъ способность соображать, что я думаю. Я даже думаю, что я былъ способенъ въ подобныя минуты жениться... а вы вѣдь знаете, что худшей глупости для меня не существуетъ...

У Перовыхъ была въ то время большая, хорошо меблированная квартира. Но она казалась и мала, и не прибрана, такъ какъ въ ней была вѣчная толкотня, и ни одинъ предметъ изъ мебели не оставался на своемъ мѣстѣ. Хлопанье дверей здѣсь не прекращалось цѣлый день, никто никогда не сидѣлъ здѣсь и получаса на своемъ мѣстѣ, не проходило минуты, чтобы кто-нибудь не требовалъ себѣ чаю, кофе, конфетъ, фруктъ. Иногда здѣсь утромъ барышни поѣдали сладкіе пирожки и мороженое, порой въ полдень устраивались танцы. Танцовали здѣсь подъ фортепіано и безъ фортепіано, съ кавалерами и безъ кавалеровъ. Подчасъ здѣсь можно было встрѣтить всю семью, иногда въ теченіе цѣлыхъ недѣль пропадала одна дочь или двѣ-три дочери

Digitized by Google

Перовыхъ. Здѣсь можно было встрѣтить и студентовъ, и артистовъ, и военныхъ, и стариковъ, и молодежь. Иногда одна изъ комнатъ въ квартирѣ Перовыхъ вдругъ превращалась въ мастерскую скульптора или живописца, «изображавшаго одну изъ барышенъ» во образѣ Венеры или Діаны. Одинъ изъ нашихъ художниковъ, Николаевъ, извѣстный особенно среди богатыхъ кутилъ своими до послѣдней степени скабрезными и очень дорого цѣнимыми акварелями, даже жилъ у Перовыхъ. Переѣхалъ онъ къ нимъ совершенно неожиданно: сначала онъ хотѣлъ написать Софи Перову вакханкой и потому ежедневно пріѣзжалъ къ Перовымъ для рисовальныхъ сеансовъ, потомъ онъ какъ-то прокутилъ у нихъ всю ночь и на слѣдующую ночь разсчиталъ, что ему вовсе и не для чего ходить домой, когда можно оставаться и здѣсь. Въ деньгахъ у Перовыхъ и у Николаева никогда не было недостатка, но, тѣмъ не менѣе, они нерѣдко оставались безъ обѣда, забывъ его заказать и разославъ всѣхъ прислугъ съ различными порученіями и записками. Это, впрочемъ, ихъ нисколько не смущало, такъ какъ они менѣе всего заботились объ обѣдѣ, въ смыслѣ опредѣленныхъ завтраковъ и обѣдовъ, имѣя всегда подъ руками закуски и сласти. Гости у Перовыхъ были чѣмъ-то въ родѣ ихъ покорныхъ рабовъ. Стоило вамъ придти къ нимъ, чтобъ вами тотчасъ же кто-нибудь завладѣлъ. Васъ или уводила къ себѣ въ комнату которая-нибудь изъ барышенъ, или вамъ давали порученіе купить поскорѣе вѣеръ къ вечернему балу, букетъ къ спектаклю, лентъ для пояса, или васъ заставляли разматывать шелкъ и шерсть для вышивокъ, которыя никогда не начинались никѣмъ, или просто васъ заставляли идти гулять, танцовать, кататься. За эту работу вы смѣло могли цѣловать ручки и губки барышенъ и, если угодно, могли также смѣло предложить которой-нибудь изъ нихъ поѣздку на Иматру, въ Павловскъ, въ Петергофъ на день, на два, на неограниченное время.

— Папа, я уѣзжаю съ Иваномъ Ивановичемъ!—говорила, хлопая въ ладони и подпрыгивая, приглашенная дѣвица.

— А-а, ѣдешь? Ну, поѣзжай, поѣзжай,—соглашался отецъ, и самъ хлопоталъ обо всемъ необходимомъ для поѣздки.

Замѣчательнѣе всего было то, что никто не ревновалъ никого къ дѣвицамъ Перовымъ, и онѣ не ревновали одна другую ни къ кому, точно каждый зналъ, что дѣвицъ Перовыхъ достаточно для всѣхъ, а онѣ знали, что на всѣхъ ихъ также хватитъ мужчинъ. Была еще одна оригинальная

Digitized by Google

черта у нихъ: я никогда не видалъ, чтобы у которой-нибудь изъ дѣвицъ Перовыхъ омрачалось личико, когда имъ приходилось возвращаться одиноко въ родительскій домъ послѣ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ отсутствія. Онѣ входили въ этотъ домъ такъ же весело въ этихъ случаяхъ, какъ послѣ прогулки по Невскому, по Морской: одно partie de plaisir кончалось, и онѣ уже ожидали новаго. Кто любилъ ихъ или былъ любимъ ими, тотъ могъ смѣло сказать, что онъ никогда не былъ причиною ихъ слезъ и жалобъ.

— Какой онъ глупый,—говорила мнѣ однажды Пашетъ про одного знакомаго.—Разошелся съ Марусей и пересталъ ѣздить, точно разсердился на что-нибудь или виноватъ въ чемъ-нибудь. Я непремѣнно надеру ему уши, если встрѣчу его гдѣ-нибудь, друзья такъ не поступаютъ.

— Ему, можетъ-быть, тяжело бывать у васъ теперь,—замѣтилъ я.

— Это отчего? Если онъ разлюбилъ Марусю, такъ почему же можетъ быть ему тяжело? Маруся теперь любитъ другого, и онъ можетъ любить другую. Дурного другъ другу они ничего не сдѣлали.

— Но все-таки... воспоминанія...

— Какія воспоминанія? О томъ, что имъ такъ весело было? Это должно радовать. Пришелъ бы, поговорили бы, какъ они хорошо жили, какъ веселились... Нѣтъ, онъ глупый, совсѣмъ глупый!..

Впрочемъ, такихъ глупцовъ въ числѣ знакомыхъ Перовыхъ было немного. Дѣлались эти знакомые такими глупцами только въ случаѣ женитьбы и то не по своей волѣ, а потому что жены не пускали ихъ къ Перовымъ, боясь, что мужья снова вспомнятъ свои холостыя проказы и увлекутся старыми слабостями. Увлечься же было уже легко потому, что для этого увлеченія не ставилось никакихъ преградъ въ этомъ веселомъ семействѣ, куда входили почти безъ рекомендаціи и гдѣ никого не удерживали насильно даже и въ такихъ экстренныхъ случаяхъ, какой произошелъ здѣсь однажды во время моего знакомства съ этой семьей.

Однажды я пришелъ въ домъ Перовыхъ и засталъ семью въ большихъ хлопотахъ, чѣмъ когда-нибудь. Всѣ бѣгали и суетились.

Я спросилъ у Пашетъ, что произошло.

— У Маруси дѣвочка родилась, — отвѣтила Пашетъ. — Какая хорошенькая, просто прелесть!

Digitized by Google

— Да развѣ Маруся уже вернулась? Я думалъ, что она навсегда уѣхала...

— Да, она съ Орловскимъ на югъ ѣздила... Пріѣхала къ намъ уже передъ самыми родами.

— Что же вашъ батюшка говоритъ?

— Что же ему говорить? Хлопочетъ насчетъ кормилицы. Маруся не можетъ, бѣдняжка, сама кормить.

— Онъ огорченъ?

— Да, немного. Онъ думалъ, что хоть одинъ мальчикъ у него будетъ,—отвѣтила Пашетъ.

— Только этимъ?—воскликнулъ я.

— А то чѣмъ же? Вѣдь нельзя же, чтобы никогда не было дѣтей. Маруся не какая-нибудь старая дѣва.

Черезъ минуту явился запыхавшійся Перовъ.

— Досталъ, досталъ... въ воспитательномъ домѣ досталъ,— заговорилъ онъ, обращаясь къ Пашетъ. — А и вы здѣсь, — сказалъ онъ мнѣ, пожимая мнѣ руку.—Слышали: опять дѣвочка! Это ужъ, вѣрно, фамильное у насъ, что всѣ Перовы непремѣнно должны быть дѣвочками.

— Кромѣ васъ,—улыбнулся я.

— Ха-ха-ха! вотъ что выдумалъ, шутникъ! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь родился же я мужчиной, а вотъ теперь всѣ дѣвочки... Это анекдотъ! Разсказывать всѣмъ буду... Перовы всѣ дѣвочки, кромѣ меня... Ха-ха-ха! А кормилица отличная, черноволосая, знаете,—перемѣнилъ онъ разговоръ: — взглядъ такой задумчивый, точно у барыни. Я и кокошникъ вотъ купилъ малиновый съ золотомъ. Это ей будетъ къ лицу. Малиновый сарафанъ, бусы тамъ цвѣтныя, кисейная рубашка... Вотъ-то, какъ выйдетъ съ Оленькой на Невскій, всѣ станутъ спрашивать: «чья?»... А, это внучка Перова, скажутъ... Вотъ помяните мое слово, всѣ будутъ знать, что это моя внучка.

«Да,—подумалъ я:—это, дѣйствительно, un bon enfant».

Но... все измѣняется на свѣтѣ, все проходитъ... Вотъ вы видѣли сегодня, что Дашурка Перова расплываться стала, и слышали мое предположеніе о томъ, что она копитъ теперь деньги,—и я долженъ вамъ сказать, что я имѣю основаніе для такого предположенія...

Какъ-то разъ я встрѣтилъ Перова на улицѣ. Онъ посѣдѣлъ, сталъ солиднѣе, выглядѣлъ важнѣе и серьезнѣе.

— А вы слышали, я бенефисъ выхлопоталъ за двадцатипятилѣтнюю службу,—объявилъ мнѣ тотчасъ же онъ, никогда

Digitized by Google

прежде не говорившій о деньгахъ.—Нужно будетъ закатить афишу въ простыню длиною, чтобы сборъ былъ получше, теперь времена тяжелыя, все дорожаетъ.

Онъ заботился уже о деньгахъ, у него уже былъ «вопросъ» о тяжелыхъ временахъ, онъ уже зналъ цѣну вещамъ!

— Кто это съ вами?—спросилъ я, указывая на крошечную дѣвочку, сидящую съ нимъ.

— Внучка, внучка,—отвѣтилъ онъ.—Третья дочь Маруси—Катя... Мы еще совсѣмъ маленькій человѣкъ, едва говорить начинаемъ... Ну, Катюша, скажи дядѣ про курочку,—обратился онъ къ ребенку.

Дѣвочка медленно подняла на меня большіе черные глаза и серьезно, неторопливо и нараспѣвъ проговорила:

— Ку-ло-чка по зел-ну-шку клю-етъ и сита би-ваетъ...

— Только еще и знаемъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады,—пояснилъ мнѣ Перовъ.

— Да, это уже былъ не прежній «bon enfant»,—вздохнулъ Клименко:—времена, времена, батенька, другія!.

VIII.

«Кукушка новой формаціи».

Мы говорили про войну...

Сербско-турецкая война была въ самомъ разгарѣ, и потому военные слухи, толки о перевязочныхъ и санитарныхъ средствахъ, разсказы о дѣятельности славянскаго комитета были самою подходящею темою для салонной болтовни. Кружокъ гостей шумѣлъ и спорилъ, когда въ залу вошла, стройная и высокая красавица, съ вьющимися волосами, съ нѣжнымъ розовымъ личикомъ, одѣтая въ черное шелковое платье. Это было лицо ребенка-дѣвушки, ангела съ рафаэлевской картины, и трудно было сказать, сколько лѣтъ этой женщинѣ. Годы не оставляли, повидимому, никакихъ слѣдовъ на этомъ лицѣ, и я счелъ бы се за очень молоденькую женщину, если бы злодѣй Клименко не успѣлъ мнѣ шепнуть:

— Какова бабенка! Тридцать семь лѣтъ, а все еще ребенкомъ смотритъ.

— Да вотъ, господа, самый компетентный человѣкъ въ вопросѣ о врачебномъ устройствѣ во время войны,—промолвила хозяйка дома, указывая на молодую женщину.—Варвара Павловна Громецкая была сестрой милосердія во время франко-прусской войны...

Digitized by Google

— Вы—сестра милосердія?—съ изумленіемъ воскликнулъ кто-то, окинувъ глазами эту нѣжную, изящную фигуру съ крошечными ручками, съ выхоленнымъ личикомъ.

— Да, я ходила за больными во Франціи, когда Гамбетта старался спасти отъ позора свою родину,—мелодичнымъ и сладкимъ голосомъ, напоминавшимъ дѣтскій лепетъ, проговорила Варвара Павловна и скромно опустила на глаза свои длинныя рѣсницы.

— Вотъ трудно бы повѣрить, чтобы вы могли выдержать сцены въ больницахъ,—раздалось чье-то замѣчаніе.

— Онъ просилъ меня позаботиться о больныхъ,—послышался нѣжный голосъ Громецкой.

— То-есть кто это васъ просилъ?

— Гамбетта.

— А вы его знали? Какъ вы познакомились съ нимъ?—послышались вопросы.

Варвара Павловна вздохнула.

— Я долго жила въ Парижѣ... Моему сыну нужно было пользоваться тамъ совѣтами докторовъ... Это было въ шестидесятыхъ годахъ, а въ то время Гамбетта впервые бросилъ смѣло перчатку въ лицо гнусному правительству Наполеона III. Я тогда же и увидала великаго оратора и великаго патріота, передъ которымъ нельзя было не преклониться.

Клименко прищурилъ глаза и спросилъ у Варвары Павловны.

— Я, кажется, видѣлъ у васъ локонъ его волосъ?

— Да, я храню эту святыню,—отвѣтила она такъ же дѣтски и просто ласково.—Онъ срѣзалъ этотъ локонъ въ тотъ самый день, когда онъ произнесъ свое знаменитое: «Вы не осмѣлитесь праздновать второе декабря, какъ годовщину національнаго торжества, потому что это годовщина убійства».

— Каждый разъ перевретъ!—шепнулъ мнѣ Клименко.

— Да, это были великія слова,—сказалъ онъ вслухъ.

— Вы были тогда въ засѣданіи?..

— Да, да, я не помнила себя, я бросилась при входѣ Гамбетты къ нему и припала къ его рукѣ... Это, можетъ-быть, было ребячество, дѣтское увлеченіе, безуміе, но я не стыжусь великихъ порывовъ юности!.. «Кто не былъ безумнымъ, тотъ никогда не будетъ честнымъ человѣкомъ»,—сказалъ Берне...

— И опять-таки вретъ!—цинично шепталъ мнѣ Клименко.

— И кто могъ ожидать отъ него такой рѣчи еще накануѣ, когда мы всѣ упрекали его, что онъ губитъ себя

Digitized by Google

среди богемы, въ пустыхъ разговорахъ, въ мелкихъ кафе, въ лѣнивомъ прожиганіи жизни. Мы всѣ, конечно, чувствовали, что это геній, что это великая душа, но чего-то недоставало еще ему, чтобы сказаться, чтобъ выступить въ полномъ блескѣ передъ обществомъ...

— Я думаю, нужно было женское вліяніе,—замѣтилъ съ лукавой усмѣшкой Клименко.

— Да... можетъ-быть,—скромно проговорила Варвара Павловна, снова опустивъ свои прекрасныя рѣсницы.—Его до этого времени окружали слишкомъ мелкія женщины, бѣдныя гризетки, умѣющія только отдаваться любимому человѣку, онѣ не умѣли его вдохновить, не умѣли его понять... Ему нужна была подруга-энтузіастка, беззавѣтная натура, развитая личность.

— И пойдетъ, и пойдетъ писать на цѣлый вечеръ,—прошепталъ мнѣ Клименко:—потому что женщиной, сдѣлавшей Гамбетту, она считаетъ себя...

— Да что она съ нимъ точно была близка?—спросилъ я.

— Можетъ-быть, мимоходомъ и онъ ее обласкалъ,—цинично проговорилъ Клименко.

Чрезъ нѣсколько минутъ я слышалъ, какъ Громецкая говорила со слезами въ голосѣ:

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, что я нашла ее, почти еще дѣвочку, на чердакѣ, обольщенную, брошенную, голодную, съ ребенкомъ...

Начала разсказа я не слыхалъ.

— Она готова была уже къ самоубійству, потому что другого исхода не было,—продолжала въ волненіи Громецкая.—Мнѣ удалось немного ее успокоить, кое-чѣмъ помочь ей. Но много ли я могу дать? Теперь нужно будетъ собрать ей хоть что-нибудь, чтобъ пріодѣть ее, отправить изъ Петербурга съ ребенкомъ... Вѣдь нельзя же такъ оставлять людей на гибель!..

— А вы бы концертъ устроили въ ея пользу,—вмѣшался въ разговоръ Клименко.

— Теперь плохое время для концертовъ,—вздохнула Громецкая.

— Ужъ все равно обирать-то народъ, такъ ужъ лучше съ музыкой,—тихо пробормоталъ мнѣ онъ и, взявъ меня подъ руку, сказалъ:—Пойдемте, а то еще стянетъ что-нибудь и съ насъ въ пользу этой дѣвушки съ ребенкомъ...

— Но отчего же и не дать, если...—началъ я.

Digitized by Google

Клименко остановился и вытаращилъ на меня изумленные глаза.

— Да вы съ луны, что ли, свалились, что не знаете, на кого собираетъ Варвара Павловна Громецкая?

— На кого же?—спросилъ я.

— Да все на ту же Варвару Павловну Громецкую.

— Полноте!

— Да могу же васъ увѣрить. Она и благотворительные концерты устраиваетъ въ свою пользу, и филантропическія лотереи разыгрываетъ для себя, и добровольныя пожертвованія собираетъ для своей особы... Ахъ, только все не въ прокъ, потому что кукушка не вьетъ себѣ гнѣзда... Это вѣдь кукушка новой формаціи. Пойдемте подальше, я вамъ до чаю разскажу ея исторію, или лучше сказать, эпизоды изъ ея исторіи.

Мы удалились въ угловой кабинетъ хозяина.

Въ 1868 году, въ то самое время, когда Гамбетта такъ очаровалъ Варвару Павловну своей любовью къ отчизнѣ, я проѣзжалъ, однажды, черезъ одну изъ деревушекъ около Парижа и случайно разговорился съ хозяиномъ кузницы, гдѣ мнѣ пришлось остановиться, чтобъ подковать лошадь, потерявшую подкову.

— Вы иностранецъ?—спросилъ меня кузнецъ.

— Да, русскій,—отвѣтилъ я.

— А! У васъ здѣсь есть соотечественникъ,—проговорилъ онъ.—Вонъ этотъ мальчуганъ тоже русскій.

Кузнецъ указалъ мнѣ на грязнаго, оборваннаго, черноволосаго мальчугана, лѣтъ девяти, игравшаго съ дѣтьми на пыльной деревенской улицѣ.

— У тетушки Жиго воспитуется,—пояснилъ кузнецъ.— Привезла его сюда грудным какая-то барыня и бросила. Сначала хорошо платили, а теперь что-то тетушка Жиго все жалуется. Затягиваютъ деньги.

Я подошелъ къ мальчугану. Несмотря на неуклюжій костюмъ, на грязное тѣло, онъ былъ строенъ, хорошъ собою и носилъ на себѣ слѣды южнаго типа. Я заговорилъ съ нимъ; онъ дико посмотрѣлъ на меня и отвѣчалъ односложно, на плохомъ французскомъ народномъ языкѣ. Кто онъ, кто его отецъ, кто его мать—онъ не могъ сказать мнѣ этого. Онъ зналъ только, что онъ «козакъ»,—такъ называли его въ деревнѣ. Минутъ черезъ пять лошадь моя была подкована, и я снова ѣхалъ въ Парижъ.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько дней, сидя въ кафе на Итальянскомъ бульварѣ, я встрѣтилъ знакомаго мнѣ русскаго профессора изъ Кіева. Это былъ сынъ одного изъ богатыхъ одесскихъ торговцевъ грековъ. Онъ не пошелъ по стопамъ отца и сдѣлался ученымъ. Влеченіе къ наукѣ обошлось ему не дешево. Отецъ разсердился на сына и лишилъ его помощи. Юношѣ пришлось порядочно побѣдствовать, прежде чѣмъ онъ получилъ каѳедру въ университетѣ. Мы обрадовались случайной встрѣчѣ.

— Какъ это вы попали въ такое время въ Парижъ?— спросилъ я его.

— Обстоятельства такія вышли,—вздохнулъ онъ, наморщивъ брови.—Грѣшки молодости отозвались...

— Исторія не для посторонніхъ слушателей,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, я даже очень радъ подѣлиться ею съ вами. Она у меня лежитъ камнемъ на сердце. Совѣсть не могу успокоить. Мнѣ нужно, чтобъ кто-нибудь сказалъ мнѣ, что я въ этой исторіи былъ... не совсѣмъ подлецомъ.

Его лицо приняло грустное выраженіе.

— Вспомните, когда я поступилъ въ университетъ?—спросилъ онъ.

— Конечно. На васъ всѣ указывали тогда, какъ на Креза II,—сказалъ я.

— Да,—вздохнулъ онъ.—Къ сожалѣнію, люди не знали, что Крезъ I лишилъ уже престола своего сына. Въ качествѣ будущаго Креза II я былъ очень счастливъ въ друзьяхъ и въ подругахъ.

— Ну, вторыя могли увлекаться вами и помимо вашего богатства! Вы были тогда красавцемъ...

— Къ несчастью та, которая болѣе всего увлекалась мною, едва ли любила меня за мою красоту и за мои нравственныя или умственныя достоинства. Она видѣла во мнѣ будущаго милліонера и только. Разумѣется, я этого и не подозрѣвалъ и отдался ей всей душою... Она была хороша собой, нѣжна, добродушна, а я былъ такъ молодъ...

— Варвара Павловна Громецкая?

— Тогда она называла себя Варварой Павловной Жихаревой...

— Развѣ она была два раза замужемъ?

— Она разъ только была замужемъ, но не за Жихаревымъ и не за Громецкимъ, а за Розановымъ, который живъ и теперь. Она носила фантастическія фамиліи, какъ носятъ фантастическіе наряды во время маскарада,—съ презрѣніемъ проговорилъ онъ.—Вотъ эта-то женщина свела меня съ

Digitized by Google

собою... Иначе я не умѣю выразить того положенія, въ которое она поставила меня. Я не ухаживалъ за нею, я не признавался ей въ любви, я не давалъ ей клятвъ, я просто увидалъ въ одинъ прекрасный день у своихъ ногъ рыдающую прекрасную и молодую женщину, шептавшую мнѣ: «О, если бы ты зналъ, какъ я несчастна!»—и отдался этой женщинѣ, надѣясь если не сдѣлать ее счастливой, то заставить ее забыть несчастія. Я не сходилъ съ ума отъ любви къ ней, но и не былъ холоденъ къ ней, и моя спокойная, ровная привязанность могла бы продлиться долго. Эта привязанность была слѣдствіемъ сожалѣнія къ безпомощной молодой женщинѣ, которую выдали насильно замужъ на семнадцатомъ году за старика, подагрика и пьяницу, жившаго среди гарема въ своемъ помѣстьи, и которую потомъ соблазнилъ молодой красавчикъ-гусаръ, увезшій ее отъ ненавистнаго мужа и бросившій безъ куска хлѣба въ Петербургѣ. Эта привязанность къ страдающей женщинѣ должна была окрѣпнуть во мнѣ еще сильнѣе, когда я увидѣлъ, что эта женщина скоро будетъ матерью моего ребенка. Но случилось не такъ. Въ семь-восемь мѣсяцевъ нашей любви Варвара Павловна узнала, что я лишенъ отцомъ всякой поддержки, что я въ сущности нищій. Она попробовала уговорить меня отказаться отъ карьеры ученаго и сойтись съ отцомъ. Я отказался наотрѣзъ исполнить это. Тогда она попыталась тайкомъ отъ меня написать трогательное письмо моему отцу и получила отвѣтъ, что онъ не имѣетъ привычки содержать любовницъ своихъ дѣтей, имѣя обыкновеніе содержать только своихъ собственныхъ любовницъ. Тогда Варвара Павловна начала прибѣгать къ другимъ средствамъ: она начала собирать деньги на мнимыхъ бѣдняковъ, пряча эти подаянія въ свой карманъ, она стала жаловаться на то, что я обольстилъ ее и хочу бросить, она стала говорить, что ей грозитъ нищета.

У насъ родился въ это время сынъ, а черезъ нѣсколько недѣлъ я нашелъ у себя письмо Варвары Павловны, гдѣ она говорила, что она не обвиняетъ меня за то, что я, полюбивъ, обманулъ ее насчетъ своихъ денежныхъ средствъ, что она пойдетъ хоть въ каторжную работу для прокормленія нашего ребенка, что она нанялась въ компаніонки, чтобы воспитать его, что она уѣзжаетъ за границу, гдѣ онъ будетъ воспитываться около нея, что, наконецъ, жить со мною она не можетъ долѣе потому, что плодить нищихъ безнравственно и преступно. Письмо заключалось воплями,

Digitized by Google

слезами и десяткомъ восклицаній: «прости, мой дорогой, прости, мой любимый!» Я растерялся при полученіи этого письма, гдѣ было столько любви ко мнѣ и моему ребенку; гдѣ было столько возвышенныхъ фразъ объ обязанности пожертвовать личнымъ счастьемъ для счастья ребенка и о преступности наслаждаться любовью, плодя нищихъ. Я повѣрилъ всему и былъ радъ, когда отъ времени до времени Варвара Павловна присылала мнѣ письма, жалуясь на недостаточность получаемаго ею жалованья: я отрывалъ отъ себя послѣднія заработанныя деньги и высылалъ ихъ ей. Потомъ я узналъ, что она жила въ это время въ Швейцаріи на содержаніи у стараго генерала Дмитріева, а мой сынъ былъ гдѣ-то брошенъ... Такъ прошло три года. Я выбился на дорогу, отецъ примирился со мною, когда я получилъ золотую медаль, и я сдѣлался не бѣднымъ человѣкомъ.

Теперь я могъ бы снова сойтись съ Варварой Павловной, не боясь наплодить нищихъ, но Варвара Павловна давно уже представилась мнѣ въ настоящемъ свѣтѣ: я узналъ, что старый мужъ, подагрикъ и пьяница, былъ плодомъ ея пылкой фантазіи и что въ дѣйствительности господинъ Розановъ былъ очень скромнымъ и далеко не старымъ провинціальнымъ чиновникомъ; я узналъ, что гусаръ, увезшій ее отъ мужа, бросилъ ее точно такъ же, какъ и я, то-есть, она сама ушла отъ него, когда увидала, что онъ не можетъ ее содержать прилично, одѣвать въ шелкъ, охранять отъ труда и позволять ей сорить деньгами безъ разбору направо и налѣво. Но главное, что меня поразило, такъ это то, что у господина Розанова Варвара Павловна бросила своего первенца и что отъ гусарскаго корнета у нея было двѣ дочери, неизвѣстно куда заброшенныя ею. Мнѣ стало страшно за участь моего ребенка и я вступилъ въ серьезную переписку съ Варварой Павловной по этому поводу. Она на всѣ мои обвиненія отвѣчала, что я клевещу на нее, что я хочу отдѣлаться отъ нея, сдѣлавшись богатымъ, что я пользуюсь тѣмъ, что она не имѣетъ права требовать моей женитьбы на ней, что она не отдастъ мнѣ сына, единственнаго ея утѣшенія, что она скорѣе пойдетъ съ нимъ просить милостыню, говоря всѣмъ, что она проситъ подаянія для сына русскаго богача. Я не имѣлъ никакихъ законныхъ правъ отнять у нея своего ребенка. Я попробовалъ съѣздить за границу, чтобы выкупить свое дитя, но я засталъ Варвару Павловну одну. Она встрѣтила меня словами: «Я васъ ждала! Я угадала чутьемъ изъ вашего письма, что вы пріѣ-

Digitized by Google

ѣдото отнять мое дитя! Но вы его не найдете!» Я предлагалъ выкупъ—она возмущалась, она рыдала, она называла меня варваромъ, готовымъ втоптать въ грязь беззащитную женщину... Ей было выгоднѣе получать по двѣ, по три тысячи въ годъ, чѣмъ получить единовременно десять-пятнадцать тысячъ... Такъ прошло девять лѣтъ... Теперь я снова пріѣхалъ сюда, чтобы попытаться спасти нашего ребенка... Случайно я узналъ, что онъ совершенно брошенъ матерью гдѣ-то около Парижа...

— Я, должно-быть, видѣлъ вашего сына, я могу вамъ указать, гдѣ онъ,—сказалъ я, вспомнивъ о маленькомъ «козакѣ».

— Теперь и я знаю, гдѣ онъ,—сказалъ мой собесѣдникъ.—Онъ живетъ теперь уже у Варвары Павловны, которая хочетъ его везти въ Петербургъ, чтобы начать его образованіе... Я сдѣлалъ условіе: она привезетъ его въ Петербургъ и отдастъ въ пансіонъ, за это я буду платить ей двѣ съ половиною тысячи въ годъ. Если она не согласится на это, я прекращу всякія помощи ей. Я говорилъ такъ серьезно, что она согласилась на мои условія... Теперь, можетъ-быть, онъ будетъ счастливѣе... Но спокойнымъ я, все-таки, не могу быть, и что-то внутри меня говоритъ, что нужно бы поступить иначе...

— Но какъ же поступить иначе?—замѣтилъ я.—Она имѣетъ право не отдавать вамъ ребенка, она, какъ вы сказали, не хочетъ продать вамъ его, что-жъ тутъ подѣлать?

— Почему я знаю?—хмуро проговорилъ онъ.—Убить ее, что ли... мало ли что можно сдѣлать...

Я не на шутку испугался мрачнаго тона моего собесѣдника.

— Я вотъ щажу ее,—въ раздумьи промолвилъ онъ:—а развѣ она щадила, развѣ она будетъ щадить его?.. Вотъ и теперь она отложила свой отъѣздъ въ Россію... Почему?.. Развѣ я знаю...

Варвара Павловна въ это время вертѣлась въ кружкѣ, гдѣ вращался иногда и Гамбетта, и говорила всѣмъ и каждому, что она благотворно вліяетъ на будущаго великаго человѣка. Можетъ-быть, Гамбетта даже и не видалъ ея, даже и не зналъ о ея существованіи, но она уже носилась съ новою исторіею своего сердечнаго романа, разыгрывая роль какой-то вдохновительницы генія. Воображеніе Варвары Павловны не имѣло предѣловъ, и мнѣ кажется, что эта женщина никогда не лгала: она почти постоянно разсказывала то, чего никогда не было, но лгать—нѣтъ, она не умѣла лгать. Въ сущности, это была очень ограниченная

Digitized by Google

женщина по уму. Плохое пансіонское образованіе, крайне развитое при помощи романовъ воображеніе, крайняя избалованность вслѣдствіе красоты, удивительная способность увлекаться на время всѣмъ и красотой мужчины, и краснорѣчіемъ оратора, и нищетою горемыки, и собственными фантазіями, вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ сложился характеръ Варвары Павловны. Она сама вѣрила тому, что ея мужъ и ея любовники притѣсняли, обманывали ее. Она никогда не сознавала, что она обираетъ ихъ, потому что деньги уплывали изъ рукъ, какъ вода, на наряды, на извозчиковъ, на бѣдняковъ, безъ цѣли и смысла, и она всегда нуждалась. Она часто плакала и жаловалась, но чисто по-дѣтски, утѣшалась первою лаской, а ее ласкали очень охотно тѣ, кого поражала ея замѣчательная красота. Обыкновенно ея связь съ мужчиною съ того и начиналась, что онъ выслушивалъ ея жалобы, утѣшалъ ее, бранилъ своего безсердечнаго предшественника и этимъ подливалъ масла въ огонь, такъ что Варвара Павловна, въ концѣ концовъ, считала себя мученицей, перенесшей страшныя страданія. Она отдыхала отъ этихъ страданій въ новыхъ объятіяхъ до тѣхъ поръ, покуда и новый любовникъ не оказывался почему-нибудь извергомъ. Въ это время ея парижской жизни около нея собирался кружокъ молодежи, она являлась на публичныя засѣданія разныхъ собраній, она присутствовала на сходкахъ рабочихъ, она являлась въ Елисейскихъ поляхъ, и всюду и вездѣ за нею тянулся цѣлый хвостъ поклонниковъ. «La belle russe» была модною игрушкою парижанъ. Но еще болѣе вошла она въ моду тогда, когда съ нею появился впервые на гуляньи красавецъ мальчикъ съ черными кудрями, съ загорѣлыми щеками, съ блестящими черными глазами, смотрѣвшій волченкомъ и одѣтый въ черный бархатъ. «Дитя любви!» «Несчастный сынъ злодѣя отца!» «Ребенокъ, украденный и, наконецъ, найденный несчастной матерью!» все это было такъ интересно, романично, трогательно для пылкихъ парижанъ, и ребенку тащили конфеты, бонбоньерки, а матери-красавицѣ жали многозначительно руку, моля ее взглядами дать хоть одинъ часъ таинственнаго свиданія. Ребенокъ дичился, а мать со слезами на глазахъ благодарила друзей за участіе и подавала имъ надежду на успѣхъ...

— Жаль, что вы никогда не видали, какъ плачетъ Варвара Павловна,—замѣтилъ Клименко.

— А что?—спросилъ я.

Digitized by Google

— Пожалуй, тоже отцомъ бы сдѣлались,—усмѣхнулся онъ.

— Какъ твоя фамилія.

— Николинъ.

— А твоей матери какъ фамилія?

— Громецкая.

— А какъ по фамиліи твой отецъ?

Мальчикъ широко открывалъ глаза, глядя на своихъ пансіонскихъ товарищей, окружавшихъ его, и не зналъ, что имъ отвѣчать. Онъ не зналъ фамиліи своего отца.

— Господа вы знаете, кто мать Николина?

— Нѣтъ.

— Она кокотка! Это вчера моя maman говорила. Она думала, что я не слышу, а я все слышалъ. «У нея было десять мужей»,—говорила она.

— Николинъ, Николинъ, правда, что у твоей матери было десять мужей?

Мальчикъ опять широко открывалъ глаза, смотря на своихъ пансіонскихъ товарищей: онъ не зналъ, сколько мужей было у его матери, и вообще не зналъ, были ли у нея мужья.

Ему было уже пятнадцать лѣтъ: онъ уже былъ въ одномъ изъ старшихъ классовъ моднаго петербургскаго пансіона, онъ уже читалъ не дѣтскія книги, онъ уже задумывался о многомъ.

— Мама, я что-то хочу тебя спросить,—сказалъ онъ, однажды, возвратившись домой изъ пансіона.

— Что, Жоржъ?—спросила мать.

— Что значитъ кокотка?

— Вотъ вопросъ!.. Тебѣ это зачѣмъ знать? Тебѣ ушонки надо надрать за это!—смѣялась мать.

— Мнѣ мама нужно знать!—настаивалъ нетерпѣливо сынъ, и его нервныя ноздри начинали уже раздуваться.

— Нужно?.. Ну, хорошо, я скажу... Это падшая женщина, погибшая, дурная...

Мальчикъ блѣднѣлъ и гнѣвно стискивалъ зубы.

— Что съ тобою?—спрашивала мать.

— Ничего! Я такъ и думалъ!..

Черезъ нѣсколько времени онъ опять спрашивалъ у матери:

— Мама, можетъ быть у кого-нибудь десять мужей?

— Что за глупости ты спрашиваешь?—пожимала плечами мать.

— Нѣтъ, ты скажи: можетъ ли быть у кого-нибудь десять мужей? Я тебя серьезно спрашиваю.

Digitized by Google

И мальчикъ нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу.

— Конечно, нѣтъ!—отвѣчала мать.

Ее поражали эти странные вопросы, какъ поражалъ иногда и характеръ сына. Мальчикъ былъ горячъ, строптивъ, вспыльчивъ, и въ то же время иногда онъ вдругъ становился мрачнымъ, скучалъ, плакалъ. Онъ то ласкалъ мать съ страстною порывистостью, то вдругъ становился холоднымъ съ нею и вспоминалъ съ тоскою о «mère Gigot». Иногда онъ рѣзвился, какъ ребенокъ, какъ уличный мальчишка, порою же онъ становился сдержаннымъ и серьезнымъ не по лѣтамъ и сидѣлъ около взрослыхъ или углублялся въ чтеніе. Его вспыльчивость, его нетерпѣливая рѣзкость и настойчивость часто доходили до крайнихъ предѣловъ, но зато бывали и такія минуты, когда онъ вдругъ падалъ духомъ, ослабѣвалъ, казался хилымъ и слабымъ. Вообще, онъ напоминалъ дикаго львенка, попавшаго въ клѣтку, которую онъ то хотѣлъ изломать однимъ взмахомъ своей лапы, то считалъ настолько крѣпкою, что забивался тоскливо въ ея уголъ, безъ надежды вырваться изъ нея. Сглаживать эти рѣзкости, подмѣчать эти странности было некому: Варвара Павловна порхала по гостинымъ, хлопотала о какихъ-то бѣднякахъ, засѣдала въ благотворительныхъ обществахъ и при встрѣчахъ съ сыномъ только осыпала его безчисленными поцѣлуями, гостинцами и подарками; его отецъ видѣлся съ нимъ рѣдко, живя въ Кіевѣ, и, не рѣшаясь назваться его отцомъ, велъ себя съ нимъ сдержанно, какъ добрый знакомый, какъ опекунъ; въ модномъ пансіонѣ воспитательная часть была въ полномъ пренебреженіи, и такъ какъ мальчикъ учился хорошо, то никто и не обращалъ вниманія на его странности. Только товарищи знали, что за характеръ былъ у Юрія Николина, и стали сторониться отъ него и за этотъ характеръ, и за то, что онъ сынъ «кокотки». Но чѣмъ болѣе сторонились отъ него его товарищи, тѣмъ задумчивѣе и сосредоточеннѣе становился онъ, просиживая иногда по цѣлымъ часамъ въ одномъ положеніи, облокотясь на столъ и стиснувъ свою курчавую голову обѣими руками, какъ-будто эта голова готова была треснуть отъ думъ. Однажды послѣ такого прилива тяжелыхъ впечатлѣній онъ, блѣдный и мрачный, отправился къ своей матери.

— Мама,—обратился онъ къ ней дрожащимъ голосомъ:—разскажи мнѣ свою жизнь.

Варвара Павловна съ испугомъ взглянула на него. На немъ лица не было.

Digitized by Google

— Что за фантазія!—прошептала она въ смущеніи.

— Разскажи, или я не могу жить, — прошепталъ онъ глухо, но твердо на своемъ своеобразномъ языкѣ.

Она заплакала: она поняла все.

— Жоржъ, Жоржъ, ты видишь меня всегда доброй, дѣятельной, заботящеюся о другихъ—это потому, что мнѣ нужно забыть о себѣ, о своихъ несчастіяхъ, о своемъ прошломъ,— заговорила она въ волненіи.

И передъ мальчикомъ полилась горячая, страстная исповѣдь, полная безсознательной лжи и невольнаго обмана. Это былъ цѣлый потрясающій романъ, созданный въ минуту вдохновенія пылкимъ воображеніемъ самой героини этого романа. Ужасы смѣнялись ужасами, подвиги слѣдовали за подвигами и горячія слезы, и горькія рыданія дѣлали еще болѣе потрясающими всѣ эти мрачные эпизоды изъ исторіи мученичества женщины. Передъ юношей предсталъ образъ женщины-мученицы, поруганной, униженной, втоптанной въ грязь мужчинами. Передъ нимъ предсталъ образъ любящей женщины-матери, которая перенесла все, выбилась на дорогу, не потеряла бодрости, чтобы только жить для сына, чтобъ только воспитать его, чтобы только сдѣлать изъ него честнаго человѣка... Когда она кончила, онъ безмолвно упалъ къ ея ногамъ и безъ чувствъ прильнулъ головой къ ея колѣнямъ...

Онъ былъ довольно долго боленъ.

Когда онъ поднялся послѣ болѣзни и явился въ пансіонъ— его трудно было узнать. Онъ вытянулся, его физіономія, его взглядъ, его рѣчи приняли оттѣнокъ надменности и гордости, онъ гордился своей матерью, гордился любовью этой матери. Мечтатель, онъ воображалъ себя теперь средневѣковымъ рыцаремъ, который взялся защищать даму своего сердца. И чѣмъ нѣжнѣе была съ нимъ эта женщина, тѣмъ болѣе поднималась его прелестная голова, а для мягкости и нѣжности Варвары Павловны нѣтъ предѣловъ: она готова обнимать и цѣловать весь міръ, и не сразу приходитъ человѣку въ голову, что она такъ обнимаетъ и цѣлуетъ не его одного, а одинаково всѣхъ и каждаго, кого любитъ, къ кому относится равнодушно, съ кѣмъ враждуетъ. Менѣе всего могъ это замѣтить мальчикъ, являвшійся къ матери въ субботу вечеромъ и уходившій отъ нея въ воскресенье вечеромъ. Если бы онъ подмѣтилъ, что его мать такъ же, какъ его, обнимаетъ и цѣлуетъ еще кого-нибудь, онъ приревновалъ бы ее, онъ не вынесъ бы этого. Онъ любилъ ее теперь

Digitized by Google

страстно, безумно, какъ можетъ любить только пылкій по натурѣ юноша, росшій лѣтъ до семнадцати безъ родныхъ, безъ любви, безъ ласкъ, среди чужихъ.

Въ одинъ изъ первыхъ весеннихъ дней нынѣшняго года, когда выставились вездѣ вторыя рамы, когда все, что молодо и живо, наслаждалось природой, Жоржу пришлось разыграть роль защитника и охранителя чести этой женщины. Онъ сидѣлъ у открытаго окна въ своемъ пансіонѣ и смотрѣлъ, какъ играли на дворѣ младшіе воспитанники. Подъ окномъ сидѣла группа старшихъ пансіонеровъ изъ золотой молодежи, уже развращенныхъ, уже извѣдавшихъ всѣ прелести разгула, уже мечтавшихъ о полной свободѣ прожигать жизнь и проживать наслѣдственные, купленные потомъ, кровью и честью капиталы.

— Что ты говоришь мнѣ о Сюзеткѣ! Всѣ эти женщины слишкомъ легко достаются! За ними не нужно ухаживать! Тутъ любовь покупается и только! Это надоѣло, пріѣлось,— говорилъ одинъ юноша, нѣкто Юньевъ.

— Такъ ужъ не за замужними ли ухаживать?—замѣтилъ другой.

— Отъ чего же и нѣтъ?.. Впрочемъ, теперь много женщинъ, умѣющихъ дѣлать такъ, что за ними сперва нужно ухаживать, нужно испытать всѣ прелести не легко одерживаемой побѣды, прежде чѣмъ онѣ отдадутся. Это пикантно!.. Что дешево и легко достается, то не можетъ быть намъ дорого... Когда же побѣда достается не легко, она вдвое пріятнѣе... Эти барыни поняли это и ихъ благосклонность нельзя сравнить съ благосклонностью этой французской сволочи... Вотъ хоть бы Громецкая! Это чудо что за женщина, ни одна кокотка не сравняется съ ней по красотѣ, а между тѣмъ ея расположенія всегда можно добиться, но не за деньги, а при помощи ухаживанья... Конечно, деньги и она высосетъ, да это что! Не въ нихъ тутъ дѣло...

— Ну?

— Что, ну? Я это очень хорошо знаю! Теперь ее содержитъ мой братъ. Онъ безъ ума отъ нея. Но я далъ себѣ слово отбить ее у него, какъ только кончу курсъ. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ никогда еще не встрѣчалъ женщины болѣе страстной и сумѣвшей сохранить въ себѣ что-то дѣтское, несмотря на годы. Онъ недавно заказалъ съ нея портретъ въ видѣ Евы. Она вѣдь пластична, какъ античная статуя.

Юноша началъ передавать подробности, слышанныя отъ

Digitized by Google

брата. Прошла минута и передъ группой разговаривающихъ появился безъ фуражки, взволнованный и блѣдный Николинъ. Онъ быстро подошелъ къ юношѣ, говорившему о его матери, и прежде чѣмъ тотъ опомнился, въ воздухѣ раздался звукъ пощечины.

— Ты лжешь, мерзавецъ!—крикнулъ Николинъ задыхающимся, хриплымъ голосомъ.

Оскорбленный юноша вскочилъ и напалъ на Жоржа, но тотъ уже душилъ его за горло. Юноша походилъ въ эту минуту на разъяреннаго дикаго звѣря. Ихъ съ трудомъ розняли и доложили директору заведенія, что Николинъ далъ пощечину старшему воспитаннику и хотѣлъ задушить послѣдняго.

— Отвести его въ карцеръ!—приказалъ директоръ.

Но приказаніе было легче отдать, чѣмъ исполнить. Жоржъ выбился изъ рукъ сторожа, захватилъ фуражку и убѣжалъ изъ пансіона съ намѣреніемъ никогда болѣе не возвращаться сюда.

Онъ быстро добѣжалъ до дому и тревожно позвонилъ у дверей. Ему открыла двери горничная.

— Мама дома?—спросилъ онъ.

— Дома-съ... Какъ это вы?... Откуда?..—въ смущеніи спросила она.

Онъ ничего не отвѣтилъ и только съ удивленіемъ взглянулъ на военную фуражку и военное пальто, находившіяся въ передней.

— У насъ кто-нибудь есть?—спросилъ онъ.

— Господинъ Юньевъ... у мамаши,—съ еще большимъ замѣшательствомъ отвѣтила горничная.

Жоржъ поблѣднѣлъ, его глаза блеснули какимъ-то зловѣщимъ огнемъ. Онъ торопливо прошелъ черезъ залу къ будуару матери и взялся за ручку двери. Дверь была заперта. За нею царствовала такая тишина, какая бываетъ, когда люди притаятся, боясь шевельнуться, чтобы не выдать своего присутствія.

— Мама, это я!—проговорилъ Жоржъ сорвавшимся голосомъ.

— А!.. Ты? Я занята... Потомъ...—послышался отвѣтъ Громецкой.

— Да отвори же... мнѣ тебя нужно,—еще болѣе глухо проговорилъ Жоржъ, нетерпѣливо и порывисто дергая ручку двери.

Digitized by Google

— Тебѣ говорятъ: потомъ... ступай...—послышался снова отвѣтъ.

— Такъ нельзя?.. нельзя?..—прохрипѣлъ Жоржъ, у котораго горло сжималось отъ спазмъ.

— Ты мѣшаешь,—еще разъ услышалъ онъ голосъ матери.

— Мѣшаю?.. я тебѣ мѣшаю!—съ трудомъ повторилъ онъ, чувствуя, что у него мутится въ глазахъ, что у него зубъ на зубъ не попадаетъ.

Онъ осмотрѣлся кругомъ, сунулъ руку въ карманъ: что-то попалось ему подъ руку, что-то щелкнуло, и черезъ минуту, заливаясь кровью, юноша упалъ во весь ростъ на скользкій паркетъ съ перерѣзаннымъ при помощи перочиннаго ножа горломъ.

Въ ту же минуту быстро отворилась дверь будуара, и на порогѣ появилась встревоженная, смущенная фигура раскраснѣвшейся Варвары Павловны, а за нею, поспѣшно застегивая форменный сюртукъ, стоялъ молодой гвардеецъ Юньевъ, весь еще сіявшій счастьемъ любовнаго свиданія.

Закрывшіеся глаза юноши уже не могли видѣть эту группу...

Мѣсяца два, три тому назадъ я встрѣтился снова съ Клименко.

— А вы слышали новость? Великая городская новость!—спросилъ онъ меня.

— Плевну взяли, что ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, это по гражданской части новость,—засмѣялся онъ.—Варвара Павловна Громецкая вышла замужъ.

— Развѣ Розановъ умеръ?

— Нѣтъ, онъ живъ! Но у него купили ее, заплатили за разводъ, за все... Говорятъ, тысячъ двадцать за товаръ заплатили... Старикъ Эсперовъ, эта оправославившаяся іерусалимская знаменитость биржи и промышленности, окончательно влюбился въ нее и сдѣлалъ ее своею законною супругою, открывъ передъ нею настежь двери въ аристократическіе салоны и великосвѣтскіе филантропическіе комитеты.

— Значитъ и кукушка рѣшилась свить гнѣздышко,—улыбнулся я.

— Да, только уже не для высиживанія и призрѣванія своихъ птенцовъ, а для того, чтобы застраховать лично себя отъ холодовъ и непогодъ приближающейся старости...

Digitized by Google

IX.

«Отецъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ».

На-дняхъ я зашелъ къ Клименко. Мнѣ хотѣлось услышать отъ него еще одинъ разсказъ. Я засталъ его дома. Онъ былъ противъ обыкновенія, хмуръ, разстроенъ и взволнованъ.

— Я пришелъ поэксплоатировать васъ,—замѣтилъ я, здороваясь съ нимъ.—Не разскажете ли еще чего-нибудь изъ своихъ воспоминаній объ «отцахъ».

— Вотъ далась вамъ интересная тема терзать отцовъ!—сердито сказалъ Клименко, пожимая мнѣ руку.—Отцы во всемъ виноваты! Ихъ обличать пужно!.. Да, позвольте васъ спросить, родной мой: что такое «отцы»? «Отцы»—это тоже «дѣти», только успѣвшіе отпустить бороду и усы. Вѣдь и ихъ въ свою очередь кто-нибудь да произвелъ же на свѣтъ и калѣчилъ въ дѣтствѣ, не спросивъ ихъ мнѣнія на этотъ счетъ... Или вы думаете, что отцы такъ съ неба и свалились во всей красотѣ своего непристойнаго вида?.. Нѣтъ-съ. Каждый изъ нихъ могъ бы отвѣтить то же на вопросъ о его характерѣ, привычкахъ и убѣжденіяхъ, что недавно вонъ отвѣтилъ на допросѣ въ судѣ одинъ обвиняемый при вопросѣ о вѣроисповѣданіи: «крестили, молъ, безъ моего вѣдома, православнымъ». Да-съ, каждаго отца и создалъ, и сформировалъ, и крестилъ въ ту или другую профессію, въ то или другое ремесло, какой-нибудь другой отецъ, не спрашивая совѣта крещаемаго... Хочу, дескать, чтобы ты, шельмецъ, былъ воромъ,—ну и будетъ!..

Клименко говорилъ сердито, сдвинувъ брови и глядя въ сторону.

— Но вѣдь вы сами взяли на себя въ этомъ дѣлѣ роль прокурора, — замѣтилъ я, удивляясь внезапной перемѣнѣ взглядовъ Клименко на отцовъ.—Вы сами винили во всемъ однихъ отцовъ...

— Мало ли что говорится!.. Ну да, отцы часто очень скверны, очень нелѣпы, да вѣдь нельзя же ихъ винить за это, принявъ во вниманіе то, что и они когда-то были въ свою очередь дѣтьми... А то на! взялъ человѣкъ, да и свалилъ всѣ грѣхи на спину одного поколѣнія...

— Я начинаю сильно бояться, что вы теперь обрушитесь всей силой своего гнѣва на дѣтей,—засмѣялся я.—Вы вѣдь любите парадоксы и, пожалуй, станете краснорѣчиво доказывать совсѣмъ противное тому, что дока-

Digitized by Google

зывали недавно... Это будетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, забавно...

— Ну, ну, выдумали что!—нетерпѣливо махнулъ рукою Клименко.—Никого я теперь не стану ни оправдывать, ни обвинять, потому что я не прокуроръ и потому что всѣ мы человѣки и всѣ хороши... ой, ой, ой, какъ хороши!..

— Вотъ то-то и скверно, что мы даже тогда, когда мы положительно никуда не годны и по нравственнымъ, и по физическимъ качествамъ, нерѣдко дѣлаемся отцами на гибель грядущихъ поколѣній,—резонировалъ я.

Клименко сердито посмотрѣлъ на меня.

— Да-съ, а если человѣкъ-то по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ вдругъ отцомъ сдѣлается?—проговорилъ онъ.—Что же и тогда онъ, по вашему, виноватъ?

Я невольно улыбнулся.

— По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ сдѣлается отцомъ?—переспросилъ я.—Я этого не понимаю...

— Мало ли чего вы не понимаете, — проворчалъ Клименко.—Вонъ у меня былъ въ Кронштадтѣ одинъ знакомый морякъ-запивоха, такъ онъ какъ отцомъ сдѣлался: подпоили его на пирушкѣ, повела его гулять хозяйская дочь въ садъ, посадила его на скамеечку, припала этакъ нѣжно къ нему головкой, а ея папаша съ мамашей тутъ какъ тутъ съ образомъ—и благословили! Проснулся мой пріятель поутру, ничего не помнитъ, а его сожитель-товарищъ поздравляетъ его съ невѣстой.—«Какъ? Съ какой невѣстой?»—«Да какъ же,—говоритъ пріятель, ты опозорилъ дѣвушку и тебя благословили на бракъ съ нею. Мы и шампанское пили на радостяхъ!» Заметался бѣдняга, туда и сюда, выхода нѣтъ: опозорилъ и конецъ весь. Ну, и женился... И вѣдь знаете, такъ до гробовой доски онъ и пилъ мертвую, додумываясь до разрѣшенія вопроса: опозорилъ ли онъ свою жену, когда она была дѣвушкой, или не опозорилъ...

Клименко комически вздохнулъ.

— Тоже отцомъ многочисленнаго семейства былъ!—жалобнымъ тономъ закончилъ онъ.

Я уже начиналъ узнавать въ немъ того Клименко, какимъ я привыкъ его видѣть: юмориста, шутника, немного циника.

— Ну, слава Богу, вы опять шутите, а я ужъ испугался, что съ вами случилось что-то недоброе,—сказалъ я.

— Шучу? — проговорилъ онъ, опять сдвигая брови.— Нѣтъ-съ, я вовсе не шучу! Не до шутокъ мнѣ теперь.

Digitized by Google

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Да что съ вами?—серьезно спросилъ я.

Онъ вдругъ остановился передо мною.

— А то-съ, что я самъ въ скоромъ времени сдѣлаюсь отцомъ!.. Вотъ что-съ со мною!..

— Вы? — воскликнулъ я и посмотрѣлъ пристально на Клименко.

Мнѣ показалось, что онъ бредитъ, что онъ помѣшался.

— Ну да, я! — мрачно проворчалъ онъ. — Чего на меня смотрите такими большими глазами? Не видали, что ли?.. Или узоры на мнѣ написаны?.. И кто бы могъ подумать!— бормоталъ онъ, волнуясь. — Ну, подурачились, попутили и конецъ. Мало ли кто изъ насъ, холостежи, оставляетъ у этихъ модисточекъ, швеекъ, горничныхъ знаки своего расположенія. Все это въ порядкѣ вещей... Все это такъ и остается безъ послѣдствій. А она, изволите ли видѣть, полюбила меня! Она, изволите ли видѣть, была мнѣ вѣрна! Нечего сказать, удружила, обрадовала!.. А я-то, я-то слушалъ, какъ она разсказывала, что то поваръ за ней ухаживаетъ, то швейцаръ за нее сватается и фолишонничалъ, даже и не подозрѣвая, что это она такъ выдумываетъ, чтобъ я, изволите видѣть, ревновать ее сталъ... Ревновать! Ее-то!..

Я ничего не понималъ.

— Да о комъ вы говорите,—спросилъ.

— Да все о ней же, о моей камеръ-юнгферѣ, о моей домоправительницѣ, о моей Дульцинеѣ! — вздохнулъ Клименко.—Вы, я думаю, давно замѣтили, что мы амурничаемъ? Ну да, это такъ и было. Не могъ же я предположить, что она будетъ смотрѣть серьезно на эти отношенія, тѣмъ болѣе, что подобныя отношенія повторялись въ ея жизни не разъ и не два, и серьезно на нихъ не смотрѣли ни ея прежніе друзья, ни она сама...

Клименко походилъ еще по комнатѣ и вдругъ остановился передо мной.

— Нѣтъ, что вы станете дѣлать, — заговорилъ онъ: — у васъ, у холостяка, живетъ молоденькая горничная, швея, экономка или кухарка, она дѣлаетъ вамъ умильные глазки, она заигрываетъ съ вами локоткомъ, она оказывается опытнымъ человѣкомъ въ дѣлѣ легкихъ амуровъ, вы мимоходомъ щиплете ее за подбородокъ, треплете по щекѣ, даже этакъ ей слегка кулакомъ въ бокъ, однимъ словомъ, пофамильничаете. Все идетъ заведеннымъ порядкомъ, чинъ-чиномъ,—и вдругъ въ одинъ прекрасный день—трахъ!—вы узнаете, что эта

Digitized by Google

горничная приняла ваши тычки и щипки въ серьезъ, рѣшилась принадлежать вамъ безраздѣльно «не гробъ» и приносить вамъ скороспѣлый плодъ своей любви и вѣрности?.. Войдите же теперь въ мое положеніе, поймите, что жениться на своей горничной я вовсе не намѣренъ; отдать ребенка въ воспитательный домъ было бы подло, да она и не согласилась бы на это, не согласилась бы на отдачу его въ чужія руки вообще, такъ какъ она уже теперь обожаетъ своего будущаго «барченочка»; воспитать его на рукахъ его глупой матери очень непріятно, такъ какъ это милое дитя въ будущемъ сдѣлается непремѣнно тираномъ своего отца, будетъ его bête noire, его enfant terrible, взять ребенка въ свои руки мнѣ, старому холостяку, жуиру, фланеру—нѣтъ-съ, ужъ за это покорно благодарю!

Клименко опять молча заходилъ по комнатѣ.

— Ну, скажите мнѣ на милость, чѣмъ я тутъ виноватъ?—спросилъ онъ, снова останавливаясь передо мною.—Вѣдь и я человѣкъ, какъ всѣ человѣки! Вѣдь не я первый, не я послѣдній пошаливаю! Да и она не первая и не послѣдняя изъ тѣхъ, которыя дѣлаютъ глазки и мнѣ, и вамъ, и дворнику, и городовому—и вдругъ!..

Онъ даже ногой топнулъ съ досады и зашагалъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, она еще радуется и съ такой блаженной улыбкой говоритъ мнѣ: «вотъ и папашей будете!..» Нечего сказать, осчастливила!

Клименко помолчалъ.

— Я ужъ и теперь вижу картину,—заговорилъ онъ:—какъ она станетъ приручать этого пострѣла: «Скажи: папаса!» «Сдѣлай папасѣ ручку!» «Поздравь папасеньку съ праздникомъ!..» Это все меня-то утѣшать будутъ!.. И вѣдь избалуетъ она его, нельмеца, не на животъ, а на смерть!.. Она вонъ и теперь каждый день пастилу да конфеты ѣстъ.—«Зачѣмъ?» — спрашиваю.—«Это онъ, говоритъ, требуетъ. Извѣстно, не какой-нибудь простой ребенокъ, а барскій!» А? Какъ вамъ это нравится? Не простой ребенокъ, а барскій, такъ онъ уже въ утробѣ матери пастилы требуетъ!.. А что послѣ-то съ нимъ будетъ? Вѣдь она себя будетъ готова продать, только бы ему угодить да испортить его въ конецъ этими сластями, да поблажками... Ну, и вырастетъ мерзавцемъ, а я радуйся, любуясь на это дѣтище... Онъ гдѣ-нибудь, по своей дѣтской невинности, стекла каменьями вышибетъ,—а папаша заступайся за него и плати... Онъ,

Digitized by Google

по своей благородной натурѣ, гдѣ-нибудь у Марцинкевича дебошъ учинитъ, — а папаша выручай его въ мировомъ судѣ... Онъ, по своему нѣжному сердцу дворянскаго происхожденія, какой-нибудь горничной руку предложитъ,—а папаша благословляй свое нѣжное дѣтище съ его краснощекой Дульцинеей... Вы только представьте себѣ эту пару: онъ въ короткихъ, клѣтчатыхъ штанахъ гороховаго цвѣта, въ зеленомъ галстукѣ и коленкоровой манишкѣ и она въ шумящихъ накрахмаленныхъ коленкоровыхъ юбкахъ и въ голубой шляпѣ съ цвѣтами съ вербъ попадаются мнѣ на Невскомъ и бросаются къ ручкѣ къ папашѣ... Тьфу!

Я расхохотался надъ комическимъ пафосомъ Клименко. Онъ посмотрѣлъ на меня и не выдержалъ, расхохотался тоже.

— Нечего сказать, попалъ въ кашу!—проговорилъ онъ.— Вотъ и ораторствуй тутъ противъ «отцовъ», когда у самого этакое дѣтище вырастетъ. И вѣдь если бы я могъ что-нибудь тутъ подѣлать, такъ нѣтъ, ее ужъ теперь ни на что не уговоришь. Отдать на воспитаніе—не отдастъ, воспитать его порядочно — не сумѣетъ, забыть, что онъ барченокъ— помилуйте, она его и теперь именно за то и любитъ, что онъ не какого-нибудь проходимца сынъ, а сынъ барина!.. Нѣтъ, я, кажется, въ Америку эмигрирую, чтобы никогда не встрѣчать эту лакейскую, холуйскую рожу, улыбающуюся мнѣ сыновнею улыбкою,—дамъ имъ денегъ, обезпечу ихъ и экспатрируюсь!..

Я смѣялся отъ всей души. Но Клименко вдругъ измѣнилъ тонъ и уже совсѣмъ серьезно замѣтилъ мнѣ:

— Да, да, веселый сюжетецъ, а у меня, знаете ли, иногда сжимается теперь сердце: не особенно пріятно будетъ мнѣ слышать, какъ этотъ холуй будетъ называть меня «папашей» и писать потомъ ко мнѣ безграмотныя, но умилительныя письма, но каково-то будетъ ему?.. Сдѣлаться отцомъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ плохо, но едва ли лучше сдѣлаться сыномъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ...

Онъ задумался и потеръ рукою лобъ.

— Значитъ, ваши разсказы объ отцахъ и дѣтяхъ кончены,—замѣтилъ я, спустя нѣсколько минутъ.

— Да, да, кончены, — отвѣтилъ въ раздумьи онъ, тревожно качая головой и вздыхая.

— А мнѣ такъ былъ нуженъ еще одинъ разсказъ,—промолвилъ я.

— Кто-жъ вамъ мѣшаетъ опубликовать мою исторію,—

Digitized by Google

невесело усмѣхнулся онъ.—Ужъ мнѣ теперь все равно придется быть комическимъ отцомъ, такъ и оповѣщайте впередъ объ этомъ общество. Пусть пальцами указываютъ. Кстати моя исторія можетъ послужить какъ разъ подходящимъ эпилогомъ къ моимъ повѣствованіямъ объ отцахъ и дѣтяхъ.

Я, какъ видитъ читатель, такъ и сдѣлалъ...

X.

Изъ записной книжки доктора Клименко.

Одинъ неаполитанецъ, по натурѣ простякъ и добрый малый, узналъ однажды, что умеръ папа. Это извѣстіе глубоко тронуло его. На слѣдующій день ему случайно разсказалъ кто-то, что неаполитанскій король только-что испустилъ послѣдній вздохъ. Новая печальная вѣсть совсѣмъ смутила бѣднаго малаго. Онъ пошелъ домой оплакивать смерть папы и короля, какъ вдругъ услыхалъ по дорогѣ, что кто-то говоритъ о внезапной кончинѣ палермскаго архіепископа. Этотъ послѣдній ударъ окончательно поразилъ простяка и онъ провелъ всю ночь въ слезахъ. «Должно-быть,—думалъ онъ,—наступаетъ кончина міра». Неизвѣстно, чѣмъ кончились бы его горькія размышленія, если-бы поутру ихъ не прервалъ глухой шумъ, раздававшійся неподалеку отъ его жилища.—Что это за шумъ?—спросилъ онъ. Ему отвѣтили, что это его сосѣдъ приготовляетъ макароны.—Какъ,—вескликнулъ онъ,—папа умеръ, неаполитанскій король умеръ, палермскій архіепископъ умеръ, а люди еще дѣлаютъ свои макароны! Неужели же, несмотря на такія потери, въ мірѣ все должно идти по-старому, и люди должны попрежнему заботиться о своихъ макаронахъ!

Онъ задумался надъ этимъ вопросомъ и сдѣлался впослѣдствіи великимъ философомъ...

Я не знаю, къ какимъ философскимъ выводамъ пришелъ онъ, я не знаю даже его имени, такъ какъ исторія не вписала его въ число великихъ людей, но анекдотъ о немъ вспомнился мнѣ недавно и вотъ по какому поводу.

У меня былъ молодой другъ; мы очень любили другъ друга; мы не могли жить одинъ безъ другого; я сознавалъ, что я необходимъ для него. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ, весь сіяющій, весь радостный: онъ влюбился, онъ былъ любимъ, онъ намѣревался жениться. Конечно, онъ долженъ былъ подѣлиться своимъ счастіемъ прежде всего со мною,

Digitized by Google

конечно, именно я долженъ былъ взять на себя часть хлопотъ по свадьбѣ. Вѣдь я былъ его лучшимъ другомъ. Я былъ въ восторгѣ, что мнѣ пришлось ѣздить съ нимъ покупать мебель и подарки для невѣсты, заказывать офиціантамъ все необходимое для свадебнаго пира и торговаться съ попомъ, хлопотать о букетѣ для невѣсты и держать надъ своимъ другомъ вѣнецъ во время вѣнчанія. Содѣйствовать устройству счастія своихъ ближнихъ всегда отрадно. Послѣ свадьбы у молодыхъ былъ обѣдъ, и они объявили, что они удаляются на лѣто въ деревенскую глушь, чтобы быть совершенно однимъ. Они говорили это такъ весело, такъ радостно, что я подавилъ даже слабый вздохъ, готовый вырваться изъ моей груди, при извѣстіи о томъ, что мнѣ предстоитъ долгая разлука съ моимъ единственнымъ другомъ. «Не слѣдуетъ быть эгоистомъ,—думалось мнѣ.—Не брать же имъ, въ самомъ дѣлѣ, съ собою всѣхъ друзей въ деревню или не оставаться же имъ здѣсь ради того, что безъ нихъ будетъ скучно ихъ друзьямъ». Мы простились. Пошли дни, недѣли, мѣсяцы, а о моемъ другѣ не было ни слуху, ни духу. Я не обвинялъ его за то, что онъ мнѣ не пишетъ, не обвинялъ потому, что онъ въ первый же мѣсяцъ послѣ своего отъѣзда написалъ въ отвѣтъ на мое письмо: «Я счастливъ, счастливъ и счастливъ,—вотъ все, что я могу сказать тебѣ. Если бы я написалъ тебѣ сотню писемъ, то все содержаніе каждаго изъ нихъ заключалось бы только въ этихъ словахъ. Описывать счастье нельзя — его можно только переживать. Вотъ почему, мой добрый другъ, я не пишу тебѣ. Мнѣ нечего писать и некогда писать. Ты спросишь: что я дѣлаю,—я тебѣ отвѣчу: ровно ничего, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ некогда взяться за перо. Счастіе поглощаетъ всего человѣка, отбиваетъ у него всѣ другіе помыслы, отнимаетъ у него все время. Чтобы понять это—нужно испытать это. О, какъ я былъ бы радъ, если бы ты влюбился, если бы тебя полюбили, если бы ты женился, если бы въ одинъ прекрасный день ты появился здѣсь со своей молодой женой. Да нѣтъ, ты не пріѣхалъ бы съ нею сюда, ты отыскалъ бы съ нею какую-нибудь такую глушь, гдѣ не было бы никого посторонняго, лишняго, гдѣ былъ бы только ты съ нею, гдѣ была бы только она съ тобою». Прочитавъ эти строки, я порадовался за своего друга и понялъ, что дѣйствительно было бы странно требовать отъ него писемъ. Я сѣлъ писать ему отвѣтъ, но, не кончивъ своего письма, я подумался: у него нѣтъ времени, нѣтъ возможности писать

Digitized by Google

мнѣ, но есть ли у него время читать мои письма, могутъ ли они теперь интересовать его, не смущаетъ ли его ихъ появленіе на его письменномъ столѣ, напоминая ему о томъ, что на письма все-таки нужно отвѣчать, наконецъ какой смыслъ имѣютъ письма, на которыя нѣтъ отвѣта, не являются ли они чѣмъ-то въ родѣ «самъ съ перчаткой разсуждалъ»? Я оставилъ перо и ушелъ гулять, не дописавъ начатаго письма. Съ этого дня моя переписка съ моимъ другомъ оборвалась. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а я ничего не зналъ о моемъ другѣ. Я уже начиналъ серьезно подумывать, гдѣ бы узнать о положеніи дорогого мнѣ человѣка, какъ вдругъ однажды поздней осенью, совершенно случайно, столкнулся съ нимъ на улицѣ. Я бросился къ нему съ распростертыми объятіями.

— Голубчикъ, вотъ-то неожиданная встрѣча! — воскликнулъ я.—Я думаю, гдѣ-то ты, что-то ты дѣлаешь, а ты въ Питерѣ!

— Да, да, въ прошломъ мѣсяцѣ пріѣхалъ, — отвѣчалъ онъ, цѣлуясь со мною.

— И не далъ мнѣ знать!—упрекнулъ я его.

— Мы еще не устроились, остановились у родственниковъ жены,—отвѣтилъ онъ.—И столько хлопотъ и заботъ... Вы вѣдь, холостяки, этого не понимаете, а нашъ братъ, семьянинъ, голову теряетъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ нахожусь я.

— А что, развѣ что-нибудь случилось?—встревожился я.

— Да, жена въ такомъ положеніи, что нужно найти скорѣе удобную квартиру и поберечь ее, голубку, — отвѣтилъ онъ.—Я очень боюсь за нее, она у меня такая хрупкая...

Онъ вздохнулъ.

— Ты меня извини, я тороплюсь, — проговорилъ онъ.— Мнѣ нужно зайти взглянуть на предлагаемую мнѣ квартиру и посовѣтоваться съ однимъ знакомымъ семействомъ насчетъ акушерки. Я не знаю, какая изъ нихъ надежная женщина, а тоже если что случится, не хотѣлось бы взять первую попавшуюся съ вѣтру...

— Ты заверни ко мнѣ-то, — сказалъ я.

— Хорошо, хорошо, какъ только устроюсь и успокоюсь немного. Ахъ, братъ, ты и представить не можешь, что за чувства испытываетъ человѣкъ, готовясь впервые сдѣлаться отцомъ: тутъ и страхъ, и радость... Ну, однако, прощай, мнѣ некогда...

Онъ торопливо пожалъ мнѣ руку и быстро пошелъ по

Digitized by Google

своей дорогѣ. Я постоялъ нѣсколько мгновеній на мѣстѣ, провожая его глазами; а потомъ грустно побрелъ домой. Какое-то скверное чувство шевельнулось во мнѣ, не то сознаніе, что между нами порвалась наша прежняя связь, не то зависть, пробужденная чужимъ счастіемъ. Но я подавилъ это чувство и внутренне пожелалъ всего лучшаго моему другу. И то сказать, не могъ же онъ нѣжничать и сентиментальничать со мною въ ту минуту, когда онъ былъ весь поглощенъ страхомъ за жизнь своей жены и за жизнь своего будущаго ребенка. Пройдетъ это время, кончится все счастливо и мы опять вспомянемъ свою дружбу, еще тѣснѣе сойдемся вмѣстѣ, у меня будетъ семейный домъ, гдѣ мнѣ можно будетъ отдыхать.

Прошло еще нѣсколько времени, и я снова вспомнилъ о своемъ другѣ: я шелъ по Литейному проспекту и на подъѣздѣ одного изъ домовъ прочелъ надпись на мѣдной дощечкѣ: «Присяжный повѣренный А. И. Лишинъ». Какъ Лишинъ, мой милый Лишинъ здѣсь живетъ,—надо зайти къ нему. Я позвонилъ у подъѣзда.

— Дома ли господа?—спросилъ я у горничной, отворившей двери.

— У себя, — отвѣтила она.

— Доложите обо мнѣ.

Я сказалъ свою фамилію. Она пошла докладывать обо мнѣ Лишину. Давно ли было то время, когда я могъ являться къ нему безъ всякихъ докладовъ днемъ и ночью, какъ и онъ являлся ко мнѣ...

— Господа просятъ васъ, — сказала мнѣ появившаяся снова предо мною горничная.

Я поднялся по небольшой лѣстницѣ, сбросилъ пальто и вошелъ въ залъ.

— Очень радъ, очень радъ, дружище, что отыскалъ меня,—сказалъ мнѣ Лишинъ, выходя ко мнѣ навстрѣчу.— Я передъ тобою еще виноватъ: не успѣлъ завернуть къ тебѣ. Да вѣдь и то сказать, тебя, я думаю, и съ собаками никогда не сыщешь: знаю я васъ, холостяковъ, то фланируете по Невскому, то въ Буффахъ да у Берговъ, — одна заря изъ дому выгонитъ, а другая домой загонитъ...

Онъ похлопалъ меня по плечу, какъ взрослые родственники похлапываютъ въ шутку пошаливающихъ школьниковъ. Я былъ ровно на пятнадцать лѣтъ старше его.

— Ну, пойдемъ къ женѣ, — сказалъ онъ и, взявъ меня подъ руку, повелъ въ кабинетъ.

Digitized by Google

Въ кабинетѣ сидѣли — хозяйка дома, какая-то барыня среднихъ лѣтъ и немолодой господинъ.

— Мэри, веду преступнаго прожигателя жизни,—сказалъ Лишинъ, вводя меня въ кабинетъ и представляя женѣ.

Она протянула мнѣ дружески руку и улыбнулась.

— Все еще неисправимый холостякъ?—спросила она.

— Да, еще не женился,—отвѣтилъ я.

— Смотрите, не опоздайте совсѣмъ,—сказала она.

— Да онъ ужъ и такъ опоздалъ!—засмѣялся Лишинъ.— Ужъ гдѣ ему теперь жениться: у насъ ужъ тутъ появились знаки отличія за двадцатипятилѣтніе холостые кутежи.

Онъ повертѣлъ рукою надъ своей головой и показалъ глазами на мои волосы, среди которыхъ красовалась лысина.

— Ну, это еще можно прикрыть,—проговорилъ незнакомый мнѣ господинъ.—Была бы охота жениться, а возможность есть всегда, невѣстъ на всѣхъ хватитъ.

— Кстати, позвольте васъ познакомить, — сказалъ Лишинъ и отрекомендовалъ меня своимъ гостямъ.

Мы раскланялись и пожали другъ другу руки.

— Такъ вы стоите за то, чтобы не пеленать дѣтей,— обратилась Лишина къ своей гостьѣ, продолжая, повидимому, прерванный моимъ приходомъ разговоръ. — А я думала, что при пеленаньи дѣтей они спокойнѣе спятъ, не кривятся, не разбрасываются?..

— Нѣтъ, пеленанье положительно вредно, оно стѣсняетъ движенія ребенка, мѣшаетъ правильному его развитію,— говорила гостья.—Я положительно противъ него. Я много читала объ этомъ предметѣ, говорила съ докторами и акушерками и пришла къ тому убѣжденію, что старая система въ этомъ случаѣ отжила свой вѣкъ.

— Я вамъ очень благодарна за совѣтъ, — сказала Лишина.—Я еще мало знакома съ этимъ дѣломъ и такъ боюсь сдѣлаться неопытной и неумѣлой матерью.

— Да, Мэри часто сѣтуетъ на наше женское воспитаніе, которое не подготовляетъ изъ женщинъ матерей,—замѣтилъ Лишинъ.—Вѣдь въ пансіонахъ и институтахъ вовсе и не думаютъ разъяснять, какъ должна будетъ поступать женщина, сдѣлавшись матерью.

— Щепетильность какая-то ложная, должно-быть, мѣшаетъ,—замѣтилъ гость.

— Нѣтъ, просто все наше женское воспитаніе и образованіе идетъ рутиннымъ образомъ,—сказала гостья.

Digitized by Google

— Ну, а какъ вамъ понравилась акушерка, которую мы прислали вамъ?—спросилъ гость.

— Ахъ, премилая особа, такая живая, — отвѣтила хозяйка дома: — она меня и моего Алексиса совершенно успокоила.

— Ахъ вы, молодежь, всего-то вы трусите,—засмѣялся гость. — Я вѣдь говорилъ, что все пойдетъ своимъ порядкомъ.

— Ну да, тебѣ хорошо толковать, когда ты теперь привыкъ къ этому,—замѣтила его жена.—А я помню, какъ ты метался по городу, когда я ожидала перваго ребенка. Можете себѣ представить, онъ чуть не выгналъ изъ дому одну акушерку за то, что она смѣла ему сказать, что онъ напрасно тревожится. «Какъ, напрасно тревожусь о здоровьи моей жены, о жизни моего ребенка!» Ахъ, онъ былъ просто уморителенъ въ это время, и едва-едва вразумили его, объяснивъ ему, что опасности никакой нѣтъ.

— Нѣтъ, а мнѣ мама разсказывала, что когда пришло время мнѣ родиться,—замѣтила хозяйка:—то папа заткнулъ себѣ уши и зарылся въ подушки, такъ что его едва-едва подняли, когда я родилась.

Общество, быть-можетъ, еще долго бы предавалось подобнымъ воспоминаніямъ, забывъ о моемъ существованіи, если бы обо мнѣ не вспомнилъ внезапно мой другъ.

— А ты все попрежнему постоянно посѣщаешь Буффъ?— совершенно неожиданно спросилъ онъ.

— Нѣтъ... рѣдко бываю,—отвѣтилъ я и почему-то потупился, точно меня спросили: продолжаю ли я пьянствовать?

— Что же такъ? Скверный составъ труппы, вѣрно?— спросилъ Лишинъ, закуривая папироску.

— Нѣтъ... Но прискучило,—отвѣтилъ я.

— Говорятъ, тамъ какая-то Гарнье или Гранье отличается?—спросила гостья.

— Да, Гранье,—отвѣтилъ я.

— Боже мой, сколько «этихъ дамъ» развелось нынче въ Парижѣ, каждый годъ какую-нибудь новую камелію приглашаютъ къ намъ,—небрежно замѣтила она.

— Гранье очень талантливая артистка,—вступился я за артистку.

— Ну, развѣ можно смотрѣть серьезно на этихъ каскадныхъ барынь!.. Что она такъ же, какъ Шнейдеръ, канканируетъ?—спросила она съ презрѣніемъ.

— Нѣтъ, она не канканируетъ,—отвѣтилъ я.

Digitized by Google

Наступило неловкое молчаніе.

Барыня немного наклонилась къ хозяйкѣ и спросила ее въ полголоса:

— Вы не устали ли, ma chère? Вамъ нужно избѣгать въ вашемъ положеніи утомленія. Я знаю по опыту, какъ это вредно дѣйствуетъ.

— Нѣтъ, ничего... У меня только немного голова тяжела сегодня,—такъ же тихо отвѣтила Лишина.

— А мужчины курятъ еще!—покачала головой гостья.

Лишинъ поймалъ на лету эту фразу и загасилъ папиросу.

— Да, перейдемте, господа, лучше въ залу, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и другому гостю.

Я поднялся и взялся за шляпу.

— Вы ужъ и идете?—спросила Лишина.

— Да, мнѣ надо,—отвѣтилъ я.

— Куда-жъ торопишься?—спросилъ Лишинъ.

— Мнѣ пора!—отвѣтилъ я.

Я простился и вышелъ изъ кабинета, Лишинъ проводилъ меня до передней.

— Заходи, дружище,—сказалъ онъ.—Да не считайся визитами. Я теперь невмѣняемъ и выхожу изъ дому только по дѣламъ. Ты понимаешь, что мнѣ не до визитовъ покуда.

— Ну, разумѣется,—отвѣтилъ я.

И точно, прошли еще дни, недѣли, мѣсяцы, а Лишину все было не до визитовъ. Наконецъ, судьба опять свела меня съ нимъ: я встрѣтилъ его у подъѣзда его квартиры. Онъ не замѣтилъ, не узналъ меня и едва не сшибъ съ ногъ. Я окликнулъ его.

— А, здравствуй, здравствуй! — крикнулъ онъ мнѣ на ходу.—Извини, пожалуйста, я тороплюсь... У меня вчера родился сынъ...

— Поздравляю,—сказалъ я.

— Спасибо, спасибо! Извини, что не приглашаю теперь къ себѣ... но понимаешь, теперь такое время. Какъ-нибудь заверну къ тебѣ.

Нѣтъ, онъ не завернулъ ко мнѣ. Впрочемъ, можетъ-быть, онъ ожидаетъ теперь дочь уже, и, конечно, вы сами поймете, что въ такое время ему не до визитовъ...

Возвращаясь домой послѣ этой послѣдней встрѣчи съ моимъ бывшимъ другомъ, я вспомнилъ анекдотъ о неаполитанцѣ. Да, если и я, старый холостякъ, испущу свой послѣдній вздохъ, то они, женатые Лишины, будутъ попрежнему приготовлять свои семейныя макароны.

Digitized by Google

Къ этому выводу долженъ когда-нибудь придти каждый старый холостякъ и вычеркнуть себя изъ числа дѣйствующихъ лицъ человѣческой жизни, перечислившись въ составъ простыхъ зрителей этой жизни.

...На холостяковъ сыплются массы обвиненій. Но чѣмъ же виноваты люди въ томъ, что имъ не удалось, вслѣдствіе тысячъ различныхъ причинъ, вкусить всѣ сладости семейной жизни? Чѣмъ эти люди виновнѣе тѣхъ, которые, очертя голову, женились, лишь бы жениться, и потомъ измучили своихъ женъ, загубили ихъ жизнь, пустили по-міру своихъ дѣтей? Неразумныхъ же и неразсчетливыхъ браковъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе, чѣмъ вполнѣ счастливыхъ.

Холостяковъ называютъ черствыми эгоистами. Но гдѣ же вы видѣли сухую воду, холодный огонь и людей не эгоистовъ? Человѣкъ эгоистъ по натурѣ, и когда ему проповѣдывали высшую любовь къ ближнему, то могли сказать только: «возлюби ближняго, какъ самого себя», то-есть признали, что въ человѣкѣ нѣтъ чувства выше любви къ самому себѣ. Но если холостякъ эгоистъ, то онъ только простой эгоистъ, а женатый—это эгоистъ въ квадратѣ, эгоистъ за себя, за жену, за дѣтей, и его не называютъ черствымъ только потому, что эгоизмъ за жену и за дѣтей называютъ уже не эгоизмомъ, а любовью. Но провѣрьте, что значитъ эта любовь въ дѣйствительности, и вы увидите, что она не что иное, какъ эгоизмъ въ квадратѣ, въ кубѣ.

Холостякамъ приписываютъ всевозможные пороки и недостатки: развратъ, пьянство, различныя маніи, подозрительность, сумасшествіе. Положимъ, что все это чаще встрѣчается именно у холостяковъ, но не доводятъ ли до этого холостяковъ общество, семьи, женатые люди, ревниво оберегая отъ нихъ свои дома, ставя ихъ въ положеніе какихъ-то отщепенцовъ, эксплоатируя ихъ при случаѣ въ пользу своей семьи, но не давая имъ ничего взамѣнъ ихъ услугъ, подсмѣиваясь надъ ними, надъ ихъ странностями, бросая ихъ жить и умирать въ чужихъ углахъ? Во всякомъ случаѣ нужно помнить, что жизнь холостяка—печальная жизнь, и что нельзя негодовать и возмущаться, до чего бы она ни доводила холостяковъ. Старые холостяки, при самыхъ счастливыхъ случайностяхъ, превращаются въ комическихъ дядюшекъ, крестныхъ и посажёныхъ отцовъ, то-есть ихъ заставляютъ платить за вѣнчанье, чтобы другіе имѣли возможность вкусить всѣ сладости медоваго мѣсяца;

Digitized by Google

ихъ заставляютъ платить за крестины, потому что другіе испытывали всѣ радости быть отцами и матерями; имъ отводятъ какую-нибудь комнату окнами на задній дворъ въ семейномъ домѣ, на чердакѣ, у Віардо, потому что отъ нихъ ожидаютъ въ скоромъ времени наслѣдства. Но это еще счастливцы изъ холостяковъ; болѣе несчастные тихо спиваются съ круга или попадаютъ подъ башмакъ старыхъ развратницъ, превратившихся въ квартирныхъ хозяекъ...

Я самъ холостякъ и я давно присмотрѣлся къ этой пестрой жизни холостяковъ.

Многіе говорятъ, что холостяки — народъ безполезный и что ихъ за это слѣдовало бы обложить извѣстной податью въ пользу женатыхъ. Мнѣ кажется, что холостяки далеко не безполезны уже потому, что они лучшіе наблюдатели. Едва ли какой-нибудь женатый человѣкъ, стремящійся пребывать въ своемъ гнѣздѣ, можетъ скопить такой запасъ наблюденій, какой можетъ скопить любой холостякъ, вѣчно живущій среди толпы, не имѣющій своего уютнаго гнѣзда. Большинство художниковъ, писателей, артистовъ — холостяки или люди женатые, но ведущіе жизнь холостяковъ; геніи рѣдко бываютъ домовитыми людьми, рѣдко играютъ роль семьянина; семейная жизнь приводитъ къ однообразію во взглядахъ, привычкахъ и обстановкѣ. Я, по крайней мѣрѣ, обязанъ своею наблюдательностью исключительно тому, что я окончательно былъ зачисленъ въ ряды старыхъ холостяковъ, т. е. оказался лишнимъ и ненужнымъ въ домахъ разныхъ Лишиныхъ: переставъ быть въ нихъ дѣйствующимъ лицомъ, я сдѣлался въ нихъ зрителемъ.

Чѣмъ дольше я жилъ, чѣмъ больше я присматривался къ жизни, тѣмъ рѣже и рѣже я сталъ посѣщать театры для созерцанія разныхъ пьесъ. И точно, какой интересъ онѣ могутъ имѣть для того, кто, мало-по-малу, привыкъ любоваться великой траги-комедіей, называемой человѣческою жизнью? Она нелѣпѣе самыхъ нелѣпыхъ водевилей, она глубже самыхъ глубокихъ трагедій и никакой самый смѣлый драматургъ не рѣшится создать такихъ оригинальныхъ фигуръ и положеній, какія создаетъ жизнь. Оно и понятно: драматурга могутъ освистать за созданіе физическаго и нравственнаго уродства, за изображеніе нелѣпыхъ и безсмысленныхъ положеній; жизнь же не освищешь, что бы она ни создавала—урода ли, лишеннаго отъ рожденія ногъ или рукъ, или сцену, какъ стремится какая-нибудь жен-

Digitized by Google

щина, пресытившаяся всевозможными наслажденіями, испытать любовь этого урода. Чѣмъ яснѣе видитъ человѣкъ все разнообразіе и всю неожиданность эффектовъ, создаваемыхъ жизнью, тѣмъ однообразнѣе кажутся ему завязки разныхъ театральныхъ комедій и драмъ, тѣмъ безцвѣтнѣе представляются ему разные сценическіе типы, тѣмъ скучнѣе становится ему смотрѣть на пьесы, конецъ которыхъ онъ угадываетъ при поднятіи занавѣса въ первомъ актѣ, и тѣмъ сильнѣе тянетъ его не въ раекъ или партеръ театра, а въ раззолоченныя палаты богача или въ потонувшій въ грязи уголъ бѣдняка, въ закрытую отъ посторонннихъ наблюдателей святая-святыхъ мирной семейной жизни или въ открытые настежь для каждаго встрѣчнаго пріюты гульбы и разврата. Чужіе дома, публичныя гулянья, залы судебныхъ засѣданій, общія собранія клубовъ и акціонерныхъ обществъ, базарныя площади, фабрики и заводы замѣняютъ ему театральные подмостки, и онъ втягивается въ жизнь праздношатающагося наблюдателя или фланера, полную неожиданныхъ наслажденій, странныхъ приключеній и то отрадныхъ, то скорбныхъ волненій.

Какъ завзятые театралы отдаютъ предпочтеніе извѣстнымъ мѣстамъ въ театрѣ, партеру или парадизу, такъ фланера влечетъ всегда въ однѣ и тѣ же мѣстности, на какое-нибудь мѣсто шумныхъ гуляній или на окраину города въ міръ захолустной жизни; какъ истинные театралы любятъ преимущественно пьесы извѣстнаго рода или извѣстныя мѣста въ пьесахъ, такъ и фланеры наблюдаютъ, главнымъ образомъ, за однородными сценами человѣческой траги-комедіи; какъ настоящіе театралы съ теченіемъ времени начинаютъ очень фамильярно по-родственному относиться къ актерамъ, называя ихъ не просто «Патти», а «нашею Патти», не просто «Самойловымъ», а «нашимъ Василіемъ Васильевичемъ», такъ и фланеры дѣлаются друзьями и родными тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ лицъ житейскихъ драмъ и комедій, и я зналъ одного очень скромнаго старичка-фланера, который однажды при встрѣчѣ со мною съ волненіемъ разсказывалъ мнѣ, что «вѣдь наша-то бѣдняжка Камилла совсѣмъ разорилась», а эту Камиллу онъ зналъ только потому, что привыкъ ежедневно издали слѣдить глазами на улицѣ за ея экипажами, за ея нарядами, за ея любовниками. Фланеры обыкновенно старые холостяки, не имѣющіе опредѣленныхъ занятій и живущіе на пенсіи, или служащіе гдѣ-нибудь по необходимости, а не по призванію

Digitized by Google

конторщиками и вовсе не интересующіеся своими сухими занятіями, они по большей части живутъ въ меблированныхъ комнатахъ, обѣдаютъ въ кухмистерскихъ, проводятъ вечера зимою въ прогулкахъ и въ сидѣніи за стаканомъ пива гдѣ-нибудь въ «Медвѣдѣ», у «Доминика», иногда они посѣщаютъ разъ или партеръ театра, куда ихъ привлекаютъ не столько самыя представленія, сколько желаніе «побыть въ народѣ», потолковать съ кѣмъ попало въ буфетѣ, лѣтомъ они ходятъ и въ «Лѣтній садъ», и въ «Демидронъ», и въ «Ливадію», и въ «Зоологическій садъ», и въ «Екатерингофъ», однимъ словомъ, во всѣ мѣста, гдѣ собирается много народу. Вездѣ у фланера есть знакомые, вездѣ онъ заговариваетъ съ посторонними людьми, вездѣ онъ находитъ предметъ для наблюденій и для размышленій. Я самъ давно привыкъ къ этой жизни и съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что подобные фланеры у насъ все плодятся и плодятся по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ дороговизны и массы другихъ причинъ, рушится старая семейная жизнь и развивается жизнь холостая, клубная, трактирная, жизнь въ меблированныхъ комнатахъ, съ обѣдами въ кухмистерскихъ, съ вечерами въ «Зимнихъ садахъ» и «Ливадіяхъ». Я уже хорошо заучилъ десятки физіономій, которыя я всегда надѣюсь безошибочно встрѣтить въ томъ или другомъ общественномъ мѣстѣ, и эти общественныя мѣста смотрятъ какъ-то не такъ, когда въ нихъ не видишь ихъ присяжныхъ посѣтителей холостяковъ-фланеровъ. Такъ, напримѣръ, въ «Собраніи художниковъ» мнѣ показалось бы какъ-то пусто, какъ то странно, если бы я не встрѣтилъ тамъ всѣмъ извѣстнаго, нѣсколько лысаго, нѣсколько обрюзгшаго господина, шевченковскаго типа съ моноклемъ на глазу, съ загадочно-насмѣшливой улыбочкой и съ произносимыми носовымъ акцентомъ, нѣсколько плоскими шуточками. А «Демидронъ»— развѣ можно его себѣ представить безъ высокаго, плотнаго господина съ густыми черными волосами съ просѣдью, прихрамывающаго на одну ногу, сильно жестикулирующаго руками, пьющаго чай въ обществѣ Егарева и какой-нибудь Альфонсины и оглашающаго воздухъ рѣзкимъ, короткимъ, какъ карканье ворона, смѣхомъ? Всѣ подобныя лица—фланеры, и кто хочетъ знать петербургскую жизнь, тотъ долженъ сближаться съ ними: они познакомятъ васъ съ такими мелочами по своей спеціальности, какихъ вамъ, если вы не холостякъ-фланеръ, при всей вашей наблюдательности, никогда не подмѣтить сразу, съ-налету. Я сказалъ:

Digitized by Google

«по своей спеціальности», потому что каждый фланеръ непремѣнно спеціалистъ. Спеціальность имъ избирается безсознательно, случайно, даже невольно; иногда фланеръ вплоть до самой гробовой доски и самъ не подозрѣваетъ въ своей простотѣ сердечной, что онъ спеціалистъ, но стоитъ свѣжему человѣку поговорить съ нимъ, и свѣжій человѣкъ тотчасъ же пойметъ, какого конька объѣздилъ его собесѣдникъ. Я зналъ одного фланера-нѣмца, который могъ быть названъ спеціалистомъ по кухмистерскимъ: старый холостякъ, живущій на пенсіи, онъ принужденъ былъ обѣдать въ кухмистерскихъ; пообѣдавъ въ одной, онъ остался недоволенъ обѣдомъ и пошелъ въ другую, въ другой обѣдъ оказался еще хуже, и нѣмецъ пошелъ въ третью; когда и въ третьей обѣдъ оказался неудобосваримымъ, нѣмецъ сдѣлалъ изъ этого «кухмистерскій вопросъ» и, протестуя и агитируя, началъ отравляться во всевозможныхъ кухмистерскихъ поочередно; вы могли заговорить съ нимъ и о политикѣ, и о театрѣ, но можно было впередъ держать пари, что разговоръ непремѣнно кончится имъ «кухмистерскимъ вопросомъ». Интереснѣе всего было то, что этотъ господинъ нашелъ, наконецъ, добрую женщину, кормившую своихъ жильцовъ и двухъ-трехъ постороннихъ посѣтителей очень хорошо, такъ что у нея можно было не отравляться, чѣмъ и воспользовался мой нѣмецъ въ теченіе недѣли, послѣ которой я снова встрѣтилъ его въ одной изъ кухмистерскихъ.

— Что же, развѣ вы не довольны обѣдами мадамъ Нейманъ?—спросилъ я.

— О, нѣтъ! Отлично кормитъ, батюшка мой, я никогда не ѣдалъ такихъ прекрасныхъ обѣдовъ, какъ у нея. Приготовлено чисто и порціи, знаете, такія большія.

Нѣмецъ началъ подробно описывать всѣ прелести обѣдовъ у мадамъ Нейманъ.

— Такъ что же вы не у нея обѣдаете?—спросилъ я.

— А-а,—протянулъ нѣмецъ:—мнѣ, батюшка мой, сказали, что тутъ открылись двѣ новыя кухмистерскія. Надо было попробовать, какъ въ нихъ кормятъ, это интересно,—отвѣтилъ спеціалистъ по кухмистерскимъ.

И пошелъ онъ опять отравляться кухмистерскими обѣдами и агитировать противъ кухмистеровъ. Бѣдняга самъ не понималъ, что онъ просто соскучился у мадамъ Нейманъ, что онъ уже втянулся въ привычку отравляться не въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ, наслаждаясь своими протестами и своей агитаціей противъ всевозможныхъ

Digitized by Google

кухмистеровъ. Агитируя и протестуя, онъ былъ убѣжденъ, что онъ играетъ извѣстную отвѣтственную роль въ житейской комедіи, а не влачитъ свою жизнь простымъ зрителемъ этой комедіи.

Только отъ такихъ холостяковъ-фланеровъ и можно узнать всю петербургскую жизнь со всѣми ея тайнами, со всѣми ея подробностями, со всею ея исторіею. Ни одинъ семейный старожилъ не сообщитъ вамъ того, что могутъ сообщить фланеры-холостяки, способные приносить даже извѣстныя жертвы ради своихъ экскурсій и чувствующіе себя несчастными, когда эти экскурсіи прекращаются по какимъ-нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Такъ я зналъ одного стараго отставного профессора-холостяка, жизнь котораго была буквально отравлена пожаромъ «Толкучки». «Толкучка» была мѣстомъ его ежедневныхъ прогулокъ въ теченіе многихъ лѣтъ. На «Толкучкѣ» профессора знали всѣ букинисты и всѣ продавцы древностей. Онъ покупалъ очень мало, но очень долго бесѣдовалъ со всѣми знакомыми торговцами, интересовался ихъ семейной жизнью, пилъ въ лавкахъ чай, а иногда и пиво, разсматривалъ съ видомъ знатока пріобрѣтенныя имъ вещи, однимъ словомъ, былъ здѣсь своимъ человѣкомъ. Когда сгорѣла «Толкучка», почтенный старикъ вдругъ увидалъ, что ему некуда ходить, не съ кѣмъ бесѣдовать. Въ первые дни послѣ пожара онъ еще былъ доволенъ своею судьбою: цѣлые дни толкался онъ среди знакомыхъ купцовъ, рывшихся на мѣстѣ пожара, суетился, толковалъ съ ними, принималъ участіе въ ихъ горѣ и въ ихъ планахъ, точно онъ самъ былъ однимъ изъ пострадавшихъ. Но когда мѣсто пожара опустѣло, когда рынокъ на время сталъ возникать на далекомъ отъ центра города Семеновскомъ плацу, когда нѣкоторые букинисты прекратили торговлю, когда другіе знакомые старику торговцы разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что городъ не имѣетъ для него никакого интереса, что ему некуда ходить, что у него нѣтъ «занятія», что онъ,—ну да, онъ признался въ этомъ внутренне,—никому не нуженъ. Нѣсколько времени онъ, какъ тѣнь, бродилъ еще по мѣсту пожара, потомъ попробовалъ нѣсколько разъ посѣтить Семеновскій плацъ, потомъ,—потомъ онъ сталъ все чаще и чаще оставаться дома и пить...

Холостяки-фланеры, какъ я уже сказалъ, нерѣдко кончаютъ этимъ. Иногда, утомясь фланерствомъ, чувствуя упадокъ силъ, они ищутъ возможности пріютиться подъ кры-

Digitized by Google

лышко какой-нибудь «квартирной хозяйки» и кротко прощаютъ ей ея нѣсколько двусмысленное и бурное прошлое, терпѣливо выносятъ строптивость и алчность ея характера въ настоящемъ, и если чего-нибудь боятся въ будущемъ, такъ это только того, чтобы и она не вышвырнула ихъ вонъ.

Невеселая эта жизнь, господа, и долго старается человѣкъ дѣлать видъ, что онъ не живетъ этою жизнью, что онъ еще не вступилъ безповоротно въ ряды старыхъ холостяковъ, что онъ еще не зритель общественной жизни, а дѣйствующее лицо въ этой жизни. Сознается онъ въ этомъ только послѣ цѣлаго ряда сценъ, которыя ясно говорятъ ему, что онъ лишній, лишній и лишній вездѣ и всюду—только тогда онъ покоряется судьбѣ, не строитъ плановъ насчетъ своего будущаго, тупо тянетъ свою лямку, заботясь лишь бы день убить, и сторонясь отъ общей жизни, наблюдаетъ за этою жизнью. Не дешево достается подобное сознаніе, но какъ только начнетъ оно зарождаться въ душѣ такъ тотчасъ является какая-то мнительность, какая-то подозрительность, и человѣкъ отыскиваетъ во всѣхъ отношеніяхъ къ себѣ какой-то двойной смыслъ, ловитъ во всемъ намеки на то, что онъ лишній, ненужный, чужой. Я ничего не знаю хуже этого душевнаго состоянія,—впрочемъ, можетъ-быть, это происходитъ отъ того, что я еще такъ недавно пережилъ тотъ періодъ жизни, когда впервые я сталъ понимать, что умри я хоть сейчасъ, а мои ближніе все-таки, какъ и прежде, ни на минуту не задумываясь о моей смерти, будутъ приготовлять свои семейныя макароны.

Впрочемъ, у меня, какъ и у каждаго стараго холостяка, есть своего рода утѣшеніе: я не боюсь причинить горе или неудовольствіе кому бы то ни было своею смертью.

XI.

Любовный романъ доктора Мазина.

Насъ собралось довольно большое общество на дачѣ. Въ этотъ день газеты разнесли вѣсть объ одномъ романическомъ самоубійствѣ: застрѣлился какой-то молодой человѣкъ, держа въ рукахъ женскій портретъ и оставивъ страстное письмо на имя какой-то отвергнувшей его Лидіи. Естественнымъ образомъ всѣ толки въ нашемъ кружкѣ вертѣлись около этого происшествія дня. Всѣ толковали о несчастной любви, о томъ, до чего она нерѣдко доводитъ людей.

Digitized by Google

— Начитается человѣкъ въ дѣтствѣ любовныхъ романовъ и живетъ весь вѣкъ съ убѣжденіемъ, что любовныя отношенія людей являются чѣмъ-то высшимъ, неземнымъ. Ну, отвергни или обмани потомъ такого человѣка предметъ его страсти, онъ сейчасъ и сходитъ съ ума или пускаетъ пулю въ лобъ, точно на всемъ земномъ шарѣ и женщинъ нѣтъ больше,—замѣтилъ между прочимъ серьезнымъ тономъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ нашемъ кружкѣ мужчинъ.

Это былъ докторъ Мазинъ, господинъ лѣтъ сорока двухъ, еще сохранившій слѣды былой красоты.

— Вы, докторъ, конечно, не сдѣлали бы этого?—замѣтила тономъ ироническаго упрека одна молоденькая женщина.

— Не сдѣлалъ бы-съ,—сухо отвѣтилъ докторъ...

Молодая женщина сдѣлала насмѣшливую гримаску.

— Желала бы я знать, что бы вы сдѣлали, если бы васъ самихъ отвергла любимая вами женщина,—настойчиво продолжала его допрашивать молодая женщина.

— Отвергла бы Марья, пошелъ бы къ Дарьѣ,—уже совсѣмъ грубо отвѣтилъ докторъ.—Не удалось заполучить лакомаго блюда, такъ нужно довольствоваться ржанымъ хлѣбомъ. Гастрономія—пошлая роскошь, нужно только утоленіе голода.

— Фи, это просто цинизмъ!—проговорила молодая женщина, дѣлая опять гримаску.

— Ну, а я считаю цинизмомъ или, если хотите, матеріализмомъ, распущенностью и самодурствомъ тотъ взглядъ на любовь, который существуетъ въ обществѣ,—серьезно сказалъ докторъ.—Если вы отдѣлите любовь, ставящую человѣка выше животнаго, отъ чисто животныхъ побужденій, неизбѣжно присущихъ и человѣку, то вы увидите, что отвергнутыхъ любящихъ людей не можетъ быть, а что бываютъ только отвергнутые любовники. Если мы любимъ человѣка за его нравственныя и умственныя достоинства, то ничто не можетъ развести насъ съ нимъ, мы сумѣемъ его привязать къ себѣ, сумѣемъ подняться до него, сумѣемъ простить его ошибки, сумѣемъ исправить его недостатки и будемъ связаны съ нимъ любовью до тѣхъ поръ, пока не измѣнится вполнѣ онъ, или не измѣнимся мы сами, то-есть до тѣхъ поръ, пока у насъ не порвется окончательно общая умственная и нравственная связь. Эта связь не обрывается вдругъ и потому не сводитъ съ ума и не побуждаетъ къ самоубійству. Но отвергнутыхъ и обманутыхъ любовни-

Digitized by Google

ковъ бываетъ масса, потому что тутъ связь является чисто физическою, матеріалистическою, животною: человѣкъ можетъ быть очень хорошимъ человѣкомъ и очень плохимъ любовникомъ, онъ можетъ прискучить любовницѣ, она можетъ найти лучшаго, ее могутъ развести съ нимъ постороннія причины. Вслѣдствіе этого, если человѣкъ привлеченъ къ женщинѣ только чисто животною страстью, то онъ, конечно, долженъ ждать того, что она отвергнетъ или броситъ его, такъ какъ онъ можетъ не понравиться ей, а измѣнить свою образину не въ его власти, или онъ можетъ показаться ей потомъ хуже, чѣмъ казался прежде, или на его мѣсто можетъ явиться лучшій, но онъ будетъ настойчивый самодуръ, грубый матеріалистъ, пошлый циникъ, или романтикъ, не понимающій, что онъ въ сущности является простымъ слугою животныхъ похотей, если онъ сойдетъ отъ этого съ ума или застрѣлится...

Докторъ говорилъ рѣзко и грубо, такъ что его собесѣдницу нѣсколько покоробило отъ этой бесѣды. Но она не унялась.

— Такъ, по вашему, онъ, если онъ не матеріалистъ, долженъ идти утѣшаться къ другой любовницѣ?—съ ироніей спросила она.

— Да-съ: кушать надо всѣмъ—и идеалистамъ, и матеріалистамъ. Но если не удалось покушать лакомаго блюда, то ѣшь ржаной хлѣбъ, да не сходи отъ этого съ ума и не стрѣляйся, помня, что на свѣтѣ есть много людей, которымъ и ржаной хлѣбъ-то иногда приходится ѣсть съ мякиною, а главное заруби у себя въ памяти одно правило, что человѣкъ только тѣмъ и отличается отъ животнаго, что у него есть, кромѣ простыхъ животныхъ побужденій, нѣчто болѣе возвышенное, что мы называемъ духовными побужденіями, нравственными интересами и такъ далѣе. Животное, видите ли, когда ему нечего жрать, ѣстъ своихъ собратьевъ,—человѣкъ же дѣлаетъ это только въ дикомъ состояніи или въ тѣ времена бѣдствій, когда онъ опускается на степень животнаго...

— Это вы въ анатомическомъ театрѣ придумали такую теорію любви или, лучше сказать, раздѣленія любви на двѣ части?—приставала молодая женщина.

— Да-съ, въ анатомическомъ театрѣ и въ сумасшедшемъ домѣ,—сказалъ докторъ и всталъ:—и я думаю, сударыня, что человѣчество только потому и творитъ столько сумасбродства изъ-за любви, что человѣку не сумѣли внушить

Digitized by Google

съ дѣтства правильнаго взгляда на его отношеніе къ женщинѣ и вскружили ему голову разными глупыми любовными романами. Если вы просмотрите исторію сумасшествій и самоубійствъ изъ-за любви, то вы увидите, что люди сходятъ съ ума и убиваютъ себя не изъ-за любви къ нравственнымъ и умственнымъ совершенствамъ любимаго существа, потому что тутъ не можетъ быть причинъ для сумасшествія или самоубійства, а изъ-за чисто животныхъ страстей, возбужденныхъ женщиною. Не удовлетворила женщина животнымъ побужденіямъ мужчины, ну, онъ и сходитъ съ ума или самъ убивается сейчасъ. Ну-съ, а это значитъ становиться даже ниже животнаго.

Когда докторъ ушелъ съ балкона, всѣ начали осуждать его, говоря, что онъ самъ прозаикъ, циникъ, брюзга, старый холостякъ... Мнѣ, какъ его другу, пришлось вступиться за него, и я разсказалъ обществу его исторію, которую сейчасъ прочтетъ читатель.

...Съ докторомъ Мазинымъ я познакомился очень давно и довольно оригинально. Прихожу я однажды въ купальню на Фонтанкѣ у Измайловскаго моста и вижу, что какой-то юнецъ въ одеждѣ Адама до грѣхопаденія стоитъ ко мнѣ спиною у противоположной входу стѣны, упершись руками о скамью и прильнувъ лицомъ къ дощатой перегородкѣ. Я вынулъ портсигаръ, закурилъ папиросу и сталъ неторопливо раздѣваться. Наблюдатель, повидимому, не замѣчалъ моего присутствія. Наконецъ я уронилъ, снимая, свой сапогъ, и этотъ шумъ заставилъ очнуться, стоявшаго ко мнѣ спиною, незнакомца. Онъ быстро обернулся и съ застѣнчивой улыбкой взглянулъ на меня. Я увидалъ очень хорошенькое, сильно раскраснѣвшееся личико совсѣмъ молодого человѣка, почти еще мальчика.

— Извините-съ, я васъ совсѣмъ и не замѣтилъ, какъ вы вошли... думалъ, что никого нѣтъ,—заговорилъ онъ торопливо, краснѣя и потупляя разгорѣвшіеся глазенки.—Дамы, знаете, купаются тамъ... любопытно... Сейчасъ жена нашего начальника отдѣленія съ дочерью и гувернанткой пришли...

Онъ говорилъ, и лукаво улыбаясь, и конфузясь въ одно и то же время, какъ пойманный въ шалости школьникъ, еще не знающій, распекутъ ли его за шалость или примутъ участіе въ продолженіи съ нимъ вмѣстѣ этой шалости...

Въ эту минуту въ сосѣднемъ отдѣленіи купальни послышался плескъ воды, и юноша замахалъ мнѣ рукою.

Digitized by Google

— Постойте, постойте, должно-быть, въ воду бросились,— поспѣшно проговорилъ онъ и снова припалъ лицомъ къ дощатой перегородкѣ.—Плаваютъ! — таинственно прошепталъ онъ, на секунду опять обернувшись ко мнѣ лицомъ.— И дочь, и гувернантка плаваютъ...

Меня начиналъ разбирать смѣхъ.

— Скажите, вы часто здѣсь упражняетесь въ подобныхъ наблюденіяхъ?—спросилъ я его.

— Да... то-есть нѣтъ-съ,—конфузливо отвѣтилъ онъ, отходя отъ перегородки и останавливаясь передо мною.—Въ будни служба не позволяетъ, и тоже иногда здѣсь много народу, неловко... попасться можно, потому что мужья купающихся дамъ могутъ здѣсь присутствовать... обидятся еще и на исторію напорешься... А въ сущности что же... шалость это просто... Только вотъ тутъ неловко... Вы если хотите получше разглядѣть, такъ вотъ на ту балку взберитесь, тамъ есть въ перегородочкѣ сучокъ, вынимается онъ легко... точно пробка...

Юноша указалъ мнѣ то мѣсто въ купальнѣ, гдѣ вынимается сучокъ изъ перегородки.

— Но вѣдь тамъ и удержаться не за что,—замѣтилъ я, взглянувъ на то мѣсто, куда указывалъ юноша.

— Нѣтъ-съ, можно... я добился. Правда, первый разъ соскользнулъ съ балки въ воду, а потомъ приловчился... верхомъ на балку нужно сѣсть и руками за эти вонъ доски держаться... Тутъ гвоздь есть, такъ за него можно уцѣпиться...

— Э, да вы жизнью готовы рисковать для своихъ наблюденій,—засмѣялся я.

— Помилуйте, тутъ не опасно... а оно понятно, я молодой человѣкъ, холостой... ну, и любопытно... Нѣтъ, а вы знаете купца Авдѣева дочерей?—вдругъ обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Нѣтъ, не знаю...

— Въ Седьмой Ротѣ домъ свой у нихъ, около казармъ, пять барышенъ ихъ,—пояснилъ онъ, едва удерживаясь отъ смѣха:—вотъ-то, я вамъ скажу, конструкція такъ конструкція... на нихъ домъ каменный выстроить можно... Я и мать ихъ знаю, и горничную, что при нихъ состоитъ... Иногда только вотъ досадно, номерную ванну онѣ берутъ... туда никакъ нельзя посмотрѣть... Я, знаете, рядомъ разъ взялъ тоже номерную ванну, думалъ оттуда посмотрѣть,—такъ нѣтъ, доски, знаете, этакія толстыя... правда, подплыть бы

Digitized by Google

можно, нырнувъ снизу подъ перегородку, да скандалъ можетъ выйти.

Онъ говорилъ скоро, захлебываясь отъ удовольствія, сильно жестикулируя и двигаясь передо мною. Его, повидимому, вовсе не стѣснялъ его адамовскій костюмъ, точно онъ вполнѣ привыкъ быть въ обществѣ въ этомъ воздушномъ одѣяніи. Я раздѣлся и вошелъ въ воду, а мой новый знакомый вынулъ портсигаръ, закурилъ папироску и сталъ прогуливаться подъ навѣсомъ площадки, похлопывая себя по тѣлу и пуская вверхъ колечки дыма. Глядя на него, я подумалъ невольно, что онъ недавно только сошелъ со школьной скамьи и что онъ воспитывался въ закрытомъ заведеніи: его разговоръ напоминалъ школьника на каникулахъ, его безцеремонная прогулка въ адамовскомъ костюмѣ напоминала привычку «полныхъ пансіонеровъ» не стѣсняться въ подобныхъ случаяхъ ничьимъ присутствіемъ.

— Вы бывали въ Парголовѣ?—спросилъ онъ меня.

— Бывалъ,—отвѣтилъ я.

— Вотъ тамъ хорошо... мы на-дняхъ ѣздили туда съ товарищами...

— Пыльно тамъ,—замѣтилъ я.

— Да мы больше на озерѣ были... Вотъ, знаете, тамъ отлично устроено: ванны просто изъ рогожечекъ понадѣланы, одна подлѣ другой, купаются больше на открытомъ мѣстѣ, ѣдешь это на лодкѣ или самъ въ ванной за рогожкой притаишься и все видно... тамъ, я вамъ скажу, лафа дачникамъ.

Я смѣялся въ душѣ надъ этимъ оригинальнымъ любителемъ подсматривать за купающимися женщинами; мнѣ какъ-то невольно пришло въ голову, что онъ не только былъ полнымъ пансіонеромъ въ закрытомъ заведеніи, но что, кромѣ того, онъ былъ сирота, не имѣлъ семьи, росъ безъ женщинъ.

— Вы, однако, странныя путешествія предпринимаете,—сказалъ я.

— Да вѣдь что же — мы люди молодые... Тоже хочется повеселиться...

— Вы, вѣроятно, недавно еще съ гимназической скамьи сошли?—спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, я не въ гимназіи воспитывался... Въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ былъ... Тоже восемь лѣтъ отсидѣлъ тамъ...

— Вы точно о тюрьмѣ говорите,—улыбнулся я.

Digitized by Google

— Да оно такъ и есть, восемь лѣтъ взаперти сидѣлъ. Все среди товарищей, среди мужчинъ, точно въ монастырѣ... Теперь вотъ только на волю попалъ... съ весны... Мы вотъ, знаете, съ товарищами тоже въ Ивановъ день ѣздили на Куллербергъ... Вотъ-то, я вамъ скажу, насмотрѣлись на безобразія...

Молодой человѣкъ, присѣвъ верхомъ на перила, началъ торопливо съ сладкой улыбкой и съ воодушевленіемъ разсказывать, чего онъ насмотрѣлся на Куллербергѣ. Онъ говорилъ, какъ мальчикъ, какъ школьникъ, которому все было ново. Я уже не прерывалъ его и поспѣшно одѣвался. Онъ тоже одѣлся и вышелъ со мною изъ купальни.

— Вы гдѣ живете-съ?—спросилъ онъ меня.

— На Обуховскомъ проспектѣ,—отвѣтилъ я.

— А я на Таракановкѣ. У насъ тамъ, знаете, просто... зимой только скучно... ну, да я переберусь оттуда къ зимѣ куда-нибудь въ центръ города... теперь-то тамъ очень хорошо, Екатерингофъ близко, ѣздилъ вотъ на челнѣ на острова, около Рѣзваго острова тутъ есть рѣчка, тамъ тоже въ праздники...

Я поспѣшилъ прервать его и простился съ нимъ, такъ какъ я впередъ уже угадывалъ, о чемъ онъ начнетъ говорить...

Прошло мѣсяца два послѣ этой встрѣчи съ юнымъ любителемъ наблюдать за купающимися женщинами; я уже совершенно забылъ о немъ, какъ вдругъ случай снова столкнулъ меня съ нимъ. Я обѣдалъ и просматривалъ газеты въ одномъ изъ трактировъ, и былъ очень удивленъ, услышавъ, что кто-то здоровается со мною.

— Вы, можетъ-быть, не узнали меня?—послышался мнѣ вопросъ.

Я поднялъ голову и увидалъ юношу, который такъ изумилъ меня въ купальнѣ.

— Мы съ вами купались вмѣстѣ,—пояснилъ онъ.

— Помню, помню,—улыбнулся я.

— Вы мнѣ позволите за вашъ столъ сѣсть?—спросилъ онъ.

— Пожалуйста,—отвѣтилъ я.

— Скучно, знаете, одному,—пояснилъ онъ.

Онъ усѣлся за столъ и спросилъ себѣ селянки и пироговъ. Онъ былъ попрежнему розовымъ и кругленькимъ мальчикомъ, хотя на этотъ разъ онъ смотрѣлъ какъ-то задумчиво или, лучше сказать, озабоченно.

— Скажите, пожалуйста,—вдругъ обратился онъ ко мнѣ

Digitized by Google

послѣ продолжительнаго молчанія нерѣшительнымъ тономъ:— васъ не били женщины?

Я разразился неудержимымъ смѣхомъ.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь, — торопливо заговорилъ онъ, смущаясь и краснѣя:—но, знаете, мнѣ очень бы хотѣлось это знать... Что-жъ, мы холостые люди и намъ нечего церемониться между собою...

— Не били,—отвѣтилъ я.

— Странно... очень странно,—проговорилъ онъ въ замѣшательствѣ, покусывая свою едва покрывавшуюся пушкомъ верхнюю губу.

— А васъ?.. вѣроятно...

Я не могъ говорить отъ овладѣвшаго мною смѣха.

— Да-съ, вотъ опять вчера вечеромъ... Третій разъ пощечину даютъ,—говорилъ онъ смущеннымъ и озабоченнымъ тономъ.—Оно, знаете, не больно, но... я, видите, совершенно неопытенъ по этой части... то-есть, я еще не знаю, какъ себя держать съ женщинами... Мнѣ хотѣлось бы только узнать вотъ, какъ это я понимать долженъ...

— То-есть, что же понимать-то?—спросилъ я.

— Да вотъ, если бьютъ,—пояснилъ онъ.

Я снова разразился смѣхомъ.

— Да, вамъ вотъ смѣшно, потому что вы уже опытный человѣкъ, а я,—началъ онъ съ наивнымъ упрекомъ въ голосѣ.—Мнѣ вотъ одинъ товарищъ говорилъ: «э, братъ, женщину тоже не скоро раскусишь; иная такъ тебя отбалуетъ, что искры изъ глазъ посыпятся, а сама влюблена въ тебя, какъ кошка»... Вотъ я теперь и не знаю, какъ же мнѣ быть послѣ того, что она мнѣ дала пощечину. Я, знаете, выходилъ одну горничную тутъ, два мѣсяца ходилъ за нею, глазки ей дѣлалъ, ручки, ну, орѣховъ разъ поднесъ... Я, знаете, человѣкъ совсѣмъ неопытный еще и, къ тому же, робкій... А вотъ вчера попробовалъ обнять, а она мнѣ и дала пощечину... конечно, можетъ-быть, на это не стоитъ обращать вниманія, но тоже, съ другой стороны, если она всегда будетъ такъ... Оно, знаете, все же неловко, я служу, а она все же горничная... Можетъ-быть, сосѣдямъ разсказывать станетъ, прислугѣ, на смѣхъ поднимутъ...

— Охота вамъ ловеласничать, вѣдь это просто пошло,— проговорилъ я.

— Да, какъ же-съ, вѣдь я тоже человѣкъ молодой,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ и прибавилъ обидчивымъ тономъ.— Конечно, есть такіе развратники, которые Богъ знаетъ по

Digitized by Google

какимъ домамъ ѣздятъ и сближаются съ разною сволочью... Но я страдать ради этого баловства тоже не желаю... я тоже дорожу собою... вонъ у насъ одинъ чиновникъ гулялъ такъ-то, да и загубилъ себя. Намъ еще гувернеръ разсказывалъ, какіе ужасы бываютъ отъ этихъ посѣщеній, Богъ знаетъ, какихъ вертеповъ... И мерзость одна это только... пьянство, разнузданность тамъ... говорятъ, тамъ такія нахалки эти женщины, что краснѣть за нихъ надо...

Онъ пустился въ разныя интимныя разсужденія о томъ, какъ опасно молодымъ людямъ развратничать, какъ ему гадко даже смотрѣть на падшихъ женщинъ, какія онѣ бываютъ наглыя, какъ легко въ ихъ кругу запить и замотаться... Все это онъ сообщалъ мнѣ не то съ отвращеніемъ, не то съ застѣнчивостью наивнаго и робкаго мальчугана. Я попробовалъ разъяснить ему, что и его похожденія за горничными тоже очень некрасивы, но онъ стоялъ на одномъ.

— Что же вы прикажете дѣлать, вѣдь я человѣкъ молодой... Конечно, вы скажете, что я могъ бы жениться, но вѣдь мнѣ еще рано жениться, и притомъ, гдѣ же мнѣ найти невѣсту: съ бѣдной я съ голоду умру, а богатая за меня не пойдетъ... А это, что меня ударила горничная, конечно, пустяки... мнѣ только досадно, что я все лѣто на нее ухлопалъ, ходилъ-ходилъ и ни съ чѣмъ отъѣхалъ. Теперь вонъ зима близко, а зимой труднѣе выслѣдить кого-нибудь... всѣ по квартирамъ взаперти сидятъ. И ужъ, видно, я такой неудачникъ, никого знакомыхъ у меня нѣтъ, пріятели все холостяки и безсемейные люди; въ семейныхъ домахъ нигдѣ не бываю, совсѣмъ даже и придумать не могу, гдѣ бы съ барышнями сблизиться...

Почти въ теченіе часа слушалъ я жалобы моего оригинальнаго знакомаго; я узналъ, что онъ круглый сирота, что его зовутъ Дмитріемъ Петровичемъ Мазинымъ или Мазей, какъ называютъ его товарищи, что онъ получаетъ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ жалованья, что онъ ведетъ очень скромную жизнь, что онъ любитъ въ товарищескомъ кружкѣ играть на гитарѣ, что онъ даже не пьетъ вина, что онъ больше любитъ конфеты, что онъ въ сущности нравственъ, какъ новорожденный младенецъ. Когда мы разставались, онъ попросилъ у меня позволенія придти ко мнѣ и взять у меня «книжечку почитать». Я далъ ему свой адресъ.

Онъ сталъ ходить ко мнѣ изрѣдка, на минуту, постоянно боясь помѣшать мнѣ, стѣснить меня.

Digitized by Google

Однажды вечеромъ я сидѣлъ дома, какъ вдругъ послышался несмѣлый звонокъ: черезъ двѣ-три минуты ко мнѣ въ комнату вошелъ Мазя. Онъ вошелъ, по обыкновенію, робко, застѣнчиво, краснѣя и извиняясь, что обезпокоилъ меня, и обѣщаясь сейчасъ же уйти, если онъ мнѣ помѣшалъ. Я принялъ его ласково... впрочемъ, я принимаю ласково всѣхъ и каждаго, потому что люди — это мои ходячіе бифштексы: чѣмъ болѣе у меня знакомыхъ, тѣмъ болѣе у меня матеріаловъ для наблюденій, а, значитъ, и для пріобрѣтенія средствъ на бифштексы.

— А вы что-то похудѣли,—замѣтилъ я Мазѣ.

— Такая линія вышла,—отвѣтилъ онъ въ смущеніи.

— Видно, за горничными много бѣгаете, — пошутилъ я.

— Нѣтъ-съ, я бросилъ эти пошлости,—отвѣтилъ онъ застѣнчиво.—Удачи мнѣ нѣтъ... даже совсѣмъ напротивъ выходитъ... Я черезъ этихъ самыхъ горничныхъ, скажу вамъ откровенно, какъ другу, даже боленъ былъ...

— Неужели?—изумился я.

— Да-съ, такая подлость, такая подлость вышла, что вотъ ужъ никакъ не ожидалъ, — взволнованно произнесъ онъ и прошелся по комнатѣ.

— Да, что же такое случилось съ вами? — спросилъ я.

Мазя осмотрѣлся кругомъ, точно желая удостовѣриться, что мы были одни, и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Я вамъ по дружбѣ готовъ сознаться, только вы, пожалуйста, знаете, никому ни гу-гу... Меня, видите ли, одинъ лакей избилъ...

Онъ перевелъ духъ и заговорилъ скороговоркой:

— Подлецъ, какъ есть подлецъ, хамъ, прямо въ физіономію кулакомъ... такъ и тычетъ, такъ и тычетъ... Намъ, говоритъ, сударь, самимъ эфти дѣвчонки-то самыя нужны .. двѣ недѣли послѣ того въ должности не былъ.

— Синяки лѣчили?—спросилъ я, сдерживая свой смѣхъ.

— И синяки, и простуду... гардеробъ свой тамъ впопыхахъ оставилъ, ну, и простудился.

Я хохоталъ уже, позабывъ о всякомъ приличіи.

— Да, вамъ хорошо смѣяться, а я вотъ третью квартиру изъ-за этихъ самыхъ горничныхъ перемѣняю,—проговорилъ Мазя. — Мизантропія даже какая-то напала, одно время глазъ никуда не показывалъ, такъ противно на людей было смотрѣть... Что-жъ, развѣ я виноватъ, что я застѣнчивъ и неопытенъ? Вонъ другіе—ходоки по этимъ дѣламъ, имъ все удается, такъ имъ, конечно, и смѣшно, а мнѣ...

Digitized by Google

Онъ омрачился и молча заходилъ снова по комнатѣ.

— Ну, а какъ же теперь-то вы?—спросилъ я.

— Теперь я совсѣмъ бросилъ эти глупыя ловеласничанья и жениться рѣшился... Сваха даже ко мнѣ ходитъ...

— Ну, и что же, нашли невѣсту?

— Нѣтъ еще, неподходящія все покуда навертываются,— грустно отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, прибавилъ застѣнчиво:— Вы вѣдь сами видите, что я не очень дуренъ собою, а она какихъ-то уродовъ сватаетъ... Не могу же я, не любя, жениться... И безъ того въ жизни все проза да проза... Одна была хорошенькая, такъ совсѣмъ бѣдная и на шеѣ у нея мать-старуха да бабка... Я не могу взять жену съ матерью и бабкою, мнѣ нужно одну жену безъ матери и бабки.

Онъ помолчалъ съ минуту и потомъ заговорилъ снова.

— А ужъ если бы знали, какъ я теперь жалѣю, что я ни пошелъ въ военную службу, такъ это и повѣрить трудно.

он— А что?

ри— Да то, что будь я офицеръ, у меня сейчасъ же домъ тоеенный былъ бы.

— Неужели?

— Ей-Богу-съ! Тутъ есть чайный торговецъ Шляпкинъ, какъ онъ говоритъ, что посватайся за его дочь офицеръ, ъ ее и съ руками, и съ ногами отдастъ, хоть бы, говоть, голый какой навернулся да гвардеецъ... Это онъ потаму, что у его брата дочь вышла замужъ за офицера, егерскаго полка, правда, за неказистаго да все же за гвардейца... А у этого Шляпкина домъ за дочерью-то идетъ въ приданое... да и хорошенькая она...

Онъ опять помолчалъ немного.

— Нѣтъ, какъ вы тамъ ни смѣйтесь, а иногда, знаете, просто въ уныніе впадаешь,—заговорилъ онъ.—Жалованье у меня маленькое, едва прожить можно, а не то, что на что-нибудь такое тратить, смѣлости нѣтъ, чтобы что-нибудь съ-налету взять, а между тѣмъ, тоже у меня, какъ и у всякаго, кровь кипитъ, сердце тоже есть... Иногда, знаете, просто, сказать стыдно, плачу дома. Ей-Богу-съ правда! Что-жъ, я сознаюсь въ этомъ, я не скрываю этого, потому что я не виноватъ, что мнѣ судьба такая вышла... Будь я богатъ или какой-нибудь нахалъ безчестный, или развратный гуляка, я нашелъ бы себѣ дорогу, я бы турманомъ закрутился, а то... И на какую я службу поступилъ: у насъ и командировокъ никакихъ нѣтъ куда-нибудь въ Москву или тамъ въ провинцію...

Digitized by Google

— А командировка-то вамъ на что понадобилась? Забыться хотите, что ли?

— Какое забыться! Будь у насъ командировки, такъ я черезъ мѣсяцъ бы женился... Вѣдь это въ Петербургѣ нашъ братъ не скоро невѣсту богатую подцѣпить можетъ, а въ Москвѣ, или гдѣ-нибудь въ провинціи женихи нужны, тамъ выходить не за кого дѣвушкамъ... Будь у меня теперь хоть тысяча рублей, я бросилъ бы и службу къ чорту и поѣхалъ бы жениться.

— Ну, а если бы вдругъ не удалось?

— Помилуйте, да вѣдь я же теперь вполнѣ мужчина... Тамъ, въ провинціи, даже бы за счастье сочла иная богатая невѣста имѣть такого мужа... Я, конечно, похудѣлъ теперь немного, но это пустяки, откормиться скоро можно... Я ужъ и то думаю публиковать въ газетахъ, что я ищу мѣсто учителя или управляющаго въ отъѣздъ... Мнѣ все равно, куда ѣхать... я хоть въ Сибирь готовъ, только бы отсюда выбраться, потому что я съ моимъ жалованьемъ и съ моимъ характеромъ совсѣмъ здѣсь зачахну... Вы, помяните мое слово, увидите, что зачахну, да этакъ и поглупѣешь совсѣмъ, потому что только объ этомъ и думаешь... Ей-Богу, я, въ концѣ-концовъ, или идіотомъ сдѣлаюсь, или въ какой-нибудь публичный домъ въ пьяномъ видѣ попаду, да тамъ и околѣю...

Мнѣ стало даже жаль его.

Прошло около трехъ лѣтъ послѣ этого визита Мази ко мнѣ: судьба меня забросила въ другія мѣста и заставила потерять на время изъ виду моихъ петербургскихъ знакомыхъ. Когда я снова возвратился въ Петербургъ, мнѣ, разумѣется, и въ голову не приходило, что я встрѣчусь снова съ Мазей. Я зналъ его такъ недолго, такъ мало интересовался имъ, что воспоминаніе о немъ совершенно изгладилось изъ моей памяти. Но случай опять столкнулъ меня съ нимъ: я встрѣтилъ своего стараго знакомаго на улицѣ и прошелъ бы мимо него, если бы онъ не окликнулъ меня совсѣмъ робкимъ голосомъ.

— Извините, можетъ-быть, вамъ непріятно видѣть меня,— сказалъ онъ, остановившись передо мною.

Я взглянулъ на него, узналъ его, протянулъ ему руку. Но меня поразилъ его видъ: Мазя былъ худъ, блѣденъ, плохо одѣтъ. Несмотря на зимнее время, онъ былъ въ легонькомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ, его панталоны были довольно потасканы, его фуражка была какая-то измятая, потертая, порыжѣвшая...

Digitized by Google

— Что съ вами, Мазя?—спросилъ я, забывъ его имя и отчество, и прибавилъ: — извините, что я васъ такъ называю, но...

— Ничего, ничего, я очень радъ... очень благодаренъ, я думалъ, вы погнушаетесь, — заговорилъ онъ торопливо, конфузливо, какъ смущенная дѣвушка. — Я плохо одѣтъ... многихъ это теперь смущаетъ... а я... ахъ, если бы вы знали, что со мной дѣлается...

— Успокойтесь,—ласково сказалъ я.—Зайдемте ко мнѣ, потолкуемъ...

Я взялъ его подъ руку и повелъ къ себѣ. У него навернулись на глазахъ слезы.

— Вы... вы... очень, очень добрый человѣкъ!—пробормоталъ онъ и пожалъ мнѣ руку.

Я дошелъ съ нимъ до своей квартиры и ввелъ его въ свой кабинетъ.

— Ну, обогрѣйтесь, отдохните, разсказывайте свои похожденія,—сказалъ я, бросая зажженную бумажку въ печь, гдѣ уже лежали дрова.

Мазя былъ видимо взволнованъ, тронутъ и смущенъ.

— Давно, давно никто меня не принималъ такъ дружески,— сказалъ онъ:—всѣ бросили, всѣ отвернулись, боятся даже...

— Да полноте вы волноваться. Вы еще молоды, перемелется рожь мука будетъ,—сказалъ я, дотрагиваясь до его плеча.

Онъ вдругъ притянулъ меня къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ. Изъ его глазъ хлынули слезы.

— Мазя! что вы! Полноте, голубчикъ!—сказалъ я, взволнованный не на шутку, и погладилъ его по головѣ, какъ ребенка.

— Нѣтъ... ничего... Это пройдетъ! Я не стыжусь, что я плачу... цѣлуюсь... Если бы у меня былъ отецъ, если бы у меня была мать, они не могли бы болѣе обласкать меня, чѣмъ вы сегодня... Всѣ и за человѣка-то перестали меня считать, смотрятъ со страхомъ, помѣшаннымъ считаютъ...

Онъ расплакался навзрыдъ, и въ этихъ слезахъ было что-то женское, ребяческое, нервное. Прошло не менѣе часу, прежде чѣмъ мнѣ удалось совершенно успокоить его и узнать его исторію.

— Вы помните, что я за человѣкъ былъ три года тому назадъ?—спросилъ онъ меня.

— Какъ вамъ сказать, Мазя,—я васъ мало зналъ,— отвѣтилъ я.

Digitized by Google

— Ну, да, мало знали, а все же видѣли, что я былъ неопытный и застѣнчивый, быть-можетъ, немного глуповатый мальчуганъ-пошлякъ, думавшій только о женскихъ юбкахъ.

Я улыбнулся.

— Пожалуй, я зналъ даже и болѣе, я зналъ, что вы любили наблюдать за женщинами безъ юбокъ, но это еще не характеристика человѣка.

— Ахъ, да во мнѣ тогда ничего больше и не было: начитавшійся романовъ, жаждавшій поэзіи любви, напуганный разсказами о послѣдствіяхъ разврата, я вырвался на волю изъ закрытаго заведенія и попалъ въ незнакомый мнѣ городъ, гдѣ были уже не одни мальчики, а и дѣвушки, гдѣ передъ моими глазами совершались любовные романы, гдѣ молодежь только и говорила о любви,—ну, и явилось у меня одно желаніе, одна потребность, одна страсть сойтись съ этими дѣвушками, узнать ихъ, полюбить ихъ и въ то же время было у меня отвращеніе къ простымъ связямъ съ падшими женщинами, которыхъ я боялся. Вамъ нечего разсказывать мои тогдашнія, смѣшныя и пошлыя похожденія: вы ихъ знаете...

— Да, до того времени, когда вы задумали искать невѣсту...

— Вотъ въ это-то время я и узналъ впервые женщинъ или, лучше сказать, одну женщину, другихъ я не зналъ, да, можетъ-быть, и не узнаю. Разъ меня послали съ бумагами къ одному изъ моихъ начальниковъ. Я отнесъ ему бумаги, откланялся и пошелъ изъ его кабинета, какъ вдругъ въ дверяхъ мнѣ встрѣтилась какая-то молодая, прекрасно одѣтая дама. Я сконфузился, покраснѣлъ и далъ ей дорогу.

Я не успѣлъ затворить еще дверей, какъ за мной послышался въ кабинетѣ вопросъ:

— Что это за дѣвочка въ мундирѣ?

— Это нашъ служащій, Мазинъ,—послышался отвѣтъ моего начальника.

Я покраснѣлъ еще болѣе и удалился.

Дня черезъ три начальникъ призвалъ меня къ себѣ и поручилъ мнѣ свезти какой-то свертокъ по данному мнѣ адресу.

На адресѣ я прочелъ: «Большая Морская, домъ № 21, ея высокоблагородію Эммѣ Адольфовнѣ Брезъ».

Я отправился по адресу, нашелъ домъ, нашелъ квартиру госпожи Брезъ и позвонилъ у дверей.

Digitized by Google

Ко мнѣ вышла горничная, молоденькая и бойкая дѣвушка, и спросила:

— Отъ кого вы?

Я сказалъ.

Меня попросили подождать и минутъ черезъ пять пригласили въ комнату. Горничая провела меня черезъ богато убранную гостиную съ малиновою шелковою мебелью, съ малиновыми шелковыми занавѣсями и портьерами и ввела въ небольшой кабинетъ съ мягкими коврами, съ мягкими диванчиками, съ массой цвѣтовъ и картинъ въ золоченыхъ рамахъ. На одной изъ голубыхъ кушетокъ полулежала вся въ бѣломъ та самая дама, которую я встрѣтилъ у своего начальника: это была еще совсѣмъ юная красавица, какихъ мнѣ еще не удавалось встрѣчать въ жизни.

— А, это вы!—сказала она, кивнувъ своей головой.—Мы уже знакомы. Я видѣла васъ на-дняхъ у Ивана Петровича. Садитесь.

Она указала мнѣ на кресло. Я былъ красенъ, какъ ракъ, и смущенъ до послѣдней степени. Вы вѣдь знаете, какъ я былъ тогда застѣнчивъ. Я поставилъ на кресло свой цилиндръ и сѣлъ на него. Послышался трескъ моей шляпы,—я присѣлъ еще плотнѣе, растерявшись окончательно. Госпожа Брезъ улыбнулась и покачала головкой.

— Вы всегда такой застѣнчивый?—спросила она, кусая губки, чтобы скрыть свой смѣхъ.

Я кое-какъ пробормоталъ:

— Извините, я не бываю въ обществѣ.

— Но вы такъ милы,—откровенно сказала она, осматривая меня съ ногъ до головы.

Я чуть не расплакался отъ смущенія.

— Вы еще совсѣмъ мальчикъ,—сказала она.

— Мнѣ... мнѣ двадцатый годъ,—пробормоталъ я.

— Неужели?.. я не дала бы вамъ и семнадцати лѣтъ... Вы только на три года моложе меня... У васъ есть семья?..

— Нѣтъ-съ, я одинъ.

— Совсѣмъ одинъ?—спросила она, лукаво прищуривъ глазки.

— Да... то-есть родныхъ у меня нѣтъ,—сказалъ я.

— Ну, а, вѣрно, есть какая-нибудь невѣста, подруга жизни?

Я потупился и пробормоталъ:

— Я совсѣмъ одинъ.

Я не помню, о чемъ она спрашивала меня еще, потому

Digitized by Google

что у меня все спуталось въ головѣ, въ глазахъ ходили зеленые и красные круги, а она все пристальнѣе, все ласковѣе смотрѣла на меня. Наконецъ, я всталъ, чтобы идти; она протянула мнѣ руку, я подошелъ къ ней поближе и, право, не могу вамъ сказать теперь, что сдѣлалось со мной въ эту минуту,—знаю только, что я пошатнулся, упалъ передъ нею, прильнулъ губами къ ея рукѣ, къ ея платью, къ ея груди. Какой-то сладкій голосъ шепталъ мнѣ на ухо: «милый, красавчикъ!..» Съ этой минуты для меня началась новая жизнь: я сходилъ съ ума отъ любви, я жилъ только этою любовью, я ходилъ, какъ въ туманѣ, до того часа, когда я могъ предаться этой любви. Я не знаю, какъ любятъ другіе, какъ любятъ другихъ женщинъ, но моя любовь къ Эммѣ походила на сумасшествіе, и сама Эмма, казалось, испытывала то же самое. Она говорила мнѣ, что она впервые въ жизни встрѣтила такого «мальчика», какъ я, что никогда не предполагала, чтобы можно было такъ любить, какъ люблю я, что иногда ей даже становится страшно со мною, хотя она и не знаетъ, почему. И то сказать, вѣдь это была моя первая любовь! Эмма просила меня только не заикаться о нашемъ сближеніи Ивану Петровичу, моему начальнику, и назначала мнѣ свиданія только въ извѣстные часы. Почему я долженъ былъ скрывать свою любовь отъ Ивана Петровича, почему я могъ приходить къ Эммѣ только въ извѣстные часы и то съ чернаго хода, я объ этомъ не спрашивалъ тогда, сумасшествуя отъ любви. Эмма говорила, что Иванъ Петровичъ ея опекунъ и благодѣтель, что онъ будетъ сердиться, если узнаетъ о нашихъ свиданіяхъ, и я не справлялся, не задумывался о дальнѣйшемъ. Да развѣ и могъ я думать о чемъ-нибудь, кромѣ того, что въ такой-то часъ я буду снова счастливъ?

Иванъ Петровичъ, кажется, ничего не подозрѣвалъ и, по странной случайности, какъ мнѣ казалось тогда, самъ посылалъ меня иногда съ письмами къ госпожѣ Брезъ. Только однажды произошла совершенно неожиданная для меня исторія. Разъ я пришелъ къ Ивану Петровичу по его зову. Онъ велѣлъ мнѣ затворить двери въ кабинетѣ и пригласилъ меня сѣсть. Я опустился на кончикъ стула.

— Вы, кажется, не женаты?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣтилъ я.

— И не имѣете въ виду невѣсты?—сдѣлалъ онъ еще вопросъ.

— Нѣтъ-съ,—повторилъ я.

Digitized by Google

— Оно и хорошо. Съ вашимъ жалованьемъ женитьба не ведетъ къ добру, это только къ распложенію нищихъ ведетъ,—сказалъ онъ.—Но что бы вы сказали, если бы вамъ предложили жениться на женщинѣ богатой?

Я молчалъ: я сознавалъ, что я теперь не женюсь ни на комъ, хотя бы мнѣ предложили милліоны.

— Видите ли, бываютъ такіе случаи, когда женщинѣ нужно непремѣнно выйти замужъ за кого бы то ни было,— небрежно пояснилъ Иванъ Петровичъ.—Но выйти не для того, чтобы жить съ мужемъ, а для того, чтобы имѣть имя и не оставить незаконныхъ дѣтей. Меня просили устроить такую свадьбу, если я найду скромнаго и тихаго бѣдняка изъ благородныхъ. Я остановился на васъ, потому что вы, по отзывамъ вашихъ ближайшихъ начальниковъ, совсѣмъ красная дѣвушка.

Иванъ Петровичъ иронически улыбнулся.

— Кромѣ того, я знаю, что у васъ нѣтъ ни родныхъ, ни близкихъ,—продолжалъ онъ.—Вы бѣдны, и потому вамъ не будутъ лишними нѣсколько тысячъ. Я похлопочу даже о васъ, чтобы вамъ дали лучшее мѣсто въ видахъ полезнаго служенія...

Я молчалъ: я начиналъ бояться, потому что Ивана Петровича могъ разсердить мой отказъ.

— Но вы, пожалуйста, не думайте, что жена стѣснитъ васъ въ чемъ-нибудь,—продолжалъ Иванъ Петровичъ.— Она даже не заглянетъ къ вамъ въ квартиру. Вы обвѣнчаетесь и разойдетесь...

Я рѣшительно не зналъ, что сказать, и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, пробормоталъ:

— Но, можетъ-быть, она... то-есть онѣ... не знаютъ...

— Кто это? Mademoiselle Брезъ? Нѣтъ, она видѣла васъ уже раза три и согласна,—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Mademoiselle Брезъ?—вырвалось у меня невольно восклицаніе.

Иванъ Петровичъ съ удивленіемъ вопросительно взглянулъ на меня.

— Что же это васъ такъ удивляетъ?—спросилъ онъ.— Ну, да, mademoiselle Брезъ. Ей нужно выйти замужъ за дворянина, за чиновника. Конечно, ей все равно, будете ли это вы или кто-нибудь другой, потому что она тотчасъ же послѣ свадьбы уѣдетъ на нѣкоторое время за границу...

— За границу?—повторилъ я безсознательно.

— Да... Впрочемъ, все дальнѣйшее не касается васъ,—

Digitized by Google

сухо сказалъ Иванъ Петровичъ.—Подумайте и дайте завтра мнѣ отвѣтъ.

Я вышелъ, какъ въ туманѣ, и понесся къ Эммѣ.

— Эмма, Эмма, послушай, вѣдь онъ это лжетъ, вѣдь это неправда?—кричалъ я, вбѣгая къ ней.

— Что съ тобой? Кто и что лжетъ?—спросила она, съ изумленіемъ глядя на меня.

— Да Иванъ Петровичъ... Онъ говоритъ, чтобы я женился на тебѣ. Что ты уѣдешь...

— Ну?

— Вѣдь это же неправда? А женюсь на тебѣ, но не затѣмъ, чтобы разойтись, чтобы ты уѣхала... Я не хочу...

— Тише, тише, успокойся!—проговорила она.—Ты совсѣмъ мальчикъ... Ну да, мнѣ нужно выйти замужъ по извѣстнымъ причинамъ, и я выбрала тебя, потому что ты мнѣ понравился... Что-жъ тутъ такого ужаснаго?

— Да, но зачѣмъ же тогда онъ говорилъ о томъ, что намъ надо разойтись, что ты уѣдешь?

— Мы вовсе не разойдемся, а будемъ видѣться, будемъ, пожалуй, жить вмѣстѣ послѣ моего возвращенія изъ-за границы.

— Но если тебѣ нужно ѣхать за границу, то вѣдь и я могу ѣхать съ тобой...

— Ахъ, Богъ мой, ты ничего не понимаешь! Меня повезетъ за границу Иванъ Петровичъ, такъ какъ онъ ѣдетъ туда на полгода лѣчиться. Какъ же можетъ онъ допустить, чтобы ѣхалъ и ты...

— Иванъ Петровичъ!.. Что же намъ до Ивана Петровича?..

— А кто же насъ будетъ содержать?

Я въ недоумѣніи остановился передъ нею. Она покачала головой и притянула меня къ себѣ.

— Ахъ ты, бѣдный мой мальчугашка, бѣдный мальчугашка!—проговорила она, лаская меня.—Ты, точно пансіонерка, ничего не понимаешь!

Дѣйствительно, я ничего не понималъ, покуда она не объяснила мнѣ всего. Дѣло въ томъ, что Эмма была падшая женщина, попавшая на содержаніе къ Ивану Петровичу. Его стѣсняло ея положеніе, и онъ хотѣлъ ее облагородить, поднять. Онъ подыскалъ ей жениха изъ нашихъ чиновниковъ, человѣка немолодого и некрасиваго. Она боялась выйти замужъ за этого господина, такъ какъ ей казалось, что онъ захочетъ прибрать ее къ рукамъ и можетъ доса-

Digitized by Google

ждать ей, пользуясь своими правами мужа. Она пріѣхала къ Ивану Петровичу дать отвѣтъ относительно своего замужества именно въ тотъ день, когда встрѣтила впервые меня. Я поразилъ ее своею красотою и застѣнчивостью, и она сказала Ивану Петровичу, что она гораздо охотнѣе вышла бы замужъ за такого «теленка», какъ я, чѣмъ за старика-пройдоху. Она такъ ясно доказала Ивану Петровичу, что имъ будетъ выгоднѣе имѣть въ видѣ подставного мужа трусливаго и забитаго мальчика, чѣмъ опытнаго дѣльца, что Иванъ Петровичъ рѣшился послать меня къ ней съ порученіемъ и дать этимъ ей возможность убѣдиться, дѣйствительно ли я «простъ и не далекъ». Такимъ образомъ онъ познакомилъ меня съ Эммой. Эмма послѣ перваго же моего визита объявила Ивану Петровичу, что я совершенный дуракъ и мокрая курица.

— Ты не сердись на меня за это,—сказала она мнѣ.— Я это говорила потому, что старикашка мой могъ приревновать меня къ тебѣ, и тогда мнѣ нечего бы и думать сдѣлаться твоею женою. А ты знаешь, что я съ ума схожу отъ тебя!

Потомъ Иванъ Петровичъ, убѣжденный доводами Эммы, согласился съ нею, что такой мужъ, какъ я—робкій, застѣнчивый, бѣдный, глупый и неопытный—будетъ очень удобенъ, и рѣшился объясниться со мною.

— Я тебя не предупредила объ этомъ, потому что я думала, что ты давно понялъ мои отношенія къ Ивану Петровичу,—сказала она.—Я была убѣждена, что ты будешь радъ возможности жениться на мнѣ...

— Ты съ ума сошла!—воскликнулъ я.—Радоваться возможности жениться на тебѣ, когда ты будешь жить съ этимъ негодяемъ!

— Ахъ, полно сумасшествовать! Вѣдь ты же зналъ и прежде, что я не дѣвушка, что, значитъ, я жила или живу съ кѣмъ-нибудь, такъ чего же ты волнуешься? Иванъ Петровичъ нуженъ намъ потому, что и ты, и я нищіе... Ну, женишься, съѣзжу я съ нимъ за границу, а потомъ поселимся вмѣстѣ... Онъ и ѣздитъ-то ко мнѣ не часто...

— Ни за что, ни за что! Слышишь ты, я не хочу, чтобы ты жила съ нимъ!—крикнулъ я.—Если ты меня любишь, такъ и живи со мною! Я женюсь на тебѣ, но женюсь по своей волѣ, а не ради Ивана Петровича, не для него!

— Ну, полно!—тихо сказала она, успокаивая меня, и

Digitized by Google

вздохнула.—Ты еще лучше такимъ, какимъ ты сталъ теперь,—замѣтила она, лаская меня.—Ты теперь совсѣмъ мужчиной смотришь...

— Такъ ты согласна бросить этого урода?—сказалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, этого нельзя,—задумчиво произнесла она:—я не могу жить въ бѣдности... Нѣтъ, я ужъ знаю, что значитъ бѣдность. Я уже на шестнадцатомъ году продалась изъ-за куска хлѣба...

— Такъ на что же ты разсчитываешь?—спросилъ я.

— Ну, подождемъ нѣсколько дней, ты одумаешься, поймешь, что намъ иначе нельзя быть, тогда поженимся, я уѣду на время...

— Этого не будетъ и не будетъ!—топнулъ я ногою.—Я не женюсь на чужой любовницѣ, не женюсь за деньги, данныя мнѣ любовникомъ моей невѣсты...

— Злой, злой! Ты хочешь, чтобы я вышла замужъ за того гнуснаго старикашку, котораго сваталъ за меня Иванъ Петровичъ,—проговорила она, почти плача.

— Ты ни за него не выйдешь, ни за кого-нибудь другого!—закричалъ я.—Ты будешь моею женою, бросивъ Ивана Петровича, или я...

Я сжалъ кулаки: я готовъ былъ ударить ее въ эту минуту.

— Ну, не сердись!—испуганно сказала она.—А если я его брошу, то ты согласишься жениться на мнѣ?

— И ты еще спрашиваешь!—проговорилъ я.

— Ну, хорошо, милый, хорошо, я подумаю...

Она обвила меня руками, она цѣловала мои глаза, мои руки.

— Какой ты ревнивый!—шептала она.—Я не знала, что ты такой... Красавецъ мой!

Я опять опьянѣлъ отъ ея ласкъ и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время.

— Ну, ты ступай теперь,—сказала она, наконецъ, мнѣ, взглянувъ на часы.—Иванъ Петровичъ пріѣдетъ. Я должна объясниться съ нимъ, сказать ему...

— Не принимай его, вотъ и все объясненіе,—сказалъ я.—А завтра я скажу ему, что я отказываюсь отъ его предложенія. Потомъ, когда онъ уѣдетъ за границу, мы и повѣнчаемся.

— Нѣтъ, такъ нельзя,—сказала она.—У меня есть долги, пусть онъ ихъ сначала заплатитъ... Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя... Намъ надо повѣнчаться до его отъѣзда, тогда онъ все заплатитъ, а то какъ же...

Digitized by Google

Она въ волненіи заходила по комнатѣ.

— Нѣтъ, ты иди, иди! — бормотала она, потирая свой лобъ.—Ахъ, какъ же это мы будемъ жить... у тебя ничего, у меня тоже... Тебя откажутъ отъ мѣста... Нѣтъ, я совсѣмъ съ ума сошла... Это невозможно...

— Что невозможно?—спросилъ я.

— Да какъ же, у меня три тысячи долгу: если онъ не заплатитъ, то что же я стану дѣлать? А потомъ-то, потомъ-то что? Ахъ, какая я дура, что сказала тебѣ, что я выйду за тебя замужъ... Развѣ я могу?..

Въ передней послышался звонокъ,

— Уходи, уходи! Черезъ черную лѣстницу уходи!—проговорила она, хватая меня за руку.

Я не знаю, что сдѣлалось со мною въ эту минуту. Я забылъ все на свѣтѣ и помнилъ только одно, что эта женщина, которую я безумно любилъ, выталкиваетъ меня, чтобы принять противнаго ей самой любовника. Въ моей головѣ мелькнула мысль, что мнѣ стоитъ только сдѣлать скандалъ, и Иванъ Петровичъ броситъ ее самъ, и тогда—тогда она будетъ поневолѣ моею.

— А вотъ мы увидимъ, что ты сдѣлаешь, когда онъ узнаетъ, что ты и его обманывала! Онъ не то, что я, онъ не проститъ ради любви!—закричалъ я ей въ бѣшенствѣ и, рванувшись отъ нея, побѣжалъ къ парадному ходу.

— А, такъ ты погубить меня хочешь!—задыхающимся голосомъ проговорила она и бросилась за мною.

Въ эту минуту въ переднюю входилъ Иванъ Петровичъ.

— Ахъ, слава Богу, это вы!—воскликнула по-французски Эмма.—Этотъ человѣкъ чуть не убилъ меня... Онъ, вѣрно, пьянъ... Онъ требуетъ, чтобы я прогнала васъ, чтобы я была его любовницей...

— Она лжетъ, она была моею любовницею, она васъ обманываетъ,—закричалъ я.

— Негодяй,—прошептала она задыхающимся отъ злобы и страха голосомъ.

Но Иванъ Петровичъ уже обнялъ одною рукою прижавшуюся къ нему и трепещущую Эмму и съ омерзѣніемъ проговорилъ горничной:

— Уберите его!

Онъ пошелъ съ Эммой въ гостиную; я рванулся за ними, но горничная старалась удержать меня; мнѣ стоило не малыхъ усилій, чтобы вырваться изъ ея рукъ, однако, это мнѣ удалось, и я влетѣлъ въ гостиную, подбѣжалъ къ Эммѣ

Digitized by Google

и схватилъ ее за горло... Она захрипѣла подъ моими руками.

— Когда я теперь вспоминаю все это, мнѣ кажется, что я вижу страшный сонъ,—съ тяжелымъ вздохомъ кончилъ свой разсказъ Мазя.

— Вы ее задушили?—тихо спросилъ я.

— Гдѣ ужъ мнѣ, тряпкѣ! Силишки не хватило!—безнадежно махнулъ онъ рукою.

Мой гость помолчалъ немного и потомъ снова продолжалъ свой разсказъ:

— Я очнулся въ больницѣ. По тому, какъ со мной обращались, я понялъ, что меня считаютъ за страдающаго душевной болѣзнью. Но это меня нисколько не взволновало. Мнѣ было все равно, какъ на меня смотрятъ. Въ моей душѣ была какая-то пустота, какая-то полная апатія. Я пилъ и ѣлъ, когда мнѣ давали пить и ѣсть; я вставалъ съ постели, когда совѣтовали пройтись по саду. Около меня были сумасшедшіе люди, они говорили разный вздоръ, а я молча смотрѣлъ на нихъ, молча слушалъ ихъ. Прошло не мало времени, когда доктора нашли, что меня можно выпустить на свободу, хотя я и не просилъ ихъ о томъ. Я вышелъ на волю, у меня уже не было ни мѣста, ни денегъ, ни порядочной одежды и не было даже твердой увѣренности, что я дѣйствительно здоровый человѣкъ. Я не умѣю сказать вамъ, какъ я перебивался первое время, и какъ я перебиваюсь и теперь...

— Вы нашли мѣсто?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я и не искалъ мѣста, я нашелъ кое-какіе грошовые уроки и поступилъ въ академію...

— Въ академію?—спросилъ я.

— Да, захотѣлось сильныхъ ощущеній, трупы рѣзать, на умирающихъ смотрѣть... Теперь я уже на второмъ курсѣ, но вы не думайте, что я совсѣмъ здоровъ... Я уже два раза чуть-чуть не попалъ снова въ отдѣленіе душевно-больныхъ... Какіе-то припадки со мною дѣлаются... Разъ Эмму опять встрѣтилъ и погнался за ея коляской... Въ другой разъ Ивана Петровича чуть не исколотилъ... Вонъ и сегодня расплакался у васъ... Нервничаю вообще...

Онъ горько усмѣхнулся.

— Ну, это пройдетъ, вы, вѣрно, плохо живете, не досыпаете и не доѣдаете, вотъ нервы-то и разстраиваются еще больше,—сказалъ я.

— Да, всего бываетъ,—вздохнулъ онъ.—Въ колею еще,

Digitized by Google

знаете, не вошелъ, изъ дурака въ умные превратиться не легко.

По его лицу опять скользнула ироническая улыбка.

— Да ужъ и судьба-то ваша вышла такая необыкновенная,—замѣтилъ я.

— А обыкновенная-то какая бы должна была быть?—спросилъ онъ и прищурился, глядя на меня.—Вотъ насъ вышло не мало въ одно время изъ училища. Одинъ истаскался на Невскомъ и, наконецъ, погибъ въ публичномъ домѣ отъ разврата и пьянства; другой сошелся съ какою-то модисткою и уже пятаго незаконнорожденнаго ребенка отсылаетъ теперь въ воспитательный домъ; третій женился на богатой купчихѣ, которая бьетъ его башмаками по щекамъ, четвертый... ну, этотъ счастливо отдѣлался, не развратился въ разныхъ Эльдорадо, не сдѣлался посѣтителемъ публичныхъ домовъ, не соблазнялъ швеекъ и горничныхъ, плодя незаконнорожденныхъ и населяя воспитательный домъ, не продалъ себя за деньги богатой женѣ, а полюбилъ честно честную дѣвушку и скромно женился на ней... въ чахоткѣ теперь вотъ только; не сегодня, такъ завтра умретъ, а дома голодная жена и трое оборванныхъ ребятишекъ... Я, знаете, теперь иногда предаюсь философскимъ размышленіямъ въ качествѣ умопомѣшаннаго,—съ горькой иронiей продолжалъ Мазинъ:—и все мнѣ хочется найти систему, по которой слѣдовало бы жить бѣднякамъ-юношамъ. Должны ли они развратничать съ падшими женщинами, должны ли они развращать еще не павшихъ женщинъ, должны ли они продавать сами себя, какъ публичныя женщины, должны ли они честно жениться тотчасъ по возмужалости и плодить нищихъ, или есть еще какой-нибудь, покуда неизвѣстный намъ выходъ?.. Я, право, иногда прихожу въ недоумѣніе, когда подумаю, на которомъ изъ этихъ путей скорѣе нравственно гибнетъ человѣкъ и гдѣ онъ приноситъ болѣе вреда обществу, и въ такія минуты все человѣчество представляется мнѣ какой-то массой сумасшедшихъ, поставившихъ себя въ такія условія, изъ которыхъ, какъ ни бейся, какъ ни вертись, не выйдешь ни чистымъ, ни нравственнымъ, ни честнымъ: сближеніе бѣдняка, а изъ бѣдняковъ-то и міръ состоитъ, съ проститутками ведетъ къ пьянству, къ загулу, къ нравственной, а иногда и къ физической гибели, потому что проститутка это отверженное существо, это гуляка, это что-то такое, къ чему можно прикасаться только въ пьяномъ видѣ и что неизбѣжно грязнитъ и губитъ юношу; сближеніе

Digitized by Google

съ честными дѣвушками ведетъ или къ населенію воспитательныхъ домовъ незаконными дѣтьми, или къ созданію голодающей семьи, къ истощенію собственныхъ силъ въ борьбѣ съ нищетою; сближеніе съ богатыми... ну, ужъ продавать-то себя во всякомъ случаѣ плохо... Я, впрочемъ, невмѣняемъ и потому все вижу въ мрачномъ освѣщеніи.

Слушая Мазина, я не узнавалъ его теперь: изъ глуповатаго или, вѣрнѣе сказать, наивнаго и неопытнаго мальчугана, онъ превратился въ эти шесть лѣтъ въ далеко не глупаго человѣка, но складъ его ума былъ какой-то парадоксальный, какой-то оригинальный; онъ возмужалъ за послѣдніе годы и, повидимому, научился сурово бороться съ невзгодами, но въ то же время онъ былъ способенъ на такія выходки, какъ его выходка при входѣ ко мнѣ; печать чего-то неладнаго, чего-то страннаго лежала на характерѣ, на поступкахъ, на взглядахъ этого человѣка.

— А знаете ли, что я способенъ былъ бы сдѣлать теперь?—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Я, если бы ко мнѣ пришла теперь Эмма, способенъ бы былъ жениться на ней. Я ее замучилъ бы, истиранилъ бы, билъ бы ее, быть-можетъ, но повѣрьте мнѣ, что никто бы не могъ ее любить такъ, какъ я... Она, впрочемъ, и сама это знаетъ... она боится встрѣчаться со мною...

Прошло еще не мало лѣтъ; случай успѣлъ въ эти годы опять разлучить меня съ Мазинымъ и потомъ снова свести съ нимъ. На этотъ разъ мнѣ уже невозможно было узнать моего стараго пріятель, такъ онъ возмужалъ, такъ сталъ серьезенъ. Въ немъ не было и слѣдовъ ни прежняго розовенькаго мальчугана, ни того изстрадавшагося молодого бѣдняка, какимъ знавалъ я его въ былые годы. Это былъ серьезный докторъ-практикъ съ дѣловымъ видомъ, съ сдвинутыми бровями, съ пристальнымъ, вдумчивымъ взглядомъ. Онъ, напротивъ того, узналъ меня сразу и остановилъ, широко открывъ мнѣ свои объятія.

— Вотъ-то не ожидалъ тебя уже увидѣть еще разъ въ жизни,—проговорилъ онъ мнѣ дружески.

Мы никогда не говорили другъ другу прежде «ты», но это обращеніе на «ты» вышло какъ-то такъ естественно, что мнѣ самому было странно заговорить теперь съ нимъ на «вы»: мы оба и обрадовались другъ другу, и взволновались, точно передъ нами вдругъ воскресло все прошлое.

— Ты свободенъ сегодня?—спросилъ онъ меня.

Digitized by Google

— Свободенъ,—отвѣтилъ я.

— Ну, значитъ, ко мнѣ!—проговорилъ онъ.

Я не отказывался; я былъ радъ провести съ нимъ время.

— Ты не женатъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, братъ, когда могъ жениться—не женился, а теперь... теперь мнѣ сорокъ лѣтъ.

— Что-жъ, еще можно.

— Нѣтъ, дружище, въ эти годы умные люди не женятся, а развѣ только ихъ женятъ... Ну, меня даже и не женятъ—слава Богу, тертый калачъ...

— Ужъ будто въ сорокъ лѣтъ и нельзя жениться,—сказалъ я.

— Можно и въ шестьдесятъ, да глупо,—отвѣтилъ онъ.—На какой-нибудь тринадцатилѣтней дѣвѣ не радость жениться, а взять дѣвушку лѣтъ семнадцати, восемнадцати, ну, такъ это значитъ украсить себя къ пятидесяти годамъ рогами...

— А вдовы-то на что?—разсмѣялся я.

— Покойниковъ, братъ, боюсь,—пошутилъ онъ:—пожалуй, въ спальню придутъ семейное счастіе нарушать... Нѣтъ, ужъ гдѣ намъ жениться, лучшіе годы изъ-за хлѣба бьешься, а потомъ, глядишь, и поздно поэзіей любви наслаждаться. Да кстати я такую спеціальность въ медицинѣ избралъ, что только прозу любви знаю, ужъ больно непривлекательна эта проза, чортъ ее возьми!

Онъ съ минуту помолчалъ.

— Впрочемъ, я и не раскаиваюсь, что я холостъ,—замѣтилъ онъ: — я думаю, что чаще мужьямъ приходится раскаиваться въ томъ, что они женаты, чѣмъ холостякамъ въ томъ, что они холосты. Я, братъ, недавно у Свифта вычиталъ одно отличное изреченіе. Онъ говоритъ: «у супружества много дѣтей: раскаянье, ссоры, бѣдность, ревность, болѣзнь, сплинъ, отвращеніе и т. д.». Пожалуй, что старикъ-то и правъ! Тоже не глупый былъ человѣкъ.

— А ты все по-старому парадоксы любишь?—замѣтилъ я.

— Да вѣдь знаешь ли, что мнѣ приходитъ иногда въ голову?—задумчиво сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, что и вся жизнь человѣчества не болѣе, какъ самый невѣроятный парадоксъ.

Мы дошли до дома, гдѣ онъ жилъ. Онъ ввелъ меня въ свою квартиру. Небольшое, но уютное жилище Мазина было обставлено недурно, вездѣ было видно стремленіе къ удобству, къ комфорту. Каминъ, мягкія кресла, качалка, ковры, все это было удобно, изящно, манило къ отдыху. Хозяинъ оста-

Digitized by Google

вилъ меня на нѣсколько минутъ, чтобы распорядиться насчетъ обѣда. Я отъ нечего дѣлать сталъ разсматривать альбомы, лежавшіе на столѣ у камина. Въ одномъ изъ альбомовъ, гдѣ были карточки актрисъ, танцовщицъ, извѣстныхъ кокотокъ, мое вниманіе остановила на себѣ карточка неизвѣстной мнѣ красавицы: это была прелестная бѣлокурая женщина лѣтъ двадцати пяти или тридцати: она была снята на карточкѣ въ костюмѣ «Прекрасной Елены», съ большимъ разрѣзомъ на подолѣ, изъ-подъ котораго выставлялась обтянутая въ трико красивая нога; шея, плечи и грудь красавицы были обнажены и поражали красотой линій. Я невольно залюбовался этимъ изображеніемъ.

— На Эмму любуешься?—спросилъ меня Мазинъ, незамѣтно приблизившись ко мнѣ и взглянувъ черезъ мое плечо.

— Это она?—спросилъ я, взглянувъ на него.

— Да... сохранилась еще бабенка,—сказалъ онъ небрежно.—Ей уже за тридцать перевалило, когда она снималась въ этомъ костюмѣ.

Онъ говорилъ о ней совершенно спокойно и равнодушно.

— Ты встрѣчалъ ее потомъ?—спросилъ я.

— Какъ же, встрѣтились какъ-то,—сказалъ онъ.

— Ну, и что же?

— Ничего, съ недѣлю покуралесилъ съ нею,—отвѣтилъ онъ.—Огонекъ у нея еще прежній сохранился, хотя немного и стала расплываться. Только надоѣла она мнѣ потомъ, всей хотѣлось старую идиллію любви возобновить, да не вытанцовывалось это, ну, я и махнулъ на нее рукой, да тутъ же кстати Маргò пріѣхала въ Петербургъ... Ты видѣлъ ее?.. Это, знаешь, такой сорванецъ-дѣвчонка, что мертваго расшевелитъ...

Романъ доктора Мазина былъ оконченъ и забытъ.

Digitized by Google

— Свободенъ,—отвѣти
— Ну, значитъ,
Я не отказыв
— Ты не
— Нѣтъ
перь... те
— Ч
—
а р
сл

Digitized by Google

ПАДЕНІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

— Барыня, барыня, изъ лѣчебницы пришли... Старому барину очень худо... Марья Львовна, вставайте!.. Ахъ, Господи, вотъ-то заспалась!..

Тревожные призывы пятнадцатилѣтней дѣвочки-горничной оставались безъ отвѣта. Молодая барыня спала крѣпко сладкимъ предутреннимъ сномъ, по-дѣтски подложивъ ладонь подъ щеку. Горничной на минуту стало жаль будить молодую женщину. Потомъ она рѣшилась дотронуться до обнаженнаго плеча спящей, повторяя все ту же тревожную фразу, что старому барину очень худо. Заспавшаяся женщина открыла, наконецъ, глаза, большіе, голубые, сонные глаза ребенка и, не понимая, что случилось, зачѣмъ ее будятъ, почему въ ея крошечной спальнѣ, напоминавшей дѣтскую, зажжена свѣча, спросила:

— Что тебѣ, Глаша? Еще рано...

— Вставайте, старому барину очень худо,—снова повторила дѣвочка.—Изъ больницы пришли...

Проснувшуюся женщину точно ударило электрическимъ токомъ. Она быстро сѣла на постели, протирая глаза; потомъ заторопилась растерянная, испуганная:

— Какъ, худо? Умираетъ? Господи! Одѣваться, одѣваться, Глаша, скорѣе! Ахъ, папочка, папочка!

Миніатюрная, невысокая ростомъ, она походила на дѣвочку, не вполнѣ сформированную, еще не имѣющую опредѣленной физіономіи. Вздернутый носикъ, маленькій ротъ, пухленькія румяныя щеки, подстриженные на лбу волосы, все это было дѣтскимъ. Никто не сказалъ бы, что это женщина тридцати-трехъ-четырехъ лѣтъ, мать шестнадцати-

Digitized by Google

лѣтней дочери и пятнадцатилѣтняго сына. Торопливо одѣваясь, толкаясь растерянно изъ угла въ уголъ по маленькой комнаткѣ, она отрывисто разспрашивала объ отцѣ. Кто пришелъ изъ лѣчебницы? Что случилось? Живъ ли онъ? Не обманываютъ ли ее? Можетъ-быть, онъ уже умеръ? Она разспрашивала торопливо, не слушая отвѣтовъ, и перебивала свои разспросы восклицаніями:

— Ахъ, папочка, папочка!.. Глаша, голубушка, скорѣй! Господи, какое несчастіе!

И, кое-какъ, наскоро одѣваясь, то и дѣло отирала слезы, катившіяся по щекамъ, по носу. Горничная жалѣла ее, успокаивала:

— Да вы не плачьте! Что-жъ, вѣдь онъ старичокъ ужъ! Всѣмъ помирать надо!

— Ахъ, Глаша, Глаша, онъ у меня одинъ!—воскликала Марья Львовна, и опять съ ея губъ срывались слова:—Ахъ, папочка, папочка, милый мой, старичокъ мой!

Сморкаясь, на ходу надѣвая шляпку, накинувъ кое-какъ шубку, она уже выходила изъ комнаты въ переднюю, на лѣстницу...

Только на лѣстницѣ она вспомнила о мужѣ и спросила у свѣтившей ей горничной:

— А Юрій Дмитріевичъ дома?

— Еще не приходили-съ,—отвѣтила горничная.

Барыня только вздохнула. Она уже давно привыкла, что мужъ возвращается на зарѣ...

Была еще почти ночь, седьмой часъ въ началѣ. Въ концѣ ноября въ эту пору петербургскія улицы совершенно безлюдны, темны. Молодая женщина и дожидавшійся ее дворникъ изъ дома лѣчебницы едва нашли извозчика, заснувшаго сладкимъ сномъ подъ полостью саней. Когда его разбудили, онъ спросилъ спросонья «двугривенничекъ»; потомъ протеръ глаза, осмотрѣлся, гдѣ онъ, и сталъ просить «полтинничекъ». Марья Львовна повторяла ему только одно:

— Садись, садись!

Онъ сѣлъ и повезъ ее и дворника, сѣвшаго съ краю рядкомъ, но поближе къ краю сидѣнья, изъ вѣжливости.

Она всю дорогу торопила извозчика: «поскорѣй, голубчикъ, поскорѣй!» и все разспрашивала дворника: «очень худо папочкѣ? умираетъ онъ?» Извозчикъ, угождая ей, безплодно стегалъ свою клячонку, называя ее «дохлой» и «одромъ»; дворникъ степенно и обстоятельно повторялъ: «мы насчетъ этого неизвѣстны! Сказала Матрена Савельевна, то-есть

Digitized by Google

служанка ихняя: «поди, молъ, Трофимъ, за барыней, потому, дескать, старому барину очень худо»,—вотъ я и побѣгъ. А больше намъ ничего неизвѣстно. Мы, значитъ, дворники при домѣ». Наконецъ, они дотащились до лѣчебницы, низенькаго двухъэтажнаго зданія, затерявшагося среди окружавшихъ его высокихъ домовъ. Молодая женщина вошла въ прихожую, сбросила шубку; ее встрѣтила сестра милосердія, чинная, серьезная, съ поджатыми губами, точно старый чиновникъ во время отправленія служебныхъ обязанностей.

— Ну, что? Живъ еще? Да?—заговорила молодая женщина.

— Пойдемте,—коротко отвѣтила сестра.

Онѣ прошли въ общую палату, гдѣ лежало человѣкъ пять оперированныхъ больныхъ. Комната была бѣлая, красивая, просторная, напоминавшая скорѣе бальный залъ, чѣмъ больничный покой. Въ ней царствовалъ полумракъ; при свѣтѣ двухъ ночныхъ лампъ едва можно было разсмотрѣть бѣлыя кровати и какихъ-то движущихся, быстро шевелящихъ ногами и туловищами, людей. Слышался легкій стукъ и шарканье ногъ.

— Это у насъ полотеры,—пояснила сестра милосердія.— Въ восемь часовъ уже пріѣзжаетъ главный докторъ. Все должно быть въ порядкѣ.

Марья Львовна, не слушая, устремилась къ огороженной изящными бѣлыми ширмами кровати. Она вдругъ почувствовала, что по ея тѣлу пробѣжала холодная дрожь при видѣ пустой постели.

— Имъ-съ переставляютъ,—степенно замѣтила сестра милосердія.—Вотъ они теперь здѣсь...

Она указала на середину залы: на полу стояли носилки на низенькихъ ножкахъ и на нихъ лежалъ кто-то на спинѣ, какъ покойникъ, весь въ бѣломъ, точно въ саванѣ. Марья Львовна слегка вскрикнула и опустилась на колѣни около носилокъ.

— Папочка, папочка!

Старикъ, съ сѣдыми волосами, съ сѣдой бородой, слегка открылъ глаза. Онъ не сразу заговорилъ, такъ его одолѣвала икота. Собравшись съ силами, онъ поднялъ исхудалую, но все еще широкую и крупную руку, теперь тяжелую, какъ свинецъ, положилъ ее на голову молодой женщинѣ и тихо, прерывисто заговорилъ:

— Потревожилъ... прости!.. Икота началась... А я знаю, что это значитъ... Бѣдная Маня!..

Digitized by Google

Она, захлебываясь отъ рыданій, осыпала поцѣлуями его руку, его лицо, молча, беззвучно. Онъ не шевелился, не говорилъ, только изрѣдка вздрагивая плечами и грудью отъ тяжелой икоты. По его впалымъ и блѣднымъ щекамъ медленно текли слезы. А около отца и дочери два полотера терли усердно полы, заложивъ за спину руки, кивая въ тактъ головами, точно отплясывая въ полумракѣ какой-то странный и дикій танецъ въ этомъ убѣжищѣ смерти. Сидѣлки перестилали постель умирающаго старика, звонко шлепая ладонями по подушкамъ. На одной изъ кроватей какой-то больной, раздражительно поворачиваясь на бокъ, бормоталъ: «И умереть-то спокойно не дадутъ! Чортъ бы васъ побралъ съ вашей чистотой!» Сидѣлки постлали между тѣмъ постель и обратились къ полотерамъ:

— Помогите поднять носилки...

Старикъ какъ бы очнулся. Его душила еще икота, но онъ пересилилъ себя и прошепталъ дочери:

— Маня, ступай... Благословилъ тебя...

— Папочка, папочка,—такъ же тихо, точно безсознательно стыдясь и стѣсняясь постороннихъ, проговорила она: — я побуду здѣсь...

— Нѣтъ!—махнулъ едва замѣтно рукою отецъ.—Иди... Хотѣлъ только взглянуть... благословить... Иди!.. Здѣсь тяжко...

И по его лицу скользнула чуть замѣтная горькая ироническая усмѣшка.

— У нихъ чистота... порядокъ... А людямъ жутко... отъ этого...

Онъ опять положилъ на ея голову руку, мысленно благословляя ее.

— Ступай, дѣточка!.. Послѣ... днемъ... придешь...

Онъ закрылъ глаза: ему хотѣлось ничего болѣе не видѣть, не слышать. Онъ сознавалъ, что для него все кончено, и жалѣлъ только ее, свою дочь. Останется безъ поддержки, слабая, неопытная, наивная, въ этомъ мірѣ зла и лжи. Она нѣсколько разъ поцѣловала его руку, его лицо и, всхлипывая по-дѣтски, пошла изъ зала. Умирающаго старика подняли на носилкахъ и понесли къ постели, заставленной отъ другихъ больныхъ изящными бѣлыми ширмами. Всѣ знали, что эти ширмы ставятся къ кровати, когда больной долженъ скоро умереть. Старикъ тоже зналъ это. Порядокъ въ лѣчебницѣ соблюдался строго.

Digitized by Google

II.

Продолжая плакать, Марья Львовна вышла изъ лѣчебницы на улицу, наняла извозчика, доѣхала домой, прошла во дворъ, вся полная мыслью объ отцѣ. Въ другое время ей было бы страшно и подумать, что она можетъ остаться одна на улицѣ въ такую пору. Теперь она ни на минуту не задумалась объ этомъ. Но когда она очутилась одна на темной лѣстницѣ, ведущей къ ея квартирѣ, ее вдругъ охватилъ непреодолимый страхъ. Она вообще боялась темноты, еще болѣе боялась темныхъ лѣстницъ и своей въ особенности. Это была узкая, высокая лѣстница съ широкимъ пролетомъ посрединѣ. Сверху этотъ пролетъ казался бездонной пропастью, и Марья Львовна даже днемъ сторонилась отъ перилъ, чтобы не заглядывать въ него. На нѣсколько секундъ она остановилась внизу. Ей было жутко подниматься наверхъ. Вдругъ кто-нибудь забрался сюда! Въ темнотѣ такъ легко притаиться. Тутъ ужъ никакъ не спасешься отъ недобраго человѣка. Задушитъ и сброситъ внизъ, въ этотъ темный пролетъ, прежде чѣмъ успѣешь крикнуть... Но идти было нужно. Она постаралась пересилить страхъ и начала думать опять объ отцѣ. Теперь ей уже стоило немалыхъ усилій, чтобы дать мысли это направленіе. Она повторяла: «ахъ, папочка, папочка», и вздрагивала всѣмъ тѣломъ, не отъ воспоминаній о немъ, а потому что ей слышался какой-то шорохъ, потому что ею чувствовалось присутствіе на лѣстницѣ кого-то. На третьемъ поворотѣ она уже вполнѣ ясно заслышала чье-то тяжелое дыханіе. Опять ей стало жутко до дрожи. До ея слуха вдругъ долетѣлъ звукъ икоты. Разъ, другой... На мгновенье ее охватилъ ужасъ отъ нелѣпой суевѣрной мысли, что это отецъ. У нея подламывались ноги. Но эта мысль тотчасъ же смѣнилась другой: «надо бѣжать!» Не зная, гдѣ засада,—впереди или сзади,—она бросилась впередъ и тутъ же на площадкѣ прямо натолкнулась на человѣка. Она вскрикнула:

— Кто здѣсь?

— Ты? Откуда? Что случилось?—раздался знакомый ей голосъ, прерывавшійся икотою.

— Юрій!—воскликнула она, въ безсиліи прислонясь къ перилламъ.—Ахъ, какъ ты меня напугалъ!

Она и обрадовалась, и смутилась: это стоялъ ея мужъ. Онъ сталъ ее успокаивать, разспрашивать. Оправившись, она отрывочно начала объяснять, гдѣ она была, что дѣлается съ отцомъ.

Digitized by Google

— Подняли съ постели, говорятъ: «очень ему худо». Поѣхала. Умираетъ онъ... Я хотѣла остаться,—говоритъ: «поѣзжай, не оставайся»... Ахъ, Господи, Господи, какое несчастіе!

— Значитъ, совсѣмъ кранкенъ-капутъ? — проговорилъ мужъ.

Отъ него пахнуло водкой, пивомъ.

— Цыпка, подняли тебя ни свѣтъ, ни заря,—продолжалъ онъ съ чувствомъ.—А я отъ пріятелей. Кутнули! Все теплый народъ...

— Пойдемъ же,—заторопилась она.

— Тише только. Опять господа-дѣти встрѣтятъ. Поди, въ гимназіи идутъ...

— Нѣтъ, еще рано... Да и праздникъ сегодня...

— Рано!.. А прошлый разъ встрѣтили, когда они шли въ гимназіи, а я возвращался, говорятъ: «поздно!..»

Онъ захихикалъ пьянымъ смѣхомъ.

— Наставленіе прочли: «ты бы хоть ради насъ покуда поберегъ себя»... Хорошо?.. То-есть: докорми, а потомъ хоть издыхай!.. Эхъ, Маня, Маня, глупы мы съ тобою... А господа-дѣти... современные мудрецы... разсудительные люди. Изъ молодыхъ, да ранніе!..

Онъ шарилъ рукой около нея, чтобы обнять ее за талію въ припадкѣ нѣжности.

— Такъ папахенъ капутъ?.. Цѣльный человѣкъ былъ... герой!.. Плакала ты, цыпка?

Онъ наклонилъ къ ней голову, отыскалъ ея лицо и поцѣловалъ ее въ щеку, оставивъ на ней влажный слѣдъ отъ мокрыхъ усовъ и бороды. Онъ всегда былъ нѣженъ въ пьяномъ видѣ съ нею, съ друзьями, съ горничною, съ первыми встрѣчными, и полуслезливо, полунасмѣшливо жаловался на господъ-дѣтей.

— Пойдемъ же,—торопила она его.

— Пойдемъ, пойдемъ! Пора!

Они поднялись въ верхній этажъ. Тамъ были четыре двери, принадлежавшія двумъ квартирамъ. Однѣ носили названіе парадныхъ, такъ какъ вели въ прихожія; другія именовались черными, такъ какъ вели въ кухни. Мужъ и жена постучали въ двери своей кухни. Двери оказались не запертыми. Кухарка-старуха и дѣвочка-горничная уже не спали и пили кофе. Тѣсная и неряшливая кухня озарялась огаркомъ свѣчи. Сбросивъ верхнюю одежду, мужъ и жена прошли въ коридорчикъ, откуда вели двери въ ка-

Digitized by Google

бинетъ мужа и въ спальню жены. Молодая женщина вошла въ свою комнату, сбросила шляпку и, снова вспомнивъ объ отцѣ, почувствовала, что ее душатъ слезы. Она, не раздѣваясь, въ изнеможеніи, присѣла на кровать, еще не прибранную, и забылась, качая головой и повторяя безсознательно, безсмысленно все то же:

— Ахъ, папочка, папочка!

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ къ ней вошелъ изъ своего кабинета боковой дверью съ свѣчею въ рукахъ уже успѣвшій раздѣться мужъ.

— Манюша, да ты не легла еще? Плачешь? — проговорилъ онъ и грузно опустился рядомъ съ нею, поставивъ свѣчу на столъ.

— Я не лягу больше,—отвѣтила она.

— Ну, вотъ глупости! Подняли чѣмъ-свѣтъ, и не ляжешь... Беречь тебѣ себя надо для твоего Юрочки...

Онъ обнялъ ее и сталъ ласкать.

— Одни мы теперь... Тяжело тебѣ будетъ безъ папахена... Правда, господа-дѣти есть... Что-жъ, они люди современные, новые... разсудка много, страхъ какъ много!.. Имъ твоего ухода не нужно... Да ты и сама дитя, за тобой за самой надо ходить, няньчить тебя надо... Я не умѣю и некогда... то-есть не то что некогда, а затрепался я... Инвалидъ я, цыпочка, инвалидъ шестидесятыхъ годовъ, въ бою не бывавшій... Готовился все къ чему-то, къ великому, къ подвигамъ... Банкомъ кончилъ и радъ, что держатъ...

Онъ началъ говорить все болѣе и болѣе сбивчиво и витіевато, немного завираясь. Жена понимала только одно: онъ ей говоритъ, что теперь она, бѣдная, будетъ совсѣмъ одна, и что онъ, понимая это, хочетъ ее утѣшить своими ласками. Плаксивое настроеніе мужа все болѣе и болѣе переходило въ сальничанье, въ вольности, позволительныя только мужу; сожалѣнія отодвигались на второй планъ, а на первый выдвинулась чувственность, животность захмелѣвшаго человѣка. Въ молодой женщинѣ проснулось горькое чувство—чувство обиды на мужа. Ей было противно и то, что онъ пьянъ, когда умираетъ ея отецъ, и то, что онъ любезничаетъ съ нею, думая этимъ утѣшить ее за страшную утрату. Давно уже не испытывала она этого чувства; она даже забыла, что оно охватило ее когда-то, разъ въ жизни, лѣтъ семнадцать назадъ, когда ее, совсѣмъ еще ребенка, впервые обнялъ этотъ и тогда сильно подпившій человѣкъ, оставшись съ ней наединѣ послѣ свадьбы. Тогда она расплa-

Digitized by Google

калась, точно ей нанесли оскорбленіе, точно она вышла за него замужъ не по своей волѣ, а была взята имъ насильно. Потомъ она привыкла и видѣть его пьянымъ въ своей комнатѣ, привыкла и къ его обычному въ пьяномъ видѣ тону, состоявшему изъ плаксивыхъ жалобъ и сальныхъ нѣжностей, привыкла и къ его колоссальной неуклюжей фигурѣ, составлявшей такой рѣзкій контрастъ съ ея миніатюрной хрупкой, дѣтской фигуркой. Теперь, послѣ семнадцати лѣтъ замужества, въ ней снова пробудилось совершенно неожиданно для нея самой отвращеніе къ нему и что-то въ родѣ приниженности передъ нимъ. Ей хотѣлось прогнать его, убѣжать отъ него и не было силъ ни на то, ни на другое. Она даже не смѣла громко говорить, такъ какъ въ квартирѣ уже бродили люди...

Ее заставили вздрогнуть голоса въ коридорѣ. Тамъ говорили съ горничной.

— Вѣрно, опять на зарѣ отецъ пришелъ?—спрашивалъ юношескій голосъ.

— Да, съ часъ какъ вернулись,—отвѣтила Глаша.

— А что-жъ мама Майя? И она еще не вставала?—спросилъ дѣвичій голосъ.

— Къ старому барину ѣздили, очень ему худо,—отвѣтила горничная.—Вернулись вмѣстѣ съ бариномъ Юріемъ Дмитріевичемъ и, вѣрно, започивали. Ужасти, какъ разстроились. Такъ плакали, такъ плакали, что страсть!..

— Это понятно, онъ же ей отецъ,—разсудительно рѣшила дѣвушка.

— Что-жъ, нельзя же маѳусаиловы годы жить,—сказалъ юноша.—Давай чай, не ждать же ихъ, пока они изволятъ проснуться. Мнѣ къ товарищу идти надо...

Въ коридорѣ послышались шаги, хлопанье дверей. Въ квартирѣ, раздѣленной дощатыми перегородками на нѣсколько комнатъ, было слышно все, что дѣлалось въ разныхъ ея углахъ. Молодая женщина затаила дыханіе. Заперта ли дверь въ кабинетъ? не зайдетъ ли туда Сеня? Она взглянула на уснувшаго на ея постели мужа. Господи, хоть бы разбудить его, увести отсюда! Нѣтъ, его теперь не разбудишь... Она осторожно встала, прошла въ кабинетъ, заперла тамъ на ключъ дверь, потомъ вернулась въ свою спальню и тоже заперла дверь на ключъ. Оля можетъ къ ней войти... Въ ея головѣ мелькнула мысль, что она боится своихъ дѣтей. «Господа-дѣти»—припомнился ей горько-насмѣшливый эпитетъ, данный дѣтямъ ея мужемъ.

Digitized by Google

Да, они господа у нихъ въ домѣ. Они дѣлаютъ сцены, когда имъ чего-нибудь недостаетъ. Они упрекаютъ ее, когда у нихъ на платьѣ прорѣха, оборванная пуговица, неотчищенное пятно. Она мать; она должна содержать все въ порядкѣ; они учатся, и имъ некогда заботиться объ этихъ пустякахъ. Ей вдругъ вспомнилось, какъ строго журилъ ихъ за это ея отецъ—онъ одинъ только и журилъ ихъ. Она передъ ними всегда была какъ виноватая, робѣла, терялась, сознавала, что они разсудительнѣе ея. Неумѣлая она какая-то, слабая, безхарактерная. Даже знаній у нея менѣе, чѣмъ у нихъ, и они это знаютъ, даютъ ей это понять, говорятъ ей свысока: «ахъ, вѣдь въ твое время можно было не знать этого», а она отъ этого конфузится, теряется передъ ними. А мужъ? Что же онъ—онъ по цѣлымъ днямъ не бываетъ дома или приходитъ въ такомъ настроеніи, когда онъ можетъ или обниматься со всѣми людьми, или иронизировать надъ ними, надъ собой, надъ всѣмъ—надъ личностями и идеями, надъ упованіями и отчаяніемъ... «Сами виноваты! Они вамъ еще на голову сядутъ!»—вспомнились ей слова ея отца. «Сами виноваты»—эту фразу она слышала и отъ дѣтей. Они упрекали ее часто, откровенно и безцеремонно до жестокости. Но что же ей дѣлать, что дѣлать, если она такая неумѣлая? Она задумалась о себѣ, о своей судьбѣ, и ей казалось, что она такая маленькая, такая безпомощная, какъ будто она была сама не болѣе, какъ ребенокъ...

III.

Замкнувъ двери на ключъ, Марья Львовна, какъ была, полураздѣтая, прилегла на маленькій диванчикъ-раковину, обитый загрязнившимся и полинявшимъ отъ времени розовымъ ситцемъ. Сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ, она не знала за что приняться. Тяжелыя думы угнетали ее. Можетъ-быть, впервые она задумалась серьезно о своей судьбѣ. До этой поры она жила изо дня въ день среди мелкихъ радостей и мелкихъ огорченій, тупѣя отъ однообразія жизненной пошлости. Теперь ей казалось, что съ настоящей минуты, кромѣ огорченій въ ея жизни не будетъ ничего: умретъ ея отецъ, и она останется одна, совершенно одна, безпомощная и беззащитная, какъ ребенокъ. Такимъ ребенкомъ она прожила всю жизнь. За это ее любили и ласкали; за это ее презирали и обижали. Это участь всѣхъ

Digitized by Google

слабыхъ тѣломъ и духомъ: ихъ любятъ и ласкаютъ, ихъ презираютъ и обижаютъ.

Она не помнила матери. Какъ-то въ дѣтствѣ ее свезли на кладбище и, показавъ ей на одну изъ могилъ, сказали: «здѣсь лежитъ твоя мама». Съ этой поры она узнала, что и у нея была мать. Няньчился съ нею отецъ. Въ крымскую кампанію ей было девять лѣтъ; на видъ ее считали семилѣтней дѣвочкой. Отецъ долженъ быть идти на войну, и ребенка пристроили въ институтъ. Она была такою крошечною и миленькою дѣвочкою, что въ институтѣ съ ней стали няньчиться всѣ: подруги, классныя дамы, начальница, и няньчились тѣмъ заботливѣе, что у нея «папа» на войнѣ, герой. О двухъ его подвигахъ въ самомъ началѣ войны было напечатано во всѣхъ газетахъ; дамы нѣкоторое время носили браслеты, брошки, шляпки à la Сусловъ, и его дочери присылали откуда-то игрушки и конфеты. Потомъ стали носить браслеты, брошки, шляпки à la Дудкинъ и игрушки и конфеты присылались откуда-то двумъ дочерямъ Дудкина, а не Манѣ Сусловой. Затѣмъ героями явились уже не Сусловы, не Дудкины, а безымённая многотысячная масса—севастопольцы—и дамамъ пришлось думать не о томъ, въ честь кого дѣлать браслеты, брошки, шляпки, а о томъ, по комъ носить трауръ. Дочь Суслова и дочери Дудкина были забыты, но Маня была счастлива и такъ: къ ней вернулся ея папа, весь израненный, уволенный въ отставку, не успѣвшій дослужиться до крупныхъ чиновъ, принужденный существовать на небольшую пенсію, но зато увѣшанный орденами. Ей пошелъ шестнадцатый годъ, когда ее пришлось взять изъ института по болѣзни,—на время, какъ говорили сначала,—навсегда, какъ оказалось потомъ. Въ это время въ нее влюбился Юрій Дмитріевичъ Серпуховъ, одинъ изъ дальнихъ родственниковъ ея отца. Это былъ бѣлокурый, высокій и плотный человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми. Добродушное широкое лицо, простыя манеры сердечнаго человѣка, горячія рѣчи о томъ, о чемъ тогда горячо говорили всѣ, все это подкупило въ пользу молодого человѣка отца дѣвушки, любившаго по-солдатски прямоту и правду. Дочь стараго служаки не знала, любитъ она или не любитъ Серпухова такъ, какъ нужно любить будущаго мужа, потому что она не знала вообще, какъ нужно любить мужа. Съ Серпуховымъ ей было просто пріятно, какъ и съ отцомъ; ей нравилось даже то, что онъ въ припадкѣ нѣжности иногда называлъ ее фамильярно

Digitized by Google

«дѣточкой». Подкупали се въ его пользу и хорошія слова. Этихъ хорошихъ словъ и хорошихъ фразъ у Серпухова, какъ и у многихъ его сверстниковъ, было много. Онъ ихъ вычитывалъ въ книгахъ, въ журналахъ, въ газетахъ, ловилъ въ собраніяхъ пріятелей, создавалъ самъ въ минуты горячихъ споровъ за бутылкой вина или въ долгіе часы сладкаго бездѣлья и лежанья на диванѣ, среди мечтаній, съ папиросой въ зубахъ, съ глазами, устремленными въ туманную даль.

Она охотно согласилась выйти за него замужъ, какъ соглашалась покататься съ нимъ на лодкѣ или протанцовать на балу... Но когда они повѣнчались, когда на свадебномъ вечерѣ всѣ подпили, когда она осталась одна съ этимъ колоссальнымъ охмелѣвшимъ мужчиной, она почувствовала что-то въ родѣ отвращенія къ нему. Ей казалось, что онъ оскорбляетъ и унижаетъ ее безцеремонностью, наглостью, и она разрыдалась. У нея не было матери, около нея не было близкихъ женщинъ; институтъ, отецъ, холостые друзья отца не дали ей ни малѣйшаго понятія о брачной жизни, о положеніи жены. Но Серпуховъ былъ добръ, мягокъ, нѣженъ, носилъ въ кругу интимныхъ друзей кличку «большой бабы», и молодая жена мало-по-малу привыкла къ нему, къ его поведенію, къ образу его жизни. Эта жизнь была глубоко нелѣпою, но этою жизнью живутъ тысячи людей, и потому нелѣпой она никому не кажется. Самъ Серпуховъ называлъ себя въ шутку, не безъ затаенной горечи, «инвалидомъ шестидесятыхъ годовъ, не бывавшимъ въ бою». Это было мѣткое опредѣленіе и въ то же время безпощадный приговоръ. Онъ проникся всѣми идеями шестидесятыхъ годовъ, но у него не хватило ни характера, ни энергіи, ни силы воли, ни умѣнья примѣнить къ дѣлу хоть одну изъ нихъ или хотя погибнуть за одну изъ нихъ. Онѣ остались у него чѣмъ-то въ родѣ поѣденнаго молью мундира не служившаго, но числившагося по министерству чиновника. Горячо толкуя о необходимости дѣла, онъ самъ долго слонялся безъ всякаго дѣла, все чего-то ожидая, все чего-то отыскивая, въ сущности наслаждаясь бездѣльемъ, и потомъ, проживъ наслѣдственныя крохи, приткнулся куда-то въ банкъ, чтобы «жрать». Проповѣдуя эмансипацію женщинъ, онъ увлекся дѣвушкою-ребенкомъ, именно, потому только, что она менѣе всего напоминала «ученыхъ профессоровъ въ юбкахъ». Говоря объ обязанностяхъ родителей воспитывать надлежащимъ образомъ дѣтей, онъ въ сущ-

Digitized by Google

пости вовсе не думалъ воспитывать своихъ дѣтей и еще менѣе могъ надѣяться на воспитательныя способности жены. Возставая противъ роскоши и мотовства, онъ безцѣльно и безалаберно пропускалъ между рукъ очень много денегъ, быстро достигнувъ въ банкѣ до содержанія, доходившаго съ наградами до четырехъ съ половиною тысячъ. Толкуя о послѣдовательности и гармоніи между дѣломъ и словомъ, онъ былъ самымъ чистѣйшимъ представителемъ мертвой вѣры безъ дѣлъ... Жизнь молодой четы потекла чисто по-петербургски: мужъ работалъ въ должности, проклиная эту должность, безъ вѣры въ пользу своего труда; жена хозяйничала дома и возилась съ ребятишками, ничего не понимая ни въ хозяйствѣ, ни въ воспитаніи. Вечеромъ мужъ и жена отправлялись куда-нибудь въ гости или принимали гостей у себя, при чемъ безъ конца, съ запальчивостью по привычкѣ, говорилось и судилось обо всемъ и выпивалось столько, сколько можно было выпить; затѣмъ супруги шли спать, она усталая и скучающая, онъ подшучивающій и пошатывающійся,—шли спать, чтобы на завтра начать то же верченье въ бѣличьемъ колесѣ съ полнымъ яснымъ сознаніемъ, что это именно верченье въ бѣличьемъ колесѣ, а не что-нибудь иное. Юрій Дмитріевичъ съ каждымъ годомъ становился толще и все съ бо́льшимъ юморомъ относился «къ грезамъ своей юности».

— Помнишь,—говорилъ онъ иногда кому-нибудь изъ своихъ пріятелей:—какъ мы честныхъ становыхъ хотѣли создать? Жадовы и Надимовы какіе монологи намъ закатывали! А дворцы изъ аллюминія и Рахметовъ, спящій на голыхъ доскахъ? Потѣха!

И затѣмъ начиналось благодушное осмѣиванье всего не сбывшагося. Вспоминались со смѣхомъ наивно горячіе стишки: «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья», «Мертвые въ гробѣ почили, дѣло настало живымъ», «Съ честной любовью спокойно живи, какъ бы ни гналъ, ни давилъ тебя свѣтъ»... Въ смѣхѣ слышались цинизмъ и кощунство людей, глумящихся надъ вѣрою за то, что въ награду за нее имъ не посыпалась тотчасъ же сама собою манна съ неба. Потомъ начинали говорить болѣе желчнымъ и ядовитымъ тономъ о нашемъ времени:

— Теперь, братцы, не то! Теперь Гулакъ-Артемовскія, матери Митрофаніи, Юханцевы, Овсянниковы на сцену вышли комедію разыгрывать. Эти-то́ ужъ знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Они не промахнутся и свое дѣло обдѣлаютъ, хоть

Digitized by Google

на казенномъ иждивеніи въ тюрьмѣ и посидятъ. Вонъ мы куда махнули теперь отъ Рахметовыхъ-то, отъ спанья на голыхъ доскахъ.

Это говорилось при женѣ; это говорилось при дѣтяхъ.

Жену въ сущности нисколько не затрагивали этотъ смѣхъ надъ собой и это самобичеваніе: у нея въ прошломъ не было грѣзъ, въ настоящемъ не было разочарованій; ея судьба сложилась такъ, что она всегда жила чисто личною жизнью, и постороннія событія и толки о нихъ имѣли для нея значеніе сновидѣній—сперва снились все свѣтлые сны, теперь снятся все мрачные; это одинаково интересно, это одинаково безразлично, потому что это не измѣняетъ строя личной жизни. На дѣтей это дѣйствовало не такъ: слыша, какъ отецъ глумится надъ своими прошлыми увлеченіями, надъ разными хорошими словами, надъ различными идеальными стремленіями, дѣти быстро сообразили, что, значитъ, все это ерунда, и даже не попробовали вникнуть въ сущность всего этого, такъ какъ стоитъ ли вникать въ ерунду. Отецъ говорилъ объ этой ерундѣ съ горькимъ глумленіемъ обманувшагося человѣка; мать слушала о ней съ безучастнымъ равнодушіемъ человѣка, слушающаго въ мирное время о политическихъ событіяхъ гдѣ-нибудь въ Америкѣ; дѣти поняли, что толки идутъ о выѣденномъ яйцѣ, пожимали плечами, не понимая, какъ можно толковать объ этомъ, и только разсуждали, что вотъ если бы отецъ-то въ молодости не ерундилъ—у него и наслѣдственныя крохи уцѣлѣли бы, и, можетъ-быть, теперь онъ гдѣ-нибудь губернаторомъ былъ бы.

Марья Львовна, быстро уставшая ходить по гостямъ, полюбившая домосѣдство, больше оставалась съ дѣтьми, чѣмъ ея мужъ, и они уже давно начали смущать и огорчать ее. Она съ ними няньчилась, какъ съ куклами, когда они были еще малы. Но у куколъ очень часто разбиваются головы въ рукахъ неосторожныхъ дѣтей. У нея тоже, несмотря на всѣ ея заботы, дѣвочка подъ присмотромъ петербургской няньки гдѣ-то вывихнула ногу и повредила бокъ, такъ что осталась на всю жизнь нѣсколько кривобокой и слегка прихрамывающей, что способствовало развитію въ дѣвочкѣ желчности и злости. Мальчикъ не повредилъ себѣ ничего, но, своенравный и строптивый, онъ выросъ такимъ сорванцомъ и грубіяномъ, что мать часто плакала отъ него. Какъ исправить характеры дѣтей—этого она не знала, а ихъ отецъ, иронизировавшій надъ «нашимъ временемъ»,

Digitized by Google

иронизировалъ и надъ своими дѣтьми: «господа-дѣти», «современные мудрецы», «разсудительные практики»—точно родителями и воспитателями этихъ дѣтей были не онъ и его жена, а наше время. Дѣти, какъ и слѣдуетъ дѣтямъ, быстро сообразили, что вмѣсто отца и матери у нихъ есть старыя тряпицы, пригодныя для сметанія пыли съ ихъ сапогъ, и воспользовались ими, чтобы смотрѣть щеголеватыми и чистенькими среди другихъ такихъ же щеголеватыхъ и чистенькихъ дѣтей, одѣваемыхъ по журналу, чтобы они не походили на нигилистовъ. Обуздывалъ злую дѣвочку и грубаго мальчугана только дѣдъ, часто говорившій дочери, что во всемъ виноваты она и ея мужъ. Ее смущали эти упреки, и она задумывалась надъ словами отца. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, онъ и правъ; можетъ-быть, ей надо подготовиться къ роли матери? Но какъ же подготовиться? Теперь уже поздно! Неумѣлымъ и неэнергичнымъ натурамъ всегда кажется поздно начать чему-нибудь учиться. Затѣмъ отыскивались оправданія себѣ. И у подготовленныхъ женщинъ не лучше, чѣмъ у нея, выходятъ иногда дѣти. Думая объ этомъ, она всегда вспоминала тетку мужа, Варвару Павловну Романову. Это ли не подготовленная женщина, а между тѣмъ, что вышло изъ ея дочери? Падшая дѣвушка! Времена ужъ вѣрно такія! Это успокаивало и утѣшало...

Ей именно теперь особенно отчетливо вспомнились и тетка мужа, и ея дочь. Вспоминая, что вынесла эта женщина, когда отъ нея ушла дочь, она со страхомъ думала, что же готовятъ ей въ будущемъ ея дѣти. Опять по-дѣтски она заплакала о томъ, что у нея умираетъ единственный ея защитникъ. Да нѣтъ, можетъ-быть, онъ еще выживетъ. Вѣдь недаромъ же доктора увѣряли, что операція ничтожна, что отъ нея умереть нельзя. Ей вспомнилось, какъ знаменитый докторъ-операторъ, пріѣхавъ къ нимъ и не выпуская изо рта дорогой сигары, рѣшительно сказалъ ея отцу: «Черезъ десять дней вы будете въ театрѣ». Другой докторъ, не операторъ и не знаменитость, лѣчившій безъ всякихъ результатовъ ея отца два года, поторопился подтвердить: «Да, да, черезъ десять дней вы будете въ театрѣ». Старикъ даже разсмѣялся отъ радости. Уже два года онъ не только не бывалъ въ театрѣ, а даже на улицу не выходилъ. Значитъ, онъ выздоровѣетъ непремѣнно. Даромъ не стали бы такъ увѣрять его. Въ головѣ молодой женщины мелькнуло воспоминаніе слышанныхъ когда-то отъ кого-то словъ, что на девятый день бываютъ кризисы въ болѣзни.

Digitized by Google

Она не знала, въ какихъ болѣзняхъ это бываетъ, но помнила, что бываетъ. Сегодня какъ разъ девятый день пребыванія отца въ больницѣ послѣ операціи. Значитъ, это и былъ кризисъ... Она начала дремать, убаюкивая себя мыслью, что отецъ не умретъ, что онъ еще силенъ и крѣпокъ. Сквозь сонъ до нея доносился какой-то смутный говоръ. Грезилось, что въ кухнѣ или въ прихожей кто-то незнакомый что-то разсказывалъ. Она засыпала и не старалась вслушиваться, усталая, измученная. А гдѣ-то тамъ, за стѣной говорили:

— И такъ онъ и не приходилъ въ память, какъ она ушла. Часъ, либо два пролежалъ такъ-то на спинѣ, только вздохи слышались. Потомъ сталъ затихать, затихать и видимъ мы, что кончается...

Голосъ разсказывающей женщины былъ чужой, незнакомый.

— Ужъ и не знаю, будить или подождать,—соображалъ другой голосъ.

Этотъ голосъ походилъ на голосъ Авдотьи, старухи кухарки Серпуховыхъ.

— Да теперь ужъ все равно—часомъ раньше, часомъ позже узнаютъ,—отвѣчала первая изъ собесѣдницъ.

— Не вынесъ, значитъ, операціи,—соображала Авдотья.

— Не отъ этого онъ умеръ, а гдѣ же семидесятилѣтнему старичку десять дѣнъ вылежать на спинѣ... И хлоромъ это у насъ воздухъ очищаютъ... Здороваго стошнитъ, а больному-то каково дышать?.. Ну, отекъ легкихъ и пропзошелъ...

Марья Львовна съ усиліемъ приподняла отяжелѣвшія вѣки и стала протирать глаза: она не знала, сонъ ли ей страшный приснился или наяву слышала она все это. Въ окна уже глядѣлъ мутный зимній день. Въ комнатѣ было тихо, только съ присвистомъ храпѣлъ Юрій Дмитріевичъ, повернувшись на спину на постели и широко раскрывъ ротъ. Въ коридорѣ тоже все стихло, только откуда-то, изъ зала, должно-быть, достигали звуки фортепіано,—знакомые, надоѣдливые звуки методично выбиваемыхъ гаммъ.

— Нѣтъ, это сонъ,—прошептала въ полуснѣ Серпухова.—Оля играетъ...

Она глубоко вздохнула, съежилась еще больше отъ легкаго озноба и снова заснула, успокоенная мыслью, что если ея дочь играетъ на фортепіано, то, значитъ, ея отецъ не умеръ...

Digitized by Google

IV.

Въ дверь спальни раздался стукъ. Дѣвочка-горничная повторяла:

— Марья Львовна, барыня, а барыня! вставайте!

Серпухова разомъ очнулась, разомъ поняла все. Она стала торопливо будить мужа.

— Вставай! Юрій, Юрій, проснись! Папочка умеръ!

— Да, да... знаю!—промычалъ, не открывая глазъ, Серпуховъ, повернулся на бокъ и захрапѣлъ снова.

Она сильно толкнула его, точно ударила, въ плечо. Онъ опять промычалъ:

— Да, да, хорошо!.. Оставь!..

Она торопливо отошла отъ него прочь, проговоривъ съ негодованіемъ:

— Пить только умѣетъ!.. И это мужъ!

Въ ней поднялась противъ него злоба, почти ненависть,—чувство, незнакомое ей до этой минуты. Она поспѣшно, на ходу, одѣлась и вышла въ коридоръ. Горничная начала что-то объяснять жалобнымъ тономъ. Серпухова перебила ее.

— Знаю, знаю! Дай скорѣе шубку!

Дѣвочка заторопилась.

— Молодой баринъ дома?—спросила Марья Львовна, пересчитывая въ портмонэ деньги.

— Нѣтъ-съ, сейчасъ ушли,—отвѣтила Глаша.

— Нашелъ время идти въ гости!—отрывисто проговорила Серпухова, сердясь на сына.

Она вошла въ гостиную—эта же комната была и заломъ, и столовой. Здѣсь за роялемъ сидѣла дѣвушка съ непокорно вьющимися золотисто-рыжими волосами, кокетливо перехваченными сзади черной лентой, съ задорно вздернутымъ носикомъ, съ рѣзкими карими глазами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ.

— Дѣдушка умеръ!—отрывисто заявила мать.

— Знаю, знаю! Не выдержалъ бѣдняга!—проговорила дочь.

Мать сказала торопливо:

— Надо идти къ нему.

— Ко мнѣ сейчасъ придетъ учительница музыки,—отвѣтила дочь.—Послѣ урока.

— Ну, сегодня не до музыки!—перебила ее мать.

— Я же не для своего удовольствія играю, ты знаешь,—

Digitized by Google

сказала дочь. — Это мой будущій хлѣбъ... И все равно, пришлось бы даромъ заплатить за урокъ. Теперь не приходится бросать деньги на вѣтеръ. У тебя и такъ много расходовъ будетъ... Я приду послѣ на панихиду, тотчасъ послѣ урока.

— Да, но еще нужно прежде распорядиться всѣмъ...

— Ты знаешь, я плохая помощница...

— О, я это отлично знаю!—необычайно желчно отвѣтила мать.

Дочь мелькомъ бросила на нее недоумѣвающій взглядъ, удивляясь этому тону, этой грубости. Потомъ она тотчасъ же сообразила, что мать огорчена и потому нервничаетъ, но все же возразила ей, чтобы оправдать себя:

— Я же не виновата, что я плохо хожу, что я калѣка...

Мать взглянула на нее гнѣвнымъ взглядомъ.

— Ты можешь этого не повторять мнѣ по сто разъ на дню. Я довольно этого наслушалась!—запальчиво сказала она.

— Мнѣ же придется это сознавать всю жизнь,—колко замѣтила дочь.

— Тебѣ всю жизнь придется сознавать, что у тебя нѣтъ сердца!

— Вѣроятно, это участь всѣхъ убогихъ...

Дочь пожала плечами и, переломивъ себя въ припадкѣ великодушія, заговорила болѣе мягко:

— Странная ты, право, мама Маня. Я знаю, что ты огорчена смертью дѣда. Но за что же сердиться на людей? Вѣдь не я же виновата, что онъ умеръ, что это тяжело тебѣ? Глаша говорила, какъ ты плакала...

Она приподнялась, немного откинувшись туловищемъ и головою на лѣвую сторону; повидимому, она хотѣла подойти къ матери и даже приласкать этого разблажившагося ребенка... Но мать уже уходила изъ комнаты, съ ненавистью отвернувшись отъ нея. Это чувство охватило всецѣло молодую женщину. Она ненавидѣла въ эту минуту всю свою семью: мужа за его кутежи, дочь за ея холодные, бездушные упреки, сына за то, что онъ равнодушно ушелъ изъ дому, зная, что умеръ дѣдъ...

Серпухова вышла изъ дома и поспѣшно направилась къ лѣчебницѣ, взявъ перваго попавшагося извозчика. Она старалась не думать о своей семьѣ, усиливалась думать только объ отцѣ, о его смерти. Но въ головѣ былъ какой-то

Digitized by Google

хаосъ, на глазахъ теперь не было слезъ. Ей было страшно тяжело, что она не можетъ плакать. Она пробовала упрекать себя: «папочка умеръ, а у меня хотя бы слезинка». Она чувствовала, что отъ слезъ стало бы легче. Но ихъ не было... Подъѣхавъ къ лѣчебницѣ, она спросила, гдѣ ея отецъ. Помощница попечительницы, сухая и чопорная барыня, вышедшая къ ней въ прихожую, объяснила ей, что его вынесли въ кладовую.

— У насъ нѣтъ мертвецкой... Вы возьмите его скорѣе. Особаго помѣщенія для покойниковъ не устроено, и это насъ стѣсняетъ.

Она говорила такимъ тономъ, точно обвиняла Серпухову за то, что ея отецъ ихъ стѣсняетъ. Умеръ, когда у нихъ нѣтъ мертвецкой.

— Куда взять?—воскликнула ошеломленная Серпухова.—Я не могу...

— Домой возьмите, или въ церковь поставьте,—пояснила помощница попечительницы.—Здѣсь нельзя, это насъ стѣсняетъ...

— Ахъ, что вы мнѣ говорите!—запальчиво крикнула Марья Львовна.—Уморить умѣете, а мѣста нѣтъ для покойника! Души у васъ нѣтъ! Никуда я его не повезу...

— Да, но и мы не можемъ допустить...

— Пожалуйста, не разговаривайте!—снова крикнула Серпухова, раздраженная и негодующая. — Умѣете только деньги брать! Вамъ за мѣсяцъ заплачено. Благотворители!..

Помощница попечительницы поблѣднѣла, но не рѣшилась возражать Серпуховой. Съ дерзкими людьми лучше всего не связываться. Марія Львовна рѣзко спросила:

— Куда пройти?

— Съ другой стороны дома подъѣздъ,—сухо отвѣтила помощница попечительницы, отворачиваясь въ сторону.

Серпухова пошла черезъ дворъ, увязая въ снѣгу, еще охваченная негодованіемъ и раздраженіемъ, не чувствуя ни горя, ни печали. Мелочная ссора вытѣснила на время изъ сердца чувство крупной утраты.

На другой сторонѣ дома было крошечное крыльцо. Войдя въ дверь, Серпухова спустилась по тремъ ступенямъ въ грязныя, низенькія и темныя сѣни. Направо была пустая кухня, грязная, съ разобранной плитой, съ грудами мусора и кирпича; налѣво находилась маленькая комната, служившая обыкновенно кладовой и складомъ разной рухляди. Теперь

Digitized by Google

маленькая комната была освобождена отъ всякаго хлама, но въ ней еще оставался тяжелый запахъ плѣсени, земли, грязнаго бѣлья. Посрединѣ комнаты стоялъ некрашенный столъ въ родѣ кухоннаго обѣденнаго стола. На столѣ лежалъ подъ короткой, натянутой на него, заношенной простыней человѣческій трупъ. Изъ подвальнаго окна, завѣшаннаго наполовину какой-то помятой тряпкой, проникалъ свѣтъ, падавшій на мертвое тѣло. Отворивъ дверь въ эту подвальную комнату, Серпухова вздрогнула, охваченная прежде всего страхомъ, зашаталась и, не дойдя до отца, упала, какъ бы подкошенная разомъ, около этого рокового стола. На минуту она потеряла сознаніе. Потомъ она пришла въ себя, но не могла подняться, не пробовала подняться, точно ей было легче лежать, не поднимаясь, не шевелясь, на полу. На сыроватыхъ, некрашенныхъ доскахъ этого подвала, уткнувшись въ нихъ лицомъ, она лежала и билась теперь въ слезахъ, обезсиленная, безпомощная. Гнѣвъ, негодованіе на семью, всѣ мелкія обиды, все забылось ею теперь передъ одной великой обидой— передъ смертью отца, лежащаго здѣсь, въ грязномъ подвалѣ, одиноко, хуже послѣдняго нищаго.

— Папочка! папочка! за что? за что? О, Господи, гдѣ же правда? Гдѣ же справедливость?

Глухіе, отрывочные стоны вырывались изъ груди молодой женщины, не сознававшей даже, что она говоритъ. Никогда въ жизни не думала она ни о какой правдѣ, ни о какой справедливости.

— Сударыня, сударыня, полноте... Голубушка, встаньте!— раздался чей-то сердечный голосъ.

Серпухова почувствовала, что кто-то поднимаетъ ее заботливой, бережной рукой. Она съ трудомъ встала и спрятала лицо на груди поднявшей ее женщины. Она даже не посмотрѣла, кто эта женщина. Ей было все равно. Ей была нужна ласка и только, а кто пришелъ съ этой лаской—это было безразлично. Пришедшая къ ней женщина была простая дѣвушка лѣтъ двадцати восьми, дородная, коренастая, краснощекая. Она была поломойкой, прачкой, служанкой при лѣчебницѣ. Ею помыкали всѣ въ лѣчебницѣ, такъ какъ всѣ остальныя служившія здѣсь женщины считали себя «благородными». Быстро отирая слезы, молодая служанка говорила сбивчиво и жалостливо:

— Добрый былъ баринъ. Ни слова отъ него дурного въ эти девять дней не слыхала, а ужъ какъ мучился, одинъ

Digitized by Google

Богъ знаетъ... А все, бывало, зоветъ: «Матрешъ, Матрешъ»,—это онъ меня-то такъ прозвалъ,—а самъ улыбается. Разъ сказалъ: «выздоровлю, тебя къ себѣ въ денщики возьму». Шутилъ!.. А ужъ какъ мучился, какъ мучился!.. Вечера-то да ночи зимнія долгія, посѣтителей у насъ по вечерамъ не пущаютъ, больные дремлютъ, а онъ—сна у него нѣтъ, тоска его томитъ, а въ комнатѣ-то тихотихо, только кто-либо простонетъ, либо повздыхаетъ, какъ молъ,—помру, али нѣтъ? Жутко, какъ родной души-то подлѣ нѣтъ, какъ не въ своемъ углу помираешь...

И, перебивая себя, она добавила:

— И не одна эта боль его мучила, а то, что у него дѣвочка какая-то безъ помощи останется... Пуще всего это сокрушало. «Маня, говоритъ, дитя... Какъ она безъ меня останется?.. Маленькая дѣвочка, и одна останется!» Все этимъ и бредилъ въ забытьи...

Сернухова, истерически, громко рыдая, вскричала:

— Это я! Это я!

Она порывисто вырвалась изъ объятій смутившейся отъ ея восклицанія служанки и бросилась къ отцу.

— Папочка, папочка, зачѣмъ ты не взялъ меня съ собою?!

Она разомъ сдернула простыню и припала къ отцу. Онъ, съ обрамленнымъ сѣдыми кудрями лицомъ, съ подвязаннымъ подбородкомъ, съ пятаками на глазахъ, словно оживился, шевельнувшись отъ порывистаго прикосновенія дочери. Незакоченѣвшія еще руки безсильно скатились съ груди. Матрена заботливо стала развязывать платокъ, сняла пятаки съ глазъ покойника, начала поспѣшно приводить въ порядокъ волосы и бороду старика.

— И красавецъ, должно-быть, какой былъ,—проговорила она любовно.—Теперь и то хоть патретъ снимай!

— Ангелъ онъ былъ, ангелъ, а не человѣкъ!—восклицала Марья Львовна, покрывая поцѣлуями холодныя руки и лицо отца.

Матрена опять заговорила:

— А наши хвостотрепки, барышни, фыркали, что онъ зоветъ ихъ. Имъ только бы съ молодыми докторами лясы точить... Больному человѣку съ живой душой побыть хочется, одному-то жутко помирать, а онѣ: «безъ дѣла требуете!»... «Безъ дѣла!»... «Намъ некогда!»... Что же, мнѣ тоже некогда было, ноги-то за день притопчутся, да я ночью къ нему приходила, потому онъ ко мнѣ какъ жа-

Digitized by Google

лостливъ былъ... Все обспросилъ: откуда я, есть ли сродственники, какъ живу... «Тяжело тебѣ, говоритъ, Матрешъ, очень тяжело»... Жалѣлъ! А кто насъ, простыхъ людей-то, жалѣетъ?.. Вонъ меня отецъ съ матерью не пожалѣли, съ колыбели забросили въ воспитательный!.. Они не пожалѣли, такъ чего же ждать отъ другихъ-то, отъ чужихъ-то...

Серпухова точно обрадовалась, что Матреша кого-то бранитъ, впала въ тотъ же тонъ и почти по-дѣтски начала скоро-скоро жаловаться:

— Да, ужъ люди на свѣтѣ!.. Вотъ и папочку въ подвальную конуру засунули. А онъ герой былъ, на войнѣ за храбрость Георгія получилъ. Едва не былъ убитъ, сколько ранъ получилъ, а его въ подвалъ положили. Лучшаго помѣщенія для покойниковъ не приготовили. Вѣдь мы же не Христа ради держали его здѣсь, платили... За мѣсяцъ получили, а онъ и двухъ недѣль не пролежалъ у нихъ... Мало имъ, что ли?.. Еще хотѣли они, чтобы я его увезла, по улицамъ таскала, мертваго-то...

Матреша махнула рукой:

— Ну, пусть ихъ брешутъ! Чего на нихъ смотрѣть. Какъ самимъ-то имъ помирать придется...

— Ахъ, такимъ все легко, у кого сердца нѣтъ!

— Это точно, что сердца нѣтъ. Ровно стуканы!

Затѣмъ Матреша осмотрѣлась кругомъ:

— А тутъ можно вотъ песочку и ельнику на полъ посыпать. Тоже вѣнки повѣсить. Все приглядѣе будетъ. Покровъ тоже получше взять. Оно и ничего станетъ.

— Ты, Матреша, думаешь, что ничего будетъ?

— Ничего! Все уладимъ. Вы не убивайтесь. Хорошему человѣку вездѣ хорошо. Передъ Богомъ онъ стоитъ.

Напоминаніе о песочкѣ, ельникѣ и покровѣ вернуло Серпухову къ практическимъ соображеніямъ. Торопливо сморкаясь и отирая слезы, она заговорила:

— Да, да, надо распорядиться всѣмъ. Не умѣю только я ничего, не знаю. Одна я, совсѣмъ одна!..

— Что-жъ, вы меня позовите, если что надо. Я буду торговаться,—предложила Матреша. — Тоже передавать-то нечего разнымъ кровопивцамъ. Рады драть, гдѣ покойникъ, благо сродственники въ безчувствіи. Это ихъ первое дѣло.

Въ дверяхъ комнаты изъ сѣней кто-то сталъ покашливать въ руку, переминаясь съ ноги на ногу на порогѣ.

Digitized by Google

Обѣ женщины обернулись. Длинная и худая фигура въ долгополомъ сюртукѣ, съ изрытымъ оспою лицомъ, стала отвѣшивать съ порога поклоны.

— Гробовщикъ-съ!..

Матрена махнула рукой.

— Налетѣли! Точно воронье, прости, Господи!

Она тотчасъ же отвела Серпухову въ сторону и поспѣшно стала шептать:

— Вы какой гробъ будете заказывать? Золотой глазетовый? Хорошо! Сами только приказывайте, а торговаться я буду. Я ужъ зубъ за зубъ съ ними!

И, дѣйствительно, она начала торговаться, какъ въ мелочной лавкѣ, стыдя и попрекая гробовщика, взывая къ его совѣсти и страху Божію, перебирая всѣ имѣвшіяся въ ея запасѣ жалкія слова.

— Да войдите вы въ мое положеніе!—повторялъ гробовщикъ.—Хотите, чтобы все прилично, а цѣну Богъ знаетъ какую даете! Подушки тоже для орденовъ требуете...

— Да развѣ мы твои подушки съѣдимъ? Полежатъ, да къ тебѣ же вернутся...

— У одного полежатъ, у другого,—глядишь и новыя надо дѣлать. Вы этого не соображаете...

— А ты не пой Лазаря и проваливай, если цѣна не подходящая!—рѣшительно проговорила Матреша.—Дерете, благо дѣло спѣшное...

— Да вѣдь дешевле никто не возьметъ. Ко мнѣ же пришлете.

— Ну, ужъ не пришлемъ! Мало васъ, что ли?

Серпухова тихонько дергала ее за юбку и мигала ей:

— Довольно! Значитъ нельзя дешевле! Что-жъ дѣлать!

Но Матреша теперь уже не обращала на нее вниманія и, вся раскраснѣвшаяся отъ волненія, упорно держалась своей цѣны. Гробовщикъ, отирая съ лица потъ грязнымъ клѣтчатымъ платкомъ, махнулъ рукою.

— Ну, ужъ будь по-вашему. Только для перваго знакомства уступаю!

— Типунъ бы тебѣ на языкъ!.. Въ вѣкъ бы съ вами не имѣть дѣла...

— Что-жъ, отъ слова ничего не станется.

— Ну, ну, снимай мѣрку!

Гробовщикъ принялся снимать мѣрку съ покойника.

Digitized by Google

V.

Гробовщикъ ушелъ.

Матреша заторопила Марью Львовну:

— Поѣзжайте, надо кисеи на саванъ, на покрышку, на занавѣску къ окну. Я здѣсь покуда распоряжусь, чтобы все прибрали. Пошлю въ церковь за покровомъ и шандалами. Тамъ и читальщика найдутъ. Надо къ панихидѣ все приготовить. Къ половинѣ второго все устроимъ.

Серпухова начала просить:

— Матреша, голубушка, ужъ ты сдѣлай все!

— Не безпокойтесь, но безпокойтесь! Поѣзжайте скорѣе за кисеей. Кстати, про туфли-то мы и забыли. Купите. Постойте, я мѣрку сниму...

Она стала снимать мѣрку съ ноги покойника.

— Моя четверть и полпальца, — пояснила Матреша.

— Постой, моя рука меньше; какъ же это выйдетъ.

Онѣ стали отмѣривать на столѣ, какъ это выйдетъ, обѣ серьезныя, сильно озабоченныя.

— У бабъ купите, въ Гостиномъ дворѣ стоятъ, — поясняла Матреша. — Торгуйтесь! Черныя плисовыя; болѣе девяти гривенъ не давайте! Полтора рубля запросятъ, половину дайте, потомъ накиньте...

Молодая женщина поспѣшно вышла на улицу, наняла извозчика. Теперь у нея была одна забота, какъ бы поспѣть все сдѣлать во-время. На дорогѣ она вспомнила о деньгахъ, вытащила портмонэ, пересчитала ихъ. Хватитъ! А сколько купить кисеи? Аршинъ восемь? А вдругъ недостанетъ? Какъ дѣлаютъ саванъ: во весь ростъ или нѣтъ? Кажется, кисеей и покрываютъ покойниковъ съ головы до ногъ? Да, да, Матреша и сказала: «на покрышку». Ужъ лучше десять аршинъ купить. Десять достаточно! Въ Гостиномъ дворѣ она почти бѣжала, заглядывая подъ арки и отыскивая бабъ, продающихъ туфли. Ей все казалось, что она опоздаетъ. Въ лавкѣ пришлось долго спорить: кисею предлагали все съ мушками и увѣряли, что эта кисея модне, а ей надо было непремѣнно безъ мушекъ кисею. Наконецъ, и туфли, и кисея были куплены. Она помчалась обратно.

Въ маленькомъ подвальномъ помѣщеніи уже установили катафалкъ и переложили на него покойника, теперь одѣтаго въ черные брюки и въ сюртукъ, въ тѣ самые, въ которыхъ его привезли въ лѣчебницу. Два мужика расчищали

Digitized by Google

кухню, шаркая метлами, и посыпали полъ пескомъ. Читальщикъ прилаживалъ близъ изголовья покойника подставку для псалтиря. Матреша, завидѣвъ Серпухову, торопливо сказала:

— Давайте, давайте туфли и кисею!

Она поспѣшно стала надѣвать туфли на ноги покойника, спрашивая въ то же время:

— Сколько содрали? Девять гривенъ? Ну, я такъ и говорила! Кисеи сколько купили? Десять аршинъ. Много! Ну, да ничего, лучше больше, чѣмъ меньше!

И тутъ же она вытащила изъ кармана старыя ножницы и стала рѣзать кисею.

— А я ужъ и иголку съ ниткой приготовила. Собрать саванъ надо. Вотъ такъ, три складочки замечите. Сумѣете? Я покуда края выстригу. Зубчиками надо...

Она сунула въ руки Марьи Львовны иголку съ ниткой и кисею, а сама толкнулась въ сѣни.

— Трофимъ! Трофимъ! Приколоти занавѣску къ окну.

Явился дворникъ, пріѣзжавшій за Серпуховой ночью, и степенно раскланялся съ нею. Это былъ дюжій, краснощекій мужикъ, лѣтъ тридцати.

— Сплошь закрыть окно-то, Матрена Савельевна?—спросилъ онъ, набирая въ ротъ мелкихъ гвоздей.

— А то какъ же? Щелку, что ли, оставлять, чтобы народъ глазѣлъ? У насъ не тіатеръ,—отвѣтила она, выстригая зубцами края савана.

И, опять обращаясь къ Серпуховой, она проговорила:

— Дошили? Да! Ну, такъ помогите покровъ надѣть...

У нея все кипѣло въ рукахъ. Серпухова не успѣвала помогать ей. Пока дворникъ стучалъ у окна молоткомъ, пока читальщикъ разставлялъ шандалы, Матреша уже успѣла надѣть саванъ на голову покойника, покрыла его кисеей, потомъ до половины закрыла покровомъ.

— Ну, вотъ и обрядили нашего старичка!—проговорила она, любуясь покойникомъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ изъ сѣней показалась стройная и высокая фигура человѣка въ тепломъ щеголеватомъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. На видъ ему было лѣтъ двадцать пять, хотя въ дѣйствительности онъ былъ нѣсколько старше. Онъ несъ огромный роскошный вѣнокъ изъ синихъ иммортелей, окруженныхъ бѣловатыми колосьями.

— Женя... ты!..—вскричала Марья Львовна и вся вспыхнула, увидавъ прелестный вѣнокъ.

Digitized by Google

Молодой человѣкъ ласково кивнулъ ей головою, положилъ вѣнокъ въ ногахъ покойника около катафалка, слегка перекрестился и потомъ обернулся къ Серпуховой:

— Здравствуй, Маня,—проговорилъ онъ мягкимъ, мелодичнымъ голосомъ, сердечно пожимая ей руку.—Я только-что былъ у тебя, засталъ всѣхъ твоихъ садящимися за завтракъ, узналъ о твоей и моей потерѣ и поспѣшилъ сюда...

Она съ благодарностью сжала его руку.

— Добрый ты, Женя!

Онъ задушевно отвѣтилъ:

— Я такъ любилъ дядю Лёву... Для тебя, Маня, это страшная потеря, я знаю!

Она тихо заплакала, растроганная его теплымъ участіемъ. Она всегда считала его—своего троюроднаго брата Евгенія Александровича Шахова, жившаго много лѣтъ у ея отца,—добрымъ человѣкомъ, хотя его и называла часто вѣтрогономъ

— Полно, Маня, полно! — уговаривалъ онъ ее. — Слава Богу, что тебѣ не въ чемъ упрекнуть себя, ты всегда была доброй дочерью... Это великое утѣшеніе для тебя...

И, желая отвлечь ея мысли отъ горькихъ воспоминаній, онъ сталъ разсказывать:

— А сейчасъ и Варвара Павловна будетъ сюда. Я по дорогѣ заѣхалъ къ ней. Хотѣлось, чтобъ и она была на первой панихидѣ. Она вѣдь была старымъ другомъ дяди Левы...

— Ахъ, Женя, Женя, какой ты добрый! — воскликнула Серпухова.

— Да вѣдь это пріятно, когда около дорогого покойника собираются всѣ любившіе его люди, — ласково сказалъ Шаховъ.

— Ты вотъ это понимаешь, а другіе...

Она не успѣла кончить фразы, какъ въ комнату вошла Варвара Павловна Романова. Одѣтая вся въ черное, сѣдоволосая, худощавая, съ поблекшимъ, но еще сохранившимъ слѣды былой красоты лицомъ, эта женщина сразу поражала строгимъ благородствомъ своей фигуры, своихъ манеръ, своей походки. Она казалась нѣсколько старше своихъ лѣтъ, и ей можно было дать не пятьдесятъ лѣтъ, а гораздо болѣе. Она поцѣловала бросившуюся къ ней навстрѣчу и припавшую къ ея рукѣ Марью Львовну и молча прошла къ покойнику. Ставъ на колѣни и сдѣлавъ земной поклонъ, она медленно поднялась съ пола, взошла на ступеньку катафалка, откинула кисею съ лица покойника и нѣсколько

Digitized by Google

секундъ пристально вглядывалась въ его лицо. Потомъ она склонила голову и не спѣша поцѣловала покойника въ лобъ, а затѣмъ приложилась къ его рукѣ.

— Какъ живой,—тихо проговорила она, закрывая снова его лицо и сходя съ катафалка.—А гдѣ же твои?—обратилась она къ Марьѣ Львовнѣ.

— Дома,—отвѣтила Серпухова.—Завтракаютъ...

— Они хотѣли сейчасъ же послѣ завтрака придти сюда,—замѣтилъ заступнически Шаховъ. — Они, кажется, поджидали, что ты придешь, Маня...

— А здѣсь все само сдѣлалось бы?

— Значитъ, ты одна всѣмъ распорядилась? — спросила Варвара Павловна.

— Одна,—отвѣтила Марья Львовна.—Вотъ еще эта добрая душа помогла, — проговорила она, желая указать на Матрешу, но той уже не было въ комнатѣ.—Служанка тутъ одна за папочкой ходила... Простая женщина, чужой человѣкъ, приняла участіе, какъ родная...

Она опять разрыдалась, вспомнивъ, что помогла ей чужая женщина, а не своя семья. Они, ея близкіе, завтракаютъ тамъ, не торопятся, поджидаютъ даже ее, чтобы узнать, когда будетъ панихида, чтобы не придти раньше, чтобы не ждать здѣсь, а она, Марья Львовна, со вчерашняго вечера глотка воды не хлебнула. Они придутъ, какъ гости, на панихиду. Вотъ Шаховъ—какая онъ ей родня!—а и тотъ вѣнокъ принесъ ея отцу, извѣстилъ Варвару Павловну. Чутье, сердце есть у человѣка. Варвара Павловна тоже почти чужой человѣкъ, притомъ усталый, надломленный человѣкъ, а тоже поспѣшила пріѣхать, а они... Ей вдругъ захотѣлось, чтобы скорѣй началась панихида, пока не пришли они — мужъ, сынъ, дочь... Она обернулась къ читальщику:

— Батюшка скоро придетъ?

— Они уже идутъ. Дьячокъ здѣсь,—отвѣтилъ читальщикъ, приготовляя свѣчи.

Черезъ двѣ-три минуты пришелъ и старичокъ-священникъ, лысый, съ большой серебристой бородой.

— Можно начинать?—спросилъ онъ, осѣняя пухлой бѣлой рукой крестнымъ знаменіемъ голову Марьи Львовны.

— Да, да, чего же ждать! — торопливо проговорила она, и опять ей хотѣлось только одно, чтобъ панихида кончилась до прихода ея мужа и дѣтей.

— Не подождать ли Юрія,—замѣтилъ мягко Шаховъ.

Digitized by Google

— Да кто же знаетъ, когда они кончатъ завтракъ, — желчно отозвалась Серпухова.

Священникъ поглядывалъ вопросительно.

— Начинайте, батюшка!—сказала Марья Львовна.

Читальщикъ раздалъ присутствующимъ зажженныя свѣчи. Священникъ началъ панихиду.

Марья Львовна не могла ни плакать, ни молиться. Въ головѣ былъ хаосъ мелочныхъ соображеній, мелочныхъ досадъ. Напоминаніе о завтракѣ пробудило ощущеніе голода; во рту вдругъ стало сухо и чувствовалась потребность выпить чаю или кофе. Мелькали мысли, что вотъ она голодна, томится жаждой, а все же хлопочетъ, а они—мужъ и дѣти—даже и не подумали о ней. Вотъ пусть бы священникъ кончилъ поскорѣе панихиду, чтобы они пришли, когда никого здѣсь не будетъ. Самимъ станетъ стыдно. Есть же и у нихъ совѣсть. Она внезапно очнулась:

— Господи, что же это со мной? Отецъ умеръ, панихиду служатъ, а я о чемъ думаю! О, это все изъ-за нихъ, изъ-за нихъ! Да развѣ они стоятъ того, чтобы о нихъ думать! Ненависть у меня къ нимъ только, и больше ничего...

И снова въ ея головѣ мелькнула мысль, что когда они придутъ, она спроситъ ихъ: «не рано ли вы пришли? Ужъ кстати подождали бы дома до обѣда. Послѣ обѣда могли бы придти». Пусть бы только панихида поскорѣе кончилась, до ихъ прихода. И снова ее смутили упреки совѣсти за то, что она не молится, не плачетъ. Она торопливо начала креститься, стараясь вслушиваться въ слова священника, силясь вызвать въ душѣ ощущеніе скорби, горя...

Въ комнату неожиданно пахнула струя холоднаго воздуха. Серпухова обернулась и увидала въ дверяхъ свою семью, съ разрумянившимися на морозѣ щеками, съ любопытно смотрящими глазами, въ франтоватыхъ костюмахъ. Въ глазахъ молодой женщины выразилась глубокая ненависть. Въ ту же минуту у нея начало поводить судорогою брови и губы, въ груди стѣснилось дыханіе, горло перехватило. Шаховъ, стоявшій около нея, увидалъ, что свѣча запрыгала въ ея рукѣ, и наклонился къ ней. Онъ замѣтилъ, что она шатается, загасилъ свою свѣчу и поддержалъ молодую женщину, принявъ ее въ свои объятія. Она лишилась чувствъ...

Панихида между тѣмъ кончилась...

— Странная мама Маня, — обидчиво говорила молодая дѣвушка Варварѣ Павловнѣ, пожимая ея руку. — Не за-

Digitized by Google

ѣхала домой, не дала знать, когда начнется панихида. А мы все сидѣли и ждали... Конечно, она очень огорчена, но все же это непріятно — сидѣть и ждать, когда тутъ все кончено...

— Ахъ, что ты толкуешь, вѣдь не одна же будетъ панихида,—замѣтилъ юноша, перебивая сестру.—Опоздали на эту, будемъ аккуратнѣе при другой. Стоитъ волноваться!

Они пошли посмотрѣть на дѣда, развязные, спокойные, равнодушные, никогда не чувствовавшіе, чтобы ихъ что-нибудь связывало съ этимъ старикомъ, съ этимъ «солдатомъ», какъ они называли его между собою.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Въ небольшомъ деревянномъ домѣ, спрятавшемся за деревьями сада отъ уличнаго шума, еще со двора можно было уловить самые разнообразные звуки, говорившіе о кипучей дѣятельности. Въ одномъ изъ сараевъ, рядомъ съ прачечной, дворникъ кололъ дрова; въ другомъ равномѣрно раздавались гулкіе удары катка; изъ кухни слышалось, какъ скоро-скоро рубили сѣчкою мясо. Въ самомъ домѣ изъ просторной, но низенькой рукодѣльной комнаты достигалъ до прихожей немолчный гулъ дѣтскихъ голосовъ, похожій на суетливое щебетанье птицъ, свивающихъ весною въ лѣсу свои гнѣзда. Все здѣсь говорило о трудѣ, спѣшномъ, неотложномъ, неустанномъ. Рукодѣльная комната была полна дѣвочекъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ было не болѣе четырехъ лѣтъ; другія достигли уже пятнадцатилѣтняго возраста. Одинаково одѣтыя въ сѣренькія холстинковыя платья, въ бѣлыя пелеринки, въ бѣлые нарукавники, одинаково причесанныя, еще недозрѣвшія до характерныхъ и типичныхъ выраженій лицъ, онѣ казались похожими одна на другую, какъ сестры. Однѣ изъ нихъ вязали, другія шили, третьи просто играли. На столахъ были навалены разныя принадлежности шитья и вязанья: коленкоръ, полотно, нитки, бумага. Въ воздухѣ то и дѣло мелькали руки малолѣтнихъ швей, работавшихъ иглою; въ рукахъ младшихъ воспитанницъ быстро шевелились вязальныя спицы. Занятія не мѣшали дѣвочкамъ говорить. У одного изъ большихъ столовъ слышалось, какъ какая-то крошечная дѣвчурка, слезливо картавя, упрекала другую:

Digitized by Google

— Я мамасѣ позалуюсь. Ты у меня домъ сдула!

— А ты зачѣмъ моихъ солдатиковъ повалила? Я тоже позалуюсь, — задорно возражала другая дѣвочка, такая же маленькая, какъ и ея подруга.

Онѣ строили домики и изображали солдатъ изъ старыхъ, затасканныхъ игральныхъ картъ.

За другимъ столомъ шелъ горячій споръ.

— Дыхова, ты взяла мою катушку!—кричала одна дѣвочка.

— Ну, ужъ ты, Краснова, не плети на меня, — отозвалась обвиняемая.—У тебя сотенной катушки и не было.

— А вотъ сотенная-то и была.

— Не сочиняй, не сочиняй.

— Ахъ, дѣвицы, слышите вы, какая Дыхова жила! — обратилась вся раскраснѣвшаяся Краснова съ протестомъ къ подругамъ.—Взяла катушку и не отдаетъ.

Подруги вступились за Краснову и клялись, что у нея была сотенная катушка.

Около одного окна, менѣе громко и плавнымъ голосомъ, одна взрослая воспитанница разсказывала тремъ подругамъ:

— И былъ, дѣвицы, самый этотъ графъ Монте-Кристо такъ богатъ, такъ богатъ, что страсть, и самъ изъ себя писанный красавецъ... И полюбилъ онъ, дѣвицы...

— Вотъ, дѣвицы, такого бы жениха!—со вздохомъ перебила разсказчицу одна изъ слушательницъ.

— Ишь, чего захотѣла ты, Козлова!—воскликнули на перебой остальныя подруги.—Богача, да еще и красавца! Этакихъ-то жениховъ и днемъ съ огнемъ поискать надо... Богачкамъ и то не всегда такое счастье выпадаетъ... А мы что?.. Да ты не перебивай, пусть Катенина разсказываетъ.

Катенина снова принялась разсказывать про графа Монте-Кристо все тѣмъ же тихимъ и плавнымъ тономъ...

Отъ всѣхъ этихъ споровъ и толковъ, шарканья ногъ и отодвиганья табуретовъ въ рукодѣльной комнатѣ былъ невообразимый шумъ.

Маленькая и толстенькая женщина, учительница и классная дама пріюта, лѣтъ сорока пяти, подвижная и дѣятельная, хотя и страдавшая одышкою, водворяла безплодно тишину, неустанно переходила отъ одной группы дѣвочекъ къ другой, то и дѣло повторяя дѣтямъ, что она пожалуется «мамашѣ». Ее почти не слушали, очевидно зная, что никому она не пожалуется и что усмиряетъ она ихъ только для того, чтобы чѣмъ-нибудь заявить о своемъ присутствіи въ рукодѣльной

Digitized by Google

комнатѣ. Присѣвъ около старшихъ воспитанницъ, она просматривала работы дѣтей.

— Москалева,—обратилась она къ одной изъ ученицъ:— ты это для чего выворотнымъ швомъ кофточку начала шить? Распори! Сперва сшей впередъ иголку, потомъ запошей черезъ край. Чище и прочнѣй будетъ, а то посмотри, какіе рты выходятъ, только потянп...

— Валентина Петровна, я не умѣю спускать пятку,— приставала къ ней между тѣмъ маленькая дѣвочка, держа въ рукахъ чулокъ.

— Поди къ Кирпичовой, она покажетъ,—отвѣтила классная дама и крикнула:—Кирпичова, покажи ей, какъ спускать пятку.

— Валентина Петровна, какъ же шить лифчикъ—впередъ иголку или взадъ иголку?—обратилась къ классной дамѣ еще одна изъ воспитанницъ.

— Разумѣется, взадъ иголку, а края потомъ обметать. Впередъ иголку, все разлѣзется.

— Да я вѣдь мелко шью...

— Все равно, разлѣзется...

И, услыхавъ, что между малолѣтними идетъ чуть не драка, Валентина Петровна крикнула:

— Дѣти, дѣти, тише! Катенина, пойди, уйми ихъ! Что у нихъ тамъ?

Катенина, неохотно прервавъ разсказъ о графѣ Монте-Кристо, пошла разбирать ссору малолѣтнихъ дѣвочекъ.

Водворяя порядокъ и просматривая работы воспитанницъ, маленькая и толстенькая классная дама не сразу замѣтила появленіе посторонняго лица — женщины въ глубокомъ траурѣ. Это была Серпухова. Она замѣтно похудѣла и поблѣднѣла за послѣдніе два-три мѣсяца; въ ея глазахъ выражалась не то печаль, не то вдумчивость; въ лицѣ не было и слѣдовъ дѣтской наивности, а замѣчалась нѣсколько тупая недоумѣлая сосредоточенность. Съ выраженіемъ напряженнаго вниманія слѣдила она въ теченіе двухъ-трехъ минутъ за работой и движеніемъ этого человѣческаго улья, какъ бы удивляясь его кипучей дѣятельности, составлявшей такую рѣзкую противоположность съ сонной и вялой жизнью въ ея собственной семьѣ. Взглянувъ на нее, можно было подумать, что она недоумѣваетъ, какъ и для чего попала она сюда. Замедливъ немного на порогѣ рукодѣльной комнаты, она потомъ вдругъ какъ бы очнулась отъ сна и направилась къ Валентинѣ Петровнѣ.

Digitized by Google

— Марья Львовна!—шепнули классной дамѣ сидѣвшія около нея воспитанницы.

Валентина Петровна быстро обернулась, торопливо отдавая дѣвочкамъ взятыя у нихъ работы.

— Здравствуйте,—проговорила Серпухова, протягивая ей руку.—Тетя дома?

— Простите, Марья Львовна, я и не слыхала, какъ вы вошли,—сказала классная дама, поспѣшно вставая съ мѣста и крѣпко пожимая руку молодой женщины.—Вы о Варварѣ Павловнѣ спрашиваете? Гдѣ же мамашѣ быть, какъ не дома. Возится съ бѣльемъ. Насъ вѣдь здѣсь всего двѣ—она, да я. За всѣмъ свой глазъ нуженъ... Пройдемте къ ней въ комнату. Здѣсь просто столпотвореніе вавилонское. Я сейчасъ скажу мамашѣ...

Она уже хотѣла идти, по привычкѣ спѣша и торопясь. Ей волей-неволей приходилось все дѣлать поскорѣй. Марья Львовна остановила ее, замѣтивъ:

— Такъ я пройду сама къ ней. Я же знаю ходъ въ бѣлевую комнату. Зачѣмъ васъ отрывать отъ дѣла? И такъ находитесь за день...

— Ужъ и не говорите, и не говорите! Ноги всѣ оттоптала!—пожаловалась классная дама.—Точно маятникъ, снуешь изъ угла въ уголъ. Тутъ надо присмотрѣть, туда надо поспѣть, въ третьемъ мѣстѣ зовутъ—хоть разорвись! Право. А что станете дѣлать? Обязанности!.. Дѣти, дѣти, тише! Ахъ, Господи, вотъ-то неугомонный народъ!

И, понизивъ голосъ, она шепнула Марьѣ Львовнѣ:

— А Варвара Павловна у насъ на себя не похожа. Такъ загрустила сегодня, что смотрѣть тяжело...

— Что-нибудь случилось?

— Нѣтъ, что же можетъ случиться? А вѣдь сегодня день ея рожденія, ну, вѣрно, и вспомнилось все прошлое, вся жизнь...

Валентина Петровна вздохнула.

— Ей вѣдь еще тяжелѣй оттого, что она все одна передумываетъ, отъ всѣхъ все скрываетъ, старается скрыть... А гдѣ же скрыть отъ тѣхъ, кто ее любитъ... Вижу я все, сказать ей только не смѣю...

Серпухова молча вышла изъ рукодѣльной комнаты, прошла по полутемному коридору и очутилась въ узенькой комнаткѣ съ однимъ окномъ, заставленной кругомъ бѣлевыми шкапами. Ее сразу обдало тяжелымъ запахомъ бѣлья, чистаго и грязнаго. Грязное бѣлье лежало безпорядочными

Digitized by Google

большими ворохами на полу. Чистое было аккуратно разсортировано и разложено по полкамъ открытыхъ шкаповъ. Среди лежавшаго на полу бѣлья сидѣли на корточкахъ двѣ взрослыя воспитанницы: тутъ же на зеленомъ табуретѣ сидѣла начальница пріюта, Варвара Павловна Романова. Воспитанницы быстро перебирали бѣлье, разсматривая его на свѣтъ, сортировали и громко считали; Варвара Павловна аккуратно записывала цифры въ свою записную книжку, раздѣленную на графы.

— Маня!—привѣтливо проговорила она, увидавъ Серпухову и протягивая ей руку.—Здорова ли?

Ея все еще полные жизни, проницательные и зоркіе, хотя въ то же время мягкіе и добрые глаза, пристально взглянули на молодую женщину.

— Ничего, тетя, здорова! А вы?

Марья Львовна поцѣловала Романову въ губы, а потомъ поднесла къ своимъ губамъ ея тонкую, все еще красивую, несмотря на годы, руку.

— Некогда хворать! — коротко отвѣтила Варвара Павловна и торопливо обратилась къ воспитанницамъ:—Ну, дѣти, скорѣй, скорѣй! Сорочекъ для малолѣтнихъ сколько?

— Пятьдесятъ, мамаша,—отвѣтили воспитанницы.

— Всѣ цѣлыя?

— Всѣ.

— Хорошо пересмотрѣли?

— Да.

Романова стала вписывать въ книжку число сорочекъ. Воспитанницы начали перебирать чулки, сортируя ихъ сообразно ихъ цѣлости и величинѣ. Нужно было имѣть очень зоркіе и наблюдательные глаза, чтобы замѣтить гнетущую скорбь на лицѣ Варвары Павловны, старавшейся казаться невозмутимо спокойною. Марья Львовна не отличалась этою наблюдательностью и не замѣтила сразу ничего особеннаго въ выраженіи лица тетки.

— А вы и въ день своего рожденія за работой?—замѣтила она.

Тетка улыбнулась грустной улыбкой.

— Это чтобы весь годъ работать. А ты вспомнила! Спасибо!

И, принявъ опять озабоченное выраженіе лица, она поторопила дѣвочекъ:

— Дѣти, скорѣе, скорѣе!

Потомъ мелькомъ замѣтила племянницѣ:

— Я, признаться, сама-то и забыла, что сегодня день

Digitized by Google

моего рожденія. Не до празднествъ!.. Валентина Петровна только расчувствовалась и поднесла сладкій пирогъ... Ты поди ко мнѣ, увидишь его... Съ надписью: «доброй матери отъ любящихъ дѣтей»...

По лицу Варвары Павловны, при послѣдней фразѣ, скользнула мрачная тѣнь, и она опять заторопилась:

— Ну, ну, сосчитали, дѣти? Чулокъ сколько? Въ ветошь много ли отложить?

— А гдѣ же Матреша?—спросила Серпухова.—Я поискала ее и не нашла.

— Твоя Матреша измучилась, я думаю, за послѣдніе три-четыре дня,—отвѣтила начальница пріюта.—Узнала, каково у насъ служить. Привезли къ намъ ребенка—я тебѣ и разсказать не могу, въ какомъ видѣ: кору грязи нужно было отмыть, волосенки пришлось сбрить, струпья у бѣдной по головѣ пошли... Теперь Матреша повезла ее къ доктору осмотрѣть, что у нея за сыпь... Можетъ-быть, что-нибудь заразительное, а не простая золотуха... Господи, какія несчастныя созданія бываютъ на свѣтѣ! Только, смотря на нихъ, и понимаешь, что всѣ наши мелкія печалишки сущіе пустяки передъ дѣйствительными страданіями... На эту дѣвчурку смотрѣть больно. Многихъ приводили ко мнѣ въ ужасномъ видѣ, но такой несчастной еще не бывало у насъ...

Она видимо взволновалась при воспоминаніи о положеніи этой несчастной и, опустивъ на колѣни записную книжку, быстро заговорила по-французски, чтобы не быть понятой воспитанницами:

— Мать у нея падшая женщина самаго послѣдняго сорта; прижила, несчастная, дочь на пятнадцатомъ году; теперь вотъ уже пять лѣтъ, какъ пьетъ безъ просыпу; говорятъ, все прошлое лѣто такъ и провела въ лѣсу на Крестовскомъ островѣ. Ни она сама, ни другіе не знаютъ даже, кто былъ отцомъ ребенка. Проводя цѣлые дни на улицѣ и въ кабакахъ, мать бросила малютку у чужихъ людей, въ углу, въ подвалѣ, и забыла о ней. Эти люди и привели дѣвочку къ Аннѣ Ивановнѣ... ты вѣдь знаешь Тарасову, нашу патронессу?.. Анна Ивановна не хотѣла брать малютку, но эти люди безъ дальнихъ разговоровъ оставили дѣвочку у подъѣзда Тарасовой, вложивъ ребенку въ руки бумаги, и ушли. Бѣдняжка едва не замерзла на морозѣ въ своихъ дырявыхъ лохмотьяхъ. Ну, тутъ ужъ волей-неволей пришлось взять несчастную. Анна Ивановна только боится, что мать

Digitized by Google

дѣвочки явится къ намъ и еще, чего добраго, сдѣлаетъ какой-нибудь скандалъ. Совсѣмъ она падшая, спившаяся съ круга, загубленная женщина и ждать отъ нея всего можно...

Потомъ она опять заговорила по-русски:

— Тутъ я только и оцѣнила вполнѣ твою Матрешу. Очень энергичный человѣкъ и притомъ не безъ сердца. Возится она съ малюткой, какъ самая нѣжная мать, и даже успѣла всплакнуть, что та такая несчастная...

Марья Львовна замѣтила по-французски.

— Она сама незаконнорожденная, и потому...

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила ее тетка:—это не то! Она со всякимъ готова няньчиться, кто несчастливъ, кто безпомощенъ. Помнишь, какъ она за отцомъ твоимъ ухаживала? Это у нея въ натурѣ: избытокъ силъ. И сколько бодрости, сколько энергіи! Отъ нея пышетъ здоровьемъ. Я тебѣ очень и очень благодарна, что ты рекомендовала ее мнѣ. Мнѣ и Валентинѣ Петровнѣ именно такой помощницы и недоставало...

— Пелеринокъ двадцать пять,—сказала одна изъ воспитанницъ.

— Годныхъ?—спросила Варвара Павловна.

— Да.

Романова записала число пелеринокъ. Потомъ, опять обращаясь къ Марьѣ Львовнѣ, она сказала:

— Ты, однако, иди ко мнѣ. Я сейчасъ кончу. Воздухъ здѣсь тяжелъ. Онѣ вонъ и привычны, а вѣчно головы разболятся послѣ счета бѣлья.

Марья Львовна не заставила тетку повторить приглашеніе уйти. Ее уже начинало тошнить отъ тяжелаго запаха тѣснаго и сыроватаго помѣщенія. Разсказъ о несчастной дѣвочкѣ и ея матери поднялъ тоже въ душѣ брезгливое чувство. Какъ можетъ выносить все это, всѣмъ этимъ интересоваться Варвара Павловна?

Серпухова вышла съ отуманенной головой, поднялась по лѣстницѣ во второй этажъ, прошла черезъ рядъ просторныхъ, но низенькихъ спаленъ съ чистыми форменными кроватями, однообразными, какъ выстроенные въ рядъ солдаты въ мундирахъ, и попала въ комнату въ два окна, раздѣленную на двѣ половины зеленой ситцевой драпировкою. Простенькая старомодная краснаго дерева мебель, обитая зеленымъ ситцемъ, дешевые цвѣты на окнахъ, письменный столъ, заваленный массой бумагъ, полочка съ книгами, все это было очень бѣдно и неказисто, хотя чисто, заботливо прибрано. была Это бѣдность, пріумывшаяся для

Digitized by Google

того, чтобы ее не унизили состраданіемъ и не оскорбили помощью. Серпухова понимала это и съ горечью думала о томъ, что и возможность жить хоть такъ покупается Варварой Павловной неустаннымъ трудомъ. Случись несчастіе, что не станетъ силъ на этотъ трудъ, и Варварѣ Павловнѣ придется идти въ богадѣльню, такъ какъ у нея нѣтъ даже скопленныхъ на черный день копеекъ. Она, Серпухова, давно наложила бы на себя руки, если бы ей пришлось жить такъ. На что такая жизнь? Стоитъ ли ее влачить, какъ цѣпь каторжника? Неужели эта мысль никогда не приходитъ въ голову теткѣ?..

Передъ диваномъ, прислоненнымъ спинкою къ драпировкѣ, стоялъ круглый столъ; на немъ красовался теперь кондитерскій пирогъ съ надписью неуклюжими буквами изъ сахару: «доброй матери отъ любящихъ дѣтей».

Взглянувъ на него, Марья Львовна сразу вспомнила мелочи. «Варвара Павловна сказала, что она и забыла о днѣ своего рожденія. Только Валентина Петровна и напомнила. По лицу Варвары Павловны прошла тѣнь, когда она упомянула объ этой надписи на сладкомъ пирогѣ: «доброй матери отъ любящихъ дѣтей»... Неужели дочь—любимая дочь—забыла даже о днѣ рожденія своей матери? Мои дѣти—о, они могли бы забыть о днѣ моего рожденія... обо мнѣ могли бы даже забыть... Всѣ говорятъ, что я не умѣла ихъ воспитывать, что я сама виновата, а тутъ... Такихъ матерей, какъ Варвара Павловна, немного; такъ любить дочь, какъ она ее любила, могутъ рѣдкія матери... И все же дочь ее забыла!..»

Серпухова въ глубокой задумчивости, съ выраженіемъ тупого недоумѣнія на лицѣ, присѣла у письменнаго стола.

«Гдѣ же правда? Гдѣ же справедливость?»—проносилось въ ея головѣ.

Со времени смерти отца, она часто останавливалась на этихъ вопросахъ. Прежде она никогда объ этомъ не думала. Она и теперь не давала себѣ сколько-нибудь яснаго отчета: какой правды, какой справедливости требуетъ она отъ жизни; но, тѣмъ не менѣе, эти слова засѣли у нея въ мозгу, и она повторяла ихъ постоянно, какъ повторяютъ мотивъ, случайно запавшій въ память...

II.

Мелочи повседневной домашней жизни прошли въ памяти Серпуховой при воспоминаніи о своихъ дѣтяхъ. Эти мелочи заслоняли въ ея умѣ все: отвлеченныя идеи, общественныя

Digitized by Google

событія, чужія несчастія. Этими мелочами, какъ жалкой крошечной ширмой, она закрыла отъ себя весь необъятный міръ съ его умственной и нравственной, частной и общественной жизнью, съ его радостями и несчастіями, добромъ и зломъ.

Въ самый день смерти ея отца, Сеня сказалъ за обѣдомъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности:

— Надо будетъ вынести кровать покойнаго Льва Ѳеодоровича, а мнѣ поставить туда диванъ...

Она вспыхнула, точно ея сынъ впервые назвалъ дѣда за глаза Львомъ Ѳеодоровичемъ, хотя онъ звалъ его такъ всегда, такъ же, какъ онъ звалъ ее фамильярно «мамой Маней» или даже просто «Маней», а отца «нашимъ Юріемъ Дмитріевичемъ», или иногда, когда онъ бывалъ особенно недоволенъ отцомъ, «нашимъ почтеннѣйшимъ Юріемъ Дмитріевичемъ». За это безплодно журилъ его дѣдъ. Она могла давно къ этому привыкнуть. Однако, теперь это ее оскорбило.

— Дай прежде похоронить дѣда, а ужъ потомъ выноси его вещи,—рѣзко замѣтила она.

Сынъ пожалъ плечами.

— Ты думаешь, ему не все равно теперь, когда приведутъ въ порядокъ его комнату?—совершенно основательно разсудилъ онъ.

И опять, не обращаясь ни къ кому въ особенности, онъ прибавилъ:

— Это, вѣдь, у простонародья люди убѣждены, что душа человѣка послѣ его смерти шесть недѣль присутствуетъ тамъ, гдѣ жилъ умершій.

Никто ничего не отвѣтилъ на это. Не могли же отецъ и мать спорить о томъ, присутствуетъ или не присутствуетъ душа покойника въ теченіе шести недѣль въ домѣ, гдѣ онъ умеръ. Они сами были убѣждены, что не присутствуетъ. Мать, огорченная, печальная, сознавала одно: сынъ радуется смерти дѣда, такъ какъ у него теперь будетъ «своя комната». Онъ такъ часто фыркалъ и жаловался, что у него нѣтъ «своего угла». «Проживаемъ чортову пропасть деньжищъ, а у меня своего угла нѣтъ»,—ворчалъ онъ. Прежде онъ спалъ въ гостиной, занимался у отца въ кабинетѣ; теперь онъ будетъ жить въ комнатѣ, принадлежавшей дѣду,—«въ своей комнатѣ». Этому нельзя было не радоваться.

Юрій Дмитріевичъ, чтобы прервать тяжелое молчаніе, спросилъ у жены:

— Ты будешь шить трауръ?

Digitized by Google

Это его нисколько не интересовало. Но надо же было о чемъ-нибудь говорить.

— У меня есть на первый случай все черное,—отвѣтила она.—Придется только купить креповый вуаль.

— А мнѣ не надо траура,—замѣтила дочь.—Въ гимназію все равно не стану таскать траура, а тамъ и лѣто—жарко будетъ въ черномъ.

Мать молчала. Ей было все равно, будетъ ея дочь носить трауръ или нѣтъ. Она сознавала, что и въ траурѣ, и безъ траура ея дочь будетъ одинаково равнодушна къ смерти дѣда. Такъ пусть ужъ лучше не надѣваетъ маски, не лжетъ...

— Я думаю, очень дорого встанутъ похороны?—спросила дочь, обращаясь къ матери.

— Не знаю,—отвѣтила мать разсѣянно.—Вѣроятно...

Дочь удивилась. Какъ же можно дѣлать расходы и не знать, какъ они будутъ велики. Они же не милліонеры.

— Вѣдь ты же все сама заказывала...

— Заказывала, но не сводила итоговъ...

И, взглянувъ съ горькой усмѣшкой на дочь, Серпухова прибавила, угадывая мысли дочери:

— Я знаю только, что насъ это не разоритъ, потому что деньги на похороны были отложены твоимъ дѣдомъ...

Наступило опять молчаніе.

Послѣ обѣда пошли на вечернюю панихиду. Народу на нее набралось много, и нѣкоторые изъ родныхъ и знакомыхъ завернули прямо изъ лѣчебницы на вечеръ къ Серпуховымъ. Юрій Дмитріевичъ, Сеня и Оля готовы были пригласить всѣхъ, боясь скучнаго вечера. Идти самимъ въ гости въ этотъ вечеръ имъ казалось неловкимъ и неприличнымъ; у общества есть свои глупые предразсудки и китайскія церемоніи; волей-неволей имъ приходится подчиняться. Тѣмъ не менѣе, остаться дома однимъ, въ своей семьѣ, было бы очень тяжело. Гости могли выручить изъ затруднительнаго положенія, и потому ихъ приглашали всѣ наперерывъ. Такимъ образомъ, въ домѣ Серпуховыхъ устроилось очень оживленное собраніе. Начались обычные толки и споры, шумъ и смѣхъ, точно ничего особеннаго и не произошло. Въ сущности, ничего особеннаго и не произошло: умеръ только одинъ человѣкъ, давно никому и ни на что ненужный, вотъ и все.

Марья Львовна волей-неволей хлопотала, распоряжалась закуской, разливала чай. Среди этихъ хлопотъ она нѣ-

Digitized by Google

сколько разъ, помимо своей воли, впадала въ раздумье, въ какое-то оцѣпенѣніе. Возьметъ въ руки какую-нибудь вещь—стаканъ, чтобы вымыть его, чайникъ, чтобы налить чаю,—и замретъ, неподвижная, съ тупымъ взглядомъ, устремленнымъ въ пространство. Ей грезилось, что вотъ тутъ люди шумятъ и смѣются, а тамъ, въ подвальной каморкѣ, лежитъ на катафалкѣ холодный трупъ ея отца, брошенный, забытый, одинокій. Не ушелъ ли читальщикъ? Пожалуй, папочка тамъ совсѣмъ-совсѣмъ одинъ. Это смущало болѣе всего, что онъ тамъ одинъ. Впрочемъ, нѣтъ, читальщикъ не посмѣетъ уйти,—потому что Матреша, вѣрно, не разъ забѣжитъ взглянуть на своего «старичка». Непремѣнно забѣжитъ и взглянетъ на него—откинетъ кисею, посмотритъ и уйдетъ... Добрая-добрая душа; она лучше всѣхъ этихъ людей, говорящихъ красивыя фразы, разсуждающихъ о высокихъ предметахъ. Иногда ей, Серпуховой, хотѣлось бросить все и уйти туда, въ этотъ подвалъ, къ отцу, къ Матрешѣ, опять наплакаться, нарыдаться, лежа на дощатомъ полу, какъ она лежала на немъ утромъ. Да, именно такъ: полежать на полу, заливаясь слезами, по-дѣтски жалуясь...

— Тебѣ страшно тяжело,—тихо сказалъ ей мягкій голосъ.

Она очнулась. Передъ нею стоялъ Евгеній Александровичъ Шаховъ, подавая ей пустой стаканъ. Его добрые, сѣрые глаза засматривали изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ ей въ лицо съ теплымъ участіемъ.

— Да, хочется плакать... уйти,—проговорила она.

— Ты бы и ушла,—посовѣтовалъ онъ участливо.—Прилегла бы у себя въ комнатѣ и поплакала бы,—это облегчаетъ. Досадно, право, что всѣ мы набрались сюда...

— О, ты-то... Я рада, что ты здѣсь,—ласково проговорила она.—Ты, Женя, одинъ понимаешь меня... одинъ...

Онъ неторопливо взялъ стулъ, придвинулъ его къ ней, присѣлъ и, склонивъ свою кудрявую черноволосую голову, заговорилъ мягко, тихо, почти шопотомъ:

— Я же такъ любилъ дядю Лёву... Помнишь, какъ онъ сердился, что я не иду въ военную службу, а дѣлаюсь «штафиркой»?.. Стыдилъ все, что «приказнымъ» буду... Милый ворчунъ!.. «Кому же идти въ военную службу, какъ не людямъ, имѣющимъ кое-какія средства, могущимъ служить изъ чести? Военная служба не работа изъ-за куска хлѣба—это долгъ чести, что гражданская повинность, и кто имѣетъ средства, тотъ долженъ отбывать эту повинность»... У него были всегда свои опредѣленные взгляды...

Digitized by Google

Онъ, не спѣша, задумчиво, ласкающимъ тономъ, началъ вспоминать мелочи, пустяки прошлаго, дорогіе для него, дорогіе для нея. Ей казалось, что они опять переживаютъ чудные годы дѣтства, когда они жили всѣ трое вмѣстѣ— она, только-что взятая по болѣзни изъ института, Женя— еще тринадцатилѣтній гимназистикъ, отецъ, только-что оправившійся отъ тяжелыхъ ранъ. Отецъ имъ разсказывалъ о великой войнѣ, о подвигахъ сослуживцевъ, о геройской оборонѣ Севастополя, о русскомъ солдатѣ, а день вечерѣлъ, въ комнатѣ наступали фантастическія сумерки, и имъ, дѣтямъ, было такъ хорошо-хорошо. Входила служанка, кривая Агаоья, съ вопросомъ: «не подать ли лампу?» Они кричали: «нѣтъ, нѣтъ, еще рано», точно свѣтъ могъ разрушить ихъ иллюзіи, ихъ грёзы объ этой великой эпопеѣ геройства и самоотверженія... Чудныя минуты! А эта кривая Агаоья, эта ражая баба въ мужицкихъ сапогахъ,— развѣ можно имъ, говоря о прошломъ, не вспомнить о ней? Какъ твердо была она убѣждена, что она лучше всякаго «духтора» выпользуетъ Льва Ѳеодоровича, дѣлая ему разныя втиранія грубой и шаршавой, какъ у мужика, рукой. А какъ она носила на рукахъ изъ ванны Женю, когда онъ заболѣлъ, и убѣждала всѣхъ и прежде всего самого Женю, отбивавшагося отъ нея, что «рабенокъ не можетъ же самъ послѣ ванночки идтить». Это тринадцати-то-лѣтній гимназистикъ! Какъ все это было давно, какъ все это живо сохранилось въ памяти.

— Евгеній Александровичъ, васъ надо, идите! — вскричала Оля, подходя къ Шахову. — Нужно рѣшить очень-очень важный юридическій вопросъ.

Шаховъ очнулся отъ грёзъ о прошломъ, поднялъ голову, смотря разсѣяннымъ вопросительнымъ взглядомъ, и не безъ легкой ироніи спросилъ Олю:

— А вы, Ольга Юрьевна, думаете, что мнѣ очень интересны разные важные юридическіе вопросы?

Она небрежно пожала узенькими плечиками.

— Дѣло вовсе не въ томъ, интересны или не интересны они для васъ, а въ томъ, что васъ, какъ спеціалиста, просятъ для разрѣшенія одного изъ этихъ вопросовъ, — отвѣтила она, задорно и вызывающе глядя на него.—Идемте!

Она взяла его за рукавъ съ фамильярностью близкой родственницы и чувствующей свою власть надъ нимъ дѣвушки. Онъ медлилъ, лѣниво поднимаясь съ мѣста. Марья Львовна какъ бы очнулась отъ сна, видя, что онъ встаетъ.

Digitized by Google

— Опять какія-нибудь глупости! — сорвалось у нея съ языка.

— Ахъ, для мамы Мани всякіе практическіе вопросы всегда кажутся глупостями! — засмѣялась дочь. — Неисправимая идеалистка! Не слушайте ее, Евгеній Александровичъ, и извольте идти!

Она потащила за собой, какъ всегда, снисходительнаго Шахова, недовольнаго въ душѣ и старающагося улыбаться. Марья Львовна провожала его печальнымъ взглядомъ, и въ ея душѣ поднялась горечь противъ дочери. Единственный дорогой ей по воспоминаніямъ объ отцѣ человѣкъ подошелъ къ ней—и того у нея отнимаетъ дочь. И съ чего она такъ фамильярничаетъ съ нимъ? Не она ли сама еще съ годъ тому назадъ перешла въ разговорахъ съ нимъ съ «ты» на «вы», говоря, что она уже не ребенокъ и что они не такіе близкіе родственники, чтобы говорить другъ другу «ты», а теперь ея обращеніе съ нимъ черезчуръ развязно, безцеремонно. И что за задорное выраженіе лица у нея? Ужъ не думаетъ ли она, что онъ влюбится въ нее? О, она, Марья Львовна, первая отрезвитъ его, спасетъ его отъ подобнаго союза! Нѣтъ, нѣтъ, пусть кто хочетъ женится на Олѣ, но не Женя! Онъ слишкомъ близокъ самой ей, Марьѣ Львовнѣ, и она спасетъ его отъ этого несчастія. Онъ ей дорогъ, какъ родной братъ...

Эта мысль о стремленіи Оли увлечь Шахова такъ поразила въ тотъ вечеръ Серпухову, что даже среди слезъ и рыданій во время выноса тѣла отца изъ мертвецкой лѣчебницы молодая женщина была какъ-то особенно поражена словами дочери, обращенными къ Шахову. Когда выносили гробъ, Оля подошла къ молодому человѣку, стоявшему около Марьи Львовны, и сказала:

— Евгеній Александровичъ, дайте мнѣ руку. Я хочу пройти за гробомъ дѣда. Маму Маню поведетъ папа.

Шахову пришлось волей-неволей предложить руку молодой дѣвушкѣ. Онъ зналъ, что она станетъ говорить давно извѣстныя ему умныя фразы и что ему отъ этого будетъ очень скучно, но что же дѣлать, если она проситъ его идти съ ней, и если его отказъ идти съ ней можетъ ее огорчить. Онъ старался никого не огорчать, если только это зависѣло хоть немного отъ него...

Въ головѣ Марьи Львовны мелькнула мысль, что ея дочь и за гробомъ дѣда пошла только затѣмъ, чтобы идти подъ руку съ Шаховымъ. Что-жъ, онъ завидный женихъ—молодъ,

Digitized by Google

красивъ, добръ, уменъ, извѣстенъ въ адвокатурѣ, богатъ... Въ душѣ матери вдругъ пробудилось злое чувство противъ дочери, и она мысленно повторила: «нѣтъ, никогда я не допущу его жениться на этой горбуньѣ!» Послѣднее слово сразу привело ее въ себя: ей стало стыдно за себя. Горбунья! А кто же виноватъ, что дѣвочка вышла немного кривобокой? Кто виноватъ, что эта дѣвушка сдѣлалась капризной, несправедливой, злой? Развѣ ей, молодой, жаждущей счастья, легко сознавать свое убожество? Правда, она умѣетъ такъ одѣваться, такъ держать себя, что другіе даже и не замѣчали бы ея кривого бока, если бы она иногда сама не напоминала объ этомъ. Но, вѣдь, она-то это сознаетъ? Да, сознаетъ и кокетничаетъ этимъ, зная, что ея фигурка имѣетъ особенную пикантность именно оттого, что она откинута немного на лѣвый бокъ, оттого, что ея головка всегда немного вздернута вверхъ. Это ей придаетъ какой-то задорный, вызывающій, почти наглый видъ. Да, наглый; эта черта у ней въ характерѣ. Серпухова опять почувствовала, что она снова обвиняетъ дочь, и опять ее охватилъ стыдъ за себя. И время ли теперь думать объ этомъ, когда она идетъ за гробомъ отца? Не умѣла воспитать дѣтей, и вотъ плоды: они отравляютъ ей жизнь, она отравляетъ имъ жизнь. И снова ей вспомнилась Варвара Павловна. Вѣдь она умѣла воспитывать дочь, а та все же ушла отъ нея, пала? Тутъ-то ужъ нельзя винить мать. Просто времена такія. Всѣ дѣти теперь скверные, черствые эгоисты... Но какъ могла примириться съ этимъ тетка? Никто никогда не слышалъ отъ нея ни жалобъ, ни упрековъ. Даже узнали о паденіи ея дочери стороной, изъ смутныхъ толковъ. Сама же она все попрежнему спокойна, энергична, трудолюбива. Какъ она примирись со своимъ горемъ?.. Десятки разъ порывалась Марья Львовна задать эти вопросы теткѣ. Ей казалось, что ей самой станетъ легче, когда она узнаетъ, какъ она примирилась съ своею долею. Но каждый разъ вопросы замирали на ея губахъ. Ей было неловко—не бередить раны старухи, но вызвать на откровенность ее, всегда сдержанную, всегда скрытную, всегда какъ бы удерживающую людей въ извѣстномъ разстояніи отъ себя...

Эти мысли и теперь занимали Серпухову,—какъ онѣ занимали и мучили ее ежедневно въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, когда она все яснѣе и яснѣе сознавала, какая пропасть легла между нею и ея семьею. Она

Digitized by Google

безсознательно стала перелистывать лежавшія на письменномъ столѣ Варвары Павловны бумаги. Тутъ мелькали надписи: чулки, сорочки, простыни, пелеринки, накидки, нарукавнички, и при каждой надписи шли цифры, обозначавшія число вещей, годъ ихъ поставки. Далѣе шли мелко разграфленные листы, гдѣ значилось все, что и когда покупалось изъ провизіи на каждый день—масло, мука, крупа, говядина, овощи, мыло, свѣчи; тутъ то и дѣло мелькали четверти и восьмыя доли копеекъ, изъ всѣхъ этихъ дробей составлялись рубли, десятки и сотни рублей въ итогахъ. Нужно было видѣть всю эту мелкую и кропотливую, какъ мозаика, работу, чтобы понять, сколько времени поглощаетъ она. Далѣе шли замѣтки, написанныя Варварой Павловной для себя на памятныхъ листкахъ: «похлопотать о мѣстѣ для Котоминой», «справиться о матери и сестрахъ Кожуховой, чѣмъ и какъ онѣ живутъ», «попросить Анну Ивановну о братьяхъ Петровой». Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ были уже зачеркнуты; другія имѣли непонятный для посторонняго человѣка смыслъ, напримѣръ: «можно ли выкупать дѣвушекъ изъ п. д.? какъ сдѣлать и черезъ кого?» «можно ли избавить отъ жел. б.? какія формальности?» Серпухова такъ же безсознательно закрыла эти бумаги, какъ она и открыла ихъ, и безцѣльно устремила глаза на окно, на голубое небо съ быстробѣгущими облаками.

«Цѣлый день среди хлопотъ и заботъ,—проносилось въ ея умѣ,—въ головѣ цѣлый рой насущныхъ неотложныхъ вопросовъ, справокъ, цифръ и нѣтъ ни минуты для раздумья о мелкихъ и крупныхъ личныхъ печаляхъ и невзгодахъ...»

Тетка часто при ней повторяла однѣ и тѣ же стереотипныя фразы: «времени у меня нѣтъ скучать», «некогда мнѣ хворать». Иногда молодой женщинѣ начинало казаться даже, что теткѣ некогда слушать ея сѣтованія. Она обижалась на это и по нѣсколько дней сряду досадливо дулась и не ходила къ Романовой. Что-жъ ходить къ ней? Вѣчно она занята. И не старается скрыть, что работы по горло... Даже Матреша теперь не такая, какой она была въ день смерти отца Серпуховой. Начнетъ ей говорить Серпухова, какъ ей тяжело, а Матреша сейчасъ: «Да, ужъ жизть! Съ ногъ собьешься, бѣгамши. А что подѣлаешь? Намъ съ Трофимомъ—жениться онъ все на мнѣ норовитъ—надо копейку сколотить прежде. Ну, и мечешься»... Говоритъ она это и, кажется, вовсе не думаетъ о печаляхъ

Digitized by Google

Серпуховой, занятая своимъ дѣломъ, мыслями о Трофимѣ, сколачиваніемъ копейки. Иногда, уходя отсюда, Серпухова давала себѣ слово не ходить болѣе въ пріютъ. Но ее снова тянуло сюда, такъ какъ кому же могла она жаловаться, какъ не этимъ женщинамъ. Женѣ? Ахъ, если бы онъ былъ теперь въ Петербургѣ. Не было бы ей такъ тяжело! А то вотъ уже почти три мѣсяца, какъ онъ живетъ на югѣ по дѣламъ. Безъ него же нѣтъ никого близкаго кромѣ тетки. Въ первые дни послѣ смерти отца и отъѣзда изъ Петербурга Шахова, она ходила съ выраженіемъ тупой растерянности. Это была не просто утрата любимаго отца, но утрата единственнаго существа, кому она могла жаловаться. Жаловаться на мужа, на дѣтей, вошло у нея въ привычку, какъ у другихъ людей входитъ въ привычку страсть къ нарядамъ, къ картамъ, къ вину, къ разврату. Во все это можно втянуться, такъ что послѣ уже нельзя и отступить. Привычка съ теченіемъ времени дѣлается выше силы воли, выше доводовъ разсудка. Серпухова, безхарактерная уже по самой натурѣ, испытала это на себѣ. Нѣсколько разъ она ходила на могилу отца и, горько плача, не сознавая, что она дѣлаетъ, вслухъ шептала: «Ахъ, папочка, папочка, если бы ты зналъ, каково мнѣ живется! Одна твоя Маня, совсѣмъ одна!» Могила не давала отвѣта, не давала утѣшенія. Тогда молодая женщина стала все чаще и чаще посѣщать тетку и цѣлые часы жаловалась и ей, и Матрешѣ, огорчаясь, когда эти женщины, занятыя и озабоченныя своимъ дѣломъ, оставались почти безучастными къ ней. Теперь, сложивъ бумаги тетки, Марья Львовна говорила:

— Такъ вотъ онъ, источникъ ея примиренія со своею долею! Какъ это не приходило мнѣ въ голову прежде!.. Да, да, это такъ!.. Суетится, хлопочетъ и не удосужится подумать о своей личной жизни... Равнодушно смотритъ и на чужія печали, не думаетъ о нихъ... Только этимъ способомъ и можно обмануть себя: быть несчастной и завалить себя такъ работой, чтобы не имѣть времени думать о своемъ несчастіи... Но развѣ не думать о своемъ несчастіи значитъ быть счастливой?.. Все та же жалкая игра въ прятки! Я тоже семнадцать лѣтъ играла съ собой въ прятки: пила, ѣла—и не думала... А теперь...

Она въ волненіи поднялась съ мѣста и заходила по комнатѣ...

Въ эти два-три мѣсяца она точно очнулась отъ долгой спячки. Въ ея жизни все шло, повидимому, по-старому, но

Digitized by Google

она смотрѣла на все это старое съ новой точки зрѣнія или, вѣрнѣе сказать, она только теперь увидала все это, тогда какъ прежде передъ всѣмъ этимъ она закрывала глаза. Нагрубятъ ей, бывало, дѣти—она идетъ жаловаться къ отцу, и ей легко и тепло около него. Пропадетъ, бывало, мужъ въ должности, спитъ по цѣлымъ вечерамъ, уходитъ къ пріятелямъ на цѣлыя ночи, — ей это все равно, такъ какъ около нея отецъ: онъ читаетъ съ нею, онъ разсказываетъ ей о прошломъ, о своемъ времени; онъ, какъ нянька, баюкаетъ ее, чтобы она не блажила отъ мелкихъ огорченій. Смерть отца разомъ измѣнила все: огорченія были прежнія, но не было возможности забыться отъ нихъ; они глубоко западали въ сердце и помнились долго, потому что никто не стремился загладить ихъ слѣды. Посѣщать тетку Варвару Павловну Серпухова стала какъ-то инстинктивно, ища утѣшенія и ласки. Она чувствовала, что здѣсь ее любили и жалѣли—сама Варвара Павловна и Матреша, взятая по рекомендаціи Маріи Львовны въ няньки въ пріютъ. Но привѣтливость этихъ женщинъ была не тѣмъ, чѣмъ были ласки ея отца. Озабоченныя, занятыя своимъ дѣломъ, онѣ выслушивали ее, но это было добродушное снисхожденіе, а не горячее участіе. Серпухова сознавала, что ей нужны эти женщины, но что имъ она не нужна, что она иногда даже мѣшаетъ имъ. Она шла сюда за утѣшеніемъ, какъ идетъ нищій за подаяніемъ. Ему бросаютъ это подаяніе и думаютъ: «ну, и уходи скорѣе». Это не высказывается подающимъ, но это угадывается принимающимъ. Серпухова тоже угадывала это, хотѣла не ходить болѣе къ теткѣ и шла къ ней снова, потому что нужно же было кому-нибудь пожаловаться, передъ кѣмъ-нибудь поплакаться. Не то было прежде. Къ отцу она шла съ сознаніемъ, что въ свою очередь она его свѣтъ, его радость, его жизнь. Съ его смертью у нея не стало не только этихъ ласкъ другого человѣка, но не стало, какъ ей казалось, заботъ объ этомъ другомъ человѣкѣ. Явилось сознаніе, что она никому не нужна, никому не приноситъ пользы, для всѣхъ лишняя. Это угнетало...

— Гдѣ же исходъ? гдѣ же исходъ?—безпомощно повторяла она.—Руки на себя наложить?..

III.

— Вотъ и я! -произнесла Варвара Павловна, появляясь въ своей комнатѣ.—Сними же шляпку. Вѣдь ты не съ визи-

Digitized by Google

томъ? Цѣлый день пробудешь у меня? Дома нѣтъ спѣшнаго дѣла?

Варвара Павловна знала, что у Серпуховой нѣтъ ровно никакого дѣла, ни спѣшнаго, ни неспѣшнаго. Присѣвъ къ письменному столу, она заботливо начала подбирать листки съ рядами цифръ. Ей въ это утро хотѣлось работать безъ конца, безъ передышки, чтобы только не думать о себѣ.

— Нѣтъ, какое же можетъ быть у меня дѣло?—отвѣтила Марья Львовна, снимая шляпку.

У нея чуть не сорвалось съ языка, что и ждать ее некому дома. Злыя и горькія фразы теперь постоянно вертѣлись у нея на языкѣ.

Старуха покачала головой.

— То-то и горе, что дѣла и обязанностей у тебя нѣтъ...

— Было, тетя, и дѣло, и обязанности были, пока папа былъ живъ,—со вздохомъ замѣтила Серпухова.

— Ну, Маня,—съ едва замѣтной усмѣшкой сказала Романова:—это еще вопросъ, кто о комъ больше заботился—ты ли объ отцѣ или онъ о тебѣ...

Марья Львовна немного оскорбилась и горячо возразила:

— Вы забыли, тетя, что папа два года хворалъ... Я ходила...

Тетка перебила ее:

— Хворалъ! То-есть сидѣлъ дома, безотлучно при тебѣ, мучился и вздохомъ лишнимъ никого не потревожилъ?... Да? Объ этомъ ты говоришь, что онъ хворалъ?... Я вѣдь знаю эти натуры: геройски живутъ, геройски умираютъ, никому не мѣшая, никого не утруждая...

Она на минуту оставила работу. Ея лицо просвѣтлѣло при воспоминаніи о покойномъ Сусловѣ.

— Я думаю, онъ еще въ себѣ находилъ силы тебя же утѣшать, когда у тебя случались мелкія огорченія, — добавила она.—Ты вѣдь привыкла не скрывать отъ него ничего, дѣлиться съ нимъ своими печалями. Недаромъ же, даже среди предсмертныхъ страданій, его мучили только заботы о тебѣ...

Серпухову смутили эти простыя, безъ всякаго умысла сказанныя слова. Да, отецъ страдалъ и молчалъ, а она ежедневно приходила къ нему съ мелкими жалобами, съ мелкими огорченіями, и онъ же, больной, проводившій безсонныя ночи, терзаемый жестокими болями, ублажалъ ее. Матреша говорила, что и передъ смертью онъ терзался мыслью,

Digitized by Google

что она, его дочь, будетъ несчастна безъ него, что она погибнетъ. Эта мысль отравляла его послѣднія минуты. И эту мысль навѣяла она, жалуясь и плача. Что же, неужели она не любила его, не умѣла любить? Нѣтъ, нѣтъ, она обожала его, но... кому же она могла пожаловаться на свою судьбу, какъ не ему? А если эти жалобы отравляли еще болѣе его жизнь, и безъ того отравленную муками болѣзни? Она сидѣла съ тупымъ, понурымъ выраженіемъ на лицѣ, пораженная новыми для нея мыслями. И рядомъ съ этимъ, гдѣ-то въ глубинѣ души, проснулось раздраженіе на тетку. Зачѣмъ она сказала ей, Марьѣ Львовнѣ, все это? Попрекнуть ее захотѣла? Мало, что ли, у нея и безъ этого горя? Она приходитъ сюда за утѣшеніемъ, а ей вотъ что говорятъ. Намекаютъ, что и отца-то она въ сущности не любила, не умѣла любить. Это жестоко... Нѣтъ, лучше не ходить сюда, гдѣ ее не понимаютъ. Вонъ Женя, тотъ знаетъ, какъ ей тяжело, какъ она любила отца. Добрый Женя! Господи, хоть бы онъ пріѣхалъ скорѣй! Почти три мѣсяца его нѣтъ. За три года они ей показались!... Романова, попрежнему подбирая счеты, не замѣчая выраженія лица Серпуховой, продолжала:

— Хуже всего то, Маня, что ты являешься какимъ-то отрѣзаннымъ ломтемъ въ своей семьѣ...

Марья Львовна подняла голову.

— Что-жъ дѣлать? Этого ужъ не передѣлать, — сказала она, и въ ея тонѣ зазвучала желчность.—Юрій цѣлый день въ должности, а по ночамъ пропадаетъ у пріятелей. Оля точно на врага на меня смотритъ, вѣчно толкуя, что ее, ради ея убожества, ждетъ горькая участь. Сеня — онъ въ глаза отцу говоритъ, что онъ не знаетъ ничего болѣе жалкаго, какъ отживающее поколѣніе идеалистовъ и фантазеровъ; онъ вѣдь практикъ и трется около какихъ-то князьковъ и графчиковъ... да упрекаетъ насъ, что у насъ нѣтъ парадного хода! Не далѣе какъ вчера опять сдѣлалъ мнѣ сцену. Къ нему заѣхалъ какой-то товарищъ, лицеистъ, а у насъ жаренымъ кофе пахло, не правда ли, какой срамъ и стыдъ! Ну, и пошла исторія...

Марья Львовна начала жалующимся ребяческимъ тономъ передавать вчерашнюю «исторію», торопливо, сбивчиво, раздражительно.

— Манюша, я вѣдь все это уже не разъ слышала, — мягко и грустно прервала ее Варвара Павловна.—Надо не жаловаться, мой другъ, а стараться передѣлать все это...

Digitized by Google

— Ахъ, теперь ужъ поздно!—воскликнула Серпухова.

Ее точно что-то кольнуло въ самое сердце.

«И зачѣмъ я хожу сюда, зачѣмъ?—мелькало у нея въ головѣ. — Хоть бы притворились, что сочувствуютъ, такъ и того не хотятъ сдѣлать!»

— Да вѣдь ты не пробовала?—послышался вопросъ.

Старуха обернулась къ племянницѣ лицомъ, оставивъ на минуту работу.

— Мы никогда не можемъ впередъ сказать: поздно или не поздно. Надо биться со зломъ, а что изъ этого выйдетъ,—скажутъ послѣдствія. Вѣдь вотъ мы съ Валентиной Петровной бьемся же съ этими дѣтьми подваловъ, нищеты, разврата. Неужели ты думаешь, это дѣлается только изъ-за куска хлѣба? Кусокъ хлѣба и я, и она могли бы достать болѣе легкимъ путемъ...

— Вы приносите себя въ жертву доброму дѣлу!—проговорила Серпухова, и въ ея тонѣ послышалось что-то въ родѣ иронiи.

— А исправленіе своихъ собственныхъ дѣтей—не доброе дѣло?—просто спросила Романова.

— Что-жъ дѣлать, если я не вѣрю въ возможность этого.

— И мы во многое не вѣримъ,—съ грустью произнесла Варвара Павловна.—И какъ вѣрить? Вотъ тебѣ примѣръ. На-дняхъ еще пріѣхала сестра Кати Кирпичовой въ голубомъ шелковомъ платьѣ, декольтированная, съ вѣеромъ изъ бѣлыхъ перьевъ. Это къ намъ-то, утромъ-то!.. И смѣшно, и жалко!.. Разумѣется, всѣ воспитанницы всполошились! «Вотъ-то счастливица!.. Вотъ-то нарядъ, дѣвицы!.. Точно княжна!..» Нечего дѣлать, отозвала я ее въ сторону, спросила: «Ты это, Оля, какъ живешь? Откуда это у тебя все?» Застыдилась, смѣшалась, расплакалась. «Меня, говоритъ, мамаша, одинъ плацъ-адъютантъ содержитъ, жениться обѣщаетъ, ей-Богу, обѣщаетъ!» «Ну, говорю, такъ ты ужъ лучше не ѣзди сюда, пока онъ не женится на тебѣ...» Начала руки цѣловать, рыдаетъ: «Я, говоритъ, показаться подругамъ хотѣла. Очень ужъ хорошо онъ меня одѣваетъ...»

Варвара Павловна тяжело вздохнула:

— Что-жъ, это понятно!.. Но что дальше будетъ съ нею, что будетъ съ Катей? Конечно, и Катя пойдетъ по той же дорогѣ. Очень ужъ хорошо одѣваетъ ея сестру плацъ-адъютантъ... Какъ не соблазниться?.. Я вѣдь могу запретить Олѣ ѣздить сюда, а по выходѣ Кати отсюда, я не могу запретить ей идти къ сестрѣ. И всѣхъ ихъ ждетъ то же.

Digitized by Google

Или горькая участь швей и горничныхъ праздныхъ и развращенныхъ барынь, или паденіе и въ концѣ концовъ та же нищета, тотъ же голодъ...

— Вы, тетя, даже не обманываете себя иллюзіями, что спасете ихъ!—въ недоумѣніи воскликнула Марья Львовна

Въ минуты негодованія за равнодушное отношеніе тетки къ ея печалямъ, Марья Львовна нерѣдко повторяла: «гдѣ ужъ ей обо мнѣ думать, когда она убѣждена, что она великіе подвиги совершаетъ». И вдругъ сама тетка говоритъ ей, что она не вѣритъ въ величіе этихъ подвиговъ. Какъ же это такъ?

— Я, мой другъ, знаю, что условія жизни выше единичныхъ усилій воспитать людей,—отвѣтила Варвара Павловна, безнадежно махнувъ рукою.

— И все-таки тратите свои силы на воспитаніе ихъ?

— Да,—задумчиво отвѣтила старуха.— Я не Богъ, я не могу измѣнить условій ихъ въ жизни въ будущемъ. Но я могу дать имъ хорошее дѣтство, и этого съ меня довольно. Есть сознаніе, что хоть что-нибудь хорошее сдѣлано. Многіе изъ нихъ падутъ, но и послѣ этого хоть изрѣдка онѣ вспомнятъ обо мнѣ и хоть на минуту сдѣлаются лучше. Этой вѣры во мнѣ ничто не убьетъ и это придаетъ мнѣ силы... У тебя же и этой вѣры нѣтъ...

— Что-жъ дѣлать, я не виновата, что мои дѣти оттолкнули меня отъ себя.

Старуха укоризненно покачала головой.

— Дѣти оттолкнули, дѣти оттолкнули! Стыдись говорить подобныя фразы! И ты, и Юрій во всемъ сами виноваты, если ужъ нужно искать виноватыхъ.

— Чѣмъ же? — запальчиво воскликнула молодая женщина.—Вы все меня обвиняете... Вы только меня не жалѣете, а другихъ... Я иду къ вамъ, какъ къ единственному близкому человѣку...

Воспитанница принесла въ комнату кофе, прервавъ разговоръ.

— Распорядись, Маня,—сказала Романова, обращаясь къ Серпуховой.—Налей кофе, я сейчасъ кончу...

Она, не торопясь, кончила свое дѣло и подсѣла на диванъ къ Серпуховой.

— Ты спрашивала, чѣмъ вы виноваты,—начала она.— А тѣмъ, что поженились, не смысля ничего въ жизни, въ воспитаніи дѣтей. Для тебя они игрушками были, а Юрій— онъ только на прокормъ денегъ имъ добывалъ, вотъ и все.

Digitized by Google

Ты не могла имъ внушить какихъ-нибудь твердыхъ правилъ, а Юрій своими шуточками надъ своими прошлыми увлеченіями только научилъ ихъ ни во что не вѣрить. Ну, вотъ и плоды... Это прискорбно, но это такъ...

Какъ ни былъ спокоенъ тонъ Варвары Павловны, въ Серпуховой все точно перевернулось. Она несчастна, она страдаетъ, а ей все повторяютъ, что она сама виновата. Почти то же слышала она въ былые дни и отъ отца. Но его замѣчанія не оскорбляли, не вызывали гнѣва. Теперь она не выдержала и въ пылу раздраженія неожиданно коснулась больного мѣста старухи.

— Тетя, а развѣ вы-то... — начала она прерывающимся голосомъ.—Развѣ ваше отношеніе...

Варвара Павловна бросила на нее холодный взглядъ, заставившій ее замолчать.

— Что ты хотѣла сказать?—послышался вопросъ и, казалось, Варвара Павловна заговорила теперь не своимъ голосомъ.—Ты хотѣла сказать, что я-то умѣла воспитывать и не воспитала Маріанну? Да?

Старуха строго сдвинула брови и рѣзко окончила:

— Я себя никогда и ни въ чемъ не оправдывала. Я потому и говорю тебѣ, что ты виновата, что по опыту знаю, какъ можетъ мать испортить жизнь дѣтей... Я сдѣлала, можетъ-быть, только двѣ-три невольныхъ, но тѣмъ, не менѣе, крупныхъ ошибки, а мое бѣдное дитя заплатило за эти ошибки всею жизнью...

У нея оборвался голосъ, и на глазахъ показались слезы. Она сдѣлала усиліе, чтобы подавить ихъ. Уже съ утра она была тревожна и печальна, когда ей поднесли пирогъ. Воспоминанія о дочери проходили черными тучами въ ея головѣ, не давали ей покоя въ это утро. Она старалась подавить ихъ, заваливъ себя работой, толкаясь все время среди воспитанницъ, ни на минуту не оставаясь одна, чтобы только не думать о себѣ, о дочери... Теперь волей-неволей приходилось говорить объ этомъ. Она не сразу собралась съ силами. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, она, наконецъ, заговорила снова:

— Вотъ, мнѣ подносятъ пироги «матери отъ дѣтей...» А какою бы матерью я ни была для нихъ, никогда я не прощу себѣ того, что я не сумѣла спасти родной дочери отъ ошибокъ.

Старуха замолчала, упорно смотря куда-то въ сторону, слегка постукивая пальцами по столу, очевидно, стараясь

Digitized by Google

овладѣть собою. Марья Львовна, слабодушная, безхарактерная, смутилась, расчувствовалась, приблизилась къ ней и обняла ее.

— Тетя, тетя, простите, что я васъ огорчила!—воскликнула она, какъ провинившаяся дѣвочка.—Мнѣ же тяжело, когда всѣ повторяютъ, что я сама виновата въ томъ, что мои дѣти мнѣ чужія... Теперь у всѣхъ такія дѣти... Право!.. Вотъ вы... Развѣ вы-то можете обвинять себя! Вы святая женщина.

Тетка остановила ее быстрымъ движеніемъ руки. Въ этомъ движеніи было что-то рѣзкое, нетерпѣливое, досадливое.

— Святая женщина!—отрывисто проговорила она.—Глупости! Пошлая фраза! Не лучше, не хуже другихъ.

Она встала и прошлась по комнатѣ, охваченная тяжелыми воспоминаніями. Ее тяготило сегодня присутствіе Серпуховой, это вѣчное нытье, безплодное и праздное. Ей именно въ этотъ день хотѣлось быть безъ нея, работать безъ устали, чтобы позабыть все, что давило и угнетало ее.

— Ты вотъ обвиняешь Маріанну, — рѣзко начала она, прерывая тяжелое молчаніе. — И всѣ то же дѣлаютъ, всѣ! Самозванные прокуроры! Ужъ если имъ непремѣнно нужно обвинять кого-нибудь, такъ пусть прежде всего обвиняютъ насъ, отцовъ и матерей, хотя и это нелѣпо, но все же это менѣе нелѣпо, чѣмъ стремленіе свалить все на послѣдняго ребенка. Цѣлыя поколѣнія предшественниковъ грѣшили, а виноватъ всегда послѣдній изъ дѣтей! Смотримъ мы на все легко, поверхностно, а нужно брать глубже, вникать во все, тогда...

Она остановилась передъ Марьей Львовной серьезная, строгая, почти суровая, и сказала ей:

— Одна изъ выдающихся женщинъ сказала: все понять—все простить... Я думаю, этого мало; по-моему, все понять—никого не судить... А мы, ничего не понявъ, только тащимъ на скамью подсудимыхъ всѣхъ ближнихъ и изрекаемъ имъ приговоры. А сами?.. О, сами мы всегда въ сторонѣ, сами мы ни въ чемъ не виноваты; жалкіе трусы: въ свою совѣсть заглянуть боимся! Нѣтъ, ужъ если кого нужно судить, такъ это себя, только себя и никого больше, чтобы стать лучше или поправить то, что еще возможно поправить...

Въ ея голосѣ звучали горькія, болѣзненныя ноты:

— Страшнѣе всего, когда вдругъ нежданно-негаданно поймешь всѣ свои вины и поймешь въ то же время, что поправить ничего нельзя... Вотъ ты, Маня, куда можешь

Digitized by Google

еще обвинять своихъ дѣтей,—такъ это половина горя. Настоящее горе ты узнаешь тогда, когда ты станешь себя обвинять за нихъ. Хуже этой пытки нѣтъ, а ты ее узнаешь...

Марья Львовна хотѣла что-то возразить; тетка остановила ее:

— Не возражай! Ты молода, ты еще не знаешь жизни. Теперь ты увлекаешься, горячишься, потомъ придетъ старость, безъ любви дѣтей, и, можетъ-быть, въ долгія безсонныя ночи ты иначе, чѣмъ теперь, взглянешь на жизнь и обвинишь себя за то, за что винишь теперь ихъ, особенно если и они будутъ несчастны... Пережить надо это, чтобы понять..

IV.

Варвара Павловна присѣла къ столу, тяжело дыша отъ волненія. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Потомъ она какъ бы очнулась и отрывисто проговорила:

— Ты вотъ обвиняешь Маріанну...

— Я, тетя, только къ слову, — трусливо оправдывалась, начала Серпухова.

— Ахъ, не возражай, не оправдывайся!—рѣзко остановила ее тетка.—Знаю я все, что говорятъ про мою дѣвочку!.. А что она кому сдѣлала? Чѣмъ она провинилась передъ людьми?.. Говорятъ, потому что чернить надо ближнихъ, особенно, если ихъ участь кажется завидной... На себя оглянулись бы...

И, круто оборвавши свою рѣчь, она закончила:

— Не ее нужно обвинять, а меня... Тяжело мнѣ говорить объ этомъ... Но тебѣ хочется узнать это; ты вѣдь не разъ напрашивалась на мою откровенность.

Помолчавъ немного, она отрывисто, точно обрубая фразы, начала разсказывать:

— Мнѣ было двадцать лѣтъ, когда за меня посватался Валерьянъ Сергѣевичъ Романовъ. Онъ былъ богатъ, я была бѣдна; онъ велъ разсѣянную жизнь богатаго человѣка, я существовала уроками. Мнѣ слѣдовала отказать ему. Я не отказала, не сумѣла переломить себя, подавить своего чувства.

— Вы любили его? — робко вставила вопросъ Марья Львовна.

— И я любила, и онъ любилъ,—отрывисто отвѣтила Романова.—Но, тѣмъ не менѣе, хорошихъ послѣдствій отъ этого брака нечего было ждать. Привычки Валерьяна Сергѣевича

Digitized by Google

не были моими привычками, мои симпатіи не были его симпатіями. Намъ нужно было ломать свои характеры, чтобы сгладить острые углы. Это трудное дѣло. Я-то должна была это знать: двадцатилѣтняя гувернантка вообще не наивная дѣвочка, а я тѣмъ менѣе могла быть наивной—я знала по опыту и роскошь, и разореніе. Дѣтство провела въ кружевныхъ пеленкахъ; въ юности питалась горькимъ трудовымъ хлѣбомъ. Можно было, кажется, понять жизнь и людей. Такъ нѣтъ, тяжела показалась нужда... Мы прожили мирно не болѣе года — мужа тянулъ къ себѣ омутъ безпечальнаго житья; меня коробило отъ этого неразборчиваго прожиганія жизни со всѣми ликующими и праздноболтающими свѣтскими шалопаями. Валерьянъ Сергѣевичъ былъ слишкомъ баринъ, чтобы поднимать мелкія дрязги; я чисто разсудочнымъ путемъ дошла до убѣжденія, что рѣзкими сценами не исправишь никого. Вслѣдствіе этого мы, не объясняясь, не упрекая другъ друга, зажили каждый своею жизнью: я дома посвятила себя своей Маріаннѣ, онъ веселился внѣ дома на праздникѣ жизни. Иногда онъ, какъ бы утомясь разсѣянной и пустой жизнью, возвращался ко мнѣ на нѣсколько дней, и я чувствовала, что онъ еще любитъ меня, и ждала, что годы возьмутъ свое,—пройдетъ молодость, наскучитъ разсѣянная жизнь, и онъ вновь, навсегда, вернется къ своему очагу...

Она горько улыбнулась.

— Я жестоко обманывалась. Жизнь пошлѣе, люди ничтожнѣе въ дѣйствительности, чѣмъ въ нашемъ представленіи. Онъ возвращался ко мнѣ, когда у него выходили размолвки съ его любовницами. Я являлась временной ихъ замѣстительницей. Мною онъ пугалъ ихъ и удерживалъ въ повиновеніи: «надоѣдите мнѣ—вернусь къ женѣ». Въ какіенибудь три-четыре года онъ до того погрязъ въ тинѣ этой жизни, что пересталъ даже сознавать, что онъ не имѣетъ права унижать меня: онъ не только сталъ лгать мнѣ, являясь ко мнѣ въ качествѣ нѣжнаго мужа, но и сталъ дѣлать меня предметомъ насмѣшекъ, возвращаясь отъ меня снова къ своимъ любовницамъ... Ты, можетъ-быть, спросишь, какъ я все это узнала? О, что же можетъ быть легче! Влюбленныя въ Валерьяна Сергѣевича женщины не брезгали анонимными письмами. Ухаживавшіе за мною его пріятели приподнимали передо мной кончики завѣсы, прикрывавшей всю эту грязь... Мнѣ стало стыдно за себя, и я рѣшилась сказать ему, что пора ему понять, что между нами нѣтъ ничего общаго, что мы можемъ жить подъ одной кровлей, какъ

Digitized by Google

отецъ и мать нашего ребенка, но не какъ мужъ и жена...

Она встала и тревожно прошлась по комнатѣ, охваченная волненіемъ. Выраженіе ея лица было почти гнѣвно. Казалось, она снова переживала въ душѣ все прошлое.

— Бываютъ минуты, рѣшающія всю жизнь,—заговорила она снова.—Я пережила тогда такую минуту. Я не знала, до чего палъ Валерьянъ Сергѣевичъ, и не ждала услышать отъ него того, что услышала: «То-есть вы, вѣроятно, желаете, чтобы я, въ качествѣ отца Маріанны, содержалъ васъ и кого-нибудь изъ вашихъ любовниковъ...» Я не знаю, что сдѣлалось со мною тогда. Я помню только, что я взяла Маріанну и, въ чемъ была, ушла отъ мужа искать угла и куска хлѣба...

Наступило тяжелое молчаніе. Варвара Павловна была страшно взволнована. Марья Львовна смотрѣла растерянными глазами. Ей вдругъ представилось, что было бы съ ней, если бы она ушла такъ отъ мужа, «въ чемъ была». Да нѣтъ, она не ушла бы, ни за что не ушла бы!

— Ты скажешь, что мнѣ ничего не оставалось больше, какъ уйти отъ него?—заговорила Романова страстнымъ тономъ.—Да, да, это всѣ скажутъ. А я—сотни разъ я думала потомъ, что я должна была перенести всѣ нравственныя униженія, всѣ нравственныя пытки, быть его любовницей, принимать въ домѣ его возлюбленныхъ, угождать ему и молить его только объ одномъ, чтобы онъ самъ не выгналъ меня изъ дома.

Серпухова сдѣлала движеніе.

— Не возражай, не возражай! И безъ тебя довольно женщинъ говорили мнѣ, что я героиня!—горячо остановила ее Романова, даже не зная, что та хотѣла сказать. — Это низкая, это гнусная роль—жить съ нелюбимымъ и разлюбившимъ мужемъ, но вѣдь это было бы наказаніемъ мнѣ, наказаніемъ за то, что я вышла замужъ, сознавая, какой рискованный шагъ я дѣлаю. Я не захотѣла вынести этой пытки, этого позора и обрекла Маріанну на ту жизнь, которая выпала ей на долю... Дѣвочка была не виновата въ ошибкахъ матери, дѣвочка ничѣмъ не заслужила того, чтобы ее изъ хорошихъ условій жизни поставили въ дурныя... Валерьянъ Сергѣевичъ потребовалъ, чтобы я отдала ему дочь, и объявилъ, чтобы я не разсчитывала, что онъ будетъ давать на ея содержаніе, то-есть на мое содержаніе. Онъ уже потерялъ способность понимать людей: онъ думалъ, что

Digitized by Google

я возьму что-нибудь у него. Я повела борьбу и добилась, что дочь осталась у меня. Какъ радовалась я, очутившись на свободѣ съ Маріанной! Ты знаешь, какъ я работала, какое воспитаніе я дала моей дѣвочкѣ... Но я никогда, никакими усиліями не могла заставить ее забыть золотой сонъ—ея дѣтство. Она помнила богатство, роскошь, довольство и часто спрашивала меня, просыпаясь ночью: «Мама, ты все еще работаешь?» Я слышала ея тяжелый вздохъ и понимала, что ей тяжело за меня... Я ей говорила о высокомъ значеніи труда, о святомъ долгѣ человѣка служить на пользу ближнихъ, о сладостномъ сознаніи человѣка, что онъ не тунеядецъ, что онъ исполняетъ свои обязанности... Слова, слова, слова—а жизнь сильнѣе ихъ со своими неотразимыми фактами! Она видѣла, что я худѣю, она видѣла мои раскраснѣвшіяся вѣки, она чувствовала на себѣ переносимыя мною лишенія, она—о, это было страшнѣе всего—она, когда я нашла мѣсто въ этомъ пріютѣ, видѣла, что вотъ эти дѣвочки, которымъ я посвятила всю жизнь, отдала всю душу,—въ концѣ концовъ или должны погибнуть въ нищетѣ, или идти на улицу торговать собой. Трудно было, чтобы дѣвочка понимала то, что понимала я, почти старуха. Этого мало: оно усвоила мои взгляды, она выросла глубоко честнымъ и правдивымъ человѣкомъ, но и отецъ оставилъ ей свое проклятое наслѣдіе — какую-то непреодолимую жажду развернуться, пожить широко, насладиться жизнью. Сонъ свѣтлаго прошлаго вѣчно снился ей, преслѣдовалъ ее, манилъ туда, гдѣ люди не чахнутъ отъ непосильнаго труда, не гибнутъ отъ голода... Я никогда не забуду, какое выраженіе восторга и счастія отражалось на ея лицѣ, когда она впервые вернулась домой изъ одного богатаго дома, куда ее пригласили вечеромъ сыграть нѣсколько пьесъ,—она вѣдь у меня музыкантша, крупный талантъ. Она говорила мнѣ съ восторгомъ о блестящемъ собраніи гостей, о нарядахъ, объ обстановкѣ, объ ужинѣ. Я проплакала тогда всю ночь, чувствуя, что моя дѣвочка потеряна для меня...

Варвара Павловна замолчала, подавленная горемъ. Серпухова тихо спросила ее:

— Потомъ она ушла?

— Да, черезъ годъ. Кроль, извѣстный богачъ, влюбился въ нее. Онъ не молодъ, но я знаю, что и она любитъ его. Она не продалась, не въ сдѣлку пошла, но честно полюбила его. Да дѣло не въ томъ. Онъ вѣдь женатъ, у него дѣти. Онъ долженъ былъ уѣхать съ Маріанной за границу,

Digitized by Google

и теперь они живутъ то въ Дрезденѣ, то въ Парижѣ, то въ Ниццѣ. Онъ хлопочетъ о разводѣ, но его жена и слышать не хочетъ объ этомъ. А у нихъ уже двое дѣтей, незаконныхъ, безъ имени. Про Маріанну говорятъ въ свѣтѣ, какъ про кокотку, обольстившую старика. Это неправда, это клевета, это ложь. Моя дѣвочка честна и правдива, я-то это знаю. Другіе знаютъ только то, что она отняла мужа и отца у жены и дѣтей, что она живетъ въ незаконной связи съ немолодымъ человѣкомъ, что она бѣдна, а онъ богатъ. Какъ же не бросать въ нее грязью?

Серпухова невольно воскликнула:

— Но она бросила васъ одну!

Романова взволновалась еще болѣе.

— Не обвиняй, не обвиняй ее! Я сама не поѣхала съ ними. Она на колѣняхъ просила. Я не могла. Это я виновата. Я бы должна была ѣхать, чтобы ей было легче. Но силъ не хватило принести эту жертву... Ты этого не поймешь. И многія женщины не поймутъ этого. Это можетъ понять только женщина, пережившая роль обманутой жены. Я ни въ чемъ не виню Маріанну, но видѣть ея украденное счастье, радоваться, что она живетъ мирно съ чужимъ мужемъ, съ отнятымъ у другихъ дѣтей отцомъ, это свыше моихъ силъ. Вѣдь я же сама играла ту же роль, которую играетъ теперь жена Кроля. У меня тоже украли любовь мужа. Вотъ почему я не поѣхала за дочерью, хотя должна была ѣхать за нею... Нѣтъ, нѣтъ, она тутъ не виновата, что я здѣсь одна. Ты бы поняла, какъ она меня любитъ, если бы прочла ея письма...

— А сегодня вы получили отъ нея письмо?—сорвалось съ языка Марьи Львовны.

Она сама въ ту же минуту раскаялась за этотъ вопросъ. На минуту онъ точно пришибъ Варвару Павловну. Она растерялась. Потомъ тотчасъ же оправилась, торопливо заговорила:

— Нѣтъ... Но вѣдь трудно разсчитать, когда придетъ письмо... Они все переѣзжаютъ изъ мѣста въ мѣсто... И, можетъ-быть, моя дѣвочка больна...

Несмотря на всю свою твердость и энергію, Романова вдругъ точно осунулась и опустилась. Только теперь, смотря на нее, можно было понять, какъ много страдала эта женщина. Это поняла даже Серпухова. «Но если она такъ страдаетъ, зачѣмъ же она это скрываетъ отъ всѣхъ?»—мелькнуло въ головѣ молодой женщины. Ей вспомнились слова

Digitized by Google

старухи: «что-жъ жаловаться? Этимъ не поможешь. Мы сами по большей части во всемъ виноваты». Ей стало жутко: сами виноваты, жалобами не поможешь, такъ чѣмъ же помочь? Завалить себя работой, чтобы не имѣть времени думать о своемъ несчастіи, играть съ собой въ прятки? Развѣ это значитъ быть счастливой? Нѣтъ, нѣтъ, это не счастіе! Да она, Марья Львовна, и не найдетъ такой работы, чтобы забыть свой семейный разладъ. Она опять думала только о себѣ, а тетка, между тѣмъ, не прерывала молчанія, подавленная своимъ горемъ. Съ самаго утра ее терзала мысль именно о томъ, что ея дочь не прислала ей письма. Въ головѣ бродили мрачныя мысли, вспоминались предыдущія письма, казалось, что въ нихъ было что-то недоговоренное или какая-то холодность. Не скрываетъ ли дочь какого-нибудь новаго горя? Не произошло ли охлажденіе между нею и Кролемъ? Не сѣтуетъ ли она на мать за то, что та оставляетъ ее одну, не ѣдетъ къ ней? Эту пытку мать выносила каждыя двѣ недѣли, поджидая письма отъ дочери. Теперь эта пытка была еще сильнѣе, такъ какъ дочь вовсе не прислала письма въ день рожденія матери.

V.

— Мамаша, мамаша, Анна Ивановна пріѣхали!—звонко крикнула, опрометью вбѣгая въ комнату Романовой, одна изъ воспитанницъ.

Старуха вздрогнула отъ неожиданности, разомъ очнулась отъ тяжелыхъ думъ и, быстро принявъ свой обычный сдержанный видъ, проговорила:

— Хорошо! Чего вы волнуетесь всегда? Вбѣжала, какъ сумасшедшая...

Она встала и неторопливо замѣтила Серпуховой:

— Ты посиди здѣсь, я должна идти туда. Анна Ивановна любитъ осмотрѣть всѣ мелочи... Передѣлки тутъ предполагаются на весну, надо поговорить.

Она подошла къ письменному столу и съ озабоченнымъ выраженіемъ стала просматривать замѣтки въ записной книжкѣ, чтобы ничего не забыть, чтобы ничего не упустить изъ виду, что было нужно сказать попечительницѣ пріюта. Серпухова слѣдила за ней удивленными глазами: это была опять дѣловитая женщина, серьезная, спокойная; на ея лицѣ не было и слѣдовъ пришибленности, подавленности...

Она владѣла собой, какъ умѣютъ владѣть собою только немолодые люди, много пережившіе въ жизни самостоятельно,

Digitized by Google

безъ чужой помощи, самолюбивые и скрытные по натурѣ. Марья Львовна менѣе всего была способна понимать подобные характеры; она не понимала даже того, что любимый ею отецъ былъ изъ этой же породы людей, и, не слыша отъ него ни ропота, ни жалобъ, даже не подозрѣвала, сколько горечи было въ его душѣ...

Прежде чѣмъ Романова успѣла выйти изъ комнаты, на порогѣ появилась женщина лѣтъ сорока: крайне дородная, дебелая, румяная, она напоминала здоровую русскую деревенскую бабу; угловатыя и быстрыя движенія, походка съ развальцемъ, скорый говоръ съ легкимъ акцентомъ на о дополняли это сходство. Но она была одѣта по послѣдней модѣ, вся въ шелку, въ кружевахъ, съ крупными брильянтами въ ушахъ, съ такою же брошкой на груди. Все это, вѣроятно, было выписано изъ Парижа отъ лучшихъ мастеровъ и стоило баснословно дорого. Должно-быть, по привычкѣ, она шла, захвативъ и приподнявъ спереди рукою платье, точно боясь запачкать его или оступиться о слишкомъ длинную юбку.

Это была главная содержательница и попечительница пріюта. Въ городѣ про нее говорили, что лѣтъ двадцать съ небольшимъ тому назадъ она пѣшкомъ пришла въ Петербургъ изъ деревни и попала на Никольскій рынокъ, ища мѣста. Ее взяли на мѣсто; но роль кухарки и няньки, судомойки и прачки въ бѣдной чиновничьей семьѣ пришлась ей не по нутру. Она была не изъ тѣхъ натуръ, которыми другіе помыкаютъ всю жизнь, думая о нихъ меньше, чѣмъ думаютъ о комнатной собачонкѣ. Она работала, какъ ломовая лошадь, и злобно проклинала свою работу, какъ послѣдній каторжникъ. Тутъ подвернулась кума или тетка и объяснила ей, что самое разлюбезное дѣло въ Петербургѣ — торговля селедками, земляникой и другими ягодами, яйцами, мелочнымъ товаромъ. Дѣвка соблазнилась и, «поставленная на ноги» этой тетенькой, начала кричать по улицамъ: «земляника лѣсная, смородина садовая, селедки голландскія». Здоровая, краснощекая, бѣлозубая, она соблазнила какого-то женолюбиваго приказчика на дровяномъ дворѣ, не пропускавшаго безъ щипка ни одной дѣвки, и такъ какъ у нея горло было широкое, а кулаки были здоровые, то любезничать съ нею незаконнымъ образомъ было трудно, а нужно было обвѣнчаться самымъ законнымъ образомъ, если дѣло хотѣлось довести до взаимной любви. Приказчикъ женился на ней. Года черезъ три она попалась на глаза хозяину

Digitized by Google

приказчика, и тотъ, послѣ разныхъ подходцевъ, оставшихся безплодными, попытался купить ее у приказчика. Приказчикъ долго упирался; очень ужъ странно ему казалось предложеніе продать жену—продать точно такъ же, какъ онъ продавалъ лѣсъ. Въ концѣ концовъ, искушеніе оказалось болѣе сильнымъ, чѣмъ любовь къ женѣ, которая кстати ему уже была нѣсколько въ тягость: вслѣдствіе своего властолюбиваго характера и вслѣдствіе его страсти къ перемѣнамъ предметовъ любви. Онъ, труся и передъ хозяиномъ, и передъ женою, какъ-то мимоходомъ замѣтилъ, что дешево онъ ее не отдастъ. И дѣйствительно, онъ оцѣнилъ ее въ большую сумму—хозяинъ не постоялъ за деньгами, и она повѣнчалась съ нимъ опять-таки законнымъ бракомъ. Новый мужъ былъ коммерціи совѣтникъ, милліонеръ, основатель пріютовъ, богадѣленъ и больницъ, и бывшая селедочница сдѣлалась дамой-патронессой. Она довольно быстро вошла въ свою роль и, какъ шустрый и смѣтливый человѣкъ, переняла манеры и привычки богатыхъ барынь, смотря на нихъ даже немного свысока. Бойкая, практичная, дѣятельная, рѣзкая, она была истиннымъ бичомъ для тѣхъ благотворительныхъ заведеній, гдѣ дѣло исполнялось кое-какъ разными бѣлоручками. Зато пріютъ, находившійся подъ вѣдѣніемъ Варвары Павловны, былъ ея гордостью. Варвара Павловна была приглашена сначала къ Аннѣ Ивановнѣ въ качествѣ учительницы, такъ какъ Тарасовой волей-неволей пришлось кое-чему подучиться, сдѣлавшись важной барыней. Анна Ивановна сразу сошлась съ Романовой, увидавъ въ ней умную и дѣятельную женщину. Романова тоже оцѣнила въ ней хорошія качества «дѣловой бабы» и всегда сердилась, когда ей говорили о частной жизни Тарасовой. Всѣ не лучше живутъ!

Встрѣтившись въ дверяхъ, Романова и Тарасова дружески пожали другъ другу руки. Тарасова быстро заговорила:

— Двухъ зайцевъ убиваю. Пріѣхала васъ поздравить и осмотрѣть все. Что новая дѣвочка? Отмыли ее?

— Сегодня повезли ее къ доктору. Сыпь у нея какая-то.

— Еще бы! Опаршивѣешь въ трущобѣ! Ну, да у васъ отмоется и откормится. Не такъ кормимъ, какъ въ Богоявленскомъ пріютѣ. Я тамъ такія воровства накрыла, что страсть... Да, кстати: у насъ гимнастикой дѣвочки почему не занимаются? Тамъ вонъ ввели ее.

— Гимнастикой?—переспросила Варвара Павловна.—Зачѣмъ же?

Digitized by Google

— Да говорятъ, что это нужно...

— У насъ дѣвочки стираютъ бѣлье, посуду чистятъ, полы моютъ, такъ и безъ гимнастики движенія много. Это имъ въ жизни пригодится, а кухаркамъ, швеямъ, да горничнымъ по трапеціи лазить не придется. Тоже придумаютъ глупости...

— Да? Ну, какъ знаете, такъ и дѣлайте! Это я только такъ сказала, что наши барыни толкуютъ.

— Перестройки намъ прежде всего нужно сдѣлать, вотъ что главное,—сказала Романова.—Низки и душны наши спальни.

— А съ кѣмъ-нибудь изъ архитекторовъ говорили?

— Говорила. Есть уже и смѣты, и планы...

— Ну, давайте планты-то!

Обѣ женщины быстро подошли къ письменному столу. Тарасова присѣла. Романова встала около нея и стала показывать наброски плановъ.

— Вотъ такой бы пріютъ выстроить,—замѣтила она, показывая одинъ набросокъ.—Лишнихъ украшеній нѣтъ, но просторно, воздуху много, практично, всѣ новѣйшія приспособленія есть...

— Да вы меня въ разоръ разорить хотите!—воскликнула Анна Ивановна, хлопнувъ рукой по плану.—Шутка ли, что встанетъ!

— Ну, полноте! Хватитъ денегъ!—усмѣхнулась Романова.

— А вы думаете, у меня ихъ прорва? Вы посчитайте, что у меня выходитъ...

— Ну да, позволяйте воровать больше, такъ еще больше будетъ выходить!

Тарасова даже повернулась на стулѣ лицомъ къ Варварѣ Павловнѣ, задѣтая за живое напоминаніемъ о воровствѣ.

— Ахъ, не говорите вы мнѣ о воровствѣ. Лѣнивый только не ворустъ! Объ домѣ, о приказчикахъ, о подрядчикахъ я ужъ и не говорю. Нѣтъ, а въ богоугодныхъ-то заведеніяхъ нашихъ что дѣлается! Ума помраченіе. Въ Воскресенской богадѣльнѣ вмѣсто лѣкарствъ воду давали больнымъ. Ей-Богу! А я почему знаю—вода это или лѣкарства? Пробовать я, что ли, стану. Фельдшеръ ужъ, спасибо ему и за это, по злобѣ на доктора донесъ, тогда только и узнали. Да толку-то что? Одного подлеца смѣнишь, другого наживешь. Анаѳемы! Точно карты перетасовываешь, а все то же на то же выходитъ. И хуже всего эта де-зин-фе-кція.

— Дезинфекція?—съ удивленіемъ спросила Варвара Павловна.

Digitized by Google

— Ну да! Некуда показать расходовъ—сейчасъ на де-зин-фе-кцію. Денегъ недостало въ кассѣ—на де-зин-фе-кцію истрачены. Бѣлье не все на лицо—ради де-зин-фе-кціи истребили. А прахъ ее побери! Я ужъ сказала, чтобъ ея не было и въ поминѣ...

Она опять обратилась къ плану новаго зданія пріюта.

— А плантъ-то хорошъ!—сказала она, положивъ на него крупную бѣлую руку.—Только дорого, дорого, а у меня расходы.

— Зато хорошо будетъ,—лучшій пріютъ въ Петербургѣ будетъ.

— Запѣла соловьемъ!—подмигивая Варварѣ Павловнѣ, протянула она.

— Право же такъ,—подтвердила Романова.

— Да у насъ и теперь, почитай, что лучшій. Я такъ всѣмъ и говорю: заѣзжайте ко мнѣ въ пріютъ да и поучитесь, какъ надо содержать пріюты, гроша даромъ не брошено... Да это еще что! А то важно, что они тамъ воруютъ, да и дѣла не дѣлаютъ. Право! Нѣтъ, вы подумайте, въ Богоявленскомъ пріютѣ я сама столы мыла.

— Ну?—недовѣрчиво начала Романова.

— Ей-Богу! Пришла въ кухню — столы хуже грязнаго пола у мастеровыхъ. «Это, говорю, что?» Не отмывается, говорятъ. — «Какъ, говорю,—не отмывается; я вамъ покажу, какъ отмывать нужно». Приказала подать песку, бересты и мыла, да и показала имъ, какъ мыть столы нужно.

Она засмѣялась, показавъ два ряда бѣлыхъ здоровыхъ зубовъ.

— Ужъ на этомъ-то меня не проведешь, это не де-зин-фе-кція!

Ей, какъ ребенку, повидимому, очень нравилось это непонятное для нея слово.

— Ну, а нашу-то чистоту пойдете смотрѣть? — спросила шутливо Романова.

— Ну, у васъ-то все чисто!

— А все же пойдемте. Кстати мнѣ нужно еще передать вамъ цѣлый коробъ просьбъ.

Онѣ поднялись съ мѣста и пошли изъ комнаты, обѣ озабоченныя дѣлами, обѣ оживленныя. Марья Львовна глядѣла имъ вслѣдъ съ полу-презрительною усмѣшкою. Какъ женщина, она не безъ зависти сразу оцѣнила нарядъ Тарасовой и тутъ же подумала: «селедочница!» Можетъ-быть, именно ради этого наряда она припомнила всѣ завистливые и

Digitized by Google

ехидные толки, ходившіе въ городѣ о будто бы довольно разгульной и легкомысленной частной жизни Тарасовой. «Развратница, а туда же играетъ роль защитницы сиротъ и вдовъ», мелькнуло въ головѣ Серпуховой. И ей стало досадно, что Тарасова даже не кивнула ей головой, что Варвара Павловна не представила ихъ другъ другу. «Впрочемъ, что же ей представлять меня, она, я думаю, и о моемъ существованіи забыла среди своихъ великихъ хлопотъ,—опять пронеслась злая мысль въ головѣ Серпуховой.—И для чего я хожу сюда, чего жду отъ этой сухой и черствой эгоистки?» снова спросила она себя. Она начала вспоминать разные факты, мелочи, пустяки. Копошиться въ грязи этихъ будничныхъ мелочей было ея любимымъ дѣломъ. Эти мелочи болѣе всего раздражали ее противъ окружающихъ. Ей вспоминалось теперь, какъ когда-то Варвара Павловна сказала ей обидное слово, какъ въ другой разъ она замѣтила, что у нея дѣла много, и прервала на полусловѣ жалобу Марьи Львовны, какъ въ третій разъ она прямо замѣтила, что «все это пустяки». Черствая женщина, не знающая истиннаго горя!—Вотъ она, Варвара Павловна, разсказывала о своихъ душевныхъ страданіяхъ. Все это фразы. Если бы страдала, не сумѣла бы такъ скрывать все, что на душѣ. Маскироваться нельзя, когда горе переполняетъ душу. Да вотъ и теперь, только-что разсказывала о своемъ великомъ горѣ, а пришла Тарасова—и все какъ рукой сняло, засуетилась, заговорила о дѣлахъ. И зачѣмъ она лебезитъ передъ этой ничтожной женщиной? передъ этой проданной съ аукціона женой? Старуха, а лебезитъ передъ нею... Никогда она, Марья Львовна, не воображала, что Романова такой человѣкъ. Вотъ ужъ правду говорятъ, что только въ горѣ узнаешь людей. Всегда считала она Варвару Павловну доброй женщиной, а теперь ни сочувствія, ни участія, ни ласки. Только обвинять умѣетъ, да еще рисуется тѣмъ, что она сама къ себѣ относится, какъ строгій судья. Что же, она-то и точно виновата: вышла замужъ не ребенкомъ, знала на что идетъ; потомъ ушла отъ мужа, потому что тотъ любовницъ заводилъ... Да она, Марья Львовна, должна бы сотни разъ бросить Юрія Дмитріевича, амурничающаго въ пьяномъ видѣ даже съ горничными; а далѣе-то—не пошла за Маріанной, потому что тяжело видѣть краденное счастье дочери;—вотъ тутъ и толкуй о ея любви къ дочери. Ахъ, да что говорить, черствая эгоистка она—и только! Нѣтъ, нечего, нечего ей, Серпуховой, искать здѣсь! Уйти нужно отсюда и никогда не возвращаться

Digitized by Google

въ этотъ домъ, но гдѣ же искать утѣшенія? Одна она, совсѣмъ одна! И за что ей выпала такая доля? За что она наказана? Никому она не сдѣлала зла! Гдѣ же правда, гдѣ же справедливость? Что-то давило ей грудь; она чувствовала, что ее начинаютъ душить слезы.

Откуда-то, изъ спальни дѣвочекъ, донесся громкій голосъ Варвары Павловны, говорившей:

— Пройди, голубчикъ, ко мнѣ. Тамъ Маня. Я сама приду сейчасъ. Подожди.

Серпухову точно что-то подняло съ мѣста. Съ кѣмъ это говоритъ тетка? Неужели это... Ея мысль оборвалась на полусловѣ: дверь отворилась, на порогѣ показался Евгеній Александровичъ. Марья Львовна вскрикнула и бросилась къ нему.

— Женя, Женя, вернулся!

Она обняла его, глотая слезы, задыхаясь отъ нихъ.

— Родная, что съ тобой? Маня, милая, полно!—уговаривалъ онъ, по-братски цѣлуя ее.

— О, Господи, Господи! Какъ я мучилась безъ тебя все это время! Одна я, одна совсѣмъ! Кромѣ тебя никого у меня нѣтъ!

Она порывисто начала говорить. Дома адъ. Мужъ, дѣти—всѣ чужды. Близкаго никого. Варвара Павловна... Чужое горе, если это не голодъ, не холодъ, кажется ей пустяками. Очерствѣла она. А такъ жить безъ близкой живой души нельзя, силъ нѣтъ. Лучше ужъ руки на себя наложить.

— Тебя я ждала каждый день, каждую минуту. Ты одинъ еще понимаешь меня, любишь меня попрежнему. Да, вѣдь?

Онъ, мягкій и привѣтливый, усадилъ ее рядомъ съ собою, взялъ ея маленькую руку, положилъ ее къ себѣ на колѣни и, гладя ее, сталъ неторопливо говорить успокоительныя фразы—тѣ пустыя фразы нѣжности и доброты, словеснаго участія и утѣшенія, которыя были такъ нужны ей. Только ихъ она и жаждала. Ему было пріятно сознавать, что онъ можетъ утѣшить ее, что онъ добръ и ласковъ. Это чувство походило на ощущеніе вполнѣ здороваго человѣка, чувствующаго, что у него ничего не болитъ, когда другіе жалуются на ноющіе зубы, на желудочный катаръ, на разстроенную печень. Расположеніе духа дѣлается отличнымъ, въ душѣ проявляется бодрость, все существо проникается благодушіемъ, хочется утѣшать, ублажать, успокаивать ближнихъ: «зубная боль—о, это скоро проходитъ; потерпите, вотъ-вотъ сейчасъ вамъ станетъ легче. дайте я потру вашу

Digitized by Google

щеку»—и мягкая рука нѣжно гладитъ больное мѣсто, и больному кажется, что ему, дѣйствительно, какъ будто легче...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Въ окружномъ судѣ разбиралось уголовное дѣло. Дѣло было въ сущности ничтожное и пустое. Девятнадцатилѣтній мальчишка въ пьяномъ видѣ ранилъ изъ ревности другого такого же мальчишку, обнявшаго, тоже въ пьяномъ видѣ, его пьяную любовницу. Обо всемъ этомъ былъ составленъ протоколъ; при протоколѣ были вещественныя доказательства—большой перочинный ножъ, прорѣзанная имъ и окровавленная дырявая сорочка и т. п. На слѣдствіи было вполнѣ выяснено, что всѣ были пьяны, что рана нанесена дѣйствительно Петру Иваномъ, а не Ивану Петромъ, что орудіемъ преступленія былъ не топоръ, не кинжалъ, а именно перочинный ножъ. Возникъ только глубокомысленный вопросъ, почему явился у преступника этотъ ножъ, и съ какой цѣлью, и когда онъ былъ купленъ, но и этотъ вопросъ рѣшился очень просто словами преступника: «какъ же безъ перочиннаго ножа? У каждаго человѣка безпремѣнно есть перочинный ножъ!» Противъ этого возражать было трудно, и было рѣшено, что перочинный ножъ у преступника былъ потому, что у каждаго человѣка можетъ быть перочинный ножъ... Такія дѣла не возбуждаютъ ничьего вниманія, о нихъ не печатаютъ отчетовъ даже въ малой прессѣ въ самое трудное для розничной газетной продажи время. Тѣмъ не менѣе, на это дѣло устремилось множество дамъ, такъ какъ защитникомъ подсудимаго долженъ былъ явиться Евгеній Александровичъ Шаховъ. Какъ и гдѣ узнали онѣ объ этомъ обстоятельствѣ—это ихъ дѣло, но фактъ тотъ, что онѣ узнали объ этомъ. Дамы знали, что Шаховъ красивѣе самаго красиваго изъ итальянскихъ тенеровъ и что его голосъ мелодичнѣе самаго мелодичнаго голоса любого изъ французскихъ актеровъ. Однѣ говорили, что, вѣроятно, онъ защищаетъ подсудимаго по назначенію; другія предполагали, что онъ взялся за это дѣло для того, чтобы коснуться жгучихъ вопросовъ о паденіи нравственности въ низшихъ классахъ столичнаго общества. Объ этомъ спорили вкривь и вкось въ залѣ засѣданія, въ мѣстахъ, отведен-

Digitized by Google

ныхъ для публики. Эти споры и толки объ Евгеніи Александровичѣ вызывали яркій румянецъ на щекахъ одной изъ зрительницъ. Вся въ черномъ, она сидѣла на первой скамьѣ и съ лихорадочнымъ волненіемъ ловила каждое слово, касавшееся Шахова. Она одна въ залѣ суда знала настоящую причину, заставившую Шахова взяться за это дѣло. Онъ взялся защищать преступника ради нея, онъ будетъ говорить для нея...

Это была Марья Львовна Серпухова...

Послѣ встрѣчи съ Евгеніемъ Александровичемъ у тетки, она какъ бы ожила. Шаховъ сдѣлался для нея тѣмъ же, чѣмъ былъ для нея отецъ, то-есть заботливой нянькой. Онъ почти ежедневно посѣщалъ семью Серпуховыхъ, иногда бралъ ложу въ театрѣ для Марьи Львовны и ея дѣтей, иногда устраивалъ катанья за городъ. Эти развлеченія и еще болѣе сказанныя украдкой слова утѣшенія и ласки или мимолетное дружеское пожатіе руки бодрили Марью Львовну. Мало того, чѣмъ чаще бывалъ у Серпуховыхъ Евгеній Александровичъ, тѣмъ менѣе было у Марьи Львовны причинъ жаловаться на дѣтей. Онъ умѣлъ говорить и занимать общество, онъ доставлялъ много удовольствій Сенѣ и Олѣ, онъ своею мягкостью сглаживалъ ихъ рѣзкія выходки, умѣя остановить ихъ такъ, что они даже не замѣчали того, что ихъ останавливаютъ. Братъ и сестра были очарованы Шаховымъ не меньше самой Марьи Львовны. Сеня говорилъ своимъ разсудительнымъ тономъ сдержаннаго взрослаго человѣка:

— Вотъ такъ жить, какъ живетъ Евгеній Александровичъ, это я понимаю. Ни пошлыхъ кутежей, ни пьянства, а между тѣмъ жизнь идетъ весело и разнообразно.

— Я болѣе всего цѣню въ немъ его тактъ. Онъ умѣетъ быть снисходительнымъ даже съ мамой Маней, хотя ужъ, конечно, между ней и имъ нѣтъ ничего общаго.

Братъ свысока подшучивалъ надъ нею:

— Ну, да; вѣдь онъ для тебя только и бываетъ у насъ!

Сестра дѣлала гримаску.

— Я этого не говорю. Но, разумѣется, ты еще мальчикъ передъ нимъ, папа вовсе не подходитъ къ нему по складу своего характера, а мама Маня... Ахъ, я думаю, ему иногда очень скучно слушать ея наивное щебетанье...

Сеня, задѣтый за живое напоминаніемъ, что онъ еще мальчикъ, дразнилъ ее уже не безъ злости:

— Ты еще не объяснилась ему въ любви?

Digitized by Google

Она пренебрежительно пожимала узенькими плечиками:

— Ты напрасно стараешься дразнить меня этимъ, мой милый. Я вовсе не намѣрена сердиться на тебя. Я очень хорошо знаю, почему и для чего ѣздитъ къ намъ такъ часто Евгеній Александровичъ.

Говоря такъ о Шаховѣ между собою, братъ и сестра, сами того не замѣчая, сильно заискивали въ немъ. Они чувствовали, что подъ его вліяніемъ, въ какой-нибудь мѣсяцъ или два, они зажили новою жизнью—именно такою жизнью, о какой они часто мечтали: полною разнообразія и веселья.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ самымъ счастливымъ чувствовалъ себя самъ Шаховъ. Никогда до этой поры не ощущалъ онъ такъ ясно, какъ теперь, что онъ и его доброта въ такой степени нужны кому-нибудь. Онъ чувствовалъ, что онъ сталъ нужнѣе воздуха для Марьи Львовны, что Оля вся вспыхиваетъ отъ удовольствія, когда онъ привозитъ билетъ въ театръ или везетъ ее на прогулку, что Сеня теряется, краснѣетъ и смѣшно расшаркивается передъ нимъ, когда онъ говоритъ ему: «тебѣ, братъ, не нужно ли презрѣннаго металла? Я вѣдь знаю, что въ твои годы неловко спрашивать денегъ на иныя вещи у отца и матери? Мы не чужіе, и ты со мной не церемонься». Сознавать себя добрымъ и видѣть, что другіе чувствуютъ его доброту, это было болѣе всего пріятно Евгенію Александровичу. Онъ не гордился, не рисовался, а наслаждался этимъ. Когда онъ думалъ о томъ, какъ онъ добръ, его прекрасное лицо озарялось свѣтлой улыбкой, онъ ощущалъ какое-то упоеніе, нѣчто въ родѣ ощущенія, испытываемаго красавицей, стоящей передъ зеркаломъ и не находящей въ себѣ ни одной заслуживающей упрека черты. Вотъ онъ поѣдетъ къ Серпуховымъ—и всѣ они точно оживутъ при его появленіи; онъ, какъ солнце, однимъ своимъ появленіемъ разсѣиваетъ всѣ ихъ заботы. Когда его нѣтъ, они только о томъ и думаютъ: скоро ли придетъ Евгеній Александровичъ? Чѣмъ больше онъ для нихъ дѣлалъ, тѣмъ болѣе онъ привязывался къ нимъ, тѣмъ болѣе хорошаго находилъ онъ въ нихъ. Въ сущности, они очень хорошіе и добрые люди; ихъ мелкіе недостатки развились вслѣдствіе нелѣпо устроенной самимъ Серпуховымъ жизни. Евгеній Александровичъ не питалъ вражды ни къ кому и потому не питалъ ея и къ Серпухову. Напротивъ того, онъ отъ души жалѣлъ его, жалѣлъ болѣе даже, чѣмъ остальныхъ членовъ семьи, говоря,

Digitized by Google

что этотъ человѣкъ былъ созданъ для жизни богемы, для жизни холостяка-забулдыги, для жизни добраго-малаго, кутилы, а судьба толкнула его играть роль отца семейства. Что-жъ мудренаго, что онъ плохо справляется съ этой ролью? Онъ сдѣлалъ несчастными жену и дѣтей и еще болѣе несчастнымъ себя. Но кто же застрахованъ отъ подобныхъ ошибокъ въ молодости? Самъ Серпуховъ нерѣдко интимничалъ съ нимъ и говорилъ въ этомъ духѣ: «Плохой я, братъ, мужъ, плохой отецъ, да что подѣлаешь, если талантовъ на это не дано». Это говорилось, конечно, подъ пьяную руку и чаще всего тогда, когда нужно было перехватить деньжонокъ у «Женьки», какъ въ этихъ случаяхъ звалъ Серпуховъ Шахова. Деньжонки же перехватывались потому, что у «Сеньки вонъ свѣжихъ перчатокъ нѣтъ, ну, онъ и фыркаетъ», или «у Олюшки шляпка изъ моды вышла, ну, она и хохлится». И къ этому онъ шутливо прибавлялъ, что «бѣда, когда провинишься передъ господами-дѣтьми». Иногда же, занимая деньжонки, онъ просто сознавался: «прокутился вчера, а у Манюши брать изъ хозяйственныхъ суммъ неловко; тоже сейчасъ слезы начнутся».

Шаховъ сознавалъ, что его собственная жизнь—праздная жизнь имѣющаго собственныя средства присяжнаго повѣреннаго—стала полнѣе и содержательнѣе съ той поры, какъ онъ сошелся ближе съ Серпуховыми. Онъ любилъ и прежде эстетическія наслажденія, писалъ даже рефераты объ искусствѣ вообще и о драматическомъ искусствѣ и Шекспирѣ въ особенности. Но посѣщать одиноко театръ, эрмитажъ и выставки художественныхъ произведеній далеко не такъ пріятно, какъ въ обществѣ близкихъ людей. Тутъ чувствуется всегда потребность подѣлиться впечатлѣніями. Даже самая обстановка его квартиры стала ему какъ будто милѣе и дороже съ той поры, когда Сеня съ горящими глазами и раскрытымъ ртомъ остановился надъ дорогой копіей Амура и Психеи Кановы, а Оля не могла оторвать глазъ отъ филиграновыхъ серебряныхъ вещей, вывезенныхъ Шаховымъ изъ Венеціи. Прежде все это разставилось на своихъ мѣстахъ и забылось имъ, приглядѣвшись ему; теперь онъ все это могъ показывать своимъ близкимъ людямъ и объяснять достоинство всѣхъ этихъ вещей, не боясь прослыть хвастуномъ и вызывая неподдѣльный восторгъ своихъ друзей. Артисты и эстетики не обладаютъ, по большей части, качествами скряги: скряга прячетъ отъ другихъ свои сокровища и тѣмъ болѣе наслаждается ими, чѣмъ непроницаемѣе они

Digitized by Google

скрыты; артистъ и эстетикъ нуждается въ одобреніи его сокровищъ со стороны другихъ, и чѣмъ сильнѣе восторгъ этихъ другихъ передъ его сокровищемъ, тѣмъ дороже ему эти сокровища. Такимъ человѣкомъ былъ и Шаховъ. Природа его самого создала какъ бы для выставки. Въ годы его дѣтства никто не проходилъ мимо его, не сказавъ: «какой прелестный ребенокъ». Онъ мало-по-малу привыкъ цѣнить красоту въ самомъ себѣ и во всемъ окружавшемъ его, сталъ заботиться о своихъ нарядахъ, о своей обстановкѣ. Избранная имъ карьера дѣлала его еще болѣе человѣкомъ выставки: успѣхъ защиты всегда зависитъ отъ производимаго защитникомъ впечатлѣнія. Выставка же имѣетъ смыслъ, когда есть зрители, и Шаховъ былъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ восторженнѣе были эти зрители. Серпуховы были именно такими зрителями, и онъ чувствовалъ себя счастливымъ среди нихъ. Даже въ театрѣ,—въ русской оперѣ,—онъ какъ будто впервые понялъ вполнѣ всю прелесть нѣкоторыхъ оперъ, разъясняя нѣкоторыя мѣста музыкальныхъ красотъ Серпуховымъ...

Именно въ это время произошелъ памятный для Марьи Львовны случай.

Какъ-то разъ въ кухнѣ Серпуховыхъ послышался плачъ, и начались причитанія кухарки Авдотьи: «Разбойникъ! Душегубецъ! На что я тебя на свѣтъ породила! Пропала моя бѣдная головушка!» Серпухова вышла въ кухню. Никакого душегубца и разбойника въ кухнѣ не было. Была тамъ только кума Авдотьи и что-то, горячо и сильно жестикулируя, разсказывала. Авдотья мотала головой и вопила. Глаша стояла тутъ же съ вытаращенными отъ удивленія глазами и только всплескивала руками, повторяя: «ахъ-ты, батюшки-свѣты!» Оказалось, что сынъ Авдотьи и былъ именно тотъ злосчастный юноша, котораго ревность, а, можетъ-быть, и не ревность, а просто сивуха заставила взяться за ножъ. Въ разсказѣ кумы, какъ и слѣдовало ожидать, перочинный ножъ превратился въ «ножище», и преступникъ не просто ткнулъ имъ противника, а «располосовалъ» послѣднему бокъ. Марья Львовна сейчасъ же успокоила кухарку, сказавъ, что она попроситъ взяться за дѣло Евгенія Александровича. Кухарка повалилась ей въ ноги, прося ее быть «родной матерью» и заступиться за «безталаннаго». Серпухова расчувствовалась, подняла ее и даже рѣшительно объявила ей, что ея сыну ровно ничего не будетъ, если Евгеній Александровичъ похлопочетъ за него. Евгеній Александровичъ свой человѣкъ

Digitized by Google

у нихъ и ни въ чемъ имъ не откажетъ. Она вернулась въ гостиную въ сильномъ волненіи и тутъ же разсказала о случившемся и о своемъ намѣреніи просить защиты Шахова.

— Мама, что тебѣ пришло въ голову!—воскликнула Оля.—Станетъ Евгеній Александровичъ защищать какого-то пьяного мальчишку!

— Ты бы еще захотѣла, чтобы онъ распинался за какого-нибудь мелкаго воришку,—замѣтилъ пренебрежительно Сеня.—Это было бы еще лучше!

Серпуховъ-отецъ засмѣялся:

— Ай, ай, Манюша, какъ ты опрометчива! Господа адвокаты съ именемъ могутъ распинаться только за крупныхъ мошенниковъ, не компрометируя себя. А ты вздумала просить Евгенія Александровича защищать какого-то пьянюшку-мальчугана? Развѣ это возможно!

Марья Львовна растерялась, не сообразивъ сразу, кто изъ нихъ говоритъ серьезно и кто шутитъ, и понимая только одно, что просить у Шахова этой защиты значитъ—просить принести жертву.

— Но, можетъ-быть, для меня...—сконфуженно начала она.

— Для тебя!—воскликнула Оля.—Ну, нѣтъ! Ни для кого онъ не пойдетъ тратить свое краснорѣчіе на защиту этой мелкой дряни. Я даже не рѣшилась бы попросить его объ этомъ.

Марья Львовна вспыхнула, услышавъ особое удареніе, сдѣланное дочерью на словѣ «я».

— Ты не рѣшилась бы, а я попрошу и увѣрена, что для меня онъ это сдѣлаетъ,—рѣзко сказала она и тоже подчеркнула слово «для меня».

— Ну, ужъ и не разсчитывай!—запальчиво возразила дочь.

— А вотъ увидимъ!—горячилась мать.

Онѣ всегда спорили въ этомъ родѣ.

Въ душѣ Марьи Львовны поднялась цѣлая буря. Ее уже заботила не кухарка со своимъ сыномъ. Ей хотѣлось доказать дочери, что для нея, для Марьи Львовны, Шаховъ сдѣлаетъ все, все... Она попроситъ его, и онъ возьмется за защиту. Да, для нея онъ принесетъ и эту жертву. Она такъ и говорила мысленно: «жертву». Теперь ей даже казалось, что это очень крупная жертва. По крайней мѣрѣ ей хотѣлось этому вѣрить.

Вечеромъ явился Евгеній Александровичъ. Она въ волненіи начала разсказывать ему исторію сына кухарки и закончила произнесенной не безъ мольбы и пафоса просьбой:

Digitized by Google

— Спаси его, Женя!

Онъ засмѣялся добрымъ, веселымъ смѣхомъ.

— Маня, да его можетъ спасти любой помощникъ присяжнаго повѣреннаго изъ начинающихъ.

— Значитъ, ты не хочешь?—печально начала Марья Львовна.

— Вовсе нѣтъ,—перебилъ онъ ее, тронутый ея печалью.—Кого хочешь буду защищать, но зато накажу и тебя. Поѣзжай слушать меня. Я буду говорить для тебя.

У нея щеки покрылись румянцемъ. Оля сдѣлала гримасу.

— Ахъ, я и не знала, что вы такой непозволительный баловникъ!—воскликнула она.—Вѣдь это дѣло недостойно вашего таланта.

Онъ мягко улыбнулся.

— Я постараюсь раздуть его, Ольга Юрьевна, въ крупный общественный вопросъ,—сказалъ онъ шутливо:—и главнымъ образомъ для того, чтобы подольше промучить маму Маню. Проговорю цѣлый день безъ передышки...

— Да, да, это ей по-дѣломъ! Пусть проголодается,—со смѣхомъ сказала Оля.

Марья Львовна даже не разсердилась на дочь, такъ она была счастлива. Она даже снисходительно предложила дочери, не хочетъ ли и та ѣхать слушать Евгенія Александровича. Дочь отказалась. Она вовсе не намѣрена голодать въ судѣ. Она только попросила Шахова говорить какъ можно скучнѣе, чтобы мамѣ Манѣ спать захотѣлось. Это будетъ урокъ мамѣ Манѣ. Евгеній Александровичъ шутливо обѣщалъ говорить такъ скучно, что самъ предсѣдатель заснетъ. И Шаховъ не безъ юмора началъ проектировать длинную, убійственно скучную рѣчь. Въ столовой Серпуховыхъ раздавался всеобщій смѣхъ...

Несмотря на всѣ шутки, Серпухова чувствовала, что побѣда на ея сторонѣ, что жертва приносится ей.

Это сознаніе утвердилось въ ней еще сильнѣе теперь, когда она услышала въ залѣ суда, какъ популяренъ Шаховъ, какъ цѣнятъ его, какъ бѣгутъ посмотрѣть на него. Ловя отрывочныя фразы этихъ дамъ, бѣгающихъ въ судъ посмотрѣть на того или другого адвоката, какъ онѣ бѣгаютъ въ театръ для тѣхъ или другихъ актеровъ, тоскаясь по грязи около ихъ каретъ, она гордилась тѣмъ, что Евгеній Александровичъ ея родственникъ, ея другъ. Никогда она не воображала, что онъ такая знаменитость. Когда онъ вошелъ въ залу и, окинувъ всѣхъ присутствующихъ глазами, кивнулъ

Digitized by Google

ей чуть замѣтно головой, Серпухова вся вспыхнула. На нее покосились сосѣдки. Кто-то замѣтилъ, что Шаховъ сталъ еще красивѣе. Гдѣ-то слышался шопотъ о его бархатныхъ глазахъ. Марья Львовна невольно взглянула на него, точно до этой минуты она никогда не видала его. Дѣйствительно, онъ былъ очень хорошъ собою. Изъ-подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ смотрѣли мягкіе и ласковые сѣрые глаза, слегка окруженные тѣнью. Матовая, какъ бы прозрачная, блѣдность кожи, бросавшаяся въ глаза еще сильнѣе при густыхъ черныхъ волосахъ, придавала его тонкому лицу то особенное выраженіе, какимъ любятъ надѣлять художники на картинахъ лица юныхъ поэтовъ-мечтателей и молодыхъ монаховъ-аскетовъ. Тутъ было мало мяса, животности, прозаичности, тутъ лежала печать осмысленности, воздержанности, поэтической мечтательности. Когда его тонкіе бѣлые пальцы слегка откинули съ чистаго блѣднаго лба прядь вьющихся черныхъ волосъ, Серпухова, затаивъ дыханіе, облокотилась на барьеръ, подперла лицо руками и какъ бы застыла въ этой позѣ, впившись глазами въ Шахова. Она впервые увидала его играющимъ роль...

II.

Скучный допросъ свидѣтелей былъ коротокъ. Очень ужъ ясны были и безъ того обстоятельства дѣла. Не длинна была и рѣчь прокурора, какъ бы стѣснявшагося метать громы и молніи въ плюгавенькаго мальчишку, заслуживавшаго развѣ только щелчка. Тѣмъ не менѣе, рѣчь защитника съ первыхъ же словъ обѣщала превратиться въ блестящій монологъ... Картину страшной драмы—драму паденія, разврата, животной жизни среди подвальныхъ угловъ, кабачной атмосферы, падшихъ женщинъ—рисовалъ опытный ораторъ. «Оставьте всякую надежду, попавшіе въ этотъ омутъ», слышались его роковыя слова, а въ этотъ омутъ попадаютъ люди съ колыбели, мальчики и дѣвочки, скученные вмѣстѣ, взаимно развращающіе другъ друга, продаваемые взрослыми, прошедшими уже стезю личнаго разврата и развращающими другихъ, чтобы добыть этимъ способомъ деньги на косушку водки, необходимую имъ, чтобы дожить жизнь въ скотски-безсмысленномъ состояніи. Отрезвиться вполнѣ въ этой средѣ значитъ дойти до самоубійства: жить въ ней можно только въ вѣчномъ туманѣ, въ вѣчной безсознательности, въ вѣчномъ бреду. Наши лошади, собаки, кошки, коровы и свиньи живутъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ этотъ людъ, носящій

Digitized by Google

названіе «отребья общества». А между тѣмъ, это наши ближніе, наши сестры и братья!..

Рябенькій, безусый и безбородый, пятнадцатилѣтній на видъ и девятнадцатилѣтній въ дѣйствительности мальчишка, клиентъ Шахова, подпирая языкомъ щеку, усердно и сосредоточенно расковыривалъ въ это время на ней какой-то прыщъ, изрѣдка позѣвывая отъ скуки. На него никто не обращалъ вниманія, хотя у дамъ и были на глазахъ слезы отъ рѣчи защитника. Предсѣдатель сидѣлъ, уставившись глазами въ столъ, съ тоскливымъ видомъ человѣка, рѣшившагося претерпѣть до конца, и только два раза пошепталъ что-то членамъ суда, пожимая плечами и видимо говоря: «и чего онъ распинается за этого подлеца?» Одинъ изъ членовъ тоже пошепталъ ему что-то на ухо, указавъ глазами на мѣста для зрителей, послѣ чего предсѣдатель тоже посмотрѣлъ туда, какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ сидѣла Марья Львовна, и съ усмѣшкою опять пожалъ плечами, какъ бы сказавъ: «развѣ только ради барынь».

Наконецъ, пренія кончились, предсѣдатель обратился къ подсудимому, не имѣетъ ли онъ чего сказать.

— Ничего-съ,—отвѣтилъ вяло и безсвязно подсудимый.— Извѣстно, драка. Не къ своей онъ приставать сталъ. Всѣ выпимши были.

Онъ больше ничего не сказалъ и на слѣдствіи. Да больше было и нечего сказать ему, какъ и всѣмъ остальнымъ участникамъ этого судебнаго разбирательства.

Присяжные ушли совѣщаться, а черезъ десятокъ минутъ былъ вынесенъ оправдательный приговоръ. Гдѣ-то послышались аплодисменты, конечно, не подсудимому, а защитнику. Предсѣдатель позвонилъ, угрожая очистить мѣста для публики. Кухарка Серпуховыхъ уже называла при всѣхъ своего сына и убивцемъ, и кровопивцемъ, и разбойникомъ. Пристава бѣгали, чтобы размять ноги. Шаховъ, отбившись отъ Авдотьи, ловившей его руку для поцѣлуя, пробирался къ Марьѣ Львовнѣ. Она, еще горящая яркимъ румянцемъ, еще со слезинками на глазахъ, сжала крѣпко его руку. Она не могла говорить отъ охватившаго ее волненія. Онъ предложилъ ей руку, и они пошли среди толпы женщинъ и мужчинъ, наполнявшихъ коридоръ, какъ мужъ съ женой, рука объ руку, оба сіяющіе, оба счастливые. Онъ, добродушный и мягкосердый, радовался, какъ всегда, что могъ доставить кому-нибудь удовольствіе. Она сіяла отъ счастія, что идетъ съ нимъ подъ руку среди этихъ людей, только-что восхищавшихся имъ.

Digitized by Google

— Ты къ намъ?—спросила она.

— Нѣтъ. Надо переодѣться и отдохнуть,—отвѣтилъ онъ.—Впрочемъ, я тебя завезу.

— Зачѣмъ же. Я заѣду къ тебѣ на минуту. Можно?

Его поразилъ ея тонъ, смущенный и робкій. Она сама почувствовала, что она страшно робѣетъ, и не знала отчего. Онъ сдѣлался для нея внезапно «чужимъ мужчиной» и притомъ мужчиной-красавцемъ, мужчиной-знаменитостью.

— Отчего же нельзя?—съ улыбкою проговорилъ онъ.

Она, охваченная этою непонятною ей робостью передъ нимъ, только тихонько сжала его руку у локтя, безмолвно благодаря его за позволеніе.

Они спустились съ лѣстницы, надѣли верхнюю одежду, вышли изъ зданія суда. Ихъ охватило мягкимъ и теплымъ апрѣльскимъ воздухомъ. Изъ трубъ бѣжала вода, кое-гдѣ сочились канавки, въ воздухѣ чирикали птицы, все сверкало и блестѣло, озаренное яркими лучами солнца. Шахова ждала лошадь. Онъ сѣлъ съ Марьей Львовной въ щегольскія дрожки, и рысакъ нанимаемаго помѣсячно извозчика понесъ ихъ, выбивая копытами шлепки жидкой грязи.

— Я болѣе всего люблю у насъ въ Петербургѣ апрѣль,—замѣтилъ Евгеній Александровичъ, съ наслажденіемъ дыша полною грудью.—Въ этотъ мѣсяцъ вполнѣ чувствуется весна. «Весна, отворяется первая рама и въ комнату шумъ ворвался,—и благовѣстъ ближняго храма, и говоръ народа, и стукъ колеса»... Да, чудное время! Въ маѣ здѣсь всегда уже хуже—дождливѣе и холоднѣе. Теперь же... взгляни, на небѣ ни облачка!

Марья Львовна очнулась.

— Облачка?—растерянно проговорила она.—Да, да, облаковъ нѣтъ...

— Что съ тобой? Ты сама точно упала съ облаковъ?—пошутилъ онъ.

— Какъ ты говорилъ!.. Какъ ты говорилъ!.. Я никогда не думала, что ты можешь такъ говорить,—сказала она, глядя куда-то въ пространство.

— Да развѣ я никогда не говорилъ при тебѣ?—спросилъ онъ, смѣясь.

— Нѣтъ, говорилъ, но сегодня... точно музыка...

У нея недоставало словъ для выраженія пережитыхъ ею ощущеній. Онъ опять пошутилъ:

— Вотъ подожди, я въ оперу опредѣлюсь!.. Первымъ баритономъ буду...

Digitized by Google

Дрожки подъѣхали къ дому, гдѣ жилъ Шаховъ. Онъ и Марья Львовна поднялись до бель-этажа. Лакей отворилъ дверь. Покуда онъ снималъ съ Марьи Львовны калоши и верхнюю одежду, Шаховъ прошелъ въ свою спальню и замѣнилъ фракъ домашней жакеткой. Онъ вышелъ въ кабинетъ и встрѣтился тамъ съ Серпуховой. Его опять поразило смущенное, стыдливое выраженіе ея лица. Она, миніатюрная, граціозная, напоминала конфузливую дѣвочку и была очень мила съ опущенными внизъ длинными рѣсницами, съ румянцемъ на полненькихъ щекахъ. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Что же ты не снимаешь шляпки?

— Я на минуту, — отвѣтила она тихо, машинально начавъ снимать шляпку.—Хотѣла поблагодарить за это утро...

— Ну, благодари!—смѣясь, сказалъ онъ.

Она протянула ему руку, несмѣло, смущенно, точно чего-то боясь.

— Только-то?—проговорилъ онъ, продолжая шутить.—Я думалъ, что ты расцѣлуешь меня.

Онъ безпечно, безъ всякой задней мысли, какъ близкій родственникъ, имѣющій право фамильярничать, наклонилъ къ ней лицо, прекрасное, улыбающееся, ласковое. Она не выдержала и страстно, порывисто обвила его шею руками. Кровь прилила ей къ головѣ, передъ глазами все кружилось, она походила на пьяную, охваченную на минуту чисто животнымъ чувствомъ.

— Маня, что съ тобой, милая?—озабоченно спрашивалъ онъ, замѣтивъ, наконецъ, что она плачетъ.

— О, ты станешь меня презирать!.. Но это выше моихъ силъ! —шептала она въ слезахъ, скрывая раскраснѣвшееся лицо на его груди.

Эти фразы она вычитала когда-то въ какомъ-то романѣ. Онѣ теперь сами собой пришли ей въ голову, сами собою сорвались съ ея языка. Въ сущности, она не сознавала, за что онъ можетъ ее презирать и что такое свыше ея силъ. Она, за недостаткомъ своихъ собственныхъ словъ, часто произносила подобныя, гдѣ-то и когда-то вычитанныя фразы, смысла которыхъ она вовсе не понимала, — произносила ихъ потому, что онѣ подходили къ тому или другому случаю въ ея жизни.

— За что же? — сказалъ онъ въ недоумѣніи. — Полно, полно плакать, малютка. Ты все преувеличиваешь. Что случилось, скажи?

Digitized by Google

Онъ усадилъ ее на диванъ; ласковый и нѣжный, онъ утѣшалъ ее, какъ ребенка. Она безсвязно, со слезами, жаловалась, что она никогда не любила, что все время ея замужества было какимъ-то тяжелымъ сномъ, рядомъ униженій, что онъ — ея первая любовь, что она ничего отъ него не проситъ, кромѣ позволенія его любить. Она знаетъ вполнѣ, какъ онъ знаменитъ, какъ блестяща его будущность; не такая женщина, какъ она, можетъ составить его счастіе. Но что же ей дѣлать, если она не въ силахъ скрывать своихъ чувствъ. Нельзя же вѣчно страдать и страдать, не имѣя права даже на одну минуту счастія. Вѣдь она же не преступница, за что же это наказаніе? Преступниковъ и тѣхъ наказываютъ на время, а она обречена страдать всю жизнь. Она говорила сбивчиво, безтолково, путаясь и плача по-дѣтски, точно ее обидѣли большіе, взрослые люди. Растроганный ея наивностями и ея слезами, отуманенный ея мольбами и ласками, онъ самъ плохо отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ. Онъ прежде всего хотѣлъ только одного: успокоить ее, осушить ея слезы. Его всегда разстраивали и волновали чужія слезы — слезы молодыхъ женщинъ, такъ какъ въ томъ кругу, гдѣ онъ вращался, онъ только и видѣлъ эти слезы; униженныхъ и оскорбленныхъ, безпомощныхъ сиротъ и голодныхъ въ этомъ кругу не было, и потому ихъ слезъ ему не удавалось видѣть. Онъ поднялъ ея голову и, съ лаской смотря ей въ глаза, поцѣловалъ ее въ губы долгимъ поцѣлуемъ.

— Ну, о чемъ же плакать? — спрашивалъ онъ ее тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ плачущими и утѣшаемыми дѣтьми. — Развѣ любовь несчастіе? Вѣдь ты счастлива теперь, моя крошка? Да?

— Ты не обвинишь меня, не будешь презирать за мое паденіе?—шептала она, робко ласкаясь къ нему.

— Маня, зачѣмъ эти горькія фразы? Развѣ я не понимаю твоего положенія? Развѣ ты виновата? Любовь сильнѣе разсудка. Нельзя же заставить человѣка весь вѣкъ добровольно дѣлать изъ своей жизни адъ. Твоя жизнь такъ не сладка. Нужна же и тебѣ хоть минута, если не счастія, то забытья... Бѣдная моя малютка!

Онъ говорилъ шопотомъ, стараясь успокоить ее, волнуясь въ свою очередь, въ какомъ-то чаду. Ея признаніе застало его врасплохъ. У него не было времени что-нибудь обсудить, обдумать... Она же говорила о счастіи, бла-

Digitized by Google

годарила его, смотрѣла блаженными глазами. По мѣрѣ того какъ прояснялось ея лицо подъ вліяніемъ его словъ и поцѣлуевъ, и у самого у него становилось все свѣтлѣе на душѣ. Давно не испытывалъ онъ такой полноты душевнаго довольства, какъ теперь, слушая ея нѣжныя рѣчи, ея шопотъ о счастіи. Онъ сознавалъ только одно то, что онъ внесъ лучъ свѣта въ безрадостную жизнь этой женщины-ребенка. И какъ мало нужно было для ея счастія — немного ласки, немного участія, немного нѣжности. Бѣдная, какъ пусто и безцвѣтно прошла вся ея юность. Всѣ остальныя соображенія ушли куда-то на послѣдній планъ, не смущали его въ эту минуту.

Весенній день уже близился къ концу, яркій свѣтъ солнца уже угасъ и начинались легкія, прозрачныя сумерки...

— А какъ же дома? — вдругъ съ испугомъ прошептала Марья Львовна, какъ бы очнувшись отъ сладкаго сна.

— Вѣдь тамъ же не знаютъ, когда кончилось засѣданіе,—также шопотомъ отвѣтилъ Шаховъ.—Хочешь, я поѣду съ тобой?

— Нѣтъ, нѣтъ!—торопливо отвѣтила она.—Не сегодня!.. Завтра, послѣ... Сегодня я не въ состояніи видѣть тебя тамъ... при нихъ... Я выдамъ себя...

Онъ еще разъ горячо обнялъ ее.

— Малютка моя!..

И опять шутливымъ тономъ прибавилъ, заглядывая ей въ глаза:

— Такъ сегодня нельзя?

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторила она.

— Значитъ завтра?

— Да!

Она уже собиралась уйти, какъ вдругъ ее встревожила новая мысль:

— Но Авдотья... Ахъ, Боже мой, мы о ней и забыли!.. Вѣдь она уже вѣрно пришла домой... сказала, что дѣло кончилось... Господи!..

— Да, это правда! — согласился Шаховъ, спокойно, не волнуясь. — Въ такомъ случаѣ просто скажи, что заѣхала обѣдать ко мнѣ...

Онъ засмѣялся.

— Только ужъ дома не спрашивай обѣда... Мы о немъ и позабыли... О, непростительная вѣтренность!

Потомъ, принявъ снова серьезный тонъ, онъ добавилъ:

Digitized by Google

— Вообще, даже лучше не придумывать ничего, а такъ и сказать, что ты была у меня... И зачѣмъ ложь?.. Кажется, ты-то имѣешь право бывать у меня...

Онъ проводилъ ее до передней, заложивъ руки въ карманы панталонъ, принявъ такой видъ, какъ будто ничего не случилось особеннаго, посмотрѣлъ, какъ лакей надѣлъ ей калоши и ватерпруфъ, пожалъ ей еще разъ руку, крѣпко, по-братски, и кивнулъ головой:

— Кланяйся своимъ... Завтра заѣду къ вамъ...

Она, конфузливо глядя куда-то въ сторону, торопилась уйти.

— Бѣдняжка! — со вздохомъ прошепталъ Шаховъ, проводивъ ее.

Онъ вернулся въ свой кабинетъ, немного потянулся, легъ въ мягкую качалку, потеръ лобъ, точно стараясь придти въ себя, не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ, какъ все это произошло, потомъ дотронулся до пуговки воздушнаго звонка и лѣниво проговорилъ явившемуся юношѣ-лакею:

— Чего-нибудь подай сюда, Гриша... Вина... сладкаго...

Онъ чувствовалъ себя въ какомъ-то полузабытьи, его охватывала истома, хотѣлось дремать, ни о чемъ не думать, качаясь на качалкѣ, глотая небольшими глотками вино, подслащая его чѣмъ-нибудь сладкимъ. Въ памяти проходили смутные образы — оправданный мальчишка, его мать, цѣлующая на-лету руки «отца-благодѣтеля», Марья Львовна, переходящая отъ слезъ къ блаженной улыбкѣ и тоже въ порывѣ благодарности ловящая его руку, подносящая ее къ своимъ губамъ.

— Ахъ, бѣдные люди, бѣдные люди! — съ тихимъ вздохомъ шепталъ онъ, забываясь сномъ.

III.

Марья Львовна ѣхала домой, охваченная обаяніемъ нѣжности Шахова, не думая ни о чемъ, кромѣ его. Для нея не существовало ни прошлаго, ни будущаго, ничего, кромѣ этого дня.

Въ какомъ-то чаду она подошла къ дверямъ своей квартиры, позвонила. Дверь открыла Оля.

— Мама, гдѣ ты пропадала?—послышался вопросъ.

Серпухова точно упала съ облаковъ на землю. Она растерялась и скороговоркой заговорила:

— Обѣдала... у Евгенія Александровича... у Жени... Проголодалась, онъ пригласилъ...

Digitized by Google

Дочь заторопилась вопросами:

— Ну, какъ онъ говорилъ? Хорошо, я думаю. О, онъ умѣетъ говорить! Ты, кажется, плакала, мама? Да, плакала? Сознайся!

Мать раздражилась:

— Не я одна плакала, всѣ плакали!

— Я знаю! — просто сказала дочь. — Авдотья говорила. Я даже пожалѣла, что я не поѣхала.

Марья Львовна какъ будто испугалась, точно дочь собиралась ѣхать въ судъ и помѣшать ей.

— Ты еще слишкомъ молода, чтобы ѣздить въ судъ, — быстро отвѣтила она.—И вовсе нечего тебѣ тамъ дѣлать.

Дочь засмѣялась.

— Да, теперь нечего уже дѣлать, когда процессъ кончился. Но въ другой разъ непремѣнно поѣду.

Марья Львовна ничего не отвѣтила и торопливо прошла въ свою спальню.

Оставшись одна, она прилегла на диванчикъ, не раздѣваясь, усталая, охваченная истомой, но вполнѣ счастливая и безмятежная. Даже вопросы Оли взволновали ее только на мгновеніе. Потомъ это волненіе тотчасъ же стихло, улеглось, и ее опять охватило ощущеніе блаженства. Ей было даже нѣсколько странно, что она такъ спокойна. Она перечитала въ жизни сотни романовъ и представляла себѣ чѣмъ-то ужаснымъ «паденіе» женщины. Теперь это казалось ей такъ просто: никакихъ угрызеній совѣсти, никакихъ раздирающихъ душу колебаній, никакихъ ужасовъ и страховъ. Ей вспомнились слова утѣшавшаго и успокаивавшаго ее Евгенія Александровича: «Все это въ книгахъ раздуваютъ въ драмы и трагедіи; дѣйствительная же жизнь проста; кто же не увлекался и не дѣлалъ ошибокъ въ жизни. Было бы лучше, если бы можно было избѣжать ихъ, но человѣкъ не всегда владѣетъ собой». Въ ея воображеніи воскресъ образъ Шахова, спокойный, ласковый, нѣжный; въ чертахъ его лица, въ выраженіи его глазъ не было ни колебаній, ни сомнѣній, ни боязни; онъ приласкалъ ее, какъ приласкалъ бы ребенка. Все въ его поведеніи казалось ей такъ естественно и просто; онъ и самъ говорилъ ей, что въ жизни все совершается такъ естественно и просто. Все это разсѣивало въ ней и безъ того слабые слѣды тревоги за совершенный проступокъ; все это заглушало и безъ того слабые укоры совѣсти. Она думала не о томъ, что она сдѣлала, а о томъ, когда и какъ бу-

Digitized by Google

детъ она встрѣчаться съ глазу на глазъ съ Евгеніемъ Александровичемъ. Лучше всего у него на квартирѣ — его квартира настоящій уголокъ рая: роскошь, уютность, просторъ, тишина.

— Мама, Евгеній Александровичъ будетъ у насъ сегодня!—спросила Серпухову черезъ дверь дочь.

Серпухова вздрогнула. Опять она, Оля!

— Нѣтъ, сегодня онъ не придетъ, — отрывисто отвѣтила мать.

Дочь еще разъ спросила:

— Ты навѣрное знаешь?

— Да говорятъ же тебѣ!

— Ну, такъ я пойду къ подругѣ, если онъ не будетъ. А то бы неловко, такъ какъ и папа, и Сеня ушли...

Оля пошла отъ дверей.

У Марьи Львовны тревожно забилось сердце. Дочь идетъ къ подругѣ, потому что Евгеній Александровичъ не пріѣдетъ; если бы онъ пріѣхалъ, она не пошла бы. Точно безъ нея ему нечего здѣсь и дѣлать. Неужели она точно влюблена въ него, разсчитываетъ на него? Что, если это такъ? А онъ? Не можетъ онъ любить ее, горбатую. «Ахъ, что я говорю, что я обманываю себя! — съ досадой воскликнула она. — Я-то знаю, что у нея скривленъ бокъ, что у нея одна нога короче другой, а другіе говорятъ, что у нея пикантная фигурка! И при томъ молода она, свѣжа, вызывающій видъ. Повѣсится сама на шею, тогда...» Она почти съ ужасомъ остановилась теперь на мысли, что «паденіе совершается такъ легко и просто». Что, если и Оля, какъ сама она, Марья Львовна, придетъ къ нему вымаливать любви? Что, если онъ не устоитъ? Оля—дѣвушка, отъ нея не отдѣлаться такъ, какъ можно отдѣлаться отъ замужней женщины. Эта мысль опять отозвалась болью въ сердцѣ Серпуховой. Отдѣлаться отъ замужней женщины! Неужели онъ будетъ стараться отдѣлаться отъ нея? Нѣтъ, нѣтъ! Да и она сама ничего не потребуетъ отъ него; не станетъ поперекъ его дороги. Она будетъ вѣчно, вѣчно благодарна ему и за ту долю любви и счастія, которую удѣлилъ онъ ей. Что же ему отдѣлываться отъ нея, когда онъ ничѣмъ не связанъ? И съ чего это идутъ въ голову такія мысли, когда она такъ счастлива, впервые въ жизни такъ счастлива. Это все изъ-за Оли; Оля всегда чѣмъ-нибудь огорчитъ ее, встревожитъ:.. Мысль о дочери только на минуту встревожила ее. Она опять начала думать о

Digitized by Google

Шаховѣ, о его красотѣ, о его нѣжности, какъ бы старалась убаюкать себя. Ее охватила сладкая дремота—дремота набѣгавшагося и налазившагося ребенка. Смотря на нее теперь, никто бы не повѣрилъ, что эта женщина только-что обманула своего мужа, что эта женщина сошлась съ человѣкомъ, въ котораго, какъ ей казалось, влюблена ея дочь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Евгеній Александровичъ проспалъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, лежа въ качалкѣ, болѣе двухъ часовъ. Это былъ сладкій, безмятежный сонъ здороваго человѣка. Когда слуга—красивый, щеголеватый юноша лѣтъ восемнадцати—сталъ его будить, напоминая ему, что онъ собирался ѣхать въ гости, онъ открылъ глаза и, слегка сладко потягиваясь, спросилъ мягкимъ и ласковымъ голосомъ:

— Развѣ пора, Гриша?

— Пора, Евгеній Александровичъ, — отвѣтилъ слуга. — Жаль было будить-съ, очень ужъ сладко спали.

— Да, утомился немного сегодня,—отвѣтилъ Шаховъ.— Пожалуй, лучше и не ѣхать никуда, а напиться чаю и на боковую. Затолкаешься еще больше на народѣ.

— Значитъ, и къ вамъ никого не принимать? — спросилъ лакей.

— Да, не принимать!..

— Такъ я, Евгеній Александровичъ, спущу занавѣси у оконъ, чтобы съ улицы не было видно свѣта. А то какъ разъ кто-нибудь на огонекъ зайдетъ. Покою вамъ нѣтъ. Все народъ, все народъ.

Юноша зажегъ лампу и пошелъ спускать у оконъ тяжелыя шелковыя занавѣси, заботливо соединяя ихъ вмѣстѣ, чтобы не оставить ни малѣйшей щелки, сквозь которую могъ бы проникнуть свѣтъ на улицу.

— Я вамъ и чай сюда подамъ, — продолжалъ онъ говорить:—чтобы вамъ не тревожиться. Да не затопить ли каминъ? Свѣжо у васъ что-то. Къ вечеру-то на улицѣ холоднѣе стало...

— Да, затопи, пожалуй!

— Рамы поторопились мы открыть...

Онъ сталъ на колѣни около камина и началъ чиркать

Digitized by Google

спичками о бока спичечницы. Шаховъ слѣдилъ съ мягкой улыбкой за его движеніями. Ему всегда доставляло удовольствіе сознаніе, что Григорій его любитъ, наивно разыгрывая роль заботливой няньки. Впрочемъ, кто же не любилъ Евгенія Александровича? «Прелестный ребенокъ», «прекрасный юноша», «очаровательный молодой человѣкъ», «добрый товарищъ», «нѣжный другъ», «сердечный человѣкъ», «ласковый баринъ», «человѣкъ-рубашка», всѣ эти и множество другихъ подобныхъ эпитетовъ прилагались въ жизни къ Евгенію Александровичу Шахову съ самой колыбели. Даже самые злые языки смолкали, когда разговоръ касался его, или подтверждали, что это точно «хорошій человѣкъ». Онъ самъ привыкъ сознавать это съ дѣтства и именно въ этомъ сознаніи видѣлъ лучшее наслажденіе въ жизни. Онъ вовсе не представлялъ себя въ своихъ глазахъ идеаломъ, но онъ былъ доволенъ тѣмъ, что онъ лучше многихъ изъ окружающихъ его. Никогда не испытывалъ онъ того, что называется упреками совѣсти, хотя порою онъ и высказывалъ мысли, говорившія, что онъ сознаетъ, что онъ могъ бы быть еще лучше. Это сознаніе вызывало въ душѣ элегическое настроеніе, и въ такія минуту онъ казался еще симпатичнѣе, охваченный мягкою грустью. Чаще всего его хвалили за его доброту. Онъ же постоянно сѣтовалъ слегка на то, что именно его доброта не заслуга.

— Мнѣ всегда было такъ легко не быть злымъ, — говорилъ онъ очень близкимъ людямъ.—Ни горя, ни нужды, ни враговъ, ничего этого не было у меня. Странно было бы сдѣлаться злымъ въ такихъ условіяхъ. И все же добрымъ человѣкомъ я не имѣю права себя считать. О, будь я вполнѣ добрымъ, не жилъ бы я въ довольствѣ!.. Истинная доброта послѣднюю рубашку отдастъ ближнимъ.

Это говорилось такимъ тономъ, какимъ послѣ хорошаго обѣда говорятъ настоящіе гастрономы о томъ, что бываютъ еще лучшіе обѣды. Это не порицаніе его, не признаніе его плохимъ, но подтвержденіе того факта, что на свѣтѣ нѣтъ ничего такого хорошаго, лучше чего и представить ничего нельзя. Друзья Шахова утѣшали его, что такая доброта, о какой онъ говоритъ есть подвижничество, что она есть уже исключительное явленіе, что, наконецъ, она едва ли даже плодотворна, такъ какъ, не спасая въ сущности никого, она доводитъ самаго добраго человѣка до сумы. Они и не подозрѣвали, что все это Шаховъ и самъ твердилъ себѣ не разъ, въ минуты легкаго недовольства собою, ища себѣ оправданій.

Digitized by Google

— Господа, все это софизмы, оправданія себѣ; подыскиваемыя нами, чтобы замаскировать свой эгоизмъ,—замѣчалъ онъ со вздохомъ утѣшавшимъ его друзьямъ.—Всѣ мы, такъ-называемые добрые люди, отдаемъ въ сущности только то, что не идетъ намъ самимъ въ горло. Мало того, наша доброта распространяется только на идущихъ къ намъ съ просьбой о помощи; мы сами не идемъ искать бѣдняковъ, униженныхъ и оскорбленныхъ; мы отзываемся на громкіе вопли, но не прислушиваемся чуткимъ ухомъ—не слыхать ли гдѣ-нибудь подавляемыхъ рыданій.

Въ его словахъ слышалась искренняя горечь, и близкіе люди, понимая справедливость его словъ, понимали въ то же время, что такія мысли можетъ высказывать только «хорошій человѣкъ». Всѣ знали, что онъ оказывалъ помощь какимъ-то бѣднымъ вдовамъ-старухамъ, что онъ давалъ стипендіи двумъ-тремъ студентамъ, курсисткамъ, что къ нему то и дѣло обращались за пособіемъ люди съ улицы. Вслѣдствіе этого на его сѣтованія о недостаткѣ въ немъ дѣятельной доброты, люди все же замѣчали ему съ улыбкой, что знаютъ они, какъ онъ не добръ: кто ни придетъ съ просьбой—всѣмъ онъ поможетъ; ему и выискивать бѣдняковъ не приходится, такъ какъ отъ нихъ и такъ отбою нѣтъ; однимъ этимъ приходящимъ сколько онъ передавалъ.

— Чтобы только отдѣлаться отъ жалобъ и слезъ!—добавлялъ онъ и даже немного раздражался, стараясь убѣдить всѣхъ, что это не доброта.—Просто баричъ я, не любящій непріятныхъ сценъ. Придутъ, хнычутъ, жалуются — ну, и даю, чтобы отвязаться отъ непріятнаго впечатлѣнія.

И онъ при этомъ полугрустно, полушутливо разсказывалъ, какъ какой-то проходимецъ ухитрился сдирать съ него ежемѣсячно десятка по два рублей, угрожая повѣситься съ голода.

— Зналъ я, что онъ дрянцо, а напишетъ, что онъ принужденъ повѣситься, ну, и начнетъ меня мутить: «а что если точно повѣсится? Да я потомъ всю жизнь буду мучиться упреками совѣсти, что человѣкъ лишилъ себя жизни, вслѣдствіе моего отказа дать ему двадцать рублей». И такъ пять мѣсяцевъ содержалъ я этого проходимца... Эхъ, господа, что это за доброта.

Въ его жизни было много такихъ случаевъ, и онъ не скрывалъ ихъ, не боялся повредить своей репутаціи хорошаго человѣка, разсказывая эти факты. Онъ сознавалъ, что лучше быть обманываемымъ, чѣмъ обманывающимъ...

Digitized by Google

Друзья молча удивлялись, чего онъ еще хочетъ отъ себя. Идти на распятіе, что ли, за людей? И безъ того когда-нибудь онъ разорится на другихъ. Въ этомъ они были убѣждены почти всѣ, такъ какъ изъ нихъ не былъ ни одного, не взявшаго у него хотя десятка рублей въ долгъ безъ отдачи. Впрочемъ, усиленныхъ возраженій съ ихъ стороны было и не нужно: Шахову хотѣлось бы быть добрѣе, но это вовсе не значило, что онъ считалъ себя злымъ человѣкомъ и страдалъ упреками совѣсти. Нѣтъ, онъ зналъ, что если онъ не представляетъ идеала доброты, то другіе еще менѣе подходятъ къ этому идеалу. Именно съ этой точки зрѣнія и ни съ какой больше смотрѣлъ онъ на всѣ поступки людей вообще и на свои въ особенности. Сравнивая себя съ окружающими людьми, онъ сознавалъ, что онъ лучше ихъ, и старался по силѣ возжности быть лучше ихъ. Въ этомъ сознаніи было его главное наслажденіе. Иногда, недовольный своими ошибками и проступками, онъ успокаивалъ себя мыслью: «а другіе-то развѣ то дѣлаютъ?» И ему вспоминалась жизнь этихъ другихъ, такихъ же свѣтскихъ молодыхъ людей, какъ и онъ. Ихъ закулисная жизнь была сплошною грязью облагороженныхъ насилій, грабежа, распутства. Иваны, не помнящіе родства, давно были бы сосланы въ мѣста не столь отдаленныя за половину тѣхъ продѣлокъ, которыя безнаказанно сходили съ рукъ этимъ джентльменамъ. Рѣдкій изъ не былъ достоинъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ, Шаховъ, былъ чище этой грязи. Какъ неглупый человѣкъ, онъ ловилъ себя на словѣ и съ горечью говорилъ себѣ: «горжусь тѣмъ, что самъ немного чище грязи». Но это настроеніе смѣнялось другимъ: «что-жъ, не сравнивать же себя съ ecce homo, съ идеаломъ человѣка, съ несуществующимъ призракомъ». Это опять дѣйствовало на душу успокоительно. Сравненіе возможно только съ существующимъ; стараться быть лучше этого существующаго, вотъ все, чего можно требовать отъ человѣка. Снисходительный къ другимъ, онъ былъ снисходителенъ и къ себѣ.

Теперь, въ этотъ вечеръ, онъ особенно сильно ощущалъ приливъ благодушія. Легкое утомленіе, комнатное тепло, усердные хлопоты Гриши и пришедшей ему на помощь ключницы Аграфены Матвѣевны, потрескиваніе дровъ въ каминѣ, знакомая пѣсня самовара на столѣ — все располагало къ благодушію. Перекидываясь отдѣльными фразами съ старухой Аграфеной Матвѣевной и съ Гришей, Шаховъ

Digitized by Google

какъ-то невольно остановился на мысли, что ему было бы еще лучше, если бы тутъ въ его кабинетѣ была молодая жена и играли маленькія дѣти. Мечты о молодой любящей женѣ все чаще и чаще посѣщали его. Онъ чувствовалъ, что онъ будетъ хорошимъ семьяниномъ, мужемъ и отцомъ; это ему говорили и окружающіе, даже прислуга. Его манили картины мирнаго семейнаго счастія. Да, надо, наконецъ, обзавестись семьей, безъ нея жизнь не полна! Одиночество и въ золотой клѣткѣ все же одиночество, и самые преданные друзья и слуги не замѣнятъ любящей семьи. Вонъ какъ страдаетъ Маня, чувствуя себя одинокой; чувствуя, что у нея нѣтъ семьи. Мысль о Марьѣ Львовнѣ напомнила ему событія этого дня.

— Бѣдная, бѣдная женщина: она пришла, какъ нищій за подаяніемъ, за участіемъ, за сочувствіемъ, за ласкою!— пронеслось въ его головѣ.

На минуту, охваченный тихой грустью, онъ закрылъ глаза, полный воспоминаній всѣхъ мелочей случившагося. Что сказали бы моралисты, если бы знали, что произошло здѣсь два-три часа тому назадъ? О, они обрушили бы на него громы упрековъ! Жалкіе люди — живутъ кабинетными теоріями, предъявляютъ жизни теоретическія требованія, не знаютъ, что жизнь сложнѣе теорій. Развѣ онъ могъ поступить иначе, оттолкнуть ее? Ему вспомнились разные герои русскихъ романовъ, читающіе съ легкой руки Онѣгина наставленія влюбленнымъ въ нихъ дѣвушкамъ. Что-жъ, они правы, передъ ними стояли дѣвушки неопытныя, не знающія жизни. А тутъ—какъ жалокъ и смѣшонъ,—нѣтъ, даже болѣе, какъ безсердеченъ и жестокъ показался бы онъ Марьѣ Львовнѣ, если бы онъ вмѣсто утѣшенія прочелъ ей проповѣдь нравственности... Было бы, можетъ-быть, лучше, если бы этого не случилось вовсе, если бы она не приходила къ нему вовсе, это безспорно; но разъ она пришла вымаливать его участія и ласки—онъ даже не могъ вспомнить, какъ и что говорилъ онъ ей, жалующейся, плачущей на его груди. Въ такихъ случаяхъ трудно, почти невозможно владѣть собою. И нужно ли тутъ вообще владѣть собою? Кого это спасаетъ, что поправляетъ? Цѣломудренные Іосифы всегда смѣшны, и никакія жены Пентефріевы не обращались ими на путь истины. Правда, ей, бѣдняжкѣ, будетъ, можетъ-быть, еще тяжелѣе послѣ, особенно, когда онъ женится. Но что же дѣлать — это должно неизбѣжно случиться. Не можетъ же онъ отдать ей всего своего бу-

Digitized by Google

дущаго. Да она и не потребуетъ отъ него этой жертвы. Ничего она отъ него не потребуетъ... Онъ вспомнилъ ея молящій видъ, ея робкія ласки, ея трогательную благодарность. Она, казалось, просила не его любви, а только позволенія любить его. Нищая, пришедшая за милостыней. Онъ опять повторялъ:

— Бѣдная, бѣдная женщина!

О ея мужѣ, о ея дѣтяхъ онъ даже и не думалъ. При чемъ были они тутъ? Ея паденіе,—если это можно назвать паденіемъ, — было похоже на минутную потерю сознанія: закружилась у человѣка голова, потемнѣло въ глазахъ, и что съ нимъ произошло, онъ и самъ не знаетъ. Шахову вспомнились разные преступники, Богъ знаетъ что творившіе въ минуты невмѣняемости; ихъ оправдывали самые строгіе присяжные засѣдатели. Серпухова и онъ пережили именно такой моментъ невмѣняемости. Теперь имъ нужно быть настороже... Въ его головѣ мысли начинали развиваться все лѣнивѣе и лѣнивѣе. Сладкая лѣнь охватывала все его существо...

— Постель готова, Евгеній Александровичъ, — сказалъ Гриша, прерывая раздумье Шахова.

— А, хорошо!.. Спасибо!—проговорилъ очнувшійся Шаховъ, поднимаясь съ мѣста.

Онъ опять сладко потянулся и направился въ сопровожденіи Гриши въ свою спальню, чувствуя, что онъ уснетъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ...

II.

На слѣдующій день Евгеній Александровичъ завернулъ къ Серпуховымъ во время обѣда. День былъ воскресный, и вся семья была въ полномъ сборѣ. Лицо Марьи Львовны залилось яркимъ румянцемъ при появленіи Шахова. Это была краска стыда; казалось, молодой женщинѣ было стыдно теперь взглянуть на него при всѣхъ, точно всѣ окружающіе знали вчерашнее. Шаховъ, по обыкновенію привѣтливый и благодушный, былъ спокоенъ, смотрѣлъ ясно. Мужчина, молодой и красивый, вращающійся въ легкомысленномъ и распущенномъ обществѣ, онъ смотрѣлъ на эти мимолетныя связи легко, какъ на нѣчто заурядное и привычное. Пожимая руку Марьи Львовны, онъ, казалось, хотѣлъ ободрить ее этимъ дружескимъ рукопожатіемъ, какъ бы говоря ей: «не смущайся, милая; что же дѣлать, что такъ случилось; мало ли какія увлеченія бываютъ въ жизни».

Digitized by Google

Всѣ сейчасъ же заговорили о вчерашнемъ процессѣ. Оля съ полунасмѣшливой шутливостью замѣтила:

— А вы достигли вчера своей цѣли и замучили маму Маню своимъ краснорѣчіемъ.

Шаховъ хотѣлъ что-то возразить, но Оля поторопилась перебить его:

— Она пріѣхала домой усталая, разсердилась на меня за то, что я замѣтила ей, что она плакала, потомъ весь вечеръ не выходила изъ своей спальни.

Марья Львовна сидѣла, какъ на горячихъ угольяхъ. Опять ей казалось, что всѣ знаютъ то, что случилось наканунѣ. Она сознавала, что никто ничего не знаетъ; и все же ей казалось, что всѣ это знаютъ.

— И прекрасно сдѣлали, что надоѣли ей своимъ краснорѣчіемъ,—продолжала подтрунивать Оля:—по крайней мѣрѣ, не станетъ другой разъ навязываться къ вамъ съ такими дѣлами...

У Марьи Львовны блеснули на глазахъ слезы. Поискавъ что-то въ замѣшательствѣ на столѣ, она вышла торопливо изъ комнаты. Шахову стало сердечно жаль ее. Если бы ей, бѣдной, жилось лучше въ семьѣ, не увлеклась бы она такъ легко. Онъ мягко и задушевно замѣтилъ Олѣ:

— Оля, неужели вамъ доставляютъ удовольствіе эти вѣчныя шутки надъ мамой?

Она широко открыла глаза, задѣтая за живое сердечно высказаннымъ упрекомъ, и, не найдясь сразу, что отвѣтить, сказала задорно:

— Что это вы, Евгеній Александровичъ, опять, кажется, переходите со мной на ты?

— Простите, — ласково отвѣтилъ онъ: — я считаю себя настолько близкимъ ко всѣмъ вамъ, что постоянно сбиваюсь. Но дѣло не въ этомъ, Ольга Юрьевна. Вы же добрая дѣвушка, а слушая васъ, видя ваши отношенія къ вашей...

Онъ не кончилъ, такъ какъ вошла Марья Львовна. Шаховъ обратился къ Юрію Дмитріевичу:

— Я сначала шутя взялся за это дѣло, а когда поговорилъ съ обвиняемымъ, оно меня заинтересовало. Оно дало такой богатый матеріалъ для указанія на нашу бездомническую, бродяжническую, безсемейную жизнь въ низшихъ слояхъ столичнаго общества. Ничего святого, никакихъ привязанностей съ дѣтства, ни родного очага, ни родственныхъ связей, ничего нѣтъ!

И онъ сталъ горячо и увлекательно говорить объ этомъ

Digitized by Google

преступникѣ, бездомномъ, безсемейномъ, выросшемъ, такъ сказать, на улицѣ для улицы.

— Семья, братъ, и въ другихъ слояхъ общества распадается,—вставилъ лѣниво свое слово Юрій Дмитріевичъ.

— Да, это такъ; потому-то и нужно ее спасать теперь, болѣе чѣмъ когда-либо,—проговорилъ Шаховъ.—Сердца, не согрѣтыя любовью къ семьѣ, въ родительскомъ домѣ, никогда не могутъ обѣщать прочнаго счастья и своей будущей семьѣ, мужьямъ, женамъ, дѣтямъ. Это что-то въ родѣ кукушекъ: они сознаютъ, что они высижены въ чужихъ гнѣздахъ; они бросаютъ и свои яйца въ чужія же гнѣзда.

Юрій Дмитріевичъ лѣниво проговорилъ:

— Духъ времени, братъ! Ничего тутъ не подѣлаешь! Попробуй прать противъ рожна, стѣну лбомъ прошибать...

— А ты думаешь, лучше ничего не дѣлать?—горячо спросилъ Шаховъ и прибавилъ: — Впрочемъ, ты, можетъ-быть, и имѣешь право равнодушно смотрѣть на дѣло: у тебя есть уже семья. Что же касается меня, то я страшно озабоченъ этимъ вопросомъ: мнѣ-то вѣдь придется создать еще себѣ семью и было бы горько, если бъ пришлось обмануться, вмѣсто семьи устроить въ домѣ облагороженный танцъ-классъ, клубъ, кабакъ.

— Ужъ ты не задумалъ ли жениться?—спросилъ Серпуховъ.

— Я объ этомъ никогда не переставалъ думать,—отвѣтилъ Шаховъ.—Очень ужъ пусто въ домѣ.

Марью Львовну точно что-то кольнуло въ самое сердце.

— Вамъ хорошо, за васъ всякая пойдетъ,—разсудительно замѣтилъ Сеня.—Богаты, имя есть.

Евгеній Александровичъ обернулся къ нему.

— Нѣтъ, Сеня, это не облегчаетъ, а затрудняетъ выборъ: бѣднякъ и безъ имени легче можетъ убѣдиться въ томъ, любятъ его или нѣтъ. Мнѣ же нужно очень хорошо узнать душевныя качества дѣвушки, чтобы быть увѣреннымъ въ искренности ея любви. Вотъ погоди, когда наживешь самъ и деньги, и имя, тогда то же скажешь, что и я.

Онъ потрепалъ юношу по плечу.

— А теперь, Сеня, тебѣ лучше и не разсуждать объ этихъ вопросахъ притворства и лжи, расчетовъ и соображеній, примѣшиваемыхъ къ любви. Юность должна чувствовать только поэзію любви, помнить, какъ говорится у поэта: «люби меня безъ думъ, безъ размышленій». Да кромѣ того тебѣ и вообще рано думать объ этихъ предметахъ.

Digitized by Google

И, впадая въ совершенно шутливый тонъ, онъ прибавилъ:

— Но ты не сердишься на меня, что я тебя зову все Сеней, а не Семеномъ Юрьевичемъ.

Сеня вспыхнулъ:

— Я очень радъ!

Шаховъ ласково замѣтилъ:

— Мы вотъ выпьемъ когда-нибудь брудершафтъ. Да?

Сеня кивнулъ головой съ улыбкой радости на лицѣ. Евгеній Александровичъ даже не замѣтилъ, что Оля сидѣла все время молча, какъ въ воду опущенная. Онъ упрекнулъ ее за то, что она подшучиваетъ надъ матерью, а потомъ заговорилъ о негодности людей, не чувствующихъ привязанности къ родителямъ. Это былъ намекъ въ ея сторону. Плохія дѣти не могутъ быть хорошими родителями. Неужели онъ именно такого мнѣнія о ней? О, онъ жестоко ошибается, если думаетъ, что она вовсе не любитъ матери. Она такъ легко относится къ матери, просто потому, что мама Маня сама не умѣла поставить себя. Молодая дѣвушка мысленно старалась оправдать себя за свои отношенія къ матери... Шаховъ, между тѣмъ, заговорилъ, что погода сегодня превосходная, хорошо бы прокатиться послѣ обѣда на острова. Кстати, гдѣ будутъ жить лѣтомъ Серпуховы? На островахъ или думаютъ забраться куда подальше? Сеня небрежно воскликнулъ:

— Ну, ужъ что это за дачи — острова! Этакъ и въ Гавань можно переселиться и сказать, что живешь на дачѣ. Вонъ разсказываютъ анекдотъ, что одинъ чиновникъ на садкѣ жилъ и говорилъ, что живетъ на дачѣ.

— Видишь, какой критиканъ!—сказалъ съ ироніей Юрій Дмитріевичъ и подшутилъ надъ Олей: — А она вонъ такъ даже скажетъ, что и неприлично жить на островахъ, если нѣтъ своей собственной дачи и своихъ лошадей.

Онъ засмѣялся и махнулъ рукой:

— Ну, да мнѣ что! Гдѣ хотятъ, тамъ и поселятся. Я, по обыкновенію, въ Питерѣ буду...

— Одинъ?—спросилъ Шаховъ.

— Не привыкать стать!

И снова подшучивая, онъ иронически-серьезно продолжалъ:

— Иначе и нельзя: дѣти занимаются всю зиму, нужно имъ и подышать чистымъ воздухомъ послѣ усиленныхъ занятій и утомительныхъ уроковъ; острова же то же болото;

Digitized by Google

это и дачей нельзя назвать. Ну, а мнѣ,—видишь, какой я слонъ,—мнѣ на что дача? Мнѣ и здѣсь хорошо. Развѣ какой-нибудь маленькій катаръ отъ кухмистерской кухни наживу.

— Ну да, подшучивай,—серьезно замѣтилъ Шаховъ.—Сегодня маленькій катаръ, а завтра большой параличъ.

— Что-жъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ,—проговорилъ Серпуховъ.

— Ну, когда семья на рукахъ—съ жизнью шутить не приходится,—сказалъ Евгеній Александровичъ и спросилъ:—Отпускъ думаешь получить?

— Нѣтъ, дѣла лѣтомъ у насъ по горло. Хочешь получать хорошій окладъ, такъ и тяни хорошо свою лямку.

Онъ усмѣхнулся.

— Мнѣ, знаешь, иногда даже смѣшно смотрѣть на себя,—продолжалъ онъ.—Ужъ я ли не байбакъ, не лѣнтяй, а работаю, какъ волъ. Впрочемъ, говорятъ, что и волы лѣнивы по натурѣ, а запрягутъ ихъ—самому ретивому коню не наработать столько, сколько они наработаютъ. Иногда только такъ тошно становится, что не смотрѣлъ бы на эту проклятую бухгалтерію...

И опять подшучивая и глумясь, онъ прибавилъ:

— Еще хорошо, что запить не могу съ горя и усталости. Вонъ Оля разъ и то замѣтила, что я долженъ себя беречь для нихъ. Это я, знаешь, кутнулъ, наработавшись до одуренія. Хорошо, что хоть кто-нибудь воздерживаетъ...

Лицо Оли покрылось яркимъ румянцемъ и, сердясь на отца и въ то же время желая оправдаться, она заговорила:

— Тебѣ же это вредно... Я для тебя... Работаешь весь день и еще не спишь ночи...

— Да я развѣ упрекаю тебя, голубчикъ!—перебилъ ее Юрій Дмитріевичъ своимъ обычнымъ тономъ.—Я вѣдь знаю, что ты изъ участія ко мнѣ. Я потому и говорю, что хорошо, когда хоть кто-нибудь удерживаетъ человѣка отъ кутежей. А то что бы было: день-денской гнетъ человѣка горбъ надъ работой, да еще послѣ веселиться желаетъ. Нѣтъ, ужъ нужно что-нибудь одно...

Оля стиснула зубы, охваченная раздраженіемъ противъ отца. Шаховъ поторопился напомнить о хорошей погодѣ и прогулкѣ на острова. Но именно въ этой торопливости Оля угадала желаніе замять непріятный разговоръ. Въ го-

Digitized by Google

ловѣ ея проносились мысли: «что онъ обо мнѣ думаетъ теперь? Подшучиваю надъ матерью, читаю нравоученія отцу за то, что онъ ищетъ развлеченій послѣ тяжелой работы?» И вдругъ ей стало досадно на себя за то, что она остановила Шахова, когда онъ назвалъ ее по-старому Олей. Зачѣмъ? Ей было бы легче говорить съ нимъ откровенно, по-родственному, дружески, если бы онъ продолжалъ называть ее Олей, а не Ольгой Юрьевной. Взрослую церемонную барышню вздумалось разыгрывать, а это только охладило отношенія. Она думала и даже не замѣтила того, что Глашу уже послали за коляской.

— Что же ты не одѣваешься?—спросилъ ее братъ.—Не станутъ же всѣ тебя ждать, когда пріѣдетъ коляска.

Она очнулась.

— Развѣ мы ѣдемъ?—спросила она.

— А ты гдѣ была, что не слыхала? Или ѣхать не желаешь?

Ей внезапно пришло въ голову, что вѣроятно Евгеній Александровичъ смотритъ на нее, какъ на пустую дѣвчонку, у которой на умѣ только удовольствія и больше ничего. Что — если она откажется отъ прогулки? Какъ онъ отнесется къ этому? Какое-то непонятное ей самой чувство задора подталкивало ее отказаться отъ прогулки. Она рѣшительно подняла голову и сказала брату:

— У меня много занятій; я не поѣду...

Она искоса бросила взглядъ на Шахова. Онъ, вовсе не думавшій все это время о ней, обернулся къ ней съ выраженіемъ участія.

— Вѣрно, завтра экзаменъ?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтила она, краснѣя.

Никакого экзамена на завтра у нея не было.

— Ну, тутъ ничего не подѣлать,—проговорилъ онъ и съ обычною ласковостью прибавилъ: — Приходится слѣдовать пословицѣ: люби кататься, люби и саночки возить.

И тутъ же онъ началъ разспрашивать ее, скоро ли кончатся экзамены, много ли ей еще придется заниматься. У нея чуть не навернулись слезы отъ этихъ участливыхъ вопросовъ. Она капризничаетъ, а онъ такъ сердечно относится къ ней! И съ чего это ей пришло въ голову отказаться отъ прогулки? Теперь она сама не понимала причины своего каприза.

—Да не вѣрьте вы ей!—вдругъ выпалилъ Сеня.—Просто мы надулись...

Digitized by Google

Шаховъ вопросительно взглянулъ на нее. Она почти со слезами, вся зарумянившаяся отъ гнѣва на брата, перебила его:

— Что съ тобой? Ты съ ума сошелъ!

— Ахъ, эти дѣвчонки, эти дѣвчонки!—пренебрежительно воскликнулъ гимназистъ, вздергивая плечи и натягивая бѣлыя перчатки. — Ихъ и не поймешь! Придетъ блажь въ голову—сейчасъ и дуться...

— Ты лжешь! ты лжешь! — загорячилась молодая дѣвушка.

— Да не кричи, я не испугаюсь,—отвѣтилъ братъ.

Шаховъ, ничего не понимая, остановилъ его:

— Полно, Сеня! Что за охота вѣчно дразнить сестру? Неужели такъ пріятны эти ссоры?

И благодушно прибавилъ:

— Погоди, будетъ время, когда узнаешь, какое счастіе имѣть сестру и знать, что она тебя любитъ... Родныхъ, братъ, никакіе пріятели не замѣнятъ...

Глаша доложила, что коляска пріѣхала. Всѣ ужъ были готовы. Юрій Дмитріевичъ и Марья Львовна удивились, узнавъ, что Оля не ѣдетъ съ ними. Отецъ не могъ не подшутить:

— О, она у насъ разсудительный человѣкъ: ни для какихъ пустяковъ не броситъ серьезнаго дѣла. Выработанный характеръ!

— Что-жъ, это и хорошо,—серьезно сказалъ Шаховъ.— Гулянья не уйдутъ, а экзамена не отложить въ дальній ящикъ.

Сеня не выдержалъ и фыркнулъ. Его очень забавляло, что сестра раскапризничилась съ чего-то и наказала сама себя.

— Желаю тебѣ вызубрить все къ завтрашнему экзамену,— проговорилъ онъ, дѣлая гримасу Олѣ.

Евгеній Александровичъ дружески пожалъ ей руку. Она съ опущенной головой, смущенная, осталась стоять на серединѣ комнаты. Двери залы затворились, раздались шаги въ передней, послѣдовало хлопанье дверей, въ комнату вбѣжала Глаша съ возгласомъ:

— А васъ и не взяли, барышня? Мѣсто вѣдь было въ колескѣ... Четырехмѣстная...

Оля очнулась вся въ слезахъ.

— Я сама не поѣхала,—отрывисто отвѣтила она, отворотившись въ сторону.

Digitized by Google

III.

Оля сидѣла у окна своей комнатки, то и дѣло отирая слезы и сморкаясь. Она почти никогда не плакала, и ей было крайне досадно на себя за то, что въ настоящую минуту она не находила въ себѣ силъ совладать съ собою. Она старалась, ни о чемъ не думая, смотрѣть въ окно, на эти крыши, возвышавшіяся на другой сторонѣ двора, на голубей, бродившихъ по этимъ крышамъ, на облака, бѣгущія по небу, но все это не останавливало на себя ея вниманія, и думы, странныя, новыя для нея думы, толпились въ головѣ. Она была еще вполнѣ дѣвочка, не совсѣмъ сформировавшаяся, съ неустоявшимся характеромъ. Играть роль большой, своевольничать, свысока относиться къ матери, къ отцу, капризничать изъ-за пустяковъ, все это усвоилось ею давно, благо все это позволялось дома. Но все это не вошло въ плоть и въ кровь и, можетъ-быть, не вошло именно потому, что дома жилось вовсе не дурно. Если баловать дѣтей и потакать имъ во всемъ далеко не безопасно, то все же и въ этой системѣ воспитанія есть своя хорошая сторона: при ней дѣти рѣдко выходятъ злыми и ожесточенными, хотя это и не мѣшаетъ имъ дѣлаться своевольными и своенравными, часто очень эгоистичными существами, рѣзкими и грубыми на видъ. Именно такой дѣвочкой была Оля. Капризы, дерзкія выходки, упорное стремленіе поставить на своемъ, все это ежеминутно проявлялось въ ея поведеніи. Иногда она топала ногами, сжимала кулаки, рвала зубами носовые платки въ минуты капризныхъ вспышекъ, но, не встрѣчая сопротивленій, она быстро утихала, и эти вспышки не превращались въ озлобленіе. Когда же она начала считать себя взрослой и серьезничать, ея выходки приняли иной характеръ—характеръ нестерпимой непогрѣшимости. Съ напускной холодностью и величавостью царицы она говорила: «это должно такъ быть», «я такъ хочу». Нельзя было безъ улыбки смотрѣть на это со стороны, но имѣвшіе съ дѣвочкой дѣло выходили отъ этого тона изъ терпѣнія. Все это нерѣдко заставляло Марью Львовну плакать, дуться или браниться съ дочерью, какъ бранятся дѣвочки: «а вотъ будетъ по-моему», «а вотъ не будетъ», «а вотъ будетъ». Когда онѣ такъ спорили между собою, ихъ обѣихъ хотѣлось поставить въ уголъ. Верхъ въ спорахъ обыкновенно брала Оля. Она вообще умѣла командовать и укро-

Digitized by Google

щать непокорныхъ. Отецъ—тотъ даже и не протестовалъ, когда она требовала чего-нибудь, а просто оставлялъ дочь хоть на головѣ ходить, и только иногда подшучивалъ: «ужъ не папой ли римскимъ хочешь быть, тотъ вѣдь непогрѣшимъ». Мать не стремилась, отецъ не удосуживался поискать, нѣтъ ли у дочери подъ этой оболочкой своенравія любящаго сердца. Впрочемъ, это нисколько не огорчало Олю, и она совершенно равнодушно выслушивала изъ устъ матери эпитеты: «капризная дѣвчонка», «злая дѣвчонка», «безсердечная дѣвчонка», точно въ этихъ названіяхъ не было ровно ничего обиднаго. И вдругъ теперь въ ея сердцѣ отозвалось болью все, что ей пришлось выслушать и перечувствовать въ этотъ день.

Шаховъ удивился, что она, будучи доброй, находитъ удовольствіе дразнить мать. Отецъ при Шаховѣ разсказалъ, что она посовѣтовала ему не кутить и беречь себя для дѣтей, тогда какъ ни разу она не позаботилась о томъ, что онъ черезъ силу работаетъ, ради удобствъ этихъ же дѣтей. Ей пришла капризная фантазія отказаться отъ прогулки подъ предлогомъ экзаменовъ, а братъ обличилъ передъ Шаховымъ, что экзамена у нея никакого нѣтъ, и что это просто ея капризъ, что она обозлилась и надулась на ласковое замѣчаніе Шахова... Съ братомъ она просто погрызлась при Шаховѣ, какъ кухарка... Что подумаетъ о ней Шаховъ? Онъ такой мягкій, снисходительный, добрый, какъ противна должна ему казаться злость въ человѣкѣ. Онъ будетъ презирать ее, Олю, вообразивъ, что и точно у нея нѣтъ ни души, ни сердца. Это все потому, что отецъ и мать не умѣли ее воспитывать, не умѣли держать себя съ дѣтьми: мать, точно дѣвочка, плакала, дулась и грызлась зубъ за зубъ съ дѣтьми; отецъ подтрунивалъ только надъ дѣтьми. Вотъ и сдѣлали изъ дѣтей нравственныхъ уродовъ. Эти мысли пробудили въ ней гнѣвъ, она заходила по комнатѣ, теребя свой носовой платокъ, стискивая зубы и сжимая кулаки. Это имъ не пройдетъ даромъ, она имъ все выскажетъ, она сдѣлаетъ имъ сцену. И отцу, и матери! О, они еще увидятъ, что значитъ раздражать ее!.. Что-то они отвѣтятъ? И она начала представлять себѣ, что они отвѣтятъ. Мать расплачется, отецъ махнетъ рукой и скажетъ: «ты бы выпила воды — это успокаиваетъ». А что если они скажутъ не это, а крикнутъ: «молчать!» или «вонъ отъ насъ!» Она внезапно остановилась, пораженная новою, никогда не приходившею ей въ голову мыслью. «Вѣдь бы-

Digitized by Google

ваютъ и такіе отцы и матери». Мало ли что бываетъ! Это нравственные уроды. Отцы и матери обязаны кормить и воспитывать дѣтей. Да, да, обязаны! Нажили дѣтей и обязаны кормить и воспитывать ихъ. Она еще пробовала храбриться, но въ душѣ былъ уже какой-то упадокъ энергіи. Въ воспоминаніи проходили образы другихъ родителей, которые кормили и воспитывали дѣтей, но у которыхъ дѣти пикнуть не смѣли. Откуда-то въ памяти воскресъ разсказъ одной дѣвочки, что ее сѣкли до десяти лѣтъ и каждый разъ послѣ сѣченья заставляли цѣловать сначала розгу, а потомъ руки у отца и матери. Тираны! тираны! Да если бы съ ней сдѣлали когда-нибудь что-нибудь подобное,—она убѣжала бы, утопилась бы!.. Она, взволнованная, возбужденная, опять присѣла къ окну и разрыдалась. Въ ушахъ точно удары молота раздавались слова Шахова: «неужели вамъ доставляютъ удовольствіе шутки надъ матерью» и слова отца о томъ, что онъ работаетъ, какъ волъ... Нравственнымъ уродомъ считаетъ ее теперь Шаховъ! «Ну, и пускай считаетъ, пускай считаетъ! Она и есть физическій и нравственный уродъ! Пусть всѣ, всѣ это знаютъ! Переродиться нельзя! Да, да, нельзя! Какая есть, такой и останется!» Ее душили истерическія рыданія. Чисто по-дѣтски она думала, что все уже непоправимо, что никогда не исправятся ея отношенія къ семьѣ, что никогда Шаховъ не перемѣнитъ о ней мнѣнія.

Измученная, обезсиленная, она прилегла на постель и, всхлипывая, забылась мало-по-малу сномъ.

IV.

Серпуховы и Шаховъ вернулись съ прогулки въ восемь часовъ и одновременно съ ними къ Серпуховымъ завернули двое знакомыхъ. Въ воскресенья, по вечерамъ, у Серпуховыхъ обыкновенно собирался кружокъ пріятелей и друзей.

Олю разбудила Глаша, сказавъ ей, что собрались гости. Молодая дѣвушка не сразу очнулась отъ тяжелаго сна. Она подошла къ зеркалу, чтобы пригладить волосы, и увидала, что ея глаза еще красны отъ слезъ. Она торопливо стала умываться. Она любила, когда къ нимъ собирались гости, такъ какъ она недурно играла, умѣла болтать обо всемъ съ бойкостью дѣвочки, считающей себя умной и начитанной, привыкшей съ дѣтства вмѣшиваться въ разговоры взрослыхъ и городить всякій вздоръ, считая его за нѣчто глубокомысленное; но теперь она была бы рада

Digitized by Google

спрятаться отъ гостей, отъ Шахова, отъ отца, матери и брата. Совершенно незнакомое чувство охватило ее. Ей было стыдно. Именно этого чувства она не знала никогда, — самоувѣренная, она всегда была убѣждена, что всѣ ея поступки, всѣ ея фразы, всѣ ея остроты — превосходны. Это была храбрость избалованной и еще совершенно неопытной дѣвочки, не подозрѣвавшей даже, что она по временамъ, очень часто, дѣлаетъ и говоритъ глупости; но незнакомые могли счесть эту храбрость за безстыдство, беззастѣнчивость и наглость. Эта храбрость вдругъ исчезла въ ней. Теперь ей казалось, что все то, что она передумала въ этотъ день о себѣ, давнымъ-давно ясно уже всѣмъ другимъ. Она щеголяла передъ людьми своей нѣсколько укороченной ногой и своимъ чуть-чуть кривымъ бокомъ, очень весело говоря всѣмъ: «я, вѣдь, уродъ» и сознавая при этомъ въ душѣ, что она очень пикантна со своимъ уродствомъ, что будучи такимъ уродомъ, можно вскружить не одну голову. Теперь впервые ей пришло на умъ, что люди дѣйствительно видятъ въ ней урода, но урода нравственнаго, дочь безъ сердца, дочь, платящую глумленіемъ безпомощно слабой матери, дочь, совѣтующую отцу не развлекаться послѣ труда, чтобы у него подольше хватило силъ тянуть для дѣтей тяжелую лямку. Это нравственное уродство, конечно, ясно всѣмъ, знакомымъ, отцу, матери, Шахову. Она какъ будто взглянула въ первый разъ на себя со стороны. Но вѣдь другіе-то давно смотрятъ на нее со стороны... «И Сеня еще станетъ подшучивать», пронеслось въ ея головѣ. Она дорого бы дала, чтобы хоть его не было теперь дома.

Она вошла въ гостиную какъ-то незамѣтно, боясь насмѣшекъ брата. Но его не было въ гостиной, когда она вошла туда. Гости и хозяева были заняты разговоромъ о вчерашнемъ процессѣ. Оля поздоровалась со всѣми и сѣла немного поодаль, взявъ со стола альбомъ и начавъ пересматривать карточки. Ей хотѣлось, чтобы на нее не обращали вниманія, чтобы съ ней не говорили сегодня. Къ ея счастію, бесѣда шла очень оживленная и, какъ это всегда бывало у Серпуховыхъ, вертѣлась около разныхъ «проклятыхъ» вопросовъ.

— Это дѣло что, пустяки!—горячился кто-то изъ гостей.— Подрались мальчишки, одинъ пырнулъ другого въ бокъ— вотъ и все. Нѣтъ-съ, а вы читали ли процессъ отца, убившаго сына. Это фактъ замѣчательный. Отецъ—крестьянинъ,

Digitized by Google

скромный, непьющій, смирный, работящій; сынъ—пьяница, гулика, изъ современныхъ пакостниковъ. Онъ все дѣлалъ, чтобы насолить отцу за то, что тотъ попрекалъ его за дурное поведеніе, стараясь наставить его на путь истины. Въ концѣ концовъ онъ сталъ отбивать у отца работу, чтобы только досадить отцу. Бралъ гроши за трудъ, сбивалъ цѣну и отецъ оставался безъ работы, несмотря на все свое трудолюбіе, на все свое умѣнье. Наконецъ, старикъ не выдержалъ и убилъ его. Каковы отношенія? И гдѣ же?... Въ простомъ народѣ, въ деревнѣ!

— Что-жъ, нравственные уроды были и будутъ всегда,— замѣтилъ Шаховъ.—Это ничего не доказываетъ...

Разсказчикъ загорячился:

— Нѣтъ-съ, это знаменіе времени. Нравственность наша находится въ страшномъ положеніи. Человѣкъ-пакостникъ народился. Всѣ разнуздались, палки нѣтъ.

— А вы думаете, палка помогла бы? — съ усмѣшкой спросилъ Шаховъ.

— Помогла бы, да-съ! Да я бы такого-то сына не только что палкой, я бы его въ каторгу упекъ, я бы его...

Говорившій даже захлебнулся отъ волненія, не зная, куда еще упечь такого сына.

— Вы бы убили его? — спросилъ съ легкой усмѣшкой Шаховъ. — Но вѣдь это и его отецъ сдѣлалъ. Очень ужъ это радикальныя мѣры, только, къ сожалѣнію, не ведутъ онѣ ни къ чему.

«Съ чего это они опять объ отцахъ и дѣтяхъ разговорились?» — мелькнуло въ головѣ Оли. Впрочемъ, что же она удивляется. Развѣ у нихъ въ домѣ не говорилось объ этомъ постоянно? Но почему чаще всего говорятъ именно объ этомъ? О, она теперь знаетъ почему! Объ этомъ говорилось потому, что всѣ понимаютъ ея отношенія къ отцу и матери. Да, да, всѣ понимаютъ и всѣ стоятъ на сторонѣ отца и матери. Да какъ же и не стоять на ихъ сторонѣ? Въ сущности трудно сыскать болѣе снисходительныхъ людей, чѣмъ ея отецъ и мать, — главное, отецъ; онъ слова рѣзкаго не сказалъ никогда дѣтямъ, затягивается для нихъ въ работѣ, а они...

— Ну, приготовилась къ экзамену? — неожиданно раздался надъ ухомъ Оли нестерпимо насмѣшливый вопросъ брата.

Она вспыхнула и, стиснувъ его руку, снова охваченная приливомъ гнѣва, прошептала:

Digitized by Google

— Замолчи!

— Ахъ, все еще изволите капризничать! — со смѣхомъ произнесъ онъ.—Правду Евгеній Александровичъ сказалъ, что лучше тебя не трогать.

— А! Вы обо мнѣ всю дорогу говорили! Обо мнѣ! По косточкамъ меня разобрали!—гнѣвно прошептала Оля.

— Интересно очень о тебѣ говорить!—съ гримасой отвѣтилъ братъ, намѣреваясь отойти отъ нея.

Она съ силой удержала его за руку.

— Нѣтъ, ты не уйдешь, ты не уйдешь! Говори, что вы говорили обо мнѣ! — она встала и повлекла его въ другой конецъ комнаты. — Говори! Жаловались всѣ на меня, ты, мать, отецъ...

— Станетъ нашъ Юрій Дмитріевичъ жаловаться! — пренебрежительно отвѣтилъ братъ.—Просто сказалъ мнѣ Евгеній Александровичъ, зачѣмъ я пристаю къ тебѣ, вотъ и все. Понялъ, видно, что ты злючка.

— А ты и обрадовался, началъ сплетничать! Мама тоже захныкала. Папа сейчасъ: «что-жъ, извѣстно, господа-дѣти». Вы всѣ, всѣ рады Богъ знаетъ что про меня сказать!

Она задыхалась отъ гнѣва. Казалось, она могла бы ударить человѣка въ эту минуту. Братъ точно холодной водой ее облилъ, сказавъ:

— Вотъ бы теперь показать тебя Евгенію Александровичу: все лицо даже перекосило отъ злости! Хороша барышня!

Она безпомощно выпустила его руку, точно онъ ее ударилъ. Братъ продолжалъ убійственно-небрежнымъ, наставительнымъ тономъ:

— Ужъ быть тебѣ старой дѣвкой! Тѣ всѣ такіе аспиды. Шипѣть только и умѣютъ. Нѣтъ, ужъ это Евгеній Александровичъ напрасно говорилъ, что у тебя, вѣроятно, доброе сердце, а что только вспыльчивый характеръ. Дудки! Самъ онъ добръ, такъ по себѣ и о другихъ судитъ. Вотъ что. Нашелъ гдѣ искать доброе сердце!

Оля опять точно обезсилила и, не слушая брата, вся въ слезахъ пошла изъ залы. У нея кружилась голова, все какъ бы вертѣлось передъ глазами. Въ коридорѣ она столкнулась съ отцомъ. Онъ увидалъ, что она плачетъ, и удивился. Никогда онъ не видалъ ее плачущею съ той поры, какъ она начала считать себя взрослою. Ея слезы были слишкомъ необычайнымъ явленіемъ, чтобы не вызвать его удивленія. Онъ спросилъ ее мелькомъ:

Digitized by Google

— Что случилось, Оля?

Она растерялась и пробормотала:

— Нездорова... худо...

— Нездорова? Такъ надо за докторомъ...

Онъ повернулся, нѣсколько озабоченный, назадъ.

— Я сейчасъ пошлю...

Она остановила его съ испугомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... не надо... Это такъ... пройдетъ...

— Ну, да, пройдетъ... Съ здоровьемъ шутить нельзя... То-то ты давеча и не поѣхала съ нами.

Онъ неуклюже, неловко положилъ ей на лобъ широкою ладонью свою крупную руку.

— Головка болитъ? Да? Точно, горяча.

Онъ совсѣмъ не умѣлъ говорить со своими дѣтьми, стѣсняясь съ ними, какъ чужой. Тѣмъ не менѣе, его лицо было озабочено, и въ неуклюжемъ ощупываніи головы дочери была ласка.

— Пройдетъ, папа, пройдетъ... Не заботься, голубчикъ!— проговорила Оля и, всхлипывая, вытащила изъ кармана платокъ и начала отирать слезы и сморкаться.

Юрій Дмитріевичъ совсѣмъ растерялся и, не зная, что дѣлать, какъ нужно поступить въ данномъ случаѣ, взялъ дочь за плечи.

— Я тебя вотъ доведу... Ахъ, ты Боже мой... Съ чего это...

Ему уже казалось, что она шатается и не можетъ идти. Онъ придерживалъ ее и велъ въ ея комнату.

— Ты сядь, ты сядь... Гдѣ у тебя свѣчка? А вотъ она...

Онъ усадилъ дочь, зажегъ свѣчу, торопясь и толкаясь въ комнатѣ, не зная все еще, что нужно дѣлать. Зачѣмъ-то онъ подошелъ къ постели и сталъ откидывать одѣяло и простыню, неловко, неумѣло. Потомъ, точно что-то вспомнивъ и сообразивъ, онъ проговорилъ:

— Тебя раздѣть надо. Я сейчасъ кликну Глашу и маму... И какъ на грѣхъ тутъ еще гости, чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ!

— Не зови, не зови никого!.. Не говори никому!—испуганно проговорила она.—Прошу тебя, папа, не заботься... И стоитъ ли... стоитъ ли изъ-за меня...

Онъ въ недоумѣніи остановился при послѣднихъ ея словахъ. Она, рыдая, начала сбивчиво бранить себя. Злая, дурная она, неблагодарная. Для нея работаютъ, ее балуютъ, а она только злится, капризничаетъ. Правду говорятъ, что она нравственный уродъ. Кто это про нее говорилъ?—этого

Digitized by Google

она и сама не знала. Вообще она плохо сознавала, что срывалось у нея теперь съ языка. Но это были горькія слова упрековъ себѣ. Это былъ тотъ же припадокъ каприза, но она уже капризничала противъ самой себя. Лицо Серпухова, круглое, обрюзгшее, точно осунулось отъ этихъ словъ. Окончательно растерявшійся, онъ былъ теперь увѣренъ вполнѣ, что у его дочери начинается тифъ. Это ясно доказывалось ея бредомъ. Этотъ крупный человѣкъ, охваченный страхомъ, походилъ теперь на мокрую курицу. Онъ подошелъ къ дочери и какимъ-то жалкимъ тономъ прошепталъ:

— Дѣточка... что же это... опомнись!

Онъ былъ и смѣшонъ, и жалокъ, и трогателенъ въ роли неумѣлаго отца, успокаивающаго дочь. Что она говорила ему, что онъ говорилъ ей — это оба они плохо сознавали. Но говорили они долго и много, нѣсколько разъ онъ подносилъ къ своимъ губамъ ея руку, а она цѣловала его руку. Она въ первый разъ въ жизни каялась въ своихъ грѣхахъ, а Юрій Дмитріевичъ въ первый разъ въ жизни нашелъ слушателя, чуть не плакавшаго отъ его жалобъ на то, что онъ инвалидъ шестидесятыхъ годовъ, не бывавшій въ бою. Только когда онъ уложилъ ее въ постель и укрылъ ее одѣяломъ, когда онъ ушелъ отъ нея, давъ ей слово никому не говорить о ея нездоровьи, ей вдругъ стало необыкновенно легко, радостно, весело, она мысленно повторяла: «Господи, какой онъ добрый! Господи, какъ онъ меня любитъ!» А Юрій Дмитріевичъ, съ лицомъ, покрытымъ потомъ, съ осовѣвшими глазами, съ выраженіемъ недоумѣлаго страха, совсѣмъ растерянный, явился въ гостиную, и ему показалось какъ-то странно, что тамъ люди попрежнему закусываютъ, пьютъ, спорятъ о пустякахъ и хохочутъ; всѣ они стали точно чужими, незнакомыми ему, человѣку внезапно понявшему, что онъ отецъ...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

— А что Оля?—озабоченно спросилъ у Марьи Львовны Серпуховъ, выходя на слѣдующій день въ десятомъ часу къ чайному столу.

— Ушла въ гимназію, — разсѣянно отвѣтила Марья Львовна.

Digitized by Google

Она была поглощена думами объ Евгеніи Александровичѣ, желаніемъ повидаться съ нимъ безъ свидѣтелей, планами, какъ устроить свиданіе.

— Значитъ, ничего... здорова сегодня?— продолжалъ Юрій Дмитріевичъ.

Марья Львовна подняла на него немного удивленные глаза.

— Съ чего это ты? Развѣ она была больна?

Онъ нѣсколько смутился. Вчера онъ далъ слово дочери никому не говорить о ея слезахъ, о ея нездоровьи... Надо было сдержать это слово и не проговариваться. Онъ постарался принять равнодушное выраженіе лица.

— Нѣтъ, я такъ... Вчера вотъ она не поѣхала... потомъ вечеромъ рано легла спать, такъ я и думалъ, что не захворала ли,—пробормоталъ онъ, тяжело опускаясь на стулъ.

— Капризничаетъ много! Въ кого это у нея такой характеръ? Ужъ, кажется, не въ меня! Зла, какъ я не знаю кто,—раздражительно проговорила Марья Львовна.

— Полно, Манюша, всѣ люди съ ошибками, а молодежь... не уходилась еще дѣвчурка... вотъ и все...

Какая-то трогательная нотка нѣжности зазвучала въ его голосѣ. Наканунѣ впервые онъ почувствовалъ, что онъ отецъ. Его мягкое сердце было глубоко тронуто ласками дочери. Вспомнивъ теперь о ней, онъ, казалось, еще испытывалъ сладость ея ласки, порывистой, искренней, взволновавшей его обычную сонливость. Именно лаской онъ не былъ избалованъ. Марья Львовна удивилась еще болѣе его тону, его заступничеству за дочь и рѣзко замѣтила мужу:

— Ужъ не кажется ли тебѣ, что ее еще мало балуютъ? Скоро и такъ дѣти намъ на головы сядутъ. Они только этого и ждутъ!

Серпуховъ не нашелъ сразу, что ей отвѣтить, и только замѣтилъ неопредѣленно:

— Такъ ли, Маня?

Она изумлялась все болѣе и болѣе, совершенно не понимая, что съ нимъ дѣлается, и рѣзко замѣтила:

— Ты же самъ первый толковалъ: «господа-дѣти», «господа-дѣти»! А теперь...

Она не договорила начатой фразы и взглянула на него, смущеннаго, растерянnаго, смѣшного въ своемъ замѣшательствѣ.

Ей вдругъ пришла въ голову странная мысль, и она не воздержалась, высказала эту мысль:

Точно мокрая курица смотришь!..

Digitized by Google

Онъ не разсердился, не обидѣлся.

— Да я и всегда такъ смотрю,—добродушно проговорилъ онъ и принялъ обычный ироническій тонъ: — говорятъ, сильные люди боятся своей силы, осторожно съ ней обращаются, ну, вотъ потому, вѣрно, и я все опасался, какъ бы кого не раздавить,—и превратился въ мокрую курицу.

И уже совсѣмъ шутливо онъ приподнялъ свою огромную руку.

— Вонъ лапища какая — не остерегайся пускать ее въ ходъ, такъ чортъ знаетъ чего натворишь.

Марью Львовну охватилъ какой-то безотчетный страхъ. точно мужъ угрожалъ ей. Онъ, между тѣмъ, допилъ чай, всталъ и, проговоривъ: «однако, пора и въ должность», направился къ дверямъ. Это былъ точно Геркулесъ по росту и по сложенію, немного мѣшковатый и неловкій по манерамъ, тяжело ступавшій крупными плоскими ногами. Марья Львовна смотрѣла ему вслѣдъ съ растерянным видомъ напуганной трусихи.

Въ первый разъ въ эти три дня ей пришла въ голову мысль: что будетъ, если онъ все узнаетъ? Еще драться вздумаетъ. Отъ него всего можно ждать. Онъ тихъ-тихъ, а въ сущности это дикій звѣрь, если взбѣсится. Ну, ужъ нѣтъ, она лучше умретъ, а терпѣть притѣсненій не станетъ! Да, руки на себя наложитъ, а не позволитъ ему пальцемъ до нея дотронуться. Довольно и того, что онъ сгубилъ ея молодость, унижалъ ее семнадцать лѣтъ своими мужицкими ласками, своими сальными нѣжностями въ пьяномъ видѣ. Она содрогнулась отъ брезгливаго чувства... И какъ она вынесла все это, какъ не покончила съ собою давно? Мученица она! Только теперь она узнала счастіе! Надолго ли? Что будетъ, когда Женя найдетъ невѣсту?.. Ей вспомнилось, что онъ вчера говорилъ о желаніи жениться. Женится— и броситъ ее. Тогда лучше и не жить...

II.

Послѣ разговора съ мужемъ Марья Львовна долго волновалась, все думая о томъ, что будетъ, если мужъ узнаетъ о ея связи съ Шаховымъ, и чѣмъ болѣе она волновалась, тѣмъ сильнѣй ей хотѣлось поскорѣй увидѣть Евгенія Александровича. Надо же ему сообщить свои тревоги. Съ кѣмъ же ей дѣлиться всѣмъ, что ее волнуетъ? Она увѣряла себя, что только для того она и хочетъ поскорѣй его видѣть. Это былъ первый попавшійся предлогъ, которымъ она старалась

Digitized by Google

оправдать себя въ своихъ глазахъ, рѣшившись зайти въ этотъ же день къ Шахову. Она иногда заходила къ нему и прежде, такъ просто въ гости. Это, конечно, не удивляло никого, ни Шахова, ни ее, ни постороннихъ. Теперь же этотъ визитъ нѣсколько смущалъ ее. Удобно ли идти къ нему безъ приглашенія? Вѣдь они видѣлись еще вчера. Не подумаетъ ли Женя, что она навязывается? Но вѣдь она идетъ затѣмъ, чтобы сказать ему, что произошло между нею и мужемъ. Что же произошло? Ахъ, ну, взволновалась она, пришло ей въ голову, что будетъ, если мужъ все узнаетъ. Надо же объ этомъ поговорить... Она пошла.

Въ дверяхъ квартиры Евгенія Александровича ее встрѣтилъ Гриша словами:

— Барина нѣтъ дома.

— Можетъ-быть, онъ не приказалъ принимать? — сорвалось у нея съ языка.

— Помилуйте-съ,—отвѣтилъ Григорій:—я знаю-съ, кого можно и кого не слѣдуетъ принимать.

Она сконфузилась. Что ей пришло въ голову сказать эту глупую фразу? Не станетъ же Женя прятаться отъ нея.

— Прикажете что-нибудь передать барину? — спросилъ Гриша.

— Нѣтъ, нѣтъ... что же... кланяйся...

Она совсѣмъ растерялась и опустила глаза передъ Григорьемъ. Ей внезапно пришло въ голову, что, можетъ-быть, Григорій все знаетъ.

Сконфуженная, она пошла домой, досадуя на себя, зачѣмъ она заходила къ Шахову. Она испытывала странное чувство: ей было стыдно теперь передъ Евгеніемъ Александровичемъ. Вотъ онъ придетъ домой, Григорій скажетъ, что она была. Что подумаетъ Шаховъ? Подумаетъ, что она преслѣдуетъ его. Вчера видѣлись, а сегодня опять прибѣжала. Онъ вѣдь не знаетъ, что она приходила только затѣмъ, чтобы подѣлиться съ нимъ своими тревогами. Надо было подождать, пока онъ самъ придетъ къ нимъ, къ Сергуховымъ. Теперь онъ, пожалуй, подумаетъ, что она будетъ дѣлать къ нему ежедневные набѣги... Она почти со страхомъ ждала появленія Шахова у нихъ. Онъ завернулъ къ нимъ въ тотъ же день вечеромъ. Марья Львовна была дома одна съ Олей. Шаховъ поздоровался съ ними и, пожимая руку Марьи Львовны, спросилъ:

— А ты, Маня, заходила ко мнѣ. По дѣлу?

Она торопливо тревожными, испуганными глазами ука-

Digitized by Google

зала ему на Олю. Онъ, повидимому, не понялъ этого взгляда и продолжалъ:

— А я по дѣламъ ѣздилъ. Предложили быть защитникомъ въ одномъ процессѣ. Очень интересное дѣло.

Оля начала разспрашивать. Какое дѣло — уголовное или гражданское? Шаховъ отвѣтилъ: политическое. Оля заинтересовалась: кто и за что будетъ судиться? Какихъ результатовъ ждетъ Шаховъ отъ своей защиты? Евгеній Александровичъ заговорилъ серьезно и обстоятельно, удовлетворяя любопытство молодой дѣвушки. Марья Львовна уже сердилась на дочь... Чего она разспрашиваетъ? Ей-то что за дѣло до этого процесса? Вѣчно хочетъ быть выскочкой и играть роль всѣмъ интересующейся дѣвушки. Хоть бы выпроводить ее какъ-нибудь. Надо же объясниться съ нимъ сейчасъ же, какъ можно скорѣе. И какъ онъ опрометчивъ, сказалъ, что она, Марья Львовна, была у него! Вѣдь Оля могла спросить ее: «зачѣмъ ты ходила, мама?» Отъ Ольги всего можно ждать. Ей все нужно знать. Наконецъ, Серпухова не выдержала и сказала:

— Оля, прикажи приготовить чай!

— Еще рано, — отвѣтила Ольга, мелькомъ взглянувъ на стѣнные часы.

— Вовсе не рано! — рѣзкимъ тономъ замѣтила мать. — Поди и прикажи ставить самоваръ, да распорядись насчетъ булокъ.

Оля вспыхнула, заслышавъ рѣзкія ноты въ голосѣ мамери, хотѣла что-то возразить, но сдержалась, закусивъ нижнюю губу. Она поднялась съ мѣста и вышла изъ комнаты.

— Ахъ, какъ ты неосторожень, Женя!—воскликнула торопливо Марья Львовна. — Сказалъ при ней, что я была у тебя.

— Что-жъ тутъ необыкновеннаго?—спросилъ онъ.—Развѣ ты не имѣешь права бывать у меня?

— Это можетъ возбудить подозрѣнія... Я была, чтобы сказать тебѣ, какъ напугалъ меня сегодня Юрій... Онъ былъ такой странный, какъ никогда...

Оля вернулась въ комнату и прервала разговоръ на полусловѣ. Ее немного удивило наступившее при ея появленіи молчаніе. Въ головѣ молніей мелькнуло подозрѣніе, что говорили въ ея отсутствіи именно о ней. Мать, конечно, опять жаловалась за что-нибудь на нее. Она искоса окинула взглядомъ присутствующихъ, точно желая угадать ихъ мысли.

Digitized by Google

— Принеси мнѣ мою работу,—обратилась къ ней мать.

— Какую работу?—отрывисто спросила Ольга, чувствуя, что ее выпроваживаютъ.

«Не дожаловалась!»—мелькнуло въ ея головѣ.

— Мое вязанье... кружево,—отвѣтила Серпухова.

— Почему же я знаю, гдѣ оно у тебя.

— Гдѣ! гдѣ! Извѣстно, въ моей комнатѣ, на этажеркѣ или въ швейномъ столѣ.

— Такъ ты и схóди сама. Что я буду рыться...

— Дѣлай, что тебѣ велятъ!—запальчиво приказала Марья Львовна.

Лицо Оли покрылось пятнами. Она уже не владѣла собою. Мысль, что мать хочетъ въ ея отсутствіи еще нажаловаться на нее, охватила ее всю.

— Ты бы ужъ лучше прямо сказала, что я тебѣ мѣшаю!—гнѣвно сказала она.—Это было бы хоть честно!

— Оля! Что вы говорите!—невольно сорвалось съ языка Евгенія Александровича.—Кому вы можете...

Она не дала ему кончить фразы и вспыльчиво отвѣтила:

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! Развѣ я дѣвочка! Развѣ я ничего не вижу, не понимаю?

Марья Львовна, трусливая по натурѣ, сидѣла теперь блѣдная, растерянная, не имѣя силъ говорить. Она думала, что дочь угадала истину, поняла ея отношенія къ Шахову. Ее охватилъ малодушный страхъ. Оля, между тѣмъ, вся въ слезахъ, уже направлялась къ двери. Когда дверь затворилась за нею, Евгеній Александровичъ проговорилъ:

— Маня, Маня, можно ли такъ дѣлать! Зачѣмъ тебѣ понадобилось удалить ее? Къ чему это подливанье масла въ огонь?

Марья Львовна, почти плача, воскликнула:

— Шпіонитъ за мной, точно соглядатаи кругомъ, минуты нѣтъ спокойной!

Шаховъ заходилъ по комнатѣ.

— Такъ, Маня, нельзя жить!—заговорилъ онъ мягко.— Семейное счастіе дороже всего, и его нечего отравлять пустяками. Ты была не права теперь. Чѣмъ могла помѣшать Оля? Зачѣмъ было выпроваживать ее? Поговорить со мною съ глазу на глазъ было нужно? Минута нашлась бы и послѣ. А теперь — и сама ты взволновалась, и она раскапризничалась...

Онъ подсѣлъ къ Серпуховой и дружески взялъ ея руку. Въ его голосѣ зазвучала особенная задушевность.

Digitized by Google

— Ты знаешь, родная, до чего тебя довели эти вѣчныя семейныя дрязги и ссоры, — началъ онъ.—Не будь ихъ, не сдѣлала бы ты того шага, который тебя такъ пугаетъ теперь своими послѣдствіями. Не боялась бы ты никакихъ намековъ и угрозъ мужа, не мерещилось бы тебѣ шпіонство дочери тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ... Я много думалъ въ эти два дня о твоемъ положеніи. Такъ дѣла не могутъ продолжаться, или ты дойдешь Богъ вѣсть до чего... Надо позаботиться объ улучшеніи ихъ... Ты знаешь, я всегда былъ сердечно привязанъ къ тебѣ, къ твоему мужу, къ твоей семьѣ, а теперь — теперь мнѣ кажется, что я принялъ на себя обязательство уладить такъ или иначе ваши дѣла...

Онъ ласково улыбнулся.

— Я вѣдь тоже немного виноватъ передъ тобою, передъ Юріемъ... Положимъ, что и ты, и я, мы оба увлеклись въ минуту невмѣняемости, но все же увлеклись. Этого уже не вычеркнешь изъ жизни. Теперь надо только заботиться, чтобы въ будущемъ тебѣ жилось легче, чтобы не являлось этой потребности забыться, такъ сказать, запивать съ горя... Вѣдь, въ сущности, всѣ вы и добрые, и хорошіе люди, и только какъ-то не умѣете сѣсться, уступокъ не дѣлаете другъ другу, не стараетесь войти въ интересы другъ друга. Точно маленькіе козлята, всѣ хотите бодаться...

Онъ заговорилъ тихо, плавно, тѣмъ задушевнымъ и ласковымъ, немного пѣвучимъ тономъ, какимъ говорятъ добрыя няньки съ дѣтьми, вразумляя ихъ. Взявъ снова руку Марьи Львовны, онъ гладилъ эту руку своею мягкой и нѣжной рукой. Глаша принесла вязанье Марьи Львовны со словами:

— Барышня приказали отдать!

Шаховъ замѣтилъ Серпуховой:

— Ну, вотъ, вѣрно, теперь плачетъ дѣвочка. Ты тоже нахохлилась. Ахъ, дѣти, дѣти! Сами набѣдокурятъ и сами же каются!.. Такъ всю жизнь жить, голубка, нельзя! Ты взгляни на меня. Неужели ты думаешь, что мой путь усѣянъ однѣми розами? Нѣтъ, милая, нѣтъ! У меня есть тоже и огорченія, и столкновенія съ людьми. Но я дѣлаю все, чтобы сгладить острые углы жизни. Ты спроси моихъ домашнихъ, Гришу, Аграфену Матвѣевну, сколько разъ они были виноваты предо мною, и много ли рѣзкихъ выговоровъ, много ли бурныхъ сценъ вышло изъ-за этого. Иногда хочется раскричаться, поднять бурю, но вспомнишь, что и самъ дѣлаешь ошибки, что всѣ не безъ грѣха, сдержишься

Digitized by Google

на минуту, и потомъ все уладится болѣе разумно и болѣе мирно. А вѣдь Гриша какой-нибудь мнѣ не сынъ, какая-нибудь Аграфена Матвѣевна мнѣ не дочь...

Онъ еще осторожнѣе и ласковѣе сталъ выяснять Марьѣ Львовнѣ, какъ должна она относиться къ своимъ дѣтямъ.

— Вспыльчивы они, капризны, задору у нихъ много, я это знаю. Но пережидай въ извѣстныя минуты: пусть пройдетъ вспышка, и тогда, не сердясь, не горячась, укажи имъ, что они не правы. Я знаю, что это не легко, потому что ты несчастна, но вѣдь постоянно повторяющіяся дрязги дѣлаютъ тебя еще болѣе несчастною, и потому выбирай изъ двухъ золъ меньшее... Нѣтъ, погоди, я самъ возьмусь за устройство вашего семейнаго очага. Ты увидишь еще, какъ я васъ всѣхъ примирю и передѣлаю: тебя первую. Да, да!

Онъ шутилъ дружески, родственнымъ тономъ. Она сидѣла точно пришибленная, точно приниженная, не зная, что отвѣчать ему. Въ головѣ былъ какой-то хаосъ. Зачѣмъ онъ толкуетъ о ея семейномъ счастіи, о примиреніи съ дѣтьми, объ устройствѣ мирнаго семейнаго очага. Ей хотѣлось крикнуть: «не надо мнѣ семейнаго счастія!» «не говори мнѣ о немъ!» «не того я прошу у тебя!» Но въ то же время ее охватывалъ стыдъ, слова замирали на языкѣ. А Шаховъ продолжалъ ей говорить дружескія успокоительныя слова. Всегда онъ, какъ братъ, горячо заботился о ней, теперь же ея счастіе и счастіе ея семьи стало ему еще ближе, послѣ ихъ увлеченія. Онъ теперь чувствуетъ себя какъ бы обязаннымъ всѣхъ ихъ примирить, всѣхъ ихъ сдѣлать счастливыми. Къ этому обязываетъ его сдѣланный имъ проступокъ. Послѣ этого проступка она стала какъ бы вдвойнѣ дорогою ему... У нея билась кровь въ вискахъ, и въ головѣ стучала молоткомъ одна фраза: «не любитъ онъ меня, не любитъ!» Она не ошиблась: онъ не только не любилъ ее тою любовью, какой хотѣлось ей, но даже не вѣрилъ, что и она серьезно любитъ его такою любовью; онъ просто думалъ, что они оба въ минуту невмѣняемости «увлеклись» и что повторять эти увлеченія, поддерживать и раздувать на минуту вспыхнувшій огонекъ, это значило бы просто-на-просто развратничать. Ошибки всегда простительны, порокъ всегда кладетъ на человѣка пятно...

Когда Шаховъ ушелъ отъ Серпуховыхъ, Марья Львовна бросилась на постель и проплакала почти всю ночь.

Digitized by Google

III.

Евгеній Александровичъ уговорилъ Серпуховыхъ жить въ Павловскѣ. Самъ онъ каждое лѣто жилъ тамъ. Сообщеніе удобное. Юрій Дмитріевичъ можетъ каждый день ѣздить домой изъ должности. Это избавитъ его отъ жизни лѣтомъ на холостую ногу. Шаховъ даже предложилъ Юрію Дмитріевичу осторожно свою помощь, если у Серпухова не хватитъ средствъ для дачи или для ѣзды на дачу. Вообще онъ такъ участливо относился теперь ко всѣмъ членамъ семьи Серпуховыхъ, какъ будто это была его собственная семья. На Марью Львовну онъ смотрѣлъ съ трогательною озабоченностью, какъ матери смотрятъ на неосмотрительнаго ребенка, причинившаго себѣ вредъ своею неосторожностью. Эта заботливость, это попеченіе о Серпуховыхъ доставляли Шахову безконечное наслажденіе, наполняя пустоту холостой праздной жизни и доставляя возможность проявлять свою доброту. Иногда Марья Львовна, смотря на него, всегда нѣжнаго и ласковаго, увлекалась и, улучивъ свободную минуту, обнимала его. Онъ нѣжно цѣловалъ ее въ лобъ, гладилъ рукою по головѣ, какъ ребенка, и говорилъ:

— Милая, ты теперь покойнѣе? Ты замѣчаешь, что ваша семейная жизнь стала ровнѣе? Погоди, я увѣренъ, что всѣ углы сгладятся окончательно...

И онъ указывалъ ей на то, что Серпуховъ вовсе не кутитъ, что капризныя выходки Оли становятся рѣже, что Сеня сталъ менѣе грубымъ. Она слушала его и не смѣла сказать ему, что все это вовсе не интересуетъ ее, не смѣла сказать, что ей мало его братскихъ ласкъ. Она чутьемъ угадывала, что ея горячія ласки не пробуждаютъ въ немъ отвѣтной страсти. Ее охватывала тоска, щемящая, ноющая тоска. Въ то же время каждый разъ, приласкавшись къ Шахову и встрѣтивъ съ его стороны только чисто братскую нѣжность, она испытывала чувство стыда, приниженности. Плача тайкомъ, она боялась хоть намекомъ высказать ему правду; ей все казалось, что если она скажетъ правду, — онъ станетъ ее презирать, броситъ ее совсѣмъ. Она съ непривычною для нея внимательностью вслушивалась въ разныя его фразы объ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ. Онъ допускалъ и прощалъ минутныя увлеченія; тутъ человѣкъ не владѣетъ собой и является неотвѣтственнымъ за свои проступки. Но онъ строго осуждалъ разныя тайныя связи азмужнихъ женщинъ и женатыхъ мужчинъ: разъ мужчина и

Digitized by Google

женщина серьезно любятъ другъ друга — они должны сходиться открыто, хотя бы пришлось для этого одному изъ нихъ бросить семью. Связь замужней женщины съ мужчиной тайкомъ отъ мужа — это развратъ, такъ какъ эта связь является явнымъ свидѣтельствомъ, что не обѣ стороны одинаково любятъ и что не обѣ стороны убѣждены въ прочности своей любви. Онъ говорилъ объ этихъ вопросахъ нерѣдко при ней, говорилъ безъ стѣсненій, безъ заднихъ мыслей, какъ думалъ, какъ былъ убѣжденъ. Порой это приводило ее въ отчаяніе, но она не смѣла даже мысленно упрекать его: онъ такъ добръ, искренень, честенъ; развѣ онъ виноватъ, что онъ ее любитъ только, какъ сестру. Она плакала о себѣ. Потомъ мелькалъ слабый лучъ надежды: можетъ-быть, онъ еще полюбитъ ее иной любовью. Она дѣлала все, что могла, чтобы онъ полюбилъ ее именно такъ. Она старалась изучить его вкусы, стремилась пріодѣться болѣе къ лицу, употребляла всѣ усилія, чтобы предупредить всѣ его желанія. Бывали минуты, когда она добивалась того, что у Шахова снова кружилась голова. Но послѣ этихъ минутъ ее охватывалъ стыдъ подъ вліяніемъ словъ Евгенія Александровича о томъ, что эти вспышки страсти не счастіе, что было бы лучше, если бы ихъ не было, если бы взаимная привязанность его и Марьи Львовны была чище. Иногда ей казалось, что кромѣ униженія она не испытывала ничего въ эти минуты. И вдругъ, раздражаясь, доискивалась причины всего своего несчастія, она останавливалась на мысли: «что было бы, если-бъ она была не замужемъ или вдовою?» Тогда, можетъ-быть, все пошло бы иначе, у нея на дорогѣ не стоялъ бы Юрій. Ради его такъ остороженъ съ нею Женя. Будь она свободна, ничто не мѣшало бы ему любить ее. Она почти съ ненавистью глядѣла въ такія минуты на Серпухова...

Какъ-то разъ онъ вернулся на дачу поздно и порядочно навеселѣ. Онъ встрѣтилъ Марью Львовну и началъ нѣжничать съ нею. Она брезгливо отстранилась отъ него.

— Что это? Ты опять пьянъ? — рѣзко сказала она. — Поди, проспись!

— Кутнулъ, кутнулъ, Манюша! — проговорилъ онъ кающимся тономъ. — Кто Богу не грѣшенъ! Ну, да теперь, цыпка, я, вѣдь, рѣдко. Ни, Боже мой, чтобы часто! Женька облагораживаетъ, тонкими винами угощаемся и въ плепорціи пьемъ. Благородство великое дѣло!

Онъ иронизировалъ и шутилъ, не замѣчая выраженія

Digitized by Google

лица жены. Его руки и губы опять потянулись къ ней. Мужъ и жена стояли въ коридорчикѣ, гдѣ каждую минуту кто-нибудь могъ застать ихъ. Пьяное лицо и сальныя заигрыванія могли вызвать въ трезвомъ человѣкѣ только отвращеніе. Къ этому присоединилась еще мысль о томъ, что этотъ пьяный человѣкъ стоитъ поперекъ дороги къ счастью. Марья Львовна вышла изъ терпѣнія.

— Я тебѣ говорю: оставь меня! Всю жизнь унижалъ меня пьяной любовью, всю жизнь!—почти крикнула она.— Теперь довольно!

Она рѣзко оттолкнула мужа отъ себя.

— Маня! Манюша! Что съ тобой?—заплетающимся языкомъ проговорилъ онъ, ловя ея руку.—Обидѣлъ? Свинья... обидѣлъ свою женку!

— Оставь! Оставь! Я не падшая женщина, которую каждый можетъ за деньги обнимать въ пьяномъ видѣ! Всю жизнь топталъ меня въ грязь! Мнѣ за себя стыдно. Отвращеніе, а не любовь возбуждалъ ты во мнѣ...

Она торопливо пошла отъ него по коридору. Онъ, ошеломленный, начавшій смутно понимать смыслъ ея словъ, стоялъ, грузно прислонясь къ стѣнѣ, съ широко открытыми пьяными глазами.

— Оскорблялъ... пьяными ласками... Къ падшимъ женщинамъ такъ можно относиться... Отвращеніе, а не любовь пробуждалъ...

Онъ бормоталъ эти безсвязныя фразы, шатаясь около стѣны.

— Мужъ... жену превратилъ въ падшую женщину... Хорошъ мужъ!.. Дѣти есть — господа-дѣти — придутъ и увидятъ... Пьяный отецъ!.. Олечка придетъ... скажетъ: «папа, зачѣмъ ты пьешь?..» ласково скажетъ...

Онъ почувствовалъ, что по его щекамъ текутъ слезы. Онъ пошарилъ машинально въ карманѣ и, не найдя платка, махнулъ рукой.

— Инвалидъ... старый инвалидъ...

Онъ, пошатываясь, сталъ около стѣны пробираться въ свою комнату, за что-то зацѣпилъ по дорогѣ, что-то съ шумомъ упало на полъ.

— Т-съ!.. не тронь... никто не долженъ знать... дѣти не должны знать!..

Его голова отказывалась ему служить. Мысли путались. Кое-какъ добравшись до своей комнаты, онъ свалился въ одеждѣ на свою кровать и захрапѣлъ.

Digitized by Google

IV.

Проснувшись поздно утромъ, Юрій Дмитріевичъ осмотрѣлъ мутными глазами комнату, потомъ себя. Онъ понялъ, что съ нимъ случилось наканунѣ. На полу валялись шляпа и трость; самъ онъ лежалъ въ пальто, въ сапогахъ на постели. Значитъ, вернулся домой пьянымъ и заснулъ, ничего не помня. Онъ поморщился. Не видалъ ли его кто-нибудь изъ домашнихъ въ этомъ видѣ? Оля не видала ли? Опять огорчится... Внезапно ему вспомнилось, что кто-то упрекалъ его. Оля? Нѣтъ,—жена! Онъ сталъ съ усиліемъ припоминать все происшедшее, отдѣльныя фразы. Въ памяти воскресло все... Онъ быстро спустилъ ноги на полъ, сѣлъ. Впервые въ жизни онъ созналъ вполнѣ свое нравственное паденіе и то, до чего оно довело его въ отношеніяхъ къ женѣ. Да, онъ былъ не мужъ, а любовникъ, приходящій пьянымъ къ женѣ, какъ къ падшей продажной женщинѣ. Какое омерзеніе долженъ онъ былъ внушать ей. И почему она молчала прежде, раньше? Семнадцать слишкомъ лѣтъ молчала. А вчера вдругъ высказалась. Чаша, вѣрно, переполнилась. Вотъ и Оля тоже молчала, а недавно вдругъ все вылилось изъ души... Ему вспомнилась почему-то одна фраза Оли: «что обо мнѣ подумаетъ Евгеній Александровичъ!» Евгеній Александровичъ! Онъ пробудилъ въ Олѣ сознаніе ея недостатковъ. Не подъ его ли вліяніемъ прозрѣла и Маня? Онъ часто говоритъ о супружескихъ отношеніяхъ, говоритъ честно и правдиво... «красно говоритъ»,— закончилъ мысленно Сернуховъ, и по его лицу скользнула усмѣшка. Много онъ наслушался и наговорилъ самъ этихъ рѣчей!.. Что-жъ, Евгеній Александровичъ могъ заставить Маню задуматься о ея собственныхъ супружескихъ отношеніяхъ, и она поняла всю ихъ грязь. Онъ постучалъ кулакомъ по лбу.

— Старый распутникъ! старый распутникъ! - проговорилъ онъ злобно.

Онъ чувствовалъ омерзеніе къ себѣ самому. Въ воспоминаніи воскресли мелочи: грязь супружескихъ отношеній, исторія въ родѣ сцены въ день смерти отца жены, отрывочныя фразы Марьи Львовны: «оставь!» «иди къ себѣ!» выраженіе лица жены въ извѣстныя минуты. Онъ грузно поднялся и сталъ раздѣваться, чтобы умыться. Снимая верхнее платье, онъ не безъ отвращенія смотрѣлъ на залитую чѣмъ-то и выпачканную грязью одежду... Все лѣто

Digitized by Google

почти онъ не пилъ, благодаря вліянію Шахова и какой-то безсознательной стыдливости передъ Олей, и это былъ его первый кутежъ послѣ долгаго воздержанія. Отъ прежнихъ кутежей онъ почти не отрезвлялся вполнѣ, ходя постоянно въ какомъ-то вѣчномъ туманѣ, не проходящемъ угарѣ; теперь онъ былъ вполнѣ трезвъ и ощущалъ только горечь во рту, да что-то тяжелое и непріятное во всемъ тѣлѣ, точно оно все было исколочено и покрыто синяками. Онъ не сразу рѣшился выйти въ столовую, конфузясь и стѣсняясь, какъ провинившійся школьникъ. Когда онъ входилъ въ столовую, онъ дѣйствительно имѣлъ видъ мокрой курицы. Марья Львовна сидѣла за чайнымъ столомъ и мыла чашки. Мужъ подошелъ къ ней и взялъ ея руку.

— Извини, Маня,—тихо сказалъ онъ, поднося ея руку къ губамъ.

Она вырвала у него свою руку и отвернулась.

— Пожалуйста, безъ нѣжностей!—сказала она капризно.

— Не сердись, голубка!—покорно проговорилъ онъ и наклонился, чтобы поцѣловать ее.

Она отстранилась.

— Я тебѣ говорю: оставь меня!—рѣзко воскликнула она.—Кажется, пора перестать нѣжничать...

Онъ остановился.

— Маня, я же каюсь въ своихъ прегрѣшеніяхъ,—произнесъ онъ.—Согрѣшилъ, ну, и каюсь...

Ему хотѣлось обратить все въ шутку, какъ-нибудь замять все. Но шутка не удалась. Серпухова встала.

— Чего вамъ отъ меня нужно?

— Маня, на «вы»-то съ чего говорить?—началъ онъ.

Она, не слушая его, продолжала.

— Вы оскорбляете меня ласками въ пьяномъ видѣ и еще хотите мучить въ трезвомъ видѣ.

— Мучить?—машинально повторилъ онъ.

— Да, да, мучить!—запальчиво крикнула она.—Пора вамъ понять, что вы во мнѣ все, все убили. Для васъ я и первая публичная женщина, продажная проститутка были одинаково милы; которая первая попалась навстрѣчу, къ той вы и шли съ объясненіями въ любви. И вы думали, что за это можетъ васъ полюбить жена!.. Теперь довольно! Вы просите прощенья, чтобы имѣть право завтра же придти ко мнѣ опять въ пьяномъ видѣ...

— Маня! воскликнулъ онъ.

— Да, да, я васъ знаю! Никогда вы меня не любили,

Digitized by Google

не уважали! Я семнадцать лѣтъ была въ роли вашей любовницы—и только! Да, да! Теперь я не могу, не хочу играть этой роли. Слышите?

— Какъ же не слыхать, ты такъ громко кричишь,—съ горечью проговорилъ онъ, самъ не сознавая, что онъ говоритъ.

— А! вы еще насмѣхаетесь! вы еще глумитесь! Да и то сказать, что вамъ за дѣло до моихъ мукъ, до слезъ! Сегодня же пьяный вы попробуете опять ворваться ко мнѣ. Но нѣтъ, я не позволю...

Онъ очнулся и съ упрекомъ покачалъ отрицательно головою:

— Этого не бойся!

Въ этой фразѣ было что-то горькое, вырвавшееся изъ глубины души.

Она быстро вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Онъ стоялъ съ опущенной головой. «Что-жъ, она права, она права! Возражать даже нечего. Оправдываться? Оправданія всему можно найти, но развѣ отъ этого легче». Эти мысли смутно проходили въ его головѣ. Этотъ Геркулесъ, неуклюжій и неловкій, съ растерянным выраженіемъ лица, съ понурой головой, былъ жалокъ. Онъ не зналъ, за что приняться, что дѣлать.

— Папа, что съ тобой?—послышался позади него голосъ Оли.

Онъ очнулся. По его лицу скользнула жалкая усмѣшка.

— Голову намылили твоему папѣ—и по дѣломъ!—сказалъ онъ, цѣлуя дочь въ голову.

— Опять подкутилъ?—спросила она.

— Да, согрѣшилъ...

— Ай, ай! какъ не стыдно!

Онъ тяжело опустился на кресло, осунувшійся, какъ бы недомогающій. Она изумилась выраженію его лица.

— Папа, да ты боленъ?—тревожно воскликнула она.

— Боленъ... вотъ такъ, какъ ты была больна... помнишь, тогда...

Она кивнула утвердительно головой, пристально вглядываясь въ лицо отца.

— Жилъ, жилъ чуть не до пятидесяти лѣтъ и ни разу не задумался о томъ, что я негодяй!—проговорилъ онъ.—А теперь вотъ вдругъ...

— Папа, полно!—воскликнула Оля.

Онъ точно очнулся, провелъ рукой по глазамъ и сказалъ:

— Ничего, это пройдетъ... Странно только: десятки лѣтъ

Digitized by Google

ведешь извѣстный образъ жизни и только вдругъ случайно взглянешь на себя со стороны и ужаснешься.

Онъ поднялся съ мѣста съ недоумѣвающимъ, растерянным видомъ и пошелъ къ себѣ. Дочь провожала его озабоченнымъ взглядомъ. Она не понимала, что съ нимъ случилось. Не могъ же его такъ перевернуть простой кутежъ. Ужъ не надѣлалъ ли онъ чего-нибудь въ банкѣ? Теперь въ банкахъ идутъ разныя упущенія, кражи. Можетъ-быть, отца запутали какіе-нибудь недобрые люди. Надо узнать. Лучше всего переговорить съ Евгеніемъ Александровичемъ. Онъ такой добрый и умный. Онъ сумѣетъ все разузнать у папы, если папа и захочетъ что-нибудь скрыть. При воспоминаніи о Шаховѣ ея лицо покрылось румянцемъ. Этотъ человѣкъ, какъ она сама сознавалась передъ собою, сдѣлалъ въ ея душѣ переворотъ. Она теперь далеко не та, чѣмъ была нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, или лучше сказать, она старается быть иною. Онъ и на папу даже повліялъ благотворно. Папа чаще остается дома и не кутитъ...

Она тихо вышла на террасу и встала у перилъ, глядя куда-то безцѣльно въ пространство, охваченная сладкими грёзами. Ей подвернулся подъ руку цвѣтокъ. Она сорвала его и стала машинально ощипывать его лепестки. Оборвавъ ихъ до половины, она выпустила цвѣтокъ изъ рукъ и задумчиво съ легкимъ вздохомъ прошептала:

— Но полюбитъ ли онъ-то когда-нибудь?...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Въ одномъ изъ лѣтнихъ нумеровъ газеты появилось объявленіе въ траурной рамкѣ, извѣщавшее родныхъ и знакомыхъ о смерти Каролины Карловны Кроль. Это коротенькое и сухое извѣстіе породило цѣлую массу самыхъ разнородныхъ чувствъ и толковъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ петербургскаго общества и въ особенности въ родственномъ кружкѣ Серпуховыхъ. Юрій Дмитріевичъ, чувствовавшій себя все время послѣ сцены съ женою въ самомъ скверномъ настроеніи и бродившій въ домѣ съ видомъ напроказившаго школьника, прочиталъ это объявленіе за утреннимъ чаемъ. Оно такъ сильно поразило его, что онъ замѣтилъ Марьѣ Львовнѣ, дувшейся на него и почти не говорившей съ нимъ въ послѣдніе дни:

Digitized by Google

— Знаешь, Маня, кто умеръ? Каролина Карловна Кроль.

Марья Львовна, несмотря на негодованіе на тирана-мужа, взволновалась, точно ее кольнуло что-то въ самое сердце.

— А! Интересная новость!—воскликнула она.—Теперь Маріанна можетъ торжествовать!

— Да, это для нея развязка... счастливая развязка,—задумчиво проговорилъ Юрій Дмитріевичъ, покачивая головой.—Хотя, конечно, не легко знать, что личное счастье покупается чужою смертью. Не такъ-то легко шагать къ счастью черезъ чужіе трупы!..

— Ахъ, очень ее заботитъ смерть какой-нибудь Кроль! благо дорогу очистила!—рѣзко сказала Серпухова.

— Маріанна человѣкъ съ сердцемъ,—коротко замѣтилъ мужъ.

— Съ сердцемъ, съ сердцемъ! Что ты мнѣ говоришь! Съ сердцемъ или не съ сердцемъ, а все же будетъ рада отъ врага избавилась!

И, вся охваченная завистливымъ чувствомъ къ счастливой женщинѣ, освободившейся отъ соперницы, она продолжала уже не безъ ядовитости:

— И я думаю, какъ голову подниметъ! Сперва въ грязь ее топтали, теперь вѣдь кланяться будутъ. Еще бы: милліонершей стапетъ, законной супругой виднаго человѣка. Забудутъ даже, что она была просто его содержанкой...

Юрій Дмитріевичъ поднялъ на нее удивленные глаза, не сразу сообразивъ причину ея злобной выходки.

— За что ты-то бросаешь въ нее грязью?—спросилъ онъ.—Мало ли кто оступался въ жизни и падалъ? Пусть бросаютъ тѣ въ нее камни, кто самъ безъ грѣха, а мы...

Онъ махнулъ рукой.

Она вдругъ смолкла и растерялась. Ей опять показалось, что онъ намекаетъ на ея проступокъ. Намеки на это она ловила теперь вездѣ и всюду, какъ трусиха, не увѣренная въ томъ, что ея проступокъ легко сойдетъ ей съ рукъ.

— Къ теткѣ Варварѣ надо бы съѣздить,—въ раздумьи произнесъ Серпуховъ.—Она, вѣроятно, сильно потрясена этою смертью.

Марья Львовна, давно уже охладѣвшая къ Романовой и сердившаяся за ея черствость, опять загорячилась.

— Потрясена? Что ты выдумываешь! Все у тебя какія-то драмы! Она тоже, я думаю, только объ этомъ и молилась... Тоже самолюбіе страдало отъ мысли, что дочь живетъ на содержаніи...

Digitized by Google

— Плохо ты, Маня, знаешь людей,—коротко отвѣтилъ Серпуховъ недовольнымъ тономъ и добавилъ:—Поставь себя на ихъ мѣсто: неужели у тебя хватило бы духу радоваться въ подобномъ положеніи? Кто говоритъ,—будетъ время, когда онѣ обѣ вздохнутъ свободнѣе, но теперь... Я увѣренъ, что теперь имъ обѣимъ очень тяжело...

И принимая шутливый тонъ, въ которомъ звучала, однако, какая-то робость провинившагося шалуна, пробующаго шутить съ недовольнымъ имъ наставникомъ, онъ добавилъ:

— Вотъ ты уже недѣлю какъ дуешься на своего тирана Юрія Дмитріевича, ну, а стала бы ты прыгать отъ радости, если бы онъ взялъ да и умеръ? А вѣдь ужъ на что тиранъ: выпиваетъ и лѣзетъ съ пьяными ласками къ женѣ. Чего хуже! Ну, а умеръ бы онъ и всплакнула бы, потому что какъ никакъ, а все же человѣкъ онъ былъ, старался баловать свою женку...

Онъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ ней и приподнялъ ея голову за подбородокъ.

— Скоро перестанешь дуться-то?—спросилъ онъ ласково.

Ему хотѣлось воспользоваться удобной минутой, полусерьезно, полушутливо выругать себя, помириться съ женой и вздохнуть свободнѣе. Его всегда тяготило, когда на него кто-нибудь дулся. Она капризно отстранилась отъ него.

— Ахъ, оставь! Дѣти мы, что ли, чтобъ нѣжничать.

Онъ вздохнулъ, сдѣлался снова серьезнымъ.

— Не дѣти и даже не молодые люди, Маня, потому и стыдно капризничать... У насъ у самихъ дѣти, и мы имъ должны примѣръ подавать. Увидятъ, что мы капризничаемъ, подумаютъ, что и имъ можно брать примѣръ со старшихъ.

Его лицо приняло необычайно серьезное выраженіе. Въ голосѣ зазвучали новыя нотки если не строгости, то твердости.

— И безъ того много мы упущеній сдѣлали относительно ихъ,—продолжалъ онъ.—Имъ придется еще расплачиваться за это въ жизни. Оля вонъ и теперь переживаетъ внутреннюю ломку. Ты, конечно, замѣтила, какъ не ровенъ сталъ въ послѣднее время ея характеръ?

— Всегда была дрянная, капризная дѣвчонка!—воскликнула Серпухова.

Онъ раздражился, задѣтый за живое. Она назвала дрянною дѣвчонкою ту, которая въ послѣднее время пробудила въ немъ столько новыхъ хорошихъ чувствъ. И еще матерью называется!

— Стыдись такъ говорить о дочери!—оборвалъ онъ ее.—

Digitized by Google

Не она виновата, а мы! Если между собою мы капризничали, если на нее мало вліяли, такъ не откуда было ей научиться быть лучшей... Да дѣло не въ томъ, что сдѣлано, а въ томъ, что дѣвочка именно теперь переживаетъ внутреннюю ломку. Вотъ о чемъ я говорю.

— Что ты выдумываешь!—послышалось восклицаніе Марьи Львовны.—Откуда ты взялъ это!

— Плакать она часто начала,—съ особеннымъ удареніемъ отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ:—вотъ что.

— Плакать?—переспросила жена.

— Ну да! Прежде никогда не плакала, а теперь вѣрно и ты замѣтила, какъ часто у нея красны глазенки. Этого трудно было не замѣтить...

— Она отъ злости зубами платки носовые грызла! Что же мудренаго, что и реветъ иногда?

Серпуховъ раздражительно махнулъ рукой.

— Ахъ! Что ты за мать!—проговорилъ онъ съ досадой.

Впервые въ жизни въ немъ шевельнулось презрѣніе къ этой женщинѣ, въ которой онъ первый разъ во все время супружеской жизни вздумалъ поискать любящаго материнскаго сердца. Въ тонѣ его восклицанія было много горечи и рѣзкости, поразившихъ и оскорбившихъ Марью Львовну. Она не привыкла къ подобнымъ окрикамъ мужа и не могла хладнокровно вынести этой первой рѣзкой выходки съ его стороны.

— Ахъ, если не могъ заигрываніями и заискиваніями заставить меня забыть моихъ униженій, такъ хочешь теперь грубостями извести меня, — запальчиво вскрикнула Марья Львовна, и въ ея голосѣ прозвучали визгливыя, рѣжущія слухъ нотки.—Ты бы еще ругаться началъ, топать ногами на меня сталъ. Ужъ заодно бы, чего стѣсняться!

Онъ, точно его облили холодной водой, сразу стихъ и посмотрѣлъ на нее грустными глазами. Минутная вспышка уже прошла въ его сердцѣ и тамъ была одна горечь.

— Ты знаешь, что я даже на тѣхъ не умѣю кричать, на кого всѣ кричатъ,—мягко сказалъ онъ.—Кажется, хоть съ этой-то стороны ты могла меня узнать въ семнадцать лѣтъ и не дѣлать нелѣпыхъ упрековъ...

И, дѣлая надъ собой усиліе, усмѣхаясь горькой улыбкой, онъ закончилъ, какъ бы утѣшая самого себя:

— Впрочемъ, ты и знаешь это. Еще бы! Сама же мокрой курицей какъ-то назвала.

Онъ прошелся по комнатѣ и заговорилъ снова:

Digitized by Google

— Если я серьезно заговорилъ съ тобой объ Олѣ, такъ это потому, что ты, какъ мать, скорѣе могла бы заглянуть въ ея душу, чѣмъ я, и помочь ей въ тяжелое для нея время. Вѣдь она уже невѣста.

— Невѣста? Чья? Чья?—воскликнула Серпухова, и съ ея лица сбѣжала краска.

Серпуховъ взглянулъ на нее изумленными глазами. Съ чего это она такъ взволновалась? Что за глупый вопросъ задала?

— Ничья! Чьей же невѣстой ей быть? Шахова, что ли?—спокойно отвѣтилъ онъ.—У насъ молодежи кромѣ его нѣтъ никого. Ну, а онъ еще покуда не дѣлалъ предложенія... Просто я хотѣлъ сказать, что она переживаетъ тотъ возрастъ, когда дѣвушки выходятъ замужъ. Вотъ и все.

Марья Львовна сидѣла съ растерянным выраженіемъ лица. Въ ея головѣ все спуталось. Оля невѣста. Кромѣ Шахова у нихъ нѣтъ молодыхъ людей. Онъ еще не сдѣлалъ покуда предложенія. Значитъ, думаютъ, что можетъ сдѣлать. Кто это думаетъ—ея мужъ или ея дочь? Можетъ-быть, у нихъ есть основанія такъ думать, разсчитывать на это? Ольга вѣдь способна насильно женить на себѣ человѣка. И слишкомъ ужъ мягокъ Женя. Серпухова почувствовала что-то въ родѣ раздраженія и негодованія на Шахова за то, что онъ слишкомъ мягокъ. Не замѣчая ея растерянаго вида, ея глупо вопросительнаго взгляда, Серпуховъ продолжалъ:

— Кстати о Женькѣ. Не нравится мнѣ, что онъ балуетъ Сеню. Правда, мы сами пріучили мальчишку играть роль взрослаго и франтить. Но Женька, кажется, ссужаетъ его деньгами и даетъ ему возможность кутить. Благо самъ можетъ прожигать жизнь, такъ и другимъ потворствуетъ.

— Кто это тебѣ сказалъ, что Женя прожигаетъ жизнь?—запальчиво сказала Серпухова, вступаясь за Шахова.

— Никто не говорилъ, самъ знаю,—равнодушно отвѣтилъ мужъ.—Еще бы! Богатъ, дѣла нѣтъ, молодъ, ну, и соритъ деньгами, куда попало. Да пусть что хочетъ, то и дѣлаетъ, хоть всѣхъ француженокъ содержитъ, это до насъ не касается. Надо только попросить его не давать подачекъ Сенѣ. И теперь ужъ мальчишка фатомъ смотритъ. Pince-nez завелъ, хлыстики какіе-то, кривляется передъ павловскимъ beau-monde. И смѣшно, и жалко смотрѣть на этихъ безусыхъ хлыщей. Право, неумытые разгильдяи нашего времени были все же лучше. Тѣ могли на полу слѣды грязи оставить, а эти

Digitized by Google

того и гляди изъ чужихъ кармановъ и изъ чужихъ сундуковъ деньги воровать станутъ. Нужно же на наряды, да на пусканье пыли въ глаза. Вотъ почему я боюсь за Сеньку. Привыкнетъ жить не по средствамъ—ему же хуже будетъ. Я могу умереть, тогда...

Онъ совсѣмъ нахмурился. Его лицо приняло непривычно-озабоченное выраженіе.

— Покоя мнѣ не даетъ эта мысль нынче,—заговорилъ онъ.—Ничего не скопили. Сковырнись я—и ума не приложу, что будетъ съ дѣтьми, съ тобою. Проклятая эта частная служба безъ пенсій, безъ эмеритуръ...

Онъ тревожно потеръ рукою лобъ.

— Нѣмцамъ на ней, да жидамъ служить, а не русскимъ. Тѣ скопятъ, а мы—десятокъ тысячъ намъ въ годъ дай, мы и то слопаемъ, да еще безъ удобствъ, безъ комфорта, а такъ, зря слопаемъ... Дѣти еще не стоятъ на своихъ ногахъ, а ты—гдѣ же тебѣ работать. Къ этому привычка нужна. Люди же—сегодня друзья-пріятели, а случись бѣда—и не найдешь никого. Всѣ хвостомъ вильнутъ. Вонъ и Женька, теперь швыряетъ деньги Сенькѣ, а женится, такъ тогда хоть въ нуждѣ Сенька будь—гроша не дастъ...

Не замѣчая тревожныхъ взглядовъ жены, онъ продолжалъ въ раздумьи:

— Да, плохо, когда все счастье семьи зависитъ отъ одного человѣка, когда сегодняшніе достаточные люди завтра могутъ нищими сдѣлаться. Мало мы о черномъ днѣ думали, а вотъ теперь, когда то тутъ, то тамъ покалывать стало, и пришла забота...

Серпухову охватилъ ужасъ. Что если въ самомъ дѣлѣ мужъ умретъ? Она искоса бросила на него взглядъ. Какъ онъ измѣнился за послѣднее время. Что съ нимъ? Ужъ въ самомъ дѣлѣ не боленъ ли онъ? Что будетъ, если вдругъ умретъ? Еще недавно она думала, что она была бы счастливѣе, если была бы свободна. Теперь мужъ показалъ ей оборотную сторону медали: пока онъ былъ живъ, она могла жить въ полномъ довольствѣ; умри онъ, и она останется нищею. Ей вспомнилось, что ей говорила Варвара Павловна объ ужасахъ нищеты. Ее охватилъ страхъ. Она пробовала утѣшать себя. Женя поможетъ. А если онъ женится? Да онъ и женится непремѣнно. Что можетъ его удержать отъ женитьбы? Ужъ не любовь ли къ ней, къ Марьѣ Львовнѣ? Она съ горечью скривила лицо въ гримасу. Развѣ онъ любитъ! О, никогда, никогда онъ не любилъ ея и не полю-

Digitized by Google

битъ! Она испугалась этой мысли, мелькнувшей въ умѣ какимъ-то злымъ упрекомъ Шахову, и стала опять утѣшать, обманывать себя. Чего ей еще надо? Женя ей преданъ, онъ позволяетъ ей любить его. Онъ никогда ея не броситъ, даже когда женится, и тогда не броситъ. Она утѣшала себя и не вѣрила въ то, что думала...

II.

Серпуховъ въ одинъ изъ слѣдующихъ дней заѣхалъ въ Петербургѣ къ Варварѣ Павловнѣ. Сначала онъ, подъѣхавъ къ жилищу Романовой, подумалъ, что онъ не туда попалъ, такъ все здѣсь измѣнилось. На мѣстѣ, гдѣ стояло старое зданіе пріюта, шла спѣшная постройка новаго зданія. Лѣса, груды кирпичей, масса рабочихъ, все это было такъ не похоже на то, что здѣсь было еще ранней весной. Деревья сада были запылены и нѣкоторыя изъ нихъ стояли съ поломанными вѣтвями. Проникнувъ во дворъ, Серпуховъ остановилъ какого-то мужика, въ синей поддевкѣ. Это былъ десятникъ. Десятникъ, озабоченный хлопотами по постройкѣ, наскоро сообщилъ Юрію Дмитріевичу, что пріютъ перебрался ещё съ весны на дачу, и что Варвара Павловна съ Тарасихой только иногда заѣзжаютъ сюда посмотрѣть на работы. Ѣхать на дачу было далеко, и Серпуховъ отложилъ эту поѣздку...

Дней черезъ пять, садясь въ вагонъ, чтобы ѣхать въ Павловскъ, Серпуховъ услышалъ знакомый голосъ, окликнувшій его. Онъ обернулся и увидѣлъ Романову. Она сидѣла въ углу вагона. Онъ не узналъ бы ея, встрѣтивъ ее на улицѣ, такъ осунулось ея лицо. Она точно сгорбилась, какъ бы опустилась. Онъ пожалъ ея руку и сѣлъ рядомъ съ нею.

— Ты, конечно, все знаешь?—спросила она тихо.

— Да, да,—отвѣтилъ онъ.—Я заѣзжалъ къ вамъ въ городѣ дней пять тому назадъ. На дачу къ вамъ не могъ проѣхать. Дѣла по горло... Вы къ намъ?

— Къ Маріаннѣ,—коротко отвѣтила Романова.

— Она развѣ здѣсь?

— Вчера пріѣхала. Въ Павловскѣ поселилась.

Они помолчали. Варварѣ Павловнѣ, очевидно, было тяжело говорить.

— Узнать трудно, такъ измѣнилась,—наконецъ, проговорила она со вздохомъ.

— Вы, тетя, тоже на себя не похожи,—сказалъ Серпуховъ.

Digitized by Google

— Не легко, голубчикъ, все это переживается,—отвѣтила старуха.—Конечно, потомъ все уляжется, все забудется, время все исцѣляетъ, а теперь...

Она тихо закончила:

— Стыдишься даже своей радости у гроба того, кто былъ помѣхой... Знаешь, что мнѣ сказала Маріанна: «Я, говоритъ, кажется, вдругъ перестала любить Адольфа, когда получилось это извѣстіе». Я это понимаю, вполнѣ понимаю... Пройдетъ, пройдетъ это все, а теперь тяжело. Маріанна даже не хотѣла ѣхать тотчасъ же въ Петербургъ. Онъ-то только очень ужъ просилъ. Ему тоже тяжело, жутко. Дѣти его отъ жены возстановлены противъ него, одинокъ онъ здѣсь былъ бы безъ Маріанны, безъ ея дѣтей!..

И внезапно она оживилась, вспомнивъ о дѣтяхъ.

— Но дѣти, дѣти ея—это прелесть. Сущіе херувимы. И меня, никогда не видавъ, любятъ, обрадовались. Милая моя дѣвочка научила любить. Полюбили прежде, чѣмъ увидали... За одно это все, все ей простится...

Она отвернулась къ окну, стараясь скрыть градомъ катившіяся по ея лицу слезы. Юрій Дмитріевичъ тихо взялъ ея руку и сжалъ ее. Онъ былъ глубоко тронутъ, взволнованъ.

— Дай Богъ вамъ всѣмъ скорѣе отдохнуть,—проговорилъ онъ съ чувствомъ.—Я зналъ, чувствовалъ вполнѣ, какъ вы всѣ встрѣтите эту смерть.

На его лицо набѣжала тѣнь. Онъ вспомнилъ о женѣ. Она не угадала чутьемъ, какъ эти женщины, Варвара Павловна и Маріанна, встрѣтятъ извѣстіе о смерти госпожи Кроль. Вообще ничего не подсказываетъ его Манѣ ея сердце, нѣтъ у нея чуткости женской. Вотъ и на Олю она какъ смотритъ, и на него тоже какъ глядитъ. Видитъ все дурное, преувеличиваетъ это дурное, а хорошее все ускользаетъ отъ ея вниманія. Ему стало еще тяжелѣе.

— Я къ вамъ на минуту, можетъ-быть, зайду,—сказала Варвара Павловна.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, зачѣмъ же? Вамъ дороги минуты свиданья,—торопливо замѣтилъ онъ, испугавшись, что Марья Львовна выскажетъ какую-нибудь безтактную фразу въ этотъ день.—Я самъ забѣгу взглянуть на васъ, на кузину. Давно я ея не видалъ...

Онъ спросилъ адресъ. Романова сказала, гдѣ помѣстилась Маріанна.

— Заходи же,—проговорила она.—Маріанна будетъ рада. Ей нужны друзья, нравственная поддержка.

Digitized by Google

И, снова охваченная щемящею грустью, она прибавила:

— Сегодня она мнѣ сказала, какой страхъ охватилъ ее при пріѣздѣ сюда. Тамъ, за границей, среди чужихъ, она чувствовала себя легко, свыклась, не боялась, не смущалась, а здѣсь—жутко ей вдругъ стало. И то сказать, въ свой городъ пріѣхала, гдѣ столько близкихъ и знакомыхъ и гдѣ столько лѣтъ клеветали на нее, вооружали противъ нея. Еще хорошо, что родные со стороны Кроля за нее всегда были..

На дебаркадерѣ Юрій Дмитріевичъ распростился съ Романовой, еще разъ сказавъ ей, что черезъ часъ или два онъ будетъ у ея дочери. Онъ пріѣхалъ домой, взволнованный встрѣчею съ теткою. Онъ понималъ тяжелое положеніе Маріанны и близко принималъ его къ сердцу. Въ молодости ему такъ много приходилось говорить о женскомъ вопросѣ, о положеніи женщинъ въ такъ-называемомъ гражданскомъ бракѣ, и всѣ эти толки и споры припоминались ему теперь. Онъ мелькомъ замѣтилъ женѣ за обѣдомъ:

— Маріанна здѣсь.

— Поторопилась!—не безъ иронія сказала Марья Львовна.

— Не она поторопилась, а обстоятельства поторопили,— отвѣтилъ онъ лаконично и прибавилъ:—Я сейчасъ собираюсь къ ней.

Оля обратилась къ нему:

— Ты опять, значитъ, въ Петербургъ, папа?

— Нѣтъ, Маріанна поселяется въ Павловскѣ.

Марья Львовна нахмурилась, но промолчала. Ей было досадно, что эта женщина будетъ жить здѣсь, бокъ о бокъ съ нею. Дача, вѣроятно, какъ дворецъ. Нарядами удивлять всѣхъ станетъ... Непонятное, безотчетное чувство вражды къ этой «содержанкѣ» богача, какъ она мысленно называла Маріанну, охватывало ее всю. Оля начала съ любопытствомъ разспрашивать у отца о своей дальней родственницѣ, которую она знавала въ дѣтствѣ, но теперь почти не помнила.

— Я не знаю, чѣмъ она стала теперь,—сказалъ Юрій Дмитріевичъ:—но прежде она была очень красива, умна, талантлива.

— Носъ очень поднимала,—рѣзко вставила Марья Львовна.

— Просто не позволяла, чтобы ей наступали на ногу,— сухо сказалъ Серпуховъ:—и держала себя съ достоинствомъ.

Марья Львовна засмѣялась ироническимъ смѣхомъ.

— Держала себя съ достоинствомъ! Должно-быть, потому и навязалась первому встрѣчному старику.

Digitized by Google

Юрій Дмитріевичъ разсердился.

— Ну, не тебѣ ее судить!—рѣзко сказалъ онъ.

И, не замѣчая выраженія испуга на лицѣ жены, онъ продолжалъ:

— Она сдѣлала ошибку, за которую и отвѣтила сама... Во всякомъ случаѣ, и она любила Кроля, и онъ любилъ ее...

— Она будетъ бывать у насъ, папа?—спросила Оля.

— Не знаю. Вѣроятно,—отвѣтилъ Серпуховъ.

— А если не будетъ, ты познакомишь меня съ нею?

— Конечно! Она, вѣроятно, не забыла тебя...

— Я ее едва помню... Очень она хороша собою?

— Очень хороша. Прекрасно держитъ себя.

— Кокетка и больше ничего,—вспылила Марья Львовна.— Я думаю теперь старухой стала. Всѣ эти восточные типы рано старѣются. Впрочемъ, реставрируетъ, можетъ-быть, свою красоту. Въ ея положеніи это нужно.

Оля съ любопытствомъ смотрѣла то на мать, то на отца. Она не понимала, съ чего это мама Маня такъ сердится на кузину Маріанну, и почему папа такъ снисходительно смотритъ на проступокъ кузины Маріанны. Она, вѣчно волнующаяся, живая по темпераменту, казалось, была готова хоть сейчасъ побѣжать къ этой кузинѣ, взглянуть на нее, выспросить ее.

Юрій Дмитріевичъ, между тѣмъ, смущенный выходками жены, поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и торопливо кончилъ обѣдъ. Послѣ обѣда онъ тотчасъ же собрался на дачу Кроля.

III.

Дача Кроля принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ павловскихъ дачъ, гдѣ не пахло городомъ, гдѣ не замѣчалось соглядатайства сосѣдей, гдѣ чувствовалось, что этотъ домъ никогда не отдавался ни съ мебелью, ни безъ мебели сегодня одному, а завтра другому жильцу, имѣвшимъ право разводить въ немъ своихъ таракановъ и свою грязь, пропитывать его запахомъ чеснока или постнаго масла. Это была барская дача, построенная хозяевами для себя, окруженная большимъ садомъ, съ видомъ на самое живописное мѣсто парка. Чахоточная госпожа Кроль никогда не жила на этой дачѣ, предпочитая морской воздухъ Ораніенбаума, гдѣ она и окончила свое сварливое, полное внѣшняго блеска и бѣдное внутреннимъ счастьемъ существованіе. Тѣмъ не менѣе, эта дача, возникшая по прихоти богатыхъ людей,

Digitized by Google

остававшаяся необитаемой, была всегда готова къ пріему хозяевъ и посѣтителей, содержалась заботливо, украшалась цвѣтами.

Серпуховъ по указанію лакея прошелъ черезъ рядъ богато убранныхъ комнатъ и очутился въ просторной гостиной, казавшейся при первомъ взглядѣ на нее какимъ-то чуднымъ уголкомъ богатаго сада, гдѣ среди массы тропическихъ растеній, широколистныхъ латаній, стройныхъ алетрусовъ, музъ и драценъ, густыхъ пандануовъ и причудливо извивавшихся филондендроновъ были какъ бы разбросаны мягкіе козетки, пуффы и качалки, обтянутые темной зеленой матеріей, мягко сливавшейся съ разнообразными тонами окружающихъ растеній. Въ одномъ углу сидѣла группа людей: женщина въ гладкомъ, темно-сѣромъ платьѣ и двое мужчинъ. При входѣ Серпухова женщина поднялась съ мѣста и пошла ему навстрѣчу, еще издали протянувъ ему дружески руки. Онъ поторопился, горячо сжалъ эти руки и поднесъ ихъ къ губамъ.

— Благодарю!—ласково произнесла она.—Не забылъ.

— Развѣ ты могла думать!—отвѣтилъ онъ.

Онъ окинулъ ее взглядомъ. Это была высокая и стройная фигура. Такъ держалась, должно-быть, въ молодости и Варвара Павловна, немного надменно, съ сознаніемъ своего собственнаго достоинства. Матово-блѣдное, нѣсколько продолговатое, лицо смотрѣло спокойно и было прекрасно, несмотря на нѣкоторую худощавость. Каждая черта этого лица, выраженіе этихъ черныхъ, бархатистыхъ глазъ, едва замѣтная улыбка, скользившая иногда по красиво очерченнымъ губамъ, говорили, что эта женщина много пережила, перечувствовала, передумала и научилась владѣть собою въ тяжелой житейской школѣ. Ей приходилось постоянно быть на-сторожѣ, чтобы оберечь отъ пересудовъ и сплетенъ свою и безъ того двусмысленную репутацію незаконной жены богатаго старика. Отъ ея сдержанности иногда вѣяло холодкомъ недовѣрія къ людямъ.

— Позволь представить тебя моимъ друзьямъ,—сказала она Юрію Дмитріевичу, подводя его къ сидѣвшимъ около круглаго стола мужчинамъ:—Мой кузенъ Юрій Дмитріевичъ Серпуховъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кроль, Альфредъ Альфредовичъ Кроль.

Высокій старикъ съ сѣдыми, коротко подстриженными волосами, съ такими же подстриженными бакенбардами, и щеголеватый молодой человѣкъ, бѣлокурый и голубоглазый,

Digitized by Google

поднялись съ мѣстъ и поздоровались съ Серпуховымъ. Это были братъ и племянникъ Адольфа Ѳедоровича Кроля, довольно крупные представители биржевого и банковаго мірка съ серьезными лицами не то сановниковъ, не то дипломатовъ, немного деревянные и сухіе, точно затянутые въ тѣсные корсеты.

Всѣ снова сѣли на свои мѣста. Серпуховъ придвинулъ себѣ мягкое кресло.

— Жена, дѣти, всѣ здоровы?—спросила Маріанна.

— Благодарю, здоровы,—отвѣтилъ Серпуховъ.

— Оля, я думаю, уже невѣста? Сеня тоже большой? Ахъ, какъ давно, давно я никого не видала. Они-то меня, вѣроятно, совсѣмъ забыли.

— Оля сегодня готова была идти со мною къ тебѣ, — сказалъ Серпуховъ.

— Милая!—тихо произнесла Маріанна.

Она взглянула на Серпухова какъ-то особенно:

— Ты вѣдь познакомишь насъ?

— О, конечно, конечно! Она еще надоѣстъ тебѣ!—поторопился онъ сказать, уловивъ въ ея тонѣ нерѣшительность.— Она у меня немножко съ душкомъ, капризничать любитъ, но добрая дѣвочка.

— Я рада увидѣть всѣхъ, всѣхъ, — проговорила она: — за границей жила очень одиноко, хотя народу было много кругомъ.

— У васъ въ Парижѣ было избранное общество, — серьезно и степенно замѣтилъ старшій Кроль.

— Да, все мужчины: артисты, литераторы, политическіе дѣятели—для ума было много работы, а для сердца очень ужъ мало. Впрочемъ, я все же многимъ обязана моимъ парижскимъ друзьямъ, пришлось передумать многое, о чемъ прежде и не думалось...

Разговоръ сдѣлался общимъ, коснулся литературы и искусства, общественной и политической жизни. Маріанна говорила серьезно и толково; видно было, что она интересовалась всѣми животрепещущими вопросами и много читала объ этихъ вопросахъ. Ея блѣдное лицо нѣсколько зарумянилось и стало еще прекраснѣе. Серпуховъ залюбовался ею. Особенно понравилось ему, когда она серьезно и горячо заспорила со старшимъ Кролемъ о томъ, что французы еще дождутся возмездія, отплатятъ за пораженія начала семидесятыхъ годовъ, хотя буржуазія въ сущности боится и думать объ этомъ и хочетъ всего достигнуть не

Digitized by Google

войной, а дипломатіей. Такъ вѣдь дешевле! Кроль былъ обрусѣвшій нѣмецъ, и его очень мало заботили Германія и Бисмаркъ; онъ даже нѣсколько будировалъ на нихъ за нашу промышленность и за нашъ курсъ. Маріанна толково указала на то, что если въ республикѣ и не все безупречно, то все же это не времена второй имперіи, что стремленіе собраться съ силами, организоваться прочнѣе, развиться всестороннѣе, замѣтно въ обществѣ. Она указала, между прочимъ, на лигу патріотовъ, на дѣятельность этого общества, обѣщающаго въ будущемъ дать хорошіе плоды отчизнѣ. Это не однѣ мальчишескія выходки, а серьезная, медленная работа подъема духа въ странѣ. Младшій Кроль, соглашаясь съ нею, что такія начинанія, какъ лига патріотовъ, вполнѣ почтенны, все же указалъ на нѣкоторыя неприглядныя стороны въ новѣйшей литературѣ, особенно въ отдѣлѣ беллетристики Франціи, какъ на проявленіе того, что старый Вавилонъ остался все тѣмъ же Вавилономъ, гдѣ люди жаждутъ скандала и гдѣ всякія сальности встрѣчаются успѣхомъ.

— А не говорите этого, — горячо вступилась Маріанна за французовъ. — Я согласна, что многое очень не приглядно, особенно у второстепенныхъ представителей французскаго натурализма и реализма. Но отбросьте это, и передъ вами явится новая школа — люди, такъ или иначе, стремящіеся внести въ беллетристику серьезное направленіе. Это крайне важно, если даже исполненіе задачи не всегда соотвѣтствуетъ самой задачѣ. Иногда же и исполненіе задачи вполнѣ достойно самой задачи, и уже теперь можно указать на нѣкоторыя произведенія, которыя служатъ не однимъ времяпрепровожденіемъ, а наводятъ на серьезныя размышленія. Этого нельзя отрицать... Хорошо уже и то, что стремленіе къ серьезности въ беллетристикѣ заставило Францію обратить вниманіе, напримѣръ, на крупныхъ представителей нашей русской беллетристики. Вѣдь ужъ наши-то выдающіеся романисты стоятъ внѣ подозрѣній въ томъ, что свой успѣхъ они покупаютъ склонностью къ скандалу, къ скабрезности, къ сальностямъ, а между тѣмъ эти люди уже находятъ цѣнителей во Франціи...

Она закончила:

— Можетъ-быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что романъ въ настоящее время во Франціи стоитъ гораздо выше, по своимъ задачамъ, романа въ Англіи и Германіи. Я, ко-

Digitized by Google

нечно, говорю не о базарной литературѣ, которая вездѣ одинаково мелка и пошла...

Она перешла къ другой сторонѣ французской жизни и указала на слабую ея сторону, на женское образованіе, которому можно многаго и многаго желать.

— Особенно въ настоящее время, когда рядомъ съ Франціей, въ Италіи идетъ такое сильное движеніе по тому вопросу, за который стоитъ сама королева...

И вдаваясь въ подробности этого вопроса, она указала, гдѣ и что сдѣлано для высшаго женскаго образованія, гдѣ и куда допущены женщины въ высшія сферы общественной дѣятельности.

Въ гостиную вошла Варвара Павловна, ведя за руки двухъ малютокъ, дѣвочку и мальчика. Она сказала правду, это были хорошенькіе, какъ херувимы, ребятишки, одѣтые со вкусомъ въ бѣлые лѣтніе костюмы. Маріанна поцѣловала ихъ, поцѣловала руку матери и познакомила дѣтей съ Серпуховымъ. Романова, очевидно, не могла налюбоваться на нихъ, они тоже ласкались къ ней, какъ къ той доброй феѣ, о которой имъ разсказывала мать, прибавляя, что они скоро ее увидятъ. На Серпухова это обстоятельство произвело какое-то щемящее впечатлѣніе. Эта женщина не только умѣла привязать къ себѣ своихъ дѣтей, но даже пріучила ихъ любить свою мать, никогда не виданную еще дѣтьми. А его Маня...

«Бѣдная, бѣдная, у нея такъ мало развитія, — со вздохомъ подумалъ онъ. — И умъ, и сердце, все застыло въ состояніи первобытнаго неосмысленнаго дѣтскаго эгоизма. Много онъ самъ виноватъ передъ нею. Не сумѣлъ развить, поднять ее... Какъ она встрѣтится съ Маріанной? Ей все будетъ чуждо въ этой женщинѣ, вполнѣ сформировавшейся, всесторонне развившейся, все будетъ вызывать только раздраженіе и мелкія пошлыя выходки безсмысленной вражды»...

А разговоръ, прерванный приходомъ дѣтей, снова оживился и увлекъ Серпухова. Онъ давно уже не былъ такъ возбужденъ, не касался такихъ вопросовъ, какіе обсуждались здѣсь. Ему казалось, что онъ помолодѣлъ на два десятка лѣтъ. Ему припомнились тѣ давно минувшіе годы, когда онъ засиживался за полночь въ кругу пріятелей, горячась и споря, доказывая и протестуя.

Часовъ въ девять явился неожиданно Шаховъ

— Женя! вотъ-то сюрпризъ! — воскликнула Маріанна и радушно пожала руку Евгенію Александровичу.

Digitized by Google

— Не могъ утерпѣть, чтобы не явиться. Услыхалъ, что ты здѣсь, и бросился къ тебѣ.

Онъ обернулся къ Романовой.

— И вы здѣсь, тетя! Маріанна, представь же меня молодому поколѣнію! Они, я думаю, забыли уже меня...

Онъ расцѣловалъ дѣтей.

— И все по-старому ты вѣтрогонъ? Все такъ же не знаешь, куда пристроить свои привязанности? Все тотъ же мальчикъ, ищущій къ кому бы приласкаться?—съ улыбкой разспрашивала его Маріанна, представивъ его Кролямъ, съ которыми, какъ оказалось, Шаховъ былъ уже знакомъ.

— Ну, ну, пойдетъ журить! — засмѣялся Евгеній Александровичъ. — Она меня и за границей въ третьемъ году журила такъ же.

— Да какъ же не журить?

Она обернулась къ присутствующимъ:

— Вотъ человѣкъ, у котораго нѣтъ никакихъ привязанностей.

— У Жени-то,—воскликнулъ Серпуховъ.—Да онъ всѣхъ и все любитъ. Это ходячая привязанность...

— Кто любитъ всѣхъ и все, тотъ не любитъ никого и ничего,—отвѣтила Маріанна.

И съ улыбкой она добавила:

— Въ Швейцаріи я видѣла одну дѣвочку, дочь князя Горлицына...

Шаховъ перебилъ ее со смѣхомъ:

— Пощади! Пощади!—и онъ обернулся къ присутствующимъ. — Господа, я ужъ лучше самъ разскажу!.. Она видѣла эту дѣвочку и удивлялась, что та одинаково охотно брала въ руки душистые цвѣты и комья грязи, одинаково шла на руки къ своей нянькѣ и къ трубочисту. Она, Маріанна, спросила у няньки, что это значитъ. Нянька отвѣтила ей: она идіотка у насъ...

Шаховъ снова разразился веселымъ и безпечнымъ смѣхомъ:

— Господа, она, жестокосердая Маріанна, приравняла меня къ этой княжнѣ!

Серпуховъ расхохотался. По лицамъ Кролей скользнули сдержанныя улыбки.

— Да я же, ей-Богу, не идіотъ!—сказалъ Евгеній Александровичъ, продолжая задушевно смѣяться.

— Но согласись, что отзывчивость твоего сердца похожа на отзывчивость сердца этой бѣдной княжны, — сказала Маріанна.

Digitized by Google

— Ужъ ты бы лучше сравнила меня съ мотылькомъ, стремящимся одинаково и къ лучамъ солнца, и къ огню.

— Нѣтъ, нѣтъ, — протестовала Маріанна: — мотылекъ стремится только къ свѣту, а ты ко всему безъ разбора.

Шаховъ, махнувъ рукой, заговорилъ серьезно съ младшимъ Кролемъ. Старшій Кроль взглянулъ на часы и сказалъ, что ему пора ѣхать. Онъ всталъ и отошелъ съ Маріанной къ окну, передавая ей что-то въ полголоса по-англійски. Серпуховъ, опустивъ на руку голову, задумался, глядя на дѣтей, игравшихъ съ Варварой Павловной. Маленькая дѣвочка приставала къ старухѣ:

— А мама была маленькая? А ты, бабушка, была и тогда большая? Ты ей тоже разсказывала сказки? Да? Мама сама говорила. Разскажетъ сказку и говоритъ: «мнѣ моя мама это разсказывала». Но ты лучше мамы разсказываешь...

Серпуховъ безсознательно сжалъ голову обѣими руками, сблокотившись на столъ. Ему думалось: «кто и какія сказки разсказывалъ моимъ дѣтямъ? Что они будутъ говорить своимъ дѣтямъ о своихъ мамѣ и папѣ?» Маріанна проводивъ старика Кроля, подошла къ Юрію Дмитріевичу и тихо спросила:

— О чемъ задумался?

Онъ вздрогнулъ, повернулъ голову и, невольно поцѣловавъ ея руку, тихо сказалъ:

— Приласкай мою Олю, Маріанна!

Она пристально взглянула на него, вспомнила все, что ей писала мать о его женѣ, вспомнила свои давно прошедшія мимолетныя встрѣчи съ этой женщиной, и угадала чутьемъ все. Она тихо сказала ему:

— Я рада, что ты позволяешь мнѣ приласкать ее...

Онъ недоумѣло взглянулъ на нее.

— Она же почти невѣста... а я—ты знаешь мое общественное положеніе,—сказала она.

— О!—воскликнулъ онъ.—Если бы Олѣ пришлось жить у тебя, я и тогда былъ бы за нее болѣе покойнымъ, чѣмъ...

Онъ не договорилъ, стыдясь докончить фразу, стыдясь даже намекнуть на то, какъ мало онъ уважаетъ свою жену.

IV.

Юрій Дмитріевичъ возвращался домой въ невеселомъ настроеніи. Онъ добрелъ до дачи, ни на что не обращая вниманія, какъ-то машинально отперъ калитку своего садика, заперъ ее снова, прошелъ на террасу.

Digitized by Google

— Это ты, папа?—окликнула его Оля.

— Оля, ты еще не спишь? — изумился онъ и обезпокоился.—Опять головка болитъ? Да?

Онъ пощупалъ ея голову, горячую, съ бившимися на вискахъ жилками. Его лицо близко склонилось къ лицу дочери: впотьмахъ ему хотѣлось разсмотрѣть ея глаза, не красны ли они отъ слезъ.

— Я, папа, здорова,—коротко отвѣтила она.—Сядь, разсказывай.

— О чемъ?

— Какой нашелъ ты кузину Маріанну? Что говорили? Ахъ, все, все разсказывай!..

Она усадила его, сѣла рядомъ съ нимъ на ступени террасы, готовая слушать. Что онъ могъ ей разсказать? Маріанна похудѣла, побѣднѣла, но все хороша попрежнему. Умственно она развилась еще болѣе, много читала, много думала, много пережила. Тяжелыя уроки житейской школы пошли въ прокъ. Держитъ себя серьезно и съ достоинствомъ и въ то же время сердечна, ласкова, просила познакомить ее съ ней, съ Олей. Вотъ и все.

— Такъ вѣдь это же низко, низко! — топнувъ ногой, вскрикнула Оля.—Какъ она смѣетъ ругать Маріанну? Какъ смѣетъ?

Она вышла изъ себя, горячась и волнуясь.

— О комъ ты, о комъ? — допрашивалъ растерявшійся Серпуховъ.

— Ахъ, о комъ же, какъ не о мамѣ Манѣ!—отрывисто отвѣтила дочь.—Меня называютъ злючкой, ну да, я злючка, нравственный уродъ, а она... О, она хуже, хуже меня!

Она вскочила и быстро заходила по террасѣ, теребя конецъ своей косы. Ее душилъ приливъ негодованія.

— Да ты успокойся, не горячись, не злись! — сказалъ Серпуховъ.—Что случилось?

— А вотъ что, — страстно отвѣтила Оля. — Пришелъ Евгеній Александровичъ; мама сейчасъ же заявила о пріѣздѣ Маріанны. Онъ, конечно, заволновался: «надо идти навѣстить ее, повидать». Мама сейчасъ осатанѣла...

— Оля, что за выраженіе! — остановилъ ее Серпуховъ съ упрекомъ.

— Ну да, ну да, осатанѣла, осатанѣла! — топая ногой, крикнула Оля.—Какъ же иначе сказать, когда она начала ругать невиннаго человѣка? Содержанка, развратница, старуки продалась...

Digitized by Google

Она остановилась передъ отцомъ съ вызывающимъ видомъ:

— Папа, это правда?

Онъ, тяжело переводя духъ, отвѣтилъ твердо:

— Нѣтъ!

Ему было тяжело сказать своей дочери, почти дѣвочкѣ, что онъ ни за что не обвиняетъ Маріанну.

— Ну, я такъ и знала, такъ и знала, что она лжетъ!— вскричала Оля, тяжело дыша.—Это низко, низко!

— Оля, погоди!—тихо остановилъ онъ дочь.—Слушай...

Онъ удержалъ ее за руку, посадилъ рядомъ съ собою, началъ говорить. Онъ старался, неловко и неумѣло, выяснить дочери, въ чемъ виновата Маріанна, въ чемъ у нея есть оправданія. На языкъ навертывались такія слова, что ихъ какъ будто неловко было произносить передъ дочерью-дѣвочкой; онъ спохватывался, поправлялся, путался еще болѣе. Ему казалось, что онъ говоритъ что-то безнравственное. Потомъ казалось еще болѣе безнравственнымъ оставлять безъ оправданія ту женщину, которую онъ уважалъ. Но все же... пойметъ ли Оля сущность дѣла? не истолкуетъ ли она его слова въ другомъ смыслѣ? Его лицо покрылось потомъ, точно онъ прошелъ длинный путь съ тяжелой ношей. Совсѣмъ онъ не умѣлъ играть роль отца. Ольга слушала его молча, внимательно, съ разгорѣвшимися щеками, кивая головой въ знакъ согласія и прибавляя:

— Я такъ и думала, такъ и думала!

И, опять загорячившись, она, наконецъ, перебила разсказъ отца:

— А она ругала, ругала ее, и когда Евгеній Александровичъ, многозначительно указывая на меня глазами, старался, остановить и образумить ее, она даже расплакалась...

— Расплакалась?—съ удивленіемъ спросилъ Юрій Дмитріевичъ, сдвинувъ брови.—О чемъ?

— Ну да, какъ же! Вы, мужчины, видишь ли, къ падшимъ женщинамъ всегда готовы бѣжать. Честныя женщины для васъ, мужчинъ, ничего не значатъ. Маріанну теперь мужчины на рукахъ будутъ носить, благо это богатая кокотка, съ которой можно повѣсничать! Ахъ, какая низость!

Серпуховъ тихо прошепталъ:

— И это все при тебѣ говорилось или... подслушала ты?

Digitized by Google

— Да за кого ты меня считаешь? — гнѣвно крикнула дочь.—Ты... ты тоже...

Она капризно отвернулась отъ него.

— Шпіонку нашелъ!..

И вдругъ, что-то сообразивъ, она расплакалась:

— Впрочемъ, шпіонка и есть!.. Передаю все, что слышала... сплетничаю... ябедничаю... Что-жъ, развѣ я виновата, что мнѣ не съ кѣмъ поговорить, душу отвести?.. Тебѣ стану говорить... сплетничать значитъ... наушничать... а то кому же сказать?.. Кто у меня есть... дуры-гимназистки, такія же ничего несмыслящія, какъ я?..

Она плакала горькими слезами. Онъ взялъ ее руками за голову, склонилъ эту голову къ себѣ на грудь и сталъ цѣловать ее въ волоса.

— Ну, полно, полно, дѣточка!—успокаивалъ онъ ее.— Никто тебя ни въ чемъ дурномъ не подозрѣваетъ...

Подъ вліяніемъ его ласкъ, она мало-по-малу успокоилась, осушила слезы и заговорила своимъ обычнымъ тономъ — немного резонирующимъ тономъ взрослой дѣвочки:

— И на Евгенія Александровича мнѣ было досадно. Очень онъ ужъ нянькой смотритъ. Ублажать сталъ, размякъ. О, если бы я была мужчиной! Сейчасъ бы сказала: «Вамъ-то что за дѣло, сударыня? Куда хочу, туда и иду!» А онъ: «неловко, надо зайти, что скажутъ Маріанна и тетя Варя, если узнаютъ». Совсѣмъ не мужчина. Я очень, очень теперь сердита на него. Нѣсколько дней буду показывать, что дуюсь на него...

Далеко за полночь Серпуховъ проводилъ дочь въ домъ, а самъ снова вернулся на террасу и сѣлъ на ступени, охваченный тяжелыми думами. Съ чего это Маня такъ взволновалась и расплакалась, узнавъ, что Шаховъ идетъ къ Маріаннѣ? Вѣдь отпустила же она туда его, Серпухова?.. Нелѣпая, какъ ему показалась самому, мысль пришла ему въ голову: «ужъ не влюблена ли Маня въ Шахова? не ревнуетъ ли». Онъ усмѣхнулся. Десятки лѣтъ Шаховъ бываетъ у нихъ, росъ онъ съ Маней, и вдругъ представить себѣ, что Маня влюбилась въ него! Какъ это глупо! Завидуетъ просто она Маріаннѣ, что та будетъ богата, съ положеніемъ въ свѣтѣ... Ну, да это пройдетъ. У Маріанны много такта. Она обойдетъ острые углы. Только бы она приласкала Олю. Олѣ нужна развитая и опытная подруга-руководительница. Бѣдная дѣвочка, какъ у нея неровенъ характеръ, какъ она одинока и заброшена... Слова тоже какія сры-

Digitized by Google

ваются съ языка, грубыя, вульгарныя. Воспитанія не видно... А у нея есть чутье. Какъ она вдругъ угадала характеръ Шахова. Почти то же сказала, что Маріанна. Да, тряпка онъ человѣкъ... Тряпка? А онъ, Серпуховъ, развѣ не тряпка-человѣкъ? Большинство мужчинъ теперь такіе... Ничтожные, опошлившіеся, утратившіе все среди кабаковъ и кокотокъ... И это руководители...

Начинало свѣтать, когда Серпуховъ поднялся съ мѣста и пошелъ спать, болѣе спокойный, но все же задумчивый и озабоченный. Что-то новое назрѣвало въ его жизни, онъ это угадывалъ чутьемъ, смутно и неопредѣленно, но все же угадывалъ съ безотчетной и щемящей тревогой въ сердцѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда, никогда я не буду играть такъ, какъ ты,—говорила Оля, волнуясь и горячась.

Она ходила взадъ и впередъ по большой залѣ на дачѣ Кроля, раскраснѣвшаяся, съ сверкающими глазами. Маріанна, только-что окончившая одну изъ трудныхъ пьесъ Листа, сидѣла у рояля и задумчиво слѣдила за каждымъ угловатымъ движеніемъ молодой дѣвушки.

— Никакихъ талантовъ, никакихъ способностей, характеръ отвратительный и ко всему вдобавокъ—уродъ! О, зачѣмъ я живу, зачѣмъ живу?—страстно и гнѣвно продолжала Оля, сдвинувъ брови и теребя въ рукахъ носовой платокъ.— Быть вѣчно ничѣмъ, полнѣйшимъ ничтожествомъ, не возбуждать ни въ комъ ни симпатіи, ни любви...

Маріанна не прерывала ее, зная, что маленькая буря скоро утихнетъ. Она давно уже успѣла привыкнуть къ этимъ вспышкамъ «своей дѣвочки», какъ она прозвала Олю. Наконецъ, Оля замолчала, какъ бы обезсиливъ отъ этого порыва. Тогда Маріанна подняла голову и тихо спросила ее:

— Ну, ты все высказала?

И, не дожидаясь отвѣта, позвала ее:

— Теперь поди сюда!

Оля очнулась, подошла къ ней, уже смущенная и покорная.

— Что тебѣ?—спросила она.

Маріанна, взявъ ее за руку, привлекла ее къ себѣ и обняла за талію.

— Сядь вотъ тутъ.

Digitized by Google

Оля сѣла рядомъ съ нею.

— Такъ тебя никто не любитъ?—съ улыбкой сказала Маріанна.—Отецъ не любитъ? Я не люблю?

Оля горячо обняла ее.

— За что?—съ улыбкой спросила Маріанна.—Вѣдь я же тебя не люблю.

— Ты всѣхъ любишь!—воскликнула Оля.

— Да?—спросила Маріанна, заглядывая ей въ лицо.—Всѣхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не всѣхъ,—торопливо отвѣтила Оля, качая отрицательно головою, и опять стала ее цѣловать.

— Дѣвочка, задушишь!—съ улыбкой проговорила Маріанна.—Но тебя хотя и можно полюбить, а журить надо. Съ чего ты опять волнуешься? Оттого, что я хорошо сыграла Листа? Вѣдь не оттого? Не такъ ли? Вѣдь ты еще успѣешь научиться такъ играть. Ты это знаешь. Способности есть. Успѣхи замѣтны. Ну, разсказывай, кто тебя обидѣлъ?

Она заглянула ей въ лицо.

— Вѣдь обидѣли?

— Да,—тихо проговорила Оля, кивнувъ утвердительно головой.

Она начала жаловаться. Мать опять сдѣлала ей сцену при Шаховѣ. Опять изъ-за пустяковъ. Она начала распрашивать Евгенія Александровича о заинтересовавшихъ ее при чтеніи одной статьи вопросахъ, а мать сказала: «Когда ты перестанешь надоѣдать Женѣ? Ужъ не въ профессора ли ты готовишься? Покуда еще для васъ, къ сожалѣнію, каѳедръ не открыли! Нечѣмъ щеголять, такъ хоть ученой хочетъ прикинуться». И потомъ опять попробовала удалить ее изъ комнаты, чтобы остаться съ Шаховымъ вдвоемъ. Ей это нужно, чтобы жаловаться на всѣхъ, на папу, на Сеню, на нее. Она, Оля, вышла изъ терпѣнія, нагрубила матери, а онъ, Шаховъ, такъ посмотрѣлъ на нее, съ такимъ упрекомъ, что ей хотѣлось провалиться сквозь землю. Ну да, она опять скверныхъ словъ наговорила, какъ кухарка разругалась. Что-жъ дѣлать? Зачѣмъ мать выводитъ ее изъ терпѣнія при немъ? Ну, пусть бы дразнила безъ него. А то заставляетъ ее выйти изъ себя, а онъ будетъ думать, что она и въ самомъ дѣлѣ такъ дурна, такъ зла, такой нравственный уродъ. Маріанна слышала подобныя жалобы уже не разъ въ два мѣсяца своего пребыванія въ Павловскѣ и чутьемъ женщины угадывала, что это начало любви молодой дѣвушки къ Шахову. Передъ нимъ ей хотѣлось являться

Digitized by Google

въ лучшемъ свѣтѣ, его осужденія она болѣе всего боялась, для него ей хотѣлось исправиться. Это было очевидно. А онъ? Любитъ ли онъ Ольгу? Можетъ ли онъ вообще полюбить кого-нибудь страстно, а не такъ, какъ онъ любитъ *всѣхъ*. Маріаннѣ было грустно, что она не можетъ спросить прямо Шахова о его чувствахъ къ Олѣ. Вмѣшиваться въ это дѣло преждевременно было рискованно. Вѣдь покуда и сама Оля не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что она любитъ молодого человѣка. Если бы она отдавала себѣ въ этомъ отчетъ, она сказала бы все Маріаннѣ. Маріанна знала каждую ея мысль, каждое ея ощущеніе... Она начала успокаивать «свою дѣвочку»: никто не подумаетъ о ней ничего дурного, ея строптивость, ея капризы, ея раздраженія — просто свойства ея молодости; это не злость, а вспыльчивость, неумѣнье владѣть собою; отъ этого нужно отвыкать, нужно пересилить себя, но никто ее за это не возненавидитъ, не осудитъ особенно строго, тѣмъ болѣе, что причины вспышекъ ясны для всѣхъ... Утѣшая ее, Маріанна незамѣтно перешла къ болѣе серьезнымъ вопросамъ:

— Но тебѣ нужно побольше работать, заниматься музыкой, читать, развивать себя. У тебя много пробѣловъ не въ одномъ характерѣ, а и въ образованіи...

— Да, да, я знаю! Прежде этого мнѣ никто не говорилъ, потому и не знала, а ты вотъ указала... Господи, какая я неразвитая, необразованная, глупая. А туда же во всѣ разговоры мѣшалась, о важныхъ вопросахъ судила и рядила. Посмѣшищемъ была. Тоже потѣшала общество своимъ брянчаньемъ на фортепіано. Воображала, что это музыка. Теперь вспомнить стыдно.

И вдругъ, взволновавшись еще болѣе, она закончила:

— А онъ, Евгеній Александровичъ,—онъ ни разу даже не намекнулъ, что я похожа на шутиху со своимъ самомнѣніемъ. Это вѣдь дурно, очень дурно съ его стороны. Правда?

Она схватила за руку Маріанну:

— Да? Правда? Правда?

— Онъ, можетъ-быть, боялся, что ты обидишься,—мягко сказала Маріанна.

— О, развѣ онъ могъ это думать!—воскликнула Ольга.

Она неожиданно спросила Маріанну.

— Ты же вотъ не побоялась, что я обижусь?

— Онъ мужчина...

— Нѣтъ, нѣтъ, это у него дурная черта, — перебила

Digitized by Google

Оля.—Онъ не говоритъ правды въ глаза, никогда не говоритъ!

— Для этого нужно имѣть особенное мужество, Оля, и главное—быть увѣреннымъ, что правда не сочтется за дерзость или обиду...

Оля задумалась.

— А когда любишь кого-нибудь?—въ раздумьи спросила она и тотчасъ же прибавила:—Вотъ я теперь люблю папу, тебя, такъ я все, все вамъ въ глаза скажу и не побоюсь, что вы разсердитесь. Никогда, никогда не побоюсь!

Маріанна улыбнулась.

— Что же ты мнѣ ничего, никакой правды не сказала до сихъ поръ въ глаза?

Оля взглянула на нее влюбленными глазами.

— Я тебѣ одно, одно только скажу.

— Что?

— Сердце мое!

Она обвила ее своими руками и начала горячо цѣловать ея лицо, ея руки...

Она до этой поры не знала, что значитъ страстная привязанность, обожаніе. Теперь она вполнѣ испытывала это чувство, и оно дѣлало ее такой счастливой, что иногда она какъ бы замирала отъ блаженства, любуясь Маріанной. Каждый жестъ, каждая фраза, каждый поступокъ этой женщины вызывали ея восторгъ. Ея страстная натура, жаждавшая привѣта, любви, ласки, сказалась теперь вполнѣ;—сказалась такъ полно, можетъ-быть, уже и потому, что встрѣча съ Маріанной совпала со временемъ первой любви, еще не вполнѣ сознанной, еще не высказанной. Молодыя дѣвушки, начиная любить мужчину, часто дѣлаются страстными въ отношеніяхъ къ избраннымъ подругамъ. Это было и съ Олей. Какъ бурно проявлялись ея капризы и гнѣвныя выходки, такъ бурно проявлялась теперь и любовь.

II.

Маріанна не могла бы объяснить, какъ она завоевала симпатію Оли. Это сдѣлалось само собою. Серпуховъ привелъ Олю къ Маріаннѣ, и та сразу обласкала дѣвушку, отнеслась къ ней, какъ сестра, не свысока, не покровительственно, а какъ равная къ равной. Она знала изъ писемъ своей матери, что дѣти Серпухова несчастны, плохо воспитаны, испорчены въ отношеніи характеровъ, и это заставило ее еще теплѣе отнестись къ этому «бѣдному ребенку». Оля, отчасти подкупленная въ пользу Маріанны разсказами отца,

Digitized by Google

отчасти проникнувшаяся мыслью на зло матери отнестись хорошо къ кузинѣ, при первомъ же визитѣ къ Маріаннѣ обошлась съ ней любезно, принявъ немного комичный покровительственный тонъ взрослой барышни, желающей показать подругѣ, что она будетъ съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ, «несмотря на свѣтъ и его толки». Но эта напускная нотка комичнаго по своей наивности покровительства быстро исчезла подъ вліяніемъ обаятельной простоты молодой женщины.

Въ этотъ же день перваго свиданія съ Маріанной у Оли сорвалось съ языка признаніе:

— Я вѣдь капризная, капризная!

Маріанна, привѣтливо улыбаясь ей, отвѣтила:

— Счастливица!

— То-есть почему это?—удивленно спросила Оля.

— Потому что можешь капризничать... Я вотъ тоже, покуда жила только съ мамой, капризничала... А потомъ — чужіе люди научили сдерживаться, смиряться, молчать...

Она вздохнула:

— Одиночество тяжело, а чужіе люди уйдутъ и бросятъ, если не сумѣешь ладить съ ними.

— Такъ значитъ ради того, чтобы имѣть около себя людей, нужно сносить всякія глупости и подчиняться всякимъ нелѣпымъ требованіямъ? — запальчиво воскликнула Оля.—Это ужъ подло!

Маріанна улыбнулась, качая отрицательно головой.

— Надо вырабатывать умѣнье подчинять себѣ людей,— отвѣтила она.—Капризы отпугиваютъ ихъ, извѣстный тактъ подчиняетъ ихъ намъ. Жизнь, Оля, среди чужихъ—суровая школа. Въ ней учатъ не любовью, не лаской, не простотой, а цѣлымъ рядомъ щелчковъ, уколовъ, щипковъ...

Это былъ ихъ первый серьезный разговоръ. Потомъ онѣ проводили цѣлые вечера, цѣлые дни вмѣстѣ. Оля неожиданно узнала, что она вовсе не знаетъ музыки, что ея французскій выговоръ отвратителенъ, что общественные вопросы, о которыхъ она судила вкривь и вкось, для нея нѣчто совершенно неизвѣстное, что ея умъ въ сущности остается въ дѣтскомъ состояніи, а ея манеры такъ рѣзки и выраженія подчасъ такъ вульгарны, что могутъ всегда вызвать въ отвѣтъ дерзость, что въ сущности она покуда ничто, и что ей нужно много, безконечно много трудиться, чтобы быть чѣмъ-нибудь для людей. Людское уваженіе не дается даромъ, оно берется съ бою, завоевывается медленно, упорнымъ трудомъ, постоянной работой надъ собою. Иногда

Digitized by Google

Оля доходила чуть не до криковъ, чуть не до топанья ногами въ разговорахъ съ Маріанной, указывавшей ей на ея недостатки. Маріанна пережидала эти вспышки, потомъ подзывала Олю къ себѣ, усаживала ее рядомъ и спрашивала:

— Теперь ты накричалась на меня? Можно, значитъ, говорить по-дружески? Да?

Оля сконфуженно кивала головой и иногда прятала свое вспыхнувшее румянцемъ стыда лицо на плечѣ молодой женщины и безмолвно цѣловала ея руки.

Отъ вниманія Юрія Дмитріевича не ускользнули отношенія Маріанны и его дочери, не могли уже ускользнуть, потому что Оля только и говорила ему о Маріаннѣ. Онъ, какъ-то улучивъ удобную минуту, горячо сталъ благодарить молодую женщину за то, что она приласкала его дѣвочку.

— Я буду счастлива, если сдѣлаю что-нибудь хоть для нея,—отвѣтила грустно Маріанна.—Ты, Юрій, конечно, не ошибаешься на мой счетъ и не считаешь меня счастливицей, которая не понимаетъ чужого горя.

Она ласково взглянула на него. Онъ какъ-то осунулся, постарѣлъ и опустился въ послѣднее время. Этотъ сильный по внѣшности и слабый по натурѣ человѣкъ, прозванный пріятелями «большой бабой», переживалъ то, чего онъ никогда не переживалъ прежде. Онъ увидалъ, что его семейнаго счастья въ сущности не существовало никогда; только теперь это стало ему очевиднымъ. Сперва онъ только подтрунивалъ надъ господами-дѣтьми, теперь онъ видѣлъ, что эти дѣти могутъ погибнуть, если ихъ не поддержать во-время. Впервые его глаза открылись, когда расплакалась передъ нимъ Оля; потомъ пошли дни мелкихъ ссоръ съ женою, заставившіе его попристальнѣе взглядѣться въ свои отношенія къ женѣ; далѣе его начало смущать, особенное поведеніе сына—хлыщеватость, фатовство мальчугана, стремившагося обратить на себя вниманіе своимъ щегольствомъ и проматываніемъ денегъ. Отдѣлываться шуточками и иронією уже было трудно; нужно было перевоспитывать этихъ людей. Но какъ? Этого-то и не умѣлъ сдѣлать онъ, неумѣлый мужъ, неумѣлый отецъ. Когда Маріанна приняла подъ свое крыло Олю, онъ обрадовался, точно сознавая, что хоть одна личность изъ его семьи нашла спасенье. Маріанна угадывала его чувства и откровенно разговорилась съ нимъ, какъ со старымъ другомъ. До этого времени онъ чутьемъ неглупаго и добраго человѣка угадывалъ и отчасти зналъ изъ отрывочныхъ разсказовъ тетки, что пережила въ по-

Digitized by Google

слѣдніе годы Маріанна. Но только послѣ интимныхъ бесѣдъ съ нею онъ увидалъ, какъ глубоко прочувствовала эта женщина пережитое ею. Когда она, жаждавшая блеска и роскоши, увлекшаяся любовью Кроля, уѣхала за границу, она быстро отрезвилась отъ своихъ золотыхъ грёзъ и увидала ложность своего положенія. Ей пришлось замкнуться въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, ей приходилось строго слѣдить за собою, чтобы завоевать уваженіе тѣхъ, кто посѣщалъ ее, и заставить ихъ забыть, что она не болѣе, какъ любовница чужого мужа. Когда-то она мечтала о словѣ піанистки, ей пришлось отказаться и отъ этихъ грёзъ, избѣгая публичности, газетныхъ толковъ и слуховъ. Замкнувшись у себя дома и видя у себя почти исключительно мужчинъ, она стала заботиться о своемъ умственномъ развитіи, много читала, многимъ интересовалась, но иногда ее охватывала такая щемящая тоска, что, несмотря на любовь къ Кролю, порою ей хотѣлось взять дѣтей и, бросивъ все, бѣжать въ Россію къ матери и трудиться, какъ трудится ея мать. У нея недоставало дѣла, когда былъ избытокъ силъ. Теперь, можетъ-быть, для нея настанетъ новая жизнь. Кроль богатѣ, у него есть пріюты, богадѣльни, можетъ-быть, хотя на этомъ поприщѣ ей удастся примѣнить свои силы...

— Няньчиться мнѣ теперь съ кѣмъ-нибудь надо, надо поднять себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, надо наполнить свою жизнь,—говорила она Серпухову.—Вотъ почему, Юрій, я такъ рада, что могу хотя что-нибудь сдѣлать для твоей дочери.

Когда Серпуховъ уходилъ отъ нея въ этотъ день, онъ былъ спокоенъ за Олю, твердо вѣря, что ея судьба въ хорошихъ, заботливыхъ рукахъ.

III.

Маріанна, сильная по натурѣ, заботливо воспитанная матерью, пережившая тяжелый искусъ незаконной жены богатаго старика, вращавшаяся въ избранныхъ кружкахъ мужского европейскаго общества, была такой рѣзкой противоположностью ничему не учившейся и ничему не научившейся, слабой и безхарактерной Марьи Львовны, что нечего было думать о ихъ сближеніи или дружбѣ. Но обстоятельства сложились такъ, что прежде встрѣчи съ Маріанною Марья Львовна почувствовала въ ней почти ненависть: она въ ней видѣла только падшую женщину и завидовала ея богатству, но эта мелочная зависть быстро

Digitized by Google

превратилась въ болѣе страстное чувство враждебности, когда не только Серпуховъ, но и Шаховъ стали часто посѣщать Маріанну, видя въ ней одну изъ тѣхъ не часто встрѣчающихся женщинъ, которыя, не утрачивая своей обаятельной женственности, могутъ говорить съ мужчинами серьезно и основательно не объ однѣхъ модахъ, театрѣ, свѣтскихъ удовольствіяхъ и тому подобномъ. Вслѣдъ за Серпуховымъ и Шаховымъ потянуло въ домъ Маріанны Олю и Сеню, первую влекла сюда чарующая ласка молодой кузины; второго привлекала блестящая обстановка ея дома, ея гости—родные Кроля, казавшіеся юношѣ если не представителями самаго высшаго общества, то представителями самаго богатаго круга Петербурга, съ которыми было пріятно раскланиваться на музыкѣ въ Павловскомъ вокзалѣ и говорить потомъ товарищамъ: «это мой пріятель, сынъ банкира», или «это нашъ добрый знакомый, директоръ желѣзныхъ дорогъ». Почти незамѣтно, въ какой-нибудь мѣсяцъ Марья Львовна почувствовала себя одинокой въ своемъ домѣ, а если она была не одинока, то въ ея присутствіи только и говорили, что о Маріаннѣ. Это раздражало. Но этого было мало: встрѣтившись съ Маріанной, Марья Львовна сразу почувствовала сама, что она является какой-то маленькой дѣвочкой передъ этой вполнѣ сформировавшейся и всесторонне развившейся женщиной, что она даже не можетъ чувствительно уязвить эту женщину, давно привыкшую сдержанно и холодно выносить всякіе нападки враговъ, обезоруживая ихъ своимъ тактомъ и своимъ спокойствіемъ. Маріанна не подала Марьѣ Львовнѣ ни малѣйшаго повода разгорячиться, не отвѣтила ни одной рѣзкостью на ея колкости, ни на одну минуту не потеряла своего самообладанія, сразу увидавъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Отъ нея повѣяло такимъ холодомъ, когда она говорила съ Серпуховой, что той самой стало неловко и какъ бы жутко. Это окончательно вывело изъ себя Серпухову и, послѣ первой встрѣчи со своей родственницей, она иначе не говорила о ней дома, какъ съ раздражительно-насмѣшливыми прозвищами: «трагическая актриса», «театральная царица», «самозванная повелительница». Юрій Дмитріевичъ, услышавшій всѣ эти пошлыя прозвища и немного раздражившійся на жену, оборвалъ ее наконецъ словами:

— Не всѣмъ же женщинамъ кухарками смотрѣть!

Марья Львовна вышла изъ себя и сдѣлала пошлую

Digitized by Google

сцену. Ужъ не ее ли это онъ величаетъ кухаркой? Этого только недоставало! Можетъ-быть, если бы и она стала продажною женщиною, то и ей не пришлось бы по кухнямъ бѣгать, а тоже сидѣла бы, какъ царица, въ раззолоченныхъ хоромахъ. Серпуховъ съ грустью замѣтилъ:

— Маня, не унижай себя этими пошлостями!

Она начала почти кричать. Какъ онъ смѣетъ такъ обращаться съ нею? Кто ему позволилъ говорить ей дерзости? Юрій Дмитріевичъ смолкъ, видя, что каждое его новое слово только подольетъ масла въ огонь. Послѣ этой сцены, когда Серпуховъ, нетерпѣливо пожавъ плечами, вышелъ изъ комнаты, она начала жаловаться пришедшему Шахову на мужа, на Маріанну, на всѣхъ. Раскраснѣвшаяся, взволнованная, она говорила запальчиво, сбивчиво, не выбирая выраженій. Впервые Евгеній Александровичъ видѣлъ ее въ такомъ состояніи и что-то пошло-вульгарное поразило его теперь въ этой женщинѣ. Онъ коротко спросилъ ее:

— Да что она тебѣ сдѣлала, что ты на нее сердишься?

Марью Львовну точно обожгло чѣмъ-то.

— Ахъ, за что мнѣ сердиться на нее!—воскликнула она.— И какъ смѣю я осуждать ее, содержанку чужого мужа, дѣвушку, обольстившую старика, живущую на его счетъ, когда передъ ней преклоняются всѣ мужчины!

Въ голосѣ Марьи Львовны послышались пошловато-колкія нотки. Шаховъ досадливо замѣтилъ ей:

— Маня, полно! Кто же не ошибался, не падалъ.

— А ты хочешь меня попрекнуть? въ меня грязью бросить?—воскликнула она. — Я не продавалась, я не за деньги полюбила, я... О, будь я такой, какъ она, на своихъ лошадяхъ я ѣздила бы!

Онъ остановилъ ее, немного смутившись отъ ея криковъ:

— Полно, тише, ради Бога!.. Твои могутъ войти...

— Ахъ, что мнѣ за дѣло!—такъ же громко продолжала она и съ язвительностью добавила: — Можетъ-быть, и за мной будутъ ухаживать, когда узнаютъ, что я падшая женщина. Вѣдь вамъ, мужчинамъ, честныя женщины не нужны!.. Вамъ кокотки нужны!..

Евгеній Александровичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Съ тобой сегодня нельзя говорить! Лучше уйти.

Онъ взялся за шляпу. Всякія вульгарныя сцены, всякіе

Digitized by Google

скандалы были ему противны. Приличность и порядочность были у него всегда на первомъ планѣ. Марья Львовна при его движеніи къ дверямъ опомнилась, испугалась, начала его просить не уходить. Онъ недовольнымъ, нѣсколько брезгливымъ тономъ замѣтилъ ей:

— Неужели ты не понимаешь, что вѣчные капризы и сцены не привязываютъ, а только отталкиваютъ?.. Ты вотъ часто жалуешься на Олю, что она отравляетъ тебѣ жизнь своими выходками. Ты ради этого чуть не врагомъ ея сдѣлалась, а между тѣмъ сама дѣлаешь точно то же, что дѣлаетъ она. Или ты думаешь, что твоему мужу или мнѣ очень пріятно слышать только упреки, какія-то мелкія придирки не изъ-за чего, какіе-то нападки на ни въ чемъ неповинную женщину? Нѣтъ, такъ жить нельзя...

Она смотрѣла на него растерянными глазами. Онъ впервые упрекалъ ее, впервые читалъ ей нравоученіе. Она хотѣла что-то сказать въ свое оправданіе, но онъ продолжалъ, увлекаясь своей любимой ролью—ролью резонера, ролью добродушнаго ментора:

— Ты вотъ бросаешь грязью въ Маріанну, а между тѣмъ у нея ты могла бы поучиться такту. Повѣрь мнѣ, что она и года не прожила бы съ Кролемъ, если бы вздумала дѣлать ему вотъ такія сцены; но мало этого, она никогда бы не завоевала себѣ уваженія, если бы относилась къ людямъ, какъ ты.

И еще мягче, еще ласковѣе, совсѣмъ по-отечески, какъ онъ говорилъ своему Гришѣ, когда тотъ подкучивалъ, онъ добавилъ:

— Взгляни, Маня, вокругъ себя: гдѣ твои друзья? Ты всѣхъ вооружила безъ нужды, безъ толку! Ну вотъ хоть бы меня за что ты попрекнула сегодня? За то, что я не бросаю грязью въ Маріанну? Да? А что было бы, если бы каждый сталъ бросать грязью въ женщину, сдѣлавшую ошибку?

Онъ наклонился къ ней, заглядывая ей въ лицо.

— Легко было бы тебѣ? Вѣдь у Маріанны есть оправданія: молодость, свобода, а вѣдь мы, Манюша, не можемъ оправдываться и этимъ...

Ей казалось, что онъ бьетъ ее по лицу, мягко, безъ злобы, но все же бьетъ, какъ иногда бьютъ перчаткой или носовымъ платкомъ по мордѣ комнатную собачонку, стыдя ее за то, что она украла кусокъ сахару. Это не больно, но это мучительно обидно. Она сидѣла, не шевелясь и тихо плача. Послышались чьи-то шаги.

Digitized by Google

— Не плачь же, не плачь! Сюда идутъ,—поспѣшно сказалъ онъ.

Не плакать! Развѣ она могла не плакать? Она торопливо встала и вышла изъ комнаты. На минуту она почти возненавидѣла Шахова. Гдѣ-то въ глубинѣ души шевельнулось смутное сознаніе, что если мужъ унижалъ ее пьяными ласками, то предъ Шаховымъ унижается она сама, прося его ласкъ насильно, навязываясь ему. Ея лицо всыхнуло румянцемъ стыда при этой горькой мысли и тотчасъ же, рыдая, она воскликнула: «Да что же мнѣ дѣлать, если я люблю! Ну, пусть бьетъ, пусть бьетъ, только не отталкиваетъ!» Если бы Шаховъ вошелъ къ ней въ эту минуту, она бросилась бы къ его ногамъ, стала бы цѣловать его руки.

IV.

Юрій Дмитріевичъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что въ его семьѣ происходитъ что-то неладное. Неладное было въ его семьѣ и прежде, но онъ этого не замѣчалъ. Теперь это стало ему понятно. Но этого мало. Онъ смутно, какъ-то чутьемъ угадывалъ, что неладное, бывшее прежде, и неладное, явившееся теперь, не одно и то же, что теперь назрѣло что-то новое, небывалое. Жена прежде капризничала и дулась, но это были пустяки, мимолетныя вспышки, а теперь у нихъ точно оборвалась связь, выступила наружу какая-то враждебность. Въ душѣ Оли тоже происходитъ что-то непонятное, необъяснимое: это уже не простые капризы, не разыгрыванье непогрѣшимой взрослой дѣвушки, а горькія слезы и стремленіе передѣлать себя, сдѣлаться другимъ человѣкомъ. А Сеня—Сеня болѣе всего теперь смущалъ Юрія Дмитріевича: иногда отцу становилось грустно, когда онъ видѣлъ сына съ помятымъ лицомъ, съ синевой подъ глазами, съ отпечаткомъ преждевременнаго развитія мужчины въ мальчикѣ; иногда отецъ возмущался хлыщеватостью и бахвальствомъ мальчугана, такъ какъ именно эти качества были самыми антипатичными для самого Серпухова. Разгильдяй по натурѣ, человѣкъ, выросшій въ то время, когда внѣшности придавали менѣе всего значенія, подневольный работникъ, не имѣвшій ни времени, ни нужды заботиться о своемъ туалетѣ, онъ смутно угадывалъ, къ чему можетъ привести сына это стремленіе къ блеску, къ франтовству, къ пусканью пыли въ глаза. «Мы были неряхи, способные вызвать гримасу на лицѣ брезгливаго и

Digitized by Google

щепетильнаго человѣка,—повторялъ онъ:—а эти франты,—карманы отъ нихъ оберегать нужно, потому что они на все пойдутъ, лишь бы щегольнуть своимъ нарядомъ и широко пожить». Раза два онъ попробовалъ мелькомъ замѣтить сыну, что онъ недоволенъ его поведеніемъ, его щегольствомъ. Изъ этого ничего не выходило.

— Ужъ не хочешь ли ты, чтобы я въ нечесаннаго нигилиста превратился?—рѣзко отвѣтилъ ему однажды Сеня.—Ихъ время прошло. У насъ и въ гимназіи отличаютъ только тѣхъ, кто умѣетъ порядочно себя держать. Нашъ директоръ сердится, когда мы въ грязныхъ перчаткахъ ходимъ, и говоритъ, что мы гимназисты, а не питомцы нищенскаго комитета...

— Что ты мнѣ глупости говоришь!—прикрикнулъ Серпуховъ. — Не мыться тебѣ запрещаютъ, а фанфаронить. У меня нѣтъ средствъ давать тебѣ денегъ на франтовство.

— Я, кажется, не прошу у тебя,—началъ сынъ.

— Не у меня просишь, такъ у кого-нибудь другого христарадничаешь,—перебилъ отецъ.

— Что-жъ, тебѣ жаловался кто-нибудь, что я его обираю?—запальчиво проговорилъ Сеня, и его смазливое личико залилось яркимъ румянцемъ.

— Никто не жаловался,—сказалъ Серпуховъ, не безъ удивленія замѣтивъ эту краску стыда на лицѣ сына.—Но вѣдь деньги ты откуда-нибудь берешь же на свои прихоти.

Сынъ рѣзко отвернулся въ сторону, избѣгая взгляда отца.

— Что ты знаешь! Можетъ-быть, я уроками достаю. Вѣрь ты не справлялся...

И, опять принявъ грубый тонъ, онъ добавилъ:

— Будь спокоенъ, я не ворую ни у тебя, ни у другихъ.

— Этого только недоставало!—сказалъ Серпуховъ, и какъ-то безсознательно остановилъ взглядъ на лицѣ сына.

Сеня стоялъ профилемъ къ нему, смотря въ окно; лучи солнца били ему въ лицо. Серпухова поразило что-то особенное въ лицѣ сына: его красиво очерченный, слегка вздернутый носикъ былъ точно покрытъ какимъ-то легкимъ бѣловатымъ налетомъ. Юрій Дмитріевичъ даже сощурилъ глаза, чтобы убѣдиться, не обманывается ли онъ. Нѣтъ, точно это пудра.

Digitized by Google

— Ты бриться началъ?—спросилъ Юрій Дмитріевичъ.

— Я?—спросилъ Сеня, оборачивалсь съ удивленнымъ видомъ къ отцу.—Что мнѣ брить?

Онъ разсмѣялся и небрежно добавилъ:

— Вотъ, упрекаешь меня за какіе-то наряды, а даже лица моего хорошенько не знаешь. О бритьѣ спрашиваешь, точно у меня есть усы или борода...

Юрій Дмитріевичъ сконфузился—сконфузился, какъ мальчишка, но не оттого, что его уличилъ сынъ въ незнакомствѣ съ физіономіей сына, а оттого, что онъ теперь ясно увидѣлъ не только слѣды пудры на этомъ лицѣ, но—брови у сына были подкрашены. У него точно упало сердце, въ груди что-то защемило. Онъ хотѣлъ сказать сыну, что онъ увидалъ, и не могъ, охваченный такимъ стыдомъ за него, что на языкѣ замирали слова. Глядя куда-то въ сторону, онъ проговорилъ только:

— Я потому это... у тебя лицо чѣмъ-то запачкано... мука, что ли...

Сеня весь вспыхнулъ, побагровѣлъ, охваченный стыдомъ. Онъ даже былъ не въ состояніи отвѣтить дерзостью отцу. На минуту ему стало стыдно за самого себя, за эти притиранья. Въ молодой душѣ его было сознаніе, что это пошло, скверно. Не было только силъ удержаться на покатой плоскости, ведущей къ полному паденію, къ продажѣ стыда, совѣсти, чести, ради мелкихъ удовольствій и наслажденій. Юрій Дмитріевичъ, точно разслабленный, поднялся, кряхтя, съ мѣста и тихо на ходу замѣтилъ ласковымъ тономъ сыну:

— Ахъ, Сеня, Сеня, губишь ты себя!

Онъ вышелъ изъ комнаты грузными шагами. Казалось, у него вдругъ налились ноги свинцомъ. Можетъ-быть, онъ долженъ бы былъ прикрикнуть на сына, разругать его,—самъ онъ не зналъ, что надо было сдѣлать. Онъ былъ неспособенъ въ эту минуту ни на что. Онъ былъ весь охваченъ стыдомъ за сына. Не фатъ, не хлыщъ, а кокотка, вотъ чѣмъ былъ его сынъ. И какой сынъ—почти ребенокъ. Какіе негодяи—мужчины или женщины—пріучили его къ этому? Кто подсказалъ ему, что мальчики этимъ путемъ могутъ добывать деньги?

— Кто же отвѣтитъ, если отецъ самъ этого не знаетъ?—прошепталъ онъ, грузно опускаясь на кресло у своего стола.—Вѣдь я-то, отецъ, зналъ, что въ обществѣ бываютъ всякіе негодяи? Я-то могъ предостеречь, предохранить, оберечь?

Digitized by Google

Онъ закрылъ руками свое лицо.

Въ его головѣ проносились отрывочныя мысли. Все онъ передумалъ, все обсудилъ, міровые вопросы рѣшалъ. Цѣлые вечера и ночи убивалъ на это по портернымъ, по трактирамъ, по клубамъ. Все слова, слова и слова. На дѣлѣ, на практикѣ не сдѣлано ничего. Восемнадцать лѣтъ былъ мужемъ и отцомъ и только сумѣлъ на прокормъ добывать кое-какія деньги. Больше ничего не сдѣлалъ для своей собственной семьи. Зналъ, когда имъ были нужны тряпки, ложа въ театрѣ, дача лѣтомъ, а больше ничего не зналъ. Они вѣдь болѣе ничего не просили, а онъ самъ не подумалъ, что у человѣка есть еще что-то—душа, сердце, умъ. Туда, въ эти тайники близкихъ онъ не заглядывалъ. И они жили, не подозрѣвая, что имъ нужно еще что-то, кромѣ этихъ тряпокъ, этихъ ложъ, этихъ дачъ, и ничего не требовали у него болѣе. Теперь вотъ сама жизнь указала имъ на что-то иное, и они, безпомощные, очутились на краю пропасти: жена увидала въ немъ врага, дочь мучится непонятными ей самой порывами стать другимъ человѣкомъ, сынъ... Господи, кому онъ хочетъ продать себя, кому онъ продается?.. Надо спросить Шахова, много ли тотъ даетъ Сенѣ. Можетъ-быть, онъ его балуетъ, а это... Юрій Дмитріевичъ даже мысленно не могъ произнести того, что онъ думалъ о сынѣ... это, можетъ-быть, такъ, просто безцѣльно кокетничаетъ мальчуганъ. Бѣдный, онъ не знаетъ даже, можетъ-быть, какъ это дурно, какую это тѣнь бросаетъ на него. Онъ по наивности прихорашивается, безъ всякой особенной задней мысли, а люди могутъ подумать всякія мерзости. Вотъ онъ—отецъ, а подумалъ Богъ вѣсть что. Серпухову стало безмѣрно жаль Сеню. Онъ готовъ былъ идти къ сыну и просить у него извиненія за то, что онъ мысленно оскорбилъ его грязными подозрѣніями. На его лицѣ появилось выраженіе какой-то старческой слабости, къ глазамъ подступали слезы. Никого онъ теперь не винилъ, кромѣ себя, одного себя. Онъ довелъ всѣхъ домашнихъ до того, до чего дошли они; онъ долженъ и исправить все самъ. Надо съ Шаховымъ поговорить. Не пришелъ ли онъ къ нимъ? Пойти посмотрѣть. Онъ поднялся съ мѣста, тяжело вздыхая и покачивая головой, весь охваченный тяжелымъ чувствомъ пораженнаго внезапной бѣдой и еще ничего не сообразившаго человѣка. Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ и дошелъ до гостиной.

Digitized by Google

Здѣсь ждало его то, чего онъ никогда бы не могъ предугадать, чему онъ не повѣрилъ бы, если бы услышалъ объ этомъ отъ постороннихъ...

V.

Юрій Дмитріевичъ отворилъ дверь гостиной и смутился: онъ увидалъ, какъ Марья Львовна склонилась лицомъ къ рукѣ Шахова; онъ ясно услыхалъ раздражительнымъ тономъ произнесенныя Шаховымъ слова:

— Полно, Маня! Зачѣмъ ты это дѣлаешь!

Это было дѣло одной минуты. И Шаховъ, и Марья Львовна отшатнулись другъ отъ друга, точно ихъ кто-то отбросилъ въ разныя стороны однимъ ударомъ. Растерявшійся Серпуховъ, съ оторопѣлымъ взглядомъ, съ открытымъ ртомъ, пробормоталъ что-то о томъ, что онъ не мѣшаетъ, что онъ искалъ Олю, и торопливо, какъ-то бокомъ, мелкими шажками, глядя въ сторону, скрылся. Онъ былъ и смѣшонъ, и жалокъ въ своемъ смущеніи, въ своей мѣшковатой суетливости. Въ первую минуту онъ ощущалъ нѣчто въ родѣ стыда за сдѣланную имъ ошибку, за крупный совершенный имъ проступокъ. Никакого другого ощущенія онъ не испытывалъ, какъ будто онъ ворвался не къ своей женѣ, цѣловавшейся съ любовникомъ, а къ совершенно чужой и незнакомой ему нѣжно ворковавшей парочкѣ, за которой онъ слѣдилъ и подсматривалъ въ щелку. Растерянный и сконфуженный, онъ торопливо прошелъ обратно въ свою комнату, зачѣмъ-то началъ усердно рыться въ бумагахъ, никакъ не могъ сообразить, чего онъ ищетъ, потомъ разомъ грузно опустился на кресло у письменнаго стола и безсмысленнымъ тономъ проговорилъ вслухъ:

— Вотъ оно что!.. вотъ оно что!..

Онъ сталъ нервно барабанить пальцами по столу, чувствуя, что его что-то давитъ, душитъ, гнететъ. Голову давило какъ бы желѣзное кольцо. Онъ просидѣлъ такъ съ полчаса, подавленный тысячами разнородныхъ ощущеній, сознаніемъ униженія, бѣшенствомъ на кого-то, подступавшими къ глазамъ слезами. Мысль не останавливалась ни на чемъ, работала скачками, мелькала отрывочными образами. Казалось, онъ постарѣлъ въ эти нѣсколько минутъ, такимъ осунувшимся сдѣлалось его лицо, такъ сгорбилась его фигура. Наконецъ, онъ всталъ, заходилъ по комнатѣ, медленно, въ раздумьи.

— Что-жъ, этого надо было ждать рано или поздно,—

Digitized by Google

проговорилъ онъ.—Не Шаховъ, такъ кто-нибудь другой. Иначе не могло кончиться... иначе.

Онъ внезапно опустился на стулъ, припалъ лицомъ на руки и разрыдался, вздрагивая всѣмъ своимъ массивнымъ тѣломъ,..

Въ гостиной въ это время тоже растерявшіеся и перепуганные Марья Львовна и Шаховъ стояли другъ передъ другомъ и безсмысленно спрашивали одинъ другого: «Что ты надѣлала?» «Что же будетъ?» «Что теперь дѣлать?» Прежде чѣмъ они нашли отвѣты на эти вопросы, въ комнату пришла Оля. Марья Львовна, готовая вытолкнуть ее въ спину, отрывисто сказала ей:

— Тебя искалъ отецъ!

— Зачѣмъ?—спросила Оля.

— Почему я знаю!—отвѣтила мать.—Ступай къ нему.

Ей хотѣлось только, чтобъ она ушла. Оля торопливо вышла, недоумѣвая, почему мать и Шаховъ такъ взволнованы, такъ красны. Она пошла искать отца, прошла въ нему въ кабинетъ и увидала его, склонившагося лицомъ на ладони рукъ, вздрагивающаго всѣмъ тѣломъ отъ рыданій.

— Папа! папа! что съ тобой?—воскликнула она, бросаясь къ нему и опустившись передъ нимъ на колѣни.

Онъ очнулся, осмотрѣлся мутными глазами кругомъ, не сознавая вполнѣ, что случилось, какъ попала сюда его дочь. Нужно было пересилить себя, подавить въ себѣ все, чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній въ душѣ дочери. Онъ взялъ ее за голову, поцѣловалъ ее въ лобъ и тихо проговорилъ:

— Худо мнѣ что-то... Скверно... дѣточка...

Она подняла на него испуганный взглядъ.

— Такъ надо за докторомъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. это пройдетъ!

— Папа, но ты плакалъ?.. Значитъ же ужъ очень, очень худо?

Въ ея голосѣ была тревога.

— Нѣтъ, дѣточка... Было худо... Потомъ мнѣ лучше стало...—путался онъ въ объясненіяхъ.—Но... видишь ли, мучитъ меня вопросъ... все думается, что будетъ съ вами, если умру... Жаль стало... ну, вотъ...

Онъ пересилилъ себя, постарался улыбнуться.

— Бабой я совсѣмъ сталъ... Слезы вѣдь бабье утѣшеніе. Такъ? да?..

Она пытливо смотрѣла ему въ лицо, не вѣря его очевидной лжи.

Digitized by Google

— Правда это, папа?—спросила она тихо.

Онъ растерялся, заторопился увѣрить ее:

— А то какъ же? О чемъ мнѣ еще плакать? И вообще смѣшно это, когда такой старый быкъ рюмитъ... Да?..

Она, продолжая смотрѣть на него испытующимъ взглядомъ, серьезно замѣтила ему:

— Не шути, когда не до шутокъ...

И, опять вспомнивъ о службѣ отца, тревожно спросила его:

— По службѣ у тебя нѣтъ непріятностей?

— Какія же такія непріятности могутъ быть!

— Нынче вѣдь въ банкахъ все растраты...

— У насъ нѣтъ...

Онъ опять пошутилъ:

— Ужъ ты не думаешь ли, что я растратилъ?

— Нѣтъ, папа,—перебила она его, качая головой.—Но скажи мнѣ, почему ты совсѣмъ другимъ сталъ?.. Ты на себя не похожъ... Ты самъ этого не замѣчаешь, а ты совсѣмъ, совсѣмъ другимъ сталъ...

Она что-то внезапно вспомнила:

— Мама знала, что тебѣ худо, что ты плакалъ?

Онъ растерялся и торопливо сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, никто не зналъ, и не надо.

— Но она вѣрно поняла,—перебила его Оля.—Я ее сейчасъ видѣла. Она тоже встревожена, все лицо разгорѣлось у нея. Она и послала меня къ тебѣ. Евгеній Александровичъ тоже...

— А, ну ихъ!—вдругъ сорвалось съ языка Серпухова злобное восклицаніе.

Онъ тотчасъ же спохватился и заговорилъ сбивчиво, что, вѣроятно, они замѣтили его разстроенный видъ, что онъ съ утра уже разстроенъ, что этого нельзя было не замѣтить. А въ головѣ его проносилась одна мысль: «надо сказать имъ, что они могутъ все, что имъ угодно, дѣлать, но если это узнаетъ Оля, то...». У него сжались съ угрозой кулаки, точно онъ мысленно грозилъ убить этихъ людей, если ихъ связь, ихъ грязное поведеніе станетъ извѣстно его дочери...

VI.

Шаховъ былъ чистоплотный человѣкъ, эстетикъ, прилично воспитанный господинъ. Изящная и приличная форма облагораживала въ его глазахъ многое, если не все. Онъ съ отвращеніемъ отвертывался отъ пьянаго оборвыша, обнимающаго такую же пьяную оборванку у дверей кабака, но могъ бы

Digitized by Google

съ наслажденіемъ засмотрѣться на обнаженную натурщицу, полюбоваться на которую созвалъ изящныхъ гостей въ изящную мастерскую художникъ. Огласка, скандалъ, вульгарная перебранка, все это внушало ему отвращеніе, и можно бы сказать страхъ, если бы только можно было заподозрить его въ трусости, какъ мужчину. Если въ немъ и была доля трусости, то это была не трусость мужчины, а трусость эстетика. Вслѣдствіе этого и открытіе, сдѣланное Серпуховымъ, испугало его только съ одной точки зрѣнія: не сдѣлаетъ ли Юрій Дмитріевичъ скандала? Онъ хорошій и добрый человѣкъ, но онъ плохо воспитанъ, не отесанъ, не приличенъ. Отъ него можно ждать самыхъ дикихъ выходокъ. Евгеній Александровичъ не зналъ, какъ ему нужно поступить, чтобы предупредить скандалъ. Мысли объ этомъ отравили ему два дня, и хуже всего было то, что эти мысли не привели ни къ чему и были нелѣпы. Дуэль, разводъ, полный разрывъ съ семьей Серпуховыхъ, все это въ концѣ концовъ оказывалось или никуда не пригоднымъ, или вызывающимъ толки. Волненіе было настолько сильно, что даже Гриша замѣтилъ Евгенію Александровичу, что онъ вѣрно нездоровъ, такъ какъ «они ничего не кушаютъ». Шаховъ только грустно вздохнулъ, говоря, что «аппетитъ что-то пропалъ».

На третій день послѣ памятной сцены въ домѣ Серпуховыхъ, выходя изъ вагона перваго класса, Шаховъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Серпуховымъ на дебаркадерѣ въ Павловскѣ. Съ перваго раза Евгеній Александровичъ такъ растерялся, что не зналъ, какъ ему быть: здороваться или не здороваться съ Юріемъ Дмитріевичемъ? сказать ему «вы» или «ты»? Серпуховъ, осунувшійся и сгорбившійся, въ мѣшковатомъ пальто, въ измятой шляпѣ съ большими полями, коротко сказалъ:

— А! я радъ, что столкнулись...

Потомъ онъ прибавилъ:

— Тутъ ресторанъ... у станціи... надо зайти...

Шаховъ въ знакъ согласія кивнулъ головой, смотря въ сторону и чувствуя, что у него вдругъ пересохло въ горлѣ. На минуту онъ испыталъ чувство самой мальчишеской трусости.

Они пошли пѣшкомъ до ресторана, не говоря ни слова, смотря разсѣянно и безцѣльно въ пространство. Сбросивъ пальто въ прихожей, они прошли въ отдѣльный номеръ. Серпуховъ мелькомъ сказалъ лакею:

— Два обѣда!

Digitized by Google

И, обращаясь къ Шахову, пояснилъ:

— Не такъ же сидѣть...

Онъ подошелъ къ окну, пока лакеи накрывали на столъ, принося приборы и закуски, и сталъ барабанить пальцами по стеклу. Шаховъ усердно раскуривалъ папиросу, сосредоточивъ на ней все свое вниманіе. Лакеи спрашивали между тѣмъ о винѣ, предлагали прейсъ-курантъ винъ. Приходилось отдѣлываться отъ нихъ, приказавъ подать того вина, которое прежде всего вспомнилось. Когда подали закуску, нужно было выпить и закусить, такъ какъ эти люди ждали окончанія этого обряда, чтобы начать подавать обѣдъ. Серпуховъ даже замѣтилъ что-то о водкѣ: «хороша она здѣсь, въ ресторанѣ». Шаховъ согласился съ этимъ вполнѣ. Когда первое блюдо обѣда было подано, Серпуховъ сказалъ прислугѣ, что ее позовутъ, когда будетъ надо. Лакеи вышли. Тогда Серпуховъ обернулся къ Евгенію Александровичу и, глядя на него въ упоръ, проговорилъ:

— Теперь мы одни...

Шаховъ взглянулъ куда-то въ сторону, по направленію къ окну. Тамъ качались полуголыя вѣтви деревьевъ съ осыпающимися пожелтѣвшими листьями. Евгеній Александровичъ все думалъ о томъ, какъ начать, и все молча смотрѣлъ на эти вѣтви, не зная, какъ начать. Въ головѣ, при видѣ качающихся вѣтвей деревьевъ, мелькала глупая мысль: «точно головой качаютъ»... Онъ даже разсердился на себя и отвернулся отъ окна.

— Ты меня извини, что я завелъ тебя сюда,—началъ Серпуховъ нѣсколько ироническимъ тономъ, наливъ себѣ вина и глотая его большими глотками.

Шаховъ очнулся.

— Ты въ правѣ требовать отъ меня отчета,—сказалъ онъ глухо.—Я самъ хотѣлъ... всѣ эти дни...

— Отчета?—спросилъ Серпуховъ и горько усмѣхнулся.— Въ чемъ? Что ты живешь съ моей женой? Это я уже и такъ знаю. Чего же еще?

Онъ взглянулъ съ презрѣніемъ на Евгенія Александровича. На мгновеніе его охватила злоба на этого человѣка, потомъ онъ ему показался такимъ ничтожнымъ. Маленькій, хрупкій по сравненію съ Юріемъ Дмитріевичемъ, онъ, дѣйствительно, казался теперь довольно жалкимъ, несмотря на все свое изящество и на свою красоту. Шаховъ уловилъ этотъ взглядъ, смутился, сталъ торопливо говорить:

— Все же ты долженъ знать, какъ это случилось... Я ви-

Digitized by Google

новать, я поступилъ неосторожно, но все же... ты понимаешь...

Серпуховъ прервалъ его сбивчивую рѣчь.

— Да ты чего боишься? что я вызову тебя на дуэль? Или того, что я подброшу тебѣ ее?

Евгеній Александровичъ растерялся еще болѣе.

— Что-жъ, я готовъ...

— Ни къ чему ты не готовъ!—рѣзко и отрывисто отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ.

И прибавилъ съ горькой ироніей въ голосѣ:

— Или, можетъ-быть, я ошибаюсь, ты ее любишь? Ну, что-жъ! Драться я за нее не могу, у меня дѣти могутъ остаться нищими. Значитъ остается одно: уступить. Бери ее; ты не бѣденъ, содержать есть чѣмъ, а дѣтямъ я сумѣю объяснить...

Наступило молчаніе. Серпуховъ испытывалъ совершенно новое для него чувство—чувство злорадства при видѣ замѣшательства Шахова. Онъ угадывалъ истину, зналъ, что Евгенію Александровичу давно не нужна эта женщина. Даже больше: онъ угадывалъ, что и никогда не была она нужна Шахову. Онъ самъ, столько разъ, въ былые годы, бывалъ въ такомъ положеніи. Подвернулась бабенка—отчего не воспользоваться ею? Воспоминаніе о мелкихъ интригахъ молодости снова заглушило въ немъ злобу на Шахова. Въ эти два дня—тяжелые и мучительные для него—онъ передумалъ всѣ, и каждый разъ, когда его охватывало бѣшенство на Шахова, какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ему: «а ты самъ поступалъ не такъ, лучше?» И онъ опускалъ низко голову. Вмѣсто ненависти онъ чувствовалъ презрѣніе къ Евгенію Александровичу, къ себѣ, ко всѣмъ собратьямъ.

Шаховъ прервалъ первый молчаніе.

— Я глубоко виноватъ передъ тобою,—началъ онъ, запинаясь:—но ты не далъ мнѣ объясниться... я долженъ...

Серпуховъ очнулся, налилъ себѣ еще вина, сгорая отъ жажды, не обращая вниманія на то, что это не вода, и съ горечью проговорилъ:

— Чего объясняться тебѣ передо мною! Все я знаю. Ты такой же пакостникъ...

Евгенія Александровича точно по лицу ударили. Его блѣдныя щеки вспыхнули. Въ вискахъ застучала кровь.

— Я не позволю!—крикнулъ онъ запальчиво, швырнувъ на столъ салфетку и поднимаясь съ мѣста.

И тотчасъ же прикусилъ языкъ подъ вліяніемъ внезап-

Digitized by Google

ной мысли о скандалѣ, присѣлъ, съежился, хмуря брови. Съ ужасомъ онъ увидалъ, что Юрій Дмитріевичъ уже довольно много отпилъ изъ бутылки вина.

— Чего?—перебилъ его Юрій Дмитріевичъ:—не позволишь наносить оскорбленіе? Такъ, ты мнѣ нанесъ уже большее оскорбленіе, а я...

Серпуховъ тяжело передохнулъ.

— Я даже не въ силахъ сердиться на тебя,—закончилъ онъ.—Да, не въ силахъ, потому что ты не лучше меня, я не лучше тебя! Пакостники! Всѣ мы таковы, мужчины... Легкомысленная бабенка, чужая жена заиграла, почему же и не имѣть ее? Это удобнѣе, чѣмъ ловить женщинъ съ улицы, просить рекомендовать ихъ за деньги... Нѣтъ, гдѣ ужъ Серпуховымъ сердиться на Шаховыхъ! И изъ-за кого? Изъ-за Марьи Львовны!

По его лицу скользнула горькая усмѣшка.

— Но у меня дѣти. Они ничего не должны подозрѣвать. Слышишь? Продолжайте творить, что вамъ угодно, но мой домъ долженъ быть для тебя святъ!

— О, неужели ты думаешь, что въ будущемъ...—началъ Евгеній Александровичъ.

Его лицо даже просвѣтлѣло. Онъ не могъ скрыть радости при мысли, что скандала не будетъ. «Легко отдѣлался, легко», проносилась въ его головѣ пошлая мысль. Онъ постарался принять серьезный видъ.

— Развѣ ужъ надоѣла?—спросилъ съ насмѣшкой Серпуховъ.—Скоро! Впрочемъ, это ваше дѣло. Я рѣшился держать эту женщину въ своемъ домѣ, а какъ она будетъ вести себя—это не мое дѣло. Лишь бы не было скандаловъ. Я не выгоняю ее, потому что я виноватъ передъ нею, не умѣлъ сдѣлать ее порядочной женщиной, не разсчиталъ, что могутъ подвернуться такіе мужчины, какъ ты.

Евгенія Александровича опять передернуло, но Юрій Дмитріевичъ продолжалъ:

— Такой, какъ ты, какъ я, какъ всѣ остальные, не хуже, не лучше... Я даже попрошу тебя, — онъ сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ «попрошу»:—продолжать посѣщать нашъ домъ, хотя отъ времени до времени, чтобы Олѣ и Сенѣ не бросилось въ глаза твое отсутствіе. Я только о нихъ теперь и забочусь...

Онъ сдвинулъ брови и опять отпилъ вина.

— Кстати, я хотѣлъ съ тобой и объясниться вовсе не о ней, не о Марьѣ Львовнѣ. Что мнѣ она! Я хотѣлъ по-

Digitized by Google

просить тебя прекратить свою щедрость относительно Сени. Не знаю, ради какихъ видовъ, вѣроятно, просто ради того же общаго намъ всѣмъ нравственнаго разгильдяйства, ты даешь мальчишкѣ деньги, ты водишь его съ собой на концерты и въ театръ въ первые ряды, ты—извини меня за откровенность—знакомишь его съ какими-то жуликами...

Шаховъ оборвалъ его:

— У меня нѣтъ такихъ знакомыхъ, я не позволю...

— Ахъ, кто у тебя спрашиваетъ позволенія; что ты лѣзешь на скандалъ. Я называю жуликами всѣхъ этихъ прожигателей жизни, которые носятъ названіе золотой молодежи, приличныхъ молодыхъ людей, торгующихъ собой и покупающихъ другихъ. Повялъ? Они не пара моему сыну, который можетъ очутиться чуть не нищимъ послѣ моей смерти. Я вовсе не желаю видѣть его на скамьѣ подсудимыхъ, обвиняемымъ за подлоги.

Лакей, не дождавшись зова, вошелъ въ комнату. Шаховъ и Серпуховъ суетливо принялись за холодный супъ и, глотнувъ его немного, отставили тарелки. Серпуховъ налилъ еще въ стаканъ вина и, съ усмѣшкой глядя на Шахова, проговорилъ уже не особенно твердымъ голосомъ:

— Что-жъ, нужно хоть выпить...

— Да,—отвѣтилъ Евгеній Александровичъ:—меня что-то знобитъ.

— Пора въ городъ,—сказалъ Серпуховъ.—Ты не думаешь за границу?

— Не могу. Два дѣла надо кончить. Впрочемъ, я постараюсь, потороплюсь,—прибавилъ Евгеній Александровичъ, думая, что Серпуховъ «предлагаетъ» ему скорѣе уѣхать.

— Зачѣмъ же торопиться?—спросилъ Юрій Дмитріевичъ:—пожалуйста, не думай, что я сживаю тебя.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Повѣрь мнѣ, что во мнѣ все покончено: ревность, злоба, упреки.

По его лицу прошла какая-то тѣнь.

— Въ эти два дня, въ эти сорокъ восемь часовъ я передумалъ то, чего иной не передумаетъ въ годы: ты, я, всѣ мы, мужчины, одно и то же. Дѣвушка, чужая жена, мать семьи—намъ все равно кого взять, лишь бы она не оттолкнула... Тутъ не нужно ни любви, ни привязанности, лишь бы была не противна намъ и лишь бы не нужно употреблять грубаго насилія... Ну, а потомъ... Вотъ я—была минута, что я готовъ былъ убить жену, опозорить ее, вы-

Digitized by Google

гнать ее... А самъ—я еще хуже съ ней поступилъ, чѣмъ ты; дѣвчоночкой ее взялъ за себя ради ея неопытности; пьяный къ ней приходилъ по ночамъ, если не застревалъ случайно гдѣ-нибудь у другихъ женщинъ... Ну, а измѣнила... будь это раньше, а не теперь,—убилъ бы ее... А ты—что тебя въ ней прельстило?.. Ничего, ничего!.. Женщина она—вотъ и все, и взялъ, и поигралъ, и надоѣла...

Шаховымъ начиналъ овладѣвать страхъ: онъ видѣлъ, что Серпуховъ пьетъ стаканъ за стаканомъ и уже говоритъ, не обращая вниманіе на присутствіе въ комнатѣ слугъ.

— Да что она!... Не о ней я только думалъ,—продолжалъ Юрій Дмитріевичъ.—Вообще о женщинахъ... Что пришлось пережить Маріаннѣ? Какъ злословили? Какъ сторонились? А Кроль—его никто не обвинялъ, къ нему всѣ шли, отъ него никто не бѣжалъ. Брось онъ ее, да ее въ грязь втоптали бы, а про него сказали бы: «слава Богу, у него нашлось столько силы воли, чтобы вернуться къ законной семьѣ»... Двѣ морали, двѣ нравственности—одна для женщинъ, другая для мужчинъ...

— Да вѣдь иначе и быть не можетъ,—замѣтилъ Евгеній Александровичъ и тотчасъ же раскаялся за сорвавшуюся фразу, такъ какъ она могла затянуть ораторство Серпухова.

— Знаю! знаю!—крикнулъ Юрій Дмитріевичъ, стукнувъ кулакомъ.—Должно бы быть иначе: не будь мужчина пакостникомъ, не была бы такой и женщина. А мы сами ее тянемъ въ развратъ, сами развращаемъ ее и потомъ бичуемъ... Кто мы? Сильные, образованные, развитые, повелители? Да? А она? Слабое созданіе, неразвитый мозгъ, безправное существо, ребенокъ и игрушка... Какъ же мы смѣемъ развращать ребенка и ломать игрушку и потомъ ругать ихъ за то, что ребенокъ развращенъ, а игрушка сломана?

Онъ пошатнулся на стулѣ и крикнулъ:

— Кто? А? Кто смѣетъ обвинять?.. Ребенокъ и игрушка...

Онъ откинулся на стулъ и опустилъ голову на грудь. Евгеній Александровичъ сталъ натягивать перчатки и кашлянулъ. Юрій Дмитріевичъ приподнялъ голову и уставился въ него оловянными глазами. Въ его взглядѣ, мутномъ и посоловѣломъ, была насмѣшка.

— Ну, и что же?—спросилъ онъ.

— Пора домой,—нерѣшительно сказалъ Евгеній Александровичъ.

— Что-жъ, иди...—отвѣтилъ Серпуховъ—Поди, со мной

Digitized by Google

теперь идти тебѣ стыдно? А?.. Съ пьянымъ человѣкомъ идти стыдно? Да?.. Съ чужой женой обманывать мужа не стыдно? А?.. Ты гдѣ пойдешь съ пьянымъ человѣкомъ? По городу Павловску? А?.. А гдѣ обманывалъ мужа? Въ четырехъ стѣнахъ? Да? Пакостники...

Шаховъ, кусая губы, конфузясь прислуги, не зная, что дѣлать, обернулся къ лакею какимъ-то минорнымъ и заискивающимъ тономъ:

— Колясочку бы...

Онъ взглянулъ озабоченно въ окно: на дворѣ уже смеркалось. Мелькомъ онъ бросилъ взглядъ на Серпухова, тотъ спалъ. Лакей доложилъ, что извозчикъ пріѣхалъ. Шаховъ велѣлъ подождать. Онъ разсчитывалъ, что скоро совсѣмъ стемнѣетъ, и онъ довезетъ Серпухова къ себѣ, незамѣченный никѣмъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Марья Львовна пережила три такіе дня, какихъ она не переживала еще никогда.

Юрій Дмитріевичъ, застигнутый врасплохъ сдѣланнымъ имъ открытіемъ, не показывался въ эти дни на глаза никому изъ домашнихъ, придумывая, что дѣлать и какъ быть. Онъ боялся встрѣтиться съ женою, сознавая, что одна неосторожная выходка съ ея стороны разбудитъ въ немъ звѣря. Ему хотѣлось собраться съ силами, успокоиться и тогда дѣйствовать такъ, какъ подскажетъ холодный разсудокъ. Теоретически, «для другихъ», онъ давно уже рѣшилъ, какъ долженъ дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ порядочный мужъ: разъ связь порвалась между мужемъ и женою, они должны миролюбиво разойтись, не насилуя чужой свободы. Но это была теорія; на практикѣ, «на себѣ», осуществить ее было ему не легко. Тутъ примѣшивалось и чувство злобы на жену и Шахова за то, что они навязали ему, Серпухову, неприглядную роль обманутаго мужа, и горькое сознаніе того, что открытый разрывъ съ женою можетъ имѣть дурное вліяніе на дѣтей, послужитъ имъ недобрымъ примѣромъ, и гдѣ-то въ тайникѣ души шевелилось сожалѣніе въ отношеніи къ ней, загубленной имъ самимъ женѣ-ребенку, которая останется безъ куска хлѣба, безъ пріюта, на мостовой, если ее «освободитъ» мужъ,—въ под-

Digitized by Google

держку Шахова Юрій Дмитріевичъ не вѣрилъ, ни на минуту не обманулъ себя какой-нибудь идеализаціей отношеній Марьи Львовны и Евгенія Александровича. «Пакостникъ, какъ и всѣ мы», повторялъ Юрій Дмитріевичъ про Шахова и твердо вѣрилъ, что пакостникъ могъ поиграть съ чужой женой, но навязать ее себѣ на шею не могъ.

Но не одинъ Серпуховъ избѣгалъ въ эти дни встрѣчи съ Марьей Львовной. Евгеній Александровичъ, испугавшійся мысли о скандалѣ, тоже не заглядывалъ къ Серпуховымъ и ждалъ какого-нибудь случайнаго исхода этой исторіи.

«Уѣхать бы куда-нибудь на время,—малодушничалъ онъ, дѣлая гримасы.—Да, такъ и уѣдешь, когда навязалъ себѣ два крупныя дѣла? И зачѣмъ? Точно безъ нихъ жить нечѣмъ? Нѣтъ, нѣтъ, надо наконецъ покончить эту жизнь по вѣтру и по теченію обстоятельствъ».

Онъ гримасничалъ и капризничалъ на самого себя, упрекая себя въ недостаткѣ характера и силы воли, въ привычкѣ поддаваться обстоятельствамъ, а не управлять обстоятельствами, идти по вѣтру и по теченію, и сидѣлъ дома, ожидая, какъ уладится дѣло само собою, то-есть согласно съ тѣми же «обстоятельствами».

Кромѣ этихъ двухъ лицъ никто не зналъ о происшедшемъ, не могъ, значитъ, прибѣжать къ Серпуховой съ разспросами «ну, какъ?» «уладили ли?» «что думаете дальше дѣлать?» и Марья Львовна вдругъ почувствовала весь ужасъ одиночества. До этой поры она даже и не подозрѣвала, что она такъ одинока. Всѣ посторонніе это знали, для нея это было новостью. Есть люди, постоянно говорящіе другимъ о всякихъ своихъ душевныхъ невзгодахъ, о всѣхъ мелочныхъ дрязгахъ въ своемъ домѣ, о каждомъ безпокоящемъ ихъ прыщикѣ и воображающіе, что эти другіе интересуются ими, потому что тѣ изъ вѣжливости или любви къ сплетнямъ слушаютъ ихъ сѣтованія, стараясь иногда скрыть изъ приличія зѣвоту. Это натуры ограниченныя, неспособныя задать себѣ вопроса, ради чего люди могутъ интересоваться ими, и не сознающія, что серьезно интересоваться ближними люди могутъ только тогда, когда эти ближніе отличаются чѣмъ-нибудь особеннымъ, богатствомъ, талантомъ, высокимъ положеніемъ, выдающимися добродѣтелями или даже выходящими изъ ряда вонъ пороками. Марья Львовна принадлежала къ числу такихъ личностей, которыхъ жалобы иногда выслушиваютъ, но которыхъ никогда не спрашиваютъ объ ихъ внутренней жизни. Кругъ выслушивающихъ ея

Digitized by Google

жалобы людей все суживался, и послѣ смутившей ее исторіи она вдругъ увидала, что она одна—мужъ и любовникъ не показывались, а кромѣ ихъ ей не съ кѣмъ было говорить о себѣ, некому было повѣрить свою первую тайну. Въ эти три дня къ ней зашелъ кое-кто изъ знакомыхъ, но никто изъ нихъ не интересовался даже спросить ее, почему она смотритъ такою растерянною. Не замѣтили этого и ея дѣти, никогда не обращавшія вниманіе на выраженіе лица, на настроеніе мамы Мани. Смотритъ она хмурой—значитъ капризничаетъ. У нея вѣдь всегда есть предлоги для капризовъ: Глаша не угодила—цѣлый день дуется на всѣхъ, дождливые вечера начались—жалобамъ конца нѣтъ. Предположить, что у нея есть серьезное горе, это показалось бы просто смѣшнымъ и Олѣ, и Сенѣ...

Необходимость переживать всѣ ощущенія и думы одной была для Маріи Львовны тѣмъ болѣе тяжела, что Серпухова давно привыкла, такъ сказать, думать о себѣ вслухъ. Если она ничего не могла разсказывать о себѣ, то она передавала кому попало видѣнный ею ночью страшный сонъ и то, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на нее. Передумывая теперь въ одиночествѣ, что будетъ дальше, она приходила къ самымъ нелѣпымъ и чудовищнымъ выводамъ. То ей казалось, что мужъ побьетъ ее, истиранитъ, запретъ дома; то она была увѣрена, что произойдетъ дуэль, и кто-нибудь будетъ убитъ; то, наконецъ, она рѣшала, что мужъ выхлопочетъ разводъ и тогда, что она будетъ дѣлать, если ее оттолкнетъ и Женя? Затишье, царствовавшее въ домѣ, настраивало еще мрачнѣе мысли Маріи Львовны. Ей казалось, что именно это-то затишье и предвѣщаетъ бурю. Человѣкъ банальныхъ фразъ и прописныхъ истинъ, она знала изреченіе, что «затишье всегда бываетъ передъ бурей». Этого было довольно, чтобы тревожно ждать бури. Но когда же раздастся первый ударъ этой бури? Ужъ лучше бы скорѣе. Какъ бы ни была она страшна, она все же лучше томительнаго ожиданія. Иногда среди этого ожиданія Марья Львовна точно застывала въ неподвижной позѣ, съ оторопѣлымъ взглядомъ; порой она разражалась въ своей спальнѣ слезами и въ отчаяніи ломала руки. Три дня показались ей цѣлою вѣчностью. На четвертый день Марья Львовна проснулась съ головной болью, точно разбитая, Она вышла по обыкновенію въ столовую къ чаю и сѣла около самовара. Оля и Сеня поздоровались съ нею, увидали, что мама Маня и нынче «кислая», отвернулись отъ

Digitized by Google

нея и стали перебрасываться между собою отрывочными фразами. Она молчала, въ раздумьи мѣшая ложечкой въ чайной чашкѣ. Въ сосѣдней комнатѣ послышались тяжелые шаги. Въ столовую вошелъ Юрій Дмитріевичъ съ обрюзгшимъ лицомъ, постарѣвшій на нѣсколько лѣтъ, немного сгорбившійся. Выраженіе его лица было сосредоточено, серьезно, озабочено. Онъ поздоровался съ сыномъ и дочерью и взялъ свою большую чашку, не бросивъ даже взгляда на жену. Дѣтей это не удивило; они не знали, видѣлся ли отецъ утромъ съ матерью или нѣтъ.

— Ты, папа, здоровъ?—спросила Оля.

— Такъ себѣ; здоровъ, какъ можно быть здоровымъ въ мои года,—отвѣтилъ Серпуховъ.

Онъ, чтобы перемѣнить разговоръ, спросилъ дочь, была ли она у кузины Маріанны. Оля отвѣтила утвердительно и замѣтила, что кузина скоро переѣдетъ въ Петербургъ.

— И намъ пора съ дачи,—проговорилъ Юрій Дмитріевичъ.—Мнѣ тяжело ѣздить, и у тебя пропадаетъ много времени,—обратился онъ къ сыну.

— Ну, у насъ теперь еще идутъ занятія спустя рукава,—отвѣтилъ Сеня.

— А надо, чтобы они шли не спустя рукава,—серьезно произнесъ Серпуховъ.—Засиживаться въ классахъ не приходится, когда надо скорѣе кончить курсъ при жизни отца. Умру я, безъ угла останешься.

Въ его голосѣ не было раздраженія, но была сухая серьезность. Сеня ничего не отвѣтилъ. Отецъ мелькомъ бросилъ взглядъ на его лицо. Сеня уловилъ этотъ взглядъ и вспыхнулъ до ушей. Онъ понялъ значеніе этого взгляда. Серпуховъ какъ будто немного успокоился, не видя на лицѣ сына слѣдовъ пудры и подкрашиванья бровей.

— Но когда же ты думаешь, папа, перебраться въ городъ?—спросила Оля.

— Во вторникъ,—отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ.

Въ комнату вошла Глаша. Серпуховъ обратился къ ней:

— Глаша, скажите Авдотьѣ, что мы послѣзавтра переѣзжаемъ въ городъ. Уложить все нужно.

Онъ допилъ чай и всталъ изъ-за стола.

У Марьи Львовны сорвалось съ языка:

— Мы не успѣемъ...

Мужъ точно не слыхалъ ея голоса, не обернулся, не возразилъ ничего, вышелъ изъ столовой.

«Ахъ, дуться вздумалъ!—мелькнуло въ ея головѣ.—Ждетъ,

Digitized by Google

чтобы я первая заговорила, чтобы сдѣлать потомъ сцену. Ну, этого удовольствія онъ не дождется».

На минуту ей стало легче, какъ будто какой-то гнетъ упалъ съ сердца. Ей казалось, что она теперь нашла разгадку того, что будетъ, вышла изъ заколдованнаго круга неизвѣстности и гадательныхъ предположеній. Мужъ будетъ дуться, отмалчиваться, вызывая ее на рѣзкости, чтобы потомъ наговорить ей въ свою очередь грубостей. Но она сама умѣетъ молчать и промолчитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не «остынетъ». Онъ вѣдь въ сущности не золъ, у него отходчивое сердце. Надо только переждать, чтобы все забылось наполовину. Женю бы увидѣть, сказать бы ему, какъ все складывается. «Онъ тоже, вѣроятно, волнуется, не зная, что будетъ; боится скандала!,. Даже не справился, какъ провела я эти дни, не убилъ ли мужъ». Въ душѣ шевельнулось непріязненное чувство противъ Шахова. Но это было только на минуту. Жажда поговорить хоть съ кѣмъ-нибудь о себѣ тотчасъ же стала ее подталкивать идти скорѣе къ Евгенію Александровичу.

Марья Львовна улучила свободную минуту и направилась къ Шахову. Евгеній Александровичъ встрѣтилъ ее съ смущеннымъ видомъ и въ душѣ раздражился на нее. Послѣ свиданія съ Серпуховымъ ему внезапно представилось, что все, все кончено—кончено не съ однимъ Юріемъ Дмитріевичемъ, но и съ нею, съ Марьей Львовной. Онъ самъ не понималъ, почему это ему такъ кажется, но тѣмъ не менѣе испытывалъ сладкое ощущеніе отъ этой мысли. Кончить было давно пора. Было только неловко—не то совѣстно, не то жаль ее. Теперь же разрывъ дѣлался почти неизбѣжнымъ... И вдругъ Марья Львовна снова явилась передъ нимъ. Впервые въ его головѣ мелькнула мысль: «навязывается».

Она торопливо начала ему говорить, какъ томилась она въ эти три дня, какъ, наконецъ, сегодня Юрій Дмитріевичъ явился въ столовую, что онъ ей не сдѣлалъ еще никакой сцены, что онъ рѣшился отмалчиваться, что...

— Ахъ, что ты знаешь!—воскликнулъ нетерпѣливо Шаховъ, перебивая ее.—Я съ нимъ вчера видѣлся, объяснился...

— Ты?—вскричала съ изумленіемъ Серпухова.—Ты видѣлся съ нимъ? И что же? Что же?

— Что?—съ усмѣшкой повторилъ Шаховъ:—позволилъ продолжать намъ разыгрывать роль аркадскихъ пастушковъ...

Digitized by Google

Сказалъ, что не выгонитъ тебя ради дѣтей, чтобы они не знали, какъ ведетъ себя ихъ мать...

Что-то непривычно жесткое прозвучало въ его голосѣ, помимо его воли. Она смотрѣла на него недоумѣвающимъ, растерянным взглядомъ. Онъ заходилъ по комнатѣ, говоря въ раздумьѣ, стараясь быть сдержаннымъ, подавить рѣзкость.

— Что-жъ, онъ правъ. Другого выхода онъ не могъ найти; дуэль, разводъ, все это ведетъ къ скандалу, все это можетъ послужить дурнымъ примѣромъ дѣтямъ. Я только не думалъ, что онъ такъ равнодушно отнесется къ тебѣ; ни раздраженія, ни злобы, а только...

Онъ вдругъ оборвалъ фразу, опомнившись, вспомнивъ, что онъ не одинъ въ комнатѣ, а съ ней. Она не поняла, что онъ не досказалъ слова «презрѣніе», и потому не сообразила, что ее начинаетъ презирать и этотъ мужчина, — начинаетъ презирать именно потому, что ее уже презираетъ другой мужчина.

Ему хотѣлось теперь только скорѣе отдѣлаться отъ нея. Въ головѣ проходили мысли, что она крайне безтактна. Чуть не вчера ихъ накрылъ мужъ, а она все же пришла къ нему, къ Шахову, сегодня. Положимъ, Серпуховъ сказалъ, что ему теперь все равно, будутъ или не будутъ продолжаться ихъ отношенія. Но это, можетъ-быть, однѣ пустыя фразы. Онъ можетъ узнать, что его жена ходитъ къ Шахову, и обозлится, взбѣсится помимо своей воли. Съ ролью обманутаго мужа примиряются не легко. Она смѣшна и потому раздражаетъ. Положимъ, Серпуховъ уже не любитъ жену, она лично ему не нужна, онъ можетъ равнодушно смотрѣть на ея развратъ, но онъ въ то же время можетъ бояться, что ея поведеніе станетъ извѣстно всѣмъ, вызоветъ толки. Это его можетъ раздражить, и потому нужно же быть осторожнымъ, не афишировать связи. Неужели ей, Марьѣ Львовнѣ, это и въ голову не приходитъ? Чуткости въ ней вовсе нѣтъ. Нравственной опрятности нѣтъ. Ей все равно, что будутъ говорить. Она привыкла выносить на базаръ, на показъ всю свою внутреннюю жизнь... Уходила бы она скорѣй...

Онъ принялъ озабоченный видъ и сталъ искать перчатки, говоря на ходу, что ему надо по дѣлу ѣхать, что онъ можетъ опоздать. Ему было стыдно выгнать ее и, въ то же время, онъ мысленно увѣрялъ себя, что такъ надо поступить. Она встала. У нея въ головѣ былъ какой-то хаосъ, предъ глазами стоялъ туманъ. Ее поразила одна мысль: не будетъ ли

Digitized by Google

дуэли, ни развода. Мужъ не сердится; не выгоняетъ ее— что же будетъ? Еще нѣсколько дней тому назадъ она отвѣтила бы: «буду жить съ Женей». Теперь эта мысль ни на минуту не приходила ей въ голову, точно у нея вдругъ порвалась всякая надежда на связь съ этимъ человѣкомъ. Прежде она часто останавливалась на мысли, что Женя ее не любитъ, и все же она униженно, со слезами просила его ласкъ. Теперь, въ эту минуту, она не дѣлала даже этого; ее охватило какимъ-то холодомъ, ее точно что-то пришибло? Что? Она сама не знала. Впереди была какая-то пустота, какое-то мрачное одиночество. Она машинально встала и пошла, жалкая, приниженная, подавленная, съ сухими глазами, растерянно смотрѣвшими въ пространство.

II.

Юрій Дмитріевичъ какъ бы переродился: это былъ тотъ же мягкій и добрый по натурѣ, хотя и искалѣченный нравственно человѣкъ, но въ немъ исчезли послѣдніе слѣды его иронизированія надъ всѣмъ и всѣми; его лицо было вѣчно озабочено и сосредоточено; кутежи не только прекратились, но онъ даже сталъ бояться намека на нихъ, какъ человѣкъ, сознающій себя слабымъ по характеру. Онъ боялся «прорваться», можетъ-быть, именно потому, что теперь въ его головѣ нерѣдко мелькала мысль: «напиться бы до зеленаго змія». Онъ самъ пугался этого желанія. Въ его головѣ теперь была забота только объ одномъ: нужно хотя поставить на ноги дѣтей, если нельзя ихъ обезпечить. Смерть не ждетъ, и до ея прихода надо сдѣлать для дѣтей все, что можно. Оля, несмотря на всю его горячую любовь къ ней, менѣе заботила его, чѣмъ Сеня. У Оли была сильная покровительница и руководительница въ лицѣ Маріанны; Оля не могла остаться безъ куска хлѣба; Маріанна ее всегда пріютитъ у себя, да кромѣ того дѣвочка усердно занялась музыкой и поступила на педагогическіе курсы, она пробьетъ себѣ дорогу къ куску хлѣба. А Сеня? Какъ къ нему подступить, какъ его наставить на путь истины? Не совсѣмъ же испорченъ мальчуганъ, повліять на него можно. Но какъ взяться за дѣло? На что нужно обратить вниманіе прежде всего, чтобы его перевоспитать? По какому скользкому пути идетъ мальчикъ и до какого омута онъ дошелъ?

Ничего Серпуховъ не зналъ и только видѣлъ, что въ мальчуганѣ что-то неладно. А что это «что-то»? Отвѣта не было. Иногда Серпуховъ приходилъ просто въ отчаяніе отъ

Digitized by Google

сознанія своего неумѣнія быть отцомъ. Въ эти минуты онъ колотилъ себя кулакомъ по лбу, твердя: «Туда же отцомъ зовешься, старый богема!» И тутъ же ему приходило въ голову: «Вотъ съ Олей все само собой уладилось». Въ глубинѣ души онъ жаждалъ только одного, чтобы все само собой уладилось и съ Сеней, и въ то же время сознавалъ, что подобныя случайности не повторяются.

Сеня дѣлался все болѣе и болѣе страннымъ. Порою онъ запирался въ своей комнатѣ на цѣлые вечера, и никто не слыхалъ его голоса; порою онъ бушевалъ, крича на всѣхъ домашнихъ за то, что у него не вымыты перчатки, когда ему надо ѣхать въ гости, прибавляя при этомъ, что если не даютъ денегъ на новыя перчатки, то могли бы хоть старыя мыть. Бывали минуты, когда при одномъ взглядѣ отца на его лицо, онъ вспыхивалъ отъ стыда и отворачивался въ сторону почти со злобой, но зато въ другіе дни онъ не только нагло улыбался при этихъ взглядахъ, а еще старался сказать что-нибудь дерзкое и рѣзкое, чтобы вызвать отца на брань. Серпуховъ одинаково смотрѣлъ на сына во всѣхъ этихъ случаяхъ — съ щемящимъ сердце состраданіемъ и думалъ только одно: «худѣетъ, блѣднѣетъ, синяки подъ глазами». Гдѣ же тутъ было отвѣчать рѣзкостями на дерзости, когда сердце ныло. Сеню это выводило изъ терпѣнія. Онъ сносилъ прежде иронію и насмѣшки отца, отвѣчая на нихъ дерзостями; теперь, когда отецъ смотрѣлъ на него участливыми глазами, ему приходилось только умолкать, нагрубивъ отцу и не вызвавъ упрека.

Разъ онъ строптиво сказалъ сестрѣ:

— Что это отецъ нынче мокрой курицей смотритъ? Ходитъ точно поджавши хвосты!

— Какъ ты смѣешь такъ говорить о немъ? — оборвала его Оля. — Онъ для насъ все дѣлаетъ, онъ на себя не похожъ сталъ отъ работы и заботъ, а ты смѣешь издѣваться надъ нимъ!

— Давно ли ты-то сама стала на колѣняхъ предъ нимъ стоять?—грубо замѣтилъ братъ.

— Давно или недавно—это все равно,—отвѣчала Оля:— а только знаю я, что онъ объ однихъ насъ и думаетъ.

Сеня пришелъ чуть не въ бѣшенство:

— Онъ думаетъ о насъ? Да первый встрѣчный, можетъ-быть, больше бы о насъ думалъ, если бы зналъ насъ. Что онъ насъ кормитъ, да одѣваетъ, такъ ты это называешь заботами о насъ? Это онъ обязанъ дѣлать. Не сталъ бы этого

Digitized by Google

дѣлать,—такъ его заставили бы черезъ полицію. Наплодятъ дѣтей, такъ нельзя же ихъ на улицу выбрасывать.

И уже глумливымъ тономъ онъ прибавилъ:

— Впрочемъ, можетъ-быть, онъ и заботится о тебѣ; ты, можетъ-быть, сумѣла подъѣхать къ нему. Ну, а я кланяться не стану, пулю скорѣе пущу въ лобъ, а ужъ не поклонюсь...

Оля воскликнула:

— Что ты говоришь! Съ чего тебѣ пулю въ лобъ пускать! Очень ужъ ты напускаешь на себя мрачности!

Онъ не безъ злости взглянулъ на нее.

— Въ моей бы шкурѣ посидѣла!—коротко отвѣтилъ онъ.

Она серьезно спросила его:

— Да что-нибудь и точно случилось?

Онъ отвернулся.

— Стану я тебѣ разсказывать всякія мерзости!

Онъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ сестру въ тревогѣ. Она не могла понять, что съ нимъ дѣлается. Не предупредить ли отца? Но, можетъ-быть, все это пустяки, и братъ только рисуется. Всегда у него было много фатовства. Самолюбіе у него развито непомѣрно. Щеголять передъ всѣми, казаться изящнѣе и умнѣе всѣхъ, обращать на себя вниманіе всѣхъ, задирать носъ передъ всѣми, вотъ все, что ему нужно. Она покраснѣла, вспомнивъ, что и она сама еще недавно была почти такою же. Тоже капризничала и самодурствовала не хуже Сени. Можетъ-быть, и у него это пройдетъ. Не зачѣмъ безпокоить отца изъ-за пустяковъ и передавать ему сегодняшній разговоръ. Лучше прежде послѣдить самой за Сеней, вывѣдать, выспросить...

III.

Благія намѣренія Юрія Дмитріевича и Оли относительно Сени такъ и остались одними благими намѣреніями, не выразившись покуда ничѣмъ на дѣлѣ. Причиною этого былъ отчасти самъ Сеня, отчасти обстоятельства.

Присматриваясь къ внѣшней жизни мальчугана, его отецъ и его сестра увидали, что мальчуганъ «образумился». Правда, онъ былъ попрежнему дерзокъ и рѣзокъ, отличался неровностью характера, часто былъ хмурымъ, но, тѣмъ не менѣе, въ его поведеніи произошла рѣзкая перемѣна: онъ сталъ усерднѣе заниматься въ гимназіи, проявилъ даже нѣкоторое упорство въ этомъ отношеніи, просиживая иногда далеко за полночь за уроками; кромѣ того, онъ набралъ себѣ частныхъ

Digitized by Google

уроковъ и сталъ упорно отказываться отъ денегъ отца, говоря: «у меня есть свои деньги». Послѣднее обстоятельство и огорчало Юрія Дмитріевича, и радовало. Ему было грустно, что сынъ какъ-то холодно и немного заносчиво отказывается отъ его денегъ, и въ то же время онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что мальчуганъ сталъ работать, пересталъ бить баклуши, началъ серьезнѣе относиться къ жизни. Но какой психическій процессъ произвелъ въ юной душѣ этотъ переворотъ — этого отецъ не зналъ, не могъ знать. Сынъ сторонился отъ отца, и послѣдній былъ не въ состояніи уловить разныхъ тонкостей въ настроеніи и поведеніи юноши. Онъ не могъ замѣтить, что юноша былъ точно въ лихорадкѣ: въ его прилежаніи, въ его стремленіи добыть деньги своимъ трудомъ было что-то болѣзненное, порывистое, нервное; это не было прилежаніе привычнаго къ упорному труду человѣка; въ этомъ сказывалось скорѣе заносчивое стремленіе юноши показать другимъ, что онъ умѣетъ работать не хуже другихъ, что онъ не нуждается въ чужой помощи, что онъ самъ пробьетъ себѣ путь. Нужно было хорошо знать его, чтобы понять это. Отецъ же вовсе не зналъ его.

Кромѣ того, вопросъ о Сенѣ отодвинулся на второй планъ, такъ какъ въ семьѣ назрѣли другія событія, поглотившія все вниманіе Юрія Дмитріевича.

Уладивъ дѣло съ Евгеніемъ Александровичемъ, Юрій Дмитріевичъ не могъ побѣдить въ себѣ полнаго охлажденія къ женѣ, полнаго отчужденія отъ нея. Онъ попрежнему видѣлся съ нею ежедневно, но не говорилъ съ нею вовсе. Въ крайнихъ случаяхъ онъ отвѣчалъ ей односложнымъ «да» или «нѣтъ», приказывалъ сдѣлать то-то и то-то и дальше не шелъ въ сношеніяхъ съ нею. Быть-можетъ, одинъ ея шагъ къ примиренію, одно ея слово о прощеніи измѣнили бы все. Серпуховъ размякъ бы, расплакался бы, самъ сталъ бы просить у нея прощенія, наговорилъ бы ей жалкихъ словъ о томъ, что оба они загубленныя средою и обстоятельствами личности, что и всѣ люди такіе загубленные, что оба они виноваты и не виноваты, какъ и всѣ люди, однимъ словомъ, высказалъ бы то, что онъ передумалъ и перечувствовалъ. Но Марья Львовна была не изъ тѣхъ натуръ, которыя сознаютъ свои ошибки и каются. Въ ея глазахъ всѣ были виновными, и только одна она была правою или, вѣрнѣе сказать, о другихъ она только тогда и думала, когда ихъ можно было за что-нибудь обвинить по отношенію къ ней. Увидавъ, что мужъ «дуется», она стала тоже «дуться» и

Digitized by Google

незамѣтно для самой себя воздвигла между собой и мужемъ какую-то китайскую стѣну. Въ какія-нибудь двѣ-три недѣли дѣло дошло до того, что у мужа и жены языкъ не поворачивался для разговоровъ другъ съ другомъ, и когда они говорили одинъ другому какія-нибудь короткія фразы, ихъ голоса становились помимо ихъ воли какими-то глухими, сильными, отрывистыми, враждебными, точно у обоихъ что-то перехватывало горло. Иногда Юрію Дмитріевичу какъ-то смутно хотѣлось сдѣлать первый шагъ, если не къ примиренію, то къ болѣе нормальнымъ отношеніямъ, но, при взглядѣ на жену, отворачивавшуюся отъ него, хранившую на лицѣ выраженіе холодной враждебности, онъ чувствовалъ, что слова замираютъ на его языкѣ и голосъ хрипнетъ при произнесеніи самыхъ обыденныхъ фразъ. Въ свою очередь Марья Львовна хотѣла порою вызвать мужа на объясненіе, чтобы избавиться отъ тяготившаго ее молчанія, но какъ только появлялась передъ нею его колоссальная, теперь сгорбившаяся, отяжелѣвшая фигура, такъ тотчасъ же ее охватывала ненависть къ нему, и въ головѣ мелькала злая мысль: «еще подумаетъ, что хочу прощенья просить! самъ загубилъ меня, а думаетъ, что я виновата передъ нимъ!» — и она глядѣла на него со злобой. Мысль о томъ, что онъ загубилъ ее, все сильнѣе и сильнѣе охватывала ее, такъ какъ именно теперь она сознавала весь ужасъ своего положенія: ей не у кого было искать утѣшенія, отдыха, ласки. Евгеній Александровичъ все рѣже и рѣже бывалъ у Серпуховыхъ, и уже не трудно было догадаться, что онъ тяготится Марьею Львовною, что онъ сторонится отъ нея. Ихъ связь держалась, покуда это было что-то въ родѣ тайныхъ нигилистическихъ продѣлокъ. Теперь же, когда имъ позволилъ самъ мужъ продолжать ихъ отношенія, у Евгенія Александровича родилась масса довольно странныхъ соображеній, ни разу не приходившихъ ему въ голову прежде. Какую роль онъ будетъ играть въ глазахъ Серпухова, живя съ его женой: любовницамъ обыкновенно платятъ, ихъ содержатъ, а тутъ любовница живетъ на счетъ мужа, тогда какъ принадлежитъ она не мужу, а любовнику? Можно ли теперь скрывать отъ Сени и Оли свои отношенія къ ихъ матери, когда ихъ отецъ относится такъ сухо къ нему, къ Шахову, когда самъ Шаховъ теряется въ ихъ домѣ и не знаетъ, какъ держать себя, когда въ каждой фразѣ Серпухова Шаховъ слышитъ какія-то оскорбительныя ноты, намеки! Тутъ даже и бывать въ домѣ неловко. Сознавая это,

Digitized by Google

Шаховъ вовсе не обвинялъ Серпухова за то, что послѣдній не считаетъ нужнымъ маскироваться. Напротивъ того, Шаховъ находилъ это вполнѣ естественнымъ, оправдывалъ Серпухова въ душѣ, не замѣчая того, что отъ оправдыванія поведенія Серпухова вѣяло чѣмъ-то въ родѣ радости: если бы Серпуховъ продолжалъ быть любезнымъ и съ женою, и съ нимъ, съ Шаховымъ, то Шаховъ не имѣлъ бы лишней оттяжки при вопросѣ, почему онъ рѣдко бываетъ у Серпуховыхъ. Рядомъ со всѣми другими соображеніями или вопросы, что приноситъ ему, Евгенію Александровичу, эта связь, кромѣ тревогъ, когда Марія Львовна вѣчно раздражена, вѣчно жалуется, вѣчно плачетъ—и подъ вліяніемъ злобы, огорченій и слезъ блекнетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе? Нельзя же жить съ женщиною, когда не чувствуешь къ ней любви, когда нѣтъ даже того увлеченія, которое свело ихъ вмѣстѣ, на время опьянивъ ихъ и заглушивъ въ нихъ доводы разсудка. И какъ бы конфузясь самого себя, Евгеній Александровичъ принималъ грустный видъ, вздыхалъ и печально говорилъ себѣ: «хуже всего то, что ей, бѣдняжкѣ, даже нечѣмъ пособить; ея судьба испорчена въ концѣ, да и сама она тоже въ концѣ изломана». Послѣднее было ясно и Серпухову такъ же, какъ Шахову. Оба они находили теперь, что у Маріи Львовны нѣтъ симпатичныхъ чертъ, что въ ней много отталкивающаго. Но ни тотъ, ни другой не задавали себѣ вопроса: «зачѣмъ же ты взялъ ее въ жены? зачѣмъ же ты взялъ ее въ любовницы?» Правда, Юрій Дмитріевичъ упрекалъ себя теперь постоянно за то, что онъ не сумѣлъ воспитать жену: «взялъ ребенка и не умѣлъ его воспитать». Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ побѣдить себя и быть ласковымъ съ нею, какъ мы иногда бываемъ ласковы со своими дѣтьми, даже испорченными, даже падшими. Этой всепрощающей отеческой любви не могло быть у мужа. Евгеній Александровичъ со своей стороны даже не задумывался вовсе о томъ, что многое несимпатичное въ этой женщинѣ явилось вслѣдствіе того, что она не нашла въ немъ того, что искала. Сходясь съ нимъ, она все же смутно ожидала отвѣтной любви, а нашла только готовность поразвратничать съ ней и то тогда, когда она ужъ очень сильно навязывалась. Встрѣчая угрюмое молчаніе мужа, видя плохо скрываемое или даже нескрываемое вовсе отчужденіе любовника, Марья Львовна переживала тяжелые дни. Ея характеръ, мелочный и капризный, портился не по днямъ, а по часамъ. Неразвитый умъ не

Digitized by Google

давалъ ей возможности даже надѣть маску, прикрыться личиною, казаться лучшей, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Сѣтуя въ душѣ на Евгенія Александровича, она даже не замѣчала, что она сама теперь гонитъ его отъ себя. Не разъ, когда онъ мягко и ласково начиналъ говорить ей какое-нибудь нравоученіе, она обрывала его:

— Ахъ, оставь эти нѣжности! Если у насъ нѣтъ ничего общаго, такъ нечего и говорить: «Манюша!» «Милая!» Знаю я, насколько я тебѣ мила.

А когда онъ уходилъ, она въ отчаяніи плакала и ломала руки, но при новой встрѣчѣ съ нимъ кромѣ раздраженія ничего не находила въ своей душѣ. Она своими руками душила свою любовь и оплакивала эту любовь горькими слезами...

А рядомъ съ нею было еще одно существо, испытывавшее не меньшія муки. Это существо была Оля. Отъ ея наблюдательности не укрылось то, что въ ихъ домѣ происходитъ что-то неладное: папа и мама въ ссорѣ. Изъ-за чего? Когда началась эта ссора? Скоро ли они перестанутъ дуться? Эти вопросы проносились въ головѣ и оставались безъ отвѣта. Прежде всего она почувствовала, что «на нихъ, на папу и маму, скучно смотрѣть». Даже чужихъ отвадили отъ дома. Вотъ и Евгеній Александровичъ почти пересталъ бывать у нихъ. Еще бы! Развѣ весело смотрѣть на хозяевъ, не говорящихъ другъ съ другомъ? Эти простые вопросы смѣнились другими, болѣе тревожными. Но развѣ онъ ходилъ только ради веселья? Если онъ чувствуетъ, что на эту семейную распрю тяжело смотрѣть ему, постороннему, то долженъ же онъ понять, каково смотрѣть на это ей, дочери? Да, онъ долженъ понять это и долженъ придти къ ней на помощь, если любитъ ее. Но любитъ ли онъ ее? Онъ никогда не говорилъ объ этомъ. Но что же значатъ слова. Можно и безъ словъ угадать, кто кого любитъ. Ей вспомнились мелочи: его ласковые взгляды, его заботливыя рѣчи, его объясненіе ей ея сомнѣній, вопросовъ, его прогулки съ ней въ Павловскѣ, его чтеніе съ ней вслухъ. На память приходили отрывочныя фразы: «Оля, вы добрая дѣвушка, зачѣмъ же вы дразните маму?» Съ этой именно минуты она начала исправляться, благодаря ему. Потомъ онъ ей замѣтилъ разъ по поводу разговора объ одной книгѣ: «вы удивительно ясно схватываете идеи». Она тогда вся вспыхнула отъ счастья и стала читать еще прилежнѣе. Онъ даже наружностью ея интересовался, такъ какъ разъ замѣтилъ ей: «о, какая вы

Digitized by Google

сегодня эффектная». О, да, онъ любитъ ее!.. Она даже и не подозрѣвала, что точно такія же фразы онъ говорилъ десяткамъ другихъ женщинъ и дѣвушекъ, такъ какъ онъ былъ добрымъ человѣкомъ и желалъ сдѣлать для каждаго что-нибудь пріятное. Когда даже рѣшительно не за что было хвалить человѣка, онъ говорилъ, что это «все же симпатичная личность». Оля опять останавливалась на вопросахъ: но почему же онъ вдругъ почти бросилъ ихъ семью? Не разсердился ли онъ на нее, на Олю? За что? Она просиживала цѣлые часы въ раздумьи, она перебирала въ умѣ всѣ свои промахи и ошибки, она плакала, мучимая неразрѣшимыми сомнѣніями и вопросами. Юрій Дмитріевичъ замѣчалъ съ тревогою, что его «дѣвочка» худѣетъ и блѣднѣетъ, и доискивался причины этого. Онъ ласкалъ ее, спрашивалъ, не больна ли она, не тяжело ли ей на педагогическихъ курсахъ, и распространялся съ желчностью о современномъ переутомленіи мозга, о чрезмѣрныхъ занятіяхъ молодыхъ дѣвушекъ, не понимая, подобно большинству, что причины всякихъ нервныхъ разстройствъ и худосочій лежатъ поглубже, вовсе не въ томъ, что люди стараются вырасти не дураками и не невѣждами. Отвѣтъ на его вопросы получался одинъ: «я здорова, папа». Но чаша горечи все переполнялась, и, наконецъ, Оля не выдержала.

Какъ-то разъ отецъ зашелъ къ ней и засталъ ее въ слезахъ. Онъ встревожился, началъ ее разспрашивать. Она, не отвѣчая на разспросы отца, спросила его въ свою очередь:

— Папа, что сдѣлалось съ Евгеніемъ Александровичемъ?

Юрій Дмитріевичъ смутился.

— Ничего... Я видѣлъ его вчера... здоровъ...

— Ахъ, не то, не то!—нетерпѣливо перебила его дочь.— Почему онъ почти не ходитъ къ намъ?

— Дѣла, вѣрно... дѣла!—началъ разъяснять Серпуховъ.— Въ судѣ теперь работа... извѣстно, зимою...

— Въ прошломъ году тоже была работа въ судѣ, но онъ ходилъ... Все это пустяки!—перебила Оля, волнуясь и раздражаясь.

Она какъ-то смутно угадывала, что отецъ говоритъ сознательно неправду.

— Ну, можетъ-быть, просто надоѣло одно и то же, гдѣ-нибудь теперь веселѣе, чѣмъ у насъ,—неловко пояснилъ Серпуховъ.

— Что ты говоришь? — воскликнула Оля, хватая его за руку. — Гдѣ-нибудь веселѣе, чѣмъ у насъ. Ты что-нибудь знаешь? Влюбился онъ? Женится? Да говори же!

Digitized by Google

Она дергала его за руку, побуждая говорить, не помня себя.

Юрій Дмитріевичъ совсѣмъ растерялся, все еще не понимая причины ея волненія.

— Дѣточка, да намъ-то что до этого?—простодушно спросилъ онъ.—Хочетъ—ходитъ, не хочетъ—Богъ съ нимъ!

Она закрыла лицо руками.

— Господи, Господи, я такъ его люблю! — воскликнула она, заливаясь слезами.

Серпуховъ, блѣдный, ошеломленный, пробормоталъ почти въ ужасѣ:

— Ты? ты? Любишь его?

Онъ поднялся съ мѣста и заходилъ по комнатѣ, охваченный самыми разнородными чувствами, жалостью къ дочери, ненавистью къ Евгенію Александровичу, боязнью высказать дочери правду про ея мать и про этого человѣка.

— Дѣточка, дѣточка... что же это такое... Полно... нѣтъ, нѣтъ, это ты такъ... Показалось тебѣ...

Онъ самъ не понималъ, что онъ говорилъ.

— Ну, да, да, люблю... Не могу я больше скрывать,— отрывисто говорила она сквозь слезы. — Какъ ты не замѣтилъ этого раньше... Ахъ, ничего ты не видишь, не понимаешь!.. Мама Маня и та замѣтила.

Онъ быстро схватилъ ее за руку: выраженіе его лица сдѣлалось какимъ-то дикимъ.

— Мать знала? Мать знала?—крикнулъ онъ внѣ себя.

Олѣ стало даже больно, такъ онъ сжалъ ея руку. Она взглянула на него изумленными глазами, не понимая ничего.

— Ну да, знала. Я не разсказывала ей, но она сама постоянно говорила, что я вѣшалось ему на шею, что я навязываюсь ему...

— Знала, знала! — уже безпомощно шепталъ онъ, опять ходя по комнатѣ и качая головой.—И не предупредила, не сказала...

Онъ оборвалъ рѣчь на полусловѣ, очнувшись. У него сжимались кулаки отъ злобы на жену. Она казалась ему теперь омерзительно низкою женщиною. Знала, что дочь любитъ этого человѣка, и сама сошлась съ нимъ.

— Чего не сказала?—спросила Оля, глядя на него удивленными глазами.

— А того, что это ничтожный и пустой человѣкъ, того, что съ такими людьми не можетъ быть счастлива дѣвушка,

Digitized by Google

того, что онъ никогда не могъ любить тебя, не могъ сдѣлаться твоимъ мужемъ,—какъ-то залпомъ, задыхаясь, проговорилъ Сергуховъ.

— Не клевещи, не клевещи на него!—крикнула Оля, и все ея лицо покрылось румянцемъ.—А! я теперь понимаю! Ты поссорился съ нимъ и злишься на него, чернишь его! Это низко, низко!

— Молчи! что ты знаешь!—крикнулъ Юрій Дмитріевичъ, раздраженный ея словами и забывшій, что съ нимъ говоритъ страдающая дочь.

— То я знаю, что прежде ты самъ его хвалилъ!—въ свою очередь крикнула она.—На «ты» были, первые друзья были, дня не проводили другъ безъ друга, а теперь повздорили, такъ онъ и негодяемъ сталъ! Зачѣмъ же ты его принималъ прежде, зачѣмъ ласкалъ, если онъ негодяй? Предупредилъ бы меня, если зналъ. Нѣтъ, нѣтъ, это низко, этого я отъ тебя не ждала! О-о!

Онъ опять упалъ духомъ. Какъ объяснить ей все? Что сказать? Нельзя же выдать ей ея мать съ головою? Тогда нужно ужъ прямо выгнать эту мать изъ дома. Онъ собрался съ силами, присѣлъ около дочери, говоря ей:

— Успокойся! успокойся!

Потомъ онъ началъ говорить нѣсколько сбивчиво, многословно, дыша съ трудомъ. Она дѣвушка, она многаго еще не понимаетъ. Онъ не можетъ даже вполнѣ объяснить ей всего. Но дѣло въ томъ, что онъ недавно только узналъ, что у Евгенія Александровича есть связи, незаконныя, нехорошія.

— Какая-нибудь падшая женщина связала его? — перебила дочь.

— Оля! Оля! зачѣмъ такъ говорить! — остановилъ ее отецъ.—Можетъ-быть, та, съ которой онъ сблизился, и не виновата... но онъ-то во всякомъ случаѣ виноватъ...

— Почему онъ, онъ, а не она?—воскликнула Оля.

— Мужчины всегда виноваты больше, чѣмъ женщины... Но дѣло не въ томъ, не въ томъ... Главное то дурно, что онъ не предупредилъ никого, что онъ вводилъ въ заблужденіе... Вотъ хоть бы и ты... Ты вѣдь не полюбила бы, если бы знала, что онъ не свободенъ... Онъ долженъ былъ держать себя съ тобою осторожнѣе... ну, сказать, что ли, что онъ женихъ... или что-нибудь такое... Я за это и сержусь на него...

— Но ты же не зналъ, что я его люблю?—сказала она.

Digitized by Google

Юрій Дмитріевичъ спохватился, понялъ свою оплошность. Онъ поспѣшилъ увернуться, неумѣло и неловко:

— Не зналъ, не зналъ... я же сказалъ тебѣ, что не зналъ... Чего мнѣ врать?.. Но видишь ли, я, какъ отецъ, видя, что онъ часто бываетъ у насъ, что вы читаете вмѣстѣ, что... ну, однимъ словомъ, я иногда думалъ, что ты можешь увлечься... ты же молода... онъ тоже... Это же такъ естественно... Вотъ я, узнавъ, что онъ связанъ, и разсердился... то-есть не то, что разсердился, а постарался отдалить его отъ тебя, чтобы...

— А! —проговорила Оля, и ей точно стало легче.—Такъ это не онъ самъ сталъ отдаляться, а ты его отдалилъ... Ну, слава Богу!.. Можетъ-быть, онъ и не любитъ вовсе ту... можетъ-быть, это просто недостойное его увлеченіе, простая ошибка.

Серпуховъ опять съ испугомъ почувствовалъ, что онъ теряетъ почву подъ ногами... Онъ принялъ серьезный видъ и съ упрекомъ сказалъ дочери:

— Оля, не смотри на людей такъ безсердечно. Тебѣ отказаться отъ него еще легко, ты ничѣмъ не связана съ нимъ, тебѣ онъ не давалъ повода увлечься, а та женщина... Она, можетъ-быть, обольщена имъ... навѣрное обольщена... иначе и быть не можетъ... Мужчины всегда сумѣютъ обольстить... Ну, вотъ, ея жизнь испорчена навсегда... Неужели же ты рѣшилась бы купить свое счастіе несчастіемъ другой?

Оля сидѣла съ опущенной на грудь головой. Въ ней происходила тяжелая борьба. Юрій Дмитріевичъ подсѣлъ еще поближе къ ней, нѣжно сталъ гладить ея голову, говоря мягко, любовно, какъ старая нянька, ублажающая и вразумляющая капризное и больное дитя. Онъ говорилъ о значеніи испорченной жизни женщины, о мужчинахъ, неосторожно увлекающихъ женщинъ, о страшной участи опозоренной и брошенной дѣвушки, о жестокости тѣхъ женщинъ, которыя ради своего счастья дѣлаютъ на всю жизнь несчастными другихъ обольщенныхъ женщинъ. Оля слушала молча, кротко, иногда только кивая головой въ знакъ согласія. Чѣмъ дольше продолжалось ея молчаніе, тѣмъ легче становилось на душѣ у Юрія Дмитріевича. Онъ понималъ, что его дѣвочка добра, мягка, несмотря на внѣшнюю рѣзкость, что она никогда не перешагнетъ ни чрезъ кого къ личному счастью, что теперь все улажено. Когда онъ кончилъ, Оля подняла голову и рѣшительно проговорила:

— Да, ты правъ, папа!

Digitized by Google

Онъ вздохнулъ широкимъ облегчающимъ вздохомъ, чувствуя, что выигралъ сраженіе. Оля продолжала тѣмъ же тономъ:

— Я должна узнать ее, увидать ее, и если онъ загубилъ ее, то...

Она покачала головой:

— Я скорѣе сама умру, чѣмъ буду причиной ея несчастія...

Юрія Дмитріевича точно пришибло.

IV.

Въ былые годы Юрій Дмитріевичъ за кружкой пива обсуждалъ съ пріятелями всякіе отвлеченные вопросы, общественныя событія, людскія отношенія; жизнь ему казалась такой простой штукой, гдѣ можно было все перевернуть и передѣлать по-своему. Теперь, когда онъ столкнулся съ мелкими событіями въ своемъ семейномъ муравейникѣ, жизнь ему показалась такой сложной задачей, которую не въ состояніи распутать никто. Чтобы распутать эту задачу, нужно было прежде всего начать жить съ начала.

Послѣ объясненія съ дочерью онъ проходилъ по кабинету почти всю ночь, перебирая въ умѣ, что дѣлать. Онъ понималъ, что Оля теперь станетъ всѣми средствами узнавать, кто та, которую любитъ Шаховъ. Удержать ее отъ этого не было никакой возможности, если не пуститься на какія-нибудь хитрости, то-есть именно на то, на что онъ былъ менѣе всего способенъ. Онъ сознавалъ, что онъ долженъ дѣйствовать, что-то продотвратить, чему-то помѣшать, но какъ? Сказать Шахову, что Оля влюблена въ него и что потому Шаховъ долженъ объявить ей самъ, что онъ уже женихъ? Это было очень просто. Но въ душѣ Юрія Дмитріевича поднялось какое-то особенное чувство, ему казалось, что онъ доставитъ этимъ признаніемъ новое торжество Евгенію Александровичу, что онъ унизитъ этимъ свою дѣвочку. «Гордиться еще, подлецъ, станетъ, что сперва мать соблазнилъ, а теперь и сердцемъ дочери можетъ поиграть», мелькало въ головѣ Серпухова. Онъ сдвинулъ брови при этой мысли и какъ-то вдругъ рѣшилъ: «прикажу ему убраться изъ Петербурга». Онъ даже повеселѣлъ отъ этой неожиданно пришедшей въ голову мысли. Да, онъ можетъ приказывать Шахову, можетъ заставить его уѣхать. Тотъ не посмѣетъ противиться и протестовать. На минуту шевельнулось злорадное сознаніе, что онъ имѣетъ власть надъ этимъ человѣкомъ,

Digitized by Google

глубоко оскорбившимъ его, внесшимъ въ его домъ позоръ. Это ощущеніе быстро разсѣялось и смѣнилось другимъ. «А онъ, я думаю, только того и ждетъ, чтобы улизнуть», опять пронеслась новая мысль въ головѣ Серпухова. «Ну, и чортъ съ нимъ,—рѣшилъ онъ.—Обрадуется или нѣтъ, дѣло не въ томъ, лишь бы уѣхалъ». Какой же предлогъ выдумать, чтобы удалить Евгенія Александровича? Просто можно сказать, что натянутость ихъ взаимныхъ отношеній бросается въ глаза дѣтямъ, что Серпуховъ не желаетъ наводить ихъ на подозрѣнія, что они уже не малолѣтки, и шила отъ нихъ въ мѣшкѣ не утаишь. Этого объясненія вполнѣ достаточно. Наконецъ, нужны ли даже вообще пространныя объясненія? Довольно того, что онъ, Серпуховъ, потребуетъ отъѣзда и въ случаѣ отказа пригрозитъ Шахову скандаломъ.

Серпуховъ опять усмѣхнулся брезгливой улыбкой: «не откажется». Вѣдь и самъ онъ, Юрій Дмитріевичъ, не отказался бы на его мѣстѣ... Но какъ перенесетъ Оля отъѣздъ Евгенія Александровича? Поплачетъ, потоскуетъ и забудетъ. Вѣдь все равно ей не быть его женою, и чѣмъ скорѣе она увидитъ невозможность сближенія съ нимъ, тѣмъ лучше. Ей даже будетъ легче забыть его, когда онъ не будетъ у нея на глазахъ. Даже самый ударъ будетъ ей мало чувствителенъ, такъ какъ сначала можно сказать, что Евгеній Александровичъ уѣзжаетъ на короткій срокъ. Онъ вѣдь каждый годъ уѣзжаетъ за границу на мѣсяцъ, на два. Никого не поразитъ и нынѣшній его отъѣздъ...

Юрій Дмитріевичъ былъ очень доволенъ своимъ планомъ и чувствовалъ, что онъ сваливаетъ съ себя тяжелое бремя. Нужно только торопиться. Затягивать нечего и не для чего. Оля—человѣкъ горячій; она привыкла тотчасъ же приводить въ исполненіе всѣ свои рѣшенія. Сказала, что желаетъ узнать предметъ любви Евгенія Александровича, и узнаетъ. Это нужно предупредить.

— Эхъ, дѣла, дѣла!—вздыхалъ Юрій Дмитріевичъ, предвкушая впередъ всю горечь объясненія съ соперникомъ.

Не откладывая въ дальній ящикъ этого дѣла, Серпуховъ на слѣдующій же день завернулъ къ Евгенію Александровичу и засталъ его лежащимъ въ кабинетѣ. Около Шахова валялся на полу французскій романъ, очевидно выпавшій изъ рукъ во время нагнавшаго дремоту чтенія. Шаховъ не сразу очнулся при входѣ Юрія Дмитріевича, но, увидавъ его, сразу поднялся съ мѣста. Въ его головѣ мелькнула тревожная мысль: «не случилось ли чего особеннаго?..»

Digitized by Google

Серпуховъ не бывалъ у него послѣ объясненія въ Павловскѣ, въ ресторанѣ; даромъ онъ не могъ придти. Это взволновало Евгенія Александровича.

— Я тебѣ не помѣшалъ?—спросилъ Серпуховъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ Шаховъ, идя ему навстрѣчу.— Читалъ отъ скуки... Тоска такая. Не знаешь просто, куда бѣжать отъ пустоты жизни... Вотъ времена-то настали...

Онъ вздохнулъ и, видя озабоченное выраженіе лица Серпухова, не отвѣтившаго ничего на его жалобы на времена, тотчасъ же заволновался:

— Садись, пожалуйста... Сигару не хочешь ли?.. Что скажешь?.. Ты, вѣроятно, по какому-нибудь дѣлу...

Юрій Дмитріевичъ на торопливую и сконфуженную рѣчь хозяина отвѣтилъ коротко:

— Разумѣется, не безъ дѣла.

Онъ сѣлъ и нѣсколько замялся, не зная, какъ заговорить о дѣлѣ. У него были придуманы всѣ необходимыя фразы, но онѣ вдругъ какъ-то неожиданно выскочили изъ головы. Очень ужъ скверно было у него на душѣ отъ необходимости говорить о томъ, о чемъ хотѣлось бы не думать, не вспоминать. Обманутые мужья всегда чувствуютъ себя болѣе стѣсненными съ любовниками женъ, чѣмъ любовники съ ними.

— Видишь ли что,—началъ онъ, закуривая папиросу и сосредоточенно глядя, какъ она раскуривается.—Я тебѣ тогда, въ Павловскѣ, сказалъ, что мнѣ все равно, въ какихъ отношеніяхъ ты будешь стоять къ Марьѣ Львовнѣ...

— Я увѣряю тебя, — тревожно перебилъ его Евгеній Александровичъ, желая оправдаться:—мы теперь съ нею...

Юрій Дмитріевичъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Постой, не перебивай!.. Мнѣ и точно нѣтъ никакого дѣла до вашихъ отношеній... Ты понимаешь, что меня не занимаютъ подробности, и потому избавь отъ нихъ... Контролировать я васъ буду, что ли?.. Дѣло не въ томъ... вовсе не въ томъ... Но покуда ты здѣсь, я не могу быть покоенъ.

Шаховъ вопросительно взглянулъ на него, сообразивъ что-то.

— Увѣряю тебя, что я стараюсь,—началъ онъ снова.— Ограски или чего-нибудь...

— Знаю, знаю, что стараешься все порвать,—проговорилъ досадливо Серпуховъ, не давъ ему кончить фразы.— Но дѣло не въ томъ. Наши отношенія натянуты. Ты бываешь у насъ изрѣдка, мы встрѣчаемся у Маріанны, гдѣ-

Digitized by Google

лаемъ кислыя мины другъ другу... Нельзя же принудить себя любезничать... Это было бы ужъ слишкомъ... Ну, а при существующихъ между нами отношеніяхъ дѣти видятъ, какъ мы смотримъ другъ на друга.

— Ты хочешь, чтобы я не бывалъ у тебя, у Маріанны?— спросилъ Евгеній Александровичъ.

— Я хочу, чтобы ты уѣхалъ изъ Петербурга,—рѣзко сказалъ Юрій Дмитріевичъ.

Ему стало точно легче послѣ этой фразы.

Евгеній Александровичъ всталъ съ мѣста, заходилъ по комнатѣ. Его охватила радость, точно школьника, которому неожиданно объявили объ отпускѣ на каникулы. Давно уже ему хотѣлось удрать изъ Петербурга. Что его удерживало тутъ—онъ и самъ не зналъ. Привязанность къ Марьѣ Львовнѣ? Нѣтъ, она уже тяготила его, мѣшала ему жить такъ, какъ онъ любилъ жить—въ мирѣ со всѣми, въ вѣчно благодушномъ настроеніи, съ сознаніемъ, что всѣ довольны имъ и онъ доволенъ всѣми. Но что же, если не она, удерживало его здѣсь? Дѣла? Они были кончены, да если бы и не были кончены, ихъ было бы можно передать другому адвокату. Нѣтъ, не дѣла удерживали его. Было что-то иное, связывавшее его. Это что-то плохо поддавалось опредѣленію, но оно существовало. Какъ-то смутно сознавалъ онъ, что, безъ разрѣшенія Серпухова, онъ не можетъ уѣхать, то-есть можетъ, но очень ужъ это неловко, очень постыдно, точно бѣгство. Повидимому, это было странно, но это было такъ. Покуда Серпуховъ ничего не зналъ—Евгеній Александровичъ могъ бы уѣхать и непремѣнно уѣхалъ бы съ легкимъ сердцемъ отъ надоѣвшей ему женщины. Но разъ Серпуховъ все узналъ—Евгеній Александровичъ конфузился бѣжать. Съ любовницей онъ не поцеремонился бы, съ ея мужемъ онъ стѣснялся. Теперь онъ сознавалъ, что онъ не только *можетъ* уѣхать, но что онъ *долженъ* уѣхать. Онъ не въ силахъ былъ даже скрыть своей радости, она ясно выражалась на его лицѣ, въ его живой и легкой походкѣ. Его охватило какое-то мальчишеское оживленіе.

— Ты говорилъ, что у тебя дѣла,—началъ вдругъ Юрій Дмитріевичъ..

— Какія же дѣла?—воскликнулъ Евгеній Александровичъ.—Дѣла есть, но... что же дѣлать, если ты считаешь мой отъѣздъ необходимымъ... Ты знаешь, что я готовъ искупить какой бы то ни было цѣной мой проступокъ... Это мой долгъ, моя обязанность...

Digitized by Google

Юрій Дмитрієвичъ, слушая его торопливую, оживленную рѣчь, уже понималъ, что тотъ радуется возможности удрать. Самъ онъ переживалъ когда-то, давно, эти минуты радости, когда можно было подъ благовиднымъ предлогомъ удрать отъ надоѣвшей чужой жены. Точно изъ карцера, точно изъ тюрьмы убѣгаютъ въ этихъ случаяхъ люди. У Серпухова пробудилось чувство гадливости къ Шахову, къ себѣ, ко всѣмъ, какъ онъ теперь часто выражался, «пакостникамъ». Шаховъ инстинктивно мелькомъ взглянулъ на Юрія Дмитріевича, уловилъ на его лицѣ презрительную, ироническую улыбку, угадалъ ея причину, устыдился своей радости и, принявъ серьезный видъ, озабоченно обратился къ Серпухову:

— Но ты не торопи меня... мнѣ надо еще... Ты понимаешь, я не отказываюсь... Это мой долгъ... Но не торопи... Такъ вдругъ нельзя...

Онъ путался, чувствуя на себѣ насмѣшливый взглядъ Серпухова. Оба они теперь читали въ душѣ другъ у друга, какъ въ открытой книгѣ, и обоимъ было скверно. Если бы имъ разсказали о подобной сценѣ между какимъ-нибудь другимъ мужемъ и какимъ-нибудь другимъ любовникомъ, они посмѣялись бы отъ души. Теперь было не до смѣха, когда эту сцену приходилось разыгрывать самимъ.

— Нѣтъ, ужъ ты не откладывай дѣла,—коротко сказалъ Серпуховъ.—Впрочемъ, ты и не отложишь.

Въ тонѣ послѣдней фразы была иронія. Юрію Дмитріевичу было пріятно произнести ее. Евгеній Александровичъ закусилъ нижнюю губу и мысленно ругнулъ Серпухова: «деликатности ни на грошъ; для него же дѣлаешь снисхожденіе, а онъ»... Впрочемъ, раздраженіе было только минутное; радостное чувство подавляло всѣ ощущенія. Юрій Дмитріевичъ взялся за шляпу и тяжело поднялся съ мѣста. Попрежнему озабоченный, сосредоточенный, немного сгорбившійся, онъ могъ вызвать участіе. Шаховъ взглянулъ на него, уловилъ скорбное выраженіе его обрюзгшаго лица и расчувствовался. «Тяжело ему, бѣдному. Все же онъ, Шаховъ, виноватъ передъ нимъ. Немудрено, если въ его словахъ иногда слышится раздраженіе. Другой на его мѣстѣ, Богъ знаетъ, что натворилъ бы».

— Грустно мнѣ, Юрій, что все такъ сложилось,—началъ онъ, вдругъ проникнувшись мягкой и нѣжной пріязнью къ этому дававшему ему свободу человѣку.

Онъ теперь былъ готовъ обнять и его, и перваго встрѣч-

Digitized by Google

наго, зная, что не сегодня, такъ завтра онъ будетъ свободенъ, какъ птица.

— Что же, у тебя друзей и пріятелей много,—отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ и, пожавъ ему руку, глядя въ сторону, пошелъ изъ кабинета.

На порогѣ онъ что-то вспомнилъ, остановился и обернулся.

— Да, забылъ,—отрывисто и глухо проговорилъ онъ.— Скажи такъ у насъ, что ѣдешь ненадолго, на мѣсяцъ, что ли... а то онѣ обморокъ сдѣлается.

У него перехватило горло. Объ этомъ ему было тяжело говорить. Но предупредить было необходимо. Онъ махнулъ рукою.

— Самъ понимаешь...

Шаховъ понялъ его положеніе и началъ увѣрять его, что онъ все уладитъ. Не слушая торопливыхъ увѣреній Евгенія Александровича о томъ, что все будетъ сдѣлано такъ, чтобы не было никакихъ сценъ, Серпуховъ вышелъ. Гадко ему было говорить любовнику своей жены, что она можетъ упасть въ обморокъ, узнавъ объ отъѣздѣ этого возлюбленнаго. Но предупредить его было надо не ради Маріи Львовны, а ради Оли. Съ послѣдней могъ сдѣлаться обморокъ отъ неожиданнаго удара. Это нужно было предотвратить.

Юрій Дмитріевичъ шелъ домой невеселый, понурый, несмотря на то, что въ головѣ мелькала мысль о разрубленномъ гордіевомъ узлѣ. Ему было тяжело это объясненіе. Онъ повторялъ себѣ сотню разъ, что у него все порвано, все покончено съ женою, и каждый разъ при встрѣчѣ съ Шаховымъ его охватывало какое-то гадкое ощущеніе. Онъ самъ опредѣлилъ мысленно это ощущеніе такъ: «все кажется, что этотъ человѣкъ мнѣ далъ когда-то пощечину, а я при всемъ желаніи не могъ ему отвѣтить тѣмъ же». «Потомъ и непривычка много значитъ,—горько иронизировалъ онъ надъ самимъ собою.—Впервые въ этомъ амплуа являюсь. Прежде самъ въ первыхъ любовникахъ состоялъ. Втянешься въ свою роль, такъ, можетъ-быть, и ничего станетъ, легко»... Кромѣ этого непріятнаго ощущенія, испытаннаго имъ снова въ это утро, у него какъ-то особенно ныло сердце: его заботила его дѣвочка. Какъ приметъ она извѣстіе объ отъѣздѣ Евгенія Александровича за границу? Надо самому предупредить ее, чтобы она услышала объ этомъ отъ него, отъ отца, а не отъ Шахова. Еще расплачется при Шаховѣ, если не будетъ предупреждена. Онъ не долженъ знать, что она его любитъ. Узналъ бы—сталъ бы еще рисоваться,

Digitized by Google

ломаться передъ нею, разъяснять ей, какъ ему больно, что онъ ее дѣлаетъ несчастною. Отъ пошляковъ и клеветниковъ всего можно ждать. Вотъ радости даже не могъ скрыть, что ему отпускъ дадутъ, что его освободятъ отъ надоѣвшей любовницы. Еще бы! Предлогъ теперь у него есть сказать и мнѣ, и ей, что онъ порвалъ связь не по своей волѣ, а по принужденію. Принесъ жертву! На минуту въ головѣ мелькнула злая мысль: «навязать бы ее теперь ему; вези ее, молъ, за границу лѣчиться: мнѣ самому некогда». И тотчасъ же съ брезгливостью онъ добавилъ: «а, ну ихъ!» Его занималъ теперь только вопросъ объ Олѣ. Надо ее подготовить къ печальному для нея извѣстію.

Онъ вернулся домой и тотчасъ же прошелъ въ комнату Оли. Она сидѣла въ своей узенькой комнаткѣ за чтеніемъ лекцій, наклонясь надъ письменнымъ столомъ. Отецъ поцѣловалъ ее въ лобъ и началъ разспрашивать ее о разныхъ мелочахъ, о разныхъ пустякахъ, заглянулъ даже въ ея лекціи, точно онѣ его интересовали. Среди разговора, продолжая перелистывать лекціи, онъ мелькомъ, какъ бы случайно, не измѣняя тона, заговорилъ:

— А я сейчасъ Евгенія Александровича встрѣтилъ.

— А! ну, что же?—живо спросила она.

— За границу съѣздить опять собирается,—равнодушно отвѣтилъ Сергуховъ.

Оля поблѣднѣла.

— Уѣзжаетъ?

— Да, онъ ѣздитъ каждый годъ ѣздитъ ненадолго.

Она взглянула на отца пристальнымъ взглядомъ.

— Точно... ненадолго?

— Да, вѣроятно... Я не разспрашивалъ... говоритъ: «надо съѣздить...» Конечно, какъ всегда... на мѣсяцъ, на два... Отчего не ѣздить, когда деньги есть.

Она тяжело вздохнула и опять принялась за лекціи, уже не слушая отца и стараясь подавить слезы. Юрій Дмитріевичъ посидѣлъ еще немного и тихо, крадучись, точно отъ постели больной, вышелъ изъ комнаты. Онъ боялся продолжать разговоръ, боялся сказать какое-нибудь неосторожное слово. Да что же и говорить? Предупредилъ, ну, и конецъ. Теперь не расплачется хоть при Шаховѣ...

V.

На слѣдующій день завернулъ къ Сергуховымъ во время ихъ обѣда самъ Шаховъ. Онъ старался быть развязнымъ,

Digitized by Google

говорилъ много и какъ-то особенно небрежно замѣтилъ, что ѣдетъ на короткое время за границу, совершенно такъ же, какъ наканунѣ Серпуховъ о томъ же сообщалъ Олѣ. Марья Львовна поблѣднѣла, какъ полотно. Она сразу чутьемъ угадала, что это разрывъ. Онъ поспѣшилъ пояснить, что онъ ѣдетъ ненадолго, очень ненадолго, что нынѣшній годъ онъ и такъ засидѣлся въ Петербургѣ, что обыкновенно онъ раньше уѣзжалъ за границу. Марья Львовна, не слушая его, думала только объ одномъ: «бѣжитъ, отъ меня бѣжитъ». Онъ даже попробовалъ пошутить, сказавъ, что его всегда томитъ тоска по Италіи и Франціи, точно по родинѣ.

— Ты бы уже лучше навсегда поселился тамъ, если здѣсь такъ скучно,—глухо проговорила Марья Львовна, чувствуя, что ее душитъ злоба на него, и не смѣя много говорить съ нимъ при мужѣ.

— Ну, вотъ еще!—сказалъ онъ.—Просто нужно на мѣсяцъ встряхнуться, на другую жизнь, на другихъ людей взглянуть... Очень ужъ тошно нынче у насъ въ Петербургѣ живется... Всѣ точно сонные бродятъ, оживленія нѣтъ... Я просто не понимаю, что съ нами сдѣлалось за послѣдніе годы... Ни интересовъ, ни оживленія, ни общественной жизни...

— Опрохвостились,—коротко сказалъ Серпуховъ.

— Ну, это не объясненіе,—возразилъ Шаховъ.

— А по-моему: объясненіе. Опрохвостились, вотъ и нѣтъ интересовъ...

Онъ махнулъ рукой: въ послѣднее время онъ всегда обрывалъ на полусловѣ всякіе разговоры объ общественныхъ вопросахъ.

Оля смотрѣла въ тарелку, боясь расплакаться. Въ головѣ мелькало: «и никого ему не жаль, никто ему не дорогъ; скучаетъ здѣсь, тоскуетъ по Италіи и Франціи, какъ по родинѣ». Въ комнатѣ воцарилось тяжелое молчаніе. Серпуховъ, чувствуя, что нужно что-нибудь говорить, сталъ разспрашивать Шахова о его знакомыхъ въ Парижѣ, въ Италіи. Шаховъ началъ говорить пространно и многословно, стараясь замаскировать неловкое положеніе всѣхъ. Среди разговора онъ вдругъ встрѣтился съ парой глазъ, смотрѣвшихъ на него съ какой-то нескрываемой, открытой злобой. Это были глаза Сени. Шаховъ немного смутился, уловивъ этотъ взглядъ. Онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ ясно замѣчать, что Сеня внезапно превратился изъ его друга въ его врага. Неужели это изъ-за того, что онъ пересталъ давать Сенѣ

Digitized by Google

денегъ? Нѣтъ, въ этой враждебности было что-то другое, коренившееся глубже. Но что бы ни вызывало враждебность, Шахова она смущала, такъ какъ онъ привыкъ только къ пріятельскимъ и дружескимъ отношеніямъ. Онъ невольно отвернулся въ сторону отъ Сени, оборвавъ разсказъ о своихъ многочисленныхъ заграничныхъ друзьяхъ и пріятеляхъ.

— Много же у васъ тамъ друзей. А пріятельницъ вѣрно ужъ и не перечесть, что о нихъ не говорите!—вдругъ рѣзко и грубо произнесъ Сеня.

Всѣ какъ-то вдругъ невольно взглянули на него, точно онъ всѣхъ ихъ ударилъ разомъ. Всѣ поняли, что онъ хотѣлъ сказать, и никто не рѣшился поднять этого вопроса, заговорить объ этомъ предметѣ. Даже Серпуховъ не прикрикнулъ на сына.

Разговоръ сразу упалъ. Всѣмъ казалось, что обѣдъ тянется какъ-то особенно долго, всѣмъ хотѣлось поскорѣе встать, разойтись. Тотчасъ послѣ обѣда Шаховъ заторопился домой, говоря, что онъ заѣдетъ еще проститься передъ отъѣздомъ. Хлопоть у него много, надо все скорѣе кончить. Ненадолго ѣдетъ, но все же нельзя такъ бросить дѣла. Онъ уѣхалъ и вздохнулъ облегчающимъ вздохомъ, попавъ на улицу. Олю мучила мысль о томъ, что онъ не сказалъ ей ни слова привѣта, не намекнулъ даже, что ему грустно разлучаться съ близкими людьми. Да! вѣрно, онъ ее вовсе не любитъ, никогда не любилъ.

И то сказать: за что ему ее любить? Что въ ней можетъ привлечь человѣка? Несчастный она, искалѣченный человѣкъ. Еще такъ недавно она кокетничала тѣмъ, что она «уродъ», теперь она съ глубокой тоской повторяла себѣ: «и могъ ли онъ влюбиться въ меня?» Ее охватила мучительная, сжимающая сердце скорбь. Въ душѣ не было ни бурныхъ вспышекъ, ни строптивой злобы, ни страстныхъ упрековъ кому бы то ни было, а царила только одна эта все подавляющая скорбь. Она прошла къ себѣ въ комнату, подавленная, огорченная. Присѣвъ къ столу, она расплакалась неутѣшными, тихими слезами. Какъ мелкій дождь, такія слезы бываютъ продолжительны...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Отъѣздъ Шахова походилъ на бѣгство.

Получивъ отъ Серпухова разрѣшеніе ѣхать за границу,

Digitized by Google

Евгеній Александровичъ внезапно почувствовалъ, что въ послѣднее время онъ запутался въ какія-то сѣти, что дольше нельзя было такъ жить, что въ отъѣздѣ за границу все его спасеніе. Все проклятая снисходительность и доброта надѣлали. Друзья и пріятели окончательно стали считать его карманъ своимъ и начали просто нагло обирать его. Марья Львовна за его минутную слабость вообразила себя въ правѣ тиранить его и помыкать имъ, то дѣлая ему сцены, то принуждая его продолжать связь съ нею. Юрій, въ качествѣ оскорбленнаго мужа, дѣлалъ ему невыносимыя дерзости, зная очень хорошо, что онъ, Шаховъ, врагъ всякихъ публичныхъ скандаловъ, переходящихъ нынче тотчасъ въ печать. Даже какой-нибудь Сеня и тотъ началъ говорить дерзости ему, когда онъ пересталъ давать мальчишкѣ деньги; пожалуй, еще узналъ кое-что про мать и думаетъ шантажничать этимъ, чтобы выманивать деньги..

— А, да ну ихъ!—вдругъ воскликнулъ онъ.—Мнѣ-то что за дѣло до нихъ теперь? Уѣду—и всему, всему конецъ!

На минуту онъ закрылъ глаза. Въ его воображеніи мелькали картины заграничной жизни, полной оживленія и блеска, картины роскошной природы, картины музеевъ, художественныхъ галлерей, театровъ. Тамъ, на праздникѣ жизни, въ гостяхъ у чужихъ, забудется все здѣшнее, всѣ эти пошлыя дрязги и волненія.

— Да, да, все это надо стряхнуть! — проговорилъ онъ, вздыхая.

Онъ позвалъ Гришу.

— Я дня черезъ три уѣзжаю, Гриша. Надо все уложить...

— Надолго-съ ѣдете, Евгеній Александровичъ?—спросилъ Григорій.

— На полгода; можетъ-быть, дольше пробуду...

Гриша опечалился.

— А какъ же-съ здѣсь,—началъ онъ.

— Какъ здѣсь? Все останется по-старому. Не заколачивать же домъ.

И, ласково взглянувъ на своего слугу, онъ добавилъ:

— Смотри только, не закути отъ бездѣлья. Старайся вести себя порядочно. Я тобой всегда былъ доволенъ и буду радъ, если въ мое отсутствіе ты не испортишься. Твоя жизнь впереди, и потому старайся остаться порядочнымъ человѣкомъ...

Гриша бросился цѣловать его руку. Евгеній Александровичъ расчувствовался.

Digitized by Google

— Ну, хорошо, хорошо!.. Я знаю, что ты мнѣ преданъ... А теперь за работу... Все надо сообразить, что слѣдуетъ взять... Надо вотъ чахлы еще надѣть на мебель... Книжные шкапы задернуть бумагой, а то книги запылятся, да и выгораютъ переплеты.

Онъ началъ хлопотать, какъ бы инстинктивно желая всецѣло отдаться одной мысли объ отъѣздѣ, о свободѣ. Ни на минуту онъ не присаживался на мѣсто, говорилъ, не умолкая, даже тогда, когда нечего было говорить. Ему было пріятно видѣть безпорядокъ въ своей квартирѣ—эти клочья оборванной газетной бумаги, эти открытые ящики шифоньерокъ и шкаповъ, эти чемоданы и дорожные мѣшки, однимъ словомъ, все, что напоминало объ отъѣздѣ. Это не было стремленіемъ заглушить какіе-нибудь упреки совѣсти, раскаянія. Нѣтъ, онъ ни за что не упрекалъ себя, сознавая, что если у него и есть пороки, то эти пороки чуть не добродѣтели: онъ слишкомъ снисходительный и добрый человѣкъ—вотъ и все. За это онъ платился болѣе всего, прежде всего самъ. Но ему хотѣлось не разстраивать себя воспоминаніями о разныхъ мелкихъ непріятностяхъ, о разныхъ грязненькихъ продѣлкахъ людей, чтобы не возбуждать желчи, недовольства людьми. Постоянная мысль о близости отъѣзда поддерживала въ немъ свѣтлое настроеніе. Онъ не чувствовалъ подъ собою ногъ, носясь по комнатамъ, потомъ разъѣзжая по городу за паспортомъ, за покупками, съ прощальными визитами. Онъ смотрѣлъ на людей какъ-то сверху внизъ, съ чувствомъ сожалѣнія: они вотъ остаются тутъ, а онъ уѣзжаетъ, они будутъ продолжать купаться въ грязи будничной жизни, а передъ нимъ рядъ праздничныхъ дней съ праздничной обстановкой. Ничто не дѣлаетъ человѣка такимъ мелочнымъ, грязненькимъ, пошленькимъ, какъ эта вѣчная жизнь «дома», гдѣ перемываютъ свое грязное бѣлье, гдѣ грызутся изъ-за пропавшей копейки, гдѣ толкаются другъ съ другомъ въ домашнихъ халатахъ и туфляхъ.

Къ Серпуховымъ онъ заѣхалъ на минуту, умышленно опять во время обѣда, чтобы «застать всѣхъ въ сборѣ», какъ онъ сказалъ самъ, а въ сущности для того, чтобы не очутиться съ глазу на глазъ съ Марьей Львовной. Единственно, что его страшило, такъ это объясненіе съ ней: очень ужъ она изнервничалась за послѣднее время и притомъ стала вульгарна. Не понимаютъ женщины, что вѣчные капризы неизбѣжно ведутъ къ отталкивающей вульгарности!..

Digitized by Google

Вся семья была какъ-то невесело настросна, и потому настроеніе Шахова еще сильнѣе било въ глаза. Оля слѣдила за нимъ, и какое-то нехорошее чувство, помимо ея воли, пробудилось въ ней. Она почувствовала почти непріязнь къ Евгенію Александровичу за его радость. Среди разговора онъ спросилъ Сеню:

— Чего тебѣ привезти изъ Парижа?

Сеня сухо отвѣтилъ:

— Мнѣ ничего не нужно!..

— Ну, вотъ еще! Ну, да я самъ придумаю... А вамъ, Ольга Юрьевна, что прикажете привезти? Конечно, книгъ, книгъ и книгъ? Какихъ?

Она подняла голову и бросила на него какой-то странный, холодящій взглядъ, немного смутившій его.

— Вы знаете, что я не люблю подарковъ отъ чужихъ,— проговорила она.

— Да развѣ же мы чужіе?—спросилъ онъ, смѣясь.

Она подавила слезы и отвѣтила:

— А вы этого не знали?

Онъ пошутилъ:

— О, недобрая, даже на прощанье хотите ссориться.

Она опять взглянула на него тѣмъ страннымъ взглядомъ, точно стараясь договорить этимъ взглядомъ то, чего не могла сказать словами.

— Во всякомъ случаѣ сегодня нельзя поссориться съ вами,— произнесла она. — Вы такъ празднично настроены, что пропустите все мимо ушей...

И съ невыразимой горечью въ голосѣ она добавила:

— Впрочемъ, что же можетъ быть отраднѣе возможности уйти отъ людей, когда хотѣлось бы не смотрѣть на нихъ...

Юрій Дмитріевичъ бросилъ на нее тревожный взглядъ, боясь, что вотъ-вотъ она заплачетъ.

— А! нѣтъ, не говорите этого,— возразилъ Шаховъ:— когда любишь людей...

Оля неожиданно перебила его:

— А вы любили кого-нибудь?

Всѣмъ вдругъ стало неловко, точно Оля спросила Шахова, любилъ ли онъ Марью Львовну. Шаховъ въ замѣшательствѣ произнесъ глупую фразу:

— Такъ вы меня безсердечнымъ считаете?—И, торопясь, всталъ, говоря, что ему пора.

Прощаясь со всѣми, онъ шутливо замѣтилъ Олѣ:

— А съ вами мы еще поспоримъ, когда вернусь.

Digitized by Google

Она пожала плечами.

— Зачѣмъ?

Она очень сухо простилась съ нимъ и поторопилась уйти, чтобы наплакаться вволю тайкомъ отъ всѣхъ. Ей было бы теперь стыдно плакать о немъ при комъ-нибудь.

II.

Медленно и вяло потянулись дни въ квартирѣ Серпуховыхъ. Всѣхъ охватило одно чувство — чувство глубокаго, подавляющаго уныніе. Даже Марья Львовна не капризничала, а смотрѣла на все апатично, охваченная горькимъ сознаніемъ, что она брошена,—брошена навсегда. Никакія увѣренія Евгенія-Александровича насчетъ краткости срока разлуки не могли поколебать въ ней увѣренности, что это былъ разрывъ навсегда. Ея видъ порою смущалъ самого Серпухова, и онъ какъ-то мимовольно думалъ: «бѣдная, какъ она страдаетъ». Въ душѣ пробуждалось смутное желаніе подойти къ ней, сказать: «полно, Маня». Но тутъ же вспоминались ея слова, что никогда она его не любила, что всегда онъ только унижалъ ее своими ласками, что онъ вселялъ ей отвращеніе. Оброненныя въ запальчивости, необдуманныя фразы казались ему выраженіемъ ея настоящихъ чувствъ. У него недоставало хладнокровія, чтобы обсудить ихъ и понять, что жена высказывала не то, что она серьезно передумала, а то, что навернулось на языкъ въ минуту раздраженія. Никогда она не принадлежала къ числу думающихъ женщинъ; она жила только минутными чувствами и ощущеніями, поднимавшимися въ душѣ подъ вліяніемъ событій, какъ поднимаются на морѣ волны подъ вліяніемъ вѣтра. Юрію Дмитріевичу не приходило это въ голову. Кромѣ того, жена менѣе заботила теперь его, чѣмъ дочь. Онъ видѣлъ, что Оля худѣетъ и блѣднѣетъ, безмолвно переживая свое горе, свою обманутую любовь. Онъ безпокоился бы меньше о ней, если бы она переживала свое горе болѣе бурно, болѣе тревожно: вспышки у нея проходили быстро, а эта тихая скорбь, казалось, совсѣмъ можетъ извести ее. И точно, молодая дѣвушка не находила покоя. Ее уже мучило не то, что Евгеній Александровичъ не былъ влюбленъ въ нее. Нѣтъ. Она чувствовала какое-то разочарованіе въ этомъ человѣкѣ: добрый, мягкій, ласковый, онъ вдругъ предсталъ передъ ней въ другомъ свѣтѣ. У него не дрогнуло лицо при прощаніи, у него не нашлось слова привѣта близкимъ, онъ не выразилъ сожалѣнія о нихъ. Весь

Digitized by Google

онъ сіялъ, занятый только собой, своимъ веселымъ путешествіемъ. Простой пріятель и тотъ иначе бы простился съ друзьями. Что же онъ такое? Неужели онъ не таковъ, какимъ она его считала? Еще вполнѣ чистая, она могла бы перенести то, что любимый человѣкъ не отвѣчаетъ на ея любовь такою же любовью; вѣдь обожаютъ же институтки учителей даже тогда, когда послѣдніе являются вполнѣ «жестокими»; вѣдь не отворачиваются же вѣрующіе отъ своихъ кумировъ даже и тогда, когда тѣ не отвѣчаютъ на ихъ молитвы; но разочароваться въ первомъ идеалѣ было ужъ слишкомъ тяжело. А тутъ, какъ на зло, какъ только уѣхалъ онъ, всѣ стали говорить о немъ. Какъ говорить? Маріанна сдержанно и серьезно замѣтила, что онъ представитель «салоннаго человѣчества»: все въ немъ на показъ вылощено, выглажено, прилично, модно; внутри — бѣлая страница, ни семейныхъ добродѣтелей, ни твердыхъ дружескихъ связей, ни горячо любимыхъ идеаловъ, за которые люди иного закала идутъ въ огонь и въ воду, на казнь и на войну. Услышавъ этотъ приговоръ, Оля вспыхнула, хотѣла что-то возразить и промолчала: ей вспомнилось, что почти то же Маріанна говорила въ глаза Шахову, вызывая въ отвѣтъ только легкомысленный смѣхъ, и что эти мысли теперь приходили въ голову самой ей, Олѣ, терзая ее, какъ можетъ терзать человѣка открытіе, что тотъ, кому онъ поклонялся, не что иное, какъ образецъ дрянности, ничтожества, грязи. Но слова Маріанны всегда были спокойны и сдержанны. Не то стала замѣчать Оля въ замѣчаніяхъ матери относительно Евгенія Александровича. Подавленная и апатичная, Марья Львовна вдругъ дѣлалась ѣдкой, когда при ней говорили о Шаховѣ. Она не умѣла даже скрыть своей ненависти къ этому человѣку. Разъ она замѣтила, что Шаховъ, если бы онъ увидалъ раздавленнаго человѣка, прежде всего подумалъ бы о томъ, чтобы не запачкать какъ-нибудь въ крови своихъ лакированныхъ сапогъ. Эта фраза вышла такой болѣзненной, точно съ кровью вырвавшейся изъ сердца, что Оля съ испугомъ взглянула на мать. Никогда мама Маня не произносила подобныхъ фразъ. У нея все было мелко, и огорченія, и злоба, и гнѣвъ. Тутъ же прозвучало какое-то глубокое чувство. Что это значитъ? съ чего она такъ возненавидѣла Евгенія Александровича? Или бранитъ его, потому что другіе бранятъ? Нѣтъ, не можетъ-быть; очень ужъ много горечи въ ея словахъ; такъ не говорятъ съ чужого голоса... А отецъ — о, объ отцѣ нечего и говорить. Онъ

Digitized by Google

вѣчно находитъ сказать что-нибудь ѣдкое насчетъ Шахова. Но онъ вѣдь хочетъ этимъ возстановить ее противъ Евгенія Александровича, думаетъ, бѣднякъ, что ей будетъ легче, когда она разочаруется въ этомъ человѣкѣ. Онъ и не подозрѣваетъ въ простотѣ душевной, что ей мучительнѣе всего именно это разочарованіе. Какъ часто она проводила у себя въ комнатѣ цѣлые часы, плача тихими слезами именно отъ этого разочарованія и повторяя себѣ, что она не вѣритъ, не хочетъ вѣрить, что Шаховъ такое ничтожество. Гдѣ же тогда хорошіе люди? Гдѣ тѣ, передъ кѣмъ можно преклониться? Въ какія истины, въ какія идеи вѣрить? Отецъ самъ осмѣивалъ всѣ свои юношескія идеи и увлеченія; съ дѣтства пріучилъ ее не вѣрить въ серьезное значеніе этихъ идей. Она такъ и росла, ни во что не вѣря, ни передъ чѣмъ не благоговѣя. Тогда явился Шаховъ, онъ толковалъ съ ней о высокихъ предметахъ, о возвышающемъ значеніи искусства, о возвышенныхъ чувствахъ, о сладости доброты и благородства; она начала вѣрить, что въ жизни есть что-то хорошее, облагораживающее, и вдругъ передъ нею сталкиваютъ въ грязь ея кумиръ, — мало того, она смутно сознаетъ сама, что онъ достоинъ лежать въ грязи. Какъ же тутъ было воздержаться отъ слезъ?..

Въ одну изъ такихъ минутъ тяжелыхъ слезъ ее засталъ братъ. Сильно выросшій и похудѣвшій за послѣднее время, онъ смотрѣлъ по обыкновенію хмуро, точно чѣмъ-то взбѣшенный и старающійся скрыть свое бѣшенство. Онъ удивился, что она плачетъ, и отрывисто спросилъ:

— Чего ты?

Потомъ, какъ бы сообразивъ причину ея слезъ, онъ грубо проговорилъ:

— Охота тоже о всякомъ негодяѣ плакать!

Она очнулась, охваченная внезапнымъ приливомъ гнѣва, пробудившагося отъ грубости этого тона, отъ рѣзкости этихъ словъ.

— Какъ ты-то смѣешь ругать его?—крикнула она, какъ уже давно она не кричала ни на кого. — Кто вамъ всѣмъ далъ право нападать на него? Точно сговорились всѣ! Что онъ вамъ-то сдѣлалъ? Мало онъ вамъ давалъ, что ли? Когда уѣхалъ, всѣ вдругъ напали, а прежде друзьями были, молчали...

Она точно обрадовалась, что въ ней снова пробудился бурный порывъ, и дала ему вполнѣ волю. Братъ давно привыкъ къ этимъ вспышкамъ и не придавалъ имъ особаго значенія.

Digitized by Google

— Ну, да, знала бы его жизнь, — началъ презрительно онъ, передергивая плечами:—не то бы запѣла...

— Я знаю, знаю все!—запальчиво перебила она.

— Знаешь?—съ удивленіемъ спросилъ онъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Ну да, ну да!—горячо воскликнула сестра.—Думалъ удивить меня, насплетничать на него хотѣлъ. Ошибся, безъ тебя все знаю!.. У него есть любовница, такъ что же? Всѣ мужчины имѣютъ любовницъ!

Сеня остановился передъ нею съ широко открытыми глазами.

— Да ты знаешь ли, кто его любовница?—съ мрачнымъ видомъ спросилъ онъ.

— Не знаю, но непремѣнно узнаю... непремѣнно, — повторила она.—Я должна это знать...

Сеня покачалъ головой.

— Ужъ лучше не разузнавай! Довольно того, что я знаю! Мерзавецъ, даже писемъ не умѣлъ прятать отъ меня...

— А? ты чужія письма читалъ, вотъ что! Шпіонилъ! — закричала Оля.—Это тебѣ дѣлаетъ честь! Нечего сказать, хорошъ другъ! Вотъ отецъ говоритъ, что ты исправляешься! А разсказать бы это ему...

Онъ ее схватилъ въ запальчивости за руку, крѣпко, до боли.

— Не смѣй ни слова говорить отцу!—закричалъ онъ какъ бы въ испугѣ.—Понимаешь ли ты, что изъ этого можетъ выйти? Глупая дѣвчонка! И чортъ меня дернулъ сказать тебѣ...

Онъ тревожно заходилъ по комнатѣ, кусая себѣ губы.

— А! боишься отца, стыдно, что онъ узнаетъ, каковъ ты!—продолжала кричать она, точно радуясь возможности побушевать снова послѣ многихъ дней подавленной сдержанности.—Чернить другихъ это твое дѣло, а когда про самого хотятъ правду сказать—такъ чуть не дерешься. Не я скверная дѣвчонка, а ты, ты самъ скверный мальчишка! Только меня ты не испугаешь, я молчать не стану...

Онъ ходилъ по комнатѣ, сдвинувъ брови, съ серьезнымъ и мрачнымъ выраженіемъ лица. Въ его душѣ теперь происходила борьба; не сказать сестрѣ всего—она можетъ все выболтать отцу; тотъ заподозритъ его въ подлости, если не знаетъ истины, или встанетъ передъ нимъ въ «дурацкое» положеніе, если знаетъ истину; кромѣ того, «сестренка», очевидно, все еще не на шутку любитъ этого негодяя, а

Digitized by Google

одно слово можетъ сразу убить эту любовь. Лучше разомъ все выяснить, чѣмъ стоять самому въ ложномъ положеніи и оставлять въ такомъ же положеніи сестру. Она продолжала все горячиться и упрекать его, когда онъ внезапно остановился передъ нею и рѣзко сказалъ:

— Онь съ нашей матерью жилъ.

— Господи!—мучительнымъ стономъ вырвалось изъ груди Оли восклицаніе.

Гнѣвъ на брата, сомнѣнія въ правдѣ его словъ, стремленіе защитить Евгенія Александровича, все вдругъ отошло на послѣдній планъ. Слова брата были какъ бы отвѣтомъ на всѣ смутные вопросы, недоумѣнія и сомнѣнія Оли. Вотъ почему мать постоянно отстраняла ее отъ Шахова, вотъ почему отецъ почти съ бѣшенствомъ говоритъ иногда о немъ, вотъ почему теперь мать съ такой болѣзненной ненавистью отзывается объ этомъ человѣкѣ... Въ груди ея не было ни злобы, ни проклятій, была только тупая боль, точно кто-то сильно ударилъ ее въ эту грудь, и она не могла оправиться отъ удара, вздохнуть широкимъ вздохомъ. Сеня, видя, какое впечатлѣніе произвели его слова, почти испугался, подсѣлъ къ сестрѣ, сталъ разсказывать ей подробности. Онъ часто ходилъ къ Евгенію Александровичу, тотъ ласкалъ его, давалъ денегъ. Онъ вѣдь всѣхъ ласкаетъ, всѣмъ благодѣтельствуетъ. У него вертѣлись разные пріятели-шалопаи, шла веселая жизнь, велись холостые разговоры. Тоже бабенки разныя къ нему таскались. Еще бы! душка-адвокатъ! За ними, какъ за актерами, разныя хвостотрепки бѣгаютъ. Раза два Сеня видѣлъ ясно въ передней у Шахова ватерпруфъ матери, но ни въ гостиной, ни въ столовой, ни въ кабинетѣ ея не было; Евгеній Александровичъ бывалъ въ эти визиты Сени сконфуженъ и, давъ ему денегъ, выпроваживалъ его. Сенѣ казалось это страннымъ, но онъ не останавливался на вопросахъ: «точно ли онъ не ошибся? точно ли это верхняя одежда его матери? точно ли это не случайное совпаденіе цвѣта и покроя верхней одежды его матери и какой-нибудь другой женщины?» Тогда еще у него, у Сени, не было причинъ для подозрѣній, и онъ не придавалъ значенія тому, что случайно бросалось въ глаза. Потомъ вдругъ Шаховъ пересталъ давать ему денегъ; это случилось какъ разъ передъ ихъ переѣздомъ изъ Павловска, когда Шаховъ почти пересталъ бывать у Серпуховыхъ. Въ это время начались и натянутыя отношенія между отцомъ и матерью, между Шаховымъ и

Digitized by Google

ихъ семьею. Не замѣтить этого было нельзя; вѣроятно, это и Олѣ бросилось въ глаза. Но Сеня все еще не подозрѣвалъ ничего. Деньги ему были нужны до зарѣзу. Онъ рѣшился идти за ними къ Шахову, хотя ему и было тяжело выпрашивать. Прежде выпрашивать не приходилось, Шаховъ самъ давалъ, насильно навязывалъ свои подачки. Онъ не засталъ Шахова дома, прошелъ въ его кабинетъ, чтобы написать записку, и увидѣлъ письмо матери. Онъ и прежде видѣлъ двѣ-три ея записочки, гдѣ говорилось, что она ждетъ Шахова, такъ какъ она будетъ одна, но онъ не придавалъ тогда этому значенія. Извѣстно, что мама Маня не любитъ сидѣть одна. Кому же ей жаловаться, если никого нѣтъ подъ рукою? Шаховъ имъ родственникъ, значитъ не удивительно, что мать приглашаетъ его развлекать ее въ часы одиночества. Въ этой же запискѣ прямо говорилось, что онъ, Шаховъ, хочетъ ее бросить, хочетъ отъ нея отдѣлаться. Записка была полна горькихъ упрековъ. Сомнѣваться было уже невозможно.

— Вотъ они, отецъ и мать, бери съ нихъ примѣръ,— злобно проговорилъ онъ, окончивъ разсказъ.—Отецъ пропьянствовалъ наше дѣтство; мать падала, когда мы выросли, хорошій примѣръ нравственности... Пусть бы они попробовали упрекнуть меня теперь за то, какъ я провелъ три-четыре мѣсяца въ этотъ годъ, я бы нашелъ, что имъ отвѣтить...

Онъ всталъ, охваченный злобой, и заходилъ по комнатѣ.

— Отецъ туда же вздумалъ глядѣть съ мелодраматическимъ видомъ на мою физіономію. Ну, что же, каждому хочется пожить во всю, когда всѣ кругомъ такъ живутъ. Онъ первый. Не понималъ я, что ли, что онъ вчера кутилъ, сегодня кутилъ, завтра будетъ кутить? Ему можно, а мнѣ нельзя? Конечно, я глупостей надѣлалъ, чортъ знаетъ въ какой омутъ едва не затянулся. Такъ почему же я зналъ, какія подлости творятся въ свѣтѣ. Раньше бы онъ предостерегъ. Такъ нѣтъ. За иными щенками больше наблюдаютъ, чѣмъ за нами наблюдали. Сами еще толкали въ омутъ. Мнѣ же давали деньги, чтобы я безобразничалъ и не мѣшалъ Евгенію Александровичу въ его шашняхъ.

Оля сидѣла съ опущенной головой, не слушая брата. На что ей были подробности, когда она уже знала сущность дѣла? Братъ еще съ полчаса разсказывалъ ей о всякой грязи, въ которую онъ втянулся за это лѣто и которую въ общежитіи просто называютъ кутежами и шалостями бало-

Digitized by Google

ванныхъ матушкиныхъ сынковъ, веселой холостой жизнью богатой молодежи. Сеня окунулся въ этотъ омутъ внезапно, неожиданно и опомнился, осмотрѣлся въ немъ чисто случайно. Если бы не задѣли его самолюбія, если бы не оскорбили его, прежде чѣмъ онъ втянулся въ эту жизнь, прежде чѣмъ она сдѣлалась для него привычкою, второю натурой,— онъ, можетъ-быть, и совсѣмъ погибъ бы. Къ счастію, ему прямо сдѣлали такое предложеніе, что онъ ясно понялъ, какъ на него смотрятъ,—какъ на кандидата въ «красавца-мужчину», въ «Альфонса», «въ продажную тварь». Тутъ нечему удивляться; это такъ и бываетъ въ томъ кружкѣ, гдѣ онъ вращался по милости Евгенія Александровича: у кого нѣтъ денегъ, чтобы покупать другихъ, тѣ продаютъ себя; одни являются патронами, другіе ихъ прихвостнями... Ему точно пощечину дали, когда онъ понялъ это,—понялъ, что онъ можетъ быть только продающимъ себя, а не покупающимъ другихъ. Его спасло отъ этой роли непомѣрно развитое самолюбіе и самомнѣніе. Онъ пришелъ въ ярость, когда сообразилъ все, до чего онъ можетъ дойти.

— И то сказать,—глухо проговорилъ онъ.—Самъ накупился на все. Щеголялъ и прихорашивался до того, что пудриться сталъ да брови подтемнять началъ. Ну, и увидали, что товаръ лицомъ продается... Я вѣдь не одинъ такой-то. Иные корсеты носятъ, чтобы стройнѣе казаться; иные...

Онъ плюнулъ.

— Говорить-то мерзко!.. Ну, и стало отвратительно, когда на одну доску съ этими продающими себя съ аукціона тварями поставили...

Вотъ почему онъ сразу засѣлъ за уроки, за заработокъ. Отецъ, кажется, подозрѣвалъ его въ томъ, что онъ уже сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альфонса или преднамѣренно хочетъ этимъ сдѣлаться. Еще бы; отецъ его вовсе не знаетъ. Увидалъ пудру на лицѣ и вообразилъ ни вѣсть что! Самъ привыкъ въ молодости ходить разгильдяемъ, такъ думаетъ, что и теперь молодые люди тогда и хороши, когда неряхами ходятъ. Теперь времена другія, теперь нельзя щеголять тѣмъ, что Степкой-растрепкой ходишь. Отецъ этого не понимаетъ, таращитъ глаза на него, на Сеню, если тотъ принарядится. Ну, и пусть! Онъ еще докажетъ отцу, что онъ стоитъ повыше многихъ, что у него есть честь, что онъ выбьется самъ на дорогу... Вся его рѣчь была самой невообразимой смѣсью наивностей и цинизма. Онъ съ омерзеніемъ

Digitized by Google

говорилъ о томъ, что онъ никогда не будетъ торговать собою; но въ то же время онъ считалъ очень естественнымъ покупать другихъ. Его возмущала не безнравственная сущность видѣнной имъ жизни, но то, что онъ могъ, какъ онъ выражался, играть въ этой жизни унизительную роль. Онъ говорилъ обо всемъ рѣзко и грубо, ни на минуту не вспомнивъ, что онъ говоритъ съ дѣвушкою, съ сестрою. Впрочемъ, она не слышала и половины изъ того, что высказалъ онъ. Когда онъ кончилъ и ушелъ, Оля очнулась не сразу. Наступившая въ комнатѣ тишина заставила ее оглядѣться. Ей стало страшно въ этой пустой комнатѣ съ этой пустотой въ душѣ. Въ груди все точно порвалось. Ощущалась какая-то тупость. Отецъ, недальновидный, неумѣлый, обманутый, былъ ей теперь жалокъ, но и только; ей казалось, что она даже не любитъ его, а только можетъ равнодушно жалѣть. Мать сдѣлалась врагомъ и внушала только презрѣніе: она отдаляла умышленно дочь отъ любимаго тою человѣка, чтобы самой занять при немъ мѣсто любовницы! Любимый еще такъ недавно человѣкъ былъ забрызганъ грязью и внушалъ отвращеніе. Братъ со своимъ уродливымъ самолюбіемъ, со своимъ цинизмомъ сталъ ей вполнѣ чужимъ. Никого, никого нѣтъ у нея близкихъ! Ей вспомнилась Маріанна. Маріанна—о, это добрая, умная, честная женщина, но развѣ можетъ Оля теперь быть попрежнему откровенною съ нею, можетъ ли она разсказать ей про мать?..

Въ столовой послышался звонъ посуды. Оля нервно вздрогнула. Сейчасъ надо идти обѣдать. Какъ она взглянетъ на отца, на мать? Какъ бы ей хотѣлось не видать ихъ, уйти отъ нихъ. Теперь она будетъ каждую минуту бояться проговориться отцу или матери насчетъ того, что она все знаетъ. Если бы не встрѣчать ихъ!

II.

Тяжелые дни потянулись своей чередой надъ семьею Серпуховыхъ, и разладъ принялъ тотъ хроническій характеръ, который страшнѣе всего въ этихъ случаяхъ. Никогда еще эта семья не пользовалась такимъ затишьемъ, какое воцарилось въ ней теперь. Смотря на внѣшній ходъ ея жизни, можно было подумать, что это примѣрная, вполнѣ спѣвшаяся семья, правда нѣсколько скучная и скучающая, но зато не сварливая, не поднимающая бурь, не дѣлающая сценъ. Нужно было глубоко заглянуть въ душу каждаго члена этой семьи, чтобы понять вполнѣ, что въ этомъ за-

Digitized by Google

тишьѣ сказывалась боязнь полнѣйшаго разрыва. Всѣ какъ бы сознавали, что починить, поправить нельзя ничего, что сегодня будетъ похоже на завтра, завтра на послѣзавтра и такъ вплоть до могилы, если только не послѣдуетъ рокового, чисто случайнаго столкновенія. Всѣ сознавали, что столкновеніе можетъ сразу повести къ окончательному разрыву, къ невозможности жить подъ одною кровлею. По внѣшности всѣ даже стали покойнѣе, въ взаимныхъ отношеніяхъ чувствовалась какая-то инстинктивная осторожность, осмотрительность: иногда эти люди перебрасывались другъ съ другомъ отрывочными фразами, изрѣдка вмѣстѣ выходили въ гости, къ Варварѣ Павловнѣ, къ Маріаннѣ, но каждый чувствовалъ, что они разошлись другъ съ другомъ и никогда не сойдутся.

У всѣхъ явилось желаніе забыться въ спасительной работѣ. Оля прилежно училась на курсахъ, усердно занималась музыкой; у нея вдругъ оказалось крайне много занятій, и она всецѣло отдалась имъ. Онъ боялась остаться вдвоемъ съ отцомъ или съ матерью, боялась потому, что не могла поручиться за себя: заговоритъ—и выскажетъ все, что накипѣло въ душѣ... Юрій Дмитріевичъ сталъ особенно ретиво работать на службѣ, имѣя постоянно озабоченный видъ, принуждая себя думать о дѣлахъ и только о дѣлахъ. Онъ тоже желалъ поменьше сталкиваться съ женой и не желалъ «мозолить глаза» своей «дѣвочкѣ», которой, какъ ему казалось, лучше всего одной пережить свое горе; разговоры объ этомъ предметѣ только разбередятъ больное мѣсто, а не говорить ему съ ней объ этомъ предметѣ нельзя, оставаясь съ глазу на глазъ, значитъ лучше на время не оставаться наединѣ съ нею. Убѣжденный въ томъ, что надо дѣйствовать именно такъ, онъ даже и не замѣчалъ, что его дѣвочка сторонится сама отъ него. Впрочемъ, если бы онъ это и замѣтилъ, то истолковалъ бы это по-своему, понялъ бы, что и она желаетъ не говорить о своемъ горѣ... Сеня проводилъ цѣлые дни въ гимназіи и на урокахъ, появляясь дома только къ обѣду или къ чаю, почти не говоря ни съ кѣмъ... Даже Марья Львовна просиживала цѣлые часы надъ книгой, или за шитьемъ, или входила въ какія-то хозяйственныя распоряженія. Въ этомъ сказывалось безсознательное, инстинктивное стремленіе подавить всякія думы о Шаховѣ, о мужѣ. Попрежнему она почти не говорила съ послѣднимъ и сознавала, что если она заговоритъ съ нимъ теперь, то ихъ связь порвется окончательно·

Digitized by Google

она чутьемъ угадывала, что онъ игралъ активную роль въ дѣлѣ отъѣзда Шахова, и не могла простить ему этого, хотя въ то же время и проклинала въ душѣ Евгенія Александровича и повторяла себѣ, что она его ненавидитъ.

Изрѣдка семьею переживались особенно тяжелыя минуты. То Марья Львовна, усердно перешивая что-нибудь, почувствуетъ на себѣ пристальный взглядъ дочери и подниметъ глаза, чтобы тотчасъ же опустить ихъ, въ смущеніи уловивъ какое-то враждебное или презрительное выраженіе во взглядѣ дочери. И проносится въ ея головѣ: «за что она меня стала такъ ненавидѣть? ужъ не подозрѣваетъ ли она чего-нибудь? пожалуй, Юрій Дмитріевичъ все разсказалъ; отъ него это станется». Въ головѣ проходитъ цѣлая вереница мрачныхъ мыслей: онъ испортилъ всю ея жизнь, онъ, вѣроятно, и Шахова удалилъ изъ Петербурга, онъ поставилъ ее не только въ положеніе несчастной жизни, но и въ положеніе постыдно брошенной любовницы... То Юрій Дмитріевичъ замѣтитъ особенно грустное выраженіе глазъ Оли и смутится: ему тоже кажется, что дочь что-то подозрѣваетъ, что она какъ-то особенно непріязненно относится къ матери, что она недаромъ на его какое-то случайно сорвавшееся съ языка замѣчаніе о Шаховѣ отвѣтила съ болѣзненнымъ раздраженіемъ: «не говори мнѣ объ этомъ низкомъ человѣкѣ»,—и стыдно становится ему передъ нею. Онъ старается пріободриться и увѣряетъ себя, что его дѣвочкѣ не откуда было узнать правды о матери, что это она *такъ*, безъ всякой причины смотритъ непріязненно на мать... То вдругъ ни съ того, ни съ сего всѣ смутятся, и Серпуховъ, и Серпухова, и Оля, услыхавъ, какъ ихъ знакомые и пріятели говорятъ съ презрѣніемъ о «пошаливающихъ бабенкахъ» и подсмѣиваются надъ «добродушными рогоносцами мужьями». Этотъ разговоръ заминается Серпуховыми, но такъ неловко, съ такимъ замѣшательствомъ, что имъ самимъ кажется, что люди могутъ замѣтить эту неловкость и заподозрить ея причины. И каждый разъ въ этихъ случаяхъ въ головѣ у всѣхъ мелькаетъ мысль, что такъ будетъ до гробовой доски,—можетъ-быть, будетъ еще хуже, но уже никакъ не лучше. Надеждъ на просвѣтъ не было ни у кого, такъ какъ всѣ упали духомъ, были точно придавлены.

Но та сложная и мудреная задача, передъ которою въ послѣднее время съ такимъ смущеніемъ остановился Юрій Дмитріевичъ и которая называется жизнью, всегда готовитъ

Digitized by Google

неожиданности и опрокидываетъ вверхъ дномъ всѣ наши самыя точныя «предварительныя смѣты». Какія бы выкладки мы ни дѣлали, соображая, что должно быть въ болѣе или менѣе отдаленное завтра, мы непремѣнно упустимъ изъ виду какую-нибудь ничтожную «случайность», и эта ничтожная случайность измѣнитъ все, что должно было случиться и что, тѣмъ не менѣе, не случилось. Одинъ изъ членовъ семьи Серпуховыхъ почти не игралъ въ ней вовсе никакой роли, и потому, думая о своемъ будущемъ, никто не вспоминалъ даже о немъ, не принималъ его въ расчетъ. Это былъ Сеня.

Прежде Сеня хоть грубилъ и этимъ заявлялъ о своемъ существованіи. Въ послѣднее время не было и этого. Семья видѣла его рѣдко, на минуты, и то только видѣла, такъ какъ онъ почти не говорилъ ни съ кѣмъ, смотрѣлъ хмуро и озабоченно. Всѣ понимали, что онъ спѣшитъ окончить курсъ въ гимназіи, потомъ пойдетъ въ университетъ и, можетъ-быть, даже переѣдетъ отъ отца. Это былъ отрѣзанный ломоть. Все, что онъ могъ въ видѣ перемѣны внести въ семейную жизнь, такъ это развѣ то, что онъ въ близкомъ будущемъ «очиститъ комнату». Всѣ его поступки, всѣ его отношенія къ семьѣ уже вполнѣ ясно носили одинъ характеръ—это былъ «сынъ-жилецъ». Такихъ «сыновей-жильцовъ» вы нерѣдко встрѣтите въ современныхъ семьяхъ. Въ своемъ семейномъ домѣ онъ жилъ, какъ живутъ въ меблированныхъ комнатахъ со столомъ и прислугою, не интересуясь внутреннею жизнью своихъ хозяевъ, не посвящая ихъ въ свою внутреннюю жизнь. Правда, онъ не платилъ покуда семьѣ за комнату и столъ, но только этимъ онъ и отличался отъ чужого жильца. Вслѣдствіе этого, задумываясь о своемъ будущемъ, члены семьи никогда не брали въ расчетъ Сеню и въ то же время не старались заглянуть въ его душевный міръ. А этотъ міръ представлялъ нѣчто очень любопытное и оригинальное. Это была смѣсь самыхъ противорѣчивыхъ элементовъ, выработавшихся самостоятельно, безъ разумныхъ руководителей, безъ какихъ бы то ни было правилъ. Иногда въ жизни встрѣчаются чистыя и наивныя созданія, души которыхъ принято сравнивать съ бѣлою страницею; порой намъ попадаются люди, про души которыхъ не безъ основанія говорятъ, что это сборники прописныхъ истинъ и ходячей морали; душу Сени, придерживаясь этихъ же сравненій, можно было бы сравнить съ грязноной тетрадью, куда записывалось все, что

Digitized by Google

взбрело на умъ совершенно неопытному и своевольному мальчику. Своеволіе, самомнѣніе, самонадѣянность были покуда основными чертами его характера, развитыми его воспитаніемъ; но то же воспитаніе на всемъ готовомъ, съ исполненіемъ малѣйшихъ его капризовъ, безъ всякихъ лишеній, развило въ немъ полнѣйшую практическую неумѣлость и невыносливость. Подобно своей матери, онъ могъ чувствовать себя несчастнымъ отъ неимѣнія чистыхъ перчатокъ или невозможности ѣхать на балъ, когда хотѣлось ѣхать туда; подобно ей же, онъ могъ пользоваться подачками отъ отца, отъ Шахова, отъ перваго встрѣчнаго, если для этого не нужно было «унижаться», а по его понятіямъ униженіе состояло не въ самомъ принятіи подачекъ, но въ необходимости «просить» ихъ. Ему слишкомъ многое давали даромъ, чтобы онъ могъ остановиться надъ вопросомъ: не милостыня ли все это? Онъ, по привычкѣ всѣхъ баловней, задиралъ носъ передъ всѣми и ни разу не задумался о томъ, за что они должны уважать его, и какъ сдѣлать такъ, чтобы они сами стали смотрѣть на него снизу вверхъ. Формально разгульнымъ или развратнымъ онъ не былъ вплоть до послѣдней весны, хотя у него и не было никакихъ нравственныхъ идеаловъ, никакихъ выработанныхъ взглядовъ на то, какъ слѣдуетъ жить, если не брать въ расчетъ желанія пожить вволю, попировать на пиру жизни. Онъ не кутилъ, потому что еще не чувствовалъ въ этомъ внутренней потребности,—можетъ-быть, по натурѣ, можетъ-быть, по молодости. Сближеніе съ Евгеніемъ Александровичемъ сразу открыло ему двери къ той средѣ, гдѣ живутъ вволю. Шаховъ ни на минуту не задалъ себѣ вопроса: «не рано ли открывать мальчугану входъ въ эту среду?» и мальчуганъ весело окунулся въ этотъ омутъ, гдѣ все дышало новизной, неизвѣданнымъ. Какъ-то разъ изъ театра Шаховъ заѣхалъ съ пріятелями въ ресторанъ и взялъ туда съ собой Сеню. Это была случайность: ѣхали на одномъ извозчикѣ, кто-то, проѣзжая, крикнулъ:

— Евгеній Александровичъ, заѣзжай въ Малый Ярославецъ!

Шаховъ заѣхалъ вмѣстѣ съ Сеней. Отчего же юношѣ не поужинать въ кругу хорошихъ людей? Здѣсь шла дружеская бесѣда за ужиномъ, за доброй рюмкой вина; мало-помалу ужинъ перешелъ незамѣтно въ попойку, а послѣ попойки кто-то предложилъ прокататься за городъ. Всѣ были настолько выпивши, что даже не спросили: «а какъ же

Digitized by Google

этотъ гимназистикъ?» Въ загородномъ ресторанѣ явились въ кругу кутящей молодежи и женщины. Одну изъ нихъ очень забавляли шалости съ Сеней, раскраснѣвшимся и растерявшимся отъ смущенія. Онъ какъ-то особенно ежился и стѣснялся съ дурачившеюся съ нимъ красавицей и смутился еще болѣе, когда Шаховъ шепнулъ ему:

— У тебя, можетъ-быть, нѣтъ денегъ?

Съ этого вечера Сеня «началъ жить», какъ онъ самъ выражался. По поводу этого же вечера, Шаховъ дружески бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, что въ его годы эта «правильная» жизнь является необходимостью, что онъ, Шаховъ, всегда готовъ помочь ему деньгами, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ неловко просить у отца. То, что Шаховъ называлъ «правильною жизнью», постепенно превратилось въ кутежи, въ мотовство, въ стремленіе щеголять и нарядами, и ловкостью, и красотой. Явилась потребность держать себя такъ, какъ графъ такой-то, одѣваться, какъ князь такой-то, стричься, какъ лицеистъ такой-то. Сеня началъ особенно кланяться, щелкая каблуками и наклоняя одну голову, такъ какъ такимъ образомъ кланялся кто-то изъ лицеистовъ; онъ началъ, имѣя вполнѣ здоровые глаза, носить pince-nez, потому что такъ ему казалось больше «шику»; онъ началъ немного подводить брови, потому что его физіономію, какъ ему казалось, портятъ однѣ слишкомъ свѣтлыя брови, онъ сталъ говорить немного въ носъ и щеголялъ тѣмъ, что кричалъ слугѣ вмѣсто «человѣкъ» — «чеоэкъ». Все это было и смѣшно, и грустно, какъ пошловатая карикатура.

И вдругъ послѣдовало два удара разомъ: Евгеній Александровичъ прекратилъ подачки, а одна отталкивающая по виду личность сдѣлала мальчугану очень недвусмысленное предложеніе купить его. Это былъ финалъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпутнаго житья безъ оглядки на то, къ чему оно ведетъ...

Въ послѣдніе дни жизни въ Павловскѣ и въ первые дни осенняго сезона въ Петербургѣ, Сеня сразу увидалъ, что ему надо уйти изъ того кружка, гдѣ онъ вращался въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, или жить на счетъ всѣхъ этихъ графчиковъ, князьковъ, лицеистиковъ. Можетъ-быть, онъ не задумался бы брать и отъ нихъ подачки, какъ онъ бралъ ихъ отъ Шахова, но эти люди не были Шаховыми: Сеня не былъ глупцомъ, онъ видѣлъ, какую роль играютъ ихъ лизоблюды, ихъ прихвостни, ихъ приживалки. Шаховъ давалъ деньги, не требуя за это ничего; тѣ давали подачки,

Digitized by Google

требуя процентовъ холопства и гаерства; Шаховъ давалъ деньги, потому что онъ хотѣлъ въ каждомъ человѣкѣ имѣть пріятеля; тѣ давали деньги, потому что имъ хотѣлось надъ кѣмъ-нибудь тѣшиться и кому-нибудь по праву плевать въ лицо. Сеня со злобой, съ оскорбленнымъ самолюбіемъ, съ жаждой «показать всѣмъ еще себя», заперся дома, ухватился лихорадочно за ученье и за даванье уроковъ. У него было теперь только одно стремленіе: скорѣе доучиться и скорѣе сколотить денегъ, чтобы потомъ «показать себя». Другихъ болѣе возвышенныхъ стимуловъ для трудолюбія покуда не было. Онъ хотѣлъ «показать себя» и только. Въ его представленіи понятіе о жизни вообще соединялось въ одно съ понятіемъ о показываніи себя. Только тотъ и счастливъ, кто можетъ показать себя, то-есть швырять деньгами, ѣздить на рысакахъ, наступать другимъ на ноги, обрызгивать другихъ грязью. Ему снилось уже, какъ онъ «покажетъ себя», какъ онъ «развернется», какъ онъ «утретъ всѣмъ носъ». Онъ иногда по цѣлымъ часамъ разсчитывалъ, гдѣ выгоднѣе служить: въ инженеры идти или въ присяжные повѣренные? Онъ мысленно сокращалъ до minimum'а срокъ своего искуса и увеличивалъ до maximum'а размѣры будущей наживы. При этомъ онъ дѣлалъ презрительныя гримасы, если въ голову приходила мысль «украсть бы два милліона, какъ Юханцевъ». Насмѣхаясь въ душѣ надъ всякими возвышенными идеями, о которыхъ онъ слышалъ ироническіе разсказы отца, онъ въ то же время съ гордостью говорилъ себѣ: «воровать могутъ только идіоты, такъ какъ въ Сибирь угодить тоже не радость». Но онъ, тѣмъ не менѣе, разсчитывалъ и разспрашивалъ, какіе законные и косвенные доходы имѣются у инженеровъ, и съ сверкающими глазами слушалъ, какія суммы давались за защиту Овсянниковыми и тому подобными господами...

Среди этихъ грёзъ онъ порою скрежеталъ зубами отъ злости на то, что за уроки получаются въ сущности гроши, и на то, что иногда онъ «срывался» въ гимназіи, обезсиленный черезмѣрною работой. Чѣмъ бо́льше онъ затягивался въ работѣ, чѣмъ болѣе разстраивались его нервы, чѣмъ сильнѣе развивалось малокровіе, тѣмъ чувствительнѣе отзывался на немъ каждый сколько-нибудь неудовлетворительный баллъ. Онъ же думалъ не о томъ только, что этакъ можно засѣсть еще на годъ и отдалить такимъ образомъ время привольной жизни. Нѣтъ. Его бѣсило и то, что можетъ подумать о немъ отецъ: скажетъ, что онъ онъ лѣнтяй, что

Digitized by Google

неспособный, что ему надо репетиторовъ и помощниковъ. Его волновало и то, что онъ очутится въ гимназіи ниже своихъ сотоварищей, что онъ потеряетъ въ ихъ глазахъ свое значеніе, что учителя будутъ смотрѣть на него съ насмѣшливыми улыбками. Это были муки Сизифа, поднимающаго въ гору не по силамъ тяжелый камень и ждущаго каждую минуту, что вотъ-вотъ этотъ камень сорвется. Въ этой упорной борьбѣ изъ-за хорошихъ отмѣтокъ почти никакой роли еще не играло сознаніе, что все изучаемое нужно ему для развитія ума, для пріобрѣтенія дальнѣйшихъ познаній: если бы можно было получить на экзаменахъ хорошія отмѣтки, не бравши книги въ руки, онъ никогда бы не открылъ ни одного учебника. Его презрѣніе въ наукѣ равнялось его презрѣнію къ «идеямъ». Все это глупости, счастіе жизни вовсе не въ этомъ. Ученостью или идеями, что ли, создались капиталы разныхъ Елисѣевыхъ, Кокоревыхъ, Губониныхъ, Овсянниковыхъ, Поляковыхъ? А развѣ эти люди помѣнялись бы участью съ первѣйшими учеными и проповѣдниками разныхъ идей? Все дѣло въ томъ, чтобы умѣть нажить деньгу законнымъ образомъ. Для этого только дипломы разные и нужны тому, кто долженъ служить... А время экзаменовъ все близилось и близилось, тяжелая зима уже приходила къ концу...

Сидя въ своей узенькой комнаткѣ, Оля хорошо знала, какъ работаетъ братъ. Иногда далеко за полночь раздавалось за тонкой стѣной его бормотанье. Онъ по привычкѣ учился почти всегда вслухъ, и это зубреніе наводило на нее тоску. Ей порою казалось, что рядомъ за стѣной читаютъ по покойникѣ псалтирь. Иногда вдругъ раздавался звукъ, ясно говорившій, что тамъ за стѣной швырнули книгу на полъ, и тогда начиналось быстрое хожденіе изъ угла въ уголъ. Что-то нервное, нетерпѣливое сказывалось въ этомъ торопливомъ шаганьи по комнатѣ изъ конца въ конецъ. Оля угадывала, что вѣрно брату не удается вызубрить учебникъ. «Точно отъ зубной боли мечется», мелькнуло разъ въ ея головѣ, и впервые ей стало жаль брата. Она уже по опыту знала, что значатъ эти нервныя боли, заставляющія насъ не находить мѣста. «И зачѣмъ онъ такъ себя утомляетъ, ну, сорвется на экзаменѣ, что за бѣда?» Помимо воли, подъ вліяніемъ его безпокойства, она сама начала безпокоиться о немъ.

Какъ-то разъ братъ отрывисто спросилъ ее черезъ дверь:

— Ты не легла?

— Нѣтъ,—отвѣтила она.

Digitized by Google

— Можно придти?

— Приходи.

Онъ вошелъ къ ней, блѣдный, съ всклоченными волосами, съ покраснѣвшими отъ долгаго чтенія глазами.

— Что съ тобой?—спросила она его тревожно.

— Чортъ знаетъ что!.. Потерялъ всякое сознанье, знаю или не знаю,—отрывисто отвѣтилъ онъ своимъ грубоватымъ тономъ.—Зубрилъ, зубрилъ и вдругъ... ну, ничего не знаю, ровно ничего...

— Усталъ, вотъ и все...

Онъ походилъ, покусывая губы, стѣсняясь сказать сразу, зачѣмъ онъ пришелъ. Наконецъ онъ отрывисто проговорилъ:

— Спроси что-нибудь, прослушай...

Она взяла учебникъ, придвинула свѣчу и стала задавать ему вопросы по исторіи. Онъ, продолжая ходить, началъ отвѣчать. Она торопливо слѣдила по учебнику.

— Ты же отлично отвѣчаешь,—наконецъ проговорила она.

— Еще, еще, изъ другого мѣста,—торопливо сказалъ онъ.

Она спросила его еще и еще. Онъ отвѣтилъ безъ запинки, поспѣшно, почти не переводя духа. Ему стало легче отъ сознанія, что онъ не забылъ ничего.

— Тебѣ бы лучше всего приготовляться съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей,—замѣтила она.

— Гдѣ они у меня?—отрывисто сказалъ онъ.

Этотъ отвѣтъ страшно поразилъ Олю. Она тоже въ послѣднее время чувствовала свое одиночество и тосковала о томъ, что у нея не было подругъ. Какъ странно сложилась ея жизнь и жизнь ея брата. У нихъ не было настоящей семьи, не было и друзей-сверстниковъ. Серпуховы жили всегда такъ, какъ живутъ холостые, у Юрія Дмитріевича была знакомая холостежь, а Марья Львовна вовсе не стремилась сблизиться съ семейными женщинами. Имъ семейные дома были не по вкусу, а о томъ, что семейные люди нужны для дѣтей, они и не думали. Но, не имѣя съ дѣтства сверстниковъ-друзей, Оля и Сеня и въ гимназіяхъ не сумѣли сойтись ни съ кѣмъ. Теперь это тяжело отзывалось на нихъ. Они вступали въ жизнь одинокими, не извѣдавъ еще сладости дѣтской дружбы. Грустныя думы Оли объ этомъ были прерваны голосомъ Сени:

— Не везетъ мнѣ,—какъ-то отрывисто заговорилъ онъ.— На прошлой недѣлѣ на экзаменѣ попался вопросъ именно тотъ, на который я менѣе всего былъ готовъ отвѣтить. А зубрилъ чортъ знаетъ сколько. Вотъ и теперь все знаю, ка-

Digitized by Google

жется, а спросятъ вѣрно то, что хуже всего подготовлено. Не повезетъ ужъ если, такъ ничего не подѣлаешь.

— Очень ужъ ты волнуешься,—замѣтила Оля.—Прежде всего нужно спокойствіе на экзаменахъ.

— Ахъ, что ты говоришь! Какъ это насильно будешь спокойнымъ?

— Да я не знаю, чего волноваться? Ну, даже если сорвешься...

— Что-о?—воскликнулъ Сеня.—Да я пулю въ лобъ пущу, если сорвусь!

Она нетерпѣливо проговорила:

— Зачѣмъ ты говоришь глупости! Изъ-за дурного балла стрѣляться—много будетъ! Этакъ всѣ перестрѣляются.

— Не знаю, перестрѣляются ли всѣ, а я...—началъ онъ и, оборвавъ фразу, продолжалъ нервнымъ тономъ:—Я только и думаю объ одномъ, какъ бы скорѣе вырваться изъ гимназіи, какъ бы скорѣе вышвырнуть эти книги. Ты думаешь, мнѣ легко долбить и долбить? На что все это мнѣ? аттестатъ зрѣлости получить—вотъ и все. Люблю я, что ли, всю эту латынь, всѣ эти греческія спряженія и склоненія? Или нужно это мнѣ будетъ при защитѣ кліентовъ, если сдѣлаюсь адвокатомъ, или при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, если сдѣлаюсь инженеромъ? А чего мнѣ стоитъ зубрить? Сорвись я—все пропало; начинать тянуть ту же лямку, которую тянулъ въ эту зиму, силъ не хватитъ. Я себя знаю. Мнѣ разъ довольно оступиться, чтобы не подняться.

Онъ смолкъ и продолжалъ ходить по комнатѣ, мрачный, какъ осенняя ночь. Оля пристально вглядывалась въ него: она только теперь замѣтила вполнѣ, какъ онъ исхудалъ и осунулся. Ей стало страшно за него. Въ душѣ пробудилась глубокая, почти материнская жалость къ нему. Это ощущеніе впервые закралось ей въ душу. Она хотѣла что-то сказать ему, но онъ вдругъ круто повернулся и, проговоривъ глухо: «прощай», вышелъ изъ комнаты. Ее странно поразилъ звукъ его голоса, глухой, дрожащій. Черезъ минуту она услышала, какъ Сеня вошелъ въ свою комнату, прошелъ къ своему письменному столу, тяжело опустился на стулъ. Она затаила дыханіе, прислушиваясь къ звукамъ. Въ сосѣдней комнатѣ все было тихо. Потомъ послышалось, что Сеня сморкается, долетѣло что-то въ родѣ всхлипыванья. «Бѣдный, бѣдный», пронеслось въ головѣ Оли. Впервые она слышала, что онъ плачетъ. Ей хотѣлось бѣжать къ нему, обнять его, приласкать. И въ то же время ей было точно стыдно чего-то.

Digitized by Google

Никогда они не стояли въ такихъ отношеніяхъ, чтобы высказывать другъ другу нѣжность. Идти къ нему и утѣшить его—это было слишкомъ непривычно для нея. Она медленно раздѣлась и легла. Но сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Какія-то мрачныя думы проходили въ головѣ—думы о томъ, что у обоихъ ихъ испорчена жизнь, что Сеню не доведутъ до добра его мысли о самоубійствѣ, что съ такими мыслями легко при малѣйшей неудачѣ дѣйствительно пустить пулю въ лобъ. Въ сосѣдней комнатѣ что-то щелкнуло. Оля быстро поднялась на постели и стала прислушиваться, широко открывъ глаза, точно желая сквозь стѣну увидать, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ. Кругомъ все было тихо. Послышалось, какъ Сеня заперъ ящикъ стола, всталъ и началъ раздѣваться. Оля легла опять, но ея сердце билось тревожно, точно пойманная птица. Ей все казалось, что вотъ-вотъ раздастся выстрѣлъ, и Сеня покончитъ съ собой.

Уже весеннее утро стало заглядывать въ комнату молодой дѣвушки, когда она, усталая, забылась тревожнымъ сномъ...

III.

Былъ уже бѣлый день, когда проснулась Оля. Она быстро сѣла на постели, протирая глаза и осматриваясь кругомъ. Ей хотѣлось скорѣе очнуться отъ тяжелаго кошмара, мучившаго ее во время сна. Первое, что ей вспомнилось,—это былъ братъ. Опять въ головѣ пронеслось: «бѣдный, бѣдный мальчикъ». Мягкая, нѣжная жалость къ нему охватила ее всю. Это было такое сладкое чувство, какого она не испытывала давно. Все послѣднее время она ходила въ какомъ-то отупѣніи, не думая, не заботясь ни о комъ, какъ чужая среди чужихъ. Даже строптивой злобы, даже бурныхъ порывовъ не пробуждалось въ ней уже давно. Все въ ней точно замерло—и любовь, и ненависть. Теперь она опять волновалась за брата, и это волненіе точно придало новый смыслъ ея жизни. У нея явилось существо, о которомъ она могла заботиться, думать, горевать. Если бы кто-нибудь могъ заглянуть въ ея душу теперь, тотъ, не ошибаясь, могъ бы сказать: «изъ этой дѣвушки выйдетъ впослѣдствіи глубоко любящая женщина».

Она торопливо умылась, одѣлась и вышла въ столовую. Первымъ ея вопросомъ было:

— Гдѣ Сеня?

— Въ гимназію ушелъ... гдѣ же ему быть,—коротко отвѣтила Марья Львовна

Digitized by Google

Оля раздражилась на мать:

— Я потому спрашиваю, что мало ли что можетъ случиться... Цѣлыми днями учится, да и по ночамъ занимается...

— Извѣстно, экзамены. Нельзя же баклуши бить,—равнодушно сказала Марья Львовна.

— Ужъ его-то, кажется, нельзя упрекнуть нынѣшній годъ за баклушничество,—вступилась Оля за брата.

— Довольно набездѣльничался! — проговорила Марья Львовна.

— Ну, за это не его надо винить, а...—Оля не кончила фразы.

Она отвернулась отъ Марьи Львовны, боясь продолжать разговоръ чувствуя, что она можетъ наговорить матери кучу дерзостей, невольно упомянуть о Шаховѣ. Въ ней все возмущалось противъ этой женщины. Когда она узнала, что ея мать была близка съ Шаховымъ и потому отстранила ее отъ этого человѣка, ее точно что-то пришибло, подавило. Но ни на минуту ей не пришло тогда въ голову сдѣлать матери бурную сцену. Почему? Въ этомъ она сама не отдавала отчета, но это было такъ. Какая-то безсознательная женская стыдливость удерживала ее отъ грязной сцены. Теперь же стоило Марьѣ Львовнѣ сказать рѣзкое слово, и Оля наговорила бы ей самыхъ непозволительныхъ дерзостей. Ее возмущала женщина, не чувствующая никакой любви къ дѣтямъ. Въ ея головѣ проносились мысли о томъ, что вся ихъ семейная жизнь именно потому и искалѣчена, что эта женщина никогда не умѣла быть ни женой, ни матерью. И друзей у нихъ нѣтъ, потому что мать не любила общества всѣхъ этихъ «кухарокъ и нянекъ», какъ она брезгливо называла замужнихъ женщинъ, матерей и хозяекъ. И съ Шаховымъ она сошлась, потому что въ ней материнскаго чувства не было и слѣда. И враждебность къ ней, къ Олѣ, появилась у нея потому, что она видѣла въ ней прежде всего не дочь, а соперницу и только соперницу. И Сеня вотъ гибнетъ изъ-за нея, выросши безъ вліянія мягкой материнской ласки. Развѣ онъ бросился бы въ первый попавшійся омутъ, если бы дома было тепло и уютно, если бы ему было дорого родное гнѣздо?... Цѣлый рядъ новыхъ для нея идей, смутно бродившихъ прежде въ головѣ подъ вліяніемъ чтенія книгъ, разговоровъ съ Шаховымъ и Маріанной, знакомства съ жизнью, сложился теперь въ нѣчто цѣлое. Умъ работалъ уже далеко не по-дѣтски...

Допивъ чай, она вернулась въ свою комнату, взялась.

Digitized by Google

за книгу и, распахнувъ окно, усѣлась около него. Но лекціи не шли на умъ. Глаза поминутно отрывались отъ листковъ тетради, устремлялись вдаль, скользили по виднѣвшимся напротивъ крышамъ, слѣдили за бѣгущими въ небѣ облачками. Въ головѣ у молодой дѣвушки роились все новыя и новыя мысли. Почему отецъ съ такимъ презрѣніемъ относится къ мамѣ Манѣ? Не за то ли, что она его обманула? Нѣтъ. Вѣдь, говорятъ, у многихъ женщинъ бываютъ подобные романы, но потомъ мужья мирятся съ ними, прощаютъ ихъ. А папа не простилъ, хотя онъ мягокъ и добръ... Онъ и раньше не уважалъ ее. Ей вспомнились теперь мелочи, пропускавшіяся прежде почти безъ вниманія и вставшія теперь въ памяти. Да, къ уважаемой женщинѣ такъ не относятся. А Шаховъ? Онъ поигралъ съ ней и бросилъ ее. За что? Значитъ, не любилъ и не уважалъ ее, какъ слѣдуетъ? Если бы любилъ и уважалъ—не бросилъ бы. Да и кто же ее любитъ и уважаетъ? Никто! рѣшительно никто! Но почему же, почему же? Она мучительно добивалась отвѣтовъ на эти вопросы. Она встала и заходила въ волненіи по комнатѣ, охваченная жаждой разрѣшить эту загадку. «Потому что она пала? — спрашивала онъ себя. — Да вѣдь это не всѣмъ же извѣстно? И уважаютъ же Маріанну всѣ, знающіе ее? А Маріанна тоже пала: любовница Кроля, а не жена». Она вдругъ нетерпѣливо перебила сама себя и, точно протестуя противъ кого-то, воскликнула:

— Да она лучше всякой законной жены!

Да, да, она именно жена, мать, въ полномъ смыслѣ этихъ словъ.

— Женщина вполнѣ,—тихо прошептала Оля, останавливаясь въ раздумьи у окна.

Эта фраза пришла ей внезапно на память. Сколько разъ она ее слыхала отъ Маріанны, говорившей ей, что прежде всего надо стараться быть «вполнѣ женщиной». Когда Оля слышала прежде эту фразу отъ Маріанны, она не вполнѣ понимала ее. Развѣ же женщина можетъ быть не женщиной? Чтобы понять значеніе этихъ словъ, ей нужно было пережить тяжелые дни обманутой любви, негодованія на мать, критическаго отношенія ко всему окружавшему ее. Теперь вдругъ ей все стало необыкновенно ясно: мама Маня не умѣла быть настоящей женщиной; въ ней пала женщина, вотъ почему никто ее не любитъ и не уважаетъ, вотъ въ чемъ ея настоящее паденіе. Женщина, не умѣющая быть женой и матерью, не женщина. Ее никогда не

Digitized by Google

будутъ уважать ни мужъ, ни дѣти, ни близкіе, смотря на нее сверху внизъ, забавляясь съ нею, если она интересна, но и только. Олѣ вспомнилось, какъ Маріанна, десятки разъ укрощая ея вспышки,—говорила ей:

— Работай надъ собою, надъ своимъ характеромъ. Подумай, каково будетъ тому, кто полюбитъ тебя и кого ты полюбишь, если ты каждую минуту будешь дѣлать ему сцены. А дѣти — чему они научатся, если ихъ мать будетъ умѣть только капризничать. Для семейной, для домашней жизни мало быть умной, развитой, талантливой; прежде всего нужно быть хорошей женщиной, вполнѣ женщиной...

И она прибавляла:

— А кто не завоюетъ любви и уваженія въ своей семьѣ, тому нечего и думать о любви и уваженіи въ обществѣ.

Цѣлые часы проводили онѣ въ этихъ разговорахъ, и теперь Оля поняла вполнѣ значеніе этихъ бесѣдъ.

Въ самой себѣ она чувствовала пробужденіе именно «женщины», чувствовала потребность любить кого-нибудь по-матерински, няньчиться съ кѣмъ-нибудь, быть чьей-нибудь опорой. Это чувство пробудилось не вдругъ, оно сказывалось уже смутно, въ мелочахъ и прежде. Полюбивъ Шахова, она старалась угодить ему, говорить о томъ, о чемъ онъ любитъ говорить, читать тѣ книги, которыя нравились ему, передѣлать себя такъ, какъ хотѣлось ему. Потомъ, когда она сблизилась съ отцомъ, — ее стало заботить все, касавшееся отца: его работы, его здоровье, его огорченія. Всегда ей хотѣлось знать, почему онъ смотритъ невеселымъ, почему онъ смотритъ усталымъ. Той же тревожною и заботливою любовью она любила и Маріанну, и ея лицо сіяло счастіемъ, когда эти люди откликались на ея любовь. Теперь то же чувство пробудилось въ ней и по отношенію къ брату. Онъ не выходилъ теперь у нея изъ головы.

Она перешла передъ обѣдомъ въ столовую и встала у окна, чтобы увидѣть, когда онъ пройдетъ по двору. Въ ея сердцѣ была тревога, въ головѣ проносились опасенія, выдержитъ ли онъ сегодня экзаменъ, не сорвется ли. Ее такъ заботило это, точно ея личное счастье зависѣло отъ этого. Въ такомъ положеніи засталъ ее отецъ. Онъ тревожно взглянулъ на нее, не зная причины ея задумчивости, походилъ по комнатѣ, наконецъ, подошелъ къ ней:

— Что ты, Оля, такъ задумалась?—тихо спросилъ онъ ее.

Она вздрогнула, услышавъ его голосъ.

— Сеня что-то запоздалъ,—отвѣтила она.

Digitized by Google

— Экзаменъ вѣрно затянулся...

— Не сорвался ли,—проговорила она.

— Ну, что-жъ за бѣда!—мягко сказалъ Серпуховъ.—Годъ лишній просидитъ, это не важность...

— Ахъ, что ты говоришь!—отрывисто проговорила она.—На себя онъ не похожъ сталъ...

— Утомляетъ себя черезчуръ. Все у него крайности.

— Не то, не то, папа!—раздражительно перебила она.—Мысли у него мрачныя... Вотъ что пугаетъ меня... Онъ, кажется, на все способенъ, если не выдержитъ экзамена.

Отецъ изумился, не совсѣмъ понявъ ее.

— То-есть, на что это?—спросилъ онъ.

— Съ собой покончитъ!—отвѣтила она.

— Что-о?—переспросилъ отецъ съ испугомъ.

— Тссъ! — махая рукой, прошептала она, заслышавъ звонокъ.

Въ комнату вошелъ Сеня. Она бросилась къ нему.

— Ну что, что?

— Ничего, свалилъ одну гору съ плечъ,—отвѣтилъ онъ:—скорѣй бы конецъ!..

Всѣ сѣли за столъ. Серпуховъ тревожно вглядывался въ лицо сына. Худое, пожелтѣвшее, осунувшееся, оно было не весело. Юрій Дмитріевичъ осторожно и вскользь, какъ бы конфузясь, замѣтилъ сыну:

— Очень ужъ ты утомляешь себя...

— Что-жъ дѣлать, если способностей нѣтъ, — отрывисто отвѣтилъ сынъ, и въ его тонѣ послышалось раздраженіе.

Юрій Дмитріевичъ былъ озадаченъ этимъ отвѣтомъ, зная хорошо безграничную самонадѣянность сына, и проговорилъ въ замѣшательствѣ:

— То-есть, какъ же нѣтъ? Ты же всегда...

— На всякія гадости только былъ способенъ, — совсѣмъ грубо отвѣтилъ Сеня.

— Ну, братъ, у тебя нервы,—началъ Серпуховъ и смолкъ, не кончивъ фразы.

Оля сильно толкнула его подъ столомъ ногою и, торопливо предупреждая стычку, заговорила съ улыбкой, обращаясь къ брату:

— А я-то, Сеня, сегодня чуть не до полудня проспала и на курсы даже не пошла. Совсѣмъ разлѣнилась.

Сеня что-то пробормоталъ, опять нахмурясь и глядя въ тарелку. Оля начала говорить быстро, о чемъ попало, заботясь не столько о смыслѣ своихъ словъ, сколько о томъ,

Digitized by Google

чтобы отецъ не вызвалъ опять брата на рѣзкость. Когда обѣдъ кончился, она прошла въ комнату брата.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ отрывисто, не глядя на нее.

— Вотъ мило принимаешь!—засмѣялась она.

— Усталъ я,—коротко сказалъ онъ.

— Ну, такъ ложись. Я посижу у тебя.

Онъ пожалъ плечами, не говоря ничего; разстегнулъ мундиръ и прилегъ. Она сѣла около него на постель и взяла его руку.

— Разсказывай, какъ сошелъ экзаменъ?

Онъ началъ разсказывать неохотно, отрывисто. Ласка, чья бы то ни было, была для него непривычнымъ дѣломъ; она почти стѣсняла его: ему было неловко отъ нея. Но нервы были настолько расшатаны, упадокъ духа былъ такъ силенъ, что онъ не протестовалъ противъ присутствія сестры въ его комнатѣ, не пробовалъ подшутить надъ ней: «съ чего ты разминдальничалась»; онъ полудремотно слушалъ ее, когда она стала увѣрять его, что и другіе экзамены сойдутъ хорошо, что все это пустяки, если бы даже они и дурно сошли... Онъ задремалъ подъ ея рѣчи. Ея тонкая, худая рука покоилась въ его рукѣ. Задумчиво гладя эту руку, Оля всматривалась въ лицо брата, и ея сердце сжималось отъ тоски. Это лицо было прекрасно, оно приняло во время сна спокойное, привлекательное выраженіе. Никто не сказалъ бы, что это физіономія испорченнаго въ конецъ или дурного человѣка. Но сразу можно было сказать, что это измученный человѣкъ. Истощеніе, худоба, малокровіе сказывались въ каждой чертѣ. Смотря на эти черты, проникнутыя чувствомъ глубокаго сожалѣнія къ брату, охваченная невеселыми думами, Оля не замѣчала, какъ летѣло время. Прошло около получаса, Сеня полуоткрылъ глаза и тихо проговорилъ полусоннымъ голосомъ:

— Ты еще здѣсь?

Онъ безсознательно сжалъ ея руку и прошепталъ:

— Ступай. Мнѣ ничего теперь...

Потомъ повернулъ на бокъ голову и снова заснулъ, тяжело вздохнувъ. Оля тихо поднялась съ мѣста и, наклонившись къ нему, поцѣловала его въ голову. Ей стало какъ-то особенно легко. Въ душѣ была смутная свѣтлая надежда, что она замѣнитъ мать «бѣдному мальчику».

IV.

Въ этотъ же вечеръ Юрій Дмитріевичъ улучилъ свобод

Digitized by Google

пую минуту и зазвалъ дочь къ себѣ въ кабинетъ. Онъ задалъ ей вопросъ о томъ, что она передъ обѣдомъ хотѣла сказать о братѣ. Оля передала все, что знала: учится онъ черезъ мѣру, чтобы только не сорваться; говоритъ онъ, что руки на себя наложитъ, если сорвется; онъ это способенъ сдѣлать, такъ какъ нервы у него расшатаны до послѣдней степени. Иногда ей жутко становится, когда она слышитъ, какъ онъ цѣлый вечеръ читаетъ вслухъ или ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Всю зиму онъ черезъ мѣру работалъ. Все доказать хотѣлъ, что у него есть силы и способности. Это совсѣмъ надорвало его. Хватитъ ли силъ довести до конца дѣло — это вопросъ. Онъ вѣдь самъ на себя не похожъ теперь. Юрій Дмитріевичъ слушалъ ее, шагая изъ угла въ уголъ. Въ душѣ поднимались упреки совѣсти: изъ жены онъ не умѣлъ сдѣлать любящей матери; самъ онъ не умѣлъ быть нѣжнымъ отцомъ, хотя и работалъ для дѣтей черезъ силу и баловалъ ихъ безъ разбору. Росли они, не зная грѣющей ласки; не пріучилъ онъ ихъ дѣлиться съ нимъ горемъ и радостью. Что въ томъ, что они ходили чистенькими и исполняли всѣ свои прихоти; не въ этомъ дѣло, не въ этомъ счастье. Сиротами они были и остались, имѣя отца и мать. Лучше бы имъ черствый хлѣбъ было ѣсть, да быть согрѣтыми въ нѣжныхъ родительскихъ объятіяхъ. Поздно додумался онъ до этого, додумался не самъ, а вотъ потому, что дочь, наученная горькимъ личнымъ опытомъ, открыла ему глаза, потому что сынъ очевидно измучился и гибнетъ. Но что же дѣлать? что дѣлать? Идти къ сыну и сказать: перестань мучить себя, брось ученье и прежде всего отдохни! Нѣтъ, такъ нельзя; теперь нельзя. Надо исподволь дѣйствовать. Вотъ Оля будетъ слѣдить покуда за братомъ. Авось, ему удастся выдержать экзамены. Всего ихъ четыре осталось. Потомъ онъ, отецъ, объяснится съ сыномъ, подниметъ духъ мальчугана, укажетъ ему лучшій путь. По лицу Юрія Дмитріевича скользнула жалкая, горькая улыбка: раньше-то онъ чего думалъ указывать на этотъ лучшій путь? Ничего святого не пробудилъ въ душѣ сына и убилъ въ ней даже возможность святыхъ упованій! Оплевывалъ передъ нимъ свое прошлое за то, что по щучьему велѣнью міръ не перевернулся. Въ головѣ Серпухова былъ какой-то хаосъ. Ему казалось, что вокругъ него все рушится, гибнутъ всѣ близкіе, а онъ не можетъ имъ помочь, не можетъ спасти ихъ. Онъ какъ-то безпомощно проговорилъ дочери:

Digitized by Google

— Олюша, ты ужъ наблюдай за нимъ... какъ мать за сыномъ...

Онъ вздохнулъ.

— Самой тяжело тебѣ, а тутъ еще...

Она взглянула на него ясными глазами:

— Я, папа, вполнѣ спокойна теперь за себя...

Она вышла изъ комнаты отца и прошла къ себѣ въ комнату.

Вечеромъ, послѣ чая, Сеня опять зашелъ къ ней и спросилъ ее, занята ли она. Оля отвѣтила, что нѣтъ.

— Ну, такъ я буду у тебя заниматься. Можно?

— Разумѣется!—отвѣтила она.

Она не спрашивала, что ему пришло въ голову заниматься у нея въ комнатѣ; онъ не счелъ нужнымъ разсказывать ей, что на него напало въ этотъ вечеръ что-то странное, не то безотчетный страхъ, не то безпредметная тоска. Ему то слышался шорохъ въ его комнатѣ, то мысль вдругъ останавливалась на одной фразѣ: «пулю въ лобъ, и конецъ всякимъ тревогамъ». По спинѣ пробѣгалъ холодокъ, и весь онъ вздрагивалъ, оборачиваясь назадъ, точно надѣясь увидѣть какой-то призракъ, стоявшій за спиной. Онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается. Въ комнатѣ Оли эти ощущенія прошли, и къ концу вечера онъ уже зубрилъ вполнѣ спокойно. Когда онъ кончилъ и всталъ, потягиваясь и зѣвая, чтобы идти спать, онъ мелькомъ замѣтилъ сестрѣ:

— Утомилъ я тебя. Ужъ поздно!

— Ну, вотъ еще! Я рада, когда ты у меня, — отвѣтила Оля.—Вѣдь кромѣ тебя у меня никого нѣтъ...

Она приблизилась къ нему и поцѣловала его. Онъ точно сконфузился. Но тотчасъ же принялъ раздражительно шутливый тонъ, увидавъ на ея глазахъ слезы.

— Ого! и тебя заразилъ своими нервами!—проговорилъ онъ, стараясь быть грубоватымъ. — Сейчасъ готова разрюмиться.

— Не смѣйся надъ тѣмъ, что ты мнѣ дорогъ,—сказала она тихо.

Онъ опять немного сконфузился и пробормоталъ:

— Что-жъ, я такъ... Я очень тебѣ благодаренъ... Тоже несладко вѣкъ прожить, какъ дворовому псу...

И, круто отвернувшись, вышелъ вонъ.

На другой день онъ уже безъ ея позволенія снова занимался въ ея комнатѣ...

Въ день слѣдующаго экзамена Оля застала въ столовой

Digitized by Google

отца стоящимъ у окна. Онъ, очевидно, съ тревогой ожидалъ сына, поглядывая на дворъ. Когда Сеня вернулся, Юрій Дмитріевичъ и Оля вздохнули свободнѣе, увидавъ, что онъ довольно веселъ. Юрій Дмитріевичъ довольно неумѣло и наивно сталъ шутить насчетъ того, что не бѣда, если бы и всѣ экзамены не удались. Онъ вотъ самъ въ молодости въ двухъ классахъ по два года сидѣлъ, а Сеня ни въ одномъ не засиживался. Перещеголялъ отца. Эта напускная развязность отца была слишкомъ непривычна для Сени, и онъ хмурился, слушая Юрія Дмитріевича. Ему нужно было сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не нагрубить отцу, чтобы не сказать ему: «чего ты со мной паясничаешь?»

Тотчасъ же послѣ обѣда онъ грубо замѣтилъ Олѣ:

— Чего отецъ подлѣзаетъ ко мнѣ сегодня?

— Сеня, какъ тебѣ не грѣхъ! — упрекнула она. — Онъ вѣдь любитъ тебя...

— Ахъ, не говори ты чепухи! — крикнулъ онъ чуть не съ бѣшенствомъ. — Любитъ! любитъ! Когда это я видѣлъ его любовь? Я не говорю, что онъ былъ тираномъ. Попробовалъ бы ломаться, я бы давно сбѣжалъ. Но ужъ любовь-то... водку онъ больше, чѣмъ насъ, любитъ.

Она грустно вздохнула.

— Что-жъ спорить и браниться, — коротко замѣтила она. — Не умѣлъ онъ проявлять любовь, вотъ и все. Ты такой же... Ты вѣдь вотъ смѣешься, когда и я рѣшаюсь быть ласковой съ тобой...

Онъ повернулся къ ней спиною и вышелъ, сильно хлопнувъ дверью.

У нея защемило сердце. Теперь онъ разсердился и не придетъ къ ней вечеромъ. Надо будетъ самой къ нему идти, если онъ не придетъ... Однако, она ошиблась. Вечеромъ Сеня, сердито стуча ногами и хлопая дверьми, появился въ ея комнатѣ. Его лицо было угрюмо. Онъ отрывисто спросилъ сестру:

— Не мѣшаю?

— Нѣтъ же! чего ты спрашиваешь, голубчикъ!

— Ну, ну, безъ нѣжностей!—прикрикнулъ онъ нетерпѣливо.—Въ самомъ дѣлѣ, точно передъ смертью хотятъ ублажить меня...

Онъ отодвинулъ съ шумомъ стулъ, сѣлъ къ столу и началъ заниматься. Оля притихла и не шевелилась. Ее поразило что-то необычайное въ тонѣ брата. Онъ, зажавъ руками голову, бормоталъ въ полголоса, читая учебникъ, повторяя

Digitized by Google

все одно и то же мѣсто какъ-то безсмысленно, точно помѣшанный. Наконецъ, онъ быстро вскочилъ, швырнулъ книгу въ сторону, и, запустивъ руку въ волосы, крикнулъ:

— Не могу я, не могу! Чортъ знаетъ, что со мной дѣлается нынче!

Оля подбѣжала къ нему; онъ безпомощно опустилъ голову ей на плечо и расплакался, какъ ребенокъ.

— Что съ тобой! что съ тобой!—шептала она въ страхѣ.

— Не знаю, не знаю! Съ ума я схожу! Хочется размозжить себѣ голову! Задушить кого-то! Бѣжать куда-то отъ себя, отъ людей... Почему я знаю!..

Онъ опустился на ея постель, оперся локтями въ колѣни, опустилъ голову на руки и какъ бы застылъ въ этомъ положеніи. Оля не знала, что ей дѣлать. Она присѣла около брата, начала что-то говорить, какія-то слова утѣшенія и ласки. Наконецъ, онъ очнулся, встряхнулъ головой и, махнувъ рукою, проговорилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь!.. Это пройдетъ!.. Надо провѣтриться... Я пройдусь...

Онъ быстро вышелъ, переодѣлся, ушелъ изъ дому.

Било десять, пробило одиннадцать, ударила полночь— Сеня все не возвращался. Было уже два часа, когда Оля, перепуганная, поблѣднѣвшая, услышала его шаги въ коридорѣ. Она не узнала его походки. Шаги было невѣрные. Дойдя до своей комнаты, Сеня долго шарилъ у двери, очевидно, отыскивая ручку дверей. Наконецъ, онъ отперъ дверь, вошелъ въ свою комнату, и тотчасъ же Оля услыхала его паденіе на постель. Она вся похолодѣла. Неужели онъ напился? Или дурно съ нимъ? Не пойти ли къ нему? Послышалось храпѣніе, прерываемое икотою. Да, пьянъ, пьянъ! Ее била лихорадка...

На слѣдующій день онъ не показывался никому изъ домашнихъ, вечеромъ не пришелъ заниматься въ комнату сестры. Она даже не слыхала, чтобъ онъ занимался у себя въ комнатѣ...

Сеня, дѣйствительно, не занимался. Онъ не зажегъ даже лампы, а легъ на постель и закутался съ головой въ одѣяло. Его охватилъ внезапно необъяснимый приливъ малодушія. Съ утра онъ ушелъ изъ дому и машинально прошелъ на Петербургскую сторону, свернувъ съ Троицкаго моста направо. Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился въ маленькомъ домикѣ Петра. Только передъ самымъ входомъ въ этотъ домъ въ его головѣ мелькнула мысль: «Не поможетъ!»

Digitized by Google

Однако, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, вошелъ въ часовню: здѣсь, въ полной тишинѣ, озаренные свѣтомъ горящихъ восковыхъ свѣчей, безмолвно молились люди, тихо вздыхая, плача, шепча молитвы. Сеня всталъ въ уголокъ, опустился на колѣни, бормоча что-то и торопливо крестясь. Въ головѣ же, точно какой-то злой духъ повторялъ одно слово: «не поможетъ, не поможетъ». Сенѣ начинало дѣлаться страшно; онъ смотрѣлъ какими-то растерянными, широко открытыми глазами на темный ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Глаза Христа, рѣзко выдѣляющіеся на образѣ, казалось, глядѣли на него съ укоромъ, точно спрашивали, зачѣмъ онъ пришелъ сюда. Сеня вдругъ разомъ поднялся съ полу и пошелъ... Вдругъ ему стало ясно, что онъ не выдержитъ экзамена, что изъ него ничего не выйдетъ, что жизнь кончена. Считали всегда пустымъ малымъ, ни на что негоднымъ, кромѣ распутства, таковъ онъ и есть. На носу экзамены, а онъ напился пьянъ. Были бы деньги— и опять напился бы. Да, да, напился бы! Все равно погибать-то! Вонъ и о Богѣ вспомнилъ когда; обмануть его вздумалъ! Въ головѣ былъ хаосъ: вспоминались грязныя сцены развратца, являлась потребность завихриться въ омутѣ разгула, тутъ же приходила въ голову мысль, что не стоитъ; откуда-то выплывали сожалѣнія, что онъ раньше не сблизился съ сестрой; отца вдругъ стало жаль почему-то; явилось сознаніе, что всѣ люди не виноваты, всѣ впотьмахъ бродятъ—и, покрывая всѣ другія думы и грёзы, повторялась безсознательно фраза: «смерть—вѣчная тьма!» То чувствовалъ онъ жажду жить какимъ-то перерожденнымъ, другимъ человѣкомъ, хотя представленія объ этомъ другомъ человѣкѣ не было никакого; то сознавалась невозможность перерожденія, вѣдь не могъ же отецъ до сѣдыхъ волосъ переродиться, какимъ-то недодѣланнымъ и исковерканнымъ всю жизнь прожилъ; поклонялся чему-то, чтобы потомъ плевать въ это что-то; судилъ и рядилъ, что всѣ живутъ не такъ, какъ надо, а самъ менѣе всѣхъ другихъ умѣетъ жить такъ, какъ надо; и томило одно желаніе: скорѣй, скорѣй покончить все. Онъ закрывалъ глаза, закутывалъ голову, точно въ этомъ положеніи можно было спастись отъ думъ. Одного только не приходило ему голову, что нужно позвать доктора...

Утромъ онъ пошелъ въ гимназію похожимъ на мертвеца. Инспекторъ, встрѣтивъ его въ коридорѣ, спросилъ, не боленъ ли онъ? Онъ отвѣтилъ: «нѣтъ», и подумалъ: «а вѣдь

Digitized by Google

и точно я боленъ». Вдругъ ему пришло желаніе: «упасть бы въ обморокъ на экзаменѣ,—вотъ и спасся бы». «Вотъ-то хорошо бы, вотъ-то хорошо бы!»—повторялъ онъ мысленно и на минуту даже убѣдился, что съ нимъ точно сдѣлается дурно. Однако, въ обморокъ онъ не упалъ...

Оля и Юрій Дмитріевичъ ходили, какъ на раскаленныхъ угольяхъ, поджидая Сеню. Они даже не говорили другъ съ другомъ, такъ охватилъ ихъ какой-то непреодолимый страхъ. Сеня все не шелъ. Марья Львовна приказала, наконецъ, подать супъ, ворчливо замѣтивъ, что не до ночи же ждать сына. Оля и Юрій Дмитріевичъ, не протестуя противъ этого распоряженія, почти не сознавая, что они дѣлаютъ, машинально сѣли за столъ. Вдругъ раздался звонокъ. Колокольчикъ какъ-то жалобно звякнулъ нѣсколько разъ. Отецъ и дочь вздрогнули.

— Господи, какъ трезвонитъ! — проговорила Марья Львовна.

Послышались шаги. Сеня, блѣдный и осунувшійся, прошелъ черезъ столовую въ свою комнату, на ходу сказавъ:

— Я не хочу обѣдать!

Его голосъ былъ глухъ и хриплъ...

Оля широкимъ взглядомъ взглянула на отца. Испугъ, мольба сказались въ этомъ взглядѣ. Юрій Дмитріевичъ, тяжело дыша, съ раскрытымъ ртомъ, быстро бросилъ салфетку на столъ, сорвался съ мѣста и поспѣшно бросился за сыномъ.

— Что съ нимъ?—спросила Марья Львовна въ недоумѣніи.

— Что? что?—воскликнула Оля, почти выкрикивая слова.

Она не успѣла договорить: въ сосѣдней комнатѣ раздался выстрѣлъ. Оля бросилась туда. Юрій Дмитріевичъ, поддерживая падающаго сына, опускаясь вмѣстѣ съ нимъ, отрывистой скороговоркой, почти радостнымъ тономъ говорилъ:

— Промѣшалъ, промѣшалъ!.. Живъ, живъ!.. Ничего, ничего... Сенюша, милый!.. Это я, папа твой... Ахъ, глупенькій, глупенькій...

И, опустившись на полъ, съ трясущейся головой, истерически плача, какъ женщина, онъ безпомощно, надрывающимъ душу голосомъ, проговорилъ столпившимся въ дверяхъ домашнимъ людямъ:

— Доктора, доктора!.. Господи! что же вы?.. Вѣдь это мой сынъ!..

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Комната покойнаго Льва Ѳеодоровича, перешедшая по наслѣдству въ обладаніе Сени, была довольно просторна. Въ ней все осталось въ прежнемъ видѣ: орѣховаго дерева мебель, обитая синей шерстяной матеріей, письменный столъ у одной стѣны, кровать у другой, тотчасъ у двери, окно съ не пропускающей свѣта синей съ узорами шторой, вывезенной когда-то старикомъ изъ Выборга. Эта штора была теперь спущена. Комната едва озарялась лампой, покрытой синимъ стекляннымъ колпакомъ, изъ-подъ котораго свѣтъ падалъ только на письменный столъ, на разложенныя на немъ бумаги, бросавшіяся въ глаза яркими бѣлыми пятнами среди полутьмы. Надъ этими бумагами склонился Юрій Дмитріевичъ, занятый дѣлами. Его крупная фигура совершенно заслоняла свѣтъ отъ человѣка, лежавшаго у противоположной стѣны на постели. Этотъ человѣкъ былъ Сеня. Несмотря на поздній часъ вечера, онъ не спалъ и пристально смотрѣлъ на массивную фигуру отца, слѣдя за движеніемъ его руки, перебиравшей осторожно костяшки на счетахъ, записывавшей на бумагахъ цифры, водившей карандашомъ по цѣлымъ столбцамъ этихъ цифръ. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ Сеня ежедневно видитъ по вечерамъ у себя въ комнатѣ эту фигуру; онъ засыпаетъ гораздо ранѣе, чѣмъ отецъ кончаетъ свои занятія. Окончивъ занятія, отецъ неизмѣнно каждый день осторожно подходитъ къ нему, посмотритъ на него, тихо вздохнетъ и безъ шуму, раздѣвшись только на половину, ложится спать на диванъ. Уже много дней онъ и занимается, и спитъ въ этой комнатѣ, всегда готовый придти на зовъ сына... Ни одна сидѣлка не могла бы сравниться въ заботливости, въ нѣжности, въ осторожности съ этимъ неуклюжимъ человѣкомъ. Въ уходѣ за больнымъ сыномъ онъ выказалъ и ловкость, и терпѣніе, и выносливость, точно онъ съ дѣтства привыкъ ходить за страждущими. Сначала, во время остраго періода болѣзни, Сеню раздражало это постоянное присутствіе отца при немъ, точно присутствіе этого человѣка усиливало его боли, и Сеня капризничалъ, дѣлалъ досадливые жесты, болѣзненно кривилъ губы; потомъ, изнуренный болѣзнью, безпомощный и слабый, онъ началъ пассивно относиться ко всѣмъ заботамъ отца, даже самъ звалъ его: «поправь подушку», «подними

Digitized by Google

голову», «дай пить»; сегодня же онъ смотрѣлъ на него съ страннымъ, совершенно новымъ для него чувствомъ. Это было чувство спасеннаго, страстно желающаго жить человѣка, смотрящаго на того, кто спасъ ему жизнь... Охваченный этимъ чувствомъ, онъ всматривался въ фигуру отца...

Прежде всего Сеню поразило, что у отца слегка трясется голова. Онъ замѣчалъ это и въ другіе дни своей болѣзни, но именно сегодня это явленіе пробудило какое-то щемящее чувство въ его душѣ. Въ этотъ день впервые Максимъ Максимовичъ Богословскій, немолодой докторъ, старый пріятель его отца, сказалъ ему:

— Ну, теперь совсѣмъ молодцомъ смотришь.

И Сеня ощутилъ безконечную радость отъ этихъ словъ. Только услыхавъ ихъ, онъ понялъ вполнѣ, какъ страстно ему хотѣлось жить.

— Впередъ, братецъ, будешь осторожнѣе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ,—продолжалъ наставительно докторъ.—Хорошо, что Юрій выходилъ тебя, а другой разъ и не выходитъ...

Потомъ докторъ замѣтилъ, что полежать придется еще нѣсколько дней, а тамъ и подняться будетъ можно.

— Докторъ, нельзя ли окно отворить, душно здѣсь очень,—сказалъ Сеня.

— Минутъ на десять можно, теперь же кстати солнечный день,—отвѣтилъ докторъ.

Окно отворили: яркій полуденный свѣтъ, ворвавшійся въ комнату, шумъ со двора, струи свѣжаго теплаго воздуха, сознаніе близости полнаго выздоровленія, все это вызвало праздничное настроеніе въ юношѣ. На дворѣ звонко кричалъ разносчикъ: «редиска молодая», и слышались гортанные звуки: «халаты», «халаты». Откуда-то доносились звуки церковнаго благовѣста, чистые и радостные, какъ показалось Сенѣ, словно говорившіе веселыми, болтливыми языками о жизни, призывавшіе къ ней. Онъ готовъ былъ расплакаться отъ радости; онъ готовъ былъ смѣятся подѣтски отъ счастія. Жажда жизни наполняло все его существо.

— Очень я опасно былъ боленъ?—спросилъ онъ доктора.

— Да, нечего сказать, чуть-чуть не угодилъ въ сердце.

Сеня вспомнилъ смутно, какъ помѣшалъ ему во время выстрѣла отецъ. Не будь отца—и конецъ бы, лежалъ бы онъ теперь въ сырой темной могилѣ. Его охватилъ жуткій страхъ передъ этой могилой, точно въ ней ему пришлось бы лежать живому, чувствуя и эту сырость, и эту тьму.

— И сколько разъ говорили вамъ, молодежи, что ре-

Digitized by Google

вольверы—плохія игрушки,—продолжалъ уже ворчливо докторъ.—Такъ нѣтъ, какъ можно. Что же, молъ, я за мужчина, если у меня и револьвера нѣтъ. Ну, вотъ и поигралъ! Не умѣете обращаться съ револьверами, такъ и держать ихъ не слѣдуетъ...

— Не ворчите, докторъ; теперь ужъ дѣло прошлое,— сказалъ Сеня, съ улыбкой смотря на доктора.

— Да, прошлое,—продолжалъ докторъ.—А небось, какъ пришлось плохо, такъ только отъ тебя и слышали: «Докторъ, спасите», «докторъ, неужели я умру», «докторъ, мнѣ хуже»... Душа, видно, въ пятки ушла отъ этой игры съ револьверчикомъ...

Сеня продолжалъ улыбаться.

Его радовало теперь даже то, что докторъ распекаетъ его. Значитъ, ужъ рѣшительно никакой опасности нѣтъ, если распекаетъ. И какой онъ хорошій, этотъ Максимъ Максимовичъ! Такой же увалень, такой же неотесанный по виду, какъ отецъ, и такой же добрякъ, какъ тотъ.

— Охъ, ужъ будь я на мѣстѣ твоего отца, задалъ бы я тебѣ баню по выздоровленіи,—все еще не унимался докторъ:—до новыхъ вѣниковъ не забылъ бы...

— Ничего бы вы, докторъ, не задали,—отвѣтилъ Сеня и не безъ лукавства спросилъ:—А вы, Максимъ Максимовичъ, тоже очень, очень рады, что опасность миновала?

— Да, да, скажи, пожалуйста, я только объ этомъ и думалъ!—воскликнулъ докторъ, дѣлая гримасу.

Онъ всталъ съ мѣста и замѣтилъ:

— Ну, однако, довольно! Окно можно и закрыть. Завтра подольше оставимъ его открытымъ. А теперь довольно. Тоже разболтался, какъ отлегло...

Онъ самъ закрылъ окно и, кивнувъ головой Сенѣ, ушелъ.

Къ радостному сознанію, что онъ будетъ жить, у Сени примѣшалось впервые сознаніе, что онъ будетъ жить только благодаря приходу отца во время выстрѣла, только благодаря уходу за нимъ отца во время болѣзни. Жажда жизни теперь подавляла въ немъ всѣ другія чувства, и его наполняла глубокая благодарность къ отцу за спасеніе. Цѣлый день онъ только и думалъ, что объ отцѣ. Сколько тревогъ пережилъ изъ-за него отецъ, какъ онъ терпѣливо ходилъ за нимъ, какую глубокую любовь выказалъ къ нему. Въ тяжелыя минуты поразившаго его несчастія онъ нашелъ въ себѣ силы солгать, чтобы выгородить сына,—выдумалъ исторію о неосторожномъ обращеніи съ револьверомъ чтобы

Digitized by Google

сыну не пришлось ни краснѣть, ни объясняться по поводу этого происшествія. Онъ нетерпѣливо ждалъ прихода отца, чтобы поблагодарить его за все, за все...

Къ вечеру, однако, онъ заснулъ отъ усталости,—заснулъ въ какихъ-то сладкихъ грёзахъ и не слыхалъ, какъ вошелъ въ его комнату отецъ. Открывъ глаза, Сеня увидалъ отца уже сидящимъ за столомъ и не могъ теперь оторвать отъ него глазъ, пораженный утомленіемъ и болѣзненностью, сказывавшимися во всей одряхлѣвшей фигурѣ отца. Въ головѣ Сени проходили мысли: «Спасъ меня, а на что самъ похожъ? Съ какого времени это у него стала трястись голова? Неужели съ того проклятаго дня? Да, раньше этого не было. Дорого обошлась ему моя жизнь»... Юношу охватили глубокое раскаянье за совершенный имъ поступокъ, благодарность за спасеніе ему жизни, жалость къ отцу.

Онъ былъ теперь неузнаваемъ, онъ сталъ какъ бы новымъ человѣкомъ. Потеря крови, долгая болѣзнь, испытанный имъ страхъ передъ смертью, радостное сознаніе возможности еще жить, все это какъ бы переродило его. Физическія и нравственныя страданія, вынесенныя имъ за эти дни, совершили въ немъ переворотъ; въ немъ не было и слѣда прежней строптивости и грубости, прежняго самомнѣнія и отношенія свысока ко всему и ко всѣмъ, начиная съ отца. Въ памяти во все время болѣзни вставали не картины послѣднихъ событій его жизни, а картины далекаго дѣтства, выплывавшія откуда-то изъ мрака прошлаго и точно поражавшія его своею новизною. Вотъ онъ видитъ себя верхомъ на колѣняхъ у улыбающагося блаженной улыбкой отца, потряхивающаго его и изображающаго изъ своей ноги скачущую лошадь. Вотъ отецъ, запыхавшійся, весь въ поту отъ хлопотъ и усталости, привозитъ ему цѣлый коробъ игрушекъ и устраиваетъ ему и его сестрѣ елку, вмѣстѣ съ нимъ и съ Олей сидя на полу и тѣшась ихъ радостью. Вотъ отецъ, сидя за позднимъ обѣдомъ послѣ службы, въ отвѣтъ на капризныя замѣчанія сына о необходимости сшить новое пальто, новый мундирчикъ, такъ какъ у нихъ въ гимназіи очень сильно обращаютъ вниманіе на одежду, какъ-то растерянно ублажаетъ его: «погоди, погоди, все будетъ», и на другой же день исполняетъ его прихоть, навязывая себѣ новый долгъ у портного... Внутренній же голосъ подсказываетъ: «и ради всего этого онъ гнулъ горбъ, какъ гнетъ его и теперь». «Во что обошлась ему и эта моя болѣзнь?»—спрашиваетъ себя Сеня. Онъ вспоминаетъ,

Digitized by Google

что у его постели перебывало трое докторовъ, что одинъ изъ этихъ докторовъ спеціалистъ и знаменитость. Сколько, должно-быть, было имъ переплачено? Сколько нужно работать, во сколькомъ нужно отказать себѣ, чтобы покрыть всѣ эти затраты! И все это ради него? Ради того, что онъ изволилъ съ чего-то попробовать пустить въ себя пулю. Съ чего это онъ рѣшился покончить съ жизнью? Онъ старался припомнить, какія обстоятельства и какой душевный процессъ довели его до этого проступка. Память начала воскрешать мелочныя событія недавно минувшихъ дней и пережитыя имъ ощущенія. Но, припоминая свои ощущенія, онъ не переживалъ ихъ снова; они не затрагивали въ немъ никакихъ чувствительныхъ струнъ, онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на что-то чужое ему; они казались ему почти какимъ-то бредомъ, умопомѣшательствомъ, нелѣпымъ сномъ. Онъ вспоминалъ ихъ и не ощущалъ отъ нихъ волненія: прежняго напряженія, прежней лихорадочной взволнованности, прежнихъ больныхъ нервъ уже не было; была только та сладкая спокойная слабость, которую ощущаютъ молодые больные, переживая послѣ опасной болѣзни періодъ выздоровленія. Все прошлое — гнѣвъ, капризы, неудачи, проступки,—казалось такимъ ничтожнымъ и пустымъ въ сравненіи съ радостнымъ сознаніемъ: «я еще буду жить!»...

II.

Юрій Дмитріевичъ окончилъ свою работу, сложилъ бумаги, облокотился на столъ руками, сжавъ ладонями лобъ. Онъ просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ, наконецъ глубоко вздохнулъ и осторожно поднялся съ мѣста. Онъ тихо подошелъ къ постели сына взглянуть, по привычкѣ, спитъ ли тотъ. Сеня проговорилъ:

— Я не сплю!

Юрій Дмитріевичъ немного встревожился.

— Я разбудилъ? или хуже опять?

— Нѣтъ, нѣтъ,— поторопился отвѣтить Сеня.—Я себя чувствую отлично.

Онъ высвободилъ руку изъ-подъ одѣяла и, взявъ руку отца, безмолвно поднесъ ее къ своимъ губамъ. Юрій Дмитріевичъ сразу чутко угадалъ, что его мальчикъ переживаетъ минуты душевнаго волненія—и обрадовался, и растерялся, вспомнивъ, что докторъ предписывалъ ему еще вчера спокойствіе.

Digitized by Google

— Сенюшка, Сенюшка, лежи смирно! — заговорилъ онъ торопливо.—Ахъ, какой ты, право!.. Такъ же нельзя!..

Сеня смотрѣлъ на него, не выпуская его руки, и это лицо съ растерянным выраженіемъ, съ слезинками на глазахъ, съ безграничной любовью во взглядѣ стало ему безмѣрно дорого и мило. Никогда еще никто не любилъ такъ Юрія Дмитріевича, какъ любилъ его въ эту минуту сынъ. Юноша испытывалъ теперь совсѣмъ особое ощущеніе: отецъ сталъ ему дорогъ со всѣми своими ошибками, со всей своей неумѣлостью быть отцомъ, со всѣми своими несчастіями въ родѣ разочарованія въ своихъ идеалахъ, исторіи съ женой, причиненныхъ дѣтьми непріятностей. Онъ видѣлъ передъ собою не какое-нибудь исключительное недосягаемое существо, къ которому можно относиться только съ благоговѣніемъ, почти со страхомъ, смотря снизу вверхъ. Нѣтъ, ему казалось, что онъ вдругъ попялъ все въ отцѣ, и что все это ему близкое, родное, человѣческое, что все это хотя отчасти такъ или иначе присуще каждому мужчинѣ. Все, что пережилъ отецъ, можетъ-быть, придется пережить и ему...

— Сядь,—сказалъ Сеня, продолжая любовно смотрѣть на отца:—сюда, на постель...

Онъ слегка подвинулся къ стѣнѣ. Юрій Дмитріевичъ присѣлъ на постель и, полный одной мыслью о необходимости для своего мальчика полнаго спокойствія, хотѣлъ опять предупредить сына, чтобы тотъ не волновался. Сеня угадалъ его мысль и сказалъ:

— Да ты не бойся! Максимъ Максимовичъ сказалъ сегодня, что я совсѣмъ здоровъ... Право!.. Много я тебѣ горя и хлопотъ надѣлалъ...

— Ну, вотъ! ну, вотъ!—испуганно заволновался Юрій Дмитріевичъ, замахавъ рукою.—Такъ я и зналъ, что глупости станешь говорить... Максимъ Максимовичъ говоритъ, что волноваться...

Сеня разсмѣялся.

— Да ты оставь ужъ доктора-то въ сторонѣ,—весело проговорилъ онъ.—Не бойся. Я не волнуюсь. Очень ужъ я счастливъ сегодня. Все благодаря тебѣ... Я такъ, такъ тебя люблю теперь, что мнѣ даже точно и не стыдно передъ тобою, что я надѣлалъ тебѣ столько горя.

Онъ не могъ вполнѣ ясно высказать своихъ чувствъ, своихъ мыслей, но онъ сознавалъ, что отецъ понимаетъ, его угадываетъ недосказанное.

Digitized by Google

— Я даже не прошу прощенья у тебя. Вѣдь ты не сердишься?.. Да?..

Юрій Дмитріевичъ опять торопливо замахалъ рукой, перебивая его:

— Полно, полно!..

Сеня слегка кивнулъ головой и продолжалъ:

— Но повѣрь мнѣ, отецъ, что никогда въ будущемъ ты не пожалуешься на меня... никогда...

Юрій Дмитріевичъ уже не перебивалъ его. Онъ, не отирая текущихъ по щекамъ слезъ, только пожималъ его руку, весь охваченный страннымъ чувствомъ совершенно непривычнаго для него полнаго счастія. Они начали говорить, оба взволнованные, оба растроганные. Такія минуты чувствительности, когда говорятся другъ другу ласкательныя уменьшительныя имена, когда рѣчь походитъ на дѣтскій лепетъ, когда холодный разсудокъ уступаетъ мѣсто одному чувству, переживаются почти каждымъ человѣкомъ. Иногда «трезвые» люди стыдятся этихъ минутъ, какъ проявленія слабости, потомъ краснѣютъ за высказанныя «глупости» и «сентиментальности», — но это бываетъ только потомъ. Все, что говорилъ Серпухову сынъ, испыталъ за эти дни и онъ самъ. До катастрофы у него были какія-то тяжелыя угрызенія совѣсти передъ сыномъ; ему все хотѣлось выяснить сыну, что онъ, Юрій Дмитріевичъ, виноватъ передъ нимъ и вообще передъ семьей въ томъ, что не умѣлъ быть отцомъ, но что въ этомъ виноваты и всѣ люди. Что же касается любви, то онъ всегда любилъ свою семью... Цѣлыя рѣчи придумывалъ онъ для выясненія сыну всего. Ни одинъ адвокатъ не могъ бы такъ проанализировать всѣ обстоятельства, доведшія преступника до скамьи подсудимыхъ, какъ анализировалъ и взвѣшивалъ ихъ Юрій Дмитріевичъ, желая оправдать себя. Логическое развитіе мыслей въ этихъ подготовляемыхъ въ головѣ рѣчахъ было изумительное, а форма ихъ была чисто книжная, точно имъ суждено было попасть въ печать. Это была чисто головная работа, повторявшаяся въ мозгу Серпухова все послѣднее время передъ катастрофой и иногда доводившая Серпухова до того, что онъ начиналъ говорить на улицѣ вслухъ, разводилъ руками и останавливался на дорогѣ, обращая на себя вниманіе проходящихъ. Словивъ себя на этомъ, онъ смолкалъ и съ сконфуженнымъ выраженіемъ лица прибавлялъ шагу, куда-то спѣша и стараясь ни на кого не глядѣть. Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ придуманныхъ рѣчей не выходило ничего. То онѣ казались неясны

Digitized by Google

ему самому, то онъ убѣждалъ себя, что надо отложить объясненіе до окончанія экзаменовъ у сына, то онъ въ глубокомъ раздумьи останавливался надъ вопросомъ: «да такъ ли я это обдумалъ? нельзя ли какъ-нибудь иначе поправить наши отношенія и спасти мальчугана?» Онъ бродилъ, какъ потерянный, сомнительно покачивая головой, бормоча что-то, жалкій, смѣшной, симпатичный въ своемъ безплодномъ стремленіи выступить въ ролѣ безупречнаго отца... Послѣ катастрофы всякое копанье въ своей собственной душѣ и въ своемъ прошломъ, всякое желанье объясниться съ сыномъ и высказать послѣднему причины всего происходящаго въ ихъ семьѣ, все отошло на послѣдній планъ. Явилась одна дѣятельная любовь отца, подталкивавшая сдѣлать все, сотворить чудо, чтобы только спасти сына. Онъ не разсуждалъ, что скажетъ сынъ по выздоровленіи, какъ отблагодаритъ его, не станетъ ли за что-нибудь упрекать его. Самъ онъ, въ свою очередь, въ это время ни разу не упрекнулъ мысленно сына, не подумалъ даже того, что онъ прощаетъ сыну его проступокъ. Онъ просто чувствовалъ, что онъ страстно любитъ этого мальчика, что онъ его и всегда такъ любилъ, но только не умѣлъ этого выразить, не находилъ случая выразить. Какъ отплатятъ ему за эту любовь—это ему было все равно или, вѣрнѣе сказать, онъ безъ всякой видимой причины вдругъ сталъ вѣрить, что и сынъ его любитъ и любилъ такъ же беззавѣтно и только не умѣлъ, въ свою очередь, этого выразить. Онъ пріободрялся отъ этого убѣжденія и ждалъ весело выздоровленія сына, вѣря, что послѣ этого выздоровленія уже не будетъ прежнихъ недоразумѣній. Это была именно отцовская любовь,—не чувство дружбы, не чувство братства, а любовь отца, беззавѣтная, самоотверженная, безкорыстная.

Выслушавъ Сеню, Юрій Дмитріевичъ, совсѣмъ повеселѣвшій, все еще пожимая руку сына, заговорилъ:

— Да, братъ, оба мы накуралесили не мало. Вотъ какъ чуть не достукались до смерти, такъ за умъ и взялись. Ну, да теперь ничего, все прошло, впередъ будемъ умнѣе. Урокъ хорошій былъ данъ...

Онъ началъ шутливо и весело вспоминать всѣ мелочи взаимныхъ недоразумѣній. Все это заставило ихъ пережить много горькихъ минутъ, все это теперь казалось комичнымъ, когда явилась увѣренность, что это уже не вернется снова. Юрій Дмитріевичъ не забылъ даже и того, какъ онъ приготовлялъ оправдательныя рѣчи для себя

Digitized by Google

— Это передъ тобою-то, передъ сыномъ-то хотѣлъ адвокатствовать за себя!—закончилъ онъ, смѣясь и чувствуя, что изъ глазъ текутъ слезы.

Онъ въ эти минуты наивныхъ признаній и грустныхъ подшучиваній надъ собою былъ неотразимо симпатиченъ и трогателенъ. Только теперь Сеня вполнѣ понялъ этого человѣка, и на мгновеніе ему стало невыразимо больно, что онъ причинилъ столько горя именно этой доброй душѣ. Юрій Дмитріевичъ, между тѣмъ, окончивъ разсказъ, вздохнулъ и задумался, положивъ на колѣни руку сына и машинально гладя ее. Только заговоривъ о прошломъ, онъ вполнѣ понялъ это прошлое, этотъ сплошной рядъ ошибокъ, неумѣлости, проступковъ, недоразумѣній. Кто изъ отцовъ не переживалъ ихъ и кто, дѣлаясь отцомъ, можетъ сказать, что онъ застрахованъ отъ нихъ?

— Я вотъ здѣсь у твоей постели многое передумалъ, то передумалъ, чего прежде и въ голову не приходило,— въ раздумьи заговорилъ онъ.—Горе людей въ томъ, что чуть не съ пеленъ они все общими вопросами занимаются, чужую жизнь по косточкамъ разбираютъ, цѣлыя государства на словахъ иные пересоздаютъ, а изъ себя для своего обихода не умѣютъ выработать ничего—ни хорошихъ сыновей, ни хорошихъ мужей, ни хорошихъ отцовъ, а, между тѣмъ, это-то прежде всего и нужно. Это тотъ хлѣбъ насущный, которымъ только и живъ человѣкъ, безъ котораго жить нельзя, а мы прежде всего о разныхъ трюфеляхъ думаемъ...

Онъ вдругъ какъ бы опомнился, вспомнивъ, что докторъ предписывалъ его сыну спокойствіе, и быстро закончилъ:

— Ну, да когда-нибудь послѣ объ этомъ! Тебѣ пора спать.

Онъ хотѣлъ подняться. Сеня удержалъ его.

— Отецъ, посиди. Мнѣ такъ хорошо! Мы вѣдь никогда такъ не говорили съ тобой...

Юрій Дмитріевичъ опять присѣлъ на старое мѣсто. Ему самому было такъ хорошо теперь, что онъ охотно бы просидѣлъ всю ночь на этой постели, говоря безъ умолку, вознаграждая себя за долгіе дни молчанія. Въ эти дни ему нерѣдко казалось, что онъ сходитъ съ ума отъ своихъ одинокихъ думъ, казалось, что сынъ умретъ, когда онъ могъ бы начать жить новою жизнью...

— Такъ ты говоришь, что это главная причина всякаго горя?—спросилъ Сеня.

Digitized by Google

— Да, да. Я перебралъ въ умѣ вотъ, ходя за тобой, всѣ факты изъ своей жизни, изъ жизни близкихъ, изъ жизни людей вообще... Какихъ, какихъ людей не встрѣчалъ я: и ретроградовъ, и революціонеровъ, и либераловъ, и простыхъ ханжей. Всѣ судили вкривь и вкось объ общественныхъ вопросахъ и явленіяхъ, и старики и мальчишки, правда, ничего почти не дѣлая для измѣненія этихъ вопросовъ и явленій, и всѣ жили совершенно одинаково. Проповѣдуютъ то или другое, въ бараній рогъ совѣтуютъ согнуть всѣхъ или распустить всѣмъ поводья, а живутъ точно родные братья, точно уставъ у всѣхъ одинъ—клубы, карты, кутежи, пьянство, семья безъ единенія, безъ воспитанья, безъ руководства, дѣти, не любящія, не уважающія родителей, судьи отцовъ и матерей... Ну, что-жъ мудренаго, что у всѣхъ идетъ несчастная домашняя жизнь и растетъ поколѣніе, изъ котораго выйдутъ впослѣдствіи такіе же точно отцы...

Онъ усмѣхнулся.

— Прежде и я самъ жилъ такъ, и не думалъ почти объ этомъ, а вотъ теперь, какъ все это случилось, когда пришлось передъ лицомъ грозившей тебѣ смерти дать во всемъ отчетъ, припомнилъ я странныя вещи...

Сеня немного перемѣнилъ позу. Юрій Дмитріевичъ быстро оборвалъ свою рѣчь.

— Ну, ну, спать!—проговорилъ онъ.—Утомишься еще..

— Да нѣтъ же,—удержалъ его сынъ.

— Ахъ, говорю я тебѣ, утомишься ты!

Юрій Дмитріевичъ покачалъ головой, а самого такъ и подмывало говорить, говорить безъ конца.

— Ну, что ты сталъ разсказывать?—спросилъ сынъ.

— Такъ, исторія, въ родѣ анекдота,—отвѣтилъ Юрій Дмитріевичъ:—вспомнилась она мнѣ вдругъ... Знаешь, я вотъ часто по разнымъ трактирамъ съ пріятелями кутилъ—тебѣ примѣръ подавалъ,—шутливо вставилъ онъ.—Такъ вотъ у Доминика постоянными моими собесѣдниками были одинъ докторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, и одинъ отставной интендантскій чиновникъ, тоже получившій при отставкѣ генеральскій чинъ. Ихъ всѣ такъ и прозвали генералами-Аяксами, потому придетъ докторъ, сейчасъ басомъ спрашиваетъ: «генералъ здѣсь?» Въ свою очередь интендантъ придетъ и тоже первый басовитый вопросъ: «генералъ здѣсь?» Оба были въ сущности пренаивные люди, оба индѣйскими пѣтухами смотрѣли, и на дѣлѣ—простота до глупости... Какъ они сойдутся—сейчасъ споръ. Докторъ всѣхъ предла-

Digitized by Google

галъ перевѣшать и разстрѣлять—и Рошфора, и Луизу Мишель, и даже тургеневскаго Базарова, потому, видишь ли, что всѣ эти люди всякія основы подрываютъ.

Сеня улыбнулся.

— Ну, а отставной интендантскій чиновникъ былъ другого мнѣнія: онъ, напротивъ того, говорилъ, что нынѣшняя французская республика плевка не стоитъ, что ее надо упразднить, а выдвинуть на сцену не коммуну даже, а анархію, такъ какъ все спасеніе Франціи въ анархіи,—будетъ анархія, значитъ, не будетъ основъ, и человѣчество заживетъ по-новому.

— Интендантъ-то!—воскликнулъ Сеня.

— Да, его за полоумное сумасбродство сперва при какомъ-то архивѣ въ интендантствѣ держали, а потомъ и оттуда отставили, поврежденнымъ немного онъ всегда былъ. У Доминика его всѣ знали. Ну, такъ вотъ оба эти человѣка, какъ сойдутся со мною, такъ и начнется у нихъ баталія, они сцѣпятся, а я подускиваю. Привести бы въ исполненіе ихъ программу—ни одного человѣка въ живыхъ не осталось бы. Все человѣчество упразднили бы, — одинъ за крамольничество, а другой за буржуазность. Потѣха! А если бы ты взглянулъ, какъ они живутъ: оба одинаково играютъ по цѣлымъ ночамъ въ винтъ, оба пьянствуютъ по трактирамъ, оба въ долгу, какъ въ шелку, и ни тотъ, ни другой пальца о палецъ не стукнули для осуществленія своихъ идеаловъ, не говорю, въ общественной жизни, а хоть въ воспитаніи дѣтей. Куда тутъ! Они и не знаютъ, гдѣ бываютъ, что думаютъ, что дѣлаютъ ихъ дѣти. Смотришь на нихъ, видишь, что оба они родные братья, одного поля ягоды, и только дивишься, когда одинъ говоритъ: «нигилистъ—это негодяй», а другой: «консерваторъ—это мерзавецъ». Почему?—этого они не знаютъ. Болтаютъ, потому что языки привѣшаны—вотъ и все. А что они-то сами такое? Объ этомъ они, вѣроятно, ни разу не подумали даже... И таковы мы почти всѣ. Чтобы другими мы стали, нужно вотъ, чтобы...

Онъ только рукой махнулъ, не договоривъ фразы. Онъ хотѣлъ сказать: «нужно, чтобы сынъ застрѣлился», а Сеня, глядя въ раздумьѣ на него, подумалъ: «нужно, чтобы голова отъ горя да тяжелыхъ думъ начала трястись».

Была уже глухая ночь, когда Юрій Дмитріевичъ замѣтилъ, что его мальчуганъ начинаетъ дремать. Онъ осторожно поднялся съ мѣста, раздѣлся и, загасивъ лампу,

Digitized by Google

заснулъ. Послѣ многихъ полубезсонныхъ ночей онъ спалъ теперь сладкимъ сномъ, не волнуемый никакими опасеніями за будущее.

III.

Съ этого вечера, памятнаго для Серпуховыхъ, отца и сына, въ домѣ пошла совершенно новая жизнь. Праздничное настроеніе охватило и Юрія Дмитріевича, и Сеню, и Олю. Они не только чувствовали, въ своей средѣ, спасеннаго отъ смерти человѣка, но и сознавали, что это спасеніе сблизило, сплотило ихъ. Имъ хотѣлось какъ можно больше быть вмѣстѣ, точно они желали вознаградить себя за то время, когда они жили врозь. Только иногда лица Оли и Сени омрачались, когда какъ-то случайно и инстинктивно оба они взглядывали на отца и заставали его врасплохъ сгорбившимся, съ слегка трясущейся головой, съ выраженіемъ тяжелой озабоченности на лицѣ. Онъ смотрѣлъ совсѣмъ старикомъ. Но, уловивъ ихъ взглядъ, онъ пріободрялся, лицо озарялось улыбкой, и въ рѣчахъ слышалась шутливость. Онъ старался быть развязнымъ и веселымъ, инстинктивно обманывая себя и семью напускною бодростью. Въ его характерѣ теперь появилась новая черта—онъ еще попрежнему подшучивалъ иногда надъ многимъ, но это уже не была прежняя легкомысленная иронія; въ этой шутливости была мягкая грусть, какая-то всепрощающая снисходительность къ людямъ. Этой снисходительностью были теперь проникнуты всѣ его отношенія къ ближнимъ. Онъ походилъ на грѣшника, чувствующаго, что ему отпустились его великіе грѣхи, и что онъ долженъ уже ради этого прощать чужіе грѣхи или, вѣрнѣе, не судить никого. Онъ пришелъ къ сознанію, что и всѣ виноваты, и никто въ сущности не виноватъ, что великая задача жизни не въ осужденіи другихъ, а въ исправленіи себя. Эта черта, уже начинавшая давно проявляться въ немъ, совершенно ясно сказалась послѣ катастрофы съ сыномъ, и сказалась главнымъ образомъ въ отношеніи къ Марьѣ Львовнѣ...

Марья Львовна была страшно перепугана выстрѣломъ, и испугъ подавилъ въ ней всѣ другія чувства. Нельзя сказать, что ей было вовсе не жаль сына, что она безучастно ждала результатовъ перваго докторскаго изслѣдованія, что она не обрадовалась надеждѣ на выздоровленіе сына. Нѣтъ, она испытывала всѣ эти чувства. Но яснѣе всего она сознавала и помнила именно то, какъ она испугалась: холодъ,

Digitized by Google

пробѣжавшій по тѣлу, подкосившіяся ноги, дыханіе, спершееся въ груди, все это было для нея яснѣе всего остального. Объ этомъ она со слезами разсказывала десятокъ разъ и Варварѣ Павловнѣ, и Маріаннѣ, и своимъ Авдотьѣ и Глашѣ, точно именно въ этомъ и былъ для нея весь ужасъ катастрофы.

— Услыхала я выстрѣлъ,—разсказывала всѣмъ и каждому она: — бросилась въ комнату къ Сенѣ, а по тѣлу морозъ пробѣжалъ, ноги подкосились, дышать не могу, такъ и замерла у двери. Вижу, Юрій падаетъ съ Сеней на полъ. Кругомъ всѣ бѣгаютъ, суетятся, а я точно въ ледяную статую превратилась, и шевельнуться съ мѣста не могу, вздохнуть не могу... И какъ меня вывели, какъ привели въ чувство, ничего не могу вспомнить...

Это было ея постоянное отношеніе къ явленіямъ жизни: она улавливала прежде всего не ихъ самихъ, а именно то, какъ они отражались на ней, она говорила послѣ веселаго собранія не о томъ, что это было веселое собраніе, а о томъ, что ей тамъ было весело; она, разсказывая о несчастномъ случаѣ, говорила не о томъ, что это большое несчастіе, а о томъ, что оно очень грустно повліяло на нее. Вглядитесь попристальнѣе въ жизнь, и вы встрѣтите массу именно такихъ натуръ. По относясь такъ же и къ несчастію съ сыномъ, Серпухова, тѣмъ не менѣе, хлопотала, посылая къ доктору Авдотью и Глашу и торопя ихъ; она разспрашивала доктора, что надо сдѣлать, не надо ли бинтовъ и корпіи; она безъ устали ходила по залѣ, покуда доктора возились около больного; наконецъ, вечеромъ она вошла въ его комнату, гдѣ уже сидѣли Юрій Дмитріевичъ и Оля, и готова была остаться здѣсь на всю ночь. Какъ разъ при ея входѣ въ комнату Юрій Дмитріевичъ сказалъ Олѣ:

— Ступай, Олюша, я останусь при немъ. Нужно будетъ, позову.

Марья Львовна замѣтила мужу:

— Я могу посидѣть...

Онъ обернулся къ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же, Маня? Ты и Оля—вы женщины, силъ у васъ меньше. Я ужъ сумѣю дежурить. Ступайте. Господь съ вами.

Въ его голосѣ была мягкость, ласка. Онъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ холодныхъ и сухихъ отношеній, снова говорилъ одинаково ласково и съ дочерью, и съ женой. Марья Львовна, ничего не возражая, вышла съ Олей.

Digitized by Google

На слѣдующій день Юрій Дмитріевичъ зашелъ рано утромъ къ женѣ и обратился къ ней:

— Манюша, съѣзди къ доктору. Хуже, кажется, нашему Сенѣ. Ты ужъ сама съѣзди, голубушка. Оля тутъ мнѣ нужна. А прислуга безъ толку сдѣлаетъ все.

Она начала торопливо одѣваться, а онъ разъяснялъ ей, что нужно сказать доктору, прося ее дрожащимъ голосомъ ничего не забыть, разсказать все. Его убитое выраженіе лица, его опустившаяся фигура, его трясущаяся голова, его молящій голосъ глубоко поразили Марью Львовну; ее удивила перемѣна, происшедшая за ночь въ мужѣ: можно было подумать, что она не видала его десятокъ лѣтъ.

— Ты на себя не похожъ! — воскликнула она невольно, охваченная изумленіемъ.

— Ну, пустяки! — махнулъ онъ рукою. — Когда тутъ о себѣ думать!.. Такъ ты, голубушка, ужъ поторопись, все разскажи, не худо бы было консиліумъ... Умъ хорошо, а два лучше...

Онъ опять началъ просить ее исполнить все толково, аккуратно, ничего не забыть.

— Хорошо, хорошо, ничего не забуду!—отвѣтила она.

Всю дорогу она думала о томъ, съ чего онъ такъ измѣнился. Испугъ на него подѣйствовалъ? Такъ вѣдь она испугалась еще больше: онъ мужчина, а она слабая женщина. У нея вотъ вчера точно все тѣло оледенѣло, дыханіе сперлось въ груди, ноги подкосились, не помнитъ она, какъ ее вывели изъ комнаты сына... Боится онъ, можетъ-быть, за жизнь Сени? Такъ вѣдь докторъ сказалъ, что онъ выживетъ. Нельзя же не вѣрить доктору?.. Или это безсонная ночь такъ утомила его? Такъ вѣдь не разъ же въ жизни онъ проводилъ безсонныя ночи? Она даже вздохнула, вспомнивъ о безсонныхъ ночахъ: сколько ихъ провелъ мужъ гдѣ-то въ ресторанахъ, у пріятелей, Богъ вѣсть въ какихъ домахъ... При больномъ вотъ развѣ тяжело сидѣть? Но вѣдь онъ не разъ просиживалъ ночи у ея постели? Онъ всегда такъ и говорилъ въ шутку, что сидѣлкой рожденъ... Ни на одну минуту не пришла она къ вопросу: «а что передумалъ Юрій Дмитріевичъ за эту ночь?» Эта мысль не могла придти ей въ голову, потому что она сама ничего не передумала въ эту ночь: докторъ сказалъ, что Сеня не умретъ, и она спокойно заснула, вполнѣ вѣря его словамъ.

Когда она вернулась домой съ докторомъ и вышла распорядиться насчетъ обѣда въ кухню, Авдотья замѣтила ей:

Digitized by Google

— Охъ, баринъ-то нашъ плохъ! Краше въ гробъ кладутъ...

— Крови много потерялъ,—сказала Марья Львовна.

— Я не о Семенѣ Юрьевичѣ, а про Юрія Дмитріевича,— отозвалась Авдотья.—Совсѣмъ ровно мертвецъ. На ногахъ едва держится, и голосъ упалъ. Этакіе-то, какъ онъ, дубы разомъ валятся.

Марья Львовна испугалась.

— Что ты! что ты! Ночь онъ просидѣлъ у Сени, утомился...

Она вдругъ почувствовала невыразимый страхъ. Что если Сеня-то выздоровѣетъ, а Юрій Дмитріевичъ-то умретъ? Что она будетъ безъ него дѣлать? Чѣмъ тогда жить? По-міру идти придется. Да нѣтъ, это такъ, преувеличиваетъ Авдотья. У этихъ бабъ всегда привычка все разукрасить. Хотя точно и ей самой показался нехорошимъ видъ Юрія Дмитріевича...

Она прошла въ столовую съ оторопѣлымъ выраженіемъ лица, точно что-то потерявъ. Въ головѣ была она мысль: «что я стану дѣлать, если онъ свалится?» Въ столовой она столкнулась съ Олей.

— Ты видѣла... папу?—прерывисто сказала она.—Онъ совсѣмъ... на себя не похожъ.

— Да,—проговорила Оля.—Потрясло это его страшно...

— Господи, да вѣдь докторъ увѣряетъ, что Сеня будетъ живъ... А онъ... точно мертвецъ...

Марья Львовна заплакала. Оля тихо вышла: она была не въ силахъ ни утѣшать мать, ни объясняться съ нею.

Въ этотъ же день Марья Львовна попробовала посовѣтовать Юрію Дмитріевичу отдохнуть и сказала:

— Ну, я, Оля, посидимъ за тебя. Можно сидѣлку взять...

— Нѣтъ, Манюша, нѣтъ, я же не усталъ,—отвѣтилъ Серпуховъ.—Мнѣ легче, когда я около него... Вотъ довелъ до чего... Ну, а теперь выхожу... выхожу сынишку...

Онъ говорилъ, глотая слезы, какъ-то дѣтски безпомощно, и торопливо мелкими шажками ушелъ къ больному. Этотъ тонъ ежедневно, во все продолженіе остраго періода болѣзни, смущалъ Марью Львовну. Можетъ-быть, при полномъ отсутствіи чуткости она пропустила бы безъ вниманія нравственное состояніе Юрія Дмитріевича. Но другіе открыли ей глаза.

— Юрій совсѣмъ измучаетъ себя упреками совѣсти,—замѣтила ей Маріанна, навѣстившая Серпуховыхъ.—Старайся его ободрить... У него вѣдь точно idée fixe теперь убѣжденіе, что онъ всю семью погубилъ... Очень мнѣ это не понравилось въ немъ...

Digitized by Google

Марья Львовна смотрѣла на свою кузину растерянными, широко открытыми глазами, плохо понимая ее. О какихъ упрекахъ совѣсти говоритъ она? Въ чемъ обвиняетъ себя Юрій Дмитріевичъ? Какъ же онъ погубилъ Сеню, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ въ то время, какъ тотъ рѣшился сдѣлать покушеніе на свою жизнь? Не погубилъ онъ, а спасъ Сеню.

— И всегда это такъ съ истинно-добрыми людьми бываетъ,—замѣтила Маріанна:—именно они-то вѣчно и упрекаютъ себя за недостатокъ доброты и заботливости по отношенію къ ближнимъ... Я, было, попробовала пошутить даже надъ нимъ, чтобы ободрить его, — хуже еще вышло... «Не шути, говоритъ; ты не знаешь всего»...

Она покачала головой.

— Разумѣется, тутъ не до объясненій. Но ты, Мари, не давай ему падать духомъ... Сохрани Богъ, если онъ еще свалится...

— Ахъ, что ты пророчишь!—воскликнула Марья Львовна, почти съ негодованіемъ въ душѣ на Маріанну.

— Не пророчу, но обращаю твое вниманіе на него,— отвѣтила Маріанна.

На минуту въ душѣ Марьи Львовны вспыхнулъ гнѣвъ на молодую родственницу: «она предупреждаетъ! развѣ безъ нея никто не замѣтилъ, что Юрій Дмитріевичъ на себя не похожъ».

Но этотъ гнѣвъ прошелъ подъ вліяніемъ другого, болѣе сильнаго чувства—чувства страха за жизнь Юрія Дмитріевича. Что станетъ дѣлать она, Марья Львовна, если онъ умретъ? За помощью придется идти къ людямъ. Къ кому? Къ той же Маріаннѣ? О, да лучше руки на себя наложить, чѣмъ идти къ ней! А къ кому же больше? Она одна изъ родни богата. Вонъ теперь и законною женой Кроля сдѣлалась. Милліонерша! Только не приведи Богъ кланяться ей! А если не къ ней идти за помощью, то къ кому же?.. Къ чужимъ не пойдешь... «Къ Евгенію Александровичу развѣ?» съ горечью проговорила Марья Львовна, и все точно перевернулось въ ея душѣ. Она ощущала теперь глубокую ненависть къ этому человѣку...

Охваченная тупымъ паническимъ страхомъ передъ тѣмъ, что будетъ, если умретъ мужъ, Марья Львовна слѣдила теперь за нимъ съ озабоченно-испуганнымъ взглядомъ. Никогда еще не заботилась она о немъ такъ, какъ теперь. Несмотря на всю свою озабоченность, онъ замѣтилъ это и

Digitized by Google

былъ тронутъ участіемъ жены. Нѣсколько разъ она спрашивала его: здоровъ ли онъ? не усталъ ли онъ? Она совѣтовала ему беречь себя. Онъ коротко отвѣчалъ:

— Что мнѣ дѣлается! Ты, Манюша, не тревожься!

Онъ со своей стороны менѣе всего думалъ о состояніи своего здоровья, объ отдыхѣ, объ удобствахъ. «Выходить сына»—вотъ все, что занимало его мысль.

IV.

Сеня началъ уже бродить по комнатѣ; докторъ торопилъ Юрія Дмитріевича перебраться на дачу, доказывая, что воздухъ — лучшее лѣкарство для мальчугана. Серпуховъ каждый разъ растерянно отвѣчалъ ему:

— Да, да, вотъ на этихъ дняхъ отыщу дачку!

И ломалъ себѣ голову, гдѣ бы добыть денегъ. Болѣзнь Сени обошлась дорого и истощила всѣ средства; въ кассѣ служащихъ банка было занято столько, на сколько имѣлъ кредита Юрій Дмитріевичъ. Кредита на сторонѣ не было. Волей-неволей ему пришлось обратиться къ Маріаннѣ. Она тотчасъ же предложила ему переѣхать къ ней на дачу; въ саду былъ совершенно свободный флигель.

— Да вотъ, прежде направо и налѣво бросалъ деньги, а насталъ черный день—приходится другихъ стѣснять,—со вздохомъ замѣтилъ Юрій Дмитріевичъ, благодаря ее.

Въ его душѣ снова поднимались угрызенія совѣсти за прошлое безпутное бросанье денегъ. Теперь все на каждомъ шагу затрагивало въ его душѣ эти струнки раскаяній и упрековъ себѣ.

— Полно, Юрій! Когда это ты перестанешь обвинять себя за все! — сказала она и пошутила: — Право, я скоро ссориться съ тобой начну. Кто же не дѣлалъ ошибокъ въ жизни...

— Да, да, это, конечно, такъ... Плохо то, что за наши ошибки другіе платятся... Тоже вотъ ты... Я тебѣ очень благодаренъ за твое предложеніе... но твой мужъ... скажетъ: вотъ, только вышла замужъ и уже своихъ родственниковъ навязываетъ...

Она покачала головой съ упрекомъ.

— Какъ тебѣ не стыдно такъ думать о немъ. Ему и въ голову не придетъ ничего подобнаго. Онъ слишкомъ любитъ меня, чтобы тяготиться тѣмъ, что пріятно мнѣ. Да и что ему за дѣло, кѣмъ будетъ занятъ флигель?..

И перемѣняя тонъ, она весело прибавила:

Digitized by Google

— А ужъ я-то какъ буду рада, что моя дѣвочка будетъ около меня и что тебя можно будетъ распекать ежедневно, какъ только вздумаешь захандрить...

Онъ поцѣловалъ ея руку.

— Добрая ты, добрая душа!—произнесъ онъ, вздыхая.

Дѣло было такимъ образомъ почти улажено, тѣмъ не менѣе, возвращаясь домой, онъ былъ нѣсколько смущенъ. Онъ боялся за то, какъ приметъ предложеніе Маріанны Марья Львовна. Не долюбливаетъ она Маріанну. Тяжело ей будетъ на этой дачѣ. Осторожно и съ оговорками, онъ сталъ разъяснять женѣ, что у нихъ нѣтъ лишнихъ денегъ на дачу, а Сенѣ необходимъ отдыхъ на чистомъ воздухѣ. Всѣмъ этотъ отдыхъ нуженъ, и Олѣ, и самой ей, Марьѣ Львовнѣ. О себѣ онъ не упомянулъ. Маріанна вотъ предлагаетъ занять у нея флигель.

— Совсѣмъ отдѣльный... въ сторонкѣ отъ дачи... Ты, Манюша, можешь и не заглядывать туда, въ большой домъ...

Марью Львовну точно что-то кольнуло.

— Изъ милости будемъ жить,—проговорила она.

Онъ ждалъ, предвидѣлъ, что она что-нибудь возразитъ, но все же оторопѣлъ и заторопился:

— Впрочемъ, если ты не хочешь, если тебѣ тяжело, то... Ну, мы съ тобой здѣсь останемся, а дѣтей отправимъ... Мнѣ что же... мнѣ дача не нужна, а для всѣхъ васъ... Ну, пусть дѣти ѣдутъ, а я разъ въ недѣльку съѣзжу къ нимъ...

Онъ смотрѣлъ какимъ-то молящимъ взглядомъ на жену, морщинистый, обрюзгшій, съ лицомъ точно изъ желтаго воска. Она опять невольно вспомнила о состояніи его здоровья, о необходимости для него подкрѣпленія силъ, пересилила себя.

— Я не отказываюсь,—начала она:—только тяжело мнѣ одолжаться... Но если нѣтъ другого средства переселиться на дачу, то конечно... Вѣдь и тебѣ нуженъ воздухъ...

— Спасибо, спасибо, маточка, — заторопился онъ и поцѣловалъ ея руку. — Много тебѣ приходится переносить. Да что же дѣлать, что-жъ дѣлать! Такъ жизнь сложилась... А-ахъ, ахъ!

Онъ тяжело вздохнулъ и махнулъ безнадежно рукою. Вотъ искалѣчилъ, загубилъ всю ея жизнь. Когда-то была она дѣвочкой веселой, безпечной, а теперь...

— Не воротишь прошлаго, не воротишь!..

«Да, да, чего бы мнѣ ни стоило, а надо ѣхать туда,— проговорила она мысленно, провожая его глазами. — Ему

Digitized by Google

нуженъ отдыхъ. Надо заставить его поговорить съ докторомъ, приняться серьезно за лѣченье, а то... Господи, Господи, что̀ будетъ, если онъ умретъ!»

Черезъ два-три дня вся семья перебралась въ Павловскъ. Это было уже въ половинѣ лѣта. Всѣ чувствовали себя хорошо, переживали никогда неизвѣданное ими счастье семейнаго согласія. Даже Марья Львовна чувствовала себя въ какомъ-то новомъ положеніи: мужъ былъ ласковъ, снисходителенъ, ни однимъ намекомъ не обмолвился о прошломъ; дѣти если не ласкались къ ней, то грубыхъ выходокъ не было и слѣда. Всѣ послѣднія событія открыли имъ глаза на то, чего они прежде не понимали: они узнали, что значитъ семейное согласіе, что значитъ беззавѣтная привязанность другъ къ другу членовъ семьи. Урокъ, данный имъ всѣмъ судьбою, былъ настолько чувствителенъ, что его трудно было скоро забыть. Сильныя несчастія и бѣдствія въ общественной жизни нерѣдко соединяютъ плотнѣе членовъ общества и пробуждаютъ чувство патріотизма даже въ тѣхъ людяхъ, которые вовсе никогда не думали объ этомъ чувствѣ; тяжелыя невзгоды сплачиваютъ между собою семьи, если эта семья не совсѣмъ еще пала нравственно, если всѣ ея недоразумѣнія, дрязги и ссоры были только чѣмъ-то внѣшнимъ и не имѣли корней въ извращенности чувствъ, въ неестественной ненависти отцовъ къ дѣтямъ и дѣтей къ отцамъ. Повидимому, Марьѣ Львовнѣ нечего было больше и желать, но что-то тяжелое стало пробуждаться въ ея душѣ, смутно, неясно, но тѣмъ не менѣе, тревожно. Она именно теперь стала сознавать, что она и только она— чужая, среди окружавшихъ ее людей. Почему? Она не могла себѣ дать отчета — на это не хватало умственнаго развитія, не хватало привычки мыслить. Но ее, по обыкновенію, поражали мелочи. Мужъ ласковъ и предупредителенъ, но онъ не мужъ ей, а просто добрый и снисходительный старый другъ. Дѣти какъ-то особенно осторожно обходятся съ нею, точно боясь ее раздражить и раздражиться въ свою очередь. Въ обращеніи съ нею Маріанны и Варвары Павловны, часто пріѣзжавшей на дачу, эта осторожность высказывалась еще яснѣе и очевиднѣе, какъ будто эти женщины были постоянно насторожѣ и взвѣшивали каждое свое слово. Они всѣ — ея мужъ и ея дѣти, Маріанна и Варвара Павловна — шумно бесѣдуютъ между собою, спорятъ, смѣются, но стоитъ ей войти, и разговоръ какъ бы падаетъ, — неумышленно, самъ собою, но все же падаетъ;

Digitized by Google

съ ней говорятъ о погодѣ, съ нею соглашаются идти гулять, ее спрашиваютъ, не нужно ли ей чего-нибудь, но и только. Стоитъ ей сказать въ отвѣтъ на какое-нибудь ихъ мнѣніе, «нѣтъ»—и всѣ соглашаются съ нею, не споря, не возражая, обрывая разговоръ. Она подмѣчала или, вѣрнѣе, угадывала это, въ недоумѣніи останавливаясь надъ вопросомъ: «съ чего это они такъ обходятся со мной?» Еще въ большее недоумѣніе приводило ее то обстоятельство, что она теперь не могла уже «дуться» за это на близкихъ, не могла дѣлать имъ за это «сцены» — не могла уже потому, что сама не сознавала, чего ей собственно недостаетъ, что тяготитъ ее въ отношеніяхъ людей къ ней. Ее томило чувство безотчетной тоски. Это было страшное чувство одиночества на людяхъ. Она уходила въ свою комнату и, присаживаясь къ окну, смотрѣла безцѣльно передъ собою и плакала тихо, беззвучно, неутѣшно, точно сознавая, что некому осушить ея слезы, некому приласкать ее. Иногда, вставъ утромъ, она долго не одѣвалась, потомъ, услыхавъ зовъ Глаши: «чай поданъ», она кое-какъ причесывала волосы, надѣвала блузу и уже на цѣлый день оставалась въ этомъ видѣ, немного распущенная, нѣсколько растрепанная. Ей было лѣнь принарядиться. И на что? Все равно, и такъ проходитъ!.. Одинокая, неразвитая, не находящая объясненій для происходящихъ вокругъ нея и въ ней самой явленій, она не знала даже того, что въ ея теперешнемъ настроеніи сказывался упадокъ силъ, энергіи, послѣднихъ слѣдовъ жизненности. Безпомощная всегда, она прежде все-таки, по-своему, старалась бороться, такъ-сказать, билась за счастье.

Теперь у нея хватало силъ только на тихія слезы. Ей не хотѣлось даже жаловаться кому-нибудь. Этого мало, она даже мысленно почти не жаловалась передъ самой собой, а просто плакала, какъ плачутъ совсѣмъ забитыя и запуганныя дѣти, гдѣ-нибудь въ уголку, прячась отъ людей изъ боязни, что ихъ слезы замѣтитъ кто-нибудь. А вокругъ нея шла полная надеждъ жизнь: Сеня и Оля старались забыть недавнее прошлое и отдавались мечтамъ о будущемъ; юноша, можетъ-быть, подъ вліяніемъ чуда, совершеннаго надъ нимъ медициной, мечталъ о карьерѣ доктора; молодая дѣвушка думала, окончивъ педагогическіе курсы, заняться музыкой; Маріанна теперь сознавала, что, сдѣлавшись законной женой Кроля, она можетъ заняться устроенными имъ благотворительными заведеніями; Варвара Павловна была охвачена заботами о приближавшемся переселеніи пріюта Тарасовой

Digitized by Google

въ новое зданіе. У всѣхъ были свои интересы, свои планы, свои грезы, можетъ-быть, мелкіе, будничные, но все же наполнявшіе жизнь, дававшіе ей смыслъ. Что значили они для Маріи Львовны? Она ни на что не надѣялась, ни на что не разсчитывала. Ея сегодня похоже на вчерашній день, завтра будетъ то же, впереди нечего ждать... Только иногда, при видѣ утомленнаго лица мужа, его трясущейся слегка головы, или при его случайномъ легкомъ нездоровьи, она вдругъ вся проникалась чувствомъ страха за свое будущее и тихо вздыхала:

— Господи, Господи, что будетъ, если онъ умретъ!

Эта мысль начинала преобладать надъ всѣми другими мыслями, чувствами, ощущеніями. Если не сущность этой мысли, то заботливость жены о немъ, о мужѣ, Юрій Дмитріевичъ читалъ во взглядахъ жены, въ ея фразахъ: «не утомляй ты себя», «береги себя», и ему иногда становилось жаль жены. Ему казалось, что она переживаетъ періодъ раскаянія за свой проступокъ, что ее терзаютъ укоры совѣсти. Онъ старался быть съ нею еще болѣе мягкимъ, чтобы она ни на минуту не сомнѣвалась въ томъ, что онъ давно уже не обвиняетъ ее ни за что; правда, онъ не касался ни однимъ намекомъ прошлаго, не высказывалъ ей, что онъ ее простилъ, даже больше—что онъ давно обвиняетъ не ее, а только себя одного; но онъ не говорилъ этого потому, что ему было бы теперь слишкомъ тяжело бередить старыя раны, обвинять опять себя за многое или оправдывать себя во многомъ. И для чего? Онъ чувствовалъ, что онъ не сердится на жену, что онъ не винитъ ее ни за что, что онъ лелѣетъ ее, какъ ребенка,—больше онъ ничего не могъ сдѣлать. Онъ былъ теперь для нея заботливымъ отцомъ, мужемъ ея онъ уже не могъ и не желалъ быть.

«Теперь дай Богъ поставить дѣтей на ноги, а тамъ,—думалъ онъ нерѣдко:—пора и на отдыхъ! Жизнь прожита»...

Онъ склонялъ голову на грудь и съ горечью задумывался о прошломъ: сколько даромъ убитыхъ силъ, сколько ненужной грязи, сколько самимъ накликанныхъ невзгодъ было въ этомъ прошломъ! Теперь дорогой цѣной горькаго опыта купилась способность жить иначе, разумнѣе, честнѣе, проще, но для жизни нѣтъ уже силъ, впереди близкая могила и

...Трудно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
Навстрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести...

Digitized by Google

Эти слова поэта часто приходили ему теперь на память.

V.

Конецъ августа стоялъ въ то лѣто сухой и теплый. На большой дачѣ Кроля, какъ и въ серединѣ лѣта, продолжали завтракать ежедневно на террасѣ, пользуясь послѣдними днями тепла. Въ праздничные дни къ завтраку являлась и вся семья Серпуховыхъ. Въ одинъ изъ такихъ праздничныхъ дней, когда все общество было въ сборѣ и весело болтало о предстоящей зимѣ, мимо сада проѣхала наемная колясочка. Въ ней сидѣли мужчина и дама. Сначала экипажъ пріостановился у калитки сада, но мужчина, сидѣвшій въ немъ, приказалъ что-то извозчику, и тотъ поѣхалъ далѣе къ воротамъ дачи, огибая ея садъ. Когда экипажъ пріостановился у калитки, Маріанна, сощуривъ немного глаза, замѣтила:

— Это Женя. Съ кѣмъ онъ? Должно-быть, къ намъ...

Марья Львовна вздрогнула. Ея лицо покрылось смертельною блѣдностью, и растерянный взглядъ остановился на мужѣ. На минуту онъ тоже растерялся. Въ его душѣ поднялась уже давно незнакомая ему буря вражды, негодованія противъ человѣка, внесшаго столько горя и тревогъ въ его семью. Но тотчасъ же, взглянувъ инстинктивно на жену, увидавъ ея блѣдное лицо и молящій взглядъ, онъ сообразилъ, что должна испытывать она, и подавилъ въ душѣ охватившее его волненіе.

— Манюша, ты просила напомнить тебѣ, когда будетъ часъ,—проговорилъ онъ.

Онъ взглянулъ на часы.

— Теперь уже больше, четверть второго, заболтались мы...

И, обращаясь къ Маріаннѣ, онъ прибавилъ:

— Какія-то неотложныя хозяйственныя заботы. Ты ужъ извини ее. Ей надо идти.

Марья Львовна, со слезами на глазахъ, торопливо поднялась съ мѣста, бормоча что-то о томъ, что ей нужно идти домой. Она пошла поспѣшно съ террасы, торопясь, чтобы не встрѣтиться съ Евгеніемъ Александровичемъ. Серпуховъ былъ увѣренъ, что никто изъ присутствующихъ не знаетъ тайны его жены, и потому не сочтетъ страннымъ удаленія Марьи Львовны. Едва успѣла она уйти, какъ лакей подалъ Маріаннѣ двѣ визитныя карточки. На одной стояло: «Евгеній Александровичъ Шаховъ, присяжный повѣренный». На другой значилось: «Софья Андреевна Шахова, рожденная княжна Темрюкова».

Digitized by Google

— Проси, — сказала Маріанна лакею и поднялась навстрѣчу гостямъ.

Прошло еще минуты двѣ и хозяйка вернулась изъ гостиной съ посѣтителями. Начались взаимныя представленія. Шаховъ, увидавъ Серпухова, чуть не вскрикнулъ отъ удивленія: на улицѣ онъ не узналъ бы Юрія Дмитріевича,— такъ измѣнился и постарѣлъ послѣдній. Въ головѣ Евгенія Александровича съ быстротой молніи мелькнули мысли: «что съ нимъ? хворалъ онъ? гдѣ же Маня? не умерла ли? не прогналъ ли онъ ее?» Спрашивать было нельзя, неловко. Вопросы же роились въ головѣ неотступно. Старался подавить въ себѣ волненіе и смущеніе, онъ поспѣшно сталъ представлять своей женѣ Серпухова и ее Серпухову. Юрій Дмитріевичъ не могъ переломить себя и былъ сухъ и холоденъ. Сеня и Оля были тоже смущены и молчаливы. Они даже не старались дѣлать любезно улыбающихся физіономій. Теперь этотъ человѣкъ былъ имъ обоимъ противенъ. Маріанна нѣсколько растерялась, видя общее замѣшательство, и поспѣшила занять гостей разговоромъ, выражая сожалѣніе, что ея мужъ сегодня въ городѣ, высказывая удивленіе, что Шаховъ даже не писалъ о своей женитьбѣ, спрашивая, надолго ли пріѣхала молодая чета въ Петербургъ, предлагая гостямъ завтракъ, однимъ словомъ, говоря, что попало, лишь бы поддержать бесѣду. Впрочемъ, задача была не трудна, такъ какъ молодая Шахова тотчасъ же начала болтать безъ умолку, безъ стѣсненія, какъ человѣкъ, вполнѣ довольный собой. Это было какое-то дѣтски-наивное щебетаніе.

— А вашъ мужъ по дѣламъ въ городѣ? Даже въ праздникъ? Это же нестерпимо! Ахъ, я такъ рада, что Женя адвокатъ,—болтала она, непосѣдливо вертясь на стулѣ.—Я ни за что не хотѣла выходить замужъ за человѣка, служащаго гдѣ-нибудь. Какая тоска! Мужъ въ должности, жена дома. Адвокатъ—дѣло другое. Взялъ выгодную защиту, если нужны средства, кончилъ ее и опять можно отдыхать. Надо брать только большія дѣла. Я потому и вышла за Женю, что онъ адвокатъ. Впрочемъ, онъ можетъ и вовсе не брать дѣлъ. Онъ не бѣденъ, я тоже.

Евгеній Александровичъ, не то любуясь ея наивностью, не то извиняясь за нее, проговорилъ:

— Она у меня настоящій ребенокъ.

Она засмѣялась звонкимъ смѣхомъ, показавъ два ряда маленькихъ и острыхъ зубовъ, точно у маленькаго грызуна.

Digitized by Google

— А вотъ погоди, погоди, я сдѣлаюсь эмансипированной, ученой дамой!

И, продолжая смѣяться, она обратилась къ Маріаннѣ:

— Онъ страшно этого боится. Я его всегда пугаю, что я стану изучать математику или медицину, обрѣжу волосы, надѣну синія очки... Женя говоритъ, что онъ убѣжалъ бы отъ такой жены. Еще бы! Это такая тоска!

Дѣвочка Маріанны, сидѣвшая около матери, видимо соскучившись такъ долго оставаться среди взрослыхъ за завтракомъ, подняла головку къ ея уху и таинственно, хотя довольно громко, какъ обыкновенно дѣлаютъ дѣти, передавая свои секреты, спросила ее:

— Мама, можемъ мы идти въ садъ?

— Да, идите, только съ няней,—отвѣтила Маріанна.

— А съ Олей?—спросила дѣвочка.

Оля обрадовалась этому предлогу уйти поскорѣе съ террасы. Евгеній Александровичъ своимъ появленіемъ не пробудилъ въ ея сердцѣ ничего; онъ былъ теперь ей совершенно чуждъ, но ей было непріятно смотрѣть на этого человѣка, причинившаго немало горя ея семьѣ. Она встала съ мѣста.

— Я пойду съ дѣтьми,—сказала она.

— Будь такъ добра,—проговорила Маріанна, привѣтливо взглянувъ на нее.

Дѣти вскочили, быстро поцѣловали мать и уцѣпились за Олю, весело болтая съ нею. Оля вышла, простившись съ Шаховымъ и его женою. Отъ вниманія Евгенія Александровича не ускользнуло то, что Оля спѣшила уйти. Въ его умѣ опять замелькали вопросы: «съ чего она бѣжитъ отъ меня? Неужели она все знаетъ? и гдѣ это Маня? больна? умерла? разошлась съ мужемъ?» Эта неизвѣстность начинала его раздражать. Хоть бы обмолвился кто-нибудь о Марьѣ Львовнѣ...

Софья Андреевна, между тѣмъ, съ прежнею развязностью, съ сознаніемъ всей прелести своей наивности, продолжала болтать.

— У васъ двое дѣтей?—спросила она у Маріанны.

— Да, только двое,—отвѣтила хозяйка.

— Только!—воскликнула Шахова и засмѣялась.—О, этого вполнѣ, вполнѣ довольно! Нѣтъ, у насъ долго, долго совсѣмъ не будетъ дѣтей. Это такая тоска возиться съ ними. Вѣчно плачъ, капризы. Сиди изъ-за нихъ дома. Покуда я молода, я хочу пожить для себя. И притомъ я не умѣю

Digitized by Google

совсѣмъ обращаться съ маленькими дѣтьми. Ничего они не понимаютъ. Цѣлый день болтаютъ, спрашиваютъ, пристаютъ... Тоска!

Ее никто не прерывалъ ни возраженіями на ея болтовню, ни согласіемъ съ нею. Всѣ чувствовали себя какими-то смущенными, неловкими. Евгенію Александровичу становилось тоже не по себѣ. Ребяческая наивность жены, которою онъ обыкновенно такъ восхищался, теперь его почти сердила, потому что она высказывалась, какъ онъ выражался мысленно, передъ этими разсудочными людьми, передъ этими фразерствующими мудрецами, передъ этими поклонниками книжныхъ фразъ и умныхъ разговоровъ. Онъ ругалъ въ душѣ всѣхъ, и Маріанну, и Олю, и Серпухова, и Сеню за то, что они слушали его жену и молчали съ видомъ какого-то смущенія и удивленія. Еще бы! Гдѣ же имъ понять прелесть дѣтской наивности, сердечной простоты! Онъ чувствовалъ что-то въ родѣ сожалѣнія къ своей женѣ и повторялъ: «бѣдная птичка, зачѣмъ я завезъ тебя сюда». Съ какимъ наслажденіемъ, усадивъ къ себѣ на колѣни жену, онъ слушалъ дома ея щебетаніе, играя съ нею, а тутъ... Онъ видѣлъ общее замѣшательство, онъ самъ не зналъ, что говорить. «И зачѣмъ было пріѣзжать? и съ чего они всѣ точно воды въ ротъ набрали?»—мелькало у него въ головѣ. Чтобы не молчать, онъ обратился къ Сенѣ:

— Ну, а какъ твои дѣла по гимназіи? Удачно сдалъ экзамены?

Сеня вспыхнулъ, но не успѣлъ ничего отвѣтить, такъ какъ старикъ Серпуховъ проговорилъ за него:

— Онъ былъ боленъ и не держалъ экзаменовъ.

— Да?—спросилъ Евгеній Александровичъ удивленнымъ тономъ. — А я и не зналъ. То-то я замѣтилъ въ немъ большую перемѣну. Вѣрно, сильно прихворнулъ?

Старикъ Серпуховъ отвѣтилъ за сына:

— При смерти былъ боленъ, всѣ мы голову потеряли.

Евгеній Александровичъ точно обрадовался, что узналъ причину перемѣны въ Серпуховыхъ, и сказалъ:

— Да, я сразу замѣтилъ, что и ты, и Ольга Юрьевна сильно измѣнились.

— Еще бы, — сказалъ Серпуховъ. — Никого не красятъ болѣзнь и тревоги за близкихъ и дорогихъ людей.

Серпуховъ, опасаясь дальнѣйшихъ разспросовъ, поднялся, за нимъ поднялся и Сеня, радуясь возможности уйти. И

Digitized by Google

отецъ, и сынъ чувствовали, что они не могутъ говорить съ Шаховымъ, какъ будто имъ что-то сдавливало горло. Они стали прощаться съ присутствующими. Маріанна замѣтила:

— Къ обѣду будете?

Серпуховъ отвѣтилъ утвердительно.

— Вы, значитъ, опять въ Павловскѣ живете по близости?—спросилъ Евгеній Александровичъ.

— Мы здѣсь живемъ,—отвѣтилъ коротко Серпуховъ.

Маріанна поспѣшила добавить:

— Было бы очень грустно, если бы пришлось лѣтомъ разбросаться по разнымъ мѣстамъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, мы всѣ вмѣстѣ ежедневно съ утра до ночи.

Она точно умышленно подчеркнула фразу о томъ, что они постоянно цѣлый день вмѣстѣ.

— Ахъ, а мы съ Женей, какъ повѣнчались, тотчасъ же бѣжали отъ всѣхъ родныхъ,—защебетала Софья Андреевна.— Мы и теперь только проѣздомъ въ Петербургѣ и спѣшимъ ко мнѣ въ имѣніе, гдѣ ужъ никого, никого не увидимъ. Такая тоска эти родные!

Евгеній Александровичъ опять немного смутился за жену, сознавая, что эти люди не поймутъ ее, и поспѣшилъ прибавить въ поясненіе къ ея словамъ:

— Медовые мѣсяцы, когда хочется быть только вдвоемъ Это такъ понятно...

По лицу Серпухова скользнула усмѣшка. Въ головѣ пронеслась мысль: «стыдится ея глупости». Онъ бросилъ взглядъ на жену Шахова: это маленькое, вертлявое существо, въ кричащемъ свѣтломъ нарядѣ по послѣдней модѣ, походило на форфоровую куколку. «Жена-ребенокъ, жена-игрушка», подумалъ Серпуховъ и вспомнилъ о другой женщинѣ-ребенкѣ, женщинѣ-игрушкѣ—о своей женѣ. Та была тоже такою во время замужества, такъ же щебетала безъ толку и смысла наивныя фразы—и онъ полюбилъ именно за это. Такими женщинами можно играть, какъ вещами, развращать ихъ, ломать ихъ, какъ угодно... Только у этой женщины-ребенка злыя тонкія губы, крючковатый носикъ, какъ у хищной птички. Не играетъ ли она комедію наивничанья? Есть вѣдь такія тоже. Это самая опасная порода мелкихъ хищницъ... На минуту въ душѣ Юрія Дмитріевича проснулось злорадное чувство: «мало счастья сулитъ этотъ бракъ, настанетъ день, когда и Евгеній Александровичъ...» Серпуховъ не кончилъ мысленно начатой фразы и

Digitized by Google

сдѣлалъ брезгливое движеніе. «Есть чему радоваться—тому, что другой человѣкъ можетъ быть тоже несчастнымъ!..»

Онъ торопливо сталъ прощаться съ Шаховымъ и его женою и ушелъ съ своимъ сыномъ. Это свиданіе съ бывшимъ возлюбленнымъ жены не пробудило въ Серпуховѣ ни гнѣва на Шахова, ни вражды къ нему, ни того обиднаго чувства, которое испытывалъ прежде Юрій Дмитріевичъ, говоря о гадкомъ сознаніи, что за полученную пощечину нельзя отплатить тѣмъ же.

Въ его душѣ было одно простое ясное сознаніе, что онъ никогда болѣе не встрѣтится съ этимъ человѣкомъ на жизненномъ пути, и это сознаніе ободрило его, этого было довольно для его успокоенія.

VI.

Марья Львовна добрела, между тѣмъ, до занятаго Серпуховыми флигеля, шатаясь, какъ пьяная. Въ глазахъ было темно, голова кружилась. Она прошла прямо къ себѣ въ спальню, ткнулась къ комоду, оперлась на него руками, и, рыдая, опустила въ изнеможеніи на нихъ голову. Она уже давно не любила Шахова, старалась не вспоминать о немъ, принуждала себя вычеркнуть изъ памяти воспоминаніе о немъ, но его пріѣздъ поднялъ въ ея душѣ бурю, пробудилъ совершенно новыя ощущенія. Только теперь, угадавъ инстинктивно о его женитьбѣ, она вдругъ почувствовала, что за роль играла она въ отношеніи этого человѣка. Прежде это ей почти не приходило въ голову, покуда она не знала, что ее замѣнила другая женщина. Въ воспоминаніи неожиданно, помимо воли, воскресли мелочи прошлаго, всѣ позорныя, унизительныя подробности ея связи съ Шаховымъ. Она вымаливала его ласки, она унижалась передъ нимъ, она насильно навязывалась ему, она дѣлала все, чтобы только добиться его ласкъ, а онъ никогда, никогда не любилъ ея, и тѣмъ не менѣе не остановилъ ее въ минуту ея паденія, когда еще было возможно спасти ее отъ позора, отъ положенія нелюбимой любовницы; онъ воспользовался ея слабостью, сталъ къ ней въ тѣ отношенія, въ которыхъ стоятъ мужчины съ обыкновенными падшими женщинами. Ей вспомнились отдѣльные брезгливые и досадливые жесты, отрывистыя фразы: «Маня, нельзя же такъ продолжать вѣчно»... «Полно, Маня, надо же быть благоразумнѣе». Ее охватило ощущеніе гадливости къ самой себѣ. Почему именно теперь явилось это ощущеніе? Потому что теперь

Digitized by Google

онъ, Шаховъ, женился и, можетъ-быть, другая женщина знаетъ все, что происходило между нимъ и ею, Марьей Львовной. Самой ей въ минуты откровенности мужъ разсказывалъ о своихъ прежнихъ холостыхъ связяхъ и продѣлкахъ, объ этихъ ничтожныхъ женщинахъ, навязывающихся мужчинамъ, презираемыхъ мужчинами. Она любила эти разсказы; она сама разспрашивала обо всемъ; она сама бросала грязью въ этихъ женщинъ. Онъ, Шаховъ, тоже, вѣроятно, не скрылъ отъ своей жены ничего. Что думаетъ о ней эта женщина? Можетъ-быть, разсказываетъ о ней другимъ? Что, если ей придется встрѣтиться съ этой женщиной, съ ея родными, съ ея друзьями? Это были не упреки совѣсти, а стыдъ передъ тѣмъ, что тайна паденія уже перестала быть тайною. Для Серпуховой въ этомъ была ея величайшая казнь. Сознаніе своего проступка она могла переносить хладнокровно; огласки его она не могла вынесть равнодушно. По обыкновенію всѣхъ мелкихъ натуръ, жалующихся всѣмъ на свои личныя невзгоды и воображающихъ, что всѣ интересуются ими, она теперь создавала себѣ чудовищныя картины того, какъ всѣ судятъ и рядятъ о ней, какъ вѣсть о ея паденіи облетитъ всѣхъ знакомыхъ, какъ ей нельзя будетъ никуда глаза показать. Ее и такъ никто не любитъ, всѣ чуждаются, что же будетъ теперь? Какое торжество доставитъ людямъ возможность бросать въ нее грязью!.. Все преувеличивая, все окрашивая въ яркія краски, она воображала, что дѣйствительно до нея есть кому-нибудь дѣло. Убѣжать бы, скрыться бы куда-нибудь отъ всѣхъ, чтобы никого не видѣть, и прежде всего его, Евгенія Александровича, и его жену...

Вѣдь, вотъ и сегодня—встрѣться она съ женою Шахова, она въ обморокъ упала бы, и тогда разомъ всѣ узнали бы ея тайну. Юрій спасъ ее, Юрій!.. Впервые она почувствовала благодарность къ мужу. Она, какъ и прежде, не понимала ни слабыхъ, ни хорошихъ сторонъ этого человѣка, но она сознавала, что именно онъ спасъ ее отъ униженія, какъ онъ спасаетъ отъ нищеты, отъ голода. У нея нѣтъ на землѣ другой поддержки, другой защиты. Покуда онъ стоитъ около нея, до тѣхъ поръ она и существуетъ...

Она продолжала всхлипывать и даже не слыхала, какъ тихо отворилась дверь въ ея комнату. Это вошелъ Юрій Дмитріевичъ. Онъ пріостановился на порогѣ и посмотрѣлъ на жену. О чемъ она плачетъ? О томъ, что Шаховъ из-

Digitized by Google

мѣнилъ ей и женился? О томъ, что для нея погасъ послѣдній лучъ надежды на любовь этого человѣка? О томъ, что она сдѣлала проступокъ, въ которомъ раскаивается теперь? Ему было все равно: онъ видѣлъ, что она плачетъ, и ему было жаль ея, вотъ и все. Въ душѣ не было ни боли, ни тревоги, ни ревности; въ ней царствовало ясное спокойствіе. Онъ неспѣшно подошелъ къ женѣ и положилъ на ея голову руку.

— Полно, Манюша, о чемъ же плакать?—ласково проговорилъ онъ.—Прошлаго не воротишь, надо думать только о будущемъ. Успокойся!

Она подняла голову, взглянула на него растерянными глазами. Этотъ ласковый голосъ, эти ясно смотрѣвшіе на нее выцвѣтшіе глаза произвели на нее странное впечатлѣніе. Такъ когда-то смотрѣлъ на нее, такъ когда-то говорилъ съ нею только одинъ человѣкъ въ мірѣ — ея отецъ. Она рыдала и жаловалась, а отецъ спокойный и ласковый, сажалъ ее около себя, говорилъ слова утѣшенія, неторопливо, безъ волненія, точно нянька, разсказывающая сказку ребенку, и она утихала, начинала улыбаться...

— Я знаю, что тебѣ тяжело, что ты обманулась въ немъ, что ты сдѣлала ошибку,—продолжалъ Юрій Дмитріевичъ такъ же мягко и ласково, проводя рукой по ея волосамъ.— Но кто не ошибался въ жизни? Жизнь, Манюша, трудное искусство и тяжелая наука; чтобы правильно жить—нужно много природныхъ способностей и пріобрѣтеннаго опытомъ умѣнья...

Марья Львовна прислушивалась къ звукамъ его голоса, не понимая смысла его словъ. На душѣ становилось легче, тревога стихала.

— Да вѣдь я теперь опозорена, опозорена!—воскликнула она въ слезахъ.—Что будутъ говорить...

— Кто?—спросилъ онъ съ снисходительной улыбкой и добавилъ съ пренебреженіемъ въ голосѣ:—Люди? Какое имъ дѣло до тебя, до меня, до какихъ-то Серпуховыхъ? И развѣ сами они лучше? Развѣ они судьи? Что тебѣ за дѣло до нихъ? У тебя свой домъ, своя семья и здѣсь ты жена и мать. Этого довольно, а до остального что намъ за дѣло?..

Успокаивая ее, какъ ребенка, онъ прижалъ ее голову къ своей груди и поцѣловалъ ее въ лобъ, какъ нѣжный отецъ. Растроганная его лаской, его кроткой рѣчью, она, еще плача, но постепенно стихая, порывисто поднесла къ

Digitized by Google

губамъ его руку. Онъ не удивился, не отнялъ руки, довелъ жену до кушетки, усадилъ ее и, въ раздумьи ходя по комнатѣ, продолжалъ говорить:

— Мы, Манюша, оба виноваты, какъ и всѣ люди. Кто виноватъ больше, кто меньше, нечего считать. Что сдѣлано, того не воротишь... Дѣло не въ упрекахъ за прошлое, а въ томъ, чтобы уладить свое будущее. Наша связь неразрывна, и надо только стараться, чтобы она не была ни для одного изъ насъ цѣпью каторжника. Я дѣлаю, что могу, что умѣю, чтобы тебѣ жилось лучше. Побереги и ты меня, не для меня лично, а для себя и для дѣтей. Моя жизнь нужна еще для всѣхъ васъ...

Впервые сказалъ онъ слово о себѣ и это слово теперь точно ножомъ рѣзнуло по сердцу Марьи Львовны.

— Господи, Господи, да я жизнь отдала бы, — воскликнула она прерывающимся голосомъ. — Что я стану дѣлать безъ тебя? Да я руки на себя наложу.

Онъ остановилъ ее:

— Полно, полно, Манюша!..

Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и пошутилъ:

— Я еще не собираюсь умирать, еще поживу... Когда же и жить, какъ не теперь...

И, опять перемѣняя тонъ, онъ добавилъ:

— Я только хотѣлъ указать тебѣ, что̀ нужно для нашего счастія въ будущемъ. Семейный миръ прежде всего. Ты сама видишь, чего стоили намъ раздоры, недоразумѣнія.

У него вдругъ перехватило дыханіе, и ощутилась сильная боль въ груди. Съ нѣкотораго времени эти припадки повторялись ужъ не разъ, онъ почти не придавалъ имъ значенія. Кольнетъ гдѣ-то въ лѣвомъ боку, захватитъ дыханіе, ну что-жъ изъ этого? Это длится недолго и проходитъ само собою. Стоитъ ли прислушиваться къ каждому неровному біенію сердца? Теперь боль была очень сильна и неожиданна. Онъ инстинктивно схватился рукой около сердца. Марья Львовна вскочила съ мѣста.

— Что съ тобой? что съ тобой?—крикнула она.

Онъ не могъ отвѣтить, замахалъ рукою, прислонившись къ стѣнѣ.

— Ничего, ничего, такъ что-то въ сердцѣ, — наконецъ пробормоталъ онъ, стараясь оправится и силясь улыбнуться.

Она растерянно смотрѣла на его пожелтѣвшее, исказившееся отъ боли лицо.

Digitized by Google

— Дай воды... Пройдетъ это... Иногда это бываетъ со мною...

Она налила воды, онъ выпилъ полный стаканъ, вздохнулъ широкимъ вздохомъ, улыбнулся и опять заговорилъ шутливо:

— Ну, и прошло... Схватки какія-то въ сердцѣ... Испугалъ тебя... Это все, Манюша, расплата за былые грѣхи—кутилъ, ночей не спалъ, прожигалъ жизнь, вотъ теперь и отозвалось... Надо было, говорятъ мудрые люди, постепенно измѣнять образъ жизни, а я вдругъ... Вдругъ нельзя! Надо было съ пятнадцати рюмокъ на четырнадцать перейдти на годъ, а потомъ на тринадцать тоже на годъ, а я вдругъ захотѣлъ изъ грѣшниковъ въ святые...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь, опустился на стулъ, поникъ головой и, безнадежно махнулъ рукою, отрывисто, почти досадливо, закончилъ:

— Нѣтъ, даже и не шутится!

Марья Львовна стояла около него, глотая слезы, не смѣя даже громко разрыдаться, чтобы не встревожить его еще болѣе. Она теперь чувствовала, что онъ для нее все—отецъ, заступникъ, поддержка. Ей нужно держаться за него, беречь его, жить его жизнью, потому что всѣ остальные люди—ея враги, потому что его смерть—ея смерть.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Надъ семьей Серпуховыхъ пронеслась одна изъ житейскихъ бурь, и за нею снова наступило старое затишье. Посторонніе люди не знали всѣхъ мелкихъ подробностей этой семейной бури. Они знали только отчасти одинъ изъ ея эпизодовъ—неосторожное обращеніе Сени съ револьверомъ и послѣдовавшую затѣмъ его болѣзнь. Это было главной причиной того, что всѣ удивлялись происшедшей въ семьѣ перемѣнѣ и спрашивали въ недоумѣніи: «да что же случилось? Съ чего они всѣ вдругъ такъ измѣнились». Перемѣна же была дѣйствительно очень сильна.

Сеня возмужалъ, сталъ серьезенъ, нѣсколько сосредоточенъ и задумчивъ, проявляя иногда раздражительность на себя, когда ему приходилось быть недовольнымъ собою; крайне самолюбивый и нетерпѣливый, онъ мечталъ, что другимъ человѣкомъ можно сдѣлаться сразу, и злился на

Digitized by Google

себя, ловя себя въ какихъ-нибудь ошибкахъ и недостаткахъ; это былъ попрежнему неровный характеръ, но за этими широховатостями сказывались хорошія стремленія, хорошія порывы. Въ Олѣ проявилась чисто женственная мягкость и заботливость съ какимъ-то оттѣнкомъ грусти, какъ это бываетъ съ дѣвушками, сознавшими по той или другой причинѣ, что онѣ незамужницы; это сознаніе теперь не покидало ея съ той поры, какъ она убѣдилась, что Евгеній Александровичъ ни на минуту не увлекался ею; это сознаніе созрѣло отчасти и подъ вліяніемъ Маріанны, часто повторявшей, какъ много нужно бѣдной дѣвушкѣ, чтобы обратить на себя серьезное вниманіе; подъ вліяніемъ этого убѣжденія, Оля стала считать себя обреченной на жизнь простой дѣвушки-труженицы и готовилась къ этой участи безъ особеннаго страха, безъ вздоховъ, безъ сѣтованій, упорно работая; какъ прежде она старалась выставиться впередъ, такъ теперь она стремилась скромно стоять въ тѣни, даже и не подозрѣвая, что именно это придавало ей извѣстную прелесть. Марья Львовна стала если не особенно умѣлой, то очень хлопотливой хозяйкой, вѣчно заботящейся о томъ, что любитъ и чего не любитъ мужъ; фразу: «вѣдь вы знаете, что баринъ этого не любитъ» ежедневно слышали отъ нея Авдотья, Глаша, такъ же, какъ Сеня и Оля ежедневно съ половины пятаго до трехъ четвертей пятаго часа слышали: «ахъ, что это папочка не идетъ, не случилось ли чего съ нимъ»; у людей, живущихъ, мало разсуждая, мало работая надъ собой, всякія мелочи быстро превращаются въ привычку—такой привычкой сдѣлалась для Марьи Львовны оторопѣлая заботливость о мужѣ; смотря со стороны на эту заботливость, можно было предположить, что Серпуховъ или куда-то собирается уѣхать надолго, или стоитъ на краю могилы. Самъ Серпуховъ, надломленный семейными передрягами, внезапной перемѣной образа жизни, тяжелой нравственной ломкой, смотрѣлъ старикомъ, старающимся бодриться, добрякомъ по натурѣ и немного резонеромъ по привычкѣ, толкующемъ о томъ, что жизнь не легкая шутка, а тяжелая школа. Толки на эту тему сдѣлались его любимыми толками, и онъ сводилъ къ нимъ всѣ разговоры, не то стараясь научить слушателей, не то стремясь выяснить себѣ самому, какъ онъ выражался самъ, «искусство-науку жизни». У всѣхъ членовъ семьи, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ чувствъ, убѣжденій и соображеній, явилось желаніе уединяться, жить тихо, рабо-

Digitized by Google

тая, на сколько хватитъ силъ. Даже въ характерѣ одежды сказалась перемѣна: всѣ какъ-то неумышленно очень мало стали заботиться о нарядахъ, сначала просто потому, что всѣ знали, какъ много накопилось долговъ у Юрія Дмитріевича, а потомъ, почти никуда не выѣзжая, кромѣ какъ къ Маріаннѣ, всѣ какъ будто не находили предлога для шитья обновокъ. Нѣкоторые изъ старыхъ знакомыхъ семьи такъ и говорили: «что это какъ Серпуховы *опустились?*»... И точно они опустились: они не рыскали по магазинамъ, не толкались въ клубахъ, не шлялись по трактирамъ, не щеголяли разнымъ модньмъ тряпьемъ. «Ихъ интересы сузились»,—какъ выразилась про нихъ одна знакомая, узнавъ, что они почти не бываютъ въ театрѣ и вовсе не выѣзжаютъ въ клубы. Тысячи мелочей говорили, что это не тѣ люди, которыхъ близкіе ихъ знали года два-три тому назадъ. Всматриваясь поближе въ нихъ, можно было легко замѣтить главную новую черту въ ихъ характерѣ—это озабоченность. Пронесшаяся надъ семьею буря заставила членовъ этой семьи съ испугомъ взглянуть на свое будущее. Что ихъ ждетъ впереди, если свалится Юрій Дмитріевичъ? При жизни отца, получающаго до четырехъ тысячъ, можно швырять деньгами безъ толку и безъ пути, но умри онъ—что будетъ тогда? Настанетъ та страшная нищета, отъ которой не застрахованы семьи всѣхъ этихъ отцовъ, состоящихъ на частной службѣ, гдѣ нѣтъ ни пенсій, ни эмеритуръ, ни арендъ, ни вспомоществованій. Эти семьи въ настоящее время все плодятся и плодятся, и рѣдкая изъ нихъ сознаетъ весь ужасъ своего положенія въ случаѣ смерти главы семейства. Онѣ пускаютъ пыль въ глаза, рядятся, рыщутъ по клубамъ, по баламъ, по театрамъ, устраиваютъ jours fixes, мотаютъ деньги, бездѣльничаютъ, и въ одинъ прекрасный день остаются нищими—самыми несчастными нищими, потому что у нихъ нѣтъ умѣнья работать, а есть свой гоноръ! Ради этого гонора онѣ, эти семьи, не пойдутъ въ услуженіе, не возьмутся за черный трудъ, а скорѣе пойдутъ—дочери въ содержанки, сыновья въ поддѣлыватели векселей. Сперва и никто изъ Серпуховыхъ не думалъ объ этомъ; встревожившія ихъ событія отрезвили ихъ сразу. Въ Марьѣ Львовнѣ это сознаніе вызвало чувство постояннаго хроническаго паническаго страха; на Сеню и Олю это же сознаніе повліяло подбадривающимъ, подталкивающимъ на трудъ образомъ.

Юрій Дмитріевичъ, между тѣмъ, все чаще и чаще чувство-

Digitized by Google

валъ, какъ онъ выражался, «схватки въ сердцѣ» и съ нѣкотораго времени сталъ замѣчать, что у него пухнутъ ноги. «Это отъ сидячей жизни»,—говорилъ онъ себѣ и принуждалъ себя болѣе ходить—ноги пухли попрежнему. «Очень ужъ много я сталъ ходить»,—рѣшалъ онъ и переставалъ ходить—ноги же пухли по-старому. «Водянка это, что ли?»—тревожно задавалъ онъ себѣ вопросъ и горько усмѣхался:

— Виномъ накачивался, а отъ водяной умирать приходится...

И тотчасъ же, крѣпко сжимая лобъ рукою, онъ болѣзненно восклицалъ:

— Ахъ, дѣти, дѣти... ихъ бы на ноги только поставить...

Онъ задумывался о своей прошлой жизни. Вонъ они, эти бабачки, трактиры, рестораны, кондитерскія, начинал съ какой-нибудь подвальной «ямки» и кончая до бель-этажа у Бореля. Вездѣ перебывалось,—завертывалъ онъ сюда и днемъ, и ночью, одинъ и съ пріятелями, иногда потому, что мучила какая-то жажда напиться, забыться, развеселиться, иногда потому, что даже не было сознанія, что и зачѣмъ дѣлается, и въ этомъ положеніи требовалось лучшее вино, и затѣмъ начиналась тошнота, послѣ нея опять истреблялось лучшее вино, и снова дѣлалась тошнота. Теперь, въ періодъ полнаго отрезвленія, это возбуждало только отвращеніе, чувство гадливости, а тогда, въ періодъ хроническихъ кутежей, это считалось удальствомъ. Все это требовало денегъ, денегъ и денегъ. Гнулся горбъ для добыванія ихъ, ломалась часто гордость, приходилось кривить совѣстью, нужно было поступаться своими взглядами, чтобы дойти до высшихъ окладовъ, чтобы удержать за собой репутацію полезнаго человѣка. Не онъ одинъ такъ жилъ, такъ жили всѣ вокругъ него, добрые и злые, гордившіеся репутаціей честныхъ людей и отъявленные подлецы, либералы и ретрограды, и ни одинъ человѣкъ среди этого сплошного похмелья не взглянулъ на свою жизнь со стороны, не спросилъ себя: «куда я иду?» Иногда, вспомнивъ все свое прошлое, онъ съ ужасомъ останавливался на мысли: «а если теперь разобьетъ параличъ, что тогда?» Придется жить на счетъ дѣтей, еще не ставшихъ на ноги; придется просить, какъ нищему, помощи у постороннихъ. Въ душѣ поднималось горькое чувство, и въ сильномъ волненіи онъ поднималъ глаза къ небу, шепча:

— Господи, не попусти!..

Уже совсѣмъ раздѣвшись, онъ садился на постель въ

Digitized by Google

своей комнатѣ и пристально разсматривалъ оконечности своихъ ногъ, щупая пальцами припухлыя мѣста. Такъ это просто опухли онѣ или это вода тамъ, подъ кожею? Что, если это вода? Пойдетъ дальше. Долго это можетъ длиться? Когда до сердца дойдетъ, тогда только—смерть. А до тѣхъ поръ что будетъ? Держать на мѣстѣ не станутъ, если слягъжешь надолго...

Болѣзнь же все усиливалась и заставляла не на шутку побаиваться за близкое будущее.

II.

Въ городской квартирѣ Серпуховыхъ, въ комнатѣ Оли, горѣла лампа. Оля сидѣла за своими лекціями и, повидимому, не читала ихъ, облокотясь на столъ руками и опустивъ на ладони голову. Какія-то невеселыя думы охватили ее всю и унесли ея мысли далеко отъ лекцій. Въ этомъ положеніи засталъ ее братъ. Она вздрогнула и очнулась при звукахъ его голоса. Онъ протянулъ руку и обмѣнялся съ ней рукопожатіемъ.

— О чемъ задумалась?—спросилъ онъ.—Объ отцѣ?

— О комъ же больше,—отвѣтила она.

— Я сейчасъ былъ у него, ему легче, припадокъ прошелъ,—успокоилъ ее Сеня.

— Надолго ли?—со вздохомъ сказала она.—Въ нынѣшнюю зиму онъ уже третій разъ хвораетъ...

Сеня сдвинулъ брови и, ничего не отвѣчая, заходилъ по комнатѣ.

— Это начало конца,—проговорила Оля.—Максимъ Максимовичъ опредѣлилъ порокъ сердца...

— По моей милости все развилось,—угрюмо проворчалъ Сеня.

— Полно, не по твоей, а все такъ сложилось, вся жизнь,—замѣтила она.

Сеня, не отвѣчая ей, заговорилъ:

— Я думалъ, что съ ума сойду, когда онъ нынче позвалъ меня къ себѣ во время припадка. Дыханье у него захватило, голосу нѣтъ, а силится улыбаться, шепчетъ: «ничего, ничего, пройдетъ». Потомъ легче стало, началъ говорить: «Вотъ, Сеня, плоды-то кутежей да попоекъ, пріятельскихъ пирушекъ. Люби кататься, значитъ, люби и саночки возить». И опять, опять эти усилія шутить, все свалить на себя, выгородить другихъ.

Онъ подошелъ къ окну и устремилъ глаза въ темноту

Digitized by Google

ночи, барабаня пальцами по подоконнику. Къ его глазамъ подступали слезы; онъ дѣлалъ усиліе, чтобы подавить ихъ. Минутъ пять длилось тяжелое молчаніе.

— Маріанна предложила мнѣ давать уроки ея дѣтямъ,— проговорила, наконецъ, Оля.

Сеня очнулся и повернулся лицомъ къ сестрѣ.

— А! одна и та же мысль пришла въ голову,—сказалъ онъ.—Я сегодня тоже сдѣлалъ заявленіе объ урокахъ. Да, надо начать зарабатывать хлѣбъ. О, если бы можно было столько зарабатывать, чтобы облегчить отца...

Оля только махнула безнадежно рукой.

— Да, да, ты права. Это пустыя мечты покуда,—произнесъ братъ.—Въ академіи у насъ дѣла по горло... И что дадутъ уроки? Прокормиться самимъ едва хватитъ...

Онъ опять заходилъ по комнатѣ.

Дверь тихо отворилась и въ комнату вошелъ Юрій Дмитріевичъ, придерживаясь за стѣну. Сынъ и дочь разомъ вскрикнули:

— Папа, что ты. Вѣдь тебѣ же не велѣно сегодня вставать съ постели.

Они бросились поддержать его.

— Ну, ну, всполошились! Такъ вотъ и свалюсь безъ васъ!—пошутилъ онъ.—Я теперь молодцомъ. Вонъ смотрите, одинъ дошелъ. Манюша прилегла, думая, что я задремалъ, а я и удралъ. Стражу надулъ!

Онъ усмѣхнулся нѣсколько по-дѣтски плутоватой улыбкой.

Онъ былъ неузнаваемъ. Желтый, обрюзгшій, съ слѣдами водянки, онъ едва передвигалъ ноги, дыша тяжело, точно отъ сильной усталости. Въ какіе-нибудь два-три года его здоровье расшаталось больше, чѣмъ въ десятки лѣтъ. Но, несмотря на страшную болѣзнь, онъ смотрѣлъ ясно, по лицу блуждала улыбка, хотя въ этой улыбкѣ было что-то дѣтское, жалкое, производящее тяжелое впечатлѣніе. Дѣти усадили его на кресло. Онъ подшучивалъ надъ ихъ заботами:

— Да вѣдь говорю вамъ, что сегодня я совсѣмъ молодецъ, всякія опухоли опали, никакихъ болей, сердце, правда, колотится какими-то толчками, точно не знаетъ, куда сунуться. Ну, да пусть его. Не хочетъ жить мирно, ну, и пусть колотится...

Онъ не хотѣлъ сознаться, что онъ пришелъ къ дочери, потому что ему стало страшно одному въ кабинетѣ. Каждый разъ, когда онъ оставался, хотя не надолго, у себя въ комнатѣ одинъ вечеромъ, ему становилось страшно. Это былъ

Digitized by Google

безотчетный страхъ: по тѣлу пробѣгалъ холодокъ, сердце точно замирало, или билось неровно, толчками, чудилось присутствіе въ комнатѣ кого-то невидимаго—присутствіе стерегущей его смерти, какъ онъ самъ объяснялъ себѣ мысленно. Эта невидимая, но чувствуемая гостья наводила непреодолимый страхъ. Отдѣлаться отъ мысли, что она тутъ, стережетъ и ждетъ, уже не было никакой возможности. Все, о чемъ онъ начиналъ думать, сводилось къ одной мысли: «а смерть ждетъ». Начинались думы не объ одномъ земномъ, но и томъ, что будетъ, что будетъ *тамъ*. Пугало и это, хотя умъ и старался побѣдить именно эти страхи. Юрій Дмитріевичъ пробовалъ стать выше этого *малодушія*, какъ онъ говорилъ мысленно, но уже не хватало на это силъ. Это неизвѣстное *тамъ* не оставляло его въ покоѣ. Въ эти минуты его тянуло къ женѣ, къ дѣтямъ, и въ головѣ мелькала горькая мысль: «недолго быть вмѣстѣ». Онъ никому не высказывалъ своихъ ощущеній, своихъ страховъ, боясь кого-нибудь разстроить, встревожить. «И такъ еще довольно будетъ у нихъ горя»,—думалъ онъ...

Въ теченіе послѣдняго года уже раза три ему приходилось переживать приступы начинающейся водяной—начали пухнуть ноги, дѣлалась одышка, что-то странное творилось съ сердцемъ. Потомъ это проходило на время, онъ опять принимался за дѣла, пересиливая себя и боясь одного, что ему откажутъ отъ мѣста. Этого только недоставало! Слечь совсѣмъ и заставить дѣтей кормить его, стараго батрака. Нѣтъ, ужъ если бы до этого дошло, то лучше... Онъ мрачно сдвигалъ брови и съ ужасомъ останавливался на мысли о самоубійствѣ. Эта мысль всегда пугала его, тѣмъ болѣе, что именно теперь ему хотѣлось жить. Но онъ былъ дѣлецъ усидчивый и толковый, онъ занималъ уже давно хорошее положеніе по службѣ, и потому его держали на мѣстѣ, несмотря на частые перерывы въ дѣятельности по случаю болѣзни. Ему посылали даже, противъ правилъ, бумаги на домъ. Тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что долго такъ продолжаться не можетъ...

— О чемъ совѣщались?—спросилъ онъ у дѣтей.

— Объ урокахъ, папа,—отвѣтила Оля.

— Объ урокахъ,—повторилъ задумчиво Серпуховъ.—Да, да, уроки—хорошее дѣло... во-время только...

Онъ приподнялъ голову, мягко улыбаясь.

— Я вотъ тоже, какъ прихворну, все объ урокахъ только и думаю,—произнесъ онъ.—Каждый часъ, каждый день—

Digitized by Google

все уроки и всѣ мы, люди, учимся, учимся и до сихъ поръ ничему не научились...

Сеня и Оля переглянулись между собою пугливыми взглядами. Въ ихъ головахъ мелькнула одна и та же мысль, что отецъ «заговаривается». Эта мысль часто приходила имъ въ голову.

— Мы, отецъ, о нашихъ урокахъ говорили,—замѣтила Оля осторожно, смотря пытливо на отца.

Онъ очнулся отъ своихъ думъ и съ мягкой усмѣшкой взглянулъ на дочь.

— Да, да, о какихъ же урокахъ вамъ и говорить покуда, какъ не о своихъ. Дѣти еще! Я думаю о другихъ урокахъ въ безсонныя ночи. Я вѣдь старикъ...

Онъ уловилъ движеніе Оли, хотѣвшей протестовать, и прибавилъ:

— Старикъ не по годамъ, а по опыту, по жизни, по здоровью. Годы ничего не значатъ. Можно чуть не столѣтъ оставаться ребенкомъ. Это большое несчастье и для себя, и для другихъ. Ребенокъ—всегда грубый эгоистъ, живетъ только настоящимъ, понимаетъ только мелочи явленій и всегда во всемъ видитъ игрушку...

Въ комнату торопливо вошла Марья Львовна съ выраженіемъ растерянности и испуга. Ея туалетъ былъ небреженъ, волоса нѣсколько въ безпорядкѣ. Увидавъ мужа, она заговорила съ заботливостью и тревогой:

— Ахъ, какъ это ты всталъ... Я прилегла у себя, задремала, а ты и ушелъ... Вѣдь Максимъ Максимовичъ не велѣлъ вставать, предписалъ спокойствіе...

Серпуховъ улыбнулся.

— Что онъ понимаетъ. Максимка предписываетъ спокойствіе, точно его въ аптекѣ на вѣсъ отпускаютъ. Нѣтъ, его такъ не купишь...

Онъ усмѣхнулся.

— И почему онъ знаетъ, когда я спокоенъ? Вотъ я здѣсь, среди васъ, ну, я и спокоенъ... Вотъ для того и пришелъ... Да мнѣ и лучше сегодня... А ты, дѣточка, все тревожишься... И такъ измучилась...

Юрій Дмитріевичъ взялъ руку жены и погладилъ ее, кротко улыбаясь. Что-то ребяческое было теперь въ выраженіи его лица. Странное дѣло, ему съ нѣкоторыхъ поръ самому начало иногда казаться, что онъ ребенокъ—маленькій, безпомощный, полубезсмысленный ребенокъ. Онъ даже ощущалъ невыразимую жалость къ этому ребенку и

Digitized by Google

чувствовалъ, что по его щекамъ текутъ слезы объ этомъ ребенкѣ. Это состояніе длилось обыкновенно нѣсколько минутъ или даже мгновеній. Онъ быстро приходилъ въ себя отъ мимолетнаго помраченія мозга, сдвигалъ брови, осматривался вокругъ и силился обдумать, что̀ съ нимъ дѣлается, почему ему приходятъ въ голову такія странныя мысли. «Почему? Вѣрно потому, что всѣ мы въ сущности дѣти,— разсуждалъ онъ, стараясь успокоить себя и найти логику въ своихъ мысляхъ:—злыя или добрыя, глупыя или умныя, но все же дѣти передъ лицомъ жизни, рока, Провидѣнія. Бога. Бѣгаемъ за какимъ-нибудь пестрымъ мотылькомъ, стремимся поймать блуждающій огонекъ, носимся съ погремушками и не замѣчаемъ, что подъ нашими ногами зіяютъ пропасти. Бьемся, изнемогаемъ, гибнемъ, проклинаемъ и, только когда уже близка смерть, сознаемъ, что нужны были въ жизни только чистая совѣсть и насущный хлѣбъ. Все остальное—призракъ». Эти мысли и теперь охватили его всего, и онъ точно забылъ, гдѣ онъ находится, и кто стоитъ около него.

— Отецъ, не провести ли тебя въ твою комнату?—спросилъ Сеня, думая, что отецъ дремлетъ.

Юрій Дмитріевичъ вздрогнулъ, очнувшись отъ своихъ думъ.

— Да я самъ, самъ,—заговорилъ онъ и сталъ подниматься.

Оля и Сеня взяли его подъ руки. Марья Львовна пошла сзади, готовая поддержать его, если онъ споткнется. Онъ шутилъ:

— Ахъ, чудаки, чудаки! Я самъ одинъ пришелъ, а они тащатъ меня теперь. Хлопотуны! Да я вотъ денька черезъ три опять пойду въ должность, а не то что...

Мысль о службѣ болѣе всего угнетала его: онъ все опасался, что ему дадутъ отставку, такъ какъ болѣзнь на этотъ разъ затянулась, и онъ не могъ работать даже на дому. Его руки стали дрожать и не повиновались ему, что̀ страшно сердило его. Иногда онъ бралъ перо и слѣдилъ за своею рукою, види, какъ она дрожитъ, прыгаетъ и выводитъ какія-то каракули вмѣсто буквъ; онъ сдвигалъ брови, ругая мысленно свою руку, какъ какое-то постороннее провинившееся передъ нимъ существо. Порой неповиновеніе оказывала не одна рука, а и память; начнетъ онъ что-нибудь говорить и забудетъ тотчасъ же; тогда начинался мучительный процессъ припоминанія забытаго, доводившій до головной боли. Въ такія минуты снова являлась страшная мысль о смерти или, вѣрнѣе сказать, о томъ, что̀ будетъ до его смерти:

Digitized by Google

долгая тяжкая болѣзнь, полная безпомощность, изнурительные хлопоты ближнихъ, мучительные заботы ихъ о томъ, гдѣ добыть денегъ.

— Господи, Господи, что-то будетъ!—шепталъ онъ, склонивъ на грудь голову и опустивъ на колѣни руки.

Мозгъ же работалъ все медленнѣе, больного охватывало какое-то полузабытье, въ душѣ стало являться успокоительное сознаніе, что какъ ни думай—все устроится такъ, какъ предназначено. Это сознаніе, мало-по-малу, стало брать верхъ надъ всѣми заботами и тревогами, въ душѣ начало царить какое-то ясное, почти радостное, равнодушіе къ завтрашнему дню и стремленіе жить только настоящей минутой. Порою Юрій Дмитріевичъ даже самъ удивлялся этому спокойствію, пробовалъ упрекать себя за равнодушіе, старался опять думать о своемъ положеніи, о положеніи семьи, но мысль работала плохо, возбужденія не было, равнодушіе не нарушалось. Иногда онъ начиналъ опять разсматривать свои опухшія ноги, надавливалъ кожу, слѣдя за образующимися въ ней ямками, но онъ дѣлалъ это теперь такъ, точно и эти ноги, и эта кожа стали не его, а чужими. Пухнутъ или не пухнутъ ноги, дѣлаются ямки или нѣтъ—ему все равно...

III.

Всѣ домашніе Серпухова стали убѣждаться, что ему гораздо лучше: онъ снова сталъ бродить одинъ по комнатамъ, лицо приняло особенно ясное и спокойное выраженіе, иногда онъ даже шутилъ. Какъ же было не думать, что онъ поправляется? Никому и въ голову не приходило, что именно теперь-то и было начало конца, что смерть уже дохнула на человѣка своимъ все охлаждающимъ дыханіемъ. Марья Львовна даже начала снова вѣрить въ то, что Юрій Дмитріевичъ скоро опять пойдетъ на службу.

Какъ-то разъ она осталась съ нимъ одна. Сеня былъ на лекціяхъ въ академіи, Оля была на урокѣ у Маріанны. Марья Львовна сидѣла въ гостиной и шила, Юрій Дмитріевичъ сидѣлъ тутъ же въ большомъ креслѣ. День былъ ясный, солнечный, близость весны уже начинала чувствоваться.

—.Петербургъ-то какъ нынче насъ радуетъ, все солнечные дни стоятъ,—проговорилъ Серпуховъ.

— Да, скорѣй бы весна, тогда ты совсѣмъ оправишься,—сказала Марья Львовна.—Ты вѣдь теперь себя лучше чувствуешь?

Digitized by Google

— Еще бы, еще бы! Ничего не болитъ,—отвѣтилъ онъ.— Слабость только. Да это пустяки. У меня натура крѣпкая. «Изъ вольнаго лѣса сколоченъ».

Въ передней раздался звонокъ.

— Кто это? Сеня или Оля? Что такъ рано?—произнесъ Юрій Дмитріевичъ.

Глаша вошла въ комнату и подала визитную карточку. Серпуховъ взглянулъ на нее и заволновался:

— Проси, проси!

Онъ быстро, дрожащими руками, сталъ оправлять свой халатъ.

— Кто это?—испуганно спросила Марья Львовна.

— Одинъ изъ директоровъ банка,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ Серпуховъ.—Справляться пріѣхалъ... боятся...

У него оборвался голосъ.

Въ комнату вошелъ довольно плотный и приземистый человѣкъ среднихъ лѣтъ. Онъ любезно раскланялся съ хозяйкой и подошелъ къ Юрію Дмитріевичу.

— Навѣстить васъ пріѣхалъ, милѣйшій Юрій Дмитріевичъ,—проговорилъ онъ, пожимая руку Серпухова.

— Благодарю... благодарю, — пробормоталъ больной.— Вотъ поправляюсь... Теперь уже хожу по комнатѣ... Дѣла бы мнѣ прислать...

— Не безпокойтесь, не утруждайте себя,—любезно сказалъ директоръ.—Отдохните, дѣла не убѣгутъ...

Онъ сѣлъ, поглядывая на больного. У того тряслась сильнѣе обыкновеннаго голова, и дрожали руки, перебиравшія полы халата.

— Можно закурить?—спросилъ посѣтитель.

— Пожалуйста... пожалуйста...

Юрій Дмитріевичъ заторопился, желая подать со столика спички и шаря около себя рукою.

— Не безпокойтесь!—сказалъ директоръ и закурилъ папиросу.—Вотъ теперь весна скоро, вамъ бы на югъ надо...

— Нѣтъ... нѣтъ... я и такъ... я теперь совсѣмъ здоровъ... слабость только...

Серпуховъ говорилъ прерывисто, силясь показать, что онъ здоровъ, и выдавая вполнѣ своимъ волненіемъ всю свою слабость.

— Какъ у насъ тамъ... всѣ здоровы, все по старому?— спросилъ онъ.

— Все по старому,—отвѣтилъ посѣтитель.—Вотъ попра-

Digitized by Google

вляйтесь да и къ намъ... Мы соскучились безъ васъ, милѣйшій другъ.

Онъ коснулся фамильярнымъ жестомъ колѣнки больного.

— Будьте молодцомъ. А то что это, въ самомъ дѣлѣ, расхворались. На что это похоже?

Онъ шутилъ съ полнымъ сознаніемъ, что тутъ уже все кончено, что надо только не тревожить больного, стараясь подбодрить его, онъ проговорилъ:

— Смотрите, чтобы недѣльки черезъ двѣ вы были на своемъ мѣстѣ! Безъ всякихъ отговорокъ!

Онъ поднялся съ мѣста и откланялся, опять повторивъ:

— И не думайте больше хворать, а то мы всѣхъ докторовъ напустимъ на васъ.

Онъ ушелъ, провожаемый Марьей Львовной въ переднюю.

Юрій Дмитріевичъ поникъ головой.

— Кончено, все кончено,—шепталъ онъ, волнуясь.—Шутитъ... какъ съ ребенкомъ говоритъ... «И черезъ двѣ недѣльки»... «Безъ всякихъ отговорокъ»... «Докторовъ напустимъ»...

У него захватило духъ.

Марья Львовна, провожая въ переднюю директора, съ ужасомъ услыхала отъ него, что онъ не думалъ, чтобы Юрій Дмитріевичъ былъ такъ плохъ. Она замѣтила директору, что ея мужу теперь легче. Директоръ только грустно вздохнулъ, проговоривъ: «Дай Богъ, дай Богъ». У нея защемило сердце отъ этихъ словъ, къ глазамъ подступили слезы. Быстро отирая ихъ, она въ сильномъ волненіи вернулась въ гостиную. Серпуховъ увидалъ, что она прячетъ въ карманъ носовой платокъ, понялъ, что посѣтитель сказалъ ей что-нибудь о его здоровьи, можетъ-быть, объ исключеніи его со службы, заволновался, поднялся съ мѣста и пошелъ ей навстрѣчу быстро и твердо, какъ онъ давно не ходилъ.

— Это... это,—началъ онъ.—Не вѣрь, дѣвочка...

Онъ сразу оборвалъ рѣчь, какъ подкошенный, свернулся на бокъ и упалъ во весь ростъ. Марья Львовна съ пронзительнымъ крикомъ бросилась къ нему, спрашивая:

— Дурно тебѣ? Ушибся? Юрій! Юрій!

Она тормошила его, неподвижнаго, мертваго...

Она, припавъ головой къ трупу, не звала никого, говорила съ мертвецомъ, повторяя:

— Папочка, папочка, что я буду дѣлать... на кого ты меня оставилъ... возьми меня съ собою, возьми!..

Digitized by Google

И снова, и снова ея руки шевелили мертвое тѣло, голова опять припадала на бездыханную грудь...

IV.

— Семенъ Юрьевичъ, какъ же насчетъ гроба... Тоже читальщикъ ждетъ... Или вы, Ольга Юрьевна, переговорите?

Глаша уже третій разъ входила въ гостиную и повторяла эти фразы, обращаясь къ Олѣ и Сенѣ, стоявшимъ около большого, длиннаго стола, на которомъ лежало уже обмытое тѣло Юрія Дмитріевича. Сеня обнялъ за талію сестру, она склонила къ нему на плечо голову и тихо плакала. Онъ тоже поминутно отиралъ слезы и старался утѣшить сестру. Слова Глаши, наконецъ, заставили ихъ очнуться.

— А мама?—спросилъ Сеня.—Надо ее спросить.

— Гдѣ ужъ Марью Львовну спрашивать, сами они не въ себѣ, чувствъ рѣшившись лежатъ... Теперь вы все,—проговорила Глаша.

Сеня тряхнулъ головой и сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы пріободриться.

— Да, да, сейчасъ!—отвѣтилъ онъ Глашѣ и обратился къ сестрѣ.—Ну, Оля, довольно... Иди къ мамѣ, постарайся ее успокоить хоть немного... Надо хлопотать теперь, распоряжаться...

Онъ нѣжно поцѣловалъ сестру въ голову.

— Крѣпись, голубка, теперь некому за насъ хлопотать, за насъ думать,—сказалъ онъ ласково.—Надо самимъ приниматься за дѣло.

Онъ и Оля еще разъ наклонились къ трупу и прильнули къ нему губами. Потомъ, проводивъ Олю до дверей, Сеня обратился къ Глашѣ:

— Зовите ихъ, кто тамъ ждетъ...

Черезъ минуту въ комнату вошли съ поклонами гробовщикъ и читальщикъ.

— Какой-съ гробъ, Семенъ Юрьевичъ, будете заказывать. Какъ у дѣдушки вашего?—спросилъ гробовщикъ съ развязностью стараго знакомаго, хотя онъ только сегодня узналъ имя Сени.—Мы-съ для него дѣлали, то-есть братъ мой...

Онъ бросилъ взглядъ на покойника.

— Водяною хворали-съ?

Сеня кивнулъ головой.

— Нужно бы съ металломъ-съ, то-есть, значитъ, чтобы не протекло,—пояснилъ гробовщикъ.—Въ случаѣ чего герметически запаять. Это первое дѣло.

Digitized by Google

Сеня немного растерялся.

— Вы думаете?—началъ онъ тревожно.

— Пухнетъ-съ всегда покойникъ послѣ водяной, тоже вода станетъ течь,—пояснялъ гробовщикъ.—Извѣстное дѣло, разложеніе соковъ... Иногда-съ крышки рветъ, такая сила...

Сеня, озабоченно потирая лобъ, проговорилъ:

— Если вы думаете, то дѣлайте, какъ лучше... какъ надо.

— Вы не безпокойтесь, Семенъ Юрьевичъ, мы все въ аккуратности сдѣлаемъ,—успокоилъ гробовщикъ.—Ваша мамаша были довольны, а что мой братъ, то и я...

Читальщикъ многозначительно подтвердилъ:

— Онъ ужъ сдѣлаетъ! Добросовѣстный человѣкъ! Дѣды ихъ еще гробовымъ дѣломъ занимались... А насъ—двоихъ или троихъ возьмете? Когда хоронить-то? Тоже надо знать...

Сеня не могъ отвѣтить сразу, ничего не сообразилъ.

— На Смоленское или на какое другое кладбище?—спросилъ гробовщикъ.

Сеня опять растерялся. Дѣда похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ. Вѣрно, и отца туда же надо? Гробовщикъ уже снималъ мѣрку съ покойника и мелкомъ замѣтилъ:

— Мѣсто вѣрно уже откуплено-съ.

— Мѣсто?—очнулся Сеня.—Нѣтъ, мѣсто еще не куплено...

И внезапно вспомнилъ о деньгахъ. Въ домѣ, вѣроятно, ничего почти нѣтъ. Изъ банка выдадутъ не сейчасъ. Надо перехватить хоть у Маріанны. Потомъ дать знать въ банкъ. Сколько выдадутъ? Надо сосчитать, что все будетъ стоить. Онъ дотронулся до рукава гробовщика, уже складывавшаго мѣрку.

— А объ цѣнѣ мы не говорили еще...

— Если все наилучшимъ манеромъ вы, Семенъ Юрьевичъ, желаете, мы исполнимъ все въ аккуратъ и лишняго не возьмемъ. То-есть ни копейки. Дѣдушку вашего хоронили, такъ ужъ вы, Семенъ Юрьевичъ, будьте благонадежны. Такъ похоронимъ, такъ похоронимъ...

— Все же я долженъ знать...

Начался торгъ. Впервые въ жизни Сеня дѣлалъ крупный заказъ самостоятельно, впервые ему приходилось торговаться, боясь, что у него не хватитъ денегъ. До этой поры обо всемъ заботился отецъ, даже во время болѣзни. Теперь заботиться некому, самому надо обо всемъ подумать. Въ душѣ подымалась какая-то горечь отъ сознанія, что первый опытъ практичности связанъ съ заказомъ гроба отцу. Ему стало противно, почти обидно спорить изъ-за рублей, изъ-за

Digitized by Google

копеекъ тутъ, около этого мертваго человѣка. Онъ вдругъ оборвалъ переговоры и съ выраженіемъ брезгливости нервно проговорилъ:

— Довольно, довольно! Дѣлайте все какъ слѣдуетъ...

И торопливо обратился къ читальщику:

— Вы читать хотите? Двоихъ нужно? Да? Приходите!

Читальщикъ началъ говорить о цѣнѣ.

— Да, да, знаю, согласенъ! — отвѣтилъ раздражительно Сеня, не слушая его.

Гробовщикъ и читальщикъ стали откланиваться, увѣряя его еще разъ, что онъ останется ими доволенъ.

Сеня, не слушая ихъ, не видя ихъ, съ глазами, полными слезъ, весь охваченный горемъ, припалъ къ груди отца, точно ища минутнаго успокоенія, необходимаго отдыха на этой холодной груди. Не прошло и двухъ минутъ, какъ кто-то проговорилъ надъ его ухомъ:

— А покровъ и шандалы-съ, Семенъ Юрьевичъ, сами изволите выбрать въ церкви?

Сеня, точно до него коснулся электрическій ударъ, выпрямился во весь ростъ и весь встряхнулся. Его глаза были уже сухи, лицо серьезно. Онъ взглянулъ на говорившаго— это былъ вернувшійся гробовщикъ.

— Да, самъ... все самъ,—отвѣтилъ безсознательно молодой человѣкъ.

«Надо хлопотать! надо хлопотать!» пронеслось въ его головѣ. Нельзя же заставлять другихъ дѣлать то, что онъ долженъ теперь сдѣлать. Не маленькій онъ, не Сеня уже, а Семенъ Юрьевичъ. На немъ лежатъ всѣ заботы, онъ глава семьи. Надо быть мужчиной. Онъ вспомнилъ, какъ отецъ часто говорилъ: «Бѣда наша, что мы, мужчины, обабились, тряпками стали». Онъ быстро вышелъ изъ гостиной, прошелъ въ спальню матери. Марья Львовна лежала въ полузабытьи. Около нея сидѣла Оля. Братъ поцѣловалъ ее и сказалъ, что онъ ѣдетъ хлопотать о деньгахъ, распорядиться всѣмъ. Потомъ онъ вышелъ и сталъ поспѣшно надѣвать пальто.

— Авдотьюшка, Глаша, поберегите барышню. Не уходите никуда,—говорилъ онъ служанкамъ.

— Ужъ будьте покойны, Семенъ Юрьевичъ,—отвѣчали тѣ.—Куда же намъ идти. Такое ли теперь время...

— Да, да! Я васъ сумѣю отблагодарить...

— Мы всегда были вами довольны; барышня тоже заботились,—заговорили онѣ разомъ.

Digitized by Google

Онъ вышелъ на улицу, озабоченный, серьезный, точно внезапно выросшій, превратившійся вполнѣ въ мужчину. Онъ чувствовалъ, что онъ уже не имѣетъ права малодушничать, прятаться отъ житейскихъ невзгодъ и тревогъ за чью-то спину.

V.

Оля и Сеня, глубоко потрясенные и безъ того смертью отца, рѣшительно потеряли голову, придумывая, какъ хоть немного успокоить мать. Она рыдала по цѣлымъ часамъ, она почти не отходила отъ гроба. Истерическій плачъ, безсмысленные крики, безумныя выходки, все это могло хоть кого свести съ ума. Явилось неожиданное для Сени и Оли, хотя и предвидѣнное гробовщикомъ обстоятельство, еще больше возбудившее Марью Львовну. Трупъ началъ быстро разлагаться. Сеня накупилъ разныхъ очищающихъ воздухъ снадобій, но читальщикъ замѣтилъ, что прежде всего нужно закрыть плотно гробъ. Иначе тѣло распухнетъ, что нельзя будетъ и закрыть гробъ. Гробовщикъ, суетившійся и забѣгавшій въ квартиру, былъ того же мнѣнія. Это было большое горе для Сени и Оли; но они, тѣмъ не менѣе, рѣшили, что надо скорѣе запаять гробъ. Марья Львовна, услыхавъ, что хотятъ совсѣмъ закрыть покойника, начала протестовать. Успокаивая и уговаривая ее, Сеня рѣшительно объявилъ, что иначе нельзя поступить. Она кричала, что она не позволитъ, не дастъ закрыть крышку. Пришлось увести ее изъ гостиной. Тутъ было отъ чего придти въ отчаяніе; Сеня совсѣмъ измучился. Была минута, когда онъ самъ поколебался, не зная, въ правѣ ли онъ не исполнять требованія матери. Но онъ овладѣлъ собою и поступилъ по-своему. Крышку закрыли и запаяли. Когда Марья Львовна увидала это, среди ея рыданій послышались крики: «Папочку у меня отняли! Не увижу я болѣе его! Взяли его у меня!» Это было что-то безумное. Противъ подобнаго проявленія горя были безсильны доводы, утѣшенія. Тутъ приходилось употреблять почти насиліе, уводить рыдающую женщину противъ ея воли изъ комнаты... Оля уже не чувствовала подъ собою ногъ, возясь все время съ матерью; Сеня только стискивалъ зубы. Онъ чувствовалъ, что въ его душѣ почти замерло горе объ отцѣ, а явилось только раздраженіе на мать, мучившую и терзавшую его сестру. Маріанна посовѣтовала брату и сестрѣ оставить Марью Львовну, не уговаривая, не утѣшая ее, такъ какъ всякія утѣшенія теперь еще болѣе возбуждали

Digitized by Google

несчастную, обезумѣвшую отъ горя женщину. Лучше всего дать ей полную волю наплакаться, накричаться. Кончится обрядъ погребенія, тогда сами собою пройдутъ эти припадки остраго горя, острой боли. Давая эти совѣты, Маріанна прибавляла, что нужно готчасъ же послѣ похоронъ перебраться съ квартиры, гдѣ все было полно горькихъ воспоминаній для Марьи Львовны. Куда перебраться? Сначала на дачу Кроля, такъ какъ домъ теплый, и тамъ уже можно жить даже теперь въ самомъ началѣ весны. А потомъ—Маріанна ласково и мягко замѣтила, что для семьи найдется на зиму помѣщеніе въ ея городскомъ домѣ. Оля пожала ей руку и проговорила:

— Твой мужъ говорилъ мнѣ какъ-то, что онъ можетъ выхлопотать мнѣ мѣсто городской учительницы. Я буду просить его объ этомъ...

— Ты не хочешь жить у меня?— спросила Маріанна.

Оля подняла на нее глаза.

— Я не одна... Мамѣ было бы тяжело...

— Да, да, ты права, — со вздохомъ согласилась Маріанна.

Въ минуту отдыха между хлопотами и панихидами они говорили теперь о будущемъ, какъ бы инстинктивно стараясь отвлечь свои мысли отъ настоящаго, отъ этого заколоченнаго гроба, къ которому было тяжело подойти близко, отъ этой кричащей женщины, которая жаловалась на нихъ, отталкивала ихъ отъ себя, ни разу даже не вспомнивъ, что они страдаютъ, быть-можетъ, не менѣе, чѣмъ она.

Вечеромъ, наканунѣ похоронъ, Сеня и Оля, усталые, измученные, сидѣли въ комнатѣ Оли. Сильная усталость и нервное возбужденіе лишили ихъ сна. Имъ хотѣлось только быть вдвоемъ, внѣ всѣхъ этихъ раздирающихъ сердце сценъ, внѣ всей этой похоронной сутолки, внѣ всѣхъ этихъ житейскихъ заботъ о читальщикахъ, попахъ, пѣвчимъ, могилахъ, могильщикахъ. Сеня замѣтилъ сестрѣ:

— Ты говорила съ Маріанной о мѣстѣ городской учительницы. Это тяжелый трудъ. Мамѣ Манѣ тяжело было бы жить у Маріанны, это правда, но вѣдь я могу жить съ ней. Ты приплачивала бы...

Она взглянула на него.

— Развѣ тебѣ было бы веселѣе безъ меня?—спросила она мягко.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она заговорила снова:

— Нѣтъ, будемъ жить всѣ вмѣстѣ, пока можно. Такъ

Digitized by Google

легче, такъ лучше. Помнишь, папа какъ былъ счастливъ, когда мы были всѣ вмѣстѣ?..

Она вздохнула, вспомнивъ объ отцѣ.

— О, если бы онъ зналъ, сколько у насъ горя!..

Братъ махнулъ рукою.

— Слава Богу, что не знаетъ... И такъ не легко прожилъ жизнь...

Онъ опять перешелъ къ вопросу о будущемъ.

— Такъ ты, значитъ, окончательно не хочешь жить у Маріанны? За себя я радъ, но боюсь, что ты приносишь непосильную жертву... Тебѣ нужно отдохнуть...

— Пустяки!—проговорила она. — Будемъ жить вмѣстѣ, вотъ и отдыхъ... И кромѣ того, что за роль буду я играть у Маріанны? Роль гувернантки? Маріанна слишкомъ привязана ко мнѣ, чтобы держать меня, какъ простую гувернантку. Роль бѣдной родственницы? Зачѣмъ? Наконецъ, эта богатая обстановка, эта жизнь на всемъ готовомъ...

Она пожала плечами.

— Лучше стать теперь на свои ноги, чѣмъ тогда, когда уже не будетъ силъ... Меня мое будущее не пугаетъ, я боюсь только за маму... совсѣмъ она потерялась несчастная, и что больнѣе всего, такъ это то, что она смотритъ на насъ, какъ на чужихъ...

— Развѣ мы виноваты? — воскликнулъ раздражительно Сеня.

Поведеніе матери все время раздражало его нервы.

— Да развѣ вопросъ въ томъ, кто виноватъ?—тихо проговорила Оля.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Знаю! знаю! но что же дѣлать? Я самъ не знаю, что дѣлалось со мною вчера, когда она вцѣпилась въ меня и стала кричать: «Ты не смѣешь, не смѣешь заколачивать гробъ». Вѣдь это можетъ свести меня съ ума. Развѣ я или ты виноваты въ этомъ? Развѣ намъ-то не тяжело?

Оля не дала ему кончить, тихо замѣтила:

— Это острое горе, это пройдетъ...

— А что дальше, что дальше будетъ? Ты думаешь, что дальше будетъ легко ладить?

Оля не отвѣтила на этотъ вопросъ. Она сама боялась заглядывать впередъ, на будущія отношенія къ матери.

— Мы сдѣлали все для нея, что можемъ, — замѣтила она. — Будемъ работать, насколько хватитъ силъ, чтобы она не нуждалась.

Digitized by Google

— Если бы этимъ исчерпалось все!—проговорилъ Сеня.

Оля только вздохнула. Женское чутье подсказало ей что-то недоброе. Какія-то смутныя опасенія за мать гнѣздились въ душѣ. Въ головѣ проносилась мысль: «Господи, если бы она хотя немного любила насъ, если бы она умѣла вообще любить».

Рано утромъ, въ день похоронъ, всѣ были уже на ногахъ въ домѣ. Собрались пѣвчіе, духовенство, масса народу. Съѣхались родные и знакомые, набѣжали любопытные: одни—чтобы взглянуть, каковъ гробъ, другіе — чтобы услыхать, какъ убивается «сама», третьи—чтобы посудачить о чемъ попало. Въ одномъ углу Максимъ Максимычъ объяснялъ причину смерти: «разрывъ сердца или тромбъ; удивительно не то, что Серпуховъ умеръ такъ внезапно, а то, что онъ жилъ такъ долго съ болѣзнью сердца». На лѣстницѣ приземистый и коренастый директоръ банка объяснялъ, что онъ послѣдній видѣлъ Юрія Дмитріевича и тогда же рѣшилъ, что Серпуховъ не жилецъ на свѣтѣ; такъ и вышло. Всѣ слушали и Максима Максимовича, и директора банка. Обстоятельства, сопровождающія смерть, всегда интересны... Въ комнатѣ, между тѣмъ, было душно, воздухъ былъ тяжелъ, становилось тошно. Священникъ торопился служить, читая скороговоркой, не ожидая окончанія пѣвчими пѣнія. Присутствующіе крестились какъ-то торопливо, раньше времени загасили свѣчи, точно отъ этого зависѣлъ конецъ службы. Когда кончилась служба, въ комнатѣ раздались крики Марьи Львовны, припавшей къ гробу, бившейся головой объ его крышку. Сынъ и дочь почти унесли ее отъ гроба въ истерическомъ припадкѣ. Въ ихъ головахъ мелькнула невольная мысль: «скорѣй бы все кончилось!» Объ отцѣ они уже почти не могли думать; слезъ уже не было на глазахъ. Была одна забота—справиться съ матерью. Печальная процессія, наконецъ, двинулась. Марью Львовну почти уложили въ карету. Сеня и Оля пошли за дрогами, тяжело дыша отъ усталости и набирая свѣжаго воздуха. Идти за гробомъ было для нихъ теперь какъ бы отдыхомъ. Они шли подъ руку, прижавшись другъ къ другу, не обращая ни на кого вниманія, точно кругомъ не было никого, кромѣ ихъ и этого гроба...

На половинѣ дороги чей-то блестящій экипажъ догналъ гробъ, остановился, и изъ него вышелъ Евгеній Александровичъ Шаховъ. Онъ снялъ свой цилиндръ, перекрестился, подошелъ къ шедшимъ за гробомъ Олѣ и Сенѣ. Его сна-

Digitized by Google

чала не замѣтили. Онъ заговорилъ. Оля вздрогнула, услышавъ его голосъ.

— Вы? Здѣсь?—почти съ ужасомъ проговорила она, глядя на него широко открытыми глазами.

Все прошлое разомъ воскресло въ ея памяти. Въ душѣ поднялась ненависть къ этому человѣку.

— Я только сегодня узналъ... потому и не могъ раньше,— началъ Шаховъ.—Какая страшная потеря!..

Онъ былъ смущенъ, путался, говорилъ наугадъ. Онъ узналъ о смерти Серпухова два дня тому назадъ, но не зналъ, какъ поступить: ѣхать или не ѣхать? Сначала онъ рѣшилъ не ѣхать; потому ему показалось это неловкимъ, явилась даже благодушная мысль, что онъ, можетъ-быть, можетъ чѣмъ-нибудь помочь семьѣ. Явилось даже извѣстное умиленіе при воспоминаніи о давно прошедшихъ дружескихъ отношеніяхъ къ «бѣдному» Серпухову. Потомъ снова какой-то внутренній голосъ подсказалъ: «но какъ же ѣхать, Маня что скажетъ?» Онъ рѣшилъ не ѣхать. Тогда явилась къ нему жена съ газетой въ рукахъ и спросила его, знаетъ ли онъ о смерти Серпухова. Вѣрно онъ пропустилъ публикацію? Надо ѣхать, нельзя же порывать связь со всѣми родными, и такъ онъ отшатнулся ото всѣхъ. Произошла небольшая сцена, и Шаховъ уклончиво сказалъ, что, можетъ-быть, онъ еще поѣдетъ—подумаетъ и поѣдетъ. Въ душѣ онъ рѣшилъ не ѣхать—рѣшилъ твердо именно потому, что теперь и жена хотѣла ѣхать съ нимъ. Мало ли что можетъ случиться. Маня, въ припадкѣ отчаянія, можетъ сдѣлать сцену. Она вѣдь никогда не отличалась тактомъ, а теперь, въ минуту горя, и подавно. Онъ сказалъ женѣ, что поѣдетъ и рѣшилъ въ день похоронъ внезапно заболѣть зубною болью. Этимъ путемъ все уладится. Нельзя же будетъ ѣхать, когда начнется страшная зубная боль. Однако, случай сыгралъ съ нимъ плохую шутку. Евгеній Александровичъ встрѣтился съ однимъ изъ Кролей. Они встрѣчались въ обществѣ нерѣдко, и въ этой встрѣчѣ не было ничего удивительнаго. Кроль спросилъ его, почему онъ не былъ на панихидѣ у Серпухова? Не зналъ, вѣрно, о его смерти? Шаховъ сконфузился, въ замѣшательствѣ выразилъ сожалѣніе о томъ, что онъ не прочелъ публикаціи о смерти Серпухова, заявилъ, что онъ непремѣнно, непремѣнно поѣдетъ—и тотчасъ же въ его головѣ мелькнула мысль, что объ его отсутствіи уже говорятъ, что это можетъ вызвать разныя предполо-

Digitized by Google

женія и сплетни, что онъ долженъ ѣхать на похороны уже ради избѣжанія толковъ. Онъ поѣхалъ...

— Я даже не зналъ, что онъ былъ такъ тяжко боленъ,— началъ Шаховъ, желая оправдаться передъ Олей и Сеней.

Оля, охваченная страхомъ за мать, сухо перебила его.

— Я надѣюсь, что вы не будете въ церкви,—глухимъ голосомъ проговорила она и отчетливо закончила:—У нашей матери и такъ много горя...

Шаховъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Этого онъ не ждалъ.

— Я... я, Ольга Юрьевна,—началъ онъ, запинаясь.

Она даже не взглянула на него, продолжая идти подъ руку съ братомъ за гробомъ отца. Евгеній Александровичъ, растерявшійся, не знавшій, что говорить, бросилъ взглядъ на Сеню, какъ бы ища его поддержки. Сеня упорно смотрѣлъ подъ ноги, продолжая свой путь. Выраженіе его лица было холодно и сурово. Шаховъ понялъ, что братъ и сестра все знаютъ, что они его ненавидятъ, презираютъ, онъ остался стоять на дорогѣ. Ему крикнули: «берегись», онъ машинально сунулся въ сторону, перешелъ на тротуаръ, пошелъ назадъ безъ мысли, безъ цѣли...

— Женя, куда ты?—донесся до него немного визгливый женскій голосъ.

Онъ опомнился, очнулся, вспомнилъ о женѣ.

— Голова закружилась,—проговорилъ онъ, подходя къ каретѣ.—Домой...

— Ну, вотъ еще... Пройдетъ,—капризно заговорила она, дѣлая гримаску.

— Нѣтъ, нѣтъ, домой!—рѣшительно приказалъ онъ кучеру, садясь въ экипажъ.

И, сдвинулъ назадъ шляпу, онъ потеръ рукою лобъ.

— Это странно... Догнали покойника и вернулись назадъ!—раздражительно произнесла она.—Право, можно подумать, что ты боишься показать меня своей роднѣ. Годъ живемъ въ Петербургѣ и даже не заглянули въ домъ Кроля. Зачѣмъ же тогда было дѣлать визитъ къ его женѣ по пріѣздѣ послѣ свадьбы изъ-за границы? Твоя кузина должна считать меня невѣжей. Не ей же было отыскивать меня въ Петербургѣ, когда она даже не знала, здѣсь ли я. Теперь былъ случай встрѣтиться, такъ ни на одну панихиду не поѣхалъ; уговорила ѣхать на похороны—и ворочаемся обратно...

Онъ раздражился.

— Точно о спектаклѣ о похоронахъ говоришь.

Digitized by Google

— О похоронахъ! о похоронахъ!—запальчиво воскликнула Софья Андреевна.—Я не о нихъ говорю, а о Маріаннѣ, о другихъ родныхъ... Я вовсе не желаю прятаться отъ нихъ. Мнѣ вездѣ говорятъ, что у Кролей собирается избранное общество, меня спрашиваютъ, почему мы не бываемъ у нихъ. Вѣдь мы родные.

Онъ отвернулся отъ нея и молчалъ, кусая губы. Она уже не разъ дѣлала ему бурныя сцены за то, что онъ не даетъ ей возможности щегольнуть своими туалетами среди «избраннаго» общества въ домѣ Кроля. Она думала, что именно въ этомъ обществѣ, такъ какъ оно «избранное», всѣ на перебой щеголяютъ нарядами...

VI.

Въ квартирѣ Серпуховыхъ царствовалъ хаосъ приготовленій къ переѣзду съ квартиры, говорившій о разореніи стараго насиженнаго гнѣзда. Сеня и Оля рѣшили, какъ они будутъ жить. Сперва переберутся на дачу въ Павловскъ, потомъ Оля надѣялась получить городскую школу и поселиться тамъ съ матерью и братомъ. Лишнюю мебель, лишнюю посуду надо было продать; оставить предполагалось только то, что было необходимо. Почти каждый день братъ и сестра спрашивали у матери, какъ она думаетъ, надо или не надо сдѣлать то или другое, какія вещи можно продать, и что слѣдуетъ оставить.

— Что вы меня спрашиваете?—раздражительно отзывалась Марья Львовна.—Продавайте хоть все, мнѣ все равно. Мнѣ ничего не надо.

Сеню это начало нѣсколько бѣсить. Хлопотъ у него было и такъ не мало; ему хотѣлось поскорѣй все устроить, чтобы опять зажить ровною жизнью, учась и работая.

— Долженъ же я знать, мама, что ты желала бы сохранить, и что тебѣ не нужно,—замѣтилъ онъ, наконецъ, Марьѣ Львовнѣ.—Всего оставить мы не можемъ, помѣщеніе придется нанять небольшое, такъ какъ средства будутъ не велики.

— Знаю я, знаю, что нищими мы стали,—заплакала она.

— Полно, не плачь!—остановилъ онъ ее.—Нищими не будемъ, придется только жить расчетливѣе, вотъ и все. Ты должна лучше насъ знать, что необходимо для хозяйства, потому мы и спрашиваемъ, что можно и чего нельзя продавать...

— Мнѣ ничего теперь не надо, ничего!—воскликнула Марья

Digitized by Google

Львовна.—Какая я теперь хозяйка? Изъ вашихъ рукъ буду смотрѣть. Своего у меня ничего нѣтъ.

— Что будетъ у насъ, то будетъ и у тебя, — сдержанно сказалъ Сеня.

— Мнѣ ничего не надо, ничего!..

Сеня нетерпѣливо пожалъ плечами. Онъ точно попалъ въ бѣличье колесо, откуда нѣтъ выхода, какъ ни вертись. Фразы «мнѣ ничего не надо» и «мнѣ все равно» были началомъ и концомъ всѣхъ разговоровъ съ Марьей Львовной. Это начинало разстраивать нервы, поднимать желчь.

Дѣйствительно, ей было все равно, что дѣлалось дома. Ея постояннымъ мѣстопребываніемъ сдѣлалась могила мужа. Съ утра она собиралась на кладбище и проводила здѣсь цѣлые часы, рыдая, причитая, повторяя:

— Папочка, папочка мой, не знаешь ты, что я плачу! Ни угла, ни пристанища скоро у меня не будетъ.

Иногда, наплакавшись вволю, она застывала въ тупомъ оцѣпенѣніи, думая о томъ, что будетъ дальше. На счетъ Маріанны придется жить, Сеня и Оля будутъ зарабатывать деньги на ея прокормленіе, въ душѣ станутъ желать ея смерти, потому что она лишній ротъ. Платье ей понадобится, башмаки стопчутся, шляпка будетъ нужна, придется просить у нихъ. Никогда она не побиралась, никогда! Папочка отдавалъ ей деньги и не спрашивалъ, на что она ихъ тратитъ... Теперь надо будетъ каждый грошъ спросить. Они и не поймутъ, каково ей это. Сердца у нихъ нѣтъ. Вотъ и теперь, — продаютъ все, и горя имъ мало. Вчера съ этажерки вещицы мелкія продали. «Куда, говорятъ, всѣ эти игрушки и побрякушки. Теперь не до нихъ». А тамъ каждая вещица память. «Будемъ, говорятъ, жить съ расчетомъ, скромно, не помремъ съ голоду и не протянемъ руки за милостыней». Извѣстно, что это значитъ, жить съ расчетомъ. Каждую копейку будутъ считать, каждый фунтъ хлѣба считать. «Еще бы! своимъ трудомъ все будутъ добывать, а я изъ милости буду жить». Въ душѣ поднималась горечь, негодованіе противъ дѣтей.

Какъ-то она, лежа въ своей комнатѣ, услыхала дома разговоръ Оли съ Авдотьей.

— Авдотьюшка, смотри хоть ты, что нужно изъ посуды,— спрашивала Оля у кухарки.—Вѣдь теперь же намъ не вечера придется задавать. Тутъ много лишняго. Теперь этотъ хламъ не нуженъ.

— Да вотъ хоть бы сервизъ аглицкій,—заявила Авдотья.—

Digitized by Google

Его и при покойномъ баринѣ разъ въ годъ подавали. А теперь на что онъ.

«Это мнѣ мой папочка въ приданое далъ»,—вспомнила Марья Львовна и заплакала не то о сервизѣ, не то о томъ времени, когда ей приданое готовили.

— Тоже самоваръ большой купили! Его и не поднимешь съ водой-то...

— Да, да, теперь онъ не нуженъ, — согласилась Оля.— Гостей скликать не будемъ...

«Запремся одни, какъ въ могилѣ,—мелькнуло въ головѣ Марьи Львовны.—Гдѣ ужъ чужихъ кормить, когда себѣ едва хватитъ хлѣба».

— Господи, какое несчастье, что мама не можетъ ничего посовѣтовать,—со вздохомъ сказала Оля.

— Гдѣ ужъ барынѣ, сами не въ себя онѣ, — замѣтила Авдотья.

Въ кухню вошелъ Сеня, усталый, озабоченный; онъ остановился въ дверяхъ, смотря на этотъ безпорядокъ разбираемой посуды, закупориваемыхъ ящиковъ, обрывковъ бумаги, клочковъ сѣна.

— Ну, что?—спросилъ онъ Олю.—Скоро конецъ?

— Кажется, скоро, — отвѣтила Оля, присаживаясь на ящикъ.—Ахъ, какъ я буду счастлива, когда мы переѣдемъ. Я никакъ не думала, что все это будетъ такъ сложно и тяжело...

Онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее.

— Устала ты, бѣдняжка!

Потомъ, торопясь кончить дѣло продажи вещей и переѣзда, онъ проговорилъ:

— Съ рынка сейчасъ придутъ покупщики. Извозчиковъ я уже подрядилъ на завтра. Придется, конечно, многое сбыть очень дешево. Но что же дѣлать, надо кончить скорѣе. У меня экзамены, уроки, — а эта возня отнимаетъ столько времени.

Глаша, услыхавъ, что переѣзжаютъ завтра, встрепенулась и невольно спросила:

— А какъ же я, Семенъ Юрьевичъ? Разсчитаете меня?

— Зачѣмъ?—отозвался Сеня.—Покуда вы нужны...

Онъ обратился къ сестрѣ и сказалъ по-французски:

— Мамѣ нужна горничная. Покуда хватитъ средствъ. Если же достанешь городскую школу, тогда и подавно съ одной кухаркой не справиться. И жаль отпустить Глашу...

Марья Львовна, услыхавъ о близости переѣзда съ квар-

Digitized by Google

тиры, испугалась чего-то. Она встала, пошла бродить по комнатамъ. Здѣсь теперь каждый уголокъ былъ для нея полонъ воспоминаній. Она вѣчно жаловалась на свою судьбу, а теперь все прошлое представало передъ ней въ свѣтлыхъ краскахъ,—точно вся жизнь ея была сплошнымъ счастливымъ сномъ. Въ то же время въ головѣ проносились мысли, что это гнѣздо разорили, что ее гонятъ отсюда. Кто? Дѣти. Она не отдавала себѣ отчета въ томъ, что дѣти вовсе не виноваты въ разореніи насиженнаго гнѣзда, въ переѣздѣ изъ этого мирнаго уголка; она видѣла только одно, что разоряютъ гнѣздо они, что переѣзжать ее заставляютъ они же; за это противъ нихъ поднималось враждебное чувство.

Какіе-то грубые мужицкіе голоса и топотъ толстыхъ сапогъ заставили ее очнуться. Въ квартиру набрались маклаки. Началась продажа всего лишняго, торгъ изъ-за грошей, строптивыя восклицанія Сени, божба торгашей, что дороже нельзя дать... «Господи, Господи, какъ они кричатъ!—воскликнула Марья Львовна, забившись въ уголъ своей комнаты и затыкая уши.—Все гроши и гроши на первомъ планѣ у всѣхъ. Такъ молоды, а ни о чемъ, кромѣ денегъ, не думаютъ». Потомъ начали увязывать вещи, вытаскивать узлы, мебель.

— Папочку, папочку такъ выносили, — стонала Марья Львовна...

Вечеромъ заѣхала Маріанна на минуту, только взглянуть на своихъ «дѣтей», какъ она называла Сеню и Олю.

— Ну, что? все кончили, слава Богу?—спрашивала она.— Ахъ, какъ я рада за васъ! Завтра переѣдете на дачу и конецъ, вздохнете свободно. Обоимъ вамъ отдыхъ нуженъ.

Она расцѣловала брата и сестру и спросила о Марьѣ Львовнѣ. Ей сказали, что Марья Львовна у себя въ комнатѣ.

— Отдыхаетъ?

Сеня пожалъ плечами.

— Должно-быть.

Маріанна пришла немного въ замѣшательство: идти или не идти къ Марьѣ Львовнѣ. Она хорошо знала эту женщину: не зайти—станетъ говорить, что ее знать не хотятъ, зайти — можетъ опять изъ-за чего-нибудь раскапризничаться.

Она обратилась къ Олѣ.

— Оля, зайди и взгляни... Можетъ-быть, она спитъ...

Оля прошла въ комнату матери. Марья Львовна лежала

Digitized by Google

съ открытыми глазами. Что-то тупое и въ то же время лихорадочное было въ выраженіи этихъ глазъ. Казалось, она видѣла передъ собой какіе-то призраки и не то не могла сообразить, что происходитъ передъ нею, не то была охвачена ужасомъ, вызваннымъ этими представленіями. Она вздрогнула при появленіи дочери, но не шевельнулась съ мѣста.

— Маріанна заѣхала,—начала Оля.

— Ну?—тупо спросила Марья Львовна.—Что ей надо? Полюбоваться на разгромъ, на разоренье захотѣлось?

Оля подавила вздохъ и спросила:

— Ты выйдешь или ей придти къ тебѣ?

— Не надо, не надо! Никого мнѣ не надо! — воскликнула Марья Львовна.

— Мама, успокойся!—ласково заговорила Оля и хотѣла наклониться къ матери.

— Иди, иди! Оставьте меня, оставьте! — махая рукой, воскликнула Серпухова.

Дочь, опечаленная, смущенная, вышла. Она сказала Маріаннѣ, что мать уснула. Маріанна поняла по выраженію лица Оли, что Марья Львовна просто не хочетъ выходить. Посидѣвъ немного съ молодыми людьми, Маріанна уѣхала. Тотчасъ же послѣ ея ухода Оля заговорила съ братомъ о матери. Что съ ней дѣлается? Что предпринять, чтобы хотя немного успокоить ее? Такъ жить нельзя. Это будетъ пытка и для нея, и для нихъ. Разстроенные всѣми событіями послѣднихъ дней, нервы не выдержали, Оля разрыдалась. Братъ подсѣлъ къ ней, сталъ ее уговаривать, повторяя первыя попавшіяся на языкъ слова утѣшеній. «Все пройдетъ, время лучшій цѣлитель, освоится мать съ своимъ положеніемъ, пойметъ, что ей не хуже жить съ дѣтьми, чѣмъ жилось прежде, примирится. Вѣдь утѣшилась же она послѣ потери своего отца?» Но все это были слова и только слова, въ которыя не вѣрилъ самъ Сеня. Онъ и Оля понимали, что теперь горе отразилось на ихъ матери не такъ, какъ тогда, что утѣшить и успокоить ее не въ ихъ власти. Пересоздать ея характеръ нужно, вложить въ нее иную душу нужно, чтобы она стала иначе смотрѣть на свое положеніе. Этого они не могли сдѣлать.

VII.

Братъ и сестра не ошибались. Дѣйствительно нужно было пересоздать Марью Львовну, чтобъ она успокоилась. Никогда она не любила никого той безкорыстной любовью, которая

Digitized by Google

не знаетъ невозможныхъ жертвъ для любимаго существа. Никогда она не могла понять, что и другіе люди способны на такую любовь, хотя ее и любили именно такъ и отецъ, и мужъ. Оставшись теперь безъ отца и мужа, она остановилась на одной мысли, что она будетъ зависѣть отъ дѣтей, что они будутъ тяготиться ея присутствіемъ, станутъ усчитывать куски хлѣба, попрекать ее. Впереди былъ какой-то адъ, а не жизнь. Остановившись на этой мысли, она теперь ловила проблески этой горькой жизни во всемъ, продаютъ они все, толкуютъ о сокращеніи расходовъ, хозяйничаютъ сами—дальше будетъ еще хуже. Ни разу она не задумалась о томъ, что иначе они не могли дѣйствовать, что она сама отказалась отъ роли распорядительницы. Въ головѣ ея проносились мысли, что они даже отца не любили: не успѣли его схоронить, а они уже погрузились въ мелочныя соображенія, продаютъ вещи, съ которыми связаны воспоминанія, хотятъ бѣжать изъ квартиры, гдѣ все еще полно прошлымъ. Какъ тяжело имъ это — этого она даже и не подозрѣвала. Она видѣла только ихъ сухость, черствость, мелочность. Вѣрная себѣ, она сознавала только то, что чувствовала она сама, и не задавала себѣ вопроса о томъ, что могутъ и должны переживать другіе въ тяжелыя минуты. Когда уносили маклаки разныя вещи, ей все представлялось, что изъ квартиры второй разъ уносятъ покойника: «сперва папочку унесли, теперь послѣднее воспоминаніе о немъ хоронятъ». На другой день утромъ ее разбудилъ топотъ мужицкихъ ногъ... «Опять похороны!» пронеслась въ ея головѣ мысль, и она быстро стала одѣваться... «Бѣжать, бѣжать надо, чтобъ не видѣть этого новаго разоренія», подсказывалъ ей какой-то тайный голосъ. «Куда? на могилу къ папочкѣ — куда же больше? ничего у нея нѣтъ, кромѣ этой могилы».

— Мама, куда ты?—спросила ее изумленная Оля, видя ее уже совсѣмъ одѣтою.

— Къ папочкѣ, куда же больше? — проговорила Марья Львовна.

— Мы же сегодня перебираемся... Какъ же?—спросила дочь съ недоумѣніемъ.

— Я послѣ пріѣду,—отвѣтила мать.

— Одна?

— Да, да, одна.

Оля стала ее уговаривать. Разстроится она. Можно вѣдь и изъ Павловска на кладбище съѣздить. Мать не слушала ее. Оля совсѣмъ растерялась и только могла проговорить:

Digitized by Google

— Такъ, значитъ, не ждать тебя?

Мать махнула рукой и вышла.

«Проститься съ отцомъ даже не думаютъ дѣти,—вертѣлось въ ея головѣ.—Что имъ отецъ, мать?»

Она шла по направленію къ кладбищу, даже не думая нанять извозчика, хотя дорога была дальняя. На Васильевскомъ островѣ, чѣмъ ближе къ кладбищу, тѣмъ чаще виднѣлись погребальныя процессіи. «Счастливые! счастливые!— бормотала Марья Львовна, видя гробы съ покойниками.— Умерли — и ничего не знаютъ, ни горя, ни печали». Она дошла до кладбища, пробралась къ могиламъ мужа и отца и почти упала на нихъ. Полились жалобы. «Тяжело ей, одинокой, не знаютъ они ея горя. Взяли бы ее къ себѣ». Сначала она билась въ слезахъ, потомъ слезы изсякли, явилось какое-то отупѣніе. Она сидѣла теперь на могилѣ отца, сжавъ руки, стиснувъ зубы, съ тупымъ лихорадочнымъ взглядомъ. Гдѣ-то раздавались стоны и крики. Это уже хоронили покойниковъ. Потомъ все смолкло. Кладбище начало пустѣть. Она все сидѣла. Къ ней подходили нищіе, плакали, просили жалобными голосами: «милостыньку Христа ради, родителей помянуть». Она не измѣняла позы, не видѣла ихъ, и они, наконецъ, проходили дальше, смущенные видомъ этой неподвижно застывшей на мѣстѣ женщины.

День былъ ясный, солнечный, на деревьяхъ наливались почки, слышался повсюду гомонъ птицъ. Тѣмъ не менѣе, въ воздухѣ были сырость и холодъ петербургской весны. Марью Львовну вдругъ охватила дрожь; лихорадочный ознобъ пробѣжалъ по тѣлу. Она очнулась. Надо идти домой. Она пошла какъ-то безсмысленно, безцѣльно. Она шла домой медленно, чувствуя усталость и ознобъ. Куда она идетъ, она теперь не сознавала. Наконецъ, она дошла до знакомаго дома, вошла во дворъ, стала подниматься по лѣстницѣ, дошла до дверей и только тутъ, передъ этой дверью, когда ей бросилось въ глаза на темномъ фонѣ свѣтлое пятно на томъ мѣстѣ, гдѣ была еще вчера мѣдная доска съ именемъ ея мужа, она вспомнила, что ея семья уже переѣхала. Она точно растерялась. «Переѣхала? а какъ же она?» Она безсознательно дернула за ручку дверь—дверь отворилась: въ квартирѣ все было пусто, вездѣ былъ соръ, комки бумаги, клочья сѣна. Она прошлась по комнатамъ, смущенная, утратившая всякій смыслъ.

— Какъ же это такъ! Переѣхали?—И мнѣ надо переѣхать? Куда? Къ Маріаннѣ?

Digitized by Google

Въ душѣ вдругъ поднялся гнѣвъ: кокотка, любовница, повѣнчавшая на себѣ любовника, теперь кажется барыней, кланяются всѣ ей, уважаютъ ее. Роль покровительницы бѣдныхъ разыгрываетъ, поднимаетъ голову, какъ честная женщина. Она-то честная?.. А она, сама Марья Львовна? За что она наказана? за что страдаетъ? Всю жизнь была честною... Ей внезапно вспомнился Шаховъ! «О, ненавистный человѣкъ, онъ погубилъ ее. Папочку это убило»... Она присѣла на подоконникъ, смотря въ пространство. Въ головѣ роились новыя мысли. «Папочка понялъ, что она была не виновата, онъ простилъ. Не виновата — за что же ей выпала такая доля? Вотъ теперь нужно будетъ изъ чужихъ рукъ смотрѣть. Маріанна будетъ покровительствовать, станетъ за ея спиной говорить ея дѣтямъ, что они были бы счастливѣе, если бы ея не было. Она ихъ связываетъ»...

Начинало смеркаться. Ей опять стало холодно, — лицо горѣло, а по тѣлу пробѣгала дрожь. Гдѣ-то, вѣроятно, въ сосѣдней квартирѣ, послышались шаги. Она очнулась, осмотрѣлась и ей показалось, что кто-то говоритъ ей: «пора!» Она встала, пошла, бормоча:

— Да, да, пора!

Она вышла на площадку лѣстницы и остановилась. Совершенно неожиданно она увидѣла передъ собой за перилами цѣлую пропасть — широкій пролетъ лѣстницы. Онъ всегда пугалъ ее, особенно въ ту ночь, когда умиралъ ея отецъ. Хорошо помнила она эту ночь. Съ этой ночи начались всѣ ея несчастія. Какъ она тогда испугалась, встрѣтивъ мужа. Она увлеклась тогда и наговорила ему Богъ знаетъ чего. Не въ своемъ умѣ была отъ горя, вотъ какъ теперь... Теперь этотъ пролетъ навелъ на нее почти ужасъ. Она попятилась къ дверямъ, точно она могла упасть въ этотъ пролетъ. Въ то же время въ головѣ мелькнула мысль: «Упала бы и конецъ! Не нужно мучиться, не нужно кланяться всякимъ бездушнымъ тварямъ, всякимъ развратницамъ». Она еще плотнѣе, почти безъ силъ, прижалась къ дверямъ, сторонясь отъ перилъ, сознавая, что ее тянетъ къ нимъ какая-то невѣдомая сила. Въ ушахъ зазвенѣло. Ей показалось, что гдѣ-то плачутъ.

— Вотъ такъ плакали сегодня надъ покойниками, а покойники ничего не слышатъ, не знаютъ.

На лѣстницѣ становилось темно, жутко. Марья Львовна почувствовала, что надо идти скорѣе. Который часъ? Когда идетъ поѣздъ? Сколько времени ѣзды до Павловска? Точно

Digitized by Google

въ могилу она заживо будетъ зарыта тамъ. Дѣти будутъ хозяйничать, Маріанна будетъ вести свою открытую жизнь. Опутала богача и торжествуетъ...

«А покойники ничего не слышатъ, не знаютъ, — пронеслась снова въ головѣ роковая мысль. — Кинуться внизъ и конецъ».

Ее охватилъ смертельный страхъ, и въ то же время точно что-то толкнуло къ периламъ. На одно мгновеніе все помутилось въ головѣ. Она отдѣлилась отъ стѣны, машинально подошла къ зіявшей передъ нею пропасти, уже наполнявшейся сумракомъ вечерѣющаго дня, безсознательно схватилась за перила и почти безъ чувствъ повисла внизъ головой. Тутъ ей показалось, что это такъ легко: перебросится и конецъ. Вотъ такъ: подняться на узоры рѣшетки, потеряется равновѣсіе — и конецъ. Она, точно неразумный ребенокъ, не сознающій опасности своихъ шалостей, попробовала, какъ это можно сдѣлать...

Во всѣхъ квартирахъ, двери которыхъ выходили на лѣстницу, жильцы слышали неистовый вопль отчаянія, страха, мольбы, трусости, просящій о помощи:

— Спасите! Спасите!

Потомъ послышался звукъ паденія какого-то тяжелаго мягкаго тѣла. На лѣстницѣ во всѣхъ этажахъ захлопали двери, замелькали свѣчи, засновалъ народъ. Всѣ перевѣшивались чрезъ перила, смотрѣли внизъ, перекидывались торопливыми вопросами:

— Слышали? Что это значитъ? Тамъ лежитъ кто-то?

И всѣмъ было страшно сойти внизъ. Внизу что-то чернѣлось. Кто-то вошелъ на лѣстницу со двора. Увидавъ этого перваго живого человѣка тамъ, внизу, всѣ бросились туда. У всѣхъ разомъ прошелъ страхъ, на минуту охватившій всѣхъ. Раздались крики:

— Дворниковъ! Дворниковъ! Послать за полиціею!

Толпа дѣлалась все гуще и гуще; внизу кипѣло, какъ въ котлѣ. Дворники притащили рогожи. Начались толки.

— Съ чего это она?—спрашивали одни.

— По мужѣ, значитъ, убивалась,—поясняли другіе.

— Вотъ вѣдь — сама еще была не стара, онъ же почти старикъ, а какъ любила. Любовь-то что значитъ.

— Нѣтъ, это не съ того. Дѣти, видно, хороши были.

— Дѣти! Чего отъ нынѣшнихъ-то дѣтей ждать! Коли мать не вытолкали, такъ еще благодари Бога. Кулаками слезы утираютъ отъ дѣтей-то родители. Вотъ каковы нынче

Digitized by Google

дѣти! Вотъ тоже и дѣти уѣхали, а мать одну оставили. Собаку не броситъ добрый хозяинъ.

Толки росли и росли, въ толпѣ приводились примѣры, каковы дѣти у тѣхъ или у другихъ сосѣдей и знакомыхъ, тетокъ и кумовьевъ.

— А вотъ теперь-то каково имъ будетъ, какъ узнаютъ?— замѣтила какая-то женщина.

Этотъ вопросъ, ни на минуту не мелькнувшій въ головѣ несчастной Марьи Львовны среди другихъ мыслей, терзавшихъ ея умъ въ этотъ день, вдругъ перемѣнилъ настроеніе толпы.

— Что говорить, не легко тоже! Какъ ни какъ, а все же дѣти,— отозвался чей-то голосъ.

— Тоже иной разъ и родители-то хороши бываютъ...

— Это что говорить. Иной разъ собака и та лучше къ своимъ щенятамъ относится. Всякіе тоже бываютъ...

— Вотъ у Тихонихи-то дочь по торной дорожкѣ пошла, а кто толкнулъ? Мать!

— А сына-то до чего довела?—Одно званье, что мать...

И толки приняли иной характеръ, и тѣ же люди, которые сейчасъ безсмысленно повторяли ходячія фразы про негодность дѣтей, стали говорить также безсмысленно ходячія фразы про негодность родителей. Въ сгустившейся тьмѣ, охватившей пролетъ лѣстницы, раздавалось точно жужжанье пчелинаго улья, на стѣнахъ, при колеблющемся свѣтѣ свѣчей и фонарей, шатались длинныя тѣни собравшихся людей. И только она, виновница всего этого движенія, сутолоки, говора, прикрытая рогожами въ ожиданіи полиціи, лежала распростертая на каменномъ помостѣ. Ей было уже все равно, что совершается вокругъ нея. Мертвецы ничего не слышатъ, ничего не знаютъ.

Digitized by Google

Оглавленіе

V ТОМА.

	стр.
Наши ближніе.	
I. Парадоксы доктора Клименко	5
II. Какъ люди дѣлаются отцами	14
III. Кукушка стараго времени	25
IV. Конторщикъ	36
V. Не сошлись во взглядахъ и разъѣхались	52
VI. «Молодой, полный силъ юноша»	64
VII. Отецъ—добрый малый	84
VIII. «Кукушка новой формаціи»	97
IX. «Отецъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ»	112
X. Изъ записной книжки доктора Клименко	117
XI. Любовный романъ доктора Мазина	130
Паденіе	157

Digitized by Google

Digitized by Google

Книга 13.

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ V.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., улица Гоголя, 22.

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ.

Наиболѣе компетентными изслѣдователями текста сочиненій и жизни Гоголя всѣми признаются покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ и В. И. Шенрокъ. Результаты ихъ долголѣтнихъ трудовъ не могутъ быть никѣмъ перепечатываемы, составляя и послѣ 21-го февраля 1902 года исключительную нашу собственность. Такимъ образомъ, провѣренный лучшими знатоками Гоголя и ими снабженный цѣнными примѣчаніями, вариантами, біографическими и историческими данными и проч., текстъ сочиненій Гоголя появился и впредь будетъ появляться только въ нашихъ изданіяхъ.

I. Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя.

Редакція Н. С. ТИХОНРАВОВА и В. И. ШЕНРОКА. 17-е изданіе, въ одномъ большомъ томѣ, съ портретомъ Н. В. Гоголя, біографическимъ очеркомъ, В. И. Шенрока, и съ примѣч. редактора.

Настоящее изданіе имѣетъ въ виду удовлетворить, главнымъ образомъ, требованіямъ общедоступности и дать всѣ произведенія великаго писателя, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя имѣютъ значеніе только для ученыхъ спеціалистовъ. Мы старались соединить полноту съ дешевизною, достовѣрность текста съ внѣшнимъ изяществомъ изданія.

1) Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобрено для ученическихъ библіотекъ духовныхъ семинарій и женскихъ духовно-учебныхъ заведеній. 2) Учебн. Комитетомъ Вѣд. Учрежд. Импер. Маріи допущено въ фундамент. библіотеки всѣхъ учебн. заведеній. 3) Гл. Управленіемъ военно-учебн. заведеній рекомендовано для чтенія кадетъ старшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ.

Большой томъ, компактно напечатанный въ 2 столбца (1686 столбцовъ въ больш. 8-ю д. л.) на превосходной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.; въ коленкоров. переплетѣ 1 р. 80 к., съ пересылкою 2 р. 30 к.

II. Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя.

Редакція Н. С. Тихонравова, 16-е изданіе, въ 12-ти томахъ (6-ти книгахъ), 2660 стран., in 8°, съ біографіею Гоголя, составленною В. И. Шенрокомъ, 2 портретами, факсимиле и автографомъ Гоголя, нѣсколькими собственноручн. его рисунками и съ примѣчаніями редактора.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. допущено въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, а также въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.; въ 6 коленкоровыхъ переплетахъ 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 75 к.

III. 15 книжекъ иллюстрированныхъ изданій

слѣдующихъ произведеній Н. В. Гоголя (съ художественно исполненными рисунками и виньетками И. Зичи, П. Соколова, Р. Штейна, И. Храброва и др.):

	Брошюр.	Въ переплѣ.		Брошюр.	Въ переплѣ.
1. Коляска. Пов., съ 15 рис.	5 к.	8 к.	9. Пропавшая грамота. Повѣсть, съ 12 рис.	5 к.	8 к.
2. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Пов., съ 30 рис.	6 „	9 „	10. Ночь передъ Рождествомъ. Пов., съ 46 рис.	10 „	14 „
3. Вій. Пов., съ 38 рис.	9 „	12 „	11. Женитьба. Комедія, съ 13 рис.	8 „	12 „
4. Майская ночь или утопленница. Пов., съ 31 рис.	7 „	10 „	12. Шинель. Пов., съ 45 рис.	8 „	12 „
5. Сорочинская ярмарка. Пов., съ 37 рис.	6 „	9 „	13. Заколдованное мѣсто. Пов., съ 14 рис.	5 „	8 „
6. Носъ. Пов., съ 17 рис.	6 „	9 „	14. Ревизоръ. Комедія, съ 30 рис.	20 „	25 „
7. Страшная месть. Пов., съ 37 рис.	8 „	12 „	15. Старосвѣтскіе помѣщики. Пов., съ 50 рис.	6 „	9 „
8. Тарасъ Бульба. Пов., съ 28 рис.	18 „	23 „			

Всего 15 книжекъ, цѣною 1 руб. 27 коп., въ переплетахъ 1 руб. 80 коп.

Выписывающіе 1 книжку прилагаютъ на пересылку заказн. бандеролью 10 к., отъ 2—4 книжекъ—20 к., отъ 5—9 книжекъ—30 к., отъ 10—15 книжекъ—43 к. Всѣ 15 книжекъ: 1) Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. допущены въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя читальни и библіотеки; 2) одобрены Военно-Учебнымъ Комитетомъ и включены въ объявленный при циркулярѣ Главнаго Штаба отъ 4-го января 1896 г., за № 8, каталогъ книгъ, одобренныхъ къ обращенію въ войскахъ; 3) Гл. Управл. военно-учебныхъ заведеній рекомендованы для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ; 4) Учебнымъ Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ книжки: 3, 4, 5, 8, 10, 12, 14, 15 одобрены для ученическихъ библіотекъ духовныхъ семинарій, мужскихъ училищъ и женскихъ духовно-учебныхъ заведеній и 5) Учебн. Комитетомъ Вѣд. Учрежд. Импер. Маріи допущены въ ученич., старшаго возраста, библіотеки среди. учебныхъ заведеній.

Объявленіе о крышкахъ для переплета журнала „Нива“ и его приложеній см. на слѣдующ. стран. обложки.

Книга 14.

Сборникъ „Нивы" за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ V.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., улица Гоголя, 22.

НОВАЯ КАРТА
ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
МАНЬЧЖУРІЯ и КОРЕЯ

ВЪ МАСШТАБѢ 50 ВЕРСТЪ ВЪ ДЮЙМѢ.

Съ **алфавитнымъ указателемъ** и съ дополнительными картами 1) **КВАНТУНСКОЙ ОБЛАСТИ**, 2) **ПОРТЪ-АРТУРА** и 3) **ВЛАДИВОСТОКА.**

Вниманіе всей Россіи, всего міра устремлено на Дальній Востокъ, на театръ военныхъ дѣйствій. Въ официальныхъ донесеніяхъ и въ печати постоянно упоминаются разные пункты Маньчжуріи и Кореи, знать мѣстоположеніе которыхъ необходимо для того, чтобы быть въ курсѣ военныхъ дѣйствій. Изданная нами въ началѣ войны карта масштабомъ 150 верстъ въ дюймѣ охватывала театръ военныхъ дѣйствій въ главныхъ его пунктахъ, поскольку сосредоточивались въ нихъ наши и непріятельскія войска и флотъ. Въ настоящее время, когда наши и непріятельскія сухопутныя и морскія силы распредѣлились во всемъ огромномъ районѣ Маньчжуріи и Кореи, выдѣлилось и пріобрѣло значеніе очень много небольшихъ крѣпостей, городовъ, селеній, деревень, мѣстечекъ и желѣзно-дорожныхъ станцій, горныхъ хребтовъ и переваловъ, портовъ и гаваней, роли которыхъ нельзя было раньше предвидѣть.

Пункты эти интересуютъ теперь всѣхъ, упоминаются постоянно въ официальныхъ донесеніяхъ, но они могутъ быть обозначены лишь на очень подробной картѣ съ гораздо большимъ масштабомъ, чѣмъ изданная нами ранѣе карта. Идя навстрѣчу этой потребности русскаго общества, мы издали новую подробную карту театра военныхъ дѣйствій въ масштабѣ въ три раза большемъ, т. е. 50 верстъ въ дюймѣ. Кромѣ того, на ней помѣщены дополнительныя карты Квантунской области, Портъ-Артура и Владивостока.

Въ виду обилія географическихъ названій, находящихся на картѣ, для облегченія ихъ отысканія, мы снабдили карту спеціальнымъ **алфавитнымъ указателемъ**, по которому можно будетъ, благодаря обозначенію въ немъ при каждомъ названіи буквой и цифрой соотвѣтствующаго квадрата карты, легко и быстро отыскать требуемое названіе.

Карта отпечатана въ 7 **красокъ** и заключена въ обложку въ сложенномъ видѣ.

Цѣна карты съ алфавитн. указателемъ 80 к., съ пересылкою 95 к.

ШКОЛА ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО РИСОВАНІЯ

для дѣтей отъ 8 до 12-лѣтняго возраста, въ штриховкѣ двумя цвѣтными карандашами.

Въ 2-хъ выпускахъ.

Составилъ **Г. А. СЕРГѢЕВЪ,**

преподаватель и содержатель приготовительныхъ учебныхъ заведеній въ СПБ.

Въ школѣ и дома дѣти охотно занимаются рисованіемъ: оно является однимъ изъ самыхъ первыхъ предметовъ обученія ребенка и самымъ любимымъ его занятіемъ. Вся цѣль воспитателя—разумно направить неумѣлую руку, дать ей навыкъ и систему. „Школа первоначальнаго рисованія“ со штрихами двумя цвѣтными карандашами вполнѣ отвѣчаетъ этой задачѣ.

Въ тетради, представляющей первый выпускъ, всѣ 15 рисунковъ исполняются прямыми линіями, помѣщенными въ клѣточкахъ, а затѣмъ въ общемъ квадратѣ. Рисунокъ нужно сначала нарисовать чернымъ карандашомъ слегка, не нажимая, внимательно слѣдя за переплетеніями штриховъ. Проводя линію за линіей, рука ученика становится увѣреннѣе, глазъ привыкаетъ къ симметріи, а расцвѣтка краснымъ и синимъ карандашомъ пробуждаетъ чувство красокъ. Счетъ клѣточекъ и штриховъ, научая вниманію, вырабатываетъ глазомѣръ.

Воспріимчивая впечатлительность ребенка при такомъ методѣ обученія рисованію получаетъ должное направленіе, и учитель, нисколько не утомляя ученика, даетъ строгую систему въ занятіяхъ.

Второй выпускъ первоначальнаго обученія рисованію, состоящій изъ 15 рисунковъ, болѣе сложенъ: тамъ уже ученикъ имѣетъ дѣло съ кривыми и пересѣкающимися линіями, съ цѣлыми окружностями и частями ихъ. Правильными пересѣченіями линій, раздѣленными кругами, вторая тетрадь даетъ наглядное понятіе о геометріи. Ученикъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, почти шутя, научается отличать діагональныя линіи отъ перпендикулярныхъ, полукруги отъ круговъ и т. д.

Такимъ образомъ, „Школа первоначальнаго рисованія“, предназначенная для дѣтей отъ 8 до 12-лѣтняго возраста и составленная опытнымъ преподавателемъ, спеціалистомъ дѣла, является новымъ вкладомъ въ небольшое еще у насъ собраніе учебныхъ пособій по рисованію.

Издана „школа“ съ требуемой для такого изданія отчетливостью и тщательностью. Всѣ 30 рисунковъ обоихъ выпусковъ отпечатаны въ видѣ отдѣльныхъ листовъ на хорошей бумагѣ и вложены въ прочныя папки.

Цѣна каждаго выпуска въ папкѣ 80 коп., съ перес. 1 руб.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ШЕСТОЙ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

Digitized by Google

Slav 4353.50.2

HARVARD COLLEGE LIBRARY
DEXTER FUND
JAN 7 1931

Артистич. заведеніе А. Ф. Марксъ, Измайл. пр., № 29.

Digitized by Google

ЛѢСЪ РУБЯТЪ,

ЩЕПКИ ЛЕТЯТЪ.

РОМАНЪ

ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Часть первая.

КНИГА I.

I.

Драма въ подвалѣ.

Поздняя осень.

Надъ Петербургомъ, развиваясь, какъ клубы дыма, и заслоняя послѣдніе клочки неба, медленно тянутся тяжелыя свинцовыя тучи-великаны. Въ воздухѣ сыро и пасмурно. Порою начинаетъ моросить дождь, иногда перепадаютъ мокрые хлопья снѣгу. Недавно выкрашенные за-ново дома покрылись пятнами отъ сырости и выглядятъ уныло. На улицахъ лежитъ непроходимая грязь и стоятъ широкія лужи воды. Рѣзкій вѣтеръ дуетъ съ моря, ни на минуту не умолкая. Онъ зловѣще и пронзительно воетъ въ трубахъ домовъ, въ снастяхъ кораблей, въ обнаженныхъ деревьяхъ садовъ и кладбищъ. Нева, мутная и почернѣвшая, угрюмо шумитъ и бѣшено бьется въ берега, какъ будто силясь изломать въ куски свои гранитныя оковы и затопить возникшій изъ болота городъ. Вода поднялась очень высоко, и рѣка кажется еще шире, еще страшнѣе. Въ отдаленіи тяжело и глухо проносятся въ воздухѣ одинокіе звуки пушечныхъ выстрѣловъ — это напоминаніе для подвальныхъ жителей, что противъ нихъ поднимается страшный врагъ—наводненіе, готовое затопить ихъ послѣдніе жалкіе пожитки. На улицахъ почти пусто, всѣ, кто могъ, забились по своимъ, можетъ-быть, и неудобнымъ, но теплымъ угламъ.

Но на Невѣ идетъ усиленная работа.

Digitized by Google

Плотовщики, содержатели ваннъ и десятки перевозчиковъ спѣшатъ привязать плоты и купальни; солдаты и рабочіе таскаютъ доски, укрѣпляютъ канаты, приготовляясь развести мосты; запоздалые барочники разгружаютъ послѣдніе остатки дровъ и сѣна; мѣстами еще виднѣются чухонскія лайбы и иностранныя суда, спѣшащія отплыть къ Кронштадту; на пароходахъ снуютъ кочегары и матросы, идетъ чистка и осмотръ машинъ; на бердовскихъ тоняхъ рыбаки складываютъ мережи, таскаютъ сачки, бадьи, выбрасываютъ гнилую мелкую рыбу. Въ воздухѣ раздаются удары топоровъ, всплескиванья воды подъ веслами и канатами, слышатся крики: «отдай канатъ!» «отчалива-ай!» «куда тебя несетъ, лѣ-ѣшій, подъ машину!» Эти слова, вылетающія сквозь приложенныя ко рту въ видѣ рупора руки, звучатъ какъ-то глухо и дико. Руки рабочаго народа походятъ по цвѣту на кровь: онѣ начинаютъ коченѣть, а съ грубыхъ лицъ между тѣмъ катится обильный потъ, смѣшанный съ грязью и копотью, оставляющій на щекахъ и на лбахъ тружениковъ какія-то сѣрыя, черныя и коричневыя полосы, зигзаги и пятна.

Чѣмъ ближе къ устью рѣки, тѣмъ больше народу виднѣется на ней, тѣмъ менѣе сдержанности, тѣмъ болѣе торопливости въ движеніяхъ и въ рѣчахъ рабочихъ. Закоптѣлые фабричные и оборванные кочегары съ черными лицами, мужики въ неуклюжихъ овчинныхъ тулупахъ, голландцы въ своихъ плотно прилегающихъ къ тѣлу штанахъ и курткахъ, все это, иззябшее, промокшее до костей, снуетъ, торопится, шумитъ, переругивается здѣсь между собою на различныхъ нарѣчіяхъ, на различныхъ языкахъ, и между тѣмъ вся эта возня, весь этотъ гамъ, вся эта брань переводятся немногими всѣмъ и каждому понятными словами: «мы хотимъ ѣсть и зимою!»

Повидимому, эта масса тѣсно сплотилась въ одной спѣшной дружной работѣ, но именно въ эту минуту она болѣе всего разъединена между собою и ни въ комъ изъ ея членовъ нѣтъ мѣста ни общему любопытству, заставляющему двухъ мужиковъ мирно бесѣдовать, доѣдетъ или не доѣдетъ колесо чичиковской брички до Казани, ни общему состраданію, собирающему цѣлую толпу народа поохать надъ утопающимъ ближнимъ. И любопытство, и состраданіе, и всѣ другія чувства поглотились теперь одною мыслью о хлѣбѣ,—о хлѣбѣ для себя и только для себя. Въ такія минуты легче всего незамѣтно погибнуть въ глазахъ сотни людей.

Digitized by Google

Вотъ почему никто не интересовался жалкою барочною лодченкой, плохо сколоченною, плохо высмоленною, то тамъ, то тутъ пропускавшей воду; она пробиралась со взморья, тяжело ныряя по сердитымъ волнамъ и ежеминутно гото, вясь скрыться подъ ними. Въ ней на гнилыхъ доскахъ-замѣнявшихъ скамьи, сидѣли два человѣка. Одному было лѣтъ пятьдесятъ, другому едва ли минуло девять. На первомъ былъ надѣтъ совершенно вытертый, бутылочнаго цвѣта сюртукъ съ заплатанными локтями, съ ободранными обшлагами, съ двумя костяными пуговицами на правой сторонѣ и одною мѣдною пуговицею на лѣвой. Костяшки размѣстились очень далеко одна отъ другой—одна у тальи, другая у ворота—и потому, хотя сюртукъ былъ застегнутъ, между пуговицами было большое отверстіе, въ которое, какъ въ разинутую пасть, забирался вѣтеръ, обдувая холодомъ все тѣло владѣльца этого наряда. Около шеи старика былъ обмотанъ грязный клѣтчатый бумажный платокъ, на ногахъ были разорванные, порыжѣвшіе сапоги съ полуотвалившимися заплатами; въ голинища сапогъ были засунуты бахромы рваныхъ панталонъ. Замасленная фуражка сдвинулась на затылокъ старика; изъ-подъ нея выбивались клочья сѣдыхъ волосъ, и угрюмо смотрѣло давно небритое, обросшее сѣрою щетиной лицо съ воспаленными глазами, синевато-багровымъ носомъ и синевато-багровыми щеками. Можетъ-быть, это были слѣды долголѣтняго пьянства; можетъ-быть, это были слѣды долголѣтнихъ пребываній на морозѣ. Трудно было опредѣлить по физіономіи, былъ ли этотъ человѣкъ добръ или золъ, уменъ или глупъ, хитеръ или простодушенъ. Жизнь стерла съ этого лица слѣды какихъ бы то ни было человѣческихъ чувствъ: на немъ осталось и какъ бы замерло только одно выраженіе суровой одичалости, не переходившее ни въ злую улыбку, ни въ пламенный гнѣвъ. Подобное выраженіе встрѣчается у жалкихъ, забитыхъ трусовъ, близкихъ къ кретинизму, и у холодныхъ злодѣевъ, дошедшихъ до звѣрства. Во всякомъ случаѣ, оно является плодомъ страшно тяжелаго прошлаго; такъ выглядятъ старые арестанты изъ «благородныхъ» послѣ долголѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ. Нельзя сказать, чтобы спутникъ старика составлялъ съ нимъ рѣзкій контрастъ, потому что его трудно было разсмотрѣть. Онъ былъ одѣтъ не лучше старика, но теплѣе. Чья-то заботливая рука надѣла на него ситцевую женскую кофту на ватѣ и повязала ему уши какой-то толстой тряпицей не-

Digitized by Google

опредѣленнаго цвѣта и неизвѣстной матеріи. Опоясанный веревкою, обвязанный тряпицею, въ нахлобученной на уши теплой шапкѣ, ребенокъ съ перваго взгляда болѣе походилъ на узелъ грязной ветоши, чѣмъ на человѣка, и могъ быть принятъ скорѣе за дѣвочку, чѣмъ за мальчика, если бы попристальнѣе вглядѣться въ его маленькое посинѣвшее отъ холода лицо, выглядывавшее не то оторопѣлыми, не то унылыми синими глазами на все окружающее. Между старикомъ и мальчикомъ лежала цѣлая груда мокрыхъ досокъ, дровъ и щепокъ. Лодка очень низко сидѣла въ водѣ, и волны уже не разъ обдавали своими брызгами и сюртукъ старика, и кофту мальчика. Спутники давно уже не говорили ни слова и ѣхали въ гробовомъ молчаніи среди шума волнъ и криковъ народа, работавшаго на обоихъ берегахъ.

— Чего зазѣвался? Не видишь?—сиплымъ и глухимъ голосомъ пробормоталъ, наконецъ, старикъ, мотнувъ головою по направленію къ водѣ.

Мальчикъ засуетился, поднялъ со дна лодки нѣчто въ родѣ обломка багра, привязаннаго къ веревкѣ, и, намѣтивъ во что-то, бросилъ багоръ въ воду. Черезъ мгновенье онъ уже тащилъ за веревку полѣно, въ которое вонзился острый конецъ желѣза. Лодка закачалась сильнѣе.

— Совсѣмъ до краевъ вода!—испуганно пробормоталъ мальчуганъ, разставивъ ноги и, повидимому, стараясь удержать этимъ движеніемъ раскачавшуюся лодку.

— Не потонешь!—сквозь зубы отвѣтилъ старикъ.—Зимою сами станете выть: «хоодно, мамка, дьовецъ подьожи въ печку!» Знаемъ мы васъ! Теперь потонуть трусишь, а потомъ замерзнуть побоишься.

Старикъ говорилъ ровно, монотонно, не повышая, не понижая голоса. Мальчикъ молчалъ. Они опять ѣхали среди полнѣйшаго безмолвія. Вѣтеръ продолжалъ дуть. Началъ накрапывать дождь. Путники проѣхали еще нѣсколько саженъ въ безплодныхъ поискахъ за скудною добычей. Наконецъ, старикъ совершенно выбился изъ силъ и на минуту пересталъ грести. Лодку начало поворачивать поперекъ рѣки и быстро понесло назадъ по теченью.

— Ахъ, дуй-те горой! И передохнуть нельзя,—угрюмо промолвилъ старикъ и снова принялся за весла. — И что это за шельма твоя мать!—пробормоталъ онъ, обращаясь къ мальчику.—Нѣтъ того, чтобы на сюртукѣ пуговицы пересадить; словно въ зѣвъ какой вѣтеръ дуетъ, а мѣдяшка

Digitized by Google

на лѣвомъ боку безъ пути болтается. Катька, небось, нашла куфту тебя одѣть, а для отца пальца о палецъ не ударитъ. Окаянные, право, окаянные! Нѣтъ, баста! Въ послѣдній разъ на васъ работаю. Поколѣвайте, какъ знаете!

Мальчикъ не то испуганно, не то уныло смотрѣлъ на старика, слушая эти рѣчи. А волны все съ большею и большею злобой бились о лодку. Старикъ началъ крѣпче забирать лѣвымъ весломъ, понемногу сворачивая въ Пряжку.

— Пріѣдемъ, сбѣгай за матерью, вели таскать дрова; да сторожи ихъ, не то растащутъ,—приказалъ старикъ. — Сами не поѣдутъ на работу, а стащить каждый норовитъ. Подлецъ народъ!

— А ты куда пойдешь?—тихо спросилъ мальчуганъ.

— Молоко сперва оботри, да потомъ и спрашивай. Ишь не обсохло еще!—отвѣтилъ старикъ и, плюнувъ на ладонь, принялся грести съ новымъ усердіемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ тяжелая лодка дотянулась до берега. Здѣсь не было ни набережной, ни мостовой, ни фонарей, ни будокъ. На откосахъ берега еще виднѣлись потемнѣвшіе остатки тощей травы. Здѣсь лежало множество почти негодныхъ опрокинутыхъ лодокъ. По берегу, состоявшему изъ черной вязкой грязи не то земли, не то осаждавшейся отъ заводовъ копоти, валялись кирпичи, булыжники, каменный уголь, только не было тутъ ни одной щепочки, ни одного куска дерева,—все это, какъ кладъ, какъ сокровище, было давно выловлено, давно подобрано изъ грязи окрестными жителями. Гдѣ они жили — это было трудно опредѣлить сразу, такъ какъ по берегу тянулись почти одни безконечные сломанные заборы, среди которыхъ то тутъ, то тамъ выглядывало нѣчто въ родѣ собачьихъ конуръ, украшенныхъ вмѣсто круглыхъ дыръ квадратными отверстіями, заклеенными бумагой, тряпками и отчасти стеклами. Нѣсколько неуклюжихъ каменныхъ домовъ попали сюда какъ бы случайно, стояли какъ-то бокомъ, словно сторонились другъ отъ друга. Все, и земля, и небо, и зданія, было темно, теперь же даже черно отъ дождя и наступившихъ сумерекъ.

Мальчуганъ побѣжалъ, шлепая по грязи, домой. Старикъ остался близъ лодки, неподвижно остановившись на берегу.

Онъ походилъ въ эту минуту на мертвеца съ застыв-

Digitized by Google

шимъ выраженіемъ суровой одичалости; это лицо хранило теперь слѣды полнѣйшей апатіи, полнѣйшаго отвращенія къ жизни; можно было безошибочно сказать, что этому человѣку теперь все равно, куда идти: на разбой, въ тюрьму, въ воду или въ кабакъ. Если бы люди увидали этого человѣка въ настоящую минуту и сжалились бы надъ нимъ, то они, вѣроятно, отправили бы его въ больницу, въ теплую комнату, на мягкую постель.

Но здѣсь не было сострадательныхъ людей: здѣсь жили только нищіе.

Минутъ черезъ пять мальчикъ снова воротился къ лодкѣ.

— Что мать-то?—послышался глухой вопросъ; въ звукахъ этого голоса теперь слышалась уже не суровость, а какая-то болѣзненность, надорванность; такимъ тономъ просятъ Христа ради «стакашикъ» спившіеся съ кругу, дошедшіе до бѣлой горячки люди.

— Идетъ!—послышался тихій отвѣтъ.

— Ну, жди ее здѣсь.

Старикъ поплелся по грязи. Это былъ сгорбленный, отощавшій, изнуренный и ревматизмомъ, и геморроемъ, и припадками бѣлой горячки, и чахоткой человѣкъ. Онъ плелся медленно, невѣрными шагами, согнувъ колѣни. Только теперь, смотря на эту полумертвую фигуру, можно было удивиться, что у этого человѣка еще доставало силы изъ-за ничтожной груды дровъ и щепокъ объѣздить все устье Невы въ эту бурную погоду, въ этотъ холодъ, въ этотъ дождь. Но что прикажете дѣлать, если наступаетъ зима, если не на что купить дровъ, если можно поколѣть отъ холода въ подвалѣ, въ конурѣ, съ полувыбитыми стеклами, со щелями въ каждомъ углу? Мальчикъ уныло смотрѣлъ на удаляющагося старика, онъ не смѣлъ его остановить, не смѣлъ спросить, куда онъ идетъ, за чѣмъ идетъ. Сумерки и туманъ между тѣмъ дѣлались все гуще и гуще, заслоняя все окружающее, и небо, и землю, и дома, и людей. Черезъ нѣсколько мгновеній мальчикъ сталъ видѣть только какую-то смутную, медленно и беззвучно двигавшуюся, расплывавшуюся въ туманѣ черную массу безъ всякихъ очертаній; еще черезъ нѣсколько секундъ эта масса совершенно слилась съ окружавшимъ ее туманомъ и исчезла, какъ бы растаяла среди болотныхъ испареній безъ всякаго слѣда, безъ всякаго звука.

Постоявъ еще нѣсколько времени въ безмолвномъ и

Digitized by Google

грустномъ раздумьи, мальчикъ сталъ подпрыгивать около лодки и похлопывать руками отъ холода.

Проводивъ отца, онъ поджидалъ мать.

Наконецъ, въ туманѣ показалась какая-то странная фигура. Она была одѣта въ ситцевыя тряпки. Это не было ни платье, ни платокъ, ни кацавейка; это были тряпки отъ всѣхъ этихъ предметовъ. Фигура была блѣдна, высока, худа, какъ скелетъ, и только около тальи поражала ея необыкновенная толщина. Она была бы смѣшна, если бы даже самый черствый человѣкъ могъ разсмѣяться надъ безобразіемъ, одѣтымъ въ подобные лохмотья, имѣвшимъ такое испитое, выцвѣтшее, мертвенное лицо.

— Самъ-то гдѣ?—лаконически и глухо спросила она у мальчика, черезъ силу нагибаясь къ кучѣ щепокъ и дровъ.

— Ушелъ,—такъ же односложно отвѣтилъ мальчикъ.

— Куда это? Въ кабакъ не могъ уйти. Денегъ ни гроша.

— Вчера тоже денегъ не было, а напился,—замѣтилъ мальчуганъ, подбирая дрова.

— Напился, напился!—тоскливо вздохнула женщина и хотѣла собрать въ подолъ щепки, чтобы отнести ихъ въ свою конуру.

— Ты постой, я снесу. Ты здѣсь постой,—проговорилъ сквозь зубы мальчикъ; его слова были грубо-односложны, но ими выражалась заботливая нѣжность.

— Ничего, я подсоблю.

— Гдѣ тебѣ!

Мальчуганъ поднялъ охапку мокрыхъ дровъ и щепокъ и потащился по грязи. Женщина опустилась на скамью лодки и въ совершенномъ изнеможеніи склонила голову на ладонь правой руки, подпертой лѣвою. Прошло довольно много времени, женщина не выходила изъ своего раздумья. Наконецъ, около нея послышался голосъ мальчика:

— Что же ты сидишь? Пойдемъ домой; я перетаскалъ дрова.

Женщина очнулась.

— И куда это онъ ушелъ?—проговорила она, какъ будто продолжая вслухъ свои размышленія.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ.

— Вотъ жизнь-то, каждый мужикъ лучше живетъ!—проговорила женщина, тяжело поднимаясь съ мѣста и черезъ силу тащась за мальчуганомъ.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько минутъ спутники добрели до дома. Это былъ деревянный, длинный, ветхій домъ съ вросшими въ землю окнами, покрытыми десяткомъ заплатъ изъ синей сахарной бумаги и тряпокъ. Двѣ ступени внизъ вели въ сѣни. Онѣ походили на мрачное подземелье. Когда шелъ дождь, вода лилась по этимъ прогнившимъ ступенямъ. За темными сѣнями была темная кухня, съ лавкою въ углу, на которой ворочалось какое-то несчастное существо, издававшее хриплые стоны. Эта лавка была жилищемъ старой нищей, платившей полтину въ мѣсяцъ за пару досокъ для спанья. Огонь, разведенный на очагѣ въ кухнѣ, озарялъ какимъ-то фантастическимъ свѣтомъ и темные углы, и ухваты, и кочерги, и возившуюся на своихъ доскахъ старуху. Въ этой картинѣ было что-то зловѣщее. За кухней была комната или, лучше сказать, чуланъ, едва освѣщаемый двумя окнами, наполовину скрывавшимися подъ землей. Днемъ изъ оконъ виднѣлся только черный, во время дождей, и сѣрый, во время засухи, берегъ рѣчки и ноги прохожихъ. Осенью и весною окна забрызгивались грязью, лѣтомъ на нихъ насаживался густой слой пыли, зимой они совсѣмъ заносились снѣгомъ, и по утрамъ приходилось отчищать этотъ снѣгъ, чтобы въ конуру проникли хотя слабые лучи дня. Въ сырую погоду въ окна проникала вода, стекавшая по веревкамъ въ привѣшанные глиняные кувшины изъ-подъ сельтерской воды, подобранные на улицѣ. Среди хлама некрашенныхъ табуретовъ, скамеекъ, стола и постели, въ конурѣ копошились двое ребятишекъ и сидѣла за шитьемъ дѣвушка лѣтъ девятнадцати, съ блѣднымъ лицомъ, поражавшимъ контрастомъ матовой бѣлизны кожи и вьющихся черныхъ волосъ, тонкихъ черныхъ бровей и большихъ черныхъ глазъ. Дѣвушка не была красавицей, но это было одно изъ тѣхъ немногихъ лицъ, которыя бросаются въ глаза, даже среди самыхъ избранныхъ красавицъ. Она походила и на ребенка, съ большими, умными глазами, только-что начавшаго поправляться послѣ тяжкой болѣзни, и на взрослое, вполнѣ развившееся существо, у котораго уже развивается страстность. Въ ея глазахъ были и недоумѣніе, и тоска, и страсть; но чѣмъ полнѣе отражалась въ нихъ внутренняя жизнь, тѣмъ печальнѣе поражала блѣдность лица; здѣсь духъ былъ, повидимому, вполнѣ жизненъ, кипѣлъ жаждою жизни, а тѣло изнемогало, таяло подъ бременемъ этой жизни. При появленіи мальчика въ конурѣ, дѣвушка оставила шитье.

Digitized by Google

— Озябъ?—спросила она, пристально всматриваясь въ его лицо: ея большіе глаза были близоруки.

Онъ вздрогнулъ и сталъ снимать свою кацавейку.

— Промокъ,—проговорилъ онъ.

— Сейчасъ чаю заварю,—сказала она и пошла въ кухню.

Черезъ минуту на очагѣ, треща и выбрасывая искры, огонь запылалъ еще сильнѣе подъ чернымъ таганомъ, на которомъ стоялъ такой же черный чайникъ. Передъ печкой сидѣла на табуретѣ дѣвушка. Ея лицо ярко освѣщалось красноватымъ пламенемъ и поражало теперь еще болѣе какою-то особенною, прихотливою красотой. Теперь ея черные большіе глаза были какъ-то безжизненно, дремотно устремлены на огонь, зато ея лицо разгорѣлось и казалось совсѣмъ пламеннымъ при отблескѣ огня. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, въ которыя дѣвушка невольно отдавалась горькому раздумью о прошломъ, о настоящемъ, о будущемъ и всюду видѣла одинъ только мракъ, непроглядный мракъ. Въ эти минуты болѣе всего подтачивалось ея здоровье, блѣднѣло ея лицо. Она боялась этихъ минутъ, она старалась скрыться отъ своей собственной мысли за работою, за разговоромъ съ дѣтьми, съ матерью, со старухой-нищей. Но бывали случаи, когда не было силъ скрыться отъ своей мысли, когда тяжело было вымолвить слово, когда горе подступало къ самому горлу. Бывало, отецъ придетъ разбитый, пьяный, въ бѣлой горячкѣ, похожій на бѣглеца изъ сумасшедшаго дома, и бредитъ чертями, видитъ ихъ на головѣ жены, въ кружкѣ воды, за спиной дѣтей; дѣти дрожатъ, плачутъ и забиваются въ холодныя сѣни, подъ доски нищей, подъ печку,—и дѣвушка, блѣдная, какъ полотно, перестаетъ шить, не можетъ шить; она смотритъ съ ужасомъ на пьянаго отца, на рыдающую мать, и въ ея головѣ неотступно, безотвязно, все сильнѣе и сильнѣе возникаютъ вопросы: «Когда же этому будетъ конецъ? Гдѣ же исходъ! Или такъ и погибать до могилы?» И сколько такихъ дней, сколько такихъ вопросовъ пережила она. И еще одинъ подобный день пришлось ей пережить сегодня: отецъ съ утра увезъ ея брата, ея любимаго брата, на поиски за дровами; хмурое утро превратилось въ бурный день; она слышала выстрѣлы, слышала вой вѣтра; она десятки разъ выходила на берегъ рѣки посмотрѣть, не ѣдетъ ли братъ; онъ не ѣхалъ, а вѣтеръ все крѣпчалъ и крѣпчалъ. «Не утонулъ ли онъ? не погибъ ли?»—думалось ей, и работа падала изъ рукъ. Наконецъ, онъ пріѣхалъ иззябшій, промокшій, усталый.

Digitized by Google

Тревоги должны были, повидимому, кончиться, но въ головѣ возникли опять мучительныя думы: «Когда же это кончится? Долго ли онъ будетъ мучиться? До чего онъ домается въ этой каторгѣ?»

Она сидѣла неподвижно, какъ статуя, и даже не слыхала, какъ около нея появились и старшій братъ, и двое маленькихъ ребятишекъ, дѣвочка и мальчикъ пяти и шести лѣтъ. Мальчикъ ухватился за подолъ старшей сестры и любопытными глазенками смотрѣлъ на веселое пламя; дѣвочка вскарабкалась на колѣни сестры и, какъ мышенокъ, выглядывала изъ-подъ безсознательно-обнявшей ее руки дѣвушки. Старшій братъ, успѣвшій освободиться отъ своей кофты наушниковъ и шапки, въ одной рубашкѣ и заплатанныхъ панталонахъ стоялъ у самаго очага и грѣлъ руки, почти касаясь ими огня. Теперь онъ уже смотрѣлъ не такъ испуганно, не такъ дико, какъ во время путешествія по Невѣ; не походилъ ни на кучу тряпья, ни на дѣвочку. Его лицо было оригинально: сильно закругленный подбородокъ, большой лобъ, ясные синіе глаза, безпорядочно вьющіеся, падающіе на лобъ темные волосы, тонкія, подвижныя ноздри правильнаго носа, крупныя, правильно очерченныя губы, все обличало и умъ, и силу и, можетъ-быть, слишкомъ раннее развитіе мальчугана.

— Отецъ опять ушелъ,—пробормоталъ онъ въ полголоса, грѣя свои руки.

— Слышала,—машинально отвѣтила дѣвушка.

Оба замолчали.

— Завтра опять поѣдете за дровами?—спросила она черезъ минуту.

— Нѣтъ; въ послѣдній разъ, говоритъ, на васъ, окаянные, работаю,—отвѣтилъ мальчикъ.

Наступило опять тяжелое молчаніе.

— Мать въ больницу хочетъ идти, — проговорила дѣвушка.—Тамъ лучше будетъ.

— Извѣстно, лучше. Что сегодня не ушла? Опять пьяный бить ее станетъ. Измаялась совсѣмъ.

— Съ чего напьется-то?

Въ эту минуту въ углу кухни снова завозилась старая нищая. Въ затишьѣ послышался ея хриплый, отрывистый голосъ.

— Не безъ добрыхъ людей, не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ, касатики!.. И подадутъ грошикъ, другой... Такимъ-то чиновникамъ-то и пятакъ иной разъ сунутъ... О-охъ, это не то, что нашей сестрѣ, и гроша не дадутъ...

Digitized by Google

Братъ и сестра молча слушали эти слова, прерываемыя глухимъ кашлемъ и вздохами.

— Да ты нешто видѣла, какъ отецъ милостыню просилъ?—грубо спросилъ мальчикъ, полуобернувъ голову къ старухѣ.

— Видѣла, родной, видѣла...—нараспѣвъ произнесла старуха.—Вѣдь не воровствомъ же ему жить... Къ милосердію ближнихъ прибѣгаетъ...

Мальчикъ снова повернулъ лицо къ огню и уже не слушалъ старуху. Дѣвушка еще апатичнѣе, еще дремотнѣе смотрѣла на пламя.

— И съ чего это онъ драться сталъ съ третьяго дня?—задумчиво прошептала она, качая головой.

— Видно, жизь, голубка, не сладка стала,—вздохнула старуха на своей постели.

— Не веселѣе жилось и прежде,—отозвалась дѣвушка.

Чайникъ начиналъ между тѣмъ шумѣть, и нѣсколько брызговъ, попавшихъ на горящія щепки, возвѣстили, что кипятокъ готовъ. Дѣвушка бережно опустила на полъ ребенка и поднялась съ табурета за чаемъ.

— Тепленькаго-то, тепленькаго-то и мнѣ, старушкѣ Божіей, дайте...—жалобно простонала нищая, поднимаясь на постели.—Цѣлый день не ѣла сегодня... Разнемоглась, выйти силушки не было,—слышался стонъ изъ угла.

Мальчикъ при помощи спущеннаго рукава рубашки снялъ чайникъ съ тагана и понесъ его въ комнату. Черезъ минуту въ чайникъ была всыпана щепотка чаю, на столѣ появились кружки съ отбитыми ручками. Хозяйка дома лежала на постели и тяжело, черезъ силу поднялась къ чаю. Въ конурѣ послышалось тяжелое шарканье и шлепанье мягкихъ башмаковъ, и у стола появилась вся закутанная въ лохмотья, похожая на расползающійся студень, старуха, съ сѣдыми всклокоченными волосами, съ руками, похожими на когти хищной птицы. Всѣ усѣлись пить чай. На дворѣ выла вьюга, въ комнату врывались тонкія, пронзительныя струи вѣтра и задували пламя единственнаго сальнаго огарка, поставленнаго въ помадную банку, наполненную пескомъ. Въ этомъ жильѣ давно уже не было ни подсвѣчниковъ, ни бутылокъ для вставки свѣчей,—все это было продано. Чай былъ допитъ въ полнѣйшемъ безмолвіи. Дѣвушка уложила дѣтей, старуха побрела въ свой уголъ, хозяйка снова легла на постель, не снимая платья; наконецъ, потушили и сальный огарокъ. Впотьмахъ укладывались

Digitized by Google

спать послѣдніе члены семьи, старшіе братъ и сестра. Они спали вмѣстѣ съ дѣтьми въ углу, на полу.

— Отецъ-то все не идетъ,—шепталъ въ темнотѣ мальчикъ на ухо сестрѣ.

Она не отвѣчала. Черезъ минуту она спросила:

— Что ты дрожишь? Лихорадка сдѣлалась?

— Да, зябну!

— На, прикройся еще.

Въ тишинѣ послышалось шуршанье какой-то тряпки, передаваемой дѣвушкою брату. Плотно прижавшись другъ къ другу, всѣ четверо младшихъ членовъ семьи уснули крѣпкимъ сномъ. Не спала только ихъ мать.

Она чутко прислушивалась къ каждому шороху на улицѣ, къ каждому крику изрѣдка проходившихъ фабричныхъ. Она ждала мужа. Мучила ли ее жалость, что онъ гдѣ-нибудь погибнетъ, томилъ ли ее страхъ, что онъ придетъ и снова изобьетъ ее, какъ онъ избилъ ее наканунѣ? Она уже давно перестала сознавать, чего она желаетъ: смерти ли мужа или прекращенія его пьянства. Въ ея запуганномъ, изстрадавшемся умѣ было только одно желаніе—желаніе какого бы то ни было конца этой жизни. Но кто же былъ виноватъ, что ея жизнь сложилась такъ страшно: она ли загубила своего мужа или онъ загубилъ ее? Я думаю, что они сами были виноваты менѣе всего.

Канцелярскій служитель Александръ Захаровичъ Прилежаевъ, женился на мѣщанкѣ Марьѣ Дмитріевнѣ Завитаевой, когда ему было двадцать три года, а ей семнадцать лѣтъ. Онъ получалъ девять рублей жалованья; у нея не было ничего. Они бились, какъ рыба объ ледъ, она шила, онъ занимался частной перепиской, и покуда не было дѣтей, они кое-какъ сводили концы съ концами. Но вотъ у нихъ пошли дѣти; родины, крестины, похороны, все это стоило денегъ, стоило здоровья Марьѣ Дмитріевнѣ, а, главное, все это отрывало ее отъ частной работы и заставляло погрузиться вполнѣ въ роль хозяйки, кормилицы, няньки. Приходилось жить исключительно на деньги мужа, то-есть на девять рублей жалованья и рубля на четыре его частныхъ заработковъ. На это нельзя было жить, особенно, когда семья состояла уже не изъ двухъ, а изъ четырехъ членовъ, потомъ изъ пяти, потомъ изъ шести. Плохая конура, плохая пища, сырость, холодъ, ежегодныя родины, частыя похороны, все это подточило здоровье жены, все это сбило съ толку мужа и, наконецъ, начало его выгонять

Digitized by Google

все чаще и чаще въ трактиръ, въ пріятельскую компанію, потомъ въ кабакъ.

— Дѣти! Что дѣти?—говорилъ онъ за косушкой водки.— Сердце они мое надорвали, сердце мое! Губители они мои!— вотъ они что!

И онъ былъ правъ или, по крайней мѣрѣ, не виноватъ въ томъ, что не могъ не потерять разсудка и самообладанія при видѣ грязнаго угла, голодной семьи, больныхъ и плачущихъ дѣтей. Когда жена изрѣдка, переполнясь горемъ, упрекала его за пьянство, онъ отвѣчалъ ей:

— Молчи! Я не ваше пропиваю, я вамъ все сполна отдаю, какъ батракъ, на васъ работаю! Меня пріятели угощаютъ.

— Батюшка, да вѣдь начальство можетъ замѣтить, повредить на службѣ можетъ...

— Дура, дура! Кто меня на службѣ пьянымъ видѣлъ? А? Кто? Повредить можетъ! Лучше мнѣ было, что ли, когда не пилъ? Повышали, отличали отъ другихъ, что ли? Все ту же лямку тянулъ! Ну, и прахъ ихъ побери! Я кланяться не стану, я подлецомъ не буду, это ужъ пускай братъ мой любезный лбомъ да взятками путь себѣ пробиваетъ.

Александръ Захаровичъ постоянно гордился своею честностью. И дѣйствительно, это была честность суроваго, малоразвитаго, одичавшаго среди невзгодъ человѣка. Онъ работалъ, какъ волъ, онъ никому не кланялся, онъ не бралъ взятокъ, онъ не пропивалъ ни гроша ни изъ своего жалованья, ни изъ своихъ частныхъ заработковъ. Какимъ-то страшнымъ логическимъ путемъ онъ дошелъ до того убѣжденія, что онъ сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы успѣть по службѣ и обезпечить семью; но на службѣ не любили его угрюмаго лица, его суроваго тона и почти не повышали, не давая ему возможности обезпечить семью; и онъ пилъ съ горя по первому приглашенію пріятелей, на каждой пирушкѣ, въ каждой трактирной компаніи. Онъ даже не любилъ тратить много времени на пьянство; любилъ поздно вечеромъ быстро осушить косушку, шатаясь дойти до дому и завалиться спать. Пріятели были готовы угощать его, но нельзя сказать, чтобы они не радовались, когда онъ скрывался за дверью съ ихъ попоекъ; онъ всюду вносилъ съ собою какой-то могильный элементъ угрюмаго, молчащаго отчаянія. Казалось, этотъ человѣкъ ничего не ждалъ отъ жизни и покончилъ съ нею всѣ свои счеты: онъ работалъ для семьи и пилъ для себя, для того, чтобы скорѣе заснуть мертвымъ сномъ.

Digitized by Google

— Пьяный, что мертвый!—говорилъ онъ.

Если бы у него не было семьи, онъ, вѣроятно, не сталъ бы пить, а повѣсился бы гдѣ-нибудь въ темномъ чуланѣ. Жизнь для него была каторгой. Но онъ жилъ. Въ этомъ, можетъ-быть, выражалась, конечно, очень своеобразно, высокая, самоотверженная любовь къ своей семьѣ.

«Но зачѣмъ же онъ женился, не имѣя средствъ?—спросите вы:—зачѣмъ вышла замужъ она, не имѣя никакого имущества?» Потому что въ молодые годы люди неизбѣжно должны или жениться, или предаваться разврату. За что вы стоите: за женитьбу или за развратъ? Вѣроятно, вы стоите за то, за что стоитъ законъ, и боретесь противъ того, что преслѣдуетъ законъ. Значитъ, женитьба этихъ людей была не только терпимымъ, но даже честнымъ, высоконравственнымъ поступкомъ, какъ исходъ изъ неизбѣжнаго для молодыхъ созданій разврата. Но прямымъ послѣдствіемъ этого честнаго, высоконравственнаго поступка и яснымъ доказательствомъ неразвращенности, нравственной чистоты этихъ людей, явились дѣти. Ихъ надо поить, кормить, одѣвать, воспитать, за ними нуженъ уходъ. Все это требуетъ рукъ и денегъ. У этихъ бѣдняковъ, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, при всемъ ихъ трудѣ съ утра до поздней ночи, ежемѣсячные доходы не превышали пятнадцати рублей. На эти деньги можно имѣть только сырой и холодный уголъ, только нездоровую и скудную пищу, только оборванное и грязное платье. Нужно было или умирать медленною смертью, или увеличить свои доходы какимъ бы то ни было путемъ. Но путь былъ одинъ для увеличенія средствъ: можно было, не имѣя никакого образованія, добиваться повышенія только подлостью, униженіемъ передъ начальствомъ, или, имѣя маленькое жалованье, добывать деньги воровствомъ, взятками. Стоите ли вы за униженіе, за подличанье, за низкопоклонство, за воровство, за взяточничество, или нѣтъ? Вѣроятно, вы стоите за то, что поощряютъ законы нравственности и общества, то-есть за честность. Значитъ, эти бѣдняки за то, что они предпочли законный бракъ беззаконному разврату, должны были гибнуть медленною смертью. «Но зачѣмъ же онъ пилъ?»—спросите вы. А спрашивали ли вы, зачѣмъ пьютъ тѣ люди, которые могутъ напиваться дорогими винами, знали ли вы, что этихъ винъ привозится столько, что каждый, имѣющій средства ихъ пить, долженъ быть пьянъ, по крайней мѣрѣ, сто разъ въ годъ. Вы этого не предполагали, вы съ отвращеніемъ

Digitized by Google

смотрите только на этого угрюмаго бѣдняка, идущаго изъ кабака. А, между тѣмъ, онъ и только онъ одинъ можетъ оправдать свое пьянство тѣмъ, чѣмъ онъ и оправдывалъ его, говоря, что ему, отцу голодной и холодной семьи, «тошно смотрѣть на свѣтъ». Опьянѣніе было его временною могилой, временною смертью. Неужели же вы настолько черствы, чтобы отнять у человѣка за всю его честность, за всѣ его страданія, право на смерть, на могилу? Дайте ему возможность полюбить жизнь или, со стыдомъ за свое безсиліе, оставьте ему скорбное право этой смерти!

А онъ все не шелъ.

Проходила ночь, мучительная, тяжелая ночь, послѣ не менѣе мучительнаго дня. Наканунѣ Марья Дмитріевна была прибита мужемъ. Это было во второй разъ въ ея жизни, во второй разъ въ теченіе двухъ дней. Наканунѣ она провела весь день въ слезахъ и тревогѣ за сына, уѣхавшаго на лодкѣ за дровами въ сырую, холодную и бурную погоду. Теперь она не смыкала глазъ, поджидая мужа, не зная, что съ нимъ случилось. Наставало блѣдное, пасмурное утро. Его свѣтъ проскользнулъ блѣдными лучами въ заплатанныя окна конуры, и она казалась теперь еще грустнѣе, еще страшнѣе. Грязь и тряпье, скрывавшіяся ночью во мракѣ, теперь отовсюду бросались въ глаза. На ободранной постели въ дырявыхъ лохмотьяхъ лежала сама Марья Дмитріевна, больная, исхудалая, съ заплаканными глазами. Въ углу, на полу покоились, свернувшись клубкомъ, двое ребятишекъ, прикрытые рваными кацавейками; рядомъ съ ними лежала черноволосая блѣдная дѣвушка, ея рука обвила плечо мальчугана, положившаго къ ней на грудь свою усталую головенку. Онъ былъ укутанъ разною ветошью, въ числѣ которой было и платье дѣвушки, жалкое ситцевое платье, едва ли способное хотя немного согрѣть мальчугана. Марья Дмитріевна все сильнѣе и сильнѣе чувствовала боль, невыносимую, страшную боль будущей матери новаго ребенка. Дѣти спали еще крѣпкимъ сномъ, когда начали все слышнѣе и слышнѣе раздаваться ея стоны.

— Охъ, худо мнѣ, худо! Конецъ приходитъ!—стонала она.

Дѣвушка проснулась. Несмотря на всю осторожность, съ которой она хотѣла приподнять голову брата, чтобы положить ее на подушку,—онъ проснулся.

— Матери худо!—прошептала она и начала одѣваться.

Мальчикъ тоже всталъ.

— Сбѣгай въ часть за бабкою!—тихо промолвила дѣвушка.

Digitized by Google

Мальчикъ наскоро одѣлся и ушелъ изъ конуры.

Прошелъ почти часъ. Около больной возились дѣвушка и старая нищая. Въ конурѣ слышались вздохи и стоны. Наконецъ, въ кухнѣ скрипнула дверь. Дѣвушка поспѣшно вышла туда. Передъ нею стоялъ братъ.

— Бабки нѣтъ, уѣхала съ вечера къ больной,—сказалъ онъ.

— И не надо теперь,—отвѣтила дѣвушка.—Ты побудь здѣсь. Не ходи туда.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ испугомъ и только теперь замѣтилъ, что она была страшно встревожена. Онъ молча хотѣлъ сѣсть на скамью.

— Разведи огонь, чаемъ надо мать и дѣтей напоить,— сказала сестра, скрываясь за дверью.

Онъ принялся за работу. Черезъ нѣсколько минутъ въ кухнѣ сверкалъ огонь. Къ старшему брату вышли дѣти.

— У насъ блатецъ умелъ,—таинственно прошепталъ маленькій братъ.

— Какой братецъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ старшій братъ.

— Маенькой такой, на стонкѣ лежитъ,—отвѣтилъ ребенокъ.

Мальчикъ смутно понялъ, въ чемъ дѣло. Черезъ полчаса онъ вошелъ въ комнату. Блѣдная и худая мать въ полудремотѣ лежала на постели. На столѣ, закутанный въ тряпку, лежалъ трупъ новорожденнаго ребенка...

А отецъ семейства все не шелъ.

Тяжелый, полный тревогъ прошелъ день. Появлялась на минуту въ конурѣ и бабка, появлялся и священникъ, пришелъ какой-то сосѣдъ изъ фабричныхъ, завернувшій въ тряпку маленькій трупъ, положившій его въ какой-то ящикъ и унесшій тѣло подъ мышкой на кладбище. Настала и ночь, опять такая же мрачная, такая же безсонная для больной женщины. Такъ прошло три дня. На четвертый больная женщина поднялась съ постели. Еще черезъ нѣсколько дней она могла выйти изъ дома, чтобы пуститься на поиски за мужемъ среди этой массы улицъ, площадей, домовъ, экипажей, людей всѣхъ званій, всѣхъ состояній,—на поиски изъ квартала въ кварталъ, изъ части въ часть, изъ больницы въ больницу.

— Я съ тобой пойду,—проговорилъ старшій сынъ, видя, что мать собирается идти.

— Куда ты. Устанешь. Холодно, голубчикъ,—тихо замѣтила мать.

Она въ эти дни стала еще слабѣе, еще тише, покорнѣе.

Digitized by Google

— Свалишься еще гдѣ-нибудь одна,—промолвилъ онъ.

Мать вздохнула.

— Конечно, лучше идите съ нимъ,—посовѣтовала старшая дочь.—Все-таки, посмотритъ. Только ты одѣнься потеплѣе,—обратилась она къ брату.

Онъ сталъ быстро одѣваться въ свою кофту. Старшая сестра повязывала ему уши. Нѣсколько минутъ спустя, мать и сынъ тащились по грязи.

Они походили на нищихъ. Встрѣчные люди глядѣли на нихъ съ любопытствомъ и состраданіемъ; какая-то барыня начала шарить въ своемъ карманѣ при видѣ ихъ и, кажется, удивилась, когда они прошли мимо, не протянувъ руки. Каждый мужикъ, каждый мелкій торговецъ выглядѣлъ счастливѣе, довольнѣе, богаче ихъ.

Они заходили всюду, гдѣ можно было надѣяться узнать о близкомъ человѣкѣ... Здѣсь находились пьяныя, покрытыя кровью и грязью созданія, поднятыя въ безчувственномъ состояніи; тамъ были исхудалые люди въ бѣлой горячкѣ, вынутые изъ петли; въ третьемъ мѣстѣ попадались вполнѣ трезвые несчастливцы, выловленные на горе, на несчастіе себѣ изъ воды: далѣе лежали безъ чувствъ полураздавленные экипажами отцы и матери семействъ, дочери и сыновья, кормильцы семьи. Но мужа бѣдной женщины не было нигдѣ.

Наконецъ, передъ нею была клиника; длинные коридоры, занятые, отрывисто отвѣчающіе люди; грубые, неразговорчивые солдаты; сѣренькое зданіе съ трупнымъ запахомъ, анатомическій театръ. Марья Дмитріевна толковала что-то о привезенномъ сюда человѣкѣ, «худенькомъ такомъ изъ себя, съ небритымъ подбородкомъ, съ сѣденькими волосиками»; она толковала что-то о какомъ-то «сюртучкѣ съ двумя костяными пуговками на правой сторонкѣ и съ одною мѣдною пуговкой на лѣвой сторонкѣ»; она разсказывала все это какъ-то смутно, сбивчиво, тоскливо, разсказывала всѣмъ проходящимъ, всѣмъ встрѣчнымъ, поминутно кланяясь въ поясъ и какъ-то безсмысленно повторяя:

— Не оставьте, отцы родные! Не оставьте!

Она почти не слыхала отвѣтовъ, почти не понимала словъ. Наконецъ, ее поразилъ грубый голосъ сторожа:

— Что-жъ ждешь-то, тетка?

Она точно проснулась отъ долгаго сна и испуганно оглядѣлась кругомъ. Казалось, ее поразила мысль, что ей нечего больше ждать.

Digitized by Google

— Батюшка, тѣло-то гдѣ же, тѣло-то?—забормотала она глухо, не плача, не падая въ обморокъ.

— Говорятъ тебѣ, испотрошили.

— Какъ же, гдѣ же я его найду? Вѣдь мужъ мнѣ онъ, мужъ, изъ чиновниковъ,—шептала она безсмысленно.

— Гдѣ? Нигдѣ не найдешь...

Марья Дмитріевна присѣла на землю и какъ будто замерла. Сынъ, понуривъ голову, уныло стоялъ подлѣ нея и не трогался съ мѣста.

II.

Темное пятно въ свѣтлой жизни статскаго совѣтника Боголюбова.

Смерть Александра Захаровича была для Прилежаевыхъ тѣмъ громовымъ ударомъ, при которомъ обыкновенно начинаетъ креститься русскій человѣкъ. Матеріальное положеніе семьи должно было теперь ухудшиться еще болѣе и угрожало въ близкомъ будущемъ голодною смертью. Марья Дмитріевна не могла не заглянуть мысленно въ это будущее, когда ей приходилось жить своимъ умомъ, быть старшею въ домѣ. Она ясно поняла всю страшную сущность этого будущаго и увидала необходимость спастись теперь или никогда. Откладывать попеченіе о завтрашнемъ днѣ въ долгій ящикъ не было возможности: голодъ стоялъ у дверей. Нужно было хлопотать о пенсіи, объ опредѣленіи дѣтей, объ устройствѣ своей судьбы, но прежде всего нужно было хлопотать о насущномъ хлѣбѣ. Заработать этотъ хлѣбъ въ настоящую минуту не было возможности, такъ какъ и до пріисканія работы, и во время работы, до полученія за нее денегъ, нужно же было ѣсть. Приходилось идти за помощью ближнихъ. Нечего говорить, какъ тяжело, какъ больно непривычному человѣку идти за милостынею; но Марью Дмитріевну мучили и другія чувства: чувство страха передъ тѣми, къ кому она шла, чувство опасенія, что ей откажутъ, что ее выгонятъ. И безъ того больная, слабая, забитая судьбою, она выглядѣла еще болѣе жалкою въ то время, когда, ежеминутно крестясь, она невѣрными шагами поднималась по широкой лѣстницѣ одного изъ большихъ каменныхъ домовъ, стоявшаго въ одной изъ многолюдныхъ улицъ Петербурга.

Во второмъ этажѣ этого дома помѣщалась квартира статскаго совѣтника Данилы Захаровича Боголюбова.

Гремѣли ли на улицѣ колеса экипажей, уносящихъ аристократію въ театръ на первое представленіе новой оперы,

Digitized by Google

надѣлавшей шуму въ Парижѣ, или въ собраніе на блестящій обѣдъ въ честь какого-нибудь минутнаго героя общественной жизни, или на шумное засѣданіе новаго комитета для обсужденія вопроса, не слѣдуетъ ли ввести въ образованіе санскритскій языкъ; валялась ли въ ногахъ у домохозяина и исполнительной власти какая-нибудь бѣдная мать шестерыхъ дѣтей, жилица пятаго этажа большого дома, не заплатившая въ срокъ за квартиру и съ ужасомъ смотрѣвшая на опись своего имущества; жаловались ли жилицы подваловъ на буйство своихъ спившихся съ кругу мужей,— однимъ словомъ, раздувало ли общество съ серьезнымъ видомъ мыльные пузыри безплодной дѣятельности, изнемогали ли отдѣльныя личности подъ бременемъ нешуточнаго горя,— квартира Боголюбова оставалась тихою и спокойною, не интересовалась ничѣмъ, жила своею собственною жизнью, стояла, какъ отдѣльное государство, храня вооруженный нейтралитетъ среди общественныхъ событій и частныхъ сценъ. Въ качествѣ нейтральнаго государства, квартира получала газеты собственно для справокъ о томъ, не грозятъ ли ей какія-нибудь опасности со стороны ея сосѣдей, не уничтожаютъ ли статскихъ совѣтниковъ, не налагаютъ ли какого-нибудь особеннаго налога на жильцовъ вторыхъ этажей, не даютъ ли какого-нибудь высшаго назначенія одному изъ начальниковъ отдѣленія—конкурентовъ хозяина этой квартиры. Интересовались въ этой квартирѣ и другими газетными свѣдѣніями, не имѣвшими никакого отношенія къ нейтральному государству, читали о количествѣ самоубійствъ и несчастій, о спектакляхъ и обѣдахъ, о непріязненныхъ или дружественныхъ отношеніяхъ кабинетовъ Франціи и Англіи, о возстаніи голодныхъ рабочихъ въ Манчестерѣ, но всѣ эти извѣстія читались собственно для улучшенія пищеваренія, для назидательныхъ размышленій о томъ, что среди этого хаоса страстей и глупостей, глухого рева бурнаго житейскаго моря и беззаботнаго шелеста пестренькихъ флюгеровъ, вертящихся на видныхъ мѣстахъ общественныхъ кораблей, невозмутимо мирно, математически правильно сложилась и идетъ изо дня въ день, изъ года въ годъ жизнь въ крошечномъ нейтральномъ государствѣ этой квартиры.

Квартира была отдѣлана богато и даже роскошно. Но наблюдателю сразу должно было броситься въ глаза излишнее обиліе бронзы и полнѣйшее отсутствіе оригинальныхъ картинъ, статуй и тому подобныхъ художественныхъ произведеній. Это обстоятельство заставляло думать, что

Digitized by Google

обитатели этой квартиры принадлежатъ или къ купечеству, сидящему на своихъ кованныхъ сундукахъ и знающему цѣну только тому, что можно продать на вѣсъ, или къ тому разряду людей, которые медленно, по грязи, сквозь огонь и воду доползли до нѣсколькихъ тысячъ годового дохода и тоже мѣтятъ въ генералы. Люди послѣдняго разряда обыкновенно накупаютъ сначала бронзовыхъ подсвѣчниковъ и лампъ, потомъ вѣшаютъ въ своей залѣ люстру съ разными побрякушками, отдѣлываютъ какую-нибудь одну комнату не для себя собственно, а болѣе для вида, для гостей; черезъ нѣсколько времени они сознаютъ возможность украсить еще одну или двѣ комнаты; наконецъ, доходятъ до блаженной минуты—до отдѣлки своей квартиры, съ бѣлой залою, до отдѣлки всѣхъ комнатъ, даже дѣтской, и, самодовольно осматривая свое жилище, съ восхитительною небрежностью замѣчаютъ вскользь своимъ домочадцамъ: «надо бы въ гостиной обить мебель бархатомъ». На языкѣ подобныхъ Наполеоновъ семейной жизни это значитъ: «надо увѣнчать зданіе!» Въ такихъ квартирахъ взглядъ насмѣшливаго и въ то же время незлобиваго наблюдателя человѣческой комедіи легко подмѣтитъ слѣды разныхъ формацій, разныхъ наслоеній, не вяжущіеся между собою точно такъ же, какъ не вяжутся между собою обстоятельства тѣхъ эпохъ, когда дѣлались эти наслоенія. Въ одну углу стоятъ массивные жирандоли съ хрустальными побрякушками, сильно напоминающіе и трактиръ, желающій преобразиться въ гостиницу или даже въ отель, и толстую фигуру русскаго купца, пускающаго пыль въ глаза и желающаго показать, что «молъ и мы живемъ, какъ баре»; въ другомъ углу виднѣется дорогой столъ изъ розоваго дерева съ отдѣлкой изъ бронзы и фарфора, напоминающій древнюю безпутную, прихотливую, потонувшую въ роскоши Францію временъ послѣднихъ Людовиковъ. Какая пропасть, какая борьба, какія надежды отдѣляютъ эти жирандоли отъ этого столика? Не лежитъ ли между ними цѣлая драма или цѣлая комедія человѣческой жизни въ ея стремленіяхъ къ обстановкѣ, къ устройству своего нейтральнаго уголка по образцу лучшихъ сосѣднихъ владѣній? И какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и самодовольствомъ дышитъ лицо человѣка, когда онъ достигнетъ желанной обстановки! Не думайте, что эти жирандоли, столики, мягкіе диваны стоятъ для него мрачными памятниками его кровавыхъ усилій, его безсонныхъ ночей, его униженій и нравственной ломки; что въ этихъ блестящихъ хрусталя-

Digitized by Google

кахъ люстры онъ видитъ застывшія слезы вдовицы, просившей его когда-то защищать ее въ тяжбѣ съ богатымъ врагомъ; что въ этихъ неуклюжихъ, бронзовыхъ, покрытыхъ позолотой подсвѣчникахъ онъ ясно разсматриваетъ толстую фигуру нахальнаго откупщика, нагло говорившаго ему: «это что-съ: совѣсть! за деньги все можно обдѣлать». Нѣтъ, всѣ эти блестящія игрушки стали для него непроницаемыми ширмами, за которыми скрылось все пережитое, все выстраданное, которыми, какъ каменною броней, защитилась его душа отъ всякихъ непрошенныхъ упрековъ и нападеній совѣсти.

Именно до этого окончательнаго устройства дѣлъ въ своемъ нейтральномъ государствѣ дошелъ статскій совѣтникъ и членъ разныхъ благотворительныхъ комитетовъ Данила Захаровичъ Боголюбовъ, въ ту пору, когда мы застаемъ его въ богато убранной столовой, окруженнаго его семьей. Его жена, полная и красивая женщина, лѣтъ тридцати, съ немного лѣнивымъ и томнымъ выраженіе на лицѣ, разливаетъ чай. Около нея сидитъ дѣвочка лѣтъ шести, прелестный живой ребенокъ съ быстрыми глазенками, съ головой, украшенною безчисленными папильотками изъ газетной бумаги, издающими, какъ и ея сильно накрахмаленное платье, какіе-то своеобразные звуки при каждомъ движеніи дѣвочки. Это дочь Боголюбовой, Лидія. Напротивъ помѣщается на дѣтскомъ высокомъ креслѣ мальчикъ лѣтъ трехъ съ пухленькимъ тѣльцемъ, одѣтымъ въ кружева и прошивки. Это младшій сынъ Боголюбовыхъ, Аркадій. Около него читаетъ книгу юноша двѣнадцати лѣтъ, стройный, высокій, голубоглазый блондинъ съ немного женственнымъ лицомъ, изящно одѣтый, къ лицу причесанный, повидимому, мягкій, предупредительный и сильно впечатлительный человѣчекъ. Это старшій сынъ Боголюбовыхъ, Леонидъ. Имена этихъ дѣтей такъ романичны, и Боголюбова въ восторгѣ, что ея мужъ согласился дать дѣтямъ именно эти имена, любимыя ею уже во дни ея дѣвической жизни, когда она среди вѣчнаго бездѣлья зачитывалась всевозможными французскими и русскими романами. Немного въ сторонѣ отъ прочихъ членовъ семьи, какъ предсѣдатель въ совѣтѣ, сидитъ глава нейтральнаго государства, Данила Захаровичъ Боголюбовъ, плотный и видный, немного слонообразный мужчина, съ сильною просѣдью въ коротко подстриженныхъ волосахъ, съ строгимъ выраженіемъ на полномъ, гладко выбритомъ лицѣ, съ глубокомысленно сдвинутыми густыми бровями, съ боль-

Digitized by Google

шимъ орденомъ на шеѣ. Покойно помѣстившись въ большомъ мягкомъ креслѣ, онъ читаетъ газету и изрѣдка сообщаетъ своимъ подданнымъ новыя свѣдѣнія, могущія интересовать ихъ, или свои соображенія, могущія послужить имъ въ пользу.

— Бѣльскій въ камеръ-юнкера махнулъ,—произноситъ онъ сквозь зубы, не отрывая глазъ отъ газетнаго листа.— Повезло. И то сказать, въ правовѣдѣніи курсъ кончилъ!

— Ахъ, теперь еще болѣе носъ вздернутъ!—замѣтила томно хозяйка.—И безъ того земли подъ собою не слышали...

— Ну, какъ ни вздергивай носъ, а безъ нашего брата не обойдется, дѣла-то мы дѣлаемъ,—твердо и съ сознаніемъ собственнаго достоинства произнесъ хозяинъ и отпилъ чай.

Наступило молчаніе. Хозяинъ продолжалъ читать. Хозяйка задумчиво выводила ложечкой по подносу какіе-то узоры изъ пролитаго чаю.

— Холера опять изъ Турціи идетъ. Народъ только пугаютъ,—проговорилъ сквозь зубы хозяинъ.—Мало ли какія болѣзни бываютъ, не высчитывать же всѣхъ. При мнительности чортъ знаетъ что станешь думать.

— А что, приключеній никакихъ нѣтъ?—спросила жена, очнувшись отъ своего лѣниваго раздумья.

Хозяинъ мелкомъ окинулъ глазами страницу.

— Мальчишка какой-то застрѣлился,—отвѣтилъ онъ, пробѣгая глазами строки.—Женщина потонула, бросившись съ моста въ Неву... Нашли въ безчувственномъ состояніи человѣка на Выборгскомъ трактѣ, умеръ по дорогѣ въ клинику, знаковъ насилія на тѣлѣ не оказалось...

— Ахъ, это все отъ пьянства, все отъ пьянства!—съ отвращеніемъ проговорила хозяйка.—Вотъ такъ-то вашъ почтенный братецъ когда-нибудь умретъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Я до сихъ поръ не могу забыть послѣдней встрѣчи съ нимъ. Ободранный, пьяный, встрѣтился на Невскомъ и еще осмѣлился назвать меня сестрицей. Я со стыда сгорѣла. Кругомъ люди, извозчики, а онъ называетъ меня сестрицей!

Хозяинъ хранилъ упорное молчаніе и, повидимому, весь углубился въ чтеніе газеты. Онъ не любилъ, когда говорили о его братѣ.

— Право, теперь на улицу страшно выйти,—продолжала хозяйка.—Это уже третій разъ онъ меня скандализируетъ. И помяни ты мое слово, когда-нибудь онъ насъ еще осра-

Digitized by Google

мить какъ-нибудь въ нашей собственной квартирѣ или просто обворуетъ.

— Глупости, братъ никогда воромъ не былъ,—недовольнымъ тономъ пробормоталъ хозяинъ, еще сильнѣе углубляясь въ чтеніе газеты.

— Не былъ, такъ будетъ. Пьянство до всего доводитъ,— возразила хозяйка. — Этому надо положить какой-нибудь конецъ.

— Э, матушка, что ты говоришь! — совсѣмъ раздражительно произнесъ мужъ, отхлебывая чай.—Ну, какъ я положу этому конецъ? Вѣдь не можемъ же мы запретить ему ходить по улицамъ?

— Выслать его надо изъ города. Такіе люди опасны.

— Глупа ты и больше ничего!

— Вы прелестно выражаетесь! И еще при дѣтяхъ! — съ ѣдкой ироніей замѣтила жена.—Выслать нельзя какого-нибудь одного пьяницу, когда столькихъ высылаютъ. Это мило!

На нѣсколько минутъ воцарилось полнѣйшее молчаніе. Наконецъ, хозяйка заговорила снова:

— Я, право, была бы рада, чтобы ты самъ встрѣтилъ его. Тогда я посмотрѣла бы, что ты запѣлъ бы. Вѣдь я говорю тебѣ, что я просто со стыда не знала, куда дѣваться, смотря на его лицо, на его одежду. Да еще вдобавокъ этотъ-то, нашъ фанфаронъ, растерялся, стоитъ передъ нимъ, какъ ракъ красный, и шаритъ въ своемъ карманѣ. Я ему и глазами мигаю, и за рукавъ его дергаю, чтобы онъ скорѣе шелъ, а онъ стоитъ и роется въ портмоне. Слышу говоритъ: «извините, дядюшка, вотъ все, что могу». Каково тебѣ покажется: дядюшка! На Невскомъ проспектѣ публично говоритъ: дядюшка! И это при мнѣ-то! Хорошъ дядюшка! Просто скандалъ, скандалъ!

Хозяинъ нахмурилъ брови.

— Что-жъ тутъ дурного?—сквозь зубы пробормоталъ онъ.

— Какъ что дурного?—горячо заговорила жена.—Мать скандализировать, по-вашему, не дурно? Якшаться съ пьяницами не дурно? Это прелестно! А все отчего происходитъ? Оттого, что учиться не учится, а добродѣтели свои выказывать хочетъ. Вѣроятно, по стопамъ дядюшки желаетъ идти. Волю взялъ!

Отецъ оставилъ газету и обратилъ строгіе глаза на старшаго сына. Его задѣли за больное мѣсто, онъ былъ раздраженъ толками о братѣ, ему нужно было излить свой гнѣвъ. Сынъ еще ближе, еще пристальнѣе приникъ къ

Digitized by Google

книгѣ и, казалось, не дышалъ, чуя приближеніе бури. Онъ, повидимому, не слышалъ ни разсказа матери, ни замѣчанія отца; только яркій румянецъ, внезапно разлившійся по его лицу, какъ-то странно противорѣчилъ его безмятежному занятію чтеніемъ.

— Ты это что̀ читаешь?—строго спросилъ отецъ, не называя сына по имени.

Мальчикъ быстро поднялъ голову отъ книги и молча устремилъ глаза на отца, его лицо пылало, глаза ярко блестѣли.

— Я тебя спрашиваю, что̀ ты читаешь?

— Бѣлинскаго,—отвѣтилъ чуть слышно мальчикъ.

— Учебная книга?—отрывисто спросилъ отецъ.

— Критическая статья.

— Я тебя спрашиваю: учебная книга, или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Дуракъ!—отецъ пожалъ широкими плечами.—Его велѣли взять изъ гимназіи за лѣнь. Его хотятъ отдать въ новое училище, а онъ критическую статью читаетъ! Да ты понимаешь ли, что̀ ты читаешь? А?

Сынъ смотрѣлъ прямо на отца широко открытыми глазами; они были влажны, хотя изъ нихъ и не катились слезы.

— Отвѣчай же: понимаешь ли ты, что̀ ты читаешь? — отчетливо повторилъ отецъ.

— Понимаю,—тихо, но твердо отвѣтилъ сынъ.

— Понимаешь? Что̀ же ты понимаешь?—спросилъ отецъ уже нѣсколько ироническимъ тономъ.

— Все понимаю, что̀ читаю,—отвѣтилъ сынъ тѣмъ нерѣшительнымъ тономъ, какимъ отвѣчаютъ на неопредѣленные вопросы.

— У дурака дурацкіе и отвѣты!—произнесъ отецъ.—Ты ничего не понимаешь, ты не долженъ ничего понимать, ты не смѣешь ничего понимать изъ этихъ книгъ! Твое дѣло—учебники, твое дѣло—прилежанье. Ты видѣлъ своего дядю? А?

Мальчикъ молчалъ.

— Оселъ! Тебя спрашиваютъ: видѣлъ ли ты своего дядю?

— Видѣлъ,—отвѣтилъ мальчикъ, не спуская глазъ съ отца.

— Да чего ты глаза-то на меня таращишь? Что у меня узоры на лицѣ, что ли? — разсердился отецъ, предъ которымъ потупляли глаза всѣ люди, подпадавшіе его гнѣву.

Но сынъ все-таки не потупилъ глазъ, не отвернулъ лица. Казалось, онъ смотрѣлъ на своего противника не столько для того, чтобы быть готовымъ отскочить или защищаться

Digitized by Google

въ случаѣ окончательнаго нападенія, сколько для того, чтобы яснѣе понять весь сумбуръ неожиданныхъ обвиненій, или для того, чтобы смутить своимъ открытымъ, прямымъ взглядомъ безъ причины раздражившагося отца. Мальчикъ давно уже привыкъ къ этимъ безсмысленнымъ бурямъ и зналъ ихъ исходъ. Отвернувшись въ сторону, отецъ продолжалъ внушительнымъ тономъ:

— Ну, если ты видѣлъ дядю, такъ ты знаешь, до чего онъ дошелъ: до пьянства, до нищеты, до голода, до позора. И дошелъ онъ до всего этого потому, что былъ такимъ же лѣнтяемъ, какъ и ты. Ему нужно было учиться, а онъ чтеніемъ занимался; ему нужно было послушаніе оказывать передъ высшими, а онъ съ ними въ пренія вступалъ. Ну, и живетъ теперь нищимъ. Я не допущу, чтобы и мой сынъ когда-нибудь ходилъ нищимъ по городу съ протянутою рукой. Я лучше тебя изъ своихъ рукъ задушу...

— Ахъ, Данила Захаровичъ, что ты говоришь!—воскликнула хозяйка, не выносившая подобныхъ человѣкоубійственныхъ плановъ мужа.

— Да, лучше изъ своихъ рукъ убью, живого закопаю въ могилу, чѣмъ увижу его нищимъ, пьяницей, бездѣльникомъ! Мнѣ легче будетъ его смерть, чѣмъ его позоръ! — торжественно закончилъ Данила Захаровичъ, ударивъ широкой ладонью по столу, такъ что зазвенѣли чашки и зашуршали папильотки и юбки шестилѣтней дѣвочки, прижавшейся отъ испуга къ спинкѣ стула.

Съ минуту длилось тяжелое молчаніе.

— Ты видишь, какъ мы живемъ, — уже спокойнѣе продолжалъ Данила Захаровичъ. — Ты вѣдь не сидишь голодомъ, не ходишь безъ штановъ и безъ сапогъ, тебѣ не отказываютъ ни въ чемъ? А? отвѣчай.

— Нѣтъ,—отчетливо отвѣтилъ сынъ.

— Ну, а почему тебѣ не отказываютъ, почему у тебя все есть? Потому что я не былъ лѣнтяемъ, потому что я ночей не спалъ за работой, потому что я горбъ гнулъ надъ бумагами, потому что я не убивалъ времени не только на чтеніе разныхъ Бѣлинскихъ, а даже на лишніе часы сна. Ты видишь, меня уважаютъ, ко мнѣ идутъ съ просьбами, ко мнѣ обращаются за помощью. Я состою членомъ благотворительнаго комитета, я вытаскиваю изъ грязи несчастныхъ. Я могу дѣлать добро ближнимъ. За меня молятся тѣ, кого я изъ нищеты вытащилъ. Это потому, что я не сидѣлъ, сложа руки.

Digitized by Google

Данила Захаровичъ говорилъ уже почти спокойно, безъ раздраженія, безъ желчи, онъ просто дѣлалъ строгое отцовское внушеніе сыну, которому желалъ всего лучшаго въ жизни. Съ каждою новою фразой, съ каждымъ новымъ воспоминаніемъ о своихъ увѣнчавшихся успѣхомъ усиліяхъ, о своемъ значеніи, дающемъ возможность благодѣтельствовать даже постороннимъ, Данила Захаровичъ становился все мягче и мягче. Такъ, среди мелкихъ будничныхъ непріятностей, утихаетъ и дѣлается добродушнымъ старый морякъ вспомнивъ, послѣ сколькихъ лишеній, бурь и невзгодъ успѣлъ онъ добраться до своего мирнаго уголка, до своей семьи, до своего благосостоянія. Данила Захаровичъ даже добродушно усмѣхнулся, видя, что его сынъ все еще не спускаетъ съ него глазъ.

— Захлопни-ка лучше свои критическія статьи, да принимайся за латынь, — уже полушутливо произнесъ онъ. — Поучишься теперь, послѣ веселѣе будетъ. Теперь ты вонъ дядюшкѣ, безъ моего позволенія, милостыню подаешь изъ денегъ, которыя упали тебѣ самому съ неба отъ меня. А ты выучись, свой грошъ заработай, да тогда и подавай помощь дядюшкамъ и тетушкамъ, и всѣмъ, кому вздумаешь, чтобы они благодарили и благословляли тебя. А то вы всѣ изъ готовенькаго, изъ чужого только умѣете щедрость показывать. Вотъ, поди, еще щедрѣе станешь между графчиками въ пансіонѣ Добровольскаго, особенно когда крестная пріѣдетъ, да крестнику сунетъ десятокъ рублишекъ на карманные расходы. Баловни!

Боголюбовъ совсѣмъ повеселѣлъ и разнѣжился, какъ это всегда бывало съ нимъ, когда ему удавалось громогласно разсказать, какимъ путемъ онъ дошелъ до благосостоянія и до возможности помогать ближнимъ.

— Кстати о крестной-то вспомнили, — промолвилъ онъ, принимая серьезное и озабоченное выраженіе и подвигая къ женѣ пустой стаканъ. — Обойщики кончили отдѣлку ея комнаты?

— Нѣтъ, сегодня кончатъ,—отвѣтила жена.

— Закопались, закопались!—проговорилъ Боголюбовъ.— Надо торопиться. Не сегодня, такъ завтра Варвара Ивановна пріѣдетъ въ Петербургъ. Надо, чтобы ей было удобно у насъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, и жить съ нами останется. Давно-давно я ея не видалъ. Надо обласкать старуху. Мы ее успокоимъ, она насъ не забудетъ.

Боголюбовъ умолкъ и задумался, вѣроятно, о старой род-

Digitized by Google

ственницѣ, пріѣзда которой ожидали въ семьѣ съ часу на часъ, ожидали съ нетерпѣніемъ и отчасти со страхомъ, какъ обыкновенно ожидаютъ пріѣзда вліятельныхъ, знатныхъ или очень богатыхъ родственниковъ.

Въ столовой настало затишье, изрѣдка прерываемое болтовней и шуршаньемъ папильотокъ и юбокъ шестилѣтней дѣвочки, обращавшейся къ матери съ различными вопросами. Мать отвѣчала нехотя, иногда лаконически замѣчала дочери: «Ты все пристаешь, надо сидѣть смирно», и продолжала задумчиво рисовать узоры на подносѣ. Она была въ сладкомъ поэтическомъ настроеніи утренней полудремоты. Боголюбовъ молча прихлебывалъ чай и тоже о чемъ-то думалъ. Его лицо приняло свое обычное выраженіе строгости и озабоченности государственнаго дѣятеля.

Казалось, этотъ человѣкъ постоянно стремился всѣми силами внушить каждому встрѣчному, что онъ, Данила Захаровичъ Боголюбовъ, глава дома и начальникъ отдѣленія, что у него хлопотъ и обязанностей по горло, что безъ его зоркаго глаза, безъ его указаній, выговоровъ и наставленій остановится и погибнетъ и канцелярія, и семья. Въ сущности, можетъ-быть, онъ былъ и добръ, и недальновиденъ, но обстоятельства жизни заставили его казаться и строгимъ, и зоркимъ. Давнымъ-давно, съ тѣхъ поръ, какъ ему было дано впервые мѣсто столоначальника, онъ привыкъ говорить директору департамента:

— Тутъ, ваше превосходительство, нужна строгость, чтобы дѣла не лежали безъ дѣйствія. Зоркій глазъ важнѣе всего, когда надо услѣдить за подчиненными.

— И я то же говорю, братецъ, да, и я то же самое говорю, — глубокомысленно произносилъ директоръ. — Строгость и зоркость — это главное въ начальникѣ, если онъ хочетъ, чтобы подчиненные были рачительны. Рачительность въ подчиненномъ—это долгъ! Да, рачительность!

И Боголюбовъ очень хорошо зналъ, что директоръ, говоря съ высшимъ начальствомъ, постоянно замѣчалъ:

— О, я вполнѣ надѣюсь на одиннадцатый столъ, тамъ у меня сидитъ строгій и зоркій чиновникъ; отъ его глазъ ничего не ускользнетъ, при немъ всѣ будутъ рачительно исполнять свои обязанности.

И вотъ за строгость и зоркость Боголюбову давались чины, кресты и видныя мѣста. Чѣмъ болѣе наградъ получалось имъ, чѣмъ чаще ему приходилось говорить о благодѣтельныхъ качествахъ начальника, тѣмъ глубже и глубже

Digitized by Google

врѣзывалось въ его лицо выраженіе строгости и зоркости; иногда оно даже доходило до комизма, когда Боголюбовъ смотрѣлъ строго и зорко, слушая какой-нибудь разсказъ высшихъ лицъ о балетѣ. Но если подобное выраженіе лица было необходимо на службѣ, то еще болѣе необходимо было оно дома.

Его жена, Павла Абрамовна, вышедшая изъ достаточной купеческой семьи, воспитывавшаяся въ пансіонѣ для «благородныхъ дѣвицъ», была менѣе всего способна къ роли хозяйки дома. Сначала она любила балы съ офицерами, любила балетъ съ красивыми декораціями, любила наряды съ безчисленными фалбалами, бахромами, бантами, любила романы съ несчастными любовниками и еще болѣе любила, облекшись въ атласъ и кружева, лежать въ своемъ будуарѣ и плакать въ тишинѣ о своей несчастной долѣ, несчастной потому, что Данила Захаровичъ «статскій», что ей теперь приходится, ради беременности, сидѣть дома во время баловъ, что молодыхъ «офицеровъ» у нихъ не бываетъ въ домѣ, а все «противные старики» въ карты играютъ. Наплакавшись до-сыта, она засыпала и спала мирнымъ и безмятежнымъ сномъ, до- тѣхъ поръ, покуда не являлся Данила Захаровичъ и не дѣлалъ ей строгаго выговора за спанье днемъ въ одеждѣ. Вслѣдствіе своей дальновидности, Данила Захаровичъ соображалъ, что, вѣроятно, при такой вѣчно спящей хозяйкѣ балуется и воруетъ прислуга, что обѣдъ не можетъ быть хорошо приготовленъ, и потому, безъ дальнѣйшихъ справокъ, строго и внушительно выговаривалъ людямъ за ихъ воровство, за дурное кушанье, хотя онъ и не былъ настолько зорокъ, чтобы указать, кто и что укралъ, не былъ настолько избалованъ пищею, чтобы сказать, какое кушанье испорчено.

Мало-по-малу, Павла Абрамовна начала свыкаться со своею жизнью, она начала полнѣть, и это послужило главною причиною того, что она разлюбила балы, балеты и наряды: ей тяжело было подняться съ мѣста, и она начала жить одними романами. Она привыкла къ зоркости и строгости мужа, и потому при каждомъ удобномъ случаѣ всѣ мелочныя дрязги съ прислугой и дѣтьми, всѣ промахи прислуги и дѣтей передавала на усмотрѣніе Данилѣ Захаровичу, чтобы онъ сдѣлалъ должное распоряженіе. И онъ такъ привыкъ къ своей роли, что ежедневно дѣлалъ внушенія и распеканія. Такъ шла жизнь Боголюбовыхъ совершенно тихо и мирно: супруги размежевались полюбовно,

Digitized by Google

мужъ не мѣшалъ женѣ читать романы и спать, она не мѣшала ему цѣлое утро просиживать въ должности, ѣздить въ клубъ для составленія партіи съ вліятельными людьми, принимать по пятницамъ этихъ вліятельныхъ людей у себя. Жена жаловалась мужу на прислугу, мужъ распекалъ прислугу. Жена ежегодно приносила по одному ребенку, мужъ зарабатывалъ деньги на новорожденнаго члена семьи.

— Господи, какъ время-то летитъ, вотъ уже мы двѣнадцать лѣтъ, какъ женаты!—восклицали супруги по утру въ годовщину своей свадьбы, нѣжничая другъ съ другомъ по этому экстренному поводу.

— А вѣдь мы, матушка, тринадцать лѣтъ съ тобой отмахали въ супружествѣ! — удивлялся Данила Захаровичъ на слѣдующій годъ, опять пускаясь на нѣжности и поцѣлуи.

И долго-долго предстояло имъ удивляться быстрому полету времени. Оно шло, ничѣмъ не отмѣченное, сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня. Утромъ строгость и зоркость въ должности, въ обѣдъ строгость и зоркость дома, вечеромъ строгость и зоркость въ клубѣ, — это для мужа. Утромъ полудремотное слушаніе новостей отъ мужа и новыя мечты, вечеромъ полудремотное чтеніе романовъ или слушаніе новостей отъ знакомыхъ,—это для жены. Праздники, лѣтніе переѣзды на дачу, собранія по пятницамъ, впечатлѣнія отъ балетовъ и романовъ, родины и похороны дѣтей, доклады въ должности, — все это было вылито въ однѣ и тѣ же формы, все это какъ будто совершилось вчера или за пятнадцать лѣтъ, все это какъ будто происходило внѣ времени. Вотъ выносятъ бѣлый глазетовый гробикъ изъ квартиры Боголюбовыхъ, мать тихо всхлипываетъ, припавъ рыхлымъ тѣломъ въ поэтической позѣ на плечо мужа; мужъ смотритъ строго и зорко, придерживая правою рукой спину жены, и шепчетъ ей: «не плачь, не плачь, Полина, тебѣ это вредно, ты знаешь!» Онъ многозначительно смотритъ на нее, и она понимаетъ, что онъ намекаетъ на ея положеніе: она скоро снова будетъ матерью. Но кого это хоронили: Аполлона, Валентина, Евгенія? Чьего рожденія ожидали: Евгеніи, Аполлинаріи, Людмилы? Право, трудно опредѣлить: всѣ эти названія исходящихъ и входящихъ бумагъ и дѣтей такъ однообразны, такъ часто повторяются въ жизни. И все это вмѣстѣ взятое называлось жизнью. Если бы хотя однажды Павла Абрамовна и Данила Захаровичъ нашли минуту свободную для размышленій о своемъ существованіи, если бы ихъ натолкнуло что-нибудь на по-

Digitized by Google

добныя размышленія, то они, вѣроятно, сами изумились бы, какъ они могли вынести эту прозаическую прозу жизни. Но люди, отдавшись мелочнымъ заботамъ дня и теченію случайно сложившихся обстоятельствъ, менѣе всего склонны къ анализу своей собственной жизни, къ вопросамъ: да для чего я это дѣлаю, нравится ли мнѣ это дѣло, стоитъ ли изъ-за него убивать всю жизнь? Отнестись критически къ своей дѣятельности, взглянуть на свою жизнь такъ, какъ мы смотримъ на чужую жизнь, все это можетъ сдѣлать только недюжинная, только сильно развитая личность. Большинство же людей слагаетъ свою жизнь подъ вліяніемъ ежедневно повторяющихся мелочныхъ условій и нисколько не думаетъ устранять эти условія, противодѣйствовать имъ: попадется на его дорогѣ какое-нибудь бревно, оно прокладываетъ около него дорожку, не замѣчая, что гораздо лучше разъ и навсегда своротить бревно и не ѣздить въ теченіе десятковъ лѣтъ окольными путями. Но большинство даже не способно и понять, что оно ѣздитъ окольнымъ путемъ, ему даже было бы странно, если бы ему вдругъ пришлось ѣхать другою, прямою дорогой. Это явленіе совершенно ускользаетъ отъ глазъ наблюдателей, и вотъ почему такъ часто являются недоразумѣнія: иногда мы говоримъ, что такая-то женщина вполнѣ честна по натурѣ, и что только однажды она увлеклась, сдѣлала непонятную ошибку, вступивъ въ любовную связь при мужѣ; иногда мы говоримъ, что такой-то человѣкъ радикалъ по убѣжденіямъ и что только разъ онъ изъ чувства минутнаго страха спѣлъ гимнъ врагу своего направленія. Но если бы мы поближе вглядѣлись въ жизнь этихъ людей, если бы мы поняли, какъ мало сопротивленія оказываютъ люди случайно сложившимся условіямъ жизни, то, можетъ-быть, мы увидали бы, что эта женщина была постоянно развратницей въ душѣ, что она только поддавалась въ теченіе долгихъ лѣтъ условіямъ своей жизни, мало способствовавшимъ разврату, что искренно, самостоятельно поступила она именно только тогда, когда свѣтъ увидалъ въ ея дѣйствіи несвойственную ея натурѣ ошибку, промахъ; мы увидали бы, можетъ-быть, что и мнимый радикалъ былъ просто врагомъ радикализма, но увлекался общимъ радикальнымъ направленіемъ близкихъ къ нему, поддерживавшихъ его существованіе людей, что онъ сообразовался только съ внѣшними условіями своей жизни и явился самимъ собою именно въ ту минуту, когда сказалъ, что радикализмъ нужно вырвать съ корнемъ. Зная

Digitized by Google

очень хорошо все то, мы не станемъ утверждать, что строгій и зоркій Боголюбовъ и его вѣрная жена, преданные только своему углу, своей лѣни, своему затишью, были именно такими людьми по натурѣ, какими они казались. Мы только говоримъ о томъ, чѣмъ они казались въ данную минуту.

Боголюбовъ уже допилъ третій стаканъ чаю и готовился идти въ должность, когда въ комнату вошла горничная и доложила, что барина желаетъ видѣть какая-то женщина.

— Кто такая?—торопливо спросилъ Боголюбовъ и мелькомъ замѣтилъ женѣ:—не Варвара ли Ивановна?

— Не знаю-съ. Говоритъ: родственница,—отвѣтила горничная.

Мужъ и жена переглянулись и взволновались. Жена стала быстро оправлять свой нарядъ.

— Немолодая барыня?—спросилъ хозяинъ, торопливо вставая и поправляя орденъ на шеѣ.

Горничная усмѣхнулась.

— Нѣтъ-съ, не барыня, такъ какая-то...

Боголюбовъ сердито пожалъ плечами и опять сѣлъ въ свое кресло.

— Ума не приложу, кто такая!

— Ужъ не его ли жена?—презрительно вымолвила Боголюбова?

— Посмотримъ, проси!—рѣшилъ хозяинъ дома.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла блѣдная и худая женщина. Это была Марья Дмитріевна. За нею, выглядывая изподлобья, шелъ ея старшій сынишка Антонъ. Онъ, видимо, дичился среди непривычной для него роскоши. И мать, и сынъ были одѣты въ свое обыкновенное рубище, имъ не на что было шить траурную одежду. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они остановились посреднѣ комнаты. Марья Дмитріевна едва держалась на ногахъ. Хозяинъ и хозяйка многозначительно переглянулись между собою, на ихъ лицахъ промелькнуло выраженіе презрѣнія и негодованія.

— Я вѣдь говорила, что этимъ кончится! — прошептала хозяйка, по своему обыкновенію, подливая масла въ огонь.

— Мама, это кто?—громко спросила шестилѣтняя дѣвочка, вставъ съ своего мѣста и протянувъ свое личико къ самому уху матери.

Мать погрозила ей пальцемъ и шепнула:

— Не надо соваться съ разспросами!

Хозяинъ нахмурилъ брови и всталъ, откладывая на столъ взятую имъ для чего-то газету.

Digitized by Google

— Что вамъ угодно отъ насъ? — строго спросилъ онъ, останавливаясь передъ посѣтительницей. — Мало того, что вашъ мужъ осмѣливается останавливать мою жену и моего сына на улицѣ, такъ еще вы осмѣливаетесь позорить меня въ моемъ собственномъ домѣ, говоря прислугѣ, что вы мнѣ родня.

— Мама, папа ихъ бранитъ? — снова послышался громкій вопросъ дѣвочки, сказанный на ухо матери.

— Молчи!—шепнула мать и толкнула отъ себя дочь.

Марья Дмитріевна стояла, понуривъ голову; она не могла говорить, задыхаясь отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Я положу этому конецъ,—продолжалъ хозяинъ, сильно возвысивъ голосъ. — Я буду хлопотать, чтобы выслали и васъ, и вашего мужа.

— Умеръ онъ, умеръ онъ, батюшка!—воскликнула Марья Дмитріевна и залилась слезами.

— Мама, о чемъ она плачетъ? Кто умеръ?—опять заговорила дѣвочка.

— Не твое дѣло! Я тебя сейчасъ выведу отсюда! Слышишь?—совсѣмъ сердито произнесла мать.

Дѣвочка надула губенки и усѣлась на свое мѣсто, шурша папильотками и юбками.

Боголюбовъ измѣнился въ лицѣ, въ его глазахъ выразились и испугъ, и недоумѣніе. Онъ машинально потеръ свой лобъ рукою и прошелся по комнатѣ.

— Сегодня?—лаконически спросилъ онъ, снова останавливаясь передъ просителями.—На похороны просите?

— Что хоронить-то? Нечего хоронить!—простонала Марья Дмитріевна.

— Какъ нечего? Что вы такое говорите? — нахмурилъ брови Боголюбовъ.

— Нечего, хоронить нечего!—послышался новый отвѣтъ.

— Ничего не понимаю, ровно ничего!—пожалъ плечами хозяинъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на рыдающую женщину и на ея сына.

Хозяйка и ея дѣти тоже смотрѣли любопытными глазами на странныя фигуры посѣтителей и внимательно слушали еще болѣе странные отвѣты бѣдной родственницы.

— Объясните вы мнѣ толкомъ... Да перестаньте плакать, слезами теперь не помочь... Это сынъ вашъ, что ли?— началъ хозяинъ.

— Сынъ, сынъ, Антоша,—всхлипывая, отвѣтила Марья Дмитріевна.

Digitized by Google

Хозяинъ обратился къ мальчугану, понуро стоявшему около матери.

— Ну, разскажи хоть ты... Когда умеръ отецъ?

— Пятаго числа, — отвѣтилъ мальчикъ, не поднимая глазъ.

— Ахъ, это на третій день послѣ того, какъ онъ насъ остановилъ! — воскликнула хозяйка, обращаясь къ своему старшему сыну.

— Ударомъ?—спросилъ хозяинъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Что же, вы хоронили его?

— Нѣтъ.

— Такъ кто же?

— Никто.

На лицѣ хозяина снова выразилось недоумѣніе.

— Такъ какъ же?—безсознательно спросилъ онъ.

— Испотрошили его.

— Гдѣ?

— Въ клиникѣ.

— Ну, ну, а тѣло-то, тѣло-то гдѣ?

— Тѣла нѣтъ, испотрошили...

Хозяинъ большими шагами заходилъ по комнатѣ.

— Нѣ-ѣтъ, э-то ужа-сно!—нараспѣвъ произнесла хозяйка и закрыла глаза лѣвою рукою, какъ будто передъ нею пронесся образъ испотрошеннаго трупа.

Боголюбовъ продолжалъ ходить по комнатѣ. Онъ не жалѣлъ брата, они давно не видали другъ друга, давно разошлись, но его какъ-то странно поразили всѣ эти новости. Еще за нѣсколько минутъ онъ сердился на этого человѣка, еще за нѣсколько минутъ онъ готовъ былъ хлопотать о высылкѣ этого человѣка изъ города, а теперь не только не стало этого человѣка на свѣтѣ, но даже нѣтъ его могилы, нѣтъ праха отъ его тѣла, нѣтъ слѣда отъ его жизни. Впрочемъ, нѣтъ! слѣдъ отъ его жизни остался—вотъ онъ стоитъ, воплотившійся въ образѣ двухъ живыхъ, голодныхъ, изнуренныхъ и оборванныхъ созданій. Они просятъ помощи, просятъ хлѣба. Выгнать ихъ? Но вѣдь это жена и сынъ того самаго милаго буяна Саши, съ которымъ вмѣстѣ росъ, вмѣстѣ игралъ, вмѣстѣ плакалъ и радовался самъ онъ, Данила Захаровичъ Боголюбовъ, въ дни далекаго, далекаго дѣтства. Какъ давно были эти дни и какъ ярко они воскресли теперь передъ глазами Боголюбова! Вотъ онъ и Саша вмѣстѣ играютъ въ бабки, вмѣстѣ ловятъ рыбу на баркахъ,

Digitized by Google

среди бурлаковъ, вотъ они вмѣстѣ бѣгутъ въ кабакъ за косушкою для своего отца, бѣгутъ на берегъ за щепками для матери, вотъ они поступаютъ въ бурсу. Какъ странно имъ, что они изъ Костровыхъ вдругъ превращаются, по волѣ преосвященнаго Филофея, одинъ въ Прилежаева, другой въ Боголюбова. Эта перемѣна фамилій дѣлаетъ ихъ сразу какъ будто чужими. Какъ часто, какъ безпощадно сѣкутъ въ бурсѣ дикаря и грубіяна Сашу, какъ постепенно все больше и больше отстаетъ Саша отъ брата; наконецъ, они разстаются совсѣмъ. Сашу выгоняютъ за неспособность, а его братъ, получившій прозвище «ласковаго теленка», уже переходитъ въ академію... Уже болѣе смутны, болѣе чужды Боголюбову остальныя, проносящіяся въ его головѣ картины встрѣчи съ братомъ, мелкимъ чиновникомъ, картины обоюдныхъ упрековъ, картины окончательнаго разрыва. Въ сердцѣ Боголюбова чувствовалась какая-то тупая, ноющая боль. На минуту ему показалось, что онъ не статскій совѣтникъ, не начальникъ отдѣленія, а просто младшій, любимый, балованный, выросшій на волѣ сынъ дьякона Захара Кострова, Данилка, тихо плачущій, лежа на одной постели со старшимъ братомъ, плачущій о томъ, что ихъ завтра отдадутъ въ ученіе. И среди этихъ воспоминаній въ умѣ Боголюбова возникло что-то въ родѣ упрековъ совѣсти, безотчетныхъ, безпредметныхъ, смутныхъ, похожихъ просто на какое-то недовольство собою. Но за что же ему упрекать себя? Развѣ онъ былъ виноватъ, что братъ плохо учился, что братъ былъ грубъ, что братъ не умѣлъ покоряться, не умѣлъ подслуживаться, что братъ пилъ съ горя, что братъ остался за штатомъ? Нѣтъ, нѣтъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ передъ братомъ! Напротивъ того, самъ его братъ былъ для него, Данилы Захаровича Боголюбова, причиною вѣчныхъ непріятностей, пятномъ въ его свѣтломъ существованіи. Откуда же это смутное недовольство собою, эта непрошенная мысль: «Эхъ, если бы начать жить съ начала!» Чѣмъ дальше ходилъ Боголюбовъ, безмолвно отдаваясь своимъ размышленіямъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе возрастало непріятное настроеніе духа. Ему нужно было высказаться, нужно было громко оправдать себя, хотя его никто не обвинялъ, никто не считалъ въ чемъ-нибудь виноватымъ. Онъ остановился передъ бѣдною родственницей.

— Что же вы думаете дѣлать?—спросилъ онъ.

— Сама не знаю! Хоть бери дѣтей, да въ воду!—въ отчаяніи проговорила она.

Digitized by Google

— Ну, полноте, полноте!.. Никто какъ Богъ!—вздохнулъ Боголюбовъ.—Да вы сядьте... Что же вы стоите?

Боголюбовъ повелъ глазами по комнатѣ, какъ бы отыскивая стулъ. Въ это время совершенно незамѣтно сошелъ съ своего мѣста старшій сынъ Данилы Захаровича и тихо подвинулъ стулъ Марьѣ Дмитріевнѣ. Она совершенно растерялась и стала безсвязно благодарить мальчика; онъ, весь красный, какъ піонъ, неловко поклонился и отошелъ къ окну, ставъ спиною къ дѣйствующимъ лицамъ сцены.

— Ахъ, братъ, братъ! Сколько горя, сколько горя надѣлалъ! — въ раздумьи бормоталъ Боголюбовъ, ходя по комнатѣ.

— И какъ это все неожиданно, точно сонъ какой, точно романъ какой-то,—мечтательно произнесла хозяйка, сентиментально качая головой.

— Надо пристроить дѣтей, самимъ идти на мѣсто,—придумывалъ Боголюбовъ выходъ для родственниковъ изъ тяжелаго положенія.

— Куда я ихъ пристрою? Куда я пойду? Не возьмутъ ни ихъ, ни меня,—вздохнула Марья Дмитріевна.—И куда я могу идти? Въ кухарки? Кто возьметъ меня съ дѣтьми? Кто возьметъ чиновницу? Вѣдь я теперь не мѣщанка! Некуда идти, некуда!

Боголюбовъ все ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Я самъ не богатъ,—въ раздумьи бормоталъ онъ.—У меня семья, мнѣ надо поднять на ноги эту мелюзгу. Многаго для васъ я не могу сдѣлать...

— Хлѣба, хлѣба насущнаго у васъ пришла просить! — заплакала Марья Дмитріевна.—Вздохнуть, осмотрѣться мнѣ надо. Я какъ въ лѣсу, все чужое... Я города пять лѣтъ не видала, хоть и жила въ немъ...

Боголюбовъ тяжело вздохнулъ.

— Ахъ, братъ, братъ! Много онъ горя принесъ мнѣ съ вами! Вы знаете, я ни въ чемъ не виноватъ передъ нимъ. Онъ не умѣлъ служить, онъ женился на васъ, когда ни у васъ, ни у него гроша за душой не было; потомъ онъ сталъ пить, остался за штатомъ, нищенствовалъ. Видитъ Богъ, я готовъ былъ помочь ему, я давалъ ему совѣты, но онъ же оскорбилъ меня, глубоко оскорбилъ... Я знаю, онъ мѣшалъ меня съ грязью, онъ чернилъ меня вездѣ за то, что я не таскался по-міру, за то, что меня повышали, а не гнали со службы. Но Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ! Мнѣ тяжело. Я боялся, когда встрѣчалъ кого-нибудь изъ нищихъ, похожаго

Digitized by Google

на него. Я боялся, когда кого-нибудь уводили съ улицы въ пьяномъ видѣ въ полицію. Онъ былъ постоянно моимъ мучителемъ, пятномъ на нашей фамиліи... Да, онъ былъ пятномъ въ моей жизни!..

Боголюбовъ смолкъ; у него стало легче на душѣ, когда онъ громко высказалъ свои мысли. Онъ почувствовалъ, что онъ не только прощаетъ виновнаго брата, но что даже въ его сердцѣ все сильнѣе и сильнѣе слышится теплое родственное чувство, заставляющее заплатить добромъ за зло.

— Я давно отрекся отъ брата, — заговорилъ снова хозяинъ.—Я не думалъ, что въ этой жизни мнѣ еще придется сдѣлать что-нибудь для него или для его семьи; я его прощаю за все, я не помяну его лихомъ... Эхъ, Саша, Саша, жить бы намъ вмѣстѣ, идти бы по одной дорогѣ!

Боголюбовъ тихо провелъ широкою рукой по влажнымъ глазамъ.

— Что можно, то я сдѣлаю для васъ!—продолжалъ онъ черезъ минуту.—Деньгами я много не могу помочь сразу, кое-что дамъ на первое время, потомъ похлопочемъ какъ-нибудь о вспомоществованіи; одеженка дѣтямъ, вѣроятно, найдется у жены... Паша,—нѣсколько заискивающимъ тономъ обратился онъ къ женѣ:—ты поищи.

— Тамъ есть гимназическое платье Леонида, оно теперь ему не нужно,—проговорила Павла Абрамовна:—можно будетъ отобрать.

— Ну да, ну да!—необычайно мягко и ласково проговорилъ Данила Захаровичъ.—Вотъ отъ дѣвочекъ что-нибудь возьмемъ... У васъ вѣдь есть и дѣвочка?—дружески обратился онъ къ Маріѣ Дмитріевнѣ.

— Одна есть маленькая, другая девятнадцати лѣтъ.

— Ну, для маленькой найдется кое-что...

— Да и для большой я дамъ свое платье, — замѣтила Павла Абрамовна.

— Ну, спасибо!—промолвилъ Данила Захаровичъ и поцѣловалъ жену въ лобъ.—Всѣ дадимъ кое-что, пріодѣнемъ, накормимъ первое время. Знаете: съ міру по ниткѣ—голому рубашка. Потомъ опредѣлимъ дѣтей куда-нибудь въ училища. Вы подайте просьбу объ опредѣленіи дѣтей графинѣ Дарьѣ Федоровнѣ Бѣлокопытовой. Я вамъ дамъ ея адресъ. Это мы устроимъ. Останетесь однѣ, легче будетъ работу пріискать. Глядишь, дѣтки подрастутъ, выучутся, поступятъ на службу,—ну, тогда и заживете лучше, будете отдыхать подъ старость. Все уладится, все уладится! Богъ не безъ милости!

Digitized by Google

Чѣмъ ласковѣе становился Боголюбовъ, чѣмъ мягче звучалъ его голосъ, чѣмъ болѣе надеждъ на спасеніе подавалъ онъ, тѣмъ ближе подступали къ глазамъ забитой судьбою женщины слезы, тѣмъ сильнѣе сознавала она въ простотѣ душевной доброту этого человѣка, оскорбленнаго ея мужемъ и позабывшаго зло. При послѣднихъ его словахъ, она безсознательно поднялась со стула и упала къ его ногамъ.

— Благодѣтель, родной!.. Не оставьте... не оставьте сиротъ!.. Вамъ Богъ... Богъ заплатитъ за все... вамъ и дѣтямъ вашимъ!—рыдала она.

Ея сынъ остался стоять за стуломъ съ понуренною головой, опустивъ глаза внизъ. Дѣти Боголюбова, за исключеніемъ старшаго сына, попрежнему стоявшаго у окна спиной къ дѣйствующимъ лицамъ, съ любопытствомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на эту сцену. Маленькая дѣвочка, въ папильоткахъ, сидѣвшая около матери, не угомонилась и снова обратилась съ вопросомъ:

— Мама! она Богу молится?

Мать снова погрозила ей пальцемъ и неодобрительно покачала головой.

— Она милостынку проситъ?—продолжала разспрашивать неугомонная дѣвочка.—Ты ей дашь?

Боголюбовъ между тѣмъ старался поднять бѣдную родственницу.

— Не надо, не надо унижаться!—бормоталъ онъ въ необычайномъ смущеніи.—Я все сдѣлаю, что могу, что могу!

Марья Дмитріевна тяжело поднялась съ полу. Боголюбовъ обратился къ женѣ:

— Поищи же, Паша, что-нибудь изъ платья.

Хозяйка томно поднялась съ своего мѣста, взяла на руки меньшого ребенка и скрылась за дверью столовой. Вслѣдъ за матерью пошла и шестилѣтняя дѣвочка. Боголюбовъ попросилъ Марью Дмитріевну подождать и направился въ свой кабинетъ. Въ столовой остались одни бѣдные родственники и Леонидъ. Мать и сынъ хранили молчаніе, потупивъ головы, какъ бы ожидая рѣшенія своей участи. Леонидъ въ замѣшательствѣ какъ-то сбоку поглядывалъ на нихъ и переминался на одномъ мѣстѣ, поминутно шаря въ своемъ карманѣ. Его лицо разгоралось все болѣе и болѣе. Наконецъ, онъ нерѣшительно и неловко на цыпочкахъ пошелъ по направленію къ бѣднымъ посѣтителямъ. Обойдя Марью Дмитріевну, онъ тихонько дернулъ за рукавъ Антона. Тотъ вздрогнулъ и обернулся.

Digitized by Google

— На, это тебѣ!—пробормоталъ Леонидъ, едва слышнымъ голосомъ и неуклюже старался что-то всунуть въ руку оборванному мальчугану.

— Мнѣ не надо, — медленно, какъ бы спросонья отвѣтилъ тотъ, отстраняя руку.

— Да возьми! — приставалъ Леонидъ, весь раскраснѣвшійся отъ застѣнчивости и волненія.

Марья Дмитріевна очнулась отъ раздумья и обернулась къ дѣтямъ. Она увидала, что ея сынъ не беретъ предлагаемыхъ ему денегъ.

— Вы его извините, батюшка. Онъ у меня дикій,—тихо заговорила она.—Онъ людей не видалъ, отъ посторонняго человѣка пряника не приметъ. Какъ въ деревнѣ росъ.

Но ни Антонъ, ни Леонидъ не обращали на нее никакого вниманія. Они стояли другъ противъ друга, Антонъ съ потупленною головой, съ глазами, смотрѣвшими исподлобья, Леонидъ съ протянутой рукой, съ краснымъ лицомъ, покрывшимся каплями пота.

— Что же ты?—тихо приставалъ Леонидъ.

— Нищій я, что ли?—хмуро отвѣтилъ Антонъ.

Леонидъ почти плакалъ.

— Послушай, вѣдь мы братья,—растолковывалъ онъ бѣдному маленькому дикарю.

— Какіе братья?—спрашивалъ тотъ, не понимая дѣтскимъ умомъ своихъ родственныхъ отношеній съ этимъ богатымъ мальчикомъ.

— Да, братья! Наши отцы были братья и мы братья. Ты возьми, голубчикъ. Ты мнѣ послѣ отдашь. Теперь у меня есть деньги.

На глазахъ Леонида сверкнули слезы. Онъ наклонился къ маленькому дикарю и горячо обнялъ его. Антонъ совсѣмъ растерялся и безмолвно, съ неловкостью крестьянскаго мальчика, взялъ деньги.

— Я, пожалуй, возьму... Только мнѣ не надо,—еще разъ пробормоталъ онъ въ смущеніи.—Я матери отдамъ...

— Отдавай, кому хочешь. Это твои деньги,—весело и добродушно проговорилъ юный Боголюбовъ.

— Пошли вамъ Господи всякаго счастья въ жизни!—промолвила Марья Дмитріевна.

Мальчикъ сконфуженно пожалъ ея руку, торопливо обнялъ еще разъ маленькаго дикаря и пошелъ, пробормотавъ своему новому родственнику:

— Ты приходи ко мнѣ.

Digitized by Google

Минуты ожиданія проходили одна за другой въ полнѣйшей тишинѣ, нарушаемой только вздохами Марьи Дмитріевны; наконецъ, въ столовой появились хозяинъ и хозяйка дома. Боголюбовъ несъ три десяти-рублевыя бумажки и адресъ графини Бѣлокопытовой; его жена несла нѣсколько обносковъ дѣтскаго и своего платья и бѣлья.

— Вотъ вамъ отъ всѣхъ насъ,—проговорилъ хозяинъ.— Оставьте свой адресъ; когда буду въ состояніи, пришлю что-нибудь. Сами не ходите понапрасно. Отъ васъ сюда далеко. Дѣтей надо отдать въ пріюты куда-нибудь. Напишите прошеніе графинѣ и подайте его лично послѣзавтра, такъ часу въ четвертомъ или въ третьемъ. Только не говорите, что вы меня знаете. Надо, чтобы она не знала, что мы родня. Подайте просьбу о вспомоществованіи къ митрополиту, все что-нибудь выйдетъ...

Въ эту минуту въ комнатѣ появилась шестилѣтняя дѣвочка, ускользнувшая вслѣдъ за матерью изъ столовой. Она тащила въ рукахъ куклу и приблизилась къ бѣднымъ родственникамъ.

— Маленькой дѣвочкѣ снеси,—тихо пробормотала она, протягивая Антону куклу.

— Ангелочекъ добрый! — замѣтила Марья Дмитріевна, отирая глаза.—Дайте ручку поцѣловать. Что же ты, Антоша, не поблагодаришь; поклонись барышнѣ, поцѣлуй...

Мальчикъ опомнился, наклонился, поднялъ дѣвочку на руки и звучно поцѣловалъ ее въ губы.

— Ахъ, глупый, глупый!—покачала головой мать.—Вы его извините, онъ совсѣмъ у меня, какъ есть, мужикъ необразованный. Чѣмъ бы ручку поцѣловать у барышни, а онъ ее въ губы лѣзетъ цѣловать...

— Ничего, ничего!—промолвилъ Боголюбовъ съ добродушною улыбкой.—Теперь идите съ Богомъ!

Бѣдная женщина, изливаясь въ благодарностяхъ, завязавъ узелъ, приказавъ сыну поцѣловать ручки у дяденьки и тетеньки, поплелась изъ богатаго жилища.

Хозяева вздохнули свободнѣе, когда кончилось это тягостное свиданіе.

— Догулялъ!—проговорила Боголюбова.—Шутка ли, пятерыхъ безъ куска хлѣба оставилъ! Теперь будетъ намъ еще возни съ этою семейкой.

— Ну, какая возня! Выйдетъ лишній рубль, два, вотъ и все, — задумчиво промолвилъ Боголюбовъ. — Не обѣднѣемъ,

Digitized by Google

матушка. На сиротъ Богъ посылаетъ. Дѣтей пристрою какъ-нибудь въ пріюты.

— Пристроишь, а каковы еще дѣти выйдутъ. Вѣдь это какой-то волченокъ,—замѣтила жена.—Ни одного раза никому въ глаза прямо не взглянулъ, а туда же лѣзетъ цѣловаться въ губы. Вѣрно, въ отца пойдетъ.

— Ну, матушка, трудно сказать, кто въ кого пойдетъ! Нашъ-то вонъ, Леонидъ Даниловичъ, пошелъ, кажется, ни въ отца, ни въ мать... На Невскомъ, при народѣ, щедрость показываетъ, отдавая дядюшкѣ послѣднія деньги, а тутъ, когда всѣ, даже Лидя, отдавали, что могли, голодной семьѣ,— онъ повернулся спиною къ бѣднякамъ и поскорѣе улизнулъ, чтобы кто-нибудь не взялъ у него гроша для этихъ несчастныхъ.

— Ужъ ты всегда на Леонида готовъ нападать!—вступилась мать, еще такъ недавно навлекшая на сына грозу.

— Да вѣдь больно, больно, что съ этихъ поръ отъ своего сына ждать нечего. Лѣнтяй, барчонокъ, бѣлоручка, хвастунишка... Ты вонъ про чужихъ толкуешь, еще не зная ихъ, а лучше бы о своемъ подумала.

Боголюбовъ былъ не въ духѣ.

— Я такъ и знала, что ужъ эти нищіе принесутъ намъ неудовольствіе.

Боголюбовъ молча ушелъ въ свой кабинетъ, хлопнувъ дверью. Впервые въ жизни, оказавъ благодѣяніе своимъ ближнимъ, онъ не чувствовалъ полнаго удовольствія, не ощущалъ елейнаго настроенія духа и какъ будто былъ недоволенъ собою. Походивъ по своему кабинету, онъ взглянулъ на часы и началъ собираться въ должность.

— Что-жъ, не могу же я всего отдать. У меня у самого семья, своя семья!—пробормоталъ онъ вслухъ и, со вздохомъ взявъ портфель подъ мышку, вышелъ изъ своей квартиры тихими и мѣрными шагами, какъ онъ обыкновенно ходилъ на службу, храня строгій и внушительный видъ.

III.

Просящіе помощи.

Марья Дмитріевна вздохнула немного свободнѣе, получивъ пособіе отъ Боголюбова. Кое-какіе грошовые долги были отданы; Антону было куплено теплое пальто на толкучемъ рынкѣ, смѣнившее его жалкую женскую кофту; Катерина Александровна перешила себѣ платье, подаренное теткой, и могла выйти изъ дому по своимъ дѣламъ, не обращая на себя

Digitized by Google

вниманія прохожихъ своими лохмотьями. Но эти мелкія улучшенія не могли окончательно успокоить семью; у нея оставалось впереди еще много хлопотъ и заботъ: нужно было хлопотать о пенсіи, объ опредѣленіи дѣтей, о наймѣ новаго угла. Марья Дмитріевна, все еще слабая и больная, ежедневно уходила изъ дому въ сопровожденіи Антона, своего неизмѣннаго тѣлохранителя, толкалась по присутственнымъ мѣстамъ, по переднимъ благотворительныхъ лицъ, по пріемнымъ филантропическихъ комитетовъ. Среди этихъ скитаній Антонъ впервые знакомился съ тою жизнью и обществомъ, среди которыхъ ему придется проходить свой жизненный путь. Трудно сказать, что чувствовалъ въ эти дни мальчуганъ; онъ молча, какъ будто безучастно смотрѣлъ на все; впечатлѣнія отъ тѣхъ или другихъ сценъ и встрѣчъ были, повидимому, мимолетны и забывались черезъ минуту. Но это были тѣ капли, которыя пробиваютъ камень: никакой глазъ не подсмотритъ, насколько продолбила камень та или другая отдѣльная капля, но попробуйте оставить этотъ камень на нѣсколько лѣтъ подъ вліяніемъ этихъ падающихъ на него капель, и васъ поразитъ измѣненіе этой, когда-то гладкой и ровной поверхности камня. То же бываетъ съ человѣкомъ: когда-то онъ впервые услыхалъ о некрасивыхъ продѣлкахъ господина, выглядѣвшаго очень честнымъ,—этотъ слухъ смутилъ его на время, потомъ, повидимому, совершенно исчезъ изъ его памяти; послѣ онъ былъ обманутъ другомъ, въ котораго онъ глубоко и искренно вѣрилъ,—это событіе глубоко огорчило его, но и оно забылось, какъ забывается все, забылось, повидимому, навсегда; завтра онъ узнаетъ, что личность, которой онъ поклонялся съ чистою любовью въ годы свѣтлой молодости, была черствымъ развратникомъ, шулеромъ, воромъ,—это открытіе потрясетъ его душу, и, можетъ-быть, въ его памяти вдругъ нежданно-негаданно возникнутъ, какъ живыя, казавшіяся забытыми воспоминанія о тѣхъ людяхъ, съ которыхъ онъ когда-то сорвалъ маску честности, и въ немъ надломится вѣра въ людей. Вы скажете, что эта вѣра сломилась внезапно. Нѣтъ, она подтачивалась незамѣтно, постепенно, и когда ея существованіе держалось на волоскѣ,—довольно было одного новаго явленія, чтобы этотъ волосокъ оборвался. Такъ въ душѣ нашего маленькаго героя покуда впечатлѣнія проходили только мимолетно, и было еще неизвѣстно, что подрывалось, что подтачивалось въ этой душѣ.

На третій день послѣ посѣщенія къ Боголюбову Марья

Digitized by Google

Дмитріевна снова плелась съ своимъ сыномъ черезъ городъ. Было около трехъ часовъ пополудни. Дотащившись до одного изъ богатыхъ домовъ въ Сергіевской улицѣ, около котораго стояло нѣсколько экипажей, Марья Дмитріевна вошла въ ворота и скрылась во дворѣ.

Этотъ домъ принадлежалъ графу Дмитрію Васильевичу Бѣлокопытову. Въ то время, когда въ него вошла Марья Дмитріевна, окна бель-этажа были ярко освѣщены десятками огней. Это былъ день рожденія хозяина дома. Широкая роскошная лѣстница параднаго подъѣзда, убранная тропическими растеніями, озарялась мягкимъ свѣтомъ лампъ съ бѣлыми матовыми шарами. Лампы поддерживались чугунными статуями, изображавшими негровъ и индѣйцевъ съ угрюмыми лицами, какъ лица рабовъ, обреченныхъ вѣчно стоять въ одной и той же позѣ и держать лампы. Внизу лѣстницы стоялъ швейцаръ въ пестрой ливрейной одеждѣ съ тяжелою булавой въ рукѣ, очень походившій на жалкаго балаганнаго актера, одѣтаго въ костюмъ фантастическаго генерала и старающагося придать своему лицу суровое выраженіе, что, по мнѣнію балаганнаго актера, должно быть непремѣннымъ атрибутомъ высокаго званія. Тутъ же на дубовыхъ стульяхъ съ высокими рѣзными спинками помѣщалось нѣсколько лакеевъ съ шубами и бархатными салопами въ рукахъ. Пестрота ихъ одеждъ была невообразимая: здѣсь были гороховые, красные, темно-голубые, однимъ словомъ, всѣ тѣ цвѣта, изъ какихъ не принято шить сюртуковъ и шубъ для мужчинъ, не имѣющихъ несчастія быть лакеями. Одни изъ лакеевъ дремали, другіе шопотомъ толковали про «нашихъ», сообщая другъ другу такія вещи, о которыхъ толкуютъ только лакеи и не грезится намъ съ тобою, мой другъ, читатель. И блѣдный свѣтъ лампъ, и невозмутимая тишина, заспанныя лица лакеевъ придавали этой картинѣ видъ соннаго сказочнаго царства, безучастно смотрящаго на эти роскошныя пальмы и на этихъ чугунныхъ негровъ и индѣйцевъ, безучастно отражающагося по нѣскольку разъ въ этихъ широкихъ зеркалахъ. Непривычный зритель удивился бы съ перваго раза и ширинѣ этой картины, и безчисленному множеству цвѣтовъ, людей и статуй, поддавшись обману зеркалъ. Ему показалось бы, что это царство сна тянется на необозримое пространство и вмѣщаетъ въ себѣ столько народа, что его не пересчитаешь и въ годъ. Только поприсмотрѣвшись къ этому царству сна, можно было убѣдиться, что оно далеко не такъ обширно и не вмѣщаетъ въ

Digitized by Google

себѣ столькихъ людей, какъ это кажется при первомъ взглядѣ на него; только послѣ внимательнаго наблюденія можно было сказать, что и ему есть конецъ, какъ и всему на свѣтѣ.

Повидимому, совершенный контрастъ съ этою безжизненною картиной представляли роскошныя залы и гостиныя, гдѣ помѣщались десятки пожилыхъ и молодыхъ мужчинъ и женщинъ. Здѣсь были лучшіе искусственные зубы, лучшіе фальшивые локоны и косы, лучшіе корсеты на ватѣ, лучшія румяна и бѣлила, лучшіе парики и накладки. Здѣсь были старыя барыни съ подтянутыми морщинами и сѣдыми локонами на облѣзлыхъ головахъ и молодыя женщины, исчезавшія въ волнахъ кружевъ, лентъ, шелка и газа, подобно манекенамъ, стоящимъ на окнахъ куаферовъ и модистокъ. Здѣсь были серьезные и холодные старики во фракахъ, старавшіеся держаться твердо на разбитыхъ подагрою ногахъ, и молодежь, старавшаяся блеснуть разными позолоченными и посеребренными украшеніями мундировъ. Все это ходило, сидѣло, тихо разговаривало, громко спорило, четко произносило остроумныя фразы и беззаботно смѣялось. Особенное оживленіе охватило всѣхъ, когда кончились офиціальные визиты, когда кончился обѣдъ и остались одни близкіе съ хозяевами люди. Гости сидѣли отдѣльными группами. Толки шли самые разнообразные. Политика и внутреннія дѣла Россіи, балы и театры, планы путешествій на воды и филантропическія затѣи, все это давало неисчерпаемый источникъ для серьезныхъ споровъ, для смѣха, для остроумія. Впрочемъ, преобладающей темой разговоровъ была филантропія, такъ какъ хозяйка дома посвящала главнымъ образомъ всю свою жизнь именно этому роду дѣятельности.

— Я вотирую за балъ съ аллегри,—говорила одна маленькая блондинка съ безпечнымъ херувимскимъ личикомъ.

— А ваша кузина, вѣроятно, подастъ голосъ за маскарадъ,—тихо отвѣтилъ ей, красиво перегибаясь черезъ ручку кресла, стройный гвардейскій офицеръ съ обольстительными черными усиками.

— Отчего это именно за маскарадъ?—невольно удивилось херувимское личико.

— Кузина очень эффектна, когда ея лицо подъ маской,—пояснилъ офицеръ.

— Вы не можете не злословить?

Офицеръ пожалъ плечами, какъ будто выражая этимъ: что прикажете дѣлать, если у меня остроуміе бьетъ черезъ край?

— Скучны всѣ эти балы съ аллегри,—говорилъ на про-

Digitized by Google

тивоположномъ концѣ комнаты другой гвардеецъ, лѣтъ двадцати-пяти, лѣниво зѣвая,—это былъ сынъ хозяевъ дома, Алексѣй Дмитріевичъ Бѣлокопытовъ.—Право, мы и веселиться-то не умѣемъ. Я скоро совсѣмъ перестану ѣздить на балы.

— А на пикникѣ сегодня будешь?—спросилъ его кто-то.

— Конечно.

— Закончить бальную дѣятельность хочешь?

— А, ба! вѣдь это же не балъ, а пикникъ, и притомъ безъ всякой аллегри въ пользу бѣдныхъ.

— Ну, аллегри-то будетъ и тамъ, Аделаиду будемъ разыгрывать.

Собесѣдники разсмѣялись и начали говорить тише.

— Неужели мы не устроимъ ни одного спектакля?—спрашивала одна барыня съ рѣзкими и подвижными чертами лица, приближавшаяся по лѣтамъ къ возрасту бальзаковскихъ героинь и только-что пріѣхавшая откуда-то съ водъ, гдѣ украла и проиграла фамильные брильянты своего мужа.

Ей никто не отвѣтилъ.

— Я всегда говорилъ, что Софья Николаевна Бѣлоусова ошиблась въ своемъ призваніи, — шепталъ неугомонный острякъ съ черненькими усиками, снова наклоняясь къ херувимскому личику.—Ей нужно бы быть актрисой, а она сдѣлалась сестрой милосердія больного мужа.

— Это, по крайней мѣрѣ, даетъ ей возможность постоянно жить за границей.

— Да она и актрисой могла бы жить за границей, но тогда она собирала бы тамъ деньги, а теперь ей приходится тамъ оставлять все.

Херувимское личико улыбнулось.

За столомъ, около одного изъ небольшихъ диванов, сгруппировалось менѣе легкомысленное и болѣе солидное общество. Здѣсь шли разговоры совсѣмъ въ другомъ родѣ. Тутъ лежало нѣсколько довольно засаленныхъ листовъ бумаги разнаго формата, исписанныхъ то писарскимъ, то неумѣлымъ дѣтскимъ или женскимъ почерками. Одинъ изъ присутствующихъ, въ которомъ, по зоркому и строгому выраженію его лица, не трудно было узнать Данилу Захаровича Боголюбова, медленно пересматривалъ эти листы бумаги и откладывалъ ихъ въ разныя стороны.

— Все больше объ опредѣленіи дѣтей,—проговорилъ онъ, перебирая листы.

Digitized by Google

— Какъ всегда осенью, — промолвила со вздохомъ крошечная пухленькая старушка, съ гладко причесанными сѣдыми волосами, сидѣвшая на диванѣ.

Это была княгиня Марина Осиповна Гиреева, одна изъ дѣятельницъ по части благотворительности.

— О вспомоществованіи тоже много просьбъ, — продолжалъ Боголюбовъ.

— Вы разсмотрите ихъ, Данила Захаровичъ,—промолвила пухленькая старушка. — Надо будетъ переслать нѣкоторыя въ человѣколюбивое общество.

— Теперь вездѣ такъ мало суммъ...

— Слѣдуетъ помочь, кому необходимѣе.

Старушка задумчиво начала перебирать просьбы о вспомоществованіи.

— Двадцать просьбъ, — проговорила она почти шопотомъ. — Это удивительно, что у васъ всегда бываетъ ихъ такая масса. Я и трехъ въ мѣсяцъ не получаю. У васъ есть какой-нибудь особенный магнитъ,—добродушно улыбнулась она, обращаясь къ одной изъ сидѣвшихъ у стола дамъ.

Женщина, къ которой обратилась пухленькая старушка, не успѣла еще произнести ни одного слова, какъ изъ сосѣдняго угла послышался рѣзкій, раздраженный голосъ мужчины,—этотъ мужчина былъ ея мужъ.

— Дѣло объясняется очень просто, — ироническимъ тономъ заговорилъ онъ, перерывая свой серьезный споръ съ какимъ-то старикомъ: — моя Дарья Федоровна изволитъ ѣздить по городу и скликать всѣхъ нищихъ, всѣхъ оборванцевъ, всѣхъ тунеядцевъ: «милые, ко мнѣ идите; я вамъ, милые, послѣднее платье отдамъ; вы, милые, можете сидѣть сложа руки, пока я жива». Конечно, милые и пользуются удобнымъ случаемъ пожить на чужой счетъ. Я увѣренъ, что у насъ даже сегодня, даже теперь гдѣ-нибудь въ домѣ спрятано до полсотни этихъ «милыхъ». Не хотите ли на нихъ полюбоваться?

Пухленькая старушка и жена раздраженнаго господина сдѣлали видъ, что онѣ не слышатъ его рѣчей и продолжали говорить, сильно понизивъ голосъ.

— Это оттого, что я сама принимаю просьбы,—отвѣтила жена раздраженнаго господина. — По почтѣ и черезъ прислугу переданныя просьбы могутъ пропасть.

— Но вы этимъ утомляете, убиваете себя, мой другъ,— промолвила съ участіемъ пухленькая старушка,—Признаюсь

Digitized by Google

откровенно, я не вынесла бы и мѣсяца ежедневныхъ встрѣчъ съ этими людьми, а я постарше, почерствѣе, чѣмъ вы.

Старушка говорила ласковымъ, искреннимъ тономъ. Въ отвѣтъ ей послышался только вздохъ.

— Здѣсь есть просьба одной вдовы, Прилежаевой, обремененной четверыми дѣтьми,—произнесъ Боголюбовъ, просматривая просьбы. — Просить объ опредѣленіи дѣтей. Кажется, это очень, очень бѣдная семья...

— Прилежаева, Прилежаева,—проговорила Гиреева, какъ бы вспоминая что-то. — Я знала одну Прилежаеву, милую, черноглазую дѣвочку...

— Надо похлопотать, надо похлопотать,—быстро заговорила та женщина, съ которою нѣсколько минутъ тому назадъ бесѣдовала Гиреева.—Надо все сдѣлать, что возможно. Я ее видѣла: она очень бѣдна и слаба. Вы подумайте, куда можно пристроить дѣтей.

— Постараюсь. Ваша воля—для меня законъ!—отвѣтилъ Боголюбовъ, придавая еще болѣе строгое и озабоченное выраженіе своему лицу.

— Я пойду, тамъ меня еще ждутъ,—шопотомъ произнесла собесѣдница Гиреева, наклонясь къ самому уху послѣдней и тихонько пожимая ей руку.

Она поднялась съ мѣста. Это была худенькая, низенькая женщина съ мутными, какъ-то странно блуждавшими взглядами. Казалось, она старалась припомнить какую-то позабытую мысль или отыскать какой-то потерянный предметъ. Ее до этой минуты было трудно замѣтить среди нарядныхъ, говорливыхъ, одушевленныхъ виномъ гостей, хотя она имѣла полное право на вниманіе уже просто потому, что она была хозяйкой дома. Но были и другія причины, которыя могли бы заставить наблюдателя остановить свой взглядъ на ней. Она очень рѣзко отличалась отъ всей этой пестрой и веселой толпы своимъ туалетомъ: онъ былъ не только простъ, но даже страненъ и смѣшонъ своею неуклюжестью и небрежностью. Темное шелковое платье съ гладкимъ лифомъ сидѣло на ней, какъ мѣшокъ, и болталось, какъ на вѣшалкѣ, точно оно было сшито для нея въ тѣ годы, когда она еще дышала цвѣтущимъ здоровьемъ и была свѣжа и полна. Гладкій воротничокъ изъ тонкаго батиста былъ надѣтъ на бокъ, такіе же нарукавнички были надѣты неровно, — на одной рукѣ нарукавничекъ выбился изъ-подъ гладкаго рукава чуть не на четыре пальца, на другой рукѣ нарукавничекъ былъ едва замѣтенъ. Жидкіе волосы этой женщины

Digitized by Google

были причесаны просто, гладко, но словно поссорились между собою и разсыпались съ одной стороны на столько, что сквозь нихъ была видна блѣдная сухая кожа, точно это были высохшіе «мертвые» волосы, не соединенные между собою даже помадой. Ея желтое, покрытое мелкими морщинами, лицо было крайне озабочено и выражало какое-то напряженное, но безплодное усиліе обдумать что-то, разсудить что-то. Она, немного сгорбившись, торопливо и неуклюже переплетая ногами, прошла черезъ гостиную и, на ходу улыбаясь то тому, то другому изъ присутствующихъ какою-то жалкою, похожею на мучительную гримасу улыбкой, скрылась въ другихъ комнатахъ.

— Дарья Федоровна, кажется, понеслась съ оливковымъ листомъ въ ковчегъ спасающихся отъ потопа?—насмѣшливо спросилъ у пухленькой старушки хозяинъ дома.

Старушка сдѣлала видъ, что она ничего не слышитъ, и очень усердно и горячо продолжала толковать съ Боголюбовымъ.

— Эти бѣдные, право, сдѣлались для меня чѣмъ-то въ родѣ bête noire, — промолвилъ своему товарищу Алексѣй Дмитріевичъ. — Если бы, кажется, вино пили для пользы бѣдныхъ,—я записался бы въ общество трезвости; если бы люди оставались холостяками для пользы бѣдныхъ, — я завтра же женился бы на первой попавшейся навстрѣчу старухѣ.

— Ну, это ужъ слишкомъ:—засмѣялся его собесѣдникъ.

— Да пойми же ты, что это становится невыносимымъ,— горячо заговорилъ молодой Бѣлокопытовъ: — встрѣчаешься съ матерью утромъ—она убивается о бѣдныхъ и отравляетъ чай; садишься за столъ—у матери заплаканные глаза отъ встрѣчи съ бѣдными, и кусокъ не идетъ въ горло; хочешь пройти къ ней въ комнату послѣ обѣда — встрѣчаешь на пути баррикаду изъ десятка калѣкъ и убогихъ. Знаешь ли ты, почему я разошелся съ Амаліей? Она какъ-то оскорбилась какою-то выходкой съ моей стороны. «Я, говоритъ, дочь бѣдныхъ родителей, я бѣдная, но...» Дальше я ужъ и не слушалъ, схватилъ фуражку и больше не видался съ ней.

Собесѣдникъ расхохотался.

А Дарья Федоровна, между тѣмъ, торопливо шла по освѣщеннымъ комнатамъ, перегнувшись туловищемъ впередъ и поминутно путаясь въ болтавшемся на ней, подобно тряпкѣ, шелковомъ платьѣ. Отъ всего ея существа вѣяло чѣмъ-то достойнымъ улыбки и сожалѣнія, смѣха и слезъ. Графиня

Digitized by Google

Бѣлокопытова дѣйствительно была замѣчательною личностью по своей судьбѣ, по своему характеру.

Ея отецъ, Федоръ Павловичъ Маевскій, слылъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Петербургѣ и нѣкогда занималъ очень видное мѣсто въ свѣтѣ. Она была его единственною наслѣдницей. Конечно, при такомъ положеніи она должна была играть одну изъ первыхъ ролей въ такъ-называемомъ свѣтѣ. Но старикъ Маевскій вмѣстѣ съ своимъ братомъ когда-то сильно прокутился въ Парижѣ. Братъ его пустилъ себѣ пулю въ лобъ, а Федоръ Павловичъ былъ спасенъ отъ нищеты и, можетъ-быть, тоже отъ самоубійства, только случайно полученнымъ наслѣдствомъ. Эти событія такъ сильно подѣйствовали на него, что изъ отъявленнаго мота онъ сдѣлался скрягою. Онъ перешелъ въ гражданскую службу, онъ носилъ потертые мундиры, онъ ходилъ пѣшкомъ, его дворня походила на стаю нищихъ, его обѣды были похожи на жалкіе обѣды бѣдняка. Онъ бралъ съ крестьянъ невообразимые оброки, сѣкъ ихъ безпощадно за недоимку, велъ торговыя дѣла, давалъ деньги подъ большіе залоги и за большіе проценты. Про него носились слухи, что, управляя въ былыя времена однимъ изъ благотворительныхъ учрежденій, онъ не только распекалъ по-русски просителей, но даже пряталъ въ свой собственный карманъ назначенныя имъ пособія. Въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращался, его имя сдѣлалось нарицательнымъ; сказать: «это второй Федоръ Павловичъ Маевскій» значило то же, что сказать: «это скрята». Онъ не только проклялъ сына за то, что тотъ, не получая ни гроша отъ отца, надѣлалъ на двѣ тысячи долговъ, не только допустилъ этого сына до тюрьмы и до самоубійства, не только уморилъ жену вѣчными и дикими сценами за каждый издержанный ею грошъ, но даже не позаботился о томъ, чтобы дать своей дочери порядочное образованіе. Какая-то кающаяся Магдалина изъ легитимистокъ, съ сильною наклонностью къ ханжеству, лишенная всѣхъ средствъ даже и при помощи румянъ и бѣлилъ для добыванія денегъ, согласилась занять за скудную плату мѣсто гувернатки при дочери Маевскаго. Французскій языкъ, легитимизмъ, ханжество, выражавшееся въ вѣчномъ вымаливаніи грѣховъ у разгнѣваннаго Бога и въ раздачѣ грошей нищей братіи, обязанной за эту плату молиться о прощеніи грѣховъ благодѣтелей,—вотъ все, чѣмъ набивалась дѣтская голова Маевской подъ руководствомъ m-lle de Beauregard. Эта головка и отъ природы была не особенно сильно надѣлена умомъ,

Digitized by Google

подъ вліяніемъ же деспота-отца, ханжи-гувернантки и вѣчнаго одиночества въ ней все окончательно перепуталось и сбилось. Маленькая дѣвочка уже представляла себѣ Бога не иначе, какъ разгнѣваннымъ Богомъ; она молилась не иначе, какъ со слезами, молилась только о прощеніи ея собственныхъ и вообще людскихъ грѣховъ; она любила и жалѣла бѣдныхъ людей, но не видала никакой возможности помочь имъ иначе, какъ раздачею грошей; иногда въ ней проявлялось даже что-то суровое и безпощадное, когда она, слыша чьи-нибудь жалобы, говорила: «Христосъ съ вами, Христосъ съ вами, развѣ можно такъ грѣшить! Онъ страдалъ не менѣе васъ. Онъ сына своего отдалъ на распятіе, а вы ропщете!»

Некрасивая собой, запуганная отцомъ, неловкая, плохо воспитанная, плохо одѣтая, семнадцатилѣтняя Дарья Федоровна съ перваго дня своего вступленія въ свѣтъ сдѣлалась мишенью для шутокъ, осколкомъ для остротъ, развлеченіемъ отъ скуки. Что-то черствое, что-то безсердечное таилось въ этихъ отношеніяхъ свѣта къ молодой дѣвушкѣ, и эти отношенія были тѣмъ болѣе гнусны и отвратительны, что источникомъ ихъ была все-таки зависть: эта «дурнушка» должна была, въ концѣ концовъ, сдѣлаться обладательницей одного изъ самыхъ крупныхъ имѣній. Черезъ годъ послѣ перваго выѣзда въ свѣтъ она уже готова была отказаться отъ свѣта, готова была идти въ монастырь, когда внезапно на нее обратилъ вниманіе одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей тогдашняго высшаго круга, графъ Дмитрій Васильевичъ Бѣлокопытовъ. Не много нужно было ласковыхъ словъ, не много нужно было горячихъ увѣреній, чтобы запуганное, загнанное существо, не видавшее ни одной привѣтливой улыбки, отвѣтило любовью на любовь. Мѣсяца черезъ два Дарья Федоровна была влюблена въ Бѣлокопытова, или, вѣрнѣе сказать, благоговѣла передъ нимъ. Бѣлокопытовъ рѣшился просить ея руки, и, конечно, получилъ отказъ: старикъ Маевскій никакъ не могъ выпустить изъ рукъ имѣніе своей покойной жены, которое, согласно завѣщанію, должно было перейти къ дочери, при замужествѣ послѣдней. Дарья Федоровна не вынесла удара и слегла. Послѣ долгой и тяжелой болѣзни она почти перестала выѣзжать въ свѣтъ, но не перестала любить Бѣлокопытова. Прошло около года мучительной одинокой жизни въ домѣ отца, вѣчно упрекавшаго дочь за то, что она хотѣла его ограбить, хотѣла подорвать его денежныя дѣла, хотѣла промотать вмѣстѣ съ

Digitized by Google

«мерзавцемъ»—иначе Маевскій не называлъ Бѣлокопытова—наслѣдственное имѣніе. Но Бѣлокопытовъ, несмотря на неудачу, не отказался отъ своего плана: повидимому, этотъ планъ былъ тою послѣднею картой, отъ которой зависѣло быть или не быть. Съ свойственною всѣмъ любителямъ азартныхъ игръ ловкостью, Бѣлокопытовъ началъ незамѣтно распускать подъ рукою слухи, что Маевскій помѣшанный, что онъ хочетъ уморить дочь, что это чистѣйшее убійство, совершаемое въ глазахъ всего свѣта. Исторія о сынѣ Маевскаго, о самоубійствѣ несчастнаго юноши, слухи о продѣлкахъ старика въ благотворительномъ заведеніи, все поднялось Бѣлокопытовымъ со дна прошедшаго, и общественное мнѣніе было единодушно вооружено противъ деспота-отца. Маевскій сдѣлался сказкой города, въ толкахъ о немъ уже слышались болѣе серьёзныя ноты, чѣмъ въ простыхъ сплетняхъ: «надо принять мѣры», «подобныхъ вещей нельзя допускать», «мы живемъ не во времена варварства», носилось въ салонахъ. Чѣмъ бы кончилось все это волненіе, поднятое искуснымъ агитаторомъ, — неизвѣстно; извѣстно только то, что однажды, среди самыхъ оживленныхъ толковъ о Маевскомъ, въ гостиной княгини Марины Осиповны Гиреевой появился Бѣлокопытовъ, приходившійся ей дальнимъ родственникомъ и жившій въ ея домѣ, и объявилъ, что онъ только-что получилъ извѣстіе о смерти Маевскаго. Это извѣстіе поразило всѣхъ своею неожиданностью, поразило тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ какой-то новый посѣтитель и объявилъ, что Маевскій живъ. Общество окончательно растерялось, а какой-то острякъ даже замѣтилъ при этомъ, что Маевскій возродился и проживетъ еще шестьдесятъ лѣтъ. Дѣйствительно, въ этомъ происшествіи было что-то странное, требовавшее разъясненія, и потому былъ отправленъ лакей въ домъ Маевскаго узнать о всемъ случившемся.

— Изволили-съ умереть, только помѣшали имъ, такъ они-съ и ожили,—доложилъ возвратившійся посланный.

Послѣдовало всеобщее изумленіе, начались разспросы. Оказалось, что дѣйствительно въ теченіе часа всѣ считали Федора Павловича мертвымъ и уже на радостяхъ поспѣшили обмыть и положить его на столъ, какъ вдругъ онъ тихо вздохнулъ и открылъ глаза, и вотъ уже въ теченіе четырехъ часовъ продолжаетъ отъ времени до времени дышать, хотя и не двигается, и не спускаетъ глазъ съ одной и той же точки. Въ обществѣ поднялись новые толки. Но толки уже

Digitized by Google

шли не въ одномъ какомъ-нибудь домѣ княгини Гиреевой, а дошли до разныхъ захолустьевъ. Нѣсколько бѣдняковъ, когда-то обиженныхъ Маевскимъ и ожидавшихъ его смерти, пробрались въ его домъ посмотрѣть, «какъ Богъ смерти не даетъ Кащею!» Эта была возмутительная и въ то же время грустная сцена. Дарья Федоровна, суевѣрная и трусливая, заперлась въ своей комнатѣ; прислуга, ненавидѣвшая барина, оставила его на столѣ и черезъ черную лѣстницу впускала разныхъ черносалопницъ посмотрѣть «на наказаніе Божіе». Черносалопницы уже разсказывали, «что онѣ своими ушами слышали, какъ хрипитъ и стонетъ кровопивецъ, и своими глазами видѣли, какъ его живого ѣдятъ черви». Только появленіе Бѣлокопытова и доктора положило конецъ этому показыванію живого трупа. Докторъ объявилъ, что переносить Маевскаго на постель невозможно, что надо ждать исхода. Исходъ былъ одинъ—смерть, послѣдовавшая черезъ нѣсколько часовъ. Эти событія такъ сильно повліяли на Дарью Федоровну, что она была готова раздать все имѣніе нищимъ, опять собиралась уйти въ монастырь и хотѣла отказаться отъ замужества. Бѣлокопытову пришлось сильно хлопотать и убѣждать ее, чтобы не выпустить изъ рукъ выгодной партіи. Наконецъ, дѣло было обдѣлано и долги Бѣлокопытова были заплачены деньгами Маевскаго. Бѣлокопытовъ вздохнулъ свободно — гора свалилась съ плечъ. Любовь и нѣжность графа продолжались ровно до того времени, когда въ его руки была отдана Дарьею Федоровною значительная часть ея имѣнія. Мужъ началъ относиться къ женѣ очень безцеремонно, называлъ ее при прислугѣ дурою, ханжою; говорилъ при ней о своихъ любовныхъ связяхъ; жилъ на отдѣльной половинѣ; устраивалъ въ своихъ комнатахъ «холостые» вечера. Дарья Федоровна, привыкшая считать всякое горе наказаніемъ за свои грѣхи, за грѣхи отцовъ, не употребляла никакихъ средствъ для борьбы съ мужемъ, для завоеванія себѣ его уваженія или независимаго, почетнаго мѣста въ домѣ. Она безмолвно выносила свое тяжелое положеніе и все сильнѣе и сильнѣе, все съ большимъ страхомъ передъ разгнѣваннымъ Богомъ молилась и старалась помогать нищимъ, голоднымъ, чтобы и они присоединили свои молитвы къ ея молитвамъ. Она даже не замѣчала, что она все глубже и глубже раскапываетъ своими собственными руками ту пропасть, которая раздѣляетъ ее съ мужемъ и которая, быть-можетъ, могла бы сгладиться при извѣстномъ умѣньи держать себя съ му-

Digitized by Google

жемъ со стороны жены, и при неизбѣжной усталости, долженствовавшей явиться въ мужѣ среди вѣчныхъ кутежей. Но Дарья Федоровна не обладала умѣньемъ понимать земные интересы и была предана всецѣло небеснымъ помысламъ. Поуставшій среди оргій мужъ дѣйствительно попробовалъ раза два сойтись съ женою поближе, но отъ нея «несло, по его выраженію, ладаномъ, деревяннымъ и постнымъ масломъ»; «ея устами говорили, по его же выраженію, сонмища черносалопницъ, полчища монаховъ и цѣлый кагалъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ затворниковъ, схимниковъ и юродивыхъ нашего любезнаго отечества». Дарья Федоровна, нагнавъ тоску на мужа своими рѣчами, упустила удобную минуту для сближенія съ нимъ и окончательно оттолкнула его отъ себя. Уставшій отъ оргій и ищущій болѣе спокойныхъ наслажденій, онъ завелся постоянною любовницею, разбитною, ловкою и веселою, но крайне алчною до денегъ нѣмкою. Матильда Францовна Герингъ взяла его въ свои руки и высасывала изъ него послѣднія его деньги, пристраивая чрезъ него на теплыя мѣста своихъ соотечественниковъ и болѣе молодыхъ поклонниковъ. Уже черезъ годъ или черезъ два послѣ замужества, Дарья Федоровна была извѣстна въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ столицы подъ именемъ «блаженненькой» и подъ именемъ «матушки-благодѣтельницы», еще черезъ нѣсколько лѣтъ люди ея круга, особенно члены разныхъ благотворительныхъ комитетовъ, зная ея тяжелую жизнь, видя ея безропотность, слыша о ея популярности среди бѣдныхъ, стали смотрѣть на нее не то съ удивленіемъ, не то съ благоговѣніемъ. Не благоговѣли передъ нею только ея мужъ и ея подраставшій сынъ. Послѣдній, подобно отцу, отшатнулся отъ матери уже съ дѣтскихъ лѣтъ, когда ему приходилось простаивать всенощныя, заутрени, раннія и позднія обѣдни, во время которыхъ мать ежеминутно дергала его за рукавъ, напоминая ему, что нужно креститься и класть земные поклоны. Первое вступленіе въ кружокъ товарищей показало мальчику, что есть болѣе привольная, болѣе свободная, болѣе интересная жизнь, и онъ ринулся въ эту жизнь съ головою, отдался ей съ тѣмъ жаромъ, съ которымъ отдается человѣкъ свободѣ послѣ выхода изъ тюрьмы. Отецъ и сынъ уже успѣли промотать все, что было передано имъ Дарьею Федоровной. Но они уже успѣли не только промотать свои деньги, а даже надѣлали долговъ всюду, не отказываясь выдавать крупный вексель за небольшую сумму денегъ, за-

Digitized by Google

нятую ими у ростовщика, и не гнушаясь прихватить сто рублей у своего повара, у своего камердинера, у полкового вахмистра или унтеръ-офицера, пользовавшихся въ видѣ процентовъ различными поблажками. Вступивъ на этотъ путь, отецъ и сынъ незамѣтно очутились въ рукахъ разныхъ темныхъ личностей и должны были потакать ихъ продѣлкамъ, опредѣлять на мѣста ихъ protégés. Они, вѣроятно, сами ужаснулись бы глубинѣ той пропасти, въ которую они снизошли, если бы у нихъ оставалось время на подобную провѣрку своей жизни. Дарья Федоровна между тѣмъ видѣла, что ея благосостояніе виситъ на волоскѣ, что оно чисто призрачное, что при сведеніи концовъ съ концами въ итогѣ получится нуль, и начинала дрожать надъ каждою копейкой, считать количество сожженныхъ свѣчей, съѣденныхъ цыплятъ, истребленныхъ дровъ, начала отдавать штопать и чинить старое бѣлье, передѣлывать и выворачивать свои платья, носить чищенныя перчатки, дробить свои подаянія до микроскопическихъ частей. Ея несчастный, непрактическій слабый умъ не могъ сообразить, что никакія грошовыя сбереженія не могутъ пополнить брошенныхъ на вѣтеръ тысячъ.

Она оставалась все тою же несчастною, искалѣченною женщиной, но уже не попрежнему смотрѣли на нее ближніе люди: прислуга, обожавшая щедрыхъ графовъ Бѣлокопытовыхъ, начала ненавидѣть ее, какъ скрягу. «Видно кровь-то отцовская заговорила»,—толковали про графиню въ людской. Черносалопницы и бѣдняки, хотя шли къ ней попрежнему, зная ея вліяніе на разныхъ благотворительницъ, но уже ругали ее за ея мелкія, иногда просто оскорбительныя подачки. Она же молча переносила все. Въ этой выносливости было что-то похожее на фанатизмъ: только фанатикъ можетъ такъ твердо и неуклонно, несмотря на всѣ мученія свѣта, несмотря на всѣ враждебныя отношенія, оставаться вѣрнымъ себѣ.

И въ эту минуту, когда застаетъ ее нашъ разсказъ, она попрежнему твердо продолжала свой образъ жизни, хотя ей уже измѣняли физическія силы. Минуя рядъ освѣщенныхъ залъ, загасивъ ради экономіи по дорогѣ нѣсколько свѣчей въ канделябрахъ, она отворила дверь небольшой комнаты, тускло освѣщенной одною свѣчой, стоявшей на окнѣ. Эта комната была оклеена дешевенькими темными обоями; около всѣхъ четырехъ стѣнъ стояли невзрачные, темные стулья; надъ спинками стульевъ были видны почти черныя круглыя

Digitized by Google

пятна, казавшіяся, при тускломъ освѣщеніи, головами сидящихъ на стульяхъ невидимыхъ призраковъ. При появленіи Дарьи Федоровны въ дверяхъ, въ комнатѣ что-то завозилось, зашуршало, закопошилось, и около темныхъ стѣнъ поднялись какія-то причудливыя разнообразныя тѣни. Это были странныя созданія, стоявшія безмолвно, понуривъ головы. Ихъ то худыя, то опухшія, блѣдныя, иногда зеленовато-желтыя, порою синевато-багровыя лица выглядѣли тупо, нагло, угрюмо или болѣзненно. Въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ замѣчалась жалкая забитость, въ другихъ проглядывала рабская хитрость. Тутъ былъ какой-то отставной штабсъ-капитанъ съ деревянною ногой, съ всклокоченными сѣдыми волосами, съ толстымъ, синевато-краснымъ, испещреннымъ черными крапинками носомъ; воинъ былъ одѣтъ въ потертый, лоснившійся мундиръ; тутъ стояла еще довольно молодая женщина въ оборванномъ платьѣ съ ребенкомъ на рукахъ, котораго она кормила грудью; тутъ помѣщалась дряхлая полуслѣпая старуха въ темномъ капорѣ и тепломъ салопѣ; тутъ были люди всевозможныхъ возрастовъ и сословій, но всѣ одинаково оборванные, одинаково голодные, — голодные вслѣдствіе своей неумѣлости, вслѣдствіе лѣни, вслѣдствіе пьянства. Единственная свѣча тускло озаряла это отребье человѣчества, и казалось, что это сидитъ рядъ мертвецовъ, ожидающихъ своей очереди на мѣсто въ могилѣ. Какъ только отворилась дверь, всѣ они закопошились, поднялись и выстроились около стѣны: это было войско Дарьи Федоровны. Торопливыми шагами, перегнувшись туловищемъ впередъ, блуждая тусклыми взглядами и улыбаясь своею безсмысленною, не то привѣтливою, не то конвульсивною улыбкой, похожею на гримасу, прошла предъ ними хозяйка дома.

— Сейчасъ, сейчасъ, милые! Сейчасъ, сейчасъ, родные! — бормотала она на ходу и черезъ минуту скрылась въ другую дверь.

Въ комнатѣ раздался одинъ общій вздохъ, снова послышалось шуршанье лохмотьевъ, снова началось движеніе этого тряпья, и черезъ мгновеніе тяжело заскрипѣли стулья подъ тяжестью опустившихся на нихъ людей.

— Охъ, Господи, Владыко, Царю Небесный! — вздохнула одна изъ тѣней подпольнаго міра: это была Марья Дмитріевна; около нея сидѣлъ безмолвно Антонъ. — Нутро все изныло.

— Что говорить, что говорить! — прошамкала въ отвѣтъ

Digitized by Google

ей старуха въ ваточномъ капорѣ.—Шутка ли сказать, съ третьяго часу дежуримъ. Испарилась совсѣмъ...

— Сейчасъ видно, что женщина командуетъ! По-военному бы: разъ, два, налѣво кругомъ—маршъ!—промолвилъ штабсъ-капитанъ, постукивая деревяшкой о полъ.

— И погода-то какая, а мнѣ еще на Пряжку тащиться,— проговорила Марья Дмитріевна со вздохомъ.

— Всѣмъ, мать моя, не близко, всѣмъ не близко,—пробормотала старуха въ капорѣ. — Видно, ты еще впервые тутъ дежуришь. А я-то кажинный мѣсяцъ эту муку-мученскую терплю. Вотъ еще погоди, завтра велитъ придти.

— Это все женская привычка-съ, доложу вамъ,—произнесъ штабсъ-капитанъ.—За разъ женщина ничего не можетъ сдѣлать. Вы взгляните, какъ женщина какую-нибудь этакую вещь въ лавкѣ покупаетъ: зайдетъ она въ десять лавокъ, въ каждой весь товаръ перероетъ, все вверхъ дномъ перевернетъ и ужъ только потомъ скажетъ: позвольте мнѣ образчикъ, я къ вамъ на-дняхъ зайду! Выправки нѣтъ, и опять же женщина сама не знаетъ, чего ей нужно. Ну, возьмите нашего брата: нужно мнѣ черное сукно на панталоны, съ позволенія сказать, и на сюртукъ, я и иду за чернымъ сукномъ, а женщинѣ и ленточка для бантика нужна, и какая-нибудь этакая шляпочка, и чепчикъ, и юбочка, и разныя этакія финтифлюшки невозможнаго цвѣта, ну, а въ карманѣ не очень густо, на все не хватитъ, надо что-нибудь одно выбрать, — вотъ она и суется, и мечется. И хочется, и ко...

Философскія разсужденія штабсъ-капитана оборвались на полусловѣ, такъ какъ въ комнату снова отворились двери и въ нихъ появилась фигура хозяйки дома. За нею съ недовольнымъ лицомъ шла горничная, нагруженная какими-то тряпками.

— Сейчасъ, милые, сейчасъ!—торопливо заговорила хозяйка. — Вы штабсъ-капитанъ Флегонтъ Матвѣевичъ Прохоровъ?—спросила она, обращаясь къ отставному философу.

— Онъ самый-съ, имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству!—отрапортовалъ штабсъ-капитанъ, молодцомъ вытягиваясь передъ графиней.

— Вспомоществованія просите?

— Точно такъ-съ, имѣлъ честь докла...

— Передала, передала вашу просьбу,—быстро перебила его графиня.—Навѣдайтесь, обѣщали похлопотать. Вы бы въ богадѣльню просились...

Digitized by Google

— Имѣю семью-съ, ваше сіятельство. Привязанъ въ нѣкоторомъ родѣ узами родственныхъ отношеній къ грѣшному міру сему. Не могу...

— Такъ, такъ!—снова перебила его графиня.—Такъ навѣдайтесь. Вотъ вамъ покуда. Дай, Танюша, — поспѣшно обратилась хозяйка къ горничной.—Вотъ тутъ чай на два раза, вотъ сахаръ, это на булку десять копеекъ. Вотъ бѣлье...

Графиня, поспѣшно передавъ штабсъ-капитану деньги и небольшой бумажный свертокъ съ спитымъ чаемъ и четырьмя кусками сахару, взяла изъ рукъ горничной рубашку, растянула ее противъ свѣчи и стала разсматривать.

— Танюша, ты не то отобрала, не то отобрала!—быстро заговорила Дарья Федоровна.—Это для передѣлки Алексѣю Дмитріевичу отложено. Давай другую.

Горничная порывисто передала барынѣ другую рубашку. Бѣлокопытова снова стала разсматривать полотно, растянувъ его противъ свѣчи.

Вотъ вамъ; это пригодится; это тонкое полотно,—заговорила она, передавая рубашку штабсъ-капитану.—Вотъ двѣ пары шерстяныхъ чулокъ.

— Имѣю одну ногу, какъ докладывалъ вашему сіятельству,—развязно началъ штабсъ-капитанъ.

— Ну, все равно, все равно; я тороплюсь, тороплюсь! Навѣдайтесь на-дняхъ.

— Ваше сіятельство, окажите милость, день назначьте. Живу далеко и имѣю одну ногу, тоже...

— Ахъ, не могу, никакъ не могу дня назначить, — перебила графиня штабсъ-капитана. — Не отъ меня зависитъ. Навѣдайтесь!

— Удрученъ годами, ваше сіятельство, имѣю одну только ногу...

— Ну, здѣсь отдохнете, въ теплѣ посидите. Дня не могу назначить,—отрывисто говорила графиня, уже подошедшая къ старухѣ въ капорѣ.

— Нельзя ли письменно извѣстить?—совершенно хладнокровно приставалъ неугомонный философъ.

— Не могу, не могу! — какимъ-то мучительнымъ тономъ отозвалась графиня, торопливо говоря старухѣ.—Вотъ чай, вотъ сахаръ, вотъ на хлѣбъ. Приходи на будущій мѣсяцъ.

— Матушка, ваше сіятельство, вспомоществованія прошу,—заговорила старуха, кланяясь въ поясъ.

— Не могу, не могу ничего сдѣлать! Къ митрополиту подай прошеніе.

Digitized by Google

Графиня быстро перешла къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Вы Прилежаева? — спросила она и, не дожидаясь отвѣта, заговорила скороговоркой:—дѣтей просили опредѣлить? Будутъ приняты. Старшаго мальчика, надѣюсь, въ школу бѣдныхъ сиротъ, младшаго и дѣвочку въ пріютъ графовъ Бѣлокопытовыхъ. За нихъ похлопочетъ и добрѣйшій Данила Захаровичъ Боголюбовъ. Навѣдайтесь! Покуда возьмите это. Чайку напейтесь. Малютка, спать хочешь?— потрепала графиня по щекѣ понуро стоявшаго Антона и перекрестила его.—Христосъ съ тобой, Христосъ съ тобой! Вотъ бѣлье для дѣтокъ. Это отъ моего сына. Навѣдайтесь.

Хозяйка дома быстро перешла къ слѣдующей просительницѣ, до сихъ поръ ни однимъ словомъ не заявившей о своемъ присутствіи въ комнатѣ. Это была высокая, худая женщина, лѣтъ сорока, съ рѣзкими чертами лица, съ черными, нѣсколько посѣдѣвшими, безпорядочно сбившимися на лобъ волосами. Что-то лихорадочное и раздраженное было въ выраженіи ея черныхъ глазъ и въ стиснутыхъ сухихъ губахъ. Она все время сидѣла молча, не отвѣчала ни на одинъ вопросъ своимъ собесѣдникамъ и только отъ времени до времени откидывала со лба сбившіеся волосы. Голяки, собравшіеся въ этой комнатѣ, посматривали на нее какъ-то подозрительно, какъ смотрятъ на сумасшедшихъ. Старушонка въ капорѣ даже успѣла шопотомъ замѣтить Марьѣ Дмитріевнѣ, что у этой странной женщины «на чердакѣ, должно-быть, неладно». Это замѣчаніе заставило Антона попристальнѣе взглянуть на молчаливую просительницу, и ея мертвенно-блѣдное лицо, воспаленные глаза, всклокоченные, черные волосы съ просѣдью какъ-то непріятно подѣйствовали на него. почти испугали его и сильно врѣзались въ его память.

— Вы титулярная совѣтница Постовская? - спросила графиня.

— Я,—сухо отвѣтила просительница, глядя на Бѣлокопытову сверху внизъ.

— Вы должны къ митрополиту подать.

— Подавала уже.

— Ну, и что же?

— Отказали. Пенсію получаю...

— Ахъ, такъ вы пенсію получаете...

— Два рубля въ мѣсяцъ.

— Что дѣлать, что дѣлать! У другихъ и того нѣтъ. Рентать грѣшно. Вотъ вамъ чай, вотъ...

Digitized by Google

— Да я не милостыню пришла просить,—грубо перебила графиню просительница, не протягивая руки за подачкой.— Я прошусь въ богадѣльню...

— Ахъ, нельзя, нельзя, у васъ пенсія, вы чиновница...

— Ну, въ тюрьму, въ острогъ посадите, — съ тою же рѣзкостью перебила хозяйку просительница. — Мнѣ все равно, куда. Все равно, только бы не умереть на улицѣ, подъ заборомъ. Понимаете: не хочу на улицѣ валяться. У меня угла нѣтъ, у меня хлѣба нѣтъ.

— Вы же пенсію получаете, мой другъ! — воскликнула Дарья Федоровна.—Ну, наймите себѣ уголокъ, работайте...

— Чѣмъ?—съ горечью и ироніей спросила просительница и тяжело приподняла свои руки.

Это были страшныя руки, худыя, жилистыя, костлявыя, съ распухшими оконечностями пальцевъ.

— Отсохли, отмерзли, проклятыя!—съ безконечною злобой въ голосѣ произнесла несчастная женщина; въ ея глазахъ сверкнуло что-то похожее на бѣшенство. — Работать! Я ихъ поднять не могу, а она говоритъ: работать! Она говоритъ: работать!—воскликнула Постовская, тяжело дыша отъ раздраженія.

— Ихъ полѣчить надо, ступайте въ больницу, — продолжала давать свои совѣты Бѣлокопытова, не замѣчая, что она говоритъ съ сумасшедшею.

— Что вы мнѣ говорите!—крикнула просительница, ближе подступая къ графинѣ. — Въ больницу не принимаютъ съ такими болѣзнями. Я съ этою болѣзнью могу десятки лѣтъ пролежать. Я уже три года съ нею живу.

— Что-жъ дѣлать, что дѣлать!—въ замѣшательствѣ проговорила графиня. — Я буду хлопотать, но бѣдныхъ такъ много, такъ много! Навѣдайтесь!

— А теперь? — воскликнула просительница. — Куда я пойду теперь? Меня съ квартиры сегодня выгнали. Говорятъ, я сумасшедшая! Говорятъ, что меня и за деньги держать не станутъ. У меня ѣсть нечего. Что же, мнѣ на улицѣ околѣвать? Вслите меня хоть въ полицію отправить...

— Что вы, что вы, Христосъ съ вами! Христосъ съ вами! Вотъ вамъ покуда чай, сахаръ, на булку.

Графиня быстро протянула просительницѣ деньги и свертокъ съ чаемъ и сахаромъ. Лицо Постовской все исказилось какимъ-то судорожнымъ выраженіемъ горя, иронiи и злобы. Она съ трудомъ протянула лѣвую руку, взяла поданный ей свертокъ и, скомкавъ его рукою, швырнула въ Бѣлокопытову.

Digitized by Google

— Вотъ тебѣ! — сквозь зубы проговорила она и быстро повернулась спиной къ окончательно растерявшейся хозяйкѣ дома...

— Господи, прости строптивыхъ и позабывшихъ Тебя! Господи, отпусти имъ грѣхи ихъ, — не знаютъ, что творятъ! — перекрестилась Дарья Федоровна, обращая испуганные глаза къ висѣвшему въ углу образу.

Жалкая комната начала пустѣть. Кряхтя и охая, тащились эти живые мертвецы по черной, не освѣщенной лѣстницѣ, ощупывая руками перила и стѣны, чтобы не упасть. Гулко раздавались въ затишьѣ звуки, производимые штабсъ-капитанскимъ костылемъ и его деревянною ногой; печально шлепали стоптанные башмаки Марьи Дмитріевны, неслышно шебаршили, сплетенные изъ сукна башмаки старушонки въ капорѣ. На небольшомъ, квадратномъ дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ стѣнами дома и похожемъ на мрачный колодецъ, было черно, какъ въ могилѣ. Снѣгъ, валившій хлопьями, тотчасъ же таялъ и превращался въ липкую грязь. Порывистый вѣтеръ вылъ въ воздухѣ.

— Господи Владыко, погода-то какая ненастная; какъ дотащимся!—вздохнула Марья Дмитріевна.—Измучился ты, голубчикъ Антошенька!

— Что-жъ, не дотащимся—костямъ покой будетъ,—пробормотала старуха въ капорѣ.

— Выпить бы теперь съ холоду. Чего-нибудь этакого бальзамнаго, желудочнаго! Жаль компаніи нѣтъ, все дамы,— развязно произнесъ штабсъ-капитанъ, съ очень важнымъ видомъ поднимая воротникъ своей оборванной шинели.

— Вишь, грѣховодникъ, о чемъ думаетъ!—прошамкала старуха.

— Дьяволы, дьяволы окаянные! Не будь вамъ ни дна, ни покрышки!—вдругъ зазвучало надъ ихъ ушами.

Они обернулись. За ними стояла какая-то высокая женская фигура. Несмотря на темноту, Антонъ сразу узналъ въ ней молчаливую просительницу, пробудившую въ его душѣ нѣчто въ родѣ безотчетнаго страха.

— Отсохни моя нога, если я къ вамъ когда-нибудь черезъ порогъ переступлю!—продолжала сумасшедшая женщина.—Чай спитой даетъ, два куска сахару даетъ! Подавись ими, окаянная, спрячь ихъ для дѣтей и для внучатъ своихъ, чтобы они промочили пересохшее горло, когда промотаютъ твои проклятыя деньги! Подъ заборомъ околѣю, какъ собака издохну, а къ тебѣ не пойду!

Digitized by Google

Какъ-то дико и страшно звучали въ воздухѣ эти проклятія сумасшедшей. Марья Дмитріевна вздрогнула. Антонъ невольно прижался къ ней.

— Не бойся, голубчикъ, не бойся! — шептала ему мать, боязливо отстраняясь отъ Постовской.

— Видно, нужды, родимая, не видала! — хладнокровно промолвила старуха.

Не видала? Я не видала?—рѣзко воскликнула высокая женщина, наклоняясь къ самому лицу старушонки.— Дура! дура! я годъ бьюсь, какъ рыба объ ледъ, годъ! Не ходила къ нимъ, не обивала ихъ пороговъ. Дураки надоумили, подавала прошеніе — ничего не получила. Пенсію получаю. Пенсію! Три дня теперь не ѣла. Къ ней пришла— спитой чай вынесла, гривенникъ предлагаетъ! Что мнѣ гривенникъ! Что мнѣ гривенникъ! Дура! дура! Что я съ нимъ стану дѣлать? Завтра сыта буду, лишній день проживу? Что мнѣ лишній день? Я ей въ рожу его кинула. Въ воду — вотъ и конецъ!

— Полно, мать, что судьбу-то гнѣвить! — проговорила старушонка, безмятежно продолжая бесѣду съ безумною.

— Чѣмъ гнѣвлю? Что она мнѣ дала?—съ яростью заговорила Постовская.—Дѣтей отняла, мужа отняла, руки параличомъ разбила... Чѣмъ гнѣвлю? Если мѣста нѣтъ ни въ монастырѣ, ни въ богадѣльнѣ, ни въ острогѣ, ни у добрыхъ людей—иди въ воду!

Женщина грубо раздвинула стоявшихъ на крыльцѣ бѣдняковъ.

— Чего ждете?—насмѣшливо проговорила она.—Дураки. снѣгу боитесь? Ждите, вотъ онъ для васъ сейчасъ остановится!

Въ ея голосѣ, въ ея фигурѣ было что-то дикое, что-то бѣшеное. Она быстро зашагала по двору къ воротамъ. Антона била лихорадка. Марья Дмитріевна глубоко вздыхала и крестилась.

— Совсѣмъ помѣшанная, совсѣмъ помѣшанная!—шептала она какъ бы про себя.

— Видно, что женщина: ничего не боится, — произнесъ штабсъ-капитанъ съ свойственною ему склонностью къ философствованію.—Шутка ли, подаяніе благодѣтельницѣ въ лицо бросила! А все оттого, что надъ женщинами начальства нѣтъ. Съ нихъ и присяги не требуютъ. Баба вездѣ сама командирша. Вотъ и моя благовѣрная супруга, когда разводится, бывало...

Digitized by Google

— Пойдемъ, Антоша, видно погоды не переждешь, голубчикъ,—вздохнула Марья Дмитріевна, не слушая отставного философа.—Извозчика, что ли, прихватимъ. Далеко тащиться-то, да и поздно ужъ. Чай наши-то заждались, всѣ глаза проглядѣли.

Прилежаевы тихо потащились по грязи со двора барскаго дома. Антонъ былъ молчаливъ и испуганъ: передъ нимъ носилось мертвенно-блѣдное лицо съ сверкающими черными глазами.

Между тѣмъ послѣдняя просительница оставила убогую комнату богатаго дома; графиня велѣла горничной взять свѣчу, на минуту прошла въ свою просто убранную и безпорядочно выглядѣвшую спальню, стала на колѣни передъ кіотомъ съ образами и сдѣлала нѣсколько земныхъ поклоновъ, крестясь широкимъ крестомъ, занося руку на темя, на оконечности плечъ и ниже груди.

— Благодарю тебя, Господи! Благодарю тебя, Создатель мой. Сподобилъ, сподобилъ!—безсвязно бормотала она и, торопливо поднявшись съ колѣней, поспѣшила въ ярко освѣщенныя комнаты.

Тамъ уже поднимались съ мѣстъ нѣкоторые изъ гостей.

— Замѣшкалась... Извините...—отрывисто говорила хозяйка, неуклюже улыбаясь своею похожей на гримасу улыбкой.—Столько бѣдныхъ, столько голодныхъ... Всѣхъ переспросила. Отпустила. Хоть обогрѣлись немножко въ теплѣ... Вы не забудьте, Марина Осиповна,—обратилась графиня къ пухленькой старушкѣ.—Насчетъ чаю вспомните... Вѣдь это имъ такое благодѣяніе. Вы все говорите, что это не важно. Но вы подумайте, что они какую-нибудь траву грушевую пьютъ, а тутъ хорошій чай...

— Хорошо, хорошо!—крѣпко пожала ей руку Гиреева.—Но вы себя не бережете. Вы такъ блѣдны, утомлены!

— Ничего, ничего... Онъ больше насъ страдалъ, больше терпѣлъ!—вздохнула хозяйка и съ горячею вѣрой и испуганно обратила свои блуждающіе глаза къ углу, гдѣ, подъ самымъ потолкомъ, блестѣлъ золотымъ вѣнчикомъ едва замѣтный образъ Христа.

Гости начали разъѣзжаться.

— Старенькаго, старенькаго чего-нибудь,—шептала хозяйка, пожимая чью-то руку.—Теперь зима, холодъ. Это все для нихъ благо! Похлопочите же о дѣтяхъ, о малюткахъ бѣдной Прилежаевой,—ласково говорила хозяйка, прощаясь съ Боголюбовымъ.—Васъ Богъ наградитъ въ вашихъ дѣтяхъ.

Digitized by Google

— Непремѣнно, непремѣнно, ваше сіятельство. Сочту священной обязанностью!—говорилъ Боголюбовъ, благоговѣйно наклоняясь къ рукѣ хозяйки.

Гиреева между тѣмъ прощалась съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ.

— Береги ее. Она такъ слаба, такъ изнуряетъ себя,—шептала ему старуха на прощаньи, указывая на его мать.—Ей нужно отдохнуть. На ней лица нѣтъ.

— Что-жъ мы можемъ?—небрежно пожалъ онъ плечами.—Это какая-то манія...

— Что ты, что ты!—съ упрекомъ произнесла старая барыня.—Твоя мать святая женщина, святая! Она забыла себя, забыла все ради ближнихъ.

— Всѣхъ, ma tante, нельзя ни одѣть, ни накормить, а себя разорить можно,—раздражительно развелъ руками Алексѣй Дмитріевичъ.

Гиреева съ упрекомъ покачала головой и пошла въ сопровожденіи своей молоденькой племянницы, дѣвушки съ херувимскимъ личикомъ, по направленію къ парадной лѣстницѣ.

— Несчастная, несчастная женщина!—тихо говорила старуха, спускаясь съ лѣстницы.—Ты видѣла, какъ она истомлена? Какъ воскъ таетъ, какъ воскъ! А сынокъ! а мужъ доматываютъ ея послѣднія деньги и еще смѣютъ говорить, что она ихъ разоряетъ! И вѣдь говорила я ей, что Дмитрій негодяй, что ей не замужъ нужно было идти, а жить на пользу ближнихъ...

Залы въ домѣ Бѣлокопытовыхъ начинали пустѣть; у подъѣзда слышались крики лакеевъ, шумъ отъѣзжающихъ экипажей, быстрые звуки голосовъ:

— Вы завтра въ оперѣ?

— Ты ѣдешь на пикникъ?

— Я заѣду за тобой.

Хозяйка дома между тѣмъ ходила по комнатамъ и осматривала свѣчи.

— Завтра не ставь новыхъ; эти еще могутъ прогорѣть,—говорила она лакею.—Ты заперъ фрукты? Дюшесъ надо обернуть бумагою.

Лакей хмуро слушалъ распоряженія и отвѣчалъ односложнымъ: «слушаю-съ».

— Попроси ко мнѣ Дмитрія Васильевича,—приказала, наконецъ, графиня, сдѣлавъ необходимыя распоряженія.

— Графъ уже изволили уѣхать,—отвѣтилъ лакей.

Digitized by Google

— Какъ уѣхалъ? Развѣ былъ заложенъ экипажъ?

— Точно такъ.

— Куда же?

— Не изволили сказывать,—усмѣхнулся едва замѣтною нахальною улыбкой лакей.

Графиня растерянно посмотрѣла куда-то въ сторону и тихо проговорила:

— Ну, такъ Алексѣя Дмитріевича попроси...

— Сейчасъ справлюсь. Они тоже изволили приказывать подавать сани,—отвѣтилъ лакей.

Въ эту минуту мимо отворенныхъ дверей мелькнула фигура Алексѣя Дмитріевича.

— Алексѣй!—позвала его мать.

— Извините, меня ждутъ!—послышался отвѣтъ сына.

— Ты мнѣ нуженъ на нѣсколько минутъ,—проговорила мать; но сынъ, не слушая ея словъ, быстро спустился съ лѣстницы и исчезъ.

По губамъ лакея опять скользнула усмѣшка.

Графиня сдѣлала нѣсколько торопливыхъ шаговъ по направленію къ парадной лѣстницѣ, потомъ вдругъ повернулась назадъ и скороговоркой рѣзко сказала лакею:

— Гаси свѣчи!

Она торопливо направилась въ свою спальню. Ея лицо было болѣе обыкновеннаго желто и измучено. Она вошла въ свою спальню, зажгла восковую свѣчу, прилѣпила ее къ полу и стала на колѣни. Ея желтое лицо выглядѣло болѣзненно, глаза уже не блуждали теперь, но сосредоточенно смотрѣли на образа, сверкавшіе въ углу золотомъ, брильянтами и изумрудами. Въ этихъ глазахъ было выраженіе испуга, недоумѣнія и какой-то напряженной, неразрѣшимой думы.

— Господи, спаси насъ!—шептали ея блѣдныя уста.— Не попусти насъ погибнуть!.. Отврати гнѣвъ свой!.. Господи, прости забывшихъ Тебя!

Она плакала и била себя въ грудь. Казалось, ея мозгъ испытывалъ страшнѣйшую пытку. Измученная и безпомощная, она схватилась за молитвенникъ, какъ утопающій за соломинку, и торопливо начала читать подъ рядъ всѣ молитвы, чтобы отдѣлаться отъ мучительныхъ думъ и опасеній за будущее. Шли минуты, часы, она все еще читала молитвы, дѣлаясь все спокойнѣе и спокойнѣе. Ея глаза уже слипались, она уже не стояла, а сидѣла на колѣняхъ, и въ ея головѣ иногда слабо мелькала мысль: «Господи, прости

Digitized by Google

лѣнивую рабу Твою». Наконецъ, восковая свѣча затрещала и, на минуту вспыхнувъ, погасла. Графиня въ послѣдній разъ распростерлась на полу и потомъ съ большимъ усиліемъ встала. Она была похожа на выходца изъ могилы: въ ея лицѣ было не одно утомленіе, во что-то страдальческое.

— Танюша!—едва слышно позвала она горничную.

Никто не откликался.

— Танюша!—еще разъ повторила она.

Отвѣта не было.

Графиня тихо, шатаясь, прошла въ сосѣднюю комнату: тамъ, сидя на стулѣ, спала горничная.

— Спитъ!—прошептала графиня.—Спитъ! Господи прости ихъ согрѣшенія! Милосердый, прости насъ, забывшихъ Тебя!

Она тихо вошла обратно въ свою спальню и, кое-какъ раздѣвшись, сунулась на свою неловкую одинокую постель. Ея дыханія почти не было слышно; ея тѣло, худое, изнуренное, слабое тѣло, лежало неловко почти поперекъ кровати и было неподвижно; въ комнатѣ царствовала глубокая тишина; все было въ безпорядкѣ, какъ-будто здѣсь только-что умеръ человѣкъ, и его ближніе еще не узнали объ его смерти; только тусклый свѣтъ лампады озарялъ эти разбросанные предметы, озарялъ постель и это почти бездыханное тѣло.

IV.

Катерина Александровна Прилежаева.

Стоялъ ясный, морозный зимній день. Подъ яркими лучами солнца снѣгъ сверкалъ, какъ серебро. По улицамъ торопливо сновалъ народъ, неслись экипажи, поднимая снѣжную пыль. Господа, раскраснѣвшіеся отъ мороза, кутались въ шубы, шагали быстрѣе, порою потирали себѣ носы, щеки и уши. Думы о тепломъ углѣ, о веселомъ огонькѣ въ печкѣ или въ каминѣ, о сытномъ обѣдѣ съ добрымъ стаканомъ вина, вѣроятно, мелькали не въ одной головѣ, вызывая на лица свѣтлыя улыбки. Но плохо приходилось тѣмъ, у кого не было ни шубъ, ни теплаго угла, ни стакана вина, ни сытнаго обѣда, однимъ словомъ, ничего, что могло бы согрѣть и оживить иззябшее тѣло.

Именно въ такомъ положеніи находилась Катерина Александровна Прилежаева, когда она, усталая и иззябшая, тащилась изъ своего захолустья на Литейную. Она уже не впервые переходила въ послѣдніе дни изъ одного конца го-

Digitized by Google

рода въ другой, стучалась или звонила у тѣхъ или другихъ незнакомыхъ дверей, получала неутѣшительные отвѣты и снова, съ поникшею головой, пускалась въ путь. Она не обращала вниманія ни на погоду, ни на свой нарядъ, ни на прохожихъ и шла по улицамъ, погрузившись въ свои тяжелыя думы. Ея лицо было серьезно; въ немъ выражалась упорная сосредоточенность мысли, энергическая настойчивость. Казалось, дѣвушка, наперекоръ судьбѣ, наперекоръ всѣмъ неудачамъ, рѣшилась исполнить какой-то планъ и добиться побѣды или пасть окончательно въ неравномъ бою. Она, повидимому, забыла и голодъ, и холодъ, и шла отъ одного дома къ другому, изъ одной улицы въ другую, не зная, гдѣ и когда кончатся ея скитанія. Иногда ее можно было принять за помѣшанную, когда она, спускаясь съ лѣстницы какого-нибудь дома, вынимала изъ кармана смятую бумажку, исписанную мелкимъ, но твердымъ почеркомъ, и вслухъ бормотала:

— Теперь ближе будетъ пройти на Знаменскую, потомъ пройду на Загородный проспектъ.

Прохожіе не безъ удивленія поглядывали на эту, плохо одѣтую, молодую личность, такъ громко разговаривающую съ самою собой. Еще болѣе удивлялись нѣкоторые изъ нихъ, когда дѣвушка, поднявъ глаза отъ исписаннаго лоскутка бумажки, спрашивала перваго встрѣчнаго, гдѣ находится та или другая улица. Она предлагала эти вопросы такимъ тономъ, какъ-будто говорила не съ незнакомыми людьми, а съ самою собой, съ своею измѣнившею памятью. Но какими бы удивленными глазами ни смотрѣли на нее прохожіе, ей не было до этого никакого дѣла. Въ послѣднее время она столько пережила, столько передумала, такъ твердо рѣшилась дѣйствовать по-своему, что никакія постороннія ея цѣлямъ явленія, никакія мелкія столкновенія съ людьми не могли ни развлечь, ни смутить ее.

Со смертью ея отца, какъ мы говорили, должна была прекратиться та жизнь въ сторонѣ отъ остального свѣта, которою жила семья Прилежаевыхъ до сихъ поръ. Всѣ взрослые члены семьи почувствовали, что надо какъ-нибудь иначе устроить свое существованіе и позаботиться о будущемъ. Уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль съ утра и иногда до поздняго вечера ходила Марья Дмитріевна со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ Антономъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, прося о пенсіи, о вспомоществованіи, обивая пороги домовъ разныхъ благотворительныхъ и влія-

Digitized by Google

тельныхъ лицъ. Тяжелыя впечатлѣнія ложились въ эти дни камнемъ на душу Антона. Маленькій дикарь, не видавшій ничего, кромѣ своего родного захолустья, вдругъ очутился въ шумныхъ улицахъ, среди торопливо снующихъ людей, среди гремящихъ экипажей. Онъ, какъ совершенно вѣрно замѣтила его мать, стыдливо и дико смотрѣвшій на предлагаемый ему постороннимъ человѣкомъ пряникъ, вдругъ увидалъ, что его мать плачетъ, кланяется въ ноги какимъ-то незнакомымъ людямъ, выпрашивая помощь, что эти люди или грубо относятся къ ней, или сострадательно даютъ ей гривенники, лохмотья старой одежды, спитой чай, что въ числѣ этихъ черствыхъ, упрекающихъ за что-то его мать, грубыхъ людей, есть его близкіе родные, живущіе счастливо и богато; что, наконецъ, одинъ изъ этихъ родныхъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, стройный, красивый, цвѣтущій, протянулъ ему, Антону, свою руку, назвалъ его братомъ, далъ ему денегъ. Антонъ не понималъ ни ненависти этихъ людей, ни внезапно пробудившейся любви этого мальчика. Онъ одинаково дико смотрѣлъ и на брань этихъ людей, и на ласки этого барченка.

Съ недоумѣніемъ, иногда съ откровенною дѣтскою злобой, порою съ задушевными, горькими слезами передавалъ Антонъ въ ночномъ затишьѣ свои впечатлѣнія любимой сестрѣ, и у нея сжималось сердце, ныла грудь. Катерина Александровна съ давнихъ поръ привыкла жить жизнью своего брата, радоваться его радостями, печалиться его печалями. Онъ былъ съ самой колыбели единственною отрадой Катерины Александровны. Она долго росла одиноко въ своей семьѣ, когда, наконецъ, родился Антонъ; онъ былъ живою игрушкой, вѣчнымъ собесѣдникомъ маленькой Кати; черезъ годъ послѣ его рожденія она поступила въ одну изъ «патріотическихъ» школъ; но и тамъ, среди чужихъ людей, среди ученья, среди шитья, ея мысли постоянно неслись къ маленькому дорогому существу. Зато какою радостью, какою любовью свѣтились синіе глазенки мальчика, когда вечеромъ наканунѣ праздниковъ въ подвалѣ появлялась Катя! На своемъ дѣтскомъ языкѣ, едва начавъ лепетать, онъ уже передавалъ любимой сестрѣ всѣ свои мелкія радости и крупныя огорченія. Какимъ восторгомъ исполнилось все его маленькое существо, когда Катя, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ школѣ, совсѣмъ возвратилась домой! Она научилась немногому въ школѣ, — тамъ учили шить, читать, писать, считать и пѣть. Кое-какія отрывки изъ географіи и

Digitized by Google

исторіи запали въ голову молодой дѣвушки, кое-какія понятія о литературѣ мелькомъ дошли до нея. Но малюткѣ-брату казалось, что сестра его удивительно умная, удивительно ученая. И какъ же было не думать этого ребенку, когда сестра его умѣла пѣть такія чудесныя пѣсни,—когда она разсказывала, что на свѣтѣ есть теплыя, теплыя земли, гдѣ живутъ не русскіе люди, ходящіе безъ одежды, живущіе безъ домовъ, не знающіе ни голоду, ни холоду, поющіе пѣсни и пляшущіе около зажженныхъ костровъ,—когда она наизусть читала брату: «птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда, хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда», или: «вчера я растворилъ темницу воздушной плѣнницы моей,—я рощамъ возвратилъ пѣвицу; я возвратилъ свободу ей». И многое, многое еще знала Катя и про цыганъ, весело кочующихъ гдѣ-то шумною толпой, водящихъ съ пѣснями медвѣдя, живущихъ не въ городѣ, не въ подвалахъ, а среди широкихъ, широкихъ полей, и про Мѣднаго Всадника, выстроившаго Петербургъ на берегу пустынныхъ волнъ, гдѣ прежде былъ пріютъ убогаго чухонца. Антонъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Катя знаетъ и еще болѣе, но только не говоритъ всего, и, можетъ-быть, онъ былъ правъ; можетъ-быть, Катя дѣйствительно знала гораздо болѣе того, что она разсказывала брату, о Татьянѣ Пушкина, о Тамарѣ Лермонтова и другихъ героиняхъ прошлаго.

Братъ и сестра жили душа въ душу, и потому глубокою болью отзывались теперь въ сердцѣ Кати всѣ тяжелыя впечатлѣнія, вынесенныя Антономъ изъ его первыхъ столкновеній съ обществомъ. Она чуть не плакала, когда Антонъ разсказывалъ ей о своей встрѣчѣ съ двоюроднымъ братомъ.

— Я стою ни живъ, ни мертвъ, послѣ того, какъ самъ-то накричалъ, и-не вижу, что онъ ко мнѣ подъѣзжаетъ,— передавалъ Антонъ дѣтски безсвязно событія этой встрѣчи.— Козломъ подошелъ, да и дергаетъ меня за рукавъ,—гляжу: онъ денегъ мнѣ суетъ въ руку. А я не нищій. Мнѣ деньги на что? Въ школу куда-нибудь упекутъ... Ты, говоритъ, мнѣ братъ. А какой же я ему братъ? Я его и не знаю. Развѣ такіе братья-то бываютъ? На немъ сюртукъ новый, а на мнѣ вонъ кофта твоя была! Пальта-то тогда еще не было...

Катерина Александровна чувствовала, что нужно спасти брата, сдѣлать его умнымъ и богатымъ. «Неужели такъ ему и погибать, какъ отецъ погибалъ?—думалось ей.—Вѣдь живутъ же другіе и весело, и счастливо. Неужели онъ хуже

Digitized by Google

всѣхъ? И за что онъ муку эту терпѣть всю жизнь будетъ? Ужъ если гибнуть, такъ гибнуть сразу! И отчего это не всѣмъ одинаковое несчастье? За грѣхи родителей, что ли, дѣтей Богъ наказываетъ? Да развѣ онъ станетъ невинныхъ за виновныхъ наказывать? Или это для испытанія нашего посылается, для спасенія души? Да вѣдь и тѣ, которые счастливы, не всѣ же будутъ мучиться въ той жизни; вѣдь и они будутъ тамъ блаженствовать: ихъ грѣхи панихидами отмолятъ. За что же одни должны мучиться здѣсь, чтобы блаженствовать тамъ, а другіе блаженствуютъ и здѣсь, и тамъ? Развѣ Богу не всѣ равны люди? Да что я объ этомъ думаю! Надо подумать, какъ спасти его, какъ его счастливымъ сдѣлать. Будетъ онъ счастливъ,—онъ и Мишу, и Дашу, и мать не оставитъ. Бѣдные они, слабенькіе; силъ у нихъ нѣтъ!..» И Катерина Александровна строила планы, разсчитывала, соображала. Во всѣхъ ея думахъ на первомъ планѣ стоялъ братъ, стояло его счастіе. Казалось, что этимъ счастьемъ обуславливается все ея существованіе, что безъ брата, безъ мысли о необходимости спасти его, она и не задумалась бы ни на минуту о себѣ самой и разомъ покончила бы свои собственныя муки, нашла бы исходъ. Повидимому, это было самоотреченіе, но это было только повидимому: Катерина Александровна очень хорошо знала себя, знала, что она не успокоится ни въ какомъ хорошемъ положеніи, покуда она не будетъ знать, что ея мать, ея сестра, ея братья точно такъ же успокоились, какъ и она. Она помнила, какъ, бывало, въ школѣ за каждымъ обѣдомъ, за каждымъ кускомъ хлѣба ее мучила мысль о томъ, что, можетъ-быть, у ея семьи въ эту минуту нѣтъ ѣды, что, можетъ-быть, мать и Антонъ плачутъ и не знаютъ, что дѣлать. Теперь, привязавшись къ семьѣ еще болѣе, она, вѣроятно, еще сильнѣе чувствовала бы несчастія этой семьи даже при самыхъ счастливыхъ условіяхъ своей собственной жизни. Для помощи семьѣ, то-есть для успокоенія себя, она не находила другого средства, какъ спасеніе брата: «поднимется онъ на ноги, всѣмъ будетъ хорошо; вдвоемъ мы сумѣемъ зашибить грошъ».

Катерина Александровна шла къ своей цѣли безъ особенной боязни. Въ ней уже съ дѣтскихъ лѣтъ развилась энергія и умѣнье властвовать надъ людьми, по крайней мѣрѣ, надъ тѣми, которые до сихъ поръ окружали ее. Она не помнила того времени, когда она не была бы старшею въ домѣ. Уже семилѣтнимъ ребенкомъ она умѣла утѣшать слабую, заби-

Digitized by Google

тую Марью Дмитріевну и не падала духомъ. Конечно, это была дѣтская храбрость: каждый, наблюдавшій дѣтскую жизнь, знаетъ, что дѣти первые смѣльчаки: они безъ страха идутъ по тонкой льдинѣ, когда мы чуть не падаемъ въ обморокъ за нихъ; они отважно снуютъ между экипажами около самыхъ ногъ лошадей, когда мы не смѣемъ двинуться черезъ улицу; они не сторонятся и отмахиваются при встрѣчѣ съ бѣшеною собакой, когда мы бѣжимъ безъ памяти отъ страшнаго звѣря. Непониманіе всего ужаса предстоящей опасности нерѣдко дѣлаетъ человѣка храбрымъ, тогда какъ пуганная ворона и куста боится. Эта самая храбрость дала сначала маленькой Катѣ возможность утѣшать слабую мать въ каждомъ горѣ. Эта же храбрость научила Катю обѣгать всѣ окрестныя лавки во время безденежья съ просьбой отпустить хлѣба въ долгъ, и, когда бѣготня и хлопоты увѣнчивались успѣхомъ, дѣвочка говорила матери:

— Ну что? Вотъ видишь: я хлѣба-то достала. А ты все сидишь, да плачешь. Хлѣбъ-то не придетъ самъ.

Говоря это, Катя уже начинала смутно сознавать, что дѣйствительно хлѣбъ не придетъ самъ, что, сидя на мѣстѣ, сытымъ не будешь. Мало-по-малу, ея дѣтская храбрость начинала закаляться еще болѣе и дѣлаться сознательною смѣлостью въ столкновеніяхъ съ пьянымъ отцомъ. Марья Дмитріевна встрѣчала пьянаго мужа слезами, слабыми упреками и жалкими словами. Это только еще болѣе сердило его и вызывало брань.

— Покою нѣтъ! Въ своей семьѣ покою нѣтъ!—кричалъ онъ пьянымъ голосомъ.

— А ты ея не слушай. Ты спать ложись! Ишь глаза-то слипаются. Умаялся!—говорила Катя, смѣло таща отца за рукавъ отъ плачущей матери.—Я тебѣ постель приготовила.

— Дочь, только одна дочь понимаетъ Александра Прилежаева!—театральнымъ тономъ произносилъ пьяный отецъ, сваливаясь на постель.

Только на одну Катю не наводили страха сцены бѣлой горячки, когда отецъ искалъ повсюду чертей. Она привыкла къ этимъ сценамъ и очень хладнокровно поддакивала отцу и дѣлала видъ, что ловитъ мнимыхъ демоновъ, стараясь въ то же время поскорѣе уложить его спать. Въ семьѣ давно уже никто не помнилъ, чтобы Катерина Александровна когда-нибудь плакала. Въ самыя тяжелыя минуты она

Digitized by Google

только нахмуривала брови, сжимала губы и дѣлалась грубою, если кто-нибудь тревожилъ ее разспросами и нарушалъ ея молчаливое раздумье. Дѣйствительно, въ эти минуты она предавалась раздумью, какъ помочь горю. «Мать уже сама ничего не придумаетъ: всѣ мысли-то слезами зальетъ», постоянно думала въ эти минуты Катерина Александровна. Нерѣдко ей удавалось что-нибудь придумать для устраненія той или другой бѣды, и тогда она торжествовала, дѣлалась веселою, шутливо говорила матери: «много ли выплакала?»

— Ужъ что про тебя и говорить: ты у насъ умная,— ласково говорила мать.—Ты не то, что я! Меня вѣтеръ съ ногъ свалитъ. Обдумать я ничего не могу. Жизнь-то тяжелая мысли всѣ повышибла.

Мать и дочь нѣжно, горячо любили другъ друга. Мать во всемъ безусловно подчинялась дочери; дочь употребляла всю свою власть на то, чтобы успокоить мать, и относилась къ матери какъ-то покровительственно, какъ къ большому ребенку. Семья жила бы совершенно мирно, если бы въ нее не вносились бури главою дома. Но этотъ человѣкъ не только вносилъ въ домъ бурныя сцены, но и начиналъ мѣшать разнымъ планамъ Катерины Александровны. Она въ послѣдній годъ начала подумывать о поступленіи на мѣсто; но какъ оставить братьевъ и сестру на рукахъ слабой матери и буйнаго отца? Она очень ясно сознавала, что только ея энергіею держится порядокъ въ домѣ, что отецъ, поддававшійся прежде ея дѣтскимъ увѣщаніямъ, теперь просто боится ее и утихаетъ при ней; что мать только вслѣдствіе ея выразительныхъ взглядовъ и жестовъ не вступаетъ въ пренія съ пьянымъ мужемъ и не раздражаетъ его еще болѣе; что, наконецъ, Антонъ можетъ учиться грамотѣ только при ней, такъ какъ отецъ не станетъ съ нимъ заниматься,— въ школу его не на что отдать, а мать безграмотна. Катерина Александровна начала дѣлаться угрюмѣе и раздражительнѣе, она рѣже смѣялась и шутила съ матерью. Въ ея умѣ впервые зароились вопросы, которыхъ она совершенно не могла осилить и которыхъ она боялась, какъ чего-то преступнаго, чего-то безчеловѣчнаго. Дѣйствительно, эти думы были такого рода, что могли испугать хоть кого. Дочь думала о томъ, что у нея, у ея семьи лежитъ поперекъ дороги одинъ человѣкъ, что при его жизни невозможно семьѣ выбиться изъ нужды, что для счастья семьи онъ долженъ умереть. Но этотъ человѣкъ былъ ея отецъ. Эти думы были тѣмъ страшнѣе для Катерины Александровны, что она

Digitized by Google

понимала отца лучше, чѣмъ кто-нибудь изъ знавшихъ его. Она знала, какъ онъ страдалъ, почему онъ пилъ. Она слышала не разъ и его исповѣди, когда онъ бывалъ подъ хмелькомъ; она видѣла и его слезы, когда ему приходилось слишкомъ тяжело жить на свѣтѣ. Въ эти минуты онъ трогалъ ее до глубины души, казался ей достойнымъ слезъ и теплаго участія. И все-таки она сознавала теперь, что онъ загородилъ дорогу своей семьѣ, что только его смерть развяжетъ руки ей. Иногда въ ея головѣ вдругъ рождался мучительный вопросъ: «когда же это кончится?» Она блѣднѣла и хваталась за голову, понимая, что ея вопросъ переводится простыми, но тѣмъ не менѣе страшными словами: «когда же умретъ мой отецъ?» Въ ея обращеніи съ отцомъ стала проявляться какая-то нервная неровность: она то была очень ласкова съ отцомъ, то дѣлалась съ нимъ очень рѣзкою, грубою. Однажды онъ особенно сильно бушевалъ въ домѣ въ припадкѣ бѣлой горячки и потомъ пропалъ изъ дома на два дня. Измученная возною съ нимъ, Катерина Александровна не вытерпѣла и замѣтила матери:

— Хоть бы ужъ умеръ онъ, руки бы развязалъ!

Марья Дмитріевна взволновалась.

— Что ты, что ты, Катя!—въ испугѣ проговорила она.— Да какъ тебѣ не грѣхъ говорить то это! Шутка ли, отцу смерти желаешь! Грѣхъ тебѣ, грѣхъ!

— А ихъ губить не грѣхъ? Ихъ вѣкъ заѣдать не грѣхъ?— воскликнула Катерина Александровна, указывая на дѣтей.— Что онъ изъ нихъ сдѣлаетъ? Пьяницъ, воровъ, мошенниковъ, каторжниковъ! Ихъ въ ученье на казенный счетъ при живомъ отцѣ не примутъ. Они неучами вырастутъ, а если и выучатся чему, такъ развѣ только грамотѣ. Куда они съ нею пойдутъ? Лакеями, что ли, будутъ служить? Да кто въ лакеи-то возьметъ дѣтей чиновника? А примѣръ-то здѣсь какой...

— Полно, Катя!—тихо заговорила Марья Дмитріевна.— Ты бы его-то пожалѣла. Вѣдь ты посмотри на него. На немъ самомъ лица нѣтъ, остовъ одинъ остался. Развѣ онъ отъ радости пьетъ? развѣ онъ въ жизни-то хоть денекъ счастливый видѣлъ?

Катерина Александровна бросила на мать мучительный взглядъ; у нея сжалось сердце: она ясно видѣла, что мать ея не понимаетъ.

— Да развѣ я его не люблю? Развѣ я его не жалѣю?— воскликнула она страстнымъ голосомъ и стиснула свои

Digitized by Google

руки. — Поймите вы, что я люблю и жалѣю его больше, чѣмъ вы. Вы вонъ укоряете его, вы плачете при немъ, а у меня за него сердце исходитъ кровью! Я готова у ногъ его на колѣняхъ ползать, чтобы онъ пить пересталъ; я жизнь, жизнь свою готова отдать, чтобы онъ счастливъ былъ. А вы говорите, что я его не жалѣю!

Катерина Александровна какъ-то безнадежно махнула рукой, облокотилась на столъ и сжала свою голову. Она не плакала, но была близка къ обмороку. Впервые поняла она, что можетъ наступить и такая минута, когда она и мать окончательно перестанутъ понимать другъ друга и пойдутъ, можетъ-быть, въ разныя стороны въ своихъ стремленіяхъ или, вѣрнѣе сказать, мать останется на мѣстѣ и будетъ мѣшать дочери привести въ исполненіе планы насчетъ будущности дѣтей. Катерина Александровна уже давно рѣшилась, въ случаѣ необходимости, просто вырвать дѣтей у отца, теперь же ей начало казаться, что на сторону отца, при подобной мѣрѣ, встанетъ и мать и не отпуститъ дѣтей. Молодой дѣвушкѣ становилось невыносимо тяжело; она уже отчаивалась въ счастливомъ исходѣ ихъ семейной жизни, когда судьба разомъ и совершенно неожиданно разрубила гордіевъ узелъ. Катерина Александровна горячо принялась за дѣло.

Подобно матери и брату, она успѣла въ эти дни исколесить весь городъ. Она искала себѣ мѣста швеи, горничной, няни. Но прежде, чѣмъ отправиться въ поиски случайныхъ мѣстъ у частныхъ лицъ, она рѣшилась обратиться съ просьбой о казенномъ мѣстѣ къ одной вліятельной особѣ, посѣщавшей въ качествѣ попечительницы ту школу, гдѣ воспитывалась Катерина Александровна. Эта особа оставила въ Катеринѣ Александровнѣ самыя отрадныя воспоминанія. Дѣвушка отчетливо помнила эту низенькую, пухленькую старушку съ сѣдыми, гладко-причесанными волосами, съ добродушно улыбавшимся лицомъ, покрытымъ старческимъ румянцемъ; она помнила эту мягкую руку, гладившую ее по головѣ, и этотъ привѣтливый, кроткій голосъ, лишенный крикливыхъ или сиплыхъ нотъ, спрашивавшій у дѣвочки:

— Ну что, черненькіе глазки, хорошо ли идетъ работа?

Черненькіе глазки теперь смотрѣли съ надеждой, когда Катерина Александровна подходила къ старинному барскому дому княгини Маріи Осиповны Гиреевой. Пухленькая старушка была именно эта уже отчасти знакомая намъ особа.

Digitized by Google

V.

Лицомъ къ лицу съ ближними.

Катерина Александровна отворила тяжелую дверь парадного подъѣзда и очутилась въ обширныхъ сѣняхъ передъ широкой лѣстницей. Около одного изъ оконъ, бывшихъ по обѣ стороны дверей, у ясеневаго стола сидѣлъ съ газетою въ рукахъ высокій, худощавый старикъ въ долгополомъ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ. Услышавъ шумъ отворившихся дверей, онъ неторопливо повернулъ голову, приподнялъ брови и черезъ очки посмотрѣлъ на посѣтительницу.

— Куда?—лаконически спросилъ онъ.

Могу ли я видѣть княгиню?—произнесла Прилежаева.

— А вамъ зачѣмъ?—снова спросилъ старикъ.

— Я воспитывалась въ школѣ подъ вѣдѣніемъ княгини и ищу мѣста,—проговорила въ замѣшательствѣ Катерина Александровна, на которую пристально смотрѣлъ черезъ очки старикъ.

Спокойно выслушавъ ея отвѣтъ, онъ неторопливо отложилъ газету на столъ, сдвинулъ очки на лобъ и поднялся съ мѣста. Глядя на него, можно было подумать, что у этого человѣка четыре глаза, такъ какъ его настоящіе глаза были отъ старости почти такими же безцвѣтными, какъ его очки, блестѣвшіе на темномъ лбу.

— Вотъ что я вамъ скажу, моя милая,—наставительно началъ старикъ, подходя къ Катеринѣ Александровнѣ и положивъ ей на плечо свою костлявую руку.—Если вы хотите черезъ ея сіятельство княгиню Марину Осиповну достать мѣсто, то напишите вы... Писать-то умѣете!

— Умѣю.

— Ну да,—успокоился старикъ, разрѣшивъ возникшее въ его головѣ сомнѣніе. — Такъ возьмите вы, сударыня моя, напишите просьбу и пришлите ее по городской почтѣ или сами передайте ее въ домовую контору дворецкому нашему, Константину Ивановичу Воронову. Потомъ, когда онъ приметъ это самое ваше прошеніе, вы спросите его, когда онъ велитъ придти за справкою. Ея сіятельство княгиня Марина Осиповна ангелъ, а не женщина, она все сдѣлаетъ, что возможно, коли просьба попадетъ къ ней въ руки...

— Я знаю, что она добрая, но...

— Вы знаете! — усмѣхнулся старикъ добродушно-насмѣшливою улыбкой и неторопливо вынулъ табакерку. — Весь

Digitized by Google

городъ это знаетъ!—внушительно произнесъ онъ, пощелкивая пальцемъ по табакеркѣ.—Да, весь городъ!

— Но это такъ долго придется ждать отвѣта. Мнѣ бы хотѣлось лично видѣть княгиню, — промолвила Катерина Александровна.

— Мало ли бы чего! — покачалъ головою старикъ, поднося къ носу открытую табакерку и понюхивая табакъ такъ, какъ, вѣроятно, нюхалъ его въ старые годы самъ покойный князь Гиреевъ. — Если бы ея сіятельству княгинѣ Маринѣ Осиповнѣ принимать всѣхъ лично, то у ней и времени бы свободнаго не осталось, да и здоровья-то не хватило бы. Тоже вѣдь всякій народъ съ просьбами ходитъ, иной совсѣмъ безъ пути идетъ безпокоить ея сіятельство княгиню Марину Осиповну. Гдѣ же бы ей самой со всѣми объясняться? Константинъ Ивановичъ нашъ ужъ на что здоровый мужикъ, а и онъ иногда изъ силъ выбьется съ этими просителями. Вѣдь иногда просто ума помраченіе о чемъ люди просятъ; недавно одна барыня приходила просить ея сіятельство княгиню Марину Осиповну о разводѣ. Да развѣ ея сіятельство княгиня Марина Осиповна митрополитъ? Вы только то разсудите...

Катерина Александровна поняла, что старикъ никогда не кончитъ своихъ разсказовъ, и потому поспѣшила поблагодарить его и уйти. Но отдѣлаться отъ скучавшаго въ одиночествѣ швейцара было не такъ легко: онъ снова началъ объяснять ей, какъ написать просьбу, куда подать и когда придти за справкою. Вырвавшись изъ общества добродушнаго тѣлохранителя княгини Гиреевой, Катерина Александровна пошла домой, написала просьбу и на слѣдующій день снова отправилась въ домъ Марины Осиповны, въ домовую контору.

Домовая контора помѣщалась на дворѣ гиреевскаго дома при квартирѣ Константина Ивановича Воронова, бывшаго дворовaго княгини, испробовавшаго на своей спинѣ не одну сотню ударовъ розгами, служившаго казачкомъ, лакеемъ, камердинеромъ и потомъ получившаго званіе дворецкаго и вольную. Увидавъ на дверяхъ одного изъ надворныхъ подъѣздовъ надпись на мѣдной доскѣ, гласившую, что тутъ находится контора, Катерина Александровна переступила порогъ этихъ дверей, поднялась по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ снова увидала мѣдную доску съ тою же надписью, и вошла въ двери. Передъ нею была просторная комната, заставленная шкапами и столами. На

Digitized by Google

столахъ и въ шкапахъ были кипы дѣловыхъ бумагъ; въ углу комнаты стояло множество пробныхъ головъ сахару, присланныхъ съ заводовъ княгини. Прежде чѣмъ успѣла оглядѣться Катерина Александровна, изъ-за груды бумагъ, лежавшихъ на одномъ изъ столовъ, послышался грубый вопросъ:

— Куда вы?

— Я просьбу къ княгинѣ, — начала Катерина Александровна.

— Чего-жъ таскаетесь въ контору? — еще болѣе грубо перебилъ ее сердитый голосъ.—Не знаете развѣ, что въ моей квартирѣ принимаютъ просьбы. Ступайте. Напротивъ дверь.

Катерину Александровну немного смутилъ этотъ пріемъ. Она вышла изъ конторы и вошла въ другую дверь, на которой была мѣдная доска съ надписью: «Константинъ Ивановичъ Вороновъ». Квартира начиналась темною передней, изъ которой вела дверь въ небольшую гостиную, убранную старомодною мебелью, литографированными картинами и портретами князей Гиреевыхъ; картины и портреты были обдѣланы въ темныя гладкія рамы изъ краснаго дерева съ потемнѣвшими бронзовыми звѣздами на углахъ. Здѣсь Катерина Александровна встрѣтила множество народу, сидѣвшаго въ ожиданіи Воронова. Большая часть изъ этихъ личностей были старики и старухи въ поношенныхъ одеждахъ, съ сонными лицами, не выражавшими ничего, кромѣ тупого привычнаго терпѣнія. Катерина Александровна обвела глазами присутствующихъ, она не думала встрѣтить здѣсь кого-нибудь, кто былъ бы хоть сколько-нибудь знакомъ ей; но ей нужно было отыскать свободное мѣсто, что было не очень легко сдѣлать, такъ какъ при ея близорукости ей казалось, что въ комнатѣ нѣтъ ни одного свободнаго стула. Прежде чѣмъ она успѣла оглядѣть всю комнату, изъ противоположнаго угла послышался чей-то любезный и предупредительный басъ:

— Вамъ, сударыня, мѣсто нужно? Не угодно ли воспользоваться, здѣсь есть пустой стулъ и мѣстоположеніе пріятное у окна.

— Благодарю, — промолвила молодая Прилежаева и направилась къ окну.

— Теперь единственная роза помѣстится подлѣ цвѣтовъ,—любезно произнесъ тотъ же басъ и, въ восторгѣ отъ своей галантерейной фразы, притопнулъ ногою.

Digitized by Google

Этотъ звукъ былъ настолько рѣзокъ, что Катерина Александровна взглянула на полъ и увидала деревянную ногу своего любезнаго сосѣда. Она невольно улыбнулась и взглянула на его лицо: синевато-багровый носъ съ черными крапинками разогналъ ея послѣднія сомнѣнія насчетъ сосѣда,— она узнала въ немъ штабсъ-капитана, о которомъ съ такимъ смѣхомъ разсказывалъ ей братъ.

— Простите невольное любопытство отставному служакѣ, — развязно началъ штабсъ-капитанъ Прохоровъ. — Какая случайность, какія превратности судьбы могли занести васъ, прекрасная роза, въ воронье гнѣздо?

— Въ воронье гнѣздо? — удивилась Катерина Александровна.

Штабсъ-капитанъ лукаво усмѣхнулся.

— Я хотѣлъ сказать: въ гнѣздо Воронова, — любезно произнесъ онъ болѣе ясную остроту.

Катерина Александровна снова улыбнулась.

— Я пришла просить княгиню о мѣстѣ.

— О мѣстѣ? Вы пришли просить о мѣстѣ въ какомъ-нибудь пріютѣ, за какимъ-нибудь чернымъ столомъ классной комнаты! Несправедливость фортуны, гоненія рока!— горячо возразилъ штабсъ-капитанъ. — Знаете ли вы, сударыня, что если бы фортуна была справедлива, если бы у нея не было повязки на глазахъ, то не вамъ бы пришлось просить о мѣстѣ, а люди должны бы были придти къ вамъ и на колѣняхъ просить васъ осчастливить ихъ и занять подобающее вамъ мѣсто. Это мѣсто — простите солдатскую откровенность стараго инвалида — это мѣсто подъ вѣнцомъ подлѣ какого-нибудь изъ первыхъ вельможъ и первыхъ красавцевъ имперіи!

Штабсъ-капитанъ окончательно воодушевился и стучалъ и деревянною ногою, и костылемъ. Катерина Александровна была отчасти рада его болтовнѣ, такъ какъ эта болтовня успѣла нѣсколько разогнать скверное впечатлѣніе, произведенное на дѣвушку пріемомъ Воронова.

Штабсъ-капитанъ еще продолжалъ ораторствовать, когда въ комнату быстро вбѣжалъ приземистый, коренастый старикъ съ обстриженными подъ гребенку сѣдыми волосами и съ рысьими перебѣгавшими съ предмета на предметъ глазами, сверкавшими очень недружелюбно изъ-подъ густыхъ бровей.

— Экъ васъ натащилось! Продохнуть нельзя! — проговорилъ онъ грубымъ голосомъ, въ которомъ Катерина

Digitized by Google

Александровна тотчасъ узнала голосъ, слышанный ею въ конторѣ.

Она встревожилась. Это не ускользнуло отъ вниманія штабсъ-капитана, и онъ, ловко наклонясь къ ея уху, любезно шепнулъ ей:

— Воронье карканье не всегда передъ дождемъ.

Въ головѣ молодой дѣвушки при этой шуткѣ промелькнула мысль о томъ, что, и въ самомъ дѣлѣ, не съѣстъ же ее Вороновъ, и она улыбнулась, очень ласково взглянувъ на отставного философа.

Вороновъ между тѣмъ отбиралъ просьбы и ругался съ просителями, изъ которыхъ, впрочемъ, большая часть вовсе не имѣла никакихъ просьбъ и пришла за полученіемъ пенсій, выдававшихся ежемѣсячно княгинею и задерживавшихся Вороновымъ иногда на десять, иногда на пятнадцать дней, порою же на цѣлые мѣсяцы и даже совсѣмъ: онъ отдавалъ деньги въ ростъ и потому эти пенсіи нужны были ему для оборотовъ. Накричавшись вдоволь на разныхъ стариковъ и старухъ, Константинъ Ивановичъ подошелъ къ штабсъ-капитану.

— А вы, ваше высокоблагородіе, опять здѣсь,—прошипѣлъ онъ ироническимъ тономъ, которымъ старался прикрыть кипѣвшую въ немъ злобу.— Зачѣмъ изволили пожаловать?

— Все за тѣмъ же, все за тѣмъ же, почтеннѣйшій, — развязно произнесъ философъ, не поднимаясь съ мѣста передъ Вороновымъ и закинувъ конецъ деревяжки на сапогъ своей единственной ноги.—За деньгами.

— Да давно ли вы получили пенсію?

— Недавно, недавно, ровно мѣсяцъ тому назадъ,—шутливо произнесъ штабсъ-капитанъ.

— Помилуйте, вы, кажется, недѣли двѣ тому назадъ были.

— Ахъ вы шутникъ, шутникъ! — проговорилъ штабсъ-капитанъ. — Вѣдь у меня книжка, почтеннѣйшій, книжка. Мнѣ нельзя изъ году одиннадцать мѣсяцевъ сдѣлать.

Штабсъ-капитанъ неторопливо вынулъ изъ кармана своего потертаго сюртука засаленную книжку, передалъ ее Воронову, подбоченился и насмѣшливо уставилъ свои глаза на дворецкаго.

— Читать умѣете, почтеннѣйшій, значитъ, видите,—промолвилъ онъ.

— Забылъ, забылъ! Тутъ память потеряешь, какъ съ утра до вечера съ вами возишься, — проговорилъ сквозь

Digitized by Google

зубы Вороновъ и пошелъ къ столу вписывать въ книжку число, когда выдана пенсія.

Вороновъ-не кричалъ на штабсъ-капитана и, повидимому, немного побаивался его.

— Что-жъ, помѣняемся мѣстами, почтеннѣйшій,—промолвилъ штабсъ-капитанъ.—Я, пожалуй, не разсержусь.

Вороновъ ничего не отвѣтилъ на это предложеніе и молча передалъ штабсъ-капитану книжку и три рубля. Штабсъ-капитанъ развернулъ книгу и, зажуривъ лѣвый глазъ, сталъ разсматривать правымъ, что записано въ книжкѣ.

— Ну, а какъ дѣлишки? — промолвилъ онъ, засовывая книжку въ карманъ. — Дѣтишкамъ на молочишко въ нынѣшній мѣсяцъ осталось?

Вороновъ молча бросилъ на него свирѣпый взглядъ и обратился къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Подъ Варной, батюшка, были!—проговорилъ штабсъ-капитанъ, спокойно встрѣтивъ молніеносный взглядъ Воронова.

— Что вамъ?—спросилъ Константинъ Ивановичъ у Катерины Александровны.

Она объяснила и подала просьбу.

— Придите черезъ мѣсяцъ,—сухо отвѣтилъ онъ.

— Черезъ мѣсяцъ! — воскликнула Катерина Александровна.

— Ну да. Глухи вы, что ли? — грубо проговорилъ Вороновъ.

— Нельзя ли пораньше...

— Что вы думаете, что у княгини только и заботы, что о васъ...

— Но мѣсто мнѣ необходимо теперь. Нельзя ли...

— Да вы ужъ не думаете ли, что княгиня такъ сейчасъ и дастъ вамъ мѣсто? Мѣста-то у нея не въ карманѣ сидятъ, — проговорилъ Вороновъ и повернулся спиною къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Да вы-съ, сударыня, у него толку не добьетесь, — спокойно проговорилъ штабсъ-капитанъ. — Онъ въ военной службѣ не бывалъ и не знаетъ, что значатъ военныя дѣйствія. У него все черезъ мѣсяцъ. А вы лучше обратитесь къ графинѣ Бѣлокопытовой и черезъ нее добейтесь аудіенціи у княгини.

Катерина Александровна взглянула на штабсъ-капитана и совершенно не понимала, для чего онъ такъ усиленно моргаетъ ей глазами и киваетъ головой на Воронова.

Digitized by Google

— Вы можете обжаловать рѣшеніе почтеннѣйшаго Константина Ивановича,— продолжалъ штабсъ-капитанъ, поднимаясь съ мѣста.—А теперь пойдемте, намъ по пути.

— Ей! какъ васъ, — крикнулъ Вороновъ, обращаясь къ Катеринѣ Александровнѣ. — Если вы непремѣнно хотите скорѣе знать рѣшеніе княгини, то заходите черезъ недѣлю.

— Охота вамъ, почтеннѣйшій, такъ безпокоить себя, — добродушно замѣтилъ штабсъ-капитанъ.

— Вы, ваше высокоблагородіе, шли бы своею дорогой и не вмѣшивались бы въ чужія дѣла,—прошипѣлъ Вороновъ.

— И, батюшка, съ той поры, какъ мы поганыхъ турокъ колотили, въ привычку вошло въ чужія дѣла мѣшаться, — отвѣтилъ штабсъ-капитанъ.—Честь имѣю кланяться.

Спустившись съ лѣстницы, Катерина Александровна съ искреннею благодарностью пожала шаршавую руку штабсъ-капитана. Онъ ловко приподнялъ фуражку и сдѣлалъ какое-то движеніе деревяжкой, какъ будто желая расшаркаться передъ своею собесѣдницей.

— Главное: не унывать! — произнесъ онъ. — Вѣдь это хамы и трусы. У насъ кто кого перекричалъ, тотъ и правъ; это, знаете, съ позволенія сказать, какъ у шулеровъ: кто кого въ игрѣ пересмотрѣлъ, тотъ и выигралъ. Вамъ куда? осмѣлюсь спросить.

— Далеко. На Пряжку, — отвѣтила Катерина Александровна.

— А! у меня тамъ есть одни короткіе знакомые, — промолвилъ штабсъ-капитанъ.—Вдовушка одна, такая славная бабенка, съ сынишкой живетъ. Надо будетъ какъ-нибудь на-дняхъ завернуть къ нимъ.

Катерина Александровна промолчала, не находя ничего страннаго въ томъ, что у штабсъ-капитана есть знакомая вдовушка, живущая со своимъ сыномъ на Пряжкѣ; но каково же было ея изумленіе, когда штабсъ-капитанъ началъ ей разсказывать исторію вдовушки, оказавшуюся ни болѣе, ни менѣе, какъ исторіею матери самой Катерины Александровны.

— Да это, значитъ, вы говорите про мою мать, — улыбнулась Катерина Александровна, выслушавъ исторію своей семьи, сильно разукрашенную пылкимъ воображеніемъ философа.

— Неужели? Очень радъ, очень радъ познакомиться! — промолвилъ воинъ, нисколько не смущаясь, что онъ назвался короткимъ знакомымъ матери своей собесѣдницы.

Digitized by Google

Сказавъ еще нѣсколько любезныхъ фразъ и спросивъ подробный адресъ Прилежаевыхъ, штабсъ-капитанъ разстался съ Катериной Александровной на углу Невскаго проспекта. Онъ жилъ за Невскимъ монастыремъ, «такъ какъ тамъ, около Невы, какъ онъ говорилъ, и воздухъ лучше, и все-таки, есть въ нѣкоторомъ родѣ природа».

Возвращаясь домой и раздумывая о томъ, что ей пришлось видѣть въ это утро, молодая дѣвушка не могла не сознаться, что случайная встрѣча съ штабсъ-капитаномъ не только разсѣяла въ ней тяжелое впечатлѣніе, произведенное Вороновымъ, но и помогла ей въ томъ отношеніи, что Вороновъ мѣсячный срокъ ожиданія смѣнилъ на семидневный. Молодую дѣвушку даже заинтересовалъ этотъ безпечный инвалидъ, этотъ философствующій нищій, и она не могла понять, почему она сразу, подобно своему брату, почувствовала къ нему симпатію, тогда какъ она вообще не любила нищихъ и считала послѣднимъ дѣломъ протягиваніе руки. Въ ней была не только простая нелюбовь къ попрошайству, но она чувствовала, что она сама скорѣе согласилась бы украсть, чѣмъ попросить Христа ради. Ей было тяжело и горько, что ея мать должна была кланяться дядѣ, что ея мать приняла спитой чай отъ графини. Но, несмотря на все это, она, все-таки, не могла смотрѣть на штабсъ-капитана такъ, какъ она смотрѣла на старуху, живущую у нихъ въ кухнѣ. Почему? Этого она не могла объяснить себѣ.

Прошла недѣля. Катерина Александровна снова отправилась въ домовую контору княгини Гиреевой. Прождавъ часъ въ пріемной комнатѣ Воронова, молодая дѣвушка, наконецъ, удостоилась свиданія съ дворецкимъ. Онъ подошелъ къ ней и объявилъ, что нужно подождать еще недѣлю. Константинъ Ивановичъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по своему обыкновенію: онъ рѣшился пригласить просительницу явиться къ нему черезъ недѣлю, чтобы потомъ снова сдѣлать то же предложеніе и продолжать подобный образъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока просительница не устанетъ ходить къ нему или не предложитъ ему вознагражденіе за его хлопоты. Вознагражденія обыкновенно принимались имъ черезъ жену, которая съ участіемъ разспрашивала просителей объ ихъ участи. Катерина Александровна увидала, что изъ ея хожденій къ дворецкому княгини выйдетъ очень мало толку и рѣшилась навѣдаться къ нему еще разъ, а покуда похлопотать снова о частномъ

Digitized by Google

мѣстѣ. У нея были захвачены съ собою адреса тѣхъ лицъ, которыя требовали черезъ газеты прислугу, и она отправилась на поиски. Она уже не въ первый разъ рѣшалась на подобные поиски и выносила изъ нихъ очень безотрадныя впечатлѣнія. Но, несмотря на это, она, все-таки, надѣялась чего-нибудь добиться. Отыскавъ домъ, означенный въ одной изъ публикацій, Прилежаева позвонила у дверей, на которыхъ красовалась визитная карточка съ надписью: «Николай Егоровичъ Шершневъ». Передъ нею не скоро отворилась дверь.

— Могу ли видѣть госпожу Шершневу? — спросила Катерина Александровна у растрепанной толстой служанки, отворившей дверь.

— Вы вѣрно мѣсто ищете?—спросила служанка.

— Да.

— Ну, идите вонъ прямо: барыня у себя въ спальной.

— Какъ же такъ? Вы лучше доложите,—нерѣшительно промолвила Прилежаева.

— Чего докладывать! У насъ нѣшто какъ у людей? У насъ безъ докладу претъ всякій сбродъ,—небрежно отвѣтила служанка, повидимому, очень мало уважавшая своихъ господъ.

Катерина Александровна сняла салопъ и тихо пошла по указанію служанки. Передъ нею была отворенная дверь въ спальню Шершневой. Эта комната была отдѣлана свѣтлыми обоями и обставлена мебелью, обтянутою розовымъ лощенымъ коленкоромъ, покрытымъ вязаными кружевами. На окнахъ стояли цвѣты, когда-то очень дорогіе, но теперь сильно повысохшіе. Между цвѣтами распѣвала канарейка въ роскошной, но запачканной клѣткѣ. Чѣмъ-то крайне молодымъ вѣяло отъ этой спальни; казалось, она была отдѣлана для новобрачныхъ. Но въ то же время въ этой мило отдѣланной комнатѣ царствовалъ невообразимый хаосъ: на украшенной кружевомъ и кисеею кровати лежали крошечныя, затѣйливо отдѣланныя ботинки и спала болонка; на мягкомъ розовомъ креслѣ, походившемъ на раковину, лежало свѣтлозеленое шелковое платье, на полу валялись двѣ игрушки, на одной изъ свѣчей висѣла легкая наколка изъ блондъ и цвѣтовъ; на розовомъ диванѣ лежали черные панталоны и фракъ. Казалось, что эта комната только что оставлена проснувшимися послѣ бала хозяевами и ожидаетъ, когда ее приберетъ не очень рачительная прислуга. Но было уже около второго часа, и потому этотъ

Digitized by Google

безпорядокъ еще сильнѣе бросался въ глаза и заставлялъ думать, что хозяйка дома встаетъ очень поздно. Катерина Александровна еще съ порога замѣтила хозяйку этой квартиры. Шершнева была очень молода, почти походила на дѣвочку; она сидѣла у большого туалетнаго зеркала, украшеннаго кисеей. Передъ нею на столѣ были разбросаны браслеты и стояла открытая коробка съ конфетами. Молодая женщина сидѣла въ легкой блузѣ, закрывъ платкомъ глаза. Она, повидимому, плакала. Смущенная Катерина Александровна хотѣла-было уйти, когда Шершнева быстро отерла глаза, бросила въ сторону батистовый платокъ, топнула съ дѣтскою досадой ножкой и засмѣялась, взглянувъ на себя въ зеркало. Она, какъ будто разговаривая съ своимъ отраженіемъ, сдѣлала такую дѣтски-капризную, смѣшную гримасу, что Катерина Александровна не могла удержаться отъ улыбки. Шершнева только въ эту минуту увидала въ зеркало, что она не одна въ своей спальнѣ. Взявъ изъ коробки конфету и положивъ ее въ ротъ, она обернулась къ посѣтительницѣ и вопросительно посмотрѣла на нее.

— Вы публиковали о горничной,—начала Катерина Александровна.

— Ха-ха-ха! — захохотала дѣтскимъ, задушевнымъ смѣхомъ Шершнева. — Это все Nicolas напуталъ. Публикуетъ: нужна горничная, а намъ нужна няня. Ха-ха-ха! Какъ онъ еще не написалъ, что намъ гувернантку нужно или компаньонку.

Катерина Александровна совсѣмъ растерялась отъ этого шаловливаго смѣха.

— Но я могу занять и мѣсто няни,—начала она черезъ минуту.

— Вы? Дитя? Васъ самихъ еще нужно няньчить, милочка!—весело и добродушно улыбнулась Шершнева, желая въ то же время принять видъ серьезной женщины, а не шаловливой институтки, три съ половиной года тому назадъ вставшей со школьной скамьи для того, чтобы отправиться подъ вѣнецъ.

— Я не такъ молода, какъ вы думаете,—промолвила Катерина Александровна.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! Только въ ня-ни я васъ не возьму,— протяжно произнесла Шершнева, качая головой.

— Я привыкла къ уходу за дѣтьми. Въ моей семьѣ у меня было трое дѣтей на рукахъ.

Digitized by Google

— Нѣ-ѣтъ, такую хорошенькую нельзя въ няни взять,— задумчиво продолжала Шершнева.

— Кто станетъ смотрѣть на мое лицо!

— Ахъ, Боже мой, всѣ, всѣ! Мой Nicolas первый на васъ засмотрится! — наивно воскликнула Шершнева и надула губки.—Вы думаете, онъ теперь въ должности? Нѣтъ, онъ по Невскому ходитъ и смотритъ на хорошенькихъ. Вотъ видите,—указала Шершнева на какіе-то клочки разорванной бумаги, валявшейся на полу:—это у него все были портреты всѣхъ хорошенькихъ актрисъ. Я взяла, подобрала сегодня ключъ къ его столу, отыскала ихъ и—вотъ!

Шершнева съ комическимъ трагизмомъ указала на груду бумажныхъ лоскутковъ. Катерина Александровна едва удерживалась отъ улыбки, хотя ей было тяжело сознавать, что, повидимому, и здѣсь ее ждетъ неудача.

— Вы видѣли, я плакала, когда вы вошли,—продолжала Шершнева жалующимся тономъ обиженнаго ребенка.—А въ мои годы даромъ не плачутъ! Я очень, очень несчастлива! Я васъ не могу взять къ себѣ, потому что Nicolas станетъ еще меньше любить меня!

— Повѣрьте, что я сумѣю держать себя скромно,—замѣтила Катерина Александровна.

— Ахъ, милочка, я нисколько не сомнѣваюсь!—горячо отвѣтила Шершнева. — Но что же вы станете дѣлать съ мужчинами, если они не могутъ пропустить безъ вниманія такихъ черненькихъ глазъ, какъ ваши.

— Да развѣ я виновата, что у меня такіе глаза!—воскликнула Катерина Александровна.

— Не думаете ли вы, что я въ этомъ случаѣ виновата!—снова надула губки Шершнева.

Въ эту минуту изъ-за дивана послышался дѣтскій лепетъ:

— Мама бяка, бяка!

— Сама бяка, сама бяка! — съ дѣтскою горячностью отвѣтила Шершнева. — Скверная дѣвчонка, скверная дѣвчонка, опять начала.

Изъ-за дивана вылѣзла крошечная дѣвочка съ пухленькимъ личикомъ и, приблизившись къ Шершневой, начала хлопать ее ручонкой по платью.

— Бяка, бяка, тьфу!—плевалась дѣвочка.

— Скверная, скверная!—раздражительно кричала Шершнева, хлопая рукой по рукѣ ребенка. — И на тебя тьфу! Пошла прочь, пошла въ кухню, къ Александрѣ.

Digitized by Google

Дѣвочка, накричавшись до-сыта, упала на полъ и начала колотить по полу руками и ногами.

— Лежи, лежи! злая, злючка!—дразнила ее Шершнева.

Катерина Александровна съ нѣмымъ изумленіемъ глядѣла на эту сцену.

— Это просто невыносимая дѣвчонка,—раздражительно говорила Шершнева.—Мнѣ съ нею покоя нѣтъ!

— Если бы вы взяли меня, то повѣрьте, что я справилась бы съ ней,—замѣтила Катерина Александровна.

— Нѣтъ, нѣтъ, васъ я не возьму,—проговорила Шершнева.

— Если бы вы знали, какъ я нуждаюсь въ мѣстѣ,—сказала Катерина Александровна.

— Вы, милочка, вѣрно, очень, очень бѣдны?—спросила ласковымъ тономъ Шершнева.

— Да.

— Ну, вотъ я поищу вамъ мѣсто. Оставьте свой адресъ.

Катерина Александровна оставила свой адресъ и пошла. Она еще не переступила порога этой комнаты, когда за нею послышался голосъ молодой женщины.

— Послушайте! — начала Шершнева какимъ-то заискивающимъ тономъ. — Скажите мнѣ откровенно, васъ Nicolas подослалъ? Вы его знаете?

Катерина Александровна вспыхнула.

— Какъ вамъ не стыдно!—сказала она.

— Не сердитесь, не сердитесь!—заговорила Шершнева.— Но вы такая хорошенькая, а отъ Nicolas всего можно ждать.

Катерина Александровна уже не слушала ее и вышла въ переднюю.

— Ну что, опредѣлились?—спросила ее толстая служанка.

— Нѣтъ,—сухо отвѣтила Катерина Александровна, надѣвая салопъ.

— И слава Богу!—произнесла служанка.—У этихъ вертопраховъ и жить-то никто не станетъ. Сама хороша, а онъ еще лучше. Кругомъ должны, а по баламъ, да по тіятрамъ скачутъ, какъ сороки, прости Господи...

Катерина Александровна, не слушая болтовни служанки, вышла на улицу. Она пошла по направленію къ Милліонной, по новому адресу. Ей недолго пришлось искать домъ и квартиру генеральши Оболенской, напечатавшей въ газетахъ, что ей нужна горничная. Домъ былъ великъ. Оболенская жила широко, и въ Милліонной каждый лавочникъ

Digitized by Google

могъ указать на жилище этой госпожи, тридцати-пятилѣтней вдовы стараго генерала. Позвонивъ у дверей, Катерина Александровна была встрѣчена лакеемъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Онъ окинулъ глазами одежду Катерины Александровны и спросилъ, чего ей надо. Она объяснила и попросила доложить барынѣ. Черезъ минуту ее попросили войти въ комнату. Пройдя по мягкимъ коврамъ, среди полумрака двухъ большихъ комнатъ, съ тяжелыми и темными драпри, Катерина Александровна очутилась въ отдѣланномъ малиновымъ шелкомъ будуарѣ, гдѣ царствовалъ красноватый полусвѣтъ, очень эффектно освѣщавшій фигуру немолодой женщины и въ то же время не дававшій возможности разсмотрѣть подробно рѣзкія черты, можетъ-быть, давно отцвѣтшаго лица. Женщина, съ книгою на колѣняхъ, въ волнахъ кружевъ и шелку, лежала на мягкой кушеткѣ. Это была Оболенская, скучающая барыня, убившая свою молодость со старымъ мужемъ и стремящаяся теперь найти человѣка, который рѣшился бы убить свою молодость со старою женой. Оболенская почти не пошевелилась на своей кушеткѣ. Она сощурила глаза, медленно поднесла къ нимъ лорнетъ и осмотрѣла съ ногъ до головы посѣтительницу. Черезъ минуту она сухо проговорила:

— Извините, милая, мнѣ нужна горничная изъ порядочнаго дома.

Оболенская опустила лорнетъ и придвинула ближе развернутую книгу. Катерина Александровна поблѣднѣла болѣе обыкновеннаго. Ее обдало какимъ-то холодомъ отъ этого пріема.

— Мой отецъ былъ чиновникъ, — въ смущеніи проговорила она.

— Вы меня не поняли,—лѣниво и небрежно проговорила Оболенская, не поднимая глазъ отъ книги.—Мнѣ нужна горничная, жившая въ порядочномъ домѣ.

Барыня подняла свои глаза и еще разъ съ пренебреженіемъ осмотрѣла нарядъ Катерины Александровны. Послѣдняя только теперь поняла, что ея платье дѣйствительно могло сразу обличить, что она еще не успѣла обворовать никакихъ порядочныхъ господъ.

— Но я, повѣрьте мнѣ, я могу все... начала она.

— Я вамъ вѣрю, но вы понимаете, что мнѣ такая горничная, какъ вы, совсѣмъ не нужна,— перебила ее барыня замѣтно раздраженнымъ голосомъ. — Я даже не понимаю, какъ васъ впустили сюда.

Digitized by Google

Катерина Александровна поняла, что если Оболенская раскаивается, что прислуга впустила такую невзрачно одѣтую посѣтительницу, то легко можетъ случиться, что прислугѣ будетъ отданъ приказъ выгнать непрошенную гостью. Прилежаева неслышно вышла изъ кабинета.

— Что, не взяли?—спросилъ у нея молодой лакей.

— Нѣтъ!

— Эхъ, жаль! — промолвилъ онъ. — Я такъ и думалъ, глядя на ваше платье, да ужъ впустилъ наудалую, думалъ, сова-то не разсмотритъ въ темнотѣ... А все бы повеселѣй было съ вами, хорошенькая барышня.

Онъ подмигнулъ Катеринѣ Александровнѣ своими масляными глазами. Она ничего не отвѣтила и задумчиво вышла изъ дома. Она шла, потупивъ голову, тихими шагами. Завернувъ еще въ одинъ домъ, не заставъ тамъ хозяевъ, она пошла домой по направленію къ Большому театру.

— Такъ прекрасны и такъ печальны!—раздался позади ея молодой голосъ.

Она не оборачивалась, она почти не слыхала этого восклицанія. Ея мысль была занята вопросомъ, что дѣлать, какъ выйти изъ тяжелаго положенія. Чѣмъ болѣе думала Катерина Александровна, тѣмъ менѣе оставалось у нея надежды на полученіе частнаго мѣста безъ рекомендаціи. Она уже успѣла побывать послѣ смерти отца не у однихъ Шершневыхъ и Оболенской, она стучалась и въ другія жилища. Неудачи слѣдовали одна за другою, и каждый разъ Катерину Александровну поражали тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ ее не брали на мѣсто. Шершнева боялась ея красоты, Оболенская смотрѣла съ презрѣніемъ на ея нарядъ, купчиха Микулина испугалась, что она изъ благородныхъ, и замѣтила прямо, что ее и обругать будетъ нельзя; чиновница Макарова объявила, что ей старушку няню нужно, которая и дѣтское бѣлье стирала бы, и полы подмыла бы, и помогла бы кухаркѣ постряпать, и повязала бы вечеромъ чулочки для дѣтей; иногда причины, по которымъ получался отказъ, были еще нелѣпѣе, еще смѣшнѣе.

Молодая дѣвушка задавала себѣ вопросы: можетъ ли быть вѣрнымъ служеніе у подобныхъ господъ, не будетъ ли это зависѣть отъ самыхъ нелѣпыхъ капризовъ, отъ чисто-случайныхъ, безсмысленныхъ выходокъ этихъ людей, не будетъ ли оно простою станціей, послѣ минутнаго отдыха на которой придется снова нуждаться и искать такихъ же

Digitized by Google

невѣрныхъ мѣстъ; но если это такъ, то можно ли на такомъ шаткомъ основаніи осуществить свои планы воспитанія Антона, на которое потребуется и много денегъ и, можетъ-быть, много лѣтъ.

— Послушайте, что же вы молчите? Къ чему такая суровость, прелестная незнакомка! — снова раздался надъ ухомъ молодой дѣвушки все тотъ же неотвязчивый молодой голосъ.

Катерина Александровна попрежнему не обратила на него вниманія и продолжала думать. Она видѣла невозможность ожидать чего-нибудь вѣрнаго отъ частныхъ мѣстъ и рѣшилась во что бы то ни стало искать казеннаго мѣста. Въ ея головѣ созрѣлъ какой-то новый планъ. «Никакіе Вороновы не запугаютъ меня, — думалось ей. — Чего бы ни стоило, а ужъ я добьюсь встрѣчи съ княгинею».

— Такъ вы такъ-таки и не хотите говорить со мною? — настойчиво продолжалъ молодой голосъ.

Катерина Александровна подняла голову и взглянула на лицо своего спутника.

Это былъ молоденькій, красивый, стройный прапорщикъ, съ едва пробившимся чернымъ пушкомъ надъ верхнею губой и на щекахъ. Его прелестное, пухленькое личико походило на женское лицо, или на лицо шаловливаго мальчугана, только-что оставившаго классную скамью и желавшаго казаться уже хлыщемъ и фатомъ, чтобы его не звали красной дѣвушкой и милымъ мальчуганомъ.

Катерина Александровна весело улыбнулась.

— Я привыкла ходить безъ лакеевъ, — промолвила она. — Если вамъ хочется принять на себя эту должность — идите. Но намъ придется идти очень далеко.

Дѣвушка замолчала и пошла своей дорогой. Она была не только покойна, но даже чувствовала приливъ веселости, какъ это всегда бывало съ нею, когда ей удавалось окончательно рѣшиться на что-нибудь. Уличный шалопай между тѣмъ не отставалъ и начиналъ переходить изъ любезнаго тона въ нахальный.

— Вы не только лакеемъ хотите быть, но желаете и съ полиціей имѣть дѣло? — промолвила Катерина Александровна, снова взглянувъ на непрошеннаго спутника. — Я могу, если угодно, позвать перваго попавшагося городового.

— Дура! — пробормоталъ прапорщикъ, увидавъ, что Катерина Александровна тѣмъ же спокойнымъ и ровнымъ шагомъ переходитъ къ будкѣ.

Digitized by Google

Молодая дѣвушка осталась одна и, пройдя еще нѣсколько улицъ, добралась до дома.

— Гдѣ ты запоздала,— промолвилъ Антонъ, встрѣчая ее на улицѣ. — Я ужъ хотѣлъ идти отыскивать тебя. А мы тоже сегодня находились съ матерью. Кланялись-кланялись,—завтра, говорятъ, покланяйтесь...

Сестра нагнулась къ брату и поцѣловала его.

— Погоди, все скоро кончится, все кончится, — проговорила она.

Братъ посмотрѣлъ на нее и удивился, что его Катя такъ весела.

— Да ты нѣшто мѣсто достала?—спросилъ онъ.

— Кажется! завтра узнаешь,—успокоила она брата.

На слѣдующій день она снова шла къ дому княгини Гиреевой. Подойдя къ парадному подъѣзду, она стала ходить у дома. Погода была довольно ясная, хотя и холодная. Но Катерина Александровна, повидимому, рѣшилась не обращать вниманія на холодъ. Она уже разъ десять прошлась мимо дома, когда, наконецъ, ее замѣтилъ старый тѣлохранитель княгини. Онъ началъ слѣдить за нею изъ окна. Молодая дѣвушка не переставала мелькать передъ его окномъ. Старикъ покачалъ головою и неторопливо вышелъ на подъѣздъ.

— Что вы, голубушка, тутъ прохаживаетесь?—спросилъ онъ у Катерины Александровны, когда она поровнялась съ нимъ.

— Княгиню жду,—отвѣтила она.

— Что же, развѣ ея сіятельство, княгиня Марина Осиповна, назначила вамъ, чтобы вы ее здѣсь ждали? — спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, не назначала, — послышался отвѣтъ. — Но до нея иначе не добраться. Вотъ я и рѣшилась ждать ее здѣсь.

— А если она не поѣдетъ никуда сегодня?

— Завтра приду.

— Ну, а если васъ гнать станутъ.

— Посмотримъ, авось и не прогонятъ.

— Гм! вотъ какъ! — промолвилъ старикъ.—А холодно! Нынь, солнце-то нынче свѣтитъ, а не грѣетъ. Вы пойдите-ка на подъѣздъ.

Катерина Александровна вошла въ теплыя сѣни. Старикъ вынулъ табакерку и пощелкалъ по ней пальцами.

— Такъ-такъ вы и рѣшились ждать ея сіятельство княгиню Марину Осиповну на улицѣ? — глубокомысленно произнесъ онъ, поднося открытую табакерку къ носу.

Digitized by Google

— Да.

— Это вы на-днях заходили сюда?

— Я.

— Ну что же: просьбу подавали?

— Подавала, только отвѣта нѣтъ, да, кажется, и не будетъ; Вороновъ у васъ никого не допускаетъ къ княгинѣ.

— Не велѣно значитъ, — со вздохомъ качнулъ головою старикъ.

— Неужели княгиня не желаетъ помочь тѣмъ, кому она можетъ помочь?

— Ея сіятельство княгиня Марина Осиповна—анѣлъ,— внушительно произнесъ швейцаръ. А принимать посѣтителей она сама не можетъ, потому что ихъ, какъ собакъ нерѣзанныхъ, а она одна. Вотъ и заведенъ такой порядокъ, чтобы въ домовую контору просьбы подавались.

— А Вороновъ о нихъ и не докладываетъ!

— Это его дѣло! — какъ-то уклончиво произнесъ швейцаръ.—Ея сіятельство княгиня Марина Осиповна—ангелъ.

— Ну, такъ вотъ вы и дайте мнѣ возможность ее видѣть,— попросила Катерина Александровна.

— Ни-ни! Не могу, — замоталъ головою старикъ. — Не приказано! Сверху не приказано!

— Ну, такъ я буду ждать ее на улицѣ,— рѣшила Катерина Александровна, направляясь къ двери.

— Слушайте, — тихо заговорилъ онъ.— Очень мнѣ васъ жаль стало, понапрасну вы будете здѣсь пороги обивать. Поѣдетъ ея сіятельство княгиня Марина Осиповна, выйдутъ съ нею два лакея и оттонятъ васъ отъ кареты. И я помогу имъ, а она скажетъ вамъ на ходу: «Обратитесь въ домовую контору». Такъ ничего и не выйдетъ.

Старикъ пристально посмотрѣлъ на нее и молча, съ какою-то таинственною миной остановилъ ее за рукавъ салопа.

— Стойте!..

Онъ неторопливо подошелъ къ дверямъ, замкнулъ ихъ на ключъ и, возвратясь къ Катеринѣ Александровнѣ, провелъ ее въ низенькую дверь подъ лѣстницей. Они очутились въ маленькой комнаткѣ съ небольшимъ окномъ, это была чистенькая, крошечная конура старика.

Старикъ сталъ нюхать табакъ. Катерина Александровна начала терять всякую надежду. Ея собесѣдникъ всталъ, выглянулъ изъ дверей своей конурки, осмотрѣлъ сѣни и потомъ снова возвратился на свое мѣсто.

Digitized by Google

— А если вы хотите чего-нибудь добиться, и если только вы меня не выдадите, такъ я вамъ скажу, что дѣлать.

Молодая дѣвушка дала честное слово старику, что она не выдастъ его.

— Вы воспитывались подъ вѣдѣніемъ ея сіятельства княгини Марины Осиповны,—заговорилъ онъ.—Такъ, можетъ, вы знаете камеръ-юнферу нашу, Глафиру Васильевну. Она къ вамъ въ школу ѣздила.

Прилежаева отвѣтила утвердительно.

— Чего-жъ вы къ ней-то не шли? Думали-то чего?

— Изъ памяти она вышла.

— То-то изъ памяти она вышла!—повторилъ старикъ.— А ее надо помнить: какъ она что скажетъ, такъ тому и быть. Ея сіятельство княгиня Марина Осиповна ангелъ. Ну, такъ вотъ идите вы къ нашей камеръ-юнферѣ Глафирѣ Васильевнѣ и просите ее. Да смотрите, ни гу-гу о томъ, что я это вамъ совѣтъ далъ.

Старикъ всталъ, снова осмотрѣлъ сѣни и тайкомъ выпустилъ Катерину Александровну на улицу.

Черезъ пять минутъ дѣвушка уже сидѣла въ комнатѣ худенькой, высокой старушки въ темномъ шелковомъ платьѣ, въ тюлевомъ чепцѣ. Старушка ласково хлопала Катерину Александровну по плечу и поила ее кофеемъ. Эта старушка была Глафира Васильевна, бывшая крѣпостная, выросшая вмѣстѣ съ княгиней и оставшаяся навсегда въ дѣвушкахъ только потому, что княгиня не хотѣла ее отпустить отъ себя и говорила, что безъ Глафиры она, княгиня, не можетъ жить. Глафира Васильевна, какъ бы въ вознагражденіе за жертву, принесенную ею барынѣ, пользовалась сильнымъ вліяніемъ на Гиреева. Она, усадивъ Прилежаеву, поминутно выбѣгала изъ своей комнаты въ комнаты только-что проснувшейся княгини и каждый разъ говорила Катеринѣ Александровнѣ:

— Погодите, погодите! Сейчасъ вернусь! Ахъ, бѣдная, бѣдная!

Катерина Александровна разсказывала старушкѣ свою исторію. Наконецъ, исторія была досказана. Глафира Васильевна допила кофе.

— Ну, повернитесь-ка передо мною,—обратилась она къ Прилежаевой и начала оправлять ея платье. — Такъ хорошо! Теперь ступайте къ княгинѣ.

— Какъ же безъ доклада? — удивилась Катерина Александровна.

Digitized by Google

— Какъ безъ доклада? Да я ужъ ей и исторію-то вашу всю разсказала, она ужъ съ четверть часа ждетъ, когда вы кофей допьете.

Катерина Александровна не могла придти въ себя отъ изумленія. Миновавъ небольшую гардеробную и раздвинувъ двойныя тяжелые занавѣсы, отдѣлявшіе вмѣсто дверей эту комнату отъ слѣдующей комнаты, Катерина Александровна очутилась въ уютной, убранной цвѣтами спальнѣ княгини. Княгиня сидѣла на маленькомъ диванчикѣ и быстро поднялась съ мѣста, увидѣвъ Катерину Александровну.

— Черненькіе глазки, милые черненькіе глазки! — заговорила она и, взявъ своими пухленькими руками голову молодой дѣвушки, поцѣловала ее въ лобъ. — И не стыдно забыть меня! Столько горя перенести и не обратиться ко мнѣ!

— Я боялась...—начала Прилежаева.

— Меня-то, меня-то боялась?—быстро перебила ее княгиня, качая своею сѣдою головой.

— Боялась безпокоить васъ.

— Да кого же вамъ и безпокоить, какъ не меня. Я должна быть матерью тѣхъ дѣтей, которыя воспитывались у меня.

— Я подавала вамъ просьбу...

— Когда?

— Недѣлю тому назадъ.

— Глафира, Глафира!—позвала княгиня.

— Я здѣсь! — отозвалась изъ гардеробной Глафира Васильевна.

— Къ намъ опять письмо не дошло. Каково это тебѣ покажется?

— Что-жъ тутъ удивительнаго!—отозвалась Глафира Васильевна, гремя ключами.

— Она ничему не удивляется!—добродушно махнула рукой княгиня. — Какъ же вы, мой другъ, послали просьбу, хорошо ли написали адресъ?

— Я сама ее передала господину Воронову.

— Глафира, Глафира!—позвала княгиня.—Ты слышишь, она сама Воронову отдала просьбу. Это онъ опять позабылъ передать.

— Ну, да, позабылъ!—сердито отозвалась Глафира Васильевна и хлопнула дверцами шкапа.

— Сердится!—тихо проговорила княгиня.

— Онъ вамъ и никогда ни одной просьбы не передастъ,—послышался голосъ Глафиры Васильевны.

Digitized by Google

— А я его выгоню, вотъ и все!—отвѣтила княгиня.

— Вы выгоните!—съ упрекомъ отозвалась Глафира Васильевна.

— Ну, теперь пойдетъ ворчать!—добродушно промолвила княгиня.— Вѣдь онъ мой крестовый братъ,— обратилась она къ молодой дѣвушкѣ.—Онъ пятьдесятъ лѣтъ намъ служитъ. Сколько онъ тоже вынесъ на своемъ вѣку!—вздохнула старушка и задумалась.

Прошло около двухъ часовъ съ той минуты, когда Прилежаева вошла въ комнату Глафиры Васильевны, а между тѣмъ въ эти два часа судьба дѣвушки уже совершенно перемѣнилась. Она уже имѣла вѣрную надежду получить мѣсто помощницы въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ; она уже могла не заботиться о своей одеждѣ, такъ какъ у нея въ рукахъ былъ цѣлый узелъ довольно дорогихъ нарядовъ; она уже могла не бояться голодной смерти, такъ какъ въ ея карманѣ было пятьдесятъ рублей денегъ, и ей было дано позволеніе обращаться со всѣми просьбами къ княгинѣ.

— Только въ контору не ходите,—говорила ей Глафира Васильевна.—Тамъ вѣдь псы наши, да тѣлохранители стерегутъ княгиню. Она, видите, добра, такъ къ ней на шею и насѣли разные родственники. Вотъ, слышите, заливаются въ ея спальнѣ,—это племянники, племянницы, сиротки. У самихъ тысячи, сами въ пажескомъ корпусѣ воспитываются, въ гвардіи служатъ, а у тетушки на шеѣ сидятъ. Они съ Вороновымъ, съ холопами стакнулись, каменную стѣну около княгини выстроили, чтобы она бѣднымъ гроша не могла дать лишняго. И на меня зубы точатъ, ну, да это еще углемъ въ трубѣ писано, кто кого пересилитъ. Небось, когда она больна, такъ ночей-то я не сплю, а они по баламъ рыскаютъ.

Еще долго говорила Глафира Васильевна въ этомъ тонѣ, и только къ тремъ часамъ удалось Катеринѣ Александровнѣ уѣхать домой съ радостною вѣстью, съ веселымъ лицомъ. Молодая дѣвушка пріѣхала домой и очень удивилась, заставъ въ своей конурѣ неожиданнаго гостя, покуривавшаго съ очень важнымъ видомъ грошовую сигару, и о чемъ-то ораторствовавшаго такимъ тономъ, какимъ говорятъ только въ самомъ избранномъ кругу. Около гостя стояли, разинувъ рты, маленькія дѣти и сидѣлъ Антонъ, облокотясь обѣими руками на столъ и внимательно вслушиваясь въ то, что говорилъ гость. Этотъ гость былъ штабсъ-капитанъ Прохоровъ. Завидѣвъ Катерину Александровну, онъ ловко раскланялся и проговорилъ:

Digitized by Google

— Можно ли поздравить съ успѣхомъ? Пришелъ освѣдомиться о результатахъ нашихъ военныхъ дѣйствій противъ хищной птицы.

— Все кончилось счастливо, очень счастливо! — промолвила Катерина Александровна съ улыбкой, пожимая шаршавую руку философа.

— Очень радъ, очень радъ, — произнесъ онъ, потрясая ея руку.

Катерина Александровна начала по порядку разсказывать свои похожденія. Она настолько смѣшно передала свои столкновенія съ Шершневой, съ Оболенской, съ швейцаромъ Гиреевой, что Антонъ и штабсъ-капитанъ хохотали отъ всей души, а Марья Дмитріевна только вздыхала и изрѣдка утирала навертывавшіяся на ея глаза слезы. Когда же Катерина Александровна начала разсказывать, какъ швейцаръ заперъ ее въ свою каморку, чтобы дать ей благой совѣтъ, какъ встрѣтила ее Глафира Васильевна, какъ приняла Гиреева,—Марья Дмитріевна окончательно расчувствовалась и расплакалась, поминутно крестясь и благословляя «добрыхъ людей».

— Я рада одному, что матери теперь не придется больше ходить по разнымъ переднимъ и канючить о помощи,—закончила Катерина Александровна.—Я бы, кажется, ни на минуту не задумалась и отказалась бы отъ подарковъ княгини, если бы эти подарки не были такъ необходимы теперь. Они дадутъ намъ возможность не просить болѣе ничего.

— Ну, прелестнѣйшая Катерина Александровна,—началъ своимъ философскимъ тономъ штабсъ-капитанъ:—при всемъ моемъ уваженіи къ прекрасному полу, я не могу согласиться съ вами. Отчего же и не просить у тѣхъ, кто можетъ дать?

— Да что-жъ за радость унижаться?—возразила молодая дѣвушка.

— Какое же тутъ униженіе! У одного есть, у другого нѣтъ, ну, послѣдній и идетъ къ первому и говоритъ: подѣлись-ка, братецъ ты мой, со мною. Это просто круговая порука между своими.

Штабсъ-капитанъ затянулся сигарою, пустилъ клубъ дыма и началъ развивать свою философію.

— Вотъ-съ, возьмите вы хоть, напримѣръ, меня, — началъ онъ дидактическимъ тономъ. — Я военный человѣкъ. Я сражался. За что я сражался? Солдатъ защищалъ свой

Digitized by Google

домъ, свою деревню, гдѣ жили его отецъ и мать, его сестры и братья. У меня не было ни кола, ни двора, ни родныхъ. Но я сражался, сражался потому, что я былъ дворянинъ, и защищалъ свое отечество, то-есть богатыхъ коммерсантовъ, чтобы они могли спокойно продолжать свою торговлю, моихъ собратьевъ-дворянъ, чтобы они могли спокойно улучшать свои имѣнія, — я защищалъ спокойствіе всѣхъ тѣхъ, которые не были на войнѣ. И говорю вамъ, какъ честный инвалидъ, я никогда не думалъ, что я имъ оказываю милость. Я исполнялъ свой долгъ. Но я не успѣлъ дослужиться до полной пенсіи, не успѣлъ обезпечить себѣ кусокъ хлѣба на старые годы. Благодарное отечество за мои услуги опредѣлило моихъ дѣтей въ корпуса; но все же оно не могло дать мнѣ столько хлѣба, сколько мнѣ было нужно. Конечно, я ни на минуту не задумался и пошелъ къ тѣмъ, кого я защищалъ, объявилъ, что такъ и такъ, проливалъ кровь, теперь не имѣю пропитанія, прошу подѣлиться, чѣмъ можете. Чего же мнѣ краснѣть? Мы просто оказывали другъ другу взаимныя услуги, и ужъ если считаться услугами, такъ я съ гордостью могу сказать, что я оказалъ услугу первый.

Штабсъ-капитанъ снова затянулся сигарой и пустилъ клубъ дыма, вполнѣ довольный своею философіею. Катерина Александровна улыбалась, слушая эти странныя рѣчи. Она не возражала штабсъ-капитану и только шутливо замѣтила:

— Вы, можетъ-быть, и правы, капитанъ, но мы-то съ матушкой въ военной службѣ не служили и крови за благодѣтелей не проливали.

— Прелестнѣйшая Катерина Александровна, я только-что хотѣлъ перейти къ обсужденію этого вопроса,—произнесъ штабсъ-капитанъ.

Марья Дмитріевна, исчезавшая на время изъ комнаты, возвратилась теперь къ собесѣдникамъ и подала на столъ кофе, булки и сухари. Всѣ придвинулись къ столу и заранѣе наслаждались возможностью напиться кофе, то-есть попировать такъ, какъ семья давно уже не пировала. Штабсъ-капитанъ вынулъ вторую грошовую сигару и вѣжливо попросилъ позволенія закурить ее; позволеніе, конечно, дали, хотя конура Прилежаевыхъ уже вся переполнилась табачнымъ дымомъ. За столомъ присутствовала и старая нищая, съ которою очень развязно раскланялся старый служака.

— Вы совершенно справедливо изволили замѣтить,—на-

Digitized by Google

чалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь къ Катеринѣ Александровнѣ: — что вы и ваша матушка не проливали крови за своихъ благодѣтелей и не оказывали имъ услугъ, за которыя вы имѣли бы право пользоваться ихъ благодѣяніями. Но положимъ, что у вашей матушки нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, никакой работы. Что она станетъ дѣлать? Воровать или...

— Что это вы, батюшка, Флегонтъ Матвѣевичъ, да развѣ я воровка какая! — обидчиво воскликнула Марья Дмитріевна.—Да избави меня Богъ! Я...

— Почтеннѣйшая Марья Дмитріевна,—быстро перебилъ ее штабсъ-капитанъ.—Вѣдь это мы отвлеченно, отвлеченно обсуждаемъ вопросъ. Тутъ ни вы, ни кто-нибудь другой, а вообще, понимаете, вообще бѣдный человѣкъ служитъ, такъ сказать, предметомъ нашей бесѣды. Итакъ, говорю я, бѣдный человѣкъ, не имѣя почему-либо ни средствъ, ни работы, долженъ воровать или умереть съ голоду, или даже рѣшиться на самоубійство. Теперь-съ, что же дѣлаетъ онъ, если онъ не воруетъ, не умираетъ съ голоду, не убиваетъ себя, а обращается къ благодѣтелямъ? Онъ даетъ благодѣтелямъ, такъ сказать, одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ случаевъ не только избавить его отъ грѣха и гибели, но и спасти ихъ собственныя души, оказать услугу и отечеству, и себѣ, и Богу.

Катерина Александровна улыбнулась.

— Нѣтъ-съ, вы не смотрите такъ легко на этотъ предметъ, прелестнѣйшая Катерина Александровна,—возразилъ съ горячностью штабсъ-капитанъ, замѣтивъ улыбку молодой дѣвушки. — Это вопросъ серьезный. Бѣднякъ долженъ гордиться, именно гордиться тѣмъ, что онъ не смалодушествовалъ, а пошелъ къ своимъ ближнимъ и за какіе-нибудь три рубля далъ имъ возможность совершить великое дѣло спасенія человѣка отъ грѣха, избавленія отечества отъ преступника, возвращенія въ лоно Божіе чистой души.

Марья Дмитріевна прослезилась, а старуха-нищая прошамкала:

— Извѣстно, молитвами нашими живутъ благодѣтели.

— И теперь вотъ если благодѣтели дадутъ, напримѣръ, средства вашей уважаемой матушкѣ воспитать дѣтей,—продолжалъ философъ: — какая это будетъ достойная умиленія картина! Достойная мать не гибнетъ съ голоду, она воспитуетъ дѣтей наилучшимъ образомъ, она приготовляетъ будущихъ честныхъ гражданъ отечеству. Они дѣлаются вои-

Digitized by Google

нами, докторами, судьями, они охраняютъ интересы своихъ богатыхъ собратьевъ. А кто эти собратья? Это дѣти тѣхъ, которые подали руку помощи ихъ матери. И эти люди, и мать этихъ дѣтей давно уже на небесахъ и смотрятъ съ любовью на новыя поколѣнія, поднятыя ихъ взаимными усиліями!

Штабсъ-капитанъ торжественно затянулся сигарой и, развалившись на ветхомъ стулѣ, началъ самодовольно пить кофе.

— Это, Катя, истинная правда!—вздохнула Марья Дмитріевна.—И гдѣ это вы, батюшка, такъ говорить научились?

— Житейскій опытъ, странствованія по бѣлому свѣту!— промолвилъ штабсъ-капитанъ и весело обратился къ дѣтямъ съ какою-то шуткою.

— Жаль только, капитанъ, что богатые-то совершенно иначе смотрятъ на насъ,—усмѣхнулась Катерина Александровна.

— Помилуйте, прелестнѣйшая Катерина Александровна, что намъ за дѣло, какъ на насъ смотрятъ другіе,—воскликнулъ философъ.—Вотъ посмотрѣли бы вы, какъ турки на насъ смотрѣли; по вашему мнѣнію, пожалуй, намъ и бить бы ихъ не слѣдовало?

Вечеръ прошелъ быстро и незамѣтно. Семья была счастлива и съ надеждой смотрѣла на будущее. Прощаясь съ штабсъ-капитаномъ, всѣ, и даже Антонъ, просили старика не забывать ихъ.

VI.

Послѣдній вечеръ въ родномъ углу.

Начинало смеркаться. На улицѣ снѣгъ валилъ хлопьями, покрывая все своимъ бѣлымъ саваномъ. Въ квартирѣ Прилежаевыхъ уже давно горѣла сальная свѣча. Катерина Александровна торопливо дошивала себѣ новое платье; ея маленькіе братишка и сестра копошились въ углу, играя какими-то тряпками. Ихъ по обыкновенію почти не было слышно. Они сидѣли смирно и серьезно шептались, какъ взрослые, боящіеся помѣшать своимъ занятымъ работою ближнимъ. Въ этой сдержанности было что-то болѣзненное, въ этой серьезности было что-то старческое. Въ комнатѣ царствовала убійственная тишина. Отъ времени до времени дѣвушка вставала, оставляя работу и направляясь въ кухню поправить дрова на очагѣ и посмотрѣть на чайникъ, давно уже бурлившій кипѣвшею водою.

Digitized by Google

— Что, касатка, мать-то съ братишкой все не идутъ?— сиплымъ голосомъ спрашивала нищая, лежавшая на кухнѣ.

— Да, запоздали гдѣ-то,—задумчиво отвѣчала дѣвушка.

— Видно опять у благодѣтельницы своей дежурятъ.

— Должно быть. И что она ихъ держитъ до поздней ночи!

— Блаженненькая она, какъ есть блаженненькая,—вздохнула нищая.—А добрая, добрая, нечего Господа Бога гнѣвить. Вотъ, если на улицѣ какую-нибудь старушку Божію съ узломъ встрѣтитъ, остановитъ, разспроситъ, въ свою коляску посадитъ, по пути довезетъ. Все, говоритъ, отдохнешь немного... Не гнушается бѣднымъ человѣкомъ...

— Она вонъ и чай спитой даетъ, все, говоритъ, будетъ чего напиться по утру,—замѣтила дѣвушка, и въ ея словахъ прозвучала иронія.

— Какъ же, какъ же, всегда дастъ, съ пустыми руками никого не отпуститъ,—добродушно проговорила старуха, не замѣчая ироническаго тона дѣвушки.—Вотъ и вамъ тоже благодѣянія оказываетъ.

— А что вы-то къ ней не ходите, если она такая добрая?—уже совсѣмъ сердито промолвила Катерина Александровна.

— Далеко, родная, далеко, — простонала старуха. — Ноженьки не таскаютъ... Я больше по своему приходу... Благодѣтели здѣшніе грошикъ, другой даютъ на хлѣбецъ старушкѣ; все купечество больше...

— Видно эти грошики-то выгоднѣе собирать, чѣмъ спитымъ чаемъ угощаться,—замѣтила дѣвушка.

— И, мать моя, намъ нельзя разбирать, что даютъ. Грошикъ дадутъ, и за то благодареніе Богу. Чайку щепоточку сунутъ, и то милость Господня. Мы, какъ птицы небесныя, не сѣемъ, не жнемъ и по зернушку собирать должны и за кажинное зернушко должны славословить Господа. И на что мы, нищіе-то, нужны бы были, если бы мы не славословили Господа? Молода ты, горя-горькаго мало ты видѣла, а доживешь до моихъ годовъ—будешь знать, что всякое даяніе благо. Чайку тебѣ сунутъ — это твой грошикъ сберегутъ, хлѣба тебѣ въ суму положатъ, это твою копейку на черный день отложатъ. А черныхъ-то дней, черныхъ-то дней, мать моя, у тебя еще непочатой уголъ... Ты вотъ говоришь, деньги, видно, выгоднѣе сбирать. Охъ, мать моя касатка, много ли бы денегъ-то ты собрала, кабы тебѣ пришлось и хлѣбушка купить, и за уголъ деньги отдать. Тоже вѣдь даромъ никто не станетъ держать... Вотъ полтину вамъ за

Digitized by Google

доску плачу, а полтину-то не легко по грошику собрать. Узнаешь, касатка, все узнаешь, какъ старость уму-разуму научитъ.

Молодая дѣвушка уже совершенно безмолвно стояла у огня и слушала эту прерывавшуюся отъ кашля, сиплымъ голосомъ произносимую рѣчь, выходившую изъ темнаго угла, какъ изъ пропасти. Что-то зловѣщее было въ этихъ пророческихъ словахъ, въ этихъ удушливыхъ сиплыхъ звукахъ, въ этой печальной обстановкѣ. Темная конура, едва виднѣвшаяся угрюмая фигура нищей, сидѣвшей среди лохмотьевъ на постели, стройная фигура блѣдной дѣвушки съ большими черными глазами, съ вьющимися черными волосами, озаренная яркимъ огнемъ—все это было достойно кисти художника. Огонь ярко и рѣзко озарялъ молодое лицо, а слова старухи дѣлали все мрачнѣе, и мрачнѣе его выраженіе. «Доживешъ до моихъ годовъ, будешь и щепоткой спитого чая дорожить», звучало въ ушахъ дѣвушки. Но неужели и впереди, въ этомъ длинномъ рядѣ дней, мѣсяцевъ и лѣтъ, десятковъ лѣтъ будетъ все та же нищета, все то же горе? Неужели не настанетъ свѣтлыхъ дней, не настанетъ полной перемѣны? Первыя столкновенія дѣвушки и ея семьи съ обществомъ не обѣщали ничего особенно отраднаго, не пробуждали никакихъ особенно свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Эти столкновенія ясно показали молодому существу, что у общества придется завоевать каждый шагъ, каждый грошъ, каждую пядь земли, завоевать въ тяжкой и упорной борьбѣ съ глупостью, съ черствостью, съ враждою. Хватитъ ли силъ на эту борьбу безъ всякой поддержки, безъ всякой надежды на побѣду? На эти вопросы у Катерины Александровны не было отвѣтовъ, но она сознавала теперь только одно то, что она будетъ бороться за себя, за сестру, за братьевъ,—бороться до послѣдней капли крови. Въ послѣдніе дни она какъ будто выросла, возмужала; въ ней вполнѣ укрѣпилось сознаніе, что она не можетъ дольше выносить эту жизнь, какъ выносила ее Марья Дмитріевна, что ей легче въ могилу лечь, чѣмъ безропотно сознаться въ безысходности положенія и покориться своей волѣ. Смерть отца дала еще большій толчокъ ея недюжинному уму, и теперь этотъ умъ работалъ, не зная покоя. Удастся ли ему успокоиться, достигнувъ желанной цѣли, или придется ему вѣчно волноваться, мучиться, терзаться и быстро догорѣть среди неисполненныхъ желаній, среди неудавшихся плановъ, среди осмѣянныхъ жизнью свѣтлыхъ грёзъ.

Digitized by Google

Дѣвушка вдругъ вздрогнула: ей послышался какой-то шумъ, стукъ дверей, и черезъ минуту передъ нею стояли двѣ знакомыя, покрытыя снѣгомъ, иззябшія фигуры матери и брата.

— Занесло, родные, снѣжкомъ занесло? — пробормотала старуха.—Касатка-то наша ждала, не дождалася...

— Умаялась,—тихо проговорила Марья Дмитріевна.

Антонъ быстро раздѣлся и подошелъ къ сестрѣ погрѣться у огня.

— Усталъ?—спросила сестра.

— Иззябъ,—отвѣчалъ братъ.—Мы вѣдь пріѣхали.

— Чаемъ сейчасъ напою. Гдѣ были?

— У Бѣлокопытихи! Измаяла, окаянная! — лаконически отвѣтилъ мальчуганъ.—Конецъ! Не стану больше по городу шляться, пороги обивать.

— Не станешь?—вопросительно взглянула на него сестра.

— Въ школу бѣдныхъ сиротъ упрячутъ,—отвѣтилъ онъ.

— Скоро?

— Завтра.

Сестра вздохнула и быстро завозилась около чайника, стараясь скрыть слезы. Черезъ пять минутъ все общество собралось около стола за чаемъ.

— Ну, дѣтки, послѣдній разъ родительскаго чайку вечеромъ напьетесь,—проговорила Марья Дмитріевна, наливая кружки и чашки.—Въ послѣдній...

Она смолкла, глотая слезы и не поднимая глазъ. Всѣ какъ-то особенно притихли. Въ сердцѣ каждаго присутствующаго слова матери отдались тупою, давящею болью. Повидимому, никто и ничего не терялъ, покидая этотъ смрадный подвалъ, гдѣ были пережиты годы голода, холода и брани пьянаго отца, гдѣ слышались стоны больныхъ дѣтей, видѣлись трупы умиравшихъ братьевъ и сестеръ, появлялось блѣдное, изнуренное до нѣмой безропотности лицо матери, раздавались сиплые оханья и стоны старухи нищей. Каждому предстояла, повидимому, лучшая участь: старшаго брата завтра хотятъ свести въ «школу бѣдныхъ сиротъ», меньшихъ брата и сестру отдадутъ въ пріюты, старшая сестра черезъ два дня уходитъ на мѣсто, помощницею въ пріютъ, мать переѣзжаетъ въ болѣе чистый уголъ... О чемъ же эта грусть? Но о чемъ тоскуетъ, о чемъ вспоминаетъ съ замираніемъ въ сердцѣ эмигрирующій бѣднякъ? Не о томъ ли строѣ жизни, къ которому онъ привыкъ! не о тѣхъ ли людяхъ. съ которыми онъ уладился, размежевался? При-

Digitized by Google

выкать къ новой обстановкѣ, мѣнять извѣстное на неизвѣстное, сживаться съ незнакомыми людьми—это такъ тяжело. Я не знаю такого новаго положенія, переходя къ которому не вздрогнулъ бы человѣкъ, не поддался бы хоть на минуту той мысли, что не лучше ли остановиться и жить старою жизнью! Но если бы поглубже взглянуть на дѣло, то будущее нашихъ героевъ не могло казаться имъ и лучшимъ. Голодные, они жили въ своемъ углу, жили, вмѣстѣ страдая, жалѣя другъ друга, и пользовались тою свободой, которою можетъ пользоваться человѣкъ въ своемъ углу. Теперь имъ приходилось ломать свои характеры, свои привычки, свое настроеніе духа сообразно съ уставами, приказаніями и цѣлями другихъ людей. Теперь ихъ могутъ заставить говорить и молчать по волѣ другихъ, ихъ могутъ кормить и поить, когда это захочется другимъ: можетъ-быть, никто не захочетъ слушать, и во всякомъ случаѣ никто не заинтересуется ихъ личными впечатлѣніями. Здѣсь страшный сонъ, видѣнный кѣмъ-нибудь изъ нихъ ночью, вызывалъ сочувствіе всѣхъ,—тамъ опасная болѣзнь, серьезныя тревоги за участь родныхъ не вызовутъ никакого участія. Здѣсь рѣдкіе, но теплые поцѣлуи матери, братьевъ, сестеръ,—тамъ сухія приказанія начальства. Даже старуха нищая сидѣла печально,—она оставалась въ томъ же углу, переходила, какъ необходимая принадлежность этого угла, въ наслѣдство новымъ жильцамъ,—но она не знала, каковы будутъ эти люди, напоятъ ли они ее чаемъ, дадутъ ли ей порою кусокъ хлѣба, не станутъ ли ругаться, не обокрадутъ ли—потому что нѣтъ такого человѣка, котораго не могъ бы обокрасть его ближній.

Но сильнѣе всѣхъ чувствовалась разлука съ роднымъ гнѣздомъ Антономъ. Онъ не только разставался съ любимой сестрой, но покидалъ дорогія ему мѣста и образъ жизни, съ которымъ онъ успѣлъ сродниться. Антонъ росъ страннымъ ребенкомъ. Его мать говорила, что онъ похожъ на деревенскаго мальчика. Это было отчасти правдой. Онъ былъ дикъ при встрѣчахъ съ чужими людьми, особенно съ господами; онъ никогда не рѣшался принять какой-нибудь пряникъ, предлагаемый ему какимъ-нибудь добродушнымъ встрѣчнымъ въ лавкѣ; онъ не умѣлъ толково отвѣчать на вопросы незнакомыхъ людей и былъ, повидимому, очень неразвитымъ созданьицемъ, смотрѣвшимъ хмуро и исподлобья на постороннихъ людей. Эти люди называли его букой. Но онъ не былъ ни глупъ, ни угрюмъ, ни неразвитъ, когда онъ находился въ своей сферѣ. Онъ былъ даже нѣжнымъ, весе-

Digitized by Google

лымъ, смѣшливымъ ребенкомъ, когда ему приходилось жить своею обыкновенною жизнью, къ которой онъ привыкъ чуть не съ колыбели. Мы видѣли, что онъ жилъ въ сыромъ и грязномъ подвалѣ, что онъ нерѣдко голодалъ, что его отецъ былъ грубъ и пилъ до бѣлой горячки, но мы сказали бы неправду, если бы стали утверждать, что во мракѣ этой жизни ребенокъ не сумѣлъ бы создать свой свѣтлый своеобразный мірокъ. Лѣтъ пяти или шести Антонъ уже началъ сопровождать свою мать лѣтомъ на рѣчку, гдѣ бѣдная женщина обыкновенно полоскала бѣлье. Отвосъ берега, покрытый травою, опрокинутыя на берегу лодки, утки, кувыркающіяся въ мелкой рѣчонкѣ, въ поискахъ за червями, куры, забирающіяся подъ лодки, и какъ бы окаменѣвшій въ глубокомысленномъ раздумьи пѣтухъ, стоящій на берегу,— все это интересовало ребенка. Еще болѣе радовало его, когда онъ могъ поднять выше колѣнъ рваныя панталоны и ходить вмѣстѣ съ дѣтьми сосѣдей около берега въ водѣ, шаловливо брызгая ею во всѣ стороны или отыскивая въ вязкой землѣ букашекъ. Цѣлые дни проводились мальчуганомъ на этомъ берегу въ теченіе всего лѣта. Наступала зима—мальчуганъ катался на рогожѣ съ обледенѣвшаго откоса, скользилъ по расчищенному льду, воображая, что онъ катается на конькахъ. По цѣлымъ часамъ стаивалъ онъ въ праздничные дни передъ какой-нибудь кучкой разгулявшихся фабричныхъ и, заложивъ за спину ручонки, съ разинутымъ ртомъ слушалъ и ихъ удалыя пѣсни, и развеселые звуки гармоники, иногда внезапно переходившіе въ какіе-то мучительные, медленные не то стоны, не то вздохи. Такіе же точно переходы замѣчались и въ самомъ весельи этого люда,— оно иногда начиналось безшабашно удалымъ смѣхомъ и беззаботными шутками, потомъ гулякамъ какъ будто становилось еще тяжелѣе отъ этого смѣха, отъ этихъ шутокъ, и они все чаще заглядывали въ ближайшій кабачокъ; наконецъ, въ сумеркахъ уже слышались крупная брань, проклятія, плачъ и женскій визгъ. Съ каждымъ годомъ все шире и шире дѣлалась область наблюденій Антона. Скоро онъ узналъ, какъ весело смотрѣть на рыбную ловлю на бердовскихъ тоняхъ и самъ смастерилъ себѣ удочку, съ которою, забравшись куда-нибудь на судно, на плотъ, на барку, просиживалъ цѣлые часы, добывая иногда къ ужину изрядное количество мелкой рыбы. Познакомился онъ и съ «голубятнею». Подъ этимъ именемъ былъ извѣстенъ окрестнымъ жителямъ одинъ каменный домъ, выходившій фасадомъ на

Digitized by Google

рѣчку. Его можно было узнать издали, такъ какъ онъ сплошь, отъ крыши до мостовой, по карнизамъ и окнамъ, былъ покрытъ голубями. Ни днемъ, ни ночью они не слетали съ него; никогда не было на немъ ни одного мѣстечка, свободнаго отъ нихъ. Издали онъ казался почти чернымъ. Ежедневно изъ года въ годъ, зимой и лѣтомъ, хозяинъ дома кормилъ своихъ пернатыхъ гостей, знавшихъ его такъ же хорошо, какъ знали его окрестные жители. Но не голуби привлекали здѣсь вниманіе Антона. У этого дома собирались и другія «птицы»,—это были оборванныя, грязныя дѣти съ рогожеными мѣшками и палками съ желѣзными крючьями на плечахъ. Блѣднолицыя, иногда голодныя, злыя, дерзкія и наглыя, переругиваясь между собою, высыпали они изъ воротъ «голубятни» и расходились въ разныя стороны, въ далекое странствованіе по заднимъ дворамъ и помойнымъ ямамъ города. Каждый изъ нихъ уже усѣлъ быть заподозрѣннымъ въ воровствѣ, каждый изъ нихъ уже испыталъ, какъ тяжелы кулаки дворниковъ, каждый изъ нихъ уже зналъ, какъ выглядятъ арестантскіе покои при полиціи. Нѣкоторые изъ нихъ были уже дѣйствительными ловкими ворами, другіе уже умѣли тянуть сивуху, третьи давно уже искусились въ развратѣ. Часто видѣлъ Антонъ, какъ они возвращались по вечерамъ къ «голубятнѣ», усталые, сгорбленные подъ тяжестью вонючихъ мѣшковъ. Его поражала зеленоватая блѣдность ихъ лицъ, поражалъ запахъ, царившій около голубятни, поражали ожесточенныя драки и отборная брань этихъ исхудалыхъ дѣтей, когда они выходили изъ этого дома, на которомъ уже давно дремали, словно приросшіе къ стѣнѣ, жирные голуби. Быть-можетъ, онъ не разъ сравнивалъ этихъ воркующихъ сытыхъ голубей съ этою озлобленною голодною толпой; быть-можетъ, у него не разъ сжималось дѣтское сердце, когда эти блѣдныя дѣти медленно тащились въ далекій путь для отыскиванія въ помойныхъ ямахъ, въ грязи, тряпокъ, за которыя имъ дадутъ жалкій кусокъ хлѣба, тащились въ то время, когда голуби съ веселымъ мелодическимъ шумомъ большими стаями слетались вокругъ насыпаннаго имъ корма. Черезъ долгіе годы Антонъ самъ не могъ дать себѣ отчета, задумывался ли онъ въ дѣтствѣ надъ этимъ контрастомъ: но онъ сознавался, что жизнь «голубятни», видѣнная имъ ежедневно въ годы дѣтства, играла не послѣднюю роль въ направленіи его развитія. Особенно ясно врѣзались въ память Антона слова, сказанныя его отцомъ, когда однажды отецъ и сынъ проходили

Digitized by Google

мимо «голубятни». Поровнявшись съ «голубятнею», Александръ Захаровичъ мотнулъ головой и пробормоталъ:

— Ишь, птицъ людьми кормятъ!

Антонъ не понялъ тогда словъ отца, но онъ невольно вздрогнулъ, когда масса голубей, испуганная ими, съ шумомъ приподнялась съ земли и закружилась черною сѣтью надъ ихъ головами. Его дѣтскому воображенію представилось, что онъ никакъ бы не справился съ этою стаей птицъ, если бы онѣ напали на него. Подъ вліяніемъ невольнаго страха онъ побѣжалъ впередъ.

— Что, испугался, что отдамъ имъ на съѣденіе? — послышался ему вслѣдъ вопросъ отца.—Небось, еще не годишься, въ тѣло не вошелъ.

Эти слова отца, его безнадежно холодный тонъ навсегда остались въ памяти Антона. А сколько подобныхъ фразъ уцѣлѣло въ памяти Катерины Александровны!

Мальчикъ началъ довольно рано работать. Ловля рыбы, приносившая очень незначительную пользу, считалась имъ просто забавой. Но у него былъ и болѣе серьезный трудъ. На восьмомъ году жизни онъ не только помогалъ матери таскать корзины съ бѣльемъ, но и началъ ѣздить съ отцомъ на взморье, на ловлю дровъ, помогалъ отцу пилить небольшія доски. Рано утромъ, забравъ съ собою хлѣба и луку, иногда огурцовъ, если огурцы были уже дешевы, отецъ и сынъ отправлялись въ путь. Пробираясь среди кораблей, пароходовъ и лайбъ, они направлялись къ островамъ и забирали въ свою лодку каждую щепочку, каждое полѣно, каждый кусокъ березовой коры. Нерѣдко попадала ихъ лодчонка на мель, иногда наталкивалась на мертвыя тѣла, раздутыя и посинѣвшія, тихо плывшія по теченію; норою заставали ихъ буря и дождь, но, несмотря на страхъ и опасности, Антонъ любилъ эти поѣздки. Любилъ ихъ и за то чувство приволья, которое разливалось во всемъ его существѣ, когда они приставали гдѣ-нибудь около пустыннаго зеленаго острова, гдѣ совершалась ими ихъ скудная трапеза, гдѣ отецъ ложился отдохнуть, гдѣ мальчикъ бродилъ по малорослому лѣсу, отыскивая ягоды или грибы, или сидѣлъ на берегу и любовался широкою гладью яснаго и тихаго залива, облитаго яркими лучами солнца. Любилъ онъ, освободившись отъ своихъ лохмотьевъ, купаться въ этой прозрачной водѣ, бросать рикошетомъ камушки, считая, сколько разъ прыгнутъ они по водѣ, рыться въ пескѣ, отыскивая отполированные водою древесные угли и обломки.

Digitized by Google

кирпичей, представлявшіе иногда такіе красивые черные и красноватые шарики или плоскіе овалы. Любилъ онъ эти поѣздки и за то, что его отецъ дѣлался здѣсь добрѣе, сообщительнѣе, человѣчнѣе и подъ внѣшнею грубостью сказывалась и любящая душа, и природная честность этого человѣка. Во время этихъ поѣздокъ Антонъ успѣлъ даже узнать отчасти исторію своего отца и хотя не понялъ ее, но она запала въ его память и потомъ черезъ долгіе годы воскресла снова во всѣхъ подробностяхъ.

И вся эта жизнь, голодная, холодная, но свободная жизнь прошла безвозвратно. Нельзя сказать, чтобы Антонъ не любилъ и прежде отца, — онъ просто не любилъ пьянства отца; онъ боялся, когда отецъ бывалъ пьянъ, — теперь же, при разлукѣ съ роднымъ домомъ, въ сердцѣ ребенка вдругъ проснулась страстная болѣзненная любовь къ отцу. Онъ скорбно думалъ: «эхъ, если бы отецъ-то былъ живъ, не пришлось бы намъ идти по-міру». Его дѣтскому воображенію представлялось, что они покидаютъ родное гнѣздо именно затѣмъ, чтобы идти по-міру.

— Вотъ теперь по разнымъ угламъ разойдемся, — прервала тишину Марья Дмитріевна.—И гдѣ предѣлъ, предѣлъ-то гдѣ Господь положитъ? Вотъ, Митревна, думаю я теперь, подрастутъ дѣтки, куда ихъ судьба занесетъ — Богъ вѣсть; можетъ, на край свѣта уйдутъ. И придется мнѣ, какъ тебѣ, одной гдѣ-нибудь въ углу вѣкъ доживать. Тяжело это, больно, голубушка!

Старуха вздохнула.

— Не говори лучше, Марья Дмитріевна, знаю, мать моя, все знаю,—глухо пробормотала она, качая всклокоченной головой. — И я не безъ дѣтей вѣкъ прожила, сама ихъ поила, сама грудью кормила... И отнялъ Господь всѣхъ, и всѣ ушли, и одна осталась... Сынъ въ Сибирь пошелъ... при мнѣ и клеймили за разбой... Молодецъ былъ, въ гвардіи бы служить, а не въ каторжной работѣ молодость загубить... Дочь въ больницѣ умерла... Сперва въ каретахъ ѣздила... потомъ въ больницѣ умерла... Одна, мать моя, всѣмъ дорога...

Опять какъ-то глухо, какъ-то пророчески звучали слова полубезумной сѣдой старухи въ мертвомъ затишьѣ среди опечаленной семьи. Старуха говорила о своихъ страшныхъ несчастіяхъ, о гибели своихъ когда-то любимыхъ дѣтей съ тою ледяною холодностью, съ тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ которыми говоритъ иногда старый инвалидъ объ

Digitized by Google

отнятыхъ у него за десятки лѣтъ тому назадъ рукъ и ногъ. Въ этой холодности, въ этомъ спокойствіи есть что-то роковое, леденящее кровь слушателя. Дѣйствительно, сколько страданій, сколько потерь нужно перенести, чтобы говорить съ невозмутимымъ хладнокровіемъ объ оторванномъ у нашего собственнаго тѣла кускѣ мяса, о вырванныхъ изъ нашихъ объятій любимыхъ существахъ? Еще страшнѣе становится слушателю, когда старый инвалидъ, разсказывая свою исторію, хладнокровно пророчитъ такой же исходъ новобранцу, только-что идущему въ битву, черпающему силы къ борьбѣ въ однѣхъ надеждахъ на побѣду.

— За собой, касатка, смотри, за собой смотри, — еще глуше заговорила старуха, обращая къ Катеринѣ Александровнѣ свое морщинистое, сѣро-желтое лицо.—Ишь, очи-то у тебя черныя, волосы кудрявые, какъ ночь, темные: ночью-то грѣха бы не было!.. За собой смотри!

Всѣ молчали. Катерина Александровна смотрѣла хмуро. Она не любила старую нищую и не возражала ей только потому, что не хотѣла ссориться съ ней въ послѣдній вечеръ.

— И паренекъ-то твой, вотъ какъ мой Ваня, огонь,— продолжала старуха, указывая Марьѣ Дмитріевнѣ на Антона.— Какъ разъ погасятъ, какъ разъ погасятъ!

— Полно, Дмитріевна, мои дѣти скромныя,—начала Марья Дмитріевна.—Богъ помилуетъ ихъ; Онъ ихъ заступникъ...

— У всѣхъ одинъ заступникъ; у всѣхъ одинъ заступникъ, мать моя, да не всѣмъ одно счастіе! — глухо проговорила старуха.—Иль ты думаешь, мать моя, что у другихъ-то дѣти такъ съ ножомъ въ рукахъ и изъ утробы матери на свѣтъ Божій вышли? Нѣ-ѣтъ, нѣ-ѣтъ, голубушка ты моя: всѣ ангелами Христовыми въ колыбели-то были... Съ Вани-то моего, какъ онъ махонькимъ былъ, богомазъ одинъ на Васильевскомъ островѣ цѣлителя Пантелеймона списывалъ. Похожъ, видишь, Ванюша на батюшку Пантелеймона былъ... Я потомъ и свѣчку ставила сама за Ванюшу этому самому образу... Не помогло, мать моя,—ничего не помогло...

Женщины опять смолкли. Катерина Александровна и Антонъ не вмѣшивались въ разговоръ, хотя по выраженію ихъ лицъ было видно, что онъ задѣвалъ ихъ за живое и пробуждалъ въ нихъ непріятныя чувства. Чай былъ допитъ какъ-то тоскливо, почти съ боязнью.

— Все ли приготовила ты ребятишкамъ?— спросила мать у старшей дочери.

Digitized by Google

— Что же приготовлять? Въ казенную одежду одѣнутъ,— коротко отвѣтила старшая дочь.

— И то правда, и то правда, въ казенную,—вздохнула мать.—Ну, дѣтки, ложитесь. Рано вставать надо завтра.

Мать начала крестить и цѣловать дѣтей; казалось, она хотѣла въ этотъ вечеръ обласкать и благословить ихъ на всю жизнь, за все то время, когда они не увидятъ ея ласкъ, не примутъ ея благословеній. Скоро въ подвалѣ настало полное затишье и мракъ. Свѣча была погашена. Всѣ улеглись. Давно уже спала старуха нищая; давно отмолилась хозяйка, стоявшая на колѣняхъ передъ темнымъ образомъ; давно крѣпко спали маленькія дѣти. Но не спали старшіе братъ и сестра. Они по обыкновенію лежали вмѣстѣ у стѣны, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

— Ты ходи ко мнѣ,—протяжно шепталъ братъ задушевнымъ ласковымъ голосомъ сестрѣ, обвивая ее рукой.

— Буду; буду ходить,—торопливо шептала она, цѣлуя его.—Ты не бойся... Тебѣ худо не будетъ...

На его лицо упали горячія слезы. Онъ еще крѣпче обнялъ сестру и поцѣловалъ ее въ губы.

— Что же ты плачешь? Полно. Не плачь,—снова шепталъ онъ протяжнымъ голосомъ.

— Я тебѣ все, все отдамъ,—тихо говорила она.—Ты вырастешь умнымъ, ученымъ...

Братъ притаилъ дыханіе и внимательно слушалъ сестру, не понимая ея странныхъ для него рѣчей. Онъ не могъ себѣ представить, что отдастъ ему она, ничего не имѣющая, такая же нищая, какъ онъ.

— Ты не будешь такимъ, какъ отецъ,—продолжала она страстнымъ, глубоко убѣжденнымъ тономъ.—Не будешь такимъ, какъ сынъ этой колдуньи... Ты не пойдешь въ Сибирь; ты не умрешь на улицѣ... Я тебѣ все отдамъ, все, все...

Она на минуту замолкла: ей показалось, что ея братъ уснулъ. Ей не пришла бы въ голову эта мысль, если бы она могла видѣть его широко открытые глаза, какъ будто силившіеся разсмотрѣть что-то въ этой непроглядной тьмѣ.

— Ты спишь?

— Нѣ-ѣтъ,—послышался медленный, въ раздумьи произнесенный отвѣтъ.

— Я все думала,—продолжала сестра:—долго думала... Теперь я знаю, что дѣлать... Учиться тебѣ надо, умнымъ быть надо, чтобы не умереть съ голоду.... Въ училище тебя надо отдать...

Digitized by Google

— Я завтра и по-ойду въ шко...

— Не то, не то ты говоришь, — живо перебила его сестра.—Эта школа что! Это нищихъ учатъ! Надо тому учиться, чему богатыхъ учатъ! Я тебя въ гимназію отдамъ. Въ этой школѣ ты недолго пробудешь.

Брата такъ поразили эти неожиданныя слова, что онъ поднялся и сѣлъ на постели, стараясь всмотрѣться въ сестру. Но кругомъ царила тьма, и не было ничего видно. Онъ снова опустилъ голову къ самому лицу сестры.

— Да, въ гимназію!—продолжала она.—Пусть тебя научатъ всему, всему, что знаютъ они, что знаютъ ребятишки дяди... Да! чѣмъ они лучше тебя? За что тебѣ гибнуть, хорошій мой!

Сестра покрыла горячими поцѣлуями лицо мальчугана.

— А гдѣ же ты денегъ возьмешь?—спросилъ онъ въ раздумьи.—Вѣдь денегъ-то, поди, много надо.

— Гдѣ?—переспросила сестра.—Не знаю еще, не знаю, но дай подумать, дай осмотрѣться. Все отдамъ, что достану, все, а ты не погибнешь! Только люби меня, не забывай никогда, никогда, какая бы я ни была, гдѣ бы я ни была. Будь всегда со мною, чтобы мнѣ не жить, какъ мать прожила весь вѣкъ, брошенная, чтобы мнѣ не ходить по-міру, какъ эта старая колдунья ходитъ!

Братъ впотьмахъ нашелъ руку сестры и впервые поцѣловалъ ее съ какимъ-то чувствомъ благоговѣнія. По тону сестры онъ понималъ, что она хочетъ сдѣлать что-то такое, что сдѣлаетъ его богатымъ и барпномъ, но что именно и какъ она сдѣлаетъ—этого онъ не понималъ вовсе.

— Вотъ тебѣ крестъ,—проговорилъ онъ тѣмъ убѣдительнымъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ простыя дѣти, несправедливо въ чемъ-нибудь заподозрѣнныя, и перекрестился, сидя на постели: — я тебя не забуду, и мать не забуду, и ихъ не забуду,—указалъ онъ на младшихъ дѣтей, забывая, что сестра не видитъ его жеста.

— И соберемся мы всѣ вмѣстѣ, всѣ соберемся, и мать старуха будетъ съ нами, и дружны мы будемъ, и счастливы, и ни къ кому мы за милостыней не пойдемъ, а ты будешь вмѣсто отца въ семьѣ!—говорила сестра, увлекаясь картиной, которая, быть-можетъ, уже не разъ представлялась ея воображенію въ послѣдніе дни, во время ея страстныхъ стремленій завоевать счастье, завоевать во что бы то ни стало. — Я долго думала, всѣ эти дни думала, какъ намъ жить, что намъ дѣлать, чтобы никому не кланяться,—про-

Digitized by Google

должала она.—По мнѣ лучше не жить, лучше свѣта не видѣть, чѣмъ эту каторгу терпѣть, которую мать наша, отецъ нашъ, мы сами до сихъ поръ терпѣли. Что мнѣ въ жизни, если въ ней одно горе, да одинъ поворъ, если тебя никто и за человѣка не считаетъ, наругается надъ тобой?.. Помнишь, отецъ говорилъ: вы меня связали, безъ васъ давно бы порѣшилъ съ собой. Вѣдь это онъ оттого говорилъ, что и онъ не умѣлъ терпѣть, какъ вонъ мать терпитъ... И что терпѣть, если надежды нѣтъ?.. Ужъ лучше одинъ конецъ! Отецъ-то у насъ умный былъ...

Еще долго, долго слышался страстный шопотъ двухъ молодыхъ существъ, прерываемый то слезами, то поцѣлуями, и когда они уснули, они были вполнѣ спокойны, вполнѣ счастливы. Имъ казалось, что будущее такъ свѣтло, такъ отрадно.

Они, какъ бойцы, шли въ міръ на завоеваніе счастья.

Быть-можетъ, это были несбыточныя, дѣтски незрѣлыя, безумныя мечты, но за эти мечты отнынѣ долженъ былъ начаться тяжелый, неотступный, напряженный бой; это были тѣ капли, которыя, ударяя въ одно и то же мѣсто, пробиваютъ камень. Цѣль жизни была найдена, и чѣмъ бы ни кончилась борьба—все равно; герои умираютъ спокойно даже тогда, когда побѣда остается за ихъ коварными врагами, и посаженный въ клѣтку левъ все-таки прекраснѣе, болѣе достоинъ удивленія, чѣмъ его оборванный, полупьяный вожакъ, праздно добывающій хлѣбъ показываньемъ толпѣ зѣвакъ измученнаго каленымъ желѣзомъ, плѣннаго царя лѣсовъ.

И на что жизнь, если въ ней одни муки, позоръ и неволя?

Digitized by Google

КНИГА II.

I.

Дѣтскій пріютъ графовъ Бѣлокопытовыхъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра города мѣстностей, гдѣ гнѣздится небогатый людъ, гдѣ рѣдко слышится шумъ экипажей, гдѣ вечеромъ тускло свѣтятъ масляные фонари, стояло довольно большое зданіе самой невзрачной архитектуры, лишенное всякихъ украшеній, похожее на выкрашенный желтою краской ящикъ съ десятками оконъ. Двери подъѣзда этого дома были постоянно заперты и иногда не открывались въ теченіе цѣлаго дня, какъ будто въ этомъ домѣ давнымъ-давно умерли всѣ его обитатели, и никто посторонній не рѣшается и не считаетъ нужнымъ заглянуть, что дѣлается за этими желтыми голыми стѣнами. Впрочемъ, если бы кто-нибудь посторонній и вздумалъ постучаться въ эти двери не въ урочный часъ, не въ опредѣленный день, то ему навстрѣчу появилась бы грубая фигура стараго отставного солдата, облеченнаго въ званіе швейцара, и сухо отвѣтила бы: «сегодня нѣтъ пріема». Прежде чѣмъ посѣтитель успѣлъ бы что-нибудь возразить, передъ нимъ снова захлопнулась бы дверь, и загадочный домъ снова стоялъ бы, какъ могильный склепъ, пугая своими закрашенными до половины бѣлою краской окнами, какъ глазами, у которыхъ зрачки покрыты бѣльмами.

Не веселѣе выглядѣлъ домъ внутри. Большія комнаты и длинные коридоры со сводами были выкрашены голубовато-сѣрою краской; нижняя часть стѣнъ, покрытая масляною краской, выглядѣла почти черной. Здѣсь слишкомъ жидкая краска, положенная на сѣрыя стѣны, уже во время крашенія располалась пятнами, окаймленными сотнею бурыхъ зиг-

Digitized by Google

заговъ, змѣекъ и ручейковъ, дѣлавшихъ эту часть стѣнъ похожею на фантастическія темныя географическія карты или на исписанное гіероглифами пространство. Стѣны коридоровъ и большей части комнатъ были лишены всякихъ украшеній и убивали своимъ однообразіемъ, своимъ мутно-голубымъ колоритомъ, похожимъ на цвѣтъ вечерняго осенняго неба. Въ крайнихъ комнатахъ дома помѣщались два ряда желѣзныхъ кроватей, покрытыхъ грубыми шерстяными одѣялами. Между кроватями стояло по небольшому шкапику и табурету неуклюжей формы; и шкапики, и табуреты, и кровати были выкрашены темно-зеленою краской. Эта смѣсь сѣраго и темно-зеленаго цвѣтовъ придавала картинѣ холодный колоритъ, усиливавшійся еще болѣе при помощи замазанныхъ пожелтѣвшею бѣлою краской оконъ. Вглядѣвшись попристальнѣе въ эти окна, вы увидали бы, что чьи-то руки усиленно и настойчиво постарались процарапать тонкій слой краски, плотно приставшей къ стекламъ. Какъ трудно было достигнуть какихъ-нибудь благопріятныхъ результатовъ въ этихъ усиліяхъ,—было уже видно изъ того, что царапины появлялись въ сотнѣ различныхъ мѣстъ и почти нигдѣ не были сдѣланы настолько удачно, чтобы сквозь нихъ можно было дѣйствительно разсмотрѣть что-нибудь. Только въ трехъ, въ четырехъ мѣстахъ настойчивыя руки, повидимому, добились желанной цѣли и отскоблили довольно большіе куски краски; но слѣды ихъ работы были тотчасъ же уничтожены: замазаны новымъ слоемъ краски. Въ этихъ проскобленныхъ мѣстахъ, въ этихъ пятнахъ была цѣлая потрясающая исторія тщетныхъ усилій со стороны неизвѣстныхъ и темныхъ человѣческихъ личностей, стремившихся взглянуть на жизнь своихъ ближнихъ, на живой міръ; надъ этими проскобленными мѣстами и пятнами можно было такъ же серьезно задуматься, какъ надъ какимъ-нибудь подземнымъ ходомъ, прорытымъ безъ помощи инструментовъ, прорытымъ въ безсонныя ночи, прорытымъ однимъ арестантомъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ жившимъ одною мыслью о свободѣ, о бѣгствѣ изъ острога.

Еще мрачнѣе выглядѣла одна небольшая комната. Въ ней вмѣсто кроватей стояли черные матовые столы и черныя скамьи, походившіе на половинки тѣхъ катафалковъ, которые приносятся гробовщиками въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ. Сходство съ катафалками и напоминаніе о смерти могли тѣмъ скорѣе броситься въ глаза, что именно въ этой комнатѣ стѣны были увѣшаны десятками картинъ, походив-

Digitized by Google

шихъ на образа преддверія бѣдной сельской церкви. Эти картины, покрытыя пожелтѣвшимъ лакомъ, изображали «потопъ», «изгнаніе Адама и Евы изъ рая», «смерть Авессалома», «казни Египта», «распятіе Христа» и тому подобныя мрачныя событія священной исторіи. Передъ скамейками стоялъ черный же квадратный столъ, какъ будто приготовленный для панихиды. Въ этой комнатѣ царствовалъ особенно холодный воздухъ; ее почти не топили.

Рядомъ съ нею была большая зала съ большимъ столомъ посрединѣ и съ табуретами около стѣнъ; рядомъ съ этою залой была другая зала съ нѣсколькими узкими столами, со скамейками вокругъ нихъ и съ гравированными портретами какихъ-то важныхъ и надутыхъ личностей, грозно смотрѣвшихъ со стѣнъ. И вездѣ, куда бы мы ни взглянули, царствовали все тѣ же сѣрые, черные и темно-зеленые цвѣта, убійственно однообразные, убійственно холодные.

Но здѣсь жили люди, даже очень много людей.

Тсс! вотъ идутъ они. Подобранные въ сырыхъ подвалахъ, на темныхъ чердакахъ, среди кабачныхъ оргій, брошенные пьяными отцами и голодными матерями, выросшіе среди грязи и разврата темныхъ угловъ, уже знающіе всѣ мерзости и тайны трущобной жизни, надѣленные съ дѣтства задатками будущихъ страшныхъ недуговъ—чахотки, золотухи, ревматизма, готовящіеся въ будущемъ встрѣтить нужду, непосильный трудъ, грубое обхожденіе, быть-можетъ, преждевременную смерть въ больницѣ или каторжную жизнь въ домахъ терпимости,—эти люди-дѣти, пробужденные оглушительнымъ звонкомъ колокольчика, идутъ по мрачному, холодному коридору въ мрачную залу. Зимнее темное утро еще не пропустило въ комнаты ни одного дневного луча; тьма, унылая, сѣрая тьма еще охватываетъ міръ; въ комнатахъ еще теплятся тусклыя масляныя лампы. Гдѣ это мы: въ острогѣ, въ тюрьмѣ, въ монастырѣ, въ исправительномъ домѣ?

— Нѣтъ! Мы въ благотворительномъ заведеніи.

Какой-то остовъ женщины съ отцвѣтшимъ и исхудалымъ лицомъ землистаго цвѣта, съ гладкопричесанными жидкими волосами, въ синемъ шерстяномъ платьѣ, открываетъ шествіе. За нею идутъ попарно подобранныя подъ ростъ дѣти, начиная съ едва видныхъ отъ земли пятилѣтнихъ дѣвочекъ и кончая взрослыми шестнадцатилѣтними дѣвушками. У всѣхъ у нихъ одинаково причесаны волосы; на всѣхъ надѣты узенькія холстинковыя платья голубовато-сѣраго цвѣта съ коротень-

Digitized by Google

кими рукавами и вырѣзными гладкими лифами, на всѣхъ надѣты узенькіе холщевые длинные нарукавники и такія же пелеринки. Онѣ идутъ попарно, стуча грубыми башмаками, и представляютъ странную картину. Это какая-то коллекція дѣтей всѣхъ возрастовъ, до крайности похожихъ другъ на друга. Ихъ трудно узнать въ лицо, такъ какъ почти всѣ лица выглядятъ одинаково тупо, одинаково скучно; всѣ они большею частью блѣдны, почти прозрачны. За ними идетъ толстая краснощекая женщина въ синемъ шерстяномъ платьѣ, очень похожая на гренадера въ юбкѣ или на зажирѣвшую торговку съ толкучаго рынка. Чѣмъ-то нахальнымъ и грубымъ вѣетъ отъ ея самодовольной, красной и лоснящейся физіономіи; повидимому, у нея не существуетъ нервовъ, и вся она состоитъ изъ жира и мяса. Дѣвочки сходятъ въ залу съ узенькими столами и становятся лицомъ къ переднему углу. Въ комнатѣ раздается чей-то дѣтскій голосъ, и вслѣдъ за нимъ поднимаются другіе голоса. «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ» оглашаетъ комнату, и среди однообразныхъ тоненькихъ голосовъ звучитъ особенно сильно одинъ контральто, силящійся перейти въ нѣчто въ родѣ мужского баса.

— Зачѣмъ ты, Скворцова, такъ басишь!—произноситъ худенькая женщина, обращаясь къ высокой дѣвушкѣ съ черными глазами и румяными щеками.

Скворцова бросаетъ насмѣшливый взглядъ на худенькую женщину и молчитъ.

Всѣ, дрожа отъ холода, садятся пить чай изъ глиняныхъ кружекъ и жадно накидываются на куски чернаго хлѣба. Въ комнатѣ слышится говоръ; едва можно разслышать, что въ одномъ концѣ говорятъ:

— Отдай мнѣ свой хлѣбъ. Я тебѣ завтра отдамъ свой, вотъ те Христосъ! Сегодня страсть какъ ѣсть захотѣлось.

— Да, а ты думаешь, я не хочу ѣсть!

— Скаредъ! Жидоморка!

Въ другомъ концѣ гораздо явственнѣе слышится разговоръ, переходящій въ ссору:

— Это ты мой хлѣбъ украла?—говоритъ одинъ голосъ.

— Чего мнѣ воровать? у меня свой кусокъ былъ.

— Неправда. Ты и свой, и мой съѣла!

— Тише! — кричитъ худенькая женщина въ синемъ платьѣ.

— Марья Николаевна! Скворцова мой хлѣбъ украла!— слышится писклявая жалоба.

Digitized by Google

— Я и не думала воровать! Суслова врешь,—отзывается контральто.

— Да, да, украла! Ты быка съешь!—кричитъ Суслова.

— А ты семь коровъ съѣла, а все толще не сдѣлалась!—отзывается контральто.

— Вы обѣ станете на колѣни во время занятій,—произноситъ худенькая женщина въ синемъ платьѣ.

— За что же я стану стоять на колѣняхъ? Я не брала ея хлѣба! Вы рады ко мнѣ придираться, — отозвался контральто.

— Ты, Скворцова, безъ свиданія съ родными останешься на двѣ недѣли.

— Нѣтъ-съ, я буду жаловаться Аннѣ Васильевнѣ! Вы все на большихъ нападаете,—снова отозвался контральто.

Женщина, которую Скворцова называла Марьей Николаевной, быстро измѣнилась въ лицѣ. Оно приняло странное выраженіе гнѣва и въ то же время мучительной горечи. На пожелтѣвшихъ щекахъ выступили багровыя, зловѣщія пятна. Она быстро встала съ своего мѣста, подошла къ Скворцовой и, дрожа всѣмъ тѣломъ, нервно сдернула ее съ табурета.

— На колѣни! Сейчасъ на колѣни! Стой до прихода Анны Васильевны!—задыхающимся голосомъ произнесла она.—Ты жаловаться хочешь, жаловаться! Ты думаешь, что мнѣ за тебя, за дѣвчонку, за нищую, дадутъ выговоръ! Вы всѣ думаете, что мы ваши горничныя, что мы ваши служанки! Вы на голову намъ сѣсть хотите! Подлыя!

Марья Николаевна, не помня себя, схватила за ухо Скворцову и пригнула ее чуть не къ самому полу.

— Здѣсь, здѣсь, у моихъ ногъ, настоишься, наползаешься, прежде чѣмъ мнѣ дадутъ изъ-за тебя выговоръ!—проговорила она, едва сдерживая подступавшія къ ея горлу слезы.

Она невѣрною походкой удалилась на свое мѣсто, но уже не могла пить поданный ей чай.

— Вы бы воды выпили,—хладнокровно замѣтила съ другого конца стола толстая женщина, одѣтая въ такое же платье, какъ и Марья Николаевна.—Вамъ вредно сердиться!

Марья Николаевна Постникова промолчала. Она отъ всей души ненавидѣла это толстое созданіе, занимавшее, подобно ей, мѣсто пріютской помощницы. Толстое созданіе—Ольга Никифоровна Зубова—въ свою очередь, тоже не любила «ледащую» Марью Николаевну, не любила, впрочемъ, только потому, что она никого ни любила, кромѣ своей собственной особы.

Digitized by Google

— Старая дѣвка, завидно, что я молода!—злобно ворчала между тѣмъ Скворцова.—Ты думаешь, я не пожалуюсь? Еще какъ пожалуюсь-то! Распекутъ еще, голубушка; опять истерика сдѣлается! Женихи не сватаются, такъ и бѣсишься, что въ дѣвкахъ приходится сидѣть.

Дѣти между тѣмъ допили чай и встали. Въ комнатѣ снова раздалось заунывное пѣніе молитвы. Только теперь уже не слышалось контральто Скворцовой. Она сердито молчала и не молилась. Черезъ минуту всѣ перешли въ залу съ большимъ круглымъ столомъ. Здѣсь начиналась раздача работъ. Дѣти, кромѣ шитья на заказъ, должны были, какъ гласитъ пріютскій уставъ, «заниматься постройкой своей одежды». Работами распоряжалась Зубова. Всѣ размѣстились по табуретамъ. Сидѣть на этихъ табуретахъ безъ спинокъ было крайне неловко; дѣвочки невольно горбились, и въ комнатѣ поминутно раздавались возгласы двухъ помощницъ: «какъ вы сидите!» Утренняя тьма между тѣмъ начинала разсѣиваться; бѣлый, мутный день вступалъ уже въ свои права и налагалъ на все свой болѣзненный отпечатокъ. Лампы были погашены. Всѣ маленькія и большія дѣвочки казались теперь еще блѣднѣе, болѣзненнѣе; онѣ шили и вязали, вязали и шили. Зубова раздавала работу и показывала, какъ и что дѣлать. Не шили только Скворцова и Суслова. Онѣ стояли на колѣняхъ.

— Ступайте шить!—промолвила имъ нѣсколько успокоившаяся Марья Николаевна.

Суслова поспѣшно вскочила съ колѣней и пошла за работой, но Скворцова не трогалась съ мѣста.

— Я тебѣ говорю: иди шить!—промолвила Марья Николаевна, уже снова начинавшая раздражаться.

— Вы велѣли стоять на колѣняхъ до прихода Анны Васильевны,—отозвалась Скворцова.

— А теперь я велю тебѣ шить!—приказала Марья Николаевна.

— Ужъ я лучше подожду Анну Васильевну. Пусть посмотритъ, какъ я стою на колѣняхъ.

— Такъ ты не хочешь слушать меня? Такъ ты не хочешь?—снова вспылила Марья Николаевна, и опять на ея желтомъ лицѣ появились багровыя пятна и мучительное выраженіе.

Постникова подбѣжала къ Скворцовой и, повидимому, была готова прибить дѣвушку.

— Что это вы, Марья Николаевна, на весь домъ кри-

Digitized by Google

чите? Точно на базарѣ!—послышался лѣнивый голосъ, звучавшій тономъ пренебреженія.

Въ комнатѣ начался шумъ: дѣвочки раскланивались съ начальницей, видимо, радуясь возможности хоть на мгновенье выйти изъ своей неподвижности. Марья Николаевна съежилась, понурила голову и потупила глаза передъ высокою, полною сѣдоволосою женщиной въ роскошномъ чепцѣ и шелковомъ платьѣ.

На первый взглядъ лицо старухи казалось очень добродушнымъ и, только всматриваясь въ него, наблюдатель могъ замѣтить въ опущенныхъ углахъ губъ выраженіе брезгливости, презрѣнія и недовольства, да въ глазахъ замѣчалось что-то убійственно-холодное.

— Скворцова, ты на колѣняхъ?—промолвила старуха.—Это за что?

— Не знаю-съ, Анна Васильевна, — скромно отвѣтила Скворцова, невинно потупляя лукавые глаза.

— Какъ же не знаешь? Вѣдь за что-нибудь поставили тебя?—брюзгливо проговорила Анна Васильевна.

— Она отняла хлѣбъ у Сусловой; та пожаловалась,—въ замѣшательствѣ начала объяснять Марья Николаевна.

— Вы сами видѣли?—пренебрежительно спросила Анна Васильевна.

— Не видала, но...—начала Марья Николаевна.

— Что же, Скворцова сама созналась?

Прежде чѣмъ Марья Николаевна успѣла отвѣтить на этотъ вопросъ, Скворцова проговорила:

— Марья Николаевна объ этомъ не спрашивали-съ, а прямо велѣли мнѣ стать на колѣни и заставили въ ноги имъ кланяться, когда я сказала, что вы не позволяете ставить большихъ на колѣни! Марья Николаевна не любитъ выпускныхъ.

— Она мнѣ нагрубила,—начала Марья Николаевна.

— Да развѣ можно не грубить вамъ, если дѣти составили о васъ такое мнѣніе?—съ пренебреженіемъ произнесла Анна Васильевна.

— Марьѣ Николаевнѣ полѣчиться бы надобно,—вмѣшалась Зубова.—Она, бѣдненькая, нездорова все.

— Здѣсь не больница и не богадѣльня!—съ раздражительностью произнесла Анна Васильевна.—Если вы чувствуете себя дурно, если васъ все волнуетъ, то кто мѣшаетъ вамъ оставить мѣсто? Вы знаете, — здѣсь насильно людей не держатъ.

Digitized by Google

Анна Васильевна велѣла Скворцовой встать и, съ пренебреженіемъ взглянувъ на Марью Николаевну, отошла къ другимъ воспитанницамъ посмотрѣть ихъ работы; около нея вертѣлась и юлила толстая Ольга Никифоровна, тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ передававшая начальницѣ разныя мелкія сплетни.

Прошло около получаса, когда въ комнатѣ появился какой-то приземистый и довольно коренастый господинъ съ большимъ орденомъ на шеѣ, съ гладко выбритымъ лицомъ, съ коротко остриженными волосами, тщательно приглаженными на вискахъ впередъ въ видѣ шоръ, и съ оловянными глазами. Что-то сухое, деревянное и черствое было во всей фигурѣ этого господина. Это былъ докторъ Федоръ Федоровичъ Гроховъ, обрусѣвшій нѣмецъ, членъ благотворительныхъ обществъ и казначей пріюта.

Анна Васильевна встрѣтила его съ заискивающею улыбкой, на которую не послѣдовало никакого отвѣта. Густыя брови обрусѣвшаго нѣмца хмурились попрежнему угрюмо и сердито.

— Есть больныя?—обратился онъ къ Зубовой на ломаномъ русскомъ языкѣ; Гроховъ презиралъ этотъ языкъ «татаръ» и потому въ теченіе сорока-лѣтней жизни въ Россіи не выучился говорить по-русски.

— Маленькая Иванова нездорова,—отвѣтила Зубова.

Доктору представили маленькую блѣдную дѣвочку. Онъ посмотрѣлъ на нее своими безстрастными, оловянными глазами и сквозь зубы промолвилъ:

— Язикъ.

Дѣвочка съ испугомъ и недоумѣніемъ взглянула на доктора; ей еще впервые приходилось лѣчиться.

— Покажи свой языкъ,—пояснила Зубова.

Дѣвочка повиновалась не безъ нѣкотораго смущенія. Докторъ взялъ ея руку, вынулъ часы и какъ бы замеръ въ этомъ положеніи. Черезъ минуту онъ приложилъ руку къ головѣ дѣвочки и грубо потыкалъ ее указательнымъ пальцемъ въ животъ.

— Лѣнивій лихорадка,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.— Ставить горшишникъ на затилокъ. Покрѣпше. Пусть покусаетъ.

Онъ медленно перевелъ свои глаза на Зубову и снова спросилъ:

— Еще есть больній?

— Нѣтъ, больше нѣтъ,—отвѣтила Зубова.

Докторъ мелкими, но твердыми шагами, не сгибая тол-

Digitized by Google

стыхъ, коротенькихъ ногъ, пошелъ по комнатѣ. Его провожала Анна Васильевна.

— У васъ опять передершка,—сухо замѣтилъ онъ начальницѣ.—Этакъ нельзе, этакъ нельзе!

— Я, докторъ, рѣшительно не могу содержать дѣтей на отпускаемыя деньги, — заискивающимъ и извиняющимся тономъ отвѣтила Анна Васильевна. — Теперь все такъ дорого.

— Надо давайтъ то, что дешево,—произнесъ докторъ.— Ихъ нельзе пріучайтъ къ роскошь. Это нишіе, это слюжанки, ихъ нельзе кормитъ, какъ господъ. Я богаче ихъ, но я всѣ ѣмъ, всѣ ѣмъ. Ви дровъ много тратите, ви ихъ такъ въ пешь бросайтъ, безъ счету.

— Вы знаете, докторъ, какъ холоденъ и сыръ этотъ домъ,—оправдывалась Анна Васильевна.

— Холодъ здоровъ для дѣтей. Это только русскій мушикъ въ банѣ привикъ, на пешкѣ любитъ валяться лѣнивый свинья. Ви дольшни пріучайтъ ихъ къ порядошной жизни, шеловѣками сдѣлайтъ... Но я еще не смотрѣлъ вашъ отшетъ подробно. Потомъ у васъ въ кухнѣ, я слишаль, онѣ не шистятъ посюды, онѣ не стирайтъ въ прашешной, онѣ поли не моютъ.

— Докторъ, онѣ слабы и, кромѣ того, черная работа огрубляетъ руки: имъ будетъ трудно шить тонкое бѣлье.

— Глюпости! Моя мать и моя шена всѣ сами дѣлаютъ, всѣ! Это у васъ, русскихъ, кашдая бариня стидится работать на кухнѣ. Это негодяйство, это лѣнь! Ви дольшни заставляйтъ дѣвшонокъ всѣ дѣлать. Ви не барышень воспитуетъ. Имъ палька нужна. Русскій шеловѣкъ безъ палька шить не можетъ. Это скотъ, грязній скотъ.

Докторъ сухо протянулъ два пальца Аннѣ Васильевнѣ и, не кланяясь, вышелъ въ переднюю.

Анна Васильевна возвратилась въ свои комнаты въ тревожномъ состояніи духа. Она уже предчувствовала, какая буря разразится надъ нею, когда Гроховъ вполнѣ просмотритъ ея отчетъ и увидитъ, что она передержала сто рублей въ годъ. Ей придется добавить эти сто рублей изъ своего жалованья или лишиться мѣста, послѣдняго источника, поддерживавшаго послѣдніе дни ея когда-то бурнаго существованія.

Въ рабочей комнатѣ продолжались между тѣмъ занятія; скука царила здѣсь невообразимая. Зѣвота и сонъ одолѣвали всѣхъ. Наконецъ, раздался звонокъ, и насталъ желан-

Digitized by Google

ный часъ обѣда. Кислыя щи и поджаренный на горькомъ маслѣ картофель были двумя блюдами, составлявшими на этотъ разъ обѣдъ. Только Ольга Никифоровна и Марья Николаевна, хотя и обѣдали съ дѣтьми, но наслаждались болѣе изысканными и болѣе здоровыми блюдами, такъ какъ эти личности были помощницами, а не нищими, не будущими служанками, и потому ихъ не нужно было пріучать къ нездоровой пищѣ. Послѣ обѣда былъ часъ свободнаго времени, потомъ для взрослыхъ воспитанницъ наступалъ классъ русскаго языка. Тотчасъ же по выходѣ изъ-за стола въ комнатахъ начался невообразимый гамъ. Всѣ дѣти бросились, толкая другъ друга, въ кухню съ небольшими кофейниками варить свой собственный цикорный кофе. Брань, толкотня, хохотъ смѣшались вмѣстѣ и не давали возможности разобрать, кто о чемъ говорилъ. У нѣкоторыхъ дѣвочекъ появлялись цѣлыя груды булокъ, колбасы, ветчины. Всѣ спѣшили насытиться, насладиться болѣе питательною ѣдой, чѣмъ казенныя щи. Пить свой кофе, ѣсть свои булки и колбасы, все это было запрещено высшимъ начальствомъ. Но Анна Васильевна понимала, что дѣти могли бы умереть съ голоду на одной казенной пищѣ и потому разрѣшила имъ варить ихъ собственный кофе и ѣсть купленные ими съѣстные припасы. Только черезъ часъ, мало-по-малу, утихъ весь этотъ гамъ, и старшія воспитанницы пошли въ холодный классъ ожидать учителя.

Учитель русскаго языка, Антонъ Антоновичъ Рождественскій, былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, очень некрасивый собой, постоянно небогато одѣтый и неловкій, какъ большинство людей, вышедшихъ изъ семинаріи. Несмотря на это, его «обожали» всѣ воспитанницы. Онъ былъ единственнымъ молодымъ мужчиной, появлявшимся въ этомъ монастырѣ два раза въ недѣлю, за что ему выдавалось восемьдесятъ рублей въ годъ. Кромѣ Рождественскаго сюда имѣли доступъ изъ мужчинъ необъятно толстый, красноносый дьяконъ Зубцовъ—учитель пѣнія, отецъ Іона, дряхлый и глухой священникъ,—учитель закона Божія, зоркій и строгій Боголюбовъ — дѣлопроизводитель пріюта, неподвижный и грубый докторъ Гроховъ и, наконецъ, Иванъ Демченко, пьющій и дерзкій отставной солдатъ, исполнявшій обязанности швейцара. Немудрено, что взрослыя воспитанницы, давно уже проскабливавшія краску на окнахъ, давно уже задыхавшіяся отъ скуки за безсмѣннымъ шитьемъ и вязаньемъ, радовались, когда два раза въ недѣлю наставалъ

Digitized by Google

урокъ русскаго языка и къ нимъ появлялся «душка» Рождественскій. Уже между ними не разъ слышалось:

— Душка, уступи мнѣ Рождественскаго: я тебѣ на будущей недѣлѣ всѣ свои булки отдамъ.

— Да, такъ я и соглашусь! а у меня-то кто останется? Іона, что ли?

Сильнѣе всѣхъ волновалась передъ появленіемъ Рождественскаго Скворцова. Въ этой крѣпкой и неподатливой натурѣ долгіе годы затворнической жизни, ежедневныя придирки, сидѣнья за шитьемъ, ѣда щей, картофеля и каши не могли убить ни здоровья, ни страстности, ни настойчивости характера. Напротивъ того, ея страстность только разгоралась все сильнѣе и сильнѣе среди скучныхъ занятій, невольно наводившихъ ея мысль на болѣе отрадные предметы; ея настойчивость и рѣзкость укрѣплялись все болѣе и болѣе при каждомъ новомъ притѣсненіи. Теперь, ожидая Рождественскаго, Скворцова вся горѣла, какъ въ огнѣ. Ея щеки пылали яркимъ румянцемъ; ея глаза то подергивались какъ бы туманомъ, то ярко свѣтились и сверкали. Заслышавъ шаги Рождественскаго, она проскользнула въ коридоръ и въ полутьмѣ быстро сунула что-то въ руку учителю. Онъ испуганно отшатнулся въ сторону, взглянулъ на дѣвушку, потомъ на сунутую ему бумажку и поспѣшно опустилъ руку въ карманъ. Все это совершилось такъ быстро, что не было замѣчено даже Марьею Николаевною, тоже торопливо вышедшею въ коридоръ навстрѣчу къ учителю. Она встрѣтила его съ томною улыбкой и мягкимъ голосомъ спросила о здоровьи.

— Ничего-съ! — неуклюже раскланялся Рождественскій.

— А я вотъ все нервами страдаю,—проговорила Марья Николаевна, закатывая глаза.

— Да-съ! — некстати отвѣтилъ Рождественскій и въ совершенномъ замѣшательствѣ спросилъ: — ученицы въ классѣ-съ?

— Въ классѣ... онѣ всегда ждутъ васъ съ такимъ нетерпѣніемъ, вы...

— Сейчасъ, сейчасъ иду-съ,—произнесъ Рождественскій, полагая, что помощница торопитъ его идти въ классъ.

Марья Николаевна вздохнула глубокимъ вздохомъ, и въ ея головѣ промелькнула мысль: «Какъ онъ скроменъ. Божественный!»

При входѣ Рождественскаго въ классѣ поднялся шумъ.

Digitized by Google

Дѣвочки лѣзли къ нему съ вопросами, съ просьбами, съ тетрадями. Учитель находился буквально въ осадномъ положеніи, отъ котораго его не могло спасти даже вмѣшательство Марьи Николаевны, кричавшей дѣвочкамъ:

— Садитесь по мѣстамъ! Тише, тише!

Это былъ гласъ, вопіющій въ пустынѣ; дѣвочки перестали шумѣть только тогда, когда учитель принялся за диктовку. Онъ диктовалъ очень плохо, путался на каждомъ словѣ и, повидимому, думалъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ говорилъ. Бѣдняга былъ совершенно смущенъ полученною имъ запиской отъ Скворцовой. Это была уже не первая записочка, сунутая ему въ руку смѣлою дѣвушкой, но, тѣмъ не менѣе, онъ волновался, не зная, чѣмъ кончится вся эта переписка. Сначала онъ не хотѣлъ открывать эту исторію начальницѣ, не желая навлекать непріятностей на влюбившуюся въ него дѣвушку. Теперь же онъ уже не могъ этого сдѣлать, такъ какъ буря разразилась бы и надъ нимъ и, можетъ-быть, повлекла бы за собою его отставку изъ пріютовъ Бѣлокопытовыхъ. Не бояться подобнаго конца этой исторіи Рождественскій не могъ, потому что кромѣ ста шестидесяти рублей въ годъ, получаемыхъ изъ двухъ пріютовъ, у него не было никакихъ опредѣленныхъ доходовъ и были только случайные заработки. Но разыграться исторія должна была скоро: содержаніе записочекъ дѣлалось все рѣшительнѣе. Рождественскому хотѣлось теперь поскорѣе вырваться изъ класса. Продиктовавъ нѣсколько строчекъ стиховъ, отобравъ тетради и спросивъ уроки, онъ, несмотря на сентиментальные вопросы и нѣжные взгляды Марьи Николаевны, торопливо ушелъ изъ класса, какъ только прошелъ урочный часъ. За этимъ часомъ слѣдовалъ чай и отдыхъ. Въ большой рабочей залѣ дѣвочки играли и отдыхали отъ дневныхъ трудовъ. Эта большая комната, довольно слабо освѣщенная большою лампой, выглядѣла въ эти вечерніе часы не очень весело. Въ средѣ дѣтей не было никакого оживленія; старшія воспитанницы собрались отдѣльными группами и о чемъ-то шептались; младшія неслышно играли; обѣ помощницы сидѣли за своей собственною работою въ какой-то полудремотѣ и, ужъ, конечно, не думали о томъ, что по уставу онѣ должны «занимать играми маленькихъ воспитанницъ». Въ комнатѣ начинало, по обыкновенію, дѣлаться все холоднѣе и холоднѣе. Всѣ кутались въ зеленые байковые платки и, повидимому, нетерпѣливо ждали только ужина и сна. Сонъ былъ здѣсь единственнымъ бла-

Digitized by Google

гомъ для людей, единственною цѣлью, къ которой стремились эти люди, вставая утромъ съ постели.

Еще ужинъ не былъ поданъ, когда въ залу вошла просто одѣтая, блѣдная дѣвушка съ черными вьющимися волосами. При ея появленіи въ комнатѣ, къ ней бросилась навстрѣчу маленькая, худенькая дѣвочка. Онѣ обнялись и горячо поцѣловались. Это были двѣ сестры Прилежаевы. Катерина Александровна, поцѣловавъ сестру, поздоровалась съ помощницами.

— Котикъ, а я безъ васъ такъ соскучилась! — воскликнула Марья Николаевна, цѣлуя старшую Прилежаеву и оттопыривая свои поблекшія губы.

— Что такъ рано изъ гостей воротились?—спросила съ гримасой Ольга Никифоровна.

— Я не въ гостяхъ была; ходила домой, къ матери, — замѣтила Катерина Александровна, садясь около Марьи Николаевны.

Зубова окинула глазами ея нарядъ.

— А это платье совсѣмъ не идетъ къ вамъ, милѣйшая Катерина Александровна, — проговорила она. — Вамъ бы нужно лифъ попышнѣе дѣлать: у васъ плечи узенькія.

— Я не забочусь о томъ, идетъ или не идетъ ко мнѣ мое платье: было бы чисто, — холодно отвѣтила Катерина Александровна.

Она почти не поднимала глазъ, устремленныхъ съ любовью на маленькую Дашу, сильно похудѣвшую и окончательно притихшую въ пріютѣ.

— Что-жъ, вѣдь однимъ лицомъ нельзя удивить! — продолжала Зубова.

— Мнѣ некого удивлять, — промолвила Катерина Александровна, задумчиво лаская свою сестренку.

— Какая скромница! какая скромница!—громко засмѣялась Ольга Никифоровна, придавая добродушное выраженіе куску мяса, носившему названіе лица.

Ольга Никифоровна отошла отъ Катерины Александровны и Марьи Николаевны.

—Успѣла уже обидѣть васъ, кисанька! Змѣя, просто змѣя! Не огорчайтесь, пупенька, — шопотомъ промолвила Марья Николаевна, горячо сжимая руку Катерины Александровны.

— Меня трудно огорчить, — спокойно сказала Катерина Александровна. — Послѣ того горя, которое я видѣла, я, право, и не чувствую всѣхъ этихъ мелкихъ царапинъ.

Digitized by Google

— Вы ангелъ, божественная!—воскликнула Марья Николаевна и чмокнула Катерину Александровну въ щеку.— У-у, кисенокъ!

Катерина Александровна разсѣяннымъ взглядомъ посмотрѣла на дѣтей и молча продолжала ласкать свою сестренку, которая прижалась къ ней, какъ маленькая птичка подъ крыло матери.

— Здорова ли ты, моя голубка! — тихо спросила Катерина Александровна.—Ты такая блѣдная.

— Я здорова, сестрица!—какъ-то уныло отвѣтила Даша.

— Ты скажи мнѣ, если у тебя что-нибудь болитъ, если тебѣ скучно...

— У меня ничего не болитъ, сестрица,—съ убійственною, недѣтскою покорностью отвѣтила Даша.

Катерина Александровна тяжело вздохнула и задумалась.

— Вы, цыпенька, не можете себѣ представить, что здѣсь за жизнь идетъ! — шептала, между тѣмъ, Марья Николаевна.—Это адъ, это адъ! Здѣсь всѣ притѣсняютъ, давятъ другъ друга. Я, кажется, не смотрѣла бы ни на кого: такъ противны мнѣ эти люди. У меня силъ не хватаетъ терпѣть эту жизнь!

— Развѣ вы думаете выйти въ отставку? Какъ же придумали жить? — съ оживленіемъ спросила Катерина Александровна, полагая, что Марья Николаевна додумалась до какихъ-нибудь новыхъ средствъ къ жизни.

— Нѣтъ! Чѣмъ же я стану жить? Вѣдь у меня ничего нѣтъ... Но здѣсь, котикъ, я умру, непремѣнно умру!

По лицу Катерины Александровны пробѣжала грустная и въ то же время насмѣшливая улыбка.

— Вотъ вы какая, милочка, вы смѣетесь, когда я страдаю!—упрекнула ее Марья Николаевна.

— Я не тому смѣюсь, — замѣтила Катерина Александровна.—Но вы такъ смѣшно сказали, что вы *здѣсь* умрете, какъ будто въ другомъ мѣстѣ вы не умерли бы.

— Попочка, я не то хотѣла сказать. Я хотѣла сказать, что я умру здѣсь прежде времени. Здѣсь вѣдь адъ, адъ!

— Гдѣ же лучше? — спросила Катерина Александровна, и на ея лицѣ снова отразилось выраженіе любопытства.

— Гдѣ?—растерянно переспросила Марья Николаевна.— Развѣ вы, киса, думаете, что вездѣ такъ же дурно жить?

Катерина Александровна нетерпѣливо пожала плечами.

— Я этого не думаю. Я сдѣлала этотъ вопросъ, чтобы узнать, куда бы вы хотѣли попасть, чтобы быть счастливою...

Digitized by Google

— Я, милочка, и сама не знаю, — наивно произнесла Марья Николаевна.—Я вѣдь совсѣмъ не знаю жизни... Ахъ, кисанька, сегодня былъ у насъ Рождественскій: какой онъ котикъ! Бука такой, оттопырилъ губы и исподлобья глядитъ, бяшка! У-у!

Катерина Александровна снова улыбнулась, но въ ея улыбкѣ промелькнуло легкое выраженіе презрѣнія.

Въ эту минуту позвонили къ ужину. Раздалось пѣніе дѣвочекъ, началась ѣда гречневой каши съ прогорклымъ масломъ и съ чернымъ хлѣбомъ, потомъ снова пѣніе и отходъ ко сну. Нѣжно поцѣловавъ свою сестру и холодно подставивъ свою щеку подъ страстные поцѣлуи Марьи Николаевны, Катерина Александровна пошла спать.

Въ домѣ водворилась полнѣйшая тишина: живые мертвецы размѣстились по своимъ постелямъ-могиламъ. Богъ знаетъ, какіе сны снились Зубовой, Марьѣ Николаевнѣ, Скворцовой, блѣдной маленькой Ивановой, поѣвшей и щей, и картофелю, и каши, несмотря на лихорадочное состояніе и головную боль. Но какъ бы ни были страшны и несбыточны ихъ сны,—эти ночныя грезы были, все-таки, менѣе призрачны, менѣе безсмысленны, менѣе дики, чѣмъ ихъ жизнь днемъ.

Домъ погрузился во мракъ и выглядѣлъ еще угрюмѣе, чѣмъ днемъ. Только въ четырехъ окнахъ на половинѣ Анны Васильевны горѣли яркіе огни. Здѣсь собралось веселое общество праздныхъ стариковъ и старухъ, и шла игра въ карты, за которою почти постоянно проводила вечера Анна Васильевна.

— Maman, а ты и не сказала мнѣ, что въ твоемъ вертоградѣ появилась новая гурія,—говорилъ Аннѣ Васильевнѣ господинъ съ довольно большими черными усами, наглыми масляными глазами и разбитными манерами.

Это былъ тридцатилѣтній сынъ Анны Васильевны, Александръ Ивановичъ Зоринъ.

— А ты уже успѣлъ разсмотрѣть? — засмѣялась Анна Васильевна, шутливо качая головой.

— Какъ же не разсмотрѣть? — воскликнулъ Александръ Ивановичъ. — Удивительно огненные глаза, черные, какъ ночь, волосы, поэтическая блѣдность лица...

— Пожалуйста, не входи въ подробности; я вѣдь знаю, до чего ты способенъ дойти. Пожалуйста, поменьше смотри на моихъ покопницъ,—игриво замѣтила Анна Васильевна, слегка ударивъ сына картами по лицу.—Я вѣдь тебя знаю!.. Все такой же шалунъ, какъ и прежде,—обратилась она къ

Digitized by Google

одному изъ партнеровъ, сѣдому старику съ воинственною физіономіей и Георгіемъ въ петлицѣ.

— Ну, ты ужъ и испугалась! — непріятнымъ смѣхомъ засмѣялся Александръ Ивановичъ.—А въ самомъ дѣлѣ, кто сія одалиска?

— Нищая какая-то. По протекціи гиреевской горничной заняла мѣсто помощницы,—съ пренебреженіемъ произнесла Анна Васильевна.—Успѣла уже сдѣлаться предметомъ обожанія этой старой дѣвы Постниковой.

— Ты все знаешь!—засмѣялся сынъ.

— Нельзя же не справляться, что дѣлается въ средѣ этихъ дѣвчонокъ.

— Тебѣ бы полкомъ командовать,—промолвилъ съ наглою ироніей Александръ Ивановичъ.

— Командовали, командовали, батюшка,—засмѣялся густымъ басомъ сѣдой господинъ.

— И все твой вѣрный плацъ-адъютантъ, Ольга Никифоровна, рапортуетъ?—продолжалъ ироническимъ тономъ Александръ Ивановичъ.

— Я ей очень благодарна, что она передаетъ мнѣ, что дѣлается тамъ,—сухо промолвила Анна Васильевна и обратилась къ одной изъ игравшихъ съ нею дамъ.—Вы не можете себѣ представить, что это за вертепъ... У меня постоянно голова разболится, когда я тамъ пробуду хоть часъ.

— Ну, признайся, что ты никогда не пробовала тамъ пробыть часу,—засмѣялся сынъ, поддразнивая мать.

— Ахъ, Боже мой, не сидѣть же мнѣ цѣлый день между этими солдатками и будущими прачками.

— Уступи мнѣ свое мѣсто и, клянусь тебѣ гробами всѣхъ моихъ отцовъ, я никогда, ни на минуту не отлучусь отъ нихъ,—драматическимъ тономъ произнесъ сынъ.

— Ты все дуришь!—покачала головой мать, погрозивъ пальцемъ.

— Вы опасный человѣкъ!—смѣялась барыня, игравшая въ карты и очень радовавшаяся, что ей удалось во время разговора приписать сотню фишъ въ своихъ запискахъ за партнерами.

— Почему же опасный?—небрежно спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Ну, да, ну, да, ужъ сами знаете, почему.

— Ей-Богу не могу и представить, почему я опасенъ и даже для васъ,—пожалъ плечами Зоринъ.

— Потому что говоришь подъ руку! Я ремизъ вотъ

Digitized by Google

изъ-за тебя поставила, — сердито произнесла Анна Васильевна, чувствуя, что ея сынъ сейчасъ начнетъ грубить.

Еще долго шли въ ея гостиной подобные интересные разговоры. Но и на половинѣ дѣтей не всѣ спали. Тамъ не спала Катерина Александровна. Она, лежа на своей постели, прислушиваясь къ храпѣнію и бреду дѣтей, размышляла о своей судьбѣ и о судьбѣ своей семьи. Не очень веселы были ея духы.

II.

„Передайте сосѣду" — старая игра въ ея примѣненіи къ управленію.

Уже прошло около двухъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ Катерина Александровна впервые переступила порогъ этого невеселаго дома, съ тѣхъ поръ, какъ впервые уснула въ общей спальнѣ подъ звуки дѣтскаго храпѣнья. Но только теперь она могла дать себѣ ясный отчетъ о той средѣ, о тѣхъ личностяхъ, среди которыхъ ей приходилось жить. Въ предшествовавшіе дни она ко всему присматривалась, прислушивалась, собирала обо всемъ свѣдѣнія,—теперь ей было вполнѣ ясно, какой мірокъ окружаетъ ее. Выводъ былъ не очень веселый, хотя въ то же время склонный къ юмору умъ дѣвушки и увидалъ, что все окружающее ее крайне нелѣпо, смѣшно и комично.

Пріютъ графовъ Бѣлокопытовыхъ былъ одною изъ сотенъ тяжелыхъ обузъ, оставленныхъ въ наслѣдство графу Дмитрію Васильевичу Бѣлокопытову и его родственникамъ однимъ изъ его предковъ. Этотъ предокъ когда-то получилъ въ теченіе пяти или шести лѣтъ до пятнадцати тысячъ душъ крестьянъ въ видѣ подарка. Онъ не могъ проживать всѣхъ получаемыхъ имъ оброковъ съ крестьянъ, несмотря на то, что онъ содержалъ сотню дворовыхъ людей, десятки музыкантовъ, множество любовницъ, цѣлыя своры собакъ, давалъ балы и обѣды на цѣлую губернію. Вслѣдствіе этого онъ задумалъ потѣшить себя новыми затѣями, настроилъ изъ крестьянскихъ денегъ богадѣленъ, пріютовъ, завелъ пансіонеровъ-бѣдняковъ и, дѣлая духовное завѣщаніе, поставилъ наслѣдникамъ въ обязанность продолжать начатыя имъ филантропическія затѣи. Шли годы, въ средѣ пансіонеровъ, въ богадѣльнѣ и въ пріютахъ попрежнему звучали молитвы за благодѣтелей, но сами благодѣтели были уже не тѣ и не такъ смотрѣли на своихъ прихлебателей, какъ ихъ предшественники. Дѣло въ томъ, что имѣніе дробилось, проку-

Digitized by Google

чивалось по частямъ; потомкамъ привередливаго богача дѣлалось все труднѣе и труднѣе поддерживать учрежденіе предка и выдавать, согласно завѣщанію послѣдняго, ежемѣсячныя пенсіи. Такія личности, какъ графъ Дмитрій Васильевичъ Бѣлокопытовъ и его сынъ, не только не гордились тѣмъ, что въ основной капиталъ разныхъ филантропическихъ учрежденій положены ихъ фамиліей десятки тысячъ, но просто раздражались, вспоминая, что на эти десятки тысячъ было бы еще возможно устроить порядочную оргію, подарить пару рысаковъ любовницѣ и, можетъ-быть, уплатить кое-какіе мелкіе долги разнымъ вахмистрамъ, унтеръ-офицерамъ, камердинерамъ и тому подобнымъ людямъ, очень безцеремонно требовавшимъ отдачи своихъ денегъ или прикрытія своихъ грабительскихъ продѣлокъ. Графъ Дмитрій Васильевичъ, принужденный выжимать изъ своихъ крестьянъ послѣдніе соки и все-таки не имѣвшій возможности свести концы съ концами, настолько ненавидѣлъ всѣ благотворительныя учрежденія, носившія его фамилію, что никогда не пользовался своимъ правомъ засѣдать вмѣстѣ съ своими родственниками въ комитетахъ, управлявшихъ дѣлами этихъ учрежденій. Большинство его родственниковъ мужчинъ смотрѣли на дѣло не лучше, и потому дѣлами учрежденій управляли главнымъ образомъ женщины—Дарья Федоровна Бѣлокопытова, Марина Осиповна Гиреева и тому подобныя личности.

Но у всѣхъ этихъ барынь было чрезвычайно мало свободнаго времени; онѣ должны были дѣлать и принимать визиты, ѣздить на офиціальные балы и обѣды, такъ какъ пропустить какой-нибудь балъ или обѣдъ было невозможно, не возбуждая толковъ о своихъ отношеніяхъ къ тѣмъ лицамъ, на чьемъ балу или обѣдѣ они вздумали бы не появиться; имъ приходилось проводить утренніе часы за разсматриваніемъ модныхъ матерій, привезенныхъ изъ англійскаго магазина, за примѣркою платьевъ, доставленныхъ отъ модистокъ, за просматриваньемъ счетовъ, принесенныхъ ихъ управляющими, и устройствомъ своихъ чисто семейныхъ дѣлъ. Эти барыни въ то же время занимались общественною дѣятельностью, засѣдали въ разныхъ филантропическихъ комитетахъ, посѣщали богадѣльни, пріюты и тюрьмы. Въ тюрьмѣ между арестантами Гиреева даже успѣла сдѣлаться популярною настолько, что однажды у нея тамъ вытащили на память изъ кармана кошелекъ и отрѣзали золотые часы. Кромѣ того, княгиня Гиреева, имѣвшая близкихъ родствен-

Digitized by Google

никовъ въ дипломатическомъ мірѣ, принимала живое и дѣятельное участіе въ судьбахъ Европы, переписывалась съ Гизо и Монталамберомъ и очень ревностно занималась вопросомъ о сближеніи англиканской церкви съ православною, видя возможность этимъ путемъ тѣсно связать Россію съ Америкой. Графиня Бѣлокопытова, хотя и была младенчески несвѣдуща въ политическихъ вопросахъ; но такъ же, какъ и Гиреева, заботилась о дѣлахъ православія; она вела дѣятельную переписку съ нѣсколькими архіереями, вводившими православіе между евреями, поляками, кавказскими народами и инородцами Сибири. Отказавъ себѣ въ самомъ необходимомъ, она пожертвовала для раздачи киргизамъ тысячу посеребренныхъ крестиковъ, нѣсколько тысячъ картинокъ духовнаго содержанія и сшила сто воздуховъ изъ собранныхъ ею у знакомыхъ поношенныхъ шелковыхъ платьевъ. Все это отнимало у Гиреевой и Бѣлокопытовой возможность управлять своими собственными благотворительными учрежденіями. Кромѣ того, эти женщины были отлично образованы, но почти безграмотны: Гиреева, хотя и переписывалась о судьбахъ Европы съ Гизо и Монталамберомъ, хотя и знала первыя четыре правила ариѳметики, но очень плохо умѣла писать по-русски и дѣлала довольно крупныя грамматическія ошибки. Дарья Федоровна, хотя и вела душеспасительную переписку съ разными архіереями, хотя и писала правильно по-русски съ тѣхъ поръ, какъ отбросила окончательно буквы *ѣ*, *э* и *ь*, но зато она не знала даже первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики и приходила въ полнѣйшее смущеніе, когда ей нужно было свести самые несложные счеты. Особенно пугали ее дроби, и она никакъ не могла понять, какимъ образомъ $^1/_8$ можетъ быть меньше $^1/_7$.

Вслѣдствіе всего этого благотворительницы устроили цѣлую администрацію, цѣлый департаментъ управленія своими филантропическими учрежденіями. Здѣсь были попечители, казначеи, правители дѣлъ, секретари, писцы, взятые изъ того слоя общества, въ которомъ болѣе всего грамотныхъ людей, къ которому принадлежали дѣйствительный статскій совѣтникъ Боголюбовъ и докторъ Гроховъ, люди, дошедшіе отъ нищеты до благосостоянія при помощи труда, дѣйствительныхъ знаній и умѣнья удить рыбу въ мутной водѣ. Боголюбовъ и Гроховъ вертѣли дѣлами, представляли попечительницамъ невообразимо сложные отчеты съ точными указаніями на какія-нибудь израсходованныя $^2/_9$ частей копейки,

Digitized by Google

и попечительницы оставались вполнѣ спокойны, не умѣя провѣрять счетовъ и оставляя за собою только право посѣщать въ высокоторжественные или свободные дни свои пріюты и богадѣльни, опредѣлять туда дѣтей, стариковъ, помощницъ и начальницъ.

Но, доставляя отчеты барынямъ, Боголюбовы и Гроховы никогда не забывали, что для нихъ гораздо больше значенія имѣютъ опредѣлившіе ихъ на мѣста мужья и родственники этихъ барынь, чѣмъ сами барыни, и потому стремились сообразоваться въ своемъ управленіи дѣлами съ цѣлями мужской половины фамилій Бѣлокопытовыхъ и Гиреевыхъ. Стремленія же мужчинъ сводились къ одному: соблюсти формальную сторону и тратить какъ можно меньше денегъ на дѣло. Вслѣдствіе этого вся дѣятельность Боголюбовыхъ и Гроховыхъ направилась на то, чтобы въ уставахъ благотворительныхъ учрежденій появлялось какъ можно больше громкихъ и жалкихъ словъ для утѣшенія барынь и какъ можно меньше статей расходовъ для успокоенія мужчинъ. Такъ, въ уставѣ пріюта говорилось, что дѣтямъ должна даваться сытная и здоровая пища, по полуфунту говядины и по полутора фунта хлѣба въ день, два раза чай съ хлѣбомъ, ужинъ изъ одного блюда и тому подобное, а въ смѣтѣ значилось, что на воспитанницу отпускается только девять копеекъ въ сутки. Барыни восхищались словами о сытной и здоровой пищѣ, о полуфунтѣ говядины въ день и, вслѣдствіе отсутствія ариѳметическихъ знаній, никакъ не понимали, что на девять копеекъ нельзя приготовить обѣда, ужина и чая, если бы даже за говядину платилось только десять копеекъ за фунтъ. Мужчины пропускали безъ вниманія громкія фразы и выражали свое удовольствіе за то, что бюджетъ доведенъ до minimum'a. Въ бюджетѣ дѣйствительно появлялись очень интересныя статьи; такъ, напримѣръ, для 50 воспитанницъ на канцелярскія принадлежности, учебныя пособія и медикаменты отпускалось только 60 руб. въ годъ, на мыло и прачечныя потребности 50 руб. въ годъ; на одежу, обувь и бѣлье по 13 руб. на воспитанницу; на ѣду служителей по семь копеекъ въ день. Однимъ словомъ, Боголюбовы и Гроховы довели бюджетъ до того, что призрѣваемые умерли бы съ голода, если бы они не ѣли своей пищи, не пили своего кофе, не насыщались бы гдѣ-нибудь внѣ пріюта въ праздники. Конечно, администраторы не забыли себя и довольно щедро назначали суммы на ремонтъ зданія, на разъѣзды себѣ. Такъ, напримѣръ, за разъѣзды

Digitized by Google

Боголюбовъ получалъ до 350 рублей въ годъ и посѣщалъ пріютъ не болѣе какъ разъ въ мѣсяцъ! Мужская ловина фамилій Бѣлокопытовыхъ и Гиреевыхъ такимъ образомъ была вполнѣ довольна и всѣми силами старалась выводить въ люди Боголюбовыхъ и Гроховыхъ, платя этимъ дешевымъ способомъ за ихъ усердіе. Барыни тоже были въ восторгѣ и прославляли Боголюбовыхъ и Гроховыхъ за самоотверженныя заботы о бѣдныхъ, за служеніе на пользу бѣдныхъ людей безъ жалованья. Боголюбовы и Гроховы съ достоинствомъ несли званіе «друзей бѣдныхъ», съ благодарностью принимали то чинъ, то доходное мѣсто или награду отъ казны и благодушно предоставляли начальницамъ филантропическихъ учрежденій сводить концы съ концами изъ выдаваемыхъ по смѣтѣ суммъ.

Если Боголюбовымъ и Гроховымъ не легко было составлять уставы, удовлетворяя и барынь, и мужчинъ, то начальницамъ богадѣленъ и пріютовъ предстояла не менѣе трудная задача накормить на 9 копеекъ каждаго изъ призрѣваемыхъ. Однако, отъ кандидатокъ въ начальницы не было отбою. Это было, повидимому, странно. Но дѣло въ томъ, что кандидатки въ начальницы, какъ женщины, совершенно не умѣли разсчитать заранѣе, выгодно ли будетъ ихъ мѣсто; кромѣ того, онѣ знали, что старые уставы, составленные предкомъ Бѣлокопытовыхъ, назначали еще меньше денегъ на ѣду и что, несмотря на это, первыя правительницы не только сводили концы съ концами, но даже и наживались. «Если онѣ наживались, значитъ, и мы можемъ нажиться», разсуждали онѣ, не понимая того, что бюджеты старыхъ уставовъ были простою формальностью: въ пріюты и въ богадѣльни въ старые годы неслась и везлась провизія изъ деревень стараго Бѣлокопытова, и этой провизіи было столько, что призрѣваемые не могли ее истребить, и начальницы просто торговали ею. Мука, крупа, гуси, куры, медъ, сушеные грибы, все это было предметами торговли, и начальницы уподоблялись помѣщицамъ, собиравшимъ оброкъ со своихъ деревень. Теперь же провизіи, привозимой крестьянами Бѣлокопытовыхъ, не хватало и для самихъ господъ, такъ какъ они всѣ оброки перевели на деньги. Въ пріюты и богадѣльни не перепадало ничего. Учредитель этихъ благотворительныхъ заведеній постоянно присылалъ въ нихъ экстренныя суммы, теперь же Бѣлокопытовы старались всѣми силами только объ ограниченіи средствъ этихъ учрежденій и даже выставили кружки для сбора подаяній у прохожихъ; но прохожіе

Digitized by Google

шли своимъ путемъ, а кружки такъ и стояли пустыми. Только какой-то негоціантъ, жившій рядомъ съ пріютомъ и потерявшій счетъ деньгамъ, ежегодно, при полученіи изъ-за границы транспорта съ фруктами, присылалъ въ пріютъ ящикъ апельсиновъ. Но что значатъ апельсины тамъ, гдѣ недостаетъ хлѣба. При такомъ положеніи дѣлъ новымъ начальницамъ благотворительныхъ заведеній нечего было и думать о наживѣ. Приходилось, при поступленіи на мѣсто, заботиться только объ одномъ: чтобы не попасть въ долговое отдѣленіе.

Начальницы опредѣлялись на мѣста, какъ мы сказали, черезъ барынь, но очень хорошо знали, что имъ нужно болѣе всего дорожить благорасположеніемъ Боголюбовыхъ и Гроховыхъ, такъ какъ послѣдніе могли въ своихъ отчетахъ по волѣ и скрывать, и выставлять на видъ передержанныя суммы, утраченное бѣлье, разбитую посуду и тому подобное. Если начальницы успѣвали заслужить расположеніе Боголюбовыхъ и Гроховыхъ, то онѣ могли спокойно спать, такъ какъ не только не всплывали наружу никакіе изъ ихъ промаховъ, но даже плохое содержаніе дѣтей не могло броситься въ глаза барынямъ, при посѣщеніи ими своихъ филантропическихъ учрежденій. Боголюбовы и Гроховы, выпытавъ у барынь, когда онѣ посѣтятъ то или другое изъ этихъ учрежденій, давали знать излюбленнымъ начальницамъ о томъ, что нужно въ теченіе такихъ-то и такихъ-то дней быть наготовѣ и держать все въ чистотѣ и порядкѣ. Бѣлокопытовы и Гиреевы пріѣзжали, находили чистое бѣлье на постеляхъ, чистую одежду на дѣвочкахъ или призрѣваемыхъ старцахъ, чистыя щи и свѣжее масло,—и успокаивались, выразивъ свое удовольствіе начальницамъ.

Начальницы, по большей части, выбирались изъ вдовъ полковниковъ и подполковниковъ, изъ женщинъ, воспитывавшихся въ институтахъ, прожившихъ въ довольствѣ половину жизни, игравшихъ роль важныхъ барынь и вслѣдствіе того не сумѣвшихъ скопить гроша на черный день. Богадѣльня или пріютъ, ввѣренные ихъ надзору, должны были сдѣлаться въ сущности филантропическими пристанищами и для нихъ самихъ. Но—увы!—теперь въ этихъ учрежденіяхъ шло все наоборотъ, и вмѣсто теплаго мѣстечка женщины попадали въ ловушку, доводившую ихъ до окончательнаго разоренія. Именно въ такомъ положеніи находилась и Анна Васильевна Зорина.

Ея мужъ былъ когда-то адъютантомъ покойнаго князя

Digitized by Google

Гиреева; она была ловкою полковою дамой. Въ ея домѣ молодежь высшаго круга не находила ни холодной сдержанности аристократическихъ салоновъ, ни буржуазнаго скопидомства чиновнической среды, ни мужицкой неразвитости купеческаго круга. Здѣсь можно было подъ конецъ веселой пирушки разстегнуть нижнюю пуговицу у мундира и завести интрижку на пару дней съ хозяйкой; здѣсь можно было напиться и насытиться, не отравляя себя рублевымъ лафитомъ и начиненными капустой гусями; здѣсь можно было говорить на чистомъ французскомъ языкѣ, говорить о литературѣ, объ общественной жизни, о театрахъ и бадахъ, а не о бѣлой арапіи и не о небесныхъ знаменіяхъ. Хозяева жили сегодняшнимъ днемъ, никогда не вспоминая о томъ прошломъ, когда у нихъ, быть-можетъ, не было хлѣба, и не думая о будущемъ, когда имъ, быть-можетъ, придется ходить съ протянутою рукой. Мужъ и жена не стѣсняли другъ друга и не спрашивали, почему онъ бросаетъ нѣжные взгляды на жену ротнаго командира, а она слишкомъ часто принимаетъ къ себѣ новоиспеченнаго прапорщика. Шли годы; у Анны Васильевны уже было нѣсколько взрослыхъ дѣтей, имѣвшихъ поразительное сходство съ офицерствомъ того полка, гдѣ служилъ ея мужъ; у нея было еще болѣе сѣдыхъ волосъ и морщинъ, и при этомъ совершенно не было денегъ. Ея мужъ умеръ, дослужившись до чина подполковника, умеръ скоропостижно въ день ревизіи; говорятъ, что при ревизіи оказался большой недочетъ во ввѣренныхъ ему суммахъ, но полкъ не задумался ни на минуту и заплатилъ за Зорина недостающія деньги: это было вполнѣ благородно, такъ какъ нужно же было отплатить товарищу за его пиры и за любезность его жены. Но Анна Васильевна все-таки была безъ средствъ къ жизни и должна была кормить не только себя, но и своего старшаго сына. Этотъ сынъ былъ enfant terrible Анны Васильевны. Онъ воспитывался въ корпусѣ, когда его семья вела еще разгульную жизнь; онъ рано сдѣлался сердцеѣдомъ и любимцемъ полковыхъ дамъ; мать восхищалась баловнемъ, вспоминая свою молодость; иногда она журила его за кутежи, но онъ цѣловалъ ручку милой maman, напоминалъ ей имена какихъ-то прапорщиковъ; maman трепала его по щекѣ, произносила «шалунъ, шалунъ», и миръ заключался снова; все шло отлично до того рокового дня, когда Зоринъ-père окончилъ смертію свою жизнь. Въ этотъ день Зоринъ-fils остался безъ всякой поддержки и значительно потерялъ цѣну въ глазахъ своихъ

Digitized by Google

кутящихъ собратьевъ. Ему пришлось кутить на чужой счетъ: этого, какъ честный дворянинъ, онъ не могъ дѣлать, по крайней мѣрѣ, покуда съ непривычки. Не раздумывая о томъ, что привыкнуть можно ко всему, даже и къ кутежамъ на чужой счетъ, онъ вышелъ въ отставку и переселился къ своей матери. Жить на ея счетъ не значило жить на чужой счетъ: съ родными церемоніи и счеты обыкновенно отбрасываются въ сторону. Отставной полковой пѣтухъ и отставная полковая барыня—на что они годятся? Въ надзиратели и въ надзирательницы за чьей-нибудь нравственностью, самое лучшее. По крайней мѣрѣ, такъ думаютъ у насъ.

Именно подобное назначеніе и было дано Аннѣ Васильевнѣ; Гиреева дала ей мѣсто начальницы въ пріютѣ Бѣлокопытовыхъ. Мать и сынъ зажили мирно: мать окружила себя тѣснымъ кружкомъ отставныхъ и пообѣднѣвшихъ полковыхъ кутилъ и барынь и жила воспоминаніями за пульками преферанса; сынъ, будируя на несправедливую судьбу, ѣдко подсмѣивался надо всѣмъ и всѣми, лѣниво позѣвывалъ въ обществѣ стариковъ, говорилъ либеральныя фразы о безплодной дѣятельности у насъ, въ Россіи, и дѣлалъ глазки горничнымъ, сознавая, что для нихъ онъ еще сохранилъ въ себѣ достаточную дозу обаятельной прелести и что здѣсь его дѣятельность, навѣрное, принесетъ плоды.

А управленіе пріютомъ?

— Ахъ, эти дѣвчонки мнѣ такъ надоѣли!—говорила Анна Васильевна.—Это какія-то дѣти вертеповъ и омутовъ. Я просто теряю съ ними голову. И что же я могу подѣлать съ ними? Я даже накормить ихъ не могу. Ихъ надо накормить на какія-нибудь девять копеекъ. Вѣдь этихъ денегъ намъ съ Александромъ на булки не хватило бы... Ну, и пришлось опять сдѣлать передержку!..

Вслѣдствіе этого Анна Васильевна, не желая подъ конецъ жизни разстраивать своихъ нервовъ и портить своего характера, предоставила надзоръ за дѣтьми помощницамъ и заботилась только о томъ, чтобы дѣтямъ позволяли пить свой кофе, ѣсть свои булки и чтобы въ праздники отпускались къ родителямъ всѣ воспитанницы, хотя по уставу отпускать дѣтей къ родителямъ позволялось только въ томъ случаѣ, если родители этихъ дѣтей извѣстны начальницѣ за порядочныхъ людей. Хозяйственная часть всецѣло передалась въ руки кухарки, горничной и швейцара, такъ какъ эти люди умѣли лучше Анны Васильевны купить тухлую

Digitized by Google

говядину, горькое масло, сырыя еловыя дрова и тому подобные дешевые предметы, дававшіе возможность соблюсти экономію, свести концы съ концами. Анна Васильевна—надо ей отдать справедливость—еще могла волноваться, видя, какою отравой кормятъ дѣтей; но прислуга давно уже потеряла эту способность; вслѣдствіе этого Анна Васильевна не выходила въ кухню и столовую въ то время, когда избранные ею отравители спокойно дѣлали свое дѣло. Иногда отравляемые возмущались; иногда они слишкомъ безцеремонно вырывали другъ у друга куски хлѣба; порою, проскользнувъ передъ ужиномъ въ столовую, похищали весь поданный картофель, не оставивъ своимъ менѣе ловкимъ ближнимъ ничего,—въ эти минуты все трудное дѣло усмиренія бунтующихъ взваливалось на помощницъ.

Но что же могли сдѣлать помощницы?

Знаете ли вы, что значитъ помощница?

Это—нуль, носящій какое-нибудь женское имя.

Я не встрѣчалъ въ жизни ни одного болѣе жалкаго созданія, чѣмъ классныя дамы, помощницы и тому подобныя дѣвственницы закрытыхъ учебныхъ заведеній. Монахиня выноситъ свою затворническую жизнь, убиваетъ свою плоть во имя убѣжденія; бѣднякъ терпитъ свою нужду, вѣчно питая надежду на лучшее будущее. Ни того, ни другого нѣтъ у этихъ жалкихъ существъ для возбужденія ихъ энергіи. Эти женщины поступаютъ на свои мѣста не потому, что онѣ любятъ дѣтей, не потому, что онѣ любятъ дѣло воспитанія, но потому, что у нихъ нѣтъ куска хлѣба, нѣтъ возможности и умѣнья заработать этотъ кусокъ хлѣба какимъ-нибудь другимъ способомъ. По большей части эти дѣвушки поступаютъ на свои мѣста въ томъ возрастѣ, когда женщина теряетъ надежду на замужество. Онѣ, уже при поступленіи на свои мѣста, носятъ въ себѣ порядочный запасъ разочарованій, желчи, разстройства нервовъ, и всѣ эти задатки начинаютъ здѣсь развиваться все сильнѣе и сильнѣе И днемъ, и ночью эти женщины не принадлежатъ себѣ. Ежеминутно имъ приходится усмирять дѣтей, смотрящихъ на нихъ непріязненно. Ежеминутно онѣ должны опасаться выговоровъ начальницы, въ глазахъ которой классная дама или помощница отвѣчаетъ и за свои ошибки, и за продѣлки дѣтей. Даже въ такъ-называемый свободный день классная дама не принадлежитъ себѣ: въ ея комнаткѣ, помѣщенной между дортуарами, почти не могутъ быть приняты гости, не только мужчины, но даже и женщины, такъ какъ на-

Digitized by Google

чальница станетъ косо смотрѣть на ту изъ своихъ помощницъ, у которой часто бываютъ собранія. Здѣсь ярче всего проглядываетъ различіе взглядовъ общества на мужчину и женщину. Гувернеръ можетъ быть женатымъ человѣкомъ,—классная дама или помощница не можетъ быть замужнею; гувернеръ можетъ въ своей квартирѣ принимать не только мужчинъ, но и женщинъ; онъ можетъ устраивать въ ней не только обѣды, но и оргіи,—классная дама или помощница не только не имѣетъ права принимать мужчинъ у себя, но даже не имѣетъ квартиры: ей отводится комната около спальни дѣтей; по большей части даже ея кровать помѣщается не въ ея комнатѣ, а въ спальнѣ дѣтей, такъ что она не имѣетъ возможности даже въ ночномъ затишьѣ остаться безъ свидѣтелей. Классная дама или помощница окружена шпіонами; за ней слѣдятъ дѣти, большинство которыхъ, ненавидя ее и не имѣя никакихъ жизненныхъ вопросовъ, пристращается къ сплетнѣ; за нею слѣдитъ прислуга, желающая выслужиться передъ начальницей; за нею слѣдятъ ея подруги, или завидующія ей, если она моложе ихъ, или ненавидящія ее, если она старше ихъ; за ней слѣдитъ начальница, стремящаяся поддерживать въ своемъ учебномъ заведеніи чистѣйшую нравственность. Среди этой сплошной сѣти шпіоновъ и враговъ, несчастная женщина не имѣетъ даже отрадной надежды, что ея положеніе есть только переходная ступень къ лучшей жизни. Нѣтъ, классная дама или помощница знаетъ, что ея положеніе не можетъ измѣниться къ лучшему никогда, что оно будетъ длиться до гробовой доски, что если оно и смѣнится, то смѣнится мѣстомъ въ какой-нибудь богадѣльнѣ. О замужествѣ ей ничего и думать: она—старая дѣва. А что же можетъ быть въ глазахъ пошлаго свѣта смѣшнѣе, чѣмъ старая дѣва! Холостякъ—это человѣкъ, который не хотѣлъ выбрать жены, который дорожилъ болѣе всего волей, который отличался очень вкусомъ и потому не нашелъ равной себѣ женщины. Онъ можетъ гордиться тѣмъ, что онъ остался холостъ. Старая дѣва—это созданіе, отъ котораго отворачивались всѣ мужчины, которому никто не хотѣлъ предложить своего сердца, съ которымъ никто не хотѣлъ связать своей судьбы,—это залежавшій товаръ. Она или стыдится своего положенія, или негодуетъ на весь свѣтъ, въ которомъ она является какимъ-то пятымъ колесомъ, ненужною спицей. Еще сильнѣе отчуждается старая дѣва отъ всего живого, попадая въ воспитательное заведеніе. Среди замкнутой отъ остального свѣта

Digitized by Google

жизни, среди рокового сознанія, что ихъ жизнь не измѣнится, эти созданія лишаются всякаго пониманія дѣйствительныхъ интересовъ, дѣлаются крайними идеалистками, привязываются—такъ какъ въ нихъ еще жива неудовлетворенная потребность любви—къ какому-нибудь одному существу платоническою любовью; въ ихъ характерѣ появляется что-то дѣтское, что-то идіотичное, что-то напоминающее разжиженіе мозга. Кто долго вращался въ этомъ мірѣ, кто знакомъ съ его внутреннею закулисною жизнью коротко и близко, тотъ знаетъ, что въ домашнемъ языкѣ этихъ женщинъ появляются даже такія слова, которыхъ вы не встрѣтите нигдѣ: «пупенька», «киса», «кисочка», «котикъ», «бяшка», «бяка», «цыпа», «цыпенька», «цыпулька» и тому подобные претящіе эпитеты даются другъ другу этими женщинами, иногда давно уже пережившими свои роковыя тридцать лѣтъ. Даже ихъ обоюдные поцѣлуи—хотя это замѣчаніе и покажется смѣшнымъ—звучатъ совершенно иначе, чѣмъ поцѣлуи простыхъ смертныхъ,—въ нихъ есть что-то приторное, что-то тошнотворное:—это медленные, сочные поцѣлуи; эти женщины скорѣе лижутся, чѣмъ цѣлуются. Пробыть въ ихъ интимномъ кругу нѣсколько времени невыносимо, отвратительно... Впрочемъ, это заповѣдный для общества міръ, и только случай можетъ дать простому смертному возможность проникнуть въ этотъ міръ весталокъ.

Долгія наблюденія непремѣнно заставятъ наблюдателя раздѣлить этихъ женщинъ на четыре разряда: къ первому разряду принадлежатъ забитыя, безмолвныя, отупѣвшія созданія съ вѣчными нервными болями, флюсами, слезами, страдающія малокровіемъ и кого-нибудь обожающія,—это овцы, идущія на закланіе; ко второму принадлежатъ желчныя личности, ѣдко смѣющіяся, иногда злобно остроумныя, вѣчно огрызающіяся, сухія и нѣсколько желтыя; къ третьему разряду принадлежатъ толстыя, полнокровныя, заплывшія жиромъ женщины, словно лишенныя нервовъ, вѣчно сплетничающія, рющія другимъ яму, имѣющія видъ не то базарныхъ торговокъ, не то оставившихъ свое ремесло и сколотившихъ гроши содержанокъ; къ четвертому разряду причисляются женщины, поступившія на подобныя мѣста только для того, чтобы пріискать поскорѣй другое положеніе; эти люди сидятъ здѣсь, какъ на станціи, какъ въ клѣткѣ, ожидая, когда передъ ними распахнется дверь ихъ временной тюрьмы. Да не обманетъ судьба ихъ надеждъ!

Въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ были двѣ помощ-

Digitized by Google

ницы до вступленія въ него Катерины Александровны. Одна изъ нихъ была Марья Николаевна Постникова, забитое и больное существо, вѣчно дрожавшее за свою участь, вѣчно обожавшее кого-нибудь, вѣчно переходившее отъ слезъ къ поцѣлуямъ, отъ страха къ безпредметнымъ надеждамъ. Другая помощница была Ольга Никифоровна Зубова,—нѣчто въ родѣ куска мяса. Она могла бы ужиться во всякомъ положеніи,—торговать на Сѣнной варенымъ картофелемъ или гнилыми апельсинами, содержать домъ терпимости, быть смотрительницей въ тюрьмѣ, состоять сидѣлкой при больномъ, исполнять должность палача. Ѣда примирила бы ее со всякимъ положеніемъ, и во всякомъ положеніи она занималась бы только однимъ—шпіонствомъ. Шпіонство, по ея внутреннему убѣжденію, было единственнымъ средствомъ стать выше всѣхъ равныхъ съ нею. Шпіонствомъ она держала всѣхъ равныхъ себѣ и низшихъ въ страхѣ; шпіонствомъ она выслуживалась передъ высшими. Она шпіонствовала съ любовью, съ веселымъ лицомъ, съ юморомъ. Предметовъ для шпіонства у нея было неограниченное число; рѣзкая фраза, сказанная про высшихъ лицъ, и слишкомъ кокетливый нарядъ, невинный поцѣлуй двухъ дѣвушекъ и записочка, переданная учителю, невнимательно положенный крестъ во время молитвы и слишкомъ громкій смѣхъ двухъ шепчущихся личностей,—все это принималось къ свѣдѣнію и передавалось кому слѣдуетъ.

Къ этимъ двумъ личностямъ присоединилась и Катерина Александровна въ качествѣ третьей помощницы. Тотчасъ же по вступленіи въ этотъ мірокъ она подверглась обожанію Марьи Николаевны и мелкимъ нападеніямъ Ольги Никифоровны, старавшейся открыть какую-нибудь слабую сторону въ новенькой помощницѣ.

Катерина Александровна не привыкла къ дружбѣ и была очень сильно занята своими планами, а потому не могла отвѣчать ни на страстные поцѣлуи Марьи Николаевны, ни на придирки Ольги Никифоровны. Она держала себя холодно, неприступно и всматривалась въ окружающую ее жизнь. Въ ту безсонную ночь, когда мы застаемъ ее въ пріютѣ, она уже вполнѣ сознавала, что это мѣсто въ пріютѣ, эта постель въ общей спальнѣ будутъ только станціей, временнымъ помѣщеніемъ для нея. Она видѣла, что не Гиреева, не Боголюбовъ, не начальница, не помощницы ведутъ здѣсь хозяйственныя дѣла, а въ сущности швейцаръ, кухарка, прачка и вообще прислуга. Они распоряжаются закупкой

Digitized by Google

провизіи; они изобрѣтаютъ дешевые обѣды; они же берегутъ бѣлье, посуду и тому подобное, или способствуютъ уничтоженію этихъ предметовъ. Но кромѣ хозяйственной части эти люди захватили въ свои руки право наблюденія за нравственностью живущихъ въ пріютѣ: они наблюдаютъ и за дѣтьми, и за помощницами и передаютъ прислугѣ Боголюбова, Грохова, Гиреевой обо всемъ происходящемъ въ домѣ. При помощи сплетенъ этихъ личностей Гиреева, Бѣлокопытова, Гроховъ, Боголюбовъ и сама Анна Васильевна узнаютъ все, что случается въ пріютѣ. Подвергнуться опалѣ этихъ лицъ—значитъ навлечь на себя непріятности со стороны властей. Катерина Александровна поняла, что ея дѣятельность должна ограничиться однѣми полицейскими обязанностями, что она не могла принести никакой пользы воспитанницамъ, такъ какъ не отъ нея зависѣло измѣнить ихъ пищу или дать имъ лучшее образованіе, или внести разнообразіе въ ихъ жизнь. Она видѣла, что и ей самой никогда не освоиться съ поцѣлуями и слезами Марьи Николаевны, съ ехидною злобой Ольги Никифоровны или съ холоднымъ пренебреженіемъ Анны Васильевны. Она начала задумываться о томъ, что предпринять, какъ выйти изъ этого мірка пошлости и глупости. Покуда къ ея головѣ еще не было никакого опредѣленнаго плана объ исходѣ, но она уже начинала убѣждать себя въ томъ, что она вырвется отсюда при первой возможности, и въ ея отношеніяхъ ко всѣмъ непріятностямъ новаго положенія начало проглядывать невозмутимое спокойствіе. Такъ обыкновенно встрѣчаютъ люди жизненныя невзгоды, когда они твердо убѣждены, что эти невзгоды пройдутъ. Въ ея взглядѣ на все происходившее кругомъ явился оттѣнокъ юмора. Она съ улыбкой слушала колкости Зубовой и слезливыя изліянія Постниковой; она безъ раздраженія выносила презрительные взгляды Анны Васильевны и даже не оскорбилась, какъ сынъ Анны Васильевны назвалъ ее «милочкой». Молодая дѣвушка еще не знала, какъ тяжело будетъ ей сохранять хладнокровіе и спокойствіе, когда непріятности и обиды будутъ длиться не день, не два, а цѣлые мѣсяцы и, можетъ-быть, года. Но покуда она еще не падала духомъ. Ея поведеніе отчасти озадачивало окружающихъ, и они уже начинали смотрѣть на Катерину Александровну подозрительными глазами, стараясь узнать, не имѣетъ ли она какихъ-нибудь слишкомъ близкихъ и важныхъ благодѣтелей, связь съ которыми даетъ ей возможность не бояться никого. Всѣ знали что ее опре-

Digitized by Google

дѣлила на мѣсто графиня Гиреева, всѣ видѣли, что однажды къ ней на минуту заѣхала Глафира Васильевна, и потому предположеніямъ не было конца.

— Она тамъ съ прислугой княгини, кажется, знакома,— замѣтила какъ-то Анна Васильевна Зубовой, дѣлая пренебрежительную гримасу.

Зубова поняла, что нужно сейчасъ же навести справки.

— Вы, милая Катерина Александровна, давно знакомы съ Глафирой Васильевной?—спросила какъ бы мелькомъ Зубова, дѣлая самое невинное лицо.—Вѣрно, мамаша ваша дружна была съ ней?

— Нѣтъ, матушка не была дружна съ ней,—отвѣтила Катерина Александровна.

— Такъ это вашего покойнаго батюшки знакомство?

— Отецъ ея не зналъ...

— Неужели! А она такъ любитъ васъ, такъ любитъ; вѣрно, вы выросли подъ ея тепленькимъ крылышкомъ?

Катерина Александровна улыбнулась.

— Я росла въ своей семьѣ,—отвѣтила она.

Зубова начинала сердиться.

— Странно что-то. Не знакомы, никогда не видали друга друга, а между тѣмъ она справляться о васъ, какъ о дочери, пріѣзжала!

Катерина Александровна ничего не отвѣтила.

— Вы ужъ очень скрытныя,—некстати проворчала Зубова.

— Это вамъ такъ кажется,—засмѣялась Катерина Александровна.—Мнѣ нечего разсказывать, потому я и молчу.

Вечеромъ Марья Николаевна таинственно шептала Катеринѣ Александровнѣ:

— Кисочка, у васъ, вѣрно, есть какая-нибудь тайна.

— Тайна?—удивилась Катерина Александровна.

— Ну да. Утромъ вы такъ ловко увернулись отъ отвѣтовъ этой противной Зубовой. Я сейчасъ же поняла, что вы не хотите, чтобы знали о вашихъ отношеніяхъ къ княгинѣ.

— Марья Николаевна, вы ничего не поняли,—промолвила Катерина Александровна.—Мои отношенія къ княгинѣ ограничиваются тѣмъ, что я воспитывалась въ ея школѣ, потомъ попросила у нея мѣста и была опредѣлена сюда.

Марья Николаевна надула свои блѣдныя губы.

— Отъ меня-то, кажется, не для чего скрывать,—воскликнула она. — Вы холодная, холодная! Я васъ такъ люблю, такъ обожаю...

— За что же, Марья Николаевна? Вы такъ мало меня знаете.

Digitized by Google

— Неприступная! — нахмурилась Марья Николаевна и сдѣлала дѣтски-обиженное лицо.

Въ тотъ же вечеръ Зубова говорила Аннѣ Васильевнѣ:

— Прилежаева-то не черезъ служанку княгини попала къ намъ въ помощницы. Ее, кажется, знаетъ сама княгиня. Это просто къ намъ шпіона подослали.

— Ну и пускай подсылаютъ! — раздражительно промолвила Зорина.—Мнѣ нечего бояться. Я съ княгиней сама знакома; мы домами знакомы!

— Да я вѣдь знаю, Анна Васильевна. Не станетъ же княгиня васъ ровнять съ какой-нибудь дѣвчонкой,—простодушно замѣтила Зубова.—Конечно, можетъ-быть, эта дѣвчонка и станетъ сплетничать на васъ, да не повѣритъ же ей княгиня.

— Что сплетничать-то?—раздражалась снова Зорина.

— Конечно, нечего!—успокоила ее Зубова.—Разумѣется, можно выдумать что-нибудь, да вѣдь это все пустяки. Если она и станетъ разсказывать, что у васъ живетъ добрѣйшій Александръ Ивановичъ, то вѣдь это будетъ пустая сплетня. Княгиня сама можетъ убѣдиться, что онъ не у васъ прописанъ, что онъ только въ гости къ вамъ ходитъ.

— Что же вы думаете, что ужъ и сыну запретятъ ходить къ матери!—воскликнула Анна Васильевна.

— Какъ можно, какъ можно! Это ни съ чѣмъ не сообразно! — распиналась Ольга Никифоровна.—Разумѣется, эта дѣвчонка не постыдится утверждать, что онъ у васъ безвыходно живетъ, что онъ только для виду прописанъ на другой квартирѣ.

— Да она развѣ объ этомъ что-нибудь говорила?

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорила. Но все же, знаете, ужъ сейчасъ видно, что она подъ насъ подкопаться хочетъ.

— Ну, мы еще посмотримъ, кто кого выживетъ отсюда. Я не люблю, чтобы за мною слѣдили!—твердо промолвила Зорина.

— Конечно, конечно, у васъ связи-то покрѣпче!—успокоила ее Зубова.

Обѣ женщины обманывали другъ друга. Зубова намекала на незаконное житье Александра Ивановича у матери для того, чтобы дать понять Аннѣ Васильевнѣ, что и она, Зубова, видитъ очень хорошо грѣшки начальницы и только по своей преданности молчитъ о нихъ. Анна Васильевна гордо замѣтила, что никто не можетъ запретить сыну бывать у матери, но въ глубинѣ души начала сильно трево-

Digitized by Google

житься, вполнѣ сознавая, что не сегодня, такъ завтра до Гиреевой и до Бѣлокопытовой могутъ дойти слухи о пребываніи мужчины въ женскомъ пріютѣ, и что, пожалуй, не только ея Александру придется оставить свою мать, но и самой матери трудно будетъ усидѣть на мѣстѣ.

Катерина Александровна, конечно, и не подозрѣвала, что ее считаютъ шпіономъ княгини, что ея боятся, но она ясно видѣла, что съ ней обращаются какъ-то странно. Она не понимала, почему къ ней пристаютъ съ разспросами Зубова и Постникова, почему Зорина говоритъ при ней особенно многозначительнымъ тономъ о своей силѣ, о томъ, что подъ нее трудно подкопаться, что ее уже пробовали сжить съ мѣста нѣкоторые люди, но сами слетали съ мѣстъ прежде нея. Если бы Катерина Александровна знала всѣ тайныя причины этихъ сценъ, то ей показались бы еще смѣшнѣе всѣ эти жалкія, пошлыя и глупыя личности.

Смотря на нихъ, молодая дѣвушка сознавала одно то, что она не уживется съ ними, что ей тяжело между ними, и вслѣдствіе этого сознанія стремилась вырваться изъ ихъ среды хотя на время, въ свободные дни, вырваться въ свой уголокъ, къ матери. Этотъ бѣдный уголокъ начиналъ дѣлаться ей особенно дорогимъ, особенно милымъ, и молодая дѣвушка употребила всѣ свои усилія, чтобы въ немъ дышалось легко и свободно всѣмъ, кто заходилъ въ него отдохнуть, а въ особенности маленькой Дашѣ, начинавшей не на шутку безпокоить старшую сестру своею блѣдностью и недѣтскою серьезностью.

III.

Затишье.

Марья Дмитріевна нанимала небольшую квартиру во второмъ этажѣ деревяннаго дома, противъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Этотъ домъ уцѣлѣлъ до сихъ поръ. Въ квартиру вели довольно крутая лѣстница и галлерея. Помѣщеніе состояло изъ трехъ комнатъ, кухни и темной передней. Двѣ комнаты выходили окнами на улицу; окна третьей комнаты и кухни выходили на галлерею. Марья Дмитріевна не могла оставить за собою все это помѣщеніе и потому отдавала двѣ комнаты жилицамъ, оставивъ себѣ третью. Эта комната была въ два окна, довольно свѣтлая.

При взглядѣ на эту комнату можно было сейчасъ же замѣтить, что чья-то заботливая женская рука трудилась надъ ея убранствомъ. Дешевенькая, подержанная мебель была

Digitized by Google

чиста и подновлена; на подоконникахъ красовались горшки съ дешевыми геранiями и бѣлыми китайскими розами; на окнахъ висѣли простенькiя, но чистыя занавѣси изъ кисеи; на столѣ была разостлана бѣлая вязанная салфетка. Все это было бѣдно, крайне просто, но какое праздничное чувство разлилось въ душѣ Катерины Александровны, когда она окончательно обставила этотъ уголокъ.

— Ну, мама, теперь и ты будешь жить, какъ люди!— говорила она, цѣлуя свою слабую, безпомощную мать.

— Пошли тебѣ Господь силы, Катюша!—промолвила въ отвѣтъ Марья Дмитрiевна.—Тяжело тебѣ будетъ насъ содержать.

— И, мама, что за тяжело? Всѣ работать будемъ...

— Будемъ, будемъ, Катюша,— вздохнула Марья Дмитрiевна.—Что-то Господь пошлетъ въ награду.

И дѣйствительно, мать и дочь принялись усердно за работу. Онѣ и прежде не сидѣли сложа руки, но теперь работа спорилась лучше. Катерина Александровна была спокойнѣе, зная, что у нея есть обезпеченное жалованье, двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ. Изъ этихъ денегъ она отдавала половину матери, половину оставляла себѣ на мелкiе расходы или откладывала для того, чтобы скопить кое-какiе гроши на образованiе брата. Въ свободные дни она занималась шитьемъ бѣлья дома или въ пріютѣ и заработанныя деньги тоже дѣлила на двѣ части, отдавая одну часть матери и оставляя другую у себя. Ея лицо въ эти дни дышало спокойствiемъ, энергiею и веселостью. Она была убѣждена, что, такъ или иначе, несмотря на всѣ непріятности, испытываемыя въ пріютѣ, она дойдетъ до своей цѣли, спасетъ свою семью, выведетъ на хорошую дорогу этихъ слабыхъ людей. Молодость дѣлала свое дѣло и гнала всѣ черныя предчувствiя, всѣ мрачныя думы. Не съ такою твердою вѣрой въ свѣтлое будущее, но тѣмъ не менѣе спокойно принялась за свое дѣло и Марья Дмитрiевна. Она впервые почувствовала, что послѣ долгихъ лѣтъ страданiй и она стала жить, какъ люди, не въ собачьей конурѣ, не въ подземномъ погребѣ. Ей нечего было безпокоиться о платѣ за квартиру, такъ какъ на это доставало ея небольшой пенсiи и платимыхъ ея жилицами денегъ за двѣ комнаты. Ей оставалось работать, чтобы добыть на кусокъ хлѣба. Деньги, даваемыя Катериною Александровною, шли на мелкiе расходы и, главнымъ образомъ, на воскресные обѣды, когда въ квартирѣ Марьи Дмитрiевны собирались младшiе члены

Digitized by Google

семьи. Мать отказывала себѣ во всемъ, чтобы получше накормить дѣтей въ праздникъ. Она тоже засѣла за шитье бѣлья.

Въ полнѣйшей тишинѣ, въ невозмутимомъ безмолвіи шила она по цѣлымъ днямъ, предоставивъ своимъ жилицамъ почти въ полное владѣніе кухню, гдѣ былъ едва замѣтенъ суповой горшокъ самой квартирной хозяйки. Жилицы не могли достаточно нахвалиться своей хозяйкой, ея спокойствіемъ, ея кротостью. Вообще Марья Дмитріевна принадлежала къ числу тѣхъ запуганныхъ людей, которые, своими отношеніями къ ближнимъ, какъ бы говорятъ: «Моя изба съ краю, ничего не знаю; лишь бы меня не тронули, а ужъ я никого не задѣну». Она заботилась только о томъ, чтобы ей не мѣшали сидѣть въ ея тепломъ углу.

Кому случалось заниматься въ одиночествѣ съ утра до ночи ручнымъ шитьемъ, тотъ знаетъ, какъ постепенно разыгрывается среди этого занятія воображеніе человѣка, какъ сильно начинаетъ работать мысль. Одинокая швея шьетъ, а воображеніе рисуетъ передъ нею одну за другою картины прошлаго, воскрешаетъ давно исчезнувшія лица, давно промелькнувшія сцены, уноситъ ее въ далекій, далекій міръ, гдѣ солнце свѣтитъ ярче, гдѣ люди—уже полузабытые люди—смотрятъ ласковѣе, гдѣ самое горе—уже давно пережитое горе — имѣетъ какую-то необъяснимую прелесть. Стоитъ въ эти минуты пригрѣть теплымъ лучамъ солнца бѣдную труженицу, стоитъ гдѣ-нибудь въ отдаленіи заиграть тоскливой шарманкѣ или зачирикать какой-нибудь птицѣ,— и эти картины станутъ еще ярче, еще поэтичнѣе. И вдругъ кто-нибудь хлопнетъ дверью въ сосѣдней комнатѣ, кто-нибудь крикнетъ на улицѣ,—работница приходитъ въ себя, съ недоумѣніемъ осматривается кругомъ: все пусто, все тихо и только лучи солнца, прорвавшись сквозь тусклыя стекла окна, играютъ на полу, на стульяхъ и столахъ. Еще минута—и швея снова шьетъ, шьетъ, а ея мысль уже занята вопросами: «отчего это жизнь сложилась такъ, что въ ней радости нѣтъ? Не будетъ ли лучше въ будущемъ? Не приближается ли это будущее?» Мысль снова работаетъ, снова носится далеко отъ жалкой каморки, гдѣ проходятъ рабочіе часы. Порой воображеніе разыгрывается такъ сильно, такъ горячо охватитъ душу, что съ языка невольно льется пѣсня, тихая, мурлыкающая пѣсня швеи, составившаяся изъ отдѣльныхъ строфъ, выхваченная изъ разныхъ поэтовъ, порой сложившаяся въ головѣ самой работницы. Въ этихъ

Digitized by Google

мечтахъ и думахъ есть много прелести, много поэзіи; только онѣ спасаютъ работницу отъ одуряющей скуки и отупѣнія, неизбѣжныхъ при однообразіи труда. Эти мечты знавала когда-то и Марья Дмитріевна, и теперь онѣ снова охватили ее. Сколько разъ уносилась она теперь къ той порѣ, когда она была дѣвочкой, когда она, сиротка, росла, пригрѣвшись подъ крыломъ доброй богомольной старухи-тетки, среди подругъ, такихъ же, какъ она сама, небогатыхъ мѣщаночекъ небольшого уѣзднаго города. Низенькія комнаты, съ старинною тяжелою мебелью, ослѣпительно бѣлыя скатерти на столахъ, десятки теплящихся въ углахъ лампадъ, темные образа, пяльцы съ натянутымъ бархатомъ и вышиваемыми золотыми цвѣтами, небольшой садикъ, золотошвейная работа въ будни, стоянье у обѣдни утромъ въ праздники, дѣвичье веселье по вечерамъ въ воскресные дни, сидѣнье за воротами или игра въ горѣлки, гаданье въ Рождество, торжественная тишина великаго поста, говѣнье и исповѣдь съ крупными слезами за мелкіе, мелкіе грѣхи,— все это такъ же ярко воскресало въ памяти Прилежаевой, какъ тотъ теплый весенній день, когда она шла за гробомъ скоропостижно-умершей тетки, рыдая и не зная, куда приклонить голову,—когда она осталась на свѣжей насыпи могилы, забытая всѣми и не желающая идти къ ненавидѣвшимъ ее жаднымъ родственникамъ покойной тетки,—когда къ ней подошелъ молодой «приказный» Александръ Захаровичъ Прилежаевъ... Давно онъ засматривался на ея цвѣтущее, кроткое и милое лицо, давно хотѣлъ просить ея руки, но не смѣлъ, зная, что Маша слыветъ за богатую невѣсту, за единственную наслѣдницу старой тетки. Теперь это уже была не богатая наслѣдница, а такая же нищая, какъ онъ. Теперь онъ могъ смѣло жениться на ней... И вспоминались Марьѣ Дмитріевнѣ и первые дни любви и счастья, и рожденіе перваго ребенка... Все мрачнѣе и мрачнѣе становились воспоминанія: нищета, пьянство мужа, непосильный трудъ, безсонныя ночи... Кажется, этой тьмѣ и конца не будетъ; но вотъ слышится чей-то ласковый лепетъ, раздаются чьи-то дѣтскіе поцѣлуи, кто-то шепчетъ: «чего же ты плачешь, мамочка... я хлѣба достала!» Это говоритъ Катя; это она ласкается къ матери; это ея поцѣлуи осушаютъ слезы и вызываютъ улыбку бѣдной женщины. И все ярче и ярче обрисовывается образъ этого ангела-хранителя матери, этой няньки младшихъ дѣтей, этой властительницы семьи. «Спаси ее, Господи, охрани ее подъ щи-

Digitized by Google

томъ Своимъ!» шепчутъ блѣдныя губы Марьи Дмитріевны, и, очнувшись отъ думъ, озирается она кругомъ: въ комнатѣ пусто и тихо. Ея сердце сжимается; ей грустно, что съ нею нѣтъ дѣтей. «Что-то они дѣлаютъ? Когда-то они придутъ домой? Что у насъ сегодня? Пятница, кажется? Завтра, значитъ, придутъ вечеромъ. Къ чаю буду ждать. Да здоровы ли, не провинились ли—храни ихъ, Господи!—въ чемъ-нибудь? Въ воскресенье-то пирожокъ изготовлю. Антоша, батюшка мой, любитъ пирожки. Охъ, что-то изъ него, моего родного, выйдетъ. Добрый онъ у меня мальчуга. Пошли ему, Господи, счастья! Кабы выросъ, обучился всему, служить бы сталъ, всѣхъ бы насъ пригрѣлъ. Вздохнули бы мы. Даша-то вотъ только меня пугаетъ—блѣдная, печальная все такая. Не жилица она у меня. И то сказать: тяжело ей въ чужомъ мѣстѣ. Вонъ Миша—тотъ что! Бойцомъ такимъ сталъ: съ нимъ и не справишься!» И безконечною нитью тянутся снова думы Марьи Дмитріевны, думы о дѣтяхъ, объ ихъ будущемъ. Она живетъ не своею жизнью; она живетъ ихъ радостями и печалями, ихъ надеждами и ихъ опасеніями. Не будь ихъ, она, можетъ-быть, не стала бы работать, взяла бы посохъ въ руки, надѣла бы котомку за плечи и пошла бы, побираясь Христовымъ именемъ, куда-нибудь на богомолье, отмаливать свои грѣхи и грѣхи своего покойнаго мужа... А вотъ и суббота пришла. Марья Дмитріевна сидитъ и шьетъ, но шьетъ тревожно, часто поглядываетъ на часы. Время идетъ такъ медленно! Наконецъ-то бьетъ пять часовъ! Марья Дмитріевна оставляетъ работу, прячетъ ее въ комодъ и начинаетъ прибирать въ комнатѣ. Но въ комнатѣ и безъ того все прибрано, все въ порядкѣ. Марья Дмитріевна стираетъ пыль, но пыли почти нигдѣ нѣтъ; она хочетъ оправить салфетку, занавѣси, но все это оправлено, все выглядитъ по-праздничному; кажется, вся эта мебель, всѣ эти чистенькіе листья цвѣтовъ говорятъ бѣдной женщинѣ: «Мы ужъ давно готовы къ принятію твоихъ дѣтей; что же они не идутъ?» «Въ самомъ дѣлѣ, что же они не идутъ?»—мелькаетъ мысль въ головѣ Марьи Дмитріевны. Она поспѣшно накидываетъ на голову платокъ, надѣваетъ салопчишко и выходитъ.

— Куда это вы, Марья Дмитріевна?—спрашиваетъ одна изъ жилицъ, нанимающая комнату, выходящую окномъ на галлерею.

— За ворота: посмотрѣть хочу, не идутъ ли наши. Запоздали что-то,—отвѣчаетъ Марья Дмитріевна.

Digitized by Google

Она выходитъ за ворота и смотритъ въ ту сторону, откуда должны были придти дѣти. На улицѣ темно, фонари едва горятъ; все тихо, только въ ближней кузницѣ ярко сверкаетъ огонь и раздается стукъ молота. Вотъ кто-то идетъ около сосѣдняго дома,—Марья Дмитріевна спѣшитъ навстрѣчу. Нѣтъ, это не Катя! Опять ожиданіе. Опять кто-то двигается по тротуару.

— Катюша, это ты?—окликаетъ Марья Дмитріевна.

— Мама, здравствуй!—отзывается ласковый знакомый голосъ.

Марья Дмитріевна бросается къ дочерямъ, цѣлуетъ Катерину Александровну, цѣлуетъ Дашу.

— Ты, мама, шла куда-нибудь по дѣлу?—спрашиваетъ Катерина Александровна.

— Да, Катюша... въ лавочку шла,—лжетъ Марья Дмитріевна.—Только такъ, не очень нужно было... Я ворочусь... И завтра куплю, что надо.

— А то ты иди, если нужно.

— Нѣтъ, нѣтъ, Катюша! такъ... соли прихватить хотѣла,—защищается Марья Дмитріевна отъ предложенія идти въ лавку.

Она теперь никуда не пойдетъ, ни на минуту не оставитъ своихъ дѣтей. У нея наступаетъ такой великій праздникъ: воскресенье. Это не просто седьмой день въ недѣлѣ; нѣтъ, это воскресенье для матери ея дѣтей.

Путники входятъ въ квартиру.

— Какъ у васъ, мамочка, тепло!—тихо говоритъ Даша, видимо довольная тепломъ.

Даша все болѣе и болѣе начинаетъ походить лицомъ на мать; даже въ ея манерахъ, въ ея тихомъ голосѣ есть что-то общее съ матерью.

— Грѣйся, грѣйся, голубка, у своей мамы,—цѣлуетъ ее Марья Дмитріевна.—Вотъ тутъ куколки твои спрятаны. Играй, маточка. Я пойду самоварчикъ поставлю. Антоша сейчасъ придетъ съ Мишей. Озябли они, поди, въ уксусныхъ-то шинелишкахъ.

— Я, мамочка, буду чашки собирать съ сестрицей,—тихо произноситъ Даша.

— Ну, хозяйничай, хозяйничай, большая хозяйка! — смѣется мать и мелкими шажками бѣжитъ въ кухню.

Проходитъ минутъ двадцать. Марья Дмитріевна уже разъ пять успѣла взглянуть на «галдарейку», посмотрѣть, не

Digitized by Google

идутъ ли дѣти. Вдругъ на галлереѣ раздается шумный, шаловливый дѣтскій топотъ.

— Идутъ, идутъ наши воеводы! — восклицаетъ Марья Дмитріевна.

Черезъ минуту въ комнатѣ уже раздаются голоса Антона и Миши, слышится смѣхъ Катерины Александровны, шумитъ самоваръ на столѣ. Марья Дмитріевна забываетъ о своей чашкѣ съ чаемъ, забываетъ обо всемъ и только любуется дѣтьми, только подкладываетъ имъ ломти «ситнаго хлѣба» и подливаетъ чаю.

— Что, у васъ хорошо въ школѣ?—спрашиваетъ Катерина Александровна у Антона.

— Какое хорошо!—отвѣчаетъ онъ.—Кормятъ тухлятиной, всѣ ходятъ, какъ мухи осенью; учителя почти не бываютъ, только козлиную бороду и видимъ да деремъ горло за пѣніемъ. А ужъ пуще всего одолѣлъ насъ этотъ тамбуръ. Пропадай онъ совсѣмъ!

— Какой тамбуръ? — спрашиваетъ Катерина Александровна.

— Вязанье такое есть, тамбуромъ называется,—поясняетъ Антонъ.

— Это, знаешь, такое—что ни клади, все провалится,—бойко смѣется Миша, очевидно повторяющій слышанную имъ остроту.

— Да развѣ вы вяжете?

— А нешто нѣтъ? Вяжемъ? Я тамбуромъ, а Минька чулочницей сталъ, чулки вяжетъ.

— Вотъ дурятъ-то!—говоритъ Катерина Александровна, пожимая плечами.

— Это, Катюша, какъ въ мое время у помѣщиковъ дворовыхъ людей пріучали чулки вязать, чтобы они не спали,—кротко замѣчаетъ Марья Дмитріевна.

— Ну, а такъ ничего, не притѣсняютъ? — спрашиваетъ Катерина Александровна у Антона.

— Нѣтъ, ничего! Только одолѣла меня наша помощница поцѣлуями. Жметъ, точно нутро выдавить хочетъ. Желтая, кащемъ смотритъ, а туда же, какъ коза, скачетъ. Ужъ я когда-нибудь ей носъ откушу.

— Это Марья Николаевна вѣрно,—тихо соображаетъ Даша.

— Какая Марья Николаевна?—съ удивленіемъ спрашиваетъ Антонъ.

— Постникова; она у насъ тоже помощница.

Катерина Александровна смѣется и разсказываетъ, что

Digitized by Google

Марья Николаевна тоже такая, желтая, худая и постоянно всѣхъ цѣлуетъ и сжимаетъ въ объятіяхъ. Марья Дмитріевна тоже смѣется.

— Ахъ ты, глупушка, глупушка, что выдумала,—произноситъ она, цѣлуя Дашу.—Ты думаешь, что худая да желтая только и есть одна Марья Николаевна.

Чаепитіе продолжается довольно долго. Наконецъ Катерина Александровна подымается съ мѣста.

— Идешь ужъ, Катя?

— Пора!

— Завтра-то придешь?

— Приду, приду!

— И что это вамъ ночевать не позволяютъ дома?

— Дѣтей нельзя однихъ оставить въ спальнѣ.

— А ужъ какъ бы я тебя уложила, голубка,—говоритъ Марья Дмитріевна, словно пытаясь узнать, не соблазнится ли и не останется ли на ночь Катерина Александровна.

— Да, мама, я и сама съ охотой ночевала бы дома. Неудобно спать тамъ. Ну, да будемъ когда-нибудь и въ своемъ углу спать.

Катерина Александровна торопливо прощается съ семьей и уходитъ. Антонъ выбѣгаетъ проводить ее до воротъ. Еще съ часъ идутъ толки и разсказы въ квартирѣ Марьи Дмитріевны. Потомъ всѣ ложатся спать, и позже всѣхъ ложится сама Марья Дмитріевна. Поставивъ опару, она опускается на колѣни и тихо молится. «Не оставь, Господи, дѣтей Своихъ. Благослови сиротъ малыхъ!»—шепчетъ она. Благоговѣйно, любовно осѣняетъ она крестнымъ знаменіемъ своихъ дѣтей, спящихъ на одной постелѣ, и, налюбовавшись на нихъ, выходитъ изъ-за ширмъ и ложится на диванъ съ покойнымъ сердцемъ, съ просвѣтленнымъ лицомъ. Такъ сладко спитъ Марья Дмитріевна только разъ въ недѣлю. Для этихъ минутъ она готова перенести всѣ лишенія, всю скуку остальныхъ дней недѣли.

Рано поднимается она въ воскресенье; заглянувъ на дѣтей, она спѣшитъ въ кухню. Черезъ нѣсколько минутъ къ ней присоединяется и Антонъ. Онъ, по старой привычкѣ, помогаетъ матери класть дрова въ печку; онъ колетъ ей подтопки, ставитъ самоваръ.

— Вотъ работника себѣ новаго наняла,—шутитъ Марья Дмитріевна, обращаясь къ жилицамъ, появившимся съ кофейниками въ кухнѣ.

Digitized by Google

— Я думаю, жалованья много потребуетъ,—такъ же шутливо замѣчаетъ одна изъ жилицъ.

— Нѣтъ, покуда изъ хлѣбовъ держу,— смѣется Марья Дмитріевна.

Еще нѣсколько минутъ—и въ квартирѣ слышится топотъ шалуна Миши, около подола матери жмется молчаливая Даша.

— А, и старушка наша встала,—смѣются жилицы, встрѣчая Дашу.

Ее уже всѣ успѣли прозвать старушкой.

Утро летитъ быстро; приходитъ Катерина Александровна, садится за шитье; дѣти играютъ; въ двѣнадцать часовъ подаютъ обѣдъ.

— Что-то сегодня придутъ ли наши?—замѣчаетъ Марья Дмитріевна послѣ обѣда.

— Вѣрно придутъ, погода хорошая,—рѣшаетъ Катерина Александровна.

— А и далеко же они живутъ. И что за охота была подъ Невскій забраться. То ли бы дѣло, если бы сюда перебрались.

— Я думаю, они и переѣдутъ въ наши края: здѣсь воздухъ тоже чистый.

— Ужъ на что лучше! И жизнь тоже здѣсь. Въ будни-то, Катюша, иногда я просто засмотрюсь на юнкарей, какъ они играютъ у себя въ саду. Ну, тоже и рабочій народъ здѣсь цѣлый день мимо ходитъ къ Лихтенбергскому. Тутъ же и къ Митрофанію...

Но Марья Дмитріевна не оканчиваетъ своей похвальной рѣчи, заслышавъ шаги на галлереѣ и стукъ деревяжки.

— Ну, вотъ и наши! — произноситъ она и идетъ навстрѣчу гостямъ. Эти гости—Флегонтъ Матвѣевичъ Прохоровъ и два краснощекіе, неловкіе юноши съ добродушными лицами и открыто смотрящими глазами. Это сыновья Флегонта Матвѣевича, воспитывающіеся въ корпусѣ; одному пятнадцать, другому четырнадцать лѣтъ; одного Флегонтъ Матвѣевичъ зоветъ Александромъ Македонскимъ, другого—Иваномъ-воиномъ. Другихъ различій между ними почти нѣтъ, если не считать сильнымъ различіемъ то, что одинъ ростомъ въ два аршина пять вершковъ, а другой—въ два аршина пять съ половиною вершковъ. У обоихъ былъ отличный аппетитъ; у обоихъ были очень развиты мускулы; у обоихъ была способность садиться на стулья такимъ образомъ, что стулья трещали; у обоихъ былъ даръ громко и задушевно

Digitized by Google

смѣяться, быть въ гостяхъ, какъ дома, и въ то же время совершенно теряться, краснѣть до ушей, не понимать своихъ словъ, при появленіи незнакомаго лица и, въ особенности, при появленіи женщины или офицера. Глядя на этихъ юношей, не трудно было сразу опредѣлить, что̀ изъ нихъ можетъ выйти. Это были непочатыя, цѣльныя и несложныя натуры. Если преобладающимъ вліяніемъ въ ихъ жизни будетъ грубая физическая сила, суровая дисциплина, затворническое прозябаніе среди казармъ—изъ нихъ выйдутъ грубые этапные начальники, чуждающіеся среды умственно развитыхъ личностей, свободно дышащіе только среди своихъ загрубѣлыхъ собратьевъ, дико сторонящіеся отъ всякой хотя нѣсколько развитой женщины и кончающіе женитьбой на какой-нибудь бабѣ, которая будетъ бѣгать имъ за водкой, будетъ не только выносить ихъ побои, но, при случаѣ, и сама станетъ укладывать ихъ спать послѣ попойки съ помощью своихъ здоровыхъ кулаковъ. Если же въ ихъ молодой жизни возьметъ верхъ смягчающее и грѣющее вліяніе добрыхъ и сочувствующихъ имъ личностей, изъ нихъ выйдутъ, можетъ-быть, неособенно геніальные, но честные работники; это будутъ добрые малые, которые хотя и не выдумаютъ пороху, но сумѣютъ приготовить не только этотъ порохъ, но и пушку, изобрѣтенную болѣе развитыми умственно, но менѣе ихъ способными къ физическому тяжелому труду, людьми; они не только осуществятъ идеи этихъ болѣе развитыхъ людей, но и подставятъ за нихъ грудь, лягутъ за нихъ костьми. Теперь это были еще взрослыя дѣти. Они съ перваго дня знакомства сошлись съ семьей Прилежаевыхъ и каждое воскресенье неизмѣнно тащили своего отца къ своимъ новымъ знакомымъ. Здѣсь они чувствовали себя вполнѣ свободными; ихъ забавляло, что Миша щеголяетъ въ ихъ тесакахъ; ихъ веселило, что Даша любитъ покачаться на ихъ широкихъ ногахъ; имъ было очень пріятно засѣсть со всею компаніей за игру въ дураки и мельники; имъ было такъ хорошо, когда Марья Дмитріевна угощала ихъ чаемъ и говорила имъ: «Да вы, батюшки, разстегните мундирчики: здѣсь все свои; Катюша не осудитъ». Послѣдняя фраза прибавлялась всегда, потому что и Иванъ-воинъ, и Александръ Македонскій, при предложеніи Марьи Дмитріевны разстегнуть мундирчики, краснѣли и бросали смущенные взгляды на Катерину Александровну. Только ея согласіе давало имъ смѣлость разстегнуть двѣ нижнія пуговицы у мундировъ, и при этомъ по лицу юношей разливалась яркая краска. Во-

Digitized by Google

обще ихъ отношенія къ Катеринѣ Александровнѣ были совершенно иными, чѣмъ ихъ отношенія къ другимъ членамъ прилежаевской семьи. Каждый разъ, отвѣчая на вопросы Катерины Александровны, юноши вскакивали съ мѣстъ, какъ бы желая предварительно расшаркаться передъ нею. Довольно было молодой дѣвушкѣ поискать что-нибудь глазами, чтобы оба брата, толкая другъ друга и роняя стулья, бросились на поиски за понадобившеюся ей вещью. Но самый сильный восторгъ возбудила Катерина Александровна въ молодыхъ сердцахъ въ тотъ памятный имъ день, когда она однажды обратилась къ Антону и сказала ему:

— Подержи-ка мотокъ: я размотаю нитки.

— Позвольте-съ, я подержу, — вскочилъ съ мѣста Александръ Македонскій.

— Ты не умѣешь, лучше я подержу, — перебилъ его Иванъ-воинъ.

Возникъ споръ.

— Ну, такъ держите оба,—засмѣялась Катерина Александровна.

Юноши подняли руки и находились въ совершенномъ блаженствѣ, когда маленькіе пальчики Катерины Александровны касались ихъ могучихъ рукъ, надѣвая на нихъ мотокъ нитокъ. Глядя на нихъ въ эту минуту, можно было подумать, что они присягаютъ вѣрой и правдой служить молодой дѣвушкѣ.

— Вы очень высоко держите нитки,—замѣтила Катерина Александровна.

— Позвольте-съ... Вы не разсердитесь? — пробормотали братья, переглянувшись между собою.

— За что?

— Мы на колѣни встанемъ...

— Вставайте... только устанете, — засмѣялась молодая дѣвушка.

— Ничего-съ, мы привыкли!—съ увлеченіемъ воскликнули молодые люди и вспыхнули до ушей.

Въ комнатѣ раздался смѣхъ, но братья уже стояли на колѣняхъ передъ Катериной Александровной и ощущали такое блаженство, что не слыхали смѣха или не могли понять его значенія. Къ величайшему ихъ восторгу, нитки были спутаны, и Катеринѣ Александровнѣ поминутно приходилось касаться рукъ своихъ покорныхъ рабовъ.

— Вы не будете у насъ на балу?—умильно спросилъ

Digitized by Google

Александръ Македонскій, бросивъ многозначительный взглядъ на брата.

— Нѣтъ, гдѣ же мнѣ по баламъ ѣздить,—разсмѣялась Катерина Александровна.

— Жаль, право жаль!—вздохнулъ Иванъ-воинъ.

— Отчего же? Тамъ и безъ меня весело будетъ.

— Да-съ... Только вы...—началъ Александръ Македонскій и смолкъ, потупивъ свои добродушные сѣрые глаза.

— Что я?

— Вы первыя были бы тамъ,—прошепталъ сконфуженный кадетъ.

— Каковъ, каковъ!—воскликнулъ Флегонтъ Матвѣевичъ.—Отдерите-ка его за вихоръ, чтобы не любезничалъ.

— Руки заняты!—засмѣялась Катерина Александровна.

— Нѣтъ-съ, это вы потому не дерете, что вамъ меня жалко,—промолвилъ довольно храбро Александръ Македонскій.

— Ну, вотъ еще выдумали!

— Право, такъ-съ! Ну докажите, что не жалко,—еще смѣлѣе настаивалъ юноша.

— Не хочу!

— Нѣтъ, пожалуйста!

— Ахъ, вотъ привязались! Ну вотъ вамъ!

Катерина Александровна тихонько дернула Александра Македонскаго за вихоръ и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, онъ словилъ и горячо поцѣловалъ ея руку.

— Ахъ, Саша, что вы шалите: нитки всѣ спутали!—проговорила она ласковымъ тономъ.

Юноша торжествовалъ. Онъ не только впервые поцѣловалъ эту дорогую, милую руку, но впервые же слышалъ, что его назвала Сашей эта чудная, эта восхитительная дѣвушка.

— Вотъ-то счастливый ты!—говорилъ Иванъ-воинъ, когда оба юноши возвращались въ корпусъ.—Я бы, кажется, Богъ знаетъ, что далъ, чтобы поцѣловать ея руку.

Съ этого дня братья окончательно сдѣлались рабами Катерины Александровны и не только помогали ей разматывать нитки, подавали воду, держали ея шитье, чтобы ей ловчѣе было шить, но даже во время игры въ карты подтасовывали ей козырей и оставались за нее мельниками и дураками. Чѣмъ чаще видѣлись двѣ семьи, тѣмъ сильнѣе настаивали юноши, чтобы отецъ переѣхалъ куда-нибудь поближе къ Прилежаевымъ. Однажды Флегонтъ Матвѣевичъ замѣтилъ Марьѣ Дмитріевнѣ:

Digitized by Google

— Знаете ли, почтеннѣйшая Марья Дмитріевна, какой у меня превосходный планъ созрѣлъ въ головѣ?

— Право, батюшка, не знаю.

— А вотъ, я вамъ сообщу. Мы бобыли, насъ дурно кормятъ. Положимъ, я кой-какъ недѣльку перебьюсь одинъ, поѣмъ разной дрызготни, но въ воскресный день хотѣлось бы чего-нибудь этакаго получше поѣсть. Ну, тоже и мои герои любятъ поѣсть по-геройски.

— Это такъ, батюшка. Ужъ когда же и купать, какъ не въ ихъ возрастѣ,—со вздохомъ произнесла Марья Дмитріевна.—Мы, старые люди, какъ-то такъ святымъ духомъ живемъ.

— Ну, такъ вотъ-съ, я и надумалъ. Возьмите-ка насъ на хлѣба на воскресные дни.

— И-и, батюшка, да чего же объ этомъ и говорить!— воскликнула Марья Дмитріевна.—Вѣдь наши двери для васъ, кажется, никогда не заперты.

— А! это другое дѣло! — возразилъ Флегонтъ Матвѣевичъ.—Въ гости ходить къ ближнему или объѣдать ближняго— двѣ вещи розныя. Мы не богачи какіе-нибудь, чтобы столъ держать для приходящихъ...

— Да, какъ же это, батюшка?

— А такъ же, добрѣйшая моя, Марья Дмитріевна, — перебилъ ее штабсъ-капитанъ.—Условимтесь насчетъ платы и конецъ весь.

— Да мнѣ, право, совѣстно!

Штабсъ-капитанъ началъ исчерпывать свои доказательства. Какъ извѣстно, доводы штабсъ-капитана были его тяжелой артиллеріей и запасъ его выстрѣловъ былъ неистощимъ. Онъ могъ осаждать и штурмовать непріятельскую крѣпость въ теченіе цѣлыхъ часовъ и, когда крѣпость сдавалась, воинъ продолжалъ еще пальбу, торжествуя побѣду и какъ бы желая показать, что онъ далеко еще не истребилъ всѣхъ своихъ зарядовъ. Такъ было и теперь. Несмотря на то, что Марья Дмитріевна совершенно невольно разыграла роль Коробочки, не понимающей, какъ можно брать съ знакомаго, съ гостя деньги за хлѣбъ-соль,—штабсъ-капитанъ все-таки вышелъ побѣдителемъ. Условившись въ цѣнѣ съ Марьей Дмитріевной и отирая со лба обильно катящійся потъ, онъ продолжалъ, уже ради собственной потѣхи, разсуждать на тему, что «иначе и быть не могло», что «это вполнѣ разумно и практично», что «дружба дружбой, а денежка счетъ любитъ».

Digitized by Google

Съ этой поры штабсъ-капитанъ сталъ забираться по воскреснымъ днямъ съ своими сыновьями съ утра къ Прилежаевымъ. Все тѣснѣе и тѣснѣе сближался небольшой кружокъ бѣдныхъ людей. Иногда въ воскресные вечера, по желанію Катерины Александровны, общество начало мѣнять карты на книгу: читались вслухъ романы; былъ прочтенъ «Юрій Милославскій», «Ледяной домъ»; Александръ Македонскій досталъ гдѣ-то Гоголя и прочелъ, чередуясь съ братомъ, «Мертвыя души». Чтенія не были скучны, такъ какъ въ это время штабсъ-капитанъ строилъ домики изъ картъ для Миши и Даши, иногда отпускалъ остроты и дѣлалъ замѣчанія по поводу читавшихся произведеній, которыя, какъ оказалось, были очень хорошо извѣстны ему, перечитавшему на своемъ вѣку множество книгъ, впрочемъ, больше «философскаго содержанія», какъ онъ выражался; Марья Дмитріевна во время литературныхъ занятій вязала чулокъ, вздыхала, иногда отирала слезы при чтеніи патетическихъ мѣстъ романовъ и вообще принимала такое участіе въ участи героевъ, что порою выказывала явное намѣреніе научить того или другого героя уму-разуму и, видя его окруженнымъ врагами, замѣчала: «да ужъ развязался бы онъ съ ними лучше; недаромъ говорится: отойди отъ зла и сотвори благо». Это, впрочемъ, не мѣшало Марьѣ Дмитріевнѣ выбѣгать въ кухню, распоряжаться по хозяйству и иногда шопотомъ вступать въ продолжительные разговоры съ штабсъ-капитаномъ. За чтеніемъ обыкновенно слѣдовалъ чай, смѣхъ и усиленный говоръ послѣ долгаго молчанія.

Дѣти Марьи Дмитріевны замѣтно росли, развивались, и въ ихъ характерахъ уже стали проглядывать своеобразныя черты. Нѣсколько мѣсяцевъ жизни въ кругу новыхъ людей не прошли безслѣдно надъ ними. Антонъ уже не былъ тѣмъ молчаливымъ дикаремъ, какимъ мы видѣли его въ первыя минуты нашего знакомства съ нимъ. Поступивъ въ «школу для бѣдныхъ сиротъ», гдѣ дѣла шли не лучше, чѣмъ въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ, онъ скоро почувствовалъ скуку. Вставать по звонку, сидѣть большую часть дня за вязаньемъ, гулять въ строю воспитанниковъ, пѣть духовныя пѣсни, защищаться отъ сорванцовъ-товарищей, подставлять свое лицо подъ поцѣлуи отжившей желтой помощницы, протягивать руку подъ удары линейкой, расточаемые другой помощницей, не смѣть сдѣлать ни одного шагу безъ дозволенія, — все это было невыносимо для мальчика, привыкшаго къ физическому труду и къ самостоятельной жизни

Digitized by Google

уличнаго мальчишки. Дисциплина для большей части этихъ дѣтей невыносима. Они, полузабытыя трудящейся семьей, оставленныя на произволъ судьбы, очень рано привыкаютъ къ самостоятельности. Антонъ, повидимому, могъ только отдыхать въ школѣ, а между тѣмъ, онъ чувствовалъ утомленіе. Ему было гораздо труднѣе сидѣть на вытяжку, вязать или пѣть, чѣмъ ѣздить за щепками, собирать дрова, таскать корзины съ бѣльемъ, няньчиться съ младшими членами семьи, колоть подтопки. При прежнемъ образѣ жизни, онъ не замѣчалъ, какъ летитъ время; теперь онъ считалъ часы, томился скукою, ждалъ только ночи. Болѣе всего сердило его то, что онъ долженъ былъ только «бить баклуши», такъ какъ вязанье и пѣнье, главные предметы школьныхъ занятій, казались ему совсѣмъ ненужными... Не могъ же онъ знать тѣхъ мудрыхъ соображеній, по которымъ вязанье должно было служить громоотводомъ, спасающимъ дѣтей отъ шалостей, неизбѣжно связанныхъ съ полнѣйшею праздностью, а пѣніе должно было служить къ смягченію нравовъ и развитію мягкихъ чувствъ. Онъ въ дѣтской простотѣ не видѣлъ никакой существенной, осязательной пользы отъ этихъ занятій, тогда какъ вся его предшествовавшая жизнь научила его инстинктивно любить не самый трудъ, а результаты этого труда. Онъ зналъ, что набранныя дрова и щепки дадутъ его семьѣ возможность не сидѣть въ холоду; онъ видѣлъ, что наловленная имъ и его отцомъ рыба приводитъ въ восторгъ его маленькихъ брата и сестру, всегда готовыхъ и полюбоваться живою рыбкой, и насладиться вкусною пищей; онъ понималъ, что, стащивъ во-время корзину съ бѣльемъ къ давальцамъ, онъ ускоритъ полученіе денегъ за стирку. Теперь же работа была безцѣльна; всѣ его товарищи по школѣ презрительно говорили про нее, что «отъ бездѣлья и она рукодѣлье». И что это была за работа? «Нешто горло-то драть нужно учиться? — наивно говорилъ Антонъ про пѣніе. — Фабричные-то почище насъ поютъ, а, поди, ихъ никто не обучалъ». Прежде Антонъ любилъ учиться, и довольно бойко выучился читать и писать подъ руководствомъ старшей сестры. Теперь же онъ начиналъ зѣвать и за уроками. Разъ въ недѣлю появлявшійся въ школѣ Рождественскій и здѣсь, какъ въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ, ограничивался тѣмъ, что диктовалъ дѣтямъ отрывки изъ какихъ-то дидактическихъ сочиненій и строфы изъ стиховъ Державина и Ломоносова. Потомъ мальчики должны были зубрить эти отрывки и

Digitized by Google

отвѣчать ихъ наизусть, ничего не понимая изъ высопарнаго набора словъ. Кромѣ этого, учитель иногда задавалъ по три, по четыре строки изъ грамматики Греча и потомъ считалъ свои обязанности покончеными. Но девятилѣтнія дѣти ровно ничего не понимали въ то время, когда они десять разъ повторяли: «русская грамматика учитъ правильно», «русская грамматика учитъ правильно», или долбили: «О Ты, пространствомъ безконечный!» «О Ты, пространствомъ безконечный!» Два раза въ недѣлю появлялся священникъ, преподававшій законъ Божій. Онъ задавалъ, безъ всякихъ объясненій, по нѣсколько строкъ изъ «Краткаго катихизиса» и по нѣсколько строкъ изъ «Краткой Священной Исторіи», посвящая все время урока на спрашиванье заданныхъ отрывковъ. Непонятныя фразы и мысли, сухая номенклатура именъ, необъяснимыя и необъясняемыя чудеса, все это не могло особенно заинтересовать ребенка и только нагоняло на него скуку, когда ему приходилось въ классѣ двадцать разъ прослушивать изъ устъ товарищей однѣ и тѣ же фразы, уже выдолбленныя имъ самимъ. Но этого мало: со второго же урока мальчикъ увидалъ, что, повидимому, этимъ занятіямъ никто не придаетъ никакого значенія, такъ какъ ученики отвѣчали уроки, считывая ихъ съ книги, а учитель дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ плутовства, и только въ крайнихъ случаяхъ захлопывалъ книгу, открытую передъ спрашиваемымъ ученикомъ. Занятія ариѳметикой, еще не шедшія далѣе сложенія, были тоже неособенно интересны. Рядомъ съ этою официальною жизнью шла въ школѣ и неофиціальная жизнь: мальчики воровали другъ у друга все, что могли; они дрались между собою при первомъ удобномъ случаѣ, за неимѣніемъ другихъ тѣлесныхъ упражненій; они слыли въ околоткѣ за первыхъ сорванцовъ и головорѣзовъ; они, несмотря на то, что самые старшіе изъ нихъ достигали только двѣнадцатилѣтняго возраста, были развращены и быстро шли по пути, который ведетъ не къ добру. Ни официальная дисциплина, ни закулисная разнузданность не приходились по душѣ Антону. Онъ стремился домой, къ своей семьѣ. Школа повліяла на него только съ одной стороны: онъ сталъ бойко защищаться отъ нападеній и сдѣлался, по собственному его выраженію, «зубастымъ». Не такъ вліяла школа на Мишу. Миша былъ еще малъ и потому не учился нѣть, вязалъ, и то изрѣдка, только чулки, не сидѣлъ у русскаго учителя, не посѣщалъ классовъ священника и кое-какъ, подъ руководствомъ по-

Digitized by Google

мощницъ, царапалъ на грифельной доскѣ буквы и цифры. Хорошенькій и добрый ребенокъ сдѣлался любимцемъ помощницъ и двухъ или трехъ изъ самыхъ старшихъ по возрасту мальчиковъ. Послѣдніе весьма быстро научили его различнымъ остротамъ, пошлымъ прибауткамъ, очень неприличнымъ фразамъ; все это произносилось мальчуганомъ безъ всякаго сознанія, но все-таки входило въ привычку и даже дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ предмета дѣтской гордости, такъ какъ каждая подобная фраза вызывала смѣхъ и одобреніе болѣе взрослыхъ его товарищей. Свободное время проходило среди никѣмъ неруководимыхъ игръ, безсмысленныхъ, нерѣдко грубыхъ и дикихъ, состоявшихъ изъ битья другъ друга твердымъ узломъ жгута, изъ ловкаго плеванья между сложенными кольцомъ большимъ и указательнымъ пальцемъ и тому подобныхъ дикихъ затѣй. Эти игры и заступничество взрослыхъ покровителей сдѣлали изъ Миши шалуна и забіяку. Даже самыя ласки помощницъ послужили ему во вредъ, и онъ, это маленькое созданьице, уже кокетничалъ по-своему, и въ минуту капризнаго настроенія говорилъ ласкавшимъ его помощницамъ: «а вотъ не хочу цѣловать васъ, не хочу». Въ семьѣ никто не замѣчалъ еще дурной перемѣны въ ребенкѣ: видѣли только, что ребенокъ сталъ бойчѣе. Но это скорѣе радовало, чѣмъ огорчало семью, и въ особенности Катерину Александровну, такъ какъ ее уже и безъ того тревожила кротость третьяго изъ младшихъ членовъ семейства — Даши. «Хозяйка», «старушка», «монашенка», — вотъ прозвища, данныя Дашѣ людьми, видѣвшими ее хоть разъ. Эта дѣвочка, слабенькая отъ природы, запуганная въ дѣтствѣ пьянствомъ отца, окончательно растерялась, попавъ въ цѣлую массу самаго разнообразнаго народа, въ среду буйствующихъ дѣвочекъ, подъ надзоръ воюющихъ помощницъ. Ее пугали большія комнаты; ее заставлялъ вздрагивать звонокъ; ея слабое тѣльце дрожало отъ холода и сырости; ея спина болѣла отъ сидѣнья на вытяжкѣ на табуретахъ и скамьяхъ, лишенныхъ спинокъ; ей не шла въ прокъ тяжелая, неудобоваримая пища,—картофель, капуста, каша и постное масло, обильно изливавшееся въ желудки дѣтей два раза въ недѣлю. А между тѣмъ, Даша не жаловалась, не плакала, не охала. Боялась ли она, что ея слезы огорчатъ ея сестру и мать, или полагала она, что за ея слезы ее накажутъ, выбранятъ, какъ это дѣлалъ иногда пьяный отецъ,—это неизвѣстно. Но какъ бы то ни было, она мол-

Digitized by Google

чала и таяла, какъ воскъ. Катерина Александровна часто спрашивала ее о здоровьѣ,—она со вздохомъ отвѣчала:

— Я здорова, сестрица!

Катерина Александровна обратилась къ Грохову и попросила его освидѣтельствовать Дашу, чтобы узнать, не больна ли она. Гроховъ нахмурился, но все-таки осмотрѣлъ дѣвочку.

— Это тяшелій ростъ!—проговорилъ онъ, кончивъ осмотръ.

— Вы думаете, что она здорова?

— Какъ ми зъ вами.

— Но не вредно ли ей постное?

— Напротивъ, постній масло ошень полезно ей. Ви болше давайтъ ей его. Дѣтей надо ко всему пріучайтъ.

Онъ кивнулъ головой Катеринѣ Александровнѣ и вышелъ. Но молодая дѣвушка не успокоилась и снова тревожно допрашивала дѣвочку о здоровьѣ.

— Я, право, здорова, сестрица, совсѣмъ здорова,—увѣряла маленькая Даша.

Приходилось вѣрить.

Только дома маленькая дѣвочка какъ будто оживала, особенно въ тѣ минуты, когда появлялся штабсъ-капитанъ съ сыновьями, когда Катерина Александровна сажала ее къ себѣ на руки, когда слабое дитя полудремотно улыбалось, слыша веселый говоръ и смѣхъ и пригрѣвшись у сестриной груди. Но какъ печальна была эта дѣтская улыбка! Такъ улыбаются тихо и безъ особенныхъ острыхъ страданій приближающіеся къ могилѣ люди. «Неужели она вырастетъ такою, какъ наша мать?»—думалось въ эти минуты Катеринѣ Александровнѣ, и ей становилось грустно за Дашу. Катерина Александровна уже сознавала, что мать вноситъ въ ихъ молодой кружокъ какой-то могильный элементъ. Она чувствовала, что лучше не жить, лучше умереть, чѣмъ жить такимъ забитымъ, придавленнымъ, вздыхающимъ даже въ минуты радости существомъ, какимъ сдѣлалась, вслѣдствіе тяжелой жизни, Марья Дмитріевна.

Такъ проходила жизнь Прилежаевыхъ, тѣсно связавшаяся съ жизнью Прохоровыхъ.

Но молодые Прохоровы, не довольствуясь тѣмъ, что проводили у Прилежаевыхъ воскресные дни, все сильнѣе и сильнѣе настаивали, чтобы отецъ перебрался куда-нибудь поближе къ этой семьѣ. Эта семья была первымъ знакомствомъ юныхъ кадетъ. Старикъ души не слышалъ въ своихъ дѣтяхъ, однако упорно отказывался отъ исполненія ихъ

Digitized by Google

желанія. Сначала предлогъ былъ одинъ и тотъ же—чистота воздуха подъ Невскимъ. Потомъ, когда было доказано, что у школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ воздухъ не хуже,—старикъ, повидимому, поддался дѣтямъ и сталъ говорить, что онъ, пожалуй, и переѣхалъ бы, но только не къ незнакомымъ людямъ, а въ квартиру самой Марьи Дмитріевны; послѣднее же было невозможно, такъ какъ Марьѣ Дмитріевнѣ нельзя было отказать, безъ всякой причины, той или другой изъ жилицъ. Онъ такъ пространно доказывалъ сыновьямъ всю нечестность подобнаго изгнанія бѣдныхъ жилицъ изъ квартиры, что молодые люди должны были поневолѣ согласиться, хотя на словахъ. На время старикъ былъ увѣренъ, что онъ отвоевалъ себѣ право жить подъ Невскимъ, и успокоился, когда совершенно неожиданно Марья Дмитріевна сообщила ему, что одна изъ жилицъ, нанимавшая комнату на улицу, поступаетъ въ богадѣльню.

— Ну, вотъ и прекрасно, и отлично! — воскликнули въ одинъ голосъ Александръ Македонскій и Иванъ-воинъ.

Старикъ, противъ всякаго ожиданія, нахмурился и почесалъ кончикъ носа.

— Слишкомъ скоро, слишкомъ скоро. По-военному,—пробормоталъ онъ.

— Что-жъ! чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — возразили сыновья.

— Ну, конечно, конечно!—пробормоталъ старикъ и, противъ своего обыкновенія, не сталъ философствовать и распространяться насчетъ близкой перемѣны образа жизни.

Молодые члены двухъ семействъ стали толковать о будущемъ прекрасномъ житьѣ и совершенно не обращали вниманія на задумчивость старика. Они не замѣтили и того, что онъ тихонько выбрался изъ комнаты, увидавъ, что Марья Дмитріевна вышла на галлерею.

— Что вы? — спросила она, замѣтивъ выходившаго къ ней штабсъ-капитана.

— Поговорить надо, добрѣйшая Марья Дмитріевна,—проговорилъ онъ необычайно тревожнымъ тономъ и тяжело вздохнулъ.—Приходится жить вмѣстѣ. Не ожидалъ, не приготовился!

— Что-жъ, батюшка, Флегонтъ Матвѣевичъ, если вы не хотите...—начала Марья Дмитріевна своимъ приниженнымъ тономъ.

— Не то, добрѣйшая моя, не то! — горячо произнесъ штабсъ-капитанъ, какъ бы боясь обидѣть свою добрую зна-

Digitized by Google

комую.—Хочу, очень хочу жить у васъ. Ваша семья стала для меня... Ну, да что тутъ толковать, — махнулъ онъ рукою. — Сошлись, по душѣ сошлись, вотъ и все. У меня вѣдь лѣтъ семь не было никого знакомыхъ. Все не хотѣлось какъ-то сходиться съ людьми.

Онъ пожалъ руку Марьи Дмитріевны своею широкою рукой.

— Но вотъ что,—началъ онъ снова и взглянулъ какъ-то въ сторону: — мы съ вами старые люди, всего видѣли на свѣтѣ, знаемъ, что у каждаго есть свои грѣшки, свои недостатки.

Онъ замолчалъ на минуту, видимо не умѣя объяснить того, что такъ сильно тревожило его въ эту минуту.

— Ну, скажите мнѣ, пожалуйста, — началъ онъ не безъ усилія:—стали-ль бы вы скрывать отъ своихъ дѣтей или нѣтъ, если бы у васъ былъ, — ну, положимъ, какой-нибудь этакій недостатокъ, грѣшокъ, что ли?

Марья Дмитріевна ровно ничего не понимала: а у нея, у этой бѣдной женщины, не было ни одного недостатка, который она хотѣла бы скрыть отъ дѣтей.

Штабсъ-капитанъ махнулъ рукою.

— Что же я говорю!—воскликнулъ онъ.—Какіе грѣшки, какіе недостатки могутъ быть у васъ! Впрочемъ, позвольте!.. Вы говорили, что у вашего мужа былъ грѣшокъ...

— Пилъ онъ, пилъ, голубчикъ мой! — вздохнула Марья Дмитріевна.—Съ горя, батюшка, съ горя-горькаго!

— Ну, извѣстно, кто же съ радости пьетъ!—грустно замѣтилъ философъ.—Такъ вотъ, говорю я, не старались ли вы скрыть этотъ грѣшокъ отъ этихъ дѣтей?

— Батюшка, да какая же мать не станетъ укрывать пьянаго отца отъ дѣтей!—воскликнула простодушная Марья Дмитріевна. — Да и самъ онъ, голубчикъ мой, совѣстился; бывало на цыпочкахъ крадется, какъ выпьетъ; шепчетъ: «дѣтей, Маша, спрячь, дѣтей спрячь!» Потомъ ужъ это онъ и скрывать не могъ: втянула водка-то; извѣстно, это зелье врагомъ человѣческимъ создано, и ужъ кто къ нему пристрастился, тому не спастись отъ дьявольскаго навожденья...

Штабсъ-капитанъ хмуро слушалъ свою собесѣдницу и потиралъ носъ. Ее удивило это молчаніе говорливаго старика; она взглянула на него, и какъ-то случайно ей бросился въ глаза его сизокрасный носъ, потираемый рукою. Въ ея головѣ вдругъ промелькнула мысль, что штабсъ-капитанъ пьетъ. Но она тотчасъ же вспомнила, что онъ

Digitized by Google

никогда не пилъ ни одной рюмки за обѣдомъ, хотя въ то же время ей пришла на умъ первая встрѣча съ штабсъ-капитаномъ, когда онъ говорилъ, стоя на дворѣ дома Бѣлокопытовыхъ, что недурно бы выпить чего-нибудь горячительнаго. Бѣдная женщина не то съ испугомъ, не то съ недовѣріемъ смотрѣла на своего будущаго жильца.

— Нѣтъ, это неправда! — вдругъ произнесъ онъ, не то отвѣчая на ея разсужденія о неотразимо-увлекающей силѣ вина, не то громко заканчивая цѣлый рядъ промелькнувшихъ въ его головѣ размышленій.—Такъ вотъ что, добрѣйшая моя, Марья Дмитріевна: вы должны понимать, что каждый порядочный и честный человѣкъ желаетъ скрыть отъ дѣтей свои недостатки, не только отъ своихъ дѣтей, но и отъ дѣтей вообще. У меня тоже есть грѣшки, есть странности, которыхъ я не желалъ бы выставлять на видъ ни передъ своими, ни передъ вашими дѣтьми.

— Да вы, батюшка, пьете? — совсѣмъ робко спросила Марья Дмитріевна.

— Какъ вамъ сказать? — задумчиво произнесъ штабсъ-капитанъ.—Я изъ военныхъ. Не бѣгалъ отъ врага, не убѣгу и отъ бутылки. Можетъ-быть, когда-нибудь случайно заверну домой въ болѣе веселомъ настроеніи... Но пьянымъ вы меня не увидите... Впрочемъ, я васъ попрошу не говорить дѣтямъ даже и о томъ, что вы когда-нибудь видѣли меня навеселѣ...

У Марьи Дмитріевны отлегло отъ сердца.

— Но главное дѣло не въ томъ,—продолжалъ старикъ.— Я, изволите ли видѣть, иногда люблю отлучиться дня на три, на четыре къ знакомымъ, которыхъ не знаютъ дѣти. Это можетъ показаться вамъ страннымъ, такъ какъ я уѣзжаю неожиданно, случайно... Но вы не безпокойтесь: не пришелъ, я ночевать, — значитъ, закатился къ друзьямъ... Оно, можетъ-быть, покажется страннымъ, что человѣкъ въ мои лѣта пропадаетъ изъ дома, — но вѣдь у каждаго свои странности. Прошу васъ объ одномъ: не говорите дѣтямъ, что я уѣзжаю иногда на время, и не думайте, что я погибъ, если меня не будетъ дома три-четыре дня.

— Да что-жъ тутъ, батюшка, предосудительнаго, если вы поѣдете погостить къ знакомымъ?—произнесла совсѣмъ успокоенная Марья Дмитріевна.

— Ну да, ну да: конечно, ничего предосудительнаго,—поспѣшно согласился Прохоровъ.—Но просто я не хотѣлъ бы, чтобы дѣти приставали ко мнѣ, куда и зачѣмъ я уѣзжаю,

Digitized by Google

почему не вожу ихъ съ собою... Это, знаете, старые пріятели; молодежь туда не стоитъ возить; ей тамъ дѣлать нечего... Такъ по рукамъ: изъ избы сора не выносить и другъ друга укрывать отъ высшаго начальства. Оно, я думаю, и теперь подозрѣваетъ насъ въ чемъ-нибудь, видя нашу отлучку.

Штабсъ-капитанъ снова повеселѣлъ и явился въ комнату съ шутками и прибаутками. Теперь и онъ уже раздѣлялъ мечты молодежи о будущей счастливой жизни и даже заходилъ гораздо дальше въ своихъ планахъ. Молодежь упустила изъ виду возможность напиться чаю у Митрофанія; она забыла о возможности покачаться на качеляхъ въ Екатерингофѣ; она совершенно не знала, какъ весело красить лоскутками яица передъ Святой и отличать, чья работа выйдетъ удачнѣе. Вообще штабсъ-капитанъ былъ очень опытный человѣкъ въ дѣлѣ дешевыхъ или, лучше сказать, ничего не стоящихъ удовольствій, именно тѣхъ удовольствій, безъ которыхъ была бы невыносима жизнь бѣдняковъ. Впрочемъ, онъ былъ опытенъ во всемъ. Штабсъ-капитанъ умѣлъ придавать крылья времени и дружить людей; въ этомъ краснопосомъ полунищемъ было такъ много человѣчности, что, при первой встрѣчѣ съ нимъ, наблюдатель поражался одною характерною чертой старика: старикъ умѣлъ сразу сойтись и съ старымъ, и съ малымъ, и съ чиновнымъ, и незначительнымъ человѣкомъ. Это не было подлаживанье подъ чужой тонъ; нѣтъ, штабсъ-капитанъ говорилъ почти однимъ тономъ со всѣми, почти одинаково относился ко всѣмъ; онъ просто видѣлъ въ каждомъ встрѣчномъ человѣка и потому не старался ползать передъ нимъ, какъ передъ какимъ-то высшимъ созданіемъ и не думалъ пинать его ногой, какъ какое-нибудь негодное животное. Эта способность быть на своемъ мѣстѣ и своимъ въ каждомъ кружкѣ бросалась въ глаза даже недальновидной Марьѣ Дмитріевнѣ. Въ дни перваго сближенія съ штабсъ-капитаномъ она, удивляясь его краснорѣчію, спросила его, гдѣ онъ научился такъ хорошо говорить; теперь, познакомившись съ нимъ поближе и глядя, какъ онъ, окруженный дѣтьми, представляетъ изъ пальцевъ на тѣни зайчика и молящагося на колѣняхъ монаха, она невольно спросила его:

— И какъ это вы, Флегонтъ Матвѣевичъ, со всѣми-то обойтись умѣете?

— Опыть, скитанья по-бѣлу свѣту всему научатъ, добрѣйшая Марья Дмитріевна,—отвѣтилъ отставной философъ.—

Digitized by Google

Людей я много видѣлъ, ну, и пришелъ къ тому убѣжденію, что всѣ они люди,—шутливо промолвилъ старикъ. — Вѣдь я, матушка, всю нашу Россію пѣшкомъ исходилъ съ полками, какъ вышелъ изъ корпуса. Приходилось иногда живать по цѣлымъ мѣсяцамъ въ деревнѣ, гдѣ, кромѣ мужиковъ, бабъ, ребятишекъ, солдатъ да меня, никого не было. Ну, вотъ тутъ и попробуй смотрѣть на людей съ высоты офицерскаго чина,—языкъ проглотишь. Поневолѣ и пойдешь къ мужику, какъ къ человѣку,—глядишь, и ничего... не скучно, и компанія есть,—и такъ же бесѣдуешь; такъ же по-человѣчески живешь, не идоломъ какимъ-нибудь, а своимъ человѣкомъ, знакомымъ, членомъ всей деревни. У меня однихъ крестниковъ да крестницъ, я думаю, съ сотню наберется по деревнямъ. А то, бывало, попадешь къ помѣщику на домъ. Самъ-то онъ заскорузлый; жена расплылась, какъ опара. Что тутъ дѣлать? Стараешься вникнуть въ ихъ жизнь, узнать, нѣтъ ли и въ нихъ кусочка живого,—глядишь: непремѣнно найдется. У жены когда-то сынъ любимецъ былъ, умершій въ корпусѣ; у мужа сохранились воспоминанія о тяжеломъ дѣтствѣ или забубенной молодости. Поскоблишь, поскоблишь грязь, а тамъ и заблестятъ эти кусочки-то, кусочки-то золота-человѣка. Вотъ помню я тоже случай. Былъ у меня вѣстовой въ ротѣ, — такъ себѣ, ничего солдатикъ. Только разъ и попуталъ его лукавый, проворовался онъ. Кто его знаетъ, съ чего проворовался: можетъ, на вино понадобилось, можетъ, въ самомъ дѣлѣ, деньги нужны были на дѣло, только, какъ бы тамъ ни было, а согрѣшилъ. Дѣло вышло неладное, гласное; скрыть было нельзя, а надо вамъ замѣтить, что полковой нашъ былъ звѣрь-человѣкъ. Перспектива-то, знаете, для солдатика была незавидная; порка-то поркой,—этого тогда ужъ и въ счетъ не ставили,—а могло дѣло-то разыграться и арестантскими. Ну-съ, жалко мнѣ было солдатика, а дѣлать нечего; нужно было довести до свѣдѣнія. Только, къ счастію этого солдатика, узнаю я, что у полкового сынишка при смерти боленъ, и осѣнила меня этакая геніальная мысль. Иду я прямо къ командиру. Говорятъ, не принимаетъ. Говорю—по важному дѣлу. Вышелъ онъ, зеленый весь, звѣремъ смотритъ.—«Что еще?»—спрашиваетъ, и въ голосѣ, знаете, такое рычанье. Разсказываю.—«Запороть, бестію, надо!»—прохрипѣлъ командиръ.—У него жена недавно родила,—говорю я, а самъ смотрю прямо въ глаза полкового.—Ребенокъ умираетъ. Можетъ-быть, для него хотѣлъ... Полковой только глазами сверкнулъ и, повернув-

Digitized by Google

шись на каблукахъ, зашагалъ по комнатѣ. Я стою и жду, что будетъ. Прошло этакъ съ полчаса, наконецъ, полковой обратился ко мнѣ.—«Посадить его подъ арестъ, пусть молится, чтобы сынъ былъ живъ»,—проворчалъ онъ мнѣ.—У него дочь,—возразилъ я.—«О моемъ сынѣ пусть молится!»—отрывисто пояснилъ полковой и вышелъ въ кабинетъ.—Ну, думаю, попался теперь голубчикъ, и тотчасъ же толкнулся къ нашему доктору.—Отъ тебя, говорю, теперь зависитъ спасти Хоменку,—это солдатика-то такъ звали,—вылѣчи, во что бы то ни стало, сына полкового командира.—«Ну, братъ, говоритъ, это штука нехитрая: у него уже кризисъ давно прошелъ; не застудятъ—не умретъ». Полетѣлъ я къ Хоменкѣ, выругалъ его, какъ каналью, посадилъ подъ арестъ и строгона-строго велѣлъ говорить, если полковой спроситъ, что онъ для своей новорожденной дочери укралъ... А у него и дочери-то, кажется, не было, а сынъ былъ, да и тотъ въ это время здоровъ былъ... Такъ дѣло и обошлось: сынъ у полкового выздоровѣлъ; Хоменко просидѣлъ подъ арестомъ; потомъ полковой собственноручно ткнулъ его раза два въ зубы, обругалъ его непечатно, да тѣмъ и ограничился... Кусочекъ человѣка, добрѣйшая Марья Дмитріевна, въ каждомъ этакомъ заскорузломъ кускѣ мяса отыскать нужно,—вотъ и вся мудрость.

— Нѣтъ, Флегонтъ Матвѣичъ, это ужъ потому васъ такъ любятъ, что сердце у васъ доброе,—замѣтила Марья Дмитріевна.

— Да кто его знаетъ, доброе оно или злое,—промолвилъ философъ.—Просто человѣкъ, какъ человѣкъ. Люди всегда люди; можно—такъ сядутъ на брата, а нѣтъ—такъ на себѣ его повезутъ.

Катерина Александровна разсмѣялась штабсъ-капитанской шуткѣ и спросила:

— А вы, Флегонтъ Матвѣичъ, на другихъ ѣздите или сами возите?

— Гдѣ мнѣ, добрѣйшая Катерина Александровна!—отвѣтилъ старикъ.—Первое не по чину, второе не по лѣтамъ. Прежде бывало всего: и на себѣ возилъ, и на другихъ ѣздилъ. Ну, а теперь на другого не сяду, на себя не посажу, а рядомъ, хотите идти—идите: въ компаніи веселѣе. Какъ думаете, отцы-командиры, въ компаніи веселѣе?—шутливо обратился старикъ къ дѣтямъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, принялся возиться съ ними.

Дней черезъ пять онъ переѣхалъ въ квартиру Прилежае-

Digitized by Google

выхъ; я чуть-было не сказалъ: перешелъ, такъ какъ имущество Флегонта Матвѣевича можно было съ удобствомъ перенести въ одномъ чемоданѣ.

IV.

Непріятное событіе въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ.

Надъ Петербургомъ повѣяла весна. Солнце свѣтило ярко; снѣгъ быстро таялъ; на улицахъ началось болѣе усиленное движеніе. Въ нѣкоторыхъ домахъ уже выставлялись рамы и въ комнаты врывался веселый шумъ. Несмотря на грязь и большія лужи воды, разлившейся по улицамъ, солнечный свѣтъ и тепло звали на воздухъ изъ душныхъ комнатъ. Никогда въ теченіе цѣлаго года не чувствовалось дѣтьми такъ сильно стремленіе вырваться на свободу изъ мрачныхъ стѣнъ пріюта, какъ теперь. Дѣвочки за нѣсколько недѣль толковали объ отпускахъ домой на время Пасхи и ждали праздника съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ будто имъ придется смѣнить унылую пріютскую жизнь на шумную, полную развлеченій и довольства жизнь дома, какъ будто имъ не придется разбрестись по подваламъ и чердакамъ, гдѣ гнѣздились ихъ отцы и матери. Но какъ бы ни были жалки притоны этихъ бѣдныхъ отцовъ и матерей, какъ бы ни была печальна обстановка въ этихъ притонахъ, а дѣвочки все-таки имѣли основаніе радоваться отпускамъ домой; дѣло въ томъ, что дома ихъ ожидала воля. Тамъ рѣзкій звонъ колокольчика не прерветъ ихъ утреннихъ грёзъ; тамъ, можетъ-быть, не станутъ ихъ ругать за желаніе понѣжиться лишнихъ пять минутъ на постелѣ и даже будутъ рады, что дѣти лежатъ и не мѣшаютъ взрослымъ; тамъ не погонятъ ихъ гулять въ урочный часъ, несмотря на пасмурную погоду, и не удержатъ ихъ въ четырехъ стѣнахъ въ минуту солнечнаго блеска ради того, что эта минута назначена не для гулянья; тамъ не заставятъ ихъ сидѣть на вытяжкѣ и шить, шить до одурѣнья. Можетъ-быть, и тамъ они встрѣтятъ брань, принуждены будутъ работать, станутъ ѣсть такую же плохую и даже худшую пищу, но зато все это будутъ случайными непріятностями, а не безсмѣннымъ гнетомъ, возведеннымъ въ систему. Пріютскій гнетъ страшенъ именно потому, что онъ продолжается изо дня въ день, что онъ надавливаетъ одни и тѣ же наболѣвшія мѣста, что каждое его проявленіе извѣстно заранѣе и что противъ него нѣтъ никакой возможности ни бороться, ни защищаться. Въ этомъ состоитъ его главная разница съ семейнымъ гнетомъ, который

Digitized by Google

вообще въ нашихъ семьяхъ рѣдко возводится въ правильную систему, въ простыхъ же бѣдныхъ семьяхъ рѣшительно никогда не бываетъ систематичнымъ. Въ этихъ семьяхъ колотушки и ласки, порядочная и плохая пища, все зависитъ отъ внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ.

Чѣмъ больше было оживленія и толковъ среди воспитанницъ, готовившихся вырваться на время изъ своей тюрьмы, тѣмъ болѣе омрачались лица тѣхъ несчастныхъ молодыхъ созданій, у которыхъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ. Они знали по опыту, какъ скучны, какъ невыносимы праздники въ пріютѣ. Время въ праздности идетъ здѣсь еще медленнѣе; скука среди полуопустѣвшихъ залъ и спаленъ дѣлается еще ощутительнѣе; помощницы, принужденныя дежурить и томиться на своихъ мѣстахъ только ради небольшой кучки этихъ бездомныхъ сиротъ, дѣлаются еще придирчивѣе и злѣе и, считая по привычкѣ необходимымъ ничего не дѣлать въ праздники, развлекаютъ себя грызней съ воспитанницами. Зная по опыту всю непривѣтную сторону приближающихся праздниковъ, бездомныя дѣти ходили, какъ въ воду опущенныя, съ завистью смотрѣли на своихъ болѣе счастливыхъ подругъ. Но если близкое будущее тяжело вліяло на настроеніе маленькихъ дѣвочекъ, то тѣмъ сильнѣе оно дѣйствовало на настроеніе взрослыхъ. Сильнѣе развитое воображеніе рисовало въ болѣе яркихъ краскахъ темныя стороны предстоящаго положенія; сильнѣе работавшая мысль, пробуждающаяся страстность предъявляли болѣе требованій къ жизни и не могли примириться съ невеселымъ положеніемъ за одинъ какой-нибудь праздничный обѣдъ. Раздраженіе въ подобныхъ несчастныхъ созданіяхъ проявлялось очень замѣтно: они придирались сильнѣе къ подругамъ; онѣ больше грубили помощницамъ; онѣ иногда безотчетно плакали и начинали браниться, когда ихъ спрашивали, о чемъ онѣ плачутъ. Именно въ подобномъ состояніи находилась Скворцова. Въ ея движеніяхъ, въ ея поступкахъ, въ ея фигурѣ было что-то ненормальное, лихорадочное. Иногда она задумчиво сидѣла надъ работой и, повидимому, была совершенно спокойна; но стоило только прикоснуться къ ея плечу или громко кликнуть ее по имени, — и дѣвушка вся вспыхивала до ушей яркимъ румянцемъ, точно ее поймали не за работой, а на мѣстѣ преступленія. Иногда она, ни съ того ни съ сего, откидывала свои гладко причесанные волосы, проводила рукой по лбу, выпивала двѣ-три кружки воды. Была одна ночь, когда всѣ слышали бредъ дѣвушки;

Digitized by Google

другую ночь она проплакала напролетъ и встала утромъ съ распухшими глазами. Перемѣна въ ней была такъ сильна, что подруги начали приставать къ ней съ вопросами, что съ нею случилось.

— Отстаньте! Вамъ-то что?—грубо отталкивала она ихъ отъ себя.

— Да ты не больна?

— Ну да, въ чахоткѣ помру въ одинъ день съ Марьей Николаевной; въ одномъ гробу и хоронить будутъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ, единственною поддержкой для Скворцовой были мечты о близкомъ выходѣ изъ пріюта, изъ «проклятаго пріюта», какъ она называла его. Но и это утѣшеніе было случайно отнято у дѣвушки. Однажды пріютъ посѣтила графиня Бѣлокопытова. Посѣщеніе, по обыкновенію, произвело переполохъ: вездѣ на скорую руку было все прибрано; дѣвочкамъ поспѣшно перемѣнили пелеринки и нарукавники; потомъ дѣтей выстроили, какъ солдатъ, передъ графиней, и она бѣглымъ шагомъ произвела имъ смотръ, на ходу обращаясь то къ той, то къ другой съ разными вопросами. Поравнявшись съ Скворцовой, графиня спросила ее:

— Ты выпускная?

— Да,—послышался отвѣтъ.

— Родные есть?

— Нѣтъ, она сирота, графиня, — вмѣшалась Анна Васильевна въ разговоръ.

— Надо будетъ позаботиться о мѣстѣ, а до тѣхъ поръ пусть живетъ здѣсь: Христосъ съ ней, Христосъ съ ней!— рѣшила графиня.

— Какъ здѣсь? я на мѣсто пойду-съ!—воскликнула Скворцова, блѣднѣя.

— Развѣ у тебя есть уже мѣсто, милая?

Скворцова опустила голову.

— Мы тебя такъ не бросимъ!—продолжала графиня.— Сперва надо пріискать хорошее мѣсто, справиться, куда ты поступаешь. До тѣхъ же поръ я оставлю тебя здѣсь. Живи, милая, живи! Богъ велѣлъ намъ заботиться о сиротахъ.

Скворцова хотѣла возражать, но графиня, подставивъ къ ея губамъ свою руку, пошла далѣе, не обращая на нее вниманія. Эта новость была громовымъ ударомъ для дѣвушки: она впервые поняла, что ее могутъ продержать въ пріютѣ еще годъ и два, и три... однимъ словомъ, столько, сколько вздумается графинѣ. Пріютъ былъ не срочною тюрьмой.

Digitized by Google

Когда графиня уѣхала, Марья Николаевна застала Скворцову въ классной комнатѣ въ слезахъ.

— Что это ты разнѣжничалась? — язвительно спросила Постникова.—Не обидѣлъ ли кто тебя?

— Это тѣхъ обидѣть можно, которые на ладанъ дышатъ,— грубо отвѣтила Скворцова, быстро отирая слезы.

— Дура!

— Что-жъ дѣлать, если никто умному ничему не училъ.

— Держала бы языкъ за зубами, такъ и была бы умной.

— Да вѣдь я, Марья Николаевна, не лошадь; это только ту бьютъ, а она все молчитъ да глазами хлопаетъ.

Марья Николаевна отошла.

— Дурища! сама дурища! — бормотала ей вслѣдъ Скворцова.—Туда же расфуфырится на праздникахъ, къ разной сволочи въ гости поѣдетъ хвостомъ вилять. Шкура! Шелковое платье тоже сшила! въ цѣпочкѣ ходитъ!

Дѣвушка снова закрыла лицо и опять расплакалась.

— Скворцова, что съ тобой?—раздался надъ нею ласковый голосъ, и по ея волосамъ скользнула чья-то маленькая рука.

Дѣвушка не отвѣчала ни слова и только прижала свое лицо къ тальѣ стоявшей передъ нею Катерины Александровны. Прилежаева не трогалась съ мѣста и какъ бы безсознательно продолжала ласкать бѣдную воспитанницу. Она по собственному опыту знала эти минуты безотчетнаго горя, когда мы радуемся присутствію сочувствующаго намъ человѣка и въ то же время желаемъ только одного, чтобы онъ насъ ни о чемъ не разспрашивалъ, ни въ чемъ не утѣшалъ. Прошло минутъ пять; наконецъ, Катерина Александровна почувствовала, что Скворцова поднимаетъ голову. Глаза двухъ дѣвушекъ встрѣтились. Лицо Скворцовой еще было покрыто слезами, но она уже улыбалась.

— Глупая я, совсѣмъ глупая! — проговорила она, качая головой. — Разревѣлась и сама не знаю, о чемъ. Вотъ и платье вамъ испортила своими слезами,—по-дѣтски перешла Скворцова къ другому предмету, увидавъ на платьѣ Катерины Александровны пятна отъ своихъ слезъ.

— Ну, новое велю купить, когда разбогатѣешь,—улыбнулась Катерина Александровна.

— А вы думаете, что я не купила бы? Да если-бъ я богата была, я такое, такое платье вамъ сдѣлала бы, что наши аспиды лопнули бы отъ злости.

— А ты и обрадовалась бы этому?

Digitized by Google

— Еще бы. Да я просто бѣжала бы отсюда, за версту обходила бы, чтобы ихъ не видѣть!

— Зачѣмъ же бѣжать? Ты и безъ того скоро выйдешь отсюда.

— Нѣтъ, вы этого не говорите! Вонъ стращаютъ, что будутъ держать, пока мѣста не сыщутъ мнѣ.

— Что же! прямо на мѣсто выйти хорошо.

— А лѣто-то! лѣто-то здѣсь жить? Что вы? Да я просто руки на себя наложу.

— Ну, полно. Лѣтомъ проживемъ какъ-нибудь. Отпускать будутъ въ гости.

— Да куда же?

— Ну, хоть ко мнѣ...

— Нѣтъ, не будетъ! Онѣ вѣдь меня извести хотятъ: завидно, что я молодая.

— Ты совсѣмъ дитя, Наташа.

— Нѣтъ, вы этого не говорите! Я вотъ, какъ исповѣдываться шла, такъ всю ночь о своихъ грѣхахъ плакала.

— Ну, и сдала ихъ всѣ?

Скворцова какъ-то странно взглянула на Катерину Александровну и отрицательно покачала головой. Въ эту минуту раздался звонокъ, призывавшій къ ужину. Скворцова быстро встала, схватила руку Катерины Александровны и поцѣловала ее. Молодая дѣвушка наклонилась и поцѣловала воспитанницу въ губы. Скворцова какъ будто забылась отъ этого поцѣлуя, сжала въ своихъ объятіяхъ Катерину Александровну и покрыла ея лицо безчисленными поцѣлуями.

— Голубушка, красавица моя, ненаглядная!—страстно шептала она.—Если бы вы знали, какъ я васъ люблю!

Скворцова еще разъ сжала въ объятіяхъ Прилежаеву и выбѣжала изъ комнаты. Все это было такъ неожиданно, такъ необыкновенно, что Катерина Александровна опомнилась не вдругъ. Она машинально поправила волосы, задумчиво провела рукой по лбу и тихо пошла въ столовую. Она понимала, что въ душѣ Скворцовой происходило что-то необычайное, что-то тяжелое, но что именно—этого Прилежаева не могла объяснить себѣ. Во всякомъ случаѣ она рѣшилась попытаться и разузнать тайны бѣдной дѣвушки.

Слѣдующій день былъ днемъ отпусковъ на Пасху. Въ пріютѣ все шло вверхъ дномъ. Всѣ суетились, бѣгали, шу-

Digitized by Google

мѣли; въ пріемной толпились бѣдныя матери дѣтей съ узелками принесенной одежды; дѣти стремглавъ носились на половину Анны Васильевны, отпрашивались въ отпускъ, переодѣвались изъ пріютскаго платья въ свое, снова являлись къ Аннѣ Васильевнѣ, торопливо, на ходу, цѣловались съ подругами, прощались съ помощницами и улетали изъ своей клѣтки съ такою быстротой, что ихъ престарѣлыя матери и тетки были не въ силахъ догонять своихъ дѣтей. Среди этой возни помощницы тоже утомились не на шутку, считая одежду, оставленную дѣтьми, осматривая отпускаемыхъ воспитанницъ и объясняясь съ ихъ родителями. Впервые въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ оставшіяся воспитанницы шли къ обѣду не попарно; впервые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ за столомъ не только не было недостатка въ пищѣ, но былъ даже остатокъ ея. Пріютъ на одинъ день принялъ оживленный видъ, и послѣ постояннаго казарменнаго порядка, было просто отрадно видѣть разбросанные по полу лоскутки, обрѣзки бумаги и тому подобные предметы, оставленные дѣтьми. Пріютскія комнаты походили на казематы, изъ которыхъ, послѣ долгаго заключенія, узники вырвались на свободу.

— Ну, кажется, сегодня можно будетъ и отдохнуть,—замѣтила Ольга Никифоровна, раскраснѣвшаяся, какъ вареный ракъ, и облитая крупнымъ потомъ. — Ноги совсѣмъ пригоптались.

— Я тоже устала,—томно промолвила Марья Николаевна.—Впрочемъ, сегодня и безъ насъ посидятъ дѣти.

— Кто-нибудь изъ старшихъ присмотритъ,—рѣшила Ольга Никифоровна.—Скворцова можетъ.

Ольга Никифоровна знала, какой эффектъ это произведетъ на Марью Николаевну.

— Ну, ужъ нашли на кого положиться!—ядовито воскликнула Марья Николаевна.

— Отчего же на нее и не положиться?—спросила Катерина Александровна. — Впрочемъ, и я не пойду отдыхать; значитъ, можете быть покойны.

Катерина Александровна радовалась, что ей представится случай поговорить съ Скворцовой, не боясь соглядатаевъ.

— Да, гдѣ же Скворцова-то? Я ея не вижу,—произнесла Ольга Никифоровна, обводя комнату глазами.

Всѣ осмотрѣлись.

— Вотъ видите: изъ-за стола безъ позволенія вышла,—ѣдко замѣтила Марья Николаевна.—Хороша помощница!

Digitized by Google

— Она не была-съ за столомъ,—отозвался чей-то голосъ изъ среды воспитанницъ.

— Сходите за ней кто-нибудь!—велѣла Ольга Никифоровна.

Три воспитанницы выскочили изъ-за стола. Дѣти считали за счастіе возможность пробѣжаться.

— Вернитесь! Ступай ты, Кононова! — приказала Зубова.

Двѣ воспитанницы съ постными физіономіями вернулись на мѣсто, а третья, подпрыгивая, побѣжала на поиски.

— Она, вѣрно, лежитъ въ спальнѣ: ей давно нездоровится,—промолвила Катерина Александровна.

— Помилуйте, у нея щепки лопнуть хотятъ,—отвѣтила Марья Николаевна.

— Ее съ утра-съ нѣтъ,—снова раздался чей-то голосъ съ конца стола.

— Какъ съ утра нѣтъ?

— Да-съ, она и чаю не пила съ нами.

Катерина Александровна поблѣднѣла, какъ полотно; въ ней пробудилось предчувствіе чего-то недобраго.

— Это мило! Да она просто бѣжала!—воскликнула Марья Николаевна.—Вѣрно, Новиковой подражать вздумала: та тоже, два года тому назадъ, убѣжала! Негодная, развращенная дѣвчонка! Нашла какого-нибудь...

— Ну, Марья Николаевна, я вамъ не позволю,—прерывающимся голосомъ произнесла Катерина Александровна и поднялась съ мѣста.—Здѣсь дѣти!

— Ахъ, что вы мнѣ говорите, будто онѣ не знаютъ, что она развратная.

— Говорю вамъ: молчите!—еще болѣе взволнованнымъ тономъ произнесла Катерина Александровна, не помня, что она говоритъ.—Она, можетъ-быть, руки на себя наложила, а вы смѣете ее ругать! Стыдитесь! Вы сами женщина; вы сами вонъ до какого цвѣта лица дожили въ этой каторгѣ.

— А, такъ вамъ мой цвѣтъ лица не нравится!—уже со слезами въ голосѣ забормотала Постникова язвительнымъ тономъ.

— Не о томъ я говорю, что онъ некрасивъ, а о томъ, что онъ не отъ сладкой жизни явился.

Въ эту минуту явилась Кононова и объявила, что Скворцовой нигдѣ нѣтъ, что ее никто не видалъ съ утра.

Катерина Александровна въ волненіи, почти шатаясь, пошла по направленію къ дверямъ.

Digitized by Google

— Надо дать знать Аннѣ Васильевнѣ,—рѣшила Зубова.— Вѣдь она и казенное платье, значитъ, унесла. Мало, что бѣжала, такъ еще обворовала.

— Я и иду къ Аннѣ Васильевнѣ,—отозвалась съ порога Прилежаева.

— Что за форсъ явился! — иронически произнесла ей вслѣдъ Зубова.

— Это за мою любовь плата, за мою любовь!—хныкала Постникова.

Катерина Александровна, блѣдная и взволнованная, вошла въ гостиную Анны Васильевны. Лицо молодой дѣвушки было настолько встревожено, что Зорина невольно обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Что съ вами?

— У насъ несчастіе: Скворцова пропала,—отвѣтила Катерина Александровна.

— Какъ пропала? Не можетъ быть! Да когда же?

— Ее съ утра никто не видалъ.

— Боже мой! Боже мой! Да что же это такое?—воскликнула Анна Васильевна.—Что я скажу Боголюбову? Вѣдь это уже третій случай! Онъ меня со свѣту сживетъ. Этого только недоставало! Это награда къ праздникамъ!

Зорина въ волненіи заходила по комнатѣ.

— Надо принять мѣры, Анна Васильевна; надо ее отыскать, спасти,—проговорила Катерина Александровна.

— Ахъ, что вы мнѣ о ней толкуете!—вспылила Анна Васильевна.—Есть мнѣ дѣло до этой негодницы! Низкая тварь, она губитъ меня. Я бы, кажется, ее изъ своихъ рукъ задушила! А я еще всегда заботилась о ней, принимала ея сторону. Это не даромъ; это ее настроили; это кто-нибудь подъ меня подкопаться хочетъ. Боже мой, и за что же это все на меня обрушивается въ этомъ вертепѣ, въ этомъ аду!

Анна Васильевна была внѣ себя отъ тревоги.

— Ну, что я скажу Боголюбову? Что?—взволнованно восклицала она.—Вѣдь, можетъ-быть, онъ уже все знаетъ; можетъ-быть, она прямо къ нему прошла, наговорила на меня... У насъ каждую кухарку слушать станутъ... Всѣмъ вѣрятъ... Надо ѣхать, ѣхать надо! Нѣтъ, я не дамъ погубить себя такъ: я прежде всѣхъ погублю... я... я...

Анна Васильевна въ изнеможеніи опустилась на кресло. Видно было, что, подъ вліяніемъ сильнаго страха, она сама не сознавала, что говорила. Въ душѣ эта отставная

Digitized by Google

полковая барыня была вовсе не злою, но чувство самосохраненія заставляло эту, уже близкую къ бѣдности, женщину дѣлаться безпощадною въ отношеніи тѣхъ, кто, какимъ бы то ни было образомъ, содѣйствовалъ уничтоженію ея послѣднихъ средствъ къ жизни.

— Не ѣздите, Анна Васильевна; лучше прежде отыскать ее... Можетъ-быть, все уладится! — произнесла Катерина Александровна.—Позвольте мнѣ...

— Что вы толкуете? Да развѣ я могу не ѣхать? Развѣ эта исторія не будетъ завтра же извѣстна и Боголюбову, и графинѣ, и всему городу? Это все на меня обрушится... Развѣ вы думаете, что мнѣ пріятны эти объясненія?.. Вы, кажется, должны были понять мой характеръ, мое стремленіе избѣжать дрязгъ и ссоръ...

— Дѣло во всякомъ случаѣ принесетъ вамъ непріятности,—проговорила Прилежаева.—Такъ лучше устроить его такъ, чтобы спасти ребенка, а потомъ смягчить поступокъ бѣдной дѣвочки.

— Ребенка!.. Дѣвочки!..—воскликнула Анна Васильевна съ негодованіемъ.—Знаю я ихъ: это развратницы, выкидыши вертеповъ! А вы называете ее ребенкомъ, дѣвочкой! Милая рекомендація для васъ самихъ!

Катерина Александровна на мгновеніе вспыхнула и потомъ поблѣднѣла сильнѣе прежняго.

— Анна Васильевна, Скворцова поступила въ пріютъ семи лѣтъ,—съ усиліемъ проговорила она и сдвинула брови.

Ея лицо приняло злое и суровое выраженіе.

— Ну, такъ что же?—перебила ее съ нетерпѣніемъ Зорина, уже начавшая переодѣваться.

— Она жила съ тѣхъ поръ безвыходно подъ этою кровлей... Гдѣ же она могла развратиться?..

Зорина окинула глазами Прилежаеву.

— Такъ не думаете ли вы, что мы ее развратили?—гнѣвно крикнула она.

— Это подумаютъ Боголюбовъ, графиня и княгиня. Они подумаютъ, что вы не умѣли смотрѣть за пріютомъ, что вы...

— Прошу васъ, не дѣлайте мнѣ дерзостей!—топнула ногой Зорина.—Вы думаете, что я уже вишу на волоскѣ, что меня выгонятъ, что меня нечего бояться! Вы ошибаетесь; вы жестоко ошибаетесь! Я останусь начальницей и не только останусь, но и выгоню всѣхъ, которыя думали сжить меня!

Digitized by Google

— И прекрасно дѣлаете,—сдержанно отвѣчала Катерина Александровна.—Но теперь дѣло не въ томъ; теперь нужно спасти Скворцову и по возможности не разглашать дѣла.

— Ступайте! Вы сдѣлали свое дѣло! Теперь я поѣду къ Боголюбову,—рѣшила Зорина.

— Ради Бога, ради всего святого не ѣздите!—горячо воскликнула молодая дѣвушка и сжала съ мучительнымъ выраженіемъ свои руки.—Вы сами были матерью; у насъ были дочери: сжальтесь надъ этою сиротой... Вѣдь это дѣло дойдетъ до полиціи; о ней подадутъ объявку... На ней даже казенное платье... Позвольте прежде отыскать ее. Вы доброе дѣло сдѣлаете! Вамъ Богъ заплатитъ за это!..

Анна Васильевна съ несвойственными ей въ обыкновенныя минуты черствостью и подозрительностью взглянула на Катерину Александровну и иронически спросила ее:

— Да ужъ вы не за одно ли съ нею?

Эти слова заставили очнуться Прилежаеву и понять, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло.

— Въ моей жизни нѣтъ пятенъ, и за себя я не боюсь, — твердо проговорила она.

— Ахъ, Боже мой, какая святость!—съ ироніей воскликнула старуха.—Я это сказала потому, что вы вчера еще разнѣжничались что-то со Скворцовой.

Катерина Александровна широко открыла глаза: она до сихъ поръ и не подозрѣвала, что даже у пріютскихъ стѣнъ есть глаза.

— Я именно потому-то и хлопочу о Скворцовой, что не далѣе, какъ вчера, я застала ее въ слезахъ, въ такомъ состояніи, въ какомъ можетъ быть человѣкъ передъ самоубійствомъ,—произнесла Прилежаева.

— Трогательно!—иронически замѣтила старуха, надѣвая шляпку.—Чувствительныя кухарки... Впрочемъ, мнѣ надо ѣхать... Ступайте!

Катерина Александровна молча вышла изъ комнаты. Въ ея головѣ шумѣло; ей казалось, что она находится въ какомъ-то чаду; она не помнила, что она говорила; она не могла обсудить, какъ она будетъ дѣйствовать дальше. Въ такія минуты человѣкъ идетъ напроломъ, бьетъ, можетъ-быть, не въ то мѣсто, куда надо бить, но что же дѣлать, если внутреннее волненіе и быстрота совершающагося неожиданнаго событія не даютъ возможности для строгаго начертанія плана дѣйствій. Катерина Александровна быстро прошла въ залу и позвала одну изъ подругъ Скворцовой.

Digitized by Google

— Не знаешь ли ты, куда она ушла?—тихо спросила Катерина Александровна у дѣвочки.

— Не знаю-съ!—отвѣчала та, видимо прилагая всѣ усилія, чтобы прямо смотрѣть въ глаза Прилежаевой.

— Ты не бойся! Ни ей, ни тебѣ худо не будетъ, если ты скажешь...

— Я не знаю-съ,—быстро и отчетливо отвѣтила воспитанница, какъ отвѣчаютъ отпирающіеся отъ преступленія арестанты.

— Но какъ ты предполагаешь?—начала Прилежаева, ласково смотря на дѣвочку.—Ты, можетъ-быть, своимъ предположеніемъ дашь возможность спасти ее...

— Я не знаю-съ!—еще бойчѣе отвѣтила воспитанница.

Катерина Александровна нетерпѣливо отошла отъ нея и пробралась въ спальню дѣтей. Въ ея головѣ мелькнула новая мысль. Прилежаева вошла въ спальню: тамъ не было ни души; она подошла къ постели Скворцовой и отперла ея шкапъ. Тамъ было нѣсколько книгъ, нѣсколько ленточекъ и цвѣтныхъ лоскуточковъ. Катерина Александровна съ минуту оставалась въ нерѣшимости; потомъ торопливо начала осматривать каждую вещицу, перелистывать каждую книгу, каждую тетрадь. Осмотръ продолжался долго, но результатовъ не было никакихъ. Катерина Александровна уже начинала отчаиваться въ успѣхѣ, когда на полъ изъ одной тетради упалъ какой-то лоскутокъ бумаги: это былъ очень маленькій кусочекъ почтовой бумаги, на немъ стояли буквы: *лой Ник.* Катерина Александровна начала быстро рыться въ тетради, но въ ней не было больше ничего. Молодая дѣвушка снова начала вынимать изъ шкапа и перетряхать лоскутки, книги и тетради. Послѣ долгихъ усилій передъ Прилежаевой упало еще два лоскутка почтовой бумаги; одинъ изъ нихъ подходилъ къ нижней части найденнаго ею прежде клочка, но на этомъ лоскуткѣ не было ничего написано. Прошло еще минутъ пять въ тщетныхъ поискахъ, и у молодой дѣвушки очутилась въ рукахъ еще полоска бумаги съ буквами: *Ивано.* За этими буквами слѣдовало чернильное пятно. Катерина Александровна сидѣла надъ этими лоскутками и уже догадывалась, что они составляютъ первую строку недописаннаго письма, разорваннаго и брошеннаго, вѣроятно, вслѣдствіе упавшей на него чернильной капли. Прилежаева стала машинально перелистывать краткій катихизисъ, покрытый помѣтками и исписанный рукой Скворцовой. На одной изъ страницъ этой

Digitized by Google

ветхой книги молодой дѣвушкѣ бросилась въ глаза надпись: «милой Коля!». Катерина Александровна стала еще прилежнѣе искать въ книгѣ объясненія загадки, но его не находилось. Среди различныхъ замѣтокъ въ книгѣ поражали только постоянно встрѣчавшіяся большія заглавныя буквы: Н. И. Р., переплетенныя въ самые затѣйливые вензеля. Она поспѣшно уложила вещи въ шкапъ и, вся раскраснѣвшаяся, пошла въ рабочую комнату. Въ коридорѣ ей попалась одна изъ взрослыхъ воспитанницъ.

— Къ кому писала письма Скворцова? — неожиданно спросила Катерина Александровна.

— Къ Рождественскому-съ,—отвѣтила скороговоркой дѣвушка и вдругъ вся покраснѣла до ушей.—Я не знаю-съ; она ни къ кому не писала-съ... Ей-Богу-съ,—забормотала она.

— Мнѣ больше ничего не надо!—проговорила Катерина Александровна.

— Это я такъ... Вотъ вамъ Христосъ-съ!—клялась, чуть не плача, дѣвочка.

— Полно,—перебила ее Катерина Александровна.—Чего ты боишься? Развѣ я стану разсказывать?

Прилежаева торопливо вошла въ залу. Тамъ сидѣли Постникова и Зубова, окруженныя нѣсколькими изъ младшихъ воспитанницъ.

— А, адвокатъ Скворцовой идетъ!—засмѣялась Зубова своимъ грубымъ смѣхомъ.—Нечего сказать, за хорошаго человѣка заступаетесь. Вонъ послушали бы, что дѣти-то говорятъ: она записочки Рождественскому передавала. Вѣрно, къ нему и въ гости пошла.

Тайна, которую съ такимъ трудомъ старалась открыть Катерина Александровна, была уже извѣстна другимъ двумъ помощницамъ черезъ маленькихъ шпіоновъ.

Катерина Александровна ничего не отвѣтила Зубовой и прошла въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла изъ пріюта. Она дошла до перваго извозчика и, не торгуясь, какъ бы безсознательно сѣла на дрожки. Она все еще не могла придти въ себя. Она опомнилась и испугалась предпринятаго ею дѣла только тогда, когда ей удалось найти жалкую и темную переднюю квартиры, въ числѣ жильцовъ которой былъ Рождественскій. Катерину Александровну поразилъ тяжелый воздухъ этой передней: здѣсь пахло водкой, жженымъ кофе, постнымъ масломъ. Это была какая-то трущоба. Въ концѣ

Digitized by Google

коридора слышались шумные мужскіе голоса, принадлежавшіе, повидимому, порядочно охмелѣвшимъ собесѣдникамъ. Спросивъ у какой-то чухонки, отворившей дверь, въ которой комнатѣ живетъ Рождественскій, Катерина Александровна ощупью пошла по темному коридору.

— Николай Ивановичъ, къ вамъ еще гостья,—крикнула чухонка.

Эти слова заставили Прилежаеву вздрогнуть. Она быстро отворила дверь и почти натолкнулась на хозяина комнаты, заслонившаго ей дорогу.

— Что вы-съ? Какъ вы сюда попали?—пробормоталъ онъ, неуклюже стоя передъ посѣтительницей.

— Я пріѣхала за Скворцовой,—рѣшительно проговорила Катерина Александровна, глядя прямо въ глаза совершенно растерявшемуся молодому человѣку.

Онъ былъ блѣденъ; его волосы были въ безпорядкѣ. По всему было замѣтно, что и для него прошелъ этотъ день недаромъ.

— За какою Скворцовой? Я не знаю-съ...—пробормоталъ онъ, окончательно растерявшись.

— Что вы мнѣ говорите, когда всѣ знаютъ, что она ушла къ вамъ!—перебила его Катерина Александровна.

— Какъ-съ? всѣ?—воскликнулъ онъ, отступая на шагъ.— Господи, что же это такое? Погубила, совсѣмъ погубила и меня, и себя. Я вѣдь говорилъ, говорилъ!— онъ схватился за голову.

— Какъ вамъ не стыдно было обольстить бѣднаго ребенка!—съ упрекомъ промолвила Прилежаева.

— Помилуйте! Я-съ... я тутъ не при чемъ,—заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ.—Что же я могъ сдѣлать?.. Я ее отсылалъ; я говорилъ... Не могъ же я силой... Боже мой, что же это со мною будетъ... Вѣдь вотъ не послушалась... Погубила...

Катерина Александровна съ невольнымъ отвращеніемъ смотрѣла на этого человѣка.

— Если бы вы знали, какъ я противился...—бормоталъ онъ.—Это она сама во всемъ виновата...

Въ эту минуту за ширмами послышались задушаемыя рыданія. Катерина Александровна быстро подошла къ ширмамъ. За ними, на смятой постели, уткнувъ голову въ подушку, сидѣла Скворцова. Ея тѣло конвульсивно вздрагивало отъ подавляемыхъ рыданій.

— Наташа, полно! Это я,—проговорила съ сострада-

Digitized by Google

ніемъ и лаской Прилежаева.—Не бойся, никто не знаетъ, гдѣ ты...

— Я не пойду, не пойду... я умру здѣсь,—бормотала дѣвушка, судорожно выбиваясь изъ рукъ Катерины Александровны.

— Полно, бѣдная!—ласково шептала Прилежаева.—Поѣдемъ... Я скажу, что встрѣтила тебя на дорогѣ... У себя въ квартирѣ... Что-нибудь придумаемъ... Торопись: не то будетъ поздно.

— Слушайтесь же... Вамъ онѣ добра желаютъ... Не губите ни меня, ни себя,—бормоталъ Рождественскій.—Вотъ вашъ капоръ...

Катерина Александровна обернулась къ нему блѣднымъ лицомъ.

— Подите прочь!—тихо произнесла она.

— Войдите въ мое положеніе... Я готовъ бы ее оставить, если бы... Какъ же бѣжала...

— Подите прочь!—настойчиво произнесла еще разъ Прилежаева и обратилась къ Наташѣ.—Поѣдемъ же! Торопись. Надо скорѣе.

— Голубушка, родная! Лучше я руки на себя наложу!—рыдала дѣвушка.

— Полно, полно: все обойдется!—утѣшала ее Катерина Александровна.—Я не дамъ тебя въ обиду.

— Не хочу я жить, не хочу!.. Если бы вы знали!..—дѣвочка снова зарыдала еще сильнѣе.

Это была тяжелая, мучительная сцена. Катерина Александровна дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Я выйду изъ пріюта, я не хочу быть тамъ!—говорила Скворцова.

— Пойми ты, что тебя заставятъ вернуться, что у тебя ни паспорта нѣтъ, ни права выйти изъ пріюта. Тебя могутъ съ полиціей взять, могутъ за воровство наказать,—объясняла Катерина Александровна.

— Я не раба имъ, не крѣпостная!—кричала дѣвочка.

— Дитя, ты сама не знаешь, что говоришь,—съ горечью произнесла Катерина Александровна.—Они могутъ силой взять тебя...

Прошелъ цѣлый часъ. Катерина Александровна сдѣлала нечеловѣческія усилія, чтобы объяснить Наташѣ необходимость возвратиться въ пріютъ. Наконецъ, Скворцова, съ распухшими глазами, покрытымъ пятнами лицомъ, едва стоя на ногахъ, вышла изъ комнаты Рождественскаго.

Digitized by Google

— Ради Бога, не выдайте-съ меня!—проговорилъ онъ, обращаясь къ Прилежаевой.

— Позаботьтесь, чтобы васъ не выдали въ вашемъ домѣ,—сказала Катерина Александровна.

— Здѣсь только служанка знаетъ-съ...

— Ну, такъ и не велите ей говорить...

Она вышла съ Наташей на улицу. У воротъ стоялъ извозчикъ.

— Къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ,—сказала ему Катерина Александровна, садясь съ дѣвочкой на дрожки.

Обѣ молодыя дѣвушки ѣхали молча. Такъ же безмолвно поднялись онѣ на лѣстницу и вошли въ квартиру, гдѣ жила Марья Дмитріевна.

— Катюша, что съ тобою? На тебѣ лица нѣтъ!—воскликнула Марья Дмитріевна, всплеснувъ руками.

— Послѣ, мама, послѣ! Теперь приготовь чаю и дай умыться ей и мнѣ,—проговорила Катерина Александровна и вздохнула широкимъ вздохомъ, словно желая облегчить стѣсненную грудь.

Марья Дмитріевна совсѣмъ растерялась и не знала, за что взяться. Катерина Александровна тихо промолвила ей:

— Ты не бойся: со мною ничего не случилось: я просто устала, исполняя порученіе начальницы. У этой бѣдной дѣвочки несчастіе случилось.

— Господи, а я ужъ думала, не съ тобою ли что, храни Владыко, сдѣлалось,—проговорила Марья Дмитріевна съ облегченной грудью и болѣе спокойно принялась за дѣло.

Наташа, между тѣмъ, машинально умылась и стала приглаживать волосы. Она безмолвно и покорно повиновалась Катеринѣ Александровнѣ.

Штабсъ-капитанъ, заслышавъ голосъ Катерины Александровны, спросилъ: можно ли войти?

— Нѣтъ,—отозвалась Катерина Александровна.—Я зайду къ вамъ сама.

Она вошла въ комнату старика.

— Что это вы, милѣйшая Катерина Александровна, сами на себя не похожи?—спросилъ старикъ.

— Непріятности случились!—проговорила Катерина Александровна, опускаясь на стулъ.

— Съ вами?

— Нѣтъ.

Молодая дѣвушка тихо передала старику въ немногихъ словахъ всю исторію.

Digitized by Google

— Проклятіе! проклятіе! Совсѣмъ погубили!—пробормоталъ старикъ.—Теперь надо отстаивать, непремѣнно отстаивать.

— Разумѣется! Не знаю только, какъ сказать, гдѣ я ее встрѣтила?—задумалась Катерина Александровна.

— Ну, да скажите, что встрѣтили на улицѣ. Тутъ придумывать ничего нельзя. Станутъ наводить справки... Лишь бы отъ наказанія отстоять...

— Меня, право, въ жаръ бросаетъ, какъ подумаю, что съ нею будетъ!—вздрогнула Катерина Александровна.

— А вы не думайте! Впередъ тутъ ничего не придумаете. Надо дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами. Только не унывайте!

Старикъ еще нѣсколько минутъ ободрялъ Катерину Александровну; наконецъ, Марья Дмитріевна позвала ее къ чаю. Выпивъ наскоро чашку чаю, осмотрѣвъ костюмъ Наташи, Катерина Александровна поднялась съ мѣста и отправилась въ пріютъ. Ей хотѣлось, чтобы дорогѣ не было конца. Ее давила мысль о встрѣчѣ Наташи съ Постниковой, Зубовой, Анной Васильевной и дѣтьми. Впервые Катерина Александровна не просто не любила пріютъ, но ненавидѣла его, какъ каторгу, какъ вертепъ гибели. Какъ гадки казались ей эти обнаженныя желтыя стѣны съ сырыми темными пятнами! какъ страшны казались ей эти окна съ бѣлою краской—эти покрытые бѣлилами, ненавидящіе свѣта и жизни глаза!

Она вошла съ Наташей въ переднюю и прошла въ свою комнату какъ-то воровски.

— Сиди здѣсь покуда!—тихо сказала она Наташѣ и поцѣловала ее въ лобъ.

Черезъ минуту она была у Анны Васильевны.

— Анна Васильевна, я привезла Скворцову!—проговорила Прилежаева.

— А! у Рождественскаго изволили быть?—спросила Анна Васильевна, которой уже были переданы всѣ пріютскіе толки и сплетни.

— Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ было къ нему ѣздить!—промолвила Катерина Александровна.—Я просто поѣхала домой освѣжиться, напиться у матери чаю. Вдругъ... гляжу,—по дорогѣ идетъ Скворцова, вся въ слезахъ, совсѣмъ ослабѣвшая. Я ее окликнула. Она остановилась и мнѣ удалось взять ее съ собою. Я едва ее успокоила. Она, должно-быть, нездорова. Дѣти говорятъ, что она недавно всю ночь бредила. Разъ я сама слышала, какъ она плакала ночью...

Digitized by Google

Катерина Александровна говорила торопливо, безсвязно.

— Ахъ, да что вы мнѣ все это разсказываете?—перебила ее Зорина.—Посадите ее въ классную комнату, заприте тамъ, и пусть сидитъ на хлѣбѣ и водѣ, покуда придетъ распоряженіе отъ графини...

— Какъ? Развѣ она уже знаетъ?—воскликнула Катерина Александровна.

— Конечно. Боголюбовъ тотчасъ же поѣхалъ къ ней,— отвѣтила Анна Васильевна.—Ступайте. Распорядитесь.

Катерина Александровна молча вышла изъ комнаты. Ея сердце замирало отъ боли. Она не знала, не могла предугадать, что̀ ждетъ Скворцову, но хорошаго ожидать было нельзя. Катерина Александровна знала графиню Бѣлокопытову, знала, что за благочестивою внѣшностью, за мягкими фразами скрывались крайне черствое сердце и крайне узкій умъ, какіе могутъ быть только у женщины, не знающей дѣйствительной жизни. Въ пріютѣ всѣ дѣти боялись графини, какъ пугала. Они дрожали, когда она, сгорбившись и торопливо перебирая ногами, проходила передъ ними и скороговоркой бормотала: «Хорошо ли молитесь, милыя?» «Батюшку не обманываете ли?» «Богъ все видитъ, за все наказываетъ позабывшихъ Его». Что-то сухое и черствое слышалось въ словахъ графини, когда однажды, узнавъ о смерти одной изъ воспитанницъ, она сказала матери умершаго ребенка:

— Это счастье! умереть въ дѣтствѣ—милость Божія. Надо молиться, а не плакать, когда умираютъ дѣти.

Катерина Александровна слышала эти слова и понимала, что мать умершей думала не такъ, какъ графиня, смотря на исхудалый трупъ своего ребенка. Этой-то полусумасшедшей женщинѣ предстояло рѣшить участь Скворцовой. Наташа была посажена въ классъ; Катерина Александровна принесла ей подушку и чаю.

Бѣдная дѣвочка все еще находилась въ какомъ-то полузабытьѣ. Въ ней трудно было узнать ту строптивую и дерзкую Скворцову, которая еще наканунѣ готова была огрызаться со всѣми. Повидимому, ударъ, перенесенный ею, былъ слишкомъ силенъ и оглушилъ ее, какъ ударъ грома. Катерина Александровна, съ свойственною молодымъ существамъ деликатностью, не спрашивала у дѣвушки никакихъ подробностей. Тревожную, тяжелую ночь провела Катерина Александровна, ожидая, что за вѣсти получатся на другой день отъ графини.

Digitized by Google

Рано утромъ по пріюту разнеслась новость, гласившая, что Анну Васильевну приглашаетъ графиня къ себѣ. Въ десятомъ часу Зорина уѣхала. Катерина Александровна не могла спокойно посидѣть на мѣстѣ, ожидая ея возвращенія. Она десятки разъ подходила къ окну, прислушиваясь къ стуку экипажей, вздрагивала при звукахъ колокольчика въ передней.

Наконецъ, въ залѣ появилась Анна Васильевна. Старуха раскраснѣлась и въ ея движеніяхъ было что-то порывистое, раздражительное. Было сразу замѣтно, что она выдержала не совсѣмъ пріятную сцену.

— Не выпускайте Скворцову въ теченіе всѣхъ праздниковъ,—обратилась она на ходу къ Зубовой.—Дайте ей Евангеліе: пусть читаетъ.

Старуха уже хотѣла пройти на свою половину, когда Катерина Александровна спросила ее:

— На сколько времени назначенъ арестъ?

— До Ѳоминой недѣли, когда всѣ дѣти соберутся,— отвѣтила Зорина.—До нихъ не велѣно наказывать.

— Какъ, наказывать?

— Высѣкутъ ее при всѣхъ...

Катерина Александровна сдѣлала шагъ впередъ съ широко открытыми глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ и поспѣшила опереться о первый попавшійся предметъ.

— Что съ вами? Вамъ, кажется, дурно?—насмѣшливо спросила Зубова.

Катерина Александровна провела рукой по лбу.

— Нѣтъ, этого не будетъ! это варварство! она не крѣпостная!—рѣшительнымъ тономъ проговорила она.

Зорина, направившаяся къ дверямъ своей половины, обернулась къ Прилежаевой.

— Не вы ли не позволите?—спросила она съ удивленіемъ.—Неужели вы думаете, что я очень рада возможности высѣчь большую воспитанницу? Я, кажется, рѣже всѣхъ наказываю дѣтей. Если же Скворцову я велю высѣчь, то это ужъ, конечно, будетъ сдѣлано, потому что отстоять ее было нельзя.

Въ голосѣ Анны Васильевны было что-то горькое. Дѣйствительно, старуха не притѣсняла дѣтей, не притѣсняла ихъ уже просто потому, что не любила дрязгъ, плача и криковъ. Она бранила Скворцову, узнавъ о бѣгствѣ послѣдней, но если бы это бѣгство могло не отозваться дурно на ней самой, то она, вѣрно, и за него только пожурила бы

Digitized by Google

дѣвушку и тѣмъ покончила бы дѣло. Старая полковая барыня очень снисходительно смотрѣла на то, что она называла «шалостями»; она очень не любила наказаній и слезъ наказываемыхъ; она болѣе всего была склонна смотрѣть на все сквозь пальцы, если только поступки постороннихъ людей не грозили отнятіемъ у нея послѣдняго куска хлѣба, то-есть ея мѣста. Старуха круто повернулась къ дверямъ и вышла. Дѣло было въ Страстную Пятницу. Дѣти, подъ предводительствомъ помощницъ, пошли въ церковь. Въ пріютѣ осталась одна Скворцова и Катерина Александровна. Послѣдняя ходила въ грустномъ размышленіи по комнатѣ и еще не рѣшалась идти къ Скворцовой, чтобы подготовить ее понемногу къ печальнымъ новостямъ и ободрить надеждой на отмѣну тяжелаго наказанія, о которомъ, навѣрнос, въ этотъ же день поспѣшатъ сообщить ей и Постникова, и Зубова.

Было около двухъ часовъ, когда къ пріюту подъѣхала карета. Катерина Александровна не обратила на нее никакого вниманія и все еще ходила по залѣ, когда передъ нею широко распахнулись швейцарскою рукой обѣ половинки дверей и въ комнату торопливыми шагами появилась графиня Бѣлоконытова. Она кивнула головой Катеринѣ Александровнѣ и на ходу проговорила:

— Здравствуйте, милая! Гдѣ Скворцова?

Катерина Александровна молча повела графиню по направленію къ классу. Ея сердце замирало отъ боли; молодой дѣвушкѣ казалось, что она ведетъ инквизитора въ темницу несчастнаго узника. По ея тѣлу пробѣжала дрожь, когда подъ ея рукой щелкнулъ замокъ дверей.

— Благодарю! — пробормотала графиня и прошла въ двери, притворивъ ихъ за собою.

Катерина Александровна какъ бы приросла къ мѣсту. Она совершенно безсознательно стояла у дверей и слушала.

— Здравствуй, милая, здравствуй! — послышался голосъ графини. — Такъ это ты рѣшилась на такое дѣло? И тебѣ не стыдно? Подумала ли ты, въ какіе дни ты это дѣлаешь? Куда ты хотѣла бѣжать? Зачѣмъ?

Наступила минута молчанія.

— Что же ты молчишь, милая? Ты плакать должна; ты каяться должна! — снова заговорилъ сухой, надтреснутый голосъ графини.—Господи, спаси позабывшихъ Тебя, умягчи сердца грѣшниковъ! Ты руки на себя наложить хотѣла? Да? А ты знаешь ли, кто наложилъ на себя руки на

Digitized by Google

Страстной недѣлѣ? Іуда, предатель! Читала въ Евангеліи?.. Да ты во всю жизнь не отмолишь этого грѣха; ты не смоешь его никакими слезами, только милосердіе Божіе одно можетъ спасти тебя. И съ чего это, съ чего тебѣ въ голову пришло?

Опять прошла минута безмолвія.

— Ты обута, одѣта, въ теплѣ, сыта,—заговорилъ сухой голосъ. — Ты съ улицы подобрана. Ты, можетъ-быть, замерзла бы гдѣ-нибудь, если бы тебя не подобрали; ты должна бы вѣчно благодарить Создателя, не оставившаго и тебя, ничтожную сироту, по своей неизреченной благости. А ты какъ отблагодарила Его? Ты своими грѣхами снова распинала Его; ты, какъ Іуда, хотѣла уничтожить свою жизнь, дарованную тебѣ Имъ, нашимъ Отцомъ Небеснымъ, или шла на дорогу разврата...

Опять воцарилось гробовое затишье.

Среди этой мертвенной тишины Катерина Александровна, вся обратившаяся въ слухъ, услышала едва замѣтный шорохъ. Она не могла двинуться съ мѣста и съ трудомъ повернула голову: къ ней приближалась на цыпочкахъ Анна Васильевна.

Молодая дѣвушка замахала ей рукой; Зорина кивнула головой, какъ будто отвѣчая ей, что она понимаетъ ея мысль, и тихо остановилась около нея.

— Я сейчасъ изъ храма Господня,—заговорилъ глухой голосъ. — Я удостоилась, грѣшная, лобызать Его раны. Я слезами омочила Его покрытыя кровью ноги. Я плакала надъ Его пречистымъ тѣломъ, плакала о тебѣ. И Онъ озарилъ меня мыслью, Онъ благословилъ меня идти къ тебѣ, вдохнуть въ твое сердце раскаяніе. Молись, и Онъ помилуетъ тебя! Передъ тобою теперь цѣлыхъ десять дней для оплакиванья твоего грѣха. Читай Его Евангеліе, читай объ Его мукахъ, принятыхъ Имъ на Себя для нашего спасенья, и твое сердце умягчится, на него снизойдетъ благодать свыше. Я рѣшилась наказать тебя, строго наказать. Но ты помни, милая, помни, что это наказаніе, эти тѣлесныя муки, снимутъ грѣхъ съ твоей души, избавятъ ее отъ тѣхъ мученій, которыя ждутъ тебя въ загробной жизни. Тебя не для того высѣкутъ...

— Высѣкутъ! — вдругъ раздался раздирающій крикъ въ классной комнатѣ и какъ-то дико, гдѣ-то далеко подъ сводомъ, отдался тяжелымъ стономъ.

Въ этомъ крикѣ былъ ужасъ, было негодованіе, была

Digitized by Google

рѣзкая болѣзненность. Казалось, что послѣ этого крика должна была надорваться человѣческая грудь, изъ которой онъ вылетѣлъ.

По тѣлу Катерины Александровны пробѣжала дрожь.

— Да развѣ тебѣ еще не говорили? — спросилъ сухой голосъ графини.—Тебя высѣкутъ передъ твоими подругами, чтобы не только ты искупила свой грѣхъ, но чтобы и онѣ знали, что...

— Никогда! Никогда!—послышались дикія, рѣзкія ноты.— Меня? Сѣчь? Передъ пріютомъ? Я выхожу вонъ; я не хочу здѣсь быть!

— Полно, полно, милая,—произнесъ глухой голосъ графини.—Развѣ ты имѣешь право выдти отсюда? Ты вспомни, что я приняла на себя обязанность матери; я передъ лицомъ Бога рѣшилась воспитать твою душу; я приняла на себя отвѣтственность за твои поступки. Я не отступлюсь отъ своей тяжелой обязанности; я не отдамъ тебя врагу человѣчества и спасу тебя. Ты видишь: я слаба, я больна; мнѣ тяжело нести взятый мною на себя крестъ, но я несу, со смиреніемъ, съ покорностью несу. Я вамъ всѣмъ мать!

— У меня нѣтъ матери! — раздирающимъ воплемъ пронеслись звуки молодого голоса.—Я не дамъ себя сѣчь! Я выйду, выйду! Я не раба; я не крѣпостная вамъ досталась!

— Господи, просвѣти ея душу!—тихо промолвилъ сухой голосъ.—Не крѣпостная, не раба, но взятая мною на воспитаніе дочь, заблудшаяся овца. Послушай...

— Пустите, пустите меня!

— Успокойся...

— Лучше убейте, лучше убейте меня! Я не хочу жить. Слышите, не хочу жить!

— Господи, обрати на нее взоръ Твой!.. Молись Ему!

— Не хочу, не хочу молиться! Что мнѣ молиться!

Въ классной комнатѣ зазвучали истерическія рыданія. Это были такіе звуки, отъ которыхъ могло задрожать самое черствое сердце.

— Плачь, плачь, бѣдное дитя! — слышался тамъ глухой шопотъ графини. — Благодарю Тебя, Господи! Благодарю! Сподобилъ! Сподобилъ!

Катерина Александровна не вынесла до конца этой сцены. Она безъ слезъ, безъ звука тяжело зашаталась. Около ея тальи обвивалась чья-то рука.

— Пойдемте, — тихо произнесла Анна Васильевна, поддерживая молодую дѣвушку.

Digitized by Google

Онѣ пошли на половину Зориной.

— Выпейте воды!—говорила старуха и дрожащей рукою поднесла Прилежаевой стаканъ.

Лицо старухи было смочено слезами. Она добродушно стояла около Прилежаевой и успокаивала ее. Наконецъ, молодая дѣвушка какъ будто пришла въ себя и горько заплакала.

— Вѣдь это хуже пытки; это невыносимо! Отъ этого можно съ ума сойти! — шептала она, рыдая. — Нѣтъ, я пойду туда; я покончу эту пытку! — вдругъ поднялась она съ мѣста

— Полноте! Пройдите въ мою спальню, приляжте! Я крѣпче васъ; я пройду къ нимъ, — проговорила Анна Васильевна такимъ мягкимъ, такимъ ласковымъ голосомъ, что Катерина Александровна покорилась ей, какъ ребенокъ.

Анна Васильевна провела ее въ свою спальню и направилась къ классной комнатѣ, отирая на ходу слезы. Она рѣшительно отворила дверь въ классную комнату и въ остолбенѣніи остановилась на порогѣ: въ углу лежала безъ чувствъ Скворцова, а передъ образомъ на колѣняхъ вслухъ молилась Дарья Федоровна. Анна Васильевна поспѣшила спрыснуть водой и привести въ чувство дѣвушку. Заслышавъ шумъ графиня тяжело поднялась съ колѣней и обратилась къ Аннѣ Васильевнѣ.

— Ничего, ничего: это просто обморокъ!.. Какое черствое сердце!.. Какая закоснѣлость души!.. Господи, просвѣти ее!.. Евангеліе сдайте!.. Я еще зайду на-дняхъ!.. Надо спасти ее... До свиданья!..

Графиня, вся пожелтѣвшая, утомленная, пошла изъ классной комнаты съ трудомъ перебирая ногами и согнувшись еще болѣе, чѣмъ обыкновенно. Анна Васильевна не обратила никакого вниманія на графиню, словно забыла, что эта женщина озяйка пріюта. Въ старухѣ пробудились всѣ добрыя человѣческія чувства, и ея мысль была устремлена только на то, какъ бы привести въ чувство, успокоить бѣдную дѣвочку и облегчить ея участь. И то сказать, Анна Васильевна не была какимъ-нибудь безгрѣшнымъ существомъ; она прежде была отставной полковой маркитанткой. Скворцова не скоро пришла въ себя. При помощи возвратившихся изъ церкви дѣвочекъ Анна Васильевна перенесла Скворцову въ ея комнаты, уложила ее на диванъ и оставила на время одну. Въ своей спальнѣ она застала расхаживавшую взадъ и впередъ Катерину Александровну.

Digitized by Google

— Ну, кажется, успокоились немного?—спросила ласково Зорина.—А то ужъ я думала, что у меня совсѣмъ лазаретъ будетъ. Вотъ денекъ-то выдался!

— Ее непремѣнно надо спасти,—проговорила Катерина Александровна, какъ бы не слыша словъ Анны Васильевны.—Я поѣду къ княгинѣ.

— Ничего не выйдетъ!

— Какъ ничего! я настою! Я скорѣе мѣста лишусь, а ее спасу!—тревожно говорила Прилежаева.

— Дай Богъ, чтобъ удалось! — вздохнула Анна Васильевна.—Но прежде всего надо совершенно успокоиться самимъ. Я и крѣпче васъ, а у меня голова разболѣлась. Оставайтесь пить чай у меня, — радушно обратилась она къ Прилежаевой. — Вмѣстѣ поволновались, вмѣстѣ и успокаиваться будемъ,—улыбнулась старуха.—Горячая вы голова! Я васъ только вчера, да сегодня вполнѣ поняла. Въ этомъ вертепѣ на всѣхъ подозрительно смотрятъ. Мнѣ ужъ успѣли и васъ, какъ шпіона, отрекомендовать.

Старуха начала хлопотать съ чаемъ и перефразывалась съ Катериной Александровной отдѣльными фразами. Впервые онѣ бесѣдовали, какъ знакомыя, а не какъ начальница съ подчиненной.

— Что это, maman, у насъ за субъектъ лежитъ въ гостиной?—спросилъ у Анны Васильевны, появясь въ комнатѣ и бросая фуражку, Александръ Ивановичъ.

— Больная одна,—неохотно отвѣтила мать

— Очень миленькое созданье!

— Ну, пожалуйста, отложи эти наблюденія отъ сегодня, — сухо замѣтила мать.— Мнѣ сегодня совсѣмъ не до нихъ.

— Мы сегодня, кажется, не въ духѣ?

Анна Васильевна обратилась къ Прилежаевой.

— Право, я завидую людямъ, которые могутъ жить, сложа руки,—замѣтила она.—Имъ все праздникъ.

— Эта-съ шпилька предназначена мнѣ,—пояснилъ ироническимъ тономъ Александръ Ивановичъ обращаясь къ Катеринѣ Александровнѣ, присутствіе которой въ комнатѣ Анны Васильевны, кажется, не мало изумило его.—Maman иногда умѣетъ быть очень деликатной дамой.

— Да, я иногда даже умѣю заставлять людей молчать, когда они сами не умѣютъ краснѣть за свои слова, — отозвалась Зорина, уже совершенно рѣзкимъ тономъ.

— Тебя въ полку слишкомъ избаловали послушаніемъ!— желчно засмѣялся Александръ Ивановичъ.

Digitized by Google

Зорина тихо вздохнула и обратилась къ Катеринѣ Александровнѣ:

— Взгляните, что наша больная.

— Не желаютъ дѣлать васъ свидѣтельницей семейной драмы!—нагло засмѣялся Александръ Ивановичъ.

Катерина Александровна бросила на него какой-то странный взглядъ, какъ на сумасшедшаго, и вышла въ гостиную. Ей впервые стало жаль Анну Васильевну. Наташа въ гостиной лежала въ полудремотѣ. Увидавъ Катерину Александровну, она сдѣлала усиліе, чтобы улыбнуться, и притянула къ себѣ ея руку. Прилежаева присѣла около нея на диванъ и тихо провела рукой по ея волосамъ.

— Мнѣ было очень худо?—спросила Скворцова, какъ бы не помня, что съ нею было.

— Да, тебѣ дурно сдѣлалось...

— Катерина Александровна, это правда, что меня наказывать будутъ?—совсѣмъ боязливо и едва слышно спросила дѣвушка.

— Никто тебя не будетъ наказывать...

— А графиня?..

— Ты знаешь, что она сумасшедшая...

Скворцова пытливо смотрѣла на Катерину Александровну.

— А Анна Васильевна?—недовѣрчиво спросила она.

— Анна Васильевна сама перенесла тебя сюда. Она прислала тебя спросить, не хочешь ли ты чаю—или чего-нибудь.

— Добрая она,— какъ-то по-дѣтски проговорила Скворцова. — Она только горя... А я совсѣмъ гадкая, совсѣмъ гадкая... И зачѣмъ это онъ сдѣлалъ!.. — она закрыла лицо руками. — Я его не люблю... Я ненавижу его, — тихо прошептала она.

— Полно, Наташа; не думай ни о чемъ,—ласково промолвила Катерина Александровна. — Тебѣ надо отдохнуть, поправиться!.. Не говори никому ничего...

— Я вамъ только! Вы какъ мать мнѣ, родная моя! — прошептала дѣвушка и припала губами къ рукѣ Катерины Александровны.

Въ эту минуту раздались въ гостиной сердитые мужскіе шаги и Александръ Ивановичъ, не обращая ни на кого вниманія, въ фуражкѣ на головѣ, прошелъ по комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ спальной вышла Анна Васильевна. Ея глаза были красны отъ слезъ, но она старалась скрыть свое волненіе и подошла къ двумъ дѣвушкамъ

Digitized by Google

съ ласковою улыбкой. Вся ея фигура въ эту минуту какъ-то принизилась и выглядѣла далеко не такъ величественно, какъ обыкновенно.

— Ну, что, наша путешественница? — шутливо проговорила она, потрепавъ Наташу по щекѣ.—Лучше?

— Благодарю васъ, теперь лучше! Извините меня, огорчила я васъ,—отозвалась Скворцова.

— Поправляйся, поправляйся! Сейчасъ пришлю тебѣ чаю! Это полезно.

Анна Васильевна удалилась съ Катериной Александровной въ спальню.

— Ее узнать нельзя; совсѣмъ другая стала, — замѣтила Зорина про Скворцову.

— Такое тяжелое горе хоть кого измѣнитъ.

— Ахъ, другъ мой, да какое же горе легко!—вздохнула Анна Васильевна. — Въ молодости только привычки нѣтъ скрывать то, что гложетъ сердце. Съ годами и къ этому привыкаешь. Тяжело, невыносимо жить, а ничего... живешь, смѣешься, точно, и въ самомъ дѣлѣ, на душѣ не кошки скребутъ, а одно весельe слышится.

Вечеръ прошелъ тихо въ задушевныхъ бесѣдахъ, въ разсказахъ о прошломъ.

Что-то глубоко грустное, недосказанное, но понятное безъ словъ, слышалось въ рѣчахъ обѣихъ собесѣдницъ. Несмотря на разницу лѣтъ, положенія и образованія, онѣ вдругъ тѣсно сблизились въ этотъ вечеръ. Онъ какъ-то освѣжительно повѣялъ на Катерину Александровну, какъ затишье послѣ бури. Она понимала, что въ этотъ день въ Аннѣ Васильевнѣ нашелся и ярко блеснулъ тотъ кусочекъ золота-человѣка, о которомъ говорилъ, котораго вездѣ искалъ штабсъ-капитанъ. Изъ словъ Анны Васильевны молодая дѣвушка узнала, что старуха занимаетъ мѣсто начальницы по необходимости, что она презираетъ помощницъ и знаетъ всѣ ихъ дурныя стороны, что она окружена шпіонами, которые не только сообщаютъ ей обо всѣхъ мелочахъ, но доносятъ и на нее.

— Вы здѣсь не уживетесь, — замѣтила, между прочимъ, старуха. — Чтобы ужиться здѣсь, нужно имѣть каменный лобъ и черствое сердце. Къ сожалѣнію, даже и я не могу поддерживать васъ, потому что на васъ начнутъ наушничать Боголюбову, и Грохову, и графинѣ.

Старуха еще долго распространялась о пріютѣ и сѣтовала на необходимость жить въ этой средѣ, членовъ кото-

Digitized by Google

рой въ былыя времена она не пустила бы на порогъ своего дома. Уходя отъ Анны Васильевны въ грустномъ, но мягкомъ, не лишенномъ сладости настроеніи, Катерина Александровна застала въ рабочей комнатѣ Зубову и Постникову. Обѣ старыя дѣвы о чемъ-то горячо разговаривали въ полголоса и тотчасъ смолкли, при появленіи Прилежаевой. До ея слуха долетѣли только слова: «сама графиня вѣды!» Молодая дѣвушка поняла, что тутъ еще шли толки о событіи дня, которое своею таинственностью должно было заинтересовать и взволновать мелкія душонки двухъ дѣвственницъ. Катерина Александровна молча шла черезъ залу.

— Засидѣлись у Анны Васильевны. Мы уже думали, что вы и ночевать у нея будете,—проговорила Зубова.

Катерина Александровна не нашла, что отвѣтить, и молча вышла изъ комнаты.

— Ну, совсѣмъ носъ подняла! И что у нихъ тутъ случилось? Наташка тоже у Анны Васильевны!—говорила Зубова.

— Ужъ не на мое ли или не на ваше ли мѣсто готовятъ помощницу?—тревожно замѣтила Постникова.

— Что же мудренаго! Оно бы и кстати наградить за то, что начала гулять! Примѣръ хорошій. Будемъ живы, такъ еще и плоды увидимъ всей этой исторіи...

Въ полумракѣ раздался грубый смѣхъ Зубовой, долетѣвшій до слуха Катерины Александровны, и въ ея головѣ промелькнула мысль: а есть ли въ этихъ женщинахъ какая-нибудь частица золота-человѣка?

V.

Старая барыня и старая раба.

Рано утромъ, повидавшись съ Анной Васильевной и Наташей, которую снова перевели въ классную комнату, Катерина Александровна пошла домой. Ея лицо такъ сильно измѣнилось въ послѣдній день, что Марья Дмитріевна тревожно спросила дочь о здоровьи.

— Ничего, мама, я здорова,—отвѣтила Катерина Александровна.—Непріятности только у насъ случились тамъ со Скворцовой!

— Слышала я, слышала отъ Флегонта Матвѣевича,—вздохнула Марья Дмитріевна.—Да ты не принимай, голубушка моя, все къ сердцу, береги себя.

— Нельзя, мама, не волноваться, когда человѣка губятъ.

Digitized by Google

Въ эту минуту въ комнату вошелъ штабсъ-капитанъ, услышавшій голосъ Катерины Александровны.

— Ну, что, добрѣйшая моя фея?—спросилъ онъ, пожимая руки молодой дѣвушки.—Какъ дѣла?

— Плохи, Флегонтъ Матвѣевичъ, очень плохи,—отвѣтила Катерина Александровна.

Она въ короткихъ словахъ передала о случившемся. Марья Дмитріевна тяжело вздыхала во время разсказа и тихо шептала:

— Изверги, изверги! Жалости въ нихъ нѣтъ! Бога они не боятся!

Флегонтъ Матвѣевичъ слушалъ молча и изрѣдка ерошилъ свои волосы подъ вліяніемъ внутренняго волненія.

— Теперь надо попытаться съѣздить къ княгинѣ,—промолвила Катерина Александровна, окончивъ разсказъ:—и, во что бы то ни стало, нужно спасти дѣвочку.

— Ахъ, Катюша, не повреди ты себѣ,—проговорила Марья Дмитріевна съ опасеніемъ.—Ты человѣкъ маленькій, недолго и себя погубить. Всѣхъ, маточка, не спасешь.

— Ну, мама, если все о себѣ думать, такъ придется на все сквозь пальцы смотрѣть!

— Да что-жъ дѣлать-то, маточка моя? Поневолѣ будешь сквозь пальцы смотрѣть, когда и самимъ не сладко живется. Что чужую крышу крыть, когда и сквозь свою каплетъ?

— Я такъ не могу жить.

— Въ отца ты пошла, въ отца! Вонъ онъ такъ же все сначала кипятился. А что подѣлалъ? До чего дошелъ?

— Хорошо, что подлецомъ не сдѣлался.

— Такъ-то оно такъ, да вѣдь и радости-то не много принесла его честность. Вонъ Данила-то Захаровичъ шелъ себѣ своею дорогой, ни во что не мѣшаясь, такъ теперь и человѣкомъ сталъ. А отецъ-то твой... Ну, да что и говорить; сама знаешь, до чего дошелъ, до чего насъ, горемычныхъ, довелъ...

Катерина Александровна нахмурила брови. Ее задѣли за живое слова матери; ей было больно, что мать такъ безучастно смотритъ на чужое горе.

— Мама, у васъ у самихъ дочь въ томъ же пріютѣ. Что бы вы сказали, если бы съ ней случилось то же самое и если бы никто не вступился за нее?—спросила молодая дѣвушка.

— Что ты! Что ты! Христосъ съ тобой!—воскликнула Марья Дмитріевна и обняла маленькую Дашу, стоявшую

Digitized by Google

около нея.—Да развѣ это можетъ съ нею случиться! Что ты!

Бѣдная женщина совершенно растерялась и прижимала къ себѣ свое дитя, какъ будто боясь, что эту малютку тотчасъ вырвутъ изъ ея объятій и повезутъ сѣчь.

— Вотъ вы одной мысли о наказаніи Даши боитесь, а каково же смотрѣть, когда не только хотятъ наказать, но и губятъ взрослую дѣвушку?—промолвила Катерина Александровна.

— Да вѣдь непріятности можно нажить себѣ,—слабо возразила Марья Дмитріевна.

— Эхъ, почтеннѣйшая Марья Дмитріевна, безъ непріятностей прожить трудно,—вмѣшался въ разговоръ Флегонтъ Матвѣевичъ.—Извѣстно,—гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Или такъ и живи, спустя рукава и путайся въ трущобѣ, или если ужъ захотѣлъ, чтобы дышалось вольнѣе, чтобы простору было больше, такъ и не охай о томъ, что труда много, что мелкихъ непріятностей куча... Нѣтъ, это вы благое дѣло начали, Катерина Александровна. Бояться вамъ нечего: вынесете непріятность, потомъ весело станетъ; а будете сидѣть, не шевеля пальца о палецъ,—сами послѣ каяться будете.

— Такъ-то это, батюшка, такъ... Да вѣдь мѣста она лишиться можетъ,—вздохнула Марья Дмитріевна.

— Не лишится. Ну, а если лишится, такъ что же? Перебьемся какъ-нибудь, общими силами перебьемся, а все-таки никто не скажетъ, что передъ нами человѣкъ тонулъ, а мы спокойно смотрѣли на него да чайкомъ прохлаждались.

— Хорошо вамъ, батюшка, говорить!—съ упрекомъ промолвила Марья Дмитріевна.—Мы съ вами вѣкъ доживаемъ, а у Катюши еще жизнь-то впереди. Не весело будетъ, если съ сумой придется ходить подъ старость.

— И-и, почтеннѣйшая Марья Дмитріевна, что вы говорите!—протяжно произнесъ Флегонтъ Матвѣевичъ.—Вы взгляните на меня: я хоть съ сумой не хожу, а живу тоже только тѣмъ, что дадутъ изъ милости богатые люди. А между тѣмъ и сплю я спокойно, и прямо въ глаза всѣмъ смотрю, и головы не гну ни передъ кѣмъ. Нищимъ могутъ назвать, подлецомъ—не смѣютъ. Придется подъ заборомъ съ голоду умереть, повѣрьте, что и тогда, если кто покраснѣетъ, если кто-нибудь долженъ будетъ покраснѣть, то ужъ вѣрно не я...

Въ голосѣ Флегонта Матвѣевича звучали серьезныя ноты, не слышавшіяся въ обыкновенныхъ разговорахъ отставного философа.

Digitized by Google

— А вамъ сладко, батюшка?—спросила Марья Дмитріевна, начинавшая сердиться, что штабсъ-капитанъ «подбиваетъ» ея Катю на опасное дѣло.

Флегонтъ Матвѣевичъ сдвинулъ брови.

— Какъ вамъ сказать?—задумчиво промолвилъ онъ.— Не сладко, а все же съ богатымъ подлецомъ теперь мѣстами не помѣняюсь...

— Ну, батюшка, тоже, я думаю, не разъ сердце-то кровью обливалось, да кошки на немъ скребли, когда богатый-то подлецъ въ каретѣ по городу катался, а вы у его подъѣзда, на своей деревяжкѣ, отъ холоду подпрыгивали, поджидая его,—проговорила необычайно-задорнымъ тономъ Марья Дмитріевна, не на шутку сердясь на старика.

— Бывало и это,—грустно отвѣтилъ Флегонтъ Матвѣевичъ.—Бывало и то, что себя ругалъ за свою честность, ругалъ за неумѣнье гнуть спину... Всего бывало, добрѣйшая Марья Дмитріевна: вѣдь и я тоже не плѣшивымъ, да сѣдымъ родился. Съ непривычки-то, да когда еще кровь горяча,—куда какъ трудно гордиться своею честностью, прикрытою лохмотьями, да презирать подлость, разукрашенную золотомъ...

— Мой-то вотъ покойный Александръ Захаровичъ съ этого-то и пить, батюшка, началъ,—не безъ ѣдкости замѣтила Марья Дмитріевна. — Вотъ она, сладость-то въ этомъ какая...

— Что-жъ, и я...—началъ Флегонтъ Матвѣевичъ и вдругъ замолчалъ.—Ну, Катерина Александровна, кажется, не испугается нужды,—произнесъ онъ послѣ минутнаго молчанія:— и каяться не будетъ. А если поступить иначе, а съ дѣвочкой-то что-нибудь дурное случится, такъ, пожалуй, Катерина Александровна всю жизнь себя упрекать станетъ. Вы помните ли, милѣйшая Марья Дмитріевна, какіе у насъ теперь дни?

— Не басурманка, батюшка, не басурманка я: нечего и спрашивать,—необычайно сердитымъ тономъ отвѣтила Марья Дмитріевна.

— Ну, такъ вы и должны знать, что въ эти-то самые дни ради того, что Пилатъ умылъ руки,—Христа распяли.

Флегонтъ Матвѣичъ смолкъ. Марья Дмитріевна какъ-то растерянно развела руками и понурила голову.

— Да, впрочемъ, что это мы на похоронный ладъ поемъ: нищета да голодъ, гибель да смерть!—съ поддѣльною веселостью промолвилъ Флегонтъ Матвѣевичъ.—А, можетъ-быть,

Digitized by Google

впереди-то ничего, кромѣ счастья да радости, и не будетъ? А мы ужъ и панихиду по себѣ служимъ! Эхъ, это все вы, Марья Дмитріевна, напугали насъ...

— Пуганная ворона, батюшка, и куста боится, — вздохнула Марья Дмитріевна, и на ея глазахъ навернулись слезы.

— Ну, вотъ вздумали къ кому себя приравнивать? ужъ хоть бы съ насѣдкой сравнили, а то на вотъ—ворона! Неподходящее дѣло!—шутилъ штабсъ-капитанъ, хотя съ его лица не сходило выраженіе грусти и задумчивости.

— Шутки у васъ все, батюшка, и не поймешь, какъ это вы на все смотрите,—пробормотала Марья Дмитріевна.

— На душѣ спокойно, такъ отчего-жъ и не пошутить,— отвѣтилъ старикъ.

Марья Дмитріевна, задумчиво качая головой, пошла съ Дашей хлопотать насчетъ кофе; Катерина Александровна осталась съ штабсъ-капитаномъ. Они говорили въ полголоса. Старикъ ободрялъ молодую дѣвушку. Впервые въ его рѣчахъ, всегда добродушныхъ и спокойныхъ, слышалось въ этотъ день раздраженіе и проглядывала желчность. Слушая его, Катерина Александровна невольно припомнила свое отдаленное дѣтство и первые уроки отца, первыя бесѣды съ нимъ. Тогда еще Александръ Захаровичъ не пилъ такъ сильно, какъ впослѣдствіи, и былъ въ состояніи давать наставленія дочери. Онъ смотрѣлъ на многія людскія отношенія почти такъ же, какъ штабсъ-капитанъ, и тоже нерѣдко говорилъ, что лучше быть честнымъ нищимъ, чѣмъ богатымъ подлецомъ. Не ускользнуло отъ вниманія молодой дѣвушки и то, что штабсъ-капитанъ высказывалъ свои мысли спокойно и твердо, тогда какъ ея отецъ обыкновенно придавалъ своимъ рѣчамъ какой-то театральный, трагическій характеръ. Она, конечно, не могла понять причины этого различія въ выраженіи убѣжденій. Она не знала, что ея отецъ еще въ юности, познакомившись по книгамъ съ извѣстными убѣжденіями, шедшими въ разрѣзъ со всѣмъ совершавшимся вокругъ него, вообразилъ себя славнымъ героемъ, идущимъ на борьбу съ міромъ, и сначала любилъ пощеголять своими еще не вошедшими въ плоть и кровь убѣжденіями; потомъ же, когда пришлось на дѣлѣ отстаивать эти убѣжденія, когда пришлось отстаивать ихъ въ мелкой, жалкой средѣ канцелярскаго міра, а не въ какой-нибудь полной шума и славы борьбѣ, Прилежаевъ, хотя и не отрекся отъ своей роли, но не могъ вынести хладнокровно тѣхъ насмѣшекъ и того пре-

Digitized by Google

зрѣнія, съ которыми относились къ нему, къ мелкой мошкѣ, его сильные враги, считавшіе его даже и не врагомъ, а просто плохимъ подчиненнымъ. Онъ запилъ съ горя, сдѣлался угрюмымъ и молчаливымъ, и только подъ пьяную руку передъ своею семи-восьмилѣтнею дочерью тономъ покойнаго Каратыгина декламировалъ объ участи честнаго человѣка и, снова воображая себя героемъ, грозилъ своимъ врагамъ, пророчилъ честнымъ людямъ побѣду и говорилъ, что лучше ѣсть черствый хлѣбъ, но быть честнымъ человѣкомъ, чѣмъ ѣздить въ каретахъ и быть подлецомъ. Совсѣмъ инымъ путемъ дошелъ почти до тѣхъ же убѣжденій штабсъ-капитанъ. Выпущенный изъ корпуса съ небольшимъ запасомъ знаній и не выработавшій никакихъ твердыхъ убѣжденій, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ на нее. Путемъ различныхъ столкновеній, ошибокъ и непріятностей добродушный и честный здоровякъ-офицеръ дошелъ до того убѣжденія, что все пройдетъ,—непріятности и невзгоды, радости и наслажденія; но не пройдетъ въ человѣкѣ только сознаніе, что въ томъ или другомъ случаѣ онъ поступилъ дурно или хорошо. «И враги, и друзья умрутъ,—рѣшилъ онъ въ своемъ умѣ,—но не умретъ наша совѣсть, пока не умремъ или не сойдемъ съ ума мы сами. Значитъ, нужно заботиться только о ея спокойствіи. Богатство и чины—дѣло наживное, случайное; значитъ, они случайно и погибнуть могутъ. Спокойствіе же совѣсти случайно не погибаетъ; этого утѣшенія никто не отниметъ; значитъ, прежде всего и слѣдуетъ заботиться о немъ». Эти убѣжденія вырабатывались медленно: прежде, чѣмъ они созрѣли, штабсъ-капитанъ успѣлъ увидать гибель гнавшихъ его начальниковъ, паденіе перегонявшихъ его по службѣ товарищей,—успѣлъ пережить вражду разошедшихся съ нимъ по недоразумѣніямъ людей, которые, послѣ долгихъ лѣтъ, хладнокровнѣе взглянувъ на прошлое, сознали свои ошибки и снова подали ему руку; онъ самъ успѣлъ поддаться множеству увлеченій, которыя прошли и оставили въ его душѣ неизгладимые слѣды печальныхъ воспоминаній. Чѣмъ дольше онъ жилъ, тѣмъ спокойнѣе, тѣмъ безстрастнѣе смотрѣлъ онъ на свои личныя огорченія, на непріятности, доставляемыя ближними, и все съ большею увѣренностью говорилъ: «Перемелется рожь,—мука будетъ». Только изрѣдка нападала на него тоска, невыносимая, давящая тоска, и онъ отлучался изъ дома дня на три, на четыре. Куда? этого никто не зналъ. Смотря на него теперь,

Digitized by Google

Катерина Александровна вспомнила, что и ея отецъ остался такимъ же честнымъ, но не вынесъ нужды и спился отъ горя, и ей показалось, что штабсъ-капитанъ въ этомъ отношеніи стоялъ гораздо выше ея отца, бодро вынося свое тяжелое положеніе. Кончивъ бесѣду со старикомъ и напившись кофе, молодая дѣвушка отправилась къ княгинѣ Гиреевой въ болѣе спокойномъ настроеніи, чѣмъ можно было ожидать. Она рѣшилась, во что бы то ни стало, не отступать отъ своей цѣли и добиться побѣды. По обыкновенію, радушно и покровительственно встрѣтила ее Глафира Васильевна, ласково попрекнувшая молодую дѣвушку, что та такъ рѣдко бываетъ у нихъ. Прилежаева тотчасъ же объявила старухѣ, что она и теперь пришла недаромъ, что у нея есть просьба къ княгинѣ.

— Что, что такое? Сдѣлаемъ все, что можно,—скороговоркой проговорила Глафира Васильевна. — Мы теперь не при деньгахъ: племянники пьянствуютъ безъ просыпу, изволили долговъ надѣлать; такъ мы расплачиваемся за нихъ, но и по этой части кое-что найдется.

Глафира Васильевна всегда говорила: *мы*, когда дѣло шло о княгинѣ.

— Я не объ этомъ хочу просить,—промолвила Катерина Александровна.—Дѣло посерьезнѣе.

Она передала исторію Скворцовой и рѣшеніе графини.

— Да вѣдь она у насъ полоумная, совсѣмъ полоумная. Она бы прежде своего сына на Конногвардейской улицѣ выпорола!—раздражительно заговорила Глафира Васильевна.— Ну, нечего сказать: хороши благодѣтели! крѣпостныхъ себѣ понадѣлали! Ай да молодцы! А наша-то, наша-то... миндальничаетъ со своими объѣдалами и не знаетъ, что въ пріютѣ дѣлается. Подождите!

Глафира Васильевна понеслась своею утиною походкой въ кабинетъ княгини. Черезъ минуту Катерина Александровна услыхала довольно крупный разговоръ.

— Нѣтъ, вы послушайте, что тамъ-то дѣлается, вы послушайте!—раздался голосъ Глафиры Васильевны, и черезъ минуту она просунулась въ дверь и позвала Прилежаеву.

Катерина Александровна прошла черезъ гардеробную комнату, раздвинула тяжелыя портьеры и очутилась лицомъ къ лицу съ княгиней.

— Здравствуйте, черненькіе глазки!—ласково промолвила старуха и поцѣловала въ лобъ Прилежаеву.—Вы привезли какія-то дурныя вѣсти. Я ничего не поняла изъ словъ этой

Digitized by Google

сумасшедшей, — съ улыбкой указала княгиня на Глафиру Васильевну.

— Ну, кто еще сумасшедшій-то, это бабушка надвое сказала!—проворчала Глафира Васильевна.

— Садитесь,—указала княгиня Катеринѣ Александровнѣ на кресло и опустилась на кушетку, сохраняя свой мягкій, благодушный видъ.—Ну, послушаемъ, что у васъ за исторія разыгралась.

Катерина Александровна сѣла и начала разсказывать. Когда она дошла до того мѣста исторіи, гдѣ приходилось сказать, какъ она нашла Скворцову, она невольно остановилась. Въ ея головѣ мелькнула мысль: говорить или нѣтъ о Рождественскомъ? Съ одной стороны ея пугало то обстоятельство, что какъ-нибудь ложь можетъ открыться, и тогда княгиня станетъ относиться къ ней самой, къ Катеринѣ Александровнѣ, недовѣрчиво; съ другой—Катерина Александровна чувствовала необходимость добиться изгнанія Рождественскаго изъ пріюта. Послѣ минутнаго колебанія она рѣшилась говорить все.

— Княгиня, я говорю съ вами, какъ говорила бы съ своею матерью, съ матерью тѣхъ дѣвочекъ, объ одной изъ которыхъ я пришла просить васъ,—въ волненіи произнесла Катерина Александровна. — Я увѣрена, что все, что я скажу вамъ, останется между нами...

— Ну, конечно, конечно, дитя, — съ добродушною улыбкой промолвила княгиня, на которую уже повліялъ довольно сильно разсказъ Прилежаевой о тревожномъ состояніи Скворцовой, предшествовавшемъ ея бѣгству.

Катерина Александровна продолжала разсказывать всѣ подробности событія.

— Ну, пріютъ устроили!—ворчала между тѣмъ Глафира Васильевна, стоявшая около портьеры.—Это ужъ не первая бѣгаетъ!

— Не мѣшай, пожалуйста!—замѣчала ей княгиня.

Наконецъ, дѣло дошло до рѣшенія графини, до ея пріѣзда.

— Тьфу! сумасшедшая! — не выдержала Глафира Васильевна.

— Глафира, ты забываешься! — проговорила княгиня.

Она молча дослушала разсказъ и опустила голову на руку.

— Что же дѣлать, что дѣлать теперь?—тревожно проговорила она. — Зачѣмъ вы раньше не извѣстили меня? Да вы, дитя, не плачьте?.. Я не могу видѣть слезъ... Вѣдь

Digitized by Google

Дарья Федоровна отчасти права... Эта такой серьезный поступокъ... Что же вы подѣлаете безъ наказанія? Примѣръ нуженъ, а то вѣдь и всѣ дѣти...

— Ну, одолжили!—не выдержала Глафира Васильевна.

— Глафира, я тебя прошу не мѣшаться не въ свое дѣло!—раздражительно проговорила княгиня, видимо находившаяся въ крайне затруднительномъ положеніи: ея добродушіе съ одной стороны, а съ другой — ея убѣжденіе въ необходимости наказанія за проступокъ подняли въ ея душѣ необычайную тревогу.

— Нѣтъ-съ, ужъ извините! да тутъ каждый человѣкъ вмѣшается! — заговорила Глафира Васильевна. — Погубили дѣвочку, да ее же пороть будутъ для примѣра. Да вы бы лучше ее не брали. А то берутъ людей, чтобы ихъ потомъ стегать для примѣра!

— Да что же это, въ самомъ дѣлѣ, такое!—горячо произнесла княгиня съ несвойственнымъ ей раздраженіемъ.— Тутъ люди о серьезномъ дѣлѣ толкуютъ, а она со своими дурацкими замѣчаніями лѣзетъ.

— Ну, да ужъ гдѣ намъ умными быть!—рѣзко произнесла Глафира Васильевна. — Вотъ графиня — это другое дѣло: отлично распоряжается. И вы-то...

— Я тебѣ говорю: молчи! Ты ужъ совсѣмъ командовать мною вздумала,—перебила ее княгиня, начинавшая терять терпѣніе.—Ты и пріютомъ управлять не хочешь ли? Ступай и не изволь являться сюда! Волю взяла!

Княгиня прошлась въ волненіи по комнатѣ и нѣсколько сухо обратилась къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Очень жаль, дитя, что я тутъ ничего не могу сдѣлать! Дарья Федоровна святая женщина. Если она что дѣлаетъ, то, повѣрьте, что это дѣлается во имя чистой христіанской любви къ ближнимъ, и спорить съ нею не намъ съ вами. Не наказывать дѣтей за ихъ проступки, это значитъ потакать ихъ новымъ шалостямъ. Если бы ваша protégée не была сиротою, то ее можно бы отдать къ роднымъ, теперь же было бы еще хуже, если бы Дарья Федоровна вытолкнула ее на улицу. Вы еще молоды, и потому вы утрируете послѣдствія этого наказанія. Но, вѣрьте мнѣ,—дѣло не такъ страшно. Скворцову накажутъ; она поплачетъ, погорюетъ и, Богъ дастъ, исправится. Насчетъ же Рождественскаго я приму мѣры; конечно, я не выдамъ ни васъ, ни его...

— Ну, вотъ вамъ и шемякинъ судъ!—воскликнула Глафира Васильевна.

Digitized by Google

— Ты все-таки еще здѣсь?—топнула ногой княгиня, дѣлавшая видъ, что она не замѣчаетъ своей домоправительницы.

— Не ажитируйтесь! не ажитируйтесь! Вредно вамъ это! Уйду!—проговорила Глафира Васильевна.—И давно надо было уйти, а то еще и меня на старости лѣтъ для примѣра выдерутъ. Драли же сперва, какъ молода была...

Глафира Васильевна широко раскрыла портьеру и вышла изъ кабинета.

— Волю взяла! — проговорила княгиня. — Этотъ народъ удивительно способенъ забываться! Добрая дѣвушка, а взбалмошна такъ, что съ нею терпѣнья не хватитъ... Пользуется тѣмъ, что росла со мною, что я привыкла къ ней...

Катерина Александровна, уже поднявшаяся съ своего мѣста, находилась въ лихорадочномъ состояніи.

— Княгиня, неужели вы ничего не сдѣлаете для спасенія этой дѣвочки?—спросила она едва слышно у Гиреевой, тревожно ходившей по кабинету.

— Я вамъ сказала, что тутъ нечего дѣлать, — холодно отвѣтила княгиня. — Ее нужно наказать; нельзя же потакать подобнымъ поступкамъ. Вы сейчасъ видѣли примѣръ, до чего доходятъ эти люди, когда имъ потакаешь...

— Она и безъ того наказана, жестоко наказана! — проговорила Катерина Александровна.—Подумайте, что бы вы сказали, если бы вашу взрослую дочь стали наказывать при всѣхъ ея...

— Да вы забываетесь, моя милая!—вдругъ остановилась княгиня передъ молодою дѣвушкой и смѣряла ее съ ногъ до головы глазами.—Кого вы сравниваете? Что могло бы быть общаго между моею дочерью и этою дѣвчонкой? Ступайте!

Въ глазахъ княгини блеснулъ какой-то недобрый огонекъ. Эта маленькая старушка казалась теперь выше своего роста; это всегда добродушное лицо дышало теперь безчувственною холодностью. Но Катерина Александровна не трогалась съ мѣста. Она, какъ человѣкъ, дѣйствующій не по расчету, а подъ вліяніемъ сильнаго чувства, забыла все и помнила только одно, что теперь или никогда нужно спасти Скворцову.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, ей выйти изъ пріюта,— проговорила она.—Я возьму ее къ себѣ.

Княгиня уже совсѣмъ надменно и свысока взглянула на Прилежаеву.

— Во-первыхъ, ее не выпустятъ, — рѣзко и отчетливо

Digitized by Google

заговорила она:—а во-вторыхъ, если бы ее и выпустили къ вамъ, то вамъ пришлось бы оставить вмѣстѣ съ нею пріютъ.

— О, я вполнѣ согласна на это! — обрадовалась Прилежаева, забывъ всѣ послѣдствія своего безсознательно высказаннаго рѣшенія.

— Вы просто нездоровы!—проговорила княгиня, пожимая плечами.—Идите и, пожалуйста, избавьте меня отъ подобныхъ сценъ! Вы дерзкая и сумасбродная дѣвочка и больше ничего. Идите!

Княгиня отвернулась и пошла изъ кабинета въ другую комнату.

Катерина Александровна едва удерживалась отъ слезъ, едва удерживалась на ногахъ; она видѣла, что ея хлопоты здѣсь не кончились ничѣмъ. Что-то въ родѣ ненависти и отвращенія къ княгинѣ закралось въ ея сердце. У нея осталась теперь одна очень слабая надежда на Боголюбова, къ которому она и рѣшилась идти отъ княгини. Утомленная и измученная, съ поникшею головой вошла она въ комнату Глафиры Васильевны.

— Сейчасъ завтракъ подадутъ! — сердито проговорила Глафира Васильевна, тревожно расхаживавшая по своей комнатѣ.

— Мнѣ надо идти...

— Ну, вотъ еще! Подождите!

— Чего ждать? Я буду хлопотать у Боголюбова.

— Не нужно: и здѣсь гнѣвъ положатъ на милость,—рѣшила Глафира Васильевна.

Катерина Александровна вопросительно посмотрѣла на нее.

— Неужели вы такъ думаете? Княгиня рѣшительно отказала...

— Э, вѣдь мы эту канитель изъ года въ годъ слишкомъ тридцать лѣтъ тянемъ, — сердито махнула рукой Глафира Васильевна.

Въ это время въ комнату вошелъ лакей и принесъ завтракъ. Въ ту же минуту изъ комнаты княгини раздался звонокъ.

— Скажи, Петръ, Надеждѣ, что княгиня зоветъ. Я нездорова,—проговорила Глафира Васильевна.

Лакей вышелъ.

— Пусть повозится съ камеръюнгферой молодой барышни,—произнесла Глафира Васильевна, принимаясь за завтракъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла щегольски

Digitized by Google

одѣтая дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ и черномъ шелковомъ передникѣ.

— Мнѣ некогда, Глафира Васильевна, — скороговоркой проговорила она.—Княжнѣ надо приготовить платье.

— Ну, мать моя, у меня и есть время, да охоты нѣтъ. Дѣлайтесь тамъ, какъ знаете. Тоже въ шестьдесятъ лѣтъ притопчешь ноги-то, — небрежно отвѣтила старуха, продолжая завтракать.

— Мнѣ тоже не разорваться!

— А я вотъ, матушка, разрывалась на своемъ вѣку!

— Я такъ княжнѣ и скажу, если платье не будетъ готово, что вы...

— Да ты не таранти здѣсь, а ступай дѣлать дѣло,— строго произнесла Глафира Васильевна, нахмуривъ брови.

Она обращалась съ прислугой чисто по-барски и не терпѣла возраженій.

Нарядная горничная хлопнула дверью и вышла.

— Вѣрно, старухѣ-то труднѣе служить, чѣмъ княжнѣ,— желчно усмѣхнулась Глафира Васильевна.—Вѣдь вы не повѣрите, какихъ-какихъ претензій у насъ нѣтъ. Утренніе чепцы у насъ по днямъ распредѣлены. Во вторникъ не смѣй подать того чепца, который въ среду надѣвается. Десять паръ карманныхъ часовъ у насъ хранятся, — все память чья-нибудь,—ну, и заводи ихъ каждый день и вывѣряй ихъ и, коли спросятъ, «помнишь, Глафира, когда эти часы мнѣ подарили?» такъ ты сейчасъ и разсказывай, что вотъ когда мы то-то дѣлали, когда у насъ тотъ-то и тотъ-то ребенокъ родился или умеръ, такъ эти часы намъ и достались, какъ подарокъ, отъ отца ребенка или, какъ воспоминаніе, отъ покойнаго князька. А мыться мы станемъ, такъ тутъ надо умѣть воду подать, мыло принять, полотенце растянуть, все это такъ, какъ дѣлалось изо дня въ день въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ. Пусть послужатъ, пусть послужатъ другіе!.. Что-жъ... я стара стала, не умѣю служить, волю взяла!

Глафира Васильевна все сильнѣе и сильнѣе возвышала тонъ. Въ немъ слышалось что-то глубоко желчное и глубоко грустное. Старуха, какъ это нерѣдко съ ней случалось, переживала въ минуту разлада съ княгиней все свое прошлое, сознавала все перенесенное и возмущалась своимъ положеніемъ. Въ ея душѣ въ эти минуты страннымъ образомъ смѣшивались вмѣстѣ и любовь, рабская любовь къ княгинѣ, и горькая ненависть къ своему рабскому положенію. Слушая ея рѣчи, можно было подумать, что она жаждетъ всѣми

Digitized by Google

слами души только вырваться изъ этого дома, но въ то же время ея слезы ясно говорили, что она боится именно того, что ей придется, наконецъ, покинуть этотъ домъ, что ей найдутъ преемницу. Повидимому, она вполнѣ сознавала, что она необходима княгинѣ, какъ воздухъ, и въ то же время чувство рабы подсказывало ей, что, можетъ-быть, обойдутся и безъ нея. Это ее пугало: она не перенесла бы своего горя, если бы княгиня обошлась безъ нея.

— И точно волю взяла,—заговорила она съ горечью:— получила вольную и сижу въ этой комнатѣ пятнадцать лѣтъ: изъ своей комнаты въ кабинетъ сорокъ разъ въ сутки сную; къ обѣднѣ не смѣю выйти, ночью не смѣю совсѣмъ раздѣться, къ роднымъ разъ въ годъ съѣздить не могу на три, на четыре часа. Развѣ это не воля!.. Зазналась старая дура, холопка! Жаль, что на конюшню нельзя отправить, какъ разъ отправили, когда старому барину ночью оплеуху дала...

Глафира Васильевна опустила голову на обѣ руки и тихо заплакала.

— Теперь что имъ Глафира? старая ненужная тряпка!..— говорила она дрожащимъ голосомъ. — А было время, когда эта Глафира, какъ старый князь-отецъ къ ней ночью забрался, могла бы не только вольную купить, а всѣмъ домомъ ворочать, тысячи нажить. У этихъ ногъ Глафира князя-то видѣла; эти руки князь-то цѣловалъ. Когда сѣкли-то Глафиру по его приказу, такъ онъ, бѣшеный, волосы на себѣ рвалъ. А кто «намъ» замужъ помогъ выйти за Гиреева? Все та же Глафира. Забыли, видно, чѣмъ она за согласье-то старику сумасшедшему заплатила. Вещички тамъ хранимъ на память о покойныхъ дѣтяхъ; Глафира вспоминай съ «нами» объ этихъ дѣтяхъ, а того и знать не хотятъ, что никогда бы, можетъ-быть, и не любоваться «намъ» этими дѣтьми, кабы Глафира не купила согласія на свадьбу... Богъ съ ними, пора на покой; заѣздили...

Старуха, повидимому, не обращала никакого вниманія на слушательницу и говорила сама съ собой, говорила о томъ, что постоянно ныло и болѣло въ ея душѣ. Катерина Александровна, вполнѣ сочувствуя горю старухи, чувствовала себя неловко, тѣмъ болѣе, что она сама послужила невольной причиной этого горя.

— Княгиня проситъ васъ къ себѣ,—доложилъ появившійся въ комнатѣ лакей.

Глафирѣ Васильевнѣ вся прислуга говорила: «вы».

— Скажи княгинѣ, что Глафира Васильевна, молъ, ѣдетъ

Digitized by Google

и не можетъ, молъ, придти къ ней, — рѣзко отвѣтила Глафира Васильевна, отирая слезы.

— Княгиня чувствуетъ себя нехорошо, — промолвилъ лакей.

— Ажитація это, ажитація, батюшка! пусть за докторомъ пошлютъ: я, батюшка, не лѣкарка!

Лакей вышелъ. Катерина Александровна уловила на его лицѣ усмѣшку, ясно говорившую, что онъ уже привыкъ къ подобнымъ сценамъ. Глафира Васильевна въ волненіи поднялась съ мѣста и заходила по комнатѣ.

— Глафира!—раздался голосъ княгини изъ сосѣдней комнаты.—Иди сюда на минуту.

Глафира Васильевна быстро толкнула Катерину Александровну за ширмы.

— Вы же сами, ваше сіятельство, не велѣли мнѣ больше являться къ вамъ на глаза, — проговорила Глафира Васильевна. — Я тоже не маленькая, чтобы со мною играть! Въ гробу, слава Богу, одною ногой стою! Надо ѣхать искать, не найдется ли гдѣ-нибудь угла у добрыхъ людей.

— Ну, пожалуйста, безъ капризовъ!

— Гдѣ намъ, холопамъ, капризничать! Извѣстно, насъ будутъ гнать, а мы ручки должны цѣловать.

— Ты, дѣйствительно, совсѣмъ забылась, — раздражительно отозвалась княгиня.—Обойдусь и безъ тебя!

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги удалявшейся княгини.

— Ну, теперь пойдетъ исторія на цѣлый день! — произнесла Глафира Васильевна, махнувъ рукой.—Въ самомъ дѣлѣ, лучше уѣзжайте!—обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Извините, я, невольно, надѣлала вамъ столько непріятностей,—извинилась Прилежаева.

— Э, ничего! Мы когда крупно поссоримся, такъ потомъ на полгода мирно живемъ! — проговорила Глафира Васильевна, уже отчасти успокоенная начавшимися переговорами съ княгиней. — Дѣло ваше сдѣлается. Ужъ я не отступлюсь, коли начала. Вѣдь у насъ изъ-за одного «Вороненка» баталій не пересчитаешь. Держутъ подлеца и сказать о немъ ничего не смѣй. Ну, да я-то ужъ душой кривить не стану... Голова вотъ только и впрямь разболѣлась. Сама себѣ напророчила.

Катерина Александровна вышла изъ дома Гиреевой въ какомъ-то чаду. Она была свидѣтельницей такой комиче-

Digitized by Google

ской сцены, которой она не могла себѣ и представить. Успокоенная отчасти насчетъ участи Скворцовой, она смѣялась въ душѣ, вспоминая комедію, такъ неожиданно разыгранную передъ нею двумя старухами. По возвращеніи домой, она застала и Антона, и Мишу, и юныхъ кадетъ, сыновей штабсъ-капитана, и разсказала имъ обо всемъ случившемся. Разсказъ былъ настолько комиченъ, что въ комнатѣ раздавались взрывы хохота. Семья послѣ обѣда усѣлась за крашенье яицъ и уже совершенно углубилась въ это занятіе, когда, часовъ въ шесть, Марья Дмитріевна сказала, что за Катериной Александровной пріѣхалъ лакей отъ княгини Гиреевой и проситъ ее пріѣхать къ барынѣ. Молодая дѣвушка поспѣшно собралась; ее ждала княжеская карета. Минутъ черезъ двадцать Прилежаева входила чрезъ парадныя комнаты въ кабинетъ княгини.

Княгиня лежала на постели. Около нея хлопотала Глафира Васильевна. Глафира Васильевна, обыкновенно называвшая всѣ недуги княгини «ажитаціей», была самымъ главнымъ врачомъ старухи, щупала ей ежедневно пульсъ, изобрѣтала лѣкарства и вообще прибѣгала къ совѣтамъ иныхъ врачей только въ крайнихъ случаяхъ.

— А я вотъ расхворалась, дитя, — произнесла слабымъ голосомъ Гиреева.—Но все же не хотѣла, чтобы вы встрѣчали праздникъ въ слезахъ. Пусть онъ будетъ для всѣхъ свѣтлымъ праздникомъ, какъ и для насъ съ Глафирой. Погорячились мы утромъ.

Княгиня протянула руку Катеринѣ Александровнѣ. Молодая дѣвушка наклонилась и поцѣловала ее.

— Поѣзжайте къ Скворцовой и утѣшьте ее, — проговорила княгина.—Да вы сядьте.

Катерина Александровна сѣла.

— Графиня измѣнила свое рѣшеніе,—продолжала старуха.—Я уже видѣлась съ нею. Пусть дѣвочка будетъ покуда въ пріютѣ, потомъ въ маѣ, когда будетъ выпускъ, ей найдутъ мѣсто... Все обойдется безъ наказанія... Все злая Глафира настояла,—шутливо замѣтила княгиня.—Она вѣдь у меня всѣмъ командуетъ.

Поблагодаривъ княгиню, Катерина Александровна встала.

— Завтра пріѣзжайте похристосоваться, — ласково промолвила старуха.—А и вы тоже огонекъ!—не то съ упрекомъ, не то въ шутку погрозила она Прилежаевой пальцемъ.

Молодая дѣвушка вышла и въ другой комнатѣ горячо стала благодарить Глафиру Васильевну.

Digitized by Google

— Ну, ну, полноте! Еще бы для такого праздника не сдѣлать! — промолвила старая княжеская домоправительница.—А вотъ это вамъ на красное яйцо отъ княгини.

Катерина Александровна почувствовала, что Глафира Васильевна суетъ ей въ руку деньги, и вся покраснѣла.

— Мнѣ не надо,—съ замѣшательствомъ отказывалась она.—Зачѣмъ это?..

— Ну, ну, полноте! Деньги всѣмъ нужны. Чего вы совѣститесь? Не вы возьмете, такъ наши соколики на шампанскомъ пропьютъ...

— Да я...

— И не говорите — поссорюсь! — рѣшительно возразила Глафира Васильевна.

Приходилось взять. У молодой дѣвушки сжалось сердце. Она видѣла необходимость не ссориться съ Глафирой Васильевной и въ то же время не могла помириться съ ея логикой и брать деньги княгини потому только, что ихъ все равно пропьютъ на шампанскомъ. Она сознавала, что эти подачки ставятъ ее въ положеніе княжеской прихлебательницы.

Это обстоятельство отчасти испортило хорошее настроеніе Катерины Александровны, вызванное радостною вѣстью о прощеніи Скворцовой. Она заѣхала въ пріютъ, обрадовала Скворцову, поговорила съ Анной Васильевной и, дружески пожавъ ей руку, отправилась домой.

— Ура!—кричалъ штабсъ-капитанъ, встрѣчая ее и угадывая по ея лицу о результатахъ поѣздки.—Это первая побѣда! Ну, что, Марья Дмитріевна,—небось теперь и самимъ весело? А еще трусили.

Марья Дмитріевна отерла глаза.

— Да вѣдь я мать, мать, батюшка! — прошептала она, цѣлуя Катерину Александровну. — Она помощница наша, кормилица наша.

VI.

Мелкія чувства его превосходительства.

Его превосходительство Данила Захаровичъ Боголюбовъ только-что кончилъ официальный визитъ къ княгинѣ Маринѣ Осиповнѣ Гиреевой и садился на дрожки. Торжественность праздника, полученная къ Пасхѣ звѣзда, благосклонныя рѣчи ея сіятельства, почтительныя поздравленія прислуги, раскланивавшейся за рубли его превосходительства, все это должно было привести душу его превосходительства въ то настроеніе, при которомъ люди, какъ говорится, земли подъ

Digitized by Google

собой не слышать. Но было совсѣмъ не такъ. Подъ новою звѣздой сердце его превосходительства било тревогу и волновалось тѣми самыми мелкими чувствами, которыми оно волновалось въ давно прошедшіе годы, когда его превосходительство былъ еще мальчуганомъ-бурсакомъ и боялся быть пойманнымъ за сдѣланную имъ шалость. Дѣло въ томъ, что среди разговоровъ ея сіятельство коснулась совершенно неожиданно для своего собесѣдника одного очень щекотливаго вопроса.

— Кстати, вы знакомы съ новою помощницей въ пріютѣ графини?—спросила княгиня, заговоривъ о пріютскихъ событіяхъ.

— То-есть, какъ вамъ сказать, ваше сіятельство, я видѣлъ ее,—въ смущеніи отвѣтилъ Боголюбовъ и устремилъ на княгиню зоркій взглядъ, желая угадать, не знаетъ ли она объ его отношеніяхъ къ Прилежаевымъ.

Но, къ несчастью, на добродушномъ лицѣ старухи не было написано ни мелкими, ни крупными буквами, знаетъ она или не знаетъ тайну своего собесѣдника.

— Удивительно милая дѣвушка,—продолжала княгиня.— Золотое сердце, прямая душа и совсѣмъ недюжинный умъ. Да, если бы образованіе было у бѣдняжки, не то бы изъ нея вышло. Вотъ кому я отъ всей души желаю счастья. Хоть бы женишокъ ей нашелся. Право, я взялась бы за роль свахи. Вотъ поищите у себя въ департаментѣ; вмѣстѣ и сватать будемъ.

Княгиня добродушно разсмѣялась, и Данила Захаровичъ счелъ долгомъ тоже разсмѣяться, хотя его смѣхъ вышелъ какимъ-то жалкимъ. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, поспѣшилъ откланяться. Но слова княгини клиномъ засѣли ему въ голову. «Ну, а что, какъ она знаетъ, что я родной дядя этой дѣвушкѣ?—думалъ онъ.—Что будутъ говорить, какъ посмотрятъ на то, что я не помогаю этой семьѣ? Вѣдь не станешь разсказывать имъ всей подноготной, всѣхъ своихъ семейныхъ дѣлъ. Надо будетъ все это какъ-нибудь устроить, обдѣлать». Въ головѣ Данилы Захаровича возникали различные планы, какъ онъ поможетъ семьѣ, какъ онъ введетъ въ свой домъ Прилежаевыхъ. Послѣ долгихъ размышленій, онъ даже находилъ, что ему нечего совѣститься своей прислуги, которая видѣла раза два Марью Дмитріевну въ самомъ жалкомъ видѣ и, вѣроятно, станетъ теперь въ душѣ не особенно уважительно относиться къ своимъ господамъ, узнавъ, что эта оборванка, эта черносалопница находится

Digitized by Google

въ самыхъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ господами. До сихъ поръ отъ прислуги скрывались эти родственныя отношенія. Марья Дмитріевна была извѣстна подъ именемъ бѣдной «кумы»; скрывалось отъ прислуги и то, что самъ Боголюбовъ былъ когда-то далеко не такимъ богатымъ бариномъ, былъ даже вовсе не бариномъ, а жалкимъ чиновникомъ, перебивавшимся со дня на день. Это дѣлалось зоркимъ Даниломъ Захаровичемъ для того, чтобы «люди» относились къ нему уважительнѣе и не смѣли бы говорить, что и онъ былъ не лучше ихъ. Теперь, въ виду могущихъ возникнуть непріятностей между нимъ и княгиней, онъ готовъ былъ утратить долю своего значенія въ глазахъ прислуги и принять въ свой домъ Прилежаевыхъ, какъ родныхъ. Но его смущала главнымъ образомъ не прислуга: прислугу можно было заставить молчать; прислугу можно было выгнать; но въ его домѣ было еще одно существо, которое нельзя было заставить молчать или выгнать, это существо была Павла Абрамовна. Павла Абрамовна, какъ «женщина образованная», какъ «женщина хорошаго тона», смотрѣла съ презрѣніемъ «на этихъ оборванцевъ», «на этихъ нищихъ», «на этихъ *милыхъ* родственниковъ». Безплодно придумывая средства, какъ бы убѣдить жену въ необходимости сближенія съ Прилежаевыми, Данила Захаровичъ мысленно воскликнулъ: «а, да что тутъ думать! Развѣ я не господинъ въ своемъ домѣ?» И вдругъ словно какой-то бѣсъ насмѣшливо шепнулъ ему на ухо: «да, конечно, не господинъ». Эта мысль такъ сильно задѣла за живое Данилу Захаровича, что онъ громко проговорилъ:

— Ну, такъ я имъ покажу!

Кучеръ, услыхавшій эти слова, невольно обернулся къ его превосходительству, но его превосходительство строго нахмурило брови и проговорило:

— Чего зѣваешь по сторонамъ? Тутъ народъ: того и гляди задавишь кого-нибудь, а онъ въ стороны смотритъ!

Но спокойствіе не возвращалось къ его превосходительству даже и послѣ того, какъ гнѣвъ былъ сорванъ на кучерѣ. Уже не разъ, особенно въ послѣднее время, Данилу Захаровича поражали подобныя мысли о ничтожествѣ его значенія въ домѣ, и теперь въ его головѣ чрезвычайно ярко прошли нѣкоторыя изъ мелкихъ будничныхъ сценъ въ его семьѣ. Данила Захаровичъ съ свойственными ему зоркостью и строгостью управлялъ домашнимъ государствомъ, какъ и слѣдуетъ главѣ жены, которая да боится своего мужа. Павла

Digitized by Google

Абрамовна, согласно съ супружескими законами, не выходила изъ повиновенія у мужа. Подобныя отношенія даже давали право Данилѣ Захаровичу довольно мѣтко подсмѣиваться надъ тѣми мужьями-колпаками, которыхъ жены держатъ подъ своимъ башмакомъ. Эта благодушная вѣра въ силу своего самодержавія въ семьѣ, эта увѣренность, что «у меня всѣ моего взгляда боятся», «по одной половицѣ пройдутъ, если велю», «пикнуть не посмѣютъ, если чего захочу»,—всѣ эти свѣтлыя иллюзіи были нарушены въ тотъ памятный день, когда Боголюбовы узнали о смерти Прилежаева и встрѣтились съ Варварой Ивановной, которую поджидали съ такимъ нетерпѣніемъ. Варвара Ивановна, вдова двоюроднаго дяди Боголюбова, одного изъ благочинныхъ Москвы, была очень богата, бездѣтна и потому представлялась очень лакомымъ кускомъ для всѣхъ ея знакомыхъ, друзей, свойственниковъ и родственниковъ. Многое-множество рукъ тянулось за этимъ кускомъ, но рука Боголюбова оказалась ловчѣе всѣхъ другихъ рукъ и, наконецъ, этотъ лакомый кусокъ уже находился въ домѣ его превосходительства. Въ ожиданіи пріѣзда Варвары Ивановны, въ семьѣ шли разсужденія о ласковомъ пріемѣ, который нужно оказать родственницѣ, шли предположенія объ ея щедрости, дѣлались соображенія о духовномъ завѣщаніи, и даже самъ Данила Захаровичъ расшалился до того, что картавымъ голосомъ говорилъ, «бодая» своего еще ничего не понимающаго сына: «Ахъ ти, фуфлига! знаешь-ли ти, кто тебя няньчить-то будетъ? Твоя бабуська, Вальваля Ивановна!» Наконецъ, бабушка Варвара Ивановна, сморщенная, какъ печеное яблоко, съ темнымъ, какъ старый пергаментъ, лицомъ, закутанная въ какія-то ветхія шали, капоры и косынки, пріѣхала къ своимъ «ненаглядным» родственникамъ. Ея костюмъ немного «шокировалъ» Павлу Абрамовну, но приходилось помириться съ этою «странностью» старухи. Добрые родственники, не видавшіе другъ друга почти никогда, прослезились, обнялись, начали со вздохами разспросы о покойномъ дядюшкѣ, объ его смерти. Варвара Ивановна, шамкая и охая, сообщила, какъ «отецъ благочинный на одрѣ безъ языка лежалъ», какъ «ему, батюшкѣ, Богъ ни смерти, ни живота не давалъ въ теченіе полугода», какъ «его, родного, десять разъ пріобщали и семь разъ къ нему Иверскую поднимали», какъ «сжалился Господь и успокоилъ его душеньку въ лонѣ Авраама», какъ, «наконецъ, осталась она, Варвара Ивановна, сирота горемычная, безъ пріюту

Digitized by Google

на бѣломъ свѣтѣ». Добрые родственники выразили свое глубокое сочувствіе къ горю шестидесятилѣтней сироты и объявили, что ихъ домъ къ ея услугамъ.

— Спасибо вамъ, спасибо, отцы родные! По-міру пришлось бы идти,— вздохнула Варвара Ивановна и отерла сухіе глаза.

— Ну, по-міру-то не пошли бы, за свои деньги пріютъ нашли бы; ласки родственной—вотъ чего не найти за деньги!—съ чувствомъ произнесъ Боголюбовъ.

— Да какія деньги-то у меня, голубчикъ ты мой!—какъ-то испуганно произнесла старуха.—Жили мы съ отцомъ благочиннымъ вольными даяніями благочестивыхъ людей и теперь приходится подаяніемъ жить. Не оставь ты меня, отецъ родной! На тебя вся моя надежда!

— Помилуйте! Что вы, тетушка! Располагайте моимъ домомъ, какъ своимъ,— торопливо произнесъ Боголюбовъ, немного нахмуривъ брови, и черезъ минуту довольно осторожно спросилъ:—Но неужели дядя ничего не успѣлъ скопить вамъ на старость?

— Батюшка, да изъ чего же?—прошамкала старуха.— Вольными подаяніями благочестивыхъ людей жили, яко нищіе. Вотъ какъ передъ истиннымъ Христомъ...

Старуха подняла свои тусклые глаза и стала осматривать углы комнаты.

— А гдѣ же, батюшка, образа-то у васъ?—прошамкала она.

— Тамъ, въ спальняхъ, тетушка,—отвѣтилъ Боголюбовъ и подумалъ:—«А вѣдь старуха-то вретъ, что у нея ничего нѣтъ. Знаемъ мы ихъ».

— А здѣсь-то нешто сарай у васъ, голубчикъ?

— И тутъ, тетушка, есть образъ.

Боголюбовъ указалъ на маленькій образокъ, едва виднѣвшійся подъ потолкомъ.

— Да что-жъ, батюшка, ты въ экую-то большую комнату образа-то побольше развѣ не могъ повѣсить? И лампадочки-то приткнуть нельзя; виситъ онъ у васъ, какъ сироточка, въ углу заброшенная.

Старуха вздохнула и покачала головой, снова отеревъ сухіе глаза своими костлявыми пальцами.

Съ этого дня для Павлы Абрамовны начались безсмѣнныя пытки. Старуха охала и вздыхала о маленькомъ образкѣ и отсутствіи лампадъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ столовой повѣсили большой образъ и затеплили лампаду; по-

Digitized by Google

томъ начались вздохи о скоромной пищѣ въ пятницы и среды, вслѣдствіе чего пришлось готовить въ эти дни рыбу на скоромномъ маслѣ, выдавая ее за постное блюдо; затѣмъ домъ Боголюбовыхъ сдѣлался мѣстомъ сходокъ для какихъ-то невѣдомыхъ до сихъ поръ поповичей и поповскихъ вдовъ, родственниковъ и родственницъ старухи, вносившихъ съ собою въ семью какой-то погребальный тонъ и смущавшихъ хозяйку своими манерами, нарядами и рѣчами; далѣе старуха вздыхала о томъ, что «нѣмчура», подготовлявшій Леонида въ пансіонъ Добровольскаго, сидитъ весь вечеръ и «стрекочетъ» съ Павлой Абрамовной «на птичьемъ языкѣ»... Павла Абрамовна стала хмуриться не на шутку. Ей житья не было, какъ она говорила, отъ этой «вѣдьмы». Между женщинами начались сцены: Павла Абрамовна «шпиговала» старуху; старуха «донимала» ее вздохами и возведеніемъ очей къ небу. Данила Захаровичъ въ это время сдѣлался козлищемъ очищенія: старуха говорила ему, что онъ «не по закону живетъ»; жена ежедневно рѣшительнымъ тономъ заявляла, что она не желаетъ видѣть въ своемъ домѣ эту старую каргу.

— Пойми ты, что она необходима намъ,—строго и внушительно говорилъ Данила Захаровичъ.—Наши дѣла въ такомъ положеніи, что мы должны держать тетку у себя до ея смерти.

— Да когда она умретъ, это еще вопросъ!

— А все же нужно ждать.

— Ну, я не намѣрена.

— А я этого хочу! это необходимо по моимъ соображеніямъ.

— Какое мнѣ дѣло до твоихъ соображеній?

— Я знаю, что тебѣ ни до чего нѣтъ дѣла, а она все-таки будетъ жить у насъ!

— Ну, ужъ нѣтъ! Я выживу эту нищую.

— Не нищую, а старую скрягу, скопившую тысячи. Ты думаешь, они не награбили?

— Это еще бабушка надвое сказала! Впрочемъ, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до ея денегъ.

— Будетъ, матушка, дѣло, когда увидишь, что мы не по карману жили.

— Это не я ли такъ жила?—восклицала Павла Абрамовна.—Я въ четырехъ стѣнахъ сидѣла. Я молодость свою загубила. Я не безприданницей вышла за тебя; меня и не такой бы взялъ за себя! А ты что принесъ въ домъ? Те-

Digitized by Google

перь-то ты получаешь три тысячи, а было время, что на мои деньги жилъ, разорялъ меня...

— Прошу тебя кончить этотъ разговоръ,—строго замѣчалъ Данила Захаровичъ.—Ты дура и больше ничего!

— Прекрасно, прекрасно! Вы, какъ крѣпостную, меня третируете!—рыдала Павла Абрамовна.

Мужъ сердито уходилъ отъ обиженной жены, а обиженная жена начинала сцену съ Варварой Ивановной. Эти сцены дошли до того, что Варвара Ивановна, охая и вздыхая, объявила о своемъ рѣшеніи переѣхать къ какимъ-то «добрымъ людямъ». Боголюбовъ метался въ отчаяніи: онъ уговаривалъ старуху, онъ бѣгалъ къ женѣ, приказывая ей упрашивать старуху остаться. Но старуха только вздыхала и охала, а Павла Абрамовна переходила отъ одного истерическаго припадка къ другому, не имѣя вслѣдствіе этого силъ войти въ переговоры со старухой.

— Жаль мнѣ тебя, батюшка, жаль!—охала старуха.—Ужъ это послѣднее дѣло, когда мужъ не глава въ домѣ, когда имъ баба командуетъ!

— Я докажу, тетушка, что я хозяинъ у себя!—кричалъ Данила Захаровичъ.

— Гдѣ ужъ, батюшка, спустя лѣто по малину ходить!—вздыхала Варвара Ивановна.—Ты вотъ за нѣмцемъ-то смотри! Кто его знаетъ, о чемъ онъ лепечетъ съ твоею сударыней-то по вечерамъ.

— Да вы подождите, тетушка: я объяснюсь съ ней!—волновался Данила Захаровичъ и бѣжалъ къ женѣ; жена лежала въ истерикѣ и потому ничего не могла слышать изъ того, что говорилъ ей мужъ.

— Старый дуракъ! старый дуракъ!—ругалъ себя Боголюбовъ, когда уѣхала тетка.—Съ бабами не могъ справиться! И что эта старая скряга толковала про Карла Карловича? Тоже дура къ сплетнямъ привыкла! Только домъ весь вверхъ дномъ перевернула! Конечно, жена отчасти права; съ этакой дурой подлой нелегко возиться. Ишь, всю квартиру въ молельню обратила: такъ и несетъ вездѣ деревяннымъ масломъ! И я-то хорошъ,—къ себѣ пригласилъ! Надо было нанять ей отдѣльную квартирку. Да кто же ее зналъ, что она уродъ этакой. И дядя хорошъ! Зналъ, что нѣмчикъ есть, а духовной не сдѣлалъ, не сказалъ ничего...

Данила Захаровичъ строилъ планы, какъ бы снова сойтись со старухой теткой. Но надо замѣтить, что, создавая эти планы, Данила Захаровичъ ни разу не вспомнилъ, что у ста-

Digitized by Google

рухи есть еще родственники, съ которыми, быть-можетъ, было бы не худо познакомить ее. Впрочемъ, можетъ-быть, Боголюбовъ и помнилъ это, но сообразилъ, что Прилежаевы слишкомъ бѣдны для того, чтобы имъ давать въ руки такой лакомый кусокъ, какъ Варвара Ивановна: пожалуй, еще приберутъ его совсѣмъ къ рукамъ и даже объѣдковъ не оставятъ для самого Данилы Захаровича. Онъ отчасти оправдывалъ уже жену за ея отношенія къ теткѣ, и только легкое облако неудовольствія оставалось въ его душѣ черезъ нѣсколько дней, когда Павла Абрамовна замѣтила ему, что Карлъ Карловичъ Габлицъ, учитель Леонида, не надѣется приготовить мальчика въ школу.

— Какъ не надѣется? Чего же онъ раньше думалъ?— нахмурился Данила Захаровичъ.

— Да вѣдь онъ уже нѣсколько разъ говорилъ, что трудно приготовить Леонида, давая три урока въ недѣлю.

— Ну, матушка, больше я платить не стану!

— Да отчего же не взять его въ гувернеры? Кусокъ хлѣба расчета не сдѣлаетъ, а комната свободная есть.

Данила Захаровичъ зорко и строго посмотрѣлъ на жену: въ его умѣ шевельнулись воспоминанія о словахъ тетки.

— Я не намѣренъ впускать въ свой домъ жильцами всякихъ сапожниковъ,—сердито проговорилъ онъ.

— Какъ это мило! Зачѣмъ же было и брать его въ учителя, если онъ сапожникъ?—иронически усмѣхнулась Павла Абрамовна.

— Ну, ужъ это мое дѣло.

— Ахъ, Боже мой, дѣлай, какъ знаешь, и избавь меня отъ сценъ!—воскликнула Павла Абрамовна оскорбленнымъ тономъ.—Я вѣдь въ домѣ ничего не значу и потому не имѣю права заботиться даже о сынѣ. Пусть не выдержитъ экзамена; пусть останется неучемъ, какъ твой милый братецъ, — мнѣ все равно. Я предупреждала, и моя совѣсть чиста.

Павла Абрамовна заплакала.

— Да что у тебя нынче за тонъ! Ты забита, ты унижена, ты ничего не значишь!—вспылилъ Данила Захаровичъ, хотя въ душѣ онъ и одобрялъ смиреніе жены.—Дѣло не въ томъ, чтобы Леонидъ неучемъ остался. Но взять въ домъ чужого человѣка — не шутка; на подобный шагъ нельзя вдругъ рѣшиться.

— Ахъ, да и не рѣшайся совсѣмъ! Ужъ испытала я, что значитъ чужой человѣкъ въ домѣ. За себя я буду очень

Digitized by Google

рада, если у насъ не будетъ никакихъ гувернеровъ и гувернантокъ!

— Ну, матушка, ради тебя не стану же я оставлять дѣтей безъ образованія.

Павла Абрамовна встала и направилась въ другую комнату.

— Да ты говорила объ этомъ съ Карломъ Карловичемъ?— спросилъ Данила Захаровичъ.

— Какъ же я стану говорить, когда я не знаю, желаешь ли ты этого,—отвѣтила Павла Абрамовна.

— Ну да,—серьезно задумался Данила Захаровичъ.—Ты его попроси завернуть ко мнѣ въ кабинетъ, когда кончитъ урокъ.

Прошло дней пять или шесть, и Карлъ Карловичъ былъ уже гувернеромъ въ домѣ Боголюбова. Это былъ юный, похожій на застѣнчивую дѣвушку нѣмецъ съ полными и розовыми щеками, съ мягкими черными волосами, съ ямками на щекахъ, съ мягкою улыбочкой и дѣтски-невинными карими глазами. Предупредительность, веселость среди веселаго кружка, печальная мина среди опечаленныхъ собесѣдниковъ, способность краснѣть при каждой двусмысленной фразѣ, почтительность въ отношеніи къ старикамъ и заслуженнымъ лицамъ и благодарность за каждый ласковый взглядъ, за каждую ничтожную услугу, все это привлекало къ юному Габлицу сердца людей. Еще въ гимназіи онъ получилъ названіе «красной дѣвушки» и «сдобной булки». Но въ университетѣ уже первокурсники стали какъ-то подозрительно смотрѣть на него, когда онъ краснѣлъ при каждой нѣсколько скоромной фразѣ, тогда какъ его глазки подергивались словно масломъ. Еще подозрительнѣе смотрѣли на него, когда онъ неожиданно попалъ въ домъ профессоровъ и разныхъ аристократиковъ-студентовъ, когда онъ, сынъ разорившагося булочника, сталъ щеголять въ дорогой одеждѣ и появляться въ первыхъ рядахъ креселъ въ балетѣ. Но хотя на него и смотрѣли подозрительными глазами, однако онъ, какъ вполнѣ чистый и невинный человѣкъ, не замѣчалъ этихъ взглядовъ и радушно, крѣпко пожималъ руки тѣхъ, у кого шевелились въ головѣ самыя грязныя подозрѣнія на его счетъ. Въ домъ Боголюбова онъ попалъ по рекомендаціи одного изъ студентовъ, родственника Гиреевой. Боголюбовъ, послѣ намековъ тетки, сталъ пристальнѣе вглядываться въ Габлица, но зоркіе глаза Данилы Захаровича встрѣчали только прямодушный, дѣтски-чистый взглядъ честнаго бурша и невольно принимали мягкое

Digitized by Google

выраженіе покровительственной улыбки. Данила Захаровичъ даже повеселѣлъ, когда было окончательно рѣшено, что Габлицъ переѣдетъ къ нимъ въ домъ. Имѣть при себѣ подобное чистое и мягкое существо въ качествѣ наставника дѣтей и постояннаго собесѣдника—это не малое счастье. Можетъ-быть, это благодушное настроеніе продолжалось бы долго, если бы Данила Захаровича не вздумалъ посѣщать свою тетку. Старуха, помѣстившаяся у «добрыхъ людей», не переставала пилить племянника и нашептывать ему про жену. Она, рѣшившись «доѣхать» жену племянника, опять указывала ему на необходимость смотрѣть за женой и нѣмцемъ и добилась того, что зоркій и строгій Данила Захаровичъ обратилъ все свое вниманіе на юнаго нѣмца. Въ отношеніяхъ Павлы Абрамовны и Карла Карловича, повидимому, не было ничего особеннаго; посторонній человѣкъ не могъ бы найти въ нихъ ничего подозрительнаго, но, вглядываясь въ эти отношенія ежедневно, можно было уловить въ нихъ кое-что, ускользавшее отъ случайнаго наблюдателя. Во-первыхъ, Данила Захаровичъ сталъ замѣчать, что Павла Абрамовна каждый день выбираетъ для Карла Карловича лучшій кусокъ за обѣдомъ.

— Что это ты, матушка, ухаживаешь за нимъ и подсовываешь ему все лучшее за столомъ?—строго замѣтилъ Боголюбовъ женѣ.

— Да вѣдь онъ чужой человѣкъ, и если не предложишь ему хорошаго куска, такъ онъ изъ совѣстливости возьметъ какую-нибудь кость, — отвѣчала Павла Абрамовна. — Ты знаешь, какой онъ застѣнчивый.

— Ну, а все-таки ухаживать нечего!

— Извини, я не знала, что тебѣ непріятно, когда я стараюсь сдѣлать пріятнымъ нашъ домъ постороннимъ людямъ. Ты, вѣроятно, хочешь, чтобы мы все лучшее обирали сами, а постороннимъ оставляли объѣдки. Это будетъ очень прилично.

Павла Абрамовна говорила такимъ ироническимъ тономъ, что зоркій Данила Захаровичъ понялъ, какъ нелѣпа была его выходка.

Потомъ онъ началъ тревожно замѣчать, что послѣ обѣда Карлъ Карловичъ очень крѣпко цѣлуетъ руку его жены.

— Что это, матушка, онъ у тебя руки лижетъ?—строго спросилъ Боголюбовъ.

— Что за выраженія!—воскликнула Павла Абрамовна.— И когда ты видѣлъ, чтобы онъ цѣловалъ мои руки?

Digitized by Google

— Какъ когда? Да онъ постоянно цѣлуетъ твою руку послѣ обѣда...

— Ха-ха-ха! Такъ не у тебя же ему цѣловать руку! Кажется, ты долженъ понимать, что если онъ пожимаетъ твою руку, благодаря за обѣдъ, то можетъ поцѣловать мою.

— Ну, можно и безъ поцѣлуевъ...

— Ахъ, да, я и забыла, что я нуль въ домѣ! Ты ужъ лучше бы ему самому сказалъ, чтобы онъ совсѣмъ не благодарилъ меня, какъ не благодаритъ нашу прислугу, такъ какъ я и прислуга въ этомъ домѣ одно и то же.

— Вѣчно какую-нибудь чепуху выдумаешь!

— Да развѣ я могу что-нибудь умное сказать? Вѣдь я дура въ твоихъ глазахъ! Вѣдь хуже и ничтожнѣе меня никого нѣтъ! Господи, когда кончатся эти пытки! И за что это все обрушивается на меня! Откажи, пожалуйста, и Габлицу, и всѣмъ, кому хочешь, только оставь меня въ покоѣ.

Данила Захаровичъ хлопнулъ дверью, скрываясь отъ трагической сцены. Но въ душѣ его не было спокойно: съ одной стороны онъ прозрѣвалъ что-то странное въ отношеніяхъ жены и Габлица, съ другой—онъ уже не имѣлъ возможности освободиться отъ Габлица. Во-первыхъ, придраться, въ сущности, было не къ чему; во-вторыхъ, нужно было кончить подготовленіе къ экзамену сына; въ-третьихъ, Габлицъ былъ пріятелемъ юныхъ родственниковъ Гиреевой и эти родственники были даже раза два у Боголюбова вслѣдствіе переѣзда Габлица въ его домъ. Что скажутъ они, если круто поссориться изъ-за пустыхъ подозрѣній съ ихъ пріятелемъ? Но и примириться вполнѣ со своимъ положеніемъ было трудно; Данила Захаровичъ тревожно размышлялъ о своей участи вообще и о словахъ тетки, говорившей, что Павла Абрамовна держитъ его въ рукахъ. Дѣйствительно, онъ началъ прозрѣвать, что Павла Абрамовна если и не держитъ его въ рукахъ, то, все-таки, многое дѣлаетъ по-своему. Онъ распекаетъ въ домѣ прислугу и дѣтей. Но въ какихъ случаяхъ распекаетъ? Только въ тѣхъ, когда его вооружитъ Павла Абрамовна. Она, оставаясь постоянно дома, представляетъ мужу тѣ или другія происшествія изъ семейной жизни въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ ей вздумается. Онъ, сидя въ должности и не зная, что дѣлается дома, поневолѣ смотритъ на всѣ домашнія дѣла глазами жены. Отъ этихъ размышленій онъ перешелъ къ воспоминаніямъ о ссорѣ съ теткой, о принятіи Карла Карловича въ гувернеры, и вездѣ ему стала

Digitized by Google

представляться руководящая власть жены. Подобная исторія повторяется не въ одной семейной жизни...

Эти же самыя мысли въ высшей степени тревожили его, когда онъ ѣхалъ домой отъ княгини Гиреевой и размышлялъ о сближеніи съ Прилежаевыми. Онъ ясно сознавалъ, что его жена не допуститъ этого сближенія. «Да что же я, тряпка, что ли? Прикажу, и будутъ ихъ принимать!» разсуждалъ онъ мысленно, но въ этихъ разсужденіяхъ уже не было увѣренности. Глава семьи чувствовалъ, что ему трудно растолковать женѣ всю необходимость сближенія съ Прилежаевыми. Онъ, впрочемъ, не сознавалъ, что самъ былъ причиной того, что Павла Абрамовна не понимала его соображеній. Онъ до сихъ поръ, какъ глава дома, самодержавно управлявшій семьей, не считалъ нужнымъ сообщать женѣ о своихъ «дѣлахъ»; вслѣдствіе этого она не имѣла возможности понять, насколько нужно ея мужу держать въ рукахъ скрягу-тетку, насколько нужно было ему принимать въ домъ разныхъ старичковъ, насколько нужно было ему сблизиться съ Прилежаевыми, чтобы не выставить себя въ дурномъ свѣтѣ въ глазахъ княгини Гиреевой. Вообще, всѣ великія и глубокія соображенія зоркаго мужа, смотрѣвшаго въ корень вещей, были совершенно непонятны и чужды его женѣ. Конечно, винить за это слѣдовало только его, а никакъ не ее; этого никакъ не могъ понять зоркій Данило Захаровичъ, обвинявшій мысленно жену за то, что «она, какъ и всѣ женщины, только о тряпочкахъ, о бирюлькахъ думаетъ, только дрязгами кухонными занимается, а не разсудитъ того, что не этими тряпками да дрязгами нужно пробить путь къ жизни, сдѣлать карьеру и найти лазейку для спасенія въ критическую минуту какой-нибудь ревизіи». Предчувствіе не обмануло Данилу Захаровича: первое его слово о сближеніи съ Прилежаевыми вызвало въ домѣ бурю. Трудно было разобрать, что говорили разгорячившіеся супруги; слышно было только, что они кричали: «пойми ты, что это необходимо», «пойми ты, что это невозможно», «да что ты носишься со своимъ званіемъ; тоже не больше, какъ дочь торгаша», «ну, да и ты вѣдь тоже не изъ графовъ вышелъ». Въ концѣ этой сцены слышался истерическій плачъ и хлопанье дверями, шумные шаги по комнатѣ, крики на дѣтей и на прислугу; потомъ послышались слова Данилы Захаровича: «къ чаю не ждать меня»; потомъ раздался слабый голосъ Павлы Абрамовны: «попросите ко мнѣ Карла Карловича».

Совершенно неожиданно на третій день праздниковъ въ

Digitized by Google

квартиру Прилежаевыхъ заѣхалъ Боголюбовъ. Это событіе было настолько внезапно, что Марья Дмитріевна растерялась окончательно и перепачкала мукой руку его превосходительства, забывъ впопыхахъ вытереть свои руки, только-что трудившіяся надъ приготовленіемъ тѣста. Его превосходительство благосклонно улыбнулось, еще благосклоннѣе потрепало по щекамъ Дашу, Мишу и Антона и даже изволило спросить дѣтей:

— Ну, какъ веселитесь на праздникахъ, фуфлыги?

Потомъ его превосходительство соблаговолили сѣсть на диванъ, вслѣдствіе чего Марья Дмитріевна поспѣшила смахнуть съ дивана пыль, которой, впрочемъ, на диванѣ не было, и спросила: «чѣмъ угостить такого дорогого гостя». Гость снисходительно замѣтилъ: «что за угощенія!» и спросилъ:

— А гдѣ же ваша старшая дочь?

— Въ пріютѣ, батюшка, въ пріютѣ. Дежурная сегодня,— отвѣтила со вздохомъ Марья Дмитріевна:—и первый день провела, голубка, на службѣ. А ужъ какъ она жалѣть-то будетъ, что не имѣла счастія васъ у себя видѣть.

— Мнѣ самому жаль, очень жаль, что не могъ повидаться съ нею,—произнесло его превосходительство.—Собирался все заѣхать къ вамъ, да дѣла, дѣла... Тоже подневольный человѣкъ... Своей семьи почти не вижу.

— Ужъ извѣстно, батюшка, ваше дѣло не то, что наше: государствомъ ворочаете.

— Ну, не государствомъ,— снисходительно улыбнулось его превосходительство:—а все-таки есть надъ чѣмъ поработать... Да, да, досадно, что она дежурная. Она у васъ, кажется, славная дѣвушка.

— Да, батюшка, я хоть и мать, мнѣ и не подъ стать бы хвалить ее, а правды не могу утаить,—примѣрная дѣвушка: не я одна говорю.

— Да, да, слышалъ. Сама ея сіятельство княгиня Марина Осиповна изволила съ похвалой отзываться: это, говоритъ, алмазъ безъ всякой отдѣлки! Ну, а эта мелюзга... что вы съ ней думаете дѣлать? Въ прокъ посолить хотите?— снисходительно пошутило его превосходительство.

— Что же, батюшка, дѣлать?—растерянно развела руками Марья Дмитріевна.—Вотъ въ пріютахъ покуда учатся.

— Ну да, ну да, это покуда! Съ однимъ пріютскимъ воспитаніемъ далеко не уйдешь. Надо о дальнѣйшемъ подумать...

Digitized by Google

— Это у меня Катюша обо всемъ печется,—смиренно произнесла Марья Дмитріевна.—Я, батюшка, человѣкъ темный. Они даромъ что малы, а и теперь ученѣе меня. Катюша что-то все о гимназіи говоритъ,—вотъ Антошу, кажется, отдать хочетъ.

— Да, но средства, средства надо отыскать,- глубокомысленно сообразило его превосходительство.—Я радъ бы помочь, но у меня семья... Вотъ теперь гувернера пришлось взять... Все расходы... И радъ бы помочь, да силъ нѣтъ...

— За меня сестра сама платить будетъ,—проговорилъ Антонъ, все время молча слушавшій рѣчи его превосходительства.

— А ты бы справился, есть ли у сестры средства на это,—внушительно замѣтило его превосходительство, сдвинувъ брови.

— Вѣрно, уже есть, если она хочетъ платить, — рѣзко отвѣтилъ мальчикъ.

Его превосходительство окинуло глазами юнаго смѣльчака и обратилось къ Марьѣ Дмитріевнѣ съ вопросомъ:

— Это тотъ самый, что съ вами у насъ былъ?

— Тотъ самый, батюшка, — Антоша, — робко отвѣтила Марья Дмитріевна и сдѣлала какіе-то телеграфическіе знаки Антону, но онъ, вѣроятно, не понялъ ихъ и не спѣшилъ ни обдернуться, ни подойти къ ручкѣ къ дядюшкѣ.

— Онъ тогда такимъ дикаремъ смотрѣлъ,— хмуро замѣтило его превосходительство. -Въ школѣ-то, вѣрно, разнуздался...

— Онъ, батюшка, у меня работничекъ,—произнесла Марья Дмитріевна, отстаивая провинившагося сына.—И дрова колетъ, и посуду чиститъ... Любимчикъ Катюши; ужъ чуть что у нея тамъ случится, ему первому разскажетъ; какъ два голубя живутъ.

— А ты это цѣни! Твоя сестра умная дѣвушка. Вотъ не далѣе, какъ третьяго дня, княгиня Марина Осиповна удивлялась ея сердцу и здравому уму. Ты беречь долженъ сестру!

Антонъ прямо смотрѣлъ на его превосходительство, и по его губамъ скользила усмѣшка, точно онъ хотѣлъ сказать: «да что ты мнѣ сказки-то разсказываешь, нешто я сестру-то хуже тебя знаю». Его превосходительство, видимо, путалось и уже думало только о томъ, какъ бы скорѣе окончить визитъ. Боголюбовъ, съ свойственною ему проницательностью, ожидалъ очень чувствительной сцены при своемъ появленіи

Digitized by Google

у Прилежаевыхъ. Ему почему-то казалось, что вся семья бросится навстрѣчу къ дорогому дядюшкѣ, что начнутся цѣлованія рукъ, что Катерина Александровна скажетъ: «у меня одна надежда на васъ», что Марья Дмитріевна прослезится, и онъ осушитъ эти слезы, сказавъ: «хорошо, хорошо: что могу, то сдѣлаю». Но, къ величайшему своему удивленію, онъ ошибся въ своихъ вѣрныхъ расчетахъ. Катерины Александровны не было дома и, какъ можно было заключить изъ разговоровъ, она вовсе не думала прибѣгать къ помощи его превосходительства по дѣлу опредѣленія брата въ гимназію. Марья Дмитріевна хотя и обрадовалась его пріѣзду, но не плакала, и была, повидимому, довольна своею участью и не опасалась за будущее; дѣти дичились его, какъ незнакомаго человѣка, а Антонъ даже непочтительно вмѣшался въ разговоръ дяди съ матерью. Его превосходительство было недовольно своимъ первымъ визитомъ къ бѣднымъ родственникамъ. Сунувъ въ руку Марьѣ Дмитріевнѣ десятирублевую бумажку, Данила Захаровичъ уѣхалъ и далъ слово навѣстить родныхъ еще разъ.

— Я васъ не приглашаю къ себѣ,—промолвилъ онъ на прощаньи.

— И, батюшка! ужъ гдѣ намъ, чернымъ людямъ, безпокоить васъ, нашего благодѣтеля, — съ низкими поклонами произнесла Марья Дмитріевна.

— Почему же нѣтъ? Я буду очень радъ,—пробормоталъ Данила Захаровичъ, нахмуривъ брови отъ неожиданнаго оборота разговора.—Но я только потому замѣтилъ, что не приглашаю васъ, что вамъ, я думаю, некогда ходить по гостямъ.

— Ужъ какіе мы гости! — снова приниженно воскликнула Марья Дмитріевна.

— Но все же, если что-нибудь понадобится, обращайтесь ко мнѣ,—продолжалъ Данила Захаровичъ. — Я всегда готовъ помочь. Я еще буду у васъ. Хочу повидаться съ племянницей. Надо о дѣтяхъ подумать.

Данила Захаровичъ ушелъ, провожаемый Марьей Дмитріевной до самаго двора.

На слѣдующій день Катерина Александровна была встрѣчена въ своей квартирѣ словами матери:

— А знаешь ли, кто у насъ былъ вчера? Угадай-ка!

Катерина Александровна не старалась отгадывать, такъ какъ у нихъ не было ни одного человѣка въ мірѣ, приходъ котораго могъ бы особенно обрадовать ихъ.

Digitized by Google

— Не знаю, мама! — отвѣтила молодая дѣвушка, цѣлуя дѣтей.

— Нѣтъ, ты угадай.

— Право, не угадаю!

— Дядя, Данила Захаровичъ!—воскликнула Марья Дмитріевна.

— Что онъ позабылъ здѣсь что-нибудь, или такъ, отъ жиру бѣситься началъ?—усмѣхнулась Катерина Александровна.—То такъ писалъ ко мнѣ, чтобы я никогда не упоминала въ пріютѣ, что мы родня, — не поклонился при встрѣчѣ въ пріютѣ, а то такъ съ визитомъ пріѣхалъ...

Марья Дмитріевна какъ-то растерянно посмотрѣла на дочь и подумала: «вѣрно, тамъ у нея что-нибудь вышло, что не въ духѣ она».

— Не приглашалъ ли къ себѣ на обѣдъ? — иронически промолвила молодая дѣвушка.

— Ну, Катюша, ужъ гдѣ намъ! — начала Марья Дмитріевна.

— Нѣтъ, онъ даже не велѣлъ приходить къ нему,—перебилъ ее Антонъ. — Я, говоритъ, васъ не приглашаю... Звѣзда, Катя, у него на боку.

Катерина Александровна молча принялась разбирать свою работу. Ея лицо выглядѣло хмуро. Она, видимо, была недовольна посѣщеніемъ дяди. Въ ея головѣ вертѣлись вопросы: зачѣмъ онъ былъ? что ему надо? Не хочетъ ли онъ благодѣтельствовать имъ рублевыми подачками? Не придется ли принимать эти подачки и унижаться передъ нимъ или поссориться съ нимъ, отказавшись отъ подаяній?

— Гиреиха говорила ему про тебя, — шопотомъ передавалъ Антонъ новости сестрѣ.—Умной тебя называла. Онъ говоритъ: я похлопочу о васъ. Мнѣ наказывалъ любить тебя. Пѣтухомъ индѣйскимъ такимъ сидѣлъ. Матери потомъ что-то сунулъ...

— Ну, я такъ и думала! — проговорила Катерина Александровна, опуская работу.

Ей было очень тяжело, что ея семьѣ помогаетъ тотъ самый человѣкъ, котораго ея отецъ называлъ подлецомъ и воромъ, тотъ самый дядя, который, при ея вступленіи въ пріютъ, прежде всего похлопоталъ о томъ, чтобы она не проговорилась о своемъ родствѣ съ нимъ. Она въ душѣ сердилась на мать за то, что та не отказалась отъ его денегъ, въ которыхъ не было особенно сильной нужды. Молодое, вспыльчивое сердце сильно билось въ груди, и Като-

Digitized by Google

рина Александровна чувствовала, что при первомъ словѣ матери въ защиту дяди она не выдержитъ и выскажетъ все, что волнуетъ ее. Это слово не заставило себя ждать; когда дѣти ушли погулять, Марья Дмитріевна подсѣла къ дочери и шопотомъ заговорила съ нею.

— Десять рублей привезъ, благодѣтель...

Этой фразы было довольно для того, чтобы Катерина Александровна вспыхнула, какъ порохъ.

— Какъ вамъ не стыдно брать отъ него! — проговорила она. — Онъ насъ знать не хотѣлъ; онъ на насъ, какъ на нищихъ, смотритъ, а вы берете! Развѣ у васъ чего-нибудь недостаетъ?

— Что это ты, Катюша! да развѣ деньги бываютъ лишними?—робко заговорила Марья Дмитріевна.

— Этихъ денегъ намъ не нужно!—рѣзко произнесла Катерина Александровна.—Если вамъ все равно, какъ добывать деньги, такъ почему же вы на улицу не идете съ сумой? почему не воруете?

— Что ты! что ты!..

— Это хуже, чѣмъ украсть! Его отецъ ненавидѣлъ,—онъ насъ презираетъ, а вы отъ него берете! Вы бы хоть меня пожалѣли. Для чего я работаю, бьюсь съ утра до ночи? Не для того ли, чтобы вы по міру не ходили? Вѣдь не будь у меня ни васъ, ни братьевъ, ни сестры,—я могла бы половину недѣли сложа руки сидѣть... Я хочу, чтобы вы не нуждались; вы и не нуждаетесь, а все-таки христарадничаете...

Марья Дмитріевна поникла головой.

— Ну, Катюша, не ожидала, чтобы ты меня когда-нибудь попрекнула своею работой, — заговорила мать со слезами.

— Я васъ не работой попрекаю; я готова вдвое больше работать; но я попрекаю васъ за то, что вы милостыню берете отъ тѣхъ, кто на порогъ насъ не принималъ, кто гналъ моего отца...

— Спасибо, спасибо, дочка!—продолжала плакать Марья Дмитріевна, ничего не слушая и не понимая. — Мать все, что ни сдѣлаетъ, глупо выходитъ! Ее поѣдомъ ѣдятъ...

— Кто это васъ ѣстъ поѣдомъ? Ужъ не я ли? — съ горечью воскликнула Катерина Александровна.—Грѣхъ вамъ, грѣхъ говорить это!

Молодая дѣвушка поднялась съ мѣста и отошла отъ матери. Ея лицо поблѣднѣло; ее била лихорадка. Ей еще въ первый разъ пришлось договориться съ матерью до такого

Digitized by Google

полнаго непониманія другъ друга; мелкіе раздоры, происходившіе между ними прежде, оканчивались довольно скоро; теперь же ей сдѣлалось просто страшно. Она вспомнила, что зачатки подобныхъ сценъ уже не разъ проскальзывали въ ихъ семейной жизни; теперь же вполнѣ обнаружилось, что въ будущемъ придется перенести еще множество подобныхъ столкновеній. Это было тѣмъ тяжелѣе для Катерины Александровны, что она считала своимъ единственнымъ неотъемлемымъ благомъ семейный миръ. Ей вспомнилось и недавнее столкновеніе съ матерью по поводу хлопотъ о Скворцовой, и молодая дѣвушка поняла, что при всѣхъ подобныхъ случаяхъ мать встанетъ противъ нея. Прошло около получаса; наконецъ, послышались по галереѣ шаги, и въ комнату съ шумомъ ввалилась вся компанія дѣтей подъ предводительствомъ штабсъ-капитана. Онъ взглянулъ на Марью Дмитріевну и Катерину Александровну и удивился, увидавъ ихъ печальныя лица.

— Что съ вами, милѣйшая Катерина Александровна?— спросилъ онъ тревожнымъ тономъ.

— Голова что-то разболѣлась, — отвѣтила молодая дѣвушка.

— Да и вы, милѣйшая Марья Дмитріевна, какъ будто нездоровы? — промолвилъ старикъ, глядя на Марью Дмитріевну.—Ужъ не угарно ли здѣсь?—старикъ потянулъ носомъ воздухъ.

— Что намъ, батюшка, дѣлается!—уныло отвѣтила Марья Дмитріевна.—На насъ и смерти-то нѣтъ! Чужой вѣкъ заѣдаемъ, а все живемъ...

Штабсъ-капитанъ нахмурился.

— Мама, вы ужъ лучше не начинайте снова,—проговорила Катерина Александровна, измѣняясь въ лицѣ.

— Гдѣ ужъ мнѣ начинать! Извѣстно, я молчать должна!— вздохнула Марья Дмитріевна.

Этотъ тонъ рѣзалъ по сердцу Катерину Александровну. Но она не сказала ни слова и поспѣшила начать съ штабсъ-капитаномъ другой разговоръ. Вечеръ прошелъ тяжело и грустно. Улучивъ удобную минуту, штабсъ-капитанъ спросилъ у Катерины Александровны:

— У васъ вышли непріятности съ матушкой?

— Да,—отвѣтила она.

— Изъ-за чего?

— Не понимаемъ одна другую.

Штабсъ-капитанъ вздохнулъ.

Digitized by Google

— Попробовали бы объясниться вполнѣ.

— То-то и худо, что чѣмъ болѣе объяснялись, тѣмъ больше не понимали другъ друга.

Старикъ задумчиво покачалъ головой, но не могъ продолжать разговора, такъ какъ въ комнату вошла Марья Дмитріевна. Оба кадета тоже замѣтили грустное настроеніе своей любимицы и наперерывъ старались угодить ей и развеселить ее. Она не могла не замѣтить ихъ усилій и была очень благодарна имъ въ душѣ за то, что они не давали ей времени впасть въ тяжелое раздумье.

VII.

Тяжелые дни.

Катерина Александровна еще не опомнилась отъ первой крупной размолвки съ матерью, какъ наступили болѣе крупныя и еще болѣе непріятныя событія. Нельзя сказать, чтобы эти событія были внезапными, они подготовлялись въ теченіе долгаго времени, но все-таки они были страшно тяжелы и обрушились на голову Катерины Александровны совершенно неожиданно для нея.

Наставалъ май, ледъ на Невѣ давно уже прошелъ, деревья начинали зеленѣть, въ пріютѣ дѣти готовились къ лѣтнимъ вакаціямъ, взрослыя дѣвочки приготовлялись къ выпуску. Оживленіе и надежды ворвались и въ эту тюрьму. Не радовалась веснѣ и яркому солнцу только Даша. Возвратившись послѣ Пасхи въ пріютъ, больное дитя еще сильнѣе почувствовало все отравляющее вліяніе сырого и холоднаго воздуха въ пріютѣ, неудобоваримость пріютской пищи, невыносимость сидѣнья на вытяжкѣ. Одна быстрая перемѣна постной пищи на скоромную, на самую тяжелую скоромную пищу гибельно дѣйствуетъ даже на здоровыхъ людей, а для больного ребенка эта перемѣна является чистою отравой. Даша же страдала не отъ одной этой перемѣны, а вообще отъ всѣхъ условій пріютской жизни. Она уже не просто худѣла, но не могла стоять на ногахъ. Ея кожа сдѣлалась синевато-блѣдною, словно прозрачною. На ея руки было страшно взглянуть, — это были тонкія кости, обтянутыя кожей. Дѣвочка тихо покашливала. Катерина Александровна испугалась не на шутку и тотчасъ же объяснилась съ Гроховымъ.

— Это худосочій, пищевареній неисправно,—сухо проговорилъ онъ.

— Что же вы думаете, что ее надо взять домой или въ

Digitized by Google

нашу больницу отправить? — спросила Катерина Александровна.

Гроховъ глубокомыслейно нахмурился.

— Это не помошетъ,—процѣдилъ онъ сквозь зубы равнодушнымъ тономъ.

— Какъ не поможетъ? Что же дѣлать?—воскликнула молодая дѣвушка.

— На всѣ воля Божія!—вздохнулъ докторъ, тупо глядя на нее своими оловянными глазами.

— Да, но что же дѣлать?—тревожно приставала она.

— Теперь невозможно помогайтъ.

— Какъ?—вырвалось восклицаніе изъ груди Прилежаевой.

— Ну да, она неизлѣшима...

— Что же вы не сказали раньше? Вѣдь я спрашивала васъ? Я просила васъ сказать мнѣ, не больна ли она, не нужно ли ее лѣчить?

— Ну да, ну да, — нетерпѣливо перебилъ ее Гроховъ.

— Вы меня успокоили!.. Вы меня обманули...

— Зашѣмъ же было безпокоить! Ей помошь было нельзе,— безстрастно возразилъ эскуланъ. — У насъ въ больницѣ только дешевое лѣкарство, дешевая пища, — этимъ нельзе поправляйтъ здоровье. Ви тоше небогатій, а тутъ нушны большія средства. Помошь было нельзе никакъ!

— Да вѣдь это безчеловѣчно, что вы меня не предупредили! Я бы все, все сдѣлала, чтобы спасти ее, — говорила Катерина Александровна, чуть не рыдая.

— Но вѣдь ви небогатій, ви ее не могли отправляйтъ на югъ... Въ этомъ слюшаѣ бѣднимъ дѣтямъ нельзе помогайтъ.

— Такъ, значитъ, они такъ и должны гибнуть?

— Что-шъ дѣлайтъ! Это лишній бреме,—холодно пожалъ плечами тупой нѣмецъ, безучастно смотря на плачущую дѣвушку своими неподвижными глазами. — Вамъ ше легше будетъ!

— Дай Богъ, чтобы вы... чтобы вы сами испытали... — заговорила Катерина Александровна и не кончила начатой фразы, заливаясь слезами.

Гроховъ нахмурилъ брови и съ негодованіемъ отошелъ отъ Прилежаевой.

На слѣдующій день она взяла Дашу домой и пригласила другого доктора. Докторъ объявилъ, что дѣвочка едва ли поправится; разстройство организма было полное. Перемѣна климата, самыя лучшія гигіеническія условія, пожалуй, еще

Digitized by Google

могли бы на время поправить то, что было испорчено сначала подвальной жизнью, потомъ пріютомъ. Обыкновенныя лѣкарства были вполнѣ недостаточны. «Денегъ нужно, денегъ нужно!» вотъ все, что понимала Катерина Александровна теперь, а денегъ, необходимыхъ на подобное дорогое лѣченье, не было и не могло быть. Катерина Александровна въ отчаяніи умоляла доктора спасти ея сестру, сдѣлать все, что возможно. Доктору было, видимо, тяжело смотрѣть на это горе.

— Я сдѣлаю, что могу, — проговорилъ онъ. — Но я не Богъ. Ручаться ни за что нельзя.

Во время хлопотъ съ больною, Катерину Александровну пригласили къ княгинѣ Гиреевой. Она удивилась этому неожиданному приглашенію и не могла придумать, зачѣмъ ее приглашаютъ къ княгинѣ.

— А я, черненькіе глазки, васъ по дѣлу звала къ себѣ,— ласково встрѣтила ее княгиня.—Я васъ замужъ подумываю выдать.

Катерину Александровну поразило это неожиданное вступленіе.

— Гдѣ мнѣ думать о замужествѣ, княгиня! — сухо проговорила она.

— Отчего же не думать?—улыбнулась старуха.—Вы молоды, хороши собою, добры,—вы можете быть хорошею женой. Кстати, у меня и женихъ есть...

Катерина Александровна широко открыла глаза.

— Все нашъ добрѣйшій Данила Захаровичъ хлопочетъ,— ласково промолвила княгиня.

При этихъ словахъ по лицу дѣвушки разлился яркій румянецъ. Ей было больно и обидно, что ея ненавистный дядя и тутъ вмѣшался въ дѣло.

— У него есть одинъ помощникъ... столоначальника, кажется, молодой еще человѣкъ...

— Княгиня, онъ меня не знаетъ: какъ же можно толковать объ его женитьбѣ на мнѣ...

— Ахъ, дитя, дитя! Мы все устроимъ: онъ васъ увидитъ. Конечно, вы ему понравитесь. Вы не можете не понравиться!.. Эта партія дастъ вамъ возможность не биться изъ-за куска хлѣба... Онъ, правда, ничего не имѣетъ, кромѣ жалованья. Но вѣдь онъ служитъ подъ начальствомъ нашего добраго Даниды Захаровича и моего двоюроднаго брата. Мы общими силами выведемъ его въ люди... К

Digitized by Google

превосходительной будете!—пошутила княгиня, ласково потрепавъ Катерину Александровну.

Молодая дѣвушка едва сдерживала свое негодованіе.

— Я увѣрена, что онъ не захочетъ жениться на незнакомой,—начала она, не сознавая, что говоритъ.

— Ахъ, дитя! Повѣрьте, что никто отъ своего счастья не убѣжитъ,—съ увѣренностью произнесла старуха. — Мы сваты хорошіе, — засмѣялась она. — Онъ будетъ радъ, что его станутъ отличать по службѣ.

— Вѣроятно, его отличали бы и безъ того, если онъ порядочный человѣкъ...

— Ну, да; впрочемъ, это не идетъ къ дѣлу!.. А вотъ вы мнѣ скажите, когда вы готовы повидаться съ нимъ.

— Княгиня,—въ волненіи заговорила Катерина Александровна: — у меня умираетъ сестра, и покуда мнѣ не до жениховъ, не до надеждъ на счастіе... Я теперь отдала бы все, чтобы только спасти ее.

— Не упускайте и своего счастія... Я на-дняхъ уѣзжаю въ деревню, и потому хорошо бы теперь устроить все это...

— Послѣ, послѣ, княгиня!—прошептала Катерина Александровна.—Благодарю васъ. Но теперь я слишкомъ сильно разстроена... Вы меня извините...

— Полноте, дитя,—съ участіемъ проговорила старуха, замѣтивъ на глазахъ Катерины Александровны слезы. — Ваша сестра еще малютка: дѣти часто хвораютъ; это къ росту: авось поправится...

— Нѣтъ, княгиня, ей не поправиться!..

Катерина Александровна закрыла лицо и разрыдалась. Она плакала въ эту минуту не о сестрѣ; она плакала о себѣ, о томъ, что ее уже считаютъ вещью, что ею торгуютъ, что ея судьбой распоряжаются безъ ея воли. Она встала и начала прощаться съ княгиней.

— Вы добрая сестра; вы примѣрная дочь,—проговорила старуха на прощаньи, цѣлуя молодую дѣвушку:—и я буду въ восторгѣ, устроивъ вашу судьбу, потому что вы будете и примѣрною женой, и любящею матерью!

Катерина Александровна вышла въ комнату Глафиры Васильевны.

— Что это вы плачете?—спросила княжеская домоправительница.—А я надѣялась, что вы, какъ солнышко ясное, выйдете отъ княгини, узнавъ объ ея планѣ.

— Что мнѣ до ея плановъ, когда у насъ въ домѣ скоро

Digitized by Google

покойникъ будетъ! Моя сестра умираетъ,—проговорила Катерина Александровна.

— Ну, она младенецъ еще! Тоже, можетъ-быть, не сладкая жизнь была бы,—со вздохомъ произнесла Глафира Васильевна. — Кто раньше умеръ, тотъ и счастливъ. Сами знаете, не сладка наша жизнь!.. Не надо ли ей чего?.. При деньгахъ ли вы?..

— Благодарю васъ: мнѣ ничего теперь не надо...

— Вы не скрывайтесь. Вы знаете, что мы готовы помочь. Княгиня васъ, какъ родную, полюбила... Вы знаете, она старуха хоть и взбалмошная, а добрая...

Катерина Александровна не слушала разсужденій Глафиры Васильевны и поспѣшила выйти изъ княжескихъ палатъ. Ей было невыносимо тяжело. Какія-то смутныя, гнетущія думы роились въ ея головѣ. Ей казалось, что ее закрѣпостили, что ей трудно теперь вырваться на свободу. И по какому праву эти люди распоряжались ею? Она просила у нихъ одного,—мѣста себѣ. Они насильно навязали ей нѣсколько рублей; если бы она отказалась отъ этихъ денегъ, они разсердились бы на нее. Она взяла эти деньги, и они подумали, что они уже могутъ распоряжаться ея судьбой. Теперь приходилось дать отпоръ имъ, и за этотъ отказъ они, быть-можетъ, станутъ мстить ей, лишатъ ее мѣста,—этого вѣрнаго куска хлѣба. Даже если они не будутъ мстить, то все-таки они перестанутъ оказывать ей покровительство, а между тѣмъ, держаться на мѣстѣ можно только при помощи покровительства или при помощи подкапыванья подъ другихъ, какъ держатся на своихъ мѣстахъ Зубова и Постникова. Катерина Александровна сознавала, что для нея во всякомъ случаѣ настаютъ тяжелые дни, и хуже всего было то, что ей приходилось немедленно составить планъ дѣйствій. До сихъ поръ событія ея жизни слагались какъ будто сами собою; теперь приходилось обдумывать, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Чтобы зрѣло обдумать это — нужно было имѣть хотя кое-какое знакомство съ жизнью, а этого знакомства еще не было у Катерины Александровны. Она пришла домой отъ княгини разстроенная и смущенная.

— Ну, что, Катюша?—спросила Марья Дмитріевна у нея.—Зачѣмъ княгиня призывала?

— Жениха нашли!—ироническимъ тономъ и съ горечью отвѣтила Катерина Александровна.

— Пошли имъ, Господи, здоровья! Все о насъ, бѣдныхъ,

Digitized by Google

заботятся!—вздохнула съ умиленіемъ Марья Дмитріевна. — Да хорошій ли человѣкъ-то?

— Какое мнѣ дѣло, хорошій онъ или нѣтъ!—сухо отвѣтила дочь, предчувствуя, что она снова разойдется съ матерью во взглядахъ на это дѣло.

— Да какъ же, Катюша? Вѣдь тебѣ съ нимъ жить,—проговорила Марья Дмитріевна. — Обвѣнчаться недолго, а потомъ ужъ и не развѣнчаешься.

— Намъ теперь не о свадьбѣ думать надо, а вотъ о ней,—указала Катерина Александровна на лежавшую въ забытьи за ширмами Дашу.

— Ужъ что, маточка, думать!—заплакала мать. — Не жилица она на бѣломъ свѣтѣ... Христова невѣста!.. Господи, и за что ты меня наказуешь?..

Марья Дмитріевна какъ-то беззвучно, безпомощно и приниженно плакала, опустивъ голову на грудь и сложивъ на колѣняхъ руки. Катерина Александровна вышла изъ душной, пропитанной запахомъ лѣкарства комнаты на галлерею, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и задумчиво стала смотрѣть на разстилавшійся за заборомъ двора плацъ. Не весело было у нея на душѣ. Минутъ черезъ пять къ ней вышелъ штабсъ-капитанъ.

— Что вы, милѣйшая Катерина Александровна, все тоскуете?—ласково заговорилъ онъ. — Слезами да вздохами горю не поможете!

— Да что же дѣлать, Флегонтъ Матвѣевичъ, если горе выше головы выросло,—проговорила Катерина Александровна, проводя рукой по щекамъ, покрытымъ слезами. — Все это такъ неожиданно, такъ случайно дѣлается.

Штабсъ-капитанъ нахмурилъ брови.

— Вы этого не говорите,—задумчиво произнесъ онъ, качая головой. — Это не случайно дѣлается... То-то и худо, что горе у насъ постоянно по пятамъ идетъ, а случайностью въ жизни бываетъ только радость. Въ томъ-то вся и штука, чтобы было наоборотъ, чтобы радости и счастье были постоянными нашими спутниками, а горе было бы только случайностью...

Старикъ смолкъ на минуту и облокотился рядомъ съ Катериной Александровной на подоконникъ галлереи.

— Вотъ есть страны, гдѣ солнце постоянно свѣтитъ, гдѣ рѣже ненастье бываетъ, гдѣ ночные морозы не губятъ того, что распустилось за день, гдѣ дурные дни только случайность, а хорошіе обыкновенное явленіе,—въ раздумьи заго-

Digitized by Google

ворилъ онъ. — Тамъ лучше жить человѣку, чѣмъ у насъ, гдѣ такой ясный да теплый денекъ, какъ нынче, только рѣдкій гость, а зимніе морозы, дождливое лѣто, весеннее да осеннее ненастье—постоянные спутники нашей жизни...

Катерина Александровна молчала: она не то внимательно слушала старика, не то передумывала свои собственныя думы подъ мѣрное теченіе его рѣчи.

— Взгляните-ка на свою жизнь,—неторопливо говорилъ старикъ, что-то обдумывая.—Не умри вашъ отецъ,—и жили бы вы до сихъ поръ въ подвалѣ, никто не помогъ бы вамъ, не позаботился бы о васъ, можетъ-быть, даже дѣтей не взяли бы въ пріюты, гдѣ отдается предпочтеніе сиротамъ... Положимъ даже, что вы поступили бы на мѣсто, ваши деньги пропивалъ бы отецъ, или вамъ пришлось бы совсѣмъ бросить семью. Только его смерть случайно заставила людей обратить на васъ вниманіе и удѣлить вамъ хоть грошъ... И какъ часто, милѣйшая Катерина Александровна, повторяются подобные случаи: гибнетъ семья, голодаетъ, живетъ въ холодѣ и въ сырости,—никто и не думаетъ о ней; такъ идутъ для нея долгіе, безразсвѣтные дни, — вдругъ отецъ или мать семьи не вынесутъ гнета нужды, утопятся или удавятся,—и все общество заволнуется, черезъ газеты сборы дѣлаютъ для семьи, люди тащатъ ей гроши, старое тряпье, и изъ этихъ нитокъ съ міра шьется голому рубашка. А развѣ до этой минуты легче было семьѣ? Развѣ до этой минуты она не состояла изъ большаго числа горемыкъ?.. Эхъ, что и говорить! Кому это не извѣстно: малый ребенокъ это пойметъ!.. Да, да, горе у насъ не случайно, случайно только счастье.

Штабсъ-капитанъ опять смолкъ и задумался, слегка барабаня пальцами по подоконнику.

— Да вотъ возьмемъ для примѣра хоть исторію вашей Скворцовой,—продолжалъ онъ черезъ минуту.—До чего могъ довести ее бѣлокопытовскій пріютъ? До могилы, до разврата... Вѣдь вы хорошо знаете теперь пріютскую жизнь: дѣти болѣютъ и мрутъ въ пріютѣ, какъ мухи; другія выходятъ на мѣста горничными и развращаются; третьи не выносятъ пріютской жизни и бѣгутъ, ихъ ловятъ и жестоко наказываютъ, сѣкутъ взрослыхъ при всѣхъ воспитанницахъ, сразу убиваютъ дѣвичью стыдливость палачи. Скворцова бѣжала—ей грозило законное наказаніе. Все это не случайности; все это обыденныя явленія вашей пріютской жизни. Вѣдь тамъ и бѣгство не рѣдкость, и порки при всѣхъ

Digitized by Google

воспитанницахъ не диво. У этихъ изверговъ жалости не ищите. Бѣлокопытовы губятъ дѣтей среди бѣлаго дня, нагло именуя себя человѣколюбивыми людьми. Но вы заступились за Скворцову, и чисто случайно ваши отношенія къ княгинѣ помогли вамъ спасти ее отъ розогъ... Ну, а дальше что? Спасете ли вы ее отъ будущей нищеты, или отъ разврата, или отъ горькой жизни горничной у мелкихъ господъ?.. Вотъ и ваша Дашурочка умираетъ теперь, а развѣ это что-нибудь неожиданное, случайное? Вѣдь вы, я думаю, сами, милѣйшая Катерина Александровна, уже давно предчувствовали, что она стоитъ одною ногой въ гробу...

Лицо Катерины Александровны дѣлалось все серьезнѣе и серьезнѣе; рѣчи штабсъ-капитана уясняли ей многое, что до сихъ поръ только смутно бродило въ ея умѣ. Она уже не просто слушала его, но и сама мысленно дополняла его примѣры неслучайности горя и случайности счастья. Наконецъ, она какъ будто что-то вспомнила и обернула лицо къ старику.

— Но, Флегонтъ Матвѣевичъ, у меня есть и не обыденное, а случайное горе,—проговорила она.—Совершенно неожиданно княгиня распорядилась моею судьбой и сватаетъ мнѣ жениха. Послушать ее я не могу; не послушать—значитъ нажить себѣ непріятности.

— Что же тутъ неожиданнаго?—спросилъ старикъ.—Или вы думали, что вамъ даромъ даютъ деньги? Или вы думали, что вамъ даромъ протежируютъ? Нѣтъ, милѣйшая Катерина Александровна, этими деньгами, этими протекціями люди дѣлаютъ бѣдняковъ своими крѣпостными, своими шутами, своими шпіонами, своими приживалками, своими молельщиками. Возьмете вы деньги и захотите быть вполнѣ свободною, вздумаете запретить благодѣтелямъ врываться въ вашу домашнюю жизнь, въ вашъ уголъ—васъ назовутъ неблагодарною и вышвырнуть вонъ. Я видѣлъ, милѣйшая Катерина Александровна, на своемъ вѣку и такихъ благодѣтельницъ, которыя не только сами пріѣзжали осматривать квартиры своихъ приживалокъ, но возили туда своихъ знакомыхъ; показывали конуры своихъ облагодѣтельствованныхъ нищихъ, какъ логовища дикихъ звѣрей; распоряжались въ этихъ конурахъ; приказывали убрать въ каморкахъ то или другое тряпье; приказывали выкинуть съ окна какой-нибудь горшокъ съ бальзаминомъ, чтобы онъ не заслонялъ доступъ свѣту въ конуру, хотя, можетъ-быть, бѣдняку былъ гораздо дороже этотъ бальзаминъ, чѣмъ нѣсколько лишнихъ лучей свѣта...

Digitized by Google

Катерина Александровна съ упрекомъ взглянула на старика.

— И вы, вы сами совѣтовали мнѣ не отказываться отъ помощи ближнихъ!—съ горечью воскликнула она.

— Я и теперь совѣтую вамъ выжать все, что можно, изъ нихъ,—спокойно отвѣтилъ штабсъ-капитанъ: — а потомъ,—потомъ вы можете плюнуть на нихъ, если они этого стоятъ... Послушайте, милѣйшая Катерина Александровна,— мягко проговорилъ онъ, съ отеческою лаской положивъ ей на плечо руку: — наша жизнь сложилась такъ дурно, что бываютъ минуты, когда приходится человѣку или утонуть, или взяться за доску, которую случайно подаетъ ему съ берега благодѣтельный человѣкъ... Въ такія минуты я всегда посовѣтую взяться за доску... Да, впрочемъ, тутъ и совѣтовать нечего: каждый дорожитъ своею жизнью и не только за доску схватится, но если нужно, то купитъ свое спасеніе убійствомъ ближняго... Я дольше васъ жилъ на свѣтѣ, и мнѣ не разъ приходилось хвататься за подобныя доски; потому я знаю, какъ тяжело сознавать, что ты, ни въ чемъ неповинный, можетъ-быть, даже принесшій услуги ближнимъ, имѣющій законное право на безтревожную жизнь, ничѣмъ не застрахованъ отъ гибели, брошенъ въ море на жертву волнамъ, безъ спасительной лодки, безъ всякой защиты... Это сознаніе тяжело вамъ, но повѣрьте, что оно еще тяжелѣе тому, кто и передумалъ многое, и перечиталъ немало, и видѣлъ на своемъ вѣку виды и, вдобавокъ ко всему, щеголяетъ на одной ногѣ не ради собственнаго удовольствія, а ради того, что и онъ когда-то честно и смѣло служилъ на пользу общую. Но все же жить хочется и поневолѣ берешься за доску, протянутую ближнимъ... Я вотъ иногда пьянствую, какъ вспомню все это...

Штабсъ-капитанъ проговорилъ эти слова какъ-то глухо и, нахмуривъ брови, умолкъ на минуту. Катерина Александровна съ изумленіемъ и участіемъ взглянула на старика. Ее поразило неожиданное открытіе, и снова ей вспомнился ея отецъ. У нея сжалось сердце. Она впервые сознавала, что и какъ переживалъ этотъ, повидимому, невозмутимо спокойный, вѣчно добрый философъ.

— Но этого мало, — спокойнѣе продолжалъ старикъ черезъ минуту. — Мало того, что мы брошены въ море безъ кормила, безъ весла, мало того, что мы вѣчно должны хвататься за доски благодѣтелей,—я долженъ вамъ сказать, что эти благодѣтели не что иное, какъ ростовщики, дающіе свой

Digitized by Google

грошъ за большіе проценты: они хотятъ за свой грошъ купить вашу волю и въ то же время пріобрѣсти себѣ уголъ въ царствѣ небесномъ. Не рубль на рубль они берутъ, а душу человѣка и вѣчное спасеніе за рубль выторговать думаютъ. Стала бы вамъ помогать графиня Бѣлокопытова,—она начала бы справляться, теплится ли у васъ лампада, ходите ли вы къ заутрени и къ ранней обѣднѣ, ведете ли вы отшельническую жизнь, ѣдите ли постное по средамъ и пятницамъ. Помогла бы вамъ какая-нибудь любящая сплетни барыня, вы были бы обязаны передавать ей все, что дѣлается въ пріютѣ, что дѣлается въ вашей семьѣ, что дѣлается между знакомыми вамъ бѣдняками, вы были бы должны собирать вѣсти отвсюду и приносить ихъ къ ней. Помогла бы вамъ скучающая барыня, вы были бы должны веселить ее чѣмъ-нибудь, являться къ ней съ вѣчною улыбкой. Ваша благодѣтельница—добродушная княгиня Гиреева; она хочетъ окончательно устроить вашу участь и потому сватаетъ вамъ жениха. Ей нѣтъ дѣла, что вы, можетъ-быть, уже любите кого-нибудь,—она знаетъ только то, что предлагаемая ею партія выгодна, что она не допуститъ васъ до гибели, если вы повинуетесь ей, и потому выдаетъ васъ замужъ, какъ выдавали своихъ дворовыхъ. «Вѣдь дворовые были обезпечены, были сыты, обуты и одѣты, значитъ, были и счастливы,—думаетъ она:—ну, и Прилежаева будетъ обезпечена, сыта, обута и одѣта, а значитъ, будетъ и счастлива». Она вѣдь права, она купила васъ своими рублями.

Въ ровномъ голосѣ штабсъ-капитана звучала едва уловимая горькая иронія.

— Что же дѣлать, что дѣлать? — воскликнула Катерина Александровна.

— Сдѣлать ненужными доски благодѣтелей,—проговорилъ штабсъ-капитанъ.—Сдѣлать, по крайней мѣрѣ, то, чтобы эти доски были нужны какъ можно рѣже.

— Я васъ не понимаю,—промолвила молодая дѣвушка.

— Вы же сами начали это дѣлать, стремитесь это сдѣлать, — произнесъ старикъ. — Вы хотите дать образованіе дѣтямъ, то-есть дать имъ одинъ изъ болѣе вѣрныхъ способовъ зарабатывать кусокъ хлѣба. Вы сами по себѣ знаете, что безъ образованія не очень-то широкій путь открытъ человѣку... За какое дѣло можете вы взяться? Въ горничныя, въ няньки идти, швеей быть, въ пріютѣ служить— вотъ и все. Не можете вы ни школы открыть, ни въ гувернантки идти, ни акушеркой быть.

Digitized by Google

Катерина Александровна вздохнула.

— Знаете ли вы, Флегонтъ Матвѣевичъ, что я теперь начинаю бояться, что и всѣ мои мечты объ образованіи дѣтей такъ и останутся мечтами,—проговорила она.—Я думала поднять ихъ на свои деньги; я копила-копила, а теперь у меня уже почти ничего нѣтъ: все уходитъ на лѣченіе Даши... Мнѣ страшно становится, какъ подумаю, что начну опять я копить, а тамъ вдругъ сама заболѣю или мать сляжетъ и все снова уйдетъ на лѣкарства...

Штабъ-капитанъ задумался.

— Не такъ вы начали,—проговорилъ онъ.—Вы начали дѣло, какъ дитя, не знающее жизни. Нужно было прямо хлопотать объ отдачѣ дѣтей въ казенныя заведенія. Антона въ гимназію пристроить, Мишу, ну хоть въ Гатчинское училище отдать, Дашу въ Николаевскій институтъ... Самимъ вамъ не вытянуть ихъ на свѣтъ Божій. Да если бы и вытянули, такъ потомъ пришлось бы на ихъ шеѣ сидѣть. Вамъ надо для себя копейку сберечь, хоть кое-какъ добыть болѣе вѣрный кусокъ хлѣба. На пескѣ строить зданіе не приходится. Вотъ и я тоже хотѣлъ бы своихъ воиновъ подъ своимъ крыломъ воспитывать, а все-таки отдалъ на казенные хлѣба. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ: сегодня живы, завтра умремъ; тогда дѣти-то что станутъ дѣлать?

Собесѣдники смолкли, Катеринѣ Александровнѣ было очень тяжело; она сознавала, что до сихъ поръ она дѣйствительно увлекалась несбыточными и дѣтскими мечтами. Въ то же время ей было невыносимо сознавать, что ей придется снова кланяться и просить благодѣтелей похлопотать объ ея семьѣ.

— Покланяйтесь-ка еще,—промолвилъ старикъ, какъ бы угадывая ея мысли.—Авось это будетъ въ послѣдній разъ. Дашѣ уже не поправиться; нужно только обезпечить участь Антона и Миши.

— Такъ это я такъ и убила попусту всѣ эти мѣсяцы!—воскликнула съ горечью Катерина Александровна. — Почти годъ даромъ убила! Вмѣсто пользы дѣлала только вредъ. Можетъ-быть, и Даша была бы жива, если бы я сразу начала хлопотать объ опредѣленіи ея въ институтъ.

— До всего, милѣйшая Катерина Александровна, опытомъ доходятъ...

— Хороши и они, эти благодѣтели!—желчно произнесла молодая дѣвушка. — Сунули дѣтей въ пріюты, когда дѣти имѣли право на поступленіе въ казенныя училища! Вѣдь

Digitized by Google

я не знала, что ихъ могутъ принять въ казенныя школы, а они-то знали...

Штабсъ-капитанъ махнулъ рукой.

— Не о нихъ теперь толковать надо!—промолвилъ онъ.— Хлопочите, покуда на васъ еще не разгнѣвалась Гиреева и покуда можно запрячь дядюшку. Послѣ и онъ не поддастся.

Между старикомъ и молодою дѣвушкой завязался разговоръ о томъ, какъ надо дѣйствовать, чтобы поскорѣе опредѣлить дѣтей. Штабсъ-капитанъ предложилъ свои услуги въ качествѣ учителя для приготовленія Антона въ гимназію. Съ этого дня для Катерины Александровны начиналось трудное время: ей пришлось сново безпокоить княгиню и впервые увидаться съ дядей безъ свидѣтелей, въ его домѣ, какъ родственницѣ. Рядомъ съ хлопотами объ опредѣленіи дѣтей шли горькія впечатлѣнія отъ усиливавшейся болѣзни Даши, отъ плача матери. Наконецъ, уже въ концѣ мая, болѣзнь Даши кончилась: дѣвочка больше не страдала; ея худенькое тѣло не дрожало отъ холода; въ ея глазахъ не блестѣли слезы отъ боли; она спокойно и мирно лежала въ бѣломъ гробикѣ и не слышала воплей безутѣшной Марьи Дмитріевны...

Уныло и тихо было въ маленькой квартиркѣ Прилежаевыхъ послѣ похоронъ Даши. Штабсъ-капитанъ только-что проводилъ въ лагери своихъ сыновей; Антонъ молчаливо зубрилъ грамматику, ариѳметику и священную исторію; Марья Дмитріевна беззвучно плакала или уходила къ Митрофанію посидѣть на могилѣ дочери; даже Миша какъ-то притихъ, словно боялся чего-то. Въ одинъ изъ такихъ печальныхъ дней Катерина Александровна сообщила матери, что хлопоты объ опредѣленіи Миши идутъ къ концу.

— Не отдамъ я его, моего голубчика, не отдамъ на чужую сторону!—зарыдала Марья Дмитріевна, соглашавшаяся прежде пристроить Мишу въ Гатчинское училище. — Одну Богъ отнялъ, а ужъ другого своими руками не выдамъ! Пусть растетъ около меня, пусть не гибнетъ безъ материнской ласки!

— Мама, да вѣдь онъ здѣсь неучемъ останется,—ласково промолвила Катерина Александровна.

— Богъ съ нимъ, съ образованіемъ! — раздражительно воскликнула Марья Дмитріевна.—И мы, и отцы наши безъ этой учености прожили и за себя передъ людьми не краснѣли. Мнѣ мое дитя дорого! Ты не мать—ты не понимаешь этого!

Digitized by Google

— Мама, я для него же стараюсь...

— Ну, матушка, не знаемъ мы, гдѣ найдемъ, гдѣ потеряемъ. Да у меня все сердце выболитъ за него, вся душа изстрадается... Всѣ разойдутся,—одна я останусь, какъ сирота какая...

— Надо о немъ, а не о себѣ думать...

— И не говори ты мнѣ!.. Ты меня не жалѣешь; ты все по-своему дѣлаешь!.. Тебѣ легко братьевъ бросить, а мнѣ они—дѣти!

Катерина Александровна опустила голову. Она не знала, что дѣлать. Оставить Мишу на произволъ судьбы, оставить его около матери неучемъ—это было невыносимо; воспитывать же его на свои средства было невозможно, такъ какъ этихъ средствъ было недостаточно и для одной одежды Антона, котораго можно было опредѣлить въ гимназію даровымъ вольноприходящимъ воспитанникомъ. Между матерью и дочерью снова начались тяжелыя сцены взаимнаго непониманія, не приводящія ни къ какимъ благимъ результатамъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась вся эта семейная будничная драма, если бы въ одинъ прекрасный день не пріѣхалъ къ Прилежаевымъ Данила Захаровичъ Боголюбовъ съ извѣстіемъ, что Мишу нужно вести на баллотировку.

— Батюшка, да я не желаю его отпускать отъ себя! — смиреннымъ тономъ произнесла Марья Дмитріевна, усаживая дорогого гостя.—Я вѣдь мать, мнѣ...

— Глупости, глупости!—нахмурилъ брови Боголюбовъ.— Не расти же ему дуракомъ! Поскучаете, а потомъ веселѣе станетъ, какъ онъ важнымъ бариномъ сдѣлается.

— Ужъ гдѣ, батюшка, важнымъ бариномъ ему быть! — вздохнула Марья Дмитріевна.—Далъ бы Богъ глаза матери закрыть и то счастье... Нѣтъ, ужъ вы не взыщите, а я его не отдамъ...

— Ну, этими вещами не играютъ!—внушительно произнесъ Данила Захаровичъ.—Вы его отдадите, и конецъ весь! Или вы хотите, чтобы онъ вышелъ такимъ же, какимъ былъ его отецъ?

— Батюшка, да вѣдь я мать, мать, — не могу я отдать своими руками свое родное дѣтище, — заплакала Марья Дмитріевна.

— Ну, что же вы думаете, что вы его на съѣденіе, что ли, отдаете?—строго спросилъ Боголюбовъ.—Какъ мать, вы должны бы были заботиться только о его счастьи.

Digitized by Google

— Ужъ какое счастье въ чужихъ людяхъ жить, матери не видѣть!

Еще долго плакала Марья Дмитріевна, смотрѣвшая на отдачу сына въ отдаленное училище точно такъ же, какъ смотрятъ простые люди на помѣщеніе своихъ родныхъ въ больницу. Ей казалось, что она отдаетъ сына на вѣрную гибель. Наконецъ, было рѣшено, что она поведетъ Мишу на баллотировку въ воспитательный домъ. Боголюбовъ не любилъ шутить и умѣлъ командовать. Вздыхая и поминутно отирая слезы, отправилась Марья Дмитріевна съ Мишей на Большую Мѣщанскую, въ то зданіе, гдѣ помѣщается ломбардъ. Тамъ, въ большой залѣ, во второмъ этажѣ, уже было множество народу. Плохо одѣтыя женщины, старики въ потертыхъ мундирахъ, дѣти всѣхъ возрастовъ, все это сновало, толпилось и шепталось въ залѣ. Каждый съ сердечнымъ замираніемъ ожидалъ, чѣмъ рѣшится судьба того или другого ребенка. Одни молились въ душѣ, чтобы ихъ дѣти были приняты; другіе, почувствовавъ близость разлуки съ дѣтьми, желали только того, чтобы ихъ дѣтей забаллотировали. Посрединѣ залы громко выкликались фамиліи дѣтей. Наконецъ, произнеслась фамилія Прилежаева. У Марьи Дмитріевны замерло сердце. «Господи, не попусти, не накажи меня, грѣшную!»—шептали ея уста. Прошла томительная минута.

— Не попалъ!—раздался около Марьи Дмитріевны голосъ Миши.

— Слава тебѣ, Господи! Родной мой, родной!—воскликнула она, крѣпко прижимая къ груди своего сына. — Пойдемъ, батюшка, пойдемъ скорѣе домой,—говорила она, какъ бы боясь, чтобы его не отняли у нея.

Съ сіяющимъ лицомъ возвратилась она домой и объявила, что Миша не принятъ.

— Еще хоть годикъ поживетъ у меня, ненаглядный, хоть годикъ!—говорила она, обнимая и цѣлуя сына.

Катерина Александровна не безучастно смотрѣла на радость матери; она хотя и не особенно радовалась тому, что братъ не попалъ въ училище, но въ то же время ее и не очень сильно огорчалъ результатъ баллотировки, такъ какъ она уже знала, что Миша зачисленъ кандидатомъ и черезъ годъ или черезъ два года все-таки попадетъ въ училище. Главный вопросъ для нея состоялъ въ томъ, примутъ ли ея брата въ училище, а не въ томъ, когда именно его увезутъ изъ дома. Онъ еще былъ малъ и потому было можно

Digitized by Google

ждать его опредѣленія, не боясь, что онъ «выйдетъ изъ лѣтъ», какъ выражаются о поступающихъ въ казенныя воспитательныя заведенія дѣтяхъ.

Для Катерины Александровны, послѣ душевныхъ бурь и волненій, наступали лѣтніе дни затишья; она вся должна была погрузиться въ хлопоты по службѣ, которыя оставляли очень немного времени для размышленій, для вопросовъ и сомнѣній. Пріютъ принималъ лѣтомъ болѣе оживленный видъ, чѣмъ зимой: въ немъ шли передѣлки и крашенье комнатъ и половъ; дѣти подъ руководствомъ помощницъ занимались «постройкой» бѣлья и одежды, Зорина и помощницы хлопотали надъ счетомъ и разсматриваніемъ разныхъ принадлежностей дѣтской одежды и столоваго бѣлья, сортировали эти предметы по степени ихъ годности и негодности, назначали одежду выросшихъ воспитанницъ младшимъ дѣтямъ, для выросшихъ же воспитанницъ шили новое платье. Ежедневно приходилось наблюдать за перемѣщеніемъ кроватей воспитанницъ изъ передѣлывавшейся спальни въ столовую, за перенесеніемъ столовъ изъ перекрашиваемой рабочей комнаты въ классную. Пыль, известка, масляная краска, все это наполняло комнаты и заставляло особенно наблюдать за дѣтьми, чтобы они не портили себѣ одежды; говоръ свободныхъ отъ зимнихъ занятій дѣтей, шумъ колесъ и крики торговцевъ, доносившіеся съ улицы въ отворенныя окна, своеобразное, монотонное пѣніе штукатуровъ и маляровъ въ коридорахъ, въ комнатахъ и около наружныхъ стѣнъ, все это вносило необычайное оживленіе въ стѣны пріюта. Порой Анна Васильевна, чувствовавшая скуку по случаю отъѣзда на дачи ея обычныхъ партнеровъ, приглашала къ себѣ на чай Катерину Александровну, и дѣвушкѣ было отрадно провести съ работой вечерокъ въ свѣтлой и мило убранной спальнѣ начальницы за мирными бесѣдами съ неглупою и опытною женщиной. Единственнымъ темнымъ облакомъ въ эти дни жизни Катерины Александровны было опасеніе за участь Скворцовой, пробудившееся во время выпуска кончившихъ курсъ ученія воспитанницъ. По обыкновенію, въ это время въ пріютъ являлись разныя барыни, искавшія горничныхъ, и въ числѣ ихъ пріѣхала какая-то статская совѣтница Булычева, не то нѣмка, не то еврейка, лѣтъ сорока пяти, въ свѣтломъ шелковомъ платьѣ, въ бѣлой съ перьями шляпкѣ. Она объявила, мягкимъ голосомъ и поминутно улыбаясь, что ей нужна горничная. Ей представили трехъ воспитанницъ,

Digitized by Google

искавшихъ мѣста. Она съ улыбочкой поговорила съ каждою изъ нихъ, потрепала по щечкамъ, назвала «милочками» и, наконецъ, остановилась на Скворцовой.

— О, я намѣрена похитить у васъ этотъ бутончикъ,— шутливо обратилась она къ Зориной, дружески коснувшись до ея плеча рукой.

Зорину немного смутилъ этотъ фамильярный тонъ, напоминавшій развязность вышедшей въ люди кухарки, и она нахмурила брови.

— Вы, кажется, и прошлаго года взяли у насъ одну воспитанницу къ себѣ въ домъ, — сухо замѣтила старуха.

— О, она вышла замужъ, ма шеръ матамъ, — развязно произнесла веселая дама. — Я удивительно сшастлива или несшастлива, назовите какъ хотите—но мои дѣвушки такъ скоро виходятъ замужъ... Рука легкій!

— Я, право, не могу вамъ дать сегодня рѣшительнаго отвѣта, — сказала Зорина и попросила развязную даму оставить ея адресъ.

Когда веселая дама уѣхала, Зорина дала совѣтъ Скворцовой не брать предлагаемое ей мѣсто. Тотъ же самый совѣтъ дала дѣвочкѣ и Катерина Александровна. И Зориной, и Прилежаевой казались подозрительными въ этой женщинѣ развязность манеръ, черезчуръ черныя и слишкомъ правильныя брови, чрезмѣрно-яркій румянецъ на щекахъ, излишняя любезность съ воспитанницами и щедрое предложеніе большого жалованья рядомъ съ очень ограниченными требованіями.

— Смотри, Скворцова, не лучше ли подождать другого мѣста,—посовѣтовала Зорина.

— Вамъ она, вѣрно, тоже не нравится? — спросила Катерина Александровна.

— Да,—отвѣтила старуха.—У нея манеры... нѣмки изъ Риги... что-то слишкомъ беззастѣнчивое и наглое... ты подумай, Скворцова.

— Мнѣ, Анна Васильевна, хотѣлось бы поскорѣй выйти отсюда,—промолвила Скворцова. — Вы знаете, каково мнѣ здѣсь жить... проходу нѣтъ...

— Ну, потерпи немного!

Старуха задумчиво пошла съ Катериной Александровной въ свои комнаты и съ грустью намеками объяснила молодой дѣвушкѣ, что она охотно взяла бы на время Скворцову въ свои комнаты, но что и тутъ бѣдной дѣвушкѣ нельзя быть, такъ какъ Александръ Ивановичъ очень «вѣтреный» человѣкъ.

Digitized by Google

— Я, впрочемъ, удержу ее въ пріютѣ до лучшаго мѣста,— рѣшила Зорина.

У Катерины Александровны сжималось сердце; она чувствовала, что она легко могла бы помочь Скворцовой, взявъ ее къ себѣ въ домъ, гдѣ дѣвушка кое-какъ прокормила бы себя въ первое время работой, но въ то же время какой-то голосъ тайно предсказывалъ ей, что этотъ планъ не осуществится. Дня черезъ четыре въ пріютъ, по обыкновенію, заѣхалъ Гроховъ справиться о больныхъ. Съ свойственною ему грубостью онъ спросилъ, при встрѣчѣ съ Скворцовой:

— А ти еще здѣсь?

— Да, она еще не нашла мѣста,—отвѣтила за нее Анна Васильевна.

— Ее нанималъ кто-то...

— Да, но я боюсь отпустить ее на это мѣсто,—объяснила Зорина, чувствуя, что Грохову уже все передано:—это какая-то подозрительная особа...

— Слюшанкѣ нѣтъ никакого дѣла до того, какой ея барина,—сухо произнесъ Гроховъ.—Тутъ нешего разбирайтъ. Нушно освободить пріютъ отъ этой дѣвшонки. Она сама подозрительный шеловѣкъ... Пріютъ не богадѣленъ. Даромъ всѣхъ нельзе кормить. Прошу васъ сдѣлать распоряшенія. Мы ошенъ, ошенъ недоволенъ зъ вами!

Зорина какъ-то съежилась и дала обѣщаніе обдѣлать дѣло. Когда Гроховъ удалился, старуха начала съ горечью жаловаться Катеринѣ Александровнѣ на своихъ шпіоновъ и на необходимость отпустить Скворцову въ услуженіе къ подозрительной статской совѣтницѣ. Катерина Александровна встревожилась: молодое еще неуставшее и неприглядѣвшееся къ жизни сердце забилось сильнѣе. Молодая дѣвушка не могла хлопотать за Скворцову у княгини, такъ какъ Гиреева уже уѣхала въ деревню на лѣто; оставалась одна слабая надежда на помѣщеніе Скворцовой у Марьи Дмитріевны. Катерина Александровна рѣшилась переговорить съ матерью.

— Что это ты, Катюша, выдумала. Мы сами едва перебиваемся,—возразила Марья Дмитріевна.

— Она, мама, будетъ работать, — замѣтила Катерина Александровна.

— Какая работа лѣтомъ? У насъ у самихъ работы теперь пѣтъ, а гдѣ же еще для нея достать! Да и Богъ съ ними, съ чужими людьми! Дай Богъ самимъ перебиться!

— Да вѣдь она погибнуть можетъ! намъ Богъ пошлетъ на ея долю,—уговаривала Катерина Александровна.

Digitized by Google

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ и не говори! Не стану я чужой крыши крыть, когда сквозь свою каплетъ. Всѣхъ голодныхъ, да холодныхъ не соберешь къ себѣ и не накормишь, когда и сами голодны. Молода ты, такъ тебѣ и кажется, что всѣхъ пригрѣть можно; а я пожила,—такъ знаю, что и самимъ-то не выбиться изъ нужды.

Катерина Александровна вспылила и снова наговорила матери рѣзкихъ словъ. Но на этотъ разъ борьба окончилась не побѣдой. Марья Дмитріевна плакала, жаловалась на дочь, но непоколебимо стояла на своемъ и кончила свою рѣчь словами:

— Что-жъ, выбирай, кто тебѣ дороже,—я или она. Возьмешь ее въ домъ,—я уйду. Конечно, ты вольна меня выгнать; я на твоей шеѣ сижу... Ну, перебьюсь какъ-нибудь; Христовымъ именемъ побираться буду, у добрыхъ людей уголъ найду...

— Не найдете! — рѣзко произнесла Катерина Александровна.—Если всѣ добрые люди похожи на васъ, такъ не найдете себѣ угла такъ же, какъ и Наташа.

Молодая дѣвушка вышла изъ комнаты и съ горькими слезами присѣла на галлереѣ.

— Не плачь, Катя,—тихо прошепталъ Антонъ, ласкаясь къ ней.—Ты подожди; выросту я,—деньги будутъ; мы всѣмъ помогать будемъ...

— Милый мой, а сколько людей до тѣхъ поръ погибнетъ передъ глазами!—проговорила Катерина Александровна.

— Матери тоже не сладко, — черезъ минуту замѣтилъ Антонъ.—Она вонъ работаетъ, работаетъ, а взглянешь на нее—у нея слезы по щекамъ текутъ...

— Знаю, знаю, голубчикъ, — вздохнула Катерина Александровна и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

Въ этотъ день словно что-то оборвалось въ груди Катерины Александровны. Она сознавала вполнѣ, что она не можетъ ничего сдѣлать для ближнихъ, что ей волей-неволей нужно смотрѣть сквозь пальцы на ихъ гибель. «Нельзя чужую крышу крыть, когда сквозь свою каплетъ», звучало въ ея ушахъ, и она сознавала, что это правда, но такая правда, съ которой никогда не помирится молодая, живая душа. Катеринѣ Александровнѣ казалось, что въ эту минуту она рѣшилась бы на всякое униженіе, согласилась бы продать себя, если бы этою цѣной можно было спасти Наташу. Такое настроеніе охватываетъ человѣка, когда онъ, можетъ-быть, не имѣя силъ или не умѣя плавать, бросается въ воду для спасенія погибающаго...

Digitized by Google

За этимъ днемъ снова пошли для Катерины Александровны дни хлопотливой работы въ пріютѣ и какого-то сонnаго, вялаго затишья дома. Антонъ учился, кололъ дрова, сбиралъ щепки; Миша по цѣлымъ днямъ игралъ въ саду школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ съ уличными знакомыми; Марья Дмитріевна шила, стряпала, цѣловала дѣтей, ходила на кладбище; Катерина Александровна тоже не отрывалась отъ работы; даже штабсъ-капитанъ выглядѣлъ какъ-то хмуро: его дѣти были въ лагерѣ; на другой день послѣ ихъ отъѣзда онъ ушелъ изъ дома и пропадалъ въ теченіе недѣли, возвратившись совсѣмъ больнымъ. Въ день послѣдней ссоры Катерины Александровны съ матерью старикъ немного подгулялъ, поговорилъ очень крупно съ Марьей Дмитріевной, вступившись за ея дочь, и назвалъ Марью Дмитріевну «безчувственной», а потомъ снова пропалъ дней на пять, послѣ которыхъ его лицо выглядѣло опухшимъ и измятымъ.

— Охъ, ужъ видно, къ хорошимъ знакомымъ ѣздитъ, что рожу-то послѣ каждой поѣздки во всѣ стороны раздуваетъ,— сердито замѣтила Марья Дмитріевна про старика, противъ котораго въ послѣднее время у нея закралось въ сердце непріязненное чувство.

— Ну, не намъ судить его: вѣдь нашъ-то отецъ изъ кабака не выходилъ,—вскользь промолвила Катерина Александровна.

— Что это ты кости-то отца шевелишь въ могилѣ,— упрекнула Марья Дмитріевна.

— Я это къ тому сказала, чтобы вы людей-то не судили, когда мы сами не лучше ихъ...

Въ комнатѣ наступила тишина. Эта давящая, мучительная тишина наставала теперь нерѣдко въ квартирѣ Прилежаевыхъ. Члены семьи, наконецъ, договорились до того, что уже боялись сказать еще лишнее слово, зная, что за этимъ словомъ можетъ послѣдовать новый раскатъ бури. Вольнѣе дышалось всѣмъ только тогда, когда семья изрѣдка уходила съ штабсъ-капитаномъ къ Митрофанію и здѣсь, усѣвшись гдѣ-нибудь въ тѣни, вела тихую, грустную бесѣду о житейскихъ дѣлахъ... Тутъ, на кладбищѣ, на могилахъ отжившихъ поколѣній, изъ устъ отжившаго философа, искалѣченнаго инвалида жизни, услышалъ Антонъ не одну серьезную мысль, не одну горькую истину, незамѣтно запавшія въ молодую, впечатлительную душу.

Digitized by Google

Часть вторая.

КНИГА III.

I.

Ощупью.

Въ жизни, какъ въ морѣ, нерѣдко случаются внезапныя бури, смущающія ея будничный покой. Мы приходимъ въ замѣшательство, спѣшимъ отстоять себя, бросаемся изъ угла въ уголъ, сталкиваемся съ ближними, воюемъ за свое существованіе, теряемъ разсудокъ... Но вотъ, мало-по-малу, буря стихаетъ, ея слѣды исчезаютъ, мы успокаиваемся и хладнокровнѣе осматриваемся кругомъ. Кое-что изъ нашей прежней обстановки погибло, кое-что надорвалось и въ насъ самихъ; но наступившая тишина все-таки даетъ намъ возможность плыть дальше и съ обломанными мачтами, и съ попорченнымъ рулемъ, и съ ослабѣвшими силами,—и мы снова пускаемся въ путь. Такое затишье настало въ семьѣ Прилежаевыхъ, когда замолкли послѣдніе раскаты бури, начавшейся съ того памятнаго осенняго дня, когда погибъ Александръ Захаровичъ. Иногда Катерина Александровна мысленно оглядывалась на это недавнее прошлое, и ее изумляло разнообразіе пережитыхъ въ это время событій, цѣплявшихся одно за другое, сплетавшихся въ одинъ пестрый и прихотливый узоръ. Еще годъ тому назадъ ея семья прозябала гдѣ-то въ подвалѣ, невѣдомая никому и не знавшая никого, кромѣ какого-нибудь сосѣдняго лавочника или мелкаго чиновника, отдававшаго ей въ стирку свое бѣлье, и вдругъ передъ этою семьей прошли Боголюбовы, Гроховы, Гиреевы, Бѣлокопытовы, Прохоровы, Зорины, Скворцова и еще де-

Digitized by Google

сятки самыхъ разнохарактерныхъ личностей, изъ которыхъ каждая влила свою каплю меду или дегтю въ жизнь этой семьи. Какія неожиданныя сближенія возникли въ эти дни: какой-то полунищій Прохоровъ сдѣлался другомъ, спутникомъ Катерины Александровны и Антона; изъ-за какой-то Скворцовой пришлось договориться Катеринѣ Александровнѣ до сильнаго разлада съ матерью... Чѣмъ больше задумывалась Катерина Александровна надъ недавними событіями, тѣмъ яснѣе становилось ей, что не она управляла этими событіями, а они управляли ею. Они, подобно волнамъ потока, несли ее за собою, наталкивали на песчаныя мели, наносили на острые камни и влекли все далѣе и далѣе, а она ни разу не попробовала выбраться изъ потока куда-нибудь на берегъ, но старалась только какъ-нибудь расчистить этотъ потокъ, чтобы потомъ имѣть возможность плыть впередъ безъ препятствій. Но—дальше въ море, больше горя—едва успѣвала она выбросить изъ потока задѣвшій ее камень, какъ теченіемъ уносило ее еще дальше и наталкивало на новыя препятствія. Утомленная этою борьбой, молодая дѣвушка впервые не стала хлопотать надъ уничтоженіемъ попавшагося ей на пути камня, а просто отстранилась отъ него и вышла на берегъ именно въ ту минуту, когда Марья Дмитріевна рѣшительно отказалась принять въ свой домъ Скворцову. Катеринѣ Александровнѣ въ эту минуту стало вполнѣ ясно, что тутъ нельзя ничего подѣлать, такъ какъ приходилось или пожертвовать матерью, или Скворцовой. Молодой дѣвушкѣ было тяжело и больно согласиться съ матерью, что нельзя крыть чужую крышу, когда сквозь свою каплетъ. Но, между тѣмъ, приходилось поступить именно такъ. Впервые въ этомъ молодомъ созданіи началась та роковая борьба чувства и разсудка, которая такъ часто губитъ молодыя существа. Чувство говорило: «иди и спасай ближнихъ»; разсудокъ подсказалъ: «едва ли ты спасешь ихъ, сама же непремѣнно погибнешь». Мучительное чувство сжимало сердце, пробуждало упреки совѣсти за черствость, за холодность, а разсудокъ подыскивалъ оправданія, говорилъ, что, живя на кладбищѣ, всѣхъ покойниковъ не оплачешь, что надо прежде всего позаботиться о себѣ, завоевать ту силу, при которой возможна борьба. Катеринѣ Александровнѣ не нужно было быть героиней для того, чтобы бороться изо всѣхъ силъ ради спасенія Скворцовой, но ей нужно было выдержать страшную душевную борьбу для того, чтобы не вмѣшиваться въ подобныя исторіи

Digitized by Google

въ будущемъ и смотрѣть сквозь пальцы на подобныя событія, твердо рѣшившись преслѣдовать только одну цѣль— свое собственное спасеніе. Горячность и доброта являются почти постоянными качествами молодого здороваго существа; напротивъ того, сдержанность и разсудочная холодность, эти атрибуты долголѣтней опытности, усваиваются въ молодые годы съ величайшимъ трудомъ и почти всегда влекутъ за собою или полнѣйшую нравственную ломку, или чисто физическое разстройство.

Когда Катерина Александровна впервые сдѣлала уступку матери и отказалась взять къ себѣ Скворцову, ей стало невыносимо тяжело и больно. Она не обвиняла мать; она сознавала, что мать права, но именно это-то сознаніе болѣе всего заставило ее упасть духомъ. Этотъ случай какъ будто явился роковымъ приговоромъ судьбы, гласившимъ, что отнынѣ Катерина Александровна должна холодно глядѣть на погибающихъ и думать только о томъ, какъ бы не погибнуть самой. Но гдѣ же найти запасъ такого хладнокровія, такой черствости, чтобы имѣть возможность идти мимо утопающаго и думать: «тони, братъ: мнѣ нужно прежде о себѣ позаботиться!» Какъ пріучить себя холодно смотрѣть, какъ давятъ человѣка и говорить: «ну, что-жъ... пусть его давятъ: вѣдь и меня тоже давятъ; такъ мнѣ нужно прежде свое горло освободить». Поступать такъ было тѣмъ труднѣе, что молодость, вѣчно смѣлая и надѣющаяся ради своей неопытности и вѣры на свои силы, утѣшала себя тѣмъ, что «все можно уладить какъ-нибудь», «авось, удастся и другихъ спасти, и самой выйти побѣдительницей изъ борьбы», «волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить». Эти неопредѣленныя, не подкрѣпленныя никакими практическими соображеніями надежды на *авось*, на *какъ-нибудь* могли быть разбиты только безпощадными доводами опытности; но подобной опытности не было и не могло быть у Катерины Александровны. Молодой дѣвушкѣ приходилось увлекаться, наэлектризовываться своими свѣтлыми надеждами, а потомъ, мало-по-малу, вырывать ихъ съ болью изъ своей головы подъ вліяніемъ убѣжденій болѣе опытныхъ людей или подъ вліяніемъ горькой дѣятельности. Участь Катерины Александровны походила на участь слишкомъ рано вынесеннаго на воздухъ нѣжнаго растенія. Оно приготовляетъ почку за почкой, но ночные заморозки и холодные утренники губятъ эти почки. Оно собираетъ новыя силы и снова приготовляетъ почки, а тѣ же внѣшніе враги губятъ ихъ, какъ и прежде. Наконецъ, силы растенія уже

Digitized by Google

начинаютъ истощаться, и его враги губятъ уже не однѣ его почки, но и его самого: оно хирѣетъ и начинаетъ увядать. Такъ идетъ эта борьба между внѣшними обстоятельствами и естественными проявленіями жизненной силы и, смотря на это бѣдное созданьице, вы невольно задумываетесь надъ тѣмъ, перенесетъ ли оно это тяжелое для него время, дождется ли теплыхъ, живительныхъ дней лѣта, или грѣющіе лучи лѣтняго солнца озарятъ окончательно засохшій стебель?..

Лѣтніе свободные дни Катерина Александровна проводила почти постоянно въ обществѣ братьевъ и штабсъ-капитана. Она присутствовала на урокахъ Антона, смотрѣла, какъ штабсъ-капитанъ повѣрялъ ошибки въ тетрадяхъ мальчика, слушала, какъ онъ объяснялъ мальчугану ариѳметику, какъ переводилъ съ ученикомъ легкія французскія и нѣмецкія фразы. Иногда она со вздохомъ замѣчала, разсматривая какую-нибудь тетрадь:

— А я до сихъ поръ и не знала, что слово «звѣзда» пишется черезъ *ъ*! А тоже маленькихъ дѣтей учу! Хорошо они будутъ знать грамоту!

Порой она слушала, какъ штабсъ-капитанъ диктовалъ Антону несложную задачу, и съ нетерпѣніемъ ждала, какъ рѣшитъ ее братишка.

— Вотъ какой ты молодецъ,—говорила она, когда задача выходила удачно,—а я и сообразить бы не могла, какъ ее сдѣлать.

— Ну, подумали бы—сдѣлали бы!—замѣчалъ штабсъ-капитанъ.

— Ужъ какъ ни думай, а не сдѣлаешь того, чего не знаешь,—вздыхала Катерина Александровна.

— Погоди, я тебя научу,—ободрялъ ее Антонъ.

Катерина Александровна впадала въ раздумье.

— Удивляюсь я, какъ это люди сами подготовляютъ гибель для своихъ ближнихъ,—задумчиво произнесла она, какъ бы про себя, присутствуя однажды на урокѣ брата.

— Вы это о чемъ, моя милѣйшая фея?—спросилъ штабсъ-капитанъ.

— Да вотъ хоть бы о своей судьбѣ,—отвѣчала Катерина Александровна.—Училась я въ школѣ, гдѣ не научали ничему, ни грамотѣ, ни ариѳметикѣ, ни исторіи—ничему. Къ чему же насъ готовили? Горничными быть или швеями? Но вѣдь они знали, что въ горничныя трудно попасть благородной дочери чиновника, а шитьемъ жить нельзя, особенно если не обучалась въ магазинѣ. Работая у себя дома, не

Digitized by Google

найдешь много работы: кто станетъ отдавать нищей хорошую работу; а въ магазинъ не возьмутъ—тамъ свои ученицы, свои мастерицы изъ простыхъ... Для чего же, значитъ, тратили они деньги на нашу школу? Для чего морили насъ нѣсколько лѣтъ? Для того, чтобы мы погибли?

— Ну, вѣдь они не изверги какіе-нибудь!—промолвилъ штабсъ-капитанъ.—Просто отъ бездѣлья устроили школу, не разсуждая, для чего она нужна и какая въ ней польза... Впрочемъ, если бы и разсуждать стали, такъ лучше не вышло бы. Вѣдь вы вонъ ни по-французски не говорите, ни географіи не знаете, ни исторіи не обучались, а спроси васъ, что вамъ нужно, чтобы заработать хлѣбъ—вы скажете. А они всѣ науки изучатъ, а все-таки не поймутъ вотъ хоть бы того, что, научившись шить бѣлье въ ихъ школѣ, вы все-таки будете безъ хлѣба... И если скажутъ имъ, что вы сидите безъ хлѣба, такъ они замѣтятъ: «вѣрно лѣнива, оттого и безъ хлѣба сидитъ, со здоровыми руками отъ голоду не умираютъ; работы на всѣхъ хватитъ». Вотъ вы тутъ и объясните имъ, что въ городѣ есть тысячи магазиновъ, то-есть школъ, гдѣ обучаютъ спеціально шитью, и что нерасчетливо при такомъ множествѣ спеціальныхъ швейныхъ школъ устраивать еще школы, гдѣ ничему не научатъ, кромѣ шитья, да и то далеко не такъ хорошо, какъ въ магазинахъ... Они не умѣютъ даже сообразить, какой сумбуръ вышелъ бы, если бы, напримѣръ, всѣхъ мальчиковъ стали обучать портняжному искусству. Вѣдь портныхъ вышло бы больше, чѣмъ заказчиковъ...

Штабсъ-капитанъ еще долго распространялся въ этомъ же духѣ, а въ головѣ Катерины Александровны уже давно бродили новыя мысли, новые планы. Эти мысли, эти планы десятки разъ воскресали въ ея головѣ; иногда она стыдливо краснѣла, поддаваясь имъ; порой она печально рѣшала, что это «однѣ мечты»; подчасъ ей казалось, что слишкомъ поздно пришли ей въ голову эти мысли и представилась возможность для ихъ исполненія.

— А что, если бы я начала учиться?—тихо произнесла она, глядя куда-то въ сторону и краснѣя, какъ человѣкъ, подозрѣвающій, что онъ высказываетъ ребяческую мысль.

— Ну что же, и учились бы!—шутливо отвѣтилъ штабсъ-капитанъ.

— Я не шучу, Флегонтъ Матвѣевичъ,—уже болѣе смѣло промолвила Катерина Александровна.

Digitized by Google

— И я не шучу, Катерина Александровна,—отвѣтилъ старикъ.

— Нѣтъ, вы шутите!—улыбнулась она.—Я спрашиваю, выйдетъ ли изъ этого что-нибудь, не поздно ли начинать..

— Учиться никогда не поздно!—серьезно отвѣчалъ старикъ прописною истиной.—Выйдетъ ли что-нибудь изъ этого—это покажетъ время. А вотъ вы-то скажите, откуда вы время возьмете на ученье?

— О, объ этомъ нечего думать! Захочу—найду время.

— Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало? Помолитесь Козьмѣ и Даміану, да и за книжку,—пошутилъ старикъ.—Учителей будетъ много. Я буду инспекторомъ, мои воины репетиторами, а гимназическіе учителя станутъ давать вамъ безплатные уроки...

— Гимназическіе учителя!—изумилась Катерина Александровна.

— Ну да, они объяснять будутъ не прямо вамъ, а станутъ черезъ Антона задавать уроки.

Катерина Александровна усмѣхнулась.

— Этакъ семь лѣтъ придется учиться!

— А вы въ годикъ думали? Скоро-то бываетъ не споро.

Этотъ, повидимому, шутливый разговоръ имѣлъ для Катерины Александровны очень серьезное значеніе. Она уже давно рвалась хотя немного образовать себя. Она еще не сознавала, какую матеріальную пользу извлечетъ она изъ ученья, но ее привлекало къ ученью уже одно желаніе не быть «глупою», какъ она говорила о себѣ; ей было «интересно узнать то, что знаютъ другіе». Правда, иногда молодость рисовала въ ея воображеніи заманчивыя картины будущаго; ей казалось, что она «научится всѣмъ наукамъ» и сдѣлается умною, какъ всѣ «образованныя», что потомъ она можетъ выйти изъ пріюта и «сдѣлаться учительницею», что, наконецъ, «ей не стыдно будетъ передъ людьми за свою необразованность». Эти молодыя грезы вызывали на ея щеки яркій румянецъ и волновали ея кровь до тѣхъ поръ, покуда ихъ не отравлялъ какой-нибудь мелкій непріятный фактъ ея будничной жизни, навѣвавшій сомнѣнія въ успѣхѣ, въ осуществимости всѣхъ этихъ грезъ. Тогда ей думалось: «ужъ гдѣ намъ, голоднымъ, сдѣлаться учеными! Хорошо и то, если и такъ поучусь чему-нибудь, чтобы дѣтей въ пріютѣ учить. Умнымъ тотъ можетъ быть, кто съ дѣтства учился, а мнѣ ужъ двадцать лѣтъ скоро будетъ».

Несмотря на ничтожность цѣли, которой думала достиг-

Digitized by Google

нуть молодая дѣвушка,— она не отказывалась отъ своего плана и уже прежде поступленія Антона въ гимназію принялась за ученье. Какъ человѣкъ, никогда не выѣзжавшій изъ своего родного города и не учившійся географіи, не можетъ ясно представить себѣ объема земли, такъ Катерина Александровна, едва знавшая русскую грамоту и кое-какіе отрывки исторіи и географіи, не могла вообразить, какъ великъ, какъ безконеченъ тотъ путь, на который она вступала. Это отчасти послужило къ ея счастью, такъ какъ въ противномъ случаѣ она испугалась бы трудности принимаемаго на себя подвига и, можетъ-быть отказалась бы отъ своего плана. Теперь же она смѣло пошла на избранный путь. Это была смѣлость неопытности. Ея уроки шли довольно оригинально. Она, сидя за шитьемъ, внимательно слушала, какъ Антонъ читалъ ей первыя ариѳметическія понятія и правила, какъ онъ передавалъ ей первые параграфы грамматики или говорилъ, какъ называется по-французски и по-нѣмецки отецъ, мать, сынъ, дочь и т. д. Ложась въ постель, не принимаясь нѣсколько времени послѣ обѣда за работу, сидя за утреннимъ чаемъ, молодая дѣвушка не оставляла учебниковъ. Она дорожила ими, какъ дитя новою игрушкой. Каждый человѣкъ, которому, по волѣ случая, приходилось начинать ученье не въ годы дѣтства, а на шестнадцатомъ или на девятнадцатомъ году жизни, знаетъ, какъ дорогъ и какъ сладокъ каждый новый шагъ, сдѣланный по этому пути. Затвердивъ какое-нибудь грамматическое правило, разрѣшивъ какую-нибудь ариѳметическую задачу, уже мечтаешь, что ты Богъ знаетъ какъ далеко ушелъ впередъ и что остается очень немного шаговъ для достиженія цѣли, то-есть до изученія всей той мудрости, которая доступна людямъ. Ни одинъ ребенокъ не можетъ такъ сильно радоваться своимъ успѣхамъ въ ученьи, какъ взрослый человѣкъ; взрослый въ этомъ случаѣ становится болѣе ребенкомъ, чѣмъ самъ ребенокъ. А первыя трудности ученья? Ребенокъ иногда падаетъ духомъ, встрѣчая ихъ на своемъ пути, или съ дѣтскимъ легкомысліемъ обходитъ ихъ, не преодолѣвъ ихъ и не помышляя о томъ, что эти трудности явятся передъ нимъ когда-нибудь снова и послужатъ тормозами при усвоеніи высшихъ положеній науки. Взрослаго же эти трудности только сильнѣе побуждаютъ къ борьбѣ; онѣ какъ бы дразнятъ его самолюбіе; онъ не можетъ успокоиться, не побѣдивъ ихъ; онъ хватается именно за нихъ, какъ за самую суть знанія. Только

Digitized by Google

тотъ пойметъ всѣ эти молодые восторги по поводу побѣжденныхъ трудностей ученія, кто самъ прошелъ эту скорбную школу самоучки. Если бы въ эти дни на Катерину Александровну посмотрѣлъ посторонній человѣкъ,—не простодушная Марья Дмитріевна, не любящій Антонъ, не добрякъ Прохоровъ, а совершенно чужой человѣкъ,—то онъ навѣрное улыбнулся бы насмѣшливою и даже презрительною улыбкой, слыша, какъ эта дѣвушка, молодая, страстная и полная жизни, горячо толкуетъ о грамматикѣ, объ ариѳметикѣ и тому подобныхъ предметахъ, точно въ этихъ сухихъ предметахъ для нея заключаются всѣ ея стремленія, вся суть жизни. Онъ улыбнулся бы еще насмѣшливѣе, услышавъ, что она самодовольно говоритъ:

— А я очень способна къ ариѳметикѣ: я теперь вполнѣ знаю первыя четыре правила; мнѣ они совсѣмъ ясны! Я навѣрное выучу всю ариѳметику! У насъ въ школѣ, бывало, ничего не объясняли; ставишь, бывало, какія-то цифры, а зачѣмъ—и сама не знаешь. А теперь вотъ я все это понимаю!

Эти слова сочлись бы за самохвальство и даже за глупость; вѣдь хвалить себя вообще считается глупымъ, а хвалить себя за то, за что не считаетъ возможнымъ хвалить себя даже ребенокъ,—еще глупѣе. Но какъ бы ни взглянули на это дѣло посторонніе люди, а Катерина Александровна все-таки увлекалась именно этими сухими предметами и хвалила себя за эти мелкіе, ничтожные успѣхи. Она была такою же самоучкою, какъ и всѣ самоучки.

Но, отдавшись всецѣло своимъ новымъ стремленіямъ, восхищаясь своими успѣхами, она не замѣчала главнаго: она не вполнѣ понимала, что именно эти занятія спасли ее отъ того тревожнаго состоянія, которое пробудилось въ ней послѣ послѣдней исторіи съ Наташей. Она была весела, бодра; она сдѣлалась спокойнѣе, легче смотрѣла на мелкія пріютскія непріятности, точно она за эти дни поднялась на недосягаемую высоту надъ этимъ болотомъ, гдѣ копошились разные гады въ родѣ Зубовой и Постниковой. Ихъ сплетни, ихъ колкости, дѣлавшіяся все болѣе и болѣе сильными вслѣдствіе ея сближенія съ Зориной, казались ей крайне мелкими и не отняли ни одной минуты у ея занятій, не помѣшали ей при рѣшеніи какой-нибудь задачи. Тѣ свѣтлые планы, которые она называла прежде мечтами, снова зароились въ ея головѣ, и она уже не старалась гнать ихъ отъ себя, не стыдилась ихъ, какъ глупыхъ сновидѣній, но лелѣяла ихъ,

Digitized by Google

развивала, старалась сдѣлать ихъ все болѣе и болѣе осуществимыми.

Лѣто неслось быстро, прошли вакаціи въ пріютѣ, наступилъ экзаменъ для Антона въ гимназіи, возвратились и кадеты изъ лагеря. Оба сына Флегонта Матвѣевича были на нѣсколько дней отпущены домой. Они уже давно ожидали этихъ торжественныхъ дней, чтобы отдохнуть отъ лѣтнихъ маршировокъ, ученій и маневровъ, чтобы снова побыть подъ крыломъ своего заботливаго отца, чтобы наглядѣться на свою любимицу, Катерину Александровну. Встрѣча молодыхъ людей съ Катериной Александровной была самая дружеская, искренняя. Молодые люди, несмотря на свою неопытность, несмотря на свою недальновидность, подмѣтили что-то новое въ Прилежаевой. Она, казалось, расцвѣла и похорошѣла еще болѣе за послѣднее время. Ея черные глаза сверкали жизнью; на ея щекахъ вспыхивалъ горячій румянецъ.

— Ну, какъ вы лѣто проводили?— спрашивали ее братья, пожимая и цѣлуя ей руки.

— Ничего, хорошо! — весело отвѣчала Катерина Александровна.—Я вотъ учиться начала. Не однимъ же вамъ быть учеными!

— Чему же вы учиться будете?—съ любопытствомъ спросилъ Александръ Прохоровъ; онъ выглядѣлъ необычайно степенно и серьезно.

— Да всему. Развѣ я знаю, какія науки есть? Чему брата будутъ учить, тому и я буду учиться.

— Это хорошее дѣло вы надумали,—серьезно замѣтилъ онъ.

— Соскучитесь!—засмѣялся братъ Иванъ.

— Отчего соскучусь? Вы же учитесь?

— Ну, такъ развѣ мы по своей охотѣ учимся! Я, кажется, на тысячу кусочковъ разорву всякія тактики и фортификаціи, когда выйду въ офицеры.

— Да развѣ Катерина Александровна будетъ этому учиться?—замѣтилъ Александръ Прохоровъ, пожимая плечами.

— А что это за наука: тактика? — полюбопытствовала Катерина Александровна.

Иванъ Прохоровъ залпомъ произнесъ вызубренное опредѣленіе тактики.

— А фори...—начала Катерина Александровна и засмѣялась. — Вотъ я даже и назвать не умѣю этой науки. Сейчасъ же забыла, какъ вы сказали.

Digitized by Google

— Фортификація,—подсказалъ братъ Александръ.

— Ну да, форти-фи-кація,—съ усиліемъ повторила Катерина Александровна.

Иванъ Прохоровъ отчетливо произнесъ опредѣленіе науки.

— Ну, я дѣйствительно тоже не стала бы учить такихъ наукъ. Да мнѣ онѣ и не нужны. Я вѣдь воевать не пойду.

— Да, вамъ хорошо. А вотъ намъ, кажется, придется идти прямо подъ пули,—замѣтилъ старшій Прохоровъ.

Катерина Александровна вздрогнула.

— Ну-у!—какъ-то недовѣрчиво произнесла она.

— Право! Говорятъ, что будущею весной даже усиленный выпускъ будетъ ради войны.

Штабсъ-капитанъ нахмурилъ брови.

— Мало ли что болтаютъ ваши мальчишки!—пробормоталъ онъ.—До весны еще далеко: можетъ-быть, все до тѣхъ поръ кончится. Изъ-за пустяка началось, пустякомъ и кончится!.. Выдумали тоже мальчишки... Усиленный выпускъ... подъ пули...

Старикъ взволновался...

— Что-жъ тутъ невѣроятнаго? Все можетъ быть. Пошли въ военные, такъ отъ войны не приходится отказываться,—замѣтилъ младшій Прохоровъ.—Мы не бабы!

— Да развѣ я тебѣ говорю, что отказываться надо?—произнесъ старикъ.—Только глупости у васъ болтаютъ кадетишки: какіе вы служаки, когда еще ничего не знаете. Что толку-то было бы въ васъ, хоть бы десять усиленныхъ выпусковъ сдѣлали? Вы думаете, что войску такіе комары нужны? По-вашему, пожалуй, и грудные младенцы войску нужны? И какіе бы вы были офицеры? Со школьной скамьи, съ плацъ-парада, не зная ни солдатъ, ни службы, не привыкнувъ къ дальнимъ походамъ, къ лишеніямъ военной жизни, вы только путались бы между ногъ у солдатъ, сбивали бы ихъ съ толку, да падали бы, какъ мухи осенью... А туда же толкуете: усиленный выпускъ, подъ пули... Прежде разсуждать научились бы...

Старикъ не на шутку разсердился на слова сыновей.

— Да вѣдь это не мы, папа, выдумали. Товарищи толкуютъ,—замѣтилъ старшій сынъ.

— Ну, и пусть ихъ толкуютъ, типунъ бы имъ на языкъ, а вы не повторяйте!—промолвилъ штабсъ-капитанъ.—Вы думаете, это такъ легко слышать отцу: подъ пули!

— Да вѣдь ты, отецъ, я думаю очень хорошо зналъ, что не для одной мирной маршировки отдаешь насъ въ военную

Digitized by Google

службу,—серьезно и нѣсколько рѣзко замѣтилъ старшій сынъ Прохорова.

— Да зналъ и теперь знаю, что вы отданы въ военную службу и для того, чтобы маршировать, и для того, чтобы воевать. Но ни я, ни кто-нибудь другой, кромѣ какихъ-нибудь молокососовъ, вѣтрогоновъ, болвановъ, не станетъ утверждать, что я васъ отдалъ или что васъ взяли для того, чтобы подставить подъ пули. Для этого и деревяжки можно взять, для этого и картонныя куклы годятся...

Штабсъ-капитанъ зашагалъ по комнатѣ. Въ выраженіи его лица было что-то болѣзненное, онъ какъ будто осунулся. Сыновья съ удивленіемъ глядѣли на его тревогу. Въ сердцѣ старшаго сына Флегонта Матвѣевича шевельнулось глубокое, честное чувство уваженія и любви къ отцу, не той безотчетной любви, которою обыкновенно любятъ дѣти добрыхъ отцовъ, а той разумной любви, которую мы чувствуемъ и къ посторонним честнымъ и добрымъ людямъ.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Катерина Александровна впала въ тяжелое раздумье, ей было жаль старика, волновавшагося отъ первой вѣсти о томъ, что ему придется, быть-можетъ, проститься съ сыновьями.

— Вашъ отецъ очень огорчился,—замѣтила она старшему сыну штабсъ-капитана, когда старикъ вышелъ изъ комнаты.

— Да вѣдь и намъ не легко было бы бросить его,—отвѣтилъ задумчиво старшій Прохоровъ.—Но дѣлать нечего, мы должны кончить курсъ нынче. Я охотно поучился бы еще или отказался бы отъ военной службы ради отца. Ему пора бы успокоиться; ему нужна поддержка, а изъ жалованья армейскаго офицера немного можно удѣлить... Да и самая разлука съ нами будетъ тяжела для него...

— Это неизбѣжно! Не разстанемся черезъ годъ,—придется разстаться черезъ два,—замѣтилъ младшій братъ.— Теперь, по крайней мѣрѣ, отличиться можно. Не заржавѣемъ въ глуши; можетъ-быть, сразу шагнемъ далеко впередъ.

— А, можетъ-быть, уйдемъ такъ далеко, что и вернуться будетъ нельзя,—проговорилъ старшій.—Нѣтъ, я охотно бы остался здѣсь... Вотъ если бы въ доктора можно идти...

— Это онъ труситъ, Катерина Александровна,—засмѣялся младшій братъ. — Его всѣ товарищи трусомъ прозвали въ нынѣшнее лѣто...

Катерина Александровна посмотрѣла на Александра Прохорова вопросительнымъ взглядомъ. Ее удивили слова Ивана Прохорова.

Digitized by Google

— Развѣ вы точно трусите? — какъ-то несмѣло спросила она.

— Да, трушу,—хладнокровно отвѣтилъ онъ.

— Ему бы только штафиркой быть! — шумно засмѣялся братъ Иванъ.—Онъ, я думаю, цѣлый вѣкъ будетъ ругаться, да охать, если ему на войнѣ оторвутъ руку, или ногу.

— Еще бы! — невозмутимо отвѣтилъ братъ Александръ.

Катерина Александровна смотрѣла на здоровяка-кадета съ возрастающимъ удивленіемъ. До сихъ поръ она считала его такъ же, какъ и его брата, силачомъ, смѣльчакомъ, «головорѣзомъ», какъ называлъ его Флегонтъ Матвѣевичъ; теперь же ей было странно слышать его хладнокровное признаніе въ трусости и малодушіи.

— А я васъ такимъ храбрецомъ считала, — проговорила она, обращаясь къ старшему Прохорову.

— Да я вѣдь и не говорю, что я трусъ, — отвѣтилъ онъ.—Это вонъ они, мальчоночки, выдумали. Имъ, видите ли, поскорѣй мундирчики офицерскіе надѣть хочется да подраться тоже желательно; вотъ они и шумятъ о войнѣ. Ваня уже практикуется, расписываясь прапорщикомъ Прохоровымъ. Мальчуганъ еще! У насъ нынче въ лагеряхъ только и разговоровъ было, что о войнѣ; на всѣ лады обсудили, кто до какого чина дойдетъ...

— Ну да, а онъ, старичокъ, только о томъ и печалится, что у него ручку или ножку оторвать могутъ, — замѣтилъ братъ Иванъ съ нѣтушинымъ задоромъ.

Александръ Прохоровъ выглядѣлъ попрежнему добродушно и спокойно и, ничего не возражая брату, обратился къ Катеринѣ Александровнѣ.

— Просто дрожь пробираетъ, какъ подумаешь, что, можетъ-быть, въ первый же годъ службы придется остаться калѣкой, подобно отцу, — задушевнымъ тономъ заговорилъ онъ.—Ни на какое дѣло не способенъ; ничего не знаешь кромѣ военныхъ наукъ, — и вдругъ останешься безъ руки или безъ ноги и безъ куска хлѣба. Право, я пулю бы пустилъ себѣ въ лобъ, если бы это случилось.

— Струсишь! — вызывающимъ смѣхомъ засмѣялся братъ Иванъ.

Александръ Прохоровъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на замѣчаніе брата и продолжалъ тѣмъ же откровеннымъ, спокойнымъ тономъ:

— Я, право, не знаю, какъ перенесъ отецъ свое положеніе...

Digitized by Google

Отецъ не былъ такимъ трусомъ, какъ ты, — рѣзко вставилъ свое слово братъ Иванъ.

— Онъ мнѣ съ Ваней никогда не говорилъ, но я знаю, что ему приходилось выносить тысячи униженій изъ-за каждаго куска хлѣба... До нынѣшняго лѣта я очень рѣдко думалъ объ этомъ... А вотъ теперь всѣ эти толки о войнѣ заставили призадуматься серьезно. Видно, своя рубашка къ тѣлу ближе. Покуда онъ терпѣлъ, намъ и горя мало было, а теперь, какъ увидѣлъ я, что и самому, можетъ-быть, придется такъ жить, то просто духъ захватило. Терпѣлъ, терпѣлъ онъ, и вдругъ придется еще не только за себя страдать, а и кормить калѣку сына... Нѣтъ, ужъ до этого я не доведу дѣла. Лучше пусть онъ поплачетъ одинъ разъ о томъ, что я умеръ, чѣмъ медленно будетъ страдать, глядя на негоднаго ни на что дармоѣда...

Въ словахъ Александра Прохорова звучали совершенно новыя ноты; это уже былъ не прежній мальчикъ, беззаботно ухаживавшій за Катериной Александровной, это уже былъ не прежній добродушный толстякъ-кадетъ, повидимому, нисколько не заботившійся о будущемъ. Во всемъ складѣ его ума произошла замѣтная перемѣна. Юношескіе толки о начинавшейся войнѣ впервые заставили его серьезно взглянуть въ будущее. Его братъ и нѣкоторые юные товарищи исполнились воинственнаго пыла и толковали объ отличіяхъ и побѣдахъ; но среди этихъ страстныхъ толковъ нѣкоторымъ юношамъ приходила иногда въ голову и мысль о ранахъ, о лишеніяхъ, которыя придется вынести въ военное время. Эта мысль остановила на себѣ вниманіе и Александра Прохорова, и у него невольно возникли вопросы: что будетъ, если онъ, подобно своему отцу, на первыхъ же порахъ останется безъ ноги или безъ руки? За что нужно будетъ приняться въ этомъ случаѣ, куда идти, какимъ образомъ добывать хлѣбъ? Юноша перебиралъ всѣ роды извѣстной ему дѣятельности и пришелъ къ заключенію, что онъ не способенъ ни къ какому роду занятій, что у него нѣтъ никакой подготовки, никакихъ знаній, кромѣ запаса свѣдѣній по части военнаго искусства. Тогдашнее корпусное образованіе, дѣйствительно, не походило на образованіе современныхъ намъ военныхъ гимназій и не давало почти никакого общаго образованія, сосредотачиваясь исключительно на спеціальныхъ военныхъ наукахъ. До сихъ поръ недостатокъ знаній не замѣчался Александромъ Прохоровымъ; теперь же онъ ярко билъ въ глаза юношѣ и вызывалъ горькое

Digitized by Google

сознаніе того печальнаго положенія, въ которомъ придется ему остаться, если не будетъ возможности продолжать военную службу. Юноша, съ свойственными ему откровенностью и прямотою, высказалъ товарищамъ свои тревожныя мысли и вызвалъ безконечные споры. Большинство горячихъ мальчугановъ назвало Прохорова трусомъ и глумилось надъ тѣмъ, что онъ готовится къ войнѣ съ мыслью о ранахъ, а не съ мыслью о побѣдахъ.

— Идетъ сражаться, а думаетъ только о томъ, какъ его самого поколотятъ!—кричали они со смѣхомъ.

— О чемъ же больше и думать? — серьезно возражалъ Александръ Прохоровъ.—О томъ, что я поколочу другихъ, нечего думать, такъ какъ въ этомъ будетъ вся моя цѣль. Приготовиться же нужно только къ тому, что надо будетъ дѣлать, если не удастся поколотить другихъ.

— Ну, братъ, тебѣ не военнымъ бы быть, а штафиркой,— кричали задорные герои.

— То-то и худо, что ни вы, ни я не можемъ служить въ гражданской службѣ,—спокойно замѣчалъ Александръ Прохоровъ.—Въ гражданской службѣ одними носками ничего не возьмешь; тамъ нужно, чтобы и въ головѣ что-нибудь было.

— Еще бы? Чтобы быть хапугой, нужно также умѣнье?

— Да вѣдь для того, чтобы грабить, не нужно быть непремѣнно статскимъ.

— Ишь, какъ своихъ-то отстаиваетъ! Ахъ ты, философъ!

Но среди этихъ расхрабрившихся птенцовъ нашлись немногіе, которые перешли на сторону Александра Прохорова и вмѣстѣ съ нимъ обсуждали интересовавшіе ихъ вопросы. Въ нѣсколько недѣль они передумали гораздо больше, чѣмъ въ нѣсколько лѣтъ предшествовавшей корпусной жизни. И не мудрено: событія общественной жизни впервые задѣли ихъ существенные личные интересы. Въ ихъ умахъ уже бродило не одно довольно смутное чувство неудовольствія на мелкія будничныя непріятности, но явилось отчетливое и рѣзкое негодованіе на весь складъ ихъ жизни, на все ея направленіе. Юношество раздѣлилось на кружки, спорило, шумѣло, волновалось, а нѣсколько юныхъ практиковъ уже кропали тайкомъ воинственные стишки. Особенно удачнымъ должно было выйти одно стихотвореніе, начинавшееся слѣдующею картиной:

Заря пылаетъ на востокѣ,
День разгоняетъ мракъ глубокій.

Digitized by Google

И скоро, скоро крестъ святой
Надломитъ рогъ луны златой.

Среди этихъ волненій, споровъ и тревогъ молодежь шла ощупью къ уясненію тѣхъ или другихъ идей. Литература молчала или тоже изрѣдка толковала о томъ, что

...Скоро, скоро крестъ святой
Надломитъ рогъ луны златой,

и далѣе этого не заходила. Тщетно сталъ бы искать въ ней тогда какой-нибудь Александръ Прохоровъ указанія на то, что ему дѣлать, если крестъ святой не сломитъ рога златой луны.

Но если она не отвѣчала на его вопросы, вызванные не одними его личными интересами, но интересами сотенъ людей, стоявшихъ въ такомъ же ожиданіи развязки, какъ и онъ,—то еще менѣе склонности замѣчалось въ обществѣ къ разрѣшенію такихъ смутныхъ для самой спрашивавшей вопросовъ, какъ вопросы Катерины Александровны, задавшейся мыслью: какъ ей выбиться изъ нужды, какъ дойти до лучшаго положенія? Общество предлагало ей шить, служить въ пріютѣ, выйти замужъ, не спрашивая ее, можетъ ли она прожить шитьемъ, можетъ ли она считать мѣсто вѣрнымъ въ пріютѣ, хочетъ ли она идти замужъ. Такимъ образомъ, и тутъ приходилось идти ощупью, не зная, куда приведетъ избранный путь, и достанетъ ли силъ идти по этому пути безъ указаній, безъ поддержки.

II.

Тревожные вопросы.

Общественныя событія, повидимому, очень отдаленныя отъ маленькаго міра нашихъ героевъ, не прошли для него даромъ и внесли нѣчто новое въ его однообразную жизнь. Вѣсти о войнѣ волновали и его, какъ онѣ волновали весь Петербургъ и всю Россію.

Флегонтъ Матвѣевичъ въ послѣднее время сталъ пристально слѣдить за газетами и интересовался извѣстіями о военныхъ событіяхъ. Такъ какъ въ то время еще не существовало розничной продажи отдѣльныхъ нумеровъ газетъ, то старый воинъ довольно аккуратно два раза въ недѣлю относилъ свою дань ближайшему трактиру за право выпить стаканъ «брандахлысту», какъ называлъ штабсъ-капитанъ трактирный чай, и за возможность почитать «вѣдомости». Старикъ такъ часто и такъ пространно разсуждалъ о военныхъ дѣйствіяхъ, что, наконецъ, въ скромной квартирѣ

Digitized by Google

Прилежаевыхъ чаще всего стали слышаться имена разныхъ героевъ и главнокомандующихъ, какъ будто эти люди были здѣсь своими людьми. Нѣкоторые изъ нихъ стали не только любимцами, но даже предметами гордости семейнаго кружка; другіе же, напротивъ того, вызывали очень строгіе замѣчанія и выговоры со стороны отставного служаки, который какъ-то выразился про одного сплоховавшаго генерала: «Ну, осрамилъ! На весь міръ осрамилъ насъ!»

Впрочемъ, въ разсужденіяхъ стараго инвалида о войнѣ не было ничего необыкновеннаго, тѣмъ болѣе, что его интересовала война даже не просто какъ бывшаго военнаго, но и какъ отца будущихъ офицеровъ. Гораздо болѣе страннымъ могло показаться то обстоятельство, что война заинтересовала и такую живущую своими узенькими интересами, миролюбивую личность, какъ Марья Дмитріевна. Однако, случилось именно такъ. Марья Дмитріевна вся погрузилась въ глубокія соображенія о томъ, «кто кого поколотитъ», «возьмутъ ли французъ и англичанинъ Петербургъ или опять въ Москву пойдутъ съ двунадесятью языками», «разобьютъ ли поганаго турка» и «утрутъ ли носъ австріяку за то, что онъ намъ гадитъ подвохами». Марья Дмитріевна выказала даже необыкновенное жестокосердіе, говоря, что, кажется, «если бы ей этотъ самый французъ попался, такъ она бы ему, голоштанному, своими руками глаза выцарапала, а этому туркѣ поганому по волоску, по волоску всю бороду выщипала бы». Политическія соображенія Марьи Дмитріевны вообще оказались довольно своеобразными и получали свое направленіе большею частью изъ мелочной лавочки. Мелочная лавка, помѣщавшаяся подъ квартирой Прилежаевыхъ, сдѣлалась клубомъ для политиковъ подваловъ, чердаковъ, угловъ и «комнатъ съ мебелью». Здѣсь находились великіе знатоки исторіи, утверждавшіе, что Бонапартъ, видно, отогрѣлся послѣ того, какъ его заморозили въ Москвѣ; нѣкоторые утверждали, что это онъ злобу хочетъ сорвать за то, что его на островѣ царицы Елены съ двѣнадцатаго года на цѣпурѣ держали. Здѣсь находились такіе мудрые географы, которые трусили, что враги уже въ Черное море пришли и, значитъ, близко къ Москвѣ подходятъ. Опасенія этихъ мудрецовъ встрѣчались съ ироніей барскими лакеями и офицерскими денщиками, доподлинно знавшими, что теперь уже не старый Бонапартъ колобродитъ, а молодой, и что Черное море отъ Москвы далеко, а подходитъ къ Кіеву. Свѣдѣнія нѣкоторыхъ заходили такъ далеко, что они утвер-

Digitized by Google

ждали, будто бы Бонапартъ въ амбицію вломился за то, что нашъ царь съ нимъ породниться не захотѣлъ, а написалъ ему: «Ты, любезный другъ, управляйся, какъ знаешь, со своими голоштанными французами, а въ мои хрестьянскія дѣла не мѣшайся». Впрочемъ, несмотря на болѣе или менѣе высокую степень образованія и различіе «политическихъ убѣжденій», всѣ ораторы сходились въ одномъ томъ, что «мы всѣхъ шапками забросаемъ» и что «французъ жидокъ». Марья Дмитріевна съ свойственнымъ ей смиреніемъ выслушивала всѣхъ и вздыхала, чуя что-то недоброе. Возвращаясь домой, она сообщала слышанное Флегонту Матвѣевичу и кротко выслушивала его безконечныя замѣчанія.

— А къ намъ-то, батюшка, думаете, не придутъ?—боязливо спрашивала она каждый разъ, наслушавшись разсужденій стараго воина.

— Гдѣ же придти! Теперь зима скоро,—успокаивалъ ее герой.

— Да, а вонъ они въ Черномъ морѣ высадились. Шутка ли! Пройдутъ въ Бѣлое, а тутъ и пустынь Валаамская недалеко...

— Экъ вы хватили, почтеннѣйшая Марья Дмитріевна!— Къ намъ не придутъ теперь. Вотъ что будущее лѣто скажетъ... Впрочемъ, можетъ-быть, война до весны кончится...

— Охъ, въ разоръ разорятъ, если придутъ,—вздыхала Марья Дмитріевна.—Вотъ говорятъ, что и служащихъ всѣхъ въ Москву переведутъ... Что же я безъ Катюши-то стану дѣлать?

— Ну, это все бабьи толки!

— Не попусти, Господи,—вздыхала Марья Дмитріевна, поднимая глаза къ образу и осѣняясь крестнымъ знаменіемъ.

Война сдѣлалась настолько интересною для нея, что она иногда безъ всякой видимой надобности разъ пять заходила въ лавочный клубъ «отвести душу» и послушать, «что люди-то говорятъ». Флегонтъ Матвѣевичъ крѣпился нѣкоторое время и не посѣщалъ клуба—такъ иногда завернетъ туда за «сигарками» или папиросами, перекинется двумя, тремя небрежными фразами съ мѣстными политиками и уйдетъ домой. Но, наконецъ, и онъ не выдержалъ. Марья Дмитріевна раза три принесла изъ клуба какія-то новости, еще ненапечатанныя въ газетахъ и слышанныя ею отъ денщиковъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Она, конечно, не умѣла передать этихъ извѣстій съ точностью

Digitized by Google

спеціалиста въ военныхъ дѣлахъ и, какъ диллетантка, перепутала все слышанное. Это заставило Флегонта Матвѣевича самолично спуститься въ клубъ и навести справки о новостяхъ. Съ этого дня онъ сталъ все чаще и чаще посѣщать клубъ и даже былъ единодушно избранъ безъ всякой баллотировки предсѣдателемъ этого клуба, какъ человѣкъ, опытный въ военномъ дѣлѣ, какъ воинъ, дравшійся съ туркою, какъ образованный баринъ. Засѣданія происходили въ клубѣ обыкновенно въ то время, когда въ клубѣ получалась газета. Надо замѣтить, что клубъ былъ не очень богатъ и потому получалъ только полицейскую газету, изъ которой, конечно, о войнѣ трудно было что-нибудь узнать; но члены клуба очень часто приносили въ него нумера другихъ газетъ, взятые украдкой съ барскихъ столовъ. Конечно, члены могли бы прочесть эти нумера дома, но, къ счастью клуба, большинство изъ этихъ членовъ было или совсѣмъ безграмотно или читало такъ медленно, что могло прочесть нумеръ газеты не менѣе какъ въ недѣлю, и то только въ томъ случаѣ, если не требовалось пониманія прочитаннаго. Вслѣдствіе этихъ уважительныхъ причинъ члены клуба несли газетные нумера въ клубъ, гдѣ кто-нибудь изъ ихъ среды, сильный въ грамотѣ, читалъ новости вслухъ. Довольно долго клубъ находился въ мучительномъ положеніи, и даже можно было сомнѣваться въ продолженіи его существованія. Дѣло въ томъ, что грамотнѣе всѣхъ былъ одинъ двѣнадцатилѣтній «казачокъ» статскаго генерала Киселева. Но казачокъ этотъ не всегда присутствовалъ въ клубѣ и пребывалъ въ немъ недолго, жалуясь, что дома генералъ деретъ его за вихры за долгое пребываніе въ клубѣ; кромѣ того онъ совершенно не умѣлъ отыскивать необходимыя новости и начиналъ чтеніе съ заголовка газеты, съ объявленія объ ея цѣнѣ, о томъ, что она выходитъ ежедневно за исключеніемъ дней слѣдующихъ за ста двадцатью воскресными и праздничными днями, о мѣстѣ подписки на нее, о платѣ за напечатаніе въ ней объявленій. Иные члены клуба, прослушавъ два, три раза одно и то же, теряли терпѣніе, махали рукой и уходили изъ клуба. «Заладили, молъ, одно и то же, да ничего больше и не пишутъ». Но если одни негодовали на писателей за то, что они пишутъ все одно и то же, то другіе потеряли уваженіе къ самому юному предсѣдателю клуба и во всемъ обвиняли его. Кто-то изъ недовольныхъ даже замѣтилъ ему:

— Илья, смотришь въ книгу, а видишь фигу!

Digitized by Google

— Читай самъ, если я не умѣю,—обидчиво огрызнулся юный предсѣдатель.

— Эко диво! Да кабы я читать-то умѣлъ, такъ ужъ почище тебя прочиталъ бы!—презрительно возразилъ недовольный членъ.

Появленіе штабсъ-капитана въ клубѣ было великимъ событіемъ. Онъ сразу завоевалъ уваженіе и полное довѣріе всѣхъ членовъ; ему даже не смѣли говорить «ты» и постоянно величали его «вашимъ благородіемъ», такъ что въ немъ сейчасъ можно было узнать важное лицо. Чтобы не пребывать постоянно на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, штабсъ-капитанъ согласился устроить домашнимъ способомъ телеграфъ: изъ спальной лавочника, находившейся подъ комнатой штабсъ-капитана, стучали въ потолокъ кочергой, штабсъ-капитанъ стучалъ въ полъ деревяжкой, временно исполнявшей должность его ноги. Стукъ кочерги означалъ: «газету принесли»; стукъ деревяжки означалъ: «сейчасъ явлюсь». Штабсъ-капитанъ спускался въ клубъ, читалъ вслухъ газету, поясняялъ, ораторствовалъ и руководилъ преніями клубистовъ. Кромѣ газетныхъ новостей, въ клубъ заносились новости закулисныя, не подлежащія сомнѣнію извѣстія, слышанныя денщиками полковника и генерала, достовѣрные слухи о какомъ-то филинѣ, «не передъ добромъ» залетѣвшемъ на какую-то крышу, о какомъ-то таинственномъ старцѣ, явившемся кому-то съ какимъ-то пророчествомъ, о какомъ-то орлѣ, преслѣдовавшемъ какую-то голубку, о какомъ-то небесномъ видѣніи, представлявшемъ тьму темъ идущихъ въ облакахъ воиновъ,—однимъ словомъ, достовѣрнымъ и знаменательнымъ разсказамъ не было конца въ клубѣ. Предсѣдатель клуба въ нѣсколько недѣль сдѣлался самою популярною личностью околотка, и даже содержатель клуба, т. е. лавочникъ Трофимовъ, сталъ приглашать предсѣдателя къ себѣ на пирогъ.

— Много вами довольны, ваше благородіе, — говорилъ онъ.—Не побрезгайте нашимъ угощеніемъ.

Дѣйствительно, Трофимовъ могъ быть доволенъ предсѣдателемъ, такъ какъ число клубистовъ значительно прибавилось въ лавкѣ послѣ появленія въ ней штабсъ-капитана. Зато сосѣдній трактиръ окончательно лишился одного посѣтителя и продавалъ въ теченіе каждой недѣли чаю на два стакана меньше прежняго. Рыжевато-сѣрая шинель штабсъ-капитана, его фуражка съ пятнами табачнаго цвѣта, съ потрескавшимся козырькомъ и потемнѣвшею кокардой, его

Digitized by Google

деревянная нога, его сизо-красный носъ сдѣлались чѣмъ-то роднымъ для всѣхъ окрестныхъ жителей, знавшихъ, что подъ этими ветхими доспѣхами хранится неизсякаемый источникъ военной премудрости и ораторскаго краснорѣчія. Даже Марья Дмитріевна,—скромная Марья Дмитріевна озарилась лучами славы своего жильца и сдѣлалась извѣстной подъ именемъ «хозяюшки капитана». Почти незнакомые ей люди раскланивались съ нею и справлялись о здоровьѣ капитана.

Война, какъ мы уже сказали, сильно возбудила толки и въ средѣ кадетъ: эти толки еще болѣе усилились при началѣ учебнаго года. Они уже происходили не между одними кадетами; въ нихъ принимали участіе и дежурные офицеры, и учителя. Общественныя событія, волновавшія въ равной степени всѣ слои общества, начиная съ какихъ-нибудь клубистовъ изъ мелочной лавочки Трофимова и кончая важными членами гиреевскихъ и бѣлокопытовскихъ салоновъ, засѣвшими за щипанье корпіи и изготовленіе бинтовъ,—эти общественныя событія послужили какъ къ сближенію разныхъ сословій, такъ и къ сближенію отдѣльныхъ личностей, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Если штабсъ-капитанъ снизошелъ до мелочной лавочки, то не было ничего удивительнаго, что какой-нибудь батальонный командиръ Фитилькинъ снисходилъ до кружковъ выпускныхъ кадетъ и, трепля по плечу какого-нибудь браваго юношу, густымъ басомъ говорилъ:

— Готовься, готовься, братъ, къ бранному полю!

Прежнія натянутыя и угловатыя отношенія между кадетами и начальствомъ стали быстро получать интимный характеръ, обыкновенно царствующій между членами одной семьи. Въ обращеніи офицеровъ съ выпускными кадетами было даже что-то заискивающее, что-то слишкомъ снисходительное. Такъ обыкновенно относятся старшіе члены семьи къ послѣднимъ проказамъ юноши, идущаго въ трудный походъ, готовящагося къ мучительной разлукѣ съ роднымъ гнѣздомъ, обреченнаго, быть-можетъ, на смерть. Такъ относятся тюремщики къ арестантамъ, наканунѣ ихъ казни. Учителя тоже стали снисходительнѣе къ старшимъ воспитанникамъ, а учитель артиллеріи, ставя однажды *семь* ничего не знающему ученику, шутливо замѣтилъ:

— Ну, ужъ такъ и быть, семерку вамъ поставлю. Лѣтомъ подъ свистъ ядеръ поймете все, чего изъ лекцій не поняли.

Въ средѣ самихъ учителей уже начали въ это время болѣе рѣзко выступать впередъ не совсѣмъ безцвѣтныя, не

Digitized by Google

совсѣмъ безсловесныя личности. Событія дня, вызвавшія толки объ общественныхъ вопросахъ, показали каждому, что у него есть какіе-то другіе интересы, кромѣ его семейныхъ именинныхъ пироговъ и женинныхъ объятій, кромѣ входящихъ и исходящихъ бумагъ, кромѣ равъ навсегда установленныхъ формъ и программъ, кромѣ отбыванія службы и сведенія итоговъ въ его приходо-расходныхъ книгахъ. Подъ вліяніемъ событій началъ вырисовываться, если можно такъ выразиться, гражданскій характеръ отдѣльныхъ личностей: одинъ говорилъ, что мы всѣ шапками закидаемъ, — это былъ гражданинъ-патріотъ; другой толковалъ, что мы во всемъ отстали отъ Европы, — это былъ гражданинъ-западникъ; третій многословно толковалъ, что русскій народъ великъ смиреніемъ и глубокою вѣрою, которая поможетъ ему одержать верхъ надъ гнилымъ Западомъ и даже въ тяжелую годину испытанія не дойти до того растлѣнія нравовъ, до котораго дошелъ Западъ, — это былъ гражданинъ-славянофилъ. Всѣ эти черты гражданскаго характера уже начинали все ярче и ярче обрисовываться среди толковъ объ общественныхъ событіяхъ, хотя еще и не могли достаточно рѣзко отразиться въ литературѣ. Но среди разныхъ гражданскихъ характеровъ всѣхъ этихъ помѣщиковъ, чиновниковъ и образованныхъ пролетаріевъ чаще всего появлялся характеръ недовольнаго и потому либеральничающаго гражданина. Недовольный либералъ первой половины пятидесятыхъ годовъ,—годовъ, слѣдовавшихъ за временемъ глубокаго сна,—имѣлъ совершенно особый характеръ. Тогдашній либералъ былъ недоволенъ всѣмъ, хотя иногда казалось, что онъ ничѣмъ не недоволенъ. Дѣло въ томъ, что онъ своимъ образомъ жизни ничѣмъ не отличался отъ самыхъ крайнихъ ретроградовъ и не смущалъ ихъ какими-нибудь противными помѣщичьимъ, чиновническимъ и вообще свѣтскимъ традиціямъ выходками. Кромѣ того, онъ былъ крайне сдержанъ даже въ рѣчахъ и совершенно чуждъ той экспансивности, которою отличались либералы конца пятидесятыхъ годовъ. Онъ больше хмурился, чѣмъ жаловался; онъ чаще говорилъ съ насмѣшливымъ пожиманіемъ плечами, съ горькою улыбочкой: «помилуйте, у насъ все такъ отлично идетъ!» чѣмъ рѣшался обличить не только квартальнаго надзирателя, но просто какого-нибудь будочника. Патріоты и ретограды недаромъ говорили про него, что онъ просто сердитъ на дождь и на свое дурное пищевареніе. Нѣкоторые шутники изъ нихъ

Digitized by Google

даже говорили, что стоитъ одного изъ подобныхъ либераловъ переселить изъ дождливаго и способствующаго желудочнымъ катарамъ Петербурга въ какое-нибудь другое, болѣе благорастворенное мѣсто, и онъ тотчасъ же превратится въ гражданина-маниловца, т. е. полюбить болѣе всего супружескія наслажденія, халатъ, надѣтый на нижнее бѣлье, сельскую идиллію съ тысячью душъ оброчныхъ крестьянъ и, pour la bonne bouche, послѣ сладкаго сна, подъ разнѣживающими лучами солнца, вдали отъ взоровъ супруги, гдѣ-нибудь въ кустахъ на берегу родной рѣчонки, легкія шалости съ молоденькими крѣпостными пейзанками. Мы думаемъ, что ретограды и патріоты были правы только отчасти, что характеръ либерала былъ болѣе прочнаго закала, что недовольство его было не такъ безпредметно, что Петербургъ если былъ причиною этого недовольства, то никакъ не вслѣдствіе одного климата. Подобные либералы стали встрѣчаться и между корпусными учителями. Въ числѣ ихъ особенно выдавались учитель математики Левашовъ и учитель химіи Мѣдниковъ. Первый изъ нихъ, дюжій артиллеристъ съ рыжими большими усами, съ здоровымъ голосомъ, съ размашистыми манерами, былъ знатокомъ физико-математическихъ наукъ и владѣлъ обширнымъ запасомъ знаній по самымъ разнообразнымъ предметамъ. При первомъ взглядѣ на него въ немъ можно было узнать барина въ полномъ смыслѣ этого слова; его развязность и ловкость говорили объ его привычкѣ вращаться въ дамскомъ кругу; его разговоръ блестѣлъ остроуміемъ, напоминавшимъ остроуміе салонныхъ ораторовъ; онъ пересыпалъ свою рѣчь ссылками на различныхъ писателей, и эти ссылки обличали, что онъ знакомъ такъ же хорошо съ романами Дюма, какъ съ произведеніями Декарта, съ повѣстями Бокаччіо, какъ съ твореніями Лейбница. Онъ былъ страстнымъ поклонникомъ энциклопедистовъ и преклонялся передъ женщинами, приписывая имъ громадную долю вліянія на историческія событія. Иногда, слушая его, можно было подумать, что онъ не пропустилъ ни одной среды, не пообѣдавъ у сдержанной и холодной эгоистки мадамъ Жофренъ, что онъ ежедневно заходилъ между пятью и девятью часами къ небогатой, но радушной мадемуазель Леспинасъ, чтобы отдохнуть отъ всякихъ стѣсненій въ домашнемъ кругу энциклопедистовъ, что онъ познакомился съ мадамъ Роланъ еще тогда, когда она, вполнѣ неизвѣстная, съ оружіемъ въ рукѣ, шла 30-го мая 1790 года съ толпою ліон-

Digitized by Google

цевъ въ храму Согласія, и потомъ не разлучался съ нею вплоть до той минуты, когда покрытая славой новелительница Жиронды стояла въ бѣлой одеждѣ, съ распущенными черными волосами, на подмосткахъ эшафота и говорила своему спутнику, Ламаршу: «идите нервымъ, у васъ не хватитъ духа видѣть мою казнь». Преподавая геометрію, Левашовъ разсыпалъ цѣлый рядъ бѣглыхъ замѣчаній о жизни и идеяхъ Эвклида, Пиѳагора, Платона, Кеплера, Декарта, Паскаля, Ньютона, Лейбница, Лагранжа, Монжа и тому подобныхъ личностей. Эти замѣчанія дѣлались à propos, повидимому, небрежно, но они не могли не заронить въ головы молодежи массы нѣкоторыхъ свѣдѣній, которыхъ эта молодежь не могла почерпнуть въ сухихъ лекціяхъ исторіи.

— Говоря о начертательной геометріи, мы не можемъ не отдать должной справедливости Монжу,—говорилъ своимъ шумнымъ голосомъ Левашовъ.—Вы, вѣроятно, не слыхали еще этого имени на цѣломудренныхъ лекціяхъ исторіи. Монжъ былъ сынъ бѣднаго купца и воспитывался въ іонской коллегіи. На девятнадцатомъ году онъ уже былъ профессоромъ математики и потомъ физики. Это было въ то время, когда во Франціи душили всякую мысль, когда даже ученые трактаты сжигались рукою палача. Люди, преданные знанію, стремящіеся къ истинѣ, не выносятъ подобнаго гнета. Конечно, силою можно заставить Галилея стоять два дня на колѣняхъ въ застѣнкахъ инквизиціи, но нельзя заставить его отречься отъ той истины, за которую онъ стоитъ. Монжъ не выдержалъ гнета и присталъ, какъ большинство его собратьевъ по развитію, къ революціонной партіи. Съ 10-го августа 1790 года онъ уже былъ морскимъ министромъ и подписалъ смертный приговоръ старому порядку...

Такимъ образомъ, лекціи математики были иллюстрированы историческими эскизами, и иллюстраціи занимали юношей гораздо болѣе, чѣмъ самый текстъ.

Точно то же случилось съ лекціями Мѣдникова. Мѣдниковъ былъ угрюмый, черноволосый, нѣсколько желчный господинъ. Про него сложились въ корпусѣ цѣлыя легенды. Одни разсказывали, что онъ былъ до того разсѣянъ, что однажды ошибся этажомъ, вошелъ въ чужую квартиру, снялъ сюртукъ и жилетъ и сталъ кричать, что ему не подаютъ обѣдать. Другіе выдавали за достовѣрный фактъ, что онъ дѣлаетъ опыты вліянія кислотъ на человѣческую

Digitized by Google

кожу на рукахъ своего стараго слуги, равнодушно выносящаго эти пытки. Третьи утверждали, что Мѣдниковъ любитъ выпить въ компаніи, но, не имѣя знакомыхъ, пьетъ обыкновенно въ компаніи того же стараго слуги и дворника. Появиться на урокъ съ нечесанной головой, въ выпачканномъ платьѣ, забыть дома носовой платокъ или галстукъ, — все это было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ для Мѣдникова. На его лицѣ рѣдко появлялась улыбка. Говорилъ онъ грубо; рѣзко обрывалъ каждаго, кто плохо отвѣчалъ урокъ. Но баллы ставилъ онъ хорошіе — не ставилъ ниже 7, хотя рѣдко ставилъ 12. Лекціи онъ читалъ въ лабораторіи своимъ сиповатымъ, отрывистымъ тономъ и постоянно хмурился, когда вокругъ него раздавались взрывы хохота. А между тѣмъ удерживаться отъ смѣха не всегда было возможно: Дѣло въ томъ, что объясненія Мѣдникова постоянно сопровождались самыми курьезными сравненіями и примѣрами.

— Мы постоянно выдѣляемъ угольную кислоту, — отрывисто говорилъ Мѣдниковъ, сильно напирая на букву о. — Это воздухъ портитъ. Вентиляторы нужно устраивать для того, чтобы это наше произведеніе насъ же самихъ не убило. Ну, гдѣ экономовъ нѣтъ, тамъ вентиляторы и устроены.

Въ лабораторіи раздавался смѣхъ, а Мѣдниковъ хладнокровно продолжалъ лекцію.

— Азотъ необходимъ для питанія, и потому слѣдуетъ ѣсть свѣжее мясо, — замѣчалъ онъ въ другой разъ. — Протухлое тоже пользу приноситъ, только не тѣмъ, кто его ѣстъ, а тѣмъ, кому поручено его закупать.

Подобнымъ намекамъ не было конца. Къ Мѣдникову и Левашову присоединилась еще третья личность — учитель русской словесности Старцевъ. Жиденькій, заботливо вывыбритый, гладко причесанный, плотно обтянутый въ форменный вицъ-мундирчикъ съ болтающимися фалдочками, вѣчно улыбающійся не то сладкою, не то ехидною улыбочкой, Старцевъ составлялъ рѣзкую противоположность съ размашистымъ колоссомъ Левашовымъ и съ косматымъ медвѣдемъ Мѣдниковымъ. Но, несмотря на противоположность личныхъ характеровъ, эти люди были братья по своему гражданскому характеру и потому сблизились между собою: рыбакъ рыбака видитъ въ плесѣ издалека. Всѣ они были недовольные, всѣ они съ ироніею относились къ существовавшему порядку дѣлъ, всѣ они были безукоризненно-честные люди; зная все это, нисколько не удивишься,

Digitized by Google

встрѣтивъ эти три совершенно различныя физіономіи снятыми на одномъ портретѣ въ кружкѣ кадетъ. Эта группа, изъ которой были исключены всѣ остальные учителя и начальство, долженствовала имѣть значеніе протеста. Подобные протесты были въ духѣ либерализма того времени. Кадеты любили этихъ трехъ человѣкъ. Ихъ либерализмъ теперь, быть-можетъ, покажется или смѣшнымъ, или жалкимъ, такъ какъ онъ ограничивался одними ѣдкими насмѣшками, колкими замѣчаніями, прозрачными анекдотами, тонкими намеками и не давалъ слушателямъ ничего, кромѣ какихъ-то кончиковъ и хвостиковъ тѣхъ идей, которыя считались въ то время идеями не для публики. Юношамъ было трудно составить себѣ какое-нибудь цѣльное понятіе объ этихъ идеяхъ изъ этого фейерверка фразъ; имъ было трудно найти прямой путь къ истинѣ среди этихъ зигзаговъ и путаницы отрывочныхъ указаній. Но этотъ либерализмъ, все-таки, задѣлъ юношество за живое и, какъ струя свѣжаго воздуха, сильнѣе взволновалъ молодую кровь, — какъ сильна была потребность свѣжаго воздуха, видно было уже изъ того, что юношество сильно обрадовалось и этой слабой струйкѣ. Старцевъ, конечно, долженъ былъ играть первую роль. Юноши, очень мало интересовавшіеся до той поры литературою, теперь взялись за газеты и за разные воинственные стишки, появлявшіеся въ отдѣльныхъ книжечкахъ или на отдѣльныхъ листикахъ. Отъ чтенія газетъ молодежь очень скоро перешла къ чтенію журналовъ и книжки «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», очень рѣдко появлявшіяся здѣсь, быстро смѣнили книжки «Журнала для военно-учебныхъ заведеній». Въ этихъ книгахъ, конечно, перечитывалось все, что даже не имѣло ничего общаго съ военными извѣстіями. Юношество, знавшее до сихъ поръ по лекціямъ русской словесности русскихъ писателей только до Пушкина, читавшее и списывавшее преимущественно непечатныя произведенія Пушкина, Лермонтова, Полежаева и Баркова, теперь знакомилось съ именами Тургенева, Авдѣева, Л. Толстого, Григоровича, Писемскаго и другихъ дѣятелей послѣ гоголевскаго періода русской литературы. Одно какое-нибудь изъ произведеній этихъ писателей заставляло молодежь обращаться къ учителю русской словесности съ вопросами, не написалъ ли тотъ или другой полюбившійся ей писатель и еще чего-нибудь, и она иногда не безъ удивленія узнавала, что заинтересовавшій ее писатель успѣлъ

Digitized by Google

уже написать многіе томы и завоевалъ себѣ видное мѣсто въ литературѣ. Мало-по-малу, лекціи русской словесности приняли новый характеръ. Учитель задавалъ и спрашивалъ уроки о Державинѣ и Фонвизинѣ, а толковалъ о «Запискахъ охотника» и «Обыкновенной исторіи».

Еще недавно этотъ господинъ, уже съ годъ преподававшій въ корпусѣ, слылъ за «насмѣшника» и не очень нравился кадетамъ своею язвительною улыбочкой, своими шуточками надъ юными воинами, своими замѣчаніями о томъ, что они только рапортуютъ уроки, не заботясь о смыслѣ того, что учатъ. Еще недавно у Владиміра Ивановича Старцева было только два-три любимчика, которые брали у него тайкомъ книги для прочтенія, — теперь же онъ не могъ удовлетворить всѣхъ требованій и долженъ былъ замѣчать юношамъ, чтобы они осторожнѣе читали, такъ какъ постороннія книги могутъ помѣшать серьезнымъ занятіямъ. Говоря это, онъ улыбался своею двусмысленною усмѣшкой и—удивительное дѣло! — теперь эта усмѣшка сдѣлалась особенно по душѣ нѣкоторымъ ученикамъ. Они уже видѣли въ ней особенный смыслъ.

— Какъ же это вы не приготовились,—замѣчалъ онъ въ классѣ кому-нибудь изъ воспитанниковъ, усмѣхаясь своими тонкими губами.—Произведенія такого великаго поэта, какъ Державинъ, слѣдуетъ изучать. У васъ все, я думаю, повѣстушки разныя на умѣ, а вы лучше вникнете въ смыслъ оды на возвращеніе полковъ гвардіи:

Безсмертной, громкой чада славы,
Которы за Россію кровь
Толь храбро лили у Полтавы,
Какъ и подъ Кульмомъ нынѣ вновь!
Такъ! вамъ, герои хвалъ достойны,
Петра и Александра войны,
Побѣдна рать царя,
Ура! ура! ура!

— Или вотъ проникнитесь чувствами, выраженными въ одѣ на коварство французскаго возмущенія и въ честь князя Пожарскаго:

Доколь владычество и славу,
Коварство, будешь присвоять:
Вѣсы, кадило, мечъ, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?
. . . . . .
Для властолюбія, богатства,
Для пагубныхъ своихъ страстей,
Не разъ, преодолѣвъ препятства.

Digitized by Google

Достигло цѣли ты своей;
Не разъ ты честность очерняло,
Не разъ ты святость порицало
И высило чрезъ нихъ свой рогъ.
. . . . . .

Правда, языкъ немного устарѣлъ, но мысли новы и свѣжи. Теперь въ этомъ духѣ тоже пишутся отличные стишки.

Старцевъ цитировалъ стихотворенія, написанныя по поводу войны, сохраняя невозмутимо спокойный видъ и все ту же мягкую вкрадчивую улыбочку. Впечатлѣніе выходило странное: юноши, подобно Ивану Прохорову, увлекавшіеся войной и военными одами, хмурились, а союзники Александра Прохорова разражались неудержимымъ хохотомъ.

— А вѣдь, знаете ли, кто написалъ эти стишки?—спросилъ однажды Старцевъ, прочитавъ одно стихотвореніе, оканчивавшееся припѣвомъ: ура, ура, ура! — Одна институтка. Вотъ такую жену заполучить невыгодно! Загоняетъ, спартанка!

Дальше этихъ шуточекъ Старцевъ не шелъ. Прямо и рѣзко онъ ничего не высказывалъ и только двусмысленно подсмѣивался надъ чѣмъ-то. Юноши начали прозрѣвать въ этомъ кое-что серьезное и называли Старцева «человѣкомъ себѣ на умѣ», «ехиднымъ», «продувнымъ». Каждому его намеку придавалось особенное, иногда преувеличенное значеніе и надъ этими намеками долго ломались молодыя головы, какъ надъ разрѣшеніемъ трудныхъ задачъ. Даже то, что прежде выставлялось, какъ недостатокъ учителя, теперь было признано за достоинство. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, кадеты, видя, какъ Старцевъ мягко улыбается и низко раскланивается съ начальствомъ, говорили: «Ишь, штафирка сейчасъ и хвостъ поджалъ». Теперь же товарищи въ этихъ же случаяхъ подталкивали другъ друга локтями и шептали: «гляди, гляди, нашъ-то какъ извивается! Усмѣшечка-то какая! просто бѣсъ!» А бѣсъ все продолжалъ шутить.

— Вы, господа, о постороннемъ-то не толкуйте,—говорилъ онъ сладенькимъ голосомъ.—Какое вамъ дѣло до разныхъ этихъ описаній быта мужиковъ, въ избахъ которыхъ вамъ и безъ того надоѣстъ стоять съ полкомъ; какое вамъ дѣло до разсказовъ о взяточничествѣ и крючкотворствѣ людей, которые, можетъ-быть, набьютъ вамъ оскомину, рѣшая ваши тяжебныя и тому подобныя дѣла. Вы должны серьезнымъ дѣломъ заниматься, изучать классическія красоты классическихъ произведеній, вы должны вникать въ великія мысли,

Digitized by Google

высказанныя въ одѣ «Богъ», въ «Посланіи къ Фелицѣ». Вотъ это для васъ важно,—безъ этого на экзаменѣ нуль получите. Конечно, въ жизни это не пригодится, ну, да жизнь въ программу русской словесности не входитъ.

Старцевъ опять говорилъ невозмутимо и серьезно, а въ головахъ юношей роились какіе-то вопросы. Александръ Прохоровъ рѣшился однажды предложить одинъ изъ такихъ вопросовъ Старцеву.

— Вы спрашиваете, отчего у насъ такъ мало пишутъ о военныхъ,—произнесъ Старцевъ, выслушавъ Прохорова.— Да вѣдь вы, батюшка, сами военнымъ будете, такъ для чего же вамъ еще писать о военныхъ?

Александръ Прохоровъ съ удивленіемъ взглянулъ на учителя; его нѣсколько коробила манера Старцева отвѣчать на вопросы намеками.

— Вѣдь вотъ разскажи вамъ впередъ, что въ театрѣ будутъ играть,—продолжалъ съ улыбочкой Старцевъ:—вы, можетъ-быть, и не пойдете въ театръ; а такъ какъ вы не знаете, что тамъ изображаютъ, то, можетъ-быть, и полюбопытствуете, пойдете и отдадите свой кровный четвертакъ, чтобы посмотрѣть пьесу.

— А, можетъ-быть, пьеса и не стоитъ четвертака?

— Можетъ-быть, можетъ-быть.

Александръ Прохоровъ нахмурился.

— Вы все загадками говорите, Владиміръ Ивановичъ!

— Не слѣдовало бы совсѣмъ говорить съ вами. Разговоры въ программу не входятъ.

Александръ Прохоровъ заинтересовался странною личностью учителя и выискалъ первый удобный случай, чтобы познакомиться съ нимъ покороче. Дома Старцевъ оказался болѣе сообщительнымъ человѣкомъ, говорилъ уже не все загадками, а прямѣе, хотя и не измѣнялъ тона и съ серьезнымъ видомъ произносилъ двусмысленныя шутки. Онъ прямо сказалъ Прохорову, что лекціи нужно учить только для экзамена, что сила русской литературы теперь не въ Державиныхъ и не въ Фонвизиныхъ, что слѣдуетъ читать и не повѣстушки, а приняться за критики Бѣлинскаго. Онъ, къ величайшему удивленію Прохорова, шутливо сказалъ, что война, можетъ-быть, кончится скверно, и что это будетъ, можетъ-быть, не скверно. Когда Прохоровъ попросилъ разъяснить эти загадочныя слова, Старцевъ спросилъ:

— До которыхъ поръ русскій мужикъ не перекрестится?

— Покуда громъ не грянетъ...

Digitized by Google

— Ну, эта война и будетъ громомъ, послѣ котораго мы перекрестимся.

Александръ Прохоровъ съ увлеченіемъ сталъ читать статьи Бѣлинскаго, но съ первыхъ же страницъ его остановило нѣсколько темныхъ для него мѣстъ. Отчасти незнакомыя слова, отчасти темныя мысли были причиною того, что чтеніе туго подвигалось впередъ. Юноша прибѣгнулъ къ помощи Старцева. Старцевъ поверхностно объяснилъ кое-что и замѣтилъ ему:

— Начало трудно; потомъ вчитаетесь.

Прохоровъ покорился своей участи и сталъ вчитываться. Это было не легкое дѣло, потребовавшее не мало времени. Однако, онъ не унывалъ и вѣрилъ покуда, что рекомендованное ему умнымъ учителемъ чтеніе принесетъ ему большую пользу.

Привыкнувъ дѣлиться всѣми радостями, невзгодами и надеждами съ Катериной Александровной, Александръ Прохоровъ подѣлился съ нею и книгами, взятыми у Старцева.

Въ одно изъ воскресеній онъ сталъ читать ей одну изъ статей Бѣлинскаго. Катерина Александровна слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Прошло съ полчаса. Вдругъ дѣвушка положила руку на книгу и прервала чтеца.

— Не читайте дальше, Саша. Я ровно ничего не понимаю,—промолвила она со вздохомъ.—Я совсѣмъ глупая...

Прохоровъ сконфузился отъ этого неожиданнаго признанія.

— Нѣтъ... Что вы выдумали!—заговорилъ онъ.—Это не потому, что вы... не умны... Я тоже не сразу понялъ... Мнѣ ужъ самъ Владиміръ Ивановичъ долженъ былъ объяснить... Тутъ слова непонятныя, а когда ихъ поймете, то все станетъ ясно... Это прежде, говоритъ онъ, всѣ такъ писали, когда нѣмецкая философія была въ ходу...

— Ну, вотъ вы говорите: философія. А я и не знаю, что такое философія,—смѣясь, замѣтила Катерина Александровна.

Александръ Прохоровъ смѣшался и молчалъ.

— Да вы вѣрно и сами не знаете, что такое философія?—спросила Катерина Александровна, подмѣтивъ его смущеніе.

— Не то, чтобы совсѣмъ не зналъ, а объяснить хорошо не умѣю вамъ,—отвѣтилъ Прохоровъ, растерявшись окончательно и краснѣя до ушей.

— Ну, вотъ видите ли. Гдѣ же мнѣ знать это, если и вы не знаете,—произнесла Катерина Александровна.—Нѣтъ, ужъ я лучше поучусь сперва, а эти книги потомъ читать буду.

Digitized by Google

Александръ Прохоровъ задумался.

— Это вы правду говорите,—промолвилъ онъ черезъ минуту въ раздумьи.—Намъ еще много учиться нужно... Это очень хорошія статьи, Владиміръ Ивановичъ ихъ очень хвалилъ, только...

Онъ замолчалъ, какъ будто не находя словъ для выраженія своей мысли. Его размышленія были прерваны внезапнымъ смѣхомъ Катерины Александровны.

— Что вы смѣетесь? — спросилъ изумленный Прохоровъ.

— Да мнѣ... ха-ха-ха!.. Петрушка Гоголя вспомнился... Вы не сердитесь на меня, Саша... ха-ха-ха, — смѣялась Катерина Александровна.—Вотъ мы... ха-ха-ха... мы тоже читаемъ, а не понимаемъ, что читаемъ...

Катерина Александровна заливалась задушевнымъ смѣхомъ: Александръ Прохоровъ опечалился.

— Вотъ вы смѣетесь надо мной,—съ укоромъ произнесъ онъ.—А развѣ это смѣшно, что насъ ничему не учили?

— Ай, Саша, какой вы смѣшной! Чему же вы обидѣлись? Развѣ я васъ виню?—говорила Катерина Александровна, сдерживая свой смѣхъ.—Мнѣ смѣшно на вашего Старцева, что онъ вамъ такія книги даетъ...

— Владиміръ Ивановичъ очень не глупый человѣкъ,—слабо вступился Прохоровъ за учителя.

— Такъ зачѣмъ же онъ не спросилъ, поймете ли вы то, что онъ даетъ вамъ читать!

— Онъ не виноватъ, что я не понимаю...

— Все же лучше далъ бы что-нибудь другое... А то какая польза, что вы будете съ этими книгами возиться.

Александръ Прохоровъ уныло закрылъ книгу. Онъ былъ недоволенъ чѣмъ-то: разговоръ съ Катериною Александровной только уяснилъ ему вполнѣ все то, что уже смутно бродило въ его головѣ. Дня черезъ два, снова принявшись въ свободное время за чтеніе Бѣлинскаго и опять не вполнѣ понимая статью, Прохоровъ крѣпко задумался. Онъ оставилъ книгу и долго ходилъ по корпусному коридору, усиленно размышляя о чемъ-то. На слѣдующій день онъ подошелъ къ Старцеву.

— А я, Владиміръ Ивановичъ, пришелъ къ вамъ съ просьбою. Дайте мнѣ что-нибудь другое почитать. Бѣлинскій мнѣ не подъ силу.

— Ну, такъ читайте романчики; это купанье, знаете, для слабыхъ умственныхъ желудковъ,—усмѣхнулся Старцевъ

Digitized by Google

своею насмѣшливою улыбочкой.—Время убьете, по крайней мѣрѣ...

— Мнѣ хочется не время убить, а чѣмъ-нибудь полезнымъ заняться,—сухо отвѣтилъ Прохоровъ.

— А шагистика-то? Развѣ это не полезно?

— У васъ все шуточки, Владиміръ Ивановичъ, — промолвилъ Прохоровъ рѣзко откровеннымъ «кадетскимъ» тономъ. — Я не насчетъ шагистики прошу у васъ мнѣнія и совѣта, а насчетъ книгъ. О шагистикѣ я ужъ лучше съ тѣми буду говорить, кто это дѣло знаетъ...

— Да, это наука головоломная; не всякій тоже способенъ быть въ ней спеціалистомъ,—замѣтилъ съ улыбочкой Старцевъ.—Вотъ тоже гимнастика...

— Ну, гимнастикой-то не трудно заниматься, — грубо оборвалъ Старцева Прохоровъ:—по крайней мѣрѣ, гимнастикой языка всѣ на перебой занимаются... Вы о книгахъ-то мнѣ все еще ничего не сказали...

Старцева какъ-то передернуло, по его лицу пробѣжала на мгновеніе тѣнь неудовольствія, потомъ оно снова засіяло мягкою улыбочкой...

— Да какихъ же вамъ полезныхъ книгъ дать, если и Бѣлинскаго вы не понимаете?—промолвилъ онъ.—Его барышни-съ читаютъ.

— Ну, барышни и «сонники» читаютъ! — пробормоталъ Александръ Прохоровъ.

— Оригинальное сравненіе! — съ ироніей промолвилъ Старцевъ.

— Мнѣ бы хотѣлось,—продолжалъ Прохоровъ, не обращая вниманія на замѣчаніе Старцева: — заняться такими книгами, которыя были бы для меня понятнѣе Бѣлинскаго. Барышни, можетъ-быть, читаютъ и его сочиненія и сонники для процесса чтенія, а у меня другая цѣль... Мнѣ хотѣлось бы сначала прочитать что-нибудь хорошее по русской исторіи...

— Вотъ Устрялова знаете?—сощурилъ глаза Старцевъ.—Поучительное чтеніе! Тоже Державинъ въ своемъ родѣ.

Лицо Прохорова сдѣлалось совсѣмъ хмурымъ; онъ начиналъ терять терпѣніе.

— А по иностранной исторіи?—спросилъ онъ.

— Смарагдова почитайте... Это тоже одо-писатель.

— Все-то вы смѣетесь...

— Не плакать же мнѣ...

— А лучшихъ книгъ по исторіи нѣтъ?

Digitized by Google

— Не отпечатаны еще.

— Неужели же по исторіи такъ-таки и нѣтъ ничего хорошаго?

— Какъ не быть! Только не на русскомъ, а на нѣмецкомъ и на французскомъ языкахъ есть...

— Что же?

Старцевъ назвалъ нѣсколько историческихъ сочиненій.

— Ну, да это, батюшка, не про васъ писано, — заключилъ онъ.—Если по-русски плохо понимаете, такъ на иностранныхъ языкахъ поймете еще меньше.

— Да вы, кажется, не поняли меня,—проговорилъ Прохоровъ и усмѣхнулся такою улыбкой, которая была обиднѣе улыбочекъ Старцева.—Я не смысла данныхъ мнѣ вами книгъ не понимаю, до него я заставилъ бы себя добраться, я цѣли этого чтенія не понимаю.

Старцевъ взглянулъ на Прохорова не то съ презрѣніемъ, не то съ неудовольствіемъ и отошелъ прочь.

— А изъ Прохорова славный бурбонъ выйдетъ,—проговорилъ онъ, заговоривъ съ кѣмъ-то изъ воспитанниковъ.—Тупъ, угловатъ и нахаленъ,—далеко пойдетъ!

Прохоровъ, между тѣмъ, оставшись одинъ, сталъ ходить изъ угла въ уголъ по коридору. Въ его головѣ на минуту промелькнули вопросы о томъ, что за человѣкъ Старцевъ. «Э, размазня съ перцемъ!»—почти вслухъ проговорилъ Прохоровъ и быстро перешелъ къ размышленіямъ о томъ, какъ подготовиться къ серьезному чтенію, за какія книги приняться и на чемъ сосредоточиться. Ему казалось, что для него нужнѣе и полезнѣе всего будетъ исторія, такъ какъ она можетъ дать вѣрный взглядъ на общественную жизнь народовъ и на устройство тѣхъ или другихъ государствъ. Онъ сознавалъ, что для него пропадаетъ большая часть намековъ Левашова именно потому, что онъ не знаетъ исторіи или знаетъ ее въ такомъ видѣ, который хуже незнанія. Прохоровъ проходилъ довольно долго и, наконецъ, повидимому, рѣшился избрать извѣстный путь. Дня черезъ два онъ передалъ Старцеву всѣ остававшіяся у него книги «Отечественныхъ Записокъ».

— Что же, такъ и не будете больше читать, господинъ будущій офицеръ?—спросилъ Старцевъ.

— Такъ и не буду,—лаконически отвѣтилъ Прохоровъ.

— Конечно, военному человѣку нужно о выправкѣ думать, съ тяжелою головой маршировать неудобно.

— Вы точно про чемоданъ говорите, про голову-то, —

Digitized by Google

усмѣхнулся Прохоровъ.—Я прежде думалъ, что голова тяжелѣетъ отъ пьянства, а вы вонъ говорите, что она и отъ чтенія тяжелѣетъ. Впрочемъ, вы это по опыту должны знать.

— О, да вы нынче совсѣмъ по-армейски острите!—сердитымъ тономъ, но съ улыбочкой замѣтилъ Старцевъ. — Впрочемъ, праздная времени много — можно или въ потолокъ плевать, или остроуміе изощрять.

— Я ни того, ни другого не могу дѣлать, — отвѣтилъ Прохоровъ.—Я вотъ занялся изученіемъ французскаго языка.

— А-а! даже не просто ученіемъ, а изученіемъ! Вѣрно, въ плѣнъ думаете попасть, чтобы даромъ путешествовать?

— Нѣтъ, французскія книги думаю читать...

— Вотъ-съ какъ!

— Жаль, что вы мнѣ прежде не посовѣтовали сдѣлать это, — замѣтилъ Прохоровъ: — а то я столько времени даромъ убилъ: читалъ критическіе отзывы и философскія разсужденія объ историческихъ явленіяхъ, а самихъ историческихъ явленій не зналъ... Это вѣдь все равно, что слѣпому лекцію о цвѣтахъ посовѣтовать слушать!

Старцевъ хмуро взглянулъ на Прохорова: съ одной стороны, ему было досадно, что этотъ нахалъ смѣетъ свое сужденіе имѣть, съ другой стороны, онъ считалъ своимъ долгомъ допускать молодежь до свободнаго выраженія ея мнѣній. Въ Старцевѣ какъ будто сидѣли два совершенно враждебныя одно другому существа: учительствующій чиновникъ и либеральничающій гражданинъ.

— Такъ вы серьезно хотите теперь заняться исторіей?— спросилъ онъ.—Я не могу дать вамъ...

— Нѣтъ,—перебилъ его съ улыбкой Прохоровъ:—я хочу теперь серьезно заняться французскимъ языкомъ, и въ этомъ случаѣ мнѣ болѣе другихъ будетъ полезенъ Адольфъ Адольфовичъ Пуаре...

— Желаю успѣха! Только *вамъ* не легко будетъ изучать исторію,—ироническимъ тономъ замѣтилъ Старцевъ, сдѣлавъ сильное удареніе на словѣ *вамъ*.

— А вы еще такъ недавно думали, что я могу основательно научиться чему-нибудь даже по критическимъ статейкамъ,—отвѣтилъ Прохоровъ, впадая въ тонъ Старцева.— Нашему брату, бурбону, дай Богъ и по прямому пути добраться къ цѣли, а ужъ не то, что по разнымъ лабиринтамъ подходить къ ней.

Старцевъ въ глубинѣ души окончательно почувствовалъ

Digitized by Google

отвращеніе къ нахальному мальчишкѣ и вслѣдствіе этого сталъ дѣлать всѣ усилія, чтобы быть съ нимъ предупредительнѣе.

— Да-съ, это новая молодежь растетъ,—говаривалъ онъ въ кругу Мѣдникова и Левашова. — Надо дать ей свободу развиться въ томъ направленіи, въ какомъ она хочетъ развиться. Посмотримъ, что будетъ!

Въ тонѣ его послѣдней фразы слышалось сомнѣніе въ томъ, что изъ этой молодежи что-нибудь выйдетъ.

— Но что бы ни вышло, — добавилъ онъ: — а насъ не упрекнутъ, что мы тормозили развитіе молодыхъ силъ или ломали его направленіе. Довольно и безъ насъ ломающаго элемента!

Въ сношеніяхъ съ Прохоровымъ онъ сталъ предупредительно вѣжливымъ, хотя въ этой вѣжливости проглядывало что-то ироническое: такъ снисходительно относятся очень сильные люди къ своимъ безсильнымъ собратьямъ, когда тѣ пробуютъ показать свою силу. Когда Прохоровъ плохо отвѣчалъ на урокахъ, Старцевъ замѣчалъ:

— Э, батюшка, какъ это вы такого пустяка не въ состояніи вызубрить и объяснить. Это вѣдь ребенокъ пойметъ! Вѣдь тутъ и дѣло-то идетъ о томъ періодѣ литературы, который можно назвать младенческимъ. Тогда не Богъ знаетъ какія премудрости проповѣдывались въ ней. Это не то, что въ наше время. Тогда были въ обращеніи двѣ-три жиденькія идейки—вотъ и все. Не особенно мудрено понять! Садитесь.

Потомъ Старцевъ ставилъ Прохорову баллъ.

— Я, впрочемъ, ставлю вамъ десять,—замѣчалъ онъ.— Мнѣ жаль повредить вамъ изъ-за такой мелочи. Только вы приналягте, постарайтесь все это понять или хоть вызубрить ко времени экзаменовъ.

Прохоровъ молча выслушивалъ всѣ эти ехидныя рѣчи и хладнокровно садился на мѣсто. Онъ смотрѣлъ на Старцева и относился къ нему теперь очень просто: разъ порѣшивъ, что Старцевъ *«размазня съ перцемъ»*, Прохоровъ холодно выслушивалъ всѣ замѣчанія, всѣ шутки, всѣ намеки Владиміра Ивановича, пропуская ихъ мимо ушей, какъ шумъ какой-нибудь трещотки или флюгарки. Болѣе внимательно выслушивалъ Александръ Прохоровъ замѣчанія Мѣдникова и Левашова, но и къ нимъ онъ уже началъ относиться критически и рѣдко смѣялся надъ ихъ остротами. Эти отношенія были скоро подмѣчены кружкомъ, въ кото-

Digitized by Google

ромъ вращался Александръ Прохоровъ, и юноши напали на своего собрата, отстаивая своихъ любимцевъ.

— Да развѣ я вамъ мѣшаю слушать ихъ балясы,—отвѣчалъ онъ.—Мнѣ только кажется, что Левашовъ сдѣлалъ бы лучше, если бы вмѣсто своихъ историческихъ анекдотовъ посвящалъ все время объясненію математики и физики; да и Мѣдникову не худо бы не тратить времени на либеральныя замѣчанія, чтобы можно было дѣлать побольше опытовъ. Это все развлекаетъ только...

— Ну, брать, ты просто формалистъ! Хочешь только, чтобы никто изъ программы ни на шагъ не выходилъ, — кричали друзья.

— Пусть выходятъ, если это пользу принесетъ, — спокойно возражалъ Александръ Прохоровъ.—А баклуши бить во время уроковъ не приходится. Лучше ужъ немногое знать, да знать основательно, а то въ головѣ сумбуръ какой-то дѣлается: одинъ неизвѣстно за что шпильку ставитъ старому французскому правительству, другой темный намекъ дѣлаетъ на нашего эконома, третій тонко глумится надъ Державинымъ, а меня распекаетъ, что я послѣ того вяло отвѣчаю объ этомъ же Державинѣ...

— Такъ что же ему, по-твоему, слѣдуетъ хвалить Державина?—сердились друзья.

— Да пусть лучше хвалитъ. А то глумится надъ тѣмъ, что преподаетъ, да потомъ самъ же и упрекаетъ за то, что другіе не считаютъ нужнымъ тратить времени на изученіе ерунды. По-моему, только тотъ человѣкъ и хорошъ, который идетъ прямо по какой бы то ни было дорогѣ.

— Такъ, по-твоему, Фитилькинъ, пожалуй, лучше Старцева?—допрашивали друзья, говорившіе, что, по понятіямъ Фитилькина, весь міръ состоитъ изъ плацъ-парадовъ, поддерживается церемоніальными маршами и стремится къ выправкѣ носковъ.

— Да, лучше, — смѣло утверждалъ Прохоровъ. — Онъ усвоилъ извѣстныя понятія и стоитъ за нихъ, а Старцевъ— ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга.

Пренія и споры стали съ каждымъ днемъ дѣлаться все серьезнѣе и серьезнѣе. Въ этихъ спорахъ начала выясняться все сильнѣе и сильнѣе главная отличительная черта характера Александра Прохорова. Онъ не зналъ середины: онъ прямо называлъ людей или подлецами или честными, или глупыми или умными. Человѣкъ «такъ-себѣ», человѣкъ «ни то, ни се», человѣкъ «золотой середины» для него не су-

Digitized by Google

ществовалъ. Это рѣзкое разграниченіе людей на двѣ половины, бывшее слѣдствіемъ молодости, неопытности и страстнаго стремленія къ правдѣ, не могло не привести къ различнымъ столкновеніямъ и сдѣлало то, что въ сношеніяхъ съ юношею всѣми чувствовался какой-то острый уголъ, не допускавшій до тѣснаго сближенія съ этимъ человѣкомъ. Совершенно незамѣтно для самого себя Александръ Прохоровъ сталъ оставаться одинокимъ: уже давно онъ разошелся съ друзьями брата Ивана; теперь же его стали покидать и его собственные друзья. Начнутъ они спорить съ нимъ о Старцевѣ, о Мѣдниковѣ, о Левашовѣ, о статьяхъ, рекомендованныхъ Старцевымъ, и мало-по-малу станутъ расходиться, говоря спорщику: «ну, да вѣдь съ тобою не сговоришь». И самъ Александръ Прохоровъ порою сталъ уклоняться отъ своего кружка: желаніе поскорѣй изучить французскій языкъ, неохота безплодно спорить, стремленіе сосредоточиться и обсудить тѣ вопросы, которые пробуждались въ головѣ вслѣдствіе ежедневныхъ столкновеній, все это увлекало его куда-нибудь въ уединенный уголокъ.

— Ты ужъ не сбираешься ли на Аѳонъ, чтобы избавиться отъ военной службы?—смѣялись надъ нимъ друзья брата Ивана, прозвавшіе Александра Прохорова сначала трусомъ, а теперь пустынникомъ.

— Какъ же, думаю!—усмѣхался Александръ Прохоровъ.— Теперь вотъ учусь панихиды служить, чтобы умѣть васъ отпѣть, когда васъ перебьютъ.

— Ну, поклонникъ офиціальныхъ программокъ и формализма, много ли интереснаго вычиталъ изъ французскаго лексикона?—спрашивали его съ ироніей его собственные недавніе друзья, прозвавшіе его «филистеромъ»,—замѣтимъ кстати, что они очень полюбили это новое, услышанное отъ Старцева, слово, котораго они совершенно не понимали.

— Да что же можетъ быть интереснаго въ лексиконѣ,— съ улыбкой замѣчалъ Александръ Прохоровъ:—тутъ такъ же, какъ и въ вашихъ спорахъ, только слова, слова и слова.

Но съ каждымъ днемъ удаляясь все болѣе и болѣе отъ своихъ товарищей, Александръ Прохоровъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ одному существу — Катеринѣ Александровнѣ. Его прямая и добродушная натура страдала отъ тѣхъ непріязненныхъ и натянутыхъ отношеній, въ которыя онъ сталъ къ своимъ товарищамъ, и требовала удо-

Digitized by Google

влетворенія своихъ инстинктивныхъ стремленій. Ему хотѣлось откровенно поговорить съ кѣмъ-нибудь, ему хотѣлось услышать искреннее слово одобренія или порицанія, высказанное безъ всякой задней мысли. Братъ Иванъ, хотя и жилъ съ нимъ дружно, но расходился съ нимъ во взглядахъ, и потому между ними не могло быть полной откровенности. Отецъ, хотя и былъ другомъ своихъ сыновей, но, по привычкѣ, онъ невольно принималъ стариковскій дидактическій тонъ въ разговорахъ съ ними. Только одна Катерина Александровна соединяла въ себѣ все, чего жаждалъ Александръ Прохоровъ. Она была молода, относилась къ нему просто, чувствовала къ нему искреннюю дружбу, никогда не стѣснялась прямо высказать ему правду. Въ ея участіи было такъ много теплоты, въ ея смѣхѣ было такъ много заразительной веселости, въ ея выговорахъ было такъ много безобидной искренности, что Александръ Прохоровъ отдался всею душой своей молодой подругѣ. Ему ни разу не пришло въ голову, что онъ влюбленъ въ нее; нѣтъ, онъ относился къ ней, какъ къ другу-юношѣ, въ этой простотѣ отношеній не было ничего удивительнаго: Александръ Прохоровъ первый разъ сошелся съ дѣвушкою, сошелся въ то время, когда онъ, къ своему счастію, еще не былъ зараженъ никакими грязными взглядами на женщину и еще не находился ни разу ни въ какихъ двусмысленныхъ отношеніяхъ къ ней. Онъ переживалъ пору того свѣтлаго юношескаго идеализма, когда мы беззавѣтно можемъ любить друга, безъ зависти къ его превосходству, безъ стремленія господствовать надъ нимъ, безъ поползновенія держать на случай камушекъ за пазухой, и когда мы можемъ дружиться съ дѣвушкой безъ клубничныхъ поползновеньицъ, безъ эротическихъ представленій въ своемъ воображеніи ея прелестей, безъ фривольныхъ заигрываній съ нею. Это не долгая пора въ жизни нашего юношества, да и на короткій-то срокъ она является въ жизни только избраннаго, здороваго и духомъ, и тѣломъ меньшинства.

Такою здоровою натурой былъ Александръ Прохоровъ, переживавшій теперь во всей полнотѣ поэтическую пору юности.

III.

«Мальбругъ въ походъ поѣхалъ»...

Покуда штабсъ-капитанъ и Марья Дмитріевна разрѣшали политическіе вопросы въ лавочномъ клубѣ, покуда Александръ

Digitized by Google

Прохоровъ и Катерина Александровна шли ощупью къ какой-то еще смутной для нихъ самихъ цѣли, въ кружкахъ знакомыхъ намъ личностей, какъ и во всемъ русскомъ обществѣ, происходили разныя событія, разные толки, тоже вызванные отчасти войною. У княгини Гиреевой уѣхали на войну два племянника, за которыхъ ей пришлось заплатить порядочныя суммы по предъявленнымъ ко взысканію векселямъ; въ деревни посылалось письмо за письмомъ съ требованіями, чтобы управляющіе немедленно, какими бы то ни было способами, собрали деньги съ крестьянъ. Кромѣ волненія по поводу хлопотъ о деньгахъ, добродушная старуха испытывала всю тягость разлуки съ этими хотя и безпутными, но во всѣхъ отношеніяхъ дорогими ей родственниками, и стала не на шутку прихварывать. Это обстоятельство заставило собраться въ ея домъ всевозможныхъ родственницъ, желавшихъ развлечь старуху и завоевать себѣ уголки въ ея духовномъ завѣщаніи. Весь этотъ нѣжный родственный кружокъ погрузился въ толки о политическихъ событіяхъ, въ чтеніе газетныхъ извѣстій, въ щипаніе корпіи, приготовленіе бинтовъ. Здѣсь изгнанъ былъ французскій языкъ и царствовалъ русскій; даже платья нѣкоторыхъ изъ молодыхъ родственницъ Гиреевой получили новый покрой и носили названіе «патріотокъ» и русскихъ сарафановъ, хотя ихъ сходство съ русскими сарафанами было болѣе отдаленное, чѣмъ сходство лубочныхъ портретовъ съ ихъ оригиналами. Среди этихъ тревогъ и волненій княгиня совершенно забыла о своемъ проектѣ выдать Катерину Александровну замужъ, и такъ какъ послѣдняя не напоминала о себѣ, то этотъ проектъ и не появлялся на свѣтъ Божій.

Еще менѣе думалъ объ этомъ проектѣ Боголюбовъ. Война коснулась и его интересовъ. Уже съ самаго начала войны онъ былъ въ постоянныхъ хлопотахъ, и хотя еще хмурился, что ему пришлось упустить изъ рукъ богатую тетку, но, мало-по-малу, сталъ забывать даже и объ этой утратѣ: его дѣла, висѣвшія на волоскѣ и извѣстныя только ему, стали поправляться съ каждымъ днемъ. Въ заботахъ о нихъ онъ даже не обращалъ вниманія на все возраставшую дружбу жены и Карла Карловича. Наконецъ, онъ дождался давно желанной поры и отправился въ командировку на югъ, по порученію комиссаріата. Конечно, разставаніе Павлы Абрамовны съ супругомъ не обошлось безъ истерическихъ рыданій, безъ закатыванія глазъ къ небесамъ. Самъ же Данила

Digitized by Google

Захаровичъ крѣпился. Онъ даже позабылъ, какой опасности подвергаетъ онъ свое семейное счастіе, оставляя свою жену подъ одною кровлей съ Карломъ Карловичемъ. Но долгъ прежде всего. Данила Захаровичъ рѣшился свято исполнить этотъ долгъ и, какъ достойный гражданинъ, мужественно отдавалъ себя на жертву общественному служенію.

— Что дѣлать, что дѣлать! Долгъ службы!—многозначительно бормоталъ онъ.—Береги дѣтей! Слушайте мать! Для васъ, для васъ тружусь!—лаконически обращался онъ къ домочадцамъ, цѣлуя ихъ на платформѣ николаевской желѣзной дороги.

Домочадцы рыдали. Даже Карлъ Карловичъ не выдержалъ, и на его масляныхъ глазахъ блеснули слезы. Наконецъ, оберъ-кондукторъ далъ свистокъ, домочадцы замахали платками, Данила Захаровичъ приподнялъ фуражку, поѣздъ тронулся и—Мальбругъ въ походъ поѣхалъ...

— Ахъ, у меня ноги подкашиваются!—рыдала Павла Абрамовна и томно оперлась на руку предупредительнаго Карла Карловича.

— Берегите себя, ваше здоровье такъ дорого,—шепталъ Карлъ Карловичъ.

— Ахъ, кому оно дорого!—отчаивалась Павла Абрамовна.

— Какъ вамъ не грѣхъ говорить это!—упрекалъ Карлъ Карловичъ, подсаживая Павлу Абрамовну въ карету.

Далеко за полночь пришлось Карлу Карловичу утѣшать неутѣшную жену, когда они возвратились домой.

— Ахъ, эта роковая война положительно губитъ семейное счастіе,—вздыхала Павла Абрамовна:—разлучаетъ всѣхъ, оставляетъ насъ безъ защиты.

— Другъ мой, развѣ я не съ вами,—тихо прошепталъ Карлъ Карловичъ, припавъ къ рукѣ Павлы Абрамовны.

— Но вы... вы тоже, можетъ-быть, бросите меня,—проговорила она.—Вотъ Леонидъ поступитъ къ Добровольскому... вы уйдете...

— О, прикажите мнѣ, и я останусь навсегда здѣсь у васъ, у вашихъ ногъ!..

Карлъ Карловичъ опустился передъ Павлой Абрамовной на колѣни.

— Другъ мой, вѣрный мой другъ!—обвила она руками его шею.

А Данила Захаровичъ между тѣмъ ѣхалъ и глубоко соображалъ, какіе плоды принесетъ ему военное время...

Военныя событія почти не коснулись только пріюта... Это

Digitized by Google

болото благотворительности попрежнему невозмутимо продолжало свое грязное существованіе. Жидкія щи изъ сѣрой капусты, скверная каша съ прогорклымъ масломъ, сѣченіе воспитанницъ, сплетни помощницъ, наушничество каждой на всѣхъ и всѣхъ на каждую, все это шло неизмѣннымъ, разъ навсегда заведеннымъ порядкомъ. Только характеръ работъ измѣнился; теперь дѣвочки шили халаты, готовили бинты и работали съ утра до поздней ночи всю эту срочную работу, отправлявшуюся черезъ комиссаріатъ на поля битвъ. Кромѣ этихъ признаковъ военнаго времени, можно было замѣтить вліяніе войны въ пріютѣ на настроеніи Зубовой и Постниковой. Зубова сдѣлалась воинственнѣе и, ругая воспитанницъ, говорила имъ:

— Я бы васъ всѣхъ подъ пушки послала! Ужъ право, жаль, что женщинъ въ солдаты не отдаютъ, а то не сносить бы вамъ своихъ головъ.

Сентиментальная Марья Николаевна хотя и не сдѣлалась воинственнѣе, но почувствовала особенную нѣжность къ военнымъ и, при видѣ проходившихъ по улицѣ офицеровъ, подпрыгивая и хлопая въ ладоши, говорила, какъ-то особенно оттопыривая поблекшія губки:

— Ахъ, амы какіе, амочки!

— Что это вы въ какой телячій восторгъ приходите отъ каждаго офицера!—ѣдко замѣтила ей Зубова.

— Да какъ же,—печально надувала губки Марья Николаевна,—они, кисаньки, за насъ пойдутъ на смерть.

— Ну да, такъ за васъ именно и пойдутъ! — желчно возражала Зубова.—И то сказать: не все же имъ гранить мостовую.

— У васъ, душа моя, сердца нѣтъ, сердца нѣтъ!—возмущалась Марья Николаевна.

Впрочемъ, наплывъ сентиментальности не мѣшалъ Постниковой попрежнему драть за уши, ставить на колѣни воспитанницъ и дуться на Катерину Александровну. Прилежаева продолжала стоять въ сторонѣ отъ обѣихъ дѣвственницъ и служила мишенью для ихъ злобныхъ выходокъ. Онѣ всѣми силами старались теперь дѣлать ей колкости и вооружить противъ нея Зорину. Подсмотрѣвъ какъ-то, что Катерина Александровна читаетъ французскую грамматику, Зубова спросила молодую дѣвушку:

— Вы ужъ не приготовляетесь ли къ тому, что французы возьмутъ Петербургъ?

— Изъ чего это вы заключили?—удивилась Прилежаева.

Digitized by Google

— Да вотъ вы по-французски учитесь.

— А-а!—улыбнулась Катерина Александровна и не сочла нужнымъ объяснять, для чего она учится по-французски.

Черезъ нѣсколько дней пріютскіе шпіоны подмѣтили, что Катерина Александровна занимается ариѳметикой.

— Вотъ наша Катерина Александровна скоро наслѣдство надѣется получить,—замѣтила Зубова.

Катерина Александровна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Неужели?—съ любопытствомъ спросила Постникова, уже завидуя въ душѣ Прилежаевой.

— Какъ же! Она ужъ начала ариѳметикѣ учиться, чтобы вѣрнѣе сосчитать, сколько денегъ ей достанется,—сострила Зубова, расхохотавшись своимъ грубымъ смѣхомъ.

— Ахъ, шутница, право, шутница!—засмѣялась Постникова.

Катерина Александровна не сказала ни слова. Это взбѣсило Зубову: она поняла, что ея насмѣшки и шпильки не задѣваютъ за живое ея врага.

— Этой дурѣ все, какъ объ стѣну горохъ,—злобно проговорила она, когда Катерина Александровна вышла изъ комнаты.

— На недосягаемой высотѣ стоитъ!—ироническимъ тономъ произнесла Постникова.

— Ну, зато и въ грязь знатно шлепнется,—саркастически захохотала Зубова.—Въ какого-то мальчишку тоже врѣзалась...

— Что вы? Вотъ мило, вотъ мило! Да не можетъ быть?

— Ей-Богу! Ѣду это я на-дняхъ мимо ихъ дома къ Митрофанію, а она съ нимъ воркуетъ у окна, головки склонили другъ къ другу, точно цѣловаться хотятъ... Потомъ встрѣтила ихъ на улицѣ вмѣстѣ... Такъ въ глаза ему и смотритъ, такъ и смотритъ...

— Кто же онъ?

— Кадетишка еще! Ну, да вѣдь плоды-то одни и тѣ же и отъ кадета, что отъ офицера.

— Шутница, шутница!

— Да, вотъ она гуляетъ, а слава-то пойдетъ не про нее одну, а про всѣхъ помощницъ... Вотъ тутъ и служи съ такими шлюхами... И удивляюсь я Аннѣ Васильевнѣ, что она съ нею нѣжничаетъ...

Грязные слухи, конечно, не ускользнули отъ слуха Анны Васильевны, но старуха вообще старалась смотрѣть сквозь

Digitized by Google

пальцы на «шалости», то-есть на извѣстную долю вѣтрености помощницъ; въ настоящее же время, если бы она и хотѣла вникнуть во что-нибудь, то ей было бы очень трудно это сдѣлать: она была всецѣло поглощена своими личными дѣлами.

Александръ Ивановичъ Зоринъ уже давно скучалъ въ бездѣйствіи въ «кельѣ игуменьи женскаго монастыря», какъ онъ называлъ комнаты своей матери. Ему уже давно хотѣлось развернуться и хотя отчасти вспомнить и воскресить свое прошлое житье-бытье. Война послужила ему предлогомъ для того, чтобы разнообразить свою жизнь и снова войти въ тотъ кругъ, изъ котораго онъ такъ рано вышелъ.

— Я, кажется, толстѣть начинаю,—разсуждалъ онъ.— Это просто скверно! Надо поразмяться...

Чтобы поразмяться, онъ подалъ прошеніе о принятіи его на службу. Онъ рѣшился служить, и для этого нужны были деньги или, вѣрнѣе сказать, ему нужны были деньги и онъ рѣшился служить. Пришлось выжать изъ своего кошелька все, что было возможно,—кошелекъ же Александра Ивановича, по его собственному остроумному выраженію, была его мать. Анна Васильевна была рада освободиться отъ сына; когда-то она горячо любила его, теперь же она съ нетерпѣніемъ ждала, когда онъ окончательно опредѣлится на службу; въ ней даже не шевельнулось материнское чувство боязни за участь сына, шедшаго на войну. Но радость радостью, а деньги деньгами: она могла радоваться его опредѣленію въ полкъ, но не могла дать ему многаго на обмундировку, тогда какъ онъ желалъ добыть отъ своего «кошелька» не только на обмундировку, но и на кутежи съ пріятелями по случаю опредѣленія на службу. Между матерью и сыномъ начались дикія сцены споровъ, обоюдныхъ упрековъ, циническихъ напоминаній о старыхъ грѣхахъ.

— Вы на разныхъ прапорщиковъ промотали отцовское состояніе, вы обмундировывали новоиспеченныхъ офицеровъ, а отцу пришлось казну грабить, пришлось нищими насъ оставить,—кричалъ сынъ.

— Стыдись! Не ты ли проигрывалъ по триста рублей въ вечеръ? Не ты ли бросалъ сотни рублей подъ ноги разнымъ тварямъ,—кричала мать.

— А съ кого же я бралъ примѣръ? Съ васъ и съ любимыхъ вашихъ прапорщиковъ. Съ кѣмъ я игралъ? Не съ ними ли? И кого вы называете тварями? Тѣхъ женщинъ, по слѣдамъ которыхъ шли вы сами,—бушевалъ сынъ.

Digitized by Google

— Вонъ изъ моего дома! — слышались гнѣвныя слова матери.

— Ну, это я сдѣлаю послѣ, а теперь мнѣ нужны деньги,— рѣшительно возражалъ сынъ.—И какая же вы мать, когда вы не можете, не хотите помочь сыну выйти на честную дорогу труда? Когда я ѣлъ вашъ хлѣбъ, вы попрекали меня каждымъ кускомъ; когда я хочу самъ добывать кровью этотъ кусокъ хлѣба, вы заграждаете мнѣ путь.

— Да пойми ты, что у меня нѣтъ, нѣтъ денегъ.

— А! у васъ денегъ нѣтъ! — иронически восклицалъ сынъ.—А чтобы въ шелковыхъ платьяхъ франтить—на это есть деньги, а чтобы браслетки носить—на это находятся средства? У васъ серебро есть, у васъ жалованье и пенсія есть,—заложите, продайте все это. Или вы думаете, что я вамъ не отдамъ? Полноте! Вы сами знаете, что у меня поперекъ въ горлѣ стоитъ каждый кусокъ, купленный на ваши деньги. Если я прошу у васъ, такъ это потому, что вы должны мнѣ помочь. Вы изволили произвести меня на свѣтъ, вы воспитали меня среди тунеядства и разврата, вы промотали состояніе и пустили меня по-міру. Я не милости у васъ прошу: я требую своего. Вы обокрали меня и нравственно, и матеріально, и я требую возвращенія мнѣ моей собственности.

— Господи! Господи! до чего я дожила! — рыдала старуха.

— Полноте ныть! Вы также плакали передъ каждымъ прапорщикомъ, когда онъ бросалъ васъ! Я знаю цѣну этихъ слезъ!

— Бери, бери все, только уѣзжай навсегда.

— О, я знаю, что вы были бы рады, если бы я не только что уѣхалъ, но и умеръ бы. Я единственный свидѣтель вашего прошлаго; я тотъ позорный столбъ, къ которому приговорила васъ судьба!

— Пощади, пощади меня ради моихъ сѣдыхъ волосъ!— рыдала старуха, склоняя свою голову.—Бери серебро, продай мое жалованье, все, все продай, но пощади меня!

Александръ Ивановичъ шумно ходилъ по комнатѣ и ждалъ, когда мать передастъ ему серебро, когда она ему дастъ довѣренность на полученіе ея жалованья и пенсіи: какъ истинно честный человѣкъ, онъ не хотѣлъ грабить свою жертву, но ждалъ, когда она своими руками отдастъ ему все свое убогое имущество. Серебро было заложено, жалованье и пенсія на полгода были проданы какому-то тор-

Digitized by Google

говцу, поставлявшему на пріютъ дрова и занимавшемуся въ то же время ростовщичествомъ. Этотъ услужливый и изворотливый человѣкъ пріобрѣлъ отъ Анны Васильевны довѣренность на полученіе ея жалованья и пенсіи въ теченіе шести мѣсяцевъ; конечно, эта услуга обошлась не дешево, и за каждый рубль было выдано только по шестидесяти копеекъ, впрочемъ, услужливый человѣкъ рисковалъ своими деньгами и потому не могъ же не взять за рискъ приличнаго вознагражденія. Наконецъ, Александръ Ивановичъ обдѣлалъ свои дѣла и могъ спокойно отправиться въ полкъ, чтобы принести на алтарь отечества свои услуги, можетъ-быть, свою кровь и даже самую жизнь. Безъ слезъ, замиранія въ сердцѣ прощалась Анна Васильевна съ своимъ когда-то любимымъ сыномъ. Почти съ пренебреженіемъ и ненавистью прикоснулся онъ къ ея губамъ и, насвистывая какую-то арію, вышелъ изъ дому. Мать не провожала его на крыльцо, не смотрѣла въ окно, какъ онъ садился въ экипажъ, не склонилась передъ образомъ съ молитвой за него, но тяжело опустилась на диванъ и склонила на руки свою сѣдую голову; долго сидѣла она, не трогаясь съ мѣста, покуда укладывали чемоданы сына; потомъ, когда загремѣли колеса отъѣзжавшей коляски, поднялась и глубоко вздохнула всею грудью, какъ будто съ этой груди свалился тяжелый гнетъ; принизившаяся старуха снова выпрямилась и подняла голову: ея позорный столбъ исчезъ... На долго ли? «Господи, если бы онъ остался тамъ!»—тихо прошептала она и вдругъ вздрогнула: въ ея головѣ промелькнула мысль, что остаться тамъ—значитъ быть убитымъ...

Иныя сцены, иныя впечатлѣнія занимали въ это же время семейства Прилежаевыхъ и Прохоровыхъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ продолжали они ожидать, не кончится ли война до весны, а дни летѣли за днями, не принося извѣстій объ окончаніи роковыхъ событій.

— Господи, какъ время-то летитъ! — удивлялась иногда Марья Дмитріевна:—встъ ужъ и Рождество близко.

— Да, да,—хмуро соглашался штабсъ-капитанъ:—Рождество близко, а о мирѣ все еще ни слуху, ни духу... Не увидимъ, какъ и весна подкатитъ.

— Ну, батюшка, вотъ, можетъ-быть, еще къ новому-то году и выйдетъ милостивый манифестъ,—успокаивала Марья Дмитріевна.

— Какой манифестъ?—спрашивалъ штабсъ-капитанъ.

— А о замиреніи-то...

Digitized by Google

— Эхъ, вы! — безнадежно махалъ рукою штабсъ-капитанъ.

— Да что-жъ, батюшка, вѣдь на все воля Божія. Можетъ, и смилуется.

— Ждите, ждите, — вздыхалъ старикъ.—Пока вы ждать будете, весна на дворъ прикатитъ.

— И съ чего это нынѣшній годъ-то такой короткій,— задумывалась Марья Дмитріевна. — Вѣдь, слава Создателю, не первый годъ живу на свѣтѣ, а такого короткаго года еще не видала...

Время, дѣйствительно, летитъ необыкновенно быстро въ семьѣ Прилежаевыхъ среди напряженныхъ ожиданій и усиленной работы. Антонъ ходитъ въ гимназію; Катерина Александровна попрежнему дежуритъ въ пріютѣ, шьетъ и учится; братья Прохоровы подготовляются къ выпуску и съ различными чувствами считаютъ дни, остающіеся до полученія чиновъ; Марья Дмитріевна попрежнему вздыхаетъ, справляется, близко ли подошли враги къ Петербургу, шьетъ безъ устали солдатское бѣлье и хлопочетъ за приготовленіемъ обѣдовъ; штабсъ-капитанъ почитываетъ газеты и ораторствуетъ въ клубѣ, все, повидимому, обстоитъ благополучно, и новый день не приноситъ новыхъ событій. Но среди этого затишья каждый изъ нашихъ героевъ уже начиналъ чувствовать, что все ближе и ближе приходитъ то время, когда эти новыя событія встревожатъ мирное теченіе ихъ жизни. Сильнѣе всѣхъ сознавалъ неотразимость близкой перемѣны въ жизни Александръ Прохоровъ. Онъ уже тосковалъ не объ одной приближавшейся разлукѣ съ отцомъ,—онъ, съ замираніемъ въ сердцѣ, помышлялъ и о разлукѣ съ Катериной Александровной. Эта дѣвушка, какъ мы сказали, сдѣлалась его лучшимъ другомъ, самымъ дорогимъ для него существомъ. Совершенно незамѣтно для самихъ молодыхъ людей между ними установились отношенія любящихъ другъ друга младшаго брата и старшей сестры. Эта дружба была чиста, Александръ Прохоровъ относился къ Катеринѣ Александровнѣ съ какимъ-то благоговѣніемъ, Катерина Александровна смотрѣла на него покровительственно, какъ на милаго мальчика. Они, быть-можетъ, изумились бы, если бы кто-нибудь подсказалъ имъ, что они влюблены другъ въ друга, такъ какъ Катерина Александровна видѣла въ Александрѣ Прохоровѣ почти ребенка и ужъ никакъ не молодого человѣка, да и самъ Александръ Прохоровъ смотрѣлъ на себя, какъ на неопытнаго школьника въ сравненіи

Digitized by Google

съ этою молодою дѣвушкой, уже нѣсколько лѣтъ управлявшею домомъ и зарабатывавшей кусокъ хлѣба для всей семьи. Имъ ни разу не пришло въ голову, что разница ихъ лѣтъ совсѣмъ не такъ велика, какъ казалось съ перваго взгляда. Это различіе отношеній другъ къ другу проглядывало даже въ томъ, какъ молодые люди называли одинъ другого. Она звала его Сашей, онъ называлъ ее Катериной Александровной; она иногда говорила ему *ты*, онъ никогда не сказалъ ей иначе, какъ *вы*. Даже перевѣсъ знаній, бывшій на сторонѣ молодого человѣка, не сгладилъ этого различія въ отношеніяхъ, хотя въ послѣднее время Александръ Прохоровъ и игралъ порою роль учителя Катерины Александровны; но въ эти минуты скорѣе она управляла учителемъ, чѣмъ онъ ею. Чѣмъ болѣе сокращалось время, оставшееся до выхода изъ корпуса, тѣмъ тѣснѣе сближались молодые люди.

— Катерина Александровна, вы пишите ко мнѣ, когда я уѣду,—говорилъ Александръ.

— Вы-то только пишите, а я ужъ не залѣнюсь, — отвѣчала она.—Вы свѣтъ увидите, въ кружокъ новыхъ товарищей попадете, такъ вамъ немудрено будетъ не найти времени для писемъ... Вы хоть нѣсколько строкъ присылайте...

— Какъ бы хорошо и мирно мы жили, если бы я могъ остаться здѣсь,—говорилъ онъ въ другой разъ.—Вы учились бы, я служилъ бы и подготовился бы къ университету, кончилъ бы тамъ курсъ, и вы къ тому времени выдержали бы экзаменъ, и тогда намъ было бы нечего бояться нужды...

— Что мечтать о томъ, чего не можетъ быть,—вздыхала она. — Дай Богъ, чтобы только всѣ мы живы остались, а тамъ что будетъ, то будетъ...

Иногда онъ читалъ о военныхъ событіяхъ; она молча слушала чтеніе, опустивъ голову.

— Катерина Александровна, что съ вами? — тревожно спрашивалъ Александръ, видя слезы на ея поблѣднѣвшихъ щекахъ.

— Мнѣ тяжело, Саша, какъ я подумаю, сколько тамъ убитыхъ, сколько женъ, матерей и сестеръ осиротѣло... Господи, отчего это люди не могутъ жить безъ войны, не убивая другъ друга!.. Сколько горя, сколько слезъ льется теперь во всѣхъ концахъ Россіи... Я, кажется, не перенесла бы, если бы моего брата убили... я сама пошла бы туда... пошла бы облегчить участь хоть одного раненаго. Вотъ мужчины счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи, они докто-

Digitized by Google

рами могутъ быть, могутъ хотя кого-нибудь спасти... Я, Саша, все буду бояться за васъ, когда вы уѣдете,—ласково клала она свою руку на его плечо.

— Вы сестрою мнѣ сдѣлались, я васъ послѣ отца больше всѣхъ на свѣтѣ люблю,—шепталъ онъ и припадалъ губами къ ея рукѣ. — Берегите отца, утѣшьте его, если что случится...

— Что вы, что вы, Саша! Зачѣмъ предполагать дурное!— тревожно говорила она.

Порою къ нимъ присоединялся штабсъ-капитанъ, Марья Дмитріевна и Антонъ. Въ ихъ кружкѣ шли тихія и грустныя рѣчи о будущемъ. Штабсъ-капитанъ угрюмо хмурилъ брови и шагалъ по комнатѣ. Онъ сталъ неузнаваемъ, его лицо похудѣло, обвисло. Его рѣчи сдѣлались немногословны, иногда онъ просиживалъ молча по цѣлымъ часамъ. По временамъ онъ стискивалъ зубы, когда Марья Дмитріевна начинала почти причитать надъ молодыми людьми, готовившимися къ войнѣ.

— Скоро, скоро, дорогіе мои, проводимъ мы васъ въ путь,—вздыхала она.—Какъ красное солнышко, закатитесь вы, и Богъ знаетъ, когда вернетесь къ намъ, старикамъ...

— Генералами пріѣдемъ!—шумно смѣялся братъ Иванъ.

— Охъ, батюшка, не до поживы, а были бы живы!— вздыхала старуха.

— Ну, мама, что впередъ тосковать!—вмѣшалась въ разговоръ Катерина Александровна.

— И то тоску нагнали!—бормоталъ штабсъ-капитанъ.— Авось, все кончится до той поры... Будемъ живы—увидимъ... Да, я вотъ счастливѣе ихъ былъ,—задумчиво шепталъ онъ.— Бобылемъ былъ... Ни отца ни матери не было... никто не заплакалъ бы, еслибъ...

Онъ не договорилъ начатой фразы, а по его обвислымъ грубымъ щекамъ катились крупныя слезы.

— Ну, полно, отецъ! — ласково говорилъ Александръ.— Неужели нѣтъ другихъ разговоровъ? Еще и живы будемъ, и счастливы... Ты не волнуйся, у тебя вонъ вмѣсто дочери останется покуда наша Катерина Александровна, а тамъ и мы пріѣдемъ...

Александръ, обнявъ одною рукой старика, тихо ходилъ съ нимъ по комнатѣ и утѣшалъ его, какъ слабую женщину. Въ эти минуты въ мягкомъ, задушевно говорившемъ юношѣ трудно было узнать того рѣзкаго кадета, который возмущалъ Старцева своею мужиковатою грубостью.

Digitized by Google

Безмолвнымъ, но не безучастнымъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ мелкихъ сценъ являлся Антонъ. Тихо склонивъ голову на плечо матери или сестры, онъ задумчиво слѣдилъ за дѣйствующими лицами, всматривался въ выраженіе ихъ физіономій, вслушивался въ звуки ихъ голосовъ. Отъ его большихъ, умныхъ глазъ не ускользала ни тихая грусть сестры, ни слезливая мина матери, ни мужественная печаль Александра Прохорова, ни крупныя слезы стараго инвалида, ни беззаботная, удалая веселость и безпечность Ивана Прохорова. Въ дѣтской головѣ мальчика мелькали мысли о томъ, что старому штабсъ-капитану, должно-быть, очень тяжело, что Александръ Прохоровъ очень, очень любитъ отца, что Иванъ Прохоровъ совсѣмъ мальчишка, что самъ онъ, Антонъ, горько, горько заплакалъ бы, если бы ему пришлось оставить мать и сестру. Въ эти минуты онъ началъ отдавать себѣ полный отчетъ въ своихъ чувствахъ къ своей семьѣ; онъ понялъ, что онъ горячо, всею душой любитъ эту семью. Въ эти минуты онъ сталъ сознательно уважать штабсъ-капитана, какъ добраго отца, и Александра Прохорова, какъ добраго сына. Иногда онъ думалъ: «у меня былъ тоже добрый отецъ!» и ему вспоминалось, какъ его отецъ тѣшился его играми на пустынныхъ островахъ во время поѣздокъ за щепками, какъ его отецъ говорилъ ему заботливымъ голосомъ, смотря на его купанье въ заливѣ: «не заходи далеко, тамъ глубоко, оступиться можешь». Теперь онъ какъ будто слышалъ снова не только эти слова, но тотъ тонъ, которымъ они говорились, и въ этомъ тонѣ ему слышалась любовь. «И я вѣдь любилъ, очень любилъ отца, я бы тоже горевалъ, если бы мнѣ пришлось идти отъ него на войну»,—думалъ мальчикъ, и передъ его глазами возставалъ образъ сгорбленнаго, больного старика, исчезающаго безслѣдно среди тумана осенняго вечера... Голубые глаза мальчугана подергивались слезами, и онъ крѣпче прижимался къ матери или къ сестрѣ. Иногда въ эти минуты Александръ, обнявъ Антона, тихо говорилъ ему:

— Ты тоже пиши мнѣ обо всемъ, объ отцѣ, о себѣ... о сестрѣ пиши. Они, можетъ-быть, скроютъ что-нибудь, а ты откровенно пиши все, хотя бы и не радостныя вѣсти... Мы мужчины съ тобой, мы должны смотрѣть прямо въ глаза всякому горю...

— Я буду писать! Что мнѣ скрывать, — серьезно отвѣчалъ мальчуганъ и въ душѣ гордился, что онъ будетъ пе-

Digitized by Google

реписываться съ своимъ взрослымъ другомъ, что этотъ взрослый другъ полагается на него.

А дни летѣли и летѣли впередъ.

IV.

Продолженіе предыдущей.

Наступала весна, тяжелая, грустная, полная тревожныхъ ожиданій весна; казалось, что для всѣхъ рѣшался вопросъ: быть или не быть. Всѣ какъ будто находились въ томительномъ недоумѣніи и спрашивали: что будетъ теперь? Отвѣта еще не было, и покуда во всемъ и на всѣхъ преобладалъ черный цвѣтъ: одни носили трауръ по убитымъ родственникамъ, другіе по умершемъ государѣ, третьи облачились въ черное ради моды. Въ самомъ пріютѣ Бѣлокопытовыхъ вмѣсто голубыхъ и красненькихъ гарусныхъ кисточекъ на головахъ дѣвочекъ появились кисточки изъ черной шерсти; кромѣ того, графиня Бѣлокопытова, рыдая и поминутно сморкаясь, обратилась къ воспитанницамъ съ рѣчью о тяжеломъ времени, которое настало. «Благодѣтеля, благодѣтеля нашего мы похоронили!»—говорила она и раздала собственноручно по черному ситцевому платочку на каждыхъ двухъ воспитанницъ, которымъ велѣно было разрѣзать эти платочки на косыночки и носить ихъ на шеѣ. Въ магазинахъ недоставало черныхъ матерій, и вещи этого цвѣта поднялись въ цѣнѣ до невообразимой степени; въ февралѣ самый простой крепъ стоилъ вчетверо дороже, чѣмъ въ январѣ. Даже мелочи, даже бездѣлушки женскаго туалета напоминали о войнѣ, браслеты съ замками въ видѣ пушекъ; черныя цѣпи и черные кресты, булавки съ мертвыми головками, брелоки въ видѣ ядеръ, все это говорило: memento mori. Шутихи моднаго свѣта нашли возможность играть даже въ общественную печаль и обшивали бѣлымъ кружевомъ черныя платья. Въ городѣ царствовала тишина: на улицахъ не слышалось привычныхъ звуковъ шарманокъ, въ домахъ не раздавалось звуковъ фортепіано, нигдѣ не давалось баловъ, театры были закрыты. Случайныя обстоятельства прекратили, наконецъ, разные пиры безсмысленныхъ кутилъ и заставили городъ принять тотъ серьезный видъ, который шелъ болѣе къ порѣ общественныхъ бѣдствій, чѣмъ шумъ пьяныхъ обѣдовъ и вакхическихъ баловъ. Теперь все затихло. Что это было: слезы ли передъ радостью или предчувствіе грядущихъ бѣдъ?

Въ эту скорбную пору въ корпусѣ шли экзамены, то-есть

Digitized by Google

наступило тревожное и дѣятельное время. Одни воспитанники платили сторожамъ гривенники, чтобы ихъ будили въ четыре часа; другіе тайкомъ не спали до трехъ часовъ; третьи забивались въ какой-нибудь отдаленный уголъ съ своими тетрадями и лекціями; всѣ «зубрили» все пройденное и дрожали за свою участь, боясь «провалиться». Въ корпусѣ, несмотря на необходимость, несмотря на желаніе приготовиться къ экзаменамъ, не позволялось заниматься дольше указаннаго срока, точно каждый юношескій мозгъ обязанъ былъ усвоить все необходимое въ отмѣренный для всѣхъ промежутокъ времени. На молодыхъ лицахъ были видны слѣды утомленія и усталости. Александръ Прохоровъ тоже замѣтно побѣднѣлъ и похудѣлъ, иногда даже его глаза были припухшими и красными. Перемѣна въ его лицѣ была такъ сильна, что ее не могли не замѣтить даже посторонніе люди.

— Что это вы, батюшка, кажется, совсѣмъ заучились,— замѣтилъ ему при встрѣчѣ Старцевъ, считавшій своимъ долгомъ любезничать съ «новымъ поколѣніемъ».

— Нельзя же не приготовляться къ экзаменамъ,— уклончиво отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Э, да вы не налегайте очень, — посовѣтовалъ Старцевъ. — Теперь не такое время, чтобы заниматься разными формальностями и строгостями. Теперь люди нужны; вонъ изъ академіи медиковъ почти безъ экзаменовъ выпускаютъ.

— Я не намѣренъ получать хорошіе баллы Христа ради,— отвѣтилъ Александръ Прохоровъ: — и дуракомъ стоять на экзаменахъ не привыкъ.

— Да вѣдь результатъ-то будетъ одинъ и тотъ же, — усмѣхнулся Старцевъ.—Или, изъ чувства гражданской гордости, хотите свято исполнить свой кадетскій долгъ?

— Просто краснѣть не хочу, какъ краснѣлъ прежде, когда вы упрекали меня за непониманіе всей глубины великихъ произведеній любимаго вашего Державина, — съ усмѣшкой отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Э, батюшка, другія времена—другіе нравы! — похлопалъ Старцевъ по плечу Прохорова. — Для Россіи наступаетъ великое время.

— Люди тѣ же, Владиміръ Ивановичъ, — промолвилъ Александръ Прохоровъ.

Старцевъ пожалъ плечами и отошелъ прочь.

Дня черезъ два начался первый экзаменъ. Слова Старцева оправдались: экзаменаторы, занятые другими сообра-

Digitized by Google

женіями, заваленные дѣломъ, были снисходительнѣе обыкновеннаго и торопились кончить офиціальную часть выпусковъ. Учителя довольно безцеремонно и добродушно облегчали отвѣты, поясняли темно высказанное воспитанниками, подсказывали въ затруднительныхъ случаяхъ забытое экзаменующимся. У всѣхъ были на умѣ гораздо болѣе важные заботы и расчеты, чѣмъ дурной или хорошій отвѣтъ того или другого ученика. Послѣ перваго же экзамена большая часть выпускныхъ воспитанниковъ оживилась и наполовину оставила лекціи. Въ тотъ же день вечеромъ въ пустой мертвецкой, то-есть въ комнатѣ, куда относились умиравшіе въ лазаретѣ воспитанники, былъ устроенъ пиръ и на большомъ столѣ появились разныя яства и чай. Надежда на успѣхъ оживила даже и тѣхъ, которые дрожали за свою участь и не мечтали даже о выходѣ въ «гарнизонъ». Подобныя пиршества нерѣдко тайкомъ устраивались кадетами, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь, и строго преслѣдовались начальствомъ. Но на этотъ разъ батальонный командиръ Фитилькинъ сдѣлалъ видъ, что онъ ничего не подозрѣваетъ о пирѣ, и въ теченіе всего вечера ни разу не заглянулъ на лазаретную половину. Кто-то изъ офицеровъ попробовалъ замѣтить ему о происходившемъ, но онъ махнулъ рукой.

— Недолго-съ, недолго-съ теперь,—проговорилъ онъ отрывисто.—Выйдутъ, развяжутъ руки; нечего поднимать исторіи; не такая-съ пора.

Дѣйствительно, пора была не такая, чтобы обращать вниманіе на мелочи.

Александръ Прохоровъ не принималъ никакого участія въ пирушкѣ, и его лицо не оживилось радостью, глаза не заблестѣли весельемъ, когда онъ убѣдился на дѣлѣ, что экзамены оказались менѣе строгими, чѣмъ ожидали воспитанники. Повидимому, причина его блѣдности и задумчивости была болѣе глубокою, чѣмъ страхъ передъ дурнымъ балломъ. Онъ сдавалъ одинъ экзаменъ за другимъ самымъ блестящимъ образомъ, получалъ лучшіе баллы, шелъ первымъ, а его лицо все не прояснялось. Печать глубокаго раздумья и серьезной грусти глубоко врѣзалась въ каждую черту его физіономіи, и это еще такъ недавно казавшееся дѣтскимъ и беззаботнымъ лицо приняло такое осмысленное выраженіе, такъ возмужало, что имъ нельзя было не залюбоваться. Это былъ уже не мальчикъ, не пухленькій херувимчикъ съ розовенькими щечками и глупенькими боль-

Digitized by Google

ними глазами. Это былъ умный, вполнѣ развившійся юноша, вступавшій въ жизнь съ полнымъ сознаніемъ того, что его ожидаетъ впереди. Во всѣхъ его движеніяхъ пропала кадетская угловатость и суетливость; его фразы сдѣлались сжатыми, точно онъ скупился изливать передъ другими всѣ дорогія для него чувства и мысли, которыя роились въ его головѣ. Онъ уже не такъ волновался, говоря о предстоящей ему службѣ въ дѣйствующей арміи, хотя онъ еще глубже чувствовалъ всю тяжесть разлуки съ отцомъ и всю печальную сторону той участи, которая, быть-можетъ, выпадетъ ему на долю въ первомъ же сраженіи. Повидимому, онъ уже обдумалъ, какъ и что онъ сдѣлаетъ въ томъ или другомъ случаѣ и уже не боялся, по крайней мѣрѣ, лично за себя. Какъ-то мелькомъ, въ разговорѣ съ Катериной Александровной, онъ замѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что каждый человѣкъ долженъ взять за руководство одну великую идею: или со щитомъ, или на щитѣ. Всякій другой путь ведетъ только къ заблужденіямъ, къ мелкимъ тревогамъ, къ жизни разныхъ Адуевыхъ.

— Я васъ не понимаю, Саша, — сказала Катерина Александровна.—Вы говорите: каждый человѣкъ... Но вѣдь это только тѣ могутъ сдѣлать, которые на войнѣ. Они могутъ или побѣдить, или умереть, а какъ же мы-то: мы ни съ кѣмъ не воюемъ...

— Какъ же не воюете? — возразилъ Александръ Прохоровъ. — Вы тоже вонъ воюете съ Зубовой, съ Постниковой...

— Ну, Саша, ихъ не побѣдишь. Однѣ уйдутъ, другія такія же явятся.

— Да тутъ дѣло не въ людяхъ, а въ томъ, чтобы добиться своего, своей цѣли достигнуть... Мнѣ кажется, каждый человѣкъ долженъ задаться извѣстною цѣлью и или умереть, или достигнуть ее, побѣдивъ всѣхъ враговъ, мѣшающихъ достиженію этой цѣли.

— Ну, Саша, вы совсѣмъ къ войнѣ приготовились,—улыбнулась молодая дѣвушка. — Можно ли такъ хладнокровно говорить объ этомъ? Вы идете убивать людей и говорите про это такъ, какъ будто дѣло идетъ о какихъ-нибудь комарахъ...

— Отчего же и не такъ?—спросилъ Александръ Прохоровъ. — Вѣдь вы убиваете же комара, если онъ васъ ужалитъ? А онъ тоже, я думаю, хотѣлъ бы жить и питаться вашею кровью.

Digitized by Google

Катерина Александровна какъ-то боязливо взглянула на своего молодого друга.

— Я думаю, Катерина Александровна, вы охотно изгнали бы изъ пріюта Зубову и Постникову, если бы могли?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Еще бы не изгнать такихъ злыхъ женщинъ; онѣ всѣхъ дѣтей поѣдомъ ѣдятъ,— горячо отвѣчала молодая дѣвушка.

— А какъ вы думаете, чѣмъ бы онѣ стали жить, если бы къ нимъ всѣ такъ отнеслись, какъ вы? — спросилъ Александръ Прохоровъ, пристально взглянувъ на нее.

Она молчала.

— Имъ пришлось бы идти по-міру; но, можетъ-быть, ни вы, ни другія женщины, смотрящія на нихъ такъ же, какъ вы, не подали бы имъ ни гроша, такъ какъ эти гроши нужны для болѣе близкихъ вамъ людей. Зубовой и Постниковой, по вашей милости, пришлось бы умереть съ голоду А вѣдь это уже не комары.

Катерина Александровна задумалась.

— Саша, вы, значитъ, очень охотно идете воевать?—съ непонятнымъ для ней самой волненіемъ спросила она черезъ минуту.

— Я, какъ и всѣ, желаю, чтобы поскорѣй кончилась война и чтобы люди не рѣзали другъ друга,—спокойно отвѣтилъ онъ.

Впервые, во время этого разговора, Катерина Александровна смутно почувствовала, что ея другъ уже не мальчикъ, что она сама вдругъ сдѣлалась какъ будто моложе его. Она хотя и не совсѣмъ ясно, но все-таки сознавала, что онъ впервые высказывалъ ей мысли, не просто вычитанныя имъ изъ книги или слышанныя отъ учителей, а свои собственныя, созрѣвшія въ его головѣ, и въ то же время она поняла, что она никогда не додумывалась до этихъ мыслей, никогда не отдавала себѣ отчета, къ чему собственно она стремится къ борьбѣ съ такими личностями, какъ Зубова и Постникова. «Саша знаетъ больше меня, оттого онъ и умный»,—мелькнуло въ ея головѣ.

— Учитесь, Катерина Александровна,—промолвилъ Александръ Прохоровъ, какъ бы угадывая ея мысли. — Изберите образованіе своею цѣлью и идите къ ней, во что бы то ни стало. Безъ образованія ничего не подѣлаете. Я самъ сознаю, что я теперь никуда не гожусь кромѣ военной службы и что придется много работать, чтобы стать человѣкомъ. Вы тоже дальше пріюта безъ образованія не пойдете.

Digitized by Google

— Я это знаю, Саша, — вздохнула Катерина Александровна. — Я и учусь, да многому ли можно выучиться при посторонней работѣ?

— Погодите, кончится война, я помогу вамъ...

— Вы?

— Ну да. Чему же вы удивляетесь? Самъ буду учиться и помогу вамъ. Безъ помощи ничего не сдѣлаете; у васъ вонъ семья на хлѣбахъ. А вы тоже мнѣ помогите: не оставляйте покуда отца, берегите его. Онъ слабъ, ему нужна поддержка, нужна ласка...

Александръ Прохоровъ задумался.

— Запиваетъ онъ иногда, — проговорилъ онъ печально.

— Развѣ вы знаете?—изумилась Катерина Александровна.

— Еще бы! Когда мы жили еще подъ Невскимъ, я зналъ это, хотя онъ и скрывалъ это отъ насъ... Знаете ли, я прежде осуждалъ его въ душѣ, я гнушался имъ, я краснѣлъ, когда онъ появлялся въ корпусѣ, и мальчишки смѣялись надъ его носомъ...

Катерина Александровна смотрѣла на Александра Прохорова съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Я, можетъ-быть, и продолжалъ бы такъ относиться къ нему, если бы ни одинъ случай,—продолжалъ Александръ Прохоровъ. — Это было два года тому назадъ, во время осеннихъ отпусковъ, не задолго до знакомства съ вами. Пріятели зазвали меня къ себѣ на пирушку. Мнѣ тогда только еще недавно минуло пятнадцать лѣтъ. Мои пріятели были гораздо старше меня, но любили меня, называли своимъ другомъ, ухаживали за мною и просто няньчились со мною, какъ съ ребенкомъ. Я былъ пухленькимъ, здоровымъ, розовымъ и веселымъ мальчуганомъ. Отчасти я гордился тѣмъ, что меня чуть не на рукахъ носятъ, отчасти я привязался къ нимъ изъ потребности чьей-нибудь ласки, чьего-нибудь привѣтнаго слова. Именно въ эту пору я менѣе всего дорожилъ ласками отца, къ которому я нѣсколько охладѣлъ, узнавъ о томъ, что онъ пьетъ, и стыдясь его бѣдной одежды, его неказистой физіономіи, его циническаго нахальства — такъ подъ вліяніемъ друзей началъ я въ ту пору называть его манеру развязно заговаривать со всѣми, его невниманіе къ своему костюму, его веселость подъ ниценскими лохмотьями. Веселая пирушка, на которой я былъ, спеціально устроилась для меня. Меня угощали, поили; шутки и смѣхъ лились вмѣстѣ съ виномъ. Я пилъ впервые, не замѣчая, какъ пустѣлъ и снова наполнялся мой стаканъ.

Digitized by Google

Среди этого безшабашнаго разгула, когда я былъ совершенно пьянъ, одинъ изъ моихъ друзей, хозяинъ квартиры, гдѣ мы были, вздумалъ продѣлать со мной одну изъ возмутительнѣйшихъ штукъ. Хотя я едва стоялъ на ногахъ, но все же во мнѣ осталось настолько смысла, чтобы придти въ негодованіе и подняться съ мѣста. Я началъ ругаться и сказалъ, что я иду домой. Надо мной стали смѣяться, говоря, что я не въ состояніи пройти по комнатѣ. Я ругался и утверждалъ противное. «Ну, чортъ съ нимъ, пусть идетъ, если хочетъ», — крикнулъ кто-то, и меня перестали удерживать. Я не въ состояніи былъ застегнуть свой разстегнутый мундиръ, я кое-какъ накинулъ шинель и пошелъ. Друзья мои знали, что я никогда не имѣлъ денегъ, что я живу очень далеко, что ночью я могу попасть въ полицію и угодить въ кантонистское училище, въ юнкера, могу быть выгнаннымъ изъ корпуса. Но никто не тронулся съ мѣста, никто не проводилъ меня и не нанялъ мнѣ извозчика. Ночь была темная, ненастная. Какъ я шелъ, какъ я добрелъ до дому, я теперь и самъ не знаю. Должно-быть, я нѣсколько разъ падалъ въ грязь, потому что мое платье было все перепачкано. Вѣроятно, я спасся отъ глазъ полицейскихъ только потому, что мнѣ пришлось идти по пустыннымъ улицамъ Ямской и около Конной площади, гдѣ пьяные люди не возбуждаютъ особеннаго вниманія. Но какъ бы то ни было, это путешествіе, совершонное въ нѣсколько часовъ, останется навсегда въ моей памяти; оно стоило долголѣтняго путешествія блуднаго сына, вернувшагося послѣ долгихъ разочарованій и потерь къ порогу родного дома. Съ трудомъ добравшись до квартиры, я вошелъ въ комнату отца и тяжело опустился на первый попавшійся стулъ. Я уже былъ не столько пьянъ, сколько измученъ ходьбою и инстинктивнымъ страхомъ. Отецъ еще не спалъ. Взглянувъ на меня, онъ сразу понялъ все. «Неужели они одного тебя отпустили?»—тревожно спросилъ онъ. «Одного»,—угрюмо и безсвязно отвѣтилъ я. «Негодяи», — проворчалъ отецъ и хлопотливо сталъ раздѣвать меня. Я сидѣлъ неподвижно въ полудремотѣ и далъ ему полную волю распоряжаться моею особой. Онъ раздѣлъ меня, снялъ съ меня сапоги, снялъ чулки, вытеръ мои ноги, одѣлъ меня въ сухое бѣлье и, какъ ребенка, уложилъ въ постель. Ни одного упрека, ни одного вздоха не долетѣло до меня. У меня началась икота, отецъ молча и заботливо принесъ мнѣ воды, укуталъ меня въ теплое одѣяло и сѣлъ около постели. Я уснулъ тяжелымъ сномъ.

Digitized by Google

— Я воображаю, какъ тяжело было ему, — промолвила Катерина Александровна:—онъ въ васъ души не слышитъ...

— Когда я открылъ глаза, было уже позднее утро. Отецъ сидѣлъ у моей постели, опустивъ на грудь голову. Какъ только онъ замѣтилъ, что я проснулся, онъ принялъ веселый видъ и торопливо заговорилъ. «Сейчасъ чайку приготовлю. Ты не вставай, Саша. Вѣдь дома не въ корпусѣ, можно и понѣжиться, не для чего съ пѣтухами подниматься. Ты въ постели чайку напейся, это, знаешь, иногда хорошо. Надо же и посибаритничать!» Онъ суетился и шутилъ, но это были не его обыкновенныя суетливость и веселость, это была маска, которою онъ хотѣлъ прикрыть отъ меня свои настоящія чувства. Я хотѣлъ-было встать, но моя голова была тяжела, я чувствовалъ, что мое тѣло какъ будто разбито.. Со стыдомъ въ душѣ я долженъ былъ остаться въ постели и видѣть, какъ мнѣ услуживалъ отецъ. Мнѣ было бы легче вынести въ эти минуты цѣлую бурю брани и упрековъ, чѣмъ видѣть его ласку, его хлопоты, его услужливость. Онъ наказывалъ меня своею добротой.

— Но теперь, Саша, вы не обвиняете его за это? — спросила Катерина Александровна.

— Я и тогда не обвинялъ его; я просто стыдился его и чувствовалъ, что никакія наказанія не могли бы подѣйствовать на меня такъ, какъ подѣйствовала его ласка, — отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Почти весь день пролежалъ я въ постели. Отецъ читалъ мнѣ вслухъ какую-то книгу, развлекалъ меня разсказами о мѣстныхъ новостяхъ, шутилъ и острилъ, какъ будто не случилось ничего особеннаго, какъ будто я не лежу съ похмелья въ постели. О прошедшей ночи не было и помину. Я былъ окончательно подавленъ, униженъ. Я не слышалъ, что онъ читалъ, я не понималъ, что онъ разсказывалъ. Въ моей головѣ впервые зароились вопросы: дѣйствительно ли друзья мнѣ эти люди, которые няньчатся со мною; имѣлъ ли я право промѣнять на нихъ своего отца и стыдиться его; не является ли онъ моимъ единственнымъ другомъ, видящимъ въ моемъ счастьи все свое счастье, живущимъ моею жизнью? Мнѣ вспомнилась возмутительная сцена, происходившая на глазахъ всѣхъ моихъ друзей; мнѣ вспомнилась вся ихъ безсердечная черствость, высказавшаяся ясно въ ту минуту, когда они отвернулись отъ меня за то, что я не подчинился грязной выходкѣ ихъ патрона; мнѣ вспомнилась встрѣча съ отцомъ... Для меня все сдѣлалось яснымъ. А въ душѣ поднялись

Digitized by Google

между тѣмъ упреки за то, что я, напившійся вчера мальчишка, такъ часто обвинялъ въ душѣ за рѣдкіе случаи пьянства своего отца; упреки за то, что я, валелѣянный и вскормленный на послѣдніе гроши отца, стыдился его лохмотьевъ; упреки за то, что, въ отплату за всѣ его жертвы, за всѣ его лишенія, я не только не отвѣчалъ ласками на его ласки, но старался даже избѣжать этихъ ласкъ, этого «миндальничанья», этого «сахарничанья», какъ выражались мои друзья, миндальничавшіе и сахарничавшіе со мною. Мнѣ болѣзненно, мучительно хотѣлось попросить прощенья у отца, хотѣлось покаяться передъ нимъ во всемъ, но не хватало духу.

Александръ Прохоровъ на нѣсколько минутъ остановился. Катерина Александровна, опустивъ голову на руку, сидѣла въ безмолвномъ раздумьи. Какимъ-то теплomъ и свѣтомъ повѣялъ на нее этотъ разсказъ, какое-то новое чувство къ Александру Прохорову незамѣтно закралось въ ея душу. Если бы этотъ человѣкъ въ эту минуту вздумалъ обнять и прижать ее къ своему сердцу—она беззавѣтно отдалась бы ему, она прижалась бы къ этой теплой и честной молодой груди, какъ ребенокъ прижимается къ груди матери. Теперь Александръ Прохоровъ уже вполнѣ казался ей не мальчикомъ, не младшимъ братомъ, но сильнымъ и твердымъ мужчиной; онъ какъ будто выросъ въ ея глазахъ въ эти минуты.

— Но подобныя физическія потрясенія и нравственные переломы не всегда легко сходятъ съ рукъ,—продолжалъ Александръ Прохоровъ.—Къ вечеру у меня сдѣлался жаръ и начался бредъ. Я захворалъ не на шутку. Отецъ совершенно растерялся; онъ почти не отходилъ отъ меня; онъ продалъ послѣднія крохи, чтобы добыть деньги на лѣкарство; онъ кланялся въ пріемныхъ благотворителей, чтобы вырвать копейку для меня. Какъ онъ пережилъ это время, какъ онъ не сошелъ съ ума, не запилъ съ горя, это можно объяснить только силою любви, которая, мнѣ кажется, можетъ сдѣлать труса героемъ, слабаго человѣка—мужественнымъ бойцомъ. И никто, рѣшительно никто во все время моей болѣзни не справился, живъ ли я, не случилось ли чего-нибудь со мною, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь. И то сказать—здоровый я могъ интересовать друзей, больной—я сдѣлался имъ не нуженъ. Я, пожалуй, извинилъ бы ихъ, если бы они были дѣти, но они были гораздо старше меня; они понимали свои отношенія ко мнѣ и лгали о своемъ безкорыстномъ расположеніи ко мнѣ сознательно. Когда я

Digitized by Google

поднялся съ постели—я былъ уже здоровъ не только физически, но и нравственно. Я уже не помышлялъ даже объ извиненіяхъ передъ отцомъ, какъ помышлялъ объ этомъ въ началѣ болѣзни; я просто искренно и горячо отдался своей любви къ нему, и я знаю, что эта горячая любовь лучше всякихъ извиненій могла загладить прошлое и заслужить его прощеніе, если только онъ когда-нибудь сердился на меня.

Молодой человѣкъ умолкъ. Выраженіе его лица было оживлено, его сѣрые глаза блестѣли, щеки слегка зарумянились, и въ то же время какимъ-то свѣтлымъ и мягкимъ спокойствіемъ вѣяло отъ всей его фигуры. Взглянувъ на его физіономію, можно было не ошибаясь сказать, что въ его душѣ тепло, что въ его головѣ нѣтъ ни одного грязнаго помысла, что въ его рѣчахъ нѣтъ ни слова лжи и лукавства. Въ эту минуту его можно было назвать красавцемъ.

— Берегите же отца, моя добрая,—проговорилъ онъ и поцѣловалъ ея руку.

— Не бойтесь, я его не оставлю,—искренно промолвила Катерина Александровна.—Что бы ни случилось, я не разстанусь съ нимъ.

Онъ не выпускалъ ея руки и тихо сказалъ:

— Теперь я совершенно спокоенъ. Онъ васъ любитъ, какъ дочь, и ваша ласка поддержитъ его...

Настало минутное молчаніе.

— Какъ тихо, какъ хорошо сегодня,—сказалъ онъ.—Кажется, давно уже не было такого яснаго вечера... Когда-нибудь мы, можетъ-быть, будемъ вспоминать, какъ намъ хорошо жилось въ этотъ вечеръ.

— Да, Саша, я его не забуду,—тихо прошептала она.

Онъ пожалъ ей руку. Въ это время въ комнату вошелъ Антонъ. Александръ Прохоровъ быстро всталъ и подошелъ къ мальчику.

— Наработался, голубчикъ?—спросилъ онъ и, притянувъ къ себѣ мальчугана, покрылъ его лицо горячими, страстными поцѣлуями.

Онъ снова сѣлъ къ окну противъ Катерины Александровны и, обнявъ одною рукою Антона, усадилъ его къ себѣ на колѣни.

— Вотъ такъ хорошо,—говорилъ онъ, лаская мальчугана.—Теперь мы всѣ трое проведемъ послѣдній вечеръ старой жизни.

— Развѣ ты уже завтра уѣзжаешь?—спросилъ Антонъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, но теперь начнутся хлопоты, и едва ли намъ удастся остаться снова втроемъ,—отвѣтилъ Прохоровъ.

Всѣ опять умолкли. У каждаго роились какія-то смутныя думы; имъ не хотѣлось говорить; имъ просто хотѣлось молча посидѣть вмѣстѣ въ тѣсномъ кружкѣ. Они не слышали, какъ заглянула въ комнату Марья Дмитріевна, какъ она начала возиться съ самоваромъ, какъ возвратился изъ гостинаго двора штабсъ-капитанъ съ своимъ младшимъ сыномъ.

— Что присмирѣли, птахи?—весело проговорилъ онъ, появляясь въ свою комнату.—Опять затосковались?

— Нѣтъ, отецъ, мы, напротивъ того, отбросили всякую тоску и наслаждались затишьемъ,—проговорилъ Александръ Прохоровъ.—Вечеръ чудесный.

— Да, да, теплынь стоитъ,—сказалъ штабсъ-капитанъ и подсѣлъ къ кружку.—А маленькое дитятко на ручки забралось,—пошутилъ онъ, трепля по плечу Антона.

— Да, вотъ такъ ты меня въ его годы иногда усаживалъ къ себѣ на колѣни,—съ ласковою улыбкой промолвилъ Александръ Прохоровъ.

Старикъ улыбнулся.

— Да, тоже баловень былъ,—шутливо замѣтилъ онъ.

Всѣмъ было какъ-то особенно хорошо.

— Самоваръ готовъ,—сказала Марья Дмитріевна, появляясь въ комнату.

— Ну, сегодня мы здѣсь напьемся,—сказала Катерина Александровна.—Не правда ли, Флегонтъ Матвѣевичъ, здѣсь лучше?

— Да, да, у меня въ гостяхъ,—обрадовался старикъ и торопливо сталъ открывать ломберный столъ.

— Посмотри же, что мы закупили съ отцомъ,—сказалъ младшій Прохоровъ брату.

— Чего же смотрѣть?—отвѣтилъ тотъ.—Все, вѣроятно, отлично.

— Тряпочки, тряпочки разныя,—проговорилъ Флегонтъ Матвѣевичъ, махнувъ рукой.—Успѣемъ еще заняться ими. Теперь главное гостей угостить,—шутилъ онъ.

Вечеръ шелъ живо и весело.—это былъ дѣйствительно послѣдній вечеръ, которымъ оба семейства безтревожно и празднично закончили свою дружескую жизнь вмѣстѣ. Въ слѣдующіе дни начались хлопоты, бѣготня, заботы о мелочахъ, необходимыхъ для двухъ уѣзжающихъ въ полкъ братьевъ; всѣ суетились, бѣгали и сходились вмѣстѣ какъ-то урывками, на минуту.

Digitized by Google

Наконецъ, насталъ день отъѣзда. Всѣ старались быть бодрыми, хотя у всѣхъ щемило сердце; всѣ старались улыбаться, хотя у всѣхъ были красны глаза. Марья Дмитріевна бѣгала болѣе всѣхъ и все заботилась, не забыли ли чего уложить. Равнодушнѣе всѣхъ относились къ укладкѣ вещей Александръ Прохоровъ и Катерина Александровна. Наконецъ, все было уложено, все было переговорено, всѣ усѣлись...

— Ну, прощай, отецъ!—произнесъ Александръ Прохоровъ и обнялъ старика.

Тотъ такъ и замеръ на груди сына. Сынъ безмолвно прижалъ свои губы къ его сѣдой головѣ. Когда старикъ поднялъ голову и крѣпко поцѣловалъ сына въ губы—грудь на пальто Александра Прохорова была вся смочена слезами.

— Прощай! Береги брата, брата береги!—съ усиліемъ пробормоталъ старикъ, отрываясь отъ старшаго сына, и обнялъ младшаго.

Прощаясь съ нимъ, онъ не могъ удержаться отъ рыданій и цѣловалъ, и крестилъ его, какъ ребенка.

Марья Дмитріевна, Миша, Антонъ, всѣ горячо и со слезами обнимали уѣзжающихъ. Наконецъ, Александръ Прохоровъ подошелъ къ Катеринѣ Александровнѣ. Онъ протянулъ ей руку и притянулъ ее къ себѣ, обвивъ ея талію лѣвой рукою. Они какъ будто замерли въ долгомъ, горячемъ поцѣлуѣ. Александръ Прохоровъ забылъ всѣхъ и все; онъ цѣловалъ глаза и руки молодой дѣвушки; онъ не могъ наглядѣться на нее.

— Никто какъ Богъ, никто какъ Богъ,—задушевно проговорилъ штабсъ-капитанъ, подходя къ нимъ:—увидитесь... всѣ увидимся.

Старику, повидимому, все стало ясно. Онъ взялъ Катерину Александровну и обнялъ ее одною рукой.

— Мы съ нею будемъ поджидать тебя,—ласково промолвилъ онъ старшему сыну.

Тотъ сжалъ руки отца и тихо наклонился къ Антону.

— Пиши, милый,—проговорилъ онъ почти шопотомъ, едва удерживая душившія его слезы.

— Ужъ ты не бойся, буду писать,—отвѣтилъ мальчикъ.

— И объ отцѣ, и о ней также,—тихо добавилъ Александръ Прохоровъ.

— Хорошо!

Всѣ вышли изъ квартиры. Никто не хотѣлъ отпустить дорогихъ уѣзжающихъ, не проводивъ ихъ.

Digitized by Google

Когда семья Прилежаевыхъ и штабсъ-капитанъ возвратились домой и усѣлись вечеромъ за чай, имъ показалась какъ-то пустынна и безлюдна ихъ квартира, точно они осиротѣли. Тихо лились ихъ рѣчи.

— Гдѣ-то теперь наши?—говорилъ штабсъ-капитанъ.

— А долго ли имъ, голубчикамъ, ѣхать-то придется?—спрашивала Марья Дмитріевна.

— Я думаю, и они теперь насъ вспоминаютъ,—замѣтила Катерина Александровна, стараясь угадать, что думаетъ, о чемъ говоритъ тотъ, котораго она такъ горячо любила.

— Погоди, узнаемъ все, онъ мнѣ обо всемъ напишетъ,—успокоилъ ее Антонъ, не безъ гордости упомянувшій о своей будущей перепискѣ съ юнымъ офицеромъ.

Далеко за полночь шли эти толки, никто не думалъ о снѣ; казалось, что всѣ старались сплотиться тѣснѣе и боялись разойтись по своимъ угламъ, чтобы не остаться совершенно одинокими.

Молчаливѣе и задумчивѣе всѣхъ была Катерина Александровна; порой ей казалось, что, если бы Александръ Прохоровъ могъ взять ее съ собою, она бросила бы всѣхъ и все и ушла бы за нимъ.

Она уже не сомнѣвалась, что она его любила, любила больше матери, больше брата, больше всего на свѣтѣ.

V.

Начало конца.

Опять настало лѣто, опять начались передѣлки въ пріютѣ, наступила пора «постройки» одежды. Среди хлопотъ и волненій особенно озабоченною выглядѣла Зорина; она часто совѣщалась съ Зубовой, и послѣдняя приняла какой-то зловѣще-торжествующій видъ. Катерину Александровну старуха Зорина перестала приглашать къ себѣ и какъ-то старалась избѣгать ее. Изъ разныхъ намековъ и колкостей Зубовой молодая дѣвушка поняла, что Зубова сильно интригуетъ противъ нея. Она вообще привыкла равнодушно относиться къ пріютскимъ сплетнямъ и интригамъ, и ее удивляло только то, что Зорина, ненавидѣвшая Зубову, повидимому, поддалась послѣдней. Привыкнувъ давно къ разнымъ случайностямъ, Прилежаева не старалась ломать голову надъ разрѣшеніемъ вопроса, почему произошла перемѣна въ обращеніи Зориной съ нею и съ Зубовой. Катерину Александровну занимали теперь болѣе близкія ея сердцу и болѣе свѣтлыя мечты и думы. Она думала о *немъ*, думала, какъ онъ вер-

Digitized by Google

нется, какъ они вмѣстѣ будутъ работать, какъ онъ поможетъ ей выбиться изъ тяжелаго и необезпеченнаго положенія въ пріютѣ. Несмотря на тревоги за его участь, несмотря на постоянное волненіе при каждомъ извѣстіи съ поля военныхъ дѣйствій, молодая дѣвушка была счастлива, и свѣтлое чувство рѣдко покидало ее. Она какъ будто расцвѣла въ это время, сдѣлалась еще прекраснѣе; ея лицо дышало жизнью и энергіею. Она любила. Эта любовь охватывала и оживляла все ея существо. Но порою рядомъ съ свѣтлыми мечтами пробуждались въ ней и мрачныя предчувствія. Она старалась разогнать ихъ, усиленнѣе работала, перечитывала письма, полученныя отъ *него*, избѣгала одиночества и окружала себя дѣтьми, развлекавшими ее своею болтовней. Въ эти минуты наблюдатель могъ бы легко замѣтить, что у этой, повидимому, веселой и безпечной дѣвушки нервы находятся не въ порядкѣ, что ея душа не спокойна и напряженно ждетъ чего-то. При такомъ настроеніи, всѣ дрязги будничной жизни казались ей слишкомъ мелкими, слишкомъ ничтожными.

— Милочка, посмотрите вы, пожалуйста, на нашу «красавицу»,—желчно говорила Постникова Зубовой:—она земли подъ собой не слышитъ.

— Какъ же, офицершей скоро сдѣлается,—смѣялась Зубова.—Вѣдь ея кадетъ-то въ полкъ вышелъ, мнѣ наша прачка говорила.

— Да что это, душа моя, она вѣдь вѣрно завивается. Вы взгляните, какой завитокъ у нея на лбу.

— Какъ же, нельзя не пококетничать!—хохотала Зубова.—Можетъ-быть, другого еще подцѣпить на случай хочетъ.

Обѣ дѣвственницы возмущались и красотой, и кокетствомъ, и «развратомъ» Катерины Александровны. А она продолжала не обращать на нихъ вниманія. Впервые пришлось ей снова столкнуться съ ними при сдачѣ постельнаго и дѣтскаго бѣлья. Пересчитывая бѣлье, Катерина Александровна замѣтила Зубовой, что бѣлье еще не все, такъ какъ недостаетъ всего по одной смѣнѣ.

— Ну, ужъ это не ваше дѣло,—возразила Зубова насмѣшливымъ тономъ.

— Кромѣ того, вы старое бѣлье смѣшали съ новымъ,—промолвила Катерина Александровна.

— Значитъ, такъ надо, васъ вѣдь не спросятъ. Это мое и Анны Васильевны дѣло.

Digitized by Google

— Я не думаю, чтобы Анна Васильевна стала отдавать дѣтямъ лохмотья вмѣсто новаго бѣлья.

— А вы спросите ее,—разсмѣялась Зубова.

— Конечно, спрошу.

Прилежаева отправилась къ Зориной и объяснила ей, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, что вы мѣшаетесь не въ свои дѣла,—раздражилась старуха.—Нельзя же все новое шить дѣтямъ.

— Но мы должны же сдѣлать законное число перемѣнъ бѣлья.

— Мы, мы!—сердито повторила старуха.—Кто это мы? Ужъ не вы ли? Кажется, бѣлье лежитъ на моей отвѣтственности и на отвѣтственности Зубовой.

— Я думаю, мы всѣ должны заботиться о дѣтяхъ.

— Ну, предоставьте это мнѣ, какъ начальницѣ. И вообще я попрошу васъ не мѣшаться въ мои дѣла. Вы слишкомъ своевольничаете.

Катерина Александровна пожала плечами и вышла. Она поняла, что тутъ просто-на-просто совершается кража. Приходилось или молчать и оставить дѣтей ходить въ дырявыхъ рубашкахъ и юбкахъ, или донести на начальницу. Всевозможные подкопы и интриги были не въ характерѣ Катерины Александровны; ей самой пришлось испытать много непріятностей отъ шпіоновъ, и потому она чувствовала отвращеніе ко всякаго рода доносамъ. Но ее, все-таки, сильно волновала совершаемая въ ея глазахъ кража. Она стала пристальнѣе вглядываться во все и съ удивленіемъ замѣтила, что положеніе пріюта въ послѣднее время значительно ухудшилось. Воспитанницамъ не смѣняли бѣлья по двѣ недѣли, пища сдѣлалась еще хуже, чѣмъ прежде, иногда отъ нея просто тошнило. Кромѣ того, Зубова, сдѣлавшаяся первымъ министромъ Зориной, воевала въ пріютѣ на каждомъ шагу. Зорина, за каждую шалость воспитанницъ нападавшая прежде на помощницъ, теперь, напротивъ того, смотрѣла сквозь пальцы, какъ помощницы притѣсняли воспитанницъ. Уже въ самомъ началѣ лѣта Зубова собственноручно высѣкла одну маленькую дѣвочку; потомъ былъ еще одинъ подобный случай; наконецъ, въ одинъ прекрасный лѣтній день, по распоряженію Зубовой, долженъ былъ собраться весь пріютъ для присутствованія при экзекуціи, которую хотѣли совершить надъ взрослою воспитанницей Поповой. Катерина Александровна, еще не забывшая исторію Скворцовой, не выдержала и отправилась къ Зориной.

Digitized by Google

— Что это, Анна Васильевна, у насъ дѣлается?—проговорила она въ сильномъ волненіи.—Пріютъ обратился въ какой-то съѣзжій дворъ, гдѣ только порютъ людей.

— Пожалуйста, выражайтесь поосторожнѣе, — замѣтила старуха, разсерженная рѣзкимъ тономъ Прилежаевой.—Если сѣкутъ дѣвчонокъ, значитъ, онѣ стоятъ того...

— Совсѣмъ не значитъ. Попову сѣкутъ за то, что она сказала вчера, что въ пріютѣ всякой дрянью изъ помойныхъ ямъ кормятъ. Но вѣдь дѣйствительно обѣдъ былъ отвратительный.

— Ахъ, Боже мой, не трюфелями же кормить изъ девять копеекъ!

— Но и не гнилой капустой. Прежде вы сами...

— Да, пожалуйста, не разсуждайте! Эта мерзавка всѣхъ взволновала вчера. Бунтоваться вздумали туда же.

— Еще бы не бунтоваться, если ихъ отравляютъ!

— Идите вонъ!

— Я этого такъ не оставлю! Пріютъ не притонъ для воровъ...

— Да вы... да вы... знаете ли, съ кѣмъ вы говорите!— воскликнула Зорина.—Я васъ уничтожу, я завтра же вышвырну васъ отсюда.

— Ну, посмотримъ! Если дѣло дойдетъ до этого, то я не остановлюсь ни передъ чѣмъ.

Зорина поблѣднѣла.

— Что же: ужъ не доносить ли станете?—саркастически спросила она.

— Я буду только платить тою же монетой, которою платятъ мнѣ,—сухо отвѣтила Прилежаева.—Но прежде чѣмъ я выйду отсюда, вы должны отмѣнить наказаніе Поповой.

— Этого не будетъ!

— Анна Васильевна, вы подумайте,—серьезно произнесла Прилежаева.—У меня въ рукахъ есть доказательства, которыя заставятъ серьезно взглянуть на дѣло... Я вамъ говорю, что я не остановлюсь ни передъ чѣмъ... Вы знаете, я въ прошломъ году не испугалась самой графини, а васъ-то ужъ, конечно, я не побоюсь...

— Ну, княгиня увезла съ собой вашу покровительницу-горничную...

— Вы ошибаетесь, что мнѣ нужно чье-нибудь покровительство; за меня въ настоящемъ случаѣ будутъ говорить мои доказательства.

— Ну, мы посмотримъ, кто выиграетъ... Одно могу сказать вамъ, что вы здѣсь не останетесь болѣе...

Digitized by Google

Катерина Александровна вышла. Черезъ нѣсколько минутъ Зорина потребовала къ себѣ Зубову. Прошло около часу, Зубова не являлась съ совѣщанія; въ пріютѣ царствовала гробовая тишина, всѣ ждали чего-то недобраго, видя встревоженное лицо Катерины Александровны и зная, что черезъ часъ должно начаться сѣченье. Наконецъ, въ классъ явилась Зубова; она была красна, какъ вареный ракъ, и на ея лбу выступилъ потъ.

— Тебя прощаетъ Анна Васильевна,—проговорила она, обращаясь къ Поповой.—Ступай въ классъ и сиди тамъ на хлѣбѣ и на водѣ до вечера,—толкнула она воспитанницу въ спину.

У Катерины Александровны какъ гора свалилась съ плечъ.

— У насъ нынче новое занятіе нашли себѣ нѣкоторые люди: доносы писать вздумали,—злобно прошипѣла Зубова, обращаясь къ Постниковой.

— Фи, мерзость какая!—ужаснулась Постникова.

— Это совсѣмъ не новое занятіе,—промолвила Катерина Александровна.—У насъ только этимъ, да кражею и занимаются.

— Ахъ, я боюсь съ вами говорить!—насмѣшливо воскликнула Зубова.

— А я нисколько не боюсь, но не хочу говорить съ вами, и попрошу васъ не только не говорить со мною, но даже не говорить и обо мнѣ,—сухо произнесла Прилежаева.

— Ну, вѣдь и про царя говорятъ!

— А про меня я, все-таки, попрошу васъ не говорить.

Катерина Александровна вышла.

— Подлая, подлая! Мерзавка!—разлилась Зубова въ ругательствахъ.—Доносить вздумала, доносить!

— Неужели же ее испугаются!—воскликнула Марья Николаевна.

— Да попробуйте не испугаться, когда по горло въ долги вошли и не можемъ даже бѣлья пополнить.

— Можно сказать, что оно не готово еще...

— А вы развѣ не знаете, что на старомъ бѣльѣ вытравлены клейма и на мѣсто ихъ наложены новыя? Развѣ трудно доказать? Вѣдь она не посовѣстится, подлая тварь, прачекъ въ свидѣтельницы позоветъ...

— Ну, душа моя, имъ стоитъ по рублю подарить, и онѣ противъ нея же пойдутъ.

Digitized by Google

— По рублю! Да одной Анисьѣ Анна Васильевна двадцать пять рублей должна! Что же для Анисьи рубль-то значитъ? Нѣтъ, мерзавка знала, какое время выбрать, чтобы запугать нашу-то... Мнѣ, конечно, чего бояться, я суха выйду, мнѣ приказывали такъ дѣлать—я и дѣлала.

— Ахъ, какая низкая, низкая она! И какъ можно было этого ожидать? А я такъ ее любила!

— Ну, да вы ужъ всѣхъ обожаете!

— Нѣтъ, вы не говорите!.. Я, просто, не знаю, какъ можно было такъ маскироваться... У нея просто ничего святого нѣтъ...

— Чего святого! Безбожница просто!

Обѣ дѣвственницы не знали, что выдумать про Катерину Александровну и ругали ее взапуски. А время ежегодной ревизіи между тѣмъ было уже на носу. Зубова, Постникова и Зорина ежедневно совѣщались между собою, какъ бы устроить дѣло. Наконецъ, Зубова придумала средство удалить Катерину Александровну. Она посовѣтовала Зориной дать помощницамъ недѣльные отпуски и сначала отпустить Катерину Александровну, чтобы она провела время ревизіи внѣ пріюта. Зорина обрадовалась этому плану. Несчастная старуха въ сущности очень сильно страдала въ это время. До сихъ поръ она кое-какъ сводила концы съ концами и иногда изъ собственнаго жалованья и пенсіи дополняла передержки противъ смѣты по пріюту. Теперь же у нея не было ни жалованья, ни пенсіи и были неоплатные долги. Ея гордость сильнѣе всего страдала при мысли, что ее, Зорину, сочтутъ воровкою, что ее позорно изгонять изъ пріюта, если откроютъ все, что она старалась скрыть. Кромѣ того, ей самой было гадко, что она поневолѣ попалась въ грязныя руки такихъ ненавистныхъ ей женщинъ, какъ Зубова и Постникова, и что она отдалилась отъ Прилежаевой, которую въ душѣ она, все-таки, считала вполнѣ честною и хорошею дѣвушкой. Планъ Зубовой подалъ ей кое-какую надежду спастись отъ позора, хотя онъ и не примирилъ ее съ собственною совѣстью. Оставалось только объявить объ отпускахъ. Но какъ это сдѣлать? Она была не въ силахъ лично переговорить съ Прилежаевой; Постникова съ институтскимъ жеманствомъ и брезгливостью отказывалась отъ переговоровъ съ этой «низкой, низкой женщиной»; пришлось прибѣгнуть къ помощи ничѣмъ не брезгающей Зубовой. Она взялась уладить дѣло и въ тотъ же день заговорила за ужиномъ:

Digitized by Google

— А намъ нынче, Марья Николаевна, добрая Анна Васильевна даетъ недѣльные отпуски!

— Ахъ, добрая, добрая! Вотъ это мило!—по-дѣтски зарадовалась Марья Николаевна, хлопая въ ладоши.

— Сначала Катерина Александровна получитъ отпускъ съ нынѣшней субботы, потомъ вы, а тамъ и я отдохну.

Катерина Александровна удивилась этому необычайному извѣстію и обрадовалась въ душѣ возможности отдохнуть. Но черезъ минуту ее поразили особенная веселость и добродушіе Зубовой. Въ ея умѣ зародилось какое-то подозрѣніе. «Отчего же это меня первую хотятъ отпустить? Ужъ не новыя ли интриги затѣваютъ онѣ? Можетъ-быть, скажутъ, что я небрежно служу и все гуляю? Не лучше ли сначала предложить имъ взять отпуски?»

— Я желала бы послѣ всѣхъ воспользоваться отпускомъ,— проговорила она.

— Ну нѣтъ, этого нельзя, вы моложе всѣхъ, вамъ первымъ и даютъ отпускъ,—отвѣтила Зубова.

— Ну, это пустая причина; можно начать со старшихъ, то-есть съ васъ.

— Да понимаете, что мнѣ нельзя; я должна здѣсь быть при ревизіи,—запальчиво возразила Зубова.

Катерину Александровну озарила новая мысль; она яснѣе поняла, въ чемъ дѣло. «Такъ и есть,—промелькнуло въ ея головѣ.—Отпускаютъ меня, чтобы нажаловаться на меня ревизорамъ во время моего отсутствія».

— Ну, такъ, значитъ, мнѣ не придется воспользоваться отпускомъ,—равнодушно сказала она.—Отпускъ былъ бы для меня пріятенъ только въ концѣ лѣта, а не теперь.

— Ну, да ужъ если даютъ отпускъ, такъ нужно его брать,—рѣзко произнесла Зубова.—Добрая Анна Васильевна хлопочетъ о насъ, а ужъ намъ не приходится огорчать ее.

— Я очень ей благодарна и не думаю, чтобы она огорчилась тѣмъ, что я не уѣду отсюда.

— Вы все хотите по-своему дѣлать!

— Вѣдь и вы не пляшете подъ чужую дудку,—холодно отвѣтила Прилежаева.

Зубова пришла въ ярость.

— Васъ заставить бы нужно взять отпускъ,—заговорила она, выходя изъ себя.—Вы все наперекоръ хотите дѣлать... Вамъ бы совсѣмъ слѣдовало выйти отсюда...

— Такъ вамъ, значитъ, очень нужно, чтобы я удалилась на двѣ недѣли ревизіи?—нервно засмѣялась Катерина Але-

Digitized by Google

ксандровна, вставая изъ-за стола.—Ну, такъ знайте, что я именно потому и не беру отпуска, что въ это время будетъ ревизія.

Зубова побагровѣла отъ злости.

— А, такъ вотъ оно что!—прошипѣла она.—Опять за старое хотите приняться. Посмотримъ!

— Да, да, посмотримъ,—улыбнулась Катерина Александровна.

Черезъ пять минутъ Зориной передали все. Она упала духомъ. Въ первую минуту она готова была позвать Катерину Александровну и объясниться откровенно, но самолюбіе одержало верхъ надъ минутною рѣшимостью, и старуха, принявъ холодный видъ, промолвила Зубовой:

— Ну что-жъ, пусть остается, если хочетъ...

— Но вѣдь она донесетъ на васъ, — возразила Зубова.

— Что-жъ дѣлать? Пусть доноситъ!—махнула рукой старуха.—Скорѣй бы все это кончилось!.. Надоѣлъ мнѣ этотъ омутъ!..

Прошло дней пять, Зорина ѣздила повсюду занимать деньги, но всѣ попытки оказались тщетными. Она и безъ того была должна всѣмъ и за все. Насталъ день ревизіи. Въ пріютѣ появились угрюмый, озабоченный своими биржевыми спекуляціями, Гроховъ, престарѣлый, едва передвигающій ноги, генералъ Свищовъ со звѣздою на груди и юный, суетливый помощникъ Боголюбова, Ермолинскій, служившій гдѣ-то чиновникомъ по особымъ порученіямъ и числившійся съ недавняго времени секретаремъ благотворительныхъ заведеній Бѣлокопытовыхъ. Въ пріютѣ все было тихо и торжественно. Помощницы скромно потупляли глаза, Зорина приняла важный официальный видъ. На столахъ и на постеляхъ виднѣлись связки бѣлья. Начался пересмотръ и счетъ вещей. У Катерины Александровны замирало сердце, точно для нея рѣшался вопросъ жизни. Она была съ воспитанницами въ рабочей комнатѣ и не знала, что дѣлалось въ спальнѣ, гдѣ собрались ревизоры.

— Здѣсь недостаетъ одной смѣны,—хмуро проговорилъ Гроховъ, разсѣянно разсматривая бѣлье.

— Да еще не успѣли построить,—отвѣтила Зорина.

— Нато било торопиться. Вѣдь ви знайтъ, что въ это время будетъ ревизовка,—внушительно отвѣтилъ эскулапъ.

— Дѣтей мало осталось въ пріютѣ, всѣ въ отпуску, не поспѣваютъ шить,—оправдалась Зорина.—Впрочемъ, работа

Digitized by Google

уже роздана, вотъ и еще кусокъ холста, приготовленнаго для бѣлья...

Она показала на тощій кусокъ нераскроеннаго холста. Во все время этого разговора, престарѣлый господинъ со звѣздою на груди апатично и безучастно стоялъ у стола и только похлапывалъ глазами, ожидая, скоро ли кончится осмотръ всѣхъ принадлежностей дѣтскаго бѣлья и настанетъ минута отъѣзда. Юный вертлявый помощникъ Боголюбова, между тѣмъ, углубился въ разсматриваніе какой-то простыни и поворачивалъ ее во всѣ стороны, смотрѣлъ на свѣтъ, подносилъ къ самымъ глазамъ и возился съ нею, какъ съ какою-нибудь антикварскою рѣдкостью. Онъ былъ новымъ лицомъ въ администраціи благотворительныхъ заведеній и еще не успѣлъ ничѣмъ отличиться. Наконецъ, онъ взялъ простыню въ видѣ портфеля подъ мышку и быстро бочкомъ направился съ нею къ господину со звѣздою.

— Ваше превосходительство, — послышался его тихій голосъ.

— Гмъ,—кашлянулъ господинъ со звѣздой, словно очнувшись отъ тяжелой дремоты, и заморгалъ усиленнѣе глазами.

— Посмотрите, ваше превосходительство,—шепталъ молодой человѣкъ.

— Гмъ, гмъ,—два раза кашлянуло его превосходительство и попробовало, не моргая, вперить свои глаза въ простыню.

— Пятно, ваше превосходительство,—шепталъ молодой человѣкъ, извиваясь съ простынею въ рукахъ передъ его превосходительствомъ.

— Угу,—пробормотало его превосходительство и сочло нужнымъ нахмурить брови и поднести къ глазамъ лорнетъ.

— Это знакъ, ваше превосходительство,—проговорилъ молодой человѣкъ и что-то быстро зашепталъ на ухо его превосходительству.

— Зна-акъ,—повторилъ, наконецъ, генералъ, какъ-будто до его слуха только теперь долетѣло первое слово предупредительнаго молодого чиновника по особымъ порученіямъ.

— Холстъ ветхій... очевидно, старое... подлогъ... Нельзя допустить... грабежъ,—шепталъ молодой человѣкъ, растягивая передъ носомъ его превосходительства роковую простыню.

Digitized by Google

— Н-да... грабежъ,—апатично повторилъ генералъ Свищовъ и вдругъ усиленно заморгалъ глазами и выпрямился.—Какъ же это?—заговорилъ онъ густымъ басомъ и принимая грозный, внушительный видъ.—Грабежъ... этого нельзя допустить... это очевидно... Я не могу этого допустить... А?—громко спросилъ онъ вдругъ, обернувшись къ безмолвно стоявшему сзади него молодому человѣку съ простынёй, точно спрашивая, что говорить дальше.

— Его превосходительство находятъ, что эта простыня старая, на ней уничтожено клеймо и положено новое,—вкрадчиво и вѣжливо заговорилъ молодой человѣкъ, нѣсколько бокомъ выдвигаясь впередъ.—Его превосходительство и я, мы думаемъ, что нужно внимательнѣе пересмотрѣть каждую простыню, можетъ-быть, это не единичный фактъ.

— Гмъ... да... можетъ-быть, это не единичный...—отрывисто пробасилъ генералъ.—Не единичный... А?—снова обратился онъ къ молодому человѣку, тупо глядя ему въ глаза.

Зорина тихо взялась за спинку кровати, чувствуя, что ей измѣняютъ ноги. Для нея было все потеряно.

Зубова кусала себѣ губы, Постникова стыдливо опустила глаза. Генералъ, убѣжденный, что онъ распекъ кого слѣдуетъ, снова задремалъ, устремивъ взоры куда-то вдаль и моргая отяжелѣвшими вѣками.

— Пойдемте, ваше превосходительство,—вѣжливо обратился къ генералу молодой человѣкъ.

— А, да!.. Фу!.. кончили,—пробормоталъ старецъ, глубоко вздыхая послѣ непомѣрныхъ трудовъ по ревизіи.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, мы еще только начинаемъ,—съ тонкою и безобидною улыбочкой проговорилъ молодой ревизоръ.—Бѣлье нужно подробно осмотрѣть.

— Да... бѣлье...—пробормоталъ генералъ и вдругъ оживился.—А знаете, это нужно бы дамамъ поручить,—проговорилъ онъ на ухо юному ревизору.—Бѣлье, разныя этакія тайныя принадлежности... Хоть и дѣти, а все-таки женскій полъ... Нескромно немножко...

Старческое лицо генерала осклабилось сладкою полудѣтскою улыбкой, и въ его тусклыхъ глазахъ блеснулъ слабый огонекъ.

— Что дѣлать, ваше превосходительство, долгъ службы!—пожалъ плечами молодой человѣкъ.

— А, да!.. Долгъ службы!—многозначительно подняло его превосходительство кверху указательный палецъ и, шаркая ногами, потащилось за юнымъ чиновникомъ.

Digitized by Google

Одна роковая простыня натолкнула инспейку-ревизора на всѣ остальныя упущенія. Юный чиновникъ чуть не лазалъ подъ кровати въ пылу ревизорскаго рвенія. Онъ переворачивалъ каждый платокъ, каждую юбку, съ его лица катился обильный потъ. Самою блаженною минутой въ этотъ день была для него та минута, когда онъ нашелъ недосмотры въ связкахъ бѣлья, уже осмотрѣнныхъ Гроховымъ.

— Помилуйте, да вы совершенно поверхностно осматривали все это,—обратился онъ къ Грохову.

Докторъ тупо заморгалъ глазами.

— Я увѣренъ, ваше превосходительство, что и въ прошлые годы многое было не досмотрѣно,—обратился юный дѣлецъ къ генералу Свищову.—Вотъ-съ эти простыни, эти юбочки...

— А, юбочки,—машинально пробормоталъ генералъ.—Ну, покажите мнѣ юбочки...

Молодой ревизоръ предупредительно исполнилъ желаніе генерала. Старикъ какъ-то особенно повертѣлъ передъ собою поданную юбку и для чего-то опустилъ ее такъ, что ея поясъ пришелся какъ разъ у края его жилета.

— Коротки,—лаконически замѣтилъ генералъ, заглядывая сверху на закрывавшую его немного пониже колѣнъ юбку.

— Это вѣдь дѣтская,—замѣтилъ юный ревизоръ.

— А, да, дѣтская!

Вѣроятно, ревизія никогда не кончилась бы, если бы юный ревизоръ не рѣшился оставить генерала Свищова. Онъ, повидимому, мысленно махнулъ рукой на старика и сталъ распоряжаться вполнѣ самостоятельно. Онъ проюркнулъ въ рабочую комнату, гдѣ были собраны воспитанницы, и тонко сталъ разспрашивать, довольны ли онѣ пищей.

Дѣти молчали.

— Что же? Довольны?—спросилъ юный ревизоръ.

Молчаніе продолжалось. Дѣвочки толкали одна другую въ бока и жались, какъ стадо испуганныхъ овецъ. Вдругъ изъ толпы дѣтей выступила впередъ одна дѣвочка и бойко проговорила:

— Мы не довольны.

— Да, не довольны, не довольны! — на перебой заговорили разные голоса.

— Говори же, что не довольны,—слышался чей-то громкій шопотъ.—Что же ты молчишь?—раздавалось въ другомъ концѣ.

— Намъ гнилой картофель даютъ... Масло горькое... Щи, какъ помои...

Digitized by Google

Въ эту минуту въ рабочую комнату вошли Гроховъ и старый генералъ, сопровождаемые властями пріюта.

— И дѣти не довольны пищею, ваше превосходительство,— поспѣшно обратился къ генералу юный чиновникъ. — Скажите хоть вы, что вамъ даютъ,—обратился онъ къ бойкой дѣвочкѣ, заявившей прежде другихъ неудовольствіе.

Это была Попова, которую недавно хотѣли сѣчь за бунтъ.

— Къ сожалѣнію, вы выбираете такую воспитанницу, которая не довольна мною за то, что я ее недавно наказала за дурное поведеніе,—вмѣшалась Зорина. — Я сама могу вамъ сказать, что пища дѣтей, конечно, не походитъ на ту пищу, которую привыкли ѣсть мы съ вами. Но вѣдь на девять копеекъ нельзя покупать дичи.

— А, тутъ дѣло-съ не о дичи идетъ,—скороговоркой заговорилъ юный ревизоръ. — Если нельзя кормить на эти деньги, зачѣмъ же вы брались?.. Вы знали-съ, что вамъ придется не на рубль, а на девять копеекъ кормить...

— Говорите его превосходительству, чѣмъ вы не довольны,—обратился онъ къ Поповой.

— Да, да, говорите, милочка!—пробормотало его превосходительство, захвативъ тремя пальцами подбородокъ Поповой и впиваясь въ ея смуглое личико своими заблестѣвшими глазами.

Попова раскраснѣлась и сбивчиво начала говорить. Когда дѣло дошло до того, какъ ее хотѣли наказать за жалобу на дурную пищу, Зубова не выдержала и вмѣшалась въ разговоръ.

— Ее, ваше превосходительство, совсѣмъ не за то хотѣли наказать. Она, къ сожалѣнію, очень дурно себя ведетъ,—начала она задыхающимся голосомъ.

— Это неправда! — рѣзко прозвучалъ голосъ Катерины Александровны.

Всѣ обратили на нее глаза. Генералъ, съ несвойственною въ его лѣта живостью, поднялъ дрожащею рукой къ глазамъ лорнетъ и вперилъ взоры въ молодую дѣвушку.

— Ее хотѣли сѣчь именно за то, что она пожаловалась на дурную пищу. Она ведетъ себя отлично,—горячо продолжала Катерина Александровна, не обращая вниманія на лорнирующаго генерала.—Ее хотѣли сѣчь при всѣхъ.

— Какъ при всѣхъ?.. И при мужчинахъ?—широко открылъ засверкавшіе глаза генералъ.

— Нѣтъ, при дѣтяхъ...

— А, ну да, ну да!—пробормоталъ старецъ.—Но это неприлично... неприлично...

Digitized by Google

— Такъ вы тоже сознаете, что въ пріютѣ дурно кормятъ?— спросилъ юный ревизоръ у Катерины Александровны, щуря глаза.

— Я сознаю, что здѣсь все дурно,—отвѣтила она.—Хотя трудно сдѣлать, чтобы здѣсь что-нибудь было хорошо при тѣхъ средствахъ, которыя отпускаются на пріютъ.

— Однако, вы изволили молчать о томъ, что все идетъ здѣсь дурно,—колко замѣтилъ юный ревизоръ, рѣшившійся не спускать никому и сразу выдвинуть себя въ глазахъ высшихъ лицъ.

— Напротивъ того, я все уже объясняла нѣсколько разъ княгинѣ Гиреевой.

— Ну, видите, видите, объясняли,—заступническимъ тономъ проговорилъ генералъ.

— И ваши жалобы на начальницу остались безъ послѣдствій?—спросилъ юный ревизоръ.

— Я жаловалась не на начальницу,—сухо отвѣтила Катерина Александровна.—Начальница ничѣмъ не виновата, а я просто въ разговорахъ съ княгиней говорила, что пріютъ не можетъ содержаться на свои скудныя средства.

Юнаго чиновника поразилъ холодный тонъ молодой дѣвушки.

— Вы знакомы съ княгиней?

— Да, я бываю у нея, — уклончиво отвѣтила Катерина Александровна.

— Очень жаль, что вы дѣйствовали помимо управленія, помимо насъ,—внушительно замѣтилъ юный ревизоръ, считавшій долгомъ вѣжливо распечь всѣхъ и за все.—Вы должны были знать, что у васъ есть ближайшее начальство. Тутъ нужно не подпольныя интриги заводить, а прямо исполнять свои обязанности... Вы должны были объяснить все намъ...

— Съ вами я не говорила, такъ какъ вы только вчера, кажется, вступили въ управленіе, но я уже нѣсколько разъ говорила обо всемъ этомъ съ моимъ дядею,—отвѣтила Катерина Александровна, увидавъ необходимость осадить расходившагося юношу. — И это все-таки не повело ни къ чему.

— Съ какимъ дядею?—нахмурился юный чиновникъ.

— Съ Даниломъ Захаровичемъ.

Ермолинскій широко открылъ глаза и не вдругъ нашелся, что отвѣтить. У него внезапно пропала охота распекать Прилежаеву.

— Вы, вы племянница нашего милаго Даниды Захаро-

Digitized by Google

вича,—скороговоркой заговорилъ генералъ по-французски.—Очень радъ, очень радъ!.. Какъ это онъ не познакомилъ... Ахъ, грѣховодникъ!

Старикъ оживился и крѣпко сжалъ руку Катерины Александровны.

— Надѣюсь, надѣюсь, что мы будемъ знакомы... Ахъ, грѣховодникъ, грѣховодникъ!.. Пряталъ отъ меня, пряталъ!

Генералъ совершенно расцвѣлъ и позабылъ про ревизію, про пріютъ, про оказавшіяся оплошности. Зубова, Постникова и Зорина съ различными чувствами, но съ одинаковымъ изумленіемъ смотрѣли на Катерину Александровну. Юный чиновникъ и Гроховъ снова занялись продолженіемъ ревизіи, но Свищовъ уже не могъ оторваться отъ Прилежаевой. Онъ разсыпался въ французскихъ фразахъ и любезностяхъ.

— Я, генералъ, очень плохо понимаю французскій языкъ,—замѣтила Катерина Александровна.

— О, ваша русская рѣчь лучше всѣхъ языковъ въ мірѣ!—воскликнулъ старый волокита.—И какъ это нашъ старый грѣховодникъ забылъ васъ показать намъ!

Свищовъ, повидимому, былъ очень важнымъ лицомъ и смотрѣлъ на Данилу Захаровича покровительственно.

— Я почти не бываю у дяди,—замѣтила Катерина Александровна.

— Ну да, ну да, вѣроятно, тетушка боится, что вы ее затмите... Между нами, она вѣдь совсѣмъ не хороша. Вульгарное что-то, знаете, во всемъ... во всемъ... знаете...

Генералъ повертѣлъ въ воздухѣ рукою, желая яснѣе высказать, въ чемъ заключается вульгарность Павлы Абрамовны.

— Но зачѣмъ же вы здѣсь? Развѣ здѣсь ваше мѣсто?—началъ онъ.

— Что-жъ дѣлать, если лучшаго мѣста не могу занять!—отвѣтила Катерина Александровна.

— Ну-у!—усмѣхнулся генералъ.—Не говорите, не говорите этого!

— Ваше превосходительство, мы кончили,—почтительно объявилъ Ермолинскій.

— Хорошо, хорошо!.. Такъ ужъ будто и нельзя найти лучшаго мѣста?—нѣжно промолвилъ Свищовъ Катеринѣ Александровнѣ, щуря масляные глаза и въ волненіи играя лорнетомъ.

— Нельзя,—пожала плечами Катерина Александровна.

— А можетъ-быть, и можно.

— Вы ѣдете, ваше превосходительство? — нетерпѣливо спросилъ юный ревизоръ.

Digitized by Google

— А, да, да!—очнулся генералъ отъ сладкихъ ощущеній.—Нечего дѣлать, надо ѣхать... Надѣюсь, что будемъ знакомы?—обратился онъ къ Катеринѣ Александровнѣ.—А я распеку стараго грѣховодника, распеку, когда пріѣдетъ... Цвѣтокъ, цвѣтокъ, а онъ скрываетъ, прячетъ! И отъ кого же? Отъ меня?

Генералъ сжалъ руку Катерины Александровны, подержалъ ее въ своихъ дрожащихъ рукахъ и съ сіяющимъ лицомъ вышелъ изъ пріюта. Онъ былъ доволенъ ревизіею.

— Я этого никакъ не ожидалъ, — говорилъ ему юный чиновникъ, сидя въ его каретѣ.

— И я, и я! Мы сошлись съ вами. Это удивительно, просто удивительно!—говорилъ генералъ.

— Не удивительно, а возмутительно, ваше превосходительство!

— Ну да, возмутительно, если хотите! Зналъ, подъ рукой имѣлъ и ни слова, ни намека... Да я просто сердитъ, сердитъ на него...

— На кого это, ваше превосходительство?

— Да на кого же, какъ не на Боголюбова...

— Вы развѣ думаете, что онъ все зналъ?

— Да, какъ же, батюшка, не зналъ?.. Кому же и знать, какъ не ему... Она его родная, слышите, родная племянница, а вы сомнѣваетесь въ томъ, что онъ ее зналъ?

Юный чиновникъ съ удивленіемъ вытаращилъ глаза.

— Мы, кажется, о различныхъ предметахъ говоримъ,— почтительно возразилъ онъ.—Я насчетъ упущеній. Я очень не доволенъ сегодняшнимъ днемъ...

— Ну, нѣтъ-съ, этого я не могу сказать. Я доволенъ этимъ случаемъ,—заспорилъ генералъ.—Очень доволенъ!

— Конечно, имъ можно будетъ воспользоваться.

— А! вотъ это вѣрно! Это удачно сказано! Именно воспользоваться!—обрадовался генералъ. — Не правда ли, это восхитительное явленіе, это что-то... что-то... неземное... А?

Юный чиновникъ захлопалъ въ недоумѣніи глазами и мысленно послалъ къ чорту своего спутника.

— А вѣдь признайтесь, у васъ серчишко тоже не на мѣстѣ!—снисходительно пошутилъ генералъ. — Только, батинька, нѣтъ!.. Гуляйте подальше!.. Я первый открылъ...

— То-есть, какъ же, ваше превосходительство?—опечалился Ермолинскій.

— Да, да, да!.. Я первый—мнѣ и лавры побѣды..

Digitized by Google

— Но я хотѣлъ отъ себя составить докладъ обо всѣхъ упущеніяхъ,—несмѣло произнесъ начинающій дѣлецъ.

— Объ упущеніяхъ? Да, да, составьте! Объ упущеніяхъ? Да, составьте!—поощрилъ генералъ.—Вы удивительно способны къ этого рода дѣятельности. Я первый, я первый засвидѣтельствую. Соображеніе это у васъ... помните... знакъ, на простынѣ знакъ? А, это геніальная черта!.. Всѣ смотримъ, никто ничего не замѣчаетъ, а вы: знакъ!.. Удивительно!.. Я вамъ очень, очень благодаренъ.

Этотъ интересный разговоръ продолжался довольно долго и, выходя изъ кареты, юный чиновникъ былъ увѣренъ, что онъ склонилъ генерала не присваивать себѣ его заслугъ, а генералъ былъ убѣжденъ, что онъ своимъ обѣщаніемъ протежировать возникающему дѣльцу, подкупилъ его въ свою пользу и заставилъ отречься отъ видовъ на юную обольстительницу.

Въ пріютѣ началось смятеніе. Всѣ чуяли что-то недоброе. Анна Васильевна затворилась въ своихъ комнатахъ; дѣти не то боялись, не то радовались, ожидая, что смѣнятъ начальницу; двѣ старыя дѣвствепницы, сидя у окна, перешептывались между собою. Не спокойна была и Катерина Александровна: она понимала, что открытыя плутни могутъ кончиться изгнаніемъ изъ пріюта Зориной, но не радовалась этой перемѣнѣ, зная очень хорошо, что лучше въ пріютѣ не будетъ, что улучшеніе участи дѣтей зависитъ не столько отъ личности той или другой начальницы, сколько отъ самаго устройства пріюта. Дѣйствительно, какова бы ни была начальница, въ пріютѣ все-таки будутъ учить только шитью, будутъ кормить только дрянью изъ девяти копеекъ, будутъ сѣчь дѣтей, такъ какъ именно этого требуютъ попечители пріюта, смотрящіе съ презрѣніемъ на «этихъ испорченныхъ дѣвчонокъ». Сидя въ раздумьи за своею работою, Катерина Александровна внезапно была поражена восклицаніемъ Зубовой:

— Смотрите, смотрите, Марья Николаевна, въ коляскѣ ѣдетъ!

— Ахъ, срамница! И шагомъ, шагомъ ѣдетъ, чтобы мы видѣли,—всплеснула руками Марья Николаевна.—Отлично, отлично! Нечего сказать, по хорошей дорожкѣ пошла! Молодчика подхватила...

Катерина Александровна взглянула въ окно и замерла: передъ домомъ ѣхала коляска, въ ней сидѣлъ какой-то небрежно развалившійся юноша рядомъ съ роскошно одѣтой

Digitized by Google

дѣвушкой; въ этой дѣвушкѣ не трудно было узнать Скворцову. Она что-то разсказывала своему спутнику, со смѣхомъ указывая на пріютъ. Онъ лѣниво улыбался.

— Что же вы не кланяетесь? Это ваша протеже,—обратилась Зубова къ Катеринѣ Александровнѣ.—Вотъ теперь всѣхъ насъ погонятъ отсюда, такъ попросите у нея пристанища: хорошія знакомыя!

Катерина Александровна не отвѣтила ни слова; у нея болѣзненно сжималось сердце. Она поняла участь Скворцовой.

— Распутница, стыда нѣтъ! Туда же шляпку съ перьями надѣла... Наглость-то какая!.. Другая бы на ея мѣстѣ за версту объѣзжала нашъ домъ, чтобы не знали люди, до чего она себя довела,—ораторствовала Зубова.—А вы-то, вы-то за нее заступались. Теперь самимъ краснѣть нужно...

— Она при мнѣ недолго была здѣсь, и если кто довелъ ее до этого, такъ ужъ вѣрно не я, а тѣ, которыя воспитали ее съ дѣтства,—тихо отвѣтила Катерина Александровна, едва сдерживая свое волненіе.

— Скажите, пожалуйста! Ужъ это вы не на насъ ли намекаете?—воскликнула Зубова.—Да какъ вы смѣете?

— Оставьте меня въ покоѣ!—нервно промолвила Катерина Александровна.—Я вамъ высказала свое мнѣніе потому, что вы высказали свое. Кто изъ насъ доводитъ воспитанницъ до разврата—это, кажется, ясно. Я отношусь къ нимъ хорошо и ласково, а вы унижаете и срамите ихъ, убивая въ нихъ и стыдъ, и мягкость. Вы думаете, что наставница, воспитательница должна быть палачомъ, шпіономъ и полицейскимъ сыщикомъ; я думаю, что она должна быть матерью...

— Ну, я любовниковъ не заводила и потому матерью не могу быть; можетъ-быть, другія надѣются скоро дѣтей имѣть, такъ и приготовляются разыгрывать роль матерей.

Катерина Александровна судорожно передернула плечами. Говорить съ этими личностями не было никакой возможности. Она пропустила мимо ушей всѣ дальнѣйшія колкости и ругательства Зубовой и сидѣла молча. Ей было невыносимо грустно. У нея сильно разстроились нервы; грудь давило, какъ въ тискахъ. Въ такія минуты обыкновенно все представляется въ черномъ цвѣтѣ, припоминаются всѣ невзгоды, пугаютъ всѣ предстоящія событія. Думы молодой дѣвушки становились все мрачнѣе и мрачнѣе. Ей начинало казаться, что и ее ждетъ невеселая участь, что и съ *нимъ*, можетъ-

Digitized by Google

быть, случилось какое-нибудь несчастіе, что и ея мать, можетъ-быть, не перенесетъ предстоящую разлуку съ Мишей, уѣзжавшимъ въ училище, что и штабсъ-капитанъ, можетъ-быть, запьетъ, если изъ дѣйствующей арміи получится какое-нибудь дурное извѣстіе о сынѣ, — однимъ словомъ, все, что занимало ея умъ, представлялось ей теперь въ черномъ цвѣтѣ и вызывало опасенія... Сотни разъ старалась она отогнать эти тяжелыя мысли, но онѣ не покидали ея и роились въ головѣ помимо ея воли. Ей хотѣлось плакать, хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими тревожными, болѣзненными чувствами, но она была одна или хуже, чѣмъ одна: вокругъ нея говорила и сновала толпа людей, которымъ не было до нея никакого дѣла: если бы она заплакала, ее осмѣяли бы; если бы она вздумала разсказать имъ хоть одну свою мысль, они выдумали бы цѣлую грязную исторію про ея отношенія къ Прохорову.

А на дворѣ стоялъ невыносимо жарскій іюльскій день; солнце раскалило стѣны домовъ; надъ городомъ висѣло какое-то сѣрое тяжелое небо; дымъ, выходя изъ трубъ, медленно разстилался надъ домами; пыль, казалось, стояла въ воздухѣ. Что-то давящее, удушливое было во всемъ этомъ. Открытыя половинки оконъ во всѣхъ домахъ, во всѣхъ этажахъ невольно напоминали цѣлыя массы истомленныхъ зноемъ людей, которые простерли на улицы свои руки и кричатъ: «воздуху, воздуху!» А воздуху нѣтъ. Но вотъ, наконецъ, повѣялъ вѣтерокъ, поднялась и закрутилась пыль, небо быстро начало темнѣть, и сплошная, неясная, сѣрая масса, тяготѣвшая надъ городомъ, сплотилась въ угрюмыя, темныя тучи. На улицахъ послышалось пугливое щебетаніе птицъ; прохожіе прибавили шагу, и гдѣ-то въ отдаленіи одна изъ тучъ озарилась яркимъ зигзагомъ молніи; въ воздухѣ пронесся ударъ грома.

— Господи! гроза, кажется, начинается, — послышался въ притихнувшей комнатѣ испуганный голосъ Зубовой, боязливо осѣнявшей себя крестнымъ знаменіемъ.

Въ это мгновеніе порывомъ вѣтра съ шумомъ захлопнуло одно окно — и на улицѣ, какъ изъ ведра, полилъ ливень и раскатился ударъ грома. Въ комнатѣ вдругъ сдѣлалось свѣжо.

— Закрывайте окна! Закрывайте окна! — кричали помощницы.

Въ залѣ начался шумъ.

Катерина Александровна, блѣдная и взволнованная, под-

Digitized by Google

нялась съ мѣста, прошла въ классную комнату, почти машинально заперла за собою на ключъ двери и опустилась на стулъ передъ открытымъ окномъ. Она склонила на руки голову и зарыдала. Она не сознавала даже, о чемъ она плачетъ, чего она боится, что̀ ее взволновало. Ревизія? Встрѣча съ Скворцовой? Боязнь за мать, готовящуюся къ разлукѣ съ сыномъ? Страхъ за Александра Прохорова? Можетъ-быть, слова Зубовой? Можетъ-быть, гроза? Она этого не понимала, она не спрашивала себя объ этомъ, — она плакала, потому что слезы уже давно душили ее, потому что, несмотря на кажущееся спокойствіе, на кажущуюся веселость, она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе волновалась и тревожилась, и довольно было самаго ничтожнаго случая, чтобы это мучительное состояніе безмолвной внутренней тревоги закончилось слезами.

Слѣдующій день она провела дома; тамъ штабсъ-капитанъ безпокоился, что давно нѣтъ писемъ отъ молодыхъ воиновъ. Марья Дмитріевна охала, что нужно скоро везти Мишу въ училище. Молодой дѣвушкѣ невольно приходилось выслушивать всѣ эти чужія тревоги, хотя у нея было довольно и своихъ волненій и заботъ.

— А вѣдь ты, Катя, нездорова,—замѣтилъ ей Антонъ.

— Нѣтъ, милый, я здорова,—отвѣтила она.

— Лжешь-то зачѣмъ?—покачалъ онъ головой.—Ты береги себя: не то я пожалуюсь Сашѣ...

— Ради Бога, ради Бога, не безпокой его!—живо воскликнула Катерина Александровна.—Ему и безъ того не легко. Его нужно беречь, не смущать пустяками. Господи, когда же это кончится, когда кончится!

Катерина Александровна сжала руками свою пылающую голову. Антонъ угрюмо смотрѣлъ въ сторону; онъ чисто по-дѣтски сердился на войну, приносившую столько горя и тревогъ любимымъ имъ личностямъ. На его дѣтскую, впечатлительную душу сильно дѣйствовало то нехорошее, унылое настроеніе, которое воцарилось въ его семьѣ и какъ будто вѣяло въ воздухѣ. Это настроеніе тяготило и Катерину Александровну. Не находя спокойствія въ пріютѣ, она не находила его и дома. Вѣсти съ поля военныхъ дѣйствій дѣлались все болѣе и болѣе неутѣшительными и заставляли ждать какой-то катастрофы, грозы, которая закончила бы всѣ мучительныя событія, какъ гроза, бывшая наканунѣ, закончила нѣсколько томительныхъ дней невыносимаго, удушливаго зноя. Но дни шли, а катастрофы все не было...

Digitized by Google

Вотъ въ пріютѣ появились снова высшія начальствующія лица: Зорина получила отставку и была оставлена только на мѣсяцъ или на полтора до пріисканія новой начальницы; на ея половину засновали какія-то темныя личности, кредиторы; тамъ слышались ихъ грубые голоса и молящій голосъ старухи; началась продажа ея мебели и разныхъ бездѣлушекъ. Въ пріютѣ было какое-то междуцарствіе: старая начальница еще была тутъ, но на нее уже не обращали вниманія; ея министры еще правили дѣтьми, но въ душѣ уже трепетали и за свою участь.

Княгиня Гиреева, тотчасъ по возвращеніи изъ деревни, узнала о пріютской исторіи и послала за Катериной Александровной. Катерина Александровна очень обрадовалась этому случаю и рѣшилась обратиться къ княгинѣ съ просьбою дать ей мѣсто учительницы въ пріютѣ. Она сознавала, что безъ этого ея роль въ пріютѣ будетъ постоянно пассивною и что она можетъ сдѣлать на пользу дѣтей хоть что-нибудь только тогда, когда ей дадутъ право учить ихъ. Молодая дѣвушка изумилась при видѣ печальной Глафиры Васильевны, утратившей долю своей живости и болтливости. Еще сильнѣе удивилась она, увидавъ Гирееву: Гиреева лежала на кушеткѣ, обставленная разными склянками и примочками; она постарѣла на десять лѣтъ и выглядѣла уныло.

— Очень рада видѣть васъ, черненькіе глазки, — тихо проговорила она, ласково кивая головой Прилежаевой. — Я вотъ все хвораю... Слышали вы: внука моего и племянника убили... какъ я это перенесла... чѣмъ-то все это кончится...

Катерина Александровна вздохнула.

— Да, о чемъ я хотѣла поговорить съ вами? — потерла старуха свой лобъ.—Память совсѣмъ измѣнила... Эти удары... Ахъ, да!.. У васъ тоже передряги какія-то въ пріютѣ... Начальницу смѣняютъ... Все это безъ меня сдѣлалось.

— Очень жаль, княгиня, — замѣтила Катерина Александровна.—Начальница ничѣмъ не виновата. На тѣ средства, которыя отпускаются на пріютъ, трудно что-нибудь сдѣлать... Нищіе тратятъ больше на своихъ дѣтей...

— Что дѣлать, что дѣлать! Пріютъ и безъ того дорого стоитъ... Вы разскажите мнѣ, что это за исторія... Я читала отчетъ Ермолинскаго, но вы сами мнѣ разскажите... Я не понимаю теперь, что читаю... Совсѣмъ убита...

Катерина Александровна передала старухѣ все, что знала

Digitized by Google

— Теперь, княгиня, по крайней мѣрѣ, нужно бы позаботиться, чтобы будущая начальница лучше вела дѣла, чтобы она не позволяла оставлять дѣтей безъ присмотра и безъ образованія...

— То-есть, какъ это безъ присмотра и безъ образованія? — переспросила старуха. — Вы яснѣе мнѣ говорите... подробнѣе растолкуйте...

— Нужно, чтобы помощницы болѣе заботились о развитіи дѣтей. У насъ все ученье ограничивается двумя-тремя уроками въ недѣлю. Я съ охотой занялась бы съ дѣтьми русскимъ языкомъ и ариѳметикой... Учитель приноситъ мало пользы...

Княгиня тоскливо смотрѣла куда-то вдаль. Ее, видимо, очень мало занималъ разговоръ съ Катериной Александровной. Вообще въ послѣднее время ее не занимало ничто.

— Я была бы очень благодарна вамъ, княгиня, если бы вы позволяли мнѣ въ опредѣленные часы заниматься съ дѣтьми,—продолжала Катерина Александровна.

— Да, да, занимайтесь!—разсѣянно отвѣтила старуха.

— Но тутъ моего желанія мало, нужно, чтобы на насъ офиціально возложили обязанность учить дѣтей... Пусть сдѣлаютъ запросъ, кто изъ помощницъ согласится давать уроки дѣтямъ... Иначе начальница не позволитъ и скажетъ, что я отнимаю у дѣтей время, въ которое они должны шить... Ихъ грамотѣ учить надо; ихъ нужно хоть чему-нибудь научить... Съ однимъ умѣньемъ шить нельзя уйти далеко...

— Да, да, я скажу Дарьѣ Федоровнѣ,—проговорила княгиня.—Вы за что возьметесь?

— За русскій языкъ и за ариѳметику...

— Скажите, мой дружокъ, Глафирѣ, чтобы она напомнила мнѣ... Память у меня слаба стала... Вотъ вы мнѣ говорили, а у меня въ головѣ все смутно, смутно... Ахъ, Мишель, Мишель!.. Да, дитя, до какой поры мы дожили: старики хоронятъ молодежь, цвѣтъ молодежи... и для чего, для чего все это началось?.. Кто выигралъ?..

Старуха опустила голову и впала въ полудремоту. Катерина Александровна тихонько вышла.

— Ну, что?—уныло спросила Глафира Васильевна.

— Она, кажется, уснула! — отвѣтила Катерина Александровна.

— Теперь всегда такъ: велитъ то того, то другого позвать, а сама и заснетъ... Вѣдь вотъ и изъ деревни въ

Digitized by Google

Москву, къ Троицѣ-Сергію уѣхали, оттуда опять въ деревню, потомъ сюда прискакали: мѣста нигдѣ найти не можемъ... это не передъ добромъ... Передъ смертью такъ человѣкъ мечется... Измучили ее, совсѣмъ измучили: пока живы были—она покоя не знала; умерли—еще хуже стало... И то сказать, свои были! Ну, ужъ времячко! Всѣ горюютъ, всѣ ждутъ чего-то... А чего ждать?..

Катеринѣ Александровнѣ стало тяжело. Она поспѣшила перемѣнить разговоръ и начала объяснять Глафирѣ Васильевнѣ свое желаніе занять мѣсто учительницы въ пріютѣ.

— Это пустякъ! — возразила Глафира Васильевна, выслушавъ ее.—Тутъ и просить нечего. Пришлютъ бумагу, и конецъ весь. Надо сказать, чтобъ жалованья прибавили.

— Ну, изъ чего же станутъ прибавлять?..

— Э, найдутся деньги! Не даромъ же работать... А знаете ли, если-бъ я была на ихъ мѣстѣ, такъ я взяла бы и закрыла бы этотъ самый пріютъ: вѣдь онъ вотъ у нихъ гдѣ сидитъ.

Глафира Васильевна указала на затылокъ.

Поговоривъ нѣсколько минутъ съ княжескою домоправительницей, Катерина Александровна отправилась домой. Она радовалась тому, что, повидимому, ей удастся вступить въ болѣе дѣятельную роль въ пріютѣ; но эта радость была не настолько сильна, чтобы заглушить въ душѣ дѣвушки тѣ тяжелыя впечатлѣнія и чувства, которыя волновали ее въ послѣднее время и которыя пробудились еще сильнѣе при видѣ скорби старой княгини. Въ эту пору общественныя событія отравляли каждую радость. Это было въ августѣ. Катерина Александровна задумчиво шла по улицамъ и не торопилась домой, желая подольше подышать свѣжимъ воздухомъ. Ее теперь не манило домой: она знала, что и тамъ она услышитъ тѣ же вздохи, тѣ же печальныя рѣчи.

Вдругъ около нея послышался голосъ штабсъ-капитана.

— А я къ вамъ навстрѣчу шелъ, — проговорилъ онъ.— Слышали?

— Что такое? — спросила Катерина Александровна, съ испугомъ глядя на тревожное лицо старика.

— Севастополь взятъ! — проговорилъ старикъ въ волненіи.

Катерина Александровна поблѣднѣла. Они прошли шаговъ сто, не говоря ни слова, хотя у каждаго была потребность высказать другъ другу свои опасенія.

Digitized by Google

— Подробностей нѣтъ? — спросила Катерина Александровна.

— Ничего неизвѣстно,—хмуро отвѣтилъ старикъ.

Они снова пошли молча.

— Легъ бы теперь въ могилу и пролежалъ бы такъ, ничего не зная, ничего не слыша, до ихъ пріѣзда, — послышался безнадежный голосъ старика.

— Не падайте духомъ,—произнесла Катерина Александровна, захлебываясь отъ слезъ.

Они дошли до воротъ.

— Дождались горя, Катюша, дождались,—слезливо произнесла Марья Дмитріевна, стоявшая у воротъ съ двумятремя лавочными знакомыми.

— Что случилось?—съ испугомъ почти вскрикнула Катерина Александровна.

— Севастополь-то сдался,—вздохнула Марья Дмитріевна.

— А, да!—свободнѣе вздохнула Катерина Александровна, какъ будто ожидавшая услышать отъ матери болѣе страшную для нея вѣсть.

— Гдѣ-то теперь наши голубчики? Въ плѣну, можетъ-быть...

— Полноте, мама! Нужно молчать и ждать...

Катерина Александровна медленно поднялась въ сопровожденіи своей семьи на лѣстницу и вошла въ комнату. Въ семьѣ воцарилась мертвая, мучительная тишина.

— Нѣтъ, пойду я... Не могу я сидѣть! — поднялся съ мѣста штабсъ-капитанъ, махнувъ рукой.

Въ его лицѣ было какое-то мучительно-безнадежное выраженіе: казалось, что этотъ человѣкъ готовъ затопить свои тяжелыя чувства, хоть въ винѣ, чтобы забыться и уснуть,— уснуть до лучшей поры.

— Ну, полноте! Лягте, — ласково промолвила Катерина Александровна и положила руку на плечо старика. — Не ходите никуда... Зачѣмъ вамъ идти? Развѣ будетъ легче?.. Останьтесь ради нихъ!..

Старикъ закрылъ лицо руками и заплакалъ, какъ ребенокъ.

— Господи, Господи, пощади ихъ!

VI.

Новыя событія.

Флегонтъ Матвѣевичъ не ушелъ размыкать свое горе за чаркой вина, онъ остался дома по просьбѣ Катерины Але-

Digitized by Google

ксандровны, но легче ему не стало. Его тянуло изъ дома, ему хотѣлось забыться, заснуть. Онъ бродилъ, какъ тѣнь, изъ угла въ уголъ, не находя нигдѣ мѣста. Страхъ за тѣхъ, чья жизнь была для него дороже его собственной жизни, томилъ старика. Онъ считалъ дни и часы, ожидая извѣстій; онъ дрожащими руками развертывалъ газетные листы и искалъ въ нихъ испуганными, измѣнявшими ему глазами дорогихъ ему именъ. На него было тяжело смотрѣть. Не менѣе тревожно было состояніе Катерины Александровны: она ходила въ какой-то тягостной полудремотѣ въ эти роковые дни ожиданія, хотя и старалась утѣшать старика, старалась казаться бодрою. Въ ея головѣ пробуждались вопросы, за что люди губятъ другъ друга, неужели народамъ мало мѣста, что они идутъ войной одинъ на другого, за что они воюютъ, могутъ ли они желать войны, почему они должны, противъ своего желанія, покидать родные дома, родные очаги и жертвовать всѣми благами по чужой волѣ. Въ молодой душѣ начало закипать чувство негодованія, чувство злобы. Тщетно искала теперь эта дѣвушка успокоенія: кругомъ нея были только сумрачныя и печальныя лица. Марья Дмитріевна, менѣе дочери и штабсъ-капитана тревожившаяся объ участи молодыхъ воиновъ, тоже тосковала по сынѣ, котораго пришлось, наконецъ, отправить въ училище.

— Вотъ и я простилась съ своимъ голубчикомъ, также сиротой осталась, — причитала она. — Куда пошлютъ, что велятъ дѣлать, то и будетъ: подневольнымъ сталъ человѣкомъ. И спи, и ѣшь, и гуляй, когда другіе велятъ, а не тогда, когда самому хочется... Ужъ въ бѣдности мы жили, голодали, да командовать нами никто не могъ, а тутъ и сытъ будетъ, да волюшки не найдетъ...

Эти рѣчи тяжелымъ гнетомъ давили сердце Катерины Александровны. Она была отчасти согласна съ матерью. Она сама уже испытала, что значитъ неволя, что значитъ жизнь, сложившаяся по чужой волѣ, по чужому уставу. Порою, въ тѣ недолгія минуты, когда въ ея головѣ снова воскресали надежды на будущее, — ей казалось, что нужно устроить свою жизнь именно такъ, чтобы ничья чужая воля не могла сказать: иди туда, поступай такъ, дѣлай то-то, — чтобы только свой умъ и своя воля рѣшали, куда идти, какъ поступать и что дѣлать.

«И кто имѣетъ право командовать нашею волей?—думалось молодой дѣвушкѣ. — Если приказываешь, такъ нужно

Digitized by Google

и заботиться о тѣхъ, кому приказываешь, кто страдаетъ по нашей волѣ. А развѣ о насъ кто-нибудь заботится?»

Среди этихъ волненій и думъ проходили дни за днями— газеты не приносили извѣстій о дорогихъ личностяхъ, почта не приносила писемъ о нихъ. Ожиданіе дѣлалось все бо-лѣе и болѣе напряженнымъ. Въ семьѣ шли безконечные толки и предположенія насчетъ молодыхъ воиновъ. Спра-шивалось: почему они не пишутъ? Не взяты ли они въ илѣнъ? Не ранены ли? Или, быть-можетъ, письма не до-ходятъ, затерялись на почтѣ? Однажды, въ минуту этихъ толковъ, изъ лавочнаго клуба послышался стукъ въ ком-натѣ штабсъ-капитана. Всѣ уже давно привыкли къ этому условному сигналу, но въ послѣднее время онъ постоянно заставлялъ всѣхъ вздрагивать въ испугѣ.

— Газету принесли, — промолвила Катерина Алекса-ндровна, подавляя невольное волненіе.

— Не могу я, маточка, идти, силъ нѣтъ. Пусть Антонъ за нею сходитъ,—промолвилъ штабсъ-капитанъ.

— Антоша, батюшка, въ сараѣ дрова колетъ, — ото-звалась изъ кухни Марья Дмитріевна. — Я сама сейчасъ сбѣгаю.

— Ну, ужъ побезпокойтесь, замѣните мою старость...

— Сейчасъ, сейчасъ. Мнѣ кстати и мучки прихва-тить надо.

Марья Дмитріевна вышла изъ квартиры; штабсъ-капи-танъ поднялся съ мѣста, прошелся по комнатѣ и снова сѣлъ къ столу.

— Да вы не волнуйтесь! Авось все обойдется сча-стливо, — замѣтила Катерина Александровна, видя тревогу старика.

— Не могу, не могу, маточка, — вздохнулъ старикъ. — Вотъ такъ-то каждый день духъ захватываетъ, когда по-лучается газета... Вѣдь это, можетъ-быть, мой смертный приговоръ несутъ... Все, и радость, и счастіе, и жизнь, и надежды, все для меня только въ нихъ... Безъ нихъ давно лежалъ бы я въ могилѣ, умеръ бы гдѣ-нибудь подъ забо-ромъ, у дверей кабака... Моя жизнь не дорога: оторвали ногу, отняли возможность жить своимъ трудомъ, оставили нищимъ, — вотъ вся моя жизнь. Что же мнѣ было доро-жить ею? Для нихъ я жилъ, для ихъ счастья гнулъ я старую военную спину, для нихъ таскался по переднимъ тѣхъ, кого не уважалъ, кого ненавидѣлъ... Вы вотъ видѣли меня балагуромъ, веселымъ нищимъ, такъ и думали, что

Digitized by Google

мнѣ легко живется, что я не понимаю своего положенія... Нѣтъ, маточка, нѣтъ, въ этомъ сердцѣ кошки скребли, въ этой головѣ проклятья шевелились...

Старикъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Все перенесъ, все перенесъ,—заговорилъ онъ снова.— Перенесъ для нихъ, для ихъ счастья... Хотѣлось, чтобы они были честнѣе, лучше другихъ, чтобы имъ досталась на долю лучшая судьба... А теперь, можетъ-быть... И за что? За что?

Старикъ опустилъ голову. Катерина Александровна задумчиво молчала. Прошло нѣсколько минутъ.

— Эхъ, что это Марья Дмитріевна не идетъ!—воскликнулъ Флегонтъ Матвѣевичъ.— Съ мучкой со своей замѣшкалась...

Прошла еще минута.

— А знаете,— снова заговорилъ старикъ: — я бы радъ теперь совсѣмъ не видать этихъ проклятыхъ газетныхъ листовъ, не видать ихъ до тѣхъ поръ, покуда не получится писемъ отъ *нихъ*...

Въ это мгновеніе послышались шаги Марьи Дмитріевны.

— Давайте, давайте газету, матушка!—крикнулъ штабсъ-капитанъ.—Ну, что новаго, что новаго?

Онъ трепещущими руками торопливо сталъ развертывать газетный листъ. Всѣ смолкли и ожидали новостей. Марья Дмитріевна присѣла на диванъ со сверткомъ муки въ рукахъ и въ платкѣ, накинутомъ на голову. Катерина Александровна стояла у стола. Старикъ пробѣгалъ слабыми глазами страницу.

— Ничего новаго,—говорилъ онъ, просматривая военныя извѣстія.—Повидимому, тише стало...

Онъ уже готовился сложить листъ, когда его глаза обратились на первую страницу листа. Его руки дрогнули, глаза остановились, газетный листъ заколебался и медленно опустился на столъ. Вслѣдъ за листомъ опустилась и голова штабсъ-капитана.

— Убитъ! — невнятно прошепталъ онъ, теряя сознаніе.

— Саша!?—вырвался изъ груди Катерины Александровны пронзительный крикъ, и она схватилась рукою за столъ.

Однимъ быстрымъ движеніемъ она рванула къ себѣ газету и впилась въ нее глазами. Буквы и строки, казалось, прыгали передъ нею, она искала большой буквы П. Наконецъ, ей бросилось въ глаза лаконическое извѣстіе: «убитый подпоручикъ Прохоровъ 2-й исключается изъ списковъ». Она читала и перечитывала эту строку, и мало-по-малу ея

Digitized by Google

грудь начинала дышать свободнѣе. Изъ ея похолодѣвшихъ рукъ выпала газета.

«Не онъ!»—радостно мелькало въ ея головѣ, а изъ глазъ катились крупныя, неудержимыя слезы.

Марья Дмитріевна между тѣмъ совалась изъ угла въ уголъ, не зная, что дѣлать. Наконецъ, она бросилась на галлерею и крикнула, выглянувъ на дворъ:

— Антоша, голубчикъ Антоша, Флегонтъ Матвѣевичъ умираетъ! Иди сюда!

Антонъ быстро выбѣжалъ изъ сарая, вбѣжалъ въ комнату и притащилъ воды. Съ помощью матери и нѣсколько оправившейся Катерины Александровны онъ уложилъ старика на диванъ и поспѣшилъ за докторомъ. Старикъ лежалъ безъ чувствъ.

— Да кто убитъ-то, Катюша, кто?—допрашивала Марья Дмитріевна дочь, суясь изъ угла въ уголъ.

— Ваня, несчастный Ваня!—тихо и сквозь слезы отвѣтила Катерина Александровна.

Антонъ между тѣмъ возвратился съ докторомъ. У штабсъ-капитана сдѣлался параличъ. Докторъ сомнѣвался, что старикъ встанетъ съ постели. Семья Прилежаевыхъ не отходила отъ Прохорова; тяжелое предчувствіе чего-то недобраго смѣнилось теперь не менѣе тяжелою дѣйствительностью. Ни у кого почти не было денегъ, а онѣ были теперь нужнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— На что мы лѣчить-то его, бѣднаго, будемъ?—плакала Марья Дмитріевна.—И на свою семью не хватаетъ, а тутъ еще онъ, горемычный, у насъ на рукахъ остался... Въ больницу бы его, что ли, пристроить...

— Что вы! — воскликнула Катерина Александровна. — Пусть лежитъ здѣсь, въ своей семьѣ... Не весело лежать въ больницѣ...

— Знаю, Катюша, знаю! Да гдѣ денегъ-то взять,—охала Марья Дмитріевна.

— Для него я добуду денегъ, — рѣшила Катерина Александровна.

Въ выраженіи ея лица, въ ея голосѣ появилась какая-то особенная энергія — это была энергія озлобленія. Молодая дѣвушка негодовала на войну, на людей, начавшихъ эту войну, на тѣхъ, которые холодно смотрятъ на гибнущихъ братьевъ—на всѣхъ, кто безпечно и весело разъѣзжаетъ въ экипажахъ мимо тѣхъ угловъ и подваловъ, гдѣ гнѣздится нищета со своимъ безысходнымъ горемъ. Впервые это чув-

Digitized by Google

ство злобы и негодованія охватило ее всецѣло, и въ этомъ чувствѣ было что-то безпощадное, жестокое. Въ памяти молодой дѣвушки навсегда сохранилось воспоминаніе о той минутѣ, когда ей показалось, что у нея отняли его, ея Сашу, — о той минутѣ, когда она поняла, что значитъ потерять навѣкъ любимаго человѣка. Въ эту минуту въ ея душѣ впервые шевельнулись проклятія всему окружающему, которыя и теперь волновали ея кровь. Она необычайно мужественно, безъ всякаго раздумья, отправилась къ княгинѣ Гиреевой и объявила старухѣ, что въ квартирѣ ея матери лежитъ человѣкъ, у котораго убили сына.

— Онъ и самъ искалѣченъ на войнѣ, теперь у него убили сына, а между тѣмъ у него нѣтъ куска хлѣба,—говорила она съ хмурымъ выраженіемъ лица.—Каждая цѣпная собака, сторожившая домъ, пользуется подъ старость лучшимъ положеніемъ, а тутъ человѣкъ умираетъ съ голоду, хотя онъ честно служилъ всю жизнь.

— Я похлопочу, — отозвалась болѣзненнымъ голосомъ княгиня, примачивая голову какимъ-то спиртомъ. — Пусть Глафира напомнитъ... память у меня ослабѣла. Надо въ богадѣльню его...

— Помилуйте, княгиня! — воскликнула съ негодованіемъ Катерина Александровна.—Тутъ идетъ рѣчь не о богадѣльнѣ. Развѣ тамъ станутъ ходить за нимъ? Я думаю, за то, что человѣкъ жертвовалъ своею жизнью и жизнью своихъ дѣтей, ему можно дать болѣе спокойный уголъ, чѣмъ постель въ богадѣльнѣ. Я прошу васъ о деньгахъ для старика... У васъ есть связи...

— Да, я постараюсь... похлопочу,—проговорила Гиреева.— Вотъ покуда...

Она дала Катеринѣ Александровнѣ двадцать пять рублей. Отъ княгини Катерина Александровна отправилась къ генералу Свищову. Она не замѣтила двусмысленной улыбки генеральскаго лакея при входѣ въ кабинетъ старика и очень смѣло, очень бойко объяснилась со старымъ волокитой насчетъ штабсъ-капитана. Александръ Николаевичъ Свищовъ совершенно растаялъ, видя предъ собою, въ своемъ кабинетѣ, это оживленное, бойкое и рѣзко говорящее молодое существо; онъ разсыпался передъ молодою дѣвушкой въ любезностяхъ, пожималъ ей руки и даже сказалъ ей: «приказывайте, ваша воля будетъ для меня закономъ».

Ей были гадки эти заигрыванія, но она смѣло и безъ смущенія шла къ своей цѣли. Въ этой дѣвушкѣ было трудно

Digitized by Google

узнать прежнюю робкую и застѣнчивую Катерину Александровну.

Заручившись деньгами и обѣщаніями Свищова, она вернулась домой съ веселымъ лицомъ.

— Ну, что, Катюша?—робко спросила Марья Дмитріевна.

— Ничего, все хорошо... Надо купить кровать, перину и подушки для Флегонта Матвѣевича. У него все жесткое. Довольно ему на диванѣ валяться. Ему надо теперь поудобнѣе лежать.

— Дали, значитъ, благодѣтели?

— Еще бы! Съ лихой собаки хоть шерсти клокъ,—отвѣтила Катерина Александровна. — Доктора надо получше пригласить. Нашъ частный—коновалъ какой-то для бѣдныхъ...

Катерина Александровна быстро и дѣятельно принялась за устройство комнаты штабсъ-капитана.

— Въ богадѣльню хотѣли упрятать!—съ раздраженіемъ говорила она за вечернимъ чаемъ. — Самихъ бы въ сумасшедшій домъ засадить! Потеряютъ сами какого-нибудь шалопая, такъ потомъ цѣлый вѣкъ носятся со своимъ горемъ, докторами себя окружатъ, на воды ѣздятъ, а тутъ человѣкъ, умирающій съ голоду, пожертвовавшій всѣмъ, лишился своей единственной опоры — въ богадѣльню его! Нѣтъ, увидимъ, удастся ли имъ его въ богадѣльню упрятать! Я все сдѣлаю, а по-моему будетъ...

— Охъ, Катюша, не слягъ ты у меня сама! Хлопочешь ты все, да тревожишься, — съ опасеніемъ замѣтила Марья Дмитріевна.—Вонъ лицо-то какъ горитъ у тебя...

— А вы много добыли безъ хлопотъ-то, сидя дома? — рѣзко спросила Катерина Александровна.—Нѣтъ, къ нимъ стучаться надо, имъ надоѣдать нужно, пороги у нихъ обить нужно, — тогда только что-нибудь и сдѣлаешь... Вы подумайте, что сталось бы со старикомъ, если бы не хлопотать за него? Умеръ бы съ голоду, умеръ бы, какъ собака. А за что? Преступникъ онъ, что ли? Негодяй какой-нибудь? А сколько такихъ-то найдется въ разныхъ подвалахъ, на разныхъ чердакахъ...

— Что и говорить, голубка! Да ты себя-то береги!

— Молода еще, вынесу!

Прошло два дня. Къ дому, гдѣ жили Прилежаевы, подъѣхала карета. Изъ нея вышелъ генералъ Свищовъ. Катерина Александровна была дома и встрѣтила старика.

— А я заѣзжалъ въ пріютъ, думалъ васъ найти тамъ,— заговорилъ онъ, пожимая ей руку.—Я къ вамъ съ радост-

Digitized by Google

ною вѣстью... Не хотѣлъ никому поручить... Самъ хотѣлъ васъ обрадовать, видѣть вашу улыбку... Вашему старику назначено триста рублей.

— Благодарю васъ, — проговорила обрадованная Катерина Александровна, пожимая руку Свищова. — Я думаю, у него въ теченіе всей жизни не было въ рукахъ такой суммы...

— Ну, это малость, — небрежно произнесъ Свищовъ. — Теперь, знаете, наши финансы хромаютъ. Для такой милой просительницы я радъ бы гораздо, гораздо болѣе сдѣлать...

— Грустно, что онъ даже не можетъ поблагодарить васъ. Если бы я знала васъ прежде, то, вѣроятно, вы раньше помогли бы ему. А то служилъ, служилъ человѣкъ, а вспомнили о немъ только передъ смертью.

— Что дѣлать, что дѣлать!—пожалъ плечами Свищовъ.— Въ свѣтѣ не ищите справедливости. Люди забывчивы... Все дѣло случая. Если бы мы не встрѣтились, то, можетъ-быть, ему и теперь не дали бы ничего... Но какъ вы далеко живете!.. Вы, кажется, — извините за нескромность — и сами нуждаетесь?

— Какъ вамъ сказать?—улыбнулась Катерина Александровна. — Мы не богаты, но нуждаться — я не нуждаюсь. На мои потребности мнѣ хватаетъ моихъ денегъ... Большаго мнѣ не нужно...

— А не говорите такъ, не говорите!—загорячился Свищовъ. — Вы молоды, вамъ надо болѣе удобствъ... болѣе, знаете, этого...—Свищовъ повертѣлъ рукою въ воздухѣ, не находя словъ для выраженія своей мысли.—Какъ это вашъ дядя не позаботится о васъ...

— Я не просила ни у него, ни у какого другого. Я живу работой и хочу жить работой, а не подаяніями.

— Но все же эта обстановка...

— Не будемте говорить о ней... Впрочемъ,—улыбнулась Катерина Александровна:—къ вамъ у меня есть еще просьба. Мнѣ хотѣлось бы получить мѣсто наставницы въ пріютѣ. Я уже говорила объ этомъ княгинѣ Гиреевой, но она такъ больна, что едва ли сдѣлаетъ что-нибудь... Вотъ вы, Александръ Николаевичъ, принимаете во мнѣ горячее участіе,— сдѣлайте, чтобы меня назначили учительницей въ пріютѣ.

— А, да, это можно... да, это можно... Я все готовъ, все готовъ для васъ сдѣлать!

— У васъ доброе сердце!

Катерина Александровна протянула генералу руку, онъ

Digitized by Google

ее радостно пожалъ своими старческими руками и просіялъ.

— Постарайтесь улучшить положеніе пріюта... Вѣдь тамъ все идетъ такъ дурно, потому что никто туда не заглядываетъ... Заѣзжайте почаще...

— Да, да... О, теперь я буду заѣзжать... это необходимо... Я сознаю, что это необходимо...

— Только тогда можно будетъ откровенно переговорить съ вами, высказать нужды дѣтей... я была бы очень, очень рада видѣть васъ часто...

Свищовъ сіялъ.

— Я всякую недѣлю буду ѣздить, — заговорилъ онъ. — Наблюденіе — это, знаете, необходимо... Вы мнѣ говорите все откровенно!.. Вы ко мнѣ заѣзжайте... да, да, непремѣнно заѣзжайте...

— Зачѣмъ же безпокоить васъ...

— Да развѣ вы можете безпокоить меня? Я буду радъ, очень радъ сдѣлать для васъ все... И какъ это вашъ дядя не сказалъ мнѣ о васъ!..

Катерина Александровна еще разъ пожала руку старика, и онъ совершенно неожиданно напечатлѣлъ поцѣлуй на эту руку. Катерина Александровна незамѣтно усмѣхнулась, провожая старика, съ трудомъ переставлявшаго вышедшія изъ повиновенія ноги.

— Какой добрѣйшій человѣкъ, чисто ангельская душа!— воскликнула Марья Дмитріевна по отъѣздѣ генерала.

— Да, эту старую обезьяну можно приручить,—насмѣшливо сказала Катерина Александровна, подавляя свое волненіе.

— Ай, Катюша, какъ тебѣ не грѣхъ такъ отзываться о немъ,—упрекнула мать.

— А знаете, мама, если бы я теперь захотѣла, я могла бы въ каретахъ ѣздить.

— Ну-у, что ты, Катюша!—изумилась Марья Дмитріевна.

— А вы думаете, нѣтъ? Вы думаете, что этотъ ходячій трупъ пожалѣлъ бы чего-нибудь для меня?.. Поглядите, вонъ я какая хорошенькая!.. Да, онъ купилъ бы меня на вѣсъ золота, у ногъ бы моихъ ползалъ за то, что обезчестилъ бы меня, за то, что купилъ бы меня... Вонъ по одному моему слову триста рублей выхлопоталъ человѣку, которому не давали ни гроша. Вонъ Скворцову купили и меня такъ же купили бы... Всѣ они такіе. Какъ вы его назвали? Добрѣйшимъ человѣкомъ, ангельскою душою? Да, да, добрѣйшій человѣкъ, ангельская душа!

Digitized by Google

Катерина Александровна нервно засмѣялась.

— Ахъ, какая вы неопытная, мама! — воскликнула она съ горечью. — Сдѣлали ли эти добрѣйшіе люди что-нибудь для васъ?.. Для меня они сдѣлаютъ, потому что молода я, потому что на мое лицо они заглядываются... Дай Богъ, чтобы эти добрѣйшіе люди не смѣли на порогъ къ намъ являться...

— Да вѣдь ты же сама, Катюша, пригласила его, — растерянно проговорила Марья Дмитріевна.

— И буду приглашать, — твердо произнесла Катерина Александровна. — Онъ нуженъ намъ... Прямой дорогой ни до чего не дойдешь... Пусть ѣздитъ, пусть хлопочетъ...

Марья Дмитріевна струсила.

— Охъ, Катя, не загуби ты себя...

— Что? — рѣзко отозвалась Катерина Александровна и взглянула на мать такими глазами, что та умолкла и тихо вышла изъ комнаты.

«Но что же не пишетъ онъ? Почему онъ не поспѣшилъ предупредить семью о смерти брата? Очевидно, что и онъ боленъ, раненъ или находится въ плѣну. Боже мой, когда же кончатся эти муки неизвѣстности, эти муки ожиданія?»

Эти мысли ежедневно томили молодую дѣвушку. Чтобы разсѣять ихъ, она усиленно работала, хлопотала около старика, не давала себѣ отдыха, старалась въ трудѣ забыть свое горе, старалась утомить себя настолько, чтобы засыпать поскорѣе и въ ночномъ затишьѣ не томиться мрачными думами. Однажды газеты принесли извѣстіе о полученіи чина и ордена Александромъ Прохоровымъ. «Живъ!» — радостно воскликнула Катерина Александровна и нѣсколько успокоилась. Ея работа пошла еще быстрѣе. Дни неслись стрѣлою. Наконецъ, въ эту хлопотливую и тревожную пору Катерина Александровна была обрадована письмомъ отъ Александра Прохорова. Съ сильнымъ волненіемъ распечатала она это давно ожидаемое письмо.

«Горькимъ извѣстіемъ долженъ я начать свое письмо,— писалъ Александръ.—Болѣе всего меня пугаетъ мысль, что это извѣстіе уже дойдетъ до отца прежде, чѣмъ получится тобою мое письмо. Ваня убитъ, убитъ при моихъ глазахъ. Бѣдный мальчикъ, какъ онъ былъ храбръ, какъ онъ былъ хорошъ въ послѣднее время! Перенося всѣ невзгоды бивуачной жизни, онъ съ какою-то наивною стыдливостью заботился только обо мнѣ, говоря, что я только изъ-за него вышелъ въ дѣйствующую армію, что я не испыты-

Digitized by Google

валъ бы всѣхъ непріятностей военнаго положенія, если бы не онъ. Дитя! Я никакъ не могъ убѣдить его, что и безъ него я не могъ бы отказаться отъ вступленія въ дѣйствующую армію. Съ каждымъ днемъ онъ становился мнѣ все дороже и дороже, и вдругъ этого мальчика не стало! Трудно описать тебѣ весь ужасъ этой минуты, всѣ чувства, охватившія меня въ это мгновеніе. Я видѣлъ, какъ зашатался, какъ упалъ на землю мой братъ, и не могъ сдѣлать шагу для спасенія его. Мнѣ приходилось самому отбиваться отъ толпы враговъ. Впервые въ моемъ сердцѣ пробудилась какая-то дикая, яростная злоба, я дрался чисто по-звѣрски, съ ожесточеніемъ, я хотѣлъ пробиться къ нему. Я понялъ въ эту минуту чувство мести, которое можетъ заставить насъ безпощадно терзать всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ въ рядахъ убійцъ близкаго намъ существа. И теперь, когда въ моей памяти ослабѣло первое горькое впечатлѣніе, когда этотъ роковой день значительно отдалился отъ меня и представляется мнѣ какъ бы подернутый туманомъ,—я еще ощущаю это чувство мести, я понимаю эту огульную ненависть ко всѣмъ близкимъ, ко всѣмъ единомышленникамъ того врага, который былъ причиною нашего горя. Порою мнѣ снится братъ; эти дѣтски откровенные, большіе синіе глаза смотрятъ на меня такъ грустно, такъ задушевно, и я вижу въ нихъ крупныя слезы. Мнѣ становится больно и обидно за эту загубленную жизнь. Какимъ прекраснымъ человѣкомъ могъ бы быть этотъ отважный мальчикъ! Мнѣ мучительно больно, что я не имѣлъ даже силъ предупредить отца, подготовить его къ тяжелой вѣсти. Я пролежалъ въ лазаретѣ и только теперь началъ поправляться. Не бойся, мой другъ, за меня. Теперь я почти здоровъ, я могу писать, могу читать, скоро я выйду изъ лазарета и снова дохну свѣжимъ воздухомъ. Грустная драма приходитъ къ концу, и благо тѣмъ, кому судьба дала силы, кому случай помогъ пережить эту драму. Но слѣды ея останутся надолго, они ущлѣютъ на насъ и отзовутся на дѣтяхъ нашихъ. Мы были свидѣтелями міровыхъ событій, за которыми послѣдуетъ расчетъ со всѣмъ старымъ. Этотъ расчетъ необходимъ, неизбѣженъ. Всѣ чувствуютъ, что нужно освѣжить воздухъ. Мы прошли чрезъ эти полуразрушенныя, убогія деревни; мы видѣли этотъ крѣпостной, забитый, бѣдный, лишенный права жаловаться народъ; мы присутствовали при этомъ грабежѣ взяточниковъ, не совѣстившихся воровать даже самые не-

Digitized by Google

обходимые жизненные припасы, лазаретныя принадлежности; мы стрѣляли изъ этихъ никуда негодныхъ пушекъ, изъ этихъ заржавѣвшихъ ружей; мы слышали слова этихъ самодуровъ-мудрецовъ, которые по прихоти распоряжались всѣмъ и хвалились тѣмъ, что они уничтожили бы свою собственную фуражку, если бы она знала, что они предпримутъ завтра. Крѣпостничество, самодурство, взяточничество, грубость и тупоуміе, все это прошло передъ нами въ одной ужасной картинѣ. Тяжелымъ гнетомъ легли на душу такіе факты, какъ разсказъ о томъ, что въ одной изъ прибрежныхъ дачъ все осталось цѣло и въ порядкѣ послѣ посѣщенія французовъ, а послѣ посѣщенія русскихъ въ ней было изрублено даже фортепіано, и на стѣнахъ появились циничныя надписи на родномъ языкѣ. У насъ иногда недоставало корпіи, недоставало провіанта, а у враговъ была проведена желѣзная дорога!.. Нѣтъ, намъ нужно воевать не съ французами, не съ англичанами, намъ нужно воевать съ отжившими порядками, съ отжившими традиціями, въ противномъ случаѣ, насъ будутъ бить всѣ другіе народы, будутъ бить и найдутъ въ числѣ своихъ союзниковъ всѣхъ тѣхъ, которые носятъ имя русскихъ и грабятъ русскую казну, русскій народъ, русское правительство. У насъ здѣсь считался мѣсяцъ за годъ—да, это справедливо, мы здѣсь уяснили себѣ въ мѣсяцы то, чего не уяснили бы, быть-можетъ, въ цѣлые годы, вращаясь на полированныхъ паркетахъ пышныхъ залъ, маршируя на утрамбованныхъ равнинахъ плацъ-парадовъ, пожимая обтянутыя лайкой руки воровъ и грабителей. Во время болѣзни я прочелъ «Съ того берега». Да, я понялъ это отчаянье, эту роковую скорбь, этотъ душевный вопль, смутившій Европу. Эту книгу могъ написать только русскій. Какъ страстно, какъ нетерпѣливо жду я конца этихъ тяжелыхъ дней, какъ стремлюсь я въ Петербургъ, къ ученью, къ университету. Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, намъ нужно учиться, учиться и учиться. Наука—это именно то оружіе, котораго недоставало у насъ, и мы, чувствуя свое безсиліе, сознавая свою безоружность,—съ одной стороны, заглушивъ голосъ совѣсти, дѣлались мелкими плутами, мелкими воришками, мелкими міроѣдами и взяточниками, а съ другой, сохранивъ въ себѣ искру честности, становились злобствующими тунеядцами, разочарованными гамлетиками, честными бездѣльниками. Теперь мы должны взять свое оружіе и приняться за дѣло. И я, и ты, мой другъ, мы

Digitized by Google

всѣ шли ощупью къ знанію, теперь мы пойдемъ къ нему прямо, въ немъ будетъ наша жизнь. Принесемъ для него всѣ жертвы, но завоюемъ его. Впрочемъ, что я говорю о жертвахъ? Развѣ для того, чтобы идти по дорогѣ къ знанію, нужны жертвы? Что намъ придется дѣлать? Отказаться отъ удовольствій? Но мы къ нимъ и безъ того не привыкли, а теперь мнѣ кажутся гнусными эти удовольствія, потому что я знаю, какою цѣной иногда покупаются они, потому что я знаю, какіе стоны раздаются вдали отъ нашихъ залъ и гостиныхъ. Намъ придется не обращать вниманія на свое платье, быть-можетъ, ходить въ плохой одеждѣ, чтобы имѣть возможность больше тратить на книги, на уроки. Но развѣ бѣдная одежда хуже украденныхъ у ближняго, добытыхъ его потомъ роскошныхъ нарядовъ? Развѣ мы не будемъ имѣть права съ презрѣніемъ глядѣть на тѣхъ, кто одѣтъ лучше насъ на воровскія деньги? Да, мы пойдемъ безъ сожалѣнія и стыда мимо театровъ и собраній, мимо разнаряженныхъ куколъ и будемъ знать, чего такъ часто стоятъ эти пиры во время чумы, эта арлекинада, — мы пойдемъ въ своемъ плохомъ платьѣ, пойдемъ въ храмъ науки—и не на насъ укажутъ пальцами и осмѣютъ честные люди... Будь, мой другъ, бодрѣе, не унывай. Скоро настанетъ день, когда ты пойдешь въ путь уже не одна, а опираясь на мою руку. Эта рука тверда. Въ моей груди теперь живутъ рядомъ и ненависть, и любовь; ненависть къ тому, противъ чего намъ придется бороться, любовь къ тѣмъ, кто станетъ въ наши ряды. Дай Богъ, чтобы этихъ людей, которыхъ ищетъ наше правительство, являлось все больше и больше. Ты прошла ту тяжелую школу, изъ которой выходятъ люди, не боящіеся никакихъ новыхъ мученій и бѣдъ; ты первая не побоишься стать рядомъ съ нами, потому-то я и люблю тебя такъ горячо, такъ страстно. Было время, когда я смотрѣлъ на тебя съ благоговѣніемъ мальчика, видящаго передъ собою добрую фею, царицу и владычицу семьи; ты управляла всѣмъ домомъ, ты работала на всѣхъ, ты подталкивала къ труду другихъ, и все это дѣлалось съ свойственною тебѣ простотой, съ твоею обычною веселостью, почти съ безпечностью. Въ эти дни,—ты ихъ вѣрно помнишь,—я, стоя на колѣняхъ, помогалъ тебѣ разматывать нитки, гордился тѣмъ, что держу край твоей работы, радовался возможности принести стаканъ воды тебѣ, утомившейся владычицѣ семьи; въ эти дни я былъ твоимъ па-

Digitized by Google

жомъ. Теперь ты встрѣтишь во мнѣ друга-помощника. Я прошелъ черезъ то горнило, въ которомъ закаляются люди, я пріобрѣлъ тотъ горькій опытъ, котораго мнѣ недоставало въ моей теплично-казарменной жизни. Ты не гонялась за жалкими удовольствіями и ничтожнымъ блескомъ, потому что выросла въ той средѣ, гдѣ дорожатъ только кускомъ насущнаго хлѣба, теплымъ угломъ и заработанною копейкою; я тоже не погонюсь теперь за удовольствіями и мишурою свѣта, потому что я узналъ, какою цѣной покупается весь этотъ мишурный блескъ, этотъ источникъ зависти для глупцовъ и мерзавцевъ. Скорѣй бы прошло время нашей разлуки, скорѣй бы прошло время моей невольной праздности. Новаго я уже ничего не увижу здѣсь: каждая мерзость, каждая пошлость будетъ только повтореніемъ того, что понято и обсуждено прежде. Жму горячо твою руку, еще разъ прошу береги отца. Обними Мишу, Марью Дмитріевну, пожелай имъ всего хорошаго. Антону пишу отдѣльно.

Твой Александръ».

Катерина Александровна читала и перечитывала это письмо. Эти строки ярко воскресили передъ нею любимый образъ; ей показалось, что Александръ Прохоровъ сталъ выше ростомъ и загорѣлъ. Она даже разсмѣялась при этой мысли и подумала: «съ чего это я взяла, что онъ непремѣнно выросъ и загорѣлъ». Ее не удивило, что Александръ писалъ ей: *ты*, но ее странно поразило совпаденіе ея чувствъ съ его чувствами. Она такъ же была озлоблена, такъ же чувствовала потребность поскорѣй пробить себѣ какую-то новую дорогу, вступить въ борьбу съ ненавистными ей личностями и порядками. Она сознавала, что у нея слишкомъ мало силы для пересозданія того маленькаго міра, въ которомъ ей приходилось вести мелкую борьбу, она чувствовала, что ей возможно только при помощи хитрости, при помощи обмана завоевать себѣ черезъ разныхъ Свищовыхъ и Гиреевыхъ болѣе прочное, болѣе значительное положеніе, чѣмъ ея настоящая роль въ пріютѣ. Отъ ея вниманія не ускользнуло и то обстоятельство, что ея завоеванія могутъ на первыхъ же порахъ кончиться ничѣмъ, если, напримѣръ, Свищовъ предъявитъ требованія на награду за свою протекцію. Но, несмотря на это, она рѣшилась идти по избранной дорогѣ до послѣдней возможности и сдѣлать хоть что-нибудь. Перечитывая письмо своего друга, она поняла, что онъ говоритъ о болѣе широ-

Digitized by Google

кой борьбѣ, о болѣе многочисленныхъ врагахъ, и ей представился вопросъ: гдѣ же найти силы для этой борьбы отдѣльному человѣку, если у нея не хватаетъ силъ и для мелкой борьбы, выпавшей ей на долю? Какимъ путемъ поведется эта борьба? Много ли людей примутъ въ ней участіе? Будутъ ли эти люди болѣе сильные, чѣмъ она, чѣмъ ея другъ? На эти вопросы покуда не являлось отвѣта. Она не знала, какія реформы уже готовились для Россіи.

«Что будетъ, то будетъ»,—рѣшила она и дала себѣ слово продолжать покуда начатое ею дѣло: хлопотать о мѣстѣ наставницы и учиться. Со всею энергіей, свойственною молодымъ, здоровымъ натурамъ, продолжала она дѣло самообразованія. Требовало оно и безсонныхъ ночей, и сильнаго умственнаго напряженія, но Катерина Александровна не унывала. Она не отставала отъ Антона, выучивая его уроки, хотя ей и приходилось въ одинъ день дѣлать то, что дѣлалось имъ въ два дня. Въ пріютѣ между тѣмъ насталъ торжественный день: тамъ вступила новая начальница и вскорѣ пріѣхало все высшее начальство подъ предводительствомъ графини Бѣлокопытовой и Свищова. Графиня, по своему обыкновенію, обошла бѣглымъ шагомъ ряды воспитанницъ, подставляя имъ свою руку и цѣлуя ихъ на ходу въ лобъ; Свищовъ отыскалъ глазами Катерину Александровну и дружески кивнулъ ей головой.

— Вы, кажется, согласны принять мѣсто учительницы?— спросила графиня, поровнявшись съ Катериной Александровной.

— Да, я очень рада принять на себя эту обязанность,— отвѣтила Катерина Александровна.

— Это, это необходимо, — произнесъ Свищовъ. — Надо непремѣнно... реорганизовать... Знаете, эти упущенія, эти злоупотребленія...

— Ахъ да, Александръ Николаевичъ, — перебила его графиня.—Хорошо, что вы напомнили! Прежде всего нужно осмотрѣть мѣсто. Я рѣшилась; правда, это мнѣ будетъ трудно, но я рѣшилась! Помоги мнѣ, Господи!

Графиня вздохнула.

— Мы должны, должны приносить эти жертвы,—прошептала она и обратилась къ Катеринѣ Александровнѣ: — Проводите насъ въ садъ.

Катерина Александровна мелькомъ взглянула на Свищова. Онъ пожалъ плечами и какъ-то особенно повертѣлъ

Digitized by Google

пальцемъ около лба. Все общество тронулось по направленію къ саду.

— Здѣсь, кажется, довольно мѣста? — спросила графиня, обращаясь къ пріютскому архитектору.

— Немного тѣсно будетъ, — отвѣтилъ онъ. — Садъ придется почти весь уничтожить.

— Ну да, ну да,—нетерпѣливо отвѣтила графиня.—Оставить только клумбочку, помните, какъ вы говорили. Это будетъ такъ хорошо... Благолѣпіе...

— Но какъ же безъ сада, — нерѣшительно возразилъ архитекторъ.

— На что намъ сады? Не они намъ нужны. Намъ вертограды Господни нужны, а не эти земные сады... Спаси насъ грѣшныхъ, Господи!

Графиня, по обыкновенію, громко бесѣдуя съ Богомъ, перекрестилась и быстро зашагала въ пріютскія комнаты.

— Генералъ, вы говорили о прибавкѣ на пищу? — тихо спросила Катерина Александровна.

— Копейку прибавили на человѣка въ день, — такъ же тихо отвѣтилъ Свищовъ. — Что дѣлать, что дѣлать, мы не въ своемъ умѣ...

Онъ опять повертѣлъ пальцами около лба и, присоединившись къ графинѣ, сказалъ ей что-то на ухо.

— Ахъ, да! — обернулась она къ Катеринѣ Александровнѣ: — вамъ прибавляется восемь рублей жалованія за уроки.

Катерина Александровна молча поклонилась.

— Пожалуйста, только русскій языкъ, законъ Божій, больше ничего, никакихъ астрономій не надо! — отрывисто проговорила графиня. — Закладка когда? — обернулась она къ архитектору.

— Я думаю, весной,—отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ! Я слаба, я могу умереть,—отрывисто произнесла она. — Безъ меня ничего не сдѣлаютъ... Заложите теперь, строить начнете весной... Въ будущее воскресенье закладка... Ну, прощайте, дѣти. Богъ дастъ, черезъ годъ у васъ будетъ своя церковь... Господи, пошли намъ силы... сподоби насъ...

Сгорбившись и переплетая ногами, графиня, въ сопровожденіи своей свиты, направилась къ экипажу. Катерина Александровна съ поникшею головой осталась въ толпѣ дѣтей и грустно смотрѣла въ окно на небольшой садикъ.

— Душечка, Катерина Александровна, вы всѣхъ насъ

Digitized by Google

учить будете? — приставали къ ней воспитанницы, окруживъ ее.

— Нѣтъ, только младшихъ, — отвѣтила она, встряхнувъ головой и какъ бы отгоняя печальныя думы.

— Отчего же не насъ? — заговорили старшія воспитанницы. — Учите и насъ. У новаго учителя ничего не поймешь, такой бука. Вы лучше скажите, чтобы вамъ позволили и насъ учить...

— Погодите, погодите, все сдѣлается, — промолвила Катерина Александровна.

— А садъ-то нашъ вырубать будутъ, — печально замѣтила одна изъ дѣвочекъ, глядя въ окно.

— Да, жаль,—вздохнула Катерина Александровна.

Въ эту минуту въ комнату вошли Зубова и Постникова.

— Поздравляю васъ, Катерина Александровна,—проговорила Зубова.—Прибавку жалованья получили.

— Вы меня лучше съ тѣмъ поздравьте, что я дѣтей учить буду,—усмѣхнулась Катерина Александровна.

— Ахъ! вы вѣрно такъ богаты, что ни за что считаете деньги,—ядовито произнесла Зубова.

— Нѣтъ, деньги мнѣ очень дороги, но мѣсто учительницы еще дороже: онѣ радуютъ только меня, а данное мнѣ право учить дѣтей обрадовало, какъ видите, и меня, и всѣхъ дѣтей. А я цѣню выше всего именно то, что приноситъ радость и пользу не только мнѣ, но и другимъ.

VII.

Катерина Александровна идетъ къ своей цѣли.

Новая начальница, Софья Андреевна Вуичъ, сдѣлала обѣдъ, чтобы познакомиться покороче съ помощницами. На этотъ обѣдъ были приглашены родственники и знакомые начальницы, и онъ долженъ былъ принять не официальный, а чисто семейный характеръ.

Софья Андреевна была, подобно Зориной, вдовой какого-то гвардейца. Она получила институтское образованіе, бывала за границею, любила читать французскіе романы, восхищалась произведеніями Жоржъ-Занда, курила пахитосы и толковала, выпуская струйки дыма, о женской «эмансипаціи». Высокая ростомъ, стройная, еще сохранившая остатки свѣжести и даже красоты, эта тридцатипятилѣтняя женщина, казалось, была создана для гостиной, для свѣтской болтовни. Съ нею можно было проболтать въ теченіе цѣлаго вечера о самыхъ высокихъ, о самыхъ со-

Digitized by Google

временныхъ предметахъ, не скучая и не замѣчая, что эта женщина схватила только кончики и отрывочки всѣхъ этихъ вопросовъ, что они для нея имѣютъ теперь такое же значеніе, какое прежде, въ годы ея молодости, имѣли для нея открытыя плечи, обнаженныя руки, распущенные локоны,—т.-е. значеніе приманки. Ее рекомендовалъ на мѣсто Свищовъ, повидимому, поддавшійся обаянію ея прелестей съ свойственною ему податливостью любвеобильнаго сердца. Графиня Бѣлокопытова взглянула подозрительными глазами на неувядшую красоту, на бойкость, на щеголеватость этой женщины и уже готова была отказать ей въ просьбѣ о поступленіи на мѣсто начальницы и опредѣлить въ пріютъ старуху, но Свищовъ, всегда оживлявшійся, когда дѣло шло о защитѣ хорошенькой женщины, отстоялъ свою кандидатку, настроилъ княгиню Гирееву на свой ладъ, подзадорилъ графа Бѣлокопытова, однимъ словомъ, произвелъ такую агитацію, вслѣдствіе которой въ общемъ собраніи комитета благотворительныхъ учрежденій графовъ Бѣлокопытовыхъ большинство членовъ согласилось съ его мнѣніемъ. Онъ даже произнесъ нѣчто въ родѣ рѣчи. Въ это время рѣчи уже начинали произноситься всѣми.

— Многоуважаемая Дарья Федоровна,—говорилъ онъ въ засѣданіи комитета:—полагаетъ, что Софья Андреевна Вуичъ слишкомъ молода для такой обязанности, какъ обязанность начальницы пріюта... Но это... это, можно сказать, находка. Да, именно, находка!.. У насъ была уже пожилая начальница, и что же вышло? Спрашиваю васъ, господа: что вышло?.. Упущенія, злоупотребленія, безпорядки, распущенность дѣтей... Помилуйте, могло ли иначе быть?.. Она была стара, слаба: она не могла усмотрѣть за всѣмъ, у нея не было этой... этой расторопности... да, да, именно расторопности... А между тѣмъ дѣвочки—это огоньки, огоньки!.. Нужны глаза, да и глаза за ними, нужны крѣпкія руки, чтобы удержать ихъ въ уздѣ...

— Ахъ, ихъ нравственность въ ужасномъ положеніи!—вздохнула Дарья Федоровна и обратилась къ Богу:—Господи, сохрани ихъ!..

— Совершенно справедливо, совершенно справедливо! Нравственность въ ужасномъ положеніи!—оживился Свищовъ.—Но отчего? Оттого, что слѣпые глаза не могли услѣдить за нею, дряблыя... да, именно дряблыя руки не могли сдержать ихъ... Конечно, Софьѣ Андреевнѣ можно отказать въ ея просьбѣ, можно найти другую... какую-нибудь ста-

Digitized by Google

руху, но въ такомъ случаѣ, говорю вамъ, мы снова оставимъ пріютъ при старыхъ порядкахъ... Намъ нужно обновить его... прогрессировать... Этого требуетъ духъ времени...

— Я рѣшилась церковь построить,—произнесла графиня.—Пусть ежедневно, ежечасно видъ храма Божія напоминаетъ дѣтямъ объ ихъ Отцѣ Небесномъ...

— Ну, матушка, теперь не изъ чего намъ храмовъ строить,—произнесъ съ раздраженіемъ мужа Дарьи Федоровны.—Это опять новыя выдумки.

— Я ни у кого не прошу, я изъ своихъ суммъ строю церковь,—отвѣтила Дарья Федоровна.—Это не касается комитета...

— Но это *меня* касается! *Я* не желалъ бы этого, — горячо и строго промолвилъ графъ, сильно напирая на слова *меня* и *я*.

Свищовъ поспѣшилъ прервать начинающуюся ссору супруговъ.

— Мы, однако, уклонились,—началъ онъ:—уклонились отъ вопроса о начальницѣ.

— Да, но вы понимаете, что вопросъ о постройкѣ храма очень важенъ,—загорячился графъ Бѣлокопытовъ.

— Позвольте собрать голоса,—произнесъ съ секретарскою вѣжливостью и скромностью Ермолинскій, приподнимаясь на четверть отъ стула и выставляя туловище впередъ.

Свищовъ бросилъ ему одобрительный взглядъ.

— Кажется, почтенный Александръ Николаевичъ достаточно сильно разъяснилъ вопросъ,—скромно и мягко продолжалъ Ермолинскій, выдвинувъ еще немного свое туловище надъ столомъ,—и господа члены комитета могутъ приступить къ рѣшенію вопроса, тѣмъ болѣе, что комитету придется нынче разсмотрѣть еще множество поступившихъ на имя предсѣдательницы просьбъ.

— Да, да, этотъ вопросъ нужно рѣшить,—заговорили члены, испуганные множествомъ просьбъ, ожидающихъ рѣшенія и готовящихся затянуть и безъ того скучное собраніе.

Началась подача голосовъ; оказалось, что за Софью Андреевну были всѣ, за исключеніемъ предсѣдательницы и самого Ермолинскаго.

— Мы съ вами проиграли,—вздохнула Дарья Федоровна, печально кивнувъ головою секретарю.—Если что случится, Ты видишь, Господи, я противилась... противилась!..—оправдывалась она передъ Богомъ.

Секретарь грустно пожалъ плечами, какъ будто скорбя,

Digitized by Google

что ему не удалось осуществить желаніе предсѣдательницы. Софья Андреевна была назначена начальницей.

— А вы молодецъ, молодецъ!—проговорилъ послѣ засѣданія Свищовъ, сжимая руку Ермолинскаго.

— Извините, я долженъ былъ подать голосъ заодно съ графиней...—смиренно оправдывался Ермолинскій.—Неловко какъ-то было, что она одна...

— Ну, конечно, конечно... Я понялъ... Я сейчасъ понялъ... Отчего не потѣшить старуху,—одобрительно промолвилъ Свищовъ.

Ермолинскій съ чувствомъ сжалъ протянутую ему руку Свищова.

— Благодарю васъ, что хоть вы меня поддерживаете,—печально произнесла графиня, прощаясь съ Ермолинскимъ.—Я одна, одна противъ всѣхъ...

Онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и вздохнулъ.

Такимъ образомъ попала на мѣсто начальницы пріюта Софья Андреевна Вуичъ. Въ первый же день вступленія въ свою должность она, какъ бы случайно, сказала горничной, что сейчасъ пойдетъ въ рабочую комнату знакомиться съ дѣтьми.

Горничная поспѣшила предупредить кого слѣдуетъ.

Помощницы поспѣшили выстроить воспитанницъ въ ряды, командуя, чтобы дѣти стояли смирно. Послѣ четверти часа ожиданія послышалась легкая поступь новой начальницы; Постникова поспѣшила отпереть дверь.

— Ахъ, зачѣмъ вы безпокоитесь, у меня руки есть,—замѣтила съ разбитною улыбкой Софья Андреевна и обратилась къ дѣтямъ:—здравствуйте, малютки...

Дѣти разомъ проговорили: «Здравствуйте!»

— Что это онѣ у васъ въ военную службу приготовляются? Точно солдаты выстроены,—засмѣялась Софья Андреевна.—Зачѣмъ? Дѣтямъ нужна свобода... Подите ко мнѣ, поздороваемтесь по-человѣчески.

Дѣти бросились къ начальницѣ и подобострастно стали ловить ея руки или прикладываться къ ея плечу.

— Ради Бога, ради Бога!—безъ цѣлованія рукъ, торопливо и весело произнесла она.—Развѣ вы крѣпостныя, что цѣлуете рукава моего платья? Не надо! Какъ твоя фамилія, кубышка?—засмѣялась начальница, захвативъ пальцами розовыя щечки одной воспитанницы.

Та сказала свою фамилію. Начальница поцѣловала ее въ лобъ. Дѣвочки засмѣялись, что ихъ подругу назвали «кубышкой».

Digitized by Google

— Но большинство изъ нихъ такъ блѣдно,—произнесла Софья Андреевна.—Имъ воздуху больше нужно, моціону, нужно здоровую пищу...

— Да, пища здѣсь очень плоха,—замѣтила Катерина Александровна.—Впрочемъ, на дѣтей такъ мало отпускается денегъ, что трудно что-нибудь сдѣлать...

— Надо изобрѣсти средства,—рѣшительно отвѣтила начальница, взглянувъ на Катерину Александровну пристальнымъ взглядомъ.—Ваша фамилія Прилежаева?

— Да. Развѣ вы меня знаете?

— Мнѣ говорили о васъ,—отвѣтила Софья Андреевна и протянула Катеринѣ Александровнѣ свою изнѣженную ручку.—Мы все повернемъ здѣсь по-новому. Это какія-то казармы...

— Почти тюрьма,—улыбнулась Катерина Александровна.

— Еще бы: назначали столѣтнихъ старухъ въ начальницы и хотѣли, чтобы дѣло шло впередъ... Намъ теперь молодежь нужна... Впрочемъ, я надѣюсь поговорить обо всемъ подробно на-дняхъ, въ дружескомъ кружкѣ.

Начальница кивнула головой присутствующимъ и скрылась въ свои комнаты.

Она произвела довольно благопріятное впечатлѣніе на дѣтей и подала кое-какія надежды Катеринѣ Александровнѣ. Зубова и Постникова назвали ее «франтихой» и рѣшили, что она «поскачетъ, поскачетъ да и присядетъ».

— Анна Васильевна такою же была,—замѣтила Постникова.

— Новая метла всегда чисто мететъ,—засмѣялась Зубова.

Въ торжественный день закладки храма у Софьи Андреевны былъ тотъ обѣдъ, на которомъ она хотѣла короче познакомиться съ помощницами. Когда кончилось молебствіе, когда былъ положенъ первый камень будущей церкви въ срубленномъ саду, когда уѣхали всѣ попечители пріюта,—начальница пригласила помощницъ на свою половину. Въ числѣ гостей Софьи Андреевны было нѣсколько ея молодыхъ кузинъ и кузеновъ, племянниковъ и племянницъ; вообще все общество было молодое и веселое. Катерина Александровна съ любопытствомъ всматривалась въ гостей и прислушивалась къ ихъ рѣчамъ. Толки шли о печальныхъ результатахъ войны; о разныхъ злоупотребленіяхъ; о томъ, что общество ожидаетъ чего-то новаго; рядомъ съ этимъ слышались рѣчи о своихъ семейныхъ дѣлахъ, о какихъ-то извѣстныхъ только собесѣдникамъ личностяхъ. Одни толковали о происшедшей уже перемѣнѣ нѣкоторыхъ высшихъ начальствующихъ лицъ; другіе обсуждали вопросъ о воспи-

Digitized by Google

таніи; третьи вспоминали свои школьные годы; четвертые просто жаловались на отсутствіе удовольствій, на скуку и тоску. Направленіе разговора было безхарактерно и неуловимо, какъ это всегда бываетъ, когда въ обществѣ есть еще незнакомыя личности, и когда оно дѣлится на отдѣльные кружки, не имѣющіе никакихъ общихъ интересовъ, никакихъ опредѣленныхъ стремленій и цѣлей. Наконецъ, общество дождалось обѣда и соединилось въ одну группу.

— Я сегодня хочу отпировать послѣдній день свободы,— проговорила Софья Андреевна.

— И перейти къ великой административной дѣятельности,—шутливо замѣтилъ одинъ изъ ея кузеновъ.

— А вы не смѣйтесь! Задача дѣйствительно не легкая. Здѣсь нужно перестроить все,—отвѣтила Софья Андреевна.

— И потому на первыхъ порахъ вы приступаете къ постройкѣ храма,—опять замѣтилъ тотъ же шутливый голосъ.

— Развѣ это я?—воскликнула Софья Андреевна, пожимая плечами.—А какъ жаль мнѣ этого садика,—обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ.—Онъ, кажется, былъ такой миленькій. И для дѣтей это полезно.

— Къ сожалѣнію, имъ почти не пользовались дѣти,— отвѣчала съ улыбкой Катерина Александровна.—Онъ былъ просто однимъ украшеніемъ. Они продолжали шить въ душныхъ комнатахъ, хотя въ саду было и свѣжѣе, и лучше.

— Идіотизмъ!—пожала плечами Софья Андреевна.

— Не самый крупный,—насмѣшливо усмѣхнулась Катерина Александровна.—У насъ, напримѣръ, учили до сихъ поръ дѣтей такъ, что они, при выходѣ изъ пріюта, не умѣли правильно написать двухъ строкъ и не знали порядочно первыхъ правилъ ариѳметики... Зато они отлично пѣли херувимскую.

Въ комнатѣ послышался смѣхъ.

— Это, вѣроятно, для смягченія нравовъ,—засмѣялась Софья Андреевна.

— Но чтобы нравы не смягчились черезъ мѣру, взрослыхъ воспитанницъ сѣкли публично,—окончила Катерина Александровна тѣмъ же тономъ.

По лицамъ присутствующихъ пробѣжали непріятныя гримасы.

— Здѣсь что ни шагъ, то противорѣчіе и нелѣпость. Дѣтей учатъ настолько, чтобы они ничему не научились. Заботятся о смягченіи нравовъ, и обращаются съ дѣтьми хуже, чѣмъ съ прислугой. Хотятъ приготовить ихъ къ ра-

Digitized by Google

ботѣ и учатъ только шитью бѣлья, то-есть самой невыгодной работѣ, хотя также легко было бы научить дѣтей шить платья, что гораздо прибыльнѣе. Спасаютъ дѣтей отъ нищеты и кормятъ ихъ хуже, чѣмъ кормятъ нищихъ,—проговорила Катерина Александровна.

— Ну, кузенъ,—обратилась Софья Андреевна къ молодому человѣку, дѣлавшему шутливыя замѣчанія въ началѣ разговора:—будете вы утверждать, что мнѣ нечего дѣлать, что на мнѣ не лежитъ множества тяжелыхъ обязанностей?

— Ихъ, впрочемъ, облегчатъ ваши помощницы,—улыбнулся кузенъ.

— Да, да, на васъ я полагаюсь; какъ на каменную гору,—весело обратилась Софья Андреевна къ помощницамъ.

— Это нашъ долгъ,—чопорно вставила свое слово Постникова, потупивъ глазки.

— Только бы свыше не помѣшали,—замѣтила Катерина Александровна.

— А хитрость? Это женская сила.

— Это сила рабовъ, кузина,—замѣтилъ кузенъ.

— А мы развѣ не рабыни?

За столомъ посыпались перекрестныя остроты и шутки. Къ Катеринѣ Александровнѣ обратилась сидѣвшая рядомъ съ ней дѣвушка съ бойкими глазами и вздернутомъ носикомъ.

— Вы думаете, что можно что-нибудь сдѣлать?—спросила она.

— Конечно, можно,—отвѣтила Катерина Александровна.— Вотъ я сдѣлала хоть то, что буду учить дѣтей сама.

— Но вы однѣ не успѣете научить ихъ всему.

— Тѣмъ болѣе, что я сама знаю очень немного,—досказала Катерина Александровны.

Молоденькая дѣвушка взглянула на нее съ удивленіемъ: ее поразила простота этого признанія.

— Ну, мы всѣ, конечно, не много знаемъ,—замѣтила она, какъ бы поясняя мысль Катерины Александровны.

— А я менѣе другихъ,—сказала Катерина Александровна.—Я сама еще учусь, учусь урывками, безъ учителей... Впрочемъ, я знаю настолько, что могу учить этихъ дѣтей... Мнѣ кажется, что прежде всего нужно бы обновить весь составъ пріютскихъ властей; нужно ввести учительницъ и кромѣ того нанять модистку, чтобы дѣти научились шить платья... На это нужны средства—и вотъ здѣсь-то будетъ камень преткновенія для Софьи Андреевны.

Обѣдъ кончился, всѣ встали.

Digitized by Google

— Софи,—обратилась бойкая дѣвушка къ Софьѣ Андреевнѣ:—mademoiselle Прилежаева думаетъ, что ты не сдѣлаешь ничего не по своей волѣ, а по недостатку средствъ.

— Кстати, поговоримъ объ этомъ,—произнесла Софья Андреевна, закуривая пахитосу и увлекая дѣвушекъ въ уголъ гостиной на маленькій диванъ.—Вы мнѣ уже замѣтили объ этомъ при нашемъ первомъ свиданіи,—обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ.—Нужно изобрѣсти средства.

Катерина Александровна посмотрѣла на нее недоумѣвающими глазами.

— Дѣти дѣлаютъ заказную работу?—спросила Софья Андреевна.

— Да.

— Эти деньги всѣ сдаются въ комитетъ?

— Да.

— Ну, вотъ мы и нашли первый источникъ.

Катерина Александровна улыбнулась.

— То-есть вы хотите сказать, что не слѣдуетъ всего сдавать въ комитетъ?

— Конечно!.. Богъ мой, развѣ мы упитанныхъ тельцовъ должны еще болѣе откармливать? Нужно давать имъ какъ можно меньше и оставлять для дѣтей какъ можно больше.

— И вы думаете, что это не сдѣлается извѣстнымъ на другой же день комитету?—горячо спросила Катерина Александровна.—Здѣсь у стѣнъ уши, здѣсь у каждой замочной скважины глаза! Вы думаете, что завтра уже не будетъ извѣстно, что говорила я за столомъ, что отвѣчали вы, какъ размѣстились мы теперь за кофе, какъ вы шептались со мною?

Лицо Катерины Александровны разгорѣлось и воодушевилось.

— Здѣсь все гадко, начиная съ комитета и кончая судомойкой...

— Ну, и долой ихъ всѣхъ,—рѣшила Софья Андреевна.

— Членовъ-то комитета?

— Нѣтъ, я о судомойкахъ говорю... Неопасные враги не страшны!.. Мы только пріютъ обновимъ...

Катерина Александровна разсмѣялась.

— Значитъ, и мнѣ придется выйти,—съ улыбкой замѣтила она.

— Фи!—сдѣлала гримаску Софья Андреевна и покачала головой.—Я людей узнаю съ первой встрѣчи. Мы, женщины, по недостатку опытности, по недостатку серьезныхъ

Digitized by Google

знаній, должны вѣрить первымъ впечатлѣніямъ. Съ вами я какъ будто вѣкъ жила... Скажите, пожалуйста, этотъ скелетъ всегда такъ взбиваетъ свои три волоса?—засмѣялась Софья Андреевна, указавъ глазами на Марью Николаевну.

— Она еще переживаетъ годы сентиментальности,—разсмѣялась Катерина Александровна.

— Софи, ты не находишь сходства въ этой толстой съ старою ключницей бабушки?—спросила бойкая дѣвушка, указывая ни Зубову.

— Я, душа моя, чуть-чуть не спросила ее: какъ ты сюда попала, Авдотья?—разсмѣялась Софья Андреевна. — Нѣтъ, нѣтъ, мы все это очистимъ, — серьезно проговорила она и вдругъ обратилась къ Катеринѣ Александровнѣ съ совершенно неожиданнымъ вопросомъ:—Кажется, Александръ Николаевичъ Свищовъ засматривается на ваши глазки?

Катерина Александровна вспыхнула до ушей и растерялась.

— Право, не знаю, засматривается ли онъ на мои глаза,— проговорила она въ смущеніи.—Но я ему очень благодарна за то, что онъ доставилъ мнѣ мѣсто учительницы...

— Ну, даромъ онъ не сталъ бы хлопотать,—рѣшительно произнесла Софья Андреевна.

Катерина Александровна окончательно растерялась. У нея захватило дыханіе.

— Кажется, я ничѣмъ не могла заплатить за его хлопоты,—начала она въ волненіи.—Я...

— Что это вы? — весело воскликнула Софья Андреевна, замѣтивъ смущеніе молодой дѣвушки.—Я и не думала, что вы чѣмъ-нибудь заплатили за его хлопоты. Но онъ-то хлопоталъ ради вашихъ глазъ... Еще разъ говорю, что даромъ онъ ничего не сдѣлаетъ и никогда не похлопочетъ, — ну, хоть бы объ этомъ скелетѣ,—Софья Андреевна указала глазами на Постникову.—Его нужно въ рукахъ держать.

— Къ сожалѣнію, я не стану играть въ эту опасную игру,—холодно замѣтила Катерина Александровна.

— Опасную? Съ нимъ-то? Богъ мой, какое вы дитя! — воскликнула Софья Андреевна.—Вѣдь онъ и за мною ухаживаетъ, ухаживаетъ за каждою не совсѣмъ дурною лицомъ женщиною. Это одинъ изъ рыцарей хорошенькихъ женщинъ.

Катерину Александровну смущалъ тонъ рѣчей Софьи Андреевны. Молодая дѣвушка не привыкла еще къ подобнымъ разговорамъ, и въ ней былъ еще большой запасъ

Digitized by Google

того чувства, которое называется женщинами, подобными Софьѣ Андреевнѣ, «мѣщанскою чопорностью», «мѣщанскимъ жеманствомъ». Катерина Александровна поспѣшила перемѣнить разговоръ и перешла къ толкамъ о необходимости научить дѣтей шить платья, о возможности устроить при пріютѣ кухню, изъ которой отпускалось бы на сторону за деньги кушанье.

— Дѣтей готовятъ въ горничныя, въ кухарки, въ жены небогатыхъ мужчинъ, но въ то же время ихъ учатъ только шитью бѣлья и заставляютъ дежурить на кухнѣ, гдѣ приготовляютъ только горохъ, кашу и щи,— горячо говорила она.—Этого слишкомъ мало. Горничная должна умѣть шить платья, кухарка должна умѣть готовить кушанье. Наконецъ, въ небогатомъ семейномъ быту безъ этихъ знаній нельзя обойтись...

— Да, да, это все надо обсудить,—отвѣтила Софья Андреевна, вставая и присоединяясь къ остальнымъ гостямъ; черезъ минуту въ комнатѣ слышался ея звонкій смѣхъ.

— Кузенъ, не правда ли, что въ эту маленькую мѣщаночку можно влюбиться?— приставала она къ своему кузену, тихонько указывая на Катерину Александровну.

— А вы ужъ ей и кличку дали?—пошутилъ кузенъ.

— Не могу! Мнѣ какъ-то противно называть людей общими, ничего не характеризующими именами...

— Какъ ничего не характеризующими? Вонъ ваше имя, напримѣръ, означаетъ: мудрость,—засмѣялся кузенъ.

— Ну, скажите, пожалуйста, какая же я мудрость?—засмѣялась Софья Андреевна.—Постное выраженіе лица, чепецъ на головѣ, очки на носу, табакерка въ рукахъ,—вотъ аттрибуты мудрости... Я просто баловень судьбы.

— Ну, кузина, вы, повидимому, плохо знаете греческую миѳологію. Богиня мудрости не носила чепца,—шутилъ кузенъ.

— Ну, положимъ. А признайтесь: у нея было постное выраженіе лица? Да?..

— Софи точно мотылекъ, — замѣтила молоденькая кузина Софьи Андреевны.

На Катерину Александровну Софья Андреевна произвела хорошее, хотя немного странное впечатлѣніе. Необыкновенная бойкость, подвижность, умѣнье легко и быстро перескакивать въ разговорахъ отъ предмета къ предмету, нѣкоторая фривольность рѣчей, безпрестанное куренье пахитосъ, слѣды какого-то ребячества въ тридцать слишкомъ лѣтъ,

Digitized by Google

все это было совершенно ново для Катерины Александровны. До сихъ поръ она не встрѣчала подобнаго типа. И не мудрено. Ей не приходилось вращаться въ тѣхъ сферахъ, гдѣ можно было встрѣтить множество подобныхъ женщинъ. Эти женщины, получившія чисто французское образованіе, прожившія въ довольствѣ, никогда не знавшія, что значитъ зарабатывать кусокъ хлѣба, вертѣвшіяся въ высшемъ кругу, порхавшія по баламъ и отъ нечего дѣлать почитывавшія всѣ новые романы и даже серьезныя статьи въ «Revue des deux mondes», были солью нашего, такъ-называемаго, образованнаго общества. Свобода обращенія, бойкость, умѣнье болтать, даже нѣкоторое стремленіе къ независимости—хотя въ отношеніи любви—все это дѣлало ихъ любимицами тѣхъ образованныхъ мужчинъ, которые бредили Франціей и жаловались на азіатскую сонливость и на неподвижность ума русскихъ женщинъ.

Иногда двусмысленныя рѣчи Софьи Андреевны заставляли «милую мѣщаночку» Прилежаеву краснѣть; но прежде чѣмъ съ ея лица сбѣгала краска стыдливости, Софья Андреевна уже перескакивала къ серьезному предмету и не давала времени своей собесѣдницѣ одуматься. Во весь этотъ день и при первомъ знакомствѣ съ пріютомъ Софья Андреевна ни разу не приняла на себя вида строгой, безконтрольной начальницы, не выглядѣла такою неприступною и нетерпящею возраженій правительницей пріюта, какъ это дѣлала Анна Васильевна; но все-таки въ ея рѣчахъ, въ ея обхожденіи сразу можно было подмѣтить что-то говорившее, что она сумѣетъ, пожалуй, получше Анны Васильевны прибрать все къ рукамъ; у нея были тѣ мягкія кошачьи лапки, которыя, играя, умѣютъ придушить мышенка. Катерина Александровна смотрѣла на эти кошачьи лапки безъ страха, сразу понявъ, что онѣ задушатъ не ее, что онѣ будутъ бороться не съ дѣтьми, а съ Зубовой, Постниковой, Бѣлокопытовой и тому подобными личностями. Катерина Александровна съ нетерпѣніемъ ждала первыхъ дней этой борьбы. Они не заставили себя ждать. На слѣдующій же день Софья Андреевна явилась въ столовую комнату и съ удивленіемъ спросила у помощницъ:

— Отчего это на столахъ нѣтъ скатертей?

— У насъ клеенки употребляются,—отвѣтила Зубова.— А то дѣти неряшливы, пачкаютъ скатерти.

— Такъ вы думаете, что ихъ нужно дѣлать еще болѣе неряшливыми, пріучая пить и ѣсть безъ скатертей? — за-

Digitized by Google

смѣялась Софья Андреевна.—Теперь они привыкнутъ пить и ѣсть на клеенкѣ, спокойно разливая по ней чай, а потомъ, когда имъ придется въ жизни ѣсть и пить за столами, накрытыми скатертями, они окажутся неряхами.

— Это вѣдь не отъ насъ распоряженіе,—ѣдко замѣтила Зубова.—Это попечители пріюта такъ желаютъ.

— Ахъ, Богъ мой! Попечители не педагоги, а мы не машины!—воскликнула Софья Андреевна.—Вы практически узнаете здѣсь нужды дѣтей и должны заявлять, что требуетъ измѣненія... Что это?—обернулась Софья Андреевна въ уголъ, замѣтивъ стоявшую на колѣняхъ воспитанницу.

— Она не хотѣла вставать, она нагрубила мнѣ,—вмѣшалась въ разговоръ Постникова, на лицѣ которой выступили пятна.

— Не хо-тѣ-ла вста-вать?—медленно повторила Софья Андреевна.—Отчего это?

— У меня...—начала изъ угла дѣвочка.

— Она притворяется,—быстро перебила ее Постникова.—Она увѣряетъ, что у нея голова болитъ... Эта дѣвчонка...

— Что же, вы посмотрѣли ей языкъ и пощупали голову и пульсъ?—спросила Софья Андреевна.

— Я не докторъ,—обидчиво возразила Постникова, точно ее оскорбили, предположивъ въ ней медицинскія познанія.

— Ахъ! мы должны быть и докторами, и духовниками, и всѣмъ, чѣмъ угодно, для дѣтей,—отвѣтила Софья Андреевна.—Это такъ легко: пощупать пульсъ, узнать, нѣтъ ли жару, посмотрѣть языкъ... По крайней мѣрѣ, велѣли ли вы поставить ей горчичникъ къ затылку?

Постникова недоумѣвающими глазами посмотрѣла на Софью Андреевну и неясно отвѣтила:

— Нѣ-ѣ-тъ!

— Ну, вы дѣйствительно не докторъ!—иронически засмѣялась Софья Андреевна.—Сколько бы времени она ни стояла на колѣняхъ, головная боль у ней не пройдетъ, а если бы вы поставили ей горчичникъ къ затылку и напоили бы ее чаемъ, то, вѣроятно, она перестала бы жаловаться на головную боль...

— Да эта дѣвчонка лжетъ...

— Почему же вы знаете, если вы не убѣдились въ этомъ? А если и лжетъ, то горчичникъ былъ бы не лѣкарствомъ, а наказаніемъ, и, конечно, болѣе благоразумнымъ, чѣмъ стояніе на колѣняхъ... Кстати! Прошу васъ, не называйте дѣтей дѣвчонками. Это унижаетъ не только ихъ, но и насъ.

Digitized by Google

Мы имъ служимъ, и если онѣ дѣвчонки, то, значитъ, мы еще хуже...

Весь этотъ разговоръ происходилъ шопотомъ; Софья Андреевна говорила ласковымъ мягкимъ тономъ, но Постникова стояла передъ нею, какъ передъ самою строгою начальницей. Никогда крики Анны Васильевны не поражали такъ старую дѣвственницу, какъ эти ласковыя наставленія. Въ десятомъ часу того же дня Софья Андреевна уже осматривала бѣлье, зашла въ кухню осмотрѣть посуду, пересмотрѣла провизію и терпѣливо выслушала всѣ сплетни прислуги.

— Надо будетъ всю прислугу перемѣнить, — произнесла она, входя въ рабочую комнату, гдѣ уже сидѣли за работой помощницы и дѣти. — Я не терплю сплетенъ, а здѣсь, кажется, каждый считаетъ своею обязанностью сплетничать и подсматривать за другими. Дѣти, помните и вы, что лучше сознаться въ самой крупной своей ошибкѣ, чѣмъ разсказать хоть про самую мелкую шалость другихъ. Кто будетъ сознаваться, тѣхъ буду прощать; кто будетъ про другихъ говорить, тѣхъ буду наказывать. У меня судъ короткій — исключать изъ пріюта буду, потому что, если человѣкъ жалуется на другихъ, значитъ, онъ недоволенъ ими, ну, значитъ, его и надо удалить отъ нихъ: не выгонять же многихъ изъ-за одного.

Софья Андреевна приласкала двухъ-трехъ дѣвочекъ и прошла въ классъ, гдѣ начался первый урокъ Катерины Александровны. Дѣти хотѣли встать, но Софья Андреевна сказала имъ: «сидите, сидите!» и присѣла на одно изъ пустыхъ мѣстъ. Черезъ четверть часа урокъ долженъ былъ кончиться, и Софья Андреевна, повидимому, ждала именно его окончанія. Когда послышался звонокъ, призывавшій къ обѣду, Софья Андреевна остановила Катерину Александровну.

— Мнѣ нужно будетъ поговорить съ вами,—промолвила она.—Скажите мнѣ откровенно, есть ли въ пріютѣ хоть одинъ хорошій человѣкъ?

— Вы о дѣтяхъ спрашиваете?—спросила Катерина Александровна.

— Нѣтъ, о прислугѣ, о служащихъ...

— Ни одного,—рѣзко отвѣтила Катерина Александровна.

Софья Андреевна поднялась съ мѣста.

— Значитъ, стѣсняться нечего,—произнесла она.—Знаете ли, какое впечатлѣніе произвелъ на меня сегодняшній осмотръ всего?—спросила она серьезно.

Digitized by Google

— Очень дурное...

— Да, мнѣ показалось, что я стою среди помойной ямы, к которую силою согнали несчастныхъ дѣтей и заставляютъ ихъ купаться въ этой грязи... Я ничего еще не говорила, но меня ужаснула грязь кухни, грязь посуды, грязь кухоннаго бѣлья... И что имъ готовятъ? Я видѣла, сколько гороху положили въ котелъ, я видѣла этотъ кисель, которымъ ихъ будутъ кормить сегодня... А капуста — это рубленное солдатское сукно, а не капуста... И ради экономіи имъ даютъ два раза въ недѣлю постное. Морятъ людей ради экономіи!.. Всѣхъ вонъ, всѣхъ, покуда не поздно...

Софья Андреевна пожала руку Катерины Александровны и пошла въ столовую, перемѣнивъ разговоръ. Въ столовой новая начальница попробовала кушанья и посмотрѣла поданныя дѣтямъ тарелки. Кушанья оказались скверными, посуда грязною. Софья Андреевна приказала позвать прислугу и напустилась на нее. Катерина Александровна впервые увидала передъ собою Софью Андреевну въ такомъ раздраженіи.

— Какъ вы служите? — горячилась она. — Вы думаете, что если эти дѣти не богаты, то имъ можно подавать грязныя тарелки? Да знаете ли вы, что вы получаете жалованье только ради этихъ дѣтей, что не будь ихъ, такъ и васъ не было бы здѣсь? Не они для васъ сюда собраны, а вы наняты въ услуженіе для нихъ. Вы не мои слуги, а слуги этихъ дѣтей. Они ваши господа. Мы всѣ наняты для нихъ.

Софья Андреевна выслала прислугу и обратилась къ помощницамъ.

— Я васъ попрошу каждый разъ говорить мнѣ, когда гдѣ-нибудь найдется хотя одна грязная тарелка. Дѣти не могутъ быть здоровыми, если ихъ кормятъ не кушаньемъ, а грязью... Вѣдь вотъ отъ этой тарелки воняетъ... Попробуйте поѣсть съ нея... Не угодно ли?

Софья Андреевна строптиво поднесла грязную тарелку къ лицу Постниковой, такъ что та немного отодвинулась назадъ.

— Вамъ противно, а имъ не противно? — горячо произнесла начальница.—А кто же долженъ смотрѣть за этимъ? За что мы жалованье беремъ? Если бы я одна могла усмотрѣть за всѣмъ, то мнѣ были бы не нужны помощницы, но если помощницы ничего не дѣлаютъ, то онѣ мнѣ не нужны. Кто не хочетъ служить, тотъ можетъ идти на всѣ четыре стороны. Мнѣ лишнихъ украшеній въ пріютѣ не нужно.

Digitized by Google

Софья Андреевна удалилась изъ столовой. По ея лицу выступили красныя пятна. Она взволновалась не на шутку и горячилась черезчуръ. Видно было, что распекать людей и браниться было не въ ея характерѣ. Она въ эти минуты теряла свой обычный тактъ и свою свѣтскую сдержанность.

— Я говорила, что новая метла будетъ чисто мести,— проворчала сквозь зубы Ольга Никифоровна послѣ обѣда.

— Я не могу, не могу выносить такихъ обидъ,—захныкала Постникова.—Я не служанка дѣтей, я не имъ служу...

— А кому же? — разсмѣялась Катерина Александровна, стоявшая недалеко отъ помощницъ.—Неужели вы и теперь не догадались, что вы дѣтямъ служите?

Постникова молча отвернулась въ сторону.

— Ахъ, наша офицерша дружбу свела съ этой табачницей?—злобно проговорила Зубова про Катерину Александровну, отходя съ Постниковой. — Повѣрьте, что не надолго. Сами слетятъ прежде другихъ...

Но Софья Андреевна была не изъ такихъ, которыхъ легко сжить. Подъ безпечною и веселою внѣшностью въ ней таилось много настойчивости и даже деспотизма! Когда-то она, въ качествѣ избалованной красавицы-дѣвочки, командовала своею бабушкою и ея крѣпостными людьми; потомъ, въ роли обожаемой подругами за красоту дѣвушки, она командовала своими сверстницами; наконецъ, она взяла въ свои руки влюбленнаго мужа и командовала имъ. Правда, что люди, находившіеся подъ ея командою, большею частью и не жаловались на деспотизмъ этого хорошенькаго, веселаго и беззаботнаго существа, но тѣмъ не менѣе они не могли освободиться отъ власти этихъ маленькихъ рукъ, своевольно управлявшихъ всѣми и всѣмъ окружающимъ. «Хитрость — наша сила», «мы, женщины, должны или всѣхъ въ рукахъ держать, или нами самими будутъ командовать», «если бы я замѣтила въ самомъ дорогомъ мнѣ человѣкѣ стремленіе взять надо мною верхъ, я разошлась бы съ нимъ», — это были любимыя фразы Софьи Андреевны. Когда ей говорили, что съ любимыми людьми совсѣмъ не такъ легко разставаться, какъ она думаетъ,—она возражала:

— Нужно всѣхъ любить шутя, а свою свободу любить серьезно... Впрочемъ, надо мною никто не пробовалъ взять верхъ,—смѣялась она.

И дѣйствительно, трудно было взять верхъ надъ этимъ ускользающимъ отъ всякой узды существомъ и еще труднѣе

Digitized by Google

было избѣжать ея разнообразныхъ сѣтей. Тонкое кокетство, женственная мягкость, серьезность мыслящаго существа, шаловливость избалованнаго ребенка, непоколебимая настойчивость, маска безпомощной рабы-женщины, все это пускалось при случаѣ въ ходъ, пускалось какъ бы безсознательно, по чутью, по тому инстинкту, который помогаетъ необразованному дикарю обмануть образованнаго европейца. Одни называли ее «кошачьею натурой», другіе говорили, что это «женщина-мотылекъ», третьи называли ее «эманципированною барыней»; — послѣднюю кличку она сама оставляла за собою и любила говорить: «мы, эманципированныя женщины».

Она очень ловко и быстро прибрала къ рукамъ пріютъ, смѣнила всю прислугу, опредѣливъ на ея мѣста людей изъ «бабушкиной дворни», и начала осаждать Свищова проектами преобразованій въ пріютѣ. Образцовая кухня, наемъ куафера для обученія воспитанницъ чесать голову, наемъ модистки для наученія дѣтей шитью платьевъ, уничтоженіе уроковъ пѣнія, всѣ эти проекты нововведеній сыпались, какъ снѣгъ, на головы Свищова и Ермолинскаго. Но комитетъ благотворительныхъ заведеній сдался не сразу и сначала согласился только на наемъ модистки.

— Какъ бы только этихъ дѣвственницъ намъ сбыть съ рукъ,—говорила Софья Андреевна Катеринѣ Александровнѣ про двухъ помощницъ.—При нихъ ничего нельзя сдѣлать для улучшенія пріюта.

И она стала хлопотать о томъ, чтобы всѣ помощницы давали уроки дѣтямъ, обходясь безъ помощи учителя. Свищову удалось провести эту реформу въ собраніи комитета. Комитетъ разрѣшилъ отставить учителя и возложить на помощницъ обязанность учить дѣтей. Софья Андреевна тотчасъ же доложила комитету, что двѣ находящіяся въ пріютѣ помощницы почти безграмотны и потому ихъ нужно смѣнить, «тѣмъ болѣе, что онѣ не имѣютъ никакихъ педагогическихъ способностей и ведутъ дѣтей въ бездну безнравственности, дѣлаютъ грубыми ихъ молодыя сердца и вселяютъ въ нихъ пагубное раздраженіе и непокорность». Послѣднія фразы докладной записки, предназначавшіяся исключительно для графини Бѣлокопытовой, показались до того удачными Софьѣ Андреевнѣ, что она съ громкимъ хохотомъ читала и перечитывала ихъ въ кружкѣ своихъ кузеновъ, кузинъ и Катерины Александровны.

— Каковъ мой вѣрноподданническій докладъ ея сіятель-

Digitized by Google

ству?—хохотала она, держа въ рукахъ дымящуюся пахитосу.—«Вселяютъ въ нихъ пагубное раздраженіе и непокорность!» Краснорѣчиво и убѣдительно! Зубова и Постникова—пропагандистки бунта!.. Если бы Александръ Николаевичъ не былъ такъ тупъ, онъ вѣрно прыснулъ бы отъ смѣха при чтеніи этихъ строкъ въ комитетѣ...

— Однако, вы круто повернули дѣло,—замѣтилъ ей тотъ кузенъ, который подшучивалъ надъ нею за обѣдомъ.—Вы просто безбожный деспотъ.

— Напротивъ того. Чего женщина хочетъ, того Богъ хочетъ,—отвѣтила она французскою пословицей.—Вы видите, что мои желанія святы.

— Но вѣдь и онѣ хотѣли бы остаться,—замѣтилъ кузенъ.

— Да развѣ это женщины?—засмѣялась она.—Попробуйте предложить имъ руку и сердце.

Послѣднія строки докладной записки дѣйствительно произвели на членовъ комитета сильное вліяніе, тѣмъ болѣе, что Софья Андреевна объявила въ своей запискѣ, что помощницы сознательно прикрывали всѣ упущенія, открытыя ревизіонною комиссіей и вызвавшія удаленіе прежней начальницы. Однако, Софья Андреевна гораздо усиленнѣе составляла проекты нововведеній, чѣмъ дѣйствовалъ комитетъ. Только къ марту мѣсяцу ей удалось «очистить» пріютъ и ввести въ него двухъ новыхъ помощницъ-учительницъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ, Аделаида Николаевна Сочнева, была кузина Софьи Андреевны, познакомившаяся съ Катериной Александровной еще на первомъ обѣдѣ Софьи Андреевны; другая, Марья Петровна Иванова, была изъ числа знакомыхъ Софьи Андреевны.

— Ну, теперь я покойна, теперь мы въ своей семьѣ,—говорила Софья Андреевна послѣ изгнанія Постниковой и Зубовой.—Соглядатаевъ больше нѣтъ. Теперь нужно изобрѣтать средства.

Изобрѣсти средства было очень трудно, покуда дѣти еще не научились шить и покуда комитетъ не разрѣшилъ основаніе образцовой кухни. Но Софья Андреевна рѣшилась дѣйствовать помимо комитета и открыла кухню безъ его разрѣшенія на свои средства. Хотя доходъ съ этой кухни былъ не особенно великъ, но все-таки при помощи его можно было хотя немного улучшить пищу дѣтей. У Софьи Андреевны кромѣ того вертѣлся въ головѣ планъ образцовой прачечной для стирки и глаженья тонкаго бѣлья.

Среди этой неусидчивой дѣятельности Катерина Алексан-

Digitized by Google

дровна играла далеко не послѣднюю роль и помогала Софьѣ Андреевнѣ во всемъ. Онѣ какъ-будто вѣкъ жили вмѣстѣ, несмотря на то, что Катеринѣ Александровнѣ на первыхъ порахъ казалось неловко въ шумномъ и веселомъ кружкѣ, который постоянно вертѣлся около Софьи Андреевны и который сама Софья Андреевна называла своимъ «хвостомъ». На половинѣ начальницы теперь завелись вечера, на которые собиралась молодежь,—нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, нѣсколько офицеровъ и студентовъ. Тамъ слышались вѣчные споры, раздавался смѣхъ, сыпались шутки, порой высказывались довольно смѣлыя мысли и желанія. Прислушиваясь къ шуму этихъ рѣчей, было трудно уловить какой-нибудь опредѣленный характеръ этого кружка; серьезная мысль уживалась здѣсь рядомъ съ свѣтскою пустотой; толки объ общественныхъ событіяхъ шли рядомъ съ мелкими разсказцами про семейныя интриги; критическія замѣтки на литературныя произведенія смѣнялись вопросами о балахъ и модахъ. Это былъ кружокъ либеральной молодежи, вышедшей изъ школы разныхъ Леваповыхъ, Мѣдниковыхъ, Старцевыхъ и тому подобныхъ отживавшихъ свое время недовольныхъ гражданъ. Трудно сказать, чего хотѣли эти люди: оперы, баловъ, каретъ и пикниковъ или крестьянской и судебной реформъ, разрѣшенія женскаго вопроса и преобразованія по части воспитанія и образованія,—но можно было навѣрное сказать, что они не желали возвращенія, напримѣръ, ко временамъ аракчеевщины, или введенія домостроевыхъ правилъ въ семейную жизнь, или второго пришествія временъ Магницкаго. На всѣхъ этихъ людяхъ лежала печать барства: они были бѣлоручки, они не могли бы приняться за черный трудъ, они схватили только верхушки образованія, они не могли бы отказаться отъ свѣтскихъ удовольствій, отъ блестящихъ нарядовъ, они были довольны, что у нихъ есть наслѣдственное и благопріобрѣтенное имущество; но въ то же время имъ уже успѣли опротивѣть семейныя дрязги, разбитыя скулы крѣпостныхъ, деспотизмъ старшихъ; они стыдились взяточничества, они бранили неполноту образованія, они почитывали книжки, искали въ книжкахъ чего-то. Еще года два застоя въ обществѣ, еще года два старыхъ порядковъ, и эти люди точно такъ же помирились бы съ прежними порядками, какъ помирились ихъ предшественники, тоже на двадцатомъ году жизни волновавшіеся по-своему, какими-то смутными стремленьями, какими-то внутренними dahin, dahin,—въ эту «свѣтлую даль»,

Digitized by Google

которая, въ концѣ концовъ, могла оказаться на дѣлѣ или маниловскою семейною жизнью, или теплымъ мѣстечкомъ при откупахъ, или праздношатаніемъ на водахъ за границей. Но теперь была не такая пора: представлялся случай осуществить эту «свѣтлую даль» у себя, внести ее во всѣ изгибы частной и общественной жизни. Однако, покуда стремленія къ лучшему еще не получили опредѣленнаго характера, даже въ самой литературѣ, гдѣ сосредотачивается выраженіе этихъ стремленій, не было высказано ничего особенно яснаго, особенно тенденціознаго; въ ней отрицалась чичиковщина, осмѣивались Коробочки, Маниловы, Плюшкины, описывался жалкій бытъ мужика въ «Запискахъ охотника» и слышалось сильное вѣяніе жоржъ-зандизма. Послѣдній, эманципировавшій женщинъ со стороны чувства, усваивался молодыми барынями и барышнями не столько при помощи русской литературы, сколько при помощи французскихъ романовъ. Болѣе широкіе по задачѣ романы Жоржъ-Занда не имѣли доступа къ русской публикѣ. Присматриваясь къ кружку Софьи Андреевны, можно было сразу уловить вліяніе этой ложно понятой жоржъ-зандовской эманципаціи въ довольно свободныхъ отношеніяхъ молодежи, въ нѣкоторой бойкости барышень, въ куреніи пахитосъ и папиросъ не ради удовольствія, какъ курили у насъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ совсѣмъ неэманципированныя провинціалки, курили не папиросы, а просто трубки,—но ради желанія показать, что «и мы имѣемъ право курить, какъ мужчины». Катерина Александровна сразу выдалась въ этомъ кружкѣ своимъ характеромъ и своими стремленіями. Она равнодушно молчала, когда шли толки о балахъ и театрахъ, о поэзіи и концертахъ: всего этого не существовало въ ея голодномъ прошломъ, и она не чувствовала никакой притягательной силы во всемъ этомъ. Наговорившись до-сыта объ этихъ предметахъ, собесѣдники замѣчали ея холодное и равнодушное молчаніе и старались заговаривать съ ней; но разговаривать съ ней, значило говорить объ образованіи вообще и объ образованіи бѣдныхъ дѣвушекъ въ особенности. Касаясь этой темы, она дѣлалась краснорѣчивою, свѣдующею, разумною. Она сама еще не выбилась изъ тьмы невѣжества, она знала, какъ трудно необразованной дѣвушкѣ добыть кусокъ хлѣба; она поняла, что дѣлаютъ разные попечители голодныхъ сиротъ, она могла опредѣлить значеніе женскаго труда, состоящаго въ умѣньи шить бѣлье. Говоря обо всемъ этомъ, она дѣлалась краснорѣчивою, иногда страст-

Digitized by Google

ною; порою въ ея рѣчахъ слышалось негодованіе, подчасъ онѣ сверкали остроуміемъ. Она краснѣла, когда Софья Андреевна дѣлала фривольные двусмысленные намеки, но она нисколько не стѣснялась рѣзко и громко произносить слово «развратъ», горячо описывая, до чего довели, напримѣръ, Скворцову, сначала бѣжавшую къ учителю, потомъ попавшую, повидимому, «на содержаніе» къ какому-то молодому богачу. Ея собесѣдницы, говоря о женскомъ незнаніи, о женской необразованности, старались дѣлать видъ, что сами-то онѣ обладаютъ знаніями, и вкривь и вкось судили о серьезныхъ вещахъ; она тоже говорила о женской неразвитости и первымъ примѣромъ ставила себя, говоря, что она только въ послѣднее время научилась правильно писать. Эта откровенность смущала барышень, и онѣ удивлялись, какъ можно такъ спокойно при всѣхъ сознаваться въ своемъ невѣжествѣ. Еще болѣе рѣзко высказались тѣ характерныя черты, которыми она отличалась отъ прочихъ членовъ кружка Софьи Андреевны, въ одномъ изъ разговоровъ объ участи помощницъ, классныхъ дамъ и тому подобныхъ личностей.

— Въ сущности, вѣдь это ужасно,—замѣтила подвижная Аделаида Николаевна: — весь вѣкъ возиться съ чужими дѣтьми...

— Это просто невозможно,—отвѣтила Катерина Александровна. — Помощницею или классною дамой можно быть только въ молодости, когда наши ноги бѣгаютъ такъ же хорошо, какъ дѣтскія, когда можно одной усмотрѣть за десятками дѣтей. Съ разбитыми ногами, съ подслѣповатыми глазами, съ постоянными недугами, съ ослабѣвшею памятью невозможно идти впереди дѣтей.

— Это правда, это правда,—согласилась Аделаида Николаевна.—Вотъ почему меня и ужасаетъ вообще участь помощницъ и классныхъ дамъ. Имъ приходится учить, учить дѣтей, возиться съ ними долгіе годы, а потомъ остаться безъ куска хлѣба, если не удастся выйти замужъ, или если нѣтъ капитала. Я думаю, эта мысль не разъ безпокоила и васъ.

— Да, я думала объ этомъ,—отвѣтила Катерина Александровна.—Мнѣ вѣдь могла встрѣтиться необходимость выйти изъ пріюта за непокорность гораздо раньше, чѣмъ наступитъ моя старость... Я для того и учусь, чтобы не быть нуйманною врасплохъ.

— Что же, вы хотите учительницей быть? Вѣдь это...

Digitized by Google

— Это то же самое, что быть помощницей или классной дамой,—досказала Катерина Александровна.—Я думаю сдѣлаться акушеркой. При моемъ умѣньи шить и вышивать, при возможности давать два, три урока дѣтямъ, трудъ акушерки будетъ мнѣ большимъ подспорьемъ. Не удастся одно,—удастся другое; не удастся другое,—удастся третье. Мнѣ кажется, что бѣдный человѣкъ тогда только будетъ застрахованъ отъ нужды, когда онъ будетъ въ состояніи взяться за каждый трудъ... Вотъ у меня братъ растетъ, онъ въ гимназіи учится, отлично учится, но меня радуютъ не столько его успѣхи въ наукахъ, сколько его привычка дѣлать все безъ помощи другихъ: онъ рубитъ дрова, онъ умѣетъ починить сломавшійся стулъ, онъ въ послѣднее время сталъ учиться сапоги шить и уже умѣетъ подкидывать подметки. Къ лѣту я непремѣнно подарю ему верстакъ, пусть столярничаетъ.

— Ну, вамъ-то, душа моя, нечего думать о будущемъ,—промолвила Софья Андреевна.—Вы замужъ выйдете; съ такими черненькими глазками не сидятъ долго въ дѣвушкахъ.

— Да вѣдь придется выйти замужъ за бѣдняка, такъ легче не станетъ,—отвѣтила Катерина Александровна.

— Почему же непремѣнно за бѣдняка? Можетъ-быть, и богатый женихъ найдется...

Катерина Александровна разсмѣялась.

— Да о чемъ же мы съ нимъ говорить будемъ?—весело промолвила она.

— Какъ о чемъ?—изумилась Софья Андреевна.

— Онъ мнѣ будетъ говорить о музыкѣ и объ иностранныхъ литературахъ, о балахъ и театрахъ, а я буду только глазами хлопать; я ему буду говорить о своемъ прошломъ, о прошломъ своей семьи, а онъ будетъ зѣвать отъ скуки... Совсѣмъ не поймемъ другъ друга...

— Такъ вы, значитъ, не признаете такъ-называемыхъ неровныхъ браковъ?—горячо воскликнула Софья Андреевна.—Вы думаете, что мы, женщины образованнаго общества, не имѣемъ права влюбиться въ плебея, что наши братья не имѣютъ права очароваться простой дочерью природы? Это отсталость, душа моя! это проповѣдовали наши бабушки.

— Я съ ними не была знакома,—съ улыбкой отвѣтила Катерина Александровна.—Я говорю только за себя и про себя. Я, можетъ-быть, и влюбилась бы въ богача, въ аристократа, но замужъ бы вышла только за того, кто ѣлъ тѣ же щи и ту же кашу, которыми питалась я. А то вѣдь вкусы были бы разные съ мужемъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, это все предразсудки!—горячилась Софья Андреевна.—Любовь не знаетъ сословныхъ и имущественныхъ различій!

— Можетъ-быть,—согласилась Катерина Александровна.—А я все-таки не могу понять, о чемъ вы говорили бы въ теченіе всей своей жизни съ мужемъ, если бы влюбились и вышли замужъ за нашего дворника. Право, вы соскучились бы съ нимъ на другой же день, а онъ соскучился бы съ вами наканунѣ. Да вотъ, напримѣръ, я: я такъ привыкла къ своему простому супу и куску говядины, что мнѣ пришлось бы держать отдѣльный столъ, если бы я вышла замужъ за барина, привыкшаго ѣсть...

Катерина Александровна расхохоталась веселымъ смѣхомъ.

— Ну, вотъ, я не знаю даже и названія тѣхъ блюдъ, которыя привыкъ ѣсть мой аристократическій женихъ,—промолвила она.

Собесѣдники засмѣялись.

— О, да вы серьезно обдумали этотъ вопросъ,—замѣтилъ кузенъ Софьи Андреевны.—Это не даромъ. Вѣроятно, вамъ уже представлялась необходимость рѣшить его.

Катерина Александровна пожала плечами.

— Не представлялась и не представится,—отвѣтила она.

— Ну, за будущее не ручайтесь!

— Я могу за него ручаться, потому что оно мнѣ извѣстно,—отвѣтила она, слегка покраснѣвъ, и поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Эти споры, эти толки, несмотря на всю свою банальность и поверхностность, заставляли умъ молодой дѣвушки работать и дѣлали ее все болѣе и болѣе бойкою. Нерѣдко она выходила побѣдительницею изъ споровъ, нерѣдко она замѣчала, что большинство окружавшихъ ее людей, стоявшихъ выше ея по образованію, далеко уступаетъ ей въ здравомъ смыслѣ, въ знаніи жизни, въ опредѣленности стремленій. Это сознаніе не только льстило ея самолюбію, но и придавало ей энергію, заставляло ее усиленнѣе и отчетливѣе опредѣлять всѣ свои стремленія и цѣли. Она теперь уже ясно видѣла, что ея задача заключается въ принесеніи возможно большей пользы воспитанницамъ пріюта и въ самообразованіи, при помощи котораго она можетъ обезпечить свою будущность. Весною она передала свои планы въ одномъ изъ писемъ Александру Прохорову. Эти планы привели его въ восторгъ.

«Я зналъ, что ты выбьешься на прямую дорогу, моя

Digitized by Google

умная,—отвѣчалъ онъ ей.—Я радъ, что ты безъ моей помощи, безъ моихъ совѣтовъ выработала эти планы. Ты можешь гордиться теперь уже однимъ тѣмъ, что ты самостоятельно додумалась до того, до чего не додумывается большинство нашихъ барышень, окруженныхъ учителями и книгами, богатыхъ свободнымъ временемъ и деньгами. Тебя тревожитъ только то, что тебѣ придется долго копить деньги для того, чтобы имѣть возможность прослушать курсъ акушерства. Но въ этомъ случаѣ ты не должна забывать обо мнѣ. Я скоро приду къ тебѣ на помощь, и ты, не кланяясь никому, не занимая ни у кого, пойдешь къ осуществленію своихъ плановъ. Я думаю поступить въ академію и моихъ средствъ достанетъ тогда для всѣхъ насъ. Широко жить мы не привыкли, а голодать не придется».

Катерина Александровна весело и съ свѣтлыми надеждами смотрѣла на будущее.

VIII.

Измѣненія въ судьбѣ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа.

Покуда Софья Андреевна осаждала комитетъ своими проектами, онъ самъ началъ принимать довольно странное направленіе. Все чаще и чаще слышались въ немъ среди людей, одѣтыхъ въ бархатъ и украшенныхъ брильянтами, толки о недостаткѣ средствъ, все чаще и чаще графъ Дмитрій Васильевичъ высказывалъ членамъ, что у него на шеѣ сидятъ всѣ эти благотворительныя затѣи, что теперь не такія времена, чтобы бросать тысячи на нищихъ. Но помимо этихъ разсужденій въ комитетѣ, у графа происходили долгія интимныя совѣщанія съ сыномъ о филантропическихъ затѣяхъ Дарьи Федоровны.

— Мы разорены, мы перебиваемся только при помощи займовъ, а она все больше и больше тратитъ на всѣхъ этихъ нищихъ,—говорилъ однажды отецъ, сидя со своимъ сыномъ по-утру въ кабинетѣ.—Этому надо положить конецъ. Мы стоимъ надъ пропастью. Ты знаешь, Алексѣй, что тебя ждетъ нищета.

— Ну, я-то женюсь,—отвѣтилъ Александръ Дмитріевичъ.—Но твое положеніе, кажется, непоправимо.

— Непоправимо! непоправимо!—загорячился отецъ.—Что ты мнѣ объ этомъ говоришь? Нужно, чтобы оно было поправимо; нужно остановить во-время мать... Ты слышалъ насчетъ постройки церкви?

Digitized by Google

— Слышалъ,—пожалъ плечами сынъ.

— Что же это будетъ? При пріютѣ выстроятъ церковь, потомъ, пожалуй, при богадѣльнѣ вздумаютъ строить; далѣе, какой-нибудь новый монастырь рѣшатся основать... Ты вспомни, что все это изъ нашихъ денегъ. Мы занимаемъ, мы бьемся съ гроша на грошъ, а она строитъ храмы... Она просто сумасшедшая!..

Сынъ пристально взглянулъ на отца испытующимъ взглядомъ.

— Скажи, пожалуйста, отецъ,—началъ онъ, небрежно играя одноглазкою:—неужели ты это замѣтилъ только теперь? Неужели тебѣ никогда не приходила эта разумная идея прежде.

Дмитрій Васильевичъ нѣсколько смутился и вопросительно взглянулъ на сына.

— Какая идея?

— Идея о томъ, что ее слѣдуетъ признать сумасшедшей,—холодно промолвилъ сынъ.

Дмитрій Васильевичъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Онъ съ нѣкотораго времени уже и самъ думалъ о томъ, что не худо бы наложить опеку на Дарью Федоровну, но его смущало теперь хладнокровіе, съ которымъ сынъ говорилъ о сумасшествіи матери.

— Признаюсь тебѣ откровенно,—началъ Алексѣй Дмитріевичъ, откидывая кудрявую голову на спинку кресла и протянувъ ноги:—меня давно удивляло, что ты смотришь на все сквозь пальцы и бездѣйствуешь. Я не хотѣлъ начинать этого разговора; собственно мое положеніе еще не такъ дурно: я молодъ, здоровъ, говорятъ, недуренъ собою...

Алексѣй Дмитріевичъ усмѣхнулся и мелькомъ бросилъ взглядъ на зеркало, гдѣ отражалось его нѣжно-розовое, выхоленное и замѣчательно правильное лицо.

— Я могу жениться и женюсь,—продолжалъ онъ.

— Уже рѣшился?—сквозь зубы спросилъ отецъ.

— Да... Денисова убили кстати,—усмѣхнулся сынъ.

— Но вѣдь она годится тебѣ въ матери,—замѣтилъ отецъ.

— Я о лѣтахъ не справлялся,—холодно отвѣтилъ сынъ:—я справлялся о деньгахъ... Теперь не время сентиментальничать...

— У нея, кажется, дѣти?

— У нихъ имѣніе отдѣльное... Впрочемъ, я буду опекуномъ...

Digitized by Google

Дмитрій Васильевичъ зорко взглянулъ на сына; хорошенькое личико послѣдняго было попрежнему невозмутимо спокойно.

— Но мы уклонились отъ главнаго вопроса,—лѣниво началъ сынъ.—Я говорю, что я не вмѣшивался въ семейныя дѣла, потому что за себя мнѣ нечего было опасаться, учить же другихъ и въ особенности тебя не въ моемъ характерѣ. Chacun chez soi, chacun pour soi. Но теперь, когда ты самъ началъ разговоръ, я не могу не замѣтить, что меня изумляла твоя безпечность: передъ тобою бросалось на вѣтеръ твое послѣднее состояніе, передъ тобою проходили цѣлыя стаи грабителей-нищихъ, уносившія по лоскутку твое имущество; ты долженъ былъ входить въ долги, а между тѣмъ ты молчалъ...

— Ты очень хорошо знаешь, что я не молчалъ,—угрюмо отвѣтилъ Дмитрій Васильевичъ. — Я говорилъ, говорилъ иногда слишкомъ рѣзко, но ты, я думаю, знаешь, какъ тяжелы эти семейныя сцены. Я бѣжалъ отъ нихъ...

Сынъ усмѣхнулся.

— Бѣжать отъ враговъ—не значитъ выиграть дѣло,—замѣтилъ онъ.—Впрочемъ, если ты считаешь этотъ образъ дѣйствій вполнѣ хорошимъ и выгоднымъ, то, конечно, не я стану оспаривать тебя...

Алексѣй Дмитріевичъ потянулся, зѣвнулъ, взглянулъ на часы и, повидимому, хотѣлъ встать, чтобы выйти изъ кабинета. Дмитрій Васильевичъ торопливо произнесъ:

— Постой!

Алексѣй Дмитріевичъ принялъ снова прежнюю удобную позу.

— Мы еще не рѣшили,—началъ отецъ.

— Чего?—спросилъ сынъ.

— Мы... то-есть ты не досказалъ своей мысли.

— Я, кажется, ее досказалъ... Мнѣ кажется, что она сумасшедшая, то-есть не моя мысль сумасшедшая, а мать,—пошутилъ Алексѣй Дмитріевичъ.

— Она была всегда такою,—началъ Дмитрій Васильевичъ.

— Сумасшедшею? О, да!—окончилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Вѣдь это только всѣ наши смотрѣли на нее съ какимъ-то фарисейскимъ благоговѣніемъ. Впрочемъ, они не умѣютъ не лгать. Пора бы хоть тебѣ начать дѣйствовать прямо. Вѣдь ты еще не старъ, ты еще крѣпокъ и здоровъ,—можетъ-быть, тебѣ еще пригодится лишній десятокъ тысячъ. Спасай его, покуда можно.

Digitized by Google

Алексѣй Дмитріевичъ всталъ, еще разъ потянулся и протянулъ руку отцу.

— А вѣдь ты замѣтно упалъ духомъ, постарѣлъ,—проговорилъ онъ тономъ участія.

— Какія глупости,—пожалъ плечами Дмитрій Васильевичъ.

— Нѣтъ, не глупости! Ты не задумывался въ былыя времена, когда хотѣлъ объявить о сумасшествіи Маевскаго...

— Маевскій былъ мнѣ чужой, а она мнѣ жена,—внушительно произнесъ Дмитрій Васильевичъ.

Алексѣй Дмитріевичъ вопросительно посмотрѣлъ на отца.

— Ну, это такъ давно было,—усмѣхнулся онъ.—Ты могъ объ этомъ и забыть. У тебя послѣ того было уже столько женъ...

Дмитрій Васильевичъ нахмурился.

— Ты циникъ,—рѣзко проговорилъ онъ.

— У меня есть характеръ и убѣжденія; я этого не скрываю,—пожалъ плечами Алексѣй Дмитріевичъ:—а это въ нашемъ кругу привыкли называть цинизмомъ. Думать и молчать, дѣлать и скрывать—это нравственность; думать и говорить то, что думаешь, дѣлать и не скрывать своихъ дѣйствій—это цинизмъ. Я выбралъ послѣднее,—вотъ и все.

Онъ тихо вышелъ изъ кабинета, напѣвая какую-то французскую пѣсенку. Въ тотъ же день, вечеромъ, въ кругу своихъ знакомыхъ, собравшихся въ бѣлокопытовскихъ гостиныхъ, Алексѣй Дмитріевичъ очень горячо распространялся о филантропіи.

— Это одна изъ страшныхъ язвъ, противъ которыхъ мы должны бороться,—говорилъ онъ. — Древній міръ погибъ именно потому, что онъ состоялъ изъ кліентовъ и патроновъ. Нищіе думали, что они имѣютъ право жить безъ труда и кормиться на счетъ богатыхъ; богачи воображали, что ихъ имущество неистощимо, и что они дѣлаютъ благое дѣло, кормя тунеядцевъ. Съ одной стороны, не было производительности, съ другой, происходило истребленіе произведеннаго: очевидно, что, въ концѣ концовъ, должно было произойти полное разрушеніе всего накопленнаго, всего произведеннаго.

— Ты говоришь, какъ вѣтреный мальчикъ, не знающій, сколько бѣдныхъ голодаетъ,—со вздохомъ произнесла Дарья Федоровна.—Обогрѣть, одѣть, накормить ихъ нужно...

— Вы, maman, очень чувствительны, но народами управлять нужно не чувствами, а здравымъ смысломъ. Я знаю,

Digitized by Google

можетъ-быть, лучше васъ, какъ много на свѣтѣ бѣдныхъ, но я знаю и то, что если вы отдадите имъ все, то бѣдныхъ будетъ завтра столько же, сколько ихъ было вчера, только къ ихъ числу прибавитесь еще вы. Чувства—вещь очень хорошая, но для домашняго обихода, а не для общественной дѣятельности. Вы помогаете бѣднымъ и думаете, что вы приносите имъ пользу, а между тѣмъ, вы, въ сущности, губите ихъ, пріучаете къ тунеядству, къ пьянству, къ разврату. Общественную дѣятельность, заботы о бѣдныхъ нужно оставить государству и намъ, мужчинамъ, знающимъ механизмъ государственнаго устройства.

— Мы должны, должны заботиться о нашихъ братьяхъ,— вздохнула Дарья Федоровна.

— Должны? Каждый долженъ заботиться о себѣ. Прежде всего мы должны обезпечить себя и не раздавать того, что у насъ есть, чтобы послѣ наши дѣти, наши внучата не нуждались въ чужой помощи. О бѣдныхъ же должно заботиться государство, правительство. Мы не должны мѣшать ему, распложая тунеядство.

— Господи, какое у тебя жесткое сердце!—упрекнула Дарья Федоровна сына.

— Сердце у всѣхъ одинаково жестко и одинаково мягко,— усмѣхнулся Алексѣй Дмитріевичъ.—Дѣло не въ немъ. Дѣло въ умственномъ развитіи, въ трезвыхъ взглядахъ. Я желаю истиннаго блага и достоинства человѣчеству; вы желаете сдѣлать изъ человѣчества толпу слабыхъ и погибшихъ созданій, не имѣющихъ силы идти безъ чужой помощи. Я откровенно говорю, что я не отступилъ бы ни передъ чѣмъ, чтобы уничтожить частную филантропію.

— Вотъ мило! И сами состоите членомъ нашихъ благотворительныхъ учрежденій,—замѣтила одна изъ дамъ.

— Поневолѣ! Нельзя же уничтожить эти учрежденія, если они завѣщаны предками. Но ужъ, конечно, я буду всегда бороться противъ расширенія этихъ учрежденій и противъ всякихъ подачекъ попрошайкамъ. Я увѣренъ, что и многіе согласны со мною, но нерѣшительность, безхарактерность мѣшаетъ имъ сознаться откровенно, что имъ надоѣло отрывать отъ себя гроши и бросать ихъ безъ пользы.

— Нѣтъ, вы не говорите этого,—замѣтилъ какой-то старичокъ.—Я къ Свѣтлому Христову Воскресенью всегда радъ дать бѣдняку... Разговѣется... Радость у него въ семьѣ...

— А къ вечеру драка, послѣ того какъ на ваши три рубля онъ купитъ водки...

Digitized by Google

— Ну, зачѣмъ же такъ думать, зачѣмъ такъ думать!— покачалъ головой старичокъ.—Можетъ-быть, и не на вино пойдутъ деньги...

— А! тутъ не должно быть никакихъ *можетъ-быть*! Нужно говорить прямо: *да* или *нѣтъ*. Я утверждаю, что часть, большая часть денегъ, полученныхъ отъ благотворителей, идетъ въ кабаки, и вы мнѣ не докажете противнаго. У меня факты, цифры, точныя свѣдѣнія, а у васъ ваше *можетъ-быть*.

Старичокъ сострадательно покачалъ головой и скромно прошепталъ:

— Мы по заповѣдямъ Божіимъ живемъ, а не по модными наукамъ... Мы старые христіане, а не новые люди.

— И хороши иногда благодѣтели,—иронически продолжалъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Одинъ влѣзъ по уши въ долги, не имѣетъ средствъ отдать деньги за взятыя у честныхъ тружениковъ вещи, обманываетъ довѣріе своихъ кредиторовъ, разоряетъ семью, а помогаетъ бѣднымъ. Другой крадетъ у казны, беретъ взятки, а помогаетъ бѣднымъ. Да вотъ, напримѣръ, нашъ почтеннѣйшій Данила Захаровичъ Боголюбовъ...

— Что съ тобою?—строго произнесъ Дмитрій Васильевичъ.

— Что?—усмѣхнулся Алексѣй Дмитріевичъ.—Развѣ вы еще не знаете? Этотъ почтенный членъ нашего комитета, этотъ любвеобильный помощникъ страждущихъ и голодныхъ оказался—воромъ.

Все общество взволновалось. Графиня начала торопливо креститься.

— Да, воромъ,—повторилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—И у кого воровалъ? У нашего войска, переносившаго такіе тяжелые дни,—у раненыхъ, нуждавшихся въ помощи. Воровалъ провіантъ, коршю, бинты. Это позоръ, позоръ для тѣхъ, кто пожималъ руку этого казнокрада.

Алексѣй Дмитріевичъ иронически смотрѣлъ на своихъ собесѣдниковъ.

— Да этого не можетъ быть,—выразилъ кто-то сомнѣніе.

— Помилуйте, сегодня получены въ министерствѣ достовѣрныя извѣстія. Правительство напало на слѣдъ.

— Это ужасно!

— Господи, настави на путь истинный совращенныхъ демономъ,—прошептала Дарья Федоровна.

— Теперь молитвы не помогутъ. Теперь строгій судъ ну-

Digitized by Google

женъ! примѣрное наказаніе нужно!—рѣзко произнесъ Алексѣй Дмитріевичъ.

Въ обществѣ начались толки и предположенія. Алексѣй Дмитріевичъ сообщилъ все, что зналъ объ открытыхъ злоупотребленіяхъ.

— Нѣтъ, теперь новые люди нужны для новыхъ порядковъ,—закончилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Теперь нужно повернуть круто, или мы свалимся въ бездну. Я знаю, что многіе боятся крутыхъ мѣръ, но они увидятъ, что правы тѣ, которые стоятъ теперь за крутыя мѣры.

— Молодость, молодость, горячность!—пробормоталъ старичокъ, отстаивавшій подачку нищимъ грошей на праздники.—Люди не щепки, что ихъ бросать можно.

— Вотъ отецъ тоже воображаетъ, что люди не щепки,—отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Онъ тоже высказалъ мнѣ еще сегодня утромъ подобную же мысль.

Дмитрій Васильевичъ нахмурилъ брови, вспомнивъ, о чемъ они говорили утромъ.

— А мнѣ кажется, что съ людьми, въ крайнемъ случаѣ, надо поступать, какъ со щепками,—продолжалъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Если мы хотимъ вырубить старый лѣсъ злоупотребленій, то мы не должны заботиться о представителяхъ этихъ злоупотребленій. Пусть они летятъ, какъ щепки. Я знаю, что вотъ, напримѣръ, отецъ готовъ назвать подобныя идеи цинизмомъ... Ты, кажется, такъ назвалъ ихъ утромъ?—небрежно обратился онъ къ отцу.—Но я все-таки стою за необходимость крутыхъ мѣръ. Нужно спасать себя. Впрочемъ, кому хочется гибнуть, тотъ гибни.

Дмитрій Васильевичъ очень хорошо понималъ, что камни летѣли въ его огородъ, что гибель пророчилась ему за непринятіе крутыхъ мѣръ. Несмотря на жестокость его характера, несмотря на его нелюбовь къ женѣ, несмотря на сознаніе того, что недурно бы взять подъ опеку Дарью Федоровну, его бѣсила рѣзкость и беззастѣнчивая откровенность сына. Дмитрій Васильевичъ въ душѣ, быть-можетъ, желалъ достигнуть совершенно тѣхъ же цѣлей, которыхъ хотѣлъ достигнуть его сынъ, но въ старикѣ шевелилось что-то въ родѣ стыда; онъ готовъ былъ дѣйствовать, но дѣйствовать подъ сурдинкой, тайкомъ. Алексѣй Дмитріевичъ очень хорошо зналъ своего отца и свою среду со всѣми ея приличіями и обычаями, и потому онъ очень ясно видѣлъ, что отецъ думаетъ одинаково съ нимъ, хотя и желаетъ

Digitized by Google

дѣйствовать иначе. Все дѣло было въ томъ, что отецъ сросся со своею средой и прежде всего думалъ о томъ, «что скажетъ свѣтъ»,—сынъ же еще не успѣлъ по молодости лѣтъ прирасти къ своей средѣ и прежде всего говорилъ: «было бы мнѣ хорошо, а на толки я плюю!» Въ то же время Алексѣй Дмитріевичъ сознавалъ, что нерѣшительныя мѣры не поведутъ ни къ чему, что надо работать смѣлѣе и, главное, скорѣе.

— Мнѣ кажется, что именно теперь настала пора дѣйствовать,—продолжалъ онъ:—теперь или никогда. Дѣла до того запутаны, до того плохи, что еще шагъ, еще недѣля, мѣсяцъ—и все погибнетъ или, по крайней мѣрѣ, запутается до того, что уже нельзя будетъ распутать. Если бы люди, смотрящіе на дѣло иначе, потрудились попристальнѣе вглядѣться во все, то они убѣдились бы, что я правъ.

— Новаторомъ какимъ-то сдѣлался,—прошепталъ старичокъ своему сосѣду.—Заграничныхъ изданій вѣрно начитался... Вотъ и дай волю подобной молодежи!.. Господи, Господи!

Дмитрій Васильевичъ одинъ понималъ, что сынъ говоритъ не для общества, а исключительно для него самого, и сознавалъ все болѣе и болѣе, что его дѣла дѣйствительно плохи и требуютъ немедленнаго исправленія. Далеко за полночь проходилъ онъ по своему кабинету и даже не поѣхалъ къ Матильдѣ Францовнѣ Герингъ. Нѣсколько разъ останавливаясь передъ окномъ, барабанилъ онъ по стеклу, какъ бы желая заглушить свои думы. Подъ утро, ложась въ постель, онъ рѣшился дѣйствовать прямо.

— Сумасшедшая, сумасшедшая, легко сказать,—мысленно говорилъ онъ, засыпая.—Но когда же она не была такою, когда поступала иначе?.. Что-жъ? можетъ-быть, это у нихъ въ крови, наслѣдственное... Всѣ знали, что старикъ Маевскій былъ не въ своемъ умѣ... Всѣ помнятъ... Марина Осиповна помнитъ... Да, наслѣдственное... Что же раньше думалъ, чего глядѣлъ? Половина состоянія ушла изъ рукъ... А Алексѣй далеко пойдетъ... дальше меня... Кутила, волокита, игрокъ, а какая выдержка... Характеръ, говоритъ... Да-а, ха-ра-ктеръ...

Дмитрій Васильевичъ забылся тѣмъ тяжелымъ сномъ, который прерывается отъ каждаго звука. Онъ видѣлъ страшные сны. Вотъ Дарья Федоровна, слабая, едва дышащая, съ потускнѣвшимъ взглядомъ упала безъ силъ къ его ногамъ и ловитъ со слезами его руки, торопливо бормоча:

Digitized by Google

«на бѣдныхъ, ради Христа, на бѣдныхъ... грошикъ каждый имъ дорогъ... Господи, умягчи сердца позабывшихъ Тебя!» Она словила его руку, и онъ чувствуетъ, что эта рука холодѣетъ, мертвѣетъ въ мертвенно холодной, закостенѣвшей рукѣ Дарьи Федоровны. Онъ глядитъ на Дарью Федоровну и видитъ, что это уже не живое существо, а бездушный желтый трупъ, сжавшій въ предсмертныхъ мукахъ его руку. Ему становится страшно больно — онъ просыпается и видитъ, что его рука свѣсилась съ постели и затекла. Онъ поворачивается на лѣвый бокъ и снова засыпаетъ. Вдругъ къ нему въ кабинетъ совершенно неожиданно входитъ Матильда Герингъ.

— Какъ ты сюда пришла? Ночью? — восклицаетъ онъ въ волненіи.

— Да ты пропалъ совсѣмъ: тебя нигдѣ не встрѣтишь! Я съ пикника... Ужъ ты не измѣнилъ ли? — говоритъ она и слегка касается вѣеромъ его лица. — Смотри у меня! Я ревнива!

— У меня дѣла...—начинаетъ онъ.

— У тебя? дѣла?—восклицаетъ она въ удивленіи и хохочетъ звонкимъ смѣхомъ.—По клубу? По балету?

— Полно, полно!—говоритъ онъ хмуро.—Ты видишь, я измученъ, я похудѣлъ. Мнѣ тяжелы эти хлопоты, я не привыкъ къ нимъ, мнѣ гадка эта возня.

— Да, ужъ ты не хочешь ли спасать отечество?—хохочетъ Матильда Герингъ. — О, старый шутникъ, старый шутникъ!

— Да, хорошо тебѣ шутить, а мнѣ надо поправить дѣла, нужно устроить такъ, чтобы жена не мѣшала мнѣ...

Матильда вдругъ дѣлается серьезною и говоритъ ему шопотомъ, внятнымъ, отчетливымъ шопотомъ:

— Убей ее!

Онъ дрожитъ и быстро зажимаетъ ей ротъ.

— Ты съ ума сошла!—въ ужасѣ говоритъ онъ.

— А, такъ ты ее любишь, такъ ты ей жертвуешь мною, ты хочешь, чтобы я погибла въ нищетѣ, забытая...

Матильда падаетъ въ истерикѣ на грудь Дмитрія Васильевича, и ему такъ тяжело, тяжело; онъ едва дышитъ, кажется, сердце готово лопнуть отъ прилива крови. Онъ собирается съ силами и старается крикнуть: «Человѣкъ!.. Владиміръ!.. Кто тамъ?» Онъ снова просыпается и быстро поворачивается на спину: передъ нимъ стоитъ его старый камердинеръ и докладываетъ, что пора вставать.

Digitized by Google

«да, я отвыкъ отъ хлопотъ, обрюзгъ, — думалъ Дмитрій Васильевичъ, одѣваясь.—Алексѣй правъ, что я старѣю...»

Онъ одѣлся и рано выѣхалъ изъ дому. На лѣтницѣ онъ встрѣтился съ сыномъ, возвращавшимся откуда-то домой.

— А ты уже всталъ?—удивился Алексѣй Дмитріевичъ.— А я еще не ложился!.. Куда?

— По дѣламъ...

— Значитъ, рѣшился?

— Ну, объ этомъ послѣ. Ты, кажется, еще не спалъ...

— Ты знаешь, что я умѣю говорить о дѣлѣ даже въ объятіяхъ женщины.

Дмитрій Васильевичъ молча сошелъ съ лѣстницы и направился къ одному изъ дѣльцовъ, съ давнихъ поръ обдѣлывавшему всѣ его интимныя дѣла, начиная съ покупки лошадей для Матильды и кончая займами подъ векселя.

Въ это же время происходили волненія совершенно иного рода въ семьѣ Боголюбова.

Павла Абрамовна провела очень весело и пріятно почти годъ, наслаждаясь преданностью Карла Карловича. Юноша катался какъ сыръ въ маслѣ и за это позволилъ себя любить. Онъ даже немного потолстѣлъ; его глазки сдѣлались еще болѣе масляными; его улыбочка расплывалась еще шире по его херувимскому личику. Всѣ мысли Павлы Абрамовны были направлены къ одной цѣли — къ ублаготворенію предупредительнаго юноши.

У него появились шелковый халатъ и бархатная ермолка съ золотою кистью; онъ спалъ до полудня; вечеромъ онъ собиралъ кружокъ молодежи, которую кормила и угощала Павла Абрамовна. Праздные шалопаи чувствовали себя какъ дома у радушной и веселой хозяйки. Она привыкла къ этимъ пирушкамъ, курила папиросы, звонко смѣялась, допускала разныя вольности и, мало-по-малу, совершенно превратилась въ даму вольнаго поведенія. Въ ней трудно было узнать прежнюю сентиментальную и вздыхающую «купеческую дочь», получившую образованіе въ «благородномъ пансіонѣ»; еще труднѣе было узнать въ ней сонливую и лѣнивую супругу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Боголюбова, вѣчно томившуюся отъ скуки и бездѣлья. Это былъ, повидимому, другой человѣкъ, но въ сущности только теперь Павла Абрамовна попала въ свою сферу и беззавѣтно отдалась своимъ влеченіямъ. Теперь она уже не мечтала объ «офицерахъ», не зачитывалась романами Поль-де-Кока, не жаловалась на то, что въ ея домѣ появляются только,

Digitized by Google

«старые старики», не зѣвала отъ бездѣлья и не сердилась на возню съ дѣтьми. Въ ея беззаботной веселости, въ откровенности ея недвусмысленнаго поведенія сказалась вся животность ея натуры. Семья отца научила ее праздности и показала ей всю сладость широкихъ, беззастѣнчивыхъ русскихъ кутежей съ цыганками и цыганами; благородный пансіонъ научилъ ее только танцамъ, французскому языку, закатыванію глазъ и перепискѣ съ разными офицерами; двоюродныя сестрицы и молоденькія купеческія вдовы сообщили ей разные сальные секреты изъ своей сердечной жизни; вотъ все, что вліяло на эту личность, мечтавшую только о наслажденіяхъ и видѣвшую наслажденія только въ одной игрѣ въ любовь. Долго неудовлетворенныя стремленія проснулись въ ней теперь со всею своею силой и заставили ее забыть все. Забыть все было тѣмъ легче, что, напримѣръ, понятія о приличіяхъ, для Павлы Абрамовны не существовало: «были бы деньги, такъ уважать насъ будутъ; къ намъ же придутъ съ поклономъ»,—говорила она;—сознаніе о честныхъ супружескихъ отношеніяхъ было у Павлы Абрамовны также очень своеобразное; «вольно же ему было жениться на мнѣ, когда я его не любила»,—говорила она про мужа, за котораго, впрочемъ, вышла безъ всякихъ возраженій по первому приказанію отца; дѣти—про нихъ она давно говорила, что они ей надоѣли, что они у нея на шеѣ сидятъ, что изъ-за нихъ она въ четырехъ стѣнахъ весь вѣкъ просидѣла. Трудно было бы встрѣтить хотя одну француженку-кокотку, которая бы смотрѣла такъ же беззастѣнчиво, такъ же нагло, такъ же нахально на всѣхъ окружающихъ, сидя рядомъ съ любовникомъ. Это не было бравадою, это не было бросаніемъ перчатки въ глаза всему обществу, это былъ просто безсознательный животный развратъ. Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ въ домѣ все пошло вверхъ дномъ. Прислуга не стѣснялась и вела себя не лучше барыни, дѣти были забыты и жили безъ всякаго присмотра. Двое младшихъ дѣтей не понимали всего происходившаго въ домѣ и, можетъ-быть, даже радовались, что на нихъ никто не кричитъ, когда они сидятъ въ дѣтской. Но Леонидъ, уже вступившій вольноприходящимъ ученикомъ въ пансіонъ Добровольскаго, началъ хмуриться не на шутку. Карлъ Карловичъ не хотѣлъ съ нимъ заниматься приготовленіемъ уроковъ, грубо обращался съ нимъ и иногда выводилъ его изъ терпѣнія своею наглостью. Мальчикъ началъ замѣтно худѣть и блѣднѣть. Его хорошенькое личико

Digitized by Google

стало необычайно серьезно и угрюмо. Глупая горячность отца и еще болѣе глупыя придирки матери давно уже научили этого ребенка быть скрытнымъ и сдержаннымъ; въ то же время полная свобода, наставшая для него въ промежутки времени между періодически повторяющимися взрывами брани, давали ему возможность дѣлать что угодно. Онъ пристрастился къ книгамъ, такъ какъ мать не позволяла ему заводить товарищей, говоря, что «ей и свои ребята надоѣли». Выборомъ книгъ, конечно, не руководилъ никто: мальчикъ читалъ и старую «Библіотеку для чтенія», и старыя «Отечественныя Записки», и романы Диккенса, и романы Лажечникова. Но нѣсколько рѣзкихъ рецензій Сенковскаго и Бѣлинскаго, подвернувшихся ему подъ руку, особенно пришлись по вкусу мальчугану: ему понравился этотъ способъ «критиковать» поступки людей, онъ увлекся тѣмъ, что критики такъ ловко умѣютъ подмѣтить чужіе недостатки. Съ этой поры онъ сталъ всюду искать критическихъ замѣтокъ и, перечитавъ ихъ многое множество, началъ самъ вдумываться въ прочитанные романы. Большинство изъ этихъ романовъ ему не нравилось, и, мало-по-малу, его любимыми книгами сдѣлались романы Диккенса. Онъ здѣсь видѣлъ ту же «критику», какъ онъ выражался самъ. Было ли это исканіе критическаго отношенія къ людямъ и ихъ поступкамъ прямымъ слѣдствіемъ личнаго недовольства поступками своихъ ближнихъ — не знаю, но, вѣроятно, это недовольство играло значительную роль въ развитіи вкусовъ ребенка. Но одно недовольство ближними, одна злоба на нихъ не могутъ завладѣть всецѣло молодою натурой, — это еще мягкое и доброе существо не можетъ такъ рано извѣриться въ людей, такъ возненавидѣть ихъ, чтобы не вѣрить въ существованіе лучшихъ личностей. Эта вѣра въ лучшихъ людей или, вѣрнѣе сказать, это инстинктивное стремленіе къ лучшимъ людямъ было также одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ Леонидъ полюбилъ Диккенса. Онъ плакалъ надъ этими романами, гдѣ страдаютъ дѣти, плакалъ такъ, какъ будто тутъ описывалось его собственное дѣтство. Онъ любилъ добрыхъ героевъ романиста тою любовью, которою можно любить только самыхъ близкихъ намъ людей. Иногда долгое время послѣ чтенія любимыхъ романовъ мальчуганъ находился какъ бы въ чаду и раздумывалъ о томъ, что будетъ дальше съ героями, почему имъ пришлось столько страдать, почему людямъ быть вполнѣ счастливыми... Думы становя-

Digitized by Google

лись все шире и шире, а спросить отвѣта на «проклятые вопросы» было не у кого: отецъ «оборветъ», мать «придерется». Мальчику приходилось добираться до иныхъ истинъ такимъ же труднымъ путемъ, какимъ шелъ къ нимъ первый человѣкъ, открывшій ихъ. Постоянное одиночество, постоянное чтеніе книгъ значительно развили молодое воображеніе и пріучили мальчика мечтать. Иногда онъ представлялъ себя героемъ, которому сама судьба назначила спасти себя и своихъ брата и сестру. Порой онъ думалъ, что онъ убѣжитъ съ ними, подобно Давиду Копперфильду, изъ дома отца и матери. Но куда бѣжать? Не къ этой ли злой, глупой бабкѣ, которая нисколько не походила на тетку Копперфильда? Нѣтъ, у нея будетъ еще хуже. Ему вспоминались добрыя лица Марьи Дмитріевны, Антона и Катерины Александровны. Но эти люди очень бѣдны, они не примутъ его, у нихъ у самихъ недостаетъ хлѣба. Куда же бѣжать? Или нужно жить здѣсь и терпѣть?

Послѣ отъѣзда отца мальчику стало еще тяжелѣе, хотя свобода его сдѣлалась еще полнѣе: мать не обращала на него вниманія и не вмѣшивалась въ его дѣла, — онъ могъ спать, могъ лѣниться, могъ ходить куда угодно. Но онъ уже началъ понимать, какую роль играетъ въ домѣ его отца Габлицъ, его начало возмущать дерзкое обращеніе этого человѣка. Въ душѣ мальчика шевелилось какое-то чувство обиды, — обиды за отца, въ домѣ котораго распоряжается «чужой человѣкъ». «Отецъ работаетъ, трудится для насъ, а его дѣтьми, его деньгами распоряжается этотъ нахалъ»,—думалось Леониду, и въ немъ пробуждалась злоба къ Габлицу, къ матери. Онъ сталъ рѣзокъ и дерзокъ съ матерью и съ Габлицомъ.

Въ началѣ весны случилось совершенно неожиданное событіе, заставившее Леонида высказаться вполнѣ. Его маленькій братишка простудился и захворалъ. Павла Абрамовна отнеслась къ этой болѣзни очень равнодушно и велѣла нянькѣ позвать доктора, если ребенку станетъ хуже, а сама уѣхала куда-то съ Карломъ Карловичемъ на весь вечеръ. Ребенку стало дѣйствительно хуже, Леонидъ сходилъ за докторомъ и весь вечеръ провозился съ ребенкомъ. Посторонній человѣкъ изумился бы, видя этого мальчугана, серьезно сидящаго у постели больного малютки и наблюдающаго по часамъ, когда нужно давать больному лѣкарство. Но Леонидъ принялъ на себя эту роль съ полнымъ сознаніемъ всей ея важности. Онъ впервые видѣлъ, что его

Digitized by Google

мечты о роли спасителя брата и сестры начинают осуществляться, что онъ одинъ остается естественнымъ защитникомъ этихъ малютокъ.

— Ты долго будешь сидѣть у насъ? — спрашивала его сестренка.

— Да, я всю ночь здѣсь останусь. Ты не шуми. Видишь, братъ боленъ. Ложись спать, — шопотомъ отвѣтилъ ей Леонидъ. — Няня, вы постлали ей постель? — обратился онъ къ нянькѣ съ серьезнымъ видомъ заботливаго семьянина.

— Постлана, — отвѣтила нянька.

— Ну, ложись же, — обратился мальчикъ къ сестрѣ и отвелъ ее къ постели, поцѣловавъ ее въ лобъ.

— А вы-то развѣ не пойдете спать? — спросила нянька, смотря съ удивленіемъ на Леонида, усѣвшагося снова къ постели больного.

— Нѣтъ. Вы можете идти. Я просижу у него ночь.

— Заснете!

— Ну, ужъ я-то не засну! Отворите только двери, когда пріѣдетъ докторъ.

— Да развѣ онъ еще пріѣдетъ?

— Еще бы. Братъ очень боленъ.

— Хоть бы маменька пріѣхала поскорѣй.

— Что же ей здѣсь дѣлать? Довольно и того, что я здѣсь.

Леонидъ раскрылъ книгу и сталъ читать. Нянька, качая головой, вышла изъ дѣтской. Среди этой тишины, въ полумракѣ большой комнаты, было какъ-то странно видѣть этихъ брошенныхъ матерью дѣтей. Что-то глубоко грустное было въ этой картинѣ. Воображеніе Леонида работало, и онъ не могъ читать. Отложивъ книгу, онъ предался своимъ завѣтнымъ думамъ. Ему было и сладко, и грустно сознаніе, что онъ занялъ теперь мѣсто защитника дорогихъ ему дѣтей. Порой онъ прислушивался къ дыханію больного ребенка, порой подходилъ къ постели сестренки и любовался ея хорошенькимъ личикомъ.

— Спитъ дитя! — тихо прошепталъ онъ и наклонился поцѣловать ручонку сестры. — Совсѣмъ брошенныя... Если бы зналъ отецъ! Онъ насъ все-таки любитъ...

Въ эту минуту послышался рѣзкій звонокъ, и черезъ минуту въ дѣтскую шумно вошла Павла Абрамовна.

— Ты здѣсь? — съ удивленіемъ спросила она и направилась къ постели больного.

— Не подходите съ холода, — рѣзко произнесъ Леонидъ, ...дивъ ей дорогу.

Digitized by Google

— Дуракъ! Кого ты учить вздумалъ,—сердито воскликнула она и толкнула его съ дороги.—Цыпочка, что съ тобой? Гдѣ пипи у моего сыночка?—сладко зажартавила она, наклоняясь къ кроваткѣ больного ребенка.

— Онъ забылся, зачѣмъ вы его будите? Какъ вамъ не стыдно? Ѣздите Богъ знаетъ гдѣ, а потомъ тревожите больныхъ!—грубо заговорилъ Леонидъ, раскраснѣвшись до ушей.

— Да ты что это? Съ ума сошелъ, мальчишка!—гнѣвно крикнула Павла Абрамовна. — Шарль, велите не грубить этому негодяю, — обратилась она къ Габлицу, вошедшему въ дѣтскую.

Больной ребенокъ, между тѣмъ, пробужденный внезапнымъ шумомъ, началъ стонать.

Габлицъ былъ, повидимому, въ очень веселомъ настроеніи духа и ощущалъ нѣкоторое неповиновеніе въ ногахъ. Онъ подошелъ къ Павлѣ Абрамовнѣ, все еще стоящей надъ дѣтской кроваткой и старавшейся успокоить встревоженнаго больного ребенка.

— Что случилось, ma chère Pauline? — спросилъ онъ съ глупою улыбочкой.

— Грубить! Учить меня! За уши бы отодрать надо!— отвѣтила она.

— А! Пожалуйте-ка сюда, милостивый государь, на расправу,—произнесъ Габлицъ и протянулъ руку, чтобы взять за ухо Леонида.

— Убирайтесь вонъ! — пробормоталъ Леонидъ. — Ваша комната не здѣсь... Вы въ комнатѣ моихъ брата и сестры... Идите!

— Ого, какой пѣтухъ!—глупо засмѣялся Габлицъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого спускать нельзя! — гнѣвно произнесла Павла Абрамовна, поднимаясь отъ кроватки Аркадія.— Иди сюда, сейчасъ иди сюда, мерзавецъ!

— Матушка, братъ боленъ, а вы кричите!—тихо произнесъ Леонидъ почти со слезами въ голосѣ.

— Говорю тебѣ: иди сейчасъ къ Карлу Карловичу. Я хочу, чтобы онъ наказалъ тебя!

Карлъ Карловичъ сдѣлалъ шагъ къ Леониду.

— Если ты меня только тронешь, такъ я тебѣ шею сломлю,—проговорилъ Леонидъ и толкнулъ его отъ себя.

Въ эту минуту послышался звонокъ, и въ комнату вошелъ докторъ. Его появленіе прервало тяжелую сцену, которая могла кончиться довольно печально. Павла Абрамовна сдѣлала печальную мину и слезливо начала разспрашивать

Digitized by Google

доктора о положеніи больного Аркадія. Докторъ сказалъ что болѣзнь очень опасна.

— О, я не отойду отъ него, не отойду! Бѣдный Аркаша!— восклицала Павла Абрамовна, изображая убитую горемъ мать.—Ступай спать,—приказала она Леониду.

— Зачѣмъ же? Я просижу у брата,—отвѣтилъ онъ.

— Если тебѣ велятъ, то ты долженъ слушаться! Иди! Докторъ, побудьте немного здѣсь, мнѣ самой такъ дурно... Вы не можете себѣ представить, какъ трудно справиться одной съ дѣтьми!..

Докторъ присѣлъ. Леониду пришлось уйти. Онъ не спалъ всю ночь и плакалъ отъ горя, видя, что его первая попытка быть защитникомъ брата кончилась ничѣмъ. На слѣдующій день, по возвращеніи изъ пансіона Добровольскаго, онъ засталъ весь домъ въ смятеніи. Маленькій Аркадій лежалъ уже на столѣ. Леонидъ бросился къ тѣлу малютки и залился слезами. Плача у этого маленькаго трупа, онъ мысленно давалъ страстные обѣты спасти хотя сестру и передать отцу все, что дѣлалось дома.

Съ этого дня онъ пересталъ обращать вниманіе на мать и Габлица, онъ сидѣлъ или за уроками, или въ дѣтской съ сестрою. Дни шли за днями, а отецъ все не ѣхалъ. Наконецъ, получилось извѣстіе, что его «везутъ». Въ домъ явились какія-то неизвѣстныя личности, чтобы наложить арестъ на имущество Боголюбова. Павла Абрамовна была внѣ себя.

— Онъ погубилъ меня! Онъ меня нищею сдѣлалъ! Онъ разорилъ меня! — кричала она.—Теперь еще васъ кормить надо,—обращалась она къ дѣтямъ.—Я развода буду требовать! Недостаетъ еще, чтобы его разжаловали въ солдаты! Развѣ я для этого шла за него замужъ? Быть солдаткою— никогда, никогда! Воръ, грабитель!

Ея брани, ея слезамъ, ея истерикамъ не было конца. Она давала тычки и толчки дѣтямъ, корила ихъ за дармоѣдство и немного успокоилась только тогда, когда явилась ея мать и предложила ей переѣхать къ нимъ въ домъ и «плюнуть на этого, прости Господи»... Матушка Павлы Абрамовны прибавила такое словцо, которое едва ли есть въ лексиконахъ. Павла Абрамовна съ дѣтьми перебралась въ отдѣльный флигель просторныхъ родительскихъ хоромъ и повеселѣла, хотя и говорила съ негодованіемъ про дѣтей: «вотъ связали по рукамъ и по ногамъ! Въ наслѣдство отъ милаго муженька остались! Что я теперь? Хуже вдовы!»

Digitized by Google

Она даже не подумала о томъ, что ей все-таки не худо бы заглянуть къ мужу, сидѣвшему за рѣщетчатыми окнами. Леонидъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ сценъ, и его сердце ныло за отца. Онъ разузналъ, гдѣ содержится отецъ, и пошелъ къ нему. Встрѣча Данилы Захаровича съ сыномъ была необычайно нѣжная и скорбная.

— А мать такъ и бросила меня, такъ и забыла,—говорилъ Боголюбовъ, цѣлуя сына. — Ну, Богъ ей судья... Она столько же виновата, какъ и я... Приведи ко мнѣ сестру... Авось отпустятъ...

— Да какъ же отпустить, — проговорилъ Леонидъ. — Развѣ за нами смотрятъ? Мы тоже брошены, какъ собачонки... Кормятъ насъ, одѣваютъ, вотъ и все... Тебѣ скучно здѣсь?

— Больно мнѣ, тяжело сидѣть здѣсь, — проговорилъ Данила Захаровичъ со вздохомъ. — Я не виноватъ, я покрывалъ только другихъ, я не могъ не повиноваться...

Данила Захаровичъ былъ неузнаваемъ для тѣхъ, кто не зналъ его въ юности, кто зналъ его только зоркимъ и строгимъ начальникомъ и главой семейства. Но въ сущности онъ теперь сбросилъ только свою маску и явился тѣмъ, чѣмъ онъ былъ съ колыбели—ласковымъ теленкомъ. Да, онъ родился для того, чтобы быть ласковымъ теленкомъ. Жалкая обстановка его дѣтства и слабое здоровье въ первые годы жизни пріучили его быть ласковымъ теленкомъ; онъ рано понялъ, что подобный теленокъ двухъ матокъ сосетъ, и сталъ подлаживаться ко всѣмъ кормильцамъ и поильцамъ. Возмужавъ и поступивъ на службу, онъ, не обладавшій никакими талантами и знаніями, видѣлъ, что отъ чиновниковъ требуется рачительность, строгость и зоркость, что съ этими качествами можно далеко уйти, даже и не имѣя никакихъ другихъ способностей, и сталъ дѣлать видъ, что онъ обладаетъ именно этими качествами. При помощи ихъ, онъ началъ скалачивать копейку, не задавая себѣ вопросовъ, всегда ли честно пріобрѣтается эта копейка, честно ли быть простымъ безсмысленнымъ эхомъ начальства, идетъ ли, наконецъ, къ нему принятая имъ на себя роль строгаго и зоркаго начальника, роль, для которой въ немъ не было способностей, такъ какъ его могъ провести за носъ и обмануть каждый. Онъ получалъ чины, и это служило для него достаточнымъ доказательствомъ того, что все обстоитъ благополучно.

Теперь, подобно всѣмъ выскочкамъ, подъ первымъ ударомъ судьбы, онъ вдругъ съежился, упалъ духомъ и пла-

Digitized by Google

чевно жаловался на свою судьбу. Теперь онъ чувствовалъ, что ему уже нечего хвалиться своими зоркостью и строгостью, а что лучше опять явиться ласковымъ теленкомъ и вымаливать себѣ у людей прощеніе. «По невѣдѣнію согрѣшилъ», вертѣлось на его языкѣ; «снисхожденія прошу», ежеминутно приходило ему въ голову, когда онъ помышлялъ о допросѣ. Начальство повышающее, начальство благосклонное, начальство, дающее чины и ордена, представлялось ему теперь начальствомъ карающимъ, безпощаднымъ и имѣющимъ власть отнимать и чины, и ордена, и онъ готовъ былъ ползать на колѣняхъ передъ этимъ начальствомъ. Онъ даже не ропталъ на Павлу Абрамовну и готовъ былъ только слезно молить ее, чтобы она не покидала его, такъ какъ силой теперь онъ ничего не могъ съ нею сдѣлать. Человѣкъ-тряпка сказался вполнѣ.

Леонидъ не узнавалъ характера своего отца. Отецъ казался ему такимъ жалкимъ, такимъ слабымъ, такимъ безпомощнымъ.

— Хотя бы кто-нибудь посѣтилъ,—говорилъ Даніла Захаровичъ.—Одинъ сижу, думы такія черныя лѣзутъ въ голову... И сны такіе снятся нехорошіе... Хлопотать бы надо, а не черезъ кого просьбу или письмо переслать...

— Хочешь, я попрошу къ тебѣ Катерину Александровну зайти?—спросилъ Леонидъ.

— Хорошо, Леня, хорошо,—обрадовался старикъ.—Вѣдь все же мы родные... Дядя я ей... Можетъ-быть, и придетъ... Она тамъ знаетъ Бѣлокопытовыхъ, Гиреевъ... Пусть попроситъ ихъ... Они сильные люди... Связи у нихъ...

Леонидъ обѣщалъ сходить къ Катеринѣ Александровнѣ и на слѣдующій же день исполнилъ свое обѣщаніе. Молодую дѣвушку удивило его появленіе и еще болѣе удивила принесенная имъ новость. Леонидъ съ недѣтскою серьезностью разсказалъ двоюродной сестрѣ всю печальную исторію своей семьи и положенія отца. Его откровенный и простой разсказъ подкупилъ молодую дѣвушку въ пользу мальчика. Она увидала, что и здѣсь, подъ этою хорошенькою курточкой, подъ этою нарядною одеждой, мучительно бьется уже порядочно настрадавшееся сердце. Она, никогда не искавшая встрѣчъ съ дядею прежде, теперь поспѣшила къ нему,— поспѣшила не столько ради него самого, сколько ради его сына. Дорогой Леонидъ снова коснулся своего положенія въ семьѣ и разсказалъ со всѣмъ жаромъ юнаго мечтателя о своихъ прежнихъ планахъ бѣжать изъ дому и о сообра-

Digitized by Google

женіяхъ, удержавшихъ его отъ бѣгства къ Прилежаевымъ.

— Вамъ не потому нельзя было бѣжать къ намъ, что мы бѣдны, а потому, что васъ вернули бы домой,—улыбнулась Катерина Александровна и ласково взглянула на него.— Наша бѣдность не могла бы помѣшать намъ принять васъ.

— Вы бы приняли насъ?—живо спросилъ Леонидъ.

— Конечно.

— Ну, значитъ, я буду спокоенъ. Если отца сошлютъ, если онъ не возьметъ насъ съ собою, я попрошу его отдать къ вамъ меня и сестру.

— Погодите; все еще, можетъ-быть, обойдется благополучно,—утѣшала его Катерина Александровна.—Главное, не думайте ни о чемъ постороннемъ и учитесь... Вамъ надо ловить время и учиться, покуда мать еще платитъ за васъ...

— Да, я чему научится въ ея домѣ сестра?—серьезно спросилъ Леонидъ.—Я вѣдь не маленькій, я все понимаю...

Катеринѣ Александровнѣ стало тяжело и больно за этого юношу, такъ рано понявшаго всю позорную исторію матери.

Они дошли до мѣста заключенія Данилы Захаровича и были встрѣчены старикомъ чуть не со слезами. Онъ поцѣловалъ Катерину Александровну, напомнивъ ей о своемъ близкомъ родствѣ съ нею; заговорилъ о христіанскомъ долгѣ посѣщать заключенныхъ; вдругъ началъ каяться въ томъ, что холодно относился къ ней прежде; заговорилъ о гордынѣ, помрачающей умъ человѣка въ богатствѣ,—все это дѣлало его въ глазахъ молодой дѣвушки еще болѣе жалкимъ. «Вотъ всѣ они такіе, эти гордые богачи,—подумалось ей.—Или стоятъ на недосягаемой высотѣ, или падаютъ въ самую грязь, къ ногамъ своихъ ближнихъ». Она обѣщала дядѣ написать за него письмо къ Гиреевой и лично повидаться съ нею и со Свищовымъ.

— Всѣ забыли, всѣ забыли,—жаловался старикъ.—Имъ стыдно пріѣхать сюда... Имъ гадко смотрѣть на меня... А я не виноватъ, я маленькій человѣкъ, я исполнялъ волю другихъ.

Катерина Александровна вздохнула свободнѣе, когда вышла изъ душной, маленькой комнатки Данилы Захаровича. Она не безъ смущенія принялась хлопотать за него и посѣтила княгиню Гирееву и Свищова. Княгиня больше охала и жалѣла, чѣмъ толковала о дѣлѣ; Свищовъ же раз-

Digitized by Google

сыпался въ любезностяхъ «передъ такою милою просительницей», заявилъ, что онъ и безъ того помнитъ «старика», помнитъ, что дѣти «старика» его крестники, и утѣшилъ молодую дѣвушку надеждою, что все кончится пустяками во вниманіе прошлыхъ заслугъ и долговременной службы.

— Ну, посидитъ, посидитъ немного!—говорилъ Свищовъ шутливымъ тономъ. — Это старику полезно... душеспасительно... Я еще вотъ его распеку за васъ, когда встрѣтимся...

Свищовъ перешелъ къ любезностямъ и игривымъ словамъ; Катеринѣ Александровнѣ оставалось только удалиться.

IX.

Продолженіе предыдущей.

Въ Петербургѣ, живущемъ новостями дня, по окончаніи войны начались толки не о битвахъ, а о другихъ событіяхъ, о различныхъ перемѣнахъ въ правительственныхъ сферахъ, о различныхъ приготовленіяхъ къ чему-то и о крупныхъ событіяхъ изъ частной жизни болѣе или менѣе видныхъ людей. Исторія Боголюбова и его товарищей облетала всѣ гостиныя и залы, возбуждала негодованіе и предположенія насчетъ ея развязки. Не менѣе этой исторіи интересовало нѣкоторые кружки извѣстіе о томъ, что надъ графиней Бѣлокопытовой назначаютъ опеку, и что молодой графъ Бѣлокопытовъ женится на вдовѣ убитаго генерала Денисова, которая имѣетъ четверыхъ дѣтей и старше своего жениха лѣтъ на пятнадцать.

Одни разсказывали про графиню самыя ужасныя вещи, доказывавшія вполнѣ ея сумасшествіе, и удивлялись, что ей столько лѣтъ позволяли куралесить и мотать имѣніе. Другіе увѣряли, что самъ Дмитрій Васильевичъ мотъ и кутила, что онъ не только содержитъ Матильду Геринъ, но и кормитъ трехъ танцовщицъ, проигрываетъ тысячи и влѣзъ по уши въ долги. Одни жалѣли дѣтей Денисовой, которыхъ будетъ опекать и разорять Алексѣй Дмитріевичъ, уже поставившій въ условіе женитьбы на Денисовой уплату его двадцатипятитысячнаго долга. Другіе утверждали, что онъ обманется, что она объявитъ о неплатежѣ его долговъ и приберетъ его къ рукамъ. Гдѣ была ложь, гдѣ была правда — трудно сказать: быть-можетъ, правы были и тѣ, и другіе вѣстовщики блестящихъ салоновъ. Эти вѣсти дошли и до Софьи Андреевны и ея кружка и возбуждали различныя соображенія насчетъ будущности пріюта, гдѣ покуда шла постройка

Digitized by Google

церкви и все еще оставалось попрежнему. Но признаки того, что дѣло Дмитрія Васильевича съ женою окончится въ его пользу, были очевидны. Во время экзаменовъ, впервые назначенныхъ въ пріютѣ, графиня не появилась въ пріютъ, а ея мѣсто заступилъ ея мужъ. Онъ остался вполнѣ доволенъ отвѣтами дѣвочекъ и серьезно завелъ рѣчь съ Софьей Андреевной насчетъ ея проектовъ.

— Мы не можемъ тратить лишняго на пріютъ, — говорилъ онъ. — Средства пріюта скудны и нужно заботиться скорѣе о сокращеніи расходовъ, чѣмъ объ увеличеніи ихъ.

— Я думаю, графъ, вы могли бы увеличить эти средства помимо выдачъ изъ комитета,—отвѣтила Софья Андреевна.

— Какъ это?

— У насъ дѣти работаютъ, можно бы сдѣлать выставку ихъ работъ съ платой за входъ. Можно устроить маскарадъ въ пользу пріюта или балъ. Лотерея помогла бы... Нужно побольше предпріимчивости...

— Да, это надо обдумать,—задумался Дмитрій Васильевичъ.—А это прекрасная мысль... Это не то, что кружка у дверей, гдѣ ежегодно набирается десять рублей.

— Нынче добровольныхъ жертвователей мало, надо брать силою,—засмѣялась Софья Андреевна.

— Вы правы! Общество нужно принудить содѣйствовать намъ,—отвѣтилъ Дмитрій Васильевичъ.—Не обязана же одна фамилія нести на себѣ всю эту обузу.

— И для чего, если можно сдѣлать иначе?..

— Я очень, очень доволенъ вами, — пожалъ ей графъ руку.—Графиня насадила вездѣ старухъ,—немудрено, что дѣло пришло въ упадокъ, не шло впередъ. Теперь не такое время! Нужно дѣйствовать, теперь нужны молодыя, свѣжія силы.

— Вотъ потому-то я и подобрала въ свои помощницы молодежь,—кокетливо улыбнулась Софья Андреевна.

— Да, да, прелестный цвѣтникъ...

— Я надѣюсь, что вы хоть изрѣдка взглянете на него...

— О, непремѣнно... Я васъ попрошу лично являться въ нашъ комитетъ. Тамъ вы хотя отчасти образумите разное старье своими практическими совѣтами.

Дмитрій Васильевичъ уѣхалъ изъ пріюта въ самомъ отрадномъ настроеніи. «Эта барыня молодецъ,—думалось ему.— Изворотливая!» Софья Андреевна была также довольна и видѣла съ прозорливостью пожившей обольстительницы мужскихъ сердецъ, что графъ не ускользнетъ отъ ея рукъ въ

Digitized by Google

дѣлѣ управленія пріютомъ. Среди всѣхъ этихъ новыхъ тревогъ и событій новаго времени явился въ Петербургъ Александръ Прохоровъ.

У него замерло сердце, когда онъ снова увидалъ давно знакомый двухъэтажный домикъ противъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, когда онъ поднялся по этой крутой деревянной лѣстницѣ на галлерею, когда онъ вошелъ въ эти низенькія, чистенькія комнатки, гдѣ впервые пробудилась въ немъ его чистая любовь. Марья Дмитріевна по обыкновенію сначала растерялась при такомъ экстренномъ событіи, а потомъ облобызала молодого человѣка, какъ сына, и захохотала; Антонъ горячо поцѣловалъ своего друга; Флегонтъ Матвѣевичъ, уже переходившій, хотя и съ трудомъ, отъ стула къ стулу или изъ комнаты въ комнату и произносившій едва внятно нѣсколько словъ, также обрадовался сыну, улыбнулся какою-то полудѣтскою улыбкой, смотря на молодое похудѣвшее и загорѣлое лицо, и, какъ ребенокъ, указалъ на орденъ сына.

— Крестъ! — по-дѣтски усмѣхаясь, невнятно произнесъ онъ и опустилъ на грудь голову.

Онъ былъ похожъ на больного ребенка, постоянно былъ задумчивъ, и только изрѣдка къ нему возвращалось сознаніе. Въ эти свѣтлыя минуты онъ что-то говорилъ, — говорилъ много и торопливо, но, къ несчастью, почти никто, за исключеніемъ Антона, не понималъ его словъ. Когда старикъ замѣчалъ, что его не понимаютъ, онъ сердился и нетерпѣливо стучалъ въ полъ костылемъ, не разлучавшимся теперь съ нимъ. Окружающіе привыкли къ этому и потому старались внимательно слушать его попрежнему длинныя, многословныя рѣчи, соглашались съ нимъ, поддакивали ему,—и онъ самодовольно улыбался и въ эти минуты снова напоминалъ прежняго добродушнаго говоруна Флегонта Матвѣевича. Онъ произвелъ грустное впечатлѣніе на сына. Поспѣвъ съ отцомъ, Александръ Прохоровъ началъ терять терпѣніе: онъ ждалъ, что вотъ-вотъ появится Катерина Александровна, но она не появлялась. Наконецъ, онъ не выдержалъ и спросилъ у Марьи Дмитріевны, хлопотавшей за самоваромъ, гдѣ ея дочь. Старикъ встрепенулся и быстро заговорилъ что-то. Сынъ его не понялъ.

— Она дежурная, батюшка,—отвѣтила Марья Дмитріевна, суясь къ шкапу и комоду и хватая не то, что нужно.

— Какъ досадно!—невольно воскликнулъ Александръ.

Старикъ улыбнулся и опять забормоталъ что-то. Собесѣд-

Digitized by Google

ники могли разобрать только, что старикъ говоритъ объ Антонѣ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, куда же онъ исчезъ?—обернулся Александръ.

Старикъ опять усмѣхнулся и забормоталъ.

— Ужъ не за ней ли онъ пошелъ!—воскликнула Марья Дмитріевна.—Да не можетъ быть... А вотъ и мнѣ его нужно: въ булочную нужно... Неужто къ ней побѣжалъ?..

Старикъ весело закивалъ головой.

— Я... я... я... у... у... чилъ,—залпомъ произнесъ онъ и засмѣялся.

Александръ былъ тронутъ до слезъ и горячо обнялъ отца. Тотъ, видимо, находился въ томъ блаженномъ состояніи, въ которомъ находятся дѣти, когда имъ удастся неожиданно изумить старшихъ своею находчивостью и умомъ.

— То-то я все видѣла, что нашъ Флегонтъ Матвѣевичъ съ Антошей шепчутся,—сообразила Марья Дмитріевна.—Они вѣдь, батюшка, совсѣмъ друзьями стали. Тайны у нихъ разныя, разговоры длинные такіе заведутъ, что и не переслушаешь... Антоша-то его понимаетъ,—шепнула она Александру Флегонтовичу.—Мы и не разберемъ, а Антоша все понимаетъ.

Александръ Прохоровъ не слушалъ болтовни Марьи Дмитріевны и нетерпѣливо ждалъ прихода Катерины Александровны. Уже стемнѣло, когда послышались торопливые шаги Антона. Александръ вскочилъ и выбѣжалъ въ переднюю.

— Саша!—послышался слабый крикъ.

— Милая!—слышался мужской голосъ.

И затѣмъ все стихло. Потомъ послышалось, что кто-то плачетъ.

— О чемъ же? вѣдь я здѣсь, съ тобою?—шепталъ мужской голосъ.

Катерина Александровна и Александръ тихо вошли въ комнату Марьи Дмитріевны и сѣли. Они, казалось, забыли весь міръ и помнили только одно, что они вмѣстѣ, вмѣстѣ—навсегда.

Съ этого дня вся семья повеселѣла, какъ будто ожила. Впервые всѣ ея члены чувствовали себя вполнѣ счастливыми, и только Марья Дмитріевна порою вздыхала, что одинъ ея ненаглядный Миша, пріѣхавшій къ ней, скоро опять уѣдетъ въ другой городъ по окончаніи вакацій. Александръ Прохоровъ хлопоталъ о переводѣ на службу въ Петербургъ. При помощи Левашова, радушно встрѣтившаго

Digitized by Google

своего прежняго ученика, эти хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Затѣмъ начались заботы о наймѣ лучшей и болѣе удобной квартиры. Не безъ сожалѣнія покидала семья свой старый уголъ, гдѣ переживались и радости, и горе, гдѣ каждый уголокъ будилъ различныя воспоминанія. Софья Андреевна, замѣтивъ по сіяющему лицу Катерины Александровны, что съ послѣднею случилось что-то необыкновенное, допросила ее о случившемся. Молодая дѣвушка не сочла нужнымъ скрывать свою радость и сказала, что къ ней пріѣхалъ ея лучшій другъ, ея женихъ.

— Вы познакомьте насъ съ нимъ, — попросила Софья Андреевна.

— Онъ будетъ очень радъ познакомиться съ вами,—отвѣтила Катерина Александровна.—У него почти нѣтъ никого знакомыхъ, васъ же онъ знаетъ по моимъ разсказамъ.

— Но, право, жаль, что онъ пріѣхалъ,—ласково произнесла Софья Андреевна.—Я вѣдь большая эгоистка, и мнѣ досадно, что онъ похититъ васъ у меня.

— Похититъ?—разсмѣялась Катерина Александровна.—Зачѣмъ? Я останусь здѣсь попрежнему.

— Но вѣдь замужнія не могутъ быть помощницами.

— Я не тороплюсь свадьбой.

— Какъ? Не торопитесь свадьбой? — изумилась Софья Андреевна.—И вы говорите, что вы его страстно любите!

Катерина Александровна улыбнулась.

— Да, страстно люблю и не тороплюсь свадьбой. Я буду служить, покуда можно служить... Теперь мнѣ еще неудобно выйти изъ пріюта. Я могу еще принести здѣсь пользу и сверхъ того я еще не настолько приготовилась, чтобы приняться за другое дѣло... Досадно, право, что глупыя пріютскія правила не позволяютъ служить здѣсь замужнимъ...

— Ну, я на вашемъ мѣстѣ позабыла бы всѣ расчеты и вышла бы поскорѣе замужъ,—замѣтила Софья Андреевна.—Я не понимаю любви, которая можетъ подчиняться требованіямъ разсудка...

Катерина Александровна усмѣхнулась и промолчала. Ей казалось, что Софья Андреевна не права. Выраженіе ея лица было настолько свѣтло и ясно, что нельзя было сомнѣваться въ томъ, что она не чувствуетъ особенной грусти по случаю необходимости отложить свадьбу. Подобно Софьѣ Андреевнѣ, Марья Дмитріевна также обратилась къ дочери съ подобнымъ же вопросомъ.

Digitized by Google

— Какъ же, Катюша, со свадьбою-то?—спросила она.— Скоро думаете повѣнчаться?

— Нѣтъ, мама, мы еще объ этомъ не думали,—отвѣтила Катерина Александровна. — Саша покуда будетъ приготовляться къ академіи, и ему нельзя жениться. Мнѣ также нельзя выйти замужъ, покуда я въ пріютѣ...

— Такъ какъ же, голубка? — изумилась и опечалилась Марья Дмитріевна.—Вѣдь теперь онъ не ребенокъ, неловко жить намъ вмѣстѣ, люди станутъ пересуживать...

— Мама, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до толковъ...

— Это такъ, маточка! На всякое чиханье не наздравствуешься... Была бы своя совѣсть чиста... А все же и болтать не запретишь... Ославятъ честную дѣвушку, глаза будетъ стыдно показать на улицу...

— Не бойтесь, мама! Пусть говорятъ, что хотятъ. Я дѣлаю такъ, какъ можно, какъ позволяютъ обстоятельства, а до праздныхъ толковъ, до людскихъ соображеній мнѣ нѣтъ дѣла. Не училъ меня никто прежде, а теперь уже поздно учить...

— И сама-то ты истомишься! Годы-то уходятъ. Теперь бы и пожить въ семейныхъ радостяхъ...

— О, что касается до меня, до моего счастія, то я вполнѣ счастлива и не тороплюсь выйти замужъ...

— Ну, дай Богъ, дай Богъ!—перекрестилась Марья Дмитріевна со вздохомъ.—Конечно, онъ хорошій человѣкъ, не погубитъ тебя... А все же страшно. Онъ моложе тебя, здѣсь народу-то много, влюбиться можетъ въ другую...

Катерина Александровна засмѣялась веселымъ, безпечнымъ смѣхомъ.

— Пусть влюбляется, мама! Лучше пусть теперь влюбится, чѣмъ послѣ свадьбы!

— Ну, ты этого не говори! Женится, такъ ужъ тогда— конецъ!

Катерина Александровна усмѣхнулась и не отвѣтила ничего. Она ясно видѣла, что ей будетъ трудно объяснить матери свои мысли. Она просто поспѣшила успокоить Марью Дмитріевну насчетъ того, что Александръ ни въ кого не влюбится, не броситъ ее до свадьбы, не погубитъ ее. Старуха повздыхала и согласилась съ дочерью, говоря, что «одна надежда на Защитника сиротъ, что Онъ не оставитъ бѣдныхъ». Этимъ объясненіемъ прекратились дальнѣйшіе разспросы Марьи Дмитріевны, и она снова занялась своимъ хозяйствомъ, питьемъ и мелочными заботами.

Digitized by Google

не обращая вниманія на отношенія дочери и молодого Прохорова. Иногда она даже съ умиленіемъ говорила, что они «ровно братъ и сестра», что они, «какъ голубки, воркуютъ», что они, «какъ дѣти малыя, дружны». Дѣйствительно, дружба молодыхъ людей была искренняя и прочная. Не было ни одного плана, ни одной надежды, ни одного желанія, которые не обсуждались бы ими вмѣстѣ. Мелкія различія во взглядахъ на вещи, мало-по-малу, сглаживались; свѣдѣнія, недостающія одной единицѣ этой пары, пополнялись другою единицею; нерѣшенные однимъ умомъ вопросы рѣшались общими силами. Никакіе уроки не могли быть такъ полезны этимъ молодымъ людямъ, какъ и дружба, и они имѣли право сказать, что они узнали по опыту, что умъ—хорошо, а два—лучше того. Иногда Катерина Александровна шутя говорила Александру:

— Знаешь ли, мнѣ кажется, что мы теперь только знакомимся другъ съ другомъ. Прежде ты поклонялся мнѣ, я позволяла обожать себя, а теперь мы начнемъ всматриваться другъ въ друга.

— Смотри, не найди какихъ-нибудь недостатковъ во мнѣ и не отвернись,—шутилъ онъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ кажешься еще лучше, когда я подошла къ тебѣ поближе.

Порою онъ дѣлалъ серьезное лицо и говорилъ ей:

— Ну, не угодно ли приниматься за уроки, время уходитъ, а вамъ пора доучиться.

— Ты, пожалуйста, не важничай, я и безъ тебя могу учиться; не даромъ же я сама наставница дѣтей,—смѣялась она, принимаясь за книгу.

Бывали дни, когда молодые люди вмѣстѣ съ Антономъ, Леонидомъ и Лидіей дурачились, какъ дѣти, бѣгали по комнатамъ, играли въ жмурки. Эта смѣсь шутокъ и искренней веселости съ серьезнымъ трудомъ и нешуточными заботами имѣли много очаровательной прелести. Молодымъ здоровьемъ и бодростью вѣяло отъ этихъ свѣжихъ и веселыхъ лицъ. Они не дѣлались безнадежно унылыми и апатичными даже въ тѣ минуты, когда молодымъ людямъ вспоминалось грустная исторія убитаго брата Ивана, когда они толковали о медленно сходящемъ въ могилу отцѣ. Въ эти минуты выраженіе серьезности, легкій слѣдъ задумчивости дѣлалъ только еще прекраснѣе эти юношескія лица. Задумываясь о смерти, эти люди сознавали еще яснѣе, что нужно ловить минуты жизни, что нужно скорѣе и скорѣе стремиться къ дости-

Digitized by Google

женію своихъ цѣлей. И дѣйствительно, они быстро шли впередъ и не замѣчали, какъ летятъ дни.

— Что это васъ совсѣмъ не видать, — говорила Софья Андреевна, пожимая руку Александра Прохорова, который уже вошелъ въ ея кружокъ.

— Да развѣ мы такъ давно не видались?—изумлялся онъ.

— Вотъ вѣжливо! Вы должны были томиться въ разлукѣ со мною, а вы говорите, что вы не видали, какъ пролетѣло это время,—шутила она.

— Я постоянно справлялся о васъ въ разлукѣ, и это сокращало время,—смѣялся Александръ Прохоровъ.

Онъ очень скоро и очень близко сошелся съ кружкомъ Софьи Андреевны. Молодежь сразу полюбила его. Сначала онъ заинтересовалъ всѣхъ, какъ свидѣтель минувшей войны, принесшій съ собою множество разсказовъ; потомъ онъ сдѣлался душою кружка, какъ умный и серьезный собесѣдникъ, умѣвшій дать живое направленіе разговору. Онъ слѣдилъ за газетами и журналами, онъ интересовался каждою общественною новостью и потому постоянно направлялъ разговоры кружка къ болѣе серьезнымъ темамъ, чѣмъ толки о семейныхъ исторіяхъ и мелкихъ увеселеніяхъ. Его загорѣлое, значительно похудѣвшее лицо оживлялось во время толковъ и споровъ; его здоровый и звучный голосъ принималъ какой-то глубокій, грудной, металлическій, если можно такъ выразиться, тонъ и слышался среди десятка другихъ голосовъ. Слушая его, можно было сразу сказать, что это говоритъ здоровый и сильный человѣкъ съ широкою грудью. Катерина Александровна особенно любила его въ эти минуты оживленныхъ споровъ. Подобно ей, онъ умолкалъ, когда въ кружкѣ начинались толки объ оперѣ, о балахъ, собраніяхъ и тому подобныхъ удовольствіяхъ, доступныхъ богатымъ людямъ. Это дѣлалось неумышленно, не вслѣдствіе желанія показать, что онъ не интересуется пустыми свѣтскими удовольствіями, но просто вслѣдствіе того, что эти удовольствія были незнакомы и чужды ему. Это не могло ускользнуть отъ зоркой Софьи Андреевны. Она не могла понять, какъ могутъ такіе молодые люди, какъ Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ, не интересоваться удовольствіями, и ей казалось, что ихъ молчаніе во время толковъ объ этихъ удовольствіяхъ искусственное, напускное. Однажды въ кружкѣ шелъ шумный разговоръ о старой оперѣ, которою наслаждались члены кружка еще въ дѣтствѣ, потомъ общество начало вспоминать о разныхъ балахъ и пирахъ, происходив-

Digitized by Google

шихъ въ помѣстьяхъ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ, по обыкновенію, слушали молча эти оживленныя воспоминанія. Софья Андреевна не выдержала и замѣтила, обращаясь къ своимъ молчаливымъ слушателямъ:

— А знаете, меня удивляетъ, что у васъ совсѣмъ нѣтъ прошлаго.

— Какъ нѣтъ прошлаго? — разсмѣялась Катерина Александровна.—Неужели вы думаете, что мы сейчасъ только явились на свѣтъ?

— Не то,—отвѣтила Софья Андреевна.—Но вотъ мы всѣ цѣлый часъ толкуемъ о Віардо, о Маріо, о балахъ у бабушки, объ именинныхъ пирахъ у дѣдушки, а вы молчите, точно вся прошлая жизнь не существуетъ для васъ.

— Она и не существуетъ для насъ,—отвѣтила Катерина Александровна.—Всѣ эти Маріо и бабушкины именины не извѣстны намъ даже по слухамъ.

— Ну да, значитъ, я права, что у васъ нѣтъ того прошлаго, которое есть у общества.

— У общества? — вмѣшался въ разговоръ Александръ Прохоровъ и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ.—Вы ошибаетесь. У насъ есть именно то прошлое, которое есть у общества: мы пережили голодъ и холодъ, мы толкались по чердакамъ и подваламъ, мы работали изо всѣхъ силъ, чтобы выбиться изъ нужды, мы пережили все то, что пережило общество. А то прошлое, о которомъ говорите вы—эти Віардо, эти Маріо, эти Марлинскіе, эти петергофскія гулянья и бабушкины именинные пиры,—дѣйствительно чуждо намъ. Иногда мы даже не знаемъ тѣхъ именъ, которыя будятъ сладкія воспоминанія въ васъ. Но развѣ это прошлое принадлежитъ русскому обществу? Развѣ оно не принадлежитъ просто маленькой кучкѣ людей, наслаждавшейся разными пирами при помощи наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго богатства?

— Не отзывайтесь съ такимъ пренебреженіемъ объ этой кучкѣ людей, она все-таки гораздо важнѣе массы. Дѣло не въ количествѣ людей, а въ силѣ ихъ развитія. Ведутъ общество не массы дикарей, а развитыя единицы,—загорячилась Софья Андреевна.

— Я и не отзываюсь съ пренебреженіемъ о развитыхъ единицахъ, я только говорю, что то прошлое, о которомъ вы говорите, не есть прошлое русскаго общества,—серьезно отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Это часть прошлаго бо-

Digitized by Google

гатаго меньшинства,—но, замѣтьте, только часть, самая ничтожная, самая жалкая часть. Если это меньшинство можетъ хранить и лелѣять память о своемъ прошломъ, то ужъ никакъ не объ этомъ безумномъ прошломъ. Пусть гордится оно тѣмъ, что и оно работало вмѣстѣ съ народомъ, что и оно несло разныя тяготы вмѣстѣ съ народомъ, но пусть оно изгладитъ навсегда изъ своей памяти, какъ позорное пятно, воспоминаніе о томъ, что оно порой скакало по баламъ, объѣдалось на бабушкиныхъ пирахъ, разорялось въ балетѣ и итальянской оперѣ, зачитывалось Марлинскими и Жуковскими, когда другіе люди не находили куска хлѣба за свой неустанный трудъ. Это именно та часть вашего прошлаго, которой нужно стыдится и у которой, къ счастью, нѣтъ будущаго.

— Какъ? Не думаете ли вы, что наслажденія развитого меньшинства должны погибнуть, что искусство должно пасть?—съ изумленіемъ воскликнула Софья Андреевна.

— Думаю,—спокойно отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.— Я думаю, что безсмысленные пиры сдѣлаются со временемъ принадлежностью самой плохой части развитого меньшинства, что будутъ кутить только выскочки, награбившіе капиталъ и одурѣвшіе отъ богатства, что человѣчество перестанетъ безсмысленно сжигать тысячи на фейерверки, когда около него будутъ голодные, что искусство съ одной стороны перейдетъ окончательно въ омерзительный развратъ въ родѣ такого балета, гдѣ будутъ привлекать уже не коротенькія юбочки, а просто совсѣмъ обнаженныя женщины, а съ другой стороны, оно превратится въ помощника науки, будетъ однимъ изъ средствъ для развитія и образованія массъ.

— Богъ мой, я и не знала, что вы такой противникъ искусства и наслажденій!—воскликнула Софья Андреевна.— Это немножко фатовство!

— Напротивъ того, я благоговѣю передъ искусствомъ больше васъ и люблю наслажденія уже просто потому, что иногда слишкомъ много работаю. Только вамъ кажется, что искусство должно быть безцѣльной потѣхой, должно работать для украшенія будуаровъ хорошенькими картинками и статуэтками, а мнѣ кажется, что оно должно служить на пользу человѣчества и быть такою же святыней, какъ наука,—святыней, которую нельзя бы было смѣшать съ площаднымъ паясничествомъ или такою язвою-разорительницею, какъ пьянство... Я думаю, что искусство будетъ имѣть серьезное значеніе только тогда, когда оно будетъ приносить пользу

Digitized by Google

человѣчеству и не будетъ разорять человѣчества. Если же оно будетъ только предметомъ роскоши и прихоти, если на него будутъ затрачиваться сотни тысячъ въ то время, когда тысячи людей сидятъ безъ хлѣба,—то не надо его! Въ этомъ случаѣ противъ него надо воевать, какъ противъ всякой роскоши, какъ противъ пьянства. То же самое я скажу объ удовольствіяхъ: они необходимы для трудящагося человѣка, но покуда удовольствія будутъ являться въ видѣ тысячныхъ фейерверковъ, въ видѣ ослѣпительныхъ выставокъ безумно роскошныхъ нарядовъ на балахъ, въ видѣ развращающихъ и дорогихъ балетовъ,—я буду возставать противъ нихъ.

Александръ Прохоровъ на минуту замолчалъ и, кажется, ждалъ возраженій, но ихъ никто не дѣлалъ.

— Вы, кажется, соглашаетесь со мной?—спросилъ онъ задумавшуюся Софью Андреевну.

— Я? Нѣтъ!—быстро отвѣтила она, встряхнувъ головой.— Вамъ легко все это говорить, потому что у васъ не было этого прошлаго, а мнѣ и всѣмъ другимъ, у кого оно было, не легко разстаться съ нимъ.

— А все-таки разстанутся,—отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Обстоятельства заставятъ разстаться. Безполезное искусство и дорогія наслажденія поддерживаются только рабствомъ, крѣпостничествомъ, крайнимъ перевѣсомъ богатства однихъ надъ богатствомъ другихъ.

— Ну, это еще не скоро кончится!

— Очень жаль, но все же можно твердо вѣрить, что это кончится когда-нибудь. Въ противномъ случаѣ не стоило бы честно жить, честно работать.

Въ комнатѣ на нѣсколько минутъ настало молчаніе. Вдругъ Софья Андреевна подняла голову и обратилась къ Александру Прохорову.

— А знаете ли, какія мысли бродили въ моей головѣ теперь?—проговорила она.

— Вамъ хотѣлось бы теперь потанцовать на какомъ-нибудь шумномъ балу?—улыбнулся Александръ Прохоровъ.

— Ну, вотъ выдумали!—засмѣялась она.—Будто ужъ я только о балахъ и думаю!.. Нѣтъ! Мнѣ пришла въ голову странная мысль: мнѣ показалось, что если бы въ нашихъ рукахъ была власть, если бы мы были общественными дѣятелями, то вы и Катерина Александровна, прежде всего, истребили бы все то, чѣмъ жили, чѣмъ дорожимъ мы. Вы разбили бы нашихъ кумировъ, вы сорвали бы наши дорогія украшенія, вы обратили бы наши залы въ рабочія комнаты.

Digitized by Google

въ лазареты, въ пріюты, въ школы и засадили бы насъ за ткацкіе станки. Мою бабушку сдѣлали бы надзирательницей въ мастерской, а меня ткачихой...

— О, да у васъ очень живая фантазія!—засмѣялся Александръ Прохоровъ.

— Вы похожи на пришельцевъ въ цвѣтущій уголокъ земли изъ другого конца свѣта,—продолжала Софья Андреевна: — пришельцевъ, которые не знаютъ ни радостей, ни священныхъ преданій, ни теплыхъ воспоминаній этой страны и которые не трогаютъ въ ней ничего, безпечно бесѣдуютъ съ ея обитателями только потому, что у нихъ еще нѣтъ силы, что ихъ еще мало. Но какъ только явится у нихъ сила, какъ только увеличится ихъ число—они бросятся на все и сотрутъ съ лица земли все, что было дорого кореннымъ обитателямъ страны...

— Картина красивая,—усмѣхнулся Александръ Прохоровъ:—только, къ сожалѣнію, невѣрная. Мы, дѣйствительно, должны казаться вамъ какими-то выходцами изъ другого міра. Но это только потому такъ кажется вамъ, что вы за шумомъ баловъ, за рукоплесканіями театровъ, за цвѣтами своихъ наслѣдственныхъ гостиныхъ не замѣчали, что мы живемъ рядомъ съ вами, что мы, пожалуй, даже прежде васъ поселились въ этой же странѣ, бросивъ въ нее первое хлѣбное зерно. Мы только жили различною жизнью, не похожею на вашу жизнь. Теперь мы, среди чернаго труда, успѣли кое-какъ образовать себя, поднялись до васъ и столкнулись вмѣстѣ; мы отрицаемъ часть того, чѣмъ дорожите вы, и вамъ кажется, что мы ваши враги, что мы хотимъ разрушить все дорогое вамъ. Вы ошибаетесь: мы просто хотимъ указать вамъ, что въ вашемъ прошломъ есть много дурныхъ привычекъ, опасныхъ стремленій, которыми вы дорожите, какъ дѣти иногда дорожатъ какимъ-нибудь красивымъ, но ядовитымъ цвѣткомъ; мы предлагаемъ вамъ бросить этотъ цвѣтокъ и въ то же время указываемъ вамъ, что и въ вашемъ прошломъ есть прекрасныя стороны жизни, общія съ нашею жизнью, и что именно этимъ сторонамъ принадлежитъ будущее.

— Однако, вы порядочный идеалистъ,—шутливо замѣтилъ кто-то изъ мужчинъ.—Вы все заботитесь о будущемъ, о потомствѣ...

— Ну, въ идеализмѣ-то я не грѣшенъ,—отвѣтилъ Александръ Прохоровъ, взглянувъ на вмѣшавшагося въ разговоръ господина.—Развѣ это идеализмъ, если я считаю не-

Digitized by Google

лѣпымъ заниматься раздуваніемъ мыльнаго пузыря, который при всѣхъ моихъ усиліяхъ лопнетъ, и считаю разумнымъ уходъ за растеніемъ, которое, въ концѣ концовъ, дастъ хорошіе плоды?

— Которыхъ вы не будете кушать?—вставилъ собесѣдникъ.

— Ну, этого я не знаю. Даромъ пророчества не обладаю. Я знаю только одно, что мыльный пузырь не дастъ ни при какихъ условіяхъ никакихъ плодовъ и лопнетъ непремѣнно, а относительно растенія я знаю, что оно дастъ плоды; кто ихъ будетъ ѣсть, это, конечно, неизвѣстно: оно можетъ вырасти быстро, я могу прожить долго и дожить до появленія плодовъ. Можетъ случиться и иначе, но живой живое и думаетъ. Если бы я зналъ, что я умру завтра, то я, конечно, не сталъ бы заниматься никакими сажаніями цвѣтовъ, а пошелъ бы исповѣдоваться и пріобщаться св. таинъ, написалъ бы духовное завѣщаніе и заказалъ бы себѣ саванъ и гробъ...

— Примѣрный христіанинъ!—засмѣялась Аделаида Николаевна.

— Нѣтъ, я еще не отстану отъ васъ,— промолвила Софья Андреевна.—Покуда вы еще не умерли, скажите, что бы вы сдѣлали, если бы нашли въ рукахъ ребенка ядовитый цвѣтокъ, и если бы ребенокъ не отдалъ вамъ его добровольно?

— Я отнялъ бы этотъ цвѣтокъ силою,—отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Ну, это я такъ и знала!.. А теперь не худо бы насладиться чуждыми вамъ наслажденіями *нашихъ* предковъ,— промолвила Софья Андреевна и обратилась къ Аделаидѣ Николаевнѣ:—спой, Адель, что-нибудь.

Аделаида Николаевна встала и направилась къ роялю.

— Это будетъ наказаніе вамъ,—сказала Софья Андреевна.

— Я очень люблю музыку и пѣніе,—отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Любите?—изумилась Софья Андреевна.

— Очень, и жалѣю только объ одномъ, что хорошая музыка и хорошее пѣніе слишкомъ дорого стоятъ массамъ, хотя онѣ и не наслаждаются ни хорошею музыкой, ни хорошимъ пѣніемъ.

Аделаида Николаевна запѣла какой-то романсъ. Всѣ замолчали. Потомъ пѣвицу смѣнилъ кто-то изъ мужчинъ. Софья Андреевна сама сѣла за фортепіано и заиграла увертюру изъ «Вильгельма Телля».

Digitized by Google

— Это для васъ,—весело крикнула она черезъ залу Александру Прохорову.

Едва замолчали звуки россиніевской музыки, какъ въ гостиной загремѣлъ какой-то бравурный, увлекательный вальсъ.

— Танцуйте же, дѣти!—крикнула Софья Андреевна.

По гостиной понеслись двѣ пары, и гдѣ-то опрокинулся стулъ, задѣтый развѣвающимся платьемъ одной изъ танцующихъ.

— А вы что же не танцуете?—звонко спросила Софья Андреевна у Александра Прохорова.

— Хотите узнать мои способности по этой части?—засмѣялся онъ.—Извольте.

Онъ сдѣлалъ два тура вальса.

— А вы, милочка?—обратилась Софья Андреевна къ Катеринѣ Александровнѣ.

— А меня даже и танцовать не учили,—отвѣтила Катерина Александровна.—Я буду воевать даже и противъ танцевъ, а то, пожалуй, кто-нибудь похититъ Александра на моей собственной свадьбѣ.

Общество оживилось и отдалось совершенно безпечному молодому веселью. Софья Андреевна, за недостаткомъ танцующихъ дамъ, позвала танцовать трехъ старшихъ изъ оставшихся въ пріютѣ на лѣто воспитанницъ, а остальнымъ позволила смотрѣть на танцы.

— Ну-съ, не привлекательны наслажденія нашего прошлаго?—спросила хозяйка на прощаньи у Александра Прохорова.—Не въ правѣ мы стоять за нихъ?

— Да развѣ ваши предки такъ веселились?—засмѣялся Александръ Прохоровъ.—Это слишкомъ дешевый пиръ. Такими пирами наслаждается и масса.

Подобные споры и неожиданныя пирушки стали повторяться въ лѣтнее время все чаще и чаще въ квартирѣ Софьи Андреевны, и молодежь незамѣтно сближалась между собою. У Александра Прохорова тоже началъ расширяться кругъ знакомыхъ офицеровъ и студентовъ.

Поселившись въ Петербургѣ, Александръ Прохоровъ ясно видѣлъ, что ему недостанетъ одного жалованья для содержанія отца и для поддержки Прилежаевыхъ. Для увеличенія своихъ матеріальныхъ средствъ онъ рѣшился заняться приготовленіемъ дѣтей къ поступленію въ военно-учебныя заведенія. Осенью онъ публиковалъ въ газетахъ, что онъ берется обучать дѣтей, желающихъ поступить въ корпуса, и

Digitized by Google

при помощи Левашова получилъ мѣсто учителя математики въ одномъ изъ приготовительныхъ пансіоновъ. Кромѣ того, онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ спеціальныхъ замѣтокъ въ «Военный Сборникъ» и сразу обзавелся довольно широкимъ кружкомъ знакомыхъ, большею частью изъ артиллеристовъ, прежнихъ его товарищей или знакомыхъ Левашова. Рядомъ съ этими стремленіями увеличить свои доходы, у Прохорова шли заботы о расширеніи своихъ познаній. Всматриваясь въ его будничную жизнь, можно было удивиться его практическому смыслу и его энергичной дѣятельности. Съ семи часовъ утра до семи, до восьми часовъ вечера этотъ человѣкъ то работалъ лично для своего образованія, то исполнялъ принятыя на себя обязанности для добыванія хлѣба. И послѣ рабочаго дня онъ снова готовъ былъ работать или являлся въ кругу своихъ разнообразныхъ знакомыхъ говорливымъ и оживленнымъ собесѣдникомъ. Казалось, эта натура не знаетъ усталости, не знаетъ покоя. Можно бы было бояться за его здоровье, если бы его лицо не выглядѣло такъ бодро, такъ свѣжо, и если бы онъ самъ не говорилъ, что онъ никогда не чувствуетъ усталости. Всматриваясь поближе въ образъ его жизни, можно было замѣтить, что его бодрость и выносливость не были слѣдствіемъ одной молодости и здоровой натуры. Нѣтъ, онъ самъ говорилъ, что нужны только умѣнье и средства, и человѣкъ можетъ поддержать себя и увеличить свои силы. Это умѣнье поддержать себя было у Прохорова. Онъ постоянно смѣнялъ свои занятія: послѣ долгаго сидѣнья ходилъ пѣшкомъ на уроки; обѣдалъ въ опредѣленное время; вставалъ рано, ложился не очень поздно; по непривычкѣ къ кутежамъ велъ довольно трезвую жизнь и самъ со смѣхомъ говорилъ, что «онъ спитъ въ сущности за троихъ, такъ какъ онъ спитъ мертвымъ сномъ, тогда какъ другіе только дремлютъ». Онъ иногда замѣчалъ, что «корпусъ имѣлъ то благодѣтельное значеніе для него, что пріучилъ его дѣлать все въ опредѣленное время и не валяться на постели». Военное время, по его мнѣнію, также имѣло для него отчасти хорошее значеніе, пріучивъ его къ выносливости и хотя нѣсколько познакомивъ съ образомъ жизни европейцевъ. «Они дѣйствительно живутъ всѣмъ организмомъ и являются членами своей родины,—говаривалъ онъ.—Мы же или ходимъ въ дремотѣ или лежимъ на постели тоже въ дремотѣ и иногда не только не интересуемся, что дѣлается въ глубинѣ Россіи, но не знаемъ, что происходитъ въ нашемъ родномъ городѣ».

Digitized by Google

Если бы можно было судить о человѣкѣ по одной сторонѣ его жизни, то, можно бы подумать, что изъ Прохорова выработается аккуратный и расчетливый нѣмецъ или стремящійся превратиться въ машину англичанинъ. Но рядомъ съ этою аккуратностью и расчетливостью появлялись и другія черты, быть-можетъ, менѣе полезныя въ грубомъ, чисто-матеріальномъ значеніи для самого Прохорова, но зато болѣе привлекательныя для близкихъ къ нему лицъ,—черты, чисто русскія, дышащія первобытною наивностью и добродушіемъ, за которыя мы такъ часто привязываемся всею душой къ человѣку даже въ томъ случаѣ, когда видимъ въ немъ множество ошибокъ: Прохоровъ былъ добрякомъ, подобно своему отцу, и отличнымъ товарищемъ. У него всегда могъ переночевать безпріютный; его кошелекъ была открытъ для тѣхъ, у кого не было денегъ; онъ готовъ былъ бѣжать ночью въ аптеку или за докторомъ для больного; онъ въ пріятельскомъ кружкѣ забывалъ за спорами и живыми бесѣдами свои урочные часы сна и обѣда и съ наслажденіемъ выпивалъ стаканъ, другой вина. Желѣзная кровать съ бѣлымъ одѣяломъ; турецкій диванъ, обитый клеенкой; ломберный столъ, игравшій роль письменнаго стола и заваленный книгами, бумагами и папиросами; нѣсколько легкихъ стульевъ; шкапъ съ небогатымъ гардеробомъ,—вотъ почти все, что имѣлъ Прохоровъ, хотя въ его старомъ замшевомъ кошелькѣ иногда водились не малыя деньги. Онъ почти постоянно ходилъ въ потертомъ пальто, которое носилось весной, зимой и осенью; онъ мало обращалъ вниманія на тонкость сукна на своихъ сюртукахъ, и если чѣмъ-нибудь могъ щегольнуть, такъ развѣ только тонкостью и чистотою бѣлья. Этого аккуратнаго, расчетливаго и не имѣвшаго никакихъ претензій человѣка нерѣдко обирали и надували пріятели; иногда это вызывало довольно комичныя сцены, но онъ очень добродушно выносилъ пріятельскія продѣлки и говорилъ, что «нужно же платить за уроки».

— Нужно узнать какъ можно больше людей, чтобы выбрать себѣ дѣйствительно хорошихъ друзей.

— Да зачѣмъ же, голубчикъ вы мой, всякую-то дрянь—прости Господи!—къ себѣ въ домъ впускать,—говорила ему Марья Дмитріевна.

— Да какъ же узнать-то: дрянь это или нѣтъ, если не впустишь ее къ себѣ въ домъ?

— Да вѣдь этакъ васъ и оберутъ совсѣмъ...

— Ну, тогда и узнаю, что они дрянь. Попробуйте-ка

Digitized by Google

замки вездѣ навѣшать, да стражу приставить, такъ, пожалуй, вы и весь вѣкъ не узнаете, есть ли на свѣтѣ воры...

— А! пусто бы имъ было!.. Дай Богъ, и весь вѣкъ про нихъ не знать,—открещивалась Марья Дмитріевна.

— Ну, а вотъ меня интересуетъ, какіе такіе бываютъ воры,—смѣялся Александръ Прохоровъ.

— А вотъ погодите, какъ оберутъ васъ до-гола, тогда и узнаете. По-міру пустятъ!

— Не пустятъ, Марья Дмитріевна. У меня вѣдь свои крестьяне есть: сегодня меня обокрадутъ, завтра они оброкъ принесутъ,—добродушно шутилъ Александръ Прохоровъ, показывая на своихъ крестьянъ—на свои руки и голову.

Марья Дмитріевна только головой покачивала.

— Самъ не кутитъ, въ карты не играетъ, такъ другіе шаромыжники изъ него деньги вытягиваютъ,—жаловалась она на Прохорова Катеринѣ Александровнѣ.

— Ну, мама, всего онъ не отдастъ, а если что пропадетъ, такъ стоитъ ли объ этомъ говорить,—вѣдь ему не для дѣтей копить.

— Какъ не для дѣтей? Ты думаешь, что такъ вы и весь вѣкъ проживете? Выйдешь, голубка, замужъ,—будутъ и дѣти.

— Ну, когда еще будутъ, а теперь будемъ жить, какъ хочется...

Съ каждымъ днемъ Катерина Александровна все болѣе и болѣе сближалась съ Александромъ Прохоровымъ и все сильнѣе и сильнѣе любила его. Мирныя бесѣды молодыхъ людей въ обществѣ Антона и Леонида; веселыя вечеринки въ кружкѣ Софьи Андреевны; уроки въ пріютѣ и подготовка къ слушанію лекцій акушерства; посѣщеніе дяди и заботы о его судьбѣ; хлопоты съ Софьей Андреевной объ улучшеніи положенія пріюта, все это отходило на задній планъ, все это на время забывалось въ тѣ минуты, когда молодые люди оставались одни.

— Иногда мнѣ дѣлается досадно и больно, что до нашей свадьбы еще нужно такъ долго ждать,—говорилъ Александръ Прохоровъ.

Катерина Александровна молча и задумчиво склонялась ему на плечо.

— Ты знаешь, что теперь мнѣ еще нельзя оставить пріютъ,—тихо говорила она.—Тамъ еще не все устроено по-моему, и сама я еще не вполнѣ приготовилась къ новому труду...

— Знаю, знаю... причинъ-то много, но вѣдь это тяжело...

Digitized by Google

Александръ тихо цѣловалъ ея руки. Катерина Александровна молча любовалась его молодымъ, энергичнымъ и страстнымъ лицомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ она начала замѣчать, что на это лицо набѣгаютъ какія-то тучки, что Александръ Прохоровъ какъ будто избѣгаетъ оставаться съ нею наединѣ. Порою, оставшись съ нею вдвоемъ, онъ спѣшитъ приняться за чтеніе какой-нибудь книги... Въ его ласкахъ явилось что-то порывистое... Катерина Александровна стала серьезно задумываться о своемъ положеніи и о положеніи своего друга. Ей и самой становилось тяжело. Иногда она долго ходила по комнатѣ, не принимаясь ни за что; иногда она не слышала, что ей говорятъ. Выраженіе ея лица было то разсѣяннымъ, то какимъ-то сосредоточеннымъ. Она замѣтно поблѣднѣла, хотя порой ея щеки вспыхивали яркимъ румянцемъ. Видно было, что въ ея душѣ происходитъ какая-то новая тяжелая борьба. Черезъ нѣсколько времени она сама какъ будто стала сторониться отъ Александра Прохорова. Это въ свою очередь не ускользнуло отъ его вниманія.

— Я, кажется, слишкомъ поторопился пріѣхать,—замѣтилъ онъ однажды какимъ-то нервнымъ раздражительнымъ тономъ.

— Ты раскаиваешься? — спросила Катерина Александровна, прямо взглянувъ ему въ глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ! — быстро произнесъ онъ и горячо прижался губами къ ея рукѣ.

А потомъ опять на его лицо набѣжали тучки...

Однажды въ обществѣ Софьи Андреевны, среди множества другихъ споровъ, зашелъ споръ о любви.

— Не понимаю я этихъ платоническихъ вздыхателей и вздыхательницъ, которые описываются въ романахъ,—горячо замѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Это или идіоты, или лжецы, или просто куклы, созданныя разстроеннымъ воображеніемъ.

Софья Андреевна мелькомъ вопросительно взглянула на Александра Прохорова и на Катерину Александровну. Этотъ взглядъ не ускользнулъ отъ Катерины Александровны, и она покраснѣла. Александръ Прохоровъ ничего не замѣтилъ въ пылу спора.

— Впрочемъ, въ жизни, къ счастію, платоническая любовь оканчивается законнымъ бракомъ или приводитъ вздыхателей къ тому сознанію, что они никогда не любили другъ друга. Люди по большей части все-таки обладаютъ настолько здравымъ смысломъ, что не могутъ довольствоваться вздохами.

Digitized by Google

— Можетъ-быть, нынче,—возразилъ кто-то:—но вѣдь были вѣка романтизма, когда иной рыцарь былъ счастливъ однимъ благосклоннымъ взглядомъ обожаемой женщины.

— Во-первыхъ, тутъ многое присочинено пылкими воссоздателями среднихъ вѣковъ, а во-вторыхъ, господа рыцари были настолько развращенный, пресытившійся въ развратѣ со своими крѣпостными народъ, что у нихъ могла явиться потребность платонической любви и обожанія. Ненормальныя отношенія къ однѣмъ женщинамъ вызвали такія же ненормальныя отношенія къ другимъ женщинамъ. Съ одной стороны былъ развратъ, съ другой игра въ сентиментальные вздохи.

Катеринѣ Александровнѣ было тяжело. Она видѣла по волненію Александра Прохорова, что онъ говорилъ о чемъ-то близкомъ для него. Ей было неловко выносить испытующіе взгляды Софьи Андреевны, и она поспѣшила тихо шепнуть Софьѣ Андреевнѣ:

— Я согласна съ Александромъ, я не могу себѣ представить, чтобы можно было любить и вѣчно жить, напримѣръ, такъ, какъ мы. Конечно, мы разошлись бы, если бы мы не знали, что черезъ годъ намъ можно будетъ отпировать свадьбу.

Она говорила это тихо, въ волненіи и въ душѣ сознавала, что и ей, и Александру покажется очень долгимъ этотъ годъ.

Наступила весна. У Катерины Александровны прошли экзамены въ пріютѣ, и настало свободное время. Она бывала чаще дома, чаще видѣлась съ Александромъ Прохоровымъ, у котораго также кончилась большая часть уроковъ. Иногда молодые люди, въ сопровожденіи Лидіи, Леонида и Антона, предпринимали дальнія прогулки, иногда они просиживали вечера гдѣ-нибудь за городомъ въ саду. Почти всегда Лидія, Леонидъ и Антонъ являлись ихъ неизмѣнными собесѣдниками.

— У насъ нынче свои адъютанты завелись, — замѣтилъ какъ-то Прохоровъ насмѣшливымъ тономъ.

Катерина Александровна промолчала.

— А ты, Катя, не думаешь и теперь проститься съ пріютомъ?

— Нѣтъ, ты знаешь, что многое еще требуетъ измѣненія,—отвѣтила она.—Софья Андреевна отличная женщина, но мотылекъ... Она способна перестраивать все, покуда ее подталкиваютъ, а перестанутъ подталкивать — она и помирится на своихъ вечеринкахъ...

Digitized by Google

— Да, это правда!—вздохнулъ Александръ Прохоровъ.

— Притомъ же окружающіе ее люди еще менѣе серьезны, чѣмъ она... Мнѣ нуженъ еще годъ...

Александръ Прохоровъ промолчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Но по его лицу было видно, что ему тяжело. Не легче было и молодой дѣвушѣ, знавшей, что съ ея свадьбой должна кончиться ея пріютская дѣятельность. Прошло еще нѣсколько дней. Онъ между разговоромъ сказалъ Катеринѣ Александровнѣ, что онъ хочетъ взять отпускъ на двадцать восемь дней.

— Отдохнуть хочется, — закончилъ онъ. — Поѣду куда-нибудь провѣтриться.

— Уѣдешь?!—почти воскликнула Катерина Александровна и поблѣднѣла.

— Да, не надолго, недѣли на двѣ,—отвѣтилъ онъ.—Тяжело какъ-то, приросъ я къ мѣсту...

Катерина Александровна задумалась... «Нѣтъ, онъ не уѣдетъ,—мелькало въ ея головѣ.—Я не хочу быть причиной его бѣгства изъ родного дома». Она вся раскраснѣлась и взволновалась. Черезъ минуту она встала и положила руку на плечо Александра Прохорова.

— Милый, не лучше ли взять небольшую дачу... Это было бы полезно и твоему отцу, и Антону...

— А ты здѣсь останешься? — спросилъ онъ, поднявъ къ ней глаза.

— Я возьму отпускъ на мѣсяцъ,—тихо отвѣтила она.

Онъ не спускалъ глазъ съ ея раскраснѣвшагося прекраснаго лица; она смотрѣла въ окно на заходящее солнце и избѣгала встрѣтиться глазами съ взглядомъ Александра Прохорова.

— Глядите, глядите, она точно золотая вся! — крикнулъ Антонъ, вбѣжавъ въ комнату и взглянувъ на сестру, облитую съ головы до ногъ лучами заходящаго солнца.

— Да, да, золотая! — задушевно произнесъ Александръ Прохоровъ, горячо прижимая къ губамъ ея руку.

Она ласково гладила его волосы и задумчиво улыбалась.

Черезъ три дня семья перебралась въ небольшую дачу въ Лѣсной. Катерина Александровна должна была пріѣхать туда черезъ недѣлю.

Digitized by Google

КНИГА IV.

I.

Добрый родственникъ.

Стояли теплые, долгіе лѣтніе дни. Солнце золотило каждую травку, его лучи прокрадывались въ каждую щелку. Все въ природѣ расцвѣтало, распускалась каждая цвѣточная почка, щебетала въ лѣсу каждая птица. Въ эту пору и людямъ живется лучше и привольнѣе, чѣмъ зимой. Но, можетъ-быть, никому не жилось такъ хорошо въ это лѣто, какъ Катеринѣ Александровнѣ и Александру Прохорову. Они ловили дни отдыха и дни любви. Оба эти человѣка не считали отдыха и любви цѣлью своей жизни, но, какъ рабочій народъ, наработавшись до поту лица изъ-за куска хлѣба, они сознавали, что и отдыхъ, и любовь были лучшею наградой за дни труда, за дни будничныхъ столкновеній съ чужими людьми, за дни мелкихъ жизненныхъ дрязгъ. Послѣ мѣсяца полной, беззаботной свободы, молодые люди готовились снова приняться за свои обычныя занятія съ новыми силами, съ новой энергіей и спокойною душой. Даже Марья Дмитріевна, хлопотавшая по хозяйству и не безъ сердечнаго удовольствія, хотя и жалобнымъ тономъ, учившая «свою кухарку», какъ нужно служить «благороднымъ господамъ», была, повидимому, спокойнѣе обыкновеннаго и, казалось, не мучилась никакими мрачными предчувствіями. Ее веселило присутствіе всѣхъ ея дѣтей и дѣтей Данилы Захаровича въ ея домѣ, и если какая-нибудь забота волновала ее, такъ это забота о какихъ-нибудь пирожкахъ для дѣтей. За дѣтьми Данилы Захаровича она ухаживала почти больше, чѣмъ за своими дѣтьми, постоянно говоря имъ: «Не взыщите, кушайте, дѣточки, что Богъ послалъ. Вѣдь вы къ сладенькому

Digitized by Google

куску привыкли у папаши!» И дѣти любили добрую и простенькую «тетю» гораздо болѣе, чѣмъ свою мать. Они были очень рады, что Катерина Александровна рѣшилась сойтись съ Павлой Абрамовной. Первый шагъ къ сближенію съ Павлой Абрамовной Катерина Александровна сдѣлала черезъ силу, и сдѣлала его только ради Леонида и Лидіи. Она боялась, что Павла Абрамовна не станетъ отпускать дѣтей гостить къ ней. Но, противъ ея ожиданія, Павла Абрамовна очень обрадовалась возможности «освободиться» отъ дѣтей и очень откровенно замѣтила, что они «надоѣли ей, какъ горькая рѣдька». Павла Абрамовна была женщина откровенная. Изъ вѣжливости Катерина Александровна пригласила къ себѣ и Павлу Абрамовну, но та сказала, что она никуда не выѣзжаетъ и, конечно, только обрадовала этимъ племянницу своего мужа. Дѣла, такимъ образомъ, устроились къ общему удовольствію: Леонидъ и Лидія пріѣзжали на дачу на три, на четыре дня; Павла Абрамовна разъѣзжала куда-то съ Карломъ Карловичемъ; Антонъ и Миша радовались присутствію въ ихъ домѣ двоюродныхъ брата и сестры, а взрослые члены семьи могли не опасаться за внезапное появленіе въ ихъ домѣ никѣмъ не любимой матери этихъ дѣтей. Попрежнему печально влачилъ свою жизнь только Данила Захаровичъ, все еще содержавшійся подъ арестомъ. Но и у него уже явились кое-какія надежды на освобожденіе, хотя онъ и не могъ сказать навѣрное, когда онѣ осуществятся.

Такъ жилось кружку нашихъ героевъ въ это лѣто, и нечего говорить, что все-таки счастливѣе всѣхъ его членовъ были Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ. Она попрежнему читала и училась; онъ напечаталъ и подговлялъ рядъ статей о воспитаніи вообще и о воспитаніи въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ въ особенности. И ея ученье, и его литературные труды шли довольно удачно подъ вліяніемъ полнаго душевнаго спокойствія и свѣтлаго счастія. Онъ уже сдѣлалъ себѣ имя въ литературѣ, хотя не очень громкое, но честное и вполнѣ достойное уваженія. Катерина Александровна гордилась его успѣхами на этомъ поприщѣ. Ни одна черная мысль, ни одно робкое опасеніе за будущее не смутили въ это время ихъ счастія.

— Милая, какъ это ты рѣшаешься теперь входить въ мою комнату безъ тѣлохранителей?—шутилъ однажды Александръ Прохоровъ, встрѣчая Катерину Александровну въ своей комнатѣ въ мезонинѣ дачи.

Digitized by Google

— Хочешь, я ихъ позову сейчасъ? Антонъ, Ми...—начала Катерина Александровна звать братьевъ.

— Тсъ! — зажалъ ей рукой ротъ Александръ. — Теперь поздно! Не извольте распоряжаться въ моей комнатѣ.

— Ага, испугался!—засмѣялась она.—Да вѣдь ихъ и не докличешься, они въ лѣсъ ушли... Вотъ развѣ маму позвать?..

— Ну, полно, полно, намъ хорошо и однимъ...

— Да, хорошо!—прижалась къ нему Катерина Александровна. — Знаешь ли, что мнѣ иногда думается? Мнѣ кажется, что я лучшей жизни не желала бы. Пусть бы всегда, всегда такъ жилось...

— Вѣчно бы было лѣто, вѣчно были бы мы вдвоемъ, какъ Павелъ и Виргинія?—смѣялся Александръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то!—поторопилась возразить Катерина Александровна. — Я хотѣла бы работать, много работать, жить въ шумномъ обществѣ, среди тревогъ, волненій и, пожалуй, непріятностей, жить такъ до усталости, до того, чтобы душа запросила отдыха и любви, твоей любви, твоихъ ласкъ, не смущаемыхъ ничѣмъ.

— А, такъ ты вотъ какъ! Ты меня считаешь чѣмъ-то въ родѣ сладкаго третьяго блюда въ праздникъ, — смѣялся Александръ.

— А развѣ ты не считаешь нашей любви, нашего отдыха тѣмъ же? Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не хочешь ли ты самъ увезти меня куда-нибудь на необитаемый островъ Тихаго океана, чтобы вѣчно, вѣчно отдыхать и наслаждаться одной любовью?..

— Нѣтъ, нѣтъ, одно сладкое вредно...

— И наскучитъ, перестанетъ казаться сладкимъ... Помнишь пословицу: не узнаешь горькаго, не узнаешь и сладкаго...

— Оттого-то намъ и живется такъ хорошо теперь, что мы уже вкусили очень много горькаго.

— Да, милый, милый, сколько пережито... Порой все прошлое мнѣ кажется сновидѣніемъ... Иногда я сама не знаю, какъ я могла пережить все это, когда начну вспоминать день за днемъ прошлую жизнь... Подвалъ, голодъ, глупая школа, пьяный отецъ, безпомощная мать, вымаливанье куска хлѣба, поиски за мѣстомъ, оскорбленія со стороны разныхъ Зубовыхъ, скорбь за бѣдныхъ дѣтей, разлука съ тобою... А та минута, когда я думала, что ты убитъ... Одной ся довольно, чтобы сойти съ ума... Вѣдь я уже тогда вѣ-

Digitized by Google

рила въ твою любовь, знала, что только съ тобою я дойду до цѣли...

Александръ молча цѣловалъ ея руки. Катерина Александровна сидѣла около него неподвижно, въ раздумьи о былом.

— Мнѣ вспомнилось,—тихо заговорила она:—что я гдѣ-то читала, будто все, «что пройдетъ, то будетъ мило». Это неправда, это, вѣроятно, написалъ человѣкъ, не испытавшій того горя, которое губитъ безвозвратно голодныхъ и холодныхъ людей... Какъ можетъ быть мило мнѣ мое прошлое, тебѣ твое прошлое?.. Мило намъ теперь въ немъ то, что было мило и тогда. Но могутъ ли быть милы тѣ страданья, которыя губили здоровье, которыя отнимали безъ пользы лучшіе годы жизни?.. Я понимаю, что и тяжелый трудъ, и непріятности прошлаго могутъ быть милы, если мы сами для какой-нибудь благой цѣли взяли на себя крестъ, и вынли, несмотря на его тяжесть, побѣдителями изъ борьбы. Но вѣдь эти страданья милы намъ не потому, что они прошли... Своего же прошлаго, если бы на мнѣ даже не осталось не единаго грустнаго слѣда отъ него, я все-таки не полюблю уже просто потому, что въ его тьмѣ я вижу нѣсколько могилъ, разрытыхъ его гнетущею рукой... Отецъ, Даша, твой братъ—этихъ именъ вѣдь не вычеркнешь изъ памяти...

Катерина Александровна на минуту умолкла.

— Вотъ тоже на-дняхъ я встрѣтила въ городѣ Скворцову,—начала Катерина Александровна.—Совсѣмъ погибла! Ѣдетъ на дрожкахъ съ какимъ-то старикашкой. Похудѣла, лицо какое-то помятое... Пошла по мытарствамъ!.. Вѣдь это тоже одна изъ тѣней прошлаго.

Молодая дѣвушка встала и заходила по комнатѣ. Ея лицо было взволновано и горѣло яркимъ румянцемъ.

— Полно, Катя!—ласково промолвилъ Александръ.—Скажи еще спасибо, что это прошлое не убило и насъ ни физически, ни нравственно. Много людей гибнетъ отъ подобной жизни: одни сходятъ въ могилу, другіе черствѣютъ, гибнутъ нравственно, становятся врагами даже тѣхъ, которые выносятъ равную съ ними долю... А намъ счастливый случай помогъ и уцѣлѣть, и сохранить въ себѣ любовь ко всѣмъ, кто слабъ, кто страдаетъ...

— Да, кстати о страдающихъ,—замѣтила Катерина Александровна.—Меня не на шутку безпокоитъ участь дѣтей дяди. Что съ ними будетъ? Ихъ совершенно загубитъ ихъ семья. Я, кажется, все сдѣлала бы, чтобы спасти ихъ; но

Digitized by Google

если дядю сошлютъ, то Павла Абрамовна никакъ не согласится отдать ихъ на мое попеченіе и не пуститъ ихъ съ нимъ. Если же они останутся съ нею, то нечего ждать хорошаго.

— Кажется, дѣло обойдется. Я слышалъ мелькомъ, что Данилу Захаровича только отставляютъ отъ службы,—промолвилъ Александръ.—Впрочемъ, и это будетъ не особеннымъ счастьемъ для дѣтей... Примѣръ-то все-таки будетъ передъ глазами печальный. Вотъ Леонидъ и теперь не уважаетъ ни отца, ни мать. Правда, отца онъ еще жалѣетъ, а къ ней относится ужъ совсѣмъ враждебно.

— Хорошо еще, что онъ насъ такъ полюбилъ, а то съ его характеромъ ему не избѣжать бы постоянныхъ семейныхъ сценъ, которыя кончились бы не добромъ... Павла Абрамовна и то жалуется, что онъ ей ни слова не уступаетъ... «Что это за дѣти нынче растутъ,—жаловалась она мнѣ недавно:—совсѣмъ отъ рукъ отбились! Умнѣе старшихъ хотятъ быть...» Я ничего не могла ей отвѣтить. Вѣдь не объяснять же, что дѣти-то тутъ не при чемъ, что она сама виновата... Но ты не повѣришь, какъ тяжело смотрѣть на этотъ внутренній семейный разладъ: жить въ подобныхъ отношеніяхъ со своею семьею—это просто пытка.

— И хуже всего то, что эта пытка губитъ именно тѣ неокрѣпшія молодыя силы, предъ которыми стоитъ еще цѣлая жизнь... А между тѣмъ, теперь все чаще и чаще будутъ появляться эти семейныя драмы. Мы переживаемъ именно тотъ періодъ нашей жизни, когда люди разныхъ убѣжденій, люди разныхъ поколѣній должны столкнуться на практической почвѣ. Сколько бы ни было и теперь пустого фразерства, но такъ или иначе рядомъ съ нимъ кипитъ и новая практическая дѣятельность. Столкновенія на этой почвѣ неизбѣжны, неизбѣжно и критическое отношеніе однихъ членовъ общества къ дѣятельности другихъ. Вотъ вѣдь при старыхъ порядкахъ Боголюбовъ возвратился бы домой тѣмъ же зоркимъ и строгимъ главой семейства и сумѣлъ бы внушить повиновеніе Леониду и силой заставилъ бы его молчать и покоряться матери. Теперь же Леонидъ, разъ увидавъ, что за женщина его мать, уже не покорится ей подъ вліяніемъ насилія, потому что и самъ безапелляціонный его повелитель упалъ въ его глазахъ и явился тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, то-есть жалкимъ слабымъ существомъ, умѣвшимъ только удить рыбу въ мутной водѣ. Чѣмъ большее число подобныхъ Боголю-

Digitized by Google

бовыхъ будетъ падать, чѣмъ больше гласности получитъ ихъ паденіе, тѣмъ сильнѣе подорвется ихъ авторитетъ и тѣмъ болѣе рѣзокъ будетъ разладъ...

— Но чѣмъ это все кончится, чѣмъ кончится!—вздохнула Катерина Александровна.

— Конечно, хорошимъ! Одной крестьянской реформы довольно, чтобы назвать наше время—хорошимъ временемъ. Разумѣется, много будетъ увлеченій, много промаховъ, но потерпятъ отдѣльныя единицы, отдѣльныя личности, общее же дѣло все-таки сдѣлаетъ поворотъ къ лучшему.

Катерина Александровна задумалась. Слова о гибели отдѣльныхъ личностей опять воскресили въ ея воспоминаніи тѣни любимыхъ ею погибшихъ людей, и ей стало тяжело. Ей почему-то невольно вспомнились чудныя слова поэта про «бѣдныхъ матерей»:

Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

И она невольно вздрогнула.

— О, если бы нашимъ дѣтямъ удалось подрастать въ ту пору, когда совершится все, начинаемое теперь, и когда всѣ люди братски протянутъ другъ другу руки!—промолвила она.—Мнѣ кажется, что въ такую пору, какую переживаемъ мы, нельзя вполнѣ развиться, нельзя основательно чему-нибудь научиться... Тутъ хватаешься за все, вездѣ видишь прорѣхи, все хочешь передѣлать, учишься урывками... Мнѣ кажется, что теперь положеніе многихъ людей похоже на мое: я должна была и добывать хлѣбъ, и устраивать семью, и приготовлять себя для обезпеченія своего будущаго, и пріютъ волновалъ и безпокоилъ меня своими неурядицами... Поневолѣ приходилось дѣлать промахи, подготовляться коекакъ, улаживать дѣло на живую нитку и иногда мучиться, что не было силъ предусмотрѣть то или другое... Наша жизнь—жизнь благихъ стремленій и жалкихъ ошибокъ...

Александръ Прохоровъ ласково привлекъ ее къ себѣ и горячо поцѣловалъ ея раскраснѣвшееся личико.

— Добрая моя, тебѣ все хочется побѣды, безъ ошибокъ и безъ падшихъ людей,—нѣжно промолвилъ онъ.—Этого или не бываетъ, или бываетъ очень рѣдко.

Въ эту минуту дверь въ его комнату незамѣтно отворилась, и на порогѣ показалась Марья Дмитріевна. Она въ недоумѣніи остановилась въ дверяхъ и смотрѣла нѣсколько

Digitized by Google

испуганными глазами на дочь и на Прохорова. Видя, что ее не замѣчаютъ, она кашлянула. Молодые люди обернулись.

— Обѣдъ поданъ,—проговорила она.—Я тебя искала, искала...

— Сейчасъ идемъ, мама,—отвѣтила Катерина Александровна.

Марья Дмитріевна какъ-то подозрительно смотрѣла на молодыхъ людей.

— Тамъ гость у насъ,—произнесла она.

— Кто, мама?

— Данила Захаровичъ.

— Какъ? На свободѣ?—радостно воскликнула Катерина Александровна и хотѣла выбѣжать изъ комнаты.

— Постой, постой!—удержала ее Марья Дмитріевна и тихо шепнула ей на ухо:—ты освѣжись немного... лицо-то вонъ у тебя какъ горитъ...

— Жарко, мама,—простодушно отвѣтила Катерина Александровна.

Марья Дмитріевна покачала головой.

— Не хорошо, Катюша! Мало ли что подумать могутъ!

Катерина Александровна съ удивленіемъ посмотрѣла на мать.

— Вѣдь вотъ спросятъ: гдѣ была?.. Не скроешь...

— Мама, да я и не желаю ничего скрывать. Мнѣ нечего скрывать!—съ особеннымъ удареніемъ отвѣтила Катерина Александровна, нахмуривъ брови.

Марья Дмитріевна какъ будто испугалась чего-то и поспѣшно проговорила пониженнымъ тономъ:

— Знаю, знаю, Катюша, что нечего. Ты у меня умница!.. Да вѣдь на чужой ротокъ не накинешь платокъ... Люди-то что...

— Подите вы съ вашими людьми!—рѣзко отвѣтила Катерина Александровна.—У меня своя голова!

Она быстро вышла изъ комнаты и спустилась внизъ. Марья Дмитріевна, вздыхая и крестясь, поплелась за нею. Александръ Прохоровъ обогналъ ее на лѣстницѣ, она отстранилась отъ него и посмотрѣла ему вслѣдъ какимъ-то недобрымъ взглядомъ.

Катерина Александровна сошла внизъ и равнодушно протянула руку Данилѣ Захаровичу. Онъ и штабсъ-капитанъ сидѣли на террасѣ и смотрѣли въ разныя стороны. Лицо Данилы Захаровича обрюзгло и пожелтѣло, въ глазахъ было какое-то недоброе выраженіе.

Digitized by Google

— Какъ я рада, что вижу васъ на свободѣ,—проговорила Катерина Александровна.—Надѣюсь, что ваше дѣло кончилось счастливо.

Данила Захаровичъ вздохнулъ.

— Отставленъ безъ пенсіи,—проговорилъ онъ.—Нищимъ остался... Конечно, я долженъ благодарить моего благодѣтеля Александра Николаевича Свищова. Не забылъ, похлопоталъ... Безъ него могло бы хуже кончиться... Что-жъ, стану теперь работать, куда-нибудь въ переписчики, въ конторщики пойду... Мы, люди маленькіе, ни на что негодные, должны изъ-за куска хлѣба работать... Проживемъ какъ-нибудь!

— Не унывайте, дядя! Зачѣмъ падать духомъ? Все еще уладится.

— Нѣтъ, племянница, не уладится!—еще разъ вздохнулъ Данила Захаровичъ.—Что я теперь? Нуль, червякъ пресмыкающійся. Меня въ моемъ собственномъ домѣ никто не уважаетъ... Жена, дѣти,—всѣ отъ рукъ отбились... Дома адъ какой-то; не ласку я тамъ встрѣтилъ, а попреки... Конечно, я молчать долженъ, я на женины деньги долженъ жить...

Данила Захаровичъ говорилъ со вздохами, приниженнымъ тономъ, скорбно покачивая головой, но въ его лицѣ, въ его голосѣ, въ его рѣчахъ слышалась не одна скорбь, не одна приниженность, въ нихъ замѣчалась и частичка желчи и злобы, той шипящей злобы, которая нерѣдко прикрывается слабодушными людьми маской смиренія и покорности, но въ глубинѣ души подталкиваютъ ихъ на разныя интриги и ковы. Катеринѣ Александровнѣ было тяжело слушать дядю.

— Какъ же вы думаете устроить дѣтей?—спросила она.

— Благодѣтель нашъ, Александръ Николаевичъ Свищовъ, обѣщался платить за Леню; Лидію обѣщали въ институтъ устроить... Я теперь не могу самъ своихъ дѣтей поднять на ноги... Я отецъ и не могу ихъ поднять на ноги!.. Обидно!.. Если добрые люди не помогутъ, то придется имъ неучами расти... Конечно, дѣти это понимаютъ, знаютъ, что имъ отецъ ничего дать не можетъ, ну и плюютъ на отца. Что онъ для нихъ? Ненужный старикашка, пустой ворчунъ...

— Полноте, дядя! Леонидъ и Лидія такъ любятъ васъ!

— Любятъ!—съ горечью усмѣхнулся Данила Захаровичъ.—Знаю я эту любовь! Конечно, я не могу пожаловаться на нихъ. Ласкаются они!.. Да вѣдь не изъ любви

Digitized by Google

это дѣлается. Ласкаются изъ жалости къ убитому старикашкѣ. Ласкаются потому, что имъ стыдно вдругъ отвернуться отъ меня... Ласкаются потому, что не хотятъ, чтобы я ворчалъ на нихъ... Малы еще покуда, а подрастутъ, такъ и совсѣмъ отвернутся отъ меня!

Штабсъ-капитанъ, хранившій глубокое молчаніе, началъ нетерпѣливо постукивать костылемъ.

— Грѣхъ вамъ, дядя, такъ думать!—сказала Катерина Александровна.—Вы глубоко ошибаетесь въ нихъ...

— Да, племянница, можетъ-быть, и ошибаюсь!.. Я вѣдь теперь во всемъ ошибаюсь, во всемъ виноватъ... Вотъ Павла Абрамовна съ утра и до ночи только считаетъ мои провинности... Самъ Александръ Николаевичъ Свищовъ попрекнулъ меня, что я не познакомилъ его съ вами, что я не хотѣлъ васъ знать... Конечно, вы могли ему сказать это, жаловаться на меня...

— Я, дядя, не жаловалась ему и не пожалуюсь. Напрасно вы меня упрекаете!

— Я упрекаю! Сохрани меня Богъ! Да развѣ я не знаю, что я кругомъ виноватъ?.. Прошу объ одномъ, племянница, не говорите Александру Николаевичу Свищову, что я проболтался объ этомъ... Я вѣдь знаю, онъ въ васъ души не слышитъ, онъ готовъ все по вашему слову сдѣлать...

Катерина Александровна усмѣхнулась.

— Напрасно вы опасаетесь, дядя, я совсѣмъ не вижусь съ Александромъ Николаевичемъ.

— Какъ же не видитесь? Мнѣ Архипушка говорилъ...

— Архипушка?—спросила Катерина Александровна, услышавъ незнакомое ей имя.

— Да, камердинеръ его... Онъ говорилъ, что вы иногда по два раза въ недѣлю къ Александру Николаевичу ѣздите... Вотъ я и хотѣлъ васъ просить замолвить ему словечко за моихъ дѣтей, напомнить... Моя стариковская просьба меньше, конечно, значитъ...

Штабсъ-капитанъ началъ еще усиленнѣе стучать костылемъ и издавалъ какіе-то сердитые звуки.

Катерина Александровна вся раскраснѣлась.

— Если я ѣздила, дядя, къ Свищову, то ѣздила только по пріютскимъ, да по вашимъ дѣламъ,—внушительнымъ тономъ произнесла она.—Но теперь, когда въ пріютѣ дѣла перемѣнились, когда вы на свободѣ, мнѣ не для чего ѣздить къ этому господину. О дѣтяхъ вы можете просить сами, и онъ исполнитъ вашу просьбу.

Digitized by Google

Данила Захаровичъ глубоко вздохнулъ.

— Такъ-то всѣ теперь говорятъ: кланяйтесь сами, а мы за васъ хлопотать не хотимъ.

Штабсъ-капитанъ, повидимому, окончательно потерялъ терпѣніе и раздражительно и торопливо забормоталъ что-то.

— Мнѣ, кажется, изволите говорить?—спросилъ Данила Захаровичъ, обращаясь къ нему.

— Нѣтъ, Флегонтъ Матвѣевичъ со мною говоритъ,— сухо отвѣтила Катерина Александровна, очень хорошо понимая, что старикъ безцеремонно ругаетъ гостя. Ея лобъ нахмурился, но она удержалась отъ рѣзкаго возраженія, вспомнивъ, что ссора съ дядей можетъ отнять у нея возможность видѣться съ его дѣтьми. Она очень обрадовалась появленію Марьи Дмитріевны, возвѣстившей съ поклонами, что давно подано кушать. Всѣ пошли въ комнату.

— Какъ хорошо вы обставились,—со вздохомъ произнесъ Данила Захаровичъ, осматривая комнату.—Кто могъ думать, что судьба-то такъ перемѣнится. Не дожилъ братъ до этого счастья.

— Все имъ обязаны, батюшка, имъ однимъ!—своимъ заискивающимъ тономъ произнесла Марья Дмитріевна, указывая на Александра Прохорова, стоявшаго съ Антономъ и Мишей у стола.

Данила Захаровичъ вопросительно взглянулъ на Прохорова.

— Да, я и забыла отрекомендовать его,—поспѣшила сказать Катерина Александровна.—Это мой женихъ, Александръ Флегонтовичъ Прохоровъ.

— Же-нихъ,—протянулъ Данила Захаровичъ и подалъ руку молодому Прохорову.—Очень пріятно познакомиться... очень пріятно... Дай Богъ, дай Богъ...

Онъ не кончилъ и только вздохнулъ.

Всѣ сѣли за столъ.

— Скоро думаете свадебку сыграть?—спросилъ Боголюбовъ.

— Не знаю еще,—просто отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

— Какія же обстоятельства? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Это такой праздникъ, котораго молодые люди не любятъ откладывать.

— Вотъ, батюшка, въ одно слово со мною?—произнесла Марья Дмитріевна, обрадованная новымъ союзникомъ.

— Намъ спѣшить некуда,—холодно замѣтила Катерина

Digitized by Google

Александровна.—Чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ серьезнѣе нужно его обдумать...

— Такъ, такъ,—промолвилъ Данила Захаровичъ.—Только какъ же это ждать-то? Нѣтъ, Марья Дмитріевна, какъ посмотрю я на нашу молодежь, такъ и вижу, что совсѣмъ она измѣнилась. Свадьба, видите ли; у нихъ дѣло, да еще такое дѣло, которое серьезно обдумать надо!.. Да кровь-то, батюшка,—обратился онъ къ Александру Прохорову:—кровь-то развѣ не говоритъ? Въ наше время ждали, не дождались дня свадьбы! Бывало, родители на день отложатъ свадьбу, такъ женихъ и невѣста ночь не спятъ, мучатся... А вы говорите: торопиться некуда! Нѣтъ-съ, тутъ-то и торопиться, сегодня любите, а завтра, можетъ-быть, остынете...

Александръ Прохоровъ и Катерина Александровна не могли удержаться отъ улыбки.

— Времена другія, другіе и взгляды!—уклончиво отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Какіе, батюшка, тутъ взгляды! Тутъ страсть, понимаете: страсть, огонь!—промолвилъ Данила Захаровичъ.

— Огонь огню рознь,—засмѣялся Александръ Прохоровъ.—Одинъ горитъ минуту, другой не погасаетъ въ теченіе долгихъ лѣтъ.

— Можетъ-быть-съ, можетъ-быть, — вздохнулъ Данила Захаровичъ.—Только я въ старые годы, право, и недѣли не прожилъ бы съ невѣстой подъ одной кровлей, не повѣнчавшись. Нѣтъ-съ. Видно, нашъ-то огонь, можетъ-быть, и скорѣе сгоралъ, только горѣлъ-то сильнѣе.

— Можетъ-быть,—холодно согласился Александръ Прохоровъ, очевидно не желая спорить и убѣждать противника.

Разговоръ оборвался. Данила Захаровичъ былъ обиженъ, что съ нимъ не хотятъ спорить. Всѣ были какъ будто недовольны чѣмъ-то и совершенно притихли. Въ комнатѣ слышалось только, какъ гремѣли вилкой и ножомъ вышедшія изъ повиновенія руки штабсъ-капитана, да раздавался заунывный голосъ Марьи Дмитріевны, угощавшей «дорогого гостя» такимъ тономъ, какъ будто она, оплакивая, откармливала идущаго на смерть человѣка. Вообще Марья Дмитріевна въ большинствѣ случаевъ говорила такимъ тономъ, что какой-нибудь иностранецъ, не знающій русскаго языка, непремѣнно заподозрилъ бы, что эта женщина повторяетъ одну и ту же фразу: «всѣ мы смертны и всѣ мы помремъ». Общество было очень радо и вздохнула свободно, когда кон-

Digitized by Google

чился обѣдъ, и всѣ собесѣдники получили право хотя на нѣсколько шаговъ отойти другъ отъ друга.

— Батюшка, отдохнуть не хотите ли въ моей комнаткѣ,— промолвила Марья Дмитріевна, обращаясь къ Данилѣ Захаровичу.

— Не до отдыховъ намъ теперь! — вздохнулъ онъ.— И ночей-то не спишь, а ужъ не то, что днемъ валяться...

— Да вы немножко...

— Я, пожалуй, готовъ удалиться... Только спать я не буду... Не до сна мнѣ... Гдѣ же вы помѣщаетесь? — спросилъ Данила Захаровичъ.—Покажите, пожалуй, свою келью... Какъ-то васъ дѣточки пріютили...

Марья Дмитріевна засуетилась.

— Я вотъ тутъ, съ Мишурой вдвоемъ, батюшка, вдвоемъ,—заговорила она, указывая протянутою рукою дорогому родственнику на дверь въ свою спаленку и спѣша за нимъ.

Такимъ образомъ, руководимый и въ то же время провожаемый Марьей Дмитріевной, Данила Захаровичъ прошелъ въ ея комнату.

— Вотъ, батюшка, вотъ здѣсь,—говорила Прилежаева.— Дочка покоитъ, на ея счетъ живу...

— Недурно, недурно,—одобрилъ Данила Захаровичъ чувствовавшій, что даже и теперь, во время своего паденія онъ стоитъ все-таки выше Марьи Дмитріевны.—Хорошо бы, Марья Дмитріевна, если бы только это все поскорѣе сдѣлалось дѣйствительно вашимъ.

— То-есть какъ это, батюшка?—растерялась Марья Дмитріевна.—Извините, въ толкъ не возьму...

— Я говорю о томъ, что хорошо бы было, если бы племянница поскорѣе замужъ вышла, — пояснилъ Данила Захаровичъ.—Вѣдь это на его деньги все...

— На его, батюшка, на его...

— Ну, а знаете, нынче не такія времена, чтобы кто-нибудь даромъ давалъ.

— Что вы, батюшка! Моя Катюша...

— Не такія времена, Марья Дмитріевна, — перебилъ ее Данила Захаровичъ внушительнымъ тономъ.—Не такія времена! Я нынѣшнюю молодежь знаю! Не въ деревнѣ жилъ, слава Богу! Насмотрѣлся и на родственниковъ Гиреевой, и Бѣлокопытова молодого знаю. Да что о нихъ говорить! Я самъ, самъ-съ отогрѣлъ на своей груди одного проходимца. А чѣмъ онъ мнѣ отплатилъ? Э-эхъ! Говорить-то

Digitized by Google

тошно! Нынче каждый старается яму другому вырыть, ногу подставить. Вы думаете, кто-нибудь станетъ даромъ благодѣтельствовать! Какъ же! Нѣтъ-съ, отплаты потребуетъ, проценты сдеретъ! Вотъ какая теперь молодежь!

Марья Дмитріевна совсѣмъ растерялась.

— Да вѣдь мы, батюшка, за «ихъ» папенькой ходили, ровно родные,—начала она.

— Родные! Да родные теперь хуже чужихъ, — перебилъ ее Данила Захаровичъ. — Вѣдь у меня тоже дѣти. А чего я отъ нихъ жду? Только горя, одного горя!.. Нѣтъ, нынче никому довѣрять нельзя!.. Погубятъ, погубятъ отца родного, ни за грошъ, ни за денежку... А послѣ что? Люди-то что станутъ толковать?.. Вотъ вы сидите тутъ, въ своей коморкѣ, посадили васъ въ нее, заставили хозяйничать, чтобы вы людей-то не видали, а люди-то васъ видятъ, толкуютъ про васъ: «какая, молъ, она мать, если не видитъ, что дочь дѣлаетъ!» Вѣдь отъ людей ничего не скроешь...

— Да, батюшка, что же мнѣ дѣлать? Вѣдь они женихъ съ невѣстой, они повѣнчаются вотъ,—почти плакала Марья Дмитріевна.

— Торопите свадьбу! Не зѣвайте! Не то, помяните мое слово, поздно будетъ!

Данила Захаровичъ еще долго давалъ наставленія Марьѣ Дмитріевнѣ и успѣлъ растрогать ее до слезъ. Благодаря добраго родственника за хорошіе совѣты, она побѣжала, наконецъ, распорядиться насчетъ кофе и оставила его «соснуть» на полчаса. Отъ вниманія Катерины Александровны, Александра Прохорова и Флегонта Матвѣевича не ускользнуло плаксивое выраженіе лица Марьи Дмитріевны, и они, словно сговорившись, замѣтили:

— Вотъ ужъ правда, что непрошенный гость хуже татарина!

Флегонтъ Матвѣевичъ, по своей старой привычкѣ, не ограничился этой фразой и сказалъ какую-то страстную и длинную рѣчь противъ Боголюбова; всѣ слушатели, конечно, не поняли и половины этой рѣчи и потому были глубоко потрясены ею и безусловно согласились съ мнѣніемъ оратора. Наконецъ, подали и кофе, въ столовую комнату снова появился Данила Захаровичъ; его изъ приличія спросили, хорошо ли онъ отдохнулъ; онъ, согласно съ своимъ положеніемъ «удрученнаго горемъ человѣка», объявилъ, что «ужъ гдѣ ему отдыхать», что «ложится онъ теперь въ постель, какъ въ могилу, чтобы на минуту забыться», что

Digitized by Google

«напрасно всѣ и на цыпочкахъ ходили и шопотомъ говорили, такъ какъ на него теперь нечего обращать вниманія, такъ какъ долженъ онъ привыкать и при шумѣ спать», и прочее, и прочее, все въ томъ же родѣ. Въ концѣ концовъ, слушатели поняли только одно, что онъ горько упрекалъ ихъ за то, что они его уложили спать и сохраняли тишину, такъ какъ его, бѣднаго и угнетеннаго человѣка, теперь нужно отучать отъ сна и пріучать ко всевозможнымъ неудобствамъ.

— Вѣдь ссли я спать буду, такъ хлѣбъ-то самъ ко мнѣ не придетъ! За меня работать никто не станетъ. Здѣсь вотъ вы говорить не смѣли, пока я лежалъ, а въ другомъ мѣстѣ, можетъ-быть, нарочно молотками стучать станутъ, когда я лягу,—говорилъ онъ и даже пробудилъ въ душѣ Марьи Дмитріевны нѣчто въ родѣ угрызеній совѣсти за то, что она не сумѣла угодить, какъ слѣдуетъ, дорогому родственнику.

Все общество выглядѣло такъ уныло и тоскливо, какъ будто въ теченіе цѣлаго дня его угощали только чѣмъ-то очень кислымъ. Наконецъ, Данила Захаровичъ сталъ собираться, всѣ съ особенной радостью поспѣшили предложить ему себя въ проводники до дилижанса.

«Хороши родственники, такъ и обрадовались, что я ухожу»,— съ горечью подумалъ Данила Захаровичъ и отказался наотрѣзъ отъ предложенія, объявивъ, что ему теперь нужно привыкать самому отыскивать дороги. Всѣ, также радуясь въ душѣ, хотя и съ печальными лицами, согласились и на это. Наступила минута прощанія, наступила минута разлуки,—всѣ вздохнули свободно.

— Скатертью дорога! — махнулъ рукою Антонъ, когда фигура дяди скрылась за первымъ поворотомъ.

— Точно гора съ плечъ свалилась! — промолвилъ Александръ Прохоровъ. — Вѣдь уродятся же такіе несносные люди.

— Ахъ, батюшка, да когда же бываютъ не несносными бѣдные люди! — вздохнула Марья Дмитріевна. — Ужъ ихъ участь такая, что всѣ ими гнушаются.

— Помилуйте, Марья Дмитріевна, — началъ Александръ Прохоровъ и умолкъ, въ изумленіи увидавъ передъ собою слонообразную фигуру Данилы Захаровича.

— Нѣтъ, видно еще не привыкъ гранить мостовую, — жалобно произнесъ Данила Захаровичъ. — Шелъ, шелъ и заплутался... Голова-то, видно, не о томъ думала!.. Ну, ужъ и дачу наняли!.. И людей-то здѣсь нѣтъ, никого не встрѣ-

Digitized by Google

тишь, спросить не у кого, только изъ-за палисадниковъ собаки лаютъ... Все противъ бѣднаго человѣка защитники, чтобы онъ и къ воротамъ подойти не смѣлъ!.. Ужъ я попрошу кого-нибудь проводить меня...

Всѣ снова изъявили готовность проводить Данилу Захаровича. Онъ отказался отъ услугъ *всѣхъ;* тогда ему предложили въ проводники Антона, но онъ выразилъ сомнѣніе въ знаніи Антономъ дороги; это заставило Марью Дмитріевну вызваться съ предложеніемъ своихъ услугъ, но Данила Захаровичъ опять уперся, такъ какъ онъ не могъ допустить, чтобы въ этакой глуши Марья Дмитріевна возвращалась домой одна; оставался на очереди Александръ Прохоровъ, но Данилу Захаровичу «было совѣстно безпокоить совсѣмъ еще незнакомаго ему человѣка». Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы всѣ не рѣшились идти провожать гостя насильно, что заставило его стѣсняться и жаловаться всю дорогу.

Только усадивъ его въ дилижансъ и дождавшись отъѣзда дилижанса, семья Прилежаевыхъ повѣрила, что дорогой родственникъ, наконецъ, уѣхалъ и не вернется болѣе, по крайней мѣрѣ, въ этотъ день, хотя Антонъ, возвратившись въ садикъ прилежаевской дачи, и увѣрялъ, что «подъ этимъ слономъ рессоры лопнутъ и его приведутъ къ нему обратно». Молодежь, какъ это всегда бываетъ послѣ долгаго стѣсненія, развеселилась, шутила и дурачилась. Кто-то, кажется Миша, предложилъ играть «въ пятнашки» и «запятналъ» Катерину Александровну. Она погналась за Антономъ, и игра началась. Въ саду раздавались крики и хохотъ. Флегонтъ Матвѣевичъ, сидя на террасѣ, гдѣ былъ по условію играющихъ «домъ», стучалъ костылемъ, прогоняя играющихъ, пробовавшихъ забѣжать въ «домъ» и укрыться отъ преслѣдованій «пятнашки». Игра была въ полномъ разгарѣ, когда Марья Дмитріевна позвала изъ комнаты Катерину Александровну.

— Что вамъ, мама?—спросила раскраснѣвшаяся молодая дѣвушка, вбѣгая въ комнату.

— Ты бы, Катюша, не играла,—посовѣтовала Марья Дмитріевна.—Вотъ сосѣдскія барышни гуляютъ у себя въ саду. Я зашла прибрать въ комнатѣ Александра Флегонтовича, а сверху-то мнѣ ихъ и видно... Осудятъ еще...

— Вотъ выдумали!—засмѣялась Катерина Александровна.—Развѣ мы въ первый разъ играемъ?.. Да и что мнѣ до нихъ за дѣло. Впрочемъ, онѣ и сами часто играютъ...

Digitized by Google

Катерина Александровна хотѣла выйти.

— Да вѣдь онѣ между собою играютъ, — проговорила Марья Дмитріевна.—А ты вотъ съ чужимъ мужчиной... Не хорошо...

Катерина Александровна пожала плечами и вышла въ садъ. Ее тотчасъ же «защятнали», и волей-неволей ей пришлось бѣгать. Но ея искренняя веселость пропала, и она поспѣшила отговориться отъ игры подъ предлогомъ усталости. Она присѣла на ступеньку къ костылямъ Флегонта Матвѣевича и задумалась. Играющіе побѣгали еще немного и тоже усѣлись на ступени. Минуть черезъ десять всѣхъ позвали къ чаю, и день окончился мирно и тихо, какъ обыкновенно кончались дни въ этой семьѣ. Катерина Александровна почти уже забыла о словахъ матери и спокойно легла спать, но она еще не успѣла заснуть, когда въ ея комнату появилась Марья Дмитріевна. Она подошла къ постели дочери и спросила, спитъ ли та. Катерина Александровна отвѣчала: «не сплю!».

— Мнѣ поговорить съ тобою, Катюша, надо,—замѣтила Марья Дмитріевна и присѣла на постель. — Не губи ты себя, Катюша. Отъ людей-то вѣдь ни чего не скроешь,—слезливо начала она объясненіе.

— Я, мама, ничего и не скрываю,—отвѣтила Катерина Александровна, изумленная этимъ вступленіемъ.

— Ты вотъ невѣстой Александра Флегонтовича слывешь, а люди-то развѣ повѣрятъ, что ты невѣста?.. Любовницей его назовутъ.

— Да пусть называютъ; мнѣ-то что до этого за дѣло!

— Ай, Катюша, какъ тебѣ не стыдно! Честное-то имя должно быть для дѣвушки дороже всего... Потеряешь его разъ, такъ ужъ никогда не воротишь... И какіе люди-то нынче? Каждый обмануть норовитъ, насмѣяться хочетъ надъ бѣднымъ человѣкомъ... Вертопрахи нынче молодые-то люди, поиграютъ и бросятъ...

— Это вы кого же, мама, вертопрахомъ-то считаете? Не Александра ли?—спросила Катерина Александровна, смотря прямо въ глаза матери.—И не стыдно вамъ, и не грѣшно вамъ? Вѣрите ли вы сами въ то, о чемъ говорите? Стыдитесь!

Марья Дмитріевна смутилась: въ глубинѣ души она все еще любила Александра Прохорова и вѣрила въ его доброе сердце. Она хотѣла что-то сказать въ свое оправданіе, но Катерина Александровна предупредила ее.

Digitized by Google

— Вы, мама,—начала она:—не отъ себя это говорите, вы чужія слова говорите!

Марья Дмитріевна обидѣлась.

— Ужъ извѣстно, что у меня и своихъ словъ нѣтъ! Глупая я! Гдѣ мнѣ что-нибудь свое выдумать!.. Я...

— Не то, мама, совсѣмъ не то! — перебила ее дочь. — Есть у васъ и свой умъ, и свое сердце, только характеръ у васъ слабый. Не подумаете и не сдѣлаете вы дурно, когда по своему разуму поступаете, а какъ настроятъ васъ другіе, вы и кажетесь и не доброю, и не разсудительною... Поступайте, лучше, какъ Богъ на душу положитъ, да людей поменьше слушайте, вотъ и будетъ хорошо, и не станете вы вертопрахами называть такихъ людей, какъ Александръ.

Катерина Александровна говорила ласковымъ, мягкимъ тономъ, не раздражаясь и не сердясь на мать. Марья Дмитріевна въ душѣ уже почти согласилась съ дочерью, но изъ ея ума еще не вышли слова Данилы Захаровича о ея слабости, и она рѣшилась быть твердою и продолжать разговоръ.

— Ужъ ты такъ и думаешь, что я ничего не вижу самато,—покачала она головой.—Вонъ и сегодня вошла я къ нему въ комнату, цѣлуетъ онъ тебя... До чего дошли! Не поженились, а цѣлуетесь!.. Развѣ это хорошо?

Катерина Александровна вспыхнула.

— Хорошо или нѣтъ—это мое дѣло,—рѣзко отвѣтила она.

— Да вѣдь ты пойми: я мать! — внушала Марья Дмитріевна.—Ты еще дитя, неопытная ты. Тебѣ кажется, что все ничего, а я-то знаю, куда эти поцѣлуи ведутъ.

— Мама, — серьезно и отчетливо заговорила Катерина Александровна, приподнявшись на локтѣ въ своей постели:— опять вы не свои слова говорите. Не дитя я и не неопытная. Было время, когда я, точно, была довѣрчивою и неопытною дѣвочкой, и именно въ эти-то годы вы не слѣдили и не могли слѣдить за мною. Одна я ходила по городу, приносила вамъ кусокъ хлѣба, приносила одежду и деньги, — вы не спрашивали, откуда, вы не знали, правду ли я говорила, когда разсказывала, гдѣ я взяла все это. Въ тѣ годы, мама, я могла погибнуть и не разъ представлялся мнѣ случай добыть кусокъ хлѣба цѣною своей чести. Вы взяли бы этотъ кусокъ и даже не подумали бы, какъ онъ добытъ... Но я не погибла тогда, а теперь-то, когда я старше стала. и на жизнь насмотрѣлась, ужъ вѣрно сумѣю спасти себя отъ гибели. Можетъ-быть, и дѣйствительно было бы лучше,

Digitized by Google

если бы дѣла сложились иначе,—но если они не могли сложиться иначе, то тутъ и толковать нечего. Я хорошо знаю и себя, и Сашу, и не боюсь ничего. Предоставьте же мнѣ право жить своимъ умомъ, какъ я жила въ дѣтствѣ.

— Такъ что-жъ ты, Катюша, мать-то ужъ ни за что считаешь?—жалобно и съ упрекомъ произнесла Марья Дмитріевна.—Ты думаешь, что матери такъ и должны махнуть рукой на дѣтей; пусть, молъ, хоть на головѣ ходятъ?

— И матери матерямъ рознь, и дѣти не одинаковы бываютъ, — отвѣтила Катерина Александровна. — Однѣхъ матерей нужно на помочахъ водить, а другихъ дѣтей нужно самимъ себѣ предоставить. Одно говорю вамъ: не смотрѣли за мной прежде, такъ теперь поздно смотрѣть...

— Ну, спасибо, Катюша, спасибо, дочка!—прослезилась Марья Дмитріевна.—Мать-то, значитъ, для тебя все равно, что служанка. Не смѣетъ она въ твои дѣла вмѣшиваться, не смѣетъ совѣта дочери дать... Богъ съ тобой! Сама когда-нибудь будешь матерью, узнаешь, какъ материнское-то сердце болитъ за дѣтей...

— Мама, что вы это все жалкія слова-то говорите! — раздражилась Катерина Александровна. — О чемъ вы плачете, о чемъ болитъ ваше сердце? Болѣло развѣ оно вчера, третьяго дня, годъ тому назадъ отъ того, что я любила Александра? Вѣдь вы знали это—я ни отъ кого не скрывала этого. Что же вы дѣлали? Вы только радовались, только старались оставить насъ вдвоемъ, говорили, что мы, какъ голубки, воркуемъ. Откуда же вдругъ явилась эта печаль? Дядя нашепталъ?

— Безъ него я говорила тебѣ, Катюша, безъ него говорила, что надо торопиться свадьбой, что не хорошо...

— И сами потомъ согласились, что у меня есть причины отложить свадьбу, — перебила ее Катерина Александровна.—Поймите вы, что я должна еще пробыть въ пріютѣ, пока тамъ все устроится окончательно; должна я еще послужить, чтобы не сидѣть этотъ годъ совсѣмъ на шеѣ Александра. Дайте ему самому встать на ноги, дайте мнѣ время подготовиться къ новому труду. Мы и безъ того на его счетъ живемъ.

— Не сладко, Катюша, не сладко жить на его счетъ, какъ знаешь, за что онъ даетъ эти деньги...

— А тогда сладко бы было, если бы онъ женился и, какъ батракъ, одинъ работалъ бы на насъ?

Digitized by Google

— Кто же, матушка, и долженъ работать, какъ не мужъ? И твой отецъ, когда былъ молодъ, работалъ на семью...

— Ну, вы знаете, до чего отецъ-то доработался, а я хочу, чтобы мой мужъ не одинъ работалъ... Впрочемъ, это мое дѣло... Васъ же я попрошу только никого не слушать, ничьихъ совѣтовъ не принимать... Вотъ вы мнѣ цѣлую ночь отравили, вы у меня сонъ и спокойствіе сегодня отняли, а изъ-за кого, подъ вліяніемъ чьихъ совѣтовъ? Это вамъ дядя нашепталъ, — тотъ самый дядя, который знать насъ не хотѣлъ, который жилъ воровствомъ и подлостью, который не могъ сдѣлать своей собственной жены честною женщиной, котораго не уважаютъ даже его дѣти, который былъ бы радъ, если бы я продалась Свищову и благодѣтельствовала бы изъ денегъ этого старика своей роднѣ? И ради этого-то человѣка вы встревожили меня. Его-то словамъ вы придаете болѣе значенія, чѣмъ моимъ. Стыдитесь, мама! Или не любите вы меня, или не умѣете вы любить... Богъ вамъ судья!..

Катерина Александровна отвернулась къ стѣнѣ.

— Катюша, Катюша, голубушка! — заговорила испуганная и взволнованная Марья Дмитріевна.—Не сердись ты на меня, на глупую!.. Ну, не буду, не буду... Вѣдь мать я, мать!..

— Ступайте, — тихо проговорила Катерина Александровна.—Ступайте!

— Да ты хоть поцѣлуй меня, родная!—хныкала Марья Дмитріевна.

Катерина Александровна пожала плечами и холодно поцѣловала мать. Она понимала, что между ею и матерью лежала непроходимая пропасть взаимнаго непониманія. Мать не понимала «умныхъ», какъ она выражалась, словъ дочери; дочь не трогали «жалкія» слова матери. Мать думала, что каждое примиреніе выражается поцѣлуями и чувствительными сценами; дочь ненавидѣла эти сцены и сознавала, что примиреніе только тогда дѣйствительно, когда мы убѣдимъ противника въ справедливости своихъ убѣжденій. А пропасть, лежавшая теперь между этими двумя женщинами, должна была дѣлаться все шире и шире. Если явятся очевидные признаки тѣсной связи Катерины Александровны и Александра Прохорова, — что скажетъ мать? Если придется вести борьбу съ дядей за его дѣтей, — на чьей сторонѣ станетъ мать? Если нужно будетъ рѣшиться на какое-нибудь опасное дѣло. — какъ отнесется къ этому

Digitized by Google

мать? Не будетъ ли она всегда и вездѣ тормозомъ для семьи? И гдѣ же тѣ слова, гдѣ тѣ убѣжденія, гдѣ тѣ силы, которыя заставили бы Марью Дмитріевну согласиться съ мнѣніемъ дочери? Катерина Александровна невольно вспомнила утренній разговоръ съ Александромъ Прохоровымъ о неизбѣжности разлада между людьми разныхъ поколѣній, разныхъ сословій, разныхъ степеней развитія. «Неужели же мнѣ когда-нибудь придется пожертвовать матерью ради того или другого убѣжденія?—думалось Катеринѣ Александровнѣ.—Нѣтъ, я слишкомъ сильно люблю ее, слабую, безпомощную, жалкую. Развѣ она виновата, что она не понимаетъ меня? Развѣ я могу быть причиной ея мученій? Гдѣ у меня эти силы? Мое сердце облилось бы кровью, если бы мнѣ пришлось купить хоть что-нибудь цѣною ея счастія... Но если нельзя будетъ иначе сдѣлать? Если придется поставить на карту ея счастіе и хорошее дѣло? Что тогда? Отступить или перешагнуть черезъ преграду?—Катерина Александровна взялась за голову.—Боже мой, Боже мой! зачѣмъ это вѣчно приходится или ломать себя, или шагать къ своей цѣли черезъ людей!.. Не оттого ли такъ трудно идти къ цѣли, что на дорогѣ иногда являются преградою дорогія намъ личности!.. Я, не смущаясь, боролась съ Зубовой и Постниковой, а сама вырывала имъ яму, и моя совѣсть спокойна... Но мать, мать, которая лелѣяла меня въ дѣтствѣ, которая, по своему разумѣнію, положила за меня свою душу... Нѣтъ, никогда не хватитъ у меня силъ перешагнуть черезъ нее. Я буду ее убѣждать, буду ее просить, но больше ничего не могу я сдѣлать»..

Катерина Александровна заснула только подъ утро тяжелымъ и тревожнымъ сномъ. Что-то недоброе чуяло ея сердце.

II.

Семейный разладъ.

Быстро пролетѣлъ свободный мѣсяцъ Катерины Александровны: пролетѣло и лѣто. Опять начался трудъ послѣ отдыха, начались будни послѣ праздниковъ. Сталъ ходить въ гимназію Антонъ, уѣхалъ въ училище Миша, все вошло въ старую колею, и, повидимому, новый учебный и трудовой годъ долженъ былъ походить, какъ двѣ капли воды, на старый.

Въ пріютѣ шла дѣятельная новая жизнь: почти всѣ проекты Софьи Андреевны были приняты и приводились

Digitized by Google

въ исполненіе. Осенью назначалась выставка дѣтскихъ работъ, зимой предполагался балъ въ пользу пріюта и устраивалась лотерея. Всѣ спѣшили приготовлять работы къ выставкѣ, всѣ торопились шить новые наряды для невѣсты молодого графа Бѣлокопытова. Софья Андреевна и Катерина Александровна носились изъ конца въ конецъ по пріюту, поощряли дѣтей и хотѣли блеснуть успѣхами дѣвочекъ и доказать пользу нововведеній, чтобы эти нововведенія, наконецъ, вошли въ уставъ пріюта. Катерина Александровна сознавала, что послѣднее важнѣе всего, что самая малѣйшая неудача нововведеній опасна именно теперь, покуда эти нововведенія существуютъ, такъ сказать, незаконнымъ образомъ, что успокоиться можно будетъ только тогда, когда новый уставъ утвердится, и когда все, дѣлающееся теперь какъ бы на пробу, войдетъ въ законную силу и приметъ характеръ разъ навсегда заведенной машины. Порой Катерина Александровна уже начинала поговаривать, что можно бы еще болѣе усилить образованіе дѣтей, чтобы дать имъ возможность быть конторщицами, корректоршами, учительницами въ мелкихъ народныхъ школахъ, превратить пріютъ въ семинарію и дать, такимъ образомъ, обществу возможность имѣть народныхъ учительницъ. Она давно забыла приказаніе старой графини Бѣлокопытовой не учить дѣтей ничему, кромѣ русской грамоты и Закона Божьяго, и все сильнѣе и сильнѣе хлопотала о расширеніи курса ариѳметики, исторіи и географіи. Въ собраніяхъ Софьи Андреевны, подъ вліяніемъ Катерины Александровны и Александра Прохорова, планы о расширеніи подготовки дѣтей и о женскомъ трудѣ росли не по днямъ, а по часамъ. Только иногда забѣгали слишкомъ далеко впередъ: кружокъ толковалъ уже о народныхъ школахъ, которыя, вѣроятно, станутъ быстро распространяться послѣ освобожденія крестьянъ; онъ говорилъ о возможности устроить артельныя швейныя и прачечныя мастерскія; нѣкоторые члены кружка предлагали учить дѣтей и башмачному мастерству, такъ какъ оно довольно выгодно при возрастающихъ цѣнахъ на женскую обувь. Но покуда распространять дѣятельность пріюта было еще очень трудно, такъ какъ графы Бѣлокопытовы и комитетъ не давали ни одного лишняго гроша противъ стараго бюджета. Софья Андреевна не имѣла въ запасѣ такихъ средствъ, чтобы поддержать пріютъ на свой счетъ, и потому нужно было, какъ она выражалась, «изобрѣтать средства». Она дѣй-

Digitized by Google

ствительно «изобрѣтала» средства и иногда довольно эксцентричнымъ образомъ: такъ, ей удалось побудить одного богатаго купца пожертвовать денегъ на пріютъ ради того, что за это пожертвованіе онъ будетъ приглашенъ въ домъ Бѣлокопытовыхъ и сдѣлается почетнымъ членомъ бѣлокопытовскихъ благотворительныхъ заведеній. Пожертвованіе, открывшее добродѣтельному коммерсанту доступъ въ графскія палаты, было настолько крупно, что помогло не только пріюту, но отчасти и самому Дмитрію Васильевичу, все еще не успѣвшему привести окончательно въ порядокъ свои денежныя дѣла. Дмитрій Васильевичъ былъ въ восторгѣ отъ ловкости Софьи Андреевны и называлъ ее «геніальною женщиной». Она смѣялась и увѣряла графа, что ея изобрѣтательность пойдетъ и дальше. Дѣйствительно, она не лгала. Въ одномъ изъ собраній ея молодого кружка было рѣшено устроить спектакль съ благотворительною цѣлью и употребить вырученныя деньги на пріютъ. Спектакли съ благотворительною цѣлью были тогда въ полномъ ходу. Молодежь обрадовалась предстоящему удовольствію, и начались пренія насчетъ выбора пьесъ, насчетъ выбора актеровъ. Залу рѣшились просить у графа Дмитрія Васильевича. Онъ былъ готовъ сдѣлать все, что просила Софья Андреевна. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ принимали самое дѣятельное участіе въ хлопотахъ, и послѣдній даже долженъ былъ играть довольно видную комическую роль въ спектаклѣ, несмотря на всѣ его протесты. Онъ ѣздилъ въ домъ графа Бѣлокопытова, распоряжался насчетъ устройства сцены и въ одинъ изъ подобныхъ хлопотливыхъ дней встрѣтился съ Дмитріемъ Васильевичемъ. Графъ перекинулся съ нимъ нѣсколькими словами и пожелалъ полной удачи спектаклю. На спектакль собралось много народу, по большей части изъ аристократіи. Въ числѣ зрителей была и Денисова, пріѣхавшая со своими дѣтьми. Пьесы сошли довольно удачно, и публика благосклонно вызвала нѣсколько разъ актеровъ-любителей. При послѣднемъ вызовѣ Александръ Прохоровъ вышелъ безъ парика.

— Мама, да это нашъ учитель математики, — замѣтилъ одинъ изъ сыновей Денисовой.

— О, да онъ, значитъ, на всѣ руки молодецъ, — засмѣялся графъ Дмитрій Васильевичъ.—Я на-дняхъ видѣлъ его здѣсь хозяйничавшаго и устраивавшаго сцену.

— Онъ, говорятъ, писатель,—замѣтилъ сынъ Денисовой.

Digitized by Google

— Вотъ какъ!... Какъ его фамилія?

Сынъ сказалъ. Оказалось, что и Денисова, и графъ Дмитрій Васильевичъ знали эту фамилію и читали послѣднія статьи Прохорова, возбудившія толки въ обществѣ.

— Надо бы познакомиться съ нимъ, — сказала Денисова. — Сережа будетъ весной держать экзаменъ, такъ не худо бы попросить этого господина получше заняться съ нимъ... Онъ у меня плохой счетчикъ!..

Когда кончился спектакль, и публика стала разъѣзжаться, Александръ Прохоровъ вышелъ въ залу и остановился поговорить съ Левашовымъ, бывшимъ въ числѣ зрителей. Графъ Дмитрій Васильевичъ подошелъ къ нимъ. Онъ зналъ Левашова, какъ полковника генеральнаго штаба и какъ довольно видную личность въ литературѣ; съ Александромъ Прохоровымъ его личное знакомство ограничивалось покуда одною встрѣчей. Съ любезностью свѣтскаго человѣка и барина стараго закала, графъ высказалъ мелькомъ похвалу игрѣ Александра Прохорова, сказалъ вскользь, что онъ давно знакомъ съ его литературною дѣятельностью, и кстати замѣтилъ, что съ нимъ желаетъ познакомиться Денисова.

— Я надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь и останетесь у меня на чашку чаю, — прибавилъ онъ, слегка пожимая руки собесѣдниковъ. — Я очень радъ, что этотъ спектакль далъ мнѣ случай видѣть васъ у себя въ домѣ...

Все это было высказано безъ заискиванія, но въ то же время и безъ высокомѣрія,—спокойно и просто. Отказаться отъ радушнаго предложенія было невозможно, и графъ повелъ своихъ гостей въ свои комнаты, гдѣ уже собралось нѣсколько человѣкъ его знакомыхъ.

— Веду военноплѣнныхъ, — пошутилъ онъ, представляя гостямъ своихъ новыхъ знакомыхъ.

Слѣдомъ за рекомендаціей послышалось нѣсколько комплиментовъ Александру Прохорову; особенно разсыпался въ любезностяхъ Алексѣй Дмитріевичъ, желавшій показать, что и онъ не отстаетъ отъ вѣка и вполнѣ сочувствуетъ передовой части литературы. Онъ съ ловкостью свѣтскаго либерала замѣтилъ, что у него есть много «общихъ знакомыхъ» съ Александромъ Флегонтовичемъ и выразилъ надежду видѣть послѣдняго у себя. Алексѣй Дмитріевичъ въ эту пору избралъ своимъ конькомъ «сліяніе сословій». Эта идея имѣла для него то же значеніе, какъ и всякая другая модная затѣя. Потомъ кто-то заговорилъ объ одной

Digitized by Google

изъ ученыхъ работъ Левашова, и уже черезъ пять минутъ Левашовъ ораторствовалъ, по своему обыкновенію, какъ будто онъ былъ среди своихъ учениковъ на профессорской каѳедрѣ. Александромъ Прохоровымъ, между тѣмъ, завладѣла Денисова.

— У меня до васъ есть большая просьба, — заговорила она. — Я вѣдь отчасти знакома съ вами: вы учите моего сына въ пансіонѣ Давыдова. Но тамъ у васъ столько учениковъ, что вамъ невозможно обращать вниманіе на каждаго отдѣльно. Вотъ почему я обращаюсь къ вамъ.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ Александръ Прохоровъ.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы давали уроки моему Сережѣ у меня на дому...

— Мнѣ очень жаль, что я почти не имѣю возможности исполнить ваше желаніе, — отвѣтилъ Александръ Прохоровъ. — У меня такъ мало времени... Я занятъ службой, уроками и разными другими работами...

— Знаю, знаю! Вѣдь вы пишете... Я читала вашу статью о воспитаніи, — замѣтила Денисова. — Вы очень мѣтко, хотя и слишкомъ зло, напали въ ней на насъ, бѣдныхъ родителей... Дѣйствительно, мы такъ часто сами вредимъ дѣтямъ своею безтактностью, своими неумѣстными ласками и своими еще болѣе неумѣстными вспышками... Но что же дѣлать? Жизнь такъ портитъ характеры, дѣлаетъ насъ раздражительными, нервными... Иногда видишь, что поступаешь не такъ, какъ слѣдуетъ, а поправить ошибки не можешь... Я на васъ даже посердилась немного, — ласково и дружески промолвила Денисова. — Вы нападаете на насъ такъ, какъ будто думаете, что мы имѣли возможность быть своего рода совершенствомъ. Это ошибка! Вѣдь старое поколѣніе, мы отцы и матери подрастающихъ дѣтей, росли при еще болѣе дурныхъ условіяхъ. Какъ же требовать отъ насъ невозможнаго? Это несправедливо.

— Я и не требовалъ невозможнаго, — улыбнулся Александръ Прохоровъ.—Я только указывалъ, что нужно измѣнить, въ чемъ нужно исправиться.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сознайтесь, что вы нападали слишкомъ жестоко! — засмѣялась Денисова беззвучнымъ смѣхомъ. — Капельки яду, капельки желчи влиты у васъ въ каждую фразу.

— Есть вещи, о которыхъ нельзя говорить спокойно,— пожалъ плечами Александръ Прохоровъ.

Digitized by Google

— Согласна, согласна! Но вотъ вы казните насъ и говорите о необходимости исправленія. Исправляйте же насъ, помогайте намъ! Вы безупречны, вы безошибочны, ну, и ведите насъ на свою дорогу... А то вы пишете статьи, громите насъ, а сами прячетесь отъ насъ на какія-то недосягаемыя высоты.

— Это еще вопросъ, кто изъ насъ удалился на недосягаемыя высоты: вы или мы,—улыбнулся Александръ Прохоровъ.

— Вы, вы!

— Не думаю. Мнѣ кажется, вамъ не стоило никакого труда проникнуть въ наши бѣдные углы; вы могли просто призвать насъ, и мы явились бы къ вамъ на помощь. Мы же...

— Ловлю васъ на словѣ, — весело перебила его Денисова.—Вы говорите, что вы явились бы на нашъ зовъ, а вотъ теперь я зову васъ, и вы отвѣчаете отказомъ на первый же мой призывъ...

Александръ Прохоровъ засмѣялся.

— У меня находится только одно оправданіе, что это случайность, а не недостатокъ доброй воли, — отвѣчалъ онъ.—Если бы была возможность,.

— О, не говорите, не говорите этого. Чего мы хотимъ, то возможно! — произнесла Денисова. — Откажитесь отъ какого-нибудь урока, я не пожалѣю ничего, чтобы пріобрѣсти васъ.

— Подкупить хотите? — засмѣялся Прохоровъ. — Но я хотя и цѣню не дешево свой трудъ, а все-таки не продаю его съ аукціоннаго торга.

— Вы меня не поняли! Я не ясно выразилась! — поспѣшно возразила Денисова.—Я хотѣла сказать, что я готова сама ѣхать, къ кому вы скажете, и просить, чтобы мнѣ уступили васъ.

— Вамъ, право, трудно отказать въ просьбѣ,—замѣтилъ Прохоровъ.—И если бы была возможность, то я...

— Графъ, уговорите этого упрямца, — обратилась Денисова къ подошедшему Дмитрію Васильевичу, не слушая новыхъ возраженій. — Не хочетъ давать уроки моему Сережѣ. Я, право, начинаю думать, что онъ имѣетъ что-нибудь противъ меня лично...

Дмитрій Васильевичъ очень любезно началъ уговаривать Прохорова. Атака была сильна, и Прохорову пришлось согласиться. Съ одной стороны, онъ очень хорошо понималъ то, что его приглашали въ учителя не ради какихъ-нибудь

Digitized by Google

разумныхъ основаній, а просто потому, что онъ началъ входить въ моду,. съ другой стороны, онъ не имѣлъ особенныхъ причинъ отказываться отъ уроковъ у Денисовой, которые хотя и не могли принести какихъ-нибудь благихъ результатовъ, но имѣли значеніе просто выгодныхъ для него лично уроковъ. Денисова торжествовала. Эта свѣтская барыня имѣла довольно темное прошлое. Она, при помощи своихъ денегъ, покупала себѣ графскій титулъ съ разорившимся мужемъ въ видѣ приданаго; теперь она, опять-таки при помощи своихъ денегъ, пріобрѣла въ учителя «литератора», «новаго писателя», человѣка, вращавшагося въ кругу ученыхъ и литературныхъ знаменитостей. Блестѣть богатствомъ, блестѣть громкимъ титуломъ, окружить себя въ салонѣ лучшими картинами, лучшими статуями, извѣстными дипломатами, учеными, музыкантами и пѣвцами, — вотъ все, къ чему стремилась Денисова. За этою внѣшнею жизнью скрывалась у ней и другая, внутренняя жизнь: холодное, пренебрежительное, иногда возмутительно черствое и грубое отношеніе къ безыменнымъ массамъ, ко всѣмъ, кто ничѣмъ не выдавался впередъ; очень недвусмысленное стремленіе полюбезничать, войти въ мимолетныя связи съ тѣми или другими извѣстными личностями; умѣнье поиграть и насладиться вѣтреною любовью и остаться «другомъ» тѣхъ, кому за недѣлю давались клятвы вѣчной любви; мелочное раздраженіе и мстительное чувство противъ тѣхъ, которые осмѣлились уклониться отъ разставленныхъ имъ сѣтей изъ розъ; полнѣйшее отсутствіе серьезныхъ убѣжденій и взглядовъ на жизнь и умѣнье болтать обо всемъ,— вотъ все, что составляло внутреннюю жизнь Денисовой. Если бы оставить ее безъ денегъ, безъ титуловъ, безъ всякихъ внѣшнихъ украшеній, она явилась бы одною изъ самыхъ ничтожныхъ и безцвѣтныхъ личностей, которую не замѣтилъ бы никто, которая не могла бы добыть куска хлѣба не только трудомъ, но даже развратомъ, такъ какъ она была даже не хороша собою. Но теперь она являлась свѣтиломъ въ обществѣ; ей поклонялись, около нея вертѣлись сотни людей, ея вѣтреною любовью дорожили даже неглупые и далеко не ничтожные люди. По обыкновенію, никто не думалъ разоблачить мысленно этотъ кумиръ и потому не могъ понять, что это пустой манекенъ, передъ которымъ склоняются люди, ослѣпленные его внѣшними украшеніями. Если кто-нибудь не уважалъ и презиралъ ее, то развѣ только ея женихъ.

Digitized by Google

Прохоровъ впервые попалъ въ домъ этой барыни именно въ то время, когда она только-что вышла замужъ за графа Бѣлокопытова и окружила себя «сливками» общества. Ея салонъ сдѣлался не только пристанищемъ болѣе или менѣе извѣстныхъ людей, но и явился центромъ, гдѣ вожаки петербургскаго общества обсуждали самый животрепещущій вопросъ того времени — вопросъ о крестьянской реформѣ. Великая реформа была «злобой дня» и не могла не вызывать особенно въ этой средѣ самыхъ горячихъ споровъ. Общество дѣлилось на кружки: одни стояли за безусловное освобожденіе крестьянъ; другіе выражали мнѣніе, что освобожденіе преждевременно; третьи стояли за то, что нельзя освободить крестьянъ даромъ, что уступка извѣстныхъ правъ непремѣнно должна повлечь за собою извѣстное вознагражденіе въ видѣ полученія новыхъ правъ. Къ числу людей послѣдней партіи принадлежалъ и Алексѣй Дмитріевичъ, бывшій ярымъ поклонникомъ Англіи. Онъ стоялъ за свободу печати, за гласный судъ, за самоуправленіе и считался въ кругу своихъ противниковъ опаснымъ человѣкомъ, крайнимъ. Онъ горячился, говорилъ рѣзкія рѣчи, приводилъ своею смѣлостью въ смущеніе боязливыхъ людей и составлялъ въ этомъ случаѣ полнѣйшій контрастъ со своимъ отцомъ. Послѣдній не гонялся за молодыми идеями, считалъ, повидимому, себя выше ихъ и спокойнымъ тономъ говорилъ:

— Я консерваторъ. Я не понимаю, какъ можетъ быть не консерваторомъ человѣкъ изъ нашего круга.

Алексѣй Дмитріевичъ гонялся за писателями передовой партіи, Дмитрій же Васильевичъ прямо говорилъ имъ:

— Я, господа, не раздѣляю вашихъ убѣжденій... Но я люблю, когда человѣкъ страстно стоитъ за свою идею... Я врагъ всякихъ ложныхъ положеній и колебаній...

Алексѣй Дмитріевичъ жилъ всѣми интересами дня, Дмитрій же Васильевичъ попрежнему велъ широкую жизнь и чаще бывалъ у Матильды, чѣмъ на разныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ.

Попавъ въ этотъ кружокъ, гдѣ кипѣла дѣйствительная борьба и дѣлалось настоящее дѣло, Александръ Прохоровъ воспользовался своимъ положеніемъ. Онъ спорилъ рѣдко, сознавая, что его споры принесутъ мало пользы, такъ какъ въ глазахъ этихъ людей онъ все-таки могъ явиться только теоретикомъ, человѣкомъ, который стоитъ за извѣстныя идеи, можетъ-быть, только потому, что осуществленіе этихъ

Digitized by Google

идей не принесетъ ему лично ни вреда, ни пользы. Но въ то же время онъ сознавалъ, что ему очень выгодно выслушивать всѣ эти пренія и давать на нихъ отвѣты путемъ печати. Здѣсь онъ могъ узнать многое, что дѣлалось и готовилось за кулисами, и ему было очень удобно слѣдить за этимъ. За это дѣло онъ взялся со всею энергію, со всѣмъ жаромъ человѣка, преданнаго извѣстной идеѣ. Ему было не трудно найти мѣсто для своихъ замѣтокъ и статей въ газетахъ и журналахъ; Левашовъ имѣлъ обширный кругъ знакомства въ литературномъ мірѣ, да и самъ Александръ Прохоровъ уже успѣлъ завести знакомыхъ между журналистами; его статьи «о тѣлесныхъ наказаніяхъ» и «воспитаніи въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ», несмотря на то, что онѣ появились не вполнѣ, успѣли доставить ему извѣстность, и потому онъ былъ желаннымъ гостемъ въ различныхъ редакціяхъ. Но чѣмъ сильнѣе шла словесная борьба, тѣмъ рѣзче дѣлались статьи Александра Прохорова. и нерѣдко имъ было суждено оставаться въ портфелѣ автора, Когда дѣло шло о высказываніи извѣстныхъ убѣжденій, Александръ Прохоровъ ухитрялся быть мудрымъ, какъ змій и кроткимъ, какъ голубь, и, при помощи этого умѣнья, вы, сказывать между строками тѣ мысли, которыя въ ту пору не могли быть выражены въ строкахъ. Но онъ терпѣлъ полнѣйшее фіаско, когда дѣло шло о различныхъ «обличеніяхъ», гдѣ уже приходилось волей-неволей говорить прямо и ставить точки на і, какъ говорятъ французы. Двѣ, три статейки, напечатанныя имъ и носившія, такъ сказать, локальный запахъ салона новобрачной графини Бѣлокопытовой, были замѣчены петербуржцами и возбудили ожесточенные споры въ бѣлокопытовскихъ салонахъ. Молодой графъ Бѣлокопытовъ потиралъ руки отъ удовольствія, такъ какъ статейки были направлены противъ его противниковъ.

— Поздравляю васъ съ полнымъ успѣхомъ, — дружески замѣтилъ онъ однажды Александру Прохорову, взявъ его подъ руку и ходя съ нимъ въ сторонѣ отъ гостей.

— Съ какимъ? Я васъ не понимаю, — наивно спросилъ Александръ Прохоровъ, дѣлая удивленное лицо.

— Ну, между нами можно безъ таинственности,—улыбнулся графъ.—Вы высказали именно то, что не сумѣлъ бы сказать я, хотя подъ вашими статьями я охотно подписалъ бы свое имя.

— Подъ какими статьями?—изумился Александръ Флегонтовичъ.

Digitized by Google

Графа задѣла за живое эта недовѣрчивость. Онъ назвалъ статьи.

— Вы думаете, что ихъ писалъ я?—спросилъ Александръ Прохоровъ.

— Я увѣренъ.

Александръ Прохоровъ пожалъ плечами.

— Я вижу, что вы мнѣ отчасти не довѣряете, — замѣтилъ Бѣлокопытовъ.—Между нами есть маленькая разница: я раздѣляю всѣ ваши взгляды на крестьянскую реформу и на многое другое, но вы не раздѣляете моихъ взглядовъ на дворянскую реформу. Мнѣ очень грустно это разногласіе, тѣмъ болѣе, что я знаю, что ошибаюсь не я, а вы. Говоря откровенно, ваша партія стоитъ на ложной дорогѣ, нападая на такихъ людей, какъ, напримѣръ, Монталамберъ или Кавуръ, и притомъ нападая на нихъ именно въ то время, когда они являются горячими защитниками англійскаго строя жизни.

— Признаюсь откровенно, я не вижу тутъ никакой ошибки и, право, думаю, что на насъ не лежитъ обязанности возжигать любовь къ этимъ публичнымъ болтунамъ. Всѣ ихъ словоизверженія съ трибуны не только не помогаютъ дѣлу, но скорѣе служатъ къ убаюкиванію людей, къ усыпленію и примиренію на золотой серединѣ...

— А, батюшка, поступательное движеніе неизбѣжно! Вотъ вы всѣ, господа теоретики, нападаете теперь на неполноту нашей гласности, глумитесь надъ ней, глумитесь надъ разными борзописцами, въ родѣ Розенгеймовъ и Бенедиктовыхъ, восхваляющихъ наше время...

— Вы, кажется, сами презираете ихъ? — перебилъ со смѣхомъ Александръ Прохоровъ.

— Ну-да, ну-да!—засмѣялся графъ Бѣлокопытовъ.—Но это между нами. А въ обществѣ, въ печати надо стоять за нихъ. Это тѣ ласковые телята, которые двухъ матокъ сосутъ, которые подготовляютъ лучшій путь; они говорятъ: все обстоитъ благополучно, дерзайте же и идите дальше.

— Здѣсь, дѣйствительно, наши взгляды расходятся, — замѣтилъ Прохоровъ. — Я думаю, что они говорятъ: все обстоитъ благополучно, и потому не о чемъ больше заботиться и можно спать.

— Ошибаетесь, ошибаетесь! Общество не можетъ заснуть, какъ бы его ни баюкали.

— Однако, спало же оно столько лѣтъ.

— Оно не спало, оно шло только другою дорогою, не тою,

Digitized by Google

которой слѣдовало идти. А почему оно пошло на нее? Не потому, что его убаюкали сладкорѣчивые одописатели, а потому, что люди вашего закала испугали его, указавъ ему вдругъ на тотъ скачокъ, который еще должно сдѣлать для своего благополучія. Вы показываете крайнія цѣли, и общество пугается трудностей и невзгодъ этого тяжелаго и длиннаго пути, который ему предлагаютъ пройти безъ отдыха. Покажите станціи, покажите возможность отдыха, и общество пойдетъ за вами. Я вамъ смѣло пророчу, что вы ничего не сдѣлаете со своею системою дѣйствія.

— Я не пророкъ и потому не стану говорить, сдѣлаете ли что-нибудь вы,—улыбнулся Александръ Прохоровъ.—Но я знаю только одно, что правительство сдѣлаетъ крестьянскую реформу, а всѣ благомыслящіе люди постараются внести и свою лепту труда для скорѣйшаго разрѣшенія этой реформы.

— На этомъ поприщѣ, конечно, вы считаете меня своимъ союзникомъ?

— Разумѣется,—улыбнулся Прохоровъ.

И онъ, и графъ Бѣлокопытовъ какъ бы ощупывали другъ друга и старались заглянуть другъ къ другу поглубже въ душу. Александръ Прохоровъ велъ себя сдержанно и не высказывался, чувствуя невольную антипатію къ либеральничающему англоману; но въ то же время онъ старался не раздражать его, чтобы пользоваться черезъ него и его кружокъ тѣми свѣдѣніями и новостями, которыя были ему нужны. Графъ не долюбливалъ его въ душѣ, рѣшивъ, что это опасный человѣкъ, «одинъ изъ тѣхъ, которые рѣшаются на все, потому что имъ самимъ нечѣмъ жертвовать», но въ то же время графъ считалъ полезнымъ и не лишнимъ проводить черезъ него, какъ и черезъ другихъ журналистовъ, въ литературу извѣстные слухи, онъ считалъ не лишнимъ «натравливать» его на извѣстныхъ людей и, главное, считалъ не лишнимъ вывѣдать хотя отчасти мнѣнія «этихъ головорѣзовъ», какъ онъ выражался въ душѣ про Прохорова и его близкихъ. Иногда графа бѣсила сдержанность Прохорова, но, съ ловкостью закаленнаго въ интригахъ человѣка, онъ сдерживалъ себя и велъ атаку неожиданными набѣгами, нападалъ врасплохъ, разгорячалъ врага до того, что тотъ дѣлалъ промахи и высказывался случайно. Но борьба была не легка. Александръ Прохоровъ горячился рѣдко, врасплохъ его было трудно застать. Онъ очень ясно видѣлъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и держался настороже.

Digitized by Google

Въ его манерѣ отвѣчать явилась тонкая иронія, насмѣшливая усмѣшечка, неопредѣленная шутливость.

— Право, порой можно подумать, что вы на все смотрите чрезвычайно легко, — говорилъ графъ, блѣднѣя отъ злости.—У васъ все шуточки, да улыбочки.

— Нравъ такой веселый, — шутилъ Александръ Прохоровъ.

— Нѣтъ-съ, это не то!—говорилъ графъ.—Подъ этими усмѣшечками кроется презрѣніе къ человѣчеству, жалкое недовѣріе ко всему и ко всѣмъ. Это теперь не въ васъ однихъ, это общая черта во всѣхъ вашихъ. Для васъ нѣтъ ничего святого...

— Графъ, зачѣмъ же такія страшныя слова употреблять,—смѣялся Александръ Прохоровъ.

— Да-съ, для васъ нѣтъ ничего святого! Вы не вѣрите ни во что и ни въ кого. Но знаете ли, къ чему это ведетъ? Къ полнѣйшему внутреннему разъединенію. И въ какую эпоху является это разъединеніе? Когда не только люди одной партіи, но и люди различныхъ оттѣнковъ должны сойтись вмѣстѣ. Намъ сліяніе нужно. А вы сторонитесь отъ насъ, враждебно смотрите на насъ...

— Такъ вы, значитъ, убѣждены, что я вамъ врагъ? — засмѣялся Прохоровъ.

— Ну, нѣтъ, нѣтъ!—опомнился графъ.—Я этого не говорю! Я просто упрекаю васъ въ недостаткѣ искренности. У васъ какой-то камень есть всегда за пазухой.

— Его, графъ, велитъ держать народная мудрость.

Графъ злился въ душѣ и старался весело улыбаться. Но если онъ гонялся за Александромъ Прохоровымъ и ему подобными людьми для своихъ цѣлей, ради рекогносцировки во враждебномъ лагерѣ, ради высказыванья подъ чужой фирмой, за чужой отвѣтственностью извѣстныхъ идей, то графиня, съ своей стороны, тоже не упускала случая и пріударяла за Александромъ Прохоровымъ. Ей нравилось это молодое, свѣжее лицо, ее интересовалъ этотъ молодой человѣкъ, постоянно оживленно говорившій о серьезныхъ вещахъ, повидимому, очень страстный и очень увлекающійся. Ей хотѣлось создать маленькій романъ, устраивать которые она такъ любила. Но любезности графини пропадали даромъ, и Александръ Прохоровъ постоянно отшучивался, какъ только разговоръ заходилъ за черту простой болтовни и начиналъ принимать нѣсколько сентиментальный или интимный характеръ. Подобный образъ дѣйствія

Digitized by Google

начиналъ раздражать эту женщину, привыкшую къ легкимъ побѣдамъ надъ толпою тѣхъ праздныхъ мужчинъ, которые считаютъ выгоднымъ пользоваться первымъ намекомъ на маленькую интрижку. Александръ Прохоровъ менѣе чѣмъ когда-нибудь нуждался въ это время въ подобныхъ легонькихъ интрижкахъ, да, можетъ-быть, и въ другое время не увлекся бы румянами и блестящими тряпками отцвѣтшаго и вовсе неинтереснаго созданія. Онъ, можетъ-быть, сразу оборвалъ бы всякія сношенія съ графиней и рѣзко положилъ бы конецъ этимъ заигрываніямъ, если бы этотъ домъ не былъ ему нуженъ для его цѣлей. Онъ сознавалъ, что ему выгодно занимать наблюдательный постъ въ чужомъ лагерѣ и извлекать выгоды изъ своего положенія. Нѣсколько свѣдѣній, нѣсколько новостей, которыхъ онъ не могъ напечатать въ Россіи, были отосланы имъ за границу. Разъ вступивъ на этотъ скользкій путь, онъ уже не могъ сойти съ него: ему писали изъ-за границы, что его корреспонденціи о нашихъ закулисныхъ дѣлахъ будутъ всегда приняты съ благодарностью. Кажется, и это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія Алексѣя Дмитріевича, и онъ одобрилъ въ душѣ образъ дѣйствія своего союзника-врага. Куда ведетъ этотъ путь вступившаго на него человѣка, — этотъ, можетъ-быть, вполнѣ естественный въ настоящее время спокойствія вопросъ, тогда не приходилъ и въ голову никому. Дѣло кипѣло, страсти были сильно возбуждены, всѣ спѣшили дѣлать то или другое и менѣе всего думали о томъ, что выйдетъ изъ ихъ образа дѣйствій лично для нихъ.

Зимній сезонъ, между тѣмъ, приходилъ къ концу. Въ пріютѣ все шло уже по новому, и комитетъ окончательно рѣшился ввести въ уставъ всѣ нововведенія, придуманныя Катериной Александровной и Софьею Андреевной: образцовыя прачечная и кухня, шитье модныхъ нарядовъ, обученіе парикмахерскому искусству, расширеніе курса наукъ, все это вошло теперь въ законную силу. Только постройка церкви, начатая графиней Дарьей Федоровной, туго подвигалась къ концу за недостаткомъ средствъ. Сама графиня Дарья Федоровна давно была подъ опекой, и въ качествѣ сумасшедшей сидѣла въ четырехъ стѣнахъ подъ надзоромъ сидѣлки, получившей строжайшее предписаніе не допускать къ больной никого.

Въ эту пору въ домѣ Прилежаевыхъ начали разыгрываться все чаще и чаще разныя сцены довольно грустнаго

Digitized by Google

свойства. Дорогой дядюшка Катерины Александровны, все еще находившійся безъ мѣста и фигурировавшій въ качествѣ угнетеннаго судьбою и людьми старца, игралъ не малую роль въ семейныхъ дѣлахъ Прилежаевыхъ. Лишившись мѣста и значенія, онъ, такъ сказать, потерялъ точку опоры, выбился изъ обычной колеи и совершенно не зналъ, какъ теперь вести себя. Времени было много, дѣла было мало; старая привычка быть строгимъ и зоркимъ осталась, а предметовъ для строгаго и зоркаго наблюденія, субъектовъ для строгаго и зоркаго распеканія почти не осталось. Отсюда происходила ожесточенная скука, и являлись приливы желчи. Попробовалъ Данила Захаровичъ придираться за каждую мелочь къ дѣтямъ, началъ онъ усчитывать и пилить жену за каждый грошъ, сталъ носить при себѣ ключи отъ всѣхъ ящиковъ и комодовъ, напоминалъ поминутно чадамъ и домочадцамъ, что «онъ глава въ домѣ», что «онъ ихъ въ смирительный домъ упрятать можетъ», что «они напрасно радовались, ожидая его ссылки», и прочее, и прочее, все въ томъ же родѣ. Это блажное состояніе лишеннаго занятій чиновника было такъ сильно, что гнало изъ дому дѣтей и совершенно «сокрушило» Павлу Абрамовну, превратившуюся въ нѣчто въ родѣ слезной урны и не осушавшую глазъ съ утра до вечера. Она не могла даже «отвести душу» съ Карломъ Карловичемъ, который не являлся въ домъ Боголюбовыхъ, отчасти боясь свирѣпаго хозяина дома, отчасти понимая, что съ Павлы Абрамовны теперь нечего взять. Положеніе Павлы Абрамовны сдѣлалось еще хуже, когда Данилѣ Захаровичу удалось примириться со своею теткою и перетащить старуху отъ «добрыхъ людей» въ свою квартиру, гдѣ тотчасъ же послѣ ея переѣзда затеплились во всѣхъ углахъ лампады и ввелось постное кушанье по средамъ и пятницамъ. Тетушка помогала Данилѣ Захаровичу «пилить» его домочадцевъ и ежедневно распространялась о томъ, что «семью потому и Богъ забылъ, что она его забыла».

Но самому Данилѣ Захаровичу легче отъ этого не дѣлалось: онъ все-таки сознавалъ, что онъ теперь ни болѣе, ни менѣе, какъ выкинутое изъ общественной машины колесо. Тяжелѣе всего было Данилу Захаровичу видѣть, что машина все работаетъ и работаетъ, повидимому, не нуждаясь въ немъ, не замѣчая его отсутствія. Сначала онъ еще ехидно подмигивалъ глазами, говоря: «посмотримъ!» и слабо надѣялся въ душѣ, что вотъ-вотъ машина остановится и рух-

Digitized by Google

нетъ безъ него. Но дни шли за днями, а машина работала попрежнему; онъ всматривался въ лица — всѣ веселы, спокойны. Свищовъ при встрѣчѣ похлапываетъ его по плечу и говоритъ: «Что, братъ, на подножномъ корму прозябаешь! А вотъ мы работать должны, кипитъ все!» И какія истинно трагическія минуты приходилось переживать въ это время Данилу Захаровичу! Какъ-то шелъ онъ задумчиво по улицѣ, глядитъ: его обгоняетъ мелкой трусцой съ портфелемъ подъ мышкой одинъ изъ его бывшихъ подчиненныхъ. Раскланялись:

— Прогуливаться изволите,—спросилъ чиновникъ.

— Да. Что намъ больше дѣлать!—вздохнулъ Данила Захаровичъ.—Ну, а какъ тамъ у васъ все идетъ?

— Ничего-съ, отлично! Работы только много, преобразованія, знаете, идутъ...

— Преобразованія! Ну-ка, разскажите, какія тамъ такія у васъ преобразованія...

— Извините, я спѣшу, Данила Захаровичъ! Докладъ несу... Мы вѣдь люди служащіе. Сами знаете, и при васъ бывало опоздаешь на четверть часа, такъ косятся...

Чиновникъ раскланялся и поспѣшно пошелъ впередъ.

Данила Захаровичъ нахмурился. «Щенокъ, молокососъ, а туда же: дѣла, дѣла!»—пробормоталъ онъ и растерянно оглянулся кругомъ, забывъ, куда и зачѣмъ онъ шелъ.

Чѣмъ болѣе накипала горечь на душѣ, чѣмъ яснѣе сознавалъ Данила Захаровичъ свою ненужность, чѣмъ чаще убѣгали дѣти отъ его распеканій и чѣмъ покорнѣе становилась жена, тѣмъ скучнѣе становилось ему, тѣмъ сильнѣе тянуло его къ расширенію круга своихъ занятій, то-есть распеканій и зоркаго и строгаго надзора.

Дворникъ, попавшійся ему на тротуарѣ съ метлой, вызывалъ его замѣчаніе.

— Не вѳ-время, братецъ, не вѳ-время мести началъ,—говорилъ Данила Захаровичъ.—Это утромъ, утромъ до свѣту надо дѣлать, когда народу нѣтъ. А ты когда вздумалъ? Ноги, что ли, добрымъ людямъ обломать хочешь? Полиція-то за вами не смотритъ! Распустили всѣхъ. Оберъ-полиціймейстеру бы на васъ жалобу подать!

Проходя мимо мясной лавки и почуявъ не совсѣмъ хорошій запахъ, Данила Захаровичъ заходилъ въ лавку.

— Чѣмъ это, любезный, у тебя пахнетъ?—обнюхивалъ онъ воздухъ.

Digitized by Google

— Говядиной-съ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ мясникъ.

— Знаю, братецъ, знаю, что не одеколономъ, да только говядина-то у тебя какая? Протухлая? Вѣдь это протухлой воняетъ? Народъ морить, что ли, хотите? А? Въ полиціи-то еще не бывали?

— Зачѣмъ-же-съ намъ въ полиціи бывать!—ухмылялся мясникъ.

— Э, да ты еще грубить, братецъ, вздумалъ! Нѣтъ, ты погоди!

— Что вамъ угодно-съ, сударь?—хмуро спрашивалъ хозяинъ лавки, заслышавъ крупный разговоръ. — Покупать пришли, такъ и покупайте. А это-съ не ваше дѣло. У насъ торговля-съ, такъ намъ некогда разговоры разводить со всякимъ.

— Со всякимъ! со всякимъ! Да ты взгляни, съ кѣмъ ты говоришь!—свирѣпѣлъ Данила Захаровичъ, показывая на свои ордена.

— Что смотрѣть-съ! Извѣстно, если бы хорошій баринъ были, такъ не стали бы ходить лавки обнюхивать...

— Да я тебя, да я тебя!—сжималъ кулаки Данила Захаровичъ.

— Потише-съ, потише-съ! Тоже за безчестье заплатите!

Послѣ подобной бесѣды Данилу Захаровичу становилось еще тошнѣе. Но долго-долго не могъ онъ привыкнуть къ своему положенію. Облегчилось немного его сердце тогда, когда онъ нашелъ покорную рабу въ лицѣ Марьи Дмитріевны и отыскалъ занятіе въ надзорѣ за дѣлами семьи своихъ родныхъ. Марья Дмитріевна сразу безотговорочно и покорно изъявила готовность сдѣлаться подчиненной Данилы Захаровича. Ни одинъ канцелярскій служитель не признавалъ въ былыя времена Данилы Захаровича своимъ начальникомъ съ такою покорностью, какъ Марья Дмитріевна. Она выслушивала его наставленія, она выносила его выговоры, она жаловалась и доносила ему. Онъ благоволилъ и относился къ ней такимъ тономъ, какъ будто обѣщалъ ей повышеніе и награду къ празднику. Прежде всего онъ началъ возставать противъ отношеній Катерины Александровны и Александра Прохорова. Потомъ, выслушавъ жалобу Марьи Дмитріевны на то, что у Александра Прохорова разъ въ недѣлю собирается множество молодежи и «бунтуетъ», т. е. споритъ и шумитъ до трехъ часовъ ночи, онъ объявилъ, что это «фармазоны», «волтерьянцы», «декабристы» и

Digitized by Google

«петрашевцы», и объяснилъ, что всѣхъ ихъ сошлютъ на каторгу, а Марью Дмитріевну поселятъ въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири за пристанодержательство бунтовщиковъ и безпаспортныхъ. Марья Дмитріевна струсила и «покаялась какъ передъ Богомъ», что она дѣйствительно позволяетъ иногда ночевать у себя въ домѣ то тому, то другому изъ знакомыхъ Александра Прохорова и что, можетъ-быть, «это-то дѣйствительно и есть безпаспортные».

— Разбойники, сейчасъ видно, что разбойники! А то для чего же бы имъ и сходиться по ночамъ?—рѣшилъ Данила Захаровичъ и далъ инструкціи Марьѣ Дмитріевнѣ, какъ поступать.

Но покорность Марьи Дмитріевны была сильнѣе ея рѣшительности, и потому бѣдная женщина только «обиняками» рѣшалась замѣчать Александру Прохорову, что «онъ погубитъ себя». Когда же Александръ Прохоровъ спрашивалъ: «да чѣмъ же я себя погублю?», то Марья Дмитріевна приходила въ смущеніе и только говорила: «да ужъ такъ, погубите!» Но страхъ за дочь и непріязнь къ Александру Прохорову все росли и росли въ этой слабой душѣ и въ этомъ запуганномъ умѣ.

Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ, занятые своими планами и работами, все меньше и меньше придавали значенія мелкимъ семейнымъ сценамъ и не обращали вниманія на то, что они болѣе и болѣе расходятся съ Марьей Дмитріевной. Этотъ внутренній разладъ впервые далъ себя сильно почувствовать на Рождествѣ. Миша былъ взятъ на праздники домой. Этотъ маленькій красавецъ и любимецъ матери и всѣхъ знавшихъ его сталъ уже лѣтомъ пробуждать опасенія въ умѣ Катерины Александровны и Александра Прохорова своими наклонностями. Онъ былъ капризенъ, любилъ, чтобы всѣ слушались его, дѣлалъ дерзости всѣмъ и за все и вообще сразу давалъ знать, что его избаловали за его красоту. Дѣйствительно, онъ былъ прекрасенъ: рѣдко можно было встрѣтить болѣе правильное лицо, болѣе красивыя формы. Но въ этомъ лицѣ было что-то заносчивое, въ этихъ формахъ было что-то слишкомъ женственное, кокетливое. Мальчуганъ заботился, чтобы на его платьѣ не было лишней складки, чтобы ни одинъ волосокъ не былъ растрепанъ на его головѣ. Вслушиваясь въ его разговоръ, можно было сразу замѣтить сильную наклонность острить насчетъ ближняго и главнымъ образомъ насчетъ внѣшности ближняго. Это остроуміе вызывало смѣхъ

Digitized by Google

и поощренія Марьи Дмитріевны, но въ сущности оно было жалкое, пошлое: такъ острили юнкера, кадеты, армейскіе офицеры стараго времени. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ задумались не на шутку, когда Миша пріѣхалъ на праздники и разсказалъ, что у него была одна «стычка» съ гувернеромъ.

— Семинаристъ какой-то съ изрытою рожей, а туда же вздумалъ носъ поднимать!—замѣтилъ Миша про гувернера.

Александръ Прохоровъ, говоря о мальчуганѣ съ Катериной Александровной, замѣтилъ, что теперь, вѣроятно, начнуть часто повторяться эти «стычки».

— Мишу избаловали дома, какъ меньшого въ семьѣ,— говорилъ онъ.—Потомъ разныя бабы и товарищи баловали его за смазливое личико, а теперь начнется не баловство, а столкновеніе съ учителями. На него слишкомъ долго смотрѣли сквозь пальцы, и ему будетъ тяжело, когда его заберутъ въ руки. И это казарменное остроуміе развили въ немъ, поощряя всѣ выходки милаго малютки! Отъ этого его надо отучить. Онъ вѣдь лѣнтяй, а право нѣтъ ничего хуже остроумнаго лѣнтяя: изъ него можетъ выработаться пошлякъ, невѣжда, съ гордостью несущій на показъ свою пошлость.

— Что же дѣлать, что дѣлать?—волнуясь, говорила Катерина Александровна.—Я сама знаю, что онъ можетъ погибнуть. Съ одной стороны, черствая и сухая грубость, съ другой — распущенность и потаканье его ошибкамъ испортятъ его совершенно... И вообще это воспитаніе вдали отъ семьи мнѣ не по сердцу... Но что же мы-то можемъ сдѣлать?

— Надо взять его домой. Я стану платить за него въ гимназію. Потомъ похлопочемъ, чтобъ его приняли на казенный счетъ. Хлѣба на него достанетъ. Ты знаешь, у меня кое-что остается отъ заработковъ...

— Еще лишній человѣкъ на твою шею...

— Что объ этомъ толковать. Лучше намъ стѣсниться, чѣмъ видѣть, какъ онъ сдѣлается негодяемъ. Ты лучше о томъ скажи, какъ мы растолкуемъ это Марьѣ Дмитріевнѣ.

Катерина Александровна задумалась; она понимала, что это дѣйствительно самая трудная сторона задачи. Но покуда она еще надѣялась справиться съ матерью и выбрала первую удобную минуту для объясненія. Марья Дмитріевна замахала руками, несмотря на то, что ей очень хотѣлось видѣть Мишу постоянно около себя; она сразу остановилась

Digitized by Google

на своей обычной мысли, что будетъ, если Александръ Прохоровъ броситъ Катерину Александровну, а съ нею и всю семью. Сколько ни старалась Катерина Александровна доказать неосновательность этой мысли, Марья Дмитріевна и слушать не хотѣла.

— Другое дѣло, Катюша, если бы онъ былъ твой мужъ,— говорила она:—а то вѣдь всѣ они такъ-то обѣщаютъ золотыя горы, да ничего не дѣлаютъ. Возьметъ да броситъ, вотъ тебѣ и будемъ у праздника!

— Да поймите, что онъ не такой... Впрочемъ, если только это васъ останавливаетъ, то этой помѣхи скоро не будетъ... Я скоро повѣнчаюсь съ Сашей...

— Ну, тогда дѣло другое.

Разговоръ кончился, Катерина Александровна передала его содержаніе Александру Прохорову. Онъ замѣтилъ, что дѣло, значитъ, обстоитъ благополучно, такъ какъ Мишу ранѣе весны нечего брать изъ училища на праздную жизнь дома; весной же можно будетъ взять его и, подготовивъ лѣтомъ, отдать въ гимназію въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. Весной предполагалось сыграть и свадьбу, такъ какъ въ пріютѣ «машина была въ полномъ ходу», какъ выражалась Катерина Александровна, сама Катерина Александровна настолько подготовилась, что могла сдать и экзаменъ на званіе домашней учительницы, и экзаменъ для слушанія лекцій повивальнаго искусства. Молодые люди успокоились насчетъ будущности Миши и замѣтили, что имъ не придется быть такими же безучастными свидѣтелями гибели этого ребенка, какими они были при постепенной гибели Скворцовой. Но покуда они работали и учились, покуда они жили, отдаваясь всѣмъ тревогамъ дня, за ихъ спинами, за ширмами спальни Марьи Дмитріевны шли толки о нихъ, готовившіе отпоръ исполненіямъ ихъ плановъ. Марья Дмитріевна отрапортовала своему высшему начальству, что «самъ-то» хочетъ взять ея Мишу изъ казеннаго училища. Высшее начальство неодобрительно нахмурило брови.

— Что же, такого же разбойника хочетъ приготовить, какъ самъ,—произнесло оставленное въ бездѣйствіи колесо общественной машины.—Мало, видно, ихъ такихъ-то, такъ дѣтей вербовать вздумали... Что же вы согласились?

— Нѣтъ, батюшка Данила Захаровичъ, не согласилась, не согласилась! Говорю, пусть сперва женятся, а сама, знаете, думаю: оттяну дѣло, чтобы съ вами, отецъ родной, посовѣтоваться...

Digitized by Google

— Умно сдѣлали!—одобрилъ Данила Захаровичъ.—Сами развратничаютъ и Богъ знаетъ какія дѣла дѣлаютъ, такъ еще мало, хотятъ дѣтей тому же научить... Не только жить нельзя дѣтямъ у нихъ, но пускать дѣтей къ нимъ не слѣдуетъ. Я и своему Ленькѣ запретилъ бы ходить въ этотъ вертепъ, если бы не проклятая математика... Въ институтѣ, когда Лидя туда поступитъ, отдамъ распоряженіе, чтобы не пускали ихъ ни ногой.

Марья Дмитріевна смутилась.

— Они повѣнчаются, батюшка, повѣнчаются, оправдывала она дочь и будущаго зятя.

— Да толку-то что? Въ ихъ головахъ ядъ, каждое ихъ слово отрава... Этого никакимъ вѣнчаніемъ не уничтожишь... Вотъ что страшно! Сами они идутъ въ пропасть и другихъ за собою тащатъ... Что касается до меня, то я самъ ноги не положилъ бы на вашъ порогъ, если бы не вы. Васъ мнѣ жаль...

— Не оставьте ужъ меня, батюшка! На васъ одна надежда! Съ кѣмъ же мнѣ и посовѣтоваться, какъ не съ вами? У нихъ то споры идутъ, то книжки въ рукахъ, — къ нимъ и не подойдешь, а вѣдь тоже душу отвести хочется, разспросить, какъ и что... Вы вотъ все это мнѣ распишете, во все вникнете, а безъ васъ ровно въ туманѣ какомъ хожу... Извѣстно, они — молодой народъ, вѣтеръ у нихъ въ головѣ...

— Не вѣтеръ, а злоба, неуваженіе, презрѣніе къ намъ, старикамъ. Вы бы почитали, что онъ пишетъ... Впрочемъ, вы грамотѣ-то не обучены... Возмутители просто...

— Что же это, батюшка, про меня что-нибудь?—спросила Марья Дмитріевна въ недоумѣніи.—Я, кажется...

— Не про васъ, а вообще про насъ, про стариковъ... Они насъ ни за что считаютъ, они насъ уморить бы хотѣли... Вы думаете, вы имъ не въ тягость?

— Въ тягость, батюшка, въ тягость!—заплакала Марья Дмитріевна. — Да развѣ я виновата, что Богъ смерти не даетъ... Хожу я, какъ сирота какая... Конечно, грѣхъ жаловаться, всего теперь у насъ вдоволь, комнатка у меня, хозяйка я полная, ну и тоже грубостей никакихъ не слышу, ласково обращаются... Тоже это въ шутку самъ-то Александръ-то Флегонтовичъ говоритъ: «куда ни пойдешь, а все къ Марьѣ Дмитріевнѣ подъ крылышко тянетъ пирожковъ ея поѣсть»... Конечно, я ему угождать за это стараюсь... А все же поговорить-то мнѣ не съ кѣмъ... Вѣдь

Digitized by Google

не съ кухаркой же мнѣ компанію вести, тоже вѣдь помню я, что мы благородные... Ихъ же срамить не хочу. А они что?.. Все шуточками, да шуточками со мною, а у меня сердце ноетъ, грудь давитъ... Вѣдь тоже я мать, чувствую я...

— Да развѣ они это понимаютъ?

— Гдѣ ужъ имъ, батюшка!..

Долго и часто шли бесѣды въ подобномъ родѣ и Марья Дмитріевна все сильнѣе и сильнѣе «чуяла недоброе» въ то время, когда лица Катерины Александровны и Александра Флегонтовича цвѣли полнымъ счастіемъ и спокойствіемъ, когда молодые люди жили полною жизнью, когда у нихъ являлись сожалѣнія только о томъ, что у нихъ недостаетъ силъ и способностей на то или другое дѣло, а не о томъ, что является недостатокъ работы для ума и для рукъ. Катерина Александровна даже не замѣчала, что Свищовъ, заѣхавъ раза два въ пріютъ, особенно пристально взглянулъ на нее и потомъ началъ говорить съ нею болѣе игриво, чѣмъ когда-нибудь. Она поспѣшила оборвать стараго волокиту на первыхъ словахъ. Онъ какъ будто удивился, встрѣтивъ этотъ строгій отпоръ, но не унялся и какъ-то снова заговорилъ въ томъ же тонѣ, намекнувъ, что напрасно Катерина Александровна работаетъ и утомляетъ себя, что съ ея прелестнымъ личикомъ можно бы сдѣлать себѣ карьеру. Катерина Александровна вспыхнула и отвѣтила, что она сумѣетъ сама позаботиться о себѣ и не проситъ ничьихъ совѣтовъ. Старикъ перемѣнилъ тонъ, но въ то же время замѣтилъ, чтобы она помнила, что онъ всегда готовъ къ ея услугамъ. Свищовъ и прежде говорилъ двусмысленныя фразы, но теперь онъ былъ уже черезчуръ развязенъ съ нею, и въ его тонѣ слышалась какая-то твердая увѣренность, что съ Катериной Александровной *можно* говорить этимъ тономъ. Впрочемъ, Катерина Александровна недолго раздумывала объ этомъ явленіи и, вѣроятно, забыла бы о немъ совершенно, если бы Марья Дмитріевна не вздумала снова заговорить съ ней о необходимости ускоренія свадьбы.

Марья Дмитріевна, живя теперь въ довольствѣ, не видя необходимости работать съ утра до ночи, не посѣщая мелочной лавки, не имѣя возможности по цѣлымъ часамъ бесѣдовать съ окружающими, которые почти постоянно были заняты то тѣмъ, то другимъ дѣломъ, вѣчно терзалась тѣмъ, что ей «не съ кѣмъ отвести душу», и потому довольно часто заводила отъ скуки подобные разговоры о судьбѣ до-

Digitized by Google

чери. Въ настоящее время въ разговоръ была введена новая подробность.

— Вѣдь вонъ, Катюша, всѣ тебя осуждаютъ. Самъ генералъ Свищовъ называетъ дѣвицею легкаго поведенія,—произнесла Марья Дмитріевна.

— Свищовъ?—удивилась Катерина Александровна.—Да вы-то какъ это узнали?

— Ахъ, мать моя! Слухомъ земля полнится. Добрые люди передали...

— Не добрые, а подлые люди!—разгорячилась Катерина Александровна.—Да ужъ не они ли и Свищову-то обо мнѣ наговорили. Это Данила Захаровичъ вамъ говорилъ?

— Ну, хоть бы и онъ! Онъ дядя тебѣ, онъ тебѣ добра желаетъ.

— Знаете ли вы, что этого дядю Александръ спустилъ бы съ лѣстницы, если бы намъ не было жаль его дѣтей,—отвѣтила Катерина Александровна.—Но скажите ему, что и терпѣнію бываетъ конецъ. Если онъ будетъ еще хоть гдѣнибудь говорить про меня, то я не посмотрю ни на что и укажу ему на дверь... Старый мерзавецъ!

— Грѣхъ тебѣ, Катюша, такъ о старыхъ людяхъ отзываться! Ужъ извѣстно, что для васъ, для нынѣшнихъ людей, мы всѣ, старые люди, никуда негодны!..

Катерина Александровна не могла удержаться отъ нервнаго смѣха.

— Опять. мама, вы чужія слова говорите!

— Да вѣдь извѣстно, что у меня и словъ своихъ не можетъ быть. Стара стала—глупа стала.

Катерина Александровна пожала плечами.

— Съ вами, мама, нынче трудно говорить...

— Что-жъ мудренаго; необразованная дура, какъ есть! Гдѣ ужъ со мною ученымъ людямъ разговаривать.

— Ну, кончимте! У меня нѣтъ охоты волноваться изъза пустяковъ.

— У матери сердце все выныло, такъ это пустяки! Спасибо, дочка, спасибо! Много обязана, что еще не выгоняешь на улицу...

Катерина Александровна не дослушала іереміады и вышла. Но ей было тяжело и обидно. Мало того, что ее разстроили, разссорили съ матерью, такъ еще и репутацію ея стали марать. Однако, она твердо рѣшилась дождаться экзаменовъ въ пріютѣ и только тогда выйти замужъ. Она знала, что теперь ей можно было оставить пріютъ, не боясь за его

Digitized by Google

участь, но въ ея душѣ начало зарождаться желаніе бравировать мнѣнія такихъ людей, какъ ея дядя, Свищовъ и тому подобныя личности. Ей казалось, что нужно имъ показать, что на ихъ мнѣніе плюютъ, что ихъ не замѣчаютъ, какъ шипящихъ, но безвредныхъ гадовъ. Это чувство, имѣвшее въ себѣ что-то болѣзненное, что-то желчное, начинало все сильнѣе и сильнѣе развиваться въ душѣ молодой дѣвушкѣ. Ей даже стало смѣшно, что эти люди такъ пренебрежительно смотрятъ на нее, а въ сущности или пляшутъ по ея дудкѣ, или нуждаются въ ней. Она знала, что Свищовъ ратуетъ за ея проекты въ комитетѣ благотворительныхъ заведеній графовъ Бѣлокопытовыхъ, а дядя не смѣетъ разойтись съ нею, такъ какъ она безплатно занимается съ его Лидіей, а Александръ Флегонтовичъ даетъ даровые уроки его Леониду. Ей вспомнилось, что въ обществѣ начинаютъ ходить разныя сплетни про многихъ изъ близкихъ ей людей, и она невольно подумала, что въ этихъ сплетняхъ столько же лжи и грязной клеветы, сколько и въ сплетняхъ о ней. Но, несмотря на сознаніе своей правоты, несмотря на презрѣніе къ разнымъ Свищовымъ, Катерина Александровна втайнѣ, все-таки, нетерпѣливо ожидала того дня, когда она навсегда распрощается съ пріютомъ и не будетъ видѣть хотя нѣсколькихъ изъ антипатичныхъ ей личностей. Была еще какая-то причина, заставлявшая молодую дѣвушку нетерпѣливо ждать конца учебнаго года...

III.

Продолженіе предыдущей.

Время, между тѣмъ, шло быстро, прошла ранняя весна, наступили экзамены въ пріютѣ, совершившіеся въ этотъ годъ съ особенною торжественностью въ присутствіи всего комитета и окончившіеся большою закуской въ комнатахъ Софьи Андреевны. Въ числѣ гостей были графы Бѣлокопытовы, молодая графиня Бѣлокопытова и Свищовъ. Свищовъ любезничалъ и заигрывалъ двусмысленными словами съ Катериной Александровной, разсыпаясь въ комплиментахъ за ея умѣнье вести дѣтей.

— Вы рождены для того, чтобы быть царицею въ семьѣ!— замѣтилъ онъ, между прочимъ.

— Вотъ я и думаю исполнить свое призваніе,—засмѣялась Катерина Александровна.—Вы вѣдь знаете, что я уже давно невѣста.

— Невѣста!—изумился Свищовъ.

Digitized by Google

— Да! Неужели дядя не говорилъ вамъ? Не можетъ быть! Дядя сталъ такимъ старымъ болтуномъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопился отвѣтить Свищовъ.

— А я думала напротивъ. Вы были такъ развязны со мною въ послѣднее время, какъ обыкновенно бываютъ развязны мужчины не съ дѣвушками, а... съ молодыми женщинами...

— Ну-у...—началъ Свищовъ.

— Я и думала, что вы позволили себѣ такое обращеніе только потому, что знаете уже о близости моей свадьбы... Конечно, если бы не было этого, то я могла бы...

— Простите, простите,—любезно перебилъ ее Свищовъ.— Я, право, не желалъ... Это наша старая привычка... Скажите, за кого же вы выходите...

— За Прохорова,—отвѣтила Катерина Александровна и замѣтила, что на нее устремились глаза графини Бѣлокопытовой.

— Это артиллеристъ?—спросилъ Свищовъ.

— Да.

— Александръ Флегонтовичъ женится?—мелькомъ спросила графиня.

— Да,—вскользь отвѣтила Прилежаева и продолжала разговоръ съ Свищовымъ, разсыпаясь въ похвалахъ Александру Флегонтовичу.

Графиня осматривала ее съ ногъ до головы и, кажется, осталась не довольна: Катерина Александровна все попрежнему была прекрасна или, лучше сказать, она была прекраснѣе прежняго. Свѣжесть лица, нѣсколько вьющіеся волосы, большіе черные глаза и немного насмѣшливая улыбка, все это было такъ мило, что графиня не могла не понять, за что предпочитаетъ Александръ Прохоровъ эту «дѣвочку» «другимъ женщинамъ». Въ сердцѣ Бѣлокопытовой началась тревога и кипѣла злоба. Она видѣла, что она сдѣлала промахъ, ухаживая за этимъ «скрытнымъ» господиномъ, уже влюбленнымъ въ другую. Она сознавала, что онъ смѣялся надъ нею въ душѣ, когда она заигрывала съ нимъ легонькими любезностями. Она понимала, что онъ умышленно не говорилъ о своей предстоящей женитьбѣ, тѣшась надъ нею. Злоба этой женщины равнялась теперь ея мелочности. Прохоровъ уже получилъ въ ея умѣ названіе «мальчишки», «негодяя», «наглаго выскочки», «avanturier». Ему нужно было «отплатить», его нужно было «проучить», ему нужно было показать, «что играть не со всѣми можно».

Digitized by Google

Катерина Александровна и не подозрѣвала, какую бурю подняли ея слова въ душѣ Бѣлокопытовой. Она не безъ грусти покидала пріютъ, но въ то же время радовалась, что, наконецъ, она будетъ свободна отъ начальства Свищовыхъ, Бѣлокопытовыхъ и разныхъ членовъ комитета. Она сознавала, что она можетъ впервые пройти мимо этихъ людей, не кланяясь имъ, не замѣчая ихъ и не вредя этимъ ни себѣ, ни пріюту. До сихъ поръ ей приходилось заискивать въ нихъ, чтобы ее оставляли въ покоѣ, чтобы ея совѣты не пропускали безъ вниманія, чтобы не говорили: «ужъ если помощницы такъ дерзки, то что же выйдетъ изъ дѣтей подъ ихъ вліяніемъ?» Да, теперь она была свободна, она шла по дорогѣ къ вѣнцу съ Александромъ Прохоровымъ, и этой свадьбой долженъ былъ, какъ ей казалось, возстановиться миръ въ семьѣ, этой свадьбой должно было купиться спасеніе Миши.

— Милый, теперь я твоя!—горячо и страстно говорила она по возвращеніи домой изъ пріюта, обнимая Александра Прохорова.

— Жена да боится своего мужа!—шутливо промолвилъ онъ, цѣлуя ее.

— Тебя-то?—спросила она, и оба весело засмѣялись.

Ихъ свадьба была для нихъ дѣйствительно торжественнымъ праздничнымъ днемъ. Повидимому, все шло какъ нельзя лучше, и даже Марья Дмитріевна особенно просіяла на время, дождавшись бракосочетанія дочери, хотя ее и огорчало, что свадьба была сыграна слишкомъ просто. «Точно тайно вѣнчаются,—говорила она.—Иной подумаетъ, что скрыть отъ кого-нибудь хотятъ свадьбу». Впрочемъ, передѣлать этого дѣла было нельзя, и потому приходилось помириться съ нимъ. Но свѣтлое настроеніе бѣдной женщины длилось недолго. Первый разговоръ о необходимости перевести Мишу въ гимназію снова возбудилъ ея подозрѣнія и заставилъ ее опять посовѣтоваться съ умнымъ человѣкомъ, съ Даніилой Захаровичемъ. Въ душѣ Марья Дмитріевна, какъ мы сказали, была очень рада возможности постоянно видѣть Мишу около себя, но въ то же время ея трусливость пробуждала въ ней какія-то подозрѣнія. «А вдругъ Александръ Флегонтовичъ броситъ насъ,—думалось ей.—Да и достанетъ ли у него денегъ воспитывать Мишу? Ужъ тяжело мнѣ, что Миша не со мной живетъ, а все же лучше, что онъ на казенныхъ хлѣбахъ; тоже чужой-то хлѣбъ не сладокъ. Пойдутъ у нихъ дѣти, насъ тогда и забудутъ».

Digitized by Google

Данила Захаровичъ еще болѣе развилъ и утвердилъ эти подозрѣнія.

— Да чему научатъ-то здѣсь?—говорилъ онъ.—Вы поймите, что Александръ Флегонтовичъ только возмущать умѣетъ всѣхъ. Вы взгляните, какъ онъ на васъ самихъ смотритъ, какъ онъ на меня смотритъ. Не удостоитъ даже слова. Ему говоришь дѣло, а онъ, улыбаясь, соглашается, хотя такъ и видно по его глазамъ, по его усмѣшечкѣ, что онъ и не думаетъ соглашаться. Онъ, видите ли, презираетъ насъ, стариковъ. Не хочетъ даже въ разговоры съ нами пускаться... Это еще недавно замѣтилъ мнѣ къ слову, что кривую березу не выпрямишь... То-есть, понимаете, это мы-то кривыя березы!..

Марья Дмитріевна поблагодарила дорогого родственника и заступника за совѣты и молила его не оставлять ее, сироту беззащитную.

— Я и сама опасалась, да сердце-то материнское нашептывало, что радостнѣе мнѣ будетъ съ Мишурочкой,— жалобно говорила она.

— Знаю, знаю,—отвѣтилъ Данила Захаровичъ.—Только теперь не о себѣ надо думать, а о немъ. Вамъ, конечно, веселѣе бы было жить съ Мишей, да зато послѣ пришлось бы утирать кулаками слезы... Неуваженіе-то дѣтей каково видѣть? Вы это вспомните... И вы думаете, Мишѣ было бы сладко здѣсь? Вонъ они говорятъ, что онъ испорченъ—въ казенномъ-то училищѣ испорченъ!—Такъ вѣдь они его ломать бы стали, муштровать бы стали, чтобы по-своему передѣлать... Да вѣдь этакъ онъ въ каторгу бы попалъ... Ужъ если намъ, старикамъ, тертымъ калачамъ, тяжело съ ними, то каково же было бы ему?

Марья Дмитріевна соглашалась, чувствуя, что ей дѣйствительно очень тяжело жить въ семьѣ зятя, гдѣ, впрочемъ, она была полною хозяйкой, гдѣ всѣ обращались съ нею ласково и предупредительно, гдѣ просили ее только не утруждать себя лишнею работой. Подъ вліяніемъ совѣтовъ Данилы Захаровича она наотрѣзъ объявила, что она не позволитъ взять Мишу изъ училища. Дѣло дошло до крупной размолвки между Катериной Александровной и Марьей Дмитріевной, но побѣдительницей вышла все-таки послѣдняя; всѣ доводы, всѣ убѣжденія разбились въ прахъ передъ ея жалкими словами и тупымъ упорствомъ. Десятый разъ выслушивала она доказательства Катерины Александровны, повидимому, соглашалась съ ними, и когда Катерина Але-

Digitized by Google

ксандровна спрашивала: «ну, такъ какъ же?» она отвѣчала:

— Нѣтъ, ужъ, Катюша, я лучше въ разлукѣ съ нимъ буду жить, а не возьму его изъ училища.

Приходилось замолчать или снова доказывать, убѣждать и получать тотъ же отвѣтъ. Катерина Александровна разстроилась не на шутку, а сдѣлать все-таки ничего не могла. Нужно было умыть руки въ виду того, что могло случиться въ будущемъ съ Мишей, если онъ останется въ училищѣ, вдали отъ семьи. Но эти переговоры хотя и не привели ни къ какимъ благимъ результатамъ, а все-таки не прошли безслѣдно: они еще болѣе охладили отношенія матери и дочери и заставили первую въ пылу спора высказать нѣсколько такихъ мнѣній насчетъ Александра Флегонтовича, которыя не могли быть забыты обожавшею его Катериною Александровною. Эти нелестныя мнѣнія отнюдь не были убѣжденіями Марьи Дмитріевны; она просто повторяла ихъ со словъ Данилы Захаровича, но Катерина Александровна, смутно чувствуя это, все-таки не могла простить матери, что та рѣшается выслушивать и даже повторяетъ такія дурныя вещи про человѣка, который не сдѣлалъ ей ничего, кромѣ хорошаго. Къ тому же, Катерина Александровна стала въ послѣднее время очень раздражительною и нервною. Неизвѣстно, было ли это состояніе духа прямымъ слѣдствіемъ прошлыхъ тяжелыхъ лѣтъ, или являлось оно по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, тѣсно связаннымъ съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находилась теперь молодая женщина.

— Грѣхъ вамъ, мама, такъ говорить про Александра,— замѣтила она матери на рѣзкія замѣчанія послѣдней объ Александрѣ Флегонтовичѣ.—Если вы его не любите, то вы хоть вспомнили бы, что онъ поитъ и кормитъ насъ...

— Не сладокъ, не сладокъ, Катюша, чужой хлѣбъ,—безсмысленно произнесла Марья Дмитріевна.

Катерина Александровна пожала плечами и отвернулась. Въ послѣднее время она все болѣе и болѣе избѣгала раздраженій и непріятностей, начавъ особенно сильно дорожить своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, о которыхъ прежде заботилась слишкомъ мало. Она все чаще удалялась одна въ свою комнату и заботливо шила какія-то маленькія принадлежности дѣтскаго бѣлья. Любуясь ими, она думала: «О если бы это былъ мальчикъ. Если бы онъ былъ похожъ на него! Я буду заботиться о немъ, я выращу его честнымъ, хорошимъ человѣкомъ. Я пожертвую всѣмъ для его счастія,

Digitized by Google

чтобы онъ никогда, никогда не разошелся со мною, не отвернулся отъ меня. Онъ будетъ моею гордостью, моею радостью... Но я такъ часто волнуюсь, такъ тревожусь... Это вредно для него... Онъ долженъ быть здоровымъ... Я должна беречь себя для него. О, какъ я люблю его!» И она старалась быть спокойнѣе, ради того маленькаго созданія, которое должно было родиться на свѣтъ. Она жила теперь только мыслью о немъ. Но ея усилія не увѣнчались успѣхомъ: спокойствія не было. Послѣ послѣднихъ переговоровъ въ семьѣ сдѣлался расколъ: на одной сторонѣ стояли Катерина Александровна, Александръ Флегонтовичъ, Антонъ, Леонидъ и маленькая Лидія; на другой находились Марья Дмитріевна и Данила Захаровичъ, привлекшіе къ себѣ, къ несчастью, и Мишу. Миша ясно видѣлъ, что мать и дядя только балуютъ его и потакаютъ его выходкамъ, а сестра и ея сообщники стараются останавливать его отъ его привычекъ, иногда смѣются и острятъ надъ нимъ. Данила Захаровичъ даже попробовалъ еще болѣе вооружить Мишу противъ сестры, видя, что мальчикъ все-таки началъ отчасти увлекаться обольстительною картиной житья въ семьѣ, на свободѣ.

— Муштровать, братъ, хотятъ тебя!—говорилъ Боголюбовъ, трепля по плечу Мишу.—Каждый командовать станетъ! Кто хлѣбомъ кормитъ, тотъ и бьетъ. Оставайся-ка лучше въ училищѣ, тамъ, по крайней мѣрѣ, свой братъ товарищъ помыкать не будетъ, а тутъ и Антонъ—и тотъ старшимъ будетъ. Смотри, какъ важничаетъ!

— Да ужъ, голубчикъ ты мой, потерпи лучше, въ чужомъ мѣстѣ поживи, послѣ слаще будетъ,—гробовымъ голосомъ совѣтовала Марья Дмитріевна.—И мнѣ не сладко живется здѣсь, а тебѣ будетъ еще того хуже.

Миша хмурился и подозрительно смотрѣлъ на сестру и ея друзей. Среди этого разлада одинъ штабсъ-капитанъ въ младенческомъ невѣдѣніи воображалъ, что все идетъ отлично и говорилъ длинныя рѣчи, которыхъ никто не понималъ и съ которыми потому всѣ безусловно соглашались.

Семья уже собиралась на дачу. Особенно спѣшила отъѣздомъ Катерина Александровна.

— Да, Саша, теперь мнѣ нуженъ чистый воздухъ,—говорила она мужу.—Кажется, скоро...

— Береги себя, милая!—нѣжно говорилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея руки.—Марья Дмитріевна еще ничего не знаетъ?

— Кажется, нѣтъ... Я не хочу говорить ей прежде вре-

Digitized by Google

мени... Я о *немъ* говорю только съ тобою, думаю о *немъ* только въ своемъ уголкѣ... Это моя святыня...

Марья Дмитріевна дѣйствительно ничего не знала, хотя и подозрѣвала кое-что, но боялась спросить. Однажды, бесѣдуя, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы дочери, съ Данилой Захаровичемъ, она, между прочимъ, замѣтила, что болѣе всего она радуется тому, что Катерина Александровна обвѣнчана.

— Еще бы не обвѣнчаться!—промолвилъ Данила Захаровичъ.—Давно пора было кончить. Катерина Александровна, кажется, находится въ такомъ положеніи, что Александру Флегонтовичу нужно было быть подлецомъ, чтобы не поспѣшить свадьбой...

Марья Дмитріевна смутилась, она сама замѣтила въ послѣднее время, что ея Катя стала немного полнѣть, иногда прихварывала, и несмотря на всѣ усилія, не могла вполнѣ скрыть своего положенія отъ глазъ домашнихъ людей. Но Марья Дмитріевна все еще думала, что посторонніе люди ничего не замѣчаютъ. Теперь ей стало больно, что даже посторонніе знаютъ, какъ вела себя ея дочь до свадьбы. Она ничего не могла сказать Данилѣ Захаровичу въ оправданіе дочери.

— Да, не хорошо, не хорошо!—наставительно замѣтилъ Данила Захаровичъ.—Не ожидалъ я этого отъ нея... Хотя бы то подумала, что около нея растутъ дѣти... Какой примѣръ для нихъ?.. Признаюсь я вамъ откровенно, я только для васъ пускалъ къ вамъ свою Лидю... Конечно, она мала, но и ее могутъ развратить подобные примѣры. Она не видѣла въ родительскомъ домѣ подобныхъ дѣвушекъ...

— Батюшка, да вѣдь Лидичка еще ребенокъ, гдѣ же ей понять,—жалобно успокоила Боголюбова Марья Дмитріевна.

— Сама не пойметъ, такъ скажутъ,—возразилъ Данила Захаровичъ.—Какъ-нибудь могла подслушать, что говорила мнѣ про Катерину Александровну тетушка и жена; отъ кухарки могла услышать... Нѣтъ, Марья Дмитріевна, какъ посмотрю я на нынѣшнюю молодежь, такъ волосъ дыбомъ становится: фанаберія, развратъ, пьянство, сходки по ночамъ, неуваженіе... И куда мы идемъ, куда идемъ?.. А всему виной эти реформы, нововведенія!.. Да въ наше время косу бы по волоску выдергали у дочери, если бы она такъ-то жила, какъ ваша дочь...

Марья Дмитріевна поникла головой. Она сознавала, что мудрый родственникъ говоритъ правду.

Digitized by Google

— И какое благословеніе можетъ быть на ея ребенкѣ, когда онъ Богъ знаетъ какъ прижитъ?.. Еще чей онъ—это Богъ знаетъ...

— Грѣхъ вамъ, батюшка, такъ говорить!—воскликнула не выдержавшая Марья Дмитріевна: — Катюша все-таки честная дѣвушка... Ну, виновата она, согрѣшила... а то она честная...

— Честная!—саркастически улыбнулся Данила Захаровичъ.—У честныхъ не бываетъ незаконнорожденныхъ дѣтей!.. Нѣтъ, Марья Дмитріевна, не такихъ въ наше время называли честными!.. Вѣдь ей теперь ребенка-то скрывать придется, вѣдь она его стыдиться должна, вѣдь это улика будетъ... Теперь еще, можетъ-быть, вотъ только мы замѣтили, а тогда всѣ, всѣ узнаютъ, каждый лавочникъ, каждый дворникъ пальцемъ укажетъ и на нее, и на ея ребенка...

— Ужъ это что говорить, языки-то людямъ не завяжешь, чужому горю всякій радъ,—слезно вздохнула Марья Дмитріевна.—Скрыть-то нельзя...

— Да вы думаете, она будетъ скрывать! Нѣтъ-съ она всѣмъ на видъ выставлять будетъ, что вотъ, молъ, смотрите, добрые люди, какая я бойкая: сейчасъ послѣ свадьбы и ребятъ нарожала!

Марья Дмитріевна заплакала.

— Вы, какъ мать, усовѣстите ее, пусть уѣдетъ куда-нибудь на время. Не срамите своей фамиліи. Дѣтямъ примѣра не показывайте... Да чего вы все плачете? Твердости вамъ набраться нужно, твердости! Вы въ домѣ-то послѣдняя спица. Вами всѣ помыкаютъ, какъ старой ветошкой! Вамъ надо власть показать, власть!

Еще долго наставлялъ Данила Захаровичъ Марью Дмитріевну и, наконецъ, успокоился, когда увидалъ, что несчастная женщина окончательно убѣдилась, что несчастнѣе ея нѣтъ никого на свѣтѣ. Довольно долго ходила Марья Дмитріевна съ понурою головой и все не знала, какъ приступить къ объясненію съ дочерью, которая, какъ нарочно, была въ это время, повидимому, вполнѣ счастлива, хотя изрѣдка и прихварывала. Наконецъ, мать выбрала удобную минуту и, подсѣвъ къ сидѣвшей за работой дочери, рѣшилась намеками и стороной замѣтить ей, что не худо бы послѣдней на время уѣхать хоть куда-нибудь въ деревню, на что ей Катерина Александровна отвѣтила, что они и безъ того скоро поѣдутъ на дачу, какъ только пройдутъ экзамены въ пансіонѣ Давыдова.

Digitized by Google

— Ну, ты одна съ мужемъ поѣзжай, я съ Антошей и Мишенькой здѣсь останусь,—отвѣчала Марья Дмитріевна.

— Что вы, мама! Да дѣтямъ воздухъ болѣе необходимъ, чѣмъ намъ,—замѣтила Катерина Александровна.—Они и безъ того нынче засидѣлись въ городѣ изъ-за насъ... Пусть хотя съ мѣсяцъ отдохнутъ на волѣ...

— Знаю, Катюша, да тутъ не въ воздухѣ дѣло... Ты вотъ теперь замужемъ, такъ тоже дѣтямъ не кстати тутъ быть... Тоже мало ли что... хотя, конечно...

Марья Дмитріевна окончательно запуталась и замолчала, смотря на дочь недоумѣвающими глазами, какъ будто въ ожиданіи, что дочь сама доскажетъ начатую ею рѣчь.

— Я васъ не понимаю,—пожала плечами Катерина Александровна.—Моя свадьба не измѣнила ничего. Какъ жили мы прежде, такъ будемъ жить и теперь.

— То-то и худо, Катюша,—вздохнула Марья Дмитріевна.—Законъ-то не слѣдовало забывать... Кашу-то заварили, а теперь придется расхлебывать.

Катерина Александровна смотрѣла на мать все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ удивленіемъ и уже начинала волноваться.

— Вѣдь вотъ ты думаешь, что никто и ничего не замѣчаетъ, а люди-то ужъ и распустили молву про тебя... И до чего ты довела себя: свое дитя придется скрывать ото всѣхъ...

Катерина Александровна раздражительно отбросила работу въ сторону и хотѣла что-то сказать, но Марья Дмитріевна продолжала ноющимъ тономъ:

— Конечно, младенецъ не виноватъ, а все же ужъ не можетъ быть на немъ благословленія, уликой онъ будетъ.

Катерина Александровна вздрогнула и поблѣднѣла. Ея глаза сверкнули какимъ-то недобрымъ огонькомъ. Мать оскорбляла то, что было свято и дорого ей.

— Мало того, что вы меня мучите, такъ вы еще хотите убить моего ребенка прежде его рожденія!—воскликнула она и оперлась рукой о стулъ.—Когда же вы перестанете? Когда же оставите меня въ покоѣ?

Марья Дмитріевна была вообще плохою наблюдательницей и не замѣтила мучительнаго выраженія лица дочери; ее только поразила рѣзкость упрека.

— Спасибо, Катя, спасибо!—слезливо произнесла она.—Не я тебя мучаю, а ты меня! Бога-то вы забыли, оттого все такъ и идетъ; оттого и благословенія на васъ нѣтъ... Вонъ старикъ-то вашъ нѣмтыремъ ходитъ, а вы и молебна

Digitized by Google

не отслужите, чтобы Богъ ему разрѣшеніе языка далъ... Такъ вотъ и дитя ваше безъ благословленія родится... И радоваться-то ему грѣшно, потому что извѣстно, какъ оно прижито. Такихъ-то въ воспитательный домъ прячутъ... Ты бы подумала, что я мать тебѣ, что мнѣ все это тяжело видѣть-то... Такъ ли мы жили съ твоимъ отцомъ? Мы честными были, на насъ пальцемъ никто не показывалъ...

— Идите прочь!—почти шопотомъ, какъ-то болѣзненно произнесла Катерина Александровна, указывая на дверь.

— Ну, и на томъ спасибо! Не прикажешь ли, дочка, совсѣмъ переѣхать съ квартиры. Что-жъ, и то сказать, довольно кормили и поили мать, теперь вотъ своя семья будетъ...

Катерина Александровна болѣзненно сжала руки и опустилась на диванъ. Марья Дмитріевна хотѣла было продолжать свои жалобныя рѣчи и вдругъ остановилась: она увидала, что Катерина Александровна лежала безъ чувствъ. Марья Дмитріевна, по обыкновенію, растерялась и забѣгала изъ угла въ уголъ.

— Ай, батюшки, ай, родные! Умираетъ она! Умираетъ!— кричала старуха, бѣгая по квартирѣ то за прислугой, то за водой.

Катерина Александровна была съ трудомъ приведена въ чувство. Но встать она не могла. Ей сдѣлалось очень худо. Александръ Прохоровъ, возвратившись домой и не зная ничего, что случилось, былъ сильно встревоженъ и растерялся, преувеличивая опасность болѣзни, какъ это обыкновенно случается съ молодыми неопытными мужьями. Тяжелый день смѣнился еще болѣе тяжелою ночью. Только дня черезъ три можно было утвердительно сказать, что опасность миновала, но вмѣстѣ съ нею миновала и надежда для молодыхъ супруговъ обнять свое первое дитя. Это было страшнымъ ударомъ для Катерины Александровны.

Она поправлялась довольно медленно, и только дача и чистый воздухъ произвели на нее свое благотворное вліяніе. Черезъ мѣсяцъ, блѣдная и худая, съ обстриженными во время болѣзни волосами, она едва стала подниматься съ постели. Марья Дмитріевна ходила за дочерью и хныкала, во всемъ обвиняя себя. Она даже попробовала просить прощенія у дочери, но та какъ-то безстрастно и холодно отвѣтила ей:

— Вы ни въ чемъ не виноваты.

— Нѣтъ, Катюша, я знаю, знаю, что не слѣдовало мнѣ

Digitized by Google

говорить. Да вѣдь не предвидѣла я, что это могло случиться. Прости ты меня, дуру старую!

— Я вамъ говорю, что вы не виноваты. Чего же вамъ еще нужно?—холодно отвѣчала Катерина Александровна.

— Да вотъ ты сердишься и не приласкаешь меня, старую,—плакала Марья Дмитріевна.

— Что ласки? Не ими выражается любовь,—сухо произносила дочь и холодно принимала поцѣлуи матери, не отвѣчая на нихъ.

Александръ Флегонтовичъ былъ тоже изумленъ этимъ холоднымъ спокойствіемъ жены. Онъ ясно понималъ, что подъ этимъ видимымъ равнодушіемъ таится страшное горе, которое тѣмъ тяжелѣе, что оно не можетъ облегчиться словами и слезами. Съ тактомъ и заботливостью любящаго человѣка онъ старался не говорить съ женой о недавнемъ прошломъ и только былъ съ нею еще нѣжнѣе, еще ласковѣе, чѣмъ прежде. Но онъ не понималъ, почему она такъ холодна и суха въ обращеніи съ матерью; онъ подмѣтилъ даже что-то суровое въ отношеніяхъ своей жены къ Марьѣ Дмитріевнѣ. Онъ попробовалъ какъ-то замолвить женѣ доброе слово за мать, но Катерина Александровна сухо отвѣтила:

— Мы, Саша, договорились съ нею до послѣдняго слова...

— Ну, другъ мой, съ нею мы должны быть снисходительными,—мягко промолвилъ онъ.—Она не можетъ мыслить такъ, какъ мы. Она не можетъ понять то, что понимаемъ мы... Убѣждать ее, ломать ея взгляды — безполезно. Будемъ жить по-своему и оставимъ ее жить такъ, какъ хочетъ она...

— Я такъ и дѣлаю...

— Но ты, кажется, раздражаешься за то, что она не понимаетъ тебя? Вѣдь ты пойми, что и она можетъ обвинять насъ за то, что мы не понимаемъ ея, а значитъ, можетъ тоже, въ свою очередь, раздражаться на насъ. Изъ этого можетъ начаться безконечная борьба, вражда... Тутъ уступить должны мы, какъ болѣе развитые люди, должны уступить по внѣшности, наружно, то-есть терпѣливо выслушивать нелѣпости и соглашаться на словахъ, а поступать по-своему.

— Я такъ и буду дѣлать. Если я дѣлала не такъ, то это потому, что иначе было нельзя поступать... Ты все-таки дальше стоишь отъ нея и не знаешь всего, изъ-за чего могутъ выходить столкновенія... Впрочемъ, теперь, кажется, ихъ не будетъ...

Digitized by Google

— Но ты слишкомъ холодна съ ней, — замѣтилъ Александръ Флегонтовичъ.

Катерина Александровна ничего не отвѣтила, только по ея лицу пробѣжала какая-то тѣнь.

— Нужно иногда приласкать ее, старухѣ это нужно,— мягко заговорилъ онъ.

Катерина Александровна нахмурила брови.

— Что же дѣлать, если я не могу?—отвѣтила та.—Еще недавно я могла быть нѣжною съ нею... Можетъ-быть, послѣ я буду ласкова съ нею... Но теперь...

Катерина Александровна отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Нѣтъ, Александръ, ты не знаешь всего, и я не стану тебѣ разсказывать,—отрывисто заговорила она.—Да ты и не понялъ бы меня... Меня поняла бы только женщина, если бы я разсказала, почему я не могу теперь ласкаться къ матери...

Она замолчала.

— Знаешь ли,—продолжала она черезъ минуту,—какъ-то я думала, что если бы мнѣ пришлось поставить на карту спокойствіе матери и какое-нибудь хорошее дѣло, то я пожертвовала бы послѣднимъ... Я тогда клялась, что никогда я не принесу ничему въ жертву ея спокойствія... Я такъ горячо ее любила, бѣдную!.. Теперь же, теперь мы вдругъ стали чужими, вдругъ разошлись, между нами легла непроходимая пропасть... вотъ какъ между тобою и всѣмъ старымъ легла могила твоего брата... даже больше...

Александръ Флегонтовичъ задумался и ничего не возразилъ женѣ. Она была взволнована. Она дѣйствительно сознавала, что между ея матерью и ею легла преградой могила ея ребенка, и черезъ эту преграду она уже не могла, по крайней мѣрѣ, теперь протянуть горячія объятія своей матери. Она, можетъ-быть, была права, думая, что этихъ чувствъ не пойметъ ея мужъ, что ихъ можетъ понять только женщина. Онъ не просиживалъ въ одиночествѣ тѣхъ сладкихъ минутъ въ мечтахъ о ребенкѣ, которыя проспживала его жена. Для него это дитя еще не жило, но оно жило для нея, она слышала, чувствовала трепетъ этой жизни. Для него это была просто обманутая надежда, для нея это была смерть горячо любимаго существа.

IV.

Вслѣдъ за теченіемъ.

Пастала осень. Александру Флегонтовичу попрежнему

Digitized by Google

пришлось давать уроки, принимать дѣятельное участіе въ журналистикѣ, вращаться въ передовыхъ кружкахъ, посѣщать лекціи и дѣятельно трудиться надъ разработкою вопросовъ по части воспитанія. Онъ надѣялся, что, въ концѣ концовъ, ему будетъ поручено съѣздить за границу для осмотра военно-учебныхъ заведеній. Не менѣе усердно хлопоталъ онъ съ нѣсколькими изъ близко стоявшихъ къ нему людей объ устройствѣ воскресныхъ школъ для взрослыхъ. Школа, поставленная имъ на ноги въ одной изъ близкихъ къ городу, населенныхъ бѣднымъ и рабочимъ людомъ мѣстностей, шла отлично. Ее посѣщали не только юноши и молодые рабочіе, но и старики. Въ учителяхъ недостатка не было: въ дѣлѣ принимали горячее участіе и офицеры, и студенты, и кончавшіе курсъ гимназисты, и даже правовѣды. Всѣ эти люди сходились нерѣдко у Александра Флегонтовича для обсужденія лучшихъ системъ преподаванія, для начертанія плановъ и программъ обученія. Александръ Флегонтовичъ настаивалъ главнымъ образомъ на расширеніи круга преподаваемыхъ предметовъ и говорилъ о необходимости составить популярныя книжки для ознакомленія учениковъ съ первыми основаніями естественныхъ наукъ. Онъ предлагалъ назначить конкурсъ для тѣхъ, кто пожелаетъ представить на обсужденіе нѣсколько подобныхъ работъ, и говорилъ о необходимости собрать на этотъ предметъ деньги. Кромѣ этихъ сходокъ, собиравшихся у него для толковъ о дѣлахъ школы, въ его квартирѣ иногда собирались студенты для обсужденія дѣлъ, касавшихся исключительно ихъ. Всѣ эти хлопоты, труды и проекты заставляли его сталкиваться съ сотнями самыхъ разнообразныхъ личностей, начиная съ семинаристовъ и двухъ священниковъ, принимавшихъ участіе въ хлопотахъ о воскресныхъ школахъ, и кончая молодымъ Бѣлокопытовымъ, порой просившимъ Прохорова составить то ту, то другую докладную записку по дѣлу объ устройствѣ крестьянскаго быта, порой же стремившагося черезъ Александра Флегонтовича предать гласности нѣкоторые факты по крестьянскому дѣлу. Во всѣхъ кружкахъ Александръ Флегонтовичъ стяжалъ себѣ репутацію даровитаго человѣка, горячей головы и неутомимаго работника. Дѣйствительно, жизнь била въ немъ ключомъ: дни казались ему слишкомъ короткими, и умъ стремился обнять все бо́льшую и бо́льшую сферу дѣятельности. Долгіе годы прозябанія на школьной скамьѣ и въ мирномъ углу бѣднаго и отчужденнаго отъ свѣта родительскаго дома, прозябанія вдали отъ всякихъ

Digitized by Google

общественныхъ событій и интересовъ,—сказались теперь вполнѣ. Молодой человѣкъ, живой, увлекающійся и страстный по натурѣ, не могъ не поддаться всей массѣ новыхъ впечатлѣній и положить себѣ границы для дѣятельности или заставить свой умъ интересоваться исключительно какимъ-нибудь однимъ предметомъ. Онъ былъ похожъ на наивнаго и полнаго силъ юношу, перенесеннаго изъ деревни въ роскошный музей или на блестящую выставку лучшихъ произведеній промышленности и искусства. На чемъ остановить вниманіе? Которое самое лучшее произведеніе? Что нужнѣе всего изучить? Кому протянуть руку и сказать: васъ я избираю своимъ учителемъ, руководителемъ, другомъ? На это было трудно отвѣтить. Кругомъ все блестѣло и сверкало прелестью новизны, все казалось необходимымъ, все казалось «лучшимъ». Повидимому, нельзя было заняться чѣмъ-нибудь однимъ, такъ какъ все связывалось и сплеталось вмѣстѣ въ одну неразрывную и тѣсную связь: жгучій интересъ крестьянскаго вопроса требовалъ вниманія; мысль о необходимости усиленнаго развитія знаній въ освобождавшемся народѣ являлась при этомъ сама собою, она прямо наталкивала на необходимость заинтересовать этимъ дѣломъ многихъ лицъ и выработать поскорѣе систему преподаванія, подготовить учителей для народа; но та среда, въ которой могли вербоваться учителя, требовала сама или полнаго развитія, или лучшаго устройства матеріальныхъ средствъ. Тутъ могла закружиться голова даже у опытнаго, коротко знакомаго со всѣми разнообразными интересами жизни человѣка, а не только что у неопытнаго юноши, чувствовавшаго, что онъ уже успѣлъ отсидѣть ноги въ своемъ углу, что онъ утомилъ свой умъ бездѣйствіемъ многихъ лѣтъ. Нужно было расправить ноги, нужно было расшевелить умъ.

И какое время переживалось тогда: многое, что теперь нисколько не удивляетъ насъ и является совершившимся фактомъ, въ ту пору было только блестящею цѣлью, къ которой стремились люди, иногда не вѣря даже, что ее можно достигнуть. Крестьянскій вопросъ, отмѣна откуповъ, воскресныя школы, литературный фондъ, начало различныхъ компаній и желѣзнодорожнаго дѣла, развитіе прессы и толки объ измѣненіи условій печати, вопросы о реформахъ въ воспитаніи, толки о женской эмансипаціи и развитіи женскаго образованія, судебная реформа и множество другихъ явленій, иногда мелкихъ, касавшихся только Петербурга или извѣстнаго кружка людей, извѣстнаго сословія, извѣст-

Digitized by Google

ной корпораціи; иногда крупныхъ, охватывавшихъ всю русскую жизнь, перестраивавшихъ окончательно старое зданіе,—все это не могло не интересовать живого человѣка. Нужно было затвориться въ своемъ углу, не читать газетъ и журналовъ, не видаться ни съ кѣмъ, чтобы не принять хотя словеснаго участія во всей этой хлопотливой перестройкѣ зданія, въ противномъ же случаѣ, нельзя было не увлекаться, не спорить, не волноваться. Александръ Флегонтовичъ даже если бы и хотѣлъ отстраниться отъ всего, то по необходимости долженъ былъ сходиться съ самыми разнообразными личностями: мѣсто службы и литературный трудъ заставляли его сталкиваться съ артиллеристами и представителями литературы; еще разнообразнѣе были его знакомства въ качествѣ учителя. Тутъ приходилось бесѣдовать и съ какимъ-нибудь заскорузлымъ степнякомъ, привозившимъ сына для приготовленія въ корпусъ, и съ такимъ европейски-образованнымъ либераломъ, какъ графъ Алексѣй Дмитріевичъ Бѣлокопытовъ. Слушать разнообразные толки всѣхъ этихъ господъ объ ихъ больныхъ мѣстахъ и молчать—это значило выставлять себя дуракомъ; соглашаться съ тѣми, которые говорили нелѣпости, — это значило являться чѣмъ-то въ родѣ Молчалина или Чичикова, предупредительно говорящаго: «мой дядя дуракъ, дуракъ, ваше превосходительство»; спорить и волноваться—это было вполнѣ естественно, но это заставляло наживать себѣ двухъ-трехъ друзей и сотни враговъ.

Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Гдѣ начинается какое-нибудь новое дѣло, тамъ неизбѣжны и недоразумѣнія, и непріятности, и враждебныя столкновенія, и ошибки. И чѣмъ крупнѣе дѣло, тѣмъ болѣе является и недоразумѣній, и враждебныхъ столкновеній. Наше общество въ то время занималось рубкою лѣса старыхъ порядковъ, старыхъ заблужденій, и потому немудрено, что разныхъ недоразумѣній было множество. Приверженцы застоя шипѣли противъ нововведеній, новаторы иногда увлекались и хватали черезъ край или дѣлали свое дѣло неловко, неумѣло, такъ какъ это дѣло было и ново, и непривычно. Иногда самые незначительные случаи подавали поводъ къ шипѣнію одной стороны противъ другой; иногда дѣло принимало простой комическій видъ, этотъ комизмъ подхватывался прессой и раздражалъ еще болѣе тѣхъ, которые явились достойными смѣха. Серьезно начатый споръ о происхожденіи Руси, окончившійся объясненіемъ Погодина, что онъ устроилъ диспутъ

Digitized by Google

для потѣхи рыцарей свистопляски; судъ въ Пассажѣ, окончившійся знаменитою фразою о томъ, что «мы не дозрѣли»; собраніе акціонеровъ погибавшаго тогда стараго правленія общества водопроводовъ, гдѣ объявили, что одинъ очень свѣдующій техникъ не имѣетъ права судить о дѣлахъ, «потому что онъ молодъ»; литературные толки о корреспонденціи о волжско-донской дорогѣ, гдѣ отучали людей отъ пищи; горячія разсужденія о томъ, слѣдуетъ ли сѣчь или не слѣдуетъ, слѣдуетъ ли сѣчь мужиковъ и дѣтей или только дѣтей, слѣдуетъ ли сѣчь послѣднихъ административнымъ порядкомъ или по суду; глубокомысленные толки о грамотности, вырабатывающей мошенниковъ, и сотни тому подобныхъ явленій того времени, начиная съ серьезныхъ споровъ объ общинѣ и кончая смѣшнымъ протестомъ за евреевъ, названныхъ жидами въ Иллюстраціи, обличали то внутреннее броженіе, которое началось въ нашемъ обществѣ. Одни нападали на гласность за то, что она заглядывала въ самые потаенные углы частной жизни человѣка; другіе доказывали очень основательно, что она даже и общественныхъ явленій не выставляетъ на свѣтъ, говоря постоянно о происшествіяхъ въ N-скій губерніи въ городѣ X съ господами У и Z. Слѣды этихъ враждебныхъ отношеній замѣчались и въ частной жизни: какіе-нибудь Боголюбовы не могли слышать, напримѣръ, о нападеніяхъ на взяточничество и говорили, что это все молокососы выдумываютъ. Въ пылу негодованія они не могли понять, что молокососы снова начали говорить громко о взяточничествѣ только тогда, когда правительство начало преслѣдовать взяточниковъ и назначать разныя ревизіи, что нападенія эти сами по себѣ не являются знаменіемъ новаго времени, а очень стары. Униженныя и оскорбленныя личности прошлаго времени, конечно, старались всѣми силами отыскать слабыя или дурныя стороны въ тѣхъ людяхъ, которыхъ они считали своими противниками, и сѣяли вражду среди той массы безличныхъ созданій, которыя, подобно Марьѣ Дмитріевнѣ, живутъ чужимъ умомъ. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что неподготовка къ новому дѣлу и совершенно понятныя увлеченія ихъ противниковъ всегда давали поводъ придраться къ мелочамъ и раздуть эти мелочи до крупныхъ явленій. Шипящіе, отставленные правительствомъ отъ должностей взяточники, старые крѣпостники, видѣвшіе неизбѣжность новой реформы, отживавшіе крючкотворы, слышавшіе о новомъ судѣ, всѣ эти люди негодовали и вымещали свою

Digitized by Google

злобу на томъ, что отыскивали ошибки, пороки и всякія мерзости въ «новыхъ людяхъ». Но эти наивные люди не понимали, что «новыхъ-то людей» въ сущности не было и не могло быть, если не считать нѣсколькихъ исключительныхъ личностей. Правда, на сценѣ являлся благонамѣренный чиновникъ Надимовъ, предлагавшій всѣмъ честнымъ людямъ идти въ становые. Но покуда все этимъ и ограничивалось. Въ обществѣ были честные литераторы, молодыя, горячія головы, ищущіе работы и дѣятельности люди, видящіе, напримѣръ, необходимость образованія и труда женщины, но когда же ихъ не было? Но практиковъ, вполнѣ подготовленныхъ къ дѣлу людей, которые могли бы неуклонно, съ полнымъ знаніемъ, съ стойкостью вести новое дѣло, соглашать безъ колебаній и промаховъ слово и дѣло, не было или было такъ же мало, какъ прежде. Тутъ не было ничего необыкновеннаго, ничего непонятнаго, это было повтореніе того же, что происходило въ петровскія времена, что происходило въ первые годы царствованія Александра I, что происходитъ при введеніи въ жизнь всякаго новаго дѣла: въ нашей жизни осуществлялись идеи, которыя уже давно были выработаны человѣчествомъ и были знакомы намъ по книгамъ, но мы-то сами были похожи на тѣхъ неопытныхъ работниковъ, которые попали изъ глухой родной деревни, отъ своего нехитраго плуга домашняго издѣлія въ шумный городъ, на подавляющую своими размѣрами фабрику, къ колесу сложной, состоящей изъ сотни колесъ, тысячи винтиковъ и клапановъ машины. Работникъ не умѣетъ обращаться съ нею, онъ иногда не довернетъ, иногда перевернетъ то тотъ, то другой винтикъ, онъ, можетъ-быть, испортитъ то или другое произведеніе, онъ, можетъ-быть, повредитъ свою собственную руку, — но что же изъ этого? Нужно ли кричать старымъ работникамъ, имѣвшимъ дѣло съ ручными старыми станками, «вотъ каковы они, новые-то работники!» Вѣдь сами они, эти старые работники, надѣлали бы такихъ же ошибокъ на мѣстѣ новыхъ. Работники и не станутъ дѣлать подобныхъ упрековъ новымъ товарищамъ, если эти новые товарищи не вытѣсняютъ ихъ, а пребываютъ на мѣста умирающихъ стариковъ. Но старые работники стали бы непремѣнно глумиться надъ новыми и бранить ихъ, если бы вступленіе этихъ новыхъ тружениковъ на путь дѣятельности непремѣнно должно было обусловить отставку старыхъ. Именно въ такомъ положеніи находилось наше общество: Боголюбовы, уличенные во взя-

Digitized by Google

точничествѣ, должны были сойти со сцены, и они негодовали на «новыхъ людей», ловя ихъ промахи и ошибки, происходившіе отчасти вслѣдствіе того, что ихъ воспитаніе шло все-таки подъ вліяніемъ тѣхъ же Боголюбовыхъ. Теорія и практика были еще крайне далеки другъ отъ друга. Молодой человѣкъ, научившійся по книгамъ любить новыя идеи, но пріученный къ роскоши и праздности въ домѣ разжившагося откупами или оброками съ крестьянъ отца, быть-можетъ, могъ свернуть съ прямой дороги или неумѣло сдѣлать взятое на себя дѣло и испортить его. Молодая барышня, понявшая изъ книгъ необходимость женскаго труда, но сидѣвшая въ четырехъ стѣнахъ, державшаяся въ ежовыхъ рукавицахъ, не подготовленная ни къ чему, могла, можетъ-быть, очень скверно переводить, портить взятую швейную работу, небрежно преподавать дѣтямъ науки и поддаться на какую-нибудь связь, которую она считала прочною и которая въ сущности была тѣмъ же, чѣмъ бывали и всѣ другія любовныя связи въ старое время между довѣрчивыми дѣвушками и между разнузданными мужчинами. Но все это являлось не потому, что и этотъ молодой человѣкъ и эта молодая дѣвушка были «новые люди», а потому, что они были дѣтьми стараго времени, такими же бѣлоручками, какъ ихъ отцы. Если бы жили въ Китаѣ, то эти молодые люди продолжали бы ту же самую жизнь, какую вели ихъ отцы и матери. Но такъ какъ имъ пришлось жить въ ту пору, когда выработанныя человѣчествомъ идеи стали примѣняться къ практикѣ у насъ, то они и толковали объ этихъ теоріяхъ, пробовали освоиться съ ними, осуществить ихъ — и очень часто, проповѣдуя новое, поступали по старому.

Александръ Флегонтовичъ, какъ простая дюжинная личность, тоже не былъ исключеніемъ изъ общаго правила, тоже не былъ «новымъ человѣкомъ», то-есть, такимъ человѣкомъ, который твердо шелъ бы по одной избранной дорогѣ, къ одной извѣстной цѣли, подобно какому-нибудь опытному работнику, знающему, которое колесо и какъ долженъ онъ вертѣть. Нѣтъ, какъ мы уже говорили, онъ учился самъ и писалъ поучающія статьи; дѣятельно занимался вопросомъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ и принималъ участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса; давалъ уроки у разныхъ господъ и хлопоталъ объ устройствѣ воскресныхъ школъ. Что было для него главною, что было для него второстепенною дѣятельностью — этого онъ, пожалуй, не опредѣлилъ бы самъ.

Digitized by Google

Такъ мчалась эта жизнь, унося своимъ теченіемъ все впередъ и впередъ Александра Флегонтовича и подобныхъ ему людей. Катерина Александровна тоже не отставала отъ своего мужа, и если кругъ ея дѣятельности былъ менѣе широкъ, то все-таки нельзя сказать, чтобы ея интересы были болѣе сосредоточены исключительно на чемъ-нибудь одномъ. Слушаніе лекцій повивальнаго искусства, посѣщеніе нѣкоторыхъ лекцій въ университетѣ, занятія въ воскресной школѣ, столкновеніе и сближеніе съ молодежью, толки о женской эмансипаціи и стремленіе пополнить пробѣлы въ своемъ образованіи и въ образованіи подобныхъ ей молодыхъ женщинъ, все это не могло не увлечь, не могло не заставить молодую женщину забыть и мелкія дрязги будничной жизни, и тѣ рытвины и ухабы, которые такъ часто встрѣчаются на жизненномъ пути. Уже въ половинѣ зимы Катерина Александровна подтолкнула нѣсколькихъ дѣвушекъ изъ кружка Софьи Андреевны заняться серьезно математикою и естественными науками, и въ комнатахъ Софьи Андреевны нѣсколько пріятелей Александра Флегонтовича начали читать лекціи математики, физики, физіологіи. Это былъ первый шагъ къ систематическому изученію наукъ, и здѣсь Катерина Александровна впервые вполнѣ ясно увидала, что и ей, и другимъ подобнымъ ей женщинамъ приходится начинать съ азбуки. Это отчасти опечалило ее, отчасти заставило болѣе серьезно взглянуть на подобныя лекціи: сперва она думала, что эти лекціи только «пополнятъ» образованіе ея кружка, теперь она видѣла, что онѣ должны создать это образованіе, такъ какъ его въ сущности не было, хотя и она, и ея подруги офиціально выдержали экзамены и знали, повидимому, много. На первыхъ же порахъ приходилось отказаться и отъ физики, и отъ химіи, и посвятить свои силы осмысленному и толковому изученію простой ариѳметики. Катерина Александровна не сробѣла, видя, что ей опять приходится пройти довольно тяжелый и большой путь для пріобрѣтенія болѣе точныхъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, которыми она запаслась безъ чужой помощи, самоучкой, урывками. Она начинала уже чувствовать, что необходимо сузить кругъ интересовъ, кругъ занятій, что нужно сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ, что постоянная гоньба за множествомъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ не можетъ продолжаться вѣчно и, въ концѣ концовъ, приведетъ къ полнѣйшей безсодержательности, пустотѣ и фразерству.

Digitized by Google

«У насъ почвы твердой нѣтъ подъ ногами; мы хотимъ что-то строить, не заложивъ фундамента», — говорила она въ своемъ кружкѣ.

Но, несмотря на это сознаніе, несмотря на разстроившееся за послѣднее время здоровье, покуда она еще не могла оторваться отъ тѣхъ разнообразныхъ интересовъ, которые назойливо требовали ея вниманія. Иногда, чувствуя и физическое, и нравственное утомленіе, она шутливо говорила мужу:

— Мы всѣ слишкомъ разбросались, Саша!

— Что-жъ, кто мѣшаетъ сузить кругъ интересовъ, — смѣялся онъ.—Не ходи въ воскресную школу, не посѣщай лекцій въ университетѣ или откажись отъ знакомства съ молодежью, не волнуйся, когда у тебя просятъ совѣта, когда тебѣ жалуются на свое положеніе, не мучься вопросами, почему не удаются то швейныя мастерскія, то стремленія женщинъ поступить въ наборщицы или въ переводчицы, и не хлопочи о помощи тѣмъ, которые просятъ тебя о ней... Скажи всѣмъ: вотъ погодите, я доучусь, тогда и буду давать мудрые совѣты и интересоваться вопросами дня...

— Что ты, что ты!—перебивала его Катерина Александровна съ яркой краской на лицѣ.—Развѣ я на то жалуюсь, что мы живемъ слишкомъ быстро? Иначе мы жить не можемъ теперь! Мнѣ просто иногда досадно, что мы всѣ были слишкомъ не подготовлены къ такой жизни, что намъ пришлось и учиться дѣлу, и дѣлать дѣло въ одно и то же время... Теперь мнѣ иногда досадно и скучно слушать дѣтскіе споры и толки о тѣхъ предметахъ, до которыхъ уже кое-какъ додумались мы, но я терпѣливо выслушиваю ихъ. Вѣдь не виноваты же эти люди, что они еще позже насъ узнали то, что, вѣроятно, давно извѣстно въ западной Европѣ каждому школьнику... Вѣдь какъ недавно и мы съ тобою не знали многаго изъ самыхъ простыхъ вещей, а сколько еще не знаемъ мы изъ того, что знаютъ образованные люди Запада? Я думаю, европейцу было бы очень скучно на нашихъ вечерахъ: онъ услышалъ бы, что здѣсь говорятъ и спорятъ о томъ, о чемъ уже не спорятъ у нихъ, что просто проводятъ тамъ въ жизнь. Онъ, вѣроятно, посмѣялся бы надъ нами, надъ нашими циническими фразами.

— Ну, не думаю,—отвѣтилъ Александръ Флегонтовичъ.— Это скорѣе грустно, чѣмъ смѣшно! Правда, мы споримъ объ ассоціаціяхъ, о женскомъ образованіи и трудѣ, о воскрес-

Digitized by Google

ныхъ школахъ и тому подобныхъ предметахъ, какъ о чемъ-то новомъ, но насъ можно только пожалѣть за то, что это ново для насъ, что мы только споримъ объ этомъ... Если бы эти вещи не были для насъ чѣмъ-то съ неба упавшимъ, мы, вѣрно, не разбрасывались бы такъ, какъ теперь, а шли бы спокойно по разъ избранному, давно извѣстному пути...

Эти тоскливыя минуты недовольства собою и окружающимъ, сознаніе, что дѣла могли бы идти лучше, что нужно болѣе сосредоточиться, стали все чаще и чаще повторяться въ жизни Катерины Александровны. А выбиться изъ колеи, по которой она шла, по которой несло ее теченіемъ, у нея не было силы. Въ обществѣ же начали все сильнѣе и сильнѣе носиться какіе-то темные слухи, и чувствовалось, что люди различныхъ убѣжденій все болѣе и болѣе расходятся другъ съ другомъ. Иногда рѣчи близкихъ Прохоровымъ людей стали слишкомъ желчны, вслѣдствіе неудачъ, вслѣдствіе мелкихъ столкновеній на практической почвѣ съ противниками. Самъ Александръ Флегонтовичъ началъ нерѣдко говорить, что общество договорилось до послѣдняго слова.

— Мы съ нашимъ скромнымъ чернорабочимъ трудомъ стоимъ въ сторонѣ,—говорилъ онъ женѣ,—но очень можетъ быть, что и на насъ отзовутся послѣдствія того движенія, которое происходитъ теперь. Вѣдь со всѣми этими людьми намъ приходилось и приходится сталкиваться...

— Среди всѣхъ этихъ слуховъ и ожиданій чего-то я хожу какъ бы въ туманѣ,—говорила она.—Я чувствую какое-то лихорадочное состояніе... Порой я боюсь за будущее... Кажется, если бы я сама участвовала въ какомъ-нибудь очень рискованномъ дѣлѣ, — я была бы спокойнѣе. Мучительнѣе всего неизвѣстность, смутность предчувствій чего-то неопредѣленнаго...

— Да вѣдь и чортъ потому страшенъ людямъ, что они его не видали,—пошутилъ Александръ Флегонтовичъ. — Но ты будь тверже, теперь нужно беречь свое здоровье, свои силы, а не мучиться безполезными сомнѣніями. Дѣла не передѣлаешь, начатаго не остановишь, значитъ, нужно думать только о томъ, чтобы спокойно и твердо пережить то, что можетъ случиться...

Онъ говорилъ, повидимому, спокойно, но и въ его душѣ порой пробуждались опасенія за будущее. Въ литературѣ начали проскальзывать грязныя выходки противъ всего новаго, молодого. Прохоровъ началъ чувствовать, что въ домѣ

Digitized by Google

Бѣлокопытовыхъ все холоднѣе и враждебнѣе относились къ нему и къ любимымъ имъ людямъ.

— Ваши, кажется, начинаютъ опасную игру,—небрежно говорилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Куда вы насъ ведете...

— Я лично никуда и никого не веду, — шутливо отвѣчалъ Александръ Флегонтовичъ. — Дѣтей веду, правда, въ корпуса и высшія учебныя заведенія, вотъ и все...

— Да-съ, можетъ-быть... Но ваши-то что дѣлаютъ?

— Я думаю, графъ, что каждый можетъ отвѣчать только за себя.

— Ну, тутъ трудно сказать, что у васъ личное, что общее со всѣми людьми, которыхъ убѣжденія вы раздѣляете...

— Моя жизнь, графъ, проходитъ на виду у всѣхъ, знающихъ меня, — отвѣтилъ Александръ Флегонтовичъ и перемѣнилъ разговоръ.

Но этимъ не кончилось. Алексѣй Дмитріевичъ началъ все сильнѣе и сильнѣе отставать отъ передовой партіи и усиленно старался дать понять всѣмъ и каждому, что его нельзя смѣшивать съ нею. Въ его поведеніи стала замѣчаться какая-то трусливая осторожность. Онъ вдругъ пересталъ говорить громкія фразы и нападалъ уже не на старую, а на молодую партію, стараясь выгородить себя изъ ея кружка. Это былъ недобрый знакъ. Жена Алексѣя Дмитріевича дѣйствовала прямѣе и не ограничилась одними предостереженіями и намеками. Она не изъ какихъ-нибудь глубокихъ соображеній, а просто изъ личной мелочной ненависти рѣшилась проучить Александра Флегонтовича и стала толковать о томъ, что такихъ людей не слѣдуетъ пускать въ домъ, что они могутъ оказаться замѣшанными въ какое-нибудь дѣло, могутъ навлечь непріятности на тѣхъ, къ кому они были вхожи въ дома, что во всякомъ случаѣ они ставятъ своихъ знакомыхъ въ двусмысленное положеніе.

— Но ты же сама пригласила его въ учителя? — замѣтилъ мужъ.

— Пригласила, значитъ, могу и отказать. Ты понимаешь, что теперь не такое время, чтобы терпѣть у себя въ домѣ подобныхъ людей...

— Онъ можетъ повредить Сережѣ.

Жена пожала плечами.

— Онъ? Повредить? Его можно устранить,—замѣтила она.

Алексѣй Дмитріевичъ посмотрѣлъ вопросительно.

— Я никакъ не думала, что онъ такой зловредный человѣкъ, — проговорила она. — Я удивляюсь Давыдову, что

Digitized by Google

онъ держитъ подобныхъ учителей. Черезъ нихъ онъ можетъ потерять всѣхъ учениковъ изъ нашего круга...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора она написала Александру Флегонтовичу, что, къ сожалѣнію, она не можетъ болѣе ввѣрять ему образованіе своего сына. Александръ Флегонтовичъ пожалъ плечами и бросилъ записку. У него не было недостатка въ урокахъ, и потому онъ не особенно печалился потерею нѣсколькихъ рублей.

Прошло недѣли двѣ, какъ онъ уже не являлся въ домъ молодыхъ Бѣлокопытовыхъ. Его отсутствіе замѣтилъ только Дмитрій Васильевичъ, спросившій у сына и невѣстки, почему такъ давно не появляется у нихъ Прохоровъ.

— Неловко впускать къ себѣ этихъ людей,—холодно отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Они тамъ, Богъ знаетъ, что замышляютъ.

— Да намъ-то какое дѣло до этого?—спокойно отвѣтилъ старикъ.

— Мы можемъ быть компрометированы,—замѣтила графиня.

— Мы? Компрометированы? — усмѣхнулся Дмитрій Васильевичъ, пожимая плечами.—Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что есть люди, которые стоятъ выше всякихъ подозрѣній. и къ числу такихъ людей я, кажется, имѣю право причислить, напримѣръ, себя...

Онъ насмѣшливо обратился къ сыну.

— Въ тебѣ-то ужъ я никакъ не предполагалъ такой боязливости, ты всегда такъ громко высказывалъ свои убѣжденія...

— Я думаю, что осторожность и трусость — двѣ вещи разныя,—замѣтилъ сынъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, — усмѣхнулся отецъ. — А вотъ мы, старики, живемъ себѣ безъ всякихъ осторожностей и все-таки спокойны за себя...

— Вы почти устранились отъ дѣлъ, отъ общественныхъ интересовъ, такъ потому и спокойны,—пояснилъ сынъ.

— Не то, совсѣмъ не то, мой другъ,—снисходительнымъ тономъ замѣтилъ отецъ.—Играемъ мы въ открытую игру — вотъ въ чемъ дѣло!

Но дѣло этимъ не кончилось. Появившись въ одинъ прекрасный день въ пансіонѣ Давыдова, Прохоровъ засталъ содержателя пансіона въ тревожномъ состояніи.

— Что вы, батенька, тамъ надѣлали? — спросилъ Давыдовъ, маленькій юркій человѣчекъ съ хитрыми глазами и кошачьими ухватками.

Digitized by Google

— Гдѣ тамъ?

— Вверху-съ, вверху-съ,—скороговоркой произнесъ Давыдовъ. — Вами недовольны, васъ въ чемъ-то подозрѣваютъ.

— Да кто?

— Графиня Бѣлокопытова, ея близкіе... У меня чуть не опустѣлъ весь пансіонъ... Такъ нельзя-съ... Это что же... Вы тамъ, Богъ знаетъ, что замышляете, а это отзывается на насъ... Дѣло воспитанія должно быть серьезнымъ дѣломъ, батенька. Учитель долженъ стоять внѣ всякихъ общественныхъ волненій, движенія партій, минутныхъ увлеченій. Учитель долженъ не знать ничего, кромѣ своей науки, стоящей выше настроеній минуты.

— Да вы мнѣ растолкуйте прямо, чего вы хотите, — усмѣхнулся Александръ Флегонтовичъ.

— Да какъ вамъ объяснить, — задумался Давыдовъ. — Ничего я не хочу. Дѣло сдѣлано-съ, такъ чего же мнѣ хотѣть. Я не могу оставить васъ у себя учителемъ... Вы понимаете, я, батенька, вами дорожу, я васъ уважаю, я цѣню ваши познанія, вашъ методъ... Такихъ бы учителей намъ побольше, давайте ихъ, и мы доставимъ вполнѣ образованныхъ людей, мы покажемъ, какъ можно развить положительныя знанія въ ребенкѣ...

Александръ Флегонтовичъ терялъ терпѣніе.

— Ну-съ, и потому этихъ учителей нужно гнать?—спросилъ онъ.

— Не то, не то,—заговорилъ Давыдовъ.—Но, видите ли, наше дѣло совсѣмъ особенное дѣло... Вы, батенька, кофе не выпьете ли у меня?

Александръ Флегонтовичъ отказался.

— Ей-Богу выпейте, — упрашивалъ Давыдовъ.—Я велю подать?..

Александръ Флегонтовичъ еще разъ отказался.

— Сигару не возьмете ли?

Послѣдовалъ новый отказъ.

— Ну, какъ хотите. А, право, хорошо бы за стаканомъ кофе потолковать... Да, такъ о чемъ, бишь, я говорилъ?..

— Вы говорили, что ваше дѣло особенное дѣло.

— Да, да! Вотъ видите ли. Тутъ нужна своего рода политика... Хе-хе-хе!.. Мы, съ одной стороны, выбираемъ учителей-съ... Мы ищемъ въ нихъ положительныхъ достоинствъ, серьезныхъ знаній, дорожимъ ими. Такимъ учителемъ съ реальными знаніями являетесь вы. Я, батенька, васъ цѣню, я уважаю васъ... Хе-хе-хе, вы думали, что я не слѣдилъ,

Digitized by Google

какъ вы преподаете? Нѣтъ-съ. Я все видѣлъ! Вы перлъ, перлъ!.. Да-съ!.. Но съ другой стороны, мы должны платить этимъ учителямъ, мы должны имѣть средства на содержаніе ихъ... Вы знаете, батенька, мы не богачи, не филантропы, мы не изъ своего кармана платимъ. Мы платимъ изъ денегъ ввѣренныхъ намъ родителями учениковъ. Мы въ сущности посредники между родителями и учениками... Да, батенька, посредники и больше ничего! Теперь является вопросъ: не должны ли мы соглашать двойные интересы — интересы науки и прихоти родителей? Наука требуетъ хорошихъ учителей, родители требуютъ тоже хорошихъ учителей. Но понятія науки и понятія родителей различны. У родителей понятія измѣнчивы, на нихъ вліяютъ разныя обстоятельства, они...

Александръ Флегонтовичъ потерялъ терпѣніе.

— Вы хотите, вѣроятно, сказать, что я не нравлюсь родителямъ?—спросилъ онъ рѣзко.

— Графиня Бѣлокопытова — а вы знаете ея вліяніе — недовольна вами,—вздохнулъ Давыдовъ.—Очень недовольна! Я вамъ, батенька, далъ дружескій совѣтъ. Вы уладьте съ нею; это легко; она, знаете...

Давыдовъ засмѣялся циничнымъ смѣхомъ и что-то шепнулъ Александру Флегонтовичу.

— Ей-Богу! Этимъ ее можно успокоить, — проговорилъ онъ.—Нужно, батенька, хитрить въ этихъ случаяхъ... Безъ политики нельзя... Хе-хе-хе! Я въ этомъ случаѣ, батенька, набилъ руку, тертый калачъ... Уладьте это... Тогда, знаете, и волки будутъ...

— Ну-съ, значитъ, объясненіе кончено,—произнесъ Александръ Флегонтовичъ и взялся за фуражку.

— Да куда же вы торопитесь? Ахъ, горячка, горячка! Выдержки у васъ нѣтъ!.. Вы не сердитесь... Я вѣдь вамъ въ отцы гожусь, меня можно послушать... Вы понимаете...— заговорилъ Давыдовъ.

— Да вы чего же такъ распинаетесь? или думаете, что времена перемѣнятся, и мы будемъ въ модѣ? — разсмѣялся Александръ Флегонтовичъ. — Нѣтъ, мы ужъ не будемъ въ модѣ, не будемъ приманкой...

Онъ раскланялся и вышелъ. Ему было скверно. Онъ зналъ, какъ либеральничалъ еще такъ недавно Давыдовъ, стремившійся привлечь въ свой пансіонъ людей съ литературными именами; онъ зналъ, что еще черезъ нѣсколько лѣтъ Давыдовъ снова будетъ либеральничать, и ему гадки

Digitized by Google

показались именно эти руководители юношества и общества, ведущіе его не по своему пути, а по той дорогѣ, по которой идетъ большинство.

Не желая безплодно тревожить жену разсказами о непоправимой непріятности, Александръ Флегонтовичъ промолчалъ дома о всей этой исторіи. Но симптомы недовольства въ средѣ Бѣлоколытовыхъ новыми идеями продолжали сказываться. Въ одинъ прекрасный день къ Прохоровымъ явилась Софья Андреевна. Ея лицо было озабочено и тревожно.

— Вообразите, насъ притѣсняютъ!—воскликнула она, здороваясь съ Александромъ Флегонтовичемъ и Катериной Александровною. — Графиня откуда-то узнала, что на моей половинѣ читаются лекціи математики, и запретила ихъ. «Я не желаю, говоритъ, чтобы пріютъ былъ притономъ для грязныхъ сходокъ разныхъ вольнодумцевъ». Грязныя сходки! Каково вамъ покажется! Каково вамъ покажется! Я не выдержала и вспылила...

— И только хуже разсердили ее? — покачалъ головой Александръ Флегонтовичъ.—Гдѣ же вашъ тактъ?

— Ахъ, подите вы съ вашимъ тактомъ! — разсердилась Софья Андреевна.—Тутъ дѣлаешь хорошее дѣло, а его называютъ грязнымъ! Тутъ нужно быть холодной, какъ рыба, чтобы помнить о тактѣ въ такія минуты!

— А все же приходится быть хладнокровнѣе и приготовиться къ подобнымъ случаямъ,—замѣтилъ Александръ Флегонтовичъ. — Дѣло, впрочемъ, не такъ важно... Перенесемъ лекціи въ мою квартиру...

— Да меня не то сердитъ, что лекцій негдѣ читать, — мѣсто найдется, — а то досадно, что это дѣло называютъ грязнымъ... Это возмутительно!

Софья Андреевна очень сильно горячилась, какъ женщина, не терпѣвшая до сихъ поръ никакихъ неудачъ и видѣвшая, что всѣ повиновались ей и плясали по ея дудкѣ. Александръ Флегонтовичъ и Катерина Александровна сразу поняли, какъ легко могутъ подобныя неудачи оттолкнуть эту самолюбивую и избалованную женщину отъ серьезнаго дѣла, и старались успокоить ее, хотя сами были далеко не спокойны. Когда она уѣхала, рѣшивъ, что лекціи будутъ продолжаться въ квартирѣ Прохоровыхъ, Катерина Александровна задумчиво сказала мужу:

— Дѣло, кажется, принимаетъ серьезный оборотъ?

— Да, нужно быть осторожнѣе,—отвѣтилъ онъ.

Прошло еще нѣсколько дней; донеслось еще нѣсколько

Digitized by Google

слуховъ о непріятныхъ событіяхъ. Кто-то изъ близкихъ людей намекнулъ, наконецъ, Александру Флегонтовичу, что нужно быть осторожнѣе, что нужно быть тише воды, ниже травы, что самого Александра Флегонтовича заподозрѣваютъ въ какомъ-то серьезномъ дѣлѣ. Онъ пришелъ домой въ тревожномъ состояніи духа и засталъ жену въ своемъ кабинетѣ. Онъ передалъ ей слухи.

— Знаешь ли, Саша, — задумчиво заговорила она: — во мнѣ является болѣзненное, мучительное желаніе убѣжать куда-нибудь, далеко, въ глухое, совершенно глухое мѣсто и тамъ пробыть года два-три, занявшись исключительно своимъ собственнымъ образованіемъ, своимъ развитіемъ. Мнѣ хочется не видѣть, не слышать всего того, что волнуетъ меня теперь, ни матери, ни братьевъ, ни подругъ...

— И что же?—спросилъ мужъ.

— Что? — въ раздумьи повторила Катерина Александровна.—Я чувствую, что если бы это даже было возможно, то въ рѣшительную минуту я все-таки осталась бы здѣсь... Я знаю, что послѣ двухъ-трехъ лѣтъ строгихъ занятій я принесла бы больше пользы, чѣмъ теперь... Но оторваться отъ всего, что вошло въ кровь и плоть, отдалиться отъ любимыхъ людей, не слышать ихъ тревогъ, стремленій и порывовъ, и знать, чувствовать, что эти тревоги и порывы, эти мучительныя порыванія къ лучшему все-таки мучатъ ихъ, хотя я и не слышу ихъ жалобъ, ихъ споровъ, ихъ вопросовъ,—нѣтъ, этого я не могла бы сдѣлать...

— Значитъ, нужно жить такъ, какъ живется, — разсмѣялся Александръ Флегонтовичъ.

— Да, плыть по теченію. Урывками развивать себя, кое-какъ приносить пользу, помогать ближнимъ грошовыми совѣтами, можетъ-быть, подъ конецъ жизни сказать, что желаній было много, что стремленіямъ не было числа и что не было сдѣлано ничего основательнаго...

— Можетъ-быть, можетъ-быть,—печально согласился Александръ Флегонтовичъ.

— Порою мнѣ вспоминается наше дитя... Если бы оно было живо, я отдалась бы его воспитанію, я воспитала бы изъ него болѣе цѣльнаго человѣка, чѣмъ мы. Я не скрыла бы отъ него ничего, что́ долженъ знать человѣкъ, и онъ, вступая на жизненный путь, избралъ бы безъ колебаній ту дѣятельность, которая казалась бы ему самою полезною, самою разумною... Онъ, можетъ-быть, волновался бы страданіями ближнихъ еще болѣе, чѣмъ мы, но зато онъ шелъ

Digitized by Google

бы по одному опредѣленному пути и все постороннее считалъ бы второстепенною дѣятельностью, изъ-за которой онъ не упускалъ бы изъ виду главной цѣли... Мы же не можемъ сказать, въ чемъ состоитъ наша главная дѣятельность, гдѣ наша главная цѣль... Мы идемъ къ общему благу, но въ стремленіи къ этой широкой цѣли нужно раздѣленіе труда, нужно, чтобы извѣстная часть людей шла по одному пути, другая по другому, только тогда всѣ эти группы сдѣлаютъ хорошо свое будничное, простое дѣло и по разнымъ дорогамъ дойдутъ до одной цѣли, до общаго развитія, чтобы протянуть другъ другу руки и съ полнымъ правомъ сказать: побѣда!

— Да, этого слова наше поколѣніе не скажетъ,—въ раздумьи промолвилъ Александръ Флегонтовичъ. — Намъ уже не удастся наверстать въ своемъ развитіи все потерянное въ пору долгаго сна время, не удастся помочь и другимъ вполнѣ развиться. Впрочемъ, что невозможно, то невозможно. Повторяю тебѣ, что нужно жить, какъ живется!

Катерина Александровна разсмѣялась, хотя въ ея смѣхѣ слышалась грустная нота.

— Мы такъ и живемъ, — проговорила она, обнимая мужа. — Вотъ договорились до того, что мнѣ пора идти на урокъ...

Она встала и пошла. Александръ Флегонтовичъ взглянулъ на нее и впервые замѣтилъ, что на ея щекахъ игралъ неестественный, лихорадочный румянецъ.

— Катя, прежде всего не забывай, что нужно беречь свое здоровье,—сказалъ онъ ей вслѣдъ.

Она обернулась къ нему съ порога.

— Что это тебѣ пришло въ голову?—спросила она.—Я здорова.

Онъ покачалъ головою.

— Ты слишкомъ близко принимаешь все къ сердцу.

— Ну, недостаетъ еще того, чтобы мы были не только неумѣлыми, но и черствыми истуканами,—засмѣялась она.

— Все же о себѣ-то прежде всего нужно заботиться...

— Докторъ, вылѣчи прежде самого себя,—засмѣялась Катерина Александровна и скрылась за дверью.

Александръ Флегонтовичъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Послѣднія слова жены вдругъ напомнили ему, что онъ во все это время менѣе всего думалъ о себѣ, о своихъ личныхъ выгодахъ, что онъ шелъ по довольно скользкому и небезопасному пути. Онъ мелькомъ бросилъ взглядъ на

Digitized by Google

какую-то пачку книгъ и бумагъ, лежавшихъ на столѣ, и почти вслухъ проговорилъ: «Въ самомъ дѣлѣ, какая вѣтреность, какая неосторожность! И для чего я ихъ берегу? И гдѣ держу? На самомъ видномъ мѣстѣ!»

Черезъ нѣсколько минутъ онъ завернулъ эти книги и бумаги въ газетный листъ и попросилъ Марью Дмитріевну спрятать ихъ подальше, а часть бросить въ огонь.

Потомъ онъ снова заходилъ по своему кабинету и о чемъ-то размышлялъ. «Надо будетъ передать отцу деньги,— промелькнуло въ его головѣ.—На всякій случай надо позаботиться, чтобы онъ не остался безъ копейки. Мало ли, что можетъ случиться. Я ни въ чемъ не замѣшанъ, но вѣдь это трудно доказать».

Онъ сталъ рыться въ столѣ и вдругъ остановился. «Да съ чего это я волнуюсь?—вдругъ прошепталъ онъ.—Какія глупости! Развѣ есть какія-нибудь причины опасаться...»

Онъ закрылъ ящикъ стола и снова заходилъ по комнатѣ. «Нѣтъ, предосторожность все-таки не мѣшаетъ!»—рѣшительно произнесъ онъ и вынулъ деньги. Онъ прошелъ въ комнату отца и отдалъ старику билеты.

Старикъ въ изумленіи что-то забормоталъ. Александръ Флегонтовичъ сказалъ ему, что онъ, быть-можетъ, лѣтомъ или осенью уѣдетъ въ путешествіе по Россіи, то эти деньги пригодятся отцу на это время.

— Трать ихъ, когда будетъ нужно,—прибавилъ сынъ.— Я не хочу, чтобы ты нуждался, если я уѣду на время...

Онъ сталъ спокойнѣе и возвратился въ свою комнату. Часовъ въ десять вечера возвратилась Катерина Александровна. Она застала мужа за работою.

— Саша, ты знаешь, что уже по всему городу не на шутку ходятъ тѣ темные слухи, о которыхъ ты говорилъ мнѣ вскользь?—сказала она.

— Вотъ какъ,— коротко отвѣтилъ онъ.—Ну, что же, этого нужно было ожидать.

V.

У стараго корыта.

Молодые Прохоровы, какъ мы сказали, не были серьезно замѣшаны ни въ какое темное рискованное дѣло. Они просто работали, стараясь пріобрѣсти кусокъ хлѣба и принося посильную пользу ближнимъ; но, тѣмъ не менѣе, они начинали чувствовать, что имъ нужно быть все болѣе и болѣе осторожными. Въ обществѣ чувствовалось какое-то заку-

Digitized by Google

лисное волненіе, неизбѣжное слѣдствіе усиленной новой дѣятельности предыдущихъ лѣтъ. Люди разныхъ партій, разныхъ поколѣній договорились до послѣдняго слова; нѣкоторые зашли, можетъ-быть, слишкомъ далеко въ своихъ стремленіяхъ, нѣкоторые, можетъ-быть, хватили черезъ край въ своей ненависти: столкновеніе было неизбѣжно. Этому столкновенію нельзя было руконлескать, его нельзя было безусловно предавать проклятію. Оно было просто неизбѣжнымъ историческимъ фактомъ. Можно было навѣрно сказать, что крайнія увлеченія остынутъ со временемъ, что безграничная ненависть угомонится и что, въ концѣ концовъ, останутся только тѣ нововведенія, которымъ уже не могли повредить, которыхъ не могли остановить никакія случайности, никакія увлеченія, никакая злоба. Общество вступило на новый путь и должно было идти по этому пути, не возвращаясь на старую дорогу. Все это ясно понимало большинство, все это понимали и наши молодые герои, но въ то же время они понимали, что имъ въ эту пору, болѣе чѣмъ когда-нибудь, нужно было быть осмотрительными. Они вращались именно въ томъ молодомъ кружкѣ, гдѣ было очень сильно броженіе, они сами съ увлеченіемъ старались добиться всего вдругъ и какъ будто поставили своимъ девизомъ: «теперь или никогда, сдѣлать все вдругъ и не останавливаться на чемъ-нибудь одномъ». Они чувствовали, что у нихъ явились кругомъ враги, что самымъ хладнокровнымъ судьямъ въ данную минуту будетъ трудно рѣшить, насколько они опасны, насколько они являются активными членами той партіи, въ которой происходило броженіе. Дружескія связи съ людьми той партіи, образъ и характеръ занятій, совпадавшіе съ образомъ и характеромъ занятій этой партіи, высказываніе тѣхъ же идей, которыя высказывала она, все это должно было заставить каждаго увидѣть самую близкую связь нашихъ героевъ съ этою партіею. Они впрочемъ, и не думали отрекаться отъ нея, хотя и могли сказать въ свое оправданіе, что они покуда не успѣли зайти такъ далеко, какъ зашли ея главные члены. Но послѣднее нужно еще было доказать, объяснить; на первыхъ же порахъ приходилось подчиняться всему, что выпадетъ на долю этой партіи. При первыхъ же смутныхъ слухахъ о закулисномъ броженіи въ домѣ Прилежаевыхъ появился Боголюбовъ и ядовито спросилъ у Катерины Александровны:

— А что, вашъ муженекъ погуливаетъ еще?

Digitized by Google

— Я васъ не понимаю; онъ на службѣ,—отвѣтила Катерина Александровна.

— Держать еще!—разсмѣялся Боголюбовъ.—Это насъ только разомъ порѣшаютъ... А нечего сказать, хороши ваши!

— Я не знаю, про кого вы говорите,—холодно отвѣтила Катерина Александровна.

— Про вашихъ молокососовъ, про вашихъ друзей,—отвѣтилъ Данила Захаровичъ.—Проповѣдуютъ Богъ знаетъ что, а сами-то каковы.

Онъ началъ передавать Маръѣ Дмитріевнѣ какую-то грязную сплетню про нѣсколькихъ молодыхъ людей. Марья Дмитріевна охала, качала головой и всплескивала руками отъ удивленія. Катерина Александровна не выдержала.

— Вы нынче особенно дѣятельно занимаетесь собираніемъ сплетенъ,—замѣтила она.—А мнѣ кажется, что было бы лучше смотрѣть за своей семьей, сводить расчеты со своей совѣстью и не заботиться о другихъ. Вѣдь если бы дѣло пошло на разоблаченіе всѣхъ промаховъ и темныхъ дѣлъ въ жизни каждаго изъ насъ, то я думаю, что и вамъ, и вашей женѣ это было бы не очень-то выгодно.

— Вотъ-съ какъ вы нынче поете!— злобно прошипѣлъ Данила Захаровичъ.—Не желаете ли выгнать меня изъ своего дома?

— Мнѣ совершенно все равно, будете ли вы къ намъ ходить или нѣтъ. Могу сказать вамъ только одно: не я шла къ вамъ, а вы шли ко мнѣ съ просьбами... Вы ненавидѣли и меня, и Александра, но не гнушались ни моими, ни его услугами. Вы марали и меня, и его на каждомъ перекресткѣ, и я и Александръ знали это и молчали, продолжая дѣлать для васъ, что было въ нашихъ силахъ.

— На грошъ сдѣлаютъ, а на рубль попрекнутъ!

— Тутъ дѣло не въ попрекахъ! Я вамъ ничего не говорила, покуда могла пропускать мимо ушей ваши сплетни. Но теперь вы бросаете мнѣ перчатку прямо въ лицо, и я ее поднимаю,—вотъ и все. Если вамъ кажутся такими гадкими наши друзья и мы сами, то зачѣмъ же вы ходите къ намъ? Кто васъ проситъ? Пора покончить эту игру въ лицемѣріе. Вамъ она дешево обходится, а намъ дорого платить за ваши сплетни и выдумки.

— Да развѣ я для васъ хожу сюда! что вы выдумали! Я для вашей несчастной матери сюда хожу, мнѣ ее жаль!

— Я, батюшка, очень благодарна,—начала Марья Дмитріевна.

Digitized by Google

— Вы сами не знаете, что говорите! - строптиво произнесла Катерина Александровна, взглянувъ на мать.—Моя мать если несчастна, такъ только потому, что у нея явился такой совѣтникъ, какъ вы, - сказала она дядѣ.

— Хорошо обращаются съ матерью, со старшими!—качая головой, произнесъ Данила Захаровичъ.

— Я васъ попрошу выйти вонъ! — указала Катерина Александровна на дверь.

Данила Захаровичъ никакъ не ожидалъ такого конца. Марья Дмитріевна испугалась и обратилась къ дорогому родственнику.

— Извините ее, батюшка!—заговорила она. — Катюша вспыльчива...

— Потрудитесь объясняться, гдѣ угодно, а не здѣсь,— промолвила Катерина Александровна.—Я не желаю видѣть у себя дольше этого господина. Довольно церемоній! Насъ безвастѣнчиво ругаютъ, а мы улыбаемся, пора это кончить. Не нравимся—ну, и прощайте!

Данила Захаровичъ что-то говорилъ, но его рѣчь выходила безсвязною; онъ былъ зеленъ отъ безсильной злости и почти задыхался. Можно было только разслышать, какъ онъ двадцать разъ повторилъ на всѣ лады:

— Ну, хорошо! Хорошо-съ! Хорошо-о-же!

Катерина Александровна, несмотря на раздраженіе, не могла не разсмѣяться и почти весело замѣтила:

— Ну, если хорошо, такъ и желать больше нечего!

— Шутите!.. Хорошо-о!—мотнулъ головою Данила Захаровичъ и хлопнулъ дверью.

Марья Дмитріевна побѣжала его провожать и извинялась передъ нимъ за дочь. Раздраженный мужъ накинулся въ передней на слабую женщину и выместилъ на ней всю злобу, которая кипѣла въ немъ подъ вліяніемъ рѣчей Катерины Александровны.

— Погибнете, на порогъ не пущу!—кричалъ онъ.—Выгнала! Дѣвчонка смѣла выгнать! Да какая вы мать? Развѣ вы мать? Вы—тряпка, половая тряпка! Да вы думаете, что я это стерплю? Я этого по гробъ не забуду! Я имъ покажу! Я имъ покажу!

Марья Дмитріевна все кланялась, плакала и просила простить ея «глупую» дочь. Данила Захаровичъ не прощалъ.

Катерина Александровна между тѣмъ волновалась, быть-можетъ, не менѣе матери, но вслѣдствіе совсѣмъ другихъ причинъ. Она впервые услыхала отъ дяди одну изъ тѣхъ

Digitized by Google

грязныхъ исторій, которыя разносились по городу праздными болтунами про близкихъ ей людей. Она знала, что большая часть ихъ разсказовъ чистѣйшая ложь, но въ то же время она понимала, что здѣсь есть и извѣстная доля правды, что близкіе ей люди вели себя не достаточно осторожно, не достаточно безупречно и были отчасти виновны въ томъ, что они сами не могли на практикѣ подняться на недосягаемую высоту надъ тою грязью, въ которой купались разные Павлы Абрамовны и Данилы Захаровичи. Она сознавала, что эти ошибки были прямымъ слѣдствіемъ прошлой практики, что онѣ не имѣли ничего общаго съ новыми идеями, но все же ей было больно, что господа, въ родѣ Боголюбова, имѣютъ хотя частицу, хотя призракъ права иронически сказать: «хороши и ваши!»

— Самовоспитаніе, безупречность, полнѣйшая нравственная чистота, вотъ чего недостаетъ многимъ изъ насъ,— говорила она вечеромъ мужу, разсказавъ утреннюю исторію съ дядей.—Мы все еще тѣ же старые люди; мы только усвоили извѣстныя понятія, но не сумѣли вполнѣ освободиться отъ старыхъ привычекъ, отъ старой распущенности... Мы не всегда можемъ съ спокойною совѣстью бросить перчатку въ лицо старому обществу...

Александръ Флегонтовичъ покачалъ головой.

— Дитя!—ласково проговорилъ онъ.—Да въ чемъ же могутъ упрекнуть тебя и меня?

— Ахъ, что ты говоришь!—промолвила она.—Насъ не въ чемъ упрекнуть, многихъ не въ чемъ упрекнуть, но вѣдь это потому, что мы-то простые работники, потому что мы родились и выросли работниками. Мы не потому взялись за трудъ, что онъ былъ въ модѣ, а потому, что мы были голодны. Мы не потому полюбили новыя идеи, что ими можно было кокетничать или щеголять, какъ румянами и красивыми тряпками, а потому что только при помощи развитія этихъ идей обезпечивалось наше существованіе, наша мирная жизнь. Мы не дурили, потому что намъ было некогда, не изъ чего дурить, потому, что мы не привыкли наслаждаться разнузданностью своихъ страстишекъ...

— А знаешь ли, Катя,—тихо проговорилъ Александръ Флегонтовичъ:—что, можетъ-быть, скоро намъ представится необходимость еще болѣе тяжелой трудовой жизни?..

Катерина Александровна вопросительно посмотрѣла на него.

— Я сегодня лишился уроковъ и въ пансіонѣ Добровольскаго,—промолвилъ онъ.

Digitized by Google

— А!—отозвалась она.—Ну, что же? Развѣ намъ много нужно? Ты самъ говорилъ не разъ, что ты радъ бы оставить нѣкоторые уроки...

— Да. Но ты знаешь причины, по которымъ мнѣ отказали?

— Полагаю, что знаю.

— Эти же причины могутъ повлечь за собою болѣе серьезныя послѣдствія...

— Ты знаешь, что я не боюсь ничего...

Александръ Флегонтовичъ обнялъ ее за талію и сталъ ходить съ нею по комнатѣ.

— Я не опасаюсь никакихъ слишкомъ серьезныхъ послѣдствій всѣхъ этихъ тревогъ,—говорилъ онъ.—Но, можетъ-быть, намъ придется уѣхать отсюда. У меня есть средства прожить первое время...

— Да, да, вѣдь мы капиталисты,—улыбнулась она.

— Можно бы больше скопить на черный день, да копить-то не умѣемъ мы съ тобою,—ласково произнесъ онъ.—Впрочемъ, руки и голова есть—не пропадемъ!.. Только, если что случится, не волнуйся... Всему есть конецъ...

Она посмотрѣла на него свѣтлымъ взоромъ.

— Ты помнишь, мы какъ-то говорили: не узнаешь горькаго, не узнаешь и сладкаго,—тихо произнесла она.—Возьмемъ же у жизни и частичку горечи...

— Побереги отца, если что-нибудь произойдетъ дурное... Жаль, что Марья Дмитріевна будетъ мучить тебя оханьями и вздохами...

— Саша, думай о себѣ и не заботься обо мнѣ... Я вѣдь крѣпче и сильнѣе, чѣмъ ты думаешь... Я многое перенесла, чего не зналъ и не знаешь ты... Вы, мужчины, живете внѣ дома, внѣ тѣхъ мелкихъ дрязгъ и сценъ, которыя переносимъ мы... Если бы я разсказала все, что иногда мучило и волновало меня, ты не боялся бы теперь меня...

— Зачѣмъ же ты скрывала?—почти съ упрекомъ произнесъ онъ.—Развѣ мы сошлись за тѣмъ, чтобы вмѣстѣ дѣлить каждую радость и нести порознь каждое горе.

Она припала головой къ его плечу и ласково заговорила:

— Милый, мы сошлись потому, что мы могли быть счастливѣе вмѣстѣ, чѣмъ порознь... Мы дѣлились радостью потому, что она дѣлалась еще больше, когда мы наслаждались ею вдвоемъ... Мы дѣлили горе, потому что въ этомъ случаѣ мы могли помочь другъ другу. Но есть въ жизни непріятности и скорби, которыхъ исправить не могутъ ви-

Digitized by Google

какія человѣческія силы. Передавать эти непріятности другому, любящему человѣку, значитъ безплодно волновать его, отравлять его жизнь тѣми впечатлѣніями, которыя уже отравляютъ нашу собственную жизнь. Дѣлать такъ—значитъ не любить человѣка... Вѣрь мнѣ, что я никогда не скрыла отъ тебя никакого горя, въ которомъ ты могъ, хотя сколько-нибудь, помочь мнѣ. Но никогда, никогда я не говорила тебѣ о томъ, что волновало и мучило меня, но было неисправимо. Толковать объ этихъ вещахъ, чтобы ныть и охать вмѣстѣ,—нѣтъ, на это я не способна... Мы надоѣли бы другъ другу и отравили бы такимъ нытьемъ самые лучшіе дни нашей жизни... Теперь же, несмотря на свое прошлое, мы можемъ сказать, что оно было свѣтло.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и крѣпче прижалъ къ себѣ.

— Ты не будешь волноваться за меня? Не будешь трусить, что я не перенесу тяжелыхъ дней?—спрашивала она.

— Милая, милая, какъ ты прекрасна въ своей спокойной увѣренности!—прошепталъ онъ.—Я никогда не любилъ тебя болѣе, чѣмъ теперь.

Въ эту минуту раздался рѣзкій звонокъ. Александръ Флегонтовичъ вздрогнулъ. Катерина Александровна поблѣднѣла, сдѣлала шагъ къ дверямъ, потомъ быстро воротилась назадъ, взяла мужа обѣими руками за голову и горячо нѣсколько разъ поцѣловала его.

— Нужно быть твердыми... безъ сценъ!..—проговорила она, подавляя волненіе, и бодро пошла въ переднюю.

Послышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

— Катюша, что это... Господи!—заохала Марья Дмитріевна, выглянувъ изъ своей комнаты.

— Ступайте въ свою комнату и не выходите,—сухо и рѣзко произнесла Катерина Александровна.

— Господи, срамъ какой! Что люди-то скажутъ!

Катерина Александровна почти силой ввела мать въ спальню послѣдней и заперла двери на ключъ.

Она воротилась въ кабинетъ мужа и спокойно раскланялась съ посѣтителями, вѣжливо сдѣлавшими ей нѣсколько незначительныхъ вопросовъ. Александръ Флегонтовичъ долженъ былъ ѣхать. Онъ наскоро одѣлся и протянулъ руку женѣ. Его рука дрожала, но ея рука была только холодна, какъ ледъ.

— До свиданія, Саша!—проговорила Катерина Александровна и раскланялась съ посѣтителями.

Всѣ вышли; закрылись двери кабинета, отворились и за-

Digitized by Google

крылись двери передней; Катерина Александровна все это слышала и стояла на срединѣ комнаты своего мужа. Она смотрѣла какъ-то безсмысленно на книжный шкапъ, гдѣ книги были спутаны и лежали въ безпорядкѣ, какъ ненужный хламъ; она взглянула на этажерку, гдѣ постоянно лежали груды бумагъ, — эта этажерка была пуста и стояла, какъ ненужная принадлежность, предназначенная къ продажѣ; на полу валялся какой-то пустой конвертъ и лежало нѣсколько лоскутковъ чистой бумаги. Вся комната имѣла какой-то странный видъ: отъ нея вѣяло пустотой. Наконецъ, молодая женщина, почти шатаясь, подошла къ письменному столу и сѣла. На немъ тоже не было ни книгъ, ни бумагъ. Здѣсь лежала только забытая перчатка Александра Флегонтовича. Катерина Александровна схватила ее и горячо прижала къ губамъ, приникнувъ головой на столъ. Въ комнатѣ не слышалось ни звука, ни стоновъ, ни рыданій, только по конвульсивной дрожи, пробѣгавшей по тѣлу Катерины Александровны, можно было замѣтить, что она горько плачетъ. Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ она очнулась и успокоилась. Она встала и торопливо спрятала на груди перчатку мужа, какъ будто это была драгоцѣнность, завѣщанная ей на память. Потомъ она вспомнила, что у нея находится въ карманѣ ключъ отъ комнаты матери, и пошла отпереть двери.

— Катюша, да скажи ты мнѣ, что это стряслось? Проворовался онъ... или за долги, что ли?—охала Марья Дмитріевна.

— Не проворовался и не за долги,—отвѣтила Катерина Александровна.—Просто ему нужно быть свидѣтелемъ по чужому дѣлу, потомъ пріѣдетъ назадъ. Это по службѣ...

— Ну, ужъ, мать моя, не по службѣ, видно! Да что я теперь сосѣдямъ скажу...

— А вы ничего не говорите,—хмуро произнесла Катерина Александровна.—Да и вообще говорите поменьше съ людьми.

— А срамъ-то, срамъ-то какой! Вотъ ужъ пилъ покойный твой отецъ, а этакой морали не было... Что дядя-то теперь скажетъ? Все его корили, что воръ, воръ, а самъ-то что... Съ нами-то что будетъ?

— Ничего не будетъ. Ложитесь спать.

Катерина Александровна говорила отрывисто и рѣзко, едва сдерживая себя.

— Что ты, мать моя, да я ни за что не останусь одна... Вѣ Богъ-знаетъ что мерещиться будетъ...

Digitized by Google

— Положите въ свою комнату кухарку... Я устала и иду спать.

Катерина Александровна вышла изъ комнаты матери и въ передней столкнулась съ Антономъ. Онъ былъ одѣтъ въ домашнюю холщевую блузу и, повидимому, еще не ложился спать.

— Ты слышалъ?—спросила Катерина Александровна.

— Да.—отвѣтилъ онъ.—Ты за себя спокойна?

Катерина Александровна отвѣчала утвердительно.

— Надо устроить такъ, чтобы Флегонтъ Матвѣевичъ ничего не зналъ,—проговорилъ Антонъ. — Надо сказать, что Александръ отправился неожиданно въ командировку по службѣ. Ты мать успокоила?

— Она охаетъ и жалуется на то, что мы осрамились на весь домъ.

— А ты, конечно, разгорячилась?

— Не могу я...—начала Катерина Александровна.

Антонъ покачалъ головой.

— Пора бы привыкнуть,— холодно и серьезно промолвилъ онъ.

Катерину Александровну поразилъ этотъ тонъ. До сихъ поръ Антонъ велъ себя сдержанно, больше слушалъ, чѣмъ говорилъ. Онъ, казалось, оставался здоровымъ и сильнымъ ребенкомъ, заботившимся больше о ѣдѣ, о физическихъ занятіяхъ, объ урокахъ, чѣмъ о той дѣятельности, о тѣхъ идеяхъ, которыя развивались вокругъ него. Онъ почти не занимался въ воскресныхъ школахъ, не присутствовалъ на разныхъ лекціяхъ, литературныхъ чтеніяхъ и вечерахъ кружка. Онъ не дичился знакомыхъ, но рѣдко являлся въ ихъ кружкѣ по недостатку времени, которое почти все уходило на учебныя занятія. Гимназическая наука давалась юношѣ сначала не особенно легко, а онъ, какъ всѣ самолюбивые бѣдняки, болѣе всего боялся замѣчаній и выговоровъ и настойчиво старался быть первымъ—это значило завоевать уваженіе и учителей, и товарищей, стоять выше даже тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые щеголяли своими тонкими и изящными нарядами и своими экипажами. Онъ не былъ юркимъ пролазомъ и хитрымъ пройдохой, онъ не могъ подкупить ближнихъ своими матеріальными средствами и щедротами, но онъ успѣлъ сдѣлаться любимцемъ всѣхъ при помощи своего неусыпнаго трудолюбія и прямого, откровеннаго характера. Товарищи не смѣялись даже надъ его грубоватою неловкостью, не сердились на его иногда рѣзкую

Digitized by Google

откровенность. Онъ стоялъ какъ будто особнякомъ, какъ будто сторонился отъ всѣхъ, но онъ очень хорошо зналъ, что во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ товарищи обратятся именно къ нему за совѣтомъ или за помощью. Его домашніе видѣли, какимъ трудомъ покупались его успѣхи, видѣли, что онъ охотнѣе занимается въ свободные часы струганьемъ досокъ, колоньемъ дровъ, столярною работой, чѣмъ бесѣдами на ихъ собраніяхъ, и любили его, но считали все-таки ребенкомъ, мальчикомъ, который, быть-можетъ, даже не вполнѣ понимаетъ серьезность всего происходящаго вокругъ него. Теперь впервые Катерина Александровна какъ бы угадала, что онъ зналъ и понималъ происходившее лучше и яснѣе, чѣмъ казалось. Ее удивило даже его лицо, точно она впервые видѣла эти черты. Передъ нею стоялъ уже не ребенокъ, а юноша, здоровый, сильный, съ открытымъ и смѣлымъ выраженіемъ въ большихъ голубыхъ глазахъ. Крупныя черты этого лица выражали спокойствіе и прямодушіе, отъ нихъ вѣяло какою-то деревенскою свѣжестью и неиспорченностью. Это лицо съ перваго взгляда казалось не только спокойнымъ, но почти холоднымъ, и только въ глазахъ, въ большихъ, откровенныхъ синихъ глазахъ свѣтились добродушіе и мягкость. Даже юношеская неуклюжесть была полна своеобразной прелести. Она являлась скорѣе слѣдствіемъ неумѣнья нѣжничать, непривычки быть въ обществѣ, отсутствія хитрости, чѣмъ слѣдствіемъ грубости и черствости натуры. Сестра невольно протянула руку брату. Онъ крѣпко пожалъ ее своею широкою рукою.

— Ты ложись, — проговорилъ онъ.—Устала, я думаю. Съ матерью-то я переговорю.

— Ты ничего не подѣлаешь.

— Да тутъ и дѣлать нечего. Скажу, что нужно молчать, если не хочетъ себѣ повредить. Ну, и будетъ молчать. Вы все препираетесь, доказываете, волнуетесь, а тутъ нужно поступать проще. Соврать, что насъ всѣхъ съ лица земли сотрутъ, если мы хоть одно слово скажемъ, ну, и будетъ безмолвствовать.

Братъ простился съ сестрою и прошелъ къ матери. Она бросилась къ нему съ жалобами.

— Знаю, знаю!—отрывисто произнесъ онъ.—Только теперь не слѣдуетъ объ этомъ говорить. Какъ только скажете хоть кому-нибудь, что случилось, сейчасъ самихъ же притянутъ, сообщницей сочтутъ. Вы лучше дѣлайте видъ, что ничего не знаете. Спросятъ: какъ? что? А вы отвѣчайте:

Digitized by Google

уѣхалъ куда-то по дѣламъ. Спросятъ: кто пріѣзжалъ? Отвѣчайте, что спали, что не знаете. Наша изба съ краю—ничего не знаю, вотъ и весь отвѣтъ.

— Да какъ же, батюшка, Антоша, — заохала Марья Дмитріевна.

— Да такъ же, маменька! Что ни спросятъ сосѣди, говорите: не знаю. На нѣтъ и суда нѣтъ! Чего намъ въ чужомъ пиру похмелье терпѣть?

— Боюсь я...—начала Марья Дмитріевна.

— Трусиха вы у меня, какъ посмотрю я на васъ,—добродушно разсмѣялся сынъ.—Ложитесь-ка лучше спать; утро вечера мудренѣе. Будьте молодцомъ!

Онъ приласкалъ мать, какъ-то неумѣло и неуклюже, но въ то же время задушевно погладивъ ее по головѣ, какъ ребенка. Старуха даже разсмѣялась.

— Ишь, ты меня, какъ ребенка, ублажаешь, — замѣтила она.

— Да развѣ мы всѣ не дѣти? Вонъ Маѳусаилъ больше девятисотъ лѣтъ жилъ, такъ мы передъ нимъ совсѣмъ ребята,—пошутилъ сынъ.

— Истинно ребята, ничего-то не знаемъ, ровно впотьмахъ ходимъ,—вздохнула Марья Дмитріевна.

— Вотъ погодите, все послѣ узнаемъ. А теперь отдохните.

Поговоривъ еще минутъ пять съ матерью, Антонъ ушелъ въ свою комнату, убѣдившись, что мать совершенно успокоилась. Довольно долго ходилъ онъ по комнатѣ съ нахмуреннымъ лбомъ и озабоченнымъ видомъ. Онъ думалъ, что будетъ съ семьею. Потомъ вдругъ передернулъ плечами и усмѣхнулся. «Ну, что-жъ, опять будемъ у стараго корыта!»—промолвилъ онъ почти вслухъ и легъ на постель. Ему припомнились строки изъ сказки Пушкина «Золотая рыбка», и по его губамъ скользнула улыбка. «Этого нужно было ждать,—думалось ему.—Это ничего. Сестрѣ нужно сосредоточиться, отдохнуть... Да, отдохнуть... Только бы эти тревоги не слишкомъ потрясли ее... Лучше бы было, если бы обошлось безъ нихъ, если бы мирно удалось перейти на болѣе опредѣленный путь»... Ему вспомнились строфы любимаго поэта, посвященныя «памяти пріятеля», гдѣ говорится, какъ эта «наивная и страстная душа, упорствуя, волнуясь и спѣша», шла быстрыми шагами къ высокой цѣли подъ вліяніемъ своихъ страстныхъ стемленій. «Да, сестра, Александръ, всѣ они принадлежали именно къ числу такихъ людей,—думалось Антону.—Имъ нужно отдалиться на время

Digitized by Google

отъ всего, что мучитъ и волнуетъ ихъ теперь. Такъ идти дальше невозможно. Тутъ слишкомъ много увлеченій и слишкомъ мало расчетливости... Но когда же расчетливо и безъ увлеченій совершается что-нибудь новое?.. Мы, можетъ-быть, пойдемъ спокойнѣе къ одной какой-нибудь цѣли, но вѣдь мы освоились съ новымъ, мы развились подъ вліяніемъ этого новаго»...

Онъ поднялся съ постели и прошелся по комнатѣ. «Только бы пережили они все это!—мелькнуло въ его умѣ.—Пусть уѣдутъ, пусть отдохнутъ. Я съ матерью проживу какъ-нибудь... Старухѣ тяжело будетъ очутиться опять у стараго корыта... Надо будетъ работать, чтобы она не нуждалась»...

Онъ подошелъ къ окну—на дворѣ было совсѣмъ свѣтло. Онъ отворилъ окно и полною грудью дышалъ свѣжимъ утреннимъ воздухомъ, слегка шевелившимъ его густыя, русыя кудри.

Въ выраженіи его лица не было и тѣни аффектаціи; въ его головѣ не промелькнуло ни одной мысли о томъ, что ему предстоитъ «тернистый путь», что онъ долженъ будетъ «геройски выносить всѣ невзгоды для спасенія спокойствія старой матери», что «онъ беретъ на себя тяжелый крестъ»; въ его сердцѣ не было озлобленія на то, что все такъ случилось, что «на ихъ семью обрушились страшныя бѣдствія». Онъ просто, безъ всякаго драматизма, очень прозаично думалъ, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія и за что приняться на первыхъ порахъ, чтобы вѣрнѣе добыть копейку.

Семьѣ пришлось пережить нѣсколько тяжелыхъ мѣсяцевъ неизвѣстности. Наконецъ, все разъяснилось: Прохоровымъ пришлось выѣхать изъ Петербурга...

VI.

Эпилогъ.

Неслись дни за днями и уносили за собою и жгучія скорби, и бурныя радости прошлаго, смѣняя ихъ менѣе страстными тревогами и надеждами. Крайности сгладились, затушевались. Все болѣе или менѣе, такъ или иначе входило или вошло въ обычную колею и прилаживалось къ новымъ порядкамъ, безповоротно вошедшимъ въ жизнь, и только исподтишка негодовало или радовалось по поводу того, что еще не вошло въ жизнь. Даже литература, это вѣчное ...женіе направленія образованнаго меньшинства, при... болѣе спокойный тонъ. Въ ней появилось много лю... которые помѣщали свои произведенія то въ консерва-

Digitized by Google

тивныхъ, то въ прогрессивныхъ журнальныхъ органахъ, и, повидимому, ни они, ни журнальныя редакціи не удивлялись этой способности работать въ пользу двухъ различныхъ направленій, этому стремленію поддерживать своими трудами въ одно и то же время и успѣхъ консерваторовъ, и успѣхъ прогрессистовъ. Это не были перебѣжчики — это были либералы. Либерализмъ сдѣлался господствующимъ оттѣнкомъ. Тѣ безыменныя личности, которыя ѣдко смѣялись надъ прогрессомъ съ плясками, пѣніемъ и свистомъ, стали такими же безыменными защитниками либеральныхъ идей, тѣ люди, которые подъ псевдонимною подписью ожесточенно бранили какого-нибудь молодого дѣятеля шестидесятыхъ годовъ, стали хвалить его послѣ смерти, перемѣнивъ для бо́льшаго удобства свой псевдонимъ, и бранили уже только тѣхъ, кто пережилъ его; кто подъ вліяніемъ минутнаго страха прочелъ оду въ какомъ-нибудь клубѣ, тотъ, успокоившись за свою участь, сталъ писать сатиры на тотъ же клубъ; жгучая литературная полемика, бывшая выраженіемъ мнѣній извѣстныхъ партій, перестала имѣть значеніе неизбѣжнаго, изо дня въ день повторяющагося явленія и стала повторяться только періодически «передъ подпискою», въ теченіе трехъ-четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ, замолкая на остальные восемь-девять мѣсяцевъ; и главную роль стала играть въ ней не идея, а личность; общество, слѣдившее прежде за свистомъ полемическихъ статей съ напряженнымъ и тревожнымъ вниманіемъ, стало теперь смотрѣть на полемическіе полексизмы съ улыбкой благодушествующаго послѣ обѣда человѣка, которому любопытно посмотрѣть, какъ «отдѣлаютъ другъ друга временно-обязанные враги». Хуже ли, лучше ли стало этимъ людямъ отъ этихъ полюбовныхъ сдѣлокъ — не знаемъ, но они думаютъ, что имъ такъ живется спокойнѣе. И благо имъ!

Стало житься спокойнѣе и дѣйствующимъ лицамъ нашего романа. Мы мелькомъ скажемъ о ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Уступимъ первое мѣсто почетному гостю на жизненномъ пиру, Алексѣю Дмитріевичу Бѣлокопытову.

Въ его жизни былъ одинъ неясный, странный поступокъ: хорошо зная этого господина, трудно было понять, почему онъ согласился допустить признать сумасшедшею свою мать и дозволить отцу распоряжаться имѣніемъ. Мать во всякомъ случаѣ не могла столько тратить на своихъ бѣдныхъ, сколько тратилъ отецъ на разныхъ Матильдъ, Алексѣю

Digitized by Google

Дмитріевичу было выгоднѣе видѣть имѣніе въ рукахъ матери, чѣмъ въ рукахъ отца. Проникнуть въ тайныя соображенія юнаго либерала было не легко и можно было съ перваго раза сказать, что онъ сдѣлалъ промахъ, что онъ упустилъ изъ виду свои собственные интересы. Но онъ былъ вовсе не такъ простъ, не такъ глупъ. Онъ тайно задумалъ убить разомъ двухъ зайцевъ, и это удалось ему какъ нельзя лучше. Надо отдать ему справедливость: онъ умѣлъ обдѣлывать дѣла. Онъ очень хорошо зналъ скупость и недовѣрчивость матери, очень хорошо зналъ, что Дарья Федоровна никогда не откажется отъ кормленія своихъ бѣдныхъ, что она косо смотритъ на него самого, что нужно вызвать какими-нибудь экстренными и энергическими мѣрами ея довѣріе и прибрать ее къ рукамъ. Онъ смѣло подтолкнулъ отца на признаніе Дарьи Федоровны за сумасшедшую; онъ допустилъ засадить ее въ одну комнату; онъ дозволилъ отцу пожуировать нѣкоторое время. Но, дѣлая все это, онъ замышлялъ свой coup-d'état. Видя, что его тайные планы насчетъ дворянской реформы должны потерпѣть фіаско, видя, что ему надо разойтись съ крайнею партіею, онъ поспѣшилъ тотчасъ же заняться своими личными дѣлами и мысленно рѣшилъ, что теперь настала минута для семейнаго переворота. Посѣщая довольно часто мать, онъ сначала съ чувствомъ выслушивалъ ея жалобы и жаловался ей, что дѣла по имѣнію все больше и больше запутываются Дмитріемъ Васильевичемъ; иногда онъ замѣчалъ, что онъ охотно бы взялъ управленіе этими дѣлами, если бы у него не было такого множества занятій, и вообще умѣлъ выставить себя въ глазахъ матери совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. Она увидѣла, что онъ одинъ любитъ и цѣнитъ ее, забытую всѣми. Но это были только подготовительныя работы, самый же переворотъ откладывался покуда до болѣе благопріятнаго случая.

Этотъ случай представился въ то время, когда молодая графиня Бѣлокопытова заставила Софью Андреевну отказаться отъ лекцій, читавшихся на половинѣ послѣдней. Въ первое же засѣданіе комитета, послѣдовавшее за этимъ запрещеніемъ, молодая Бѣлокопытова, подъ вліяніемъ мужа, заявила членамъ комитета, что ей кажется подозрительною личность Софьи Андреевны, что эта женщина сближается въ неблагонадежными людьми, что она подъ видомъ разныхъ невинныхъ нововведеній проводитъ вредныя идеи, что пріютъ можетъ обратить на себя вниманіе, какъ раз-

Digitized by Google

садникъ подобныхъ идей. Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти замѣчанія встрѣтили рыцарскую оппозицію со стороны Дмитрія Васильевича и Свищова. Первый стоялъ за Софью Андреевну, какъ за «изобрѣтательницу средствъ», второй отстаивалъ ее по молодости и нѣжности своего впечатлительнаго сердца, склоннаго защищать каждое смазливое личико. Пренія начались очень оживленныя.

— Эти всѣ нововведенія пахнутъ идеями объ эмансипаціи женщинъ,—говорилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—А намъ нужно прежде всего не какихъ-нибудь полуобразованныхъ проповѣдницъ женскаго труда, а хорошихъ служанокъ. Члены комитета въ послѣднее время сдѣлались игрушками въ рукахъ этой авантюристки и ея кружка, они уклонились отъ прямой цѣли, къ которой долженъ идти пріютъ... Къ счастію, всѣ эти модныя бредни начинаютъ проходить, и мы должны трезво взглянуть на дѣло. Мы должны взять въ руки пріютъ, должны показать, что мы руководимъ имъ, а не нами руководитъ какая-то эмансипированная барыня сомнительнаго поведенія.

— Позвольте, позвольте, графъ! — заговорилъ вѣрный рыцарь всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, Свищовъ.— Мы, какъ мужчины, какъ развитые люди, не имѣемъ права оскорблять и чернить за глаза женщину!.. Я думаю, что на насъ лежитъ обязанность...

— Прежде всего думать о пріютѣ, а не о защитѣ той или другой личности, не имѣющей для насъ никакого значенія,—холодно перебилъ его Алексѣй Дмитріевичъ.—Мы уклонились отъ устава пріюта, отъ устава, написаннаго учредителями пріюта. Мы дѣйствовали незаконно, приступая къ различнымъ нововведеніямъ, прежде чѣмъ было испрошено на это формальное разрѣшеніе. Конечно, это прошло, къ нашему счастію, незамѣченнымъ, такъ какъ наше положеніе отчасти спасаетъ насъ отъ подозрѣній. Но мы-то, кажется, должны сами знать, что не намъ подавать примѣръ неисполненія законныхъ обязанностей, законныхъ требованій... Я не знаю, какіе планы имѣлъ комитетъ, покровительствуя развитію въ пріютѣ этихъ разныхъ вредныхъ—да, вредныхъ,— идей, но я думаю, что господа члены комитета допускали разныя нововведенія только потому, что они недостаточно серьезно смотрѣли на дѣло и очень плохо знали, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло... Обстоятельства заставили меня столкнуться довольно близко съ людьми, вращавшимися въ кругу этой... какъ ее зовутъ?..

Digitized by Google

да, въ кругу этой Вуичъ, и я могу сказать, что ихъ близость можетъ набросить тѣнь на самую свѣтлую и безупречную личность...

— Какъ жаль, что твоя жена поручала даже воспитаніе своего сына одному изъ членовъ этого кружка,—иронически замѣтилъ Дмитрій Васильевичъ.

— Да, это очень грустно, но я познакомился съ этимъ господиномъ черезъ васъ, — мелькомъ отвѣтилъ сынъ.— Итакъ, господа, если мы желаемъ сохранить за пріютомъ прежній характеръ, если мы не желаемъ его закрытія помимо нашей воли, то мы должны очистить его отъ настоящаго начальства.

— Я думаю, что члены комитета должны дорожить госпожей Вуичъ уже потому, что она улучшила матеріальное положеніе пріюта, не требуя отъ комитета никакихъ прибавокъ,—возразилъ Дмитрій Васильевичъ.

— Не знаю, насколько улучшила она положеніе пріюта, но я знаю, что до сихъ поръ по недостатку средствъ при пріютѣ не кончена постройка церкви, — замѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ. — Мнѣ кажется, что объ этомъ мы должны были прежде позаботиться, чѣмъ о наймѣ разныхъ учительницъ для этихъ дѣвочекъ, изъ которыхъ нужно приготовить нравственныхъ и религіозныхъ служанокъ, а не какихъ-нибудь полуобразованныхъ искательницъ приключеній и поклонницъ новыхъ идей. Мнѣ кажется, что эта недостроенная церковь одна могла дурно повліять на дѣтей, которыя видѣли, что у насъ достаетъ средствъ на все и не находится только ни гроша на то, чтобы достроить храмъ. Я не знаю, чѣмъ руководствовались господа члены комитета, оставляя безъ вниманія это обстоятельство, котораго не упустили бы изъ виду благотворители гдѣ-нибудь въ Англіи,—но могу увѣрить ихъ, что если бы между нами продолжала засѣдать моя мать, то этого не могло бы случиться. Она, можетъ-быть, во многомъ ошибалась, но она очень хорошо знала значеніе религіи для бѣднаго и малообразованнаго класса народа. Религія—это то утѣшеніе бѣдняковъ, котораго мы не смѣемъ, не должны отнимать,— это все, что осталось неприкосновеннаго у бѣдныхъ людей.

— Ты забываешь, что церковь строилась не на комитетскія суммы,—замѣтилъ Дмитрій Васильевичъ.—Мать начала ее строить изъ своихъ денегъ... Дѣла были такъ запутаны, что нужно было подождать...

— Если дѣла такъ запутаны, то комитетъ долженъ

Digitized by Google

ошъ принять на себя эту постройку, — отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ.

Нѣкоторые члены испугались предстоящихъ затратъ. Другіе замѣтили Алексѣю Дмитріевичу, что, обвиняя членовъ комитета, онъ обвиняетъ въ томъ числѣ и себя.

— Я, господа, вообще мало принималъ участія въ дѣлахъ пріюта. Я зналъ, что въ немъ все будетъ идти отлично, покуда имъ завѣдуетъ моя несчастная мать. Когда ея дѣятельность кончилась, я былъ, къ сожалѣнію, отвлеченъ отъ занятій въ нашемъ комитетѣ болѣе важными, болѣе высокими дѣлами, которыя не терпѣли отлагательства,—скромно и грустно отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ.— Если бы этого не было, то, конечно, не случилось бы многихъ прискорбныхъ, прискорбныхъ лично для меня, фактовъ, которые вообще совершились въ это время... Конечно, и пріютская церковь была бы достроена безъ помощи комитета, была бы достроена моею бѣдною матерью...

Алексѣй Дмитріевичъ вздохнулъ. Дмитрій Васильевичъ нахмурился. Нѣкоторые члены комитета стали перешептываться о томъ, что Алексѣй Дмитріевичъ совершенно правъ, что Дарья Федоровна непремѣнно нашла бы средства достроить церковь, не требуя помощи у членовъ комитета, что теперь члены стоятъ въ очень непріятномъ положеніи, видя необходимость окончанія не ими начатой постройки, а, значитъ, и выдачи изъ своего кармана большихъ денежныхъ суммъ. Засѣданіе получило какое-то странное направленіе. Алексѣй Дмитріевичъ упрекалъ и запугивалъ членовъ комитета и въ то же время возбуждалъ въ нихъ сожалѣніе объ отсутствіи Дарьи Федоровны. Покуда никто не могъ опредѣлить, куда ихъ ведетъ и чего добивается юный Бѣлокопытовъ. Только одинъ Ермолинскій, зорко слѣдившій за каждымъ словомъ Алексѣя Дмитріевича, повидимому, понялъ дѣло лучше всѣхъ и мелькомъ тихо замѣтилъ кому-то изъ членовъ, что онъ слышалъ, будто бы Дарья Федоровна «поправляется» и даже совершенно «поправилась». По окончаніи засѣданія, къ Алексѣю Дмитріевичу подошелъ членъ комитета, услыхавшій эту отрадную новость отъ Ермолинскаго, и спросилъ:

— Я слышалъ, что ваша матушка поправилась?

Алексѣй Дмитріевичъ тяжело вздохнулъ.

— Я, по крайней мѣрѣ, нахожу, что это такъ... Я молчалъ покуда, не желая вмѣшиваться въ дѣла отца, боясь ошибиться. Это одна изъ тѣхъ ранъ, до которыхъ страшно

Digitized by Google

дотронуться: онѣ, можетъ-быть, и зажили, залѣчились, а между тѣмъ, все-таки, боишься разбередить, растравить ихъ снова... А вы отъ кого объ этомъ узнали?

— Да это всѣ начинаютъ говорить, — отвѣтилъ членъ комитета.—Вотъ и Ермолинскій...

Ермолинскій съ улыбочкой на лицѣ выросъ, какъ изъ-подъ земли, выставивъ впередъ свое сахарное личико. Алексѣй Дмитріевичъ зорко взглянулъ на него и крѣпко пожалъ ему руку.

— Постарайтесь не говорить объ этомъ,—замѣтилъ онъ грустно.—Я не хочу, чтобы эта семейная драма надѣлала шуму... Я какъ-нибудь постараюсь переговорить съ отцомъ...

Онъ еще разъ пожалъ руку Ермолинскому и члену комитета. Въ этомъ рукопожатіи было столько благодарности, что оба собесѣдника поняли, какъ дорого для Алексѣя Дмитріевича «нераспространеніе» неожиданно возникшихъ слуховъ и, давъ обѣщаніе молчать, поспѣшили разнести повсюду молву о выздоровленіи Дарьи Федоровны.

Черезъ недѣлю Алексѣй Дмитріевичъ уже не зналъ, какъ отдѣлаться отъ вопросовъ о выздоровленіи его матери, эти слухи доходили и до Дмитрія Васильевича, и старикъ былъ встревоженъ не на шутку.

— Мы начинаемъ дѣлаться сказкой города, — говорилъ онъ сыну.

— Удивляюсь, кто это распространяетъ слухи,—пожалъ плечами сынъ. — Чужія дѣла заботятъ! Я старался, старался заглушить толки, но, наконецъ, силъ не хватаетъ, терпѣніе лопается... Вездѣ только объ этомъ и трезвонятъ. Надо бы принять мѣры...

— Да какія, какія мѣры можно тутъ принять?—волновался Дмитрій Васильевичъ, потирая лобъ.

— Нужно снова сдѣлать медицинское изслѣдованіе,—замѣтилъ сынъ, пожимая плечами. — Хотя это, право, очень тяжело...

Дмитрій Васильевичъ нахмурилъ брови и заходилъ по комнатѣ.

— Я, кажется, самъ скоро сойду съ ума!

— Я, право, не понимаю, почему ты такъ волнуешься,— небрежно замѣтилъ сынъ. — Я на твоемъ мѣстѣ назначилъ бы самымъ торжественнымъ, самымъ публичнымъ образомъ медицинскій осмотръ. Это непріятно, но это сразу прекратило бы всѣ толки, всѣ подозрѣнія.

Дмитрій Васильевичъ былъ мраченъ.

Digitized by Google

— Да, а если окажется, что она здорова?—глухо спросилъ онъ.

— Тѣмъ лучше, если она поправилась. Ея положеніе очень непріятно, и, конечно, мы первые должны радоваться ея выздоровленію, — замѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ. — Но, къ сожалѣнію, ты больше всѣхъ другихъ долженъ быть убѣжденъ, что она не здорова, что ее нельзя признать за здоровую.

— А если я не убѣжденъ въ этомъ?—отрывисто проговорилъ отецъ.

— Не понимаю, что за охота тебѣ шутить такими вещами,—пожалъ плечами Алексѣй Дмитріевичъ. — Кажется, самый фактъ признанія ее сумасшедшею достаточно доказываетъ, что ты убѣжденъ въ этомъ.

Дмитрій Васильевичъ широко открылъ глаза. Онъ не понималъ, что говоритъ сынъ.

— Но вѣдь ты самъ настаивалъ на этомъ, — замѣтилъ онъ.

— Мой другъ, я и теперь настаиваю на этомъ, — отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ. — Я никогда не считалъ возможнымъ, чтобы имѣнія, особенно такія имѣнія, какъ имѣніе матери, находились въ рукахъ человѣка съ ненормальнымъ состояніемъ разсудка... Допускать подобныя вещи вообще нелѣпо, но теперь, въ настоящее время, когда дворянство должно начать новое, болѣе дѣятельное хозяйство, это просто преступленіе... Россія страна земледѣльческая, и мы, крупные землевладѣльцы, должны поднять земледѣліе, должны подражать Англіи... Для этого нужны практическіе, здоровые умы... Но, конечно, если будетъ доказано, что мать находится въ здравомъ умѣ, то, разумѣется, я буду радъ не менѣе тебя тому, что ее освободятъ отъ того печальнаго положенія, въ которомъ находится она теперь...

— Такъ ты былъ убѣжденъ, что она находится не въ здравомъ умѣ?—почти воскликнулъ Дмитрій Васильевичъ.

— Я думаю, этотъ вопросъ совершенно лишній,—заносчиво отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ. — Мы можемъ съ тобой расходиться въ убѣжденіяхъ, но мы все-таки считаемъ, должны считать другъ друга честными и благородными людьми...

Дмитрій Васильевичъ потеръ лобъ. Его мысли путались, кровь бросалась въ голову. Онъ ходилъ по комнатѣ и что-то бормоталъ про себя.

— Я знаю, какъ тяжело тебѣ начинать опять это меди-

Digitized by Google

цинское изслѣдованіе, растравлять опять это больное мѣсто нашей семьи, — съ участіемъ замѣтилъ сынъ.— Но все же нужно рѣшиться, чтобы прекратить слухи и чтобы не вызвать какой-нибудь непріятности. Вѣдь можетъ случиться такъ, что насъ «заставятъ» сдѣлать подобное изслѣдованіе. Тогда будетъ гораздо непріятнѣе...

Отецъ и сынъ на прощанье дружески пожали другъ другу руки. Ни тотъ, ни другой не выдалъ ни однимъ словомъ, какія чувства они питали другъ къ другу. Какая неизмѣримая пропасть лежала между обращеніемъ этихъ людей другъ съ другомъ и обращеніемъ, напримѣръ, Катерины Александровны съ Марьей Дмитріевной или обращеніемъ Леонида съ Павлой Абрамовной!

Прошло нѣсколько тяжелыхъ дней и недѣль, наконецъ, къ Дарьѣ Федоровнѣ были призваны снова доктора... Этотъ день былъ торжественнымъ днемъ для всей семьи. Дарья Федоровна снова была признана здоровою, Алексѣй Дмитріевичъ ликовалъ и даже обнялъ отца, горячо пожавъ его руки. Дмитрій Васильевичъ не изъявлялъ особенной радости, но отвѣчалъ безсознательно и на объятія, и на рукопожатія сына и улыбался, какъ-то горько, безсмысленно улыбался. Дня черезъ два разнесся слухъ о его болѣзни, потомъ нашли необходимымъ отправить его за границу. Алексѣй Дмитріевичъ получилъ отъ матери право управлять имѣніемъ и приступилъ къ исполненію новыхъ обязанностей очень энергично, испросивъ концессію на желѣзную дорогу, которая должна была пройти черезъ имѣніе Бѣлокопытовыхъ. Дарья Федоровна оставила за собою только право ѣздить въ пріютъ и хлопотать объ окончаніи постройки пріютской церкви.

Въ первые же дни своего вступленія въ управленіе пріютскими дѣлами Дарья Федоровна сочла нужнымъ все измѣнить въ пріютѣ и учредить въ немъ старые порядки. Старый уставъ вошелъ въ силу такъ же легко, какъ онъ былъ отмѣненъ нѣсколько времени тому назадъ. Этотъ фактъ былъ очевиднымъ доказательствомъ того, что уставы можно мѣнять по прихоти, какъ старыя платья. Софья Андреевна получила отставку, а вмѣстѣ съ нею вышли и новыя помощницы. Въ начальницы была взята престарѣлая барыня. Наконецъ, кончилась и постройка церкви; Дарья Федоровна сама мыла полы въ новомъ храмѣ, окруженная воспитанницами пріюта, подававшими ей воду и полотенца и выслушивавшими ея наставленія.

Digitized by Google

— Молитесь, молитесь!.. Бога забыли!—отрывисто твердила графиня.

Въ день освященія церкви въ пріютѣ появилась въ числѣ новыхъ помощницъ и Ольга Никофоровна Зубова, высоко поднявшая голову.

— Здравствуйте, Ольга Никифоровна,- сказала ей одна изъ старыхъ воспитанницъ.

— Ладно! — мотнула головой Зубова съ такимъ видомъ, какъ будто она хотѣла пригрозить.

Это былъ новый способъ здороваться, вошедшій теперь у Зубовой въ привычку.

— Ну, теперь я могу умереть спокойно,—говорила Дарья Федоровна, широко осѣняясь крестомъ. — Я все, все сдѣлала... Ты видишь, Создатель мой!

— —

Такимъ образомъ, обратились въ прахъ всѣ стремленія, всѣ хлопоты Софьи Андреевны и Катерины Александровны.

Софья Андреевна писала Катеринѣ Александровнѣ обо всемъ и замѣтила между прочимъ: «Теперь я вижу, что мы строили зданіе на пескѣ. Всѣ эти частныя благотворительныя учрежденія зависятъ отъ прихоти двухъ-трехъ лицъ. Общество и общественное мнѣніе не вліяютъ на нихъ и не заставляютъ учредителей сдерживать свой произволъ. Эти господа, эти благотворители могутъ дѣлать, что угодно, и никто не имѣетъ права остановить ихъ. Они за свои деньги иногда могутъ портить и губить цѣлыя поколѣнія людей, а общество будетъ молчать. Но должно ли оно молчать? Не должно ли оно вмѣшиваться самымъ серьезнымъ, самымъ радикальнымъ образомъ въ дѣла этихъ благотворителей? Вѣдь за свои деньги они могутъ губить и портить дѣтей, которыя будутъ слугами и членами общества. Мы въ наивномъ увлеченіи взялись осушить и воздѣлать это болото, но мы разсчитывали безъ хозяевъ этого болота. Хозяевамъ нужно было не его осушеніе, имъ нужна была не его плодоносность, — имъ нуженъ былъ просто, какъ игрушка, этотъ клочокъ земли, освобожденный отъ контроля общества, это государство въ государствѣ, гдѣ каждый сумасшедшій считаетъ себя въ правѣ дѣлать, что угодно. Измѣненіе уставовъ, уклоненіе отъ нихъ, полнѣйшая безконтрольность, сосредоточеніе наблюденія въ рукахъ тѣхъ же членовъ распорядительнаго комитета, полнѣйшая замкнутость, возможность не публиковать подробныхъ отчетовъ—вотъ права этихъ господъ. Сегодня здѣсь

Digitized by Google

учатъ хоть грамотѣ и кормятъ хотя четыре раза въ недѣлю плохой говядиной,—завтра здѣсь могутъ не учить ничему и кормить только постнымъ; сегодня здѣсь даютъ плохое бѣлье и жидкій чай,—завтра могутъ не давать никакого бѣлья и не поить никакимъ чаемъ; сегодня здѣсь учатъ шить только бѣлье и обращаются просто грубо,—завтра могутъ начать учить шитью только одного солдатскаго бѣлья и обращаться не просто грубо, но по-звѣрски,—все это можетъ дѣлаться, и общество будетъ молчать, потому что пріютъ существуетъ на частныя средства. Ну, а если бы на частныя средства устроить дома, гдѣ съ колыбели приготовлялись бы проститутки, воры, убійцы? Тогда что же? Тоже должно молчать общество? Или нѣтъ, въ этомъ случаѣ оно будетъ имѣть право вмѣшаться въ дѣла благотворителей? Но гдѣ же граница между правомъ вмѣшательства и правомъ невмѣшательства? И какъ опредѣлить, является ли гибель этихъ дѣтей слѣдствіемъ сознательно составленныхъ зловредныхъ плановъ или слѣдствіемъ простого неумѣнья, педагогической несостоятельности? Да если бы и было возможно подобное опредѣленіе, то не все ли равно для общества, вслѣдствіе какихъ причинъ губятъ его членовъ. Результатъ одинъ».

Софья Андреевна была сильно взволнована паденіемъ заведенныхъ ею порядковъ, но съ свойственною ей подвижностью характера она быстро подняла голову, и затягиваясь пахитосой, говорила въ своемъ кругу:

— Впрочемъ, что тужить! Не удалось жить самостоятельнымъ трудомъ — уѣду къ бабушкѣ въ деревню зѣвать, хозяйничать и смотрѣть, какъ она раскладываетъ пасьянсы...

— Вамъ бы лучше за границу уѣхать, кузина. Къ бабушкѣ еще успѣете переселиться,—замѣтилъ одинъ изъ кузеновъ Софьи Андреевны.

— Я и сама объ этомъ думала,—въ раздумьи произнесла Софья Андреевна.—У меня есть случай.

— Такъ ловите его! Годы летятъ..

— А-ба!—встряхнула головой Софья Андреевна.—Какъ это, кузенъ, у Лермонтова-то говорится о томъ, что уходятъ лучшіе годы?

Кузенъ прочелъ стихотвореніе Лермонтова: «И скучно и грустно».

— «И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!»

Digitized by Google

повторила Софья Андреевна и кокетливо выпустила струйку дыма.

— Значитъ, мы встрѣтимся гдѣ-нибудь на водахъ или въ Италіи,—рѣшилъ кузенъ.

— Да, да, тамъ небо лучше, тамъ дни свѣтлѣе...

— Можетъ-быть, кузина, и ваше сердце сдѣлается тамъ мягче,—игриво шепнулъ кузенъ.

— По-смо-тримъ, по-смо-тримъ! — протяжно проговорила Софья Андреевна съ лукавой улыбкой.

— Ѣхать, кузина? Искать съ вами встрѣчи? — смѣялся кузенъ.

— Отчего же нѣтъ?.. По-смо-тримъ! — звонко смѣялась Софья Андреевна.—А покуда не дѣлайте умильныхъ глазъ!

Черезъ мѣсяцъ она уже неслась за границу, сидя въ отдѣльномъ купэ съ Свищовымъ и поминутно заставляя старика поправить то подушку, то скамейку. Старикъ былъ ея покорнымъ рабомъ, а она смѣялась и шутила, какъ ребенокъ, и вѣтрено думала о томъ, гдѣ она встрѣтитъ своего кузена, при какой обстановкѣ, подъ какимъ небомъ. Въ ея головѣ вихремъ роились какіе-то отрывки воспоминаній, какіе-то клочки и кончики серьезныхъ идей, какія-то строки стиховъ о небесахъ Италіи, о дальнемъ Средиземномъ морѣ. Все это путалось и мѣшалось въ ея умѣ. Она тихо напѣвала: «Лови, лови часы любви!» и то смѣялась, то задумывалась. Это было какое-то вакхическое настроеніе, какое-то болѣзненное стремленіе въ послѣдній разъ отпировать, безумно отпировать на праздникѣ жизни, чтобы потомъ навсегда поселится въ глухой деревнѣ у бабушки, коротать вѣкъ за пасьянсами, за скучнымъ хозяйствомъ, быть-можетъ, иногда вспоминать о бурныхъ дняхъ безумно проведенной жизни, порой молиться, поститься, каяться, и, мало-по-малу, превратиться въ богомольную старуху, боящуюся смерти, угрюмо и строго глядящую на веселье молодежи и иногда съ особеннымъ чувствомъ цѣлующую въ щеку какого-нибудь раскраснѣвшагося шестнадцатилѣтняго мальчугана изъ дальнихъ родственниковъ...

Въ то время, когда такъ хорошо устроились дѣла Бѣлокопытовыхъ и Софьи Андреевны, семействамъ Боголюбовыхъ и Прилежаевыхъ жилось далеко не такъ хорошо.

Данила Захаровичъ былъ очень радъ, злобно радъ, что Прохоровы, наконецъ, «попались». Онъ пробовалъ растравить сердечныя раны Марьи Дмитріевны, но былъ позорно

Digitized by Google

изгнанъ изъ ея квартиры Антономъ, изгнанъ безъ объясненій, безъ препирательствъ.

— Вотъ Богъ, а вотъ и порогъ, — спокойно произнесъ Антонъ при появленіи Данилы Захаровича и этимъ разъ навсегда покончилъ всѣ счеты съ дядей.

Данила Захаровичъ позеленѣлъ, озлобился еще болѣе, но сдѣлать ничего не могъ. Свою злобу онъ выместилъ на домашнихъ, но, къ сожалѣнію, и здѣсь его злоба производила мало эффекта. Лидія была уже въ институтѣ. Леонидъ кончилъ курсъ и, поступивъ въ университетъ, переѣхалъ отъ отца. Дѣло не обошлось безъ борьбы. Главною причиною ссоры было желаніе Леонида поступить въ университетъ, тогда какъ Данила Захаровичъ хотѣлъ опредѣлить его на службу, говоря, что онъ долженъ теперь кормить и содержать свою «бѣдную» семью. Леонидъ выдержалъ характеръ и былъ выгнанъ изъ отцовскаго дома. Оставалась одна Павла Абрамовна, какъ козлище очищенія, но и она очень тупо, очень безчувственно стала относиться къ брани и злобѣ мужа: она начала пить. Вино явилось единственнымъ утѣшеніемъ этой глупой, неразвитой и животной натуры. Носились слухи, что Данила Захаровичъ началъ даже пускать въ дѣло физическую силу для того, чтобы образумить жену. Но и это не помогало. Онъ сталъ запирать деньги,— она стала продавать свои тряпки. Онъ сталъ запирать и ихъ,— она выходила подъ вечеръ на улицу и просила у прохожихъ «трехъ копеекъ на перевозъ», «гривенника на машину». Она возвращалась домой «не въ своемъ видѣ», ее «пилила» тетка мужа, ее билъ супругъ,—но она глупо улыбалась или такъ же глупо плакала— и толстѣла. Семья жила по-нищенски, въ жалкомъ домишкѣ на Пескахъ, хотя у Данилы Захаровича и у его тетки лежали довольно крупные капиталы. Песочные жители очень хорошо знали и хмурую слонообразную фигуру Боголюбова, и сморщенную злую физіономію черносалопницы-тетки Боголюбова, и толстое оплывшее и обрюзгшее лицо Павлы Абрамовны и находили немалое удовольствіе въ толкахъ объ этой семьѣ, разсказывая чудеса о ея сказочныхъ богатствахъ и ужасы о ея «домашнемъ адѣ». Разсказывали, что Данила Захаровичъ пускаетъ деньги въ оборотъ, отдавая ихъ за большіе проценты разнымъ «матушкинымъ сынкамъ». Каждую заутреню, каждую обѣдню можно было встрѣтить племянника и тетку въ церкви Рождества Богородицы; племянникъ становился здѣсь впереди всѣхъ и пугалъ шалившихъ или плохо молившихся

Digitized by Google

ребятишекъ; тетка становилась въ концѣ храма около нищихъ и черносалошницъ и собирала или передавала мѣстныя и домашнія сплетни; каждый вечеръ можно было увидѣть, какъ пробиралась тайкомъ около заборовъ домой Павла Абрамовна, нетвердо переплетавшая распухшими ногами, иногда окружаемая подсмѣивавшимися надъ нею мальчишками. Съ Леонидомъ семья не встрѣчалась и не справлялась, какъ онъ жилъ, гдѣ онъ бралъ деньги. Впрочемъ, если бы Данила Захаровичъ и взглянулъ на тяжелую жизнь, на жалкую каморку Леонида, то онъ не расчувствовался бы: вѣдь онъ и самъ жилъ не лучше, хотя, конечно, могъ бы жить безъ нужды, безъ грязи. Впрочемъ, Данила Захаровичъ въ послѣднее время сталъ менѣе негодовать на судьбу: онъ записался членомъ какого-то благотворительнаго общества и за свой «кровный» рубль серебромъ въ мѣсяцъ получилъ право распекать нищихъ и командовать ими. Такимъ образомъ, онъ снова сдѣлался почетнымъ лицомъ...

Леонидъ же тотчасъ по переѣздѣ изъ дома отца поселился у Марьи Дмитріевны. Марья Дмитріевна уже жила въ глухой части города, жила только съ Антономъ. Первое время новой жизни Марьи Дмитріевны и Антона было тяжелымъ временемъ.

Кто не видѣлъ хоть мелькомъ жизни трудящейся и учащейся бѣдной молодежи? Что она дѣлаетъ? Чѣмъ добываетъ гроши? Корректура, переписка, переводы, раскраска географическихъ картъ, уроки, однимъ словомъ, все, что попадетъ подъ руку, не упускается ею изъ виду и дастъ иногда возможность кое-какъ свести концы съ концами, не доѣдая, не допивая, тѣснясь въ холодномъ углу. Эта жизнь выпала на долю Антона, а потомъ и Леонида. Они общими силами завоевывали съ бою каждый кусокъ хлѣба и содержали Марью Дмитріевну. Только лѣтомъ, когда имъ обоимъ удалось заполучить выгодныя учительскія мѣста въ отъѣздъ, они немного отдохнули и, такъ сказать, стали на ноги, скопивъ кое-какія крохи. Только черезъ три года они окончательно завоевали себѣ болѣе твердое положеніе, заручившись репутаціей порядочныхъ работниковъ и обширнымъ знакомствомъ въ кругу людей, дающихъ работу. Улучшеніе матеріальнаго положенія ознаменовалось только тѣмъ, что молодые люди перестали жаться съ матерью въ сыромъ подвалѣ, а наняли болѣе чистую, болѣе удобную квартиру, состоявшую изъ двухъ комнатъ и кухни. Они такъ сблизились между собою, такъ дружно жили вмѣстѣ, что ихъ

Digitized by Google

считали родными братьями. Ихъ было даже трудно различить по одеждѣ: у обоихъ одинаковые высокіе сапоги, низенькія клеенчатыя фуражки, черная суконная одежда, не отличающаяся особенно красивымъ фасономъ, но прочная и недорогая; лѣтомъ она смѣнялась иногда сѣрыми блузами или нанковыми пиджаками, походившими на коротенькія пальто. Оба молодые человѣка занимались естественными науками: одинъ въ университетѣ, другой въ технологическомъ институтѣ. У нихъ выработалась мало-по-малу особая программа занятій: естественныя науки и политическая экономія стояли на первомъ планѣ; первыя три лѣта были проведены ими безъ пользы въ различныхъ деревняхъ; на четвертое лѣто, когда дѣла пошли уже совершенно хорошо, оба брата отправились въ Москву, а оттуда то пѣшкомъ, то на пароходахъ по Россіи. Они хотѣли на мѣстѣ изучить народный бытъ, положеніе заводскаго дѣла, развитіе народнаго образованія. Останавливаясь у разныхъ товарищей и пріятелей, большею частью изъ духовнаго званія, изъ семинаристовъ, они близко сходились съ простымъ народомъ, съ народными учителями, съ рабочими. Иногда эти путешествія не только окупались, но даже приносили молодымъ людямъ матеріальную пользу, такъ какъ давали возможность посылать то въ ту, то въ другую газету корреспонденціи. Этимъ работамъ оба брата не придавали особеннаго значенія, хотя и сознавали, что обществу не дурно напоминать о нѣкоторыхъ вещахъ. Въ матеріальномъ отношеніи, конечно, подобныя мелкія работы были не безвыгодны. Эти долгія путешествія возстанавливали физическое здоровье молодыхъ людей, тратившееся очень сильно зимой среди трудовой и бѣдной жизни въ столицѣ, гдѣ приходилось сидѣть и работать по двѣнадцати часовъ въ сутки, иногда дрогнуть отъ холода и не всегда насыщаться вполнѣ даже кониной. Столкновенія съ народомъ, съ фабричнымъ, съ провинціею наложили на нихъ какой-то особый отпечатокъ простоты, свѣжести и трезвости взглядовъ на жизнь. Вглядываясь попристальнѣе въ нихъ, можно было замѣтить значительную разницу въ характерахъ обоихъ братьевъ: Антонъ былъ откровеннѣе Леонида, онъ былъ болѣе простъ, его манеры были нѣсколько угловаты, онъ смотрѣлъ на жизненныя невзгоды болѣе выносливо, болѣе спокойно, въ немъ почти не было озлобленія, онъ нерѣдко бывалъ веселъ, какъ ребенокъ. Но онъ не умѣлъ держать себя свободно на полированныхъ паркетахъ блестящихъ залъ, куда по-

Digitized by Google

нялъ въ качествѣ учителя, въ качествѣ «интереснаго экземпляра новой молодежи». Онъ угрюмо смотрѣлъ на потемнѣвшія картины древнихъ мастеровъ, стоящія тысячъ и не занимающія уже никого и прежде всего своего владѣльца, погруженнаго въ думы о денежныхъ оборотахъ и, можетъ-быть, тайно раздражающагося при видѣ этого мертваго капитала, завѣщаннаго ему предками; онъ неуклюже сторонился отъ длинныхъ бархатныхъ шлейфовъ, покрытыхъ брюссельскимъ кружевомъ и подметающихъ пыль; онъ неловко сгибался подъ тяжелыми шелковыми портьерами, заслоняющими доступъ свѣту и чистому воздуху. Онъ самъ понималъ, что онъ непріятный собесѣдникъ этихъ либеральничавшихъ людей, когда однажды, слушая ихъ толки о бѣднякахъ, онъ замѣтилъ: «У васъ на стѣнахъ виситъ счастіе десятка этихъ бѣдныхъ семействъ». Онъ видѣлъ, что при этихъ словахъ лица присутствующихъ стали такъ же мрачны, какъ лица изображенныхъ на картинахъ людей, на тѣхъ древнихъ картинахъ, на которыя указывалъ онъ. Въ Леонидѣ, напротивъ того, сразу замѣчалось привычка бывать въ болѣе избранномъ обществѣ, умѣнье ловко и осторожно спорить; прибѣгая къ разнымъ софизмамъ и пуская въ ходъ тонкую вкрадчивость; но онъ легко раздражался отъ всякихъ неудачъ и было замѣтно, что на немъ тяжело отозвались скорбные дни голода и холода, наступившіе для него послѣ привольной жизни въ богатой семьѣ. Оканчивая курсъ, онъ съ радостью принялъ предложеніе ѣхать за границу для пополненія своего научнаго образованія. Антонъ же отказался отъ предложенія поступить на довольно выгодное мѣсто и поступилъ въ медико-хирургическую академію. Ему хотѣлось быть не только техникомъ, способнымъ управлять фабрикой или заводомъ, но и медикомъ.

— Я покуда знаю, какъ слѣдуетъ устроить заводъ, чтобы въ немъ были и не портились хорошія машины,—говорилъ онъ.—Теперь надо узнать, какъ устроить заводъ, чтобы въ немъ были здоровые рабочіе, чтобы они не погибали, какъ мухи, въ случаѣ болѣзни. Времени впереди много — еще успѣю сдѣлаться практикомъ...

Рабочій вопросъ начиналъ интересовать его все сильнѣе и сильнѣе. Въ то же время онъ не безъ цѣли началъ все болѣе и болѣе сближаться съ семинаристами въ провинціи.

Въ кругу Антона и Леонида появилось нѣсколько пріятелей, вышедшихъ изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества.

Digitized by Google

Среди этихъ людей особенно замѣчателенъ былъ одинъ юристъ, сынъ крестьянина, получившій въ университетѣ золотую медаль, сдѣлавшійся довольно извѣстною личностью послѣ напечатанія своей диссертаціи и уѣхавшій за границу въ одно время съ Леонидомъ. Эта личность, подававшая особенно блестящія надежды, была очень дорога Антону, такъ какъ она вышла изъ народа, и оставалась близкою къ народу, продолжая находиться въ самыхъ теплыхъ, въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ со своею семьею, со своими односельцами.

— Это черноземныя силы на свѣтъ выходятъ,—говаривалъ Антонъ и горячо, со всѣмъ увлеченіемъ молодости, толковалъ о томъ, что теперь настаетъ пора, когда будутъ захватывать все большее и большее мѣсто въ области мысли эти свѣжія силы, выходящія изъ народа, прошедшія тяжелую школу, закаленныя и твердыя.

Непремѣннымъ и главнымъ условіемъ для хорошаго направленія этихъ силъ онъ считалъ то, что онѣ должны оставаться близкими къ народу, должны не обрывать связей съ своею непросвященною и темною семьей, деревней, провинціей. Онъ безнадежно махалъ рукой на каждаго развитого и подающаго надежды юношу, который отрывался, отворачивался отъ своей непросвященной семьи или высокомѣрно глумился надъ тѣми людьми, изъ среды которыхъ онъ вышелъ.

— Это будутъ не друзья народа, а тѣ же кулаки,—говорилъ онъ:—какіе вырабатывались изъ разныхъ откупщиковъ и Титовъ Титычей, вышедшихъ изъ народа и потомъ прижимавшихъ народъ.

Онъ самъ жилъ въ тѣсной дружбѣ со своею матерью и практически доказывалъ возможность той терпимости развитого человѣка въ отношеніи къ неразвитымъ людямъ, о которой горячо проповѣдовалъ въ своемъ кружкѣ. Марья Дмитріевна видѣла, какъ неусыпно работаетъ сынъ, она понимала, что онъ старается насколько возможно облегчить ея положеніе, она встрѣчала съ его стороны и ласку, и готовность выслушать всѣ ея жалобы, всѣ ея иногда смѣшныя и нелѣпыя тревоги, она слышала отъ него успокоительныя слова, и этого было довольно, чтобы она покорилась ему. Она сознавала, что она не чужая сыну, что онъ на нее не смотритъ, какъ на недалекую женщину, что у него находится всегда свободная минута и для бесѣдъ съ нею, и жила съ нимъ душа въ душу. Онъ не только терпѣливо

Digitized by Google

выслушивалъ всѣ ея жалобы, всѣ ея сѣтованія, всѣ ея толки о сосѣдяхъ и мѣстныхъ новостяхъ или разсказы о снахъ, но даже самъ иногда спрашивалъ за чаемъ:

— Ну, что новенькаго? Разскажите.

Онъ говорилъ Леониду, что онъ любитъ послѣ рабочаго дня, послѣ умственнаго труда слышать эту простую болтовню.

— Не стоитъ портить глаза и читать романы, когда можно убаюкать и разсѣять себя на ночь этими простодушными сказками,—добродушно шутилъ онъ.—Она, какъ дитя. Выслушай ея наивные разсказы и тревоги, приласкай ее, когда ей нужна ласка, погорюй съ ней, когда у нея является горе—и она всею душой прилѣпится къ тебѣ.

Онъ особенно цѣнилъ и въ Леонидѣ эту же способность стоять въ тѣсной дружеской связи съ Марьей Дмитріевной.

Но не всегда были въ семьѣ только ясные дни. Было у нея и великое горе, и въ эту минуту особенно сильно высказалась любовь Антона къ матери и его умѣнье охранять эту женщину отъ излишнихъ тревогъ и волненій.

Миша, оставшійся въ училищѣ, портился все сильнѣе: съ годами его заносчивость росла все болѣе и болѣе, росли въ то же время и пороки, тѣ пороки, которые такъ легко развиваются въ «молодыхъ красавчикахъ» при всеобщей разнузданности окружающаго общества; онъ сталъ покучивать, сталъ заводить интрижки и въ то же время, стоя очень не высоко во мнѣніи начальства, постоянно являлся дерзкимъ. Въ немъ недоставало ни нравственныхъ достоинствъ, которыя могли бы оправдать его заносчивость, ни той двоедушности и хитрости, за которыя иногда сходятъ съ рукъ самые безнравственные поступки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ испорченныхъ людей, про которыхъ говорятъ, что у нихъ «душа нараспашку» и отъ которыхъ потому нельзя отвернуться съ отвращеніемъ. Ихъ можно только жалѣть. Они симпатичны, несмотря на все свое паденіе. Они являются какъ бы ходячими упреками обществу за то, что оно не умѣло направить на хорошій путь эти откровенныя и прямыя личности, съ мягкимъ сердцемъ, съ впечатлительнымъ умомъ, съ страстною натурой. Миша, все чаще и чаще сталкиваясь съ начальствомъ, наконецъ, дошелъ до того, что ему пришлось выйти въ юнкера. Это случилось во время одной изъ училищныхъ исторій, надѣлавшей шуму въ обществѣ. Юноша очень шумно и высокомѣрно толковалъ о томъ, что «теперь

Digitized by Google

ѣз такія времена, чтобы позволять командовать» и пишетъ изъ исторіи съ поднятою головой.

— Ну, ты-то ужъ не толкуй о томъ, какія нынче времена,—замѣтилъ ему Антонъ.—Всякую пакость на духъ времени тоже не приходится сваливать. Ты вонъ лучше поберсги мать, да не разсказывай ей, что тебя исключили, а скажи, что васъ теперь всѣхъ выпускаютъ въ юнкера по закону.

Антонъ говорилъ сухо и внушительно, и Мишѣ пришлось присмирѣть. Явившись домой, онъ сказалъ Марьѣ Дмитріевнѣ, что онъ ѣдетъ въ полкъ, что теперь всѣхъ выпускаютъ въ военную службу изъ ихъ училища. Марья Дмитріевна поплакала, потужила, выразила опасеніе, что Мишу могутъ убить на войнѣ «съ туркой или французомъ», потомъ выслушала самые убѣдительные доводы Антона насчетъ того, что войны не будетъ, и нѣсколько успокоилась. Далеко не былъ спокоенъ Антонъ. Онъ видѣлъ, что Миша далеко не пойдетъ, что гдѣ-нибудь въ глуши, въ жалкой средѣ юнкеровъ, юноша можетъ испортиться еще болѣе. Но поправить дѣло было невозможно. Онъ говорилъ брату о необходимости наверстать потерянное для развитія время и самъ сознавалъ, что его слова останутся словами. Юноша смотрѣлъ слишкомъ легко на жизнь и уже заботился гораздо болѣе о своей новой формѣ, чѣмъ о своемъ новомъ положеніи. Провожая его въ полкъ, Антонъ дружески просилъ его быть откровеннымъ, писать обо всемъ, обѣщалъ помочь ему въ случаѣ надобности и совѣтомъ, и матеріальными средствами.

— Что это ты смотришь на меня, какъ на отпѣтаго,— заносчиво говорилъ Миша.—Служатъ же сотни людей въ военной службѣ,—отчего же мнѣ не служить?

— Да просто потому, что заносчивости у тебя много, а достоинствъ нѣтъ никакихъ,—замѣтилъ Антонъ.—Съ этими качествами люди далеко не уходятъ.

Миша нетерпѣливо пожалъ плечами и довольно холодно простился съ братомъ.

Мѣсяца два отъ него не было писемъ. Наконецъ, онъ написалъ брату длинное письмо, гдѣ разсказывалъ, что его полюбили и товарищи, и начальники, что за нимъ ухаживаютъ разныя барыни, что онъ катается, какъ сыръ въ маслѣ. Тонъ письма былъ довольно фривольный, и оно блестѣло дешевенькимъ остроуміемъ, плоскими насмѣшками надъ всѣмъ кружкомъ, среди котораго пришлось вращаться

Digitized by Google

юношѣ. Прочитавъ это письмо, Антонъ замѣтилъ Леониду, что братъ произвелъ эффектъ своею наружностью, своими казарменными остротами, что онъ, быть-можетъ, даже прикинулся «пострадавшею» личностью и потому дѣйствительно катается, какъ сыръ въ маслѣ.

— Но я увѣренъ, что слѣдующее письмо будетъ полно ругательствъ на всѣхъ окружающихъ... Онъ не сдержитъ своего языка, заведетъ какую-нибудь интрижку, поссорится съ кѣмъ-нибудь за карты и вооружитъ противъ себя всѣхъ.

Антонъ не ошибся: слѣдующее письмо дѣйствительно состояло изъ негодованія на всѣхъ окружающихъ, которые назывались въ немъ и тупыми и неразвитыми бурбонами, барышнями легкаго поведенія, отъявленными картежниками и т. п. Антонъ написалъ брату довольно рѣзкое письмо, гдѣ объяснялъ юношѣ причины его разочарованій и совѣтовалъ болѣе зорко слѣдить за самимъ собою и болѣе хладнокровно и снисходительно смотрѣть на другихъ. «Ужъ если хочешь клеймить неразвитую среду,—писалъ онъ, между прочимъ:—то хотя постарайся клеймить ее, не дѣлая грамматическихъ ошибокъ. А то отъ твоихъ писемъ вѣетъ либеральничающимъ гимназистомъ второго класса». Антонъ вполнѣ понималъ всю безплодность своихъ проповѣдей и въ то же время сознавалъ, что сдѣлать что-нибудь болѣе существенное для блага брата онъ не могъ. Миша, какъ и слѣдовало ожидать, надулся на брата за проповѣдь и пересталъ писать. Марья Дмитріевна волновалась и плакала, что отъ сына не приходитъ вѣсточки, и Антонъ рѣшился читать ей письма своего собственнаго издѣлія, выдавая ихъ за письма Миши. Старуха успокоилась. Но не успокоился Антонъ. Онъ написалъ еще разъ Мишѣ письмо, гдѣ прямо и рѣзко замѣтилъ, что Миша можетъ сердиться на него сколько угодно, но что онъ не долженъ забывать о матери, которой дорога каждая строка сына. Несмотря на рѣзкость письма, въ немъ проглядывало самое теплое, самое живое участіе къ судьбѣ брата. Отвѣтъ получился очень быстро. Миша изливался въ извиненіяхъ, въ оправданіяхъ, жаловался на судьбу, на «гоненія рока» и, въ концѣ концовъ, просилъ денегъ. Тонъ письма дышалъ аффектаціей, ходульностью, театральнымъ ломаньемъ.

Антонъ послалъ денегъ...

Съ этой поры все чаще и чаще получались письма отъ Миши, исполненныя драматическихъ фразъ, грамматическихъ ошибокъ и моленій о присылкѣ денегъ. Наконецъ,

Digitized by Google

явился и самъ Миша «въ отпускъ». Его лицо было помято, отъ его рѣчей вѣяло казармой, въ его тонѣ не было прежней искренности, но слышалась нотка поддѣльнаго драматизма. Когда онъ говорилъ о своей судьбѣ—его можно было счесть за плохого провинціальнаго актера и посмѣяться надъ его монологами. Но вглядываясь въ него, можно было придти къ самымъ грустнымъ мыслямъ насчетъ тѣхъ печальныхъ сторонъ его положенія, о которыхъ онъ, кажется, и не помышлялъ. Онъ былъ недоволенъ всѣмъ и всѣми, но былъ вполнѣ доволенъ собой. Это былъ вѣрный признакъ того, что человѣкъ умеръ для развитія. Надъ человѣкомъ, ругающимъ всѣхъ и все и вполнѣ довольнымъ собою, всегда можно заживо спѣть панихиду. Онъ прожилъ въ Петербургѣ съ мѣсяцъ. Наконецъ, Антонъ замѣтилъ ему, что не пора ли ему ѣхать въ полкъ. Миша какъ-то сконфузился и объявилъ, что на-дняхъ онъ ѣдетъ, что ему нужно получить только какія-то бумаги. Однако, дни шли за днями, а бумагъ не получалось... Иногда юноша приходилъ домой подкутивши и небрежнымъ тономъ говорилъ брату:

— Что мнѣ эта служба! Я не для нея созданъ... Я плевать на нее хочу... У меня голова есть!..

— Такъ выходи въ отставку, здѣсь подготовимъ тебя куда-нибудь,—замѣчалъ Антонъ.

— Чего меня подготовлять?—горячился Миша.—Я, можетъ-быть, просиживалъ ночи за книгой... Меня, братъ, учить нечего, я пожилъ, я знаю людей!

Антонъ замѣчалъ, что братъ начинаетъ терять сознаніе, и умолкалъ. Отрезвившись же, Миша терялъ свой заносчивый тонъ и аффектированно говорилъ уже не о своей учености, а о томъ, «что для него загубили золотое время ученья, что заставятъ его весь вѣкъ тупо маршировать, заниматься выправкой носковъ, мѣрять матушку Россію изъ конца въ конецъ, покуда онъ, ненужный никому, не сложитъ усталую голову подъ какою-нибудь шальною пулей». Это было не столько трогательно, сколько пошло. Всѣ усилія Антона свести брата на новую дорогу оказались тщетными; послѣ каждаго задушевнаго объясненія являлся одинъ результатъ: Миша, нѣжно говорилъ брату:

— Дай, голубчикъ Антонъ, мнѣ три рубля. Мнѣ ей-Богу очень, очень нужны деньги! Больше я не стану просить у тебя!..

Эти деньги нужны были для того, чтобы прокатиться на «лихачѣ», сыграть на бильярдѣ, поплясать съ посѣтительницами Эльдорадо.

Digitized by Google

Антонъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе и рѣшился на крутыя мѣры. Онъ объявилъ брату, что послѣднему нечего и думать о продолженіи военной службы, что онъ, Антонъ, самъ отправится въ штабъ и выхлопочетъ отставку брату, что потомъ онъ его присадитъ за книгу. Миша какъ будто испугался и, краснѣя, объявилъ, что онъ бумаги получитъ черезъ два дня, что брату не зачѣмъ ходить въ штабъ, что онъ уѣзжаетъ дня черезъ три, что онъ довольно покутилъ и намѣренъ честно служить, что, наконецъ, черезъ мѣсяцъ онъ будетъ произведенъ въ офицеры. Антонъ сомнительно покачалъ головой и замѣтилъ брату, что онъ, кажется, прибѣгаетъ къ обману. Миша загорячился и началъ театрально говорить о томъ, что у него только и осталась одна честность и искренность, что онъ не позволитъ никому коснуться этой святыни, что никто не смѣетъ подозрѣвать его во лжи. Онъ даже расплакался, говоря, что отъ брата-то онъ никакъ не ожидалъ такого оскорбленія. Приходилось замолчать. Черезъ два дня дѣйствительно онъ объявилъ, что получилъ бумаги, и началъ собираться въ путь.

Прощаніе было скорбно.

Марья Дмитріевна уговаривала сына служить «вѣрой и правдой», Антонъ уговаривалъ брата выйти въ отставку и переѣхать къ нимъ. Миша очень бойко утѣшалъ ихъ и говорилъ, что онъ не пропадетъ...

Наступила новая весна. Антонъ кончилъ экзаменъ и уѣхалъ путешествовать по Россіи. Марья Дмитріевна осталась одна. Прошло мѣсяца два, когда въ одномъ изъ захолустій Россіи Антонъ прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что въ петербургскомъ судѣ разбирается дѣло Михаила Прилежаева, пойманнаго въ воровствѣ.

Антонъ поблѣднѣлъ и тотчасъ же сталъ собираться въ дорогу. Онъ въ волненіи спѣшилъ домой. Сотни самыхъ тяжелыхъ мыслей осаждали его мозгъ. Что будетъ съ братомъ? Какъ перенесетъ мать этотъ ударъ? Не сообщилъ ли кто-нибудь ей о несчастіи? Молодому человѣку казалось, что и пароходы, и желѣзныя дороги движутся слишкомъ медленно, что онъ сбился съ дороги и ѣдетъ не прямымъ путемъ. Вся любовь, привязывавшая его къ семьѣ, вся нѣжность его натуры, скрывавшаяся подъ грубою внѣшностью, проснулись теперь. Онъ былъ какъ разбитый, онъ не спалъ ночей, не могъ спокойно провести ни одной минуты; всѣ другіе интересы, всѣ другія мысли вышли изъ

Digitized by Google

головы и только образы матери и брата носились передъ его глазами. Онъ читалъ всѣ газеты, искалъ вездѣ имени брата, наконецъ, въ Москвѣ въ одной изъ петербургскихъ газетъ онъ прочелъ неполный отчетъ о дѣлѣ Михаила Прилежаева.

Оказалось, что Миша получилъ уже отставку «безъ наименованія воинскаго званія», когда онъ еще носилъ юнкерскую форму и увѣрялъ брата и мать, что онъ служитъ. Въ то время, когда онъ увѣрялъ ихъ, что уѣзжаетъ въ полкъ,— онъ не уѣзжалъ никуда. Онъ зимой шатался по Петербургу изъ угла въ уголъ, изъ дома въ домъ, иногда ночуя на улицѣ, иногда голодая по цѣлымъ днямъ. При слѣдствіи Миша показалъ, что у него нѣтъ никого родныхъ, что онъ сирота. Его адвокатъ очень долго и много говорилъ о его предыдущей судьбѣ, указывалъ на то, что онъ росъ безъ благотворнаго вліянія семьи, что онъ, неразвитый и неокрѣпшій, попалъ въ жалкую среду юнкеровъ, что отъ него трудно требовать какой-нибудь стойкости при встрѣчѣ съ голодомъ и холодомъ. Этою рѣчью адвокатъ дѣлалъ себѣ имя. Товарищъ прокурора, съ своей стороны, очень слабо поддерживалъ обвиненіе, все-таки указывалъ на испорченность и черствость сердца юнаго вора, не заслуживающаго снисхожденія уже потому, что онъ получилъ даромъ образованіе, что самое пребываніе въ юнкерахъ должно было послужить ему урокомъ и заставить его взглянуть серьезно на свои ошибки и исправиться.

Антонъ читалъ эти отрывки рѣчей адвоката и прокурора; онъ съ мучительной тоской слѣдилъ за всѣми изгибами процесса и готовъ былъ плакать, какъ дитя, читая послѣднія слова адвоката, гдѣ защитникъ называлъ своего кліента душевно-больнымъ человѣкомъ, однимъ изъ дикарей, которые живутъ среди нашего цивилизованнаго общества, которые являются ходячимъ упрекомъ этому обществу. Защитникъ заключилъ рѣчь словами о томъ, что тутъ нужно не наказаніе, а исправленіе ошибки, совершенной обществомъ. Приговоръ былъ вынесенъ, какъ и слѣдовало ожидать, оправдательный. Въ газетахъ говорилось, что «присутствующія въ засѣданіи дамы рыдали», что подсудимый, «прелестный мальчикъ», сидѣлъ съ поникшею головой, не поднимая глазъ, съ краской стыда на добродушномъ лицѣ, что «рѣчь защитника была блестяща и талантлива», что, вѣроятно, «онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ представителей нашей адвокатуры...»

Digitized by Google

— Если бы поспѣть во-время!—говорилъ нетерпѣливо Антонъ, предчувствуя что-то недоброе, и считалъ станціи и версты.

Онъ пріѣхалъ домой до того измѣнившимся, что Марья Дмитріевна всплеснула руками.

— Антоша, что съ тобой, родной мой!—воскликнула она, обнимая его.

— Ничего, ничего, голубчикъ!—говорилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея руки.—Какъ вамъ живется? Здоровы ли? Все ли хорошо?

— Да что мнѣ, старухѣ, дѣлается. Живу себѣ, хожу въ церковь, за воротами посижу,—вотъ и все... Извѣстно, день да ночь—и сутки прочь!

— Ну, и слава Богу, слава Богу,—радостно говорилъ Антонъ, видя, что мать ничего не знаетъ.—А я соскучился о васъ... какъ-то взгрустнулось, вотъ и прикатилъ... Что отъ Миши не получали писемъ?—боязливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, батюшка... Знаешь, вѣдь я грамотѣ-то не знаю... Вчера пришло какое-то письмо на твое имя... Вотъ оно...

Антонъ взглянулъ на почеркъ адреса и побѣднѣлъ: это было письмо отъ Миши.

— Матушка, вы приготовьте чайку,—промолвилъ онъ.— Я пойду въ свою комнату, отдохну съ дороги...

Дрожащими руками распечаталъ онъ письмо Миши и сталъ читать. Оно было написано карандашомъ, отрывочно, на скорую руку... Вотъ что писалъ Миша:

«Братъ мой, другъ мой, Антонъ! Ты, вѣроятно, уже знаешь все, что случилось со мной. Это знаетъ вся читающая Россія. Я укралъ, я содержался въ тюрьмѣ, я былъ судимъ, я былъ оправданъ. Меня оправдали не потому, что я невиненъ, но потому, что я укралъ отъ голода... Въ мою пользу собрали пятнадцать рублей; когда эти деньги будутъ проѣдены мною, мнѣ придется снова воровать. Другого исхода нѣтъ... Ты вѣрно читалъ уже, что говорилъ обо мнѣ товарищъ прокурора, что говорилъ обо мнѣ адвокатъ. Одинъ, обвиняя меня, разоблачилъ всю ту пропасть, въ какую упалъ я; онъ указалъ, какъ я испорченъ, какъ я негоденъ, какъ я гадокъ; другой, защищая меня, указалъ, какъ загубили меня люди съ колыбели, какъ онѣ убили во мнѣ силу воли, какъ они сдѣлали меня дикаремъ, рѣшающимся на всякую мерзость ради добычи куска хлѣба. Когда они говорили это, когда они залѣзали въ мою душу, я все ниже и ниже склонялъ свою голову, я, съ жгучею краской

Digitized by Google

стыда, сознавалъ, что мнѣ невозможно подняться, что во мнѣ убито все, что можетъ спасти человѣка отъ преступленія и заставить его честно бороться съ нуждой... Я сознавалъ, что всѣ присутствовавшіе на засѣданіи думали то же самое, видѣли во мнѣ безнадежно погибшаго... Я ждалъ приговора, ждалъ тяжелаго наказанія... Мнѣ вынесли оправдательный приговоръ... Въ первую минуту я былъ радъ, я готовъ былъ дать клятвенное обѣщаніе исправиться, когда мнѣ давали совѣтъ быть честнымъ... Въ какомъ-то чаду прошелъ этотъ день освобожденія, я ничего не могъ обдумать, ни на что не могъ рѣшиться, въ моей головѣ бродила одна мысль о необходимости жить честно... Но когда прошло первое волненіе, первая радость, когда на слѣдующій день я пошелъ искать работы, меня поразилъ вопросъ: какую работу могу я принять на себя? Что я умѣю дѣлать? Гдѣ подготовка къ труду?.. Я шелъ безцѣльно по Садовой, когда на углу Невскаго проспекта меня кто-то окликнулъ по фамиліи. Я остановился: передо мной стоялъ мальчишка съ кипой газетъ.

«— Купите-съ газету. Интересное дѣло Прилежаева!— выкрикивалъ онъ передъ прохожими.

«Краска бросилась мнѣ въ лицо.

«— Дѣло Прилежаева. Оправданный преступникъ Прилежаевъ!—продолжали выкрикивать продавцы газетъ, окруживъ меня...

«Я бросился въ сторону. Впервые мнѣ пришло въ голову, что если бы я и умѣлъ работать, то кто же меня возьметъ къ себѣ теперь, когда всему городу извѣстно, какъ я испорченъ, какъ я не подготовленъ къ честной жизни, какъ я неспособенъ къ труду?.. Ты перечитай это дѣло, вникни въ каждое слово товарища прокурора и моего защитника, и ты увидишь, что они оба доказали вполнѣ, что я ни къ чему не годенъ, что я испорченъ до мозга костей. Съ подобнымъ человѣкомъ не безопасно пробыть день, подобнаго человѣка не безопасно впустить къ себѣ на порогъ... Они раскопали каждое событіе моего прошлаго, они проникли въ самые откровенные уголки моей души, они не упустили ничего изъ виду, чтобы создать изъ меня типъ окончательно загубленнаго и падшаго человѣка. Теперь это знаютъ всѣ, обо мнѣ кричатъ на улицахъ, на площадяхъ!.. А я думалъ искать работы!.. Кто меня возьметъ? Кому нужно подобное отребье человѣчества?.. О, что они со мною сдѣлали, что они со мною сдѣлали!.. Вѣдь этакъ можно погубить кого угодно.

Digitized by Google

Позволь мнѣ публично раскопать все прошлое, освѣтить душу перваго встрѣчнаго, и я докажу, что онъ ни на что не способенъ, что онъ испорченъ, что онъ опасенъ... Позволь мнѣ сдѣлать это, и повѣрь, что самый честный человѣкъ не найдетъ себѣ мѣста, возбудитъ подозрѣніе... А вѣдь я и безъ того доказалъ, что я не чѣстный человѣкъ... Они мнѣ сказали: теперь старайтесь исправиться, ведите честную жизнь... Но вѣдь они же сами отняли у меня возможность вести честную жизнь! Сперва я былъ просто воромъ, укравшимъ отъ голода. Теперь я являюсь ни на что не способнымъ, въ конецъ испорченнымъ человѣкомъ, являюсь не передъ двумя, тремя лицами, а передъ всѣми, кто только умѣетъ читать... Мой защитникъ говорилъ, что меня испортило общество, что оно должно и исправить меня, дать мнѣ возродиться къ новой жизни. Но какъ я обращусь къ этому обществу? Развѣ купецъ, боящійся, что я обворую его лавку, нанявшись къ нему,—общество?.. Развѣ желѣзная дорога, гдѣ я могъ бы быть кондукторомъ и куда меня не примутъ,—общество? Развѣ тѣ родители, у которыхъ я могъ бы учить дѣтей и которые не возьмутъ въ учителя полуграмотнаго вора,—общество? Что можетъ заставить ихъ испортить свои дѣла, поручивъ ихъ неумѣлому человѣку? Они скорѣе подадутъ мнѣ грошъ Христа-ради, чѣмъ дадутъ мнѣ работу... Что-жъ, они правы! Они могутъ жалѣть меня, но ради чего они станутъ губить себя?.. Они неповинны въ моей испорченности... Хоть бы компанію какую-нибудь устроили для спасенія оправданныхъ воровъ... Вѣдь такихъ много, и всѣ они или идутъ снова въ остроги, или умираютъ съ голоду, отъ самоубійства... Развѣ нельзя устроить такой компаніи, такого общества?.. Или лучше распложать самоубійцъ, негодяевъ и нищихъ?.. У меня нѣтъ силы ходить съ протянутой рукою... Да и возможно ли нищенствовать, имѣя восемнадцать лѣтъ отъ роду, будучи здоровымъ, и не попасться въ руки перваго полицейскаго солдата, который уведетъ меня, какъ бродягу, въ часть, представитъ въ мировой судъ... Мнѣ осталась одна участь: смерть... Когда я написалъ это роковое слово, у меня что-то оборвалось. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело умирать!.. Вѣдь я молодъ, здоровъ, я жить хочу... И это лѣто, блестящее, ясное, душистое, такъ и манитъ къ жизни, къ счастію... Если бы ты зналъ, какъ часто мнѣ приходила сегодня мысль опять украсть и этою цѣной купить жизнь... Не вини меня, умирать такъ не легко, а купить жизнь иною цѣной нельзя...

Digitized by Google

Господи, хоть бы этотъ день кончался поскорѣй, хоть бы ночь наступила... Я былъ бы радъ, если бы была дождливая, хмурая погода... Пожалѣй меня, я такой слабый, такой ничтожный человѣкъ... Не вини меня за то, что обманывалъ тебя, мать... Я васъ любилъ, я васъ люблю, но во мнѣ такъ все перепуталось и ложь, и искренность, и умъ, и глупость... Да, меня лѣчить бы надо... Ниньку, ласковую ниньку мнѣ нужно... Впрочемъ, ты узнаешь, какъ я дошелъ до этого состоянія, узнаешь изъ моихъ замѣтокъ... Я вырвалъ ихъ изъ своей записной книжки и пошлю къ тебѣ съ этимъ письмомъ... Мнѣ хочется, чтобы ты не обвинялъ меня, чтобы поплакалъ обо мнѣ... Ты вѣдь добрый, очень добрый и хорошій человѣкъ... Я не знаю, что бы я былъ готовъ сдѣлать, чтобы мнѣ дали возможность хотя одинъ часъ побыть съ тобою... Мнѣ хочется хоть одного слова участія, хотя одной ласки... Я сижу въ бесѣдкѣ Александровскаго парка, кругомъ снуютъ какіе-то полупьяные солдаты и растрепанныя женщины; стѣны, скамьи бесѣдки исписаны циничными, грязными надписями... Это все тѣ люди, среди которыхъ я убилъ свою жизнь. Они, быть-можетъ, дойдутъ до того же, до чего дошелъ я... Какое горькое окончаніе горькой жизни... Любимый, дорогой, пожалѣй своего *красавчика* Мишу, какъ всѣ называли!.. Завтра отъ него не останется никакого слѣда... И зачѣмъ это я жилъ, зачѣмъ я не умеръ вмѣстѣ съ отцомъ, съ Дашей?.. Вотъ уже и вечеръ... Скоро я уложу это письмо въ конвертъ... Когда онъ будетъ заклеенъ и спущенъ въ ящикъ, я пойду кончать съ собою... Почтальонъ вынетъ изъ ящика письмо уже не живого человѣка, а мертвеца, о которомъ, можетъ-быть, никогда и никто не вспомнитъ... И для чего вспоминать? Развѣ кто-нибудь вспоминаетъ о нашемъ отцѣ? Я помню, какъ ты разсказывалъ, что его испотрошили... Со мною будетъ то же, если найдутъ мое тѣло... Этотъ листъ исписывается, мнѣ остается мало мѣста, но, впрочемъ, не для чего и писать болѣе; день кончился, въ паркѣ становится холодно и темно; я пишу наобумъ: небо совсѣмъ черное... Мнѣ кажется, что я писалъ для того, чтобы не думать, чтобы не измѣнить своего рѣшенія... Теперь довольно, теперь мнѣ осталось жить не болѣе четверти часа... Я съ Тучкова моста... Ну, прощай же, Антонъ... Не брани своего Мишу».

Антонъ читалъ и перечитывалъ это письмо и листки изъ записной книжки Миши. Это были отрывки изъ дневника который велся юношей отрывочно на крошечныхъ листкахъ

Digitized by Google

записной книжки между конеечными счетами, чьими-то адресами, грязными куплетами барковскихъ пѣсенъ... Это была какая-то смѣсь отчаянья, громкихъ фразъ и истиннаго страданія. Юноша не шелъ къ «своимъ», потому что ему было «стыдно», потому что онъ не «могъ» начать трудовую жизнь; онъ не искалъ работы, потому что онъ «не умѣлъ работать», онъ не убивалъ себя, потому что «ему очень хотѣлось жить».

Порой и въ этихъ отрывочныхъ фразахъ видѣлся до мозга костей испорченный негодяй; порой въ нихъ видѣлось наивное, откровенное дитя, легко смотрѣвшее на жизнь и не умѣвшее выйти изъ тяжелаго положенія. Иногда въ дневникѣ видна была одна декламація, иногда въ немъ замѣчались истинныя слезы. Это было что-то болѣзненное. Этого человѣка нужно было отправить въ больницу, подъ надзоръ нѣжной и любящей женщины, матери, сестры. Въ этомъ дневникѣ описывались горькія минуты холода и голода, тутъ выражалась радость по поводу того, что нашъ герой, напримѣръ, нашелъ ночью шелковый платокъ съ нѣсколькими завернутыми въ немъ пряниками. Въ другомъ мѣстѣ описывалось, какъ онъ провелъ морозную ночь на улицѣ, потому что его не оставилъ ночевать у себя товарищъ, «брезгливо сказавшій ему, что отъ его одежды казармой пахнетъ». Въ третьемъ мѣстѣ толковалось о «Данилѣ», котораго слѣдовало бы ограбить... И вездѣ была та же жалкая, смѣшная безграмотность...

Мучительное, болѣзненное чувство охватило Антона при чтеніи этихъ страницъ, гдѣ такъ тѣсно перемѣшались и истинныя чувства, и театральныя фразы. Довольно долго Антонъ не могъ овладѣть собою, побѣдить свое волненіе, удержать катившіяся по щекамъ слезы. Въ его головѣ былъ какой-то туманъ: то давила его тоска о братѣ, то вспоминались слова брата о томъ, что подобная горькая участь ждетъ всѣхъ этихъ безсознательныхъ преступниковъ, которымъ выносятъ оправдательный приговоръ и дадутъ Христа ради десять, пятнадцать рублей, то носилась въ его головѣ мысль о необходимости все скрыть отъ матери, чтобы не отравлять ея послѣдніе годы.

Вотъ и она постучала въ дворъ. Нужно было отереть слезы, освѣжить лицо, выйти съ спокойнымъ видомъ.

Она спрашиваетъ, не отъ Машуры ли это письмо.

— Да,—отвѣчаетъ сынъ.

— Здоровъ ли онъ, мой голубчикъ, спокоенъ ли, какъ ему живется?—забрасываетъ вопросами мать.

Digitized by Google

— Онъ теперь спокоенъ, ему хорошо,—отвѣчаетъ сынъ и почему-то нѣжно цѣлуетъ мать.

— Ты, батюшка, прочти мнѣ его письмецо послѣ,—проситъ мать.

— Да, да, прочту,—говоритъ сынъ и старается овладѣть собою.

Настаетъ вечеръ.

Мать снова проситъ прочесть письмо Миши. Сынъ читаетъ—это свѣтлыя, спокойныя строки, полныя любви къ матери... Мать смѣется и плачетъ отъ радости и набожно осѣняетъ себя крестомъ. Она молитъ Бога, чтобы онъ помиловалъ ея Мишу, ея любимаго сына.

— Ну, спасибо, спасибо!—говоритъ она Антону.—Утѣшилъ ты меня, старуху. Радость ты моя, единственное мое утѣшеніе... Покуда ты со мною, не знаю я горя, не болитъ мое сердце...

Сынъ тихо цѣлуетъ старуху и уходитъ въ свою комнату.

Быть-можетъ, онъ проведетъ безсонную ночь, быть-можетъ, онъ будетъ рыдать, какъ ребенокъ, быть-можетъ, его сердце изноетъ отъ безпомощной тоски,—она этого не узнаетъ. «Развѣ и безъ того у нея было мало горя?—думается ему.—Развѣ мы созданы для того, чтобы вѣчно терзать другихъ? Развѣ мы не обязаны по возможности скрывать и устранять отъ ближнихъ все горькое, все печальное? Будемъ беречь другъ друга, будемъ дѣлиться съ ближними радостью и счастіемъ, будемъ переносить одиноко каждое непоправимое горе, будемъ дѣлиться съ друзьми только тѣми невзгодами, которыя можно устранять общими силами. Жизнь не сладка и мы не имѣемъ права отравлять ее еще болѣе, вынося напоказъ каждую неисцѣлимую язву, каждое непоправимое страданіе».

А что же подѣлывали въ это время Прохоровы?

Давнымъ-давно прошли тяжелые дни Катерины Александровны и Александра Флегонтовича. Молодые люди, какъ мы сказали, должны были уѣхать изъ Петербурга. Они уѣхали въ одинъ изъ глухихъ городовъ. Они захватили съ собою Флегонта Матвѣевича, вполнѣ довольнаго тѣмъ, что его сынъ получилъ «повышеніе по службѣ», какъ объясняли старику его близкіе, сказавъ ему о необходимости отъѣзда. Прошло около года, получилось извѣстіе о смерти Флегонта Матвѣевича, которому оказался вреднымъ климатъ новаго его мѣстожительства. Александръ Флегонтовичъ

Digitized by Google

занялся исключительно литературымъ трудомъ. Заняться другимъ дѣломъ у него не было возможности, хотя и достало бы на это силъ. Катерина Александровна шила бѣлье и платья и занималась акушерствомъ. Довольно скоро молодые люди сдѣлались довольно извѣстными личностями въ городѣ и были званными гостями на каждомъ пиру. Это было тихое, мирное время ихъ жизни; они отдыхали отъ волненій, работали въ четырехъ стѣнахъ, начали усердно заниматься изученіемъ англійскаго языка. «Этотъ языкъ намъ скоро пригодится», писалъ Александръ Флегонтовичъ Антону, описывая свои занятія. Года два-три прошли въ этомъ затишьѣ. Прохоровы поправились въ физическомъ отношеніи, Александръ Флегонтовичъ даже немного потолстѣлъ; они радовались тишинѣ новой жизни, но помириться навсегда съ провинціальною жизнью они не могли. Каждая весна, каждый яркій день, каждое извѣстіе о кипучей европейской жизни манили и звали ихъ куда-то, гдѣ меньше тишины, спокойствія и сна, гдѣ, можетъ-быть, человѣкъ сгораетъ быстрѣе, гдѣ живется тревожнѣе, гдѣ порой сонъ бѣжитъ отъ глазъ, но гдѣ въ то же время больше интересовъ у человѣка, гдѣ его дѣятельность осмысленнѣе, гдѣ его цѣль ярче и блестящѣе. Эта тоска, это стремленіе dahin все росли и росли, наконецъ, сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ idée fixe. Иногда молодые люди, гуляя, выходили изъ города и шли по большой проѣзжей дорогѣ безмолвно, безцѣльно, до усталости. Казалось, они были готовы уйти пѣшкомъ на край свѣта, только бы вырваться изъ этого мирнаго, соннаго города. Остаться въ провинціи, вращаться въ кругу узкихъ интересовъ становилось невыносимо...

Въ одинъ прекрасный день получилось черезъ одного знакомаго письмо на имя Антона, гдѣ просили юношу похлопотать о напечатаніи нѣсколькихъ статей Александра Флегонтовича и о немедленномъ сборѣ всѣхъ денегъ за работы и отъ тѣхъ лицъ, которыя оставались должниками Прохорова еще съ давнихъ поръ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ полученія этого письма въ маленькую квартиру Прилежаевыхъ явились какіе-то незнакомые люди: дама подъ густымъ вуалемъ и господинъ съ окладистою бородою. Антонъ не сразу узналъ ихъ, но черезъ минуту уже горячо пожималъ ихъ руки. Марья Дмитріевна бросилась къ нимъ въ объятія и, плача, причитала надъ ними:

— Голубчики мои, родные мои! Какъ это вы, какими судьбами?

Digitized by Google

— Тише, тише!—проговорилъ Антонъ и замкнулъ дверь.— Я сейчасъ схожу къ одному товарищу. Вамъ здѣсь нельзя оставаться...

— Что ты, батюшка, отъ своего-то дома уходить!—воскликнула Марья Дмитріевна. — Хоть и не богато мы живемъ, а все же свой уголъ.

— Имъ нельзя быть здѣсь,—коротко сказалъ Антонъ.

Марья Дмитріевна замолчала. Она привыкла безусловно подчиняться односложнымъ рѣшеніямъ сына.

Черезъ минуту, оставивъ сестру и ея мужа въ своей квартирѣ, онъ вышелъ изъ дому и довольно быстро возвратился обратно.

— Можете идти,—сказалъ онъ, бросая на столъ клеенчатую фуражку.—Вотъ адресъ.

— Ты все обдѣлалъ?—спросилъ Александръ Флегонтовичъ.

— Все.

— Ну, до свиданія.

— Голубчики вы мои, да какъ же, хоть бы пообѣдали,— заохала Марья Дмитріевна.

— Не надо, мама!—рѣшилъ Антонъ.—Да вы не плачьте... Вечеромъ я свожу васъ къ нимъ...

Гости вышли. Антонъ не пошелъ ихъ провожать и удержалъ мать отъ поползновенія идти за ними.

— Мама, станемте-ка лучше обѣдать,—ласково сказалъ онъ старухѣ.

Они сѣли за столъ.

— Мама, вы никому не говорите, что они были,—замѣтилъ онъ.—Никому,—понимаете?

— Батюшка, въ толкъ я не возьму: какъ они пріѣхали?

— По машинѣ, мама, по желѣзной дорогѣ...

— Надолго, Антошенька?

— Нѣтъ, до завтра. Имъ на васъ взглянуть хотѣлось, коть и прогулялись. Станете разсказывать, тогда, пожалуй, имъ и не удастся во второй разъ къ намъ заѣхать...

— А они еще пріѣдутъ?

— Еще бы. Если будемъ молчать, такъ пріѣдутъ...

Онъ очень хорошо зналъ, что они не пріѣдутъ снова. Его отчасти раздражала мысль о томъ, что они сами хотятъ сжечь за собою корабли. Онъ долго настаивалъ, чтобы они хлопотали о какомъ-нибудь другомъ исходѣ. Но они упорно стояли на своемъ.

— Ужъ ты меня знаешь, я не проговорюсь...

— Вы у меня молодецъ!

Digitized by Google

Антонъ всталъ изъ-за стола и поцѣловалъ старуху. Онъ былъ необычайно ласковъ. Онъ даже не сердился на сестру и ея мужа за то, что тѣ пріѣхали прямо къ нему въ домъ, а не остановились въ гостиницѣ, что, по его мнѣнію, было бы благоразумнѣе. Вечеромъ Марья Дмитріевна просидѣла въ обществѣ зятя и дочери и была безконечно счастлива. Она давно забыла мелкія столкновенія съ этими, все-таки дорогими ей людьми и помнила изъ прошлаго только однѣ свѣтлыя минуты. На другой день мать еще разъ видѣла своихъ дорогихъ «дѣтей» и простилась съ ними въ полной увѣренности, что дождется новой встрѣчи съ ними.

— Жизни мнѣ на десять лѣтъ прибавилось,—говорила Марья Дмитріевна:—какъ я посмотрѣла на нихъ. И Катюша-то какъ похорошѣла. Розанчикъ точно какой. А самъ-то сановитый сталъ... Бариномъ такимъ выглядитъ...

А Катерина Александровна и Александръ Флегонтовичъ между тѣмъ уже ѣхали по желѣзной дорогѣ. Катерина Александровна была объявлена опасно больною, Александръ Флегонтовичъ игралъ роль озабоченнаго ея болѣзнью мужа. Онъ почему-то сбрилъ бороду. Въ квартирѣ Прилежаевыхъ все было спокойно и мирно, только Антонъ не спалъ всю ночь и все ходилъ по комнатѣ.

— Что съ тобой, Антоша?—спрашивала Марья Дмитріевна.

— Голова что-то болитъ, такъ не спится,—отвѣчалъ онъ.

На третій день къ Прилежаевымъ пришелъ одинъ изъ друзей Антона. Антонъ, повидимому, ждалъ его и бросился ему навстрѣчу.

— Что?—спросилъ онъ въ волненіи.

— Господинъ Софоновъ пріѣхалъ со своею женою въ Берлинъ,—отвѣчалъ пріятель.

Антонъ вздохнулъ полною грудью.

— Обѣдать, обѣдать, мама!—кричалъ онъ весело.

— А я вина притащилъ,—смѣясь промолвилъ пріятель, показывая изъ кармана горлышко бутылки.

— О, кутила!—воскликнулъ Антонъ и обнялъ друга, обнялъ мать.

— Да что съ тобой, голубчикъ, сдѣлалось?—качала головой мать, видя необычайную веселость сына.

— Ничего, ничего, мама! Просто весело, безконечно весело на душѣ!

— А меня-то, господа, вы и забыли!—послышался чей-то шутливый голосъ и въ комнату явился молодой человѣкъ,

Digitized by Google

похожій нѣсколько на самого Антона по своей фигурѣ и одеждѣ.—Вѣдь тутъ и моего меду капля есть, значитъ, выпивку надо учинить вмѣстѣ.

Антонъ пожалъ руку пріятеля. Марья Дмитріевна особенно радушно приняла этого гостя, потому что она могла поговорить съ нимъ о Катеринѣ Александровнѣ и Александрѣ Флегонтовичѣ, не стѣсняясь ничѣмъ: они останавливались въ его квартирѣ и, значитъ, ихъ пріѣздъ не былъ тайной для него.

Всѣ усѣлись за столъ и весело распили бутылку вина за новую жизнь.

— Конечно, Софоновы могли бы жить и въ Петербургѣ,— замѣтилъ Антонъ.—Стоило бы только похлопотать. Но, признаюсь откровенно, я теперь радъ, что они будутъ жить не здѣсь... Они тамъ устроятся разумнѣе, здѣсь опять началось бы метаніе изъ стороны въ сторону, стремленіе положить вездѣ заплаты. Тамъ жизнь сложилась вполнѣ и они приглядятся къ ней, научатся болѣе трезвой, болѣе практической дѣятельности... Здѣсь же они разъ выбились изъ колеи и попасть на нее снова имъ было трудно.

Марья Дмитріевна слушала совершенно безучастно толки о незнакомыхъ ей Софоновыхъ и все думала о своей дочери и зятѣ.

Они уже были гораздо дальше, чѣмъ она полагала. Они уѣхали надолго, можетъ-быть, навсегда. Имъ было грустно, что дѣла сложились такъ, но они не обвиняли никого. Въ одномъ изъ писемъ, полученныхъ отъ нихъ, Александръ Флегонтовичъ писалъ:

«Мы вышли въ жизнь въ то время, когда въ нашей частной и общественной жизни рубился лѣсъ старыхъ злоупотребленій и предразсудковъ. Это великое время реформъ и нововведеній застало многихъ изъ насъ врасплохъ. Нѣкоторые изъ насъ были не подготовлены, нѣкоторые хватали черезъ край, нѣкоторые мучились, видя свои промахи и ошибки, нѣкоторые должны были сойти со сцены. Все это было въ порядкѣ вещей, все это было историческимъ фактомъ. Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ, тамъ очень часто дровосѣки наносятъ себѣ раны, царапины получаютъ, занозы; иногда обрушившееся дерево всею своею массой придавитъ кого-нибудь—дровосѣка ли, простого ли прохожаго—это зависитъ отъ случая. Но можно ли негодовать на это, можно ли удивляться этому? Можно, пожалуй, пожалѣть тѣхъ, кому не удалось выйти мирно и спокойно

Digitized by Google

изъ рубки лѣса, но самый фактъ существуетъ не для того, чтобы праздно восхищаться имъ или такъ же праздно бранить его заднимъ числомъ. Историческіе факты важны только какъ уроки для будущихъ поколѣній. Исторія неумолима, но человѣкъ можетъ дѣлать исторію. Мы сошли со сцены, сошли для того, чтобы начать мирную, быть-можетъ, буржуазную жизнь съ трудомъ изъ-за куска хлѣба. Нѣкоторыхъ изъ насъ, быть-можетъ, назовутъ жертвами, въ другихъ бросятъ камень осужденія; однихъ, быть-можетъ, возведутъ на пьедесталъ, другихъ смѣшаютъ съ грязью. Но мнѣ кажется, что теперь настало время, когда нужно заниматься не осужденіями и похвалами, расточаемыми тѣмъ или другимъ лицамъ, а стараться избѣгать тѣхъ промаховъ, которые были кѣмъ бы то ни были сдѣланы въ прошломъ, заниматься развитіемъ самихъ себя, неустанно работать въ пользу того, что уже начато. Обществу приходится теперь, такъ или иначе, жить при новыхъ лучшихъ порядкахъ и нужно, чтобы люди стояли выше своего положенія, а не ниже его. Чѣмъ болѣе развитъ работникъ, тѣмъ выше стоитъ онъ надъ принятою имъ на себя задачею, тѣмъ лучше, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ дѣло. Ваше поколѣніе должно заботиться именно о томъ, чтобы каждое взятое имъ на себя дѣло не было для него чѣмъ-нибудь только тогда, когда вы будете убѣждены, что вы вполнѣ владѣете всѣми знаніями, необходимыми для того дѣла, за которое беретесь. Лучше быть какимъ-нибудь сельскимъ учителемъ съ подготовкой гимназическаго учителя, чѣмъ быть профессоромъ, зная не больше учителя уѣзднаго училища. У насъ не всегда доставало развитія, мы иногда оказывались ниже принятыхъ на себя задачъ,—но въ этомъ были виноваты не мы. Конечно, ты понимаешь, что я говорю о себѣ, о Катѣ, о такихъ же, какъ мы, второстепенныхъ дюжинныхъ личностяхъ, какъ изъ молодежи, такъ и изъ стариковъ. Да, недостатокъ подготовки, недостатокъ серьезнаго знанія и строгой опредѣленности въ выборѣ дѣятельности не былъ принадлежностью одной молодежи—это былъ общій недостатокъ. Мы являлись плохими учителями, плохими переводчиками, корректорами, служаками, но это все было и прежде. Одно изъ несчастій нашей родины всегда состояло въ томъ, что въ ней большинство дѣятелей стояло ниже своего положенія. На это указывалъ еще Александръ I, когда онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что онъ не желалъ бы имѣть своими лакеями тѣхъ лицъ, среди которыхъ ему приходилось вра-

Digitized by Google

щаться до своего воспитанія на престолъ. Насколько же ниже своего положенія стояли эти лица! Правда, прежде эти факты не такъ сильно бросались въ глаза, потому что въ обществѣ при старыхъ порядкахъ, при старыхъ идеяхъ являлось больше лицъ, бѣжавшихъ отъ труда, чѣмъ лицъ, бѣжавшихъ за работою. Новыя идеи и новые порядки произвели наплывъ множества лицъ, почувствовавшихъ необходимость труда. Всю эту массу полуразвитыхъ, шедшихъ къ развитію и въ то же время трудившихся изъ-за куска хлѣба пролетаріевъ стали упрекать за неумѣнье хорошо исполнить взятый ею на себя трудъ и за шатанье изъ стороны въ сторону, отъ одной работы къ другой. Но тутъ, конечно, виновата не эта масса и не новыя идеи. Неумѣнье трудиться завѣщано ей прошлымъ; вѣчное хватанье за множество дѣлъ было слѣдствіемъ этого же неумѣнья. Если бы нашелся въ ней опытный сапожникъ, повѣрь мнѣ, что онъ не сталъ бы хвататься за печенье булокъ или писанье книгъ; если бы въ ней былъ опытный переплетчикъ, то, повѣрь мнѣ, онъ не взялся бы за трудъ наборщика или не сталъ бы заниматься переводами. Но такихъ подготовленныхъ къ труду людей было мало. Насъ не учили никакому ремеслу и давали намъ только отрывки научныхъ свѣдѣній, и мы выходили негодными ни къ чему. Если въ насъ и было что-нибудь хорошее, то это было куплено самовоспитаніемъ. Вотъ почему и работа исполнялась по-старому, кое-какъ и на авось, вотъ почему и не могли устроиться какія-нибудь мастерскія на прочныхъ началахъ; вотъ почему даже на учительскомъ поприщѣ мы умѣли лучше проводить либеральныя идеи, чѣмъ закладывать въ мозгу учениковъ прочныя основанія знанія. Но кто въ старыя времена не былъ грѣшенъ въ стремленіи отбыть только офиціально взятыя на себя служебныя обязанности, кто не исполнялъ кое-какъ своего труда, заботясь больше о матеріальныхъ выгодахъ, о чинахъ, о своемъ значеніи, чѣмъ о добросовѣстности, кто училъ юношество безъ всякаго шарлатанства, кто вообще безошибочно и честно отмежевалъ себѣ скромный и небольшой уголокъ, разсчитавъ напередъ свои склонности, силы и способности, и воздѣлалъ этотъ клокъ земли до высшаго совершенства,—тотъ пусть бросаетъ въ насъ камень... Конечно, я не говорю о передовыхъ личностяхъ, о коноводахъ общества. Говорить о передовыхъ личностяхъ того или другого лагеря—не для чего, память о нихъ сохранится исторіей, и, конечно, ихъ если и упрекнутъ за что-нибудь, то не за не-

Digitized by Google

достатокъ развитія, не за недостатокъ опредѣленности въ цѣляхъ и стремленіяхъ. Это были герои исторіи; мы же герои повѣсти, романа, не болѣе. Они дѣлали исторію, мы же только подчинялись ея ходу и, такъ или иначе, исполнили выпавшую намъ на долю роль. Если бы историческія событія шли иначе, если бы они продолжали быть такими же, какими были въ дни нашего дѣтства,—мы, можетъ-быть, мирно и полусонно провели бы спокойную жизнь, жирѣя и множась, безъ всякихъ высшихъ стремленій, безъ всякихъ треволненій. Не думай, что я жалѣю о томъ, что намъ не удалось прожить этою болотною жизнью до могилы,—нѣтъ, я просто утверждаю фактъ и благословляю въ то же время всѣ великія событія, которыя, несмотря ни на что, ни на какія нападенія, ни на какія непріятности отдѣльныхъ лицъ, вошли въ жизнь».

Отъ всего письма Александра Флегонтовича вѣяло незлобивымъ спокойствіемъ и какою-то мужественною трезвостью мысли. Это уже былъ не прежній порывистый юноша, но возмужавшій человѣкъ, взявшій отъ жизни и свою долю радостей, и свою долю горя, и не озлобившійся, не опустившій рукъ. Катерина Александровна приписала въ письмѣ мужа, что она поступила въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ на медицинскій факультетъ, «хотя,—писала она,—я буду посвящать наукѣ не все свое время, которое теперь необходимо для моего маленькаго Тоши, твоего заочнаго крестника».

— Приспособились,—промолвилъ Антонъ.—Что-то мы сдѣлаемъ и какъ пройдемъ путь?

На этотъ громко произнесенный вопросъ не могло быть отвѣта: жизнь Антона была вся впереди.

Digitized by Google

Digitized by Google

ТИНА.

ПОВѢСТЬ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Петербургъ только что проснулся. По озареннымъ свѣтомъ весенняго солнца улицамъ спѣшили въ школы, въ гимназіи и въ корпуса дѣвочки и мальчики съ связками книгъ, рабочими мѣшочками и ранцами. Кухарки, лакеи, мальчуганы-мастеровые сновали съ корзинками съ провизіей, чайниками съ кипяткомъ и бутылками съ молокомъ. Дворники въ однѣхъ рубахахъ и передникахъ мели улицы, поднимая облака пыли и спугивая воробьевъ и голубей, бродившихъ по мостовой. У подъѣздовъ швейцары безъ парадныхъ сюртуковъ, въ однихъ панталонахъ и жилетахъ чистили ручки входныхъ дверей, вытрясали ковры и половики. То тутъ, то тамъ шмыгали, переваливаясь подъ тяжестью нелегкой ноши, охтянки, разнося молоко и сливки, и тянулись возы огородниковъ, развозившихъ по зеленнымъ лавкамъ свой товаръ. Околоточные съ портфелями подъ мышкой обходили свои участки, останавливаясь на минуту около городовыхъ и давая имъ приказанія. Всѣ лица казались особенно свѣжими послѣ сна и въ то же время имѣли дѣловое озабоченное выраженіе...

На Бассейной у подъѣзда одного изъ большихъ каменныхъ домовъ десятки изъ этого проходящаго по улицѣ люда считали долгомъ остановиться—одни останавливались на нѣсколько минутъ, другіе такъ и застывали тутъ, забывъ о своихъ спѣшныхъ дѣлахъ. Интересовало всѣхъ зрѣлище—приготовленія къ довольно богатымъ похоронамъ. Въ дроги, украшенныя на четырехъ углахъ пучками бѣлыхъ перьевъ, впрягали лошадей, надѣвали на этихъ клячъ черныя попоны. Траурные лакеи натягивали бѣлыя вязаныя перчатки на грязныя руки и осматривали фонари. Какіе-то два мѣщанина спорили, какъ и до котораго мѣста посыпать дорогу опилками, которыми были набиты два рогожевные мѣшка,

Digitized by Google

лежавшіе на мостовой. Пѣвчіе въ нарядныхъ длиннополыхъ кафтанахъ съ откинутыми за спину длинными рукавами, въ ожиданіи духовенства, толпились около подъѣзда; старшіе съ серьезнымъ видомъ курили папиросы, толкуя о своихъ дѣлахъ; младшіе шаловливо и весело боролись между собою, бѣгая по улицѣ наперегонку. Приказчикъ гробовщика въ черномъ длиннополомъ сюртукѣ суетился больше всѣхъ, какъ муха около воза; онъ и оправлялъ перья на дрогахъ, и бросался къ лошадямъ, поправляя попоны, и прикрикивалъ то на людей, разбрасывавшихъ ельникъ, то на траурныхъ лакеевъ, поминутно отирая потъ съ лица грязнымъ клѣтчатымъ платкомъ.

— Да они изъ какихъ будутъ? Купцы?—неторопливо разспрашивалъ своего сосѣда пожилой и толстый купецъ, стоявшій въ толпѣ.

— Какъ вамъ сказать, почтеннѣйшій,—послышался степенный отвѣтъ стоявшаго рядомъ съ ними долговязаго, худощаваго мѣщанина:—по роду изъ купцовъ самъ-то, только не по коммерческой части пошелъ, а въ чиновникахъ по министерству числится. Изъ богатой семьи, хотя покуда своего состоянія большого и нѣтъ. Ну, да послѣ матери все ему останется. А мать богачка, свой капиталъ имѣетъ, мужъ ей по смерть все предоставилъ, чтобы, значитъ, дѣти уважали. Сестра тоже свои деньги имѣла отъ дѣдушки, за графа вышла. А что до нея, такъ она-то, покойница-то, институтскаго воспитанія, изъ дворянокъ, значитъ какъ бы...

— Тоже выдумаютъ люди,—задорно проворчала какая-то кухарка среднихъ лѣтъ, обращаясь къ своей сосѣдкѣ.—Лыкомъ шитые дворяне. Мой тятенька хорошо помнитъ, какъ ея-то покойницынъ родитель писаркомъ по генеральскимъ переднимъ трепыхался.

— До коллежскаго ассесора дослужился отецъ-то ейной,—продолжалъ тотъ же степенный голосъ мѣщанина, не обратившаго, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на слова бабенки,—ну, значитъ, и вышли какъ бы дворяне.

— Дворяне бы были—въ свахи не пошли бы,—опять впуталась въ разговоръ задорная бабенка.—Мать-то покойницы, какъ въ писаршахъ свахой была, такъ и въ чиновницахъ не лучше стала. Тоже старыя барскія платья перепродавать—первѣющее это дѣло для нея было всегда, хлѣбомъ ее не корми, а только это дѣло поручи...

— Мать-то евонная, Ворошилова-то, мужа-то покойницы,—продолжалъ степенно разсказывать мѣщанинъ: — никакъ

Digitized by Google

своего согласія не хотѣла давать на бракосочетаніе, потому, значитъ, что по его положенію, могъ онъ съ деньгами невѣсту найти. Изъ себя только покойница-то очень красива была...

Къ подъѣзду, между тѣмъ, то и дѣло съ грохотомъ подъѣзжали дрожки, наемныя кареты и собственные экипажи. Пріѣзжала все больше молодежь, безусые, краснощекіе, щеголеватые юноши. Нѣкоторые бережно и съ торжественнымъ видомъ несли дорогіе пестрые вѣнки съ широкими шелковыми лентами. Наконецъ, пара вороныхъ лошадей, ровно стуча копытами, подкатила къ подъѣзду щегольское лондо на резинахъ. Лакей, соскочивъ съ козелъ, отворилъ дверцу, и изъ экипажа вышли двѣ дамы въ траурѣ. Одна среднихъ лѣтъ, довольно полная, другая еще молодая и стройная, нѣсколько худощавая и слишкомъ прямая.

— Мать, мать евонная!—не удержалась отъ восклицанія все знающая бабенка.—Пожаловала тоже! Въ травурѣ по первой модѣ! Охъ, солоно приходилось отъ нея покойницѣ! Ишь, какъ расфуфырилась, уваль улицу мететъ. На все мода, травуръ, а и то по модному сошьютъ! А молодая-то ейная дочь! Аршинъ проглотила. Палка палкой. За графа выскочила. Нѣмецъ голоштанный, а все же сіятельство...

— И удивительно, какъ этого ехидства самаго въ людяхъ много,—степенно философствовалъ мѣщанинъ: — свои грызутся—кость между собою дѣлятъ, такъ и того мало: чужіе, со стороны на нихъ глядя, лаютъ.

— Собаки это лаютъ, а не люди,—огрызнулась бабенка, метнувъ въ его сторону злобный взглядъ: — а кто лаетъ, тотъ самъ собака и есть.

Ссора, однако, не пошла дальше.

— Священники, священники ѣдутъ! — вдругъ раздался возгласъ въ толпѣ.

Всѣ заволновались. Пѣвчіе кучкой повалили въ подъѣздъ. Траурные лакеи начали выстраиваться по мѣстамъ. Дроги тронулись къ подъѣзду. Толпа сдвинулась тѣснѣе.

Въ квартирѣ покойницы въ это время становилось уже совсѣмъ тѣсно и душно. Всѣ нетерпѣливо ожидали, когда начнется выносъ, не зная, что дѣлать, о чемъ говорить. Молодой мужъ покойницы, хорошенькій, какъ вербный херувимъ, блондинъ, ея мать, полная женщина съ обрюзгшимъ вульгарнымъ лицомъ немолодого выпивающаго человѣка, ея старшая сестра, длинная, какъ жердь, съ измятымъ, но пикантнымъ лицомъ, съ синими кругами около глазъ, стояли

Digitized by Google

у бѣлаго глазетоваго гроба, покрытаго такимъ же бѣлымъ глазетовымъ покровомъ, и смотрѣли на покойницу. Сперва они горько плакали, когда начали набираться народъ, потомъ стали охорашивать усопшую, поправляя дорогой вышитый тюль, роскошные цвѣты живыхъ розъ, сирени и ландышей. Но время тянулось, слезы высохли, поправлять было уже нечего, и они, не знающіе, что дѣлать, стали съ тревогой посматривать на двери, ожидая духовенства. Пріѣздъ матери молодого вдовца произвелъ въ ихъ группѣ нѣкоторое волненіе. Мать покойницы обратилась къ зятю и нѣсколько шипящимъ тономъ произнесла:

— Наталья Платоновна и Ольга Сергѣевна пожаловали!

Онъ не то обрадовался, не то испугался, не зная, что дѣлать, остаться ли у гроба или идти навстрѣчу къ матери. Онъ всегда чувствовалъ себя провинившимся мальчишкою передъ всѣю и старался напустить на себя храбрость. Послѣ минутнаго колебанія, онъ рѣшилъ, что надо идти навстрѣчу къ матери. Сестра покойницы проводила его холоднымъ, пасмѣшливымъ взглядомъ.

— Я думалъ, ты не пріѣдешь!—пробормоталъ онъ, подходя къ матери.

— Ахъ, Сержъ, какъ плохо ты меня знаешь!—вздохнула мать и подставила къ его губамъ свою полную руку.—Я же вчера велѣла Ольгѣ сказать тебѣ, мой бѣдный мальчикъ, что я буду, несмотря на то, что я совсѣмъ, совсѣмъ больна. Первы все!

Онъ дружески протянулъ руку своей сестрѣ. Она крѣпко пожала его руку. На минуту въ его и въ ея глазахъ сверкнули слезы. Братъ и сестра были похожи чертами лицъ другъ на друга, хотя онъ смотрѣлъ мальчикомъ, а она казалась старше своихъ лѣтъ; оба они были теперь грустны, но его грусть походила на выраженіе огорченнаго ребенка, смотрящаго на сломанную игрушку, а ея грусть имѣла оттѣнокъ серьезной горечи подавляемаго въ душѣ горя. Наталья Платоновна неторопливо и плавно направилась къ гробу. Она подошла къ его изголовью и томнымъ взглядомъ стала всматриваться въ лицо покойницы, навинчивая себя на грустный ладъ.

— Исхудала бѣдняжка, но точно живая!—съ чувствомъ говорила она элегическимъ пѣвучимъ тономъ.—Бѣдное дитя!

Ольга Сергѣевна, не говоря ни слова, поднялась на ступеньки покрытаго бѣлымъ глазетомъ катафалка и припала

Digitized by Google

губами къ сложеннымъ на груди рукамъ покойницы. Слезы такъ и катились ручьями изъ ея глазъ.

На эту сцену съ другой стороны гроба смотрѣли двѣ женщины. Одна изъ нихъ, сестра покойницы, съ холодной проніей, почти нагло разсматривала мать и сестру молодого вдовца. Эта печать наглости, почти цинизма, часто застывала на ея изношенномъ, хотя все еще пикантномъ лицѣ, вѣчно сохранявшемъ выраженіе вызова, протеста, пропіи. Другая женщина, мать покойницы, съ вульгарной физіономіей жирной кухарки или торговки, не могла задушить въ груди злобы и шипящимъ топомъ шепнула дочери:

— Ишь, комедію какую ломаютъ!

Дочь очнулась отъ думъ, и ея тонкія сухія губы исказились гримасой.

— Сіятельная-то не комедію ломаетъ, сама бы рада была лежать вмѣсто Маріанны,—проговорила она равнодушнымъ тономъ.

Ея слова были сказаны тихо и не могли долетѣть до слуха графини. Тѣмъ не менѣе, точно по инстинкту, та подняла голову и взглянула на эту худую, высокую женщину; что-то похожее на страхъ отразилось на ея лицѣ, когда ея взглядъ встрѣтился съ холоднымъ ироническимъ взглядомъ этихъ свинцовыхъ наглыхъ глазъ. Она въ смущеніи поспѣшила спуститься съ катафалка и уйти въ уголъ залы, какъ бы спрятаться отъ всѣхъ.

Въ залѣ послышались движеніе, шарканіе ногъ, откашливаніе духовенства, громкое, какъ звукъ трубы, сморканіе дороднаго гиганта-дьякона въ конецъ большого пестраго платка. Началась служба, раздалось пѣніе. Гдѣ-то стали тихо всхлипывать, сморкаться. Молодой вдовецъ заплакалъ. Мать покойницы начала довольно громко рыдать. Готовилась обычная сцена стоновъ и воплей, повторяющаяся вездѣ передъ выносомъ покойника изъ квартиры. Вдругъ гдѣ-то въ углу тихимъ шепотомъ пронеслось:

— Воды! нѣтъ ли воды?

Всѣ невольно обернулись туда, гдѣ раздался этотъ шепотъ, и увидали, что кого-то почти выносятъ изъ залы. Это была Ольга Сергѣевна.

— Вѣрно отъ сладкой жизни!—пробормотала сестра покойницы, и ея лицо опять передернула ироническая гримаса.

Панихида кончилась. Стали прощаться съ покойницей. Молодой вдовецъ забылся и началъ громко называть покой-

Digitized by Google

ницу ласкательными именами. Ея мать заголосила немного по-мѣщански, нараспѣвъ:

— На кого ты меня оставила, горе-горькую! Мнѣ бы во гробу лежать, а не тебѣ, цвѣтикъ мой бѣлый!

— Ахъ, не могу я, не могу выносить этихъ сценъ!— шептала Наталья Платоновна, взявъ подъ руку какую-то даму и выходя съ нею въ другую комнату.

— Позвольте! позвольте! — слышался голосъ человѣка, пробиравшагося среди толпы съ крышей гроба.

Посѣтители нѣсколько пугливо сторонились отъ него, смотря съ суевѣрнымъ страхомъ на крышу гроба.

Мужчины уже брались за ручки гроба, другіе спѣшили захватить вѣнки, всѣ смотрѣли серьезно и нѣсколько торжественно, точно исполняя важныя служебныя обязанности; начался выносъ подъ звуки пѣнія пѣвчихъ и истерическихъ рыданій...

Всѣ вздохнули широкимъ вздохомъ, очутившись на улицѣ. Пѣніе пѣвчихъ, плачъ, запахъ ладана, копоть горящихъ свѣчей, духота въ комнатѣ, все это стѣсняло грудь тамъ, въ квартирѣ; здѣсь, на улицѣ, все дышало весной, блестѣло на солнцѣ, говорило о жизни и этотъ бѣлый глазетовый гробъ, среди массы пестрыхъ благоухающихъ цвѣтовъ, казался дорогой серебряной игрушкой, сверкая при малѣйшемъ колебаніи подъ лучами солнца. Густая толпа молодыхъ мужчинъ двигалась за дрогами, говоря уже не шопотомъ, точно жужжа, обсуждая будничныя дѣла. Впереди этой толпы, держа подъ руку молодого вдовца, шла мать покойницы, уже безъ криковъ, безъ слезъ, но еще продолжая въ отчаяніи мотать головой. Сестра покойницы замѣшалась въ толпу молодежи и холодно, глядя какъ-то сверху внизъ, съ насмѣшкой на этихъ юнцовъ, говорила съ ними:

— Твердости нѣтъ, характеровъ нѣтъ, потому и гибнутъ! Нужно жить зубъ за зубъ, око за око!

За этой толпой ѣхало ландо; далѣе тянулся рядъ каретъ, колясокъ и дрожекъ. Въ ландо сидѣли Наталья Платоновна, Ольга Сергѣевна и та дама, съ которой вышла изъ залы Наталья Платоновна. Ольга Сергѣевна была блѣдна и молчалива. Наталья Платоновна, напротивъ того, говорила не умолкая съ жеманствомъ молодящейся старухи, съ напускной сентиментальностью безсердечной притворщицы. Пожилая дама, скромная, искательная и вкрадчивая, слушала ее, почти не прерывая ея рѣчей, съ тѣмъ натянутымъ вниманіемъ, съ которымъ слушаютъ не особенно богатые и

Digitized by Google

значительные люди людей очень богатыхъ и значительныхъ. Разсказывала Наталья Платоновна все о покойницѣ.

— Ахъ, ma chère, не о такой партіи я мечтала для Сержа,—сообщала она грустнымъ пѣвучимъ тономъ.—Онъ могъ бы взять жену изъ хорошаго круга, съ положеніемъ въ обществѣ, со связями, и вдругъ женился на дочери какого-то мелкаго чиновника! Я не спорю, она была недурно образована, говорила по-французски, пѣла, играла на фортепіано. Она могла бы быть отличной гувернанткой. Я сама взяла бы ее къ себѣ, пожалуй, для компаніи. Но жениться на ней!

Она пожала плечами, подняла глаза къ небу, сдѣлала презрительную гримасу.

— Да женитьба великое дѣло!—подтвердила почтительная слушательница.

Ворошилова продолжала:

— Я ей говорила: «Другъ мой, не думайте, что Сержъ богатъ. Богата я, а его средства, пока я жива, очень ограничены для нашего круга. Подумайте, какую роль вы будете играть при недостаткѣ средствъ въ этомъ кругу, гдѣ деньги—все!» «Я, говоритъ, люблю его». «Ахъ, Богъ мой, да кто же изъ знающихъ его дѣвушекъ не любитъ его?—Молодъ, хорошъ собою, образованъ, добръ, наслѣдникъ всего моего состоянія. Его всѣ любятъ». «Но, говоритъ, и онъ меня любитъ». «Любитъ!—говорю я ей.—Это не любовь, а увлеченіе! Онъ мальчикъ и хочетъ только капризно поставить на своемъ. Это пройдетъ съ медовымъ мѣсяцемъ». Такъ и вышло.

Она вздохнула. Слушательница, не зная, что сказать, только проговорила:

— Ахъ, дѣти, дѣти!

— Что-жъ мнѣ было дѣлать, ma chère?—продолжала Ворошилова. — Не позволить сыну жениться? Но развѣ мы живемъ въ такое время, въ такихъ принципахъ? Теперь уже прошло время всякаго крѣпостничества и деспотизма. Теперь всѣ свободны! Наконецъ, я никогда не была деспоткой. Нѣтъ, это не въ моемъ характерѣ.

Слушательница замѣтила:

— Вы говорите, Наталья Платоновна, что онъ разлюбилъ ее?

— Не то, ma chère, что разлюбилъ, но почувствовалъ недовольство своимъ положеніемъ, сталъ покучивать, кажется, даже увлекся какой-то цыганкой... Еще бы! Ему

Digitized by Google

волей-неволей пришлось рѣже бывать въ нашемъ кругу, даже не ради недостатка средствъ, а ради родныхъ жены. Это ужасныя родныя. Мать—торговка, сестра—это... это что-то такое, чему нѣтъ названія, тигрица, вампиръ... Представьте себѣ, ma chère, ея мать поселилась у Сержа въ домѣ. Сержъ такъ мягокъ и добръ, даже скажу откровенно, такъ безхарактеренъ, что не могъ выгнать эту женщину. Ахъ, что это за женщина! Мнѣ стыдно вспомнить, что она была belle-mère моего сына. Необразована, вульгарна, цинична и...

Она съ омерзеніемъ остановилась на минуту и потомъ таинственно замѣтила:

— Она пьетъ, ma chère!

И съ особеннымъ оживленіемъ, почти со злобой заговорила:

— Но она еще ничто въ сравненіи съ сестрой покойной Маріанны. Я вамъ говорю, ma chère, что это что-то такое, чему нѣтъ и названія. Это не кокотка, не просто падшая женщина, нѣтъ, это какой-то демонъ цинизма, безнравственности, холоднаго разгула.

Ея лицо даже разгорѣлось при воспоминаніи объ этой личности, точно она говорила о личномъ врагѣ.

— Я почти не видалась съ Сержемъ въ эти два года именно ради этихъ личностей. Я мать, ma chère, я не могла этого видѣть; у меня сердце обливалось кровью. Это ужасно!

Она взглянула въ окно и задумалась. Казалось, въ ея головѣ проходили теперь картины того, что развело ее съ сыномъ, что заставило ее почти не видать его два года. Она рѣшила, что ей непремѣнно нужно ѣхать за границу, чтобы поддержать расшатанное огорченіями здоровье.

II.

Два года тому назадъ въ такой же весенній день, только не въ смѣющееся румяное утро, а въ страстную бѣлую ночь по той же лѣстницѣ, по которой теперь снесли гробъ, весело поднималась молодая пара — цвѣтущая женщина-ребенокъ вся въ бѣломъ, въ гирляндахъ изъ флеръ д'оранжа и въ волнахъ бѣлаго газа, и румяный курчавый молодой человѣкъ, почти мальчикъ, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, старавшійся казаться серьезнымъ. За этой прелестной парой съ шумомъ и смѣхомъ слѣдовала кучка безусой молодежи, только-что соскочившихъ со школьныхъ скамеекъ юнцовъ, провожавшая «молодыхъ» въ ихъ квартиру, отдѣланную,

Digitized by Google

какъ дорогая бонбоньерка. Здѣсь молодежь выпила еще по бокалу шампанскаго и распрощалась съ «молодыми», шумя, смѣясь, искренно радуясь и благодушно завидуя счастью товарища. «Молодые» остались одни въ своемъ нарядномъ гнѣздышкѣ. Еще двери не заперлись за послѣднимъ изъ пріятелей новобрачныхъ, какъ онъ, молодой мужъ, счастливый и сіяющій, бросился съ широко открытыми объятіями къ своей женѣ.

— Моя? моя? Да?—страстно шепталъ онъ, покрывая ее поцѣлуями.

— Твоя! твоя навѣки! — отвѣчала она, довѣрчиво отдаваясь его ласкамъ.

Ему казалось мало этихъ ласкъ, онъ опустился передъ нею на колѣни и прильнулъ губами къ ея платью. Какое-то безуміе страсти охватывало, туманило его голову, кружившуюся отъ любви, счастія, шампанскаго. Она, раскраснѣвшаяся, стыдливая, смущенная отъ избытка блаженства, только шептала:

— Милый, милый, какъ я тебя люблю!

— А я, а я,—восклицалъ онъ:—да я, кажется, съ ума сойду отъ любви!

По виду они походили на дѣтей, бѣлокуренькихъ, краснощекихъ, прелестныхъ. Они и были дѣтьми: она только что вышла изъ института, не дождавшись окончанія курса; онъ еще недавно отпраздновалъ свое совершеннолѣтіе. Дѣтскія замашки еще не прошли ни у нея, ни у него. Имъ обоимъ хотѣлось дурачиться, бѣгать въ горѣлки, играть въ прятки. Это сказалось на другой день свадьбы: молодые мужъ и жена бѣгали по комнатамъ, ловили другъ друга, танцовали, аукались, призвали молоденькую горничную и затянули ее въ игру въ прятки. Въ минуты отдыха отъ этой возни и школьничествъ они вспоминали о старшихъ.

— Maman теперь вздыхаетъ, закатываетъ глаза и нюхаетъ спиртъ, терзаясь мыслью, что не могла помѣшать нашей свадьбѣ,—болталъ весело онъ и изображалъ томное выраженіе на румяномъ лицѣ, передразнивая свою мать.

— А все же мнѣ грустно, что мы огорчили ее, — замѣчала она.

— Огорчили! — со смѣхомъ произнесъ онъ. — Ты ея не знаешь. Никакихъ огорченій, если акціи не падаютъ, у ней нѣтъ; всѣ ея вздохи и охи напускныя сентиментальности. Ужъ если бы ей можно было огорчаться чѣмъ-нибудь, такъ это судьбой сестры Ольги. Ея нѣмецкій графчикъ оказался

Digitized by Google

совершеннымъ прохвостомъ. А maman и тутъ находитъ только одно — говоритъ, что участь женщины покоряться! Сама, небось, не покорялась, а держала рара въ ежовыхъ рукавицахъ. Да и легко сказать: покоряться! Ты обратила вниманіе во время нашей свадьбы на Ольгу? Она точно восковая, и въ глазахъ стоятъ слезы. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ разрыдается.

— Я никого тогда не видала, кромѣ тебя!—сказала она.

— Да? Никого? никого?—воскликнулъ онъ и, точно обрадованный какой-то необычайной новостью, бросился опять цѣловать ее.

Потомъ, вспомнивъ событія знаменательнаго для него дня, онъ засмѣялся.

— И какъ мы удрали ото всѣхъ! Отъ моей maman, отъ твоей матери, отъ Серафимы и Жоржика...

— Маму Сима не пустила ѣхать къ намъ,—замѣтила она.

— Да, да,—согласился онъ.—Твоя сестра понимаетъ суть всего. Ты знаешь, Жоржикъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Сима думаетъ, что лучше не пускать къ вамъ сегодня Дарью Никоновну». Я говорю: «Конечно, конечно! Расцѣлуй свою жену за эту идею».

— Я удивляюсь Симѣ, — сказала она: — сколько у нея самостоятельности, рѣшимости, характера. Иногда мнѣ даже жутко въ ея присутствіи.

— Командиръ-женщина! Она своего Жоржика въ рукахъ держитъ,—проговорилъ онъ.—Ты, Маріанна, будешь тоже меня въ рукахъ держать?

— Развѣ я умѣю, Сережа?—прошептала она.

— Дитя, малютка, и не надо умѣть, и не надо! Я и такъ твой рабъ, твой песикъ!—восторженно воскликнулъ онъ, и опять начались поцѣлуи.

Потомъ они снова заговорили серьезно. Онъ сталъ ей разсказывать о Жоржикѣ или, иначе, Егоръ Егоровичѣ Ивановѣ, мужѣ ея сестры.

— Я удивляюсь, какъ она сумѣла его забрать въ руки: «Егоръ, иди туда! Егоръ сдѣлай это! Егоръ принеси то-то». Она командуетъ—онъ повинуется. А вѣдь онъ въ сущности самъ всѣхъ насъ, товарищей, пріятелей и друзей, въ рукахъ держалъ.

— Жоржикъ?—удивилась она.—Да онъ овечка!

— О, ты его не знаешь! Это лисица съ волчьими зубами въ овечьей шкуркѣ.

Онъ сталъ разсказывать женѣ о Жоржикѣ. Онъ, Сергѣй

Digitized by Google

Сергѣевичъ Ворошиловъ, познакомился съ Жоржикомъ лѣтъ пять тому назадъ, мальчишкой; сразу сталъ его пріятелемъ и началъ его называть Жоржикомъ. Всѣ его такъ звали—и тѣ, съ которыми онъ былъ на «ты», и тѣ, которые не допускали его до этой фамильярности. Ему всѣ давали порученія: «Жоржикъ, достань билетъ въ театръ». «Жоржикъ, закажи букетъ къ бенефису такой-то!» «Жоржикъ, познакомь какъ-нибудь съ такой-то». У него всегда и видъ усердной охотничьей собаки съ поджарыми боками и осунувшейся мордой.

— Ты его очень не любишь?—спросила Маріанна у Сергѣя съ нѣкоторой грустью, сознавая, что все же Жоржикъ мужъ ея сестры.

— Я? съ чего ты взяла? Мы всѣ его не только любимъ, но даже всегда плясали по его дудкѣ, надо откровенно сознаться. Онъ не глупъ.

Сергѣй Сергѣевичъ началъ разсказывать женѣ о Жоржикѣ. Они, богатая или титулованная молодежь, дѣлали очень часто все то, чего хотѣлъ Жоржикъ. Ему захочется видѣть новый балетъ—онъ подобьетъ кого-нибудь изъ нихъ взять ложу. Ему хочется кутнуть, онъ ихъ втянетъ въ попойку. Именины свои онъ придумалъ справлять и всегда дѣлалъ такъ, что ему каждый дарилъ то, что ему надо. Разъ его уличили: онъ въ одинъ годъ справилъ два раза свои именины—и на весенняго Егорья, и на осенняго. Это всѣхъ разсмѣшило, и ему надарили всего, чего могли, въ награду за эту ловкую продѣлку. Безъ него со скуки они померли бы. Всѣ его друзья были или богачи, или титулованные, или со связями; черезъ нихъ онъ и мѣсто досталъ тотчасъ по выходѣ изъ университета.

— Я никакъ не думала, что онъ такой дурной человѣкъ, — не безъ грусти замѣтила Маріанна, и ей стало стыдно, что этотъ дурной человѣкъ мужъ ея сестры.

— Дурной? Почему же? Просто бѣднякъ, а аппетитъ такой же, какъ у богатыхъ,—спокойно и почти съ удивленіемъ сказалъ онъ.—Мало ли на свѣтѣ такихъ Ивановыхъ! Около каждаго богача они вертятся. Мы даже дорожили имъ за его услуги. Да вотъ, не будь его, я и съ тобой не познакомился бы!

— Ну, при чемъ тутъ онъ?—горячо запротестовала она.— Это просто судьба, что мы встрѣтились. Нѣтъ, нѣтъ, этому суждено было сдѣлаться. Онъ тутъ не при чемъ!

Ее точно суевѣрный страхъ охватилъ при мысли, что она обязана Жоржику своимъ счастіемъ.

Digitized by Google

— Ну, хорошо, хорошо,—согласился онъ со смѣхомъ.— Жоржикъ тутъ не при чемъ, а судьба.

— Да, да, судьба, Богъ, но не Жоржикъ,—серьезно сказала она.

— Такъ и запишемъ!

Въ эти свѣтлые дни, когда «молодымъ» казалось, что они живутъ на необитаемомъ островѣ одни, вдвоемъ, безъ старшихъ, были и темненькія облачка — необходимость дѣлать визиты къ матери и сестрѣ Сергѣя Сергѣевича, къ Жоржику и знакомымъ. Отправляясь къ Натальѣ Платоновнѣ Воропиловой въ каретѣ, молодые волновались, ожидая головомойки.

— Если мать вздумаетъ гримасничать, я разругаюсь,— говорилъ сильно трусившій Сергѣй Сергѣевичъ, напуская на себя храбрость.

— Нѣтъ, ради Бога, сдержись!—уговаривала Маріанна.

Но они застали Наталью Платоновну въ элегическомъ настроеніи. Она томнымъ голосомъ привѣтствовала ихъ:

— Дѣти, я не могу смотрѣть на васъ серьезно, такъ и хочется дать вамъ по куклѣ.

Маріанна почтительно, точно извиняясь, поцѣловала ея руку. Воропилова вздохнула, милостиво потрепавъ ее по щекѣ.

— Дай только Богъ, чтобы вы были счастливы!

— О, я вполнѣ, вполнѣ счастлива! — воскликнула Маріанна.

— Дитя, ты еще не знаешь жизни!—мечтательно сказала Воропилова. — Конечно, любовь высшее благо. Но, Боже мой, какъ легко ломается эта игрушка.

Она томно вздохнула. Молодые торопились уѣхать. Прощаясь, мать подарила Маріаннѣ дорогой браслетъ.

— Фу! обошлось безъ сценъ! — широко, съ нѣкоторымъ школьничествомъ, вздохнулъ Сергѣй Сергѣевичъ, выбравшись отъ матери и чувствуя, что у него отлегло отъ сердца.—Сегодня мы въ элегическомъ настроеніи, вѣроятно, провели вчера чудный вечеръ въ обществѣ monsieur Адольфа.

— Какого Адольфа?—спросила Маріанна.

— А! у насъ есть такой мальчикъ на пружинахъ, — со смѣхомъ отвѣтилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—Секретарь. Стоитъ сказать: «разъ, два, три, появись передо мной» — сейчасъ Адольфъ и явится.

Она не поняла ничего.

— Хорошо еще, что скроменъ въ требованіяхъ и немного

Digitized by Google

высасываетъ денегъ,—замѣтилъ мужъ.—Впрочемъ, maman скупа: сталъ бы больше требовать—сейчасъ бы въ чистую отставку.

И, не распространяясь далѣе, онъ заговорилъ не безъ полудѣтской тревоги, маскируемой задорнымъ тономъ, о мужѣ своей сестры.

— Если графъ Леонидъ Валеріановичъ вздумаетъ гримасничать—я его оборву такъ, что онъ свѣту не взвидитъ. Вотъ ужъ кого ненавижу я, такъ это этого купленнаго мужа.

— Онъ, кажется, очень надменный?—спросила Маріанна.

— Надменный!—съ презрѣніемъ повторилъ онъ.—Чѣмъ только гордиться-то? Ради титула выдала maman за него Ольгу дѣвчонкой. Долги даже заплатила за него. Кажется, тутъ гордиться нечѣмъ. И какая Ольга графиня? Ольгѣ женой какого-нибудь скромнаго учителя нужно бы быть. Тиха, добра, домосѣдка, а главное все въ серьезъ принимаетъ, ничѣмъ не шутитъ,—гдѣ ей быть графиней! Я вотъ подшучивалъ надъ maman, а она плачетъ, терзается, видя разныхъ Адольфовъ: «Развѣ можно жить? Развѣ это честно? Гдѣ же Богъ и совѣсть?»—легкомысленно передразнилъ онъ тонъ сестры.—Ищи вѣтра въ полѣ!

— Она милая, зачѣмъ ты смѣешься надъ нею! — ласковымъ тономъ упрекнула его Маріанна.

— Да отчего же не смѣяться? Я ее люблю, и она меня любитъ, а все же нельзя серьезничать съ жизнью. Съ ума сойдешь, если все въ серьезъ будешь принимать. Совѣсть, правда, справедливость — станешь ихъ искать въ жизни, крючокъ поскорѣй вбивай въ стѣну, чтобы повѣситься.

— Сережа! — испуганно остановила она его. — Не шути такъ! Этими вещами нельзя шутить!

— Дитя, испугалась?

Онъ сталъ ее цѣловалъ, измялъ ей накидку, бантъ у шляпы.

— Сумасшедшій, прохожіе видятъ!—засмѣялась она.

— А пусть ихъ! Мы мужъ и жена!

Они поднялись по лѣстницѣ къ квартирѣ графа Леонида Валеріановича Нолькте. Графа не было дома. Ольга Сергѣевна, заслышавъ ихъ молодые голоса, выбѣжала къ нимъ навстрѣчу. Она забыла, что въ передней находится лакей, и выбѣжала, не успѣвъ осушить слезъ и освѣжить лицо.

— Оля,—заботливо и тревожно шепнула Маріанна:—ты плакала?

Digitized by Google

— Такъ, взгрустнулось,—уклончиво отвѣтила Ольга Сергѣевна.

Они всѣ трое перецѣловались, пошли вмѣстѣ въ будуаръ Ольги Сергѣевны.

— А его сіятельства нѣтъ? — спросилъ Сергѣй, радуясь въ душѣ, что графа нѣтъ дома.

— По обыкновенію,—сухо отвѣтила Ольга.—Онъ то въ полку, то въ манежѣ, то гдѣ-то у пріятелей.

— И ты все одна, бѣдняжка?—со вздохомъ сказала Маріанна.

— Я не тягощусь одиночествомъ, — отвѣтила Ольга. — Книги, музыка — это вѣрные друзья. Кромѣ того, у меня есть серьезное дѣло...

— Ахъ, нѣтъ, я бы умерла отъ тоски, если бы по цѣлымъ днямъ не видала Сережи,—замѣтила Маріанна.

— Еще бы! вы любите другъ друга,—спокойно проговорила Ольга.

Это было сказано невозмутимо холоднымъ тономъ, но Маріанну испугала эта фраза.

— А ты?.. а онъ?..—пробормотала она.

— Мы не любимъ другъ друга,—коротко и рѣзко отвѣтила Ольга.

Ея лицо приняло сосредоточенное серьезное выраженіе. Ея большіе голубые глаза устремились въ пространство. Между темными бровями залегла складочка.

— Но какъ же такъ жить?—робко спросила Маріанна.

Ольга вздрогнула, очнулась отъ думъ и коротко, рѣшительно отвѣтила:

— Да, такъ нельзя жить!

Въ головѣ Маріанны мелькнула страшная мысль, что Ольга рѣшится на самоубійство. Вѣдь если нельзя такъ жить, нужно умереть. Она прошептала:

— Не говори такъ!

— Ты все принимаешь слишкомъ близко къ сердцу,— замѣтилъ сестрѣ Сергѣй Сергѣевичъ. — Это не любовь, а просто...

Ольга не дала ему окончить и проговорила:

— Сережа, не станемъ говорить пустыя фразы. Мы не любимъ съ мужемъ другъ друга; никогда не любили другъ друга. Жить безъ любви нельзя вмѣстѣ, и это надо будетъ кончить. Какъ? Я еще не выяснила этого себѣ. Значитъ, объ этомъ нечего говорить покуда.

Сергѣй Сергѣевичъ вѣтрено и легкомысленно замѣтилъ:

Digitized by Google

— Не умѣла ты его забрать въ руки!

— Я никогда не была способна унижаться!—горячо отвѣтила она.

— Да развѣ это униженіе держать мужа подъ башмакомъ?—сказалъ онъ, смѣясь.

— Не любить, не быть любимой и заставлять его быть мужемъ? Да развѣ есть большее-то униженіе для женщины.

Она даже вздрогнула отъ чувства отвращенія, гадливости.

— Но до чего нужно пасть мужчинѣ, чтобы ухаживать за дѣвушкой, лгать ей о любви, разыгрывать въ первые дни послѣ свадьбы роль влюбленнаго, не чуветвуя никакой любви и только желая пріобрѣсти деньги!—раздумчиво произнесла она.—Ниже этого нельзя пасть.

Братъ спросилъ ее, говорила ли она матери о своемъ положеніи, о своихъ планахъ.

— Я этого не скрываю ни отъ кого,—отвѣтила она спокойно.—Но никто не понимаетъ меня, и всѣ воображаютъ, что я все еще прежняя дѣвочка, и думаютъ, что я «капризничаю».

Она усмѣхнулась.

— Впрочемъ, одинъ человѣкъ понимаетъ меня; это онъ, мужъ, и...

Она засмѣялась короткимъ, сухимъ смѣхомъ:

— Пробуетъ опять разыграть комедію влюбленнаго... Боится лишиться комфорта... Ахъ, какъ онъ мнѣ гадокъ, какъ гадокъ!..

Она поспѣшно перемѣнила тему разговора, стала разспрашивать молодыхъ, когда они ѣдутъ на дачу, сказала, что она ѣдетъ съ матерью за границу...

Маріанна и Сергѣй Сергѣевичъ уѣхали отъ Ольги въ грустномъ настроеніи. Онъ удивлялся, какъ выросла и созрѣла его сестра; смотритъ не дѣвочкой по характеру. Но на что она рѣшилась? На разводъ? Какъ же это устроить? Это невозможно. Разъѣдется съ мужемъ такъ, безъ развода? Мужъ ея не отпуститъ. Неопытна она въ практическомъ, дѣловомъ смыслѣ и не знаетъ нашихъ законовъ.

— А я на ея мѣстѣ плюнулъ бы на графа. — легкомысленно замѣтилъ Ворошиловъ. — Пусть не любитъ и въ то же время пресмыкается изъ-за денегъ.

— Нѣтъ, что же за супружество безъ любви!—воскликнула Маріанна.—Она права: это униженіе!

— Сотни и тысячи такъ живутъ!—проговорилъ онъ.

— Но я не разошлась бы на ея мѣстѣ, а умерла бы,—сказала она въ раздумьи:—умерла бы съ горя!

Digitized by Google

— А вотъ я возьму и разлюблю тебя, тогда...

— Не шути такъ, Сережа!—со слезами въ голосѣ остановила она его.

— Маріанночка, дитя, да что съ тобой! — воскликнулъ онъ, почувствовавъ, что она огорчена. — Развѣ я-то могу разлюбить тебя! Вѣдь этотъ честный нѣмецъ никогда не любилъ, а я...

Онъ опять сталъ цѣловать ее. Она не протестовала, не говорила о прохожихъ и только прижималась къ нему, все еще ощущая страхъ отъ мысли о томъ, что онъ «возьметъ и разлюбитъ ее».

Они сдѣлали еще нѣсколько визитовъ и поѣхали къ обѣду къ Ивановымъ. Жоржикъ и Серафима Григорьевна ждали ихъ. Странная была эта пара. Онъ былъ малъ ростомъ, она была очень высока. И онъ, и она были очень худощавы, но его худоба напоминала объ отощавшемъ голодномъ человѣкѣ, а смотря на ея лицо, можно было подумать, что она не спала ночь и осунулась послѣ бурно проведеннаго пира. Оба эти лица были сѣры, безкровны. Его глаза, сѣрые, хитрые, постоянно бѣгали; ея большіе темные глаза глядѣли пристально, въ упоръ, почти нагло. Они жили въ небольшой квартирѣ, убранной очень пестро, точно это былъ складъ разныхъ вещей. Купленнаго тутъ не было ничего: все было подарено, начиная съ нѣсколькихъ картинъ извѣстныхъ художниковъ и кончая книгами съ надписями «отъ автора». Эти книги были удивительны по разнохарактерности: рядомъ съ романами и стихами лежали брошюрки «объ орошеніи киргизскихъ степей», «о прицѣлахъ новыхъ ружей», «объ ауербаховскихъ узлахъ», «о чадородіи въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ», «о новомъ типѣ броненосныхъ судовъ». На одномъ изъ столовъ, на японской тарелкѣ, лежали визитныя карточки; наверху этой кучки карточекъ лежали карточки съ княжескими и графскими коронами. При появленіи молодыхъ, Жоржикъ очень обрадовался—у него была замѣчательная способность радоваться при каждой встрѣчѣ съ людьми—и засуетился, а Серафима спокойно пожала своимъ родственникамъ руки и замѣтила съ усмѣшкой:

— А я думала, что и сегодня все еще цѣлуетесь и не пріѣдете.

Потомъ она обернулась къ мужу и рѣзкимъ тономъ сказала:

— Егоръ, вели подавать обѣдать!

Онъ поспѣшилъ исполнить ея приказаніе.

Digitized by Google

Всѣ вошли въ столовую. Здѣсь были трое изъ пріятелей Жоржика и Ворошилова. Они встрѣтили молодыхъ шумно.

— А, отшельники! Три дня не показывались! Ну, теперь, Маріанна Григорьевна, мы похитимъ его у васъ... Вы его у насъ отняли, мы его у васъ отобьемъ!

Она засмѣялась.

— А я не отдамъ!

— Силой возьмемъ!

Серафима Григорьевна обратилась къ мужу:

— Егоръ, проси же къ закускѣ!

Только она, Серафима Григорьевна, называла Жоржика Егоромъ, и это было по уху; казалось, что она обращается не къ мужу, а къ слугѣ.

— Что же, приступимъ!—сказалъ одинъ изъ гостей.

Начали закусывать и пить, потомъ сѣли за столъ. Всѣ были говорливы, веселы. Обѣдъ прошелъ среди анекдотовъ, двусмысленностей, шутокъ. Маріанна краснѣла и немного досадовала, чувствуя, что эти люди подсмѣиваются надъ тѣмъ блаженствомъ, которымъ наслаждается она и ея Сережа. Послѣ обѣда мужчины перешли въ кабинетъ хозяина, сестры помѣстились въ гостиной.

— А гдѣ мама?—спросила Маріанна.

— Я ее сегодня отправила въ гости, чтобы не мозолила глазъ гостямъ,—равнодушно отвѣтила Серафима.—Она собирается къ тебѣ гостить. Я, впрочемъ, не пущу ее до осени. Вѣдь вы медовые мѣсяцы будете переживать лѣтомъ, и третье лицо будетъ лишнимъ. А осенью она тебѣ пригодится. Ты, Маріанна, я думаю, какъ дитя, не умѣешь хозяйничать.

— У насъ отличная кухарка,—отвѣтила Маріанна.

— Отлично воровать умѣетъ? — равнодушно сказала Серафима и спросила:—Ну, что же, счастлива ты?

— О, еще бы!

— Я такъ и знала, что ты будешь счастлива, когда устраивала этотъ бракъ, — проговорила Серафима, откидываясь всѣмъ тѣломъ къ спинкѣ дивана и вытянувъ далеко впередъ ноги. — Съ перваго раза, какъ я увидала твоего Сережу, я рѣшила, что онъ будетъ твоимъ мужемъ.

Маріанна съ удивленіемъ и треговой посмотрѣла на нее.

— Ты, кажется, удивлена? — спросила Серафима. — Это такъ просто. Сережа совсѣмъ мальчикъ, глупенькій совсѣмъ, ты тоже неопытный ребенокъ, я и сказала Егору, чтобы онъ указалъ на тебя Сережѣ, когда ты на Рождество пріѣзжала изъ института.

Digitized by Google

— Я думаю, онъ и такъ обратилъ бы на меня вниманіе, если было суждено,—начала, уже сильно волнуясь, Маріанна.

— Никогда не обратилъ бы, — коротко отвѣтила Иванова.—Ты не умѣла кокетничать, конфузилась, а онъ привыкъ, чтобы дѣвушки вѣшались ему на шею, какъ выгодному жениху.

Она усмѣхнулась небрежной улыбкой.

— Дѣтей всегда приходится сводить взрослымъ.

Маріанна не выдержала и упрекнула сестру:

— Зачѣмъ ты мнѣ говоришь это! Мнѣ такъ отрадно было думать, что никто не сводилъ насъ, что самъ Богъ...

Она растерялась отъ пристальнаго, ироническаго взгляда сестры.

— Къ тебѣ очень идетъ наивность!—сказала Серафима, разсматривая ее, какъ вещь.—Ты держись этого тона!

Маріанна совсѣмъ смутилась, точно ее глубоко оскорбили. Серафима продолжала невозмутимымъ тономъ:

— Женщина всегда должна знать, что къ ней идетъ. Въ этомъ вся ея сила. Ты мила и долго будешь милой въ роляхъ наивной дѣвочки. Вонъ Лангранжъ Белькуръ до старости наивничала. Савина тоже изъ такихъ типовъ. Перестанетъ такая женщина наивничать—гроша не будетъ стоить.

Въ глазахъ Маріанны стояли крупныя дѣтскія слезы.

III.

Лѣтомъ отчасти утихаетъ петербургская сутолока, и болѣе или менѣе обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи люди разъѣзжаются изъ столицы на дачи.

Молодые Ворошиловы выбрали для своего дачнаго мѣстопребыванія Павловскъ, и этотъ выборъ оказался очень удачнымъ.

Въ сущности это довольно скучный уголокъ: здѣсь нѣтъ деревенской простоты и въ то же время нѣтъ никакихъ разнообразныхъ увеселеній; дачники вертятся тутъ, какъ въ бѣличьемъ колесѣ, направляясь со своихъ дачъ къ вокзалу и обратно для встрѣчи поѣздовъ и для слушанія музыки, надоѣвшей всѣмъ своими вѣчными: «Marches miniatures», «Danses macabres», «Toreadores et andalouses», «Чардашами» и тому подобными, можетъ-быть, и прекрасными, но заигранными и опошленными пьесами. Золотая молодежь, привыкнувшіе къ опереткѣ и шансонеткамъ люди, прожигатели жизни безъ особенныхъ экстренныхъ побужденій ѣздятъ сюда неохотно. Именно это-то и сдѣлало Па-

Digitized by Google

вловскъ для Ворошиловыхъ какимъ-то земнымъ раемъ. Они знали, что здѣсь никто не смутитъ ихъ медовыхъ мѣсяцевъ. Къ ихъ счастью, Наталья Платоновна уѣхала съ Ольгой Сергѣевной за границу. Жоржикъ остался съ женой и ея матерью въ городѣ, предпочитая жизни на дачѣ посѣщеніе разныхъ Аркадій, Ливадій, Аквaріумовъ, Зоологій, Демидроновъ и тому подобныхъ заведеній, гдѣ всегда можно было и быть даромъ въ ложѣ пріятеля, и безплатно поужинать. Такимъ образомъ молодые Ворошиловы не боялись никакихъ нашествій гостей и наслаждались своимъ уединеніемъ. Ихъ жизнь сложилась такъ, что, казалось, можно бы было умереть отъ тоски и скуки, но они не испытывали ни той, ни другой, влюбленные другъ въ друга и все еще не сытые ласками и поцѣлуями. Быть постоянно вмѣстѣ, вдвоемъ, однимъ, говорить о своей любви, наслаждаться ею и только ею, — вотъ все, чего они желали. Въ канцеляріи, гдѣ служилъ Ворошиловъ, съ мая по сентябрь прерывались всякія занятія, и онъ могъ все лѣто жить неразлучно съ женою. Когда наступили темные вечера, и нужно было уже собираться въ Петербургъ, спасаясь отъ сырости Павловска, мужъ и жена говорили:

— Милый Павловскъ, неужели уже пора съ тобой разстаться?

Они ходили по парку и вспоминали мелочи своей лѣтней, немного слащавой, немного приторной, но еще дорогой имъ идиллiи. Вотъ тутъ онъ, Сережа, переносилъ ее, Маріанну, однажды послѣ дождя, черезъ лужу на рукахъ. Вотъ тамъ, въ глухой аллеѣ лабиринта, они разъ просидѣли цѣлый часъ, обнявшись, въ блаженной полудремотѣ, спрягая на всѣ лады глаголъ «любить», и страшно смутились, какъ пойманные въ шалости школьники, когда изъ-за куста выдѣлился какой-то господинъ, взглянувшій на нихъ подозрительнымъ взглядомъ любопытнаго соглядатая. Въ третьемъ мѣстѣ ихъ засталъ дождь—они укрылись въ бесѣдкѣ подъ навѣсомъ и были счастливы, какъ никогда, зная, что теперь никто ихъ не застанетъ врасплохъ. Все то, что кажется такимъ приторнымъ, такимъ глупымъ, такимъ ребяческимъ для постороннихъ, еще не испытавшихъ прелестей первой любви или уже забывшихъ о ея эгоистическомъ блаженствѣ, пережилось ими здѣсь, наполняло ихъ душу, заставляло ихъ забыть весь міръ.

— Нѣтъ, ты не знаешь, какъ я тебя люблю!—страстно говорилъ онъ.

Digitized by Google

— А ты знаешь, какъ я люблю тебя?—говорила она.— Нѣтъ, нѣтъ, этого ты не знаешь!

— Отчего это нѣтъ словъ, чтобы сказать все, все...

— Да развѣ тутъ значатъ что-нибудь слова?

— Я не знаю, что бы такое сдѣлать, чтобы доказать тебѣ на дѣлѣ свою любовь!—шепталъ онъ.

— Я бы жизнь отдала за тебя!—шептала она.

И обоимъ все казалось, что они недостаточно высказали свою любовь, недостаточно доказали ее.

Они повторяли однѣ и тѣ же фразы, одни и тѣ же ласкательные эпитеты и восклицали:

— Сережа, иногда мнѣ просто мучительна наша любовь, точно нужно еще чего-то...

— Да, мучительна и въ то же время сладка.

— О, да, да, ненаглядный!

— Дитя!

Иногда подъ конецъ лѣта она чувствовала легкое нездоровье, тошноту, головныя боли.

— Ты очень будешь плакать, если я умру? — спрашивала она.

— Да развѣ я останусь жить безъ тебя?—говорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты долженъ жить!

— Безъ тебя-то?

Онъ припадалъ къ ея колѣнямъ, цѣловалъ ея платье и восторженно говорилъ:

— Золото мое! Божество мое! Все, все! Покуда жива ты—до той поры живъ и твой Сережа!

Уѣзжая изъ Павловска, они прощались съ нимъ, какъ съ другомъ.

— Прощай, прощай, милый Павловскъ, до будущаго года! Весной опять вернемся къ тебѣ!

— И прежде всего побѣжимъ въ Красную долину.

— А къ Никсу?

— И туда, и туда, всюду!..

Тѣмъ не менѣе, счастье ихъ ждало и дома, въ Петербургѣ, гдѣ каждый уголокъ напоминалъ о ихъ первыхъ ласкахъ. Ихъ гнѣздышко было имъ попрежнему мило, и они говорили, входя въ него:

— Мы точно тогда входимъ сюда. Помнишь? Здѣсь все по-старому, и мы тѣ же!

Еще бы имъ не помнить эту недѣлю послѣ свадьбы!..

Жизнь Ворошиловыхъ должна была сложиться теперь по-новому: сидѣть вдвоемъ, запершись, было уже нельзя;

Digitized by Google

всѣ родные и знакомые вернулись съ дачъ, изъ-за границы, и волей-неволей надо принимать ихъ, ѣздить къ нимъ. Первыми посѣтителями молодыхъ были Жоржикъ и его жена. Они пріѣхали послѣ обѣда, нарядные, съ праздничными лицами.

— Ну, слава Богу, отшельники проявились въ міру! — сказалъ Жоржикъ, дружески здороваясь съ Ворошиловымъ и его женою.—Мы ужъ думали, что вы никогда не вернетесь въ Питеръ. Въ Аркадіи и въ Ливадіи, братъ, по тебѣ плачутъ. Еще недѣля, и все закроется.

— Да, да, надо взглянуть, что тамъ дѣлается!—разсѣянно сказалъ Ворошиловъ и почувствовалъ, что ему дѣйствительно непремѣнно надо заглянуть туда, посмѣяться: нельзя же вѣчно сторониться отъ всѣхъ.

— Ты, вѣдь, никогда этого не видала? — замѣтила апатично Серафима, обращаясь къ сестрѣ. — Балаганы, а ничего, смѣшно! Разумѣется, когда каждый день бывать — надоѣсть!

Она зѣвнула, сѣла на диванъ, тяжело облокотилась локтями на столъ и опустила голову на руки.

— Тебѣ нездоровится?—заботливо спросила Маріанна.

Сестра тупымъ взглядомъ взглянула на нее и усмѣхнулась.

— Нѣтъ, здорова! — медленно отвѣтила она. — Устала! Вчера легла въ пять, третьяго дня въ шесть.

Она далеко выдвинула по столу локти и совсѣмъ охватила голову руками.

— Она у меня молодецъ!—похвалилъ ее Жоржикъ.—Отъ нашего брата ни въ чемъ не отстаетъ.

Маріанна смотрѣла въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ на позу сестры: такъ у нихъ въ институтѣ считали неприличнымъ сидѣть, да никто такъ и не садился тамъ. Смущало ее и лицо сестры: измятое, съ глазами, окруженными темными кругами, съ оловяннымъ взглядомъ, оно производило непріятное впечатлѣніе. Она мелькомъ замѣтила:

— Зачѣмъ ты такъ утомляешь себя?

— Ничего ты въ этомъ не понимаешь! — коротко отвѣтила Сима, ежась и зѣвая.

— Такъ что же, ѣдешь сегодня? — спросилъ Жоржикъ у Ворошилова.

— Да, да, — отвѣтилъ Сергѣй. — А ты, Маріанна? Поѣдемъ.

— Мнѣ нездоровится,—отвѣтила Маріанна.

Digitized by Google

Онъ встревожился.

— Такъ и я не поѣду!

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Поѣзжай! Я не то что нездорова, а боюсь, — она замялась немного, краснѣя: — утомиться боюсь...

Она взглянула на него такимъ взглядомъ, какъ бы говоря ему: «ты знаешь, въ какомъ я положеніи...»

— Ну, такъ и я не поѣду, дитя. Что мнѣ тамъ безъ тебя дѣлать?—рѣшилъ Ворошиловъ.

Серафима усмѣхнулась.

— И вы еще не надоѣли другъ другу? — пробормотала она небрежно.—Вотъ-то скука!

Она зѣвнула. Въ передней раздался звонокъ. Серафима, не перемѣняя позы, устремила глаза на входную дверь. Въ дверяхъ появилась Ольга Сергѣевна. Маріанна и Сергѣй поспѣшили къ ней навстрѣчу. Она поцѣловалась съ ними и поклонилась Жоржику и Серафимѣ. Серафима уже сидѣла выпрямившись, тѣмъ не менѣе, Ольга Сергѣевна замѣтила, какъ она сидѣла до этого, и сдѣлала гримасу.

— Надѣюсь, ты не на минуту къ намъ?—спросила Маріанна.

— Нѣтъ, если никуда не собираетесь,—отвѣтила Ольга:— то я пробуду у васъ весь вечеръ.

— То-есть, Сережа собирался ѣхать, а я остаюсь дома,— отвѣтила Маріанна и обратилась къ мужу: — видишь, мнѣ даже не будетъ скучно.

— Да? Ты правду говоришь? Правду?—пристальъ онъ къ ней, заглядывая ей любовно въ глаза. — Я не поѣду, если не хочешь?

— Милый! Поѣзжай! — съ улыбкой отвѣтила она, цѣлуя его.

Серафима лѣниво встала и, зѣвая, проговорила:

— Если ѣхать, такъ пора!

Она, Жоржикъ и Ворошиловъ простились съ Ольгой и Маріанной.

— Куда они поѣхали? — спросила Ольга, оставшись вдвоемъ съ Маріанной.

— Не знаю, куда-то за городъ, въ Ливадію или въ Аркадію. Они меня звали, но мнѣ не по себѣ сегодня.

— Какое безуміе! Развѣ можно порядочной женщинѣ твоихъ лѣтъ, чуть не дѣвочкѣ, ѣздить туда!

Маріанна съ удивленіемъ взглянула на Ольгу Сергѣевну.

— Но вотъ сестра ѣздитъ,—сказала Маріанна.

Digitized by Google

— Это ея дѣло, она и старше тебя на десятокъ лѣтъ,— уклончиво отвѣтила Ольга Сергѣевна:—а ты не ѣзди.

— Развѣ это дурно?—спросила Маріанна.

— Эти удовольствія ничего порядочнаго не вносятъ въ душу. Кромѣ того, тамъ собирается всякій кутящій сбродъ. Приходится быть бокъ о бокъ Богъ вѣсть съ кѣмъ, видѣть скандалы.

— Но какъ же сестра ѣздитъ туда такъ часто?—проговорила Маріанна. — Она говоритъ, что она почти каждый день бываетъ тамъ.

— Окунулась въ эту жизнь, вотъ и все. Это затягивающая тина.

Ольга Сергѣевна сухимъ тономъ перемѣнила разговоръ и, увидавъ, что Маріанна принялась шить маленькій дѣтскій чепчикъ, коротко спросила:

— Ждешь?

Маріанна покраснѣла и тихо отвѣтила:

— Да!

Ольга Сергѣевна съ лаской взглянула на нее:

— Счастливица! Если бы я тебя не такъ любила, я тебѣ позавидовала бы.

— Да, это большое счастье!

— Еще бы! Будь у меня ребенокъ, мнѣ не пришлось бы изобрѣтать дѣятельности. А теперь волей-неволей придумываешь, что дѣлать, начинаешь играть въ благотворительность.

Она стала разсказывать о томъ, что она основала ясли и небольшой пріютъ. Это ее теперь сильно занимаетъ, такъ какъ дѣло идетъ успѣшно. Иначе ужъ было бы очень плохо— не сидѣть же вѣчно за книгами, за роялемъ, не убивать же время на одни выѣзды съ визитами, въ театры. Все это нагоняетъ только тоску и скуку. Въ душѣ остается сознаніе ненужности и пустоты жизни. Человѣку нужны серьезные интересы, нужно жить сердцемъ. Можетъ-быть, дѣятельность филантропки мелка, но все же хочется вѣрить, что сумѣешь что-нибудь сдѣлать для ближнихъ, услышать теплое слово благодарности, увидѣть выраженіе счастья на чужомъ лицѣ. Она оживилась, ея обыкновенно блѣдное лицо, съ нѣсколько строгимъ дѣланнымъ выраженіемъ, теперь разгорѣлось, когда она разъясняла, какъ она изучала свое дѣло за границей, какъ поставила здѣсь, какія надежды возлагаетъ она на него. Маріанна слушала ее съ любопытствомъ неопытной дѣвочки и думала о томъ, что до этой

Digitized by Google

минуты никто не говорилъ ей ничего подобнаго. Какъ же это сестра Сима никогда не жалуется на безцѣльность и скуку бездѣятельной жизни? Какъ она мирится съ этимъ верченьемъ въ бѣличьемъ колесѣ пустыхъ и безцѣльныхъ удовольствій, не дѣлая ничего, даже не читая книгъ?

— Такъ вонъ какъ ты смотришь на жизнь, — сказала она:—а моя сестра—та ни о чемъ не думаетъ, кромѣ легкихъ удовольствій.

По лицу Ольги скользнула легкая тѣнь неудовольствія, брезгливости.

— Различные характеры,—уклончиво сказала она.

— Я ея совсѣмъ не понимаю, — замѣтила Маріанна. — Странная она...

— Самое лучшее и не вдумываться въ это, — коротко отвѣтила Ольга Сергѣевна.

— Ты осуждаешь ее за что-нибудь? Ты знаешь про нее что-нибудь,—спросила Маріанна, взглянувъ на нее съ любопытствомъ ребенка, интересующагося секретами взрослыхъ.

— Оставимъ разговоръ о ней,—проговорила Ольга Сергѣевна.—Я тебѣ не могу сказать о ней почти ничего. Ее я мало знаю. Слышала о ней только отъ мужа, но ты знаешь, что я не уважаю этого человѣка и мало вѣрю ему. Скажу только одно: старайся сторониться отъ нея.

Она снова перемѣнила разговоръ, избѣгая всякихъ объясненій. Впервые Маріаннѣ пришлось провести съ нею съ глазу на глазъ нѣсколько часовъ. До этого дня она любила Ольгу Сергѣевну за то, что та ласкала ее съ перваго дня ихъ знакомства. Теперь она удивлялась этой женщинѣ, умѣющей владѣть собою, много пережившей, много передумавшей, много читавшей. Въ дѣтскомъ восторгѣ Маріанна, можетъ-быть, преувеличивая достоинства графини, между прочимъ, воскликнула:

— Господи, ты, Ольга, все знаешь, все читала!

— Надо же было пополнить чѣмъ-нибудь свой душевный міръ, — отвѣтила Ольга Сергѣевна. — Когда меня выдали замужъ, — я была почти такимъ же ребенкомъ, какъ ты, а черезъ три года я уже вполнѣ сформировалась въ женщину. Много нужно было для этого перенести разочарованій, обидъ, оскорбленій, даже...

Она сдвинула брови, перевела духъ и закончила:

— Онъ два раза чуть не избилъ меня.

— Господи, бѣдная моя!—воскликнула Маріанна, смотря на нее сквозь слезы.

Digitized by Google

— Это не худшее въ жизни женщины, Маріанна,—проговорила Ольга Сергѣевна. — Хуже всего знать, что мужъ не любитъ, и продолжать играть унизительную роль жены. Это хуже положенія падшей женщины. Это нужно испытать, чтобы понять это.

Она въ общихъ чертахъ передала Маріаннѣ свою исторію. Ее выдала замужъ мать, когда ей было семнадцать лѣтъ. Она никого еще не любила и вышла замужъ охотно, потому что женихъ былъ недуренъ собою, не глупъ, ухаживалъ за нею. Можетъ-быть, играло роль и маленькое дѣтское честолюбіе «мѣщаночки»: хотѣлось быть графиней. Съ первыхъ же дней она начала убѣждаться, что мужу нужны только ея деньги и деньги. Онъ былъ человѣкъ, по-своему, надменный и гордый, съ твердымъ характеромъ, съ жестокимъ сердцемъ, сдержанный, аккуратный и строгій на видъ. Онъ, не будучи увлекающимся и страстнымъ по натурѣ, втянулся, ради своего положенія въ свѣтѣ, ради своего титула, въ шумную свѣтскую жизнь, въ швырянье денегъ, въ развратъ безъ увлеченія и незамѣтно запутался въ долгахъ, сохраняя въ душѣ твердую увѣренность, что его титулъ и свѣтскія связи помогутъ ему выпутаться изъ стѣсненнаго положенія. Онъ не ошибся, и въ лицѣ Ольги Ворошиловой нашелъ богатую невѣсту.

— Къ несчастью или къ счастью, я была дочь своего отца и своей матери, съ коммерческой жилкой въ натурѣ, съ кулачествомъ въ крови, — съ горькой усмѣшкой прибавила она.—Я не была скупа, но уже съ дѣтства наслушалась того, что съ деньгами — мы все, безъ денегъ — мы ничто. Если бы не было этого, или если бы я страстно любила его, я бы сразу отдала ему все свое состояніе и только потомъ узнала бы, что онъ меня вовсе не любилъ никогда. Но я, слѣдуя совѣтамъ матери и какому-то инстинкту, не отдала ему всего, и онъ, въ минуту раздраженія и ссоры изъ-за денегъ, прямо раскрылъ передо мною свои карты и высказалъ, что не будь у меня денегъ—онъ никогда бы не женился на мнѣ. Онъ, графъ Нольтке, и какая-то Ворошилова—развѣ это пара? Это доставило мнѣ въ первый же годъ супружества много испытаній, но спасло меня отъ нищеты и заставило рано задуматься о страшной роли жены, которой прямо говорятъ, что ея не любятъ, и которую, надругаясь, заставляютъ, все-таки, быть женою.

Три года для нея продолжалась эта тяжелая жизнь, но она не пала духомъ: не имѣя дѣтей, не любимая мужемъ,

Digitized by Google

встрѣчая его грубости, она почувствовала пустоту жизни и стала стремиться наполнять ее хотя чѣмъ-нибудь. Чтеніе, музыка, развлеченія, все это не могло наполнить этой пустоты. Дочь практическихъ дѣятелей, она сама стремилась къ дѣятельной жизни. Она, наконецъ, принялась за благотворительность, выбравъ исключительно обязанность помогать бѣднымъ дѣтямъ. Въ послѣдніе годы ей живется гораздо легче, жизнь кажется наполненною, не пустою. Даже къ своему семейному положенію она относится равнодушнѣе. Формально она еще не развелась съ мужемъ, но онъ теперь дѣлается для нея просто чужимъ человѣкомъ, только живущимъ подъ одной кровлей съ нею, боящимся, что она его выгонитъ...

— Правда, теперь начинаются новыя испытанія, — замѣтила она. — Онъ изъ трусости прикидывается кающимся и старается казаться безумно влюбленнымъ въ меня... Онъ даже не понимаетъ, что въ этой роли онъ еще гаже въ моихъ глазахъ, чѣмъ въ роли деспота...

Было уже около двѣнадцати часовъ, когда уѣхала Ольга Сергѣевна. Молодая Ворошилова прошла въ спальню, раздѣлась при помощи горничной и легла, загасивъ свѣчу. Но ей не спалось. Горькая участь Ольги Сергѣевны заставила ее впервые серьезно призадуматься вообще объ участи женщинъ. Какое несчастіе обмануться въ мужѣ! Но почему Ольга съ такою ненавистью отнеслась къ разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ, куда поѣхалъ Серега? Почему она такъ презрительно говорила о Симѣ? Мысль о сестрѣ поглотила все вниманіе Маріанны. Дѣйствительно, Сима какъ-то странно себя держитъ. Всегда она была странною. Маріаннѣ вспомнилось далекое прошлое, ея дѣтство, жизнь въ родной семьѣ.

Это была странная жизнь.

Григорій Тарасовичъ и Дарья Никоновна Морденко жили въ большомъ казенномъ домѣ старинной постройки съ толстыми стѣнами, съ широкими лѣстницами, съ большими площадками, съ полутемными широкими и длинными коридорами. Все, и пролеты на лѣстницахъ, и площадки на лѣстницахъ, и толщина стѣнъ, говорило здѣсь о томъ времени столичной жизни, когда не выгадывали, какъ съэкономить въ мѣстѣ и въ деньгахъ при постройкѣ дома. Населеніе дома было очень многочисленно. Это былъ цѣлый городокъ, гдѣ всѣ перероднились, перекумились, знали всю подноготную каждаго изъ сосѣдей. Хорошо знала эту под-

Digitized by Google

ноготную Дарья Никоновна Морденко: она и занималась ролью свахи, и промышляла продажей старыхъ платьевъ, взятыхъ на комиссію у разныхъ фрейлинскихъ камеръ-юнгферъ, и обдѣлывала неизвѣстныя денежныя и сердечныя дѣла разныхъ юнцовъ, служившихъ въ министерствѣ. Высокая и коренастая, съ походкой вышколеннаго солдата, съ рѣчью видавшей виды маркитантки, съ нравственнымъ девизомъ «все изъ-за рубля и все ради рубля», она обдѣлывала свои дѣла бойко и смѣло, не стыдясь таскать огромные узлы съ продаваемымъ старымъ платьемъ и, поднимая чванно голову на крестинахъ и на свадьбахъ, нацѣпивъ на голову бѣлый чепецъ съ большими пестрыми бантами и распустивъ по плечамъ свою неизмѣнную шаль съ четырехцвѣтной, красной, желтой, синей и бѣлой серединой. Она была слишкомъ общественнымъ и общежительнымъ человѣкомъ, чтобы сидѣть дома, тѣмъ не менѣе дома ее всѣ боялись, начиная съ мужа и кончая деревенской служанкой: она, вспыльчивая и отходчивая, съ девизомъ «брань на вороту не виснетъ», налетала въ семью, какъ вихрь, поднимала цѣлую бурю и потомъ, охваченная коммерческими соображеніями, опять скрывалась по дѣламъ. Мужъ ея, Григорій Тарасовичъ, былъ маленькій, плюгавенькій человѣчекъ съ задатками сентиментальности и хитрости, лѣнивый по натурѣ, но вѣчно пришпориваемый женою: «ходи, обивай пороги, кланяйся!» Онъ докланялся отъ званія писца до чина коллежскаго асессора, отъ подвальной каѳуры до просторнаго жилища въ верхнемъ этажѣ министерства. Дѣтей было у Морденко двое: Серафима и потомъ Маріанна, родившаяся черезъ десять лѣтъ послѣ сестры. И Сима, и Маріанна родились въ большомъ домѣ. Симочка родилась дочерью писца въ подвалѣ этого дома и вышла замужъ дочерью коллежскаго асессора въ четвертомъ этажѣ этого дома, проживъ двадцать три года на глазахъ у всѣхъ сосѣдей. Ребенкомъ она узнала всѣ лѣстницы, всѣ коридоры, всѣ выходы и входы этого дома и пятилѣтней дѣвочкой съ важнымъ и серьзнымъ видомъ уже входила въ чужія квартиры и, съ любопытствомъ озираясь кругомъ, говорила:

— Я къ вамъ въ гости чай съ булочками пришла пить!

Всѣ ее цѣловали, хотя иногда и выпроваживали отъ себя, когда булочекъ не хватало и на свои рты. Сидѣть дома было скучно: отецъ вѣчно гнулъ спину въ должности или заунывно пѣлъ подъ гитару малороссійскія пѣсни у

Digitized by Google

пріятелей, мать бѣгала по прихожимъ, по людскимъ и по рынку по дѣламъ, кухарка уходила посудачить «про своихъ выжигъ» на чужія кухни. Поневолѣ дѣвочку манило вонъ изъ жилища на лѣстницу, на дворъ, на улицу. Какъ тамъ живутъ? что дѣлаютъ люди? Въ рѣдкіе же часы, когда вся семья сходилась вмѣстѣ, мать только и разсказывала, что о чужихъ дѣлахъ, объ улицѣ. Того-то заставили жениться; ту-то окрутили за старика; такой-то влопался въ исторіи съ дѣвочкой; такая-то догулялась до того, что теперь и косы не прикрыть. Серафима вслушивалась, вдумывалась, бѣжала къ людямъ подсмотрѣть, подслушать, какъ живутъ эти тотъ-то и та-то. Потомъ ее стали посылать въ пансіонъ, и бродить по сосѣдямъ приходилось рѣже. Тѣмъ не менѣе, она проводила цѣлые вечера въ коридорахъ, на лѣстницахъ, на площадкахъ лѣстницъ, прислушиваясь, подсматривая, карауля и накрывая людей въ ихъ интимныхъ продѣлкахъ. Болѣе всего она любила стоять на площадкѣ лѣстницы, смотрѣть черезъ перила внизъ, какъ сновали по этимъ лѣстницамъ живущіе въ домѣ и служащіе въ министерствѣ люди. Проходившіе, увидавъ ее, кричали:

— А, Сима!

И на ходу цѣловали ее, кто въ щеку, кто въ губы, кто въ шейку. Иногда ей давались гостинцы. Какъ-то разъ мать увидала, что какой-то писарекъ поцѣловалъ ея дочь-ребенка и сунулъ ей конфетку. Мать раскричалась на нее:

— Ты это что повѣсничаешь? Тебѣ двѣнадцать лѣтъ, вытянулась, какъ жердь, а съ писарями цѣлуешься. Соблюдать себя не умѣешь. Выдеру косу, тогда и узнаешь, какъ амурничать.

Съ этой поры уже никто не видалъ, чтобы Симу кто-нибудь цѣловалъ. Ее перестали считать ребенкомъ. Тѣмъ не менѣе, она продолжала еще упорнѣе смотрѣть въ пролетъ лѣстницы или, лѣтомъ, изъ окна своего жилища въ четвертомъ этажѣ. У нея было вѣчно одно желаніе — спуститься внизъ на улицу, на площадь, туда, гдѣ идетъ эта сутолока жизни, гдѣ ныряютъ люди, гдѣ идетъ какое-то иное существованіе, чѣмъ у нихъ въ квартирѣ. Разъ — это помнила хорошо Маріанна — Сима позвала ее, свою шестилѣтнюю сестру, и сказала ей:

— Сторожи, когда мать пойдетъ на дворъ. Какъ увидишь, такъ бѣги въ коридоръ за мной.

Маріанна осталась сторожить, увидала идущую на дворъ

Digitized by Google

мать и бросилась звать сестру. Она не успѣла подойти къ ней, какъ кто-то шмыгнулъ мимо нея, крикнувъ на ходу Симѣ:

— Не обмани же!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого въ квартирѣ Морденко была страшная буря. Мать во все горло кричала на Серафиму и даже пустила въ ходъ кулаки. Изо всѣхъ криковъ Маріанна помнила только отрывочныя фразы:

— Кого нашла? Мальчишку. Усовъ нѣтъ. Отецъ-то выгонитъ его, что будете дѣлать? По-міру ходить, что ли, будете? Да и нашему-то отцу въ шею накладутъ изъ-за твоего молокососа. Духу чтобы его не было.

Серафима упорно молчала, даже не вскрикнула отъ побоевъ. Она была только страшно блѣдна и смотрѣла сурово. Потомъ мать ее увезла куда-то погостить и недѣли черезъ двѣ Серафима вернулась домой похудѣвшею, блѣдною, точно послѣ болѣзни. Мать опять кричала:

— Попробуй у меня еще! Мать-то не всегда сумѣетъ все обдѣлать. Не все сходитъ, какъ съ гуся вода.

Потомъ помнила Маріанна, какъ иногда мать уходила на свадьбы, а Серафима съ лихорадочною поспѣшностью одѣвалась въ лучшіе наряды, тоже уходила изъ дому, наказавъ кухаркѣ и Маріаннѣ не говорить матери, что она уходила. Къ ночи она возвращалась домой, раздѣвалась и въ одной юбкѣ и кофтѣ, распустивъ роскошные волосы, присаживалась у окна, утомленная, задумчивая, съ устремленными въ одну точку глазами. Иногда въ эти минуты она нервно вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ, иногда начинала шумно смѣяться, очевидно, вспоминая что-то.

Затѣмъ Маріанну пристроили въ одинъ изъ институтовъ. Серафима почти не навѣщала ея. Мать во время посѣщеній института на вопросы Маріанны о сестрѣ съ неудовольствіемъ отвѣчала тономъ рыночной торговки короткой фразой:

— Ничего, что ей дѣлается, путается!

Но разъ пріѣхала Серафима въ институтъ утромъ въ пріемные часы и изумила сестру и смутила всѣхъ классныхъ дамъ своимъ нарядомъ. На ней было голубое платье, голубое съ лебяжьимъ пухомъ sortie de bal, голубой вѣеръ съ бѣлымъ же пухомъ. Когда она сбросила sortie de bal, всѣ увидали до-нельзя декольтированную фигуру молодой женщины, у которой не было даже рукавовъ, а были какія-то узенькія ленточки, связанныя бантами на плечахъ.

Digitized by Google

Посѣтительницы, а главнымъ образомъ посѣтители института, впились въ нее глазами, обратили въ ея сторону лорнеты и, казалось, мысленно разоблачали ее еще болѣе. Она торжествовала и сіяла отъ этого вниманія, обращеннаго на нее, не замѣчая даже того, что классныя весталки мечутся, какъ угорѣлыя, возмущенныя скандаломъ. Три года тому назадъ, мать пріѣхала въ институтъ и сообщила Маріаннѣ:

— Слава тебѣ Господи, Симка подцѣпила мужа. Ужъ и натерпѣлась я за нее страху. Думала, вѣкъ въ дѣвкахъ останется.

Мужъ Серафимы не пріѣзжалъ въ институтъ и съ нимъ познакомилась Маріанна только передъ выходомъ изъ института, на Рождествѣ и на Святой. Сестра взяла ее къ себѣ въ эти праздники, и здѣсь-то увидалъ ее Сергѣй Сергѣевичъ. Онъ влюбился въ нее сразу и, наперекоръ своей матери и графу Нольтке, женился на ней въ ту же весну. Съ перваго же раза Маріанну въ домѣ сестры поразило одно: Серафима третировала мужа, какъ лакея, а мать, какъ кухарку, приказывала имъ, командовала ими. Они безпрекословно повиновались ей, точно поджимали хвосты передъ нею. Несообщительной она была попрежнему, и что-то загадочное было во всемъ ея существѣ. Казалось, она иногда насмѣхалась надъ всѣмъ и всѣми, и ея глаза дѣлались холодно-злыми. Порой она впадала въ сладкое сонливое забытье, потягивалась, какъ кошка на мартовскомъ солнцѣ, безмолвно усмѣхаясь, и ея глаза заволакивались и подергивались какъ бы масломъ, щурясь и слипаясь...

Въ думахъ объ этой жизни Маріанна забылась сномъ. Было, должно-быть, около двухъ часовъ, когда она сквозь сонъ услышала, что кто-то прикоснулся губами къ ея лицу. Она полуоткрыла сонные глаза и увидала мужа.

— Разбудилъ? Спи, спи, дитя!—тихо шепнулъ онъ, еще разъ поцѣловавъ ее.

— Милый,—сквозь дремоту прошептала она и опять закрыла съ улыбкой глаза, счастливая, какъ ребенокъ.

IV.

По утру Сергѣй Сергѣевичъ разсказывалъ женѣ о вчерашнемъ вечерѣ и много смѣялся. Она смѣялась тоже, слушая его веселые разсказы. Онъ умѣлъ хорошо разсказывать все смѣшное, обезьянничая и передразнивая людей.

Digitized by Google

— Нѣтъ, ты должна хоть разъ съѣздить туда, — говорилъ онъ:—и всего-то осталось три представленія, а тамъ и конецъ.

— Почему же Оля говоритъ, что ѣздить туда неприлично?—спросила Маріанна.

— Это она отъ своего нѣмецкаго графа наслушалась,— пояснилъ Сергѣй. — Да и сама она пуританка! У нея все неприлично. А графъ ея только потому и не возилъ ее никуда, что у него вездѣ были шашни и интрижки. Ну, и надо было отстранить жену, натолковавъ ей, что и то, и это неприлично.

— Да, это ужасный человѣкъ, Оля мнѣ разсказала все,— откровенно замѣтила Маріанна.

— Ну, ужъ и ужасный! Самый обыкновенный смертный. Женился на деньгахъ, взялъ дѣвочку и думалъ, что она все отдастъ ему. Но коса нашла на камень. Ольга умна и расчетлива, не поддалась, ну, и пошли ссоры.

— Сережа, можно ли такъ равнодушно толковать объ этомъ!—воскликнула Маріанна съ упрекомъ.

— А можно ли жить на свѣтѣ, если ставить каждое лыко въ строку? — сказалъ Сергѣй Сергѣевичъ. — Ахъ, ты ребенокъ мой неопытный! Въ жизни со всѣмъ надо примиряться. Грязь, такъ грязь, сволочь, такъ сволочь. Всѣхъ не переучишь, не передѣлаешь.

Онъ поцѣловалъ ее и заторопился въ должность.

— А сегодня, значитъ, ѣдемъ!—сказалъ онъ, прощаясь.

— Хорошо, я поѣду, если ты говоришь, что это ничего...

Вечеромъ опять заѣхали Жоржикъ и Серафима, и вмѣстѣ съ Ворошиловыми поѣхали въ Аркадію. Маріанна, сама ее зная отчего, немного трусила, вступая въ садъ Аркадіи, и жалась къ мужу, точно боясь людей. Въ то же время пестрая иллюминація, масса народа, звуки военной музыки, все занимало ее новизною, хотя ей и было жутко среди этого громко разговаривавшаго, особенно оживленнаго, безцеремонно толкавшагося народа. Въ театрѣ они помѣстились вчетверомъ въ ложѣ, и тотчасъ же къ нимъ начали подходить разные молодые люди. Одни останавливались у ложи снаружи, другіе входили въ ложу. Кругомъ все шумѣло и двигалось, какъ въ ульѣ. Серафима держала себя здѣсь развязно, какъ дома; она то склонялась черезъ барьеръ ложи, бесѣдуя съ молодыми людьми, то, откидываясь на спинку стула и черезъ плечо, говорила съ посѣтителями. Эти господа разсказывали ей какія-то закулис-

Digitized by Google

ныя исторіи, и она съ жаднымъ любопытствомъ выспрашивала подробности. Когда поднялся занавѣсъ, Серафима откинулась назадъ и стала смотрѣть на сцену съ разсѣяннымъ видомъ. Когда же на сцену вышелъ молодой теноръ, она быстро подняла бинокль и съ улыбкой стала разсматривать красиваго пѣвца. Маріаннѣ показалось, что онъ глядитъ именно на ихъ ложу, она обернулась въ сторону сестры и уловила на ея лицѣ какую-то особенную улыбку, точно отвѣчавшую на взглядъ пѣвца.

— Что залюбовалась? — раздался тихій вопросъ Сергѣя Сергѣевича.

Серафима опустила бинокль, обернулась къ Ворошилову и замѣтила:

— Онъ сегодня особенно хорошъ въ костюмѣ рыбака.

— То-есть, почти совсѣмъ безъ костюма,—съ усмѣшкой сказалъ Ворошиловъ:—грудь, руки, все открыто.

— Да, но на ногахъ же у него трико,—сказала Серафима.

— Еще бы и безъ трико захотѣла!

Она усмѣхнулась.

— Вотъ это мужчина!

Когда кончилось первое дѣйствіе, Ворошиловъ спросилъ жену, понравилось ли оно ей.

— Да, но я несовсѣмъ поняла содержаніе. Путаница какая-то.

— Содержаніе!—сказала съ усмѣшкой Серафима.—На что тутъ содержаніе? Развѣ сюда для этого ѣздятъ?

— А для чего же?—спросила Маріанна.

Серафима взглянула на нее пренебрежительно и насмѣшливо и отвѣтила неопредѣленно:

— Мало ли для чего!

Они вышли въ садъ и сѣли. Какой-то молодой человѣкъ подошелъ къ нимъ и перекинулся нѣсколькими словами съ Жоржикомъ. Серафима стала концами полусапожекъ захватывать сзади подолъ пальто мужа и тянуть его внизъ, такъ что Жоржикъ невольно присѣдалъ; она смѣялась, довольная своей выдумкой. Маріанна тихо замѣтила ей:

— Полно! на насъ смотрятъ!

— Ну, и пускай смотрятъ!—отвѣтила Серафима.—Это меня смѣшитъ!

Наконецъ, Жоржикъ обернулся къ женѣ и что-то сказалъ ей. Она встала и пошла съ нимъ и съ молодымъ человѣкомъ.

— А ты не освѣжишься!—крикнулъ Жоржикъ Ворошилову, поворачивая на ходу къ нему голову.

Digitized by Google

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Сергѣй Сергѣевичъ.

Онъ остался вдвоемъ съ женой. Въ темныхъ аллеяхъ уже уединились парочки, вездѣ хихикали и шептались. Цыганки съ старообразными физіономіями, съ хищническимъ выраженіемъ на лицахъ, въ кружевныхъ косынкахъ на головахъ, какъ ищейки, бродили по саду и ожидали приглашеній, смотря на публику, какъ коршуны на добычу. Кое-гдѣ слышались взвизгиванія, отдѣльныя фразы: «Ахъ, вы совсѣмъ наоборотъ понимаете!» «Что ужинать, — лучше просто выпить!» «Вотъ звонарь!» «Кукарекнемъ съ горя еще по скляночкѣ!» У открытой сцены тѣснился народъ, слушая двусмысленныя шансонетки и глупыя передразниванія жидовъ, громко смѣясь и шумно аплодируя пошлостямъ. Наконецъ, раздался звонокъ. Всѣ спѣшили въ театръ. Ворошиловы вошли туда же. Серафимы и Жоржика тамъ не было. Они явились послѣ поднятія занавѣса. У Серафимы былъ въ рукахъ букетъ цвѣтовъ.

— Какой прекрасный букетъ,—шепнула Маріанна и наклонилась, чтобы понюхать цвѣты.

— Дубасовъ поднесъ, — отвѣтила Серафима, и отъ нея пахнуло шампанскимъ.

— Развѣ онъ въ Петербургѣ,—спросилъ Ворошиловъ.

— Вчера пріѣхалъ! — отвѣтила она и съ иронической усмѣшкой прибавила:—И все такой же дуракъ.

На сцену вышелъ опять теноръ. Серафима теперь смотрѣла на него безъ бинокля и, забывшись въ сладкихъ мечтахъ, стала чуть слышно подпѣвать его аріи. Въ сосѣдней ложѣ глаза всѣхъ обратились въ ея сторону. Маріанна вспыхнула до ушей и шепнула ей:

— Перестань, на тебя смотрятъ!

Серафима удивленно взглянула на нее и небрежно отвѣтила:

— А мнѣ-то что?

И, обернувшись, нагло смѣрила глазами своихъ сосѣдей. Потомъ отвернулась отъ нихъ и засмѣялась.

— Дураки, серьезно слѣдятъ за этой ерундой! — почти вслухъ проговорила она.

Она черезъ плечо обернулась къ Ворошилову.

— Зачѣмъ ѣздятъ, если не понимаютъ, что здѣсь тогда только и весело, когда ни на кого не обращаешь вниманія, ничѣмъ не стѣсняешься. Это не итальянская, не русская опера, а увеселительное заведеніе.

На нее уже обратило вниманіе нѣсколько человѣкъ изъ партера и Маріанна сидѣла, какъ на иголкахъ. Ей казалось,

Digitized by Google

что сейчасъ произойдетъ какой-то скандалъ. Ей было досадно, что она пріѣхала сюда. Но вниманіе публики было отвлечено отъ Серафимы шумной компаніей, вошедшей въ противоположную ложу. Впереди молодежи вошла туда сильно подкрашенная, но всѣ еще прекрасная и стройная женщина въ нарядѣ послѣдней моды. Она съ шумомъ опустилась на стулъ и продолжала довольно громко говорить съ сопровождавшею ее молодежью.

— Камилка! — сказала Серафима, направляя на нее бинокль.

Вниманіе всѣхъ зрителей было поглощено теперь этой особой.

— А и постарѣла же она, — говорила Серафима, и ея лицо оживилось. — Подбородокъ и щеки обрюзгли. И для чего волосы перекрасила. Это ей не къ лицу быть рыжей. А одѣта все попрежнему съ шикомъ. Отъ Ворта все, вѣроятно. Кого теперь разоритъ?

Второй актъ, между тѣмъ, кончился. Маріанна обрадовалась. Ей было какъ-то жутко и стыдно.

— А мы, кажется, третьяго акта не дождемся. Дубасовъ зоветъ ужинать,—суетливо заговорилъ Жоржикъ.—Не хочетъ ждать конца.

Маріанна обратилась къ мужу вопросительнымъ взглядомъ. Онъ понялъ ее и сказалъ:

— Мы тоже уѣдемъ. Ты, дитя, я думаю, устала.

— Да, немного,—отвѣтила Маріанна.

Они простились съ Ивановыми и направились къ выходу вдвоемъ, рука объ руку, молча.

Когда они сѣли въ экипажъ, Сергѣй Сергѣевичъ заговорилъ первый:

— Ты недовольна? Точно, Сима сегодня ужасно держала себя.

Маріанна подняла голову и взглянула на мужа грустными глазами.

— Сережа,—начала она нерѣшительно.—Вчера Оля отозвалась о Серафимѣ такъ, что мнѣ стало обидно... сегодня...

Она перевела духъ и спросила:

— Почему она такъ вела себя въ театрѣ?

— Легкомысленная бабенка, вотъ и все, — уклончиво отвѣтилъ Ворошиловъ.

— Что же Жоржикъ не скажетъ ей, что это неприлично?

— Жоржикъ? — почти съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй Сергѣевичъ и пожалъ плечами: — какое же право имѣетъ

Digitized by Google

онъ въ чемъ-нибудь останавливать ее? Мужъ—ширма! Онъ зналъ, на что онъ идетъ, когда женился.

Маріанна ничего не поняла, но тѣмъ не менѣе чутьемъ угадала, что мужъ не договариваетъ чего-то, и это что-то показалось ей возмутительнымъ. Она подавленнымъ голосомъ спросила мужа:

— Сережа, она очень дурная женщина?

— Ну, вотъ еще! Просто свихнулась еще до замужества. Нужно было какъ-нибудь поправить дѣло. Ея Дубасовъ или, вѣрнѣе, отецъ ея Дубасова и нашелъ Жоржика.

Маріанна широко открыла глаза: Серафима свихнулась до замужества? Дубасовъ нашелъ Жоржика? Ничего она не понимала. Ни о чемъ подобномъ она не слыхала въ стѣнахъ института. Но ей хотѣлось все знать, все выяснить. Вѣдь Серафима ей сестра. Жоржикъ мужъ Серафимы. Какъ же ей не знать, что за люди ея родные. Въ то же время ей было мучительно стыдно слышать о нихъ дурное, позорное.

Они доѣхали до дому, поднялись по лѣстницѣ.

— Чаю прикажете?—спросила горничная, открывъ предъ ними двери и пропуская ихъ въ переднюю.

— Да, да, я немного озябла, — сказала Маріанна и вздрогнула.—Какъ хорошо, что у насъ такъ тепло.

— Да, дитя, — отозвался Сергѣй Сергѣевичъ. — Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

Онъ обнялъ и поцѣловалъ ее.

За чаемъ опять заговорили о Серафимѣ. Ворошиловъ опять назвалъ Жоржика ширмой.

— Сережа, что ты говоришь?—воскликнула Маріанна.—Это что-то возмутительное. Нѣтъ, этого не можетъ быть!

— Дитя, чего ты волнуешься? Мало ли что бываетъ на свѣтѣ!—ласково проговорилъ Ворошиловъ.—Нельзя же, повторяю тебѣ, въ жизни всякое лыко въ строку ставить. Каждый живетъ такъ, какъ можетъ и какъ хочетъ.

— Ахъ, не говори такъ! Я не хочу, чтобы ты такъ говорилъ!—воскликнула она горячо, почти строптиво.—Они дурные люди, и мнѣ больно, что они мои родные; мнѣ стыдно, что мои родные такіе. Теперь я понимаю, почему твоя мать не хотѣла, чтобы ты вступилъ въ нашу семью...

— Ну, мать сама иногда легкомысленничаетъ, недаромъ при себѣ своего Адольфа секретаремъ держитъ. Конечно, на эти вещи нельзя смотрѣть такъ, какъ ты смотришь или какъ смотритъ Ольга. У той тоже все великіе вопросы и строгія осужденія.

Digitized by Google

Она съ удивленіемъ, словно съ испугомъ, взглянула на мужа.

— А ты? Тебѣ все равно, что дѣлается вокругъ тебя?

— Да вѣдь я же не отвѣчаю за другихъ? Я не Адольфъ, я не Жоржикъ—и слава Богу. Они же сами отвѣтятъ за себя. Люди не боги. Одинъ здѣсь, другой тамъ оступился, у кого нога кривая, у кого глазъ косой. Только Богъ безъ грѣха, а мы... «Мы всѣ невинны отъ рожденья...»

— Нѣтъ, нѣтъ, не шути такими вещами!—перебила она его страстно, возмущаясь.—Мнѣ вотъ теперь стыдно будетъ смотрѣть на Симу, а ты...

И, перемѣнивъ тонъ, она сказала:

— Ты знаешь, конечно, всѣ подробности? Да? Разскажи мнѣ все. Я хочу знать правду, всю правду!

Онъ попробовалъ отговориться.

— Да на что тебѣ знать? Пустяки все. Ничего особеннаго.

— Какъ: на что? Она моя сестра! Мнѣ надо все знать, весь этотъ позоръ. Лучше ужъ разомъ все узнать, отъ тебя узнать, чѣмъ потомъ отъ чужихъ, отъ посторонніихъ.

Онъ покачалъ головой.

— Ахъ, ты горячая моя головка! Ну, хорошо, я тебѣ разскажу все, хотя и разсказывать-то нечего; повторяю, ничего нѣтъ особеннаго. Обыкновенная исторія изъ самыхъ скучныхъ. Въ сущности, житейская слякоть.

То, что казалось ему обыкновеннымъ, ей показалось чудовищнымъ, непонятнымъ.

Серафима еще дѣвушкой сбилась съ пути. Виновникомъ былъ юноша Дубасовъ, еще учившійся въ аристократическомъ частномъ пансіонѣ. Отецъ Дубасова былъ важнымъ сановникомъ и жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ росла Сима. Молодой Дубасовъ еще мальчикомъ встрѣчался съ нею въ коридорахъ, на лѣстницахъ, видалъ ее въ окнѣ, когда она смотрѣла сверху на сутолоку улицы. Сперва онъ шалилъ, заигрывалъ съ нею, потомъ дѣло приняло серьезный оборотъ, когда онъ подросъ и сталъ покучивать. Дубасовъ даже, въ порывѣ увлеченія, хотѣлъ на ней жениться по окончаніи курса ученія. Но отецъ отправилъ его надолго за границу, и въ это время прінскали Жоржика. Жоржикъ зналъ всю исторію и женился, сознавая, что это выгодно. Жоржикъ хотя и легкомысленъ по виду, но онъ расчетливъ. Молодой Дубасовъ самъ быстро сдѣлалъ карьеру, и Жоржика тянетъ за уши. Правда, Симочка не вполнѣ осталась вѣрна своей первой любви. Кажется, она легкомысленничаетъ. Но не-

Digitized by Google

льзя же на нее сердиться особенно за это. Темпераментъ такой. Одалиска по натурѣ. Все это Сергѣй Сергѣевичъ разсказывалъ такъ небрежно, такъ мимоходомъ, какъ будто рѣчь шла о самыхъ простыхъ явленіяхъ. Онъ даже не замѣтилъ, что на лицѣ Маріанны то разливалась блѣдность, то оно вспыхивало краской стыда.

— Да какъ же мама-то?—почти стономъ вырвалось изъ ея груди.

— Ну, не станемъ говорить о твоей матери, — коротко сказалъ Сергѣй Сергѣевичъ.

Она взглянула на него, поняла, что если начать говорить о матери, то она узнаетъ еще худшее.

Она упавшимъ голосомъ спросила:

— И твои мать и сестра все это знали?

— Мать—едва ли; Ольга знала все отъ мужа; онъ знаетъ Жоржика, какъ вся наша компанія. Онъ даже вздумалъ передъ нашей свадьбой вмѣшаться въ мое дѣло, ну, да я не очень-то это люблю.

Она молчала. Тысячи думъ, мучительныхъ, болѣзненныхъ, роились въ ея головѣ. Ужъ не потому ли ей не дали курса кончить, чтобы не упустить изъ рукъ выгоднаго жениха? Можетъ-быть, если бы упустили еще мѣсяцъ,— ей никогда не быть бы женою Сережи. Совершенно неожиданно она схватила руку мужа и припала къ ней губами.

— И ты все-таки женился на мнѣ! — въ слезахъ воскликнула она.

Онъ растерялся и испугался, и ничего не понялъ.

— Да вѣдь ты мнѣ нравилась, влюбленъ я былъ, — началъ онъ и сталъ ее уговаривать: — Полно, полно, дитя, о чемъ это ты? Я, право, не понимаю!

— Такая позорная родня,—шептала она.—Мнѣ теперь самой стыдно глядѣть на людей, на твою мать, на Ольгу, на ея мужа, на твоихъ родныхъ и знакомыхъ.

Онъ опять обнялъ ее, уже смѣясь неудержимымъ смѣхомъ легкомысленнаго мальчугана.

— Мать! Графъ? знакомые и родные! Ха-ха-ха! Нашла передъ кѣмъ стѣсняться! Да они, можетъ-быть, еще хуже! Въ раю они живутъ, что ли? Развѣ они безплотные ангелы, а не люди?

И, шутя, онъ началъ объяснять ей, что это за люди, какъ они живутъ, какъ поступаютъ. Для него это былъ рядъ смѣшныхъ анекдотовъ, воспоминаній о комическихъ сценахъ, о критическихъ положеніяхъ въ жизни тѣхъ или

Digitized by Google

другихъ лицъ. Безъ смѣха объ этомъ было трудно говорить. Она не смѣялась и слушала мужа съ широко открытыми, по-дѣтски удивленными глазами. Наконецъ, она проговорила:

— Не смѣйся, Сережа! Это вѣдь позорно, гадко!

— Смѣшно, дитя, смѣшно и только!—сказалъ онъ.—Нельзя же требовать, чтобы люди были безгрѣшными ангелами. Этого можетъ требовать только Ольга, нѣсколько педантичная и сухая отъ природы, да развѣ еще ты, моя наивная институтка.

Ей показалось, что онъ подшучиваетъ надъ ней, и она почти со страхомъ спросила:

— Ты этимъ не доволенъ, что я такая?

— О, нѣтъ, нѣтъ!—горячо воскликнулъ онъ.—Я именно о такой женѣ и мечталъ, только такую дѣвушку и могъ полюбить, наивную, чистую, ничего не испытавшую. Какая же любовь, если не боготворишь, не уважаешь женщину? Съ такими играютъ въ любовь, но не любятъ ихъ.

И, нѣжно обнявъ ее, онъ добавилъ:

— Но все же, дитя, не надо дѣлать изъ всего этого ни драмъ, ни трагедій, какъ дѣлаетъ Ольга. Все это человѣческая комедія и только комедія. На нее надо смотрѣть и смѣяться.

Она молча слушала его, чувствуя съ горечью, что у нея нѣтъ силъ смѣяться теперь. Онъ заглянулъ въ ея большіе сѣрые глаза, въ которыхъ стояли слезы.

— Вотъ я осушу эти глазки! Это мои глазки? Да?

— Да, да, твои, милый, — разсѣянно отвѣтила она, въ страхѣ прижимаясь къ нему.—Мы вѣдь никогда не будемъ такими, какъ они?

— Что за мысль? Конечно, нѣтъ!

V.

— А я къ тебѣ погостить!

Съ этой фразой въ одинъ изъ осеннихъ дней вошла въ комнату Маріанны Дарья Никоновна. Маріанна, сидѣвшая за работой и безпечно напѣвавшая что-то, чуть не вскрикнула отъ испуга, такъ какъ она не слышала ни звонка въ передней, ни шаговъ матери.

— Испугалась, не слыхала, какъ вы звонили,—въ замѣшательствѣ объяснила Маріанна, здороваясь съ матерью.

— Да я и не звонила вовсе, — отвѣчала та, цѣлуясь съ дочерью.—Чего трезвонъ поднимать. Черезъ кухню прошла. Не важная барыня... А и раскормили же вы свою Аку-

Digitized by Google

лину. Точно опара, разлѣзлась во всѣ стороны. Воруетъ, должно-быть, за тронхъ.

— Нѣтъ, Акулина прекрасная женщина, — сказала Маріанна.

— Всѣ онѣ прекрасныя, пока спятъ,—проговорила Дарья Никоновна и присѣла противъ дочери, бросивъ на стулъ старомодную шляпу съ пестрыми бантами. — А я съ Симкой сегодня разругалась не на животъ, а на смерть. Вотъ бѣсъ-то! Придралась и пошла, и пошла, зубъ за зубъ... Давно она меня сплавить хотѣла. Мѣшаю.

Она быстро заговорила о Серафимѣ и Жоржикѣ, жалуясь на нихъ и описывая ихъ домашній бытъ. Кутятъ они и ведутъ безалаберную жизнь. Въ сущности, добываютъ много, но все уходитъ на тряпки, на обстановку, а копить не умѣютъ. Думаютъ, что всегда такъ будетъ, а того не соображаютъ, что могутъ придти и черные дни. Не для тряпокъ и не для обстановки надо наживать деньги, а чтобы копейка была на черный день. Черный день не за горами, а за плечами стоитъ. Его бояться нужно. Безъ денегъ человѣкъ останется — ложись и умирай. Люди подлецы; покуда есть деньги, до той поры они и хвостами передъ тобой виляютъ...

Она говорила быстро, сильно жестикулируя, съ бойкостью рыночной торговки, привыкшей «лаяться» зубъ за зубъ съ людьми. Ея массивная, опустившаяся фигура, ея широкое, обрюзгшее лицо, ея пестрый, но неряшливый нарядъ,—все было вульгарно.

— А что твоему-то благовѣрному мать помогаетъ?— спросила неожиданно она, перемѣняя тонъ.

— Нѣтъ, мы не нуждаемся ни въ чьей помощи,—отвѣтила Маріанна.—На скромную жизнь и своихъ денегъ хватитъ у Сережи.

— Кто въ деньгахъ не нуждается!—воскликнула Дарья Никоновна.—Штиглицу дай, и тотъ отъ денегъ не откажется. Скажи просто, что жидоморка мать-то твоего Сергѣя Сергѣевича — это такъ. Дрожитъ надъ своими капиталами. Мужа на смертномъ одрѣ подбила все ей оставить. Дѣтей ограбила. Сквалыга! Торговка торговкой всегда и останется, въ какіе шелки ее ни одѣнь, изъ-за гроша задавится. А Ольга Сергѣевна, графиня-то, все, поди, отъ бездѣлья со своимъ пріютомъ возится?

— Да, она очень дѣятельно заботится о пріютѣ.

— Съ жиру бѣсится, отъ бездѣлья! Охъ, ужъ эти барыни. Поработали бы, какъ наша сестра, въ потѣ лица—никакихъ

Digitized by Google

такихъ пріютовъ не стали бы заводить. И какъ посмотрѣла я на нее—не диво, что и мужъ бросилъ: никакого форса нѣтъ, держится, какъ истуканъ, ровно лимоновъ наглоталась...

И, опять перемѣняя тему, она стала разсказывать, какія дѣла она дѣлаетъ теперь: свадьбу одной купчихи устраиваетъ.

— Подмоченный товаръ-то, ну, и надо сплихнуть его съ рукъ. Хорошія деньги обѣщали, коли оболтаю дѣвчонку съ кѣмъ ни на есть. Люди вѣрные, даромъ что изъ сермяжниковъ. Что обѣщали, то и дадутъ. Вотъ люди—такъ люди...

Она стала распространятся объ этихъ сермяжникахъ и воодушевилась, разсказывая, какъ нажился отецъ невѣсты: простой половой былъ въ трактирѣ, а сумѣлъ выбиться на дорогу, «чаями» насбиралъ, на проценты молодежи деньги давалъ, теперь собственные свои трактиры имѣетъ, купцомъ числится, недавно орденъ получилъ. Пожертвовалъ деньги на пріютъ и получилъ за это орденъ. Кажется, на что бы ему этотъ орденъ, а ужъ какъ хлопоталъ, какъ хлопоталъ о немъ, просто изъ кожи лѣзъ, спалъ и во снѣ видѣлъ этотъ самый орденъ. Медали имѣетъ, такъ нѣтъ, мало, подавай орденъ. Амбиція все. Нѣтъ человѣка, у котораго не было бы своей амбиціи.

Она разсказывала это, захлебываясь отъ удивленія, попрежнему скороговоркой, вульгарно, пошловатымъ тономъ, размахивая руками. Въ ея крупной фигурѣ, въ ея энергичныхъ движеніяхъ, въ ея рѣзкихъ фразахъ было теперь нѣчто солдатское, грубое, властное. Это была расходившаяся петербургская писарша съ головы до пятокъ. Маріанна совсѣмъ присмирѣла, какъ бы съежилась передъ нею. Въ институтѣ она отвыкла отъ всего этого.

Мужъ-то въ которомъ часу приходитъ изъ должности?—спросила Дарья Никоновна, кончивъ разсказъ о восхищавшихъ ее «сермяжникахъ».

— Въ четыре,—отвѣтила Маріанна тихо.

— Сейчасъ и обѣдаете?

— Да.

Дарья Никоновна взглянула на столовые часы.

— Теперь половина четвертаго. Обѣдъ-то готовъ?

— Вѣроятно.

— Такъ что-жъ ты не заглянешь въ кухню?

— Люди знаютъ, когда должно быть все готово.

— А все же самой надо заглянуть. Свой глазъ вездѣ нуженъ. Не хозяйка ты, какъ я вижу. Многому тебя учить

Digitized by Google

еще надо. Охъ, ужъ этотъ институтъ! Ничему-то васъ тамъ не научили!..

Она встала и пошла въ кухню.

Маріанна почувствовала, что мать отнынѣ будетъ вмѣшиваться во все. Хорошо еще, что она пріѣхала только погостить, а не жить. Съ ней жить не сладко. Маріанна помнила, какія бури поднимала Дарья Никоновна въ былыя времена дома. Неужели и здѣсь будетъ то же? Вотъ она говоритъ, что разругалась съ Симой. Здѣсь тоже, пожалуй, разругается. Только бы не при Сережѣ. Онъ не любитъ никакихъ дрязгъ и говоритъ о нихъ съ брезгливостью. Непріятно ему будетъ, что ея мать пришла къ нимъ гостить.

Въ четыре часа вернулся изъ должности Сергѣй Сергѣевичъ и, увидавъ Дарью Никоновну, шутливо, немного насмѣшливо поздоровался съ ней:

— А, мамахенъ, добро пожаловать!

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой мой, — униженнымъ тономъ заговорила она. — Соскучилась по васъ, по Маріаннѣ, вотъ погостить къ вамъ собралась, голубки мои бѣлые!

— Что-жъ, милости просимъ,— сказалъ онъ, не обращая особеннаго вниманія не нее, и, поцѣловавъ жену, заговорилъ о разныхъ новостяхъ дня.

Визитъ Дарьи Никоновны и ея желаніе погостить у Ворошиловыхъ не произвели никакого особеннаго впечатлѣнія на Сергѣя Сергѣевича. Ему было совершенно все равно, день или два останется у нихъ въ квартирѣ мать его жены: онъ не придавалъ этому никакого значенія. Эта женщина была для него совершенно чужой, не интересовавшей его личностью. Маріанна замѣтила, что онъ не сдѣлалъ даже гримасы, услышавъ, что ея мать будетъ гостить у нихъ, и подумала: «Господи, какой онъ добрый. Мнѣ вотъ непріятно, что мама поселяется у насъ, а онъ смотритъ на это такъ добродушно. Его это не стѣсняетъ»...

Обѣдъ кончился, когда къ Ворошиловымъ заѣхала Ольга Сергѣевна, навѣдывавшаяся теперь все чаще и чаще въ домъ брата. Дарья Никоновна какъ-то незамѣтно исчезла при ея появленіи изъ столовой. Ольга Сергѣевна просидѣла съ часъ и уѣхала. Уѣхалъ и Сергѣй Сергѣевичъ куда-то по дѣлу. Тогда неожиданно появилась мать.

— Ну, что, зачѣмъ пріѣзжала графиня-то? — спросила она у дочери, съ любопытствомъ ожидая отвѣта.

Маріанна удивленно взглянула на нее, точно спрашивая,

Digitized by Google

откуда внезапно появилась мать: только теперь она вспомнила, что мать гостить у нея и что при пріѣздѣ Ольги Сергѣевны она куда-то неожиданно исчезла. Не отвѣчая на ея вопросъ, она спросила:

— Да гдѣ же вы были все это время?

— А я у Саши въ комнатѣ сидѣла! — отвѣтила Дарья Никоновна.

— У Саши? — въ недоумѣніи спросила Ворошилова. — Зачѣмъ это?

— Ну, вотъ еще! Чего я буду мозолить глаза вашимъ сіятельнымъ гостямъ? Я свое мѣсто знаю. Нечего мнѣ лѣзть на глаза вашимъ графинямъ. Мы люди простые, съ князьями, да съ графьями намъ не якшаться. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

Маріанна немного нахмурилась.

— Да, но и у прислуги, и у горничной въ комнатѣ сидѣть вамъ не приходится,—серьезно замѣтила она.—Вы моя мать.

— Да я осмотрѣла у васъ всѣ комнаты—негдѣ пріютиться, а у горничной твоей просторно. Барышней тоже держите холопку...

Только тутъ вспомнила Маріанна, что надо отвести помѣщеніе для матери. До этой минуты ей это и въ голову не приходило, а между тѣмъ объ этомъ надо было подумать. Гдѣ-нибудь должна же помѣститься старуха. Но гдѣ?

— Надо будетъ освободить для васъ какую-нибудь комнату, — озабоченно сказала Ворошилова. — Нельзя ли убрать шкапы изъ гардеробной.

— А ты бы комнату Саши очистила для меня, а ее въ ванной можно пристроить. Не важная птица!

— Ну, нѣтъ, какъ же можно у нея отнимать помѣщеніе!—воскликнула Маріанна.—За что же ее обижать? Гардеробная просторна, и въ ней вамъ будетъ хорошо, если убрать шкапы въ коридоръ и въ ванную комнату.

— Что-жъ, дѣлай, какъ знаешь! А только прислугу не слѣдъ баловать. Зазнается, на шею сядетъ...

Началась перестановка мебели при помощи дворниковъ. Въ душѣ Маріанны, когда началась эта возня, поднялось странное чувство тревоги, смутнаго недовольства, непонятной боязни передъ чѣмъ-то. Ей казалось помимо воли, что уже теперь у нихъ будетъ не по-старому, что въ ихъ жизни будетъ что-то новое, что нарушитъ прежній порядокъ ихъ жизни. Ей смутно казалось, что ихъ гнѣздышко ломается, передѣлывается, разоряется. Ее, когда мебель передвинули,

Digitized by Google

стало безпокоить даже то, что гардеробная находится подлѣ спальни, гдѣ спали она и ея мужъ. Рѣшившись помѣстить мать въ гардеробной, она не сообразила сразу этого обстоятельства, а теперь оно безпокоило ее: мать будетъ слышать все, что они говорятъ вдвоемъ, станетъ подслушивать. О, она, Маріанна, хорошо помнила привычки Дарьи Никоновны! Она въ то же время мысленно упрекала себя за эгоизмъ, за недостатокъ любви къ матери; Сережа вотъ добродушно отнесся къ пріѣзду матери, а она волнуется, безпокоиться, боится чего-то. Еще нѣтъ никакой бѣды, а она уже волнуется и чуть не плачетъ. О чемъ? О томъ, что въ ихъ квартирѣ прогоститъ двѣ-три недѣли ея мать? Ну да, объ этомъ, потому что третье лицо будетъ мѣшать полнотѣ ихъ счастья. Ей самой стало странно, какъ она любитъ Сережу: быть съ нимъ вдвоемъ — вотъ все, чего она желаетъ. Каждое постороннее существо, даже мать, тяготитъ ее, какъ бы мѣшаетъ ей быть съ Сережей, точно отдаляетъ его отъ нея. Немного успокоившись, она улыбнулась, подумавъ: «Нельзя же на необитаемомъ островѣ жить!»

Вечеромъ за чаемъ возвратившійся Сергѣй Сергѣевичъ спросилъ у жены:

— Дарья Никоновна развѣ уже ушла?

Маріанна растерялась и покраснѣла:

— Я, Сережа, и забыла о ней! — пробормотала она и позвала горничную.—Саша, скажите мамѣ, что чай поданъ.

Горничная замялась и отвѣтила:

— Онѣ-съ легли спать!

— Какъ же такъ, безъ чаю? — сказалъ Ворошиловъ и обратился къ женѣ. — Она, вѣрно, привыкла раньше пить чай. Ты распорядись, чтобы давали ей чай раньше, когда она привыкла пить его.

Горничная опять въ смущеніи замѣтила:

— Онѣ сказали, что не пьютъ по вечерамъ чаю.

— Какъ не пьютъ?— спросилъ Сергѣй Сергѣевичъ.

— Имъ, говорили онѣ, пиво докторъ приказалъ пить для здоровья,—пояснила горничная.

Маріанна вспыхнула до ушей. Ей показалось, что по лицу Саши скользнула лукавая усмѣшка.

— Пиво?—спросилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—Ну, такъ надо распорядиться...

— Онѣ-съ посылали за пивомъ,—сказала горничная.

— Хорошо, идите,—прошептала растерянно Маріанна и, когда горничная ушла, обратилась къ мужу жалующимся

Digitized by Google

тономъ:— Ахъ, Сережа, совсѣмъ она испортила мнѣ сегодняшній день.

— Полно, дѣтя! — ласково проговорилъ онъ. — Чего ты волнуешься? Что тутъ такого особеннаго?

— Я не знаю, но мнѣ такъ тяжело, такъ тяжело... И зачѣмъ она пріѣхала къ намъ гостить?.. Намъ такъ хорошо было вдвоемъ...

— Да мы и теперь вдвоемъ, — шутливо сказалъ онъ, обнимая ее.—Она, кажется, стѣснять насъ и не будетъ.

Онъ былъ правъ. Дарья Никоновна не стѣсняла ихъ. При гостяхъ она уходила въ свою комнату. Тамъ же сидѣла она, когда мужъ и жена были вдвоемъ. Только когда Маріанна оставалась одна, Дарья Никоновна являлась къ ней, разсказывала про свои дѣла, жаловалась на прислугу, передавала подробно, какъ живутъ Снимка и Егорка, разспрашивала, что говорили гости, что дѣлаютъ старуха Ворошилова и Ольга Сергѣевна, сѣтовала, что старуха Ворошилова рѣдко ѣздитъ къ сыну, почти не приглашаетъ Маріанну къ себѣ, а у самой пиры да банкеты. Дарья Никоновна знала все и про всѣхъ, была ходячей газетой. Не было человѣка, котораго не осудила бы она, раскапывая вездѣ грязь и грязь. Маріанна пропускала мимо ушей разсказы и жалобы матери, а на разспросы ея отвѣчала коротко и сухо. Ее инстинктивно пугали всякія дрязги, и она уклонялась отъ нихъ. Тревожило ее только то, что мать все яснѣе и яснѣе доказывала дочери, что дочь не хозяйка, что она живетъ спустя рукава, что такъ у нихъ все разворуютъ, что нужно подумать и о карманѣ мужа, чтобы онъ не разлѣзся. Молодая женщина начинала сознавать, что дѣйствительно въ институтѣ ее не научили ни хозяйничать, ни экономизировать, что, можетъ-быть, мать и права, пророча имъ близкое разореніе, чуть ни нищету. Смутная тревога пробуждалась въ душѣ молодой женщины. Впервые пришлось ей испытать и мелочныя дрязги съ прислугой.

Несмотря на эти мелочи, жизнь молодыхъ супруговъ текла попрежнему мирно и тихо. Разнообразили ее только воскресныя посѣщенія гостей: какъ-то само собой сложилось такъ, что въ воскресные вечера къ Ворошиловымъ стали собираться друзья и пріятели; обыкновенно собиралось человѣкъ десять, пятнадцать съ Жоржикомъ и Серафимой во главѣ. Проводились вечера въ разговорахъ, по большей части, среди разсказыванья двусмысленныхъ и пикантныхъ анекдотовъ, иногда кто-нибудь игралъ на фортепіано или пѣлъ, подчасъ

Digitized by Google

даже танцовали подъ фортепіано или затѣвали petits jeux, порой послѣ ужина, когда начинался зимній путь, немного подкутившая компанія гостей уѣзжала на тройкахъ прокатиться за городъ, пріятели подзывали и хозяевъ, но Маріанна уже сильно заботилась о своемъ здоровьѣ, а Сергѣй Сергѣевичъ никакъ не соглашался оставить ее одну, однако, раза два согласился и онъ проѣхаться за городъ.

Мать Ворошилова, изрѣдка видѣвшаяся съ сыномъ и его женою, ни разу не была на этихъ вечерахъ и съ свойственною безцеремонностью замѣтила Маріаннѣ:

— Не люблю я этихъ мѣщанскихъ вечеринокъ, мой другъ. Очень ужъ это убого и жалко. Я удивляюсь даже Сержу, какъ онъ могъ свыкнуться съ этой жизнью. Онъ вѣдь привыкъ не такъ жить...

И она разсказывала Маріаннѣ, какъ живутъ въ ихъ кругу, какъ жилъ Сержъ, будучи еще мальчишкой. Въ ихъ кругу балы и пиры обходятся въ десятки тысячъ рублей; всѣ стараются перещеголять другъ друга. Если кто кутитъ, то кутитъ широко, размашисто, не на гроши. Недавно еще въ одномъ изъ домовъ на Калашниковскомъ проспектѣ давался балъ и спектакль, такъ тутъ однихъ брильянтовъ чуть не на милліонъ было; платья дамъ дѣлались въ Парижѣ у Ворта; для гостей были выписаны фіалки и розы изъ-за границы, меню были разрисованы лучшимъ акварелистомъ. Разумѣется, послѣ этой роскоши и блеска какъ-то странно бывать на вечеринкахъ, гдѣ людямъ «тѣсно, какъ сельдямъ въ бочонкѣ». Маріанна слушала, нисколько не увлекаясь этими разсказами о блестящихъ балахъ и домашнихъ спектакляхъ, и еще яснѣе сознавала только одно то, что Сережа дѣйствительно ее любитъ, такъ какъ онъ вполнѣ примиряется со своей настоящей скромной жизнью, не скучая о шумныхъ развлеченіяхъ среди милліонеровъ купеческой и биржевой аристократіи. Для нея онъ отказался отъ той шумной и разнообразной жизни, которою живетъ богатая молодежь, и которою онъ жилъ самъ, какъ говорила его мать...

Иначе отозвалось на Маріаннѣ замѣчаніе объ этихъ jours fixes со стороны Ольги Сергѣевны. Какъ-то Маріанна замѣтила ей, почему она не бываетъ у нихъ въ воскресенья вечеромъ. Ольга Сергѣевна вполнѣ откровенно высказала ей:

— Не люблю я этой пустой болтовни назначенныхъ вечеровъ. Это просто предлоги для легкихъ попоекъ и больше ничего.

Digitized by Google

До этой минуты Маріанна ни разу не задумывалась о характерѣ ихъ воскресныхъ вечеровъ, относилась къ нимъ такъ же безразлично, какъ мы относимся къ своимъ ежедневнымъ завтракамъ, обѣдамъ, ужинамъ. Теперь она задумалась объ этихъ собраніяхъ, стала наблюдать и увидала, что дѣйствительно разговоры на вечерахъ были пустыми и вялыми съ начала вечера, потомъ за ужиномъ начиналось оживленіе, сыпались анекдоты и двусмысленности, такъ какъ гости оживлялись водкой, виномъ и пивомъ. Ничто никого здѣсь не задѣвало за живое: театры, концерты, книги, если иногда заходила о нихъ рѣчь, разсматривались съ одной точки зрѣнія, какъ увеселенія, и вызывали короткіе приговоры: «ничего, забавно», или «скучища страшная». Порой, когда истощались всѣ анекдоты и исчерпывались всѣ несложныя темы для разговоровъ, начинались вышучиванія Жоржика безъ стѣсненій, въ глаза, и Жоржикъ превосходно разыгрывалъ роль хитраго шута, тѣшa общество циничною откровенностью и разсказывая о своихъ продѣлкахъ. Маріанна оскорблялась за него, не понимала, какъ онъ можетъ играть унизительную роль мишени для шутокъ, возмущалась тѣмъ, что окружающіе не могутъ найти лучшей забавы. Она даже обидѣлась впервые серьезно на мужа, когда тотъ сталъ утверждать, что въ шуткахъ надъ Жоржикомъ нѣтъ ничего возмутительнаго, что Жоржикъ для того и созданъ, чтобы потѣшать общество. Подмѣтила Маріанна еще одну непріятную сторону этихъ вечеровъ: когда послѣ ужина гости перебирались въ залу, Дарья Никоновна, прятавшаяся въ своей комнатѣ къ теченіе вечера, проникала, какъ тѣнь, въ столовую подъ предлогомъ уборки со стола хрусталя и серебра. Разъ Маріанна застала ее во время этой уборки: Дарья Никоновна сливала оставшееся въ рюмкахъ вино въ одну рюмку и выпивала эти остатки, то же дѣлалось и съ пивомъ, оставшимся въ стаканахъ. Маріанна вспыхнула и чуть не расплакалась. Только теперь поняла она, почему мать, ложившаяся обыкновенно спать очень рано, ждала въ воскресные дни конца ужина. Маріанна съ этого вечера начала какъ-то конфузиться передъ прислугой, когда рѣчь заходила о Дарьѣ Никоновнѣ. Ей казалось, что вотъ-вотъ служанки скажутъ ей, что ея мать пьетъ.

Чѣмъ далѣе подвигалась впередъ зима, тѣмъ тяжелѣе были для Маріанны воскресные вечера, такъ какъ ея беременность уже ясно сказывалась и приходила къ концу.

Digitized by Google

Разъ она замѣтила мужу, что ее тяготятъ эти вечера. Онъ сказалъ:

— Да ты, дитя, не церемонься, если тебѣ тяжело, и ложись спать. У насъ же бываютъ все свои, и никто не осудитъ тебя въ твоемъ положеніи. Я не хотѣлъ бы прекращать этихъ вечеровъ совсѣмъ, такъ какъ надо же видѣться иногда съ пріятелями и развлечься. Я вѣдь и такъ сталъ совсѣмъ отшельникомъ...

— Тебя это тяготитъ?—съ тревогой спросила она.

— Ну, вотъ еще! Я очень радъ, что отсталъ отъ кутящихъ саврасовъ. Это мнѣ было не по карману. Но нельзя же жить вовсе безъ знакомыхъ...

Она вздохнула и не протестовала. Нельзя же лишать его удовольствія, если онъ любитъ видѣть у себя пріятелей и друзей. Она только замѣтила:

— Но какъ я счастлива, когда мы проводимъ вечера съ тобой вдвоемъ или втроемъ съ Ольгой.

— Дитя, у всего есть своя прелесть!—сказалъ онъ.—Я самъ люблю эти вечера вдвоемъ или втроемъ. Но нужно же и посмѣяться.

Онъ улыбнулся и прибавилъ шутливо:

— Съ Ольгой шутить нельзя. У нея все великіе вопросы. Ей бы писательницей быть. Настоящая эмансипированная барыня.

— Она очень умная,—вступилась за Ольгу Сергѣевну Маріанна.

— Не спорю, но... очень ужъ серьезничать она любитъ. И все-то у нея литература, политика, общественные вопросы. Кому отъ этого тепло или холодно? Одна тоска.

Маріанна промолчала, но не могла согласиться съ мужемъ. Ей были интересны бесѣды съ Ольгой Сергѣевной.

Вдвоемъ и втроемъ Ворошиловы проводили вечера за чтеніемъ книгъ, въ болѣе или менѣе серьезныхъ бесѣдахъ. Эти вечера Маріанна очень любила. Какой-то новый міръ началъ открываться передъ нею въ эти часы. Она стала понимать, что въ жизни есть болѣе крупные интересы, чѣмъ разсказыванье анекдотовъ и вышучиванье Жоржика, чѣмъ игра въ фанты и пѣніе цыганскихъ пѣсенъ. Въ ея головѣ начали слагаться извѣстные взгляды на окружающихъ и она стала относиться критически къ этимъ личностямъ, видя ихъ мелочность, пошлость, порочность. Дѣвочка-институтка начинала превращаться въ серьезную женщину и съ каждымъ днемъ развивалась и росла все болѣе и болѣе. Покуда

Digitized by Google

Сергѣй Сергѣевичъ толкался въ должности, баклушничая и болтая по-холостому съ товарищами, она читала, читала и читала. Потомъ пріѣзжала Ольга Сергѣевна, и разговоръ сводился на серьезные вопросы, на толки о прочитанномъ.

Маріанна даже забывала въ эти часы чтеній или бесѣдъ съ Ольгой о своемъ положеніи, которое начинало вызывать въ ея душѣ и радужныя надежды, и непреодолимый страхъ. Призванные къ ней акушерка и акушеръ опредѣлили срокъ, когда она сдѣлается матерью, и въ то же время предписали ей нѣкоторыя правила осторожности. Двѣ-три случайно брошенныя фразы акушерки испугали мнительную молодую женщину. Она наивно спросила:

— Вы не боитесь, что я умру?

Ее успокоили, даже посмѣялись надъ ней, но все же сказали ей:

— А все-таки будьте осторожны. Опасности никакой нѣтъ, но играть здоровьемъ въ вашемъ положеніи нельзя.

Оставшись съ мужемъ вдвоемъ, она замѣтила ему:

— Сережа, я очень боюсь... Мнѣ кажется, я умру.

— Дитя, полно!—воскликнулъ онъ тревожно.—Развѣ тебѣ что-нибудь сказали такое...

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила Маріанна:—но они такъ серьезно посмотрѣли другъ на друга и потомъ... я, Сережа, ровно ничего не поняла изъ ихъ разговоровъ, но я слышала, какъ акушеръ отвѣтилъ акушеркѣ: «Нѣтъ, субъектъ здоровый, питаніе хорошее»... Мнѣ показалось, что она высказала ему какія-то сомнѣнія...

Онъ сталъ успокаивать ее, а самого его охватывалъ теперь страхъ. Что если она умретъ? Онъ не переживетъ этой потери! Что будетъ съ ребенкомъ? О, пусть лучше онъ вовсе не родится! Только бы она была жива. Дѣти еще будутъ, а она—она у него одна, она для него все.

— Ты ребенка нашего Олѣ отдай, если я умру,—сказала она.

Онъ испуганно взглянулъ на нее. Она припала головой къ его плечу.

— Да, да, непремѣнно ей отдай,—повторила она, какъ бы угадывая его мысли.

— Господь съ тобой, дитя!—воскликнулъ онъ, лаская ее.—Съ чего тебѣ умирать! Ты должна жить и долго жить, для меня!

Онъ цѣловалъ ея руки, ея колѣни, чувствуя, что онъ еще никогда не любилъ ее такъ, какъ теперь.

Digitized by Google

VI.

— Она спасена и нѣтъ основаній бояться за ближайшее будущее!—говорилъ акушеръ Сергѣю Сергѣевичу, стоя надъ нимъ въ его кабинетѣ.

Сначала Ворошиловъ, блѣдный, взъерошенный, съ воспаленными глазами, сидя за письменнымъ столомъ, съ опущенной на ладони рукъ головой, ничего не понялъ и дико, почти враждебно, взглянулъ на доктора, точно тотъ былъ виноватъ въ томъ, что чуть не сутки продолжались страшныя мукі Маріанны. Это враждебное чувство къ доктору росло въ теченіе этихъ сутокъ въ душѣ Ворошилова, и онъ двадцать разъ повторялъ мысленно: «этотъ подлецъ ничего не смыслитъ, и дернуло же меня пригласить этого олуха; задушу я его, если что случится!»

Увидавъ передъ собой теперь доктора, онъ такъ взглянулъ на него, точно хотѣлъ крикнуть ему: «какъ ты смѣешь быть здѣсь, когда твое мѣсто тамъ?»... Потомъ онъ понялъ,—не разслушалъ, а просто чутьемъ угадалъ, что докторъ принесъ ему радостную вѣсть, и, какъ безумный, бросился душить доктора въ объятіяхъ, осыпая его благодарностями, какъ спасителя.

— Охъ, ужъ эти молодые мужья!—проговорилъ докторъ, отстраняясь отъ него.—То чуть не дерзости дѣлаютъ, а то въ объятіяхъ задушить готовы...

— Простите, докторъ, я былъ такъ взволнованъ, такъ страдалъ!—оправдывался Ворошиловъ.

— Малодушіе одно,—рѣшилъ врачъ и съ усмѣшкой указалъ на столъ:—А это что? Ужъ не для самоубійства ли револьверъ вынули? Умную штуку придумали!

Ворошиловъ засмѣялся, и изъ глазъ его градомъ хлынули слезы. Почти сутки онъ слышалъ стоны жены, заходилъ къ ней, цѣловалъ ее и чувствовалъ тупое отчаяніе. Его охватывала какая-то бѣшеная злоба отъ сознанія своего безсилія помочь ей, избавить ее отъ мукъ, спасти отъ смерти. «Не выживетъ она—застрѣлюсь»,—повторялъ онъ мысленно, точно думая этимъ испугать судьбу и заставить ее окончить все благополучно. Это было отчасти отчаяніе избалованнаго мальчика, видящаго, что у него хотятъ отнять его любимую игрушку, и сознающаго, что онъ будетъ принужденъ покориться врагу, не имѣя силъ для борьбы. Но какъ бы ни было велико это отчаяніе, слезъ до этой минуты у него не было, что и дѣлало его состояніе еще болѣе мучительнымъ.

Digitized by Google

Теперь онѣ перешли чуть не въ истерику. Онъ плакалъ, какъ женщина, не умѣя овладѣть собою, принудить себя быть мужественнымъ. Докторъ, пожимая плечами, съ нѣкоторымъ пренебрежительнымъ состраданіемъ къ этому мужчинѣ-тряпкѣ, мужчинѣ-бабѣ, далъ ему воды. Ворошиловъ съ жадностью осушилъ стаканъ большими глотками, откинулъ со лба мокрыя отъ пота пряди бѣлокурыхъ кудрей, отеръ лицо батистовымъ платкомъ и, наконецъ, какъ-то несмѣло спросилъ:

— А ребенокъ?

Докторъ пожалъ плечами, какъ бы говоря: «что-жъ было дѣлать», и прибавилъ вслухъ:

— Слава Богу, что хоть ее спасли!

Ворошиловъ понялъ уклончивый отвѣтъ доктора и не разспрашивалъ его болѣе ни о чемъ.

Тотъ заговорилъ интимнымъ тономъ:

— Вообще поберегите ее теперь. Ей нуженъ отдыхъ. Съ теченіемъ времени она, вѣроятно, совсѣмъ окрѣпнетъ, разовьется физически. Но теперь—она такъ молода, почти ребенокъ; было бы не безопасно подвергать ее еще подобнымъ мукамъ.

Онъ фамильярно похлопалъ Ворошилова по плечу и отечески упрекнулъ его:

— Все бутоны срывать хотите, не дадите развиться цвѣтку. Надо было не торопиться женитьбой на дѣвочкѣ.

И болѣе серьезнымъ тономъ прибавилъ:

— А вы можете гордиться своею женою. Другая на ея мѣстѣ, въ ея годы и сотой доли не вынесла бы того, что вынесла она молча, боясь огорчить васъ. Все время она только о томъ и думала, чтобы вы были покойны!

— Дитя! дитя милая!—воскликнулъ Сергѣй Сергѣевичъ восторженно.—Вы, докторъ, и вообразить не можете, что это за женщина.

— Нѣтъ, воображаю,—серьезно отвѣтилъ докторъ:—и потому-то и совѣтую беречь ее.

— Могу я ее видѣть теперь?

— Да, но будьте спокойны, не волнуйтесь...

Ворошиловъ готовъ былъ поклясться, что онъ не будетъ волноваться, лишь бы его допустили къ женѣ. Она, ослабѣвшая, блѣдная, встрѣтила его съ легкой улыбкой. Что-то материнское было теперь въ ея отношеніи къ мужу. Она, вчерашній ребенокъ, стала теперь вполнѣ женщиной, перенесшей всѣ муки материнства и уже вкусившей горечь по-

Digitized by Google

тери ребенка. Это сразу превращаетъ ребенка въ женщину. Ворошиловъ, радуясь спасенію жены, почти забылъ, какой цѣной купилось это спасеніе, и вовсе не думалъ о томъ невѣдомомъ ему существѣ, которое погибло, не живя. Она, напротивъ того, была глубоко огорчена этой потерей: она давно знала этого ребенка, ясно чувствовала біеніе его пульса, вполнѣ сознавала, что на вѣсы были положены ея жизнь и его жизнь, что имъ пожертвовали для нея, для матери. Эта жестокая жертва не можетъ не отозваться на той, для которой она принесена. Грусть отражалась во всемъ ея существѣ—въ ея улыбкѣ, въ ея ласкахъ, въ ея рѣчахъ. Ничего этого не пережилъ, не перечувствовалъ, не понялъ онъ...

Но молодость взяла свое: выздоровленіе пошло довольно быстро, и уже черезъ мѣсяцъ лицо молодой женщины имѣло снова почти здоровый видъ. Къ веснѣ никто бы не сказалъ, что она перенесла страшную болѣзнь, и только докторъ повторялъ Сергѣю Сергѣевичу, что онъ долженъ «беречь жену».

Какъ только начались лѣтнія вакаціи въ должности у Сергѣя Сергѣевича, такъ тотчасъ же онъ собрался съ женою за границу. Они проѣхали въ Швейцарію и поселились здѣсь на лѣто на берегу Женевскаго озера. Здоровый воздухъ Швейцаріи, тихое лазурное озеро, сады, съ душистыми бѣлыми акаціями и кустами махровыхъ розъ, хожденіе по горамъ, тихая жизнь вдвоемъ, все это совершенно воскресило молодую женщину, и она стала еще прекраснѣе, чѣмъ была прежде. Ворошиловъ и она казались теперь молодыми влюбленными, ихъ отношенія приняли какой-то новый оттѣнокъ: онъ заботился о женѣ, какъ о святынѣ, и смотрѣлъ ея платоническимъ любовникомъ, готовымъ молиться на свою возлюбленную, которую онъ едва не утратилъ навсегда. Въ ея отношеніяхъ къ нему было что-то материнское, снисходительное; казалось, что она вдругъ переросла его и физически, и нравственно, и смотритъ на него, какъ на милаго ребенка, которому она готова простить все,—и шалости, и капризы. Повидимому, ничто не смущало этой идилліи, но Ольга Сергѣевна, встрѣтившаяся въ половинѣ лѣта за границей по условію съ Ворошиловыми, съ чисто женской чуткостью угадала, что и въ этой идилліи есть облачка. Эти облачка начали скапливаться, сгущаться едва замѣтно и грозили разрастись въ будущемъ въ черную тучу...

Иногда, оставшись наединѣ съ Ольгой Сергѣевной, Маріанна тревожно говорила:

Digitized by Google

— Неужели я обречена навсегда не быть матерью?

Ольга Сергѣевна успокаивала ее, увѣряла ее, что докторъ вовсе не говорилъ этого, что только теперь было бы не безопасно для нея сдѣлаться матерью, но что пройдетъ немного времени, и ея организмъ укрѣпится совсѣмъ. Маріанна вздыхала и говорила:

— Это было бы ужасно. У меня не было бы цѣли въ жизни.

Ей было мало быть только женою любимаго человѣка.

Ольга Сергѣевна понимала это.

Порой Маріанна возмущалась противъ приговора доктора и говорила:

— Ахъ, доктора ничего не понимаютъ! Я совсѣмъ здорова—здорова, какъ никогда!

Дѣйствительно, она смотрѣла цвѣтущей, здоровой женщиной, и мужъ былъ влюбленъ въ нее болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Любуясь ею, онъ шепталъ ей:

— Знаешь, мнѣ все кажется, что мы женихъ и невѣста. До свадьбы мы не были женихомъ и невѣстой, а прямо повѣнчались послѣ твоего выхода изъ института, а теперь мы переживаемъ именно это время влюбленныхъ.

И онъ нѣжно цѣловалъ ея руки, садился у ея ногъ, припадалъ губами къ ея платью.

Она была безконечно счастлива въ эти минуты.

Но бывали дни, когда и жену, и мужа охватывало какое-то новое, неизвѣстное имъ дотолѣ настроеніе.

Маріанна начинала задумываться о Петербургѣ и, сидя вдвоемъ съ Ольгой Сергѣевной на террасѣ дачи, говорила:

— Меня все болѣе и болѣе пугаетъ мысль о томъ, что будетъ въ Петербургѣ.

Ольга Сергѣевна, отрываясь отъ работы, вопросительно взглядывала на нее.

— Въ прошлую зиму я мечтала о ребенкѣ, жила мыслью о немъ, видѣла въ немъ все свое, все наше будущее! А теперь? Неужели жить только той праздной и пустой жизнью, которою живутъ наши близкіе и знакомые?

И немного раздраженно она прибавила:

— Знаешь, иногда становится немного досадно, что мы не такъ богаты, чтобы я могла, подобно тебѣ, заняться хотя филантропіей, и не настолько бѣдны, чтобы мнѣ было необходимо нужно убирать комнаты, стряпать, шить бѣлье и платья...

Ольга Сергѣевна молчала, боясь сказать молодой женщинѣ,

Digitized by Google

что она понимаетъ, что ту пугаютъ пустота и безсодержательность ихъ жизни. Ольга Сергѣевна любила брата, но знала его очень хорошо,—знала, что его трудно пріучить къ болѣе серьезной жизни, втянуть въ какіе-нибудь интересы, что его умъ безсодержателенъ и пустъ...

Сергѣй Сергѣевичъ, въ свою очередь, иногда началъ ощущать смутную потребность уѣхать вечеромъ съ дачи въ Женеву, замѣшаться въ праздную толпу, наполнявшую курзалъ или кафе, гдѣ распѣвались на улицѣ шансонетки, гдѣ ломались чревовѣщатели, гдѣ давались оперетки. Оживленная, смѣющаяся и рукоплещущая толпа, яркіе огни иллюминаціи, звонъ стакановъ и говоръ народа, звуки музыки и пѣнія манили его къ себѣ неотразимою силой. Порой онъ опьянялся этой сутолокой праздной жизни, подчасъ ему казалась она недостаточно широкою, «швейцарски приличною», какъ выражался онъ. Хотѣлось ухарства цыганъ, русской попойки, родной безшабашной удали. Онъ привередливо начиналъ жаловаться на горы.

— Тѣснятъ, давятъ онѣ, перевалить за нихъ хочется,— говорилъ онъ, капризничая.—И это озеро—вѣчно оно точно спитъ. Хотя бы буря поднялась, что ли.

Но бури не было, и безмятежная лазурь блестѣла, какъ зеркало, пригрѣтая солнцемъ.

Онъ придирался къ швейцарцамъ, какъ къ личнымъ своимъ врагамъ:

— Вахлаки они всѣ, опустились, отяжелѣли. Изъ нихъ-то Вильгельмовъ Телей уже не выйдетъ. Да и ничего изъ нихъ вообще не выйдетъ: ни великихъ гражданъ, ни великихъ полководцевъ, ни великихъ артистовъ. Все стерлось среди этой безмятежно мѣщанской жизни, какъ стираются въ десятки лѣтъ ихъ неспускаемые съ тѣла полосатые плисовые куртки и штаны.

Онъ критиковалъ памятники Женевы: двѣ полногрудыя и неуклюжія фигуры, олицетворявшія Женеву и Швейцарію, громоздкій мавзолей герцога Брауншвейгскаго съ игрушечными конькомъ и всадникомъ на вершинѣ, смѣшную конскую статую генерала Дюфура въ некрасивой треуголкѣ, «старую бабушку въ креслѣ», какъ онъ называлъ памятникъ Жанъ-Жака Руссо. Швейцарскія бездѣлушки — деревянные домики съ вставленными вмѣсто оконъ зеркальцами, палки, ручки для перьевъ и ножи для разрѣзыванья бумаги въ видѣ козьихъ роговъ и лапъ, написанные масляными красками на дощечкахъ виды Шильона, женевскихъ барокъ,

Digitized by Google

Монблана, Юнгфрау, записныя книжки, портмонэ, портсигары, мѣшочки съ изображеніемъ бѣлыхъ звѣздообразныхъ горныхъ цвѣтовъ, все это намозолило, какъ онъ выражался, ему глаза.

— Куда ни пріѣдешь—вездѣ одно и то же, и въ Монтре, и въ Лозаннѣ, и на вершинѣ Гліона, и въ Женевѣ, и все это было такимъ же сто лѣтъ назадъ и все это будетъ такимъ же сто лѣтъ послѣ. Замороженная фантазія у нихъ какая-то.

Слушая эти привередливыя выходки, Маріанна иногда улыбалась, когда онѣ были остроумны, но, оставшись одна, она задумывалась о нихъ: неужели Сережа скучаетъ? Не скучалъ же онъ съ нею прежде, въ прошлое лѣто, хотя ихъ жизнь была еще однообразнѣе, чѣмъ теперь? Она начинала вспоминать прошлое лѣто. Да, Сережа не скучалъ, кажется. Точно ли не скучалъ? Начинали вспоминаться мелочи, оставлявшіяся прежде безъ вниманія. Уже въ іюлѣ въ прошломъ году онъ иногда по вечерамъ начиналъ говорить о томъ, что-то подѣлываютъ въ Петербургѣ. Потомъ, онъ первый заговорилъ о томъ, что скоро пора и ѣхать въ Петербургъ. Затѣмъ какъ-то незамѣтно для нихъ самихъ по вечерамъ они только и говорили, что о Петербургѣ. Въ первый же день пріѣзда въ Петербургъ онъ поѣхалъ съ родными въ Аркадію, на другой день тоже. Неужели и это все было явными признаками не сознававшейся тогда, но уже гнѣздившейся въ душѣ скуки? Можетъ-быть; но тогда ни она, ни онъ не понимали этого, думали, что имъ достаточно быть вдвоемъ, однимъ. А теперь это сказывалось ярче, понятнѣе, сознательнѣе. Мало того. Она сама теперь хотя и не скучаетъ съ нимъ, но уже чувствуетъ, что ей нужно что-то кромѣ его — нужны заботы о ребенкѣ, или какая-нибудь дѣятельность. Прежде, кромѣ Сережи, ей ничего не нужно было. Что же это такое? Конецъ любви? Она улыбалась при этой мысли, вполнѣ увѣренная, что ея Сережа обожаетъ ее, какъ прежде, что она живетъ его жизнью. Нѣтъ, это не конецъ любви, не охлажденіе, но просто «нельзя же жить одной любовью», какъ говоритъ Ольга. Нужны и другіе интересы, нужна и дѣятельность. Она, Маріанна, теперь уже не дѣвочка, и это стало ей ясно. Сережа не додумался до этого, но инстинктивно и онъ стремится къ болѣе широкой жизни... Но какіе же могутъ явиться интересы у Сережи? какая можетъ быть у него дѣятельность? Въ головѣ замѣтно выраставшей и разви-

Digitized by Google

вавшейся женщины начинали бродить серьезныя мысли, и ей становилось какъ-то не по себѣ отъ сознанія, что ни у нея, ни у ея мужа покуда нѣтъ ни серьезныхъ интересовъ, ни серьезной дѣятельности...

А дни шли своимъ чередомъ, и наставало время переѣзда въ Петербургъ. Опять Ворошиловы очутились въ своей квартирѣ на Бассейной. Здѣсь все было по-старому: та же обстановка, та же прислуга и, какъ годъ тому назадъ, первыми посѣтителями Ворошиловыхъ были Жоржикъ и Серафима, заѣхавшіе къ нимъ по дорогѣ въ Аркадію...

VII.

— Я никогда болѣе не поѣду на ихъ jours fixes,—съ негованіемъ говорила Маріанна мужу, возвращаясь съ нимъ отъ Ивановыхъ.

— Что такое? Тебя обидѣли чѣмъ-нибудь?—встревожился Сергѣй Сергѣевичъ и загорячился:—Кто? Какой подлецъ?

Она почувствовала, что ея мужъ сейчасъ расправится съ ея обидчикомъ, что онъ не позволитъ никому затронуть ее. Но дѣло было вовсе не въ обидѣ.

— Кто же меня могъ обидѣть,—отвѣтила она.—Но пошло все это, оскорбительно пошло!

Онъ посмотрѣлъ на нее, недоумѣвая. Ничего оскорбительно пошлаго онъ не замѣтилъ. Все на вечерѣ шло своимъ порядкомъ. Онъ даже хохоталъ въ этотъ вечеръ, какъ никогда. И было надъ чѣмъ хохотать...

Жоржикъ встрѣчалъ всегда всѣхъ людей съ распростертыми объятіями и радовался при встрѣчѣ съ каждымъ человѣкомъ, какъ при встрѣчѣ съ роднымъ братомъ, вернувшимся послѣ долгой разлуки. Такова была его манера относиться къ людямъ, кто бы они ни были. Онъ пожималъ съ чувствомъ руки старикамъ и молодымъ, мужчинамъ и женщинамъ, даже тѣмъ, которые были вовсе не нужны ему въ данную минуту, или которые играли по отношенію къ нему такую роль, какъ Дубасовъ. Таково ужъ было его любвеобильное сердце, и быть ласковымъ теленкомъ сдѣлалось его второй натурой. Въ послѣднее время онъ столкнулся съ однимъ старикомъ-профессоромъ, Прозоровымъ, когда-то покровительствовавшимъ его отцу и бывшимъ теперь по старости давно не у дѣлъ. Прозорову было лѣтъ восемьдесятъ. Когда-то, въ сороковыхъ годахъ, онъ, по своему богатству, по своимъ крупнымъ связямъ, по своему положенію въ обществѣ, игралъ выдающуюся и значительную роль,

Digitized by Google

оставивъ замѣтный слѣдъ и въ наукѣ, и въ общественной жизни. Теперь это была ходячая развалина, но въ этой развалинѣ было нѣчто, заставлявшее уважать ее. Это былъ едва передвигающій ноги, на половину потерявшій зрѣніе, глуховатый старикъ, тѣмъ не менѣе, его осанка хранила слѣды благородства, въ манерахъ было что-то истинно барское, аристократизмъ умственнаго развитія, тихая рѣчь была мягка, деликатна и снисходительна. Плохо видя и плохо слыша, онъ какъ бы конфузился этихъ недостатковъ и, казалось, застѣнчиво просилъ себѣ снисхожденія за нихъ. Вся новая жизнь была ему давно чужда, и весь онъ жилъ воспоминаніями о прошломъ. Иногда, вспоминая объ этомъ блестящемъ прошломъ и разсказывая о немъ, онъ вдругъ смущался и умолкалъ, печально замѣтивъ:

— Я, кажется, повторяюсь.

Старчество видимо стѣсняло, тяготило его, и онъ чувствовалъ, что онъ, чужой всѣмъ, потерявшій память, могъ казаться смѣшнымъ. Этого онъ боялся и старался сторониться отъ общества, бывая только въ музеяхъ, въ театрахъ, въ концертахъ. Чѣмъ-то грустнымъ и въ то же время трогательнымъ вѣяло отъ всего его существа. Глядя на него, невольно думалось о томъ, что самое тяжелое въ жизни каждаго — это переживанье своего времени, своихъ сверстниковъ, одинокое и никому ненужное старчество. Жоржикъ, встрѣтивъ Прозорова случайно, чуть не бросился цѣловать его руки, напомнивъ ему, сколько онъ сдѣлалъ для его, Жоржинькина, отца. Старикъ былъ глубоко тронутъ нѣжностью и признательностью молодого человѣка и, наконецъ, зашелъ къ нему по его настоятельной просьбѣ. Жоржикъ отрекомендовалъ ему свою жену и свою тещу. Старикъ, вѣрный привычкамъ стараго времени, вѣжливо подошелъ къ нимъ «къ рукѣ», и кто-то изъ молодежи назвалъ его тутъ же «галантерейнымъ мышинымъ жеребчикомъ». Всѣмъ понравилось это замѣчаніе, и старикъ сразу сдѣлался предметомъ для насмѣшекъ. Затѣмъ его представили Маріаннѣ, и она заинтересовалась этой развалиной прекраснаго прошлаго. Онъ много видѣлъ, много зналъ, много работалъ и былъ живою лѣтописью иного времени, иного круга общества. Она стала съ любопытствомъ разспрашивать его о прошломъ, онъ оживился и съ мягкой улыбкой заговорилъ о давно сошедшихъ въ могилу людяхъ: онъ зналъ лично Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Бѣлинскаго, Герцена; въ его пору доживали свой вѣкъ дѣйствующія лица отечественной

Digitized by Google

войны и декабристы Орловы и Ермоловы. Разсказать было о чемъ.

— Смотри, смотри, какъ онъ за твоей женой пріударяетъ!—замѣтилъ кто-то со смѣхомъ Сергѣю Сергѣевичу.—Отобьетъ еще ее у тебя.

— А тоже, должно-быть, пожилъ въ свое время, недаромъ сахаромъ медовичемъ смотритъ,—сказалъ другой изъ гостей, подтрунивая надъ старикомъ.

— И теперь, поди, какую-нибудь экономку изъ нѣмокъ держитъ,—сообразилъ еще какой-то гость.—Эти старые ловеласы не скоро уходятся! Видишь, манеры какія изысканныя, такъ и видно, что въ салонахъ около женскихъ юбокъ терся.

Всѣхъ охватило веселое настроеніе. Они, не стѣсняясь, смѣялись, благо онъ плохо слышалъ.

— Люблю я, когда молодежь веселится,—проговорилъ старикъ, мелькомъ замѣтивъ, что молодые гости Жоржика хохочутъ, и не зная причины ихъ веселости.

— Не всякое веселье хорошо,—отвѣтила Маріанна, стыдливо раскраснѣвшаяся до ушей.

Она ужъ уловила нѣсколько фразъ, касавшихся старика, и была возмущена ими.

— О, конечно, конечно!—согласился старикъ.—Но здѣсь, какъ я вижу, все друзья, собираются вмѣстѣ, въ семейномъ домѣ. Это хорошо. Мы тоже собирались въ тѣсномъ кружкѣ въ наши молодые годы. Было о чемъ поговорить, поспорить. Иногда поднимались цѣлыя бури изъ-за философскихъ вопросовъ, изъ-за эстетическихъ воззрѣній. Политикой тогда было не совсѣмъ удобно заниматься, и о ней говорили только въ самыхъ интимныхъ кружкахъ. Зато въ ту пору была въ модѣ философія, Гегель...

Кто-то замѣтилъ Ворошилову:

— Да онъ заговоритъ до смерти твою жену. Надо ее выручить.

— А вотъ я его позову чай пить,—рѣзко сказала Серафима и отправилась къ старику.

Что-то холодно-насмѣшливое, жестоко-безпощадное и непреклонно-рѣшительное было въ выраженіи ея лица. Казалось, она хотѣла на потѣху всему обществу вышутить этого «слюняваго старикашку», какъ она называла его. Для чего онъ затесался въ ихъ домъ? Егоръ его пригласилъ? Такъ мало ли кого Егоръ приглашаетъ. Надо разомъ отвадить эту мумію отъ шлянья въ ихъ домъ Нечего ему тутъ дѣ-

Digitized by Google

лать. Пригласивъ гостя въ столовую, она сразу заговорила съ нимъ объ оперсткахъ и цыганкахъ. Въ ея тонѣ было что-то наглое, оскорбительное, вызывающее. Старикъ растерялся и, какъ школьникъ, пояснилъ:

— Я не ѣзжу... въ мои лѣта...

— Что-жъ, вы вѣдь холостой,—сказала она, нагло глядя на него.

— Въ мои годы не можетъ имѣть значенія вопросъ о томъ, холостъ человѣкъ или женатъ, — тихо пояснилъ старикъ.

— Толкуйте!—съ иронической усмѣшкой проговорила Серафима. — Иные старики такія колѣнца откалываютъ, что молодыхъ за поясъ заткнутъ.

— Да... всевозможные типы бываютъ; жизнь такъ сложна и разнообразна,—совсѣмъ растерянно произнесъ старикъ и хотѣлъ обратиться къ присѣвшей къ столу Маріаннѣ съ какимъ-то вопросомъ.

Но Серафима не унималась и, видимо рѣшившись «извести» его, спросила его въ упоръ:

— А вы одни живете?

— Я?.. Одинъ... То-есть слуга у меня и кухарка.

— Молодая? Старики вѣдь любятъ молодыхъ служанокъ.

— Мои люди живутъ у меня тридцать лѣтъ.

— О, у васъ постоянные вкусы!—разсмѣялась Серафима.

Маріанна, охваченная стыдомъ, взглянула на сестру негодующимъ взглядомъ и торопливо заговорила со старикомъ, стараясь отвлечь его вниманіе отъ сестры.

— Я его вытравлю отсюда,—почти вслухъ сказала Серафима сидѣвшему около нея Дубасову. — Ненавижу я этихъ непохороненныхъ покойниковъ.

Она встала, шумно отодвинувъ стулъ, и развязно подошла къ фортепіано.

— Господа, кто запѣвалой? — крикнула она громко гостямъ.— Хоровую?

Она заиграла «Конфетку». Жоржикъ началъ пѣть; изобрѣтая новые и новые куплеты, поражавшіе нелѣпостью и безцеремонною сальностью. Хоръ подхватывалъ припѣвъ и визжалъ на всю квартиру:

Конфетка моя,
Леденистая,
Полюбила я малова,
Румянистаго!

Старикъ въ недоумѣніи захлопалъ глазами, видимо, не

Digitized by Google

понимая, что творится вокругъ него, что поется и что говорится въ этой нелѣпой пѣснѣ. Маріанна приподнялась съ мѣста и ласково обратилась къ старику:

— Я уѣзжаю,—сказала она. — Вы, вѣроятно, тоже привыкли теперь рано ложиться спать?

— О, да, да,—заторопился онъ и сбивчиво прибавилъ:— И что-жъ мѣшать... Они—молодежь... Я только потому, что Жоржикъ упрашивалъ заѣхать, а то... я не ѣзжу по гостямъ... Чужой, лишній... Ахъ, какъ тяжело пережить всѣхъ близкихъ, пережить свое время.

Старикъ, Маріанна и Сергѣй Сергѣевичъ уѣхали, когда въ залѣ раздавались уже дикіе звуки трепака и пляски. Серафима играла на фортепіано, Жоржикъ подыгрывалъ ей на гитарѣ, кто-то изъ гостей терзалъ слухъ гармоникой. Непривычный человѣкъ, попавъ сюда въ эту минуту, могъ бы подумать, что онъ попалъ на кабацкую оргію. Но здѣсь это никого не удивляло. Этимъ часто кончались jours fixes Ивановыхъ.

— Это возмутительно! Зазвали почтеннаго старика и хотѣли обратить его въ шута!—волнуясь, говорила Маріанна.

— Ну, самъ виноватъ,—замѣтилъ Ворошиловъ: — очень нужно было тащить старыя кости въ гости. Его забыли похоронить, а онъ думаетъ, что ему и по гостямъ разъѣзжать можно.

— Да его же Жоржикъ умолялъ пріѣхать,—загорячилась Маріанна.—Онъ за уши вытянулъ въ люди отца Жоржика. Онъ надѣялся встрѣтить родственный пріемъ въ ихъ домѣ, а между тѣмъ...

— Да не волнуйся ты, дитя!—остановилъ ее мужъ.—Экая важность, что подшутили надъ старикомъ! Онъ, я думаю, и не понялъ ничего. Отупѣлъ и выжилъ изъ ума отъ старости. И глухъ онъ.

— Какъ тебѣ не грѣхъ такъ говорить, Сережа!—упрекнула она его.—Право, можно подумать, что у тебя сердца нѣтъ, что ты такой же, какъ они, пустые и пошлые, безъ ума, безъ сердца!

— Ахъ, ты порохъ мой!—со смѣхомъ сказалъ онъ и притянулъ ее къ себѣ. — Дитя, ты еще очаровательнѣе, когда бунтуешь!

Она, волнующаяся и негодующая, хотѣла освободиться отъ его объятій, но онъ еще крѣпче обнялъ ее.

— Нѣтъ, сегодня я тебя на минуту не выпущу изъ

Digitized by Google

своихъ рукъ. Съ ума ты сводишь меня, когда кипятишься! Прелесть ты моя!

Они вышли изъ кареты, поднялись по лѣстницѣ въ свою квартиру и едва затворилась за ними дверь, какъ Воропиловъ снова обнялъ жену.

— Сережа, поговоримъ серьезно,—произнесла она.

— Говори, говори, а я буду слушать и цѣловать тебя,— весело проговорилъ онъ. — Пусть тамъ, кто хочетъ, тотъ и вышучиваетъ кого ему угодно. Пусть безобразничаютъ, какъ имъ хочется. Мнѣ нужна только моя Маріанночка, мнѣ нужны только ея ласки. Божество мое...

— А поговорить серьезно ты такъ и не хочешь? — тихо спросила она упавшимъ голосомъ, и какое-то тяжкое чувство стѣснило ея сердце.

— Что разговоры!—безпечно засмѣялся онъ.—И не пойму я ихъ теперь. Я пьянъ отъ вина и любви.

Какъ-то странно повліяли на Маріанну эти слова. Она вдругъ почувствовала, что отъ мужа пахнуло коньякомъ. Прежде ее никогда не смущало это, теперь смутило. Не играетъ ли значительной роли и вино въ томъ, что онъ страстенъ съ нею? Зачѣмъ и онъ, и вся эта молодежь такъ много, такъ часто пьетъ, въ сущности живетъ только для того, чтобы имѣть возможность напиться въ концѣ концовъ. Впервые его страстныя ласки не принесли ей удовольствія, были почти тяжелы.

— Любовь не нуждается ни въ какихъ разговорахъ,— продолжалъ онъ безпечно.—Помнишь, поэтъ сказалъ: «люби безъ думъ, безъ размышленій». Кто началъ думать и размышлять, тотъ уже не любитъ. А ты вѣдь любишь? Да? правда? любишь?

Она почти испуганно прижалась къ нему. Ее вдругъ поразила мысль, что она перестаетъ любить мужа,—начинаетъ думать и размышлять и перестаетъ любить. Что же останется у нея въ жизни, если не будетъ любви къ нему? Тогда смерть!

Сергѣй Сергѣевичъ уже давно спалъ, а Маріанна все еще не смыкала глазъ, смотря пристально въ полутьму. Ее охватили тяжелыя думы. Нужно вырвать мужа изъ этой тины, засасывающей, губящей, убивающей все человѣческое въ человѣкѣ. Не Аркадіи и Ливадіи тина, какъ говорила Ольга, а весь этотъ строй пустой, безцѣльной, пошлой жизни—вотъ тина. Жоржикъ, Серафима, Дарья Никоновна, Дубасовъ, весь ихъ кружокъ—вотъ тина! У этихъ людей

Digitized by Google

нѣтъ никакихъ интересовъ, никакихъ задачъ, никакихъ стремленій къ лучшему. Они отбываютъ кое-какъ, спустя рукава, скучныя для нихъ, не имѣющія для нихъ интереса, служебныя обязанности, если это нужно для куска хлѣба, и затѣмъ сходятся, не связанные между собой никакой нравственной и умственной связью, сходятся, чтобы кутить, мелко, пошло, безобразно. Они одинаково жмутъ руки и идіотамъ, и не глупымъ людямъ, и честнымъ, и подлецамъ, любятъ даже болѣе идіотовъ и подлецовъ, чѣмъ умныхъ и честныхъ. У нихъ нѣтъ ничего завѣтнаго, ничего святого, ни Бога, ни родины, ни дѣла. Гулять и высыпаться послѣ гульбы для новой гульбы—вотъ вся ихъ жизненная задача. Имъ скучно другъ съ другомъ до одуренія, пока они не выпили. Выпивъ, они начинаютъ кричать, горячиться и спорить. О чемъ? О пустякахъ, о пошлостяхъ, о томъ, отъ чего ни тепло, ни холодно ни имъ самимъ, ни другимъ. Это не проявленіе мысли, а броженье винныхъ паровъ. Нѣкоторые изъ нихъ являются порой озабоченными и таинственно шепчутся съ ея мужемъ или съ Жоржикомъ. О чемъ? Хотѣлось бы ей узнать это. Мелькомъ она слышала, что говорятъ о деньгахъ, о долгахъ, о векселяхъ, о какихъ-то учетахъ. Ея Сережа при этомъ дѣлаетъ презрительныя гримасы, а Жоржикъ суетится и потираетъ руки, видимо чѣмъ-то довольный... Но какъ же жить? Что дать взамѣнъ этой жизни? Молодую женщину охватилъ ужасъ. Она такъ молода и неопытна, она ничего не можетъ придумать, чѣмъ бы замѣнить этотъ образъ жизни. Она понимаетъ только, что такъ нельзя, не слѣдуетъ жить, а какъ надо жить—этого она не можетъ ясно сказать... Она остановила взглядъ на озаренномъ трепетнымъ свѣтомъ лампады ликѣ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и, всматриваясь въ него, какъ бы ища въ выраженіи этого страдальческаго лица какого-то отвѣта, тихо прошептала:

— Господи, научи меня.

VIII.

Скука! Это слово сдѣлалось какимъ-то пугаломъ для Маріанны. Раза три послѣ пріѣзда изъ-за границы она упросила мужа ѣхать съ нею въ театръ вмѣсто посѣщенія Ивановыхъ, и Сергѣй Сергѣевичъ прозѣвалъ цѣлые часы «отъ скуки», браня и «раздирательныя» драмы, и оперы. Раза два Ольга Сергѣевна провела вечера у Ворошиловыхъ, читая съ Маріанной новыя литературныя произведенія въ

Digitized by Google

толстыхъ журналахъ и толкуя о новостяхъ дня, и Сергѣй Сергѣевичъ оба раза вздремнулъ «отъ скуки», находя прочитанное «тошнымъ» и называя толки объ общественныхъ дѣлахъ «переливаньемъ изъ пустого въ порожнее». Не скучалъ онъ обнимаясь только съ женой или присутствуя послѣ выпивки въ обществѣ Жоржика, Серафимы и ихъ друзей. Маріанна пробовала нѣсколько разъ выяснить мужу, что это общество и пошло, и глупо, и грязно. Онъ только засмѣялся и отвѣтилъ:

— Зато мертваго распотѣшатъ.

И, принимая видъ серьезнаго человѣка, наставительно замѣтилъ женѣ:

— Ты говоришь: пошло, глупо и грязно. Да вѣдь и все въ жизни, если вглядѣться, или пошло, или глупо, или грязно.

— Позволь, однако,—начала Маріанна.

Но онъ не далъ ей договорить и тѣмъ же тономъ, точно учитель, дающій наставленіе дѣвочкѣ, прибавилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не возражай. Это вѣрно. А ты возстаешь противъ всѣхъ нашихъ только потому, что Ольга тебѣ натолковала разныхъ премудростей. Не знаю я только, къ чему ведутъ всѣ ея благоглупости? Ужъ, право, лучше безпечно смѣяться отъ души надъ глупостями, чѣмъ фарисейски скрывать зѣвоту надъ чтеніемъ премудрыхъ книгъ или за слушаніемъ Тангейзеровъ и Лоэнгриновъ.

— Если ты не любишь музыки Вагнера, то все же ты не можешь не согласиться, что много есть лучшаго, чѣмъ «Конфетка» и трепакъ.

— Вообрази, что нѣтъ. Многое можетъ быть лучше да скучнѣе, а всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго. Это одинъ изъ вашихъ же мудрецовъ изрекъ. А ваши книги—на что мнѣ онѣ? Это на школьной скамьѣ можетъ еще интересовать, а насъ взрослыхъ это увлекать уже не можетъ. Такъ, читаешь иногда на сонъ грядущій, когда дѣваться некуда. И что читать-то? Дребедень все пишутъ.

— Такъ значитъ, такъ ничѣмъ серьезнымъ и не заниматься?

— Жить надо, пока молоды. Вотъ что надо.

— Да развѣ это жизнь, всѣ эти собранія для попоекъ и шутовства?

— Вредимъ мы кому-нибудь этимъ, что ли? Мы молоды и хотимъ веселиться, вотъ и все.

Онъ обнялъ ее и шутливо проговорилъ:

Digitized by Google

— Дитя, не философствуй, а живи, пока живется!

Въ его тонѣ послышалась покровительственная нотка человѣка, вразумляющаго ребенка.

«Да вѣдь не дуракъ же онъ»,—мелькнуло въ головѣ Маріанны, и она сама испугалась этой мысли. Никогда еще она не задумывалась надъ вопросомъ: «уменъ или не уменъ Сергѣй». Теперь эта мысль засѣла въ ея головѣ и пугала, мучила ее. Она двадцать разъ повторяла себѣ, что онъ не глупъ, что онъ даже уменъ, но не развитъ, мало думаетъ, мало отдаетъ отчета въ томъ, что дѣлаетъ самъ и что дѣлаютъ другіе. О, да, это такъ! Потому онъ и смотритъ такъ равнодушно на всякія мерзости и, будучи самъ нравственнымъ, не возмущается безнравственностью другихъ. Да, да, это не глупость и не тупость, а недостатокъ развитія, недостатокъ серьезнаго взгляда на окружающее. Со временемъ это пройдетъ, непремѣнно должно пройти. Она успокаивала себя и чувствовала смутно, что эти разсужденія нисколько не успокаиваютъ ея. Въ ней точно поселился какой-то злой духъ, подталкивавшій ее вслушиваться въ рѣчи мужа, вдумываться въ его поведеніе, критиковать его. Началось нѣчто странное въ отношеніяхъ мужа и жены.

Разъ онъ пріѣхалъ отъ Ивановыхъ, куда она теперь почти не ѣздила, и засталъ ее за чтеніемъ книги.

— А, будущій профессоръ въ юбкѣ, все еще читаешь!—проговорилъ онъ.—У, совсѣмъ философомъ сдѣлалась! Недостаетъ только очковъ, колпака, халата и туфлей.

Она немного обидѣлась его насмѣшливымъ, пошловатымъ тономъ, но промолчала.

— Весело было?—спросила она, чтобы навести рѣчь на другую тему.

— Такъ весело, какъ ты никогда и не веселилась,—отвѣтилъ онъ.—И гдѣ тебѣ съ твоими книгами. Брось ихъ! Ну, съ твоимъ ли личишкомъ идти въ синіе чулки? Уроды только для этой роли годятся, съ длинными ногами, съ полуплѣшивыми головами, въ синихъ очкахъ, а не такія мордочки.

Онъ началъ нѣжничать. Отъ него сильно пахло водкой, пивомъ, виномъ. Въ ней пробудилось брезгливое чувство. Она осторожно высвободилась изъ объятій мужа и коротко сказала:

— Спать пора, Сережа.

— Ну, вотъ еще!

— Мнѣ немного не по себѣ,—солгала она.

Digitized by Google

Онъ серьезно испугался.

— Нездорова? Голубка, что съ тобой? Ужъ ты опять...

Она пугливо оборвала рѣчь. Она поняла, о чемъ онъ хотѣлъ спросить, и уклончиво отвѣтила:

— Не знаю... можетъ-быть...

— Эхъ!—безнадежно сказалъ онъ, махнувъ рукою.—Не умѣлъ я беречь тебя, и ты...

— Ну, не будемъ толковать теперь. Пора спать.

Она хотѣла поскорѣй освободиться отъ него. Сначала ей показались непріятны ласки захмелѣвшаго мужа, теперь въ душѣ поднимались упреки за то, что она начинаетъ его меньше любить, тогда какъ онъ, и трезвый, и пьяный, живетъ только ею. Одинъ намекъ на то, что она снова въ интересномъ положеніи сразу отрезвилъ его, взволновалъ, вызвавъ опасенія за ея здоровье. Да, онъ беззавѣтно любитъ ее. А она? О, она тоже любитъ его попрежнему, но... если бы онъ велъ другой образъ жизни!

Не успѣло еще изгладиться впечатлѣніе этой сцены, какъ произошла другая. Маріанна сидѣла одна, когда къ ней въ комнату зашла Дарья Никоновна. Она заговорила о Симѣ, какъ та кутитъ, какъ Егорка радъ, что его поятъ и кормятъ ради жены. Темныя дѣлишки онъ подъ рукой обдѣлываетъ. Векселъные сдѣлки черезъ него дѣлаютъ. Тоже маклеръ нашелся. Какъ бы только не сорвалось. Разные его графчики, князьки да тятинкины сынки ради кутежей на все пойдутъ. Одно дѣльце по честности, а на другомъ такъ покривятъ, что Богъ вѣсть, какъ завареную кашу расхлебаешь. Старуха говорила много, высказывала разныя предположенія, но было видно, что она бродитъ впотьмахъ относительно «дѣлъ» Жоржика, несмотря на страстное желаніе узнать всю сущность этихъ «дѣлъ». Маріанна слушала ее разсѣянно, зная, что у матери есть всегда неисчерпаемый запасъ сплетенъ и неутомимая жажда впутаться въ чужія дѣла.

— Да пусть бы мы сами кутили, а другихъ-то на что затягивать,—продолжала Дарья Никоновна.—Ты вотъ сидишь за книжками, а твоего мужа къ цыганкамъ возятъ.

Маріанна даже не подняла головы. Она знала, что компанія Ивановыхъ и ея мужъ нерѣдко ѣздятъ въ четверги и въ воскресенья за городъ послушать цыганъ.

— Вчера-то онъ тебѣ сказалъ, что отъ цыганокъ домой вернулся?—спросила Дарья Никоновна.

— Я не спрашивала,—отвѣчала Маріанна.

Digitized by Google

— А надо было спросить,—сказала мать и пустилась въ разсужденія.—И что нынче за жены: мужъ по городу рыщетъ, мужъ Богъ вѣсть съ кѣмъ хороводится, а онѣ въ книжку читаютъ, премудрости набираются да въ дурахъ и остаются. За мужьями, пока они не перебѣсились, во всѣ глаза смотрѣть надо, надежныхъ людей къ нимъ приставлять надо, чтобы каждый ихъ шагъ знать, а ты: «Я не спрашивала, гдѣ онъ былъ». Погоди, матушка, спросишь, да поздно будетъ! Ты бы не только спросить должна была, а и въ карманахъ-то пошарить, бумажники осмотрѣть у благовѣрнаго...

Маріанна съ негодованіемъ подняла голову.

— Чему вы меня учите!

— А тому, что жена должна знать, сколько у мужа денегъ было, когда онъ ушелъ изъ дому, и сколько осталось, когда онъ вернулся. Его-то деньги—твои деньги. Что же такъ и позволять ихъ зря швырять? Вотъ если бы ты была хорошей женой, то и знала бы, что Сергѣй Сергѣевичъ вчера во хмелю не одну сотню выбросилъ одной цыганкѣ.

— Замолчите!—рѣзко произнесла Маріанна, совершенно безсознательно охраняя себя отъ дальнѣйшихъ сообщеній матери, могущихъ окончательно разрушить ея спокойствіе.—Я не хочу, чтобы вы мнѣ клеветали на мужа. Слышите?

— Да ты потише! потише!—прикрикнула Дарья Никоновна.

Но Маріанна повторила съ негодованіемъ:

— Молчите! И чтобы я никогда никакихъ сплетенъ не слыхала отъ васъ!

Она пошла изъ комнаты, точно спасаясь отъ матери.

— Дура ты, дура!—раздалось ей вслѣдъ.—Сама кланяться будешь: «узнайте, разскажите, какъ и что?» Форсъто еще поспадетъ. Тогда и мать нужна будетъ.

Маріанна уже не слыхала ея словъ. Ей было все равно, что говоритъ мать. Ей вдругъ вспомнилось, какъ нѣженъ былъ вчера съ нею мужъ, и ей стали смѣшны намеки матери на какую-то цыганку. Въ то же время она припомнила, что она почти прогнала мужа, и это ее стало мучить. Онъ страстно любитъ ее, она стала холоднѣе къ нему. Съ чего? Ужъ не потому ли, что онъ кажется ей не геніемъ, не идеаломъ добродѣтели. «Книгъ мало читаетъ! Музыки Вагнера не одобряетъ!—насмѣшливо проговорила она, глумясь сама надъ собой.—За это нужно и любить меньше?» О нѣтъ, нѣтъ, онъ дороже ей всѣхъ геніевъ,

Digitized by Google

всѣхъ безупречныхъ людей. Да и можно ли ей не любить его, когда онъ самъ такъ безумно любитъ ее?

Когда Сергѣй Сергѣевичъ пріѣхалъ къ обѣду, она чуть не повисла у него на шеѣ. Онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и смотрѣлъ смущеннымъ, цѣлуя ее. Во время обѣда онъ говорилъ разсѣянно и видимо спѣшилъ его кончить.

— Что съ тобой, Сережа?—спросила испуганно Маріанна, когда онъ и она остались одни.

— Такъ, пустяки,—отвѣтилъ онъ:—просто нѣкоторыя денежныя затрудненія вышли. Немного зарвались мы и придется взять у матери проценты раньше срока. Досадно иногда, что капиталъ, согласно волѣ отца, находится въ ея рукахъ. Точно мальчишкѣ, приходится каждый разъ краснѣть передъ нею, когда деньги нужны раньше срока.

Маріанна вспомнила разсказы матери и поблѣднѣла: оказывается, что мать не сочинила всей исторіи. Сергѣй Сергѣевичъ это замѣтилъ и успокоилъ жену:

— Это пустяки, голубка, сущіе пустяки! Надо жить намъ потише, вотъ и все! Молоды мы, нерасчетливы. Это такъ естественно при нашей неопытности!

«Мы! Мы!» Это поразило и обидѣло ее. При чемъ тутъ она? Она живетъ затворницей. Она ничего не тратитъ на себя. Ее-то онъ не можетъ упрекнуть въ мотовствѣ.

— Не люблю я только спрашивать у матери,—задумчиво продолжалъ онъ, видимо боясь объясненій съ матерью.— Сейчасъ начнутся глубокія соображенія, куда уходятъ деньги, намеки, что жить мы не умѣемъ, что ты не хозяйка...

Маріанна вспыхнула и обидчиво начала:

— Я, кажется, стараюсь, насколько возможно...

— Ахъ, да развѣ я тебя обвиняю за что-нибудь?— воскликнулъ онъ, перебивая ее.—Я говорю только о томъ, что скажетъ мать. Сама тратитъ деньги зря, а другихъ за каждый грошъ осудить готова. Рада будетъ возможности придраться къ тебѣ...

Маріанна нахмурилась и съ горечью подумала: «Недоставало еще того, чтобы меня обвиняли за него въ нерасчетливости, въ бросаньи денегъ, въ неумѣньи жить».

— Нельзя ли перехватить у Ольги?—замѣтила она.

— Ну, ужъ отъ этого я отказываюсь!—быстро сказалъ онъ.

— Отчего?

— Эта просто станетъ мылить мнѣ самому голову за мою жизнь.

Digitized by Google

— Ольга упрекнетъ тебя, а мать будетъ упрекать меня?— съ горечью пояснила Маріанна.—Конечно, второе для тебя легче.

И прежде чѣмъ онъ, немного сконфуженный, что-нибудь возразилъ, она рѣшительно проговорила:

— Я сама спрошу у Ольги, такъ какъ я вовсе не желаю быть безъ вины виноватой передъ твоей матерью.

— Да развѣ я позволю,—началъ онъ.

Она сухо перебила его:

— О, конечно, позволишь, лишь бы защитить себя.

И коротко спросила:

— Сколько и на какой срокъ надо взять у Ольги?

Онъ немного оторопѣлъ, какъ пойманный въ скверной продѣлкѣ школьникъ, и растерянно сказалъ необходимую ему сумму денегъ.

Дальнѣйшій разговоръ между мужемъ и женою не клеился. Сергѣю Сергѣевичу вдругъ понадобилось идти куда-то по дѣламъ. Маріанна не удерживала, но даже не разспрашивала, куда онъ ѣдетъ. Какія-то мрачныя думы лѣзли въ ея голову. Мать мужа обвинила бы ее за мотовство, а онъ даже не сталъ бы защищать ее, лишь бы упрекали не его. Трусъ... Маріанна незамѣтно для самой себя подошла къ роялю, взяла ноты и начала пѣть. Она даже не сознавала, что она дѣлаетъ это ради того, чтобъ не думать. Эти думы нагоняли на нее непреодолимый страхъ. Казалось, кто-то шепталъ ей, что она совсѣмъ перестаетъ уважать мужа.

— Не сталъ ли онъ играть?—коротко спросила Ольга Сергѣевна, когда Маріанна попросила у нея взаймы денегъ.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила Маріанна.—Просто потратился.

Ольга Сергѣевна пристально взглянула на нее.

— Ты чего-то не договариваешь?

Маріанна покраснѣла.

— На цыганокъ бросилъ,—прошептала она.

— А!

Ольга Сергѣевна поспѣшно заговорила о другихъ предметахъ. Эта поспѣшность не ускользнула отъ вниманія Маріанны. Разговоръ шелъ вяло. Вдругъ Маріанна оборвала ее и спросила:

— Я надѣюсь, ты этому не придаешь серьезнаго значенія?

— Чему?—спросила въ свою очередь Ольга Сергѣевна.

— Этой... этой цыганкѣ,—краснѣя пояснила Маріанна.— Было бы смѣшно ревновать.

Digitized by Google

Ольга Сергѣевна пожала плечами и съ сильной тревогой заговорила:

— Не это страшно. Вся эта тина страшна. Страшно то, что Сергѣй не выбьется, не захочетъ выбиться изъ этой тины. Я тебѣ никогда не говорила объ этомъ, боялась смущать тебя, но... нужно же тебѣ открыть глаза на то, чего ты сама не видишь и противъ чего вслѣдствіе этого не протестуешь, не борешься.

Маріанна почти вскрикнула:

— Не борюсь? О!..

Она поднялась въ сильномъ волненіи съ мѣста и, ходя по комнатѣ, не имѣя силы сдержать себя, съ мучительнымъ видомъ заговорила:

— Ты думаешь, я все попрежнему остаюсь дѣвочкой, ничего не вижу, не понимаю? Ты страшно ошибаешься. Надо быть слѣпой, чтобы не видать этихъ попоекъ сегодня, попоекъ завтра, этой вѣчной ѣзды на тройкахъ Богъ вѣсть зачѣмъ, Богъ вѣсть куда, чтобы только выпить, выпить и выпить. Да если бы я была даже такъ слѣпа, такъ непонятлива, то у меня есть мать, которая все знаетъ, все развѣдаетъ, все передастъ, хоть бы отъ этого разорвалось мое сердце!

Она закрыла лицо руками и горько расплакалась, присѣвъ къ столу.

Ольга Сергѣевна склонилась къ ней и, лаская ее, проговорила:

— У тебя есть великое оружіе для спасенія: онъ обожаетъ тебя.

Маріанна зарыдала еще сильнѣе.

— Что съ тобой? Ты сомнѣваешься въ его любви?

— Нѣтъ, нѣтъ, не то,—отвѣтила Маріанна, продолжая рыдать.—Онъ не умѣетъ любить, не способенъ любить... онъ умѣетъ только ласкать...

Въ этомъ восклицаніи высказался результатъ всего, до чего додумалась Маріанна, вглядываясь въ своего мужа. Сладострастіе, а не страсть, чувственность, а не любовь, вотъ что было въ немъ. Ему была нужна не подруга жизни, а любовница, и онъ, какъ большинство людей его кружка, не умѣлъ иначе смотрѣть на жену. Онъ дорожилъ ея здоровьемъ, ея жизнью, но только потому, что въ данную минуту она представлялась ему лучшею изъ всѣхъ любовницъ. Ольга Сергѣевна, пораженная словами Маріанны, испуганно воскликнула:

Digitized by Google

— Не говори этого, не думай этого. Разъ ты ошибешься въ этомъ—это смерть.

— А ты думаешь, я хочу теперь жить?—спросила Маріанна, опустивъ руки и смотря на Ольгу Сергѣевну.

— Полно, полно! Это нервы. Ты опять вѣдь въ такомъ положеніи? Да?

Маріанна кивнула утвердительно головой.

— Ну, вотъ видишь ли, я угадала! Понятно, что нервы разстроены, недомогается, все и кажется въ мрачномъ освѣщеніи. Сережа еще мальчикъ, его можно сдѣлать хорошимъ человѣкомъ. Онъ добрый малый. Любовью изъ него все можно сдѣлать.

Маріанна молчала. Отчасти она угадывала, что Ольга Сергѣевна сама плохо вѣритъ въ свои слова и говоритъ ихъ, чтобы только ободрить ее. Отчасти ей было стыдно сказать даже Ольгѣ Сергѣевнѣ, что она понимаетъ, что изъ мужа ничего нельзя сдѣлать, что съ нимъ нельзя даже серьезно говорить, что его внутреннюю пустоту и безсодержательность могла вполнѣ понять только она, жена, то-есть человѣкъ, передъ которымъ не надѣвалось никакой маски, съ которымъ уже вовсе не для чего хитрить и стѣсняться, который могъ узнать самые сокровенные изгибы этого пустого сердца. Такія пустыя сердца похожи на тѣ пустыя страницы, на которыхъ ничего не написано не потому, что на нихъ еще не пробовали писать, а потому, что на нихъ нельзя ничего написать: все протечетъ, расплывется, размажется въ грязь...

Тѣмъ не менѣе, когда Ольга Сергѣевна ушла, Маріанна задумалась. Точно ли она убѣждена, что Сергѣй не способенъ любить, а умѣетъ только ласкать? Точно ли у нея потеряна всякая надежда сдѣлать изъ него хорошаго и болѣе серьезнаго человѣка? Вѣдь онъ молодъ, онъ поддастся искушеніямъ, онъ мало серьезенъ, потому что они покуда все еще только играли въ любовь, не видали серьезныхъ обязанностей. Обнимались и цѣловались и никогда не говорили: начало разговоровъ было предлогомъ для объятій и поцѣлуевъ, прекращавшихъ неоконченный разговоръ. Вотъ родится у нихъ дитя, Сережа станетъ отцомъ, онъ пойметъ, что имъ надо жить тихо и степенно, чтобы хватило средствъ и на ребенка. Она дѣйствительно многое преувеличила подъ вліяніемъ нервнаго раздраженія, подъ вліяніемъ болѣзни, подъ вліяніемъ послѣднихъ разговоровъ съ матерью, съ мужемъ, съ Ольгой... Въ ея головѣ совершился мало-по-малу

Digitized by Google

желанный поворотъ мыслей въ другую сторону. Вспомнились заботы Сергѣя Сергѣевича о ней во время ея прошлогодней болѣзни, вспомнилось, какъ онъ испугался нынче при мысли о ея положеніи. Да, онъ любитъ ее, а не только ласкаетъ. Любовью она все изъ него сдѣлаетъ: и честнаго человѣка, и хорошаго отца, и серьезнаго дѣятеля.

— Милый мой, если бы ты зналъ, какъ я тебя люблю,— шептала она вечеромъ мужу, припадая къ его плечу.

— Любишь? Да? Дитя мое!—воскликнулъ онъ, обнимая ее.—А я ужъ думалъ, что ты со вчерашняго дня меня разлюбила.

— Со вчерашняго?

— Ну да, кутнулъ я черезъ край. Да это пустяки. Когда же и кутить, какъ не въ молодости.

— А ты не кути.

— Да вотъ теперь и не думаю о кутежѣ, когда здѣсь, около тебя. Теперь никого и ничего не надо, кромѣ тебя и твоихъ поцѣлуевъ...

Она подавила вздохъ. Кромѣ поцѣлуевъ ему ничего не надо.

IX.

Въ воскресенье, по обыкновенію, вся знакомая ворошиловская компанія собралась вечеромъ у Сергѣя Сергѣевича. Вечеръ шелъ обычнымъ порядкомъ: играли въ фанты, танцовали, разсказывали анекдоты, сыпали двусмысленностями, слонялись безцѣльно изъ угла въ уголъ, изъ комнаты въ комнату, видимо не зная, что начать, чтобы убить время, наконецъ, дождались желаннаго ужина, и началась та незамѣтно одуряющая попойка, отъ скуки и бездѣлья, которая въ концѣ концовъ дѣлала всѣхъ невмѣняемыми. Она, и только она, была цѣлью этихъ сборищъ, и послѣ нея всѣмъ начинало казаться, что имъ весело, такъ какъ всѣ кричали, хохотали, пѣли, не понимая ни самихъ себя, ни другихъ. Уже за ужиномъ возникъ вопросъ о поѣздкѣ на тройкахъ. Маріанна, сидѣвшая за ужиномъ въ тяжелыхъ думахъ, вздрогнула и взволновалась. Въ головѣ мелькнула мысль, что мужъ опять поѣдетъ куда-нибудь за городъ, къ цыганамъ, къ цыганкамъ, къ той...

«Такъ, случайно онъ швырнулъ ей деньги или... понравилась она ему?—пронеслось въ головѣ Маріанны.—Какъ знать! Эти женщины умѣютъ увлекать, спаивать, возбуждать, тогда какъ она начинаетъ надоѣдать ему «серьезностями». Если онъ еще и не увлекся «тою», то можетъ легко «увлечься».

Digitized by Google

Какъ-то безсознательно она встала изъ-за стола и пошла въ гостиную.

— Куда ты, дитя?—крикнулъ Сергѣй Сергѣевичъ.

— Спѣть хочу что-нибудь,—отвѣтила она, улыбаясь ему.

— Ну, и отлично!

— Да, да, спойте!—раздались голоса, хотя никого не занимало теперь ея пѣніе.

Жоржикъ предупредительно вскочилъ съ мѣста.

— Я буду аккомпанировать!

Маріанна встала около рояля и запѣла:

«То было раннею весной»...

Она пѣла хорошо, прекрасно фразируя, выказывая много вкуса, умѣло владѣя небольшимъ, но очень пріятнымъ голосомъ, за который ее «обожали» въ институтѣ. Когда романсъ былъ конченъ—раздались аплодисменты.

— Чудо ты мое, сокровище!—восторженно воскликнулъ Сергѣй Сергѣевичъ, цѣлуя жену.

Она раскраснѣлась и весело заглянула въ его глаза.

— Любишь?

Въ этомъ вопросѣ было теперь, помимо ея воли, что-то кокетливое, заискивающее, напрашивающееся на ласку.

— Божество мое!—воскликнулъ онъ.

Она запѣла новый романсъ, и привычный человѣкъ могъ бы подмѣтить, что никогда она не пѣла еще съ такимъ чувствомъ, какъ сегодня. Казалось, она старалась щегольнуть передъ кѣмъ-то, увлечь кого-то. Снова раздались аплодисменты, снова Сергѣй Сергѣевичъ восторженно цѣловалъ жену. Она не отстранялась, хотя въ другое время она стѣснялась ласкъ мужа при другихъ. Теперь, напротивъ того, она, кажется, сама просила ихъ, старалась вызвать ихъ. Вдругъ раздался рѣзкій голосъ Серафимы:

— Ну, довольно сладостей! Играй, Егоръ, «Барыню».

Жоржикъ повиновался, хихикая и ерзая на табуретѣ. Серафима, сидя на диванѣ, откинувшись на его спинку и далеко передъ собою вытянувъ ноги, запѣла «Барыню», крикнувъ окружающимъ:

— Подтягивайте!

Запѣлъ хоръ. Началось выдумыванье невозможныхъ по нелѣпости куплетовъ. Сергѣй Сергѣевичъ, уже оставивъ жену, подсѣлъ къ Серафимѣ и хохоталъ, какъ сумасшедшій. Онъ наклонился къ уху Серафимы:

— А вы знаете этотъ куплетъ?

Digitized by Google

Онъ проговорилъ ей на ухо скабрезный куплетъ.

— И не такіе еще знаемъ!—отвѣтила она, дѣлая ироническую гримасу.

Комната огласилась хохотомъ...

Маріанна стояла съ поникшей головой у рояля и перебирала ноты, безмолвная, сконфуженная, оскорбленная. Въ ея головѣ былъ хаосъ. Случайно ея взглядъ упалъ на двери, ведущія въ столовую. На тѣни она увидала очертаніе женской фигуры, поднимавшей рюмки и стаканы, смотря на нихъ противъ свѣта лампы, и подносившей ихъ ко рту. Это была мать, «прибиравшая хрусталь и серебро»...

Молодая женщина почувствовала, что у нея темнѣетъ въ глазахъ. Нѣсколько минутъ она провела въ полномъ оцѣпенѣніи, ничего не видя, ничего не слыша. Что дѣлалось вокругъ, она почти не понимала. А кругомъ шло волненіе, всѣ поднялись съ мѣстъ. Теперь уже не въ залѣ, а въ передней былъ невообразимый гамъ. Гости разбирали шубы, мѣховыя шапки, калоши, толкались, говорили всѣ за разъ и безпричинно смѣялись. Было рѣшено ѣхать на тройкахъ, и всѣ собирались, торопились. Маріанна отошла отъ рояля и стояла въ дверяхъ залы, какъ статуя, безмолвно смотря на эту суетовку. Ее вывелъ изъ оцѣпенѣнія голосъ мужа:

— Ну, прощай!—весело и любовно проговорилъ онъ.— Ложись раньше. Я часа черезъ два пріѣду.

Онъ поцѣловалъ ее въ полоходѣвшій лобъ. Она почувствовала, что вотъ-вотъ она заплачетъ, и собрала всѣ свои силы, чтобы не разрыдаться. Дверь на лѣстницу уже распахнулась, и оттуда повѣяло свѣжимъ воздухомъ.

— Ступай, ступай, дитя! Простудишься!—заботливо сказалъ ей мужъ и, еще разъ поцѣловавъ ее, поспѣшилъ за гостями.

Передняя опустѣла. Саша обратилась къ барынѣ.

— Тушить лампы?—спросила она.

— Да, да,—отвѣтила Маріанна, какъ бы въ полуснѣ.— Тушите. Въ залѣ я сама потушу.

Она повернулась, прошла снова къ роялю, присѣла за него, стала перебирать клавиши. Совершенно безсознательно она играла романсъ Бородина:

Была пора, я молодость и силы
Въ своей груди, счастливый, ощущалъ.
Какъ праздникъ, жизнь торжественно манила,
И я на міръ съ надеждою взиралъ.
Но мало жизнь дала мнѣ утѣшеній,
Проснулась желчь въ моей груди.
Вѣдь кромѣ лжи, обмановъ, оскорбленій

Digitized by Google

Я ничего не встрѣтилъ на пути.
Все потерявъ, что дорого мнѣ было...

— А ты пускай его одного рыскать, такъ и не то еще будетъ,—раздался хриплый голосъ позади Маріанны.

Она быстро обернулась, вскрикнувъ отъ испуга. Передъ нею стояла мать. У старухи посоловѣли глаза, углы рта отвисли, лицо было красно и точно вдругъ обрюзгло. Безпорядокъ въ одеждѣ, всклоченные волосы какъ бы говорили о томъ, что она только сейчасъ валялась на постели. Отъ нея слегка пахло пивомъ и водкой.

— Вы еще не спите?—проговорила Маріанна и слегка закусила нижнюю губу.

Опять что-то болѣзненное защемило ея сердце.

— Уснешь тутъ, когда ты на всю квартиру поешь,—отвѣтила мать.—Не этими романсами, мать моя, можешь при себѣ удержать мужа.

— Да я вовсе и не хотѣла его удерживать, если ему хотѣлось прокатиться,—отвѣтила Маріанна и почувствовала, что она краснѣетъ.

Да, мать угадала. Ей хотѣлось удержать мужа, когда она пѣла и безсознательно кокетничала съ нимъ при гостяхъ. Ей хотѣлось, чтобы онъ, ея милый Сережа, остался съ ней. Теперь ей казалось унизительнымъ ея собственное поведеніе. Впервые она какъ бы вымаливала его ласки и старалась, чтобы онъ не бросалъ ее, не мѣнялъ. На кого? На какую-то цыганку!

— Что ты мнѣ разсказываешь!—воскликнула мать и грубо засмѣялась.—Не хотѣла удерживать. Сегодня не удержишь, завтра не удержишь—совсѣмъ сбѣжитъ. Тамъ у него...

Маріанна встала со страхомъ, чувствуя, что мать скажетъ что-нибудь такое, отчего она всю ночь не сомкнетъ глазъ.

— Вы легли бы спать! Пора!—сухо сказала она, стараясь быть сдержанной, и стала тушить свѣчи, стоявшія на роялѣ.

— Не слушай, не слушай мать, такъ не то еще будетъ,—съ угрозой проговорила мать.—Не люблю я Симку, а всегда скажу: молодецъ бабенка. Она вотъ если рога приставитъ, такъ онъ все же у ея ногъ валяться будетъ. Симка знаетъ, какъ мужа обойти надо...

Маріанна молча подошла къ ламинѣ, стоявшей на каминѣ, загасила ее и, взявъ послѣднюю свѣчу, еще горѣвшую на столѣ передъ диваномъ, пошла изъ залы.

— Ты носъ-то повыше еще задирай передъ матерью—

Digitized by Google

лучше будетъ,—проговорила мать.—Цыганка-то ужъ забрала его, отобьетъ и вовсе...

Маріанна уже направилась къ спальнѣ. Ей было страшно тяжело. Отъѣздъ мужа, полупьяная мать, намеки матери на то, что мужъ ее броситъ, все это угнетало ее. Она прошла въ свою спальню, раздѣлась, затушила свѣчу, легла, но заснуть не могла. При свѣтѣ лампады она смотрѣла въ пространство, на противоположную бѣлѣвшуюся въ полумракѣ постель мужа. Гдѣ онъ теперь? Что дѣлаетъ? Зачѣмъ уѣхалъ? Почему ему недостаточно повеселиться дома, а надо еще куда-то ѣхать? Часы пробили уже четыре, когда она начала дремать. Но ее тотчасъ же разбудилъ звонокъ. Она полуоткрыла глаза; въ передней послышалось, что кто-то вошелъ. Прошло минуты двѣ, и въ спальню отворилась дверь. Сергѣй Сергѣевичъ, стараясь идти на цыпочкахъ, вошелъ въ спальню. На ходу онъ зацѣпился за коверъ, пошатнулся и придержался за платяной зеркальный шкапъ. Держась за него, онъ сталъ торопливо раздѣваться, сбросивъ кое-какъ одежду и въ одномъ бѣльѣ, торопливо, невѣрной походкой, добрелъ до своей кровати. Онъ свалился на нее поверхъ одѣяла, видимо не имѣя силъ улечься, какъ слѣдуетъ. Въ ту же минуту раздался его тяжелый пьяный храпъ...

X.

Трусливыя дѣти, чувствуя, что они набѣдокурили, дѣлаются иногда особенно ласковыми, какъ бы стараясь заранѣе обезоружить старшихъ, могущихъ узнать ихъ проказы. Эту заискивающую ласковость легко было подмѣтить на слѣдующій день послѣ кутежа въ обращеніи Сергѣя Сергѣевича съ женою. Она подмѣтила это и въ душѣ обрадовалась этому. Впервые онъ признаетъ себя виноватымъ, не хорошо поступившимъ, думалось ей, а раскаяніе въ своемъ проступкѣ—первый шагъ къ исправленію. Во всякомъ случаѣ важно уже то, что онъ созналъ дурную сторону своего поведенія. Ей стало даже немножко смѣшно глядѣть на него, усердно цѣловавшаго ей руки, заботливымъ тономъ разспрашивавшаго ее о здоровьѣ и избѣгавшаго въ то же время всякаго намека на вчерашній день. Онъ спрашивалъ ее, не хочетъ ли она ѣхать въ театръ, чтобы развлечься; озабоченно говорилъ о томъ, что было бы хорошо, если бы вечеромъ заѣхала Ольга провести съ ними нѣсколько часовъ. Маріанна улыбалась счастливою улыбкою и думала: «Онъ совсѣмъ еще ребенокъ». Ей было въ то же

Digitized by Google

время странно, какъ это она сама успѣла такъ перерасти его въ эти полтора года, что онъ представлялся ей уже мальчикомъ, а не взрослымъ человѣкомъ. Что-жъ, это и хорошо, что онъ еще мальчикъ, его можно исправить, все его будущее еще впереди, и это будущее будетъ хорошимъ, счастливымъ. Она точно расцвѣла въ эти дни, и смотрѣла такъ весело, что ея настроеніе бросилось даже въ глаза Ольгѣ Сергѣевнѣ, заѣхавшей къ ней въ среду утромъ. Ольга Сергѣевна, напротивъ того, была какъ-то особенно озабочена и серьезна. Державшаяся всегда прямо и холодно, натянуто и сухо, она казалась теперь еще прямѣе и неприступнѣе, была какъ бы насторожѣ, точно ожидая какого-то нападенія. Въ то же время она говорила разсѣянно, какъ человѣкъ, говорящій не о томъ, что у него на душѣ, а обо всякомъ, вовсе безразличномъ для него, вздорѣ.

— Ты сегодня какъ-то особенно празднично смотришь,— разсѣянно замѣтила она Маріаннѣ.—Что-нибудь случилось?

— Да,—отвѣтила Маріанна и откровенно разсказала все, весело улыбаясь. — Ты не можешь представить, какъ милъ въ эти дни Сережа. Мнѣ такъ и хочется расцѣловать его, но я воздерживаюсь и стараюсь казаться строгой. Пресмѣшно все это.

Ольга Сергѣевна пожала слегка плечами.

— Какое странное совпаденіе,—проговорила она въ раздумьи и прибавила. — Одинаковыя явленія и разные результаты.

— Что ты хочешь сказать?—спросила Маріанна.

— Вообрази, что и меня постигло особенно сильное проявленіе нѣжныхъ чувствъ и раскаяній со стороны моего мужа. Только у тебя это начало счастья, а у меня это причина для открытія положительной войны противъ него.

Она вздохнула.

— Да, я тебѣ говорила, что изъ Сережи еще можно сдѣлать человѣка, потому что вы оба любите другъ друга. Ему вотъ достаточно было сильно подкутить, чтобы почувствовать себя виноватымъ передъ тобою. Это хорошій знакъ.

— О да, да, я теперь понимаю, что изъ Сережи все можно сдѣлать!—горячо согласилась Маріанна.—Онъ добръ, честенъ, понимаетъ все хорошее. Если онъ и вращается среди этихъ пошлыхъ людей, такъ просто дѣлается это потому, что онъ еще молодъ и хочетъ повеселиться, посмѣяться.

Она засмѣялась.

Digitized by Google

— Знаешь, мнѣ такъ и хочется ему сказать: «Да полно, Сережа, играть роль кающагося грѣшника. Развѣ это преступленіе, что ты вернулся домой, подкутивши ночью. Это пустяки. Это со всякимъ можетъ случиться». Но я не говорю ему этого, чтобы не поощрять его. Пусть считаетъ это преступленіемъ и кается.

Она была дѣтски мила въ эту минуту. Ольга Сергѣевна при другомъ настроеніи непремѣнно посмѣялась бы снисходительно надъ этимъ милымъ ребенкомъ, но теперь ей было не до смѣха. Сама она была озабочена, поглощена мыслью о своихъ дѣлахъ.

— Но что случилось у тебя?—спросила ее Маріанна съ участіемъ.

— Въ сущности не случилось ничего новаго, но продолженіе того, что было, показало мнѣ ясно, что надо принять экстренныя мѣры,—отвѣтила Ольга Сергѣевна.

Ея лицо приняло выраженіе горечи.

— Тоже покаяніе произошло!—пояснила она.

— Твой мужъ, ты говорила, давно уже кается, — замѣтила Маріанна.

— Да, кается и снова разыгрываетъ пошлую комедію влюбленнаго,—сказала Ольга Сергѣевна.

— Но почему же «комедію»?—осторожно проговорила Маріанна.—Можетъ-быть, онъ и точно опомнился, отрезвился.

— Ахъ, что ты мнѣ говоришь! — строптиво воскликнула Ольга Сергѣевна. — Онъ вѣчно лгалъ, онъ и теперь лжетъ! Да если бы онъ даже не лгалъ, то я никогда не прощу, не забуду того, что онъ сказалъ мнѣ когда-то, что онъ, графъ Нольтке, могъ жениться на какой-то Ворошиловой только ради денегъ. О, это никогда не забудется!

И, возбужденная, взволнованная, она опять заговорила о томъ, что она пережила. Мужъ, женившійся на ней ради денегъ и обманувшійся въ своихъ расчетахъ, заставилъ ее пережить страшныя униженія. Онъ нагло и цинично сознался ей когда-то, что онъ вовсе не любилъ ея, а только искалъ денегъ. Онъ и послѣ этого признанія требовалъ, чтобы она жила съ нимъ, какъ съ мужемъ. Иногда онъ доходилъ чуть не до драки, желая этимъ заставить ее, нелюбимую, продолжать быть его женой. Въ послѣдніе же годы, когда она рѣшительно отстранилась отъ него, онъ прибѣгнулъ къ другой тактикѣ, прикинулся влюбленнымъ въ нее, сталъ преслѣдовать ее своимъ вниманіемъ, своей покорностью, своей предупредительностью. Мало того, онъ

Digitized by Google

избралъ орудіемъ для своихъ цѣлей разныхъ престарѣлыхъ и сентиментальныхъ тетушекъ-дѣвственницъ, разныхъ выжившихъ изъ ума и благочестивыхъ бабушекъ изъ своей родни, обратился, наконецъ, къ содѣйствію ея матери. Весь этотъ кагалъ кающихся Магдалинъ, вышедшихъ въ тиражъ камеръ-фрейлинъ, глупыхъ и недальновидныхъ старухъ сталъ внушать ей, что «бѣдный Леонидъ» остепенился, раскаивается, страдаетъ по ней, жаждетъ ея любви.

— Однѣ изъ этихъ глупыхъ старухъ искренне вѣрятъ ему, другія сентиментально мечтаютъ устроить романическую сцену примиренія, третьи просто боятся, что я, съ безстыдствомъ мѣщанки во дворянствѣ, пойду на публичный скандалъ, и всѣ, вмѣстѣ и порознь, осаждаютъ меня своими письмами, ламентаціями, совѣтами, богобоязненными указаніями на то, что скажетъ le bon Dieu,—горячо закончила она.—Все, что я говорю имъ, вызываетъ одинъ отвѣтъ: «Онъ все же мужъ! Нельзя же быть такой жестокосердной, худой миръ лучше доброй ссоры!» И всѣ говорятъ, что у меня нѣтъ сердца, что во мнѣ нѣтъ женственности, что я суха и мстительна. Ну да, да, онѣ правы, во мнѣ убито все, все растоптано, все умерло, и душа, и сердце, и женственность!

— Но,—начала несмѣло Маріанна.

— Теперь онъ рѣшился на экстренныя мѣры,—продолжала въ волненіи Ольга Сергѣевна, не слушая ея.—Третьяго дня онъ ползалъ передо мною на колѣняхъ, въ слезахъ, уже не просто прося прощенія, но угрожая, что онъ сойдетъ съ ума, если я не отзовусь на его любовь, что онъ въ отчаяніи пуститъ себѣ пулю въ лобъ...

— О!—воскликнула Маріанна.—И ты...

— Я была бы очень рада этому концу. Это избавило бы меня отъ необходимости вести бракоразводный процессъ, поднимать всю эту грязь, выносить въ общество то, что дѣлалось за кулисами этой гнусной семейной жизни, за кулисами этого разврата на законномъ основаніи.

— Но почему же ты не хочешь вѣрить,— опять начала Маріанна.

— Во что?—запальчиво спросила Ольга Сергѣевна.—Въ его искренность, въ его любовь? Я вѣрю только въ то, что онъ снова надавалъ векселей и боится, что представятъ ко взысканію! Въ это я вѣрю, потому что это я знаю навѣрное.

Она поднялась съ мѣста и въ необычайномъ волненіи заходила по комнатѣ.

— Но если бы ты знала, сколько гадостей необходимо

Digitized by Google

пережить, какія мѣры надо предпринять, чтобы добиться развода! — съ омерзеніемъ проговорила она. — Я говорила уже съ адвокатами. Они мнѣ все разъяснили, передавъ всѣ подробности. Тѣмъ не менѣе, я пойду на все, хотя бы это было еще омерзительнѣе, хотя бы это стоило половины моего состоянія. Я пойду на все, и этотъ человѣкъ узнаетъ, что и у Ворошиловыхъ можетъ быть своя честь, надъ которой нельзя издѣваться никакимъ промотавшимся графчикамъ. Я вынесу все, поплачусь дорогой цѣной, но добьюсь того, что онъ останется опозореннымъ и, что для него главное, нищимъ.

— Ольга!—молящимъ тономъ произнесла Маріанна.

— О,—съ невыразимой горечью воскликнула Ольга Сергѣевна:—вѣдь онъ когда-то довелъ меня до того, что я начала его любить первою любовью, и именно въ это время онъ, какъ пощечину, бросилъ мнѣ въ лицо оскорбленіе, сказавъ, что онъ-то никогда, никогда не любилъ меня. Да развѣ это можетъ простить женщина? Онъ не только заставилъ меня быть своей любовницей, не любя меня, нѣтъ, онъ еще насмѣялся въ душѣ надо мною, когда я начала шептать ему робкія слова любви; онъ убилъ во мнѣ способность вѣрить въ чью бы то ни было любовь, и, можетъ-быть, въ то время, когда я страдала, смѣялся съ какими-нибудь кокотками надъ глупой купеческой дочкой, воображавшей, что ее можетъ любить графъ Нольтке!

Маріанна притихла, почти испугалась этого страстнаго и бурнаго порыва. Она понимала, что тутъ нельзя было ни утѣшать, ни возражать... Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія. Прервала его Ольга Сергѣевна. Немного успокоившись, она заговорила о предстоящемъ процессѣ. Ее, конечно, назовутъ сумасбродной, родня графа найдетъ, что она поступаетъ, какъ «мѣщанка», которой не страшны скандалы, такъ какъ у нея нѣтъ «имени», разныя легкомысленныя барыни вовсе не поймутъ, почему она не пошла на примиреніе, когда мужъ самъ просилъ у нея прощенія.

— А бабушки и тетушки графа непремѣнно скажутъ, что все это вслѣдствіе безбожія и распущенности съ моей стороны,—съ ироніей закончила она:—и начнутъ вздыхать: «въ какое время мы живемъ, какіе нравы господствуютъ въ обществѣ, все отъ просвѣщенія, отъ учености, лягушекъ рѣжутъ». Но я приготовилась ко всему и не отступлю ни на шагъ отъ своего рѣшенія.

— Если онъ точно застрѣлится?—робко спросила Маріанна.

Digitized by Google

— Я тебѣ уже сказала, что, по-моему, это самый лучшій исходъ какъ для него, такъ и для меня, — отвѣтила Ольга Сергѣевна, и опять въ ея фигурѣ, въ выраженіи ея лица появилось что-то сухое, жестокое.

Маріанна только вздохнула. Она никогда бы не могла такъ относиться къ кому бы то ни было. Она могла бы сама умереть, но довести до самоубійства другого — нѣтъ, это терзало бы и мучило бы ее всю жизнь.

Едва ушла отъ нея Ольга Сергѣевна, какъ въ ея комнату вошла Дарья Никоновна.

— Ишь какъ раскудахталась!—насмѣшливо сказала Дарья Никоновна, присаживаясь на стулъ.

— Вы развѣ слышали? — съ удивленіемъ спросила Маріанна.

— Еще бы, рядомъ въ комнатѣ была,—коротко пояснила мать.—Да ужъ и пѣтушилась она больно, глухой могъ бы услышать. Да, нечего сказать, свелъ Богъ парочку. Графъ-то извѣстный кутила, форсу вездѣ задаетъ, такъ и швыряетъ деньги.

— Да развѣ вы знаете его?

— Я-то? Да кого же я не знаю. Слава Богу, родилась въ Петербургѣ и до старости въ немъ дожила. Какъ же не знать такихъ-то людей.

Она засмѣялась.

— Въ кумовствѣ даже съ его камердинеромъ пришлось быть. Писарекъ тутъ одинъ просилъ кумой быть по старой памяти. Я спервоначалу не хотѣла съ камердинеромъ-то крестить, все же чиновница. Ну, а потомъ подумала, мало ли какія лица у простыхъ людей и съ простыми людьми крестятъ. Пошла. Такъ камердинеръ-то графа мнѣ все и разсказалъ. Я и прежде много знала. Прачка одна и та же на графа и на нашего Егорку стираетъ, такъ разсказывала. Ну, а камердинеръ и всю суть подноготную выложилъ. Нечего сказать—жизнь!

Она начала распространяться о графѣ. Онъ бы не кутилъ, пожалуй, потому ни къ вину, ни къ картамъ, ни къ женщинамъ страсти у него нѣтъ, а вотъ форсу много. Въ этомъ вся и бѣда его. Для форсу онъ на все пойдетъ. Скупъ, а для форсу готовъ тысячи расшвырять, только задѣнь его амбицію. Извѣстно, дуракъ набитый. Вотъ теперь валяется передъ женой въ ногахъ, а все потому, что форсу потерять боится. Для него это ножъ острый. Да онъ и обломалъ бы другую, а эта ужъ больно суха. Ее ничѣмъ не проймешь.

Digitized by Google

Ни слезами, ни мольбами, ни угрозами. Онъ ужъ одно время думалъ ее поймать, полагалъ, что она влюбится въ кого-нибудь, свихнется и тогда веревки изъ нея можно будетъ вить. Подсылалъ къ ней самъ разныхъ шематоновъ съ амурами. Такъ нѣтъ, одно слово — палка, торчитъ столбомъ и ни въ бокъ, ни на сторону. А кто виноватъ въ ея бѣдѣ? Сама. Не успѣла во-время мужа въ руки взять.

— Ты вотъ тоже смотри,—обратилась неожиданно Дарья Никоновна къ Маріаннѣ.—Не давай своему Сергѣю-то Сергѣевичу потачки.

Маріанна невольно усмѣхнулась. Она мысленно только что благословляла судьбу за то, что ея Сережа не таковъ, какъ графъ Нольтке.

— Тоже сталъ хороводиться съ цыганками,—продолжала мать:—на прошлой недѣлѣ бросилъ на цыганку деньги. Въ воскресенье опять все распвырялъ на нее же.

— Не лгите!—горячо воскликнула Маріанна.

— Чего ты, матушка, кричишь на мать-то? Манеру тоже взяла! У Симки, что ли, научилась? Я для твоей же пользы тебя предупреждаю. Была ты всегда дура-дурой, дурой и осталась. Не научи тебя—по-міру пойдешь. Были бы у васъ золотыя горы, такъ пусть бы благовѣрный бросалъ деньги, а то какъ пойдутъ векселя...

— Какіе векселя?—упавшимъ голосомъ спросила Маріанна.

— Обыкновенные векселя. И этого не знаешь! Раскидалъ онъ деньги, и пришлось занимать.

Маріанна вспомнила о займѣ у Ольги Сергѣевны и поняла, что мать говоритъ объ этихъ деньгахъ, вѣроятно, какъ-нибудь подслушавъ объ этомъ займѣ. Эта мысль ее успокоила немного. Но Дарья Никоновна продолжала:

— Черезъ Егорку занялъ, а ужъ черезъ Егорку нѣтъ хуже брать; онъ и ростовщику дастъ нажиться, и самъ наживется. Я, какъ все это разузнала, не вытерпѣла и отчитала Егоркѣ: «Ты это что, говорю, своего-то въ кутежи втягиваешь? Кажись бы, Маріанна-то твоей женѣ сестрой доводится. Изъ ихъ кармана въ чужіе нечего деньги выгребать».

Маріанна, ошеломленная этой новостью, глухо спросила:

— Что это за цыганка?

— А ну ее! Цыганка какъ цыганка! Два глаза во лбу и на двухъ ногахъ ходитъ, какъ всѣ люди-человѣки! Не въ ней дѣло, а въ деньгахъ.

— Что мнѣ деньги!

Digitized by Google

— Какъ что? Да деньги все! Или ты, мать моя, ревновать его вздумала къ какой-то цыганкѣ? Да это курамъ на смѣхъ. Мало ли съ кѣмъ мужчины отъ женъ путаются. На здоровье имъ! Онъ тебѣ законный мужъ, а не возлюбленный; подуритъ-подуритъ на сторонѣ, да къ тебѣ же придетъ. А вотъ деньги...

Дарья Никоновна начала распространяться о значеніи денегъ и о томъ, что ни на какихъ цыганокъ женѣ не слѣдуетъ обращать вниманіе, лишь бы онѣ не поглощали денегъ. Станутъ деньги тянуть, тогда другое дѣло, нужно мужа за рога, да на веревочку. Это, молъ, не дѣло изъ дома деньги таскать. Тутъ же она не безъ самодовольства объявила, что она за каждымъ шагомъ Сергѣя Сергѣевича слѣдитъ, что онъ изъ ея рукъ не уйдетъ. Маріанна плохо понимала ее, пораженная, какъ громомъ. Въ ея головѣ вертѣлась только одна мысль о томъ, что мужъ ее обманываетъ, что онъ ласковостью скрывалъ свой проступокъ, что, можетъ-быть, лаская ее, онъ уѣзжалъ въ эти дни къ той... Но что же дѣлать? Сказать ему, что она все знаетъ? Высказать ему, что за нимъ шпіонятъ? Сдѣлать ему сцену ревности изъ-за какой-то цыганки, поставивъ себя такимъ образомъ на одну доску съ нею? Или молча улыбаться въ отвѣтъ на его ласки, сознавая, что онъ лжетъ, и лжетъ именно потому, что хочетъ скрыть то, что онъ ласкалъ наканунѣ другую женщину? Ей вспомнились эти выкидыши общества, эти достойныя позора и поруганія женщины-хищницы, вѣчно праздныя, не имѣющія ни стыда, ни совѣсти, разнаряженныя и въ то же время омерзительно грязныя, бродящія, какъ голодные шакалы, по разнымъ садамъ въ родѣ Аркадіи для отысканія себѣ добычи, не гнушающіяся никѣмъ, готовыя на всякую низость, лишь бы имъ давали денегъ, денегъ и денегъ. Въ ней пробудилось чувство брезгливости, чувство отвращенія къ нимъ, къ мужу...

XI.

— Дитя, ты нездорова!—ласково разспрашивалъ Сергѣй Сергѣевичъ Маріанну, видя ея блѣдность, грустное выраженіе лица и красноту заплаканныхъ глазъ.

— Да, нездоровится!—отвѣчала она не безъ усилія, стараясь удержать слезы.—Ты же знаешь мое положеніе.

— Да, да! не позвать ли доктора! Я такъ боюсь за тебя, золото мое!

Digitized by Google

— Боишься за меня?—вырвалось у нея восклицаніе, и въ тонѣ ея голоса послышался горькій упрекъ.

— Да развѣ ты сама этого не знаешь?

Онъ хотѣлъ взять ея руку, чтобы поцѣловать. Она невольно отдернула ее.

— Не надо! Не одними же поцѣлуями доказывается любовь,—сказала она.

— Голубка, нервы у тебя расходились,—ласково сказалъ онъ.—Ты бы полежала, отдохнула бы...

Она коротко спросила его:

— А ты поѣдешь къ Жоржику?

— Къ Жоржику?—почти съ удивленіемъ спросилъ онъ, точно забылъ, что по четвергамъ собираются у Жоржика, и прибавилъ съ разсѣяннымъ видомъ:—Ахъ, да, сегодня четвергъ? Не знаю, право, поѣду ли. Тебѣ будетъ скучно одной.

Она промолчала.

Онъ съ озабоченнымъ видомъ прошелся по комнатѣ, точно не зная, на что рѣшиться, что дѣлать. Въ ея головѣ мелькали назойливыя мысли о томъ, что ему очень хочется ѣхать къ Жоржику и къ той, къ цыганкѣ, и въ то же время онъ чувствовалъ неловкость оставить ее, Маріанну, когда она не такъ здорова. Пусть бы ужъ не кривилъ душой, пусть бы ѣхалъ, куда угодно, ей было бы легче теперь не видать его, чѣмъ видѣть, что онъ волнуется, томится скукой и старается переломить себя. Вотъ уже нѣсколько дней какъ онъ ходитъ словно въ воду опущенный, видимо чѣмъ-то озабоченный, серьезный, какъ никогда. Вѣрно изобрѣтаетъ, гдѣ бы еще добыть денегъ для этой женщины. Ну, и шелъ бы къ ней! Маріанна поднялась съ мѣста, прошла въ спальню и прилегла на кушетку. Сергѣй Сергѣевичъ продолжалъ ходить по залу, озабоченный, разстроенный, покусывая свои усики. Наконецъ, онъ осторожно вошелъ въ спальню жены и взглянулъ, спитъ ли Маріанна. Она закрыла глаза, притворясь спящей. Онъ посмотрѣлъ на нее и такъ же тихо на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. «Теперь уѣдетъ сейчасъ», мелькнуло въ ея головѣ. Дѣйствительно въ квартирѣ воцарилась тишина. «Уѣхалъ или нѣтъ?» вертѣлся въ головѣ Маріанны вопросъ. Она позвонила. Вошла Саша.

— Баринъ уѣхалъ?—спросила Маріанна.

— Уѣхали-съ,—отвѣтила горничная.—Приказали сказать, когда вы проснетесь, что сейчасъ вернутся къ чаю.

— Хорошо!—сказала Маріанна.—Ступайте, Саша!

Digitized by Google

Она осталась снова одна, по ея лицу скользила горькая усмѣшка. «Сейчасъ пріѣдетъ! Зачѣмъ онъ лжетъ? Опять всю ночь проведетъ тамъ», думалось ей. Потомъ явилась злая мысль: «Или поѣхалъ предупредить, что никакъ не можетъ оставить сегодня больную жену? А, можетъ-быть, на самомъ дѣлѣ не можетъ ѣхать просто потому, что истратилъ тѣ деньги, которыя занялъ черезъ Жоржика. Кто проникнетъ въ эти мелкія души?» Ее теперь не смутило даже то, что она мысленно назвала мужа «мелкой душой». Еще недавно она испугалась бы подобной мысли, теперь было не то. Все хорошее, что находила она прежде въ Серѣѣ Сергѣевичѣ, теперь вдругъ какъ будто испарилось и исчезло въ ея памяти, и возставали въ ней только его недостатки, ничтожные, мелкіе, жалкіе: умственная спячка, нравственное безразличіе, мелкая трусость, мальчишеская лживость. Ей вспоминались его пошленькія выходки, его слова: «Да на что мнѣ ученость? что я съ нею стану дѣлать? Узнаю, сколько звѣздъ на небѣ? Да мнѣ-то до этого что за дѣло? Или изучать, какъ люди жили при царѣ Горохѣ I или при Горохѣ II? Какъ ни жили, мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно. Читать книжки для времяпрепровожденія? Скука одна, занятнаго тутъ ничего нѣтъ. Тоже толки о политикѣ, объ общественныхъ дѣлахъ. Да развѣ я что-нибудь передѣлаю своими толками? Англія моихъ рѣчей испугается, что ли, или министерство финансовъ введетъ новую систему финансовыхъ операцій изъ-за моихъ затѣй? Все это одна скучища или кукишъ въ карманѣ. Жить значитъ веселиться, а то и жить не стоитъ». Ей вспомнилось и то, что называлъ онъ весельемъ. Трезвый человѣкъ могъ бы задохнуться, умереть съ тоски, смотря на это «веселье». Весельемъ эта жизнь могла казаться только полупьянымъ или совсѣмъ пьянымъ людямъ, которые уже не понимаютъ сами, ради чего они кричатъ, хохочутъ, спорятъ, пляшутъ, поютъ, цѣлуются. Ей вспомнились эти вечера, когда орали во все горло всѣ эти люди, не понимая ни другъ друга, ни самихъ себя. Это они называютъ весельемъ. О, если это веселье и если въ этомъ весельи смыслъ жизни, то остается только повѣситься. Самый отъявленный пессимистъ не могъ бы такъ уронить значеніе жизни, какъ роняли эти люди. Но ихъ жизнь сносна только въ полномъ бреду. «Но за что же я его любила?—пронесся въ ея головѣ мучительный вопросъ.—Какъ могла я его полюбить?» Да что же она понимала тогда, когда она отдалась ему? Онъ молодъ, красивъ собой, смѣшитъ умѣлъ, умѣлъ ласкать.

Digitized by Google

Развѣ всего этого не достаточно, чтобы увлечь дѣвочку, не успѣвшую даже кончить институтскаго образованія? Оборотную сторону медали она увидала только послѣ, живя съ нимъ въ одной квартирѣ, изо дня въ день, и увидала-то только потому, что какъ-то случайно натолкнулась на книги, пристрастилась къ нимъ, сошлась съ женщиной, много пережившей и на многое открывшей ей глаза, внезапно узнала, что этотъ человѣкъ не только стоитъ ниже ея, но еще обманываетъ ее, мѣняетъ ее на какую-то цыганку. Не будь всего этого, она, можетъ-быть, и сама втянулась бы въ этотъ образъ жизни, сдѣлалась бы не лучше Серафимы, продолжала бы вѣрить въ своего мужа, любить его... Но теперь— теперь въ ней нѣтъ ни капли любви къ нему, она презираетъ его, онъ ей сталъ совершенно чужимъ!.. Юная, неопытная, горячая, она была вполнѣ убѣждена теперь въ томъ, что она точно не любитъ его, а ея сердце такъ и билось отъ мысли, что ея Сережа тамъ, у той, у цыганки...

Раздался осторожный звонокъ. Маріанна встрепенулась и стала прислушиваться. Послышались по залу осторожные шаги. Въ спальню вошелъ Сергѣй Сергѣевичъ и, увидавъ, что Маріанна не спитъ, проговорилъ:

— Не спишь? Не я разбудилъ, дѣтя?

— Нѣтъ, я и не спала... такъ лежала,—отвѣтила Маріанна.

Онъ поцѣловалъ ея руку, пощупалъ ея лобъ и опять заботливо напомнилъ о докторѣ. Она отвѣтила, что покуда не нужно, что она просто немного утомлена.

— Смотри, береги себя, милая... Будетъ худо, не запускай,—посовѣтовалъ онъ и сталъ крутить папиросу.

Крученье папиросы ему не удавалось, и онъ раза два досадливо разорвалъ неудавшуюся крученку. Его лицо смотрѣло озабоченнымъ, сосредоточеннымъ. Иногда онъ пощипывалъ свои мягкіе усики и курчавившуюся бородку.

Вглядываясь теперь въ мужа, Маріанна старалась угадать, гдѣ онъ былъ, зачѣмъ ѣздилъ, почему смотритъ такимъ озабоченнымъ. Досадуетъ, что не могъ остаться дольше у Жоржика и ѣхать къ той? О, да кто же его держитъ? Не она ли, не Маріанна ли? Нѣтъ, теперь ей все равно, гдѣ онъ будетъ пропадать. Можетъ-быть, его бѣситъ, что у него денегъ нѣтъ, а къ той, къ цыганкѣ, безъ денегъ нельзя ѣхать. Тамъ вѣдь не людей цѣнятъ, а только деньги этихъ людей. Какъ онъ жалокъ и смѣшонъ...

— Что же ты такъ недолго побылъ у Жоржика?—неожиданно спросила она Сергѣя Сергѣевича.

Digitized by Google

Онъ вздрогнулъ, точно отъ сна его разбудили, смѣшался, повторилъ въ видѣ вопроса:

— У Жоржика?

И, опомнившись, отвѣтилъ:

— А! да, у Жоржика! Да они отмѣнили сегодня четвергъ.

— Отмѣнили? Что-нибудь случилось?—быстро спросила она.

— Нѣтъ.... что же могло случиться?—спросилъ онъ, пытливо взглянувъ на нее, точно желая угадать, не подозрѣваетъ ли она чего-нибудь.

— Захворалъ кто-нибудь?—поясняла Маріанна.

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты не волнуйся.

Она видѣла, что онъ самъ волнуется, и не могла уже успокоиться.

— Такъ почему же?—начала она.

— Ахъ, ну, просто пора уже прекратить эти jours fixes... весна наступаетъ. Вездѣ теперь прекращаются эти назначенные дни.

Онъ видимо искалъ объясненій и не могъ ихъ найти.

Въ передней раздался звонокъ, Сергѣй Сергѣевичъ торопливо вышелъ изъ комнаты. Маріанна стала прислушиваться. У нея сильно билось сердце, точно отъ предчувствія какой-то бѣды. Она ясно слышала, что кто-то вошелъ, что Сергѣй Сергѣевичъ прошелъ съ посѣтителемъ въ свой кабинетъ. Маріанна не могла болѣе оставаться въ неизвѣстности. Она встала и прошла въ кухню.

— Саша, пришелъ кто-нибудь?—спросила она у горничной.

— Егоръ Егоровичъ пришли,—отвѣтила служанка.

— Гдѣ же онъ?

— Въ кабинетѣ у барина.

Маріанна на минуту задумалась, потомъ рѣшилась пройти къ мужу. Надо же все разузнать, они что-то скрываютъ, бѣду какую-то. Когда она вошла, разговоръ въ кабинетѣ оборвался разомъ. Она замѣтила только, что и мужъ, и Жоржикъ были сильно возбуждены.

— Это ты, Жоржикъ,—спросила она, протягивая Егору Егоровичу руку и стараясь казаться спокойною.—Что, Серафима здорова?

— Здорова, здорова,—заторопился Жоржикъ.—Всѣ здоровы. А ты? Сережа говорилъ, что прихварываешь? Не хорошо, не хорошо!

Онъ суетился и волновался, какъ мышь въ мышеловкѣ. Его тощая физіономія, казалось, вытянулась и осунулась

Digitized by Google

болѣе обыкновеннаго и была комична, жалка. Сергѣй Сергѣевичъ сказалъ женѣ:

— Маріанночка, ты бы распорядилась, угостила бы насъ чаемъ.

— Да, да, я бы съ удовольствіемъ,—затараторилъ Жоржикъ.

Она поняла, что ее хотятъ выпроводить, и отвѣтивъ: «сейчасъ», вышла.

— Зачѣмъ Егорка-то прибѣжалъ?—раздалось около нея въ столовой.

Она обернулась и увидала мать.

— Ахъ, ничего я не знаю!—безнадежно отвѣтила Маріанна.—Что вы меня спрашиваете.

— Да гдѣ тебѣ и знать!—пренебрежительно сказала Дарья Никоновна и, успокаивая дочь, прибавила таинственно:—Вотъ погоди, я все вывѣдаю.

Маріанна обрадовалась.

— Да, да, скорѣе, разузнайте. Покойна я не могу быть,—торопливо произнесла она.

— То-то, все на мать нападаете, а какъ нужда, такъ мать выручай,—попрекнула ее мать и прибавила:—мелкія есть? На извозчика надо.

Маріанна торопливо порылась въ карманѣ, достала денегъ и повторила:

— Поскорѣй... все разузнайте...

— Учи еще! Мать-то всѣ норы обшаритъ, а все узнаетъ...

У Маріанны подкашивались ноги. Она, однако, старалась успокоить себя. Пустяки какіе-нибудь. Стоитъ ли волноваться, ничего не зная. Это все разстроенные нервы виноваты. Изъ мухи слона дѣлаешь. Въ столовую вошли Сергѣй Сергѣевичъ и Жоржикъ. Они сѣли пить чай, но Жоржикъ торопился и обжигалъ губы.

— Я, вѣдь, на минуточку, по дѣлу,—пояснилъ онъ, дуя на чай и спѣша глотать его.

— По дѣлу?—спросила Маріанна.

— Ахъ, пустяки все,—торопился отвѣтить Сергѣй Сергѣевичъ.—Какое дѣло? Просто пришелъ разсказать про разныя пакости и сплетни.

— Про какія сплетни?—спросила Маріанна.

— Тамъ у нихъ.. свиньи разныя напакостили, Дубасовъ, Рубцовъ, князь Езерскій... все старыя исторіи...

И, заминая разговоръ, онъ началъ говорить о первомъ попавшемся на языкъ вздорѣ. Жоржикъ отвѣтилъ невпопадъ

Digitized by Google

и, наконецъ, поднялся съ мѣста. У него со лба лилъ потъ. Онъ, видимо, сидѣлъ какъ на иголкахъ и радъ былъ удрать.

— Сережа, что же такое случилось?—спросила Маріанна послѣ ухода Жоржика.

— Ахъ, дитя, говорю тебѣ, что все пустяки,—отвѣтилъ Сергѣй Сергѣевичъ.—Подлецы разныхъ пакостей надѣлали—вотъ и все. Злость просто начинаетъ разбирать, когда подумаешь, какимъ негодлямъ жмешь руки, съ какимъ сбродомъ якшаешься, со всѣми на «ты», со всѣми въ амикошонствѣ состоишь... Сами на всякія подлыя продѣлки готовы, да и другихъ готовы заставить наглотаться всякой грязи.

Онъ ходилъ по столовой, кипятясь и жалуясь на кого-то. Маріанна слушала его и понемногу успокаивалась, начала почти радоваться. Что случилось—она не знала, но во всякомъ случаѣ происшедшее вооружало ея мужа противъ знакомыхъ Жоржика, противъ тѣхъ людей, которые бывали и у нихъ и которыхъ она отъ всей души ненавидѣла. Сережа, очевидно, отшатнется теперь отъ этого кружка, если онъ увидалъ всю его грязь, а ей только этого и хотѣлось. Если его возмутили продѣлки этихъ людей, значитъ онъ самъ-то честенъ и благороденъ...

Еще сегодня вечеромъ она увѣряла себя, что она перестала его любить, что онъ пустъ и мелоченъ, а теперь...

— Милый, не волнуйся,—ласково сказала она ему, поднявшись съ мѣста. — Слава Богу, что мы-то не такіе, какъ они...

Она нѣжно обвила его шею руками, заглянула въ его свѣтлые глаза. О, если бы теперь онъ навсегда, навсегда бросилъ всю эту компанію и остался при ней, при Маріаннѣ. Да это такъ и будетъ. Вотъ родится у нихъ ребенокъ... .

Опять ее охватили надежды на счастье, на тихую семейную жизнь. Она даже не обратила вниманія на то, что, лаская ее, мужъ все-таки былъ и тревоженъ, и огорченъ. Она приписывала это только тому, что мужа слишкомъ сильно потрясло разочарованіе въ пріятеляхъ. Чѣмъ сильнѣе, тѣмъ лучше.

XII.

Сергѣй Сергѣевичъ ушелъ утромъ въ должность. Маріанна чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, но бодрилась. Вчерашній разговоръ съ мужемъ подѣйствовалъ благотворно на

Digitized by Google

расположеніе ея духа. Она прилегла на кушетку и взяла книгу, намѣреваясь читать, какъ вдругъ передъ нею явилась мать. Дарья Никоновна не ночевала дома и пришла только теперь. Поздоровавшись съ дочерью, она развязала ленту у шляпки и бросила ее на стулъ, тяжело переводя духъ.

— Фу, притомтала ноги!—проговорила она, спѣша отдышаться.—Узнала зато все. Теперь они у меня, какъ на блюдечкѣ. Нечего сказать, хороши. Дотанцовались наши молодчики.

— Да, да, я знаю,—замѣтила спокойно Маріанна.

— Что знаешь?—съ озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ спросила Дарья Никоновна.

— Пакостей какихъ-то надѣлалъ Дубасовъ,—начала Маріанна.

Мать горячо перебила ее:

— Да какихъ же такихъ пакостей Дубасовъ-то надѣлалъ? Ошалѣла ты, мать моя, что-ли? Свое ему терять тоже не сладко! Нѣтъ, ужъ извини, на мѣстѣ Дубасова каждый бы это сдѣлалъ. А вотъ тѣ-то молодчики, что среди бѣла дня людей грабятъ, да безъ ножа рѣжутъ—вотъ эти ужъ истинно напакостили. Ну, да теперь одни въ тепломъ мѣстѣ въ тюрьмѣ сидятъ, а другіе хоть и на волѣ, да тоже недолго попразднуютъ.

Маріанна съ широко открытыми глазами поднялась съ мѣста и присѣла тутъ же на кушеткѣ, чувствуя, что она вся похолодѣла при словахъ о тюрьмѣ.

— Говорите, говорите все,—въ волненіи заговорила она.—Скорѣе говорите.

— Постой, я по порядку,—перебила ее мать.—Вчера я къ Симкѣ отсюда отправилась. Застала ее дома. Лежитъ на кушеткѣ, задравъ руки на голову, и въ потолокъ смотритъ. Спрашиваю: «что стряслось?» Завиляла хвостомъ сначала, отлынивать начала, «да», да «нѣтъ» тянетъ и позѣвываетъ. Ну, да я выдавлю хоть изъ кого все, что захочу. Приперла ее къ стѣнѣ. Ты, молъ, голубушка, зѣвотой-то не прикрывайся, выспишься и послѣ, а теперь матери правду выкладывай. Одолѣла ее... А потомъ, прискакалъ Дубасовъ. Я и его къ отвѣту. «Извините, говорю, а такъ какъ я мать, то...» Ну, все, какъ слѣдуетъ, прочитала... Егорка тоже отъ васъ явился,—на него ужъ мы всѣ кагаломъ накинулись, потому какъ никакъ, а онъ проштрафился, съ него и шкуру драть.

— Господи! — мучительно воскликнула Маріанна.—Да скажете ли вы толкомъ, въ чемъ дѣло!

Digitized by Google

— Не каплетъ надъ нами, погоди, по порядку все надо, — отвѣтила Дарья Никоновна. — Дѣло, видишь ли ты въ чемъ. Рубцовъ,—знаешь его?—черномазый-то, вахластый,—и князекъ Езерскій деньги черезъ Егорку занимали разъ, либо два съ поручительствомъ Дубасова. Съ этого и началась катавасія. Векселя они выдавали, а Дубасовъ бланки ставилъ. Тамъ, когда время прошло, эти долги были заплачены, и забыли всѣ о томъ дѣлѣ. Вдругъ, намедни, извѣщаютъ Дубасова, что на него подадутъ ко взысканію векселя. Какіе такіе векселя? Никакихъ такихъ векселей онъ не выдавалъ. Бабка у него въ послѣднее время умерла, такъ ему не только занимать не приходилось, а и прожить-то не знаетъ онъ какъ эти деньги, что вѣдьма старая для него накопила. А тутъ векселя предъявляютъ. Сейчасъ это онъ: «покажите!» Показали. Глядитъ—ровно и его подпись, а ровно и не его. «Кто, говоритъ, учиталъ.» Рубцовъ и князь Езерскій. Съ этого и началось.

Она перевела духъ и отерла со лба и верхней губы потъ рукою. Маріанна сидѣла неподвижно съ опущенной головой и тяжело дышала.

— Князя Езерскаго и Рубцова притянули, Егорку тоже потребовали въ судъ, къ слѣдователю тамъ, что ли. «Черезъ васъ, говорятъ, учитали князь Езерскій и Рубцовъ векселя съ бланками господина Дубасова?» «Учитали,— говоритъ Егорка:—и уплатили потомъ по этимъ векселямъ»... «А эти, говорятъ, векселя вы знаете?»—Показываютъ векселя-то Егоркѣ. «Этихъ, говоритъ, не видалъ». «А подпись, говорятъ, признаете?» Посмотрѣлъ онъ, посмотрѣлъ, да и говоритъ: «поддѣльная подпись». Каша и заварилась. А тутъ и еще, и еще векселя посыпались, а тамъ...

Она усмѣхнулась:

— Развороти яму, грязи не оберешься. Стали рыться, да доскиваться, и открылось такое, чего и не ждали. И князь Езерскій, и Рубцовъ, и Шитиковъ, и Сыромятскій-Долгинъ, да почитай что вся компанія Егора Егоровича мошенники и прохвосты. Тутъ векселя съ фальшивыми подписями, тамъ на ломбардныхъ билетахъ поддѣланныя цифры выставлены, здѣсь... Ты не знаешь, что это за шантажъ такой! Не поняла я. А? шантажъ?

— Не знаю, — глухо отвѣтила Маріанна, точно въ дремотѣ, не шевелясь на мѣстѣ.

— Новое, вѣрно, слово. Всякія пакости на своемъ вѣку

Digitized by Google

слышала, а этого не слыхала. Вѣрно, новое что-нибудь придумали. Шантажъ?.. Ну, такъ вотъ какъ дорылись до всего этого и накрыли всю компанію. Ты понимаешь, наши-то журъ-фиксы устраивали съ плясками, да съ танцами, да выпивками, а умные-то люди въ мутной водѣ у нихъ рыбу ловили, благо у Егорки всякіе люди бываютъ, и Дубасовы, и Сергѣи Сергѣевичи, и другіе матушкины сынки. Спрятать концовъ только не успѣли—вотъ бѣда! Влопались преждевременно и сцапали ихъ. Сцапать-то сцапали, да обратились и къ нашему Егору Егоровичу... «Вы, говорятъ, учетомъ векселей занимались и въ какихъ прикосновеніяхъ состояли съ этими господами?» Завертѣлся, завертѣлся нашъ Егоръ Егоровичъ, какъ угорь на сковородкѣ; знаешь его подлую натуришку, подлизнется ко всякому, подлѣзетъ со всякой стороны, а чуть что, и труса празднуетъ. Залопоталъ: «Я, дескать, ничего не знаю, моя хата съ краю, я бѣдный человѣкъ, у меня жена». Мастеръ тоже Лазаря пѣть! Однако, и его сцапать хотѣли, Дубасовъ, спасибо ему, вступился. «Если, говоритъ, что, такъ я на поруки», и такъ, и такъ. У меня бабка умерла, и денегъ по этой причинѣ много. Ну, пустили Егорку покуда, гуляй молъ на свободѣ, а тамъ посмотримъ. И посмотрятъ, какъ еще посмотрятъ. Можетъ, и сцапаютъ дурака, да и не его одного... Да кстати, одинъ вексель и подъ руку твоего Сергѣя Сергѣевича поддѣлали. Его также призывали вчера...

Послышался какой-то чуть слышный, надрывающій душу стонъ. Дарья Никоновна прервала разсказъ, взглянула на дочь. Маріанна лежала съ помертвѣвшимъ лицомъ, свернувшись на кушеткѣ, съ мучительнымъ выраженіемъ, безсознательно хватаясь за грудь.

— Маріанна! Маріанна! что съ тобой?—вскричала Дарья Никоновна, растерявшись.—Ахъ, ты, Господи, роды, что ли, приспѣли... Саша! Сашка!.. Ахъ, черти, оглохли.

Старуха бросилась въ кухню за горничной...

Началась хлопотливая бѣготня, пріѣхали акушерка и акушеръ. Роды были преждевременные и мучительные. Больная была, по большей части, безъ сознанія, когда же оно возвращалось къ ней, она требовала къ себѣ мужа. Одна мысль только и вертѣлась въ ея головѣ, что его взяли и посадили въ тюрьму! Изъ всего разсказа матери у нея только и уцѣлѣло въ головѣ одно то, что нѣсколько пріятелей ея мужа сидятъ уже въ тюрьмѣ, а его призы-

Digitized by Google

вали? Зачѣмъ призывали? Какое значеніе имѣла для него поддѣланная кѣмъ-то подъ его руку подпись на векселѣ? За что его могли посадить? Ничего этого она не понимала и не могла понять, и въ ея головѣ вертѣлась одна фраза о томъ, что «и его уже призывали». Сергѣй Сергѣевичъ во всѣ дни ея болѣзни походилъ на безпомощнаго ребенка, приставалъ къ доктору съ вопросами о ходѣ болѣзни, бился, и плакалъ, и проклиналъ въ то же время начавшееся слѣдствіе по дѣлу Рубцова, князя Езерскаго, Шитикова и ихъ товарищей, такъ какъ его то и дѣло призывали разъяснять разныя мелочи. Онъ совсѣмъ изнервничался за эти дни и почти кричалъ на доктора, который объяснялъ, что у больной очень сильное кровоизліяніе.

— Если можно будетъ остановить дальнѣйшую потерю крови, то надежда еще не потеряна...

— Такъ употребите всѣ средства! — волнуясь, кричалъ Сергѣй Сергѣевичъ. — Чего же вы думаете? Вы докторъ! Вы должны!

— Я дѣлаю все возможное,—отвѣчалъ докторъ, пожимая плечами. — При крайне большой потерѣ крови можно еще прибѣгнуть къ переливанію крови...

— Такъ дѣлайте, дѣлайте все, что надо!—выходилъ изъ себя Ворошиловъ.— Чего вы мнѣ все это разсказываете, а дѣлать ничего не дѣлаете!..

Докторъ опять пожималъ плечами, видимо извиняя грубости этого человѣка, какъ «невмѣняемаго».

А потеря крови все продолжалась и, взглянувъ на Маріанну, можно было прямо сказать, что она уже не жилецъ на свѣтѣ. Ее уже ничто не интересовало, ничто не волновало, и ея почти стеклянные глаза теперь смотрѣли тупо и на мать, и на Ольгу Сергѣевну, и на мужа. Она тихо истекала кровью и была живымъ трупомъ.

Въ одно чудное весеннее утро Сергѣй Сергѣевичъ пробрался въ спальню жены, гдѣ вѣчно безшумно двигались люди, безплодно возясь съ окровавленнымъ бѣльемъ, полотенцами, простынями, и удивлялся странному затишью, воцарившемуся здѣсь. Онъ оглядѣлся въ полутьмѣ, увидалъ акушерку. Она стояла, склонившись надъ больной, и не останавливала Сергѣя Сергѣевича, какъ это дѣлала она обыкновенно, словами:

— Тише! тише!

Онъ приблизился къ постели, Маріанна лежала по обыкновенію неподвижно, какъ-то особенно плоско, точно не

Digitized by Google

человѣкъ, а тряпка; но теперь она лежала не съ полуоткрытыми, а съ совершенно закрытыми глазами. Акушерка, черезъ кровать, прошептала Сергѣю Сергѣевичу:

— Сейчасъ скончалась!

— Маріанна! дѣтя! дѣтя! — закричалъ онъ неистовымъ голосомъ и упалъ передъ постелью, опустивъ голову на трупъ.—Умерла! умерла! что же я-то буду дѣлать! Господи! Господи!

Онъ бился и метался около этого уже остывшаго и бездыханнаго тѣла...

XIII.

Похоронная процессія медленно подвигалась къ Александро-Невской лаврѣ. Провожающая гробъ молодежь раздѣлилась на маленькія группы, нѣкоторые изъ уставшихъ идти за гробомъ усѣлись въ экипажи, всѣ уже оживленно болтали о постороннихъ похоронамъ предметахъ, о новостяхъ и скандалахъ дня, о судѣ надъ Рубцовымъ, княземъ Езерскимъ, Шитиковымъ и компаніею, о предстоящемъ лѣтнемъ сезонѣ. Чудесная весенняя погода и ярко сіявшее солнце приводили всѣхъ въ жизнерадостное настроеніе. Только когда дроги стали въѣзжать въ ворота лавры, среди провожатыхъ произошла нѣкоторая тревога: всѣ вспомнили о покойницѣ, объ обстановкѣ торжественнаго взноса гроба въ церковь, о томъ, кто понесетъ гробъ, кто возьметъ вѣнки. Дроги остановились у церкви, и тотчасъ же десятки рукъ потянулись и къ гробу, и къ вѣнкамъ. Ихъ понесли впереди, держа высоко и расправивъ ленты съ трогательными надписями. За ними понесли гробъ. Кучка людей, собравшаяся посмотрѣть на богатыя похороны, перешептывались:

— Вѣнковъ-то, вѣнковъ-то сколько. Бѣлый гробъ, видно, молодую хоронятъ. Кто такая? Актерка, что ли, что столько вѣнковъ? Нѣтъ, такъ просто госпожа. Нынче это въ модѣ, вѣнки-то. Теперь что ни шагъ—цвѣтами торгуютъ. А и хорошо хоронятъ, и все молодежь. Это-то, бѣлокурый-то, вѣрно, мужъ. Плачетъ.

Дѣйствительно, церемонія вышла торжественной и красивой, точно сцена изъ обстановочной пьесы. Гробъ внесли въ церковь, поставили на высокій катафалкъ, вѣнки тщательно разложили на ступеняхъ катафалка. Началась служба. Гости разбрелись изъ церкви бродить по кладбищу, курить, продолжать начатые разговоры. У гроба осталась только

Digitized by Google

кучка близкихъ: мать покойницы, Серафима, Сергѣй Сергѣевичъ, Ольга Сергѣевна, старуха Ворошилова, присѣвшая съ утомленнымъ видомъ на поданный ей стулъ къ окну, и предупредительная дама, пріѣхавшая вмѣстѣ съ ней въ экипажѣ, да еще пять-шесть человѣкъ изъ провожатыхъ.

— Вы бы присѣли, — совѣтовала своей знакомой Ворошилова: — здѣсь такъ тянутъ всегда обѣдни.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не заботьтесь обо мнѣ, я и постою, — успокаивала ее предупредительная дама.

Но Ворошилова, не слушая ея, громко позвала.

— Сторожъ!

Сторожъ подошелъ.

— Дай же стулъ. Почему у васъ тутъ нѣтъ стульевъ? Знаете, что похороны, дурно можетъ съ кѣмъ-нибудь сдѣлаться, а стульевъ нѣтъ.

Онъ побѣжалъ за стуломъ.

— Удивительно непредупредительный народъ, — съ гримасой сказала Ворошилова. — Вообще это ужасно, что у насъ не сидятъ въ церкви. Я, ma chère, каюсь, потому рѣдко и бываю въ церкви. Стоять долго не могу, сейчасъ постороннія мысли приходятъ въ голову, ну, чтобы не грѣшить, и не ѣзжу.

— Законъ ужъ такой у насъ, — со вздохомъ сказала спутница Ворошиловой, какъ бы извиняясь за церковь.

Сторожъ принесъ стулъ, и она усѣлась рядомъ съ Настасьей Платоновной.

— Ахъ, не то, ma chère! — возразила Ворошилова. — Вотъ за границей, хоть бы въ Женевѣ, напримѣръ, у каждаго свой стулъ, даже отмѣтки есть на стульяхъ, а вѣдь тоже русская церковь. Да это и вездѣ тамъ такъ за границей, гдѣ исключительно порядочное общество посѣщаетъ церковь, а здѣсь это потому, что всѣ ходятъ.

Она вздохнула.

— Ахъ, заграничная жизнь! Если бы не дѣти, никогда я не осталась бы здѣсь жить. Сергѣя и Ольгу жаль здѣсь бросить, особенно теперь. Сережа въ горѣ, тяжелый урокъ вынесъ, а Ольга...

Она на минуту остановилась, не зная, продолжать ли разсказывать или замолчать. Страсть къ выбалтыванью всѣхъ тайнъ одержала верхъ, и она таинственно сообщила:

— Дуритъ она у меня, сладить не могу. Вообразите, рѣшилась окончательно развестись съ мужемъ. Положимъ,

Digitized by Google

онъ порядочная дрянь, между нами будь сказано, но вѣдь разводъ—это скандалъ...

«Иже Херувимы»,—стройно запѣли пѣвчіе на клиросѣ.

— Что это, ma chère, херувимская уже?—спросила Ворошилова и, не дожидаясь отвѣта, поднялась съ мѣста, сдѣлала набожное лицо и въ полголоса съ чувствомъ забормотала, крестясь и поднимая глаза къ небу: — Тайне образующе... животворящей Троице... трисвятую пѣснь... отложимъ всякое житейское попеченіе...

Ея спутница уже стояла на колѣняхъ и тоже съ умиленіемъ молилась.

— Я выйду, — рѣзко сказала Серафима матери:—тошно отъ ладана и проголодалась я; просфору надо купить и съѣсть. Я пришлю Егора, онъ дастъ мнѣ знать, когда кончится обѣдня.

Она повернулась и пошла къ выходу.

— Нѣтъ, вы взгляните на эту фигуру, на это выраженіе лица, на эту походку, — проговорила старуха Ворошилова, обращаясь къ своей слушательницѣ и указывая ей глазами на Серафиму. — Это, это что-то такое, чему и названія нѣтъ. И бѣдный Сержъ долженъ былъ жить въ подобномъ обществѣ.

Она набожно подняла глаза къ небу.

— Господи, прости мое согрѣшеніе, но я не могу скрыть этого: я почти рада, что все такъ случилось. Онъ вѣдь мнѣ сынъ, я о его спасеніи забочусь...

Она тяжело вздохнула.

— Бѣдное погибшее дитя, она была не виновата, но все же она косвенно была причиной его гибели: не женись онъ на ней—онъ не вращался бы въ этомъ пошломъ кругу писарскихъ женъ и дочерей...

Священникъ возгласилъ:

— Возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы...

Ворошилова снова смолкла и начала набожно креститься, съ чувствомъ нараспѣвъ повторяя за пѣвчими:

— Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную.

И, обернувшись опять къ своей собесѣдницѣ, она мелькомъ спросила:

— Вы не знаете, ma chère, это преображенскіе пѣвчіе?

Предупредительная дама растерялась, глубоко сожалѣя, что не можетъ отвѣтить положительно на предложенный ей вопросъ и пробормотала:

Digitized by Google

— Право, не знаю... кажется...

— Прекрасные голоса... особенно этотъ басъ... могучее что-то... Люблю я церковное пѣніе!..

Ея взглядъ случайно упалъ на Сергѣя Сергѣевича.

— Ахъ, взгляните, на немъ лица нѣтъ,—проговорила она, указывая глазами на сына.—Позовите его, ma chère, ко мнѣ.

Предупредительная дама на цыпочкахъ направилась къ Ворошилову. Онъ подошелъ къ матери.

— Сережа, тебѣ дурно, мой мальчикъ? — съ чувствомъ сказала ему мать и приложила руку къ его лбу. —Головка разболѣлась? Ты бы вышелъ на воздухъ, освѣжился бы! Бѣдный мой!

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтилъ онъ въ замѣшательствѣ.

Ему все время хотѣлось выйти, освѣжиться и казалось въ то же время, что это неловко. Какъ же такъ, онъ мужъ—и вдругъ выйдетъ изъ церкви?

— Обѣдня сейчасъ кончится,—успокоила и мать, и сына предупредительная дама.

— Да, они очень затянули обѣдню,—сказала Ворошилова и обратилась опять къ сыну:—Береги себя, милый!

Она подставила къ его губамъ руку и погладила его по головѣ. Онъ вернулся опять къ изголовью гроба. Жоржикъ, уже давно стоявшій около него, спросилъ:

— Зачѣмъ мать звала?

— Усталъ я, думаетъ.

— Да и точно, на тебѣ лица нѣтъ!

— А ты думаешь, мнѣ легко! — раздражительно сказалъ Сергѣй Сергѣевичъ и почувствовалъ вдругъ, что ему точно тяжело.

Утомленіе послѣднихъ дней, горе о потерѣ жены, затекшія во время стоянія за обѣдней ноги, неожиданная нѣжность матери, обошедшейся съ нимъ, какъ съ больнымъ ребенкомъ, головокруженіе отъ запаха ладана и восковыхъ свѣчей, стройное пѣніе пѣвчихъ, вліяющее на нервы, все это теперь какъ-то вдругъ отразилось на немъ.

Въ церкви, между тѣмъ, началось движеніе, она стала наполняться народомъ. Это кончилась обѣдня, и начиналось отпѣваніе. Во всѣхъ рукахъ замигали зажженыя свѣчи. Раздались грустные звуки погребальнаго пѣнія. Сергѣй Сергѣевичъ началъ слегка вздрагивать, чувствуя, что его душитъ рыданіе.

— Дитя мое, дитя! — срывалось у него съ языка сквозь всхлипыванія.

Digitized by Google

— О блаженномъ успеніи,—началъ басовито дьяконъ.

Сергѣй Сергѣевичъ уже рыдалъ на всю церковь дѣтскими слезами. Мать Маріанны голосила, какъ ограбленная торговка на базарѣ. Съ Ольгой Сергѣевной опять сдѣлалось дурно. Ея давно расшатанные нервы въ этотъ день окончательно измѣнили ей, и эта почти всегда холодная и сдержанная женщина была теперь слаба, какъ больной ребенокъ. Быть-можетъ, она плакала не о Маріаннѣ, а о себѣ, вспоминая, что именно сегодня или завтра «сожгутся за ней корабли», формально начнется ея дѣло.

— Ахъ, выведите меня, ma chère, выведите!—простонала старуха Воронцилова.—Я слабая женщина, я не могу переносить этихъ сценъ.

Ея спутница взяла ее бережно подъ руку и повела изъ церкви. Въ это время около гроба уже хлопотали и суетились молодые люди, готовясь опять торжественно нести вѣнки, поднявъ ихъ высоко въ воздухѣ; другіе же прилаживались, какъ удобнѣе взяться за ручки гроба...

Весело смотритъ въ ясные дни новое кладбище Александро-Невской лавры. Это какой-то фантастическій садъ, разубранный живыми и искусственными цвѣтами, съ рѣчкой посреднѣ, съ островкомъ, потонувшимъ въ зеленыхъ кустахъ, съ сотнями изящныхъ и затѣйливыхъ памятниковъ и часовенокъ, иногда пестрыхъ и причудливыхъ, какъ китайскія бесѣдки или нарядъ арлекина, съ красивой церковью, возвышающейся на пригоркѣ. Мысль о смерти здѣсь почти не приходитъ въ голову, такъ все блеститъ и сверкаетъ бронзой, бѣлымъ мраморомъ, лабрадаромъ, вѣнками изъ искусственныхъ и живыхъ цвѣтовъ, а въ рѣчкѣ весело плещутся, кувыркаются и кричатъ десятки утокъ, добывая мелкихъ червячковъ. Особенно свѣтло и весело здѣсь въ тихіе весенніе дни, какой стоялъ тогда, когда хоронили Маріанну. И сама похоронная процессія имѣла видъ чего-то веселаго: впереди гроба несли благоухающіе вѣнки съ развѣвавшимися шелковыми лентами, несла ихъ румяная безпечная молодежь, пѣвчіе въ нарядныхъ кафтанахъ, духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ, бѣлый глазетовый гробъ, засыпанный цвѣтами, все было празднично и не говорило о скорби. Въ воздухѣ неслись торжественные звуки: «Христосъ воскресе!» и слышалось немолчное стрекотаніе, чириканіе птицъ, хлопотливо устраивавшихъ себѣ новыя гнѣзда въ ожиданіи нарожденія новаго поколѣнія. А надо всѣмъ этимъ высоко поднявшееся солнце разливало свой свѣтъ,

Digitized by Google

играя лучами въ каждой каплѣ воды въ чашечкахъ цвѣтовъ, съ каждой блесткой глазета и серебра на гробѣ. Оно заронило эти веселые лучи даже въ разрытую могилу и тамъ, въ этомъ выложенномъ бѣлыми камнями склепѣ, засыпанномъ цвѣтами, казалось теперь свѣтло и весело. Накричавшіеся и нарыдавшіеся въ церкви мать и мужъ покойницы теперь точно обезсилѣли и, поддерживаемые подъ руки окружающими, только понуро и тупо смотрѣли, какъ опускали гробъ въ могилу, какъ изъ большого ярко блестѣвшаго мѣднаго таза посыпали на него маленькимъ, усердно вычищеннымъ мѣднымъ совкомъ мелкій-мелкій песокъ...

— Пойдемъ, Сережа! Полно, не воротишь, голубчикъ!

Эти слова, ласково и нѣжно сказанныя Жоржикомъ, заставили Сергѣя Сергѣевича очнуться. Онъ тряхнулъ волосами, перекрестился, вздохнулъ глубокимъ вздохомъ и позволилъ себя свести съ насыпи около могилы. Его торопили ѣхать. Онъ спросилъ, безсознательно глядя на окружающихъ:

— Гдѣ же мама?

— Наталья Платоновна уѣхала съ Ольгой Сергѣевной,— пояснили ему.—Просила тебя извинить, что не будетъ на поминкахъ. Ей нездоровится.

— Бѣдная!—безсмысленно пожалѣлъ онъ ее.

Его повели къ экипажамъ, стали суетливо разсаживаться въ кареты и коляски, кто-то крикнулъ:

— Трогай!

Копыта лошадей застучали о мостовую...

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, надо священниковъ подождать! Безъ нихъ нельзя начинать!—суетливо распоряжалась мать Серафимы, видя, что кто-то хочетъ приступить къ закускѣ.

И проворчала:

— И выдумали, гдѣ поминки дѣлать: у татарья этого, вмѣсто кухмистерской. Ничего эти бритыя головы не знаютъ, никакихъ порядковъ. Безъ поповъ просятъ къ закускѣ...

Духовенство, однако, не заставило себя долго ждать, и богато убранная просторная зала огласилась звуками пѣнія. Послѣ этого стали обносить кутью. Всѣ брали какъ можно поменьше холоднаго засахарившагося и осклизлаго рису.

— Теперь можно и по водочкѣ:—засуетился Жоржикъ и сталъ тащить всѣхъ къ закускѣ.

— Эге, чего тутъ не наставлено!—пробасилъ кто-то.—Я по балычку и по икоркѣ. Свѣжая? Въ цѣнѣ теперь! Надняхъ самъ покупалъ.

Digitized by Google

— Кто желудочной со мною!— пронесся возгласъ дьякона, покрывшій всѣ голоса, и въ воздухѣ поднялась гигантская красная рука съ графиномъ желудочной водки.

— Ну, это ты оставь про себя,—посовѣтовалъ сосѣдъ гиганта, лысый священникъ.—Мы по вдовицѣ Поповой пройдемся.

— Да она, говорятъ, теперь жидамъ продалася. Только одна фирма осталась!

— А коли и такъ, то мы и по жидамъ пройдемся. Намъ все равно.

— Блины, блины, господа! — вскрикнулъ Жоржикъ.— Прошу за столъ.

Задвигались стулья, зазвенѣли приборы.

— А я желудочную къ себѣ приспособлю!—пояснилъ на весь залъ гигантъ-дьяконъ съ красными руками, и потрясая въ воздухѣ графинъ съ желудочной.

— Вотъ такъ икра-съ, доложу вамъ!—возгласилъ басъ.— Въ цѣнѣ она, а люблю я ее, каюсь, люблю!

Бритые татары во фракахъ, съ салфетками подъ мышками, сновали вокругъ стола, разнося вороха блиновъ, вазы со свѣжей икрой и со сметаной. Всѣ ѣли плотно, проголодавшись съ самаго ранняго утра. Звонъ ножей и вилокъ, рюмокъ и бутылокъ, немолчное чавканье и говоръ сосѣдей съ сосѣдями, собесѣдниковъ одного конца стола съ сидящими на другомъ концѣ стола, гортанныя отрывистыя фразы татаръ между собою, походившія на мелкія перебранки, все это сливалось въ одинъ рѣзкій гулъ. Среди хаоса звуковъ выдѣлялись только отрывочныя фразы:

— А тонко, бестія, готовитъ. Французъ вѣрно?

— А ты держись только желудочной, тогда все едино, французъ или турокъ.

— Да, помяните мое слово, нѣмецкая опера провалится, а французская продержится. Нѣмцы намъ не ко двору, цирлихъ-манирлихъ, ну, и, значитъ, геенъ зи вонъ!

— Голоса, говорятъ, хорошіе есть.

— Да тутъ не въ голосахъ дѣло, а въ шикѣ. Какой шикъ у нѣмцевъ? Колбасники одно слово. «Аугустинъ, Аугустинъ»,—это ихъ дѣло, а дальше ничего они не смыслятъ.

Вдругъ Дарья Никоновна всполошилась:

— Подожди, татарва поганый! Никакихъ порядковъ вы не знаете. Передъ киселемъ пѣть будутъ, а ты съ нимъ сушься.

— Это, маманша, не кисель, а бламанже,— пояснилъ Жоржикъ.

— Да хоть бы и бламанже, а все же на мѣсто киселя идетъ.

Digitized by Google

Она поднялась съ мѣста, обратившись къ одному изъ священниковъ со словами:

— Кисель, батюшка!

— А! — проговорилъ многозначительно священникъ и всталъ.

Раздалось пѣніе. Теперь подтягивали уже всѣ нестройно и невѣрно. Пропѣли и снова грузно опустились на мѣста.

— Ну, хоть распоясывайся!—раздался голосъ гиганта, поклонника желудочной.

Обѣдъ кончился, всѣ допивали вино, осматривая бутылки. Начали обносить фруктами, чаемъ и кофе, на подносахъ были бутылки съ ликерами и ликерныя рюмки. Всѣ повставали изъ-за стола, перешли въ нарядную смежную гостиную съ мягкою мебелью, сытые, пьяные, отяжелѣвшіе.

— Вотъ и помянули... и конецъ... всему конецъ,—проговорилъ безсвязно Сергѣй Сергѣевичъ, и на его глаза навернулись слезы.

— Священники уѣзжаютъ, простись!—шепнулъ ему Жоржикъ.

— Пусть уѣзжаютъ, пусть всѣ уѣзжаютъ, я одинъ, одинъ!—пробормоталъ онъ плаксиво.

— Полно, пріободрись!—уговаривалъ Жоржикъ.

Духовенство торопилось уѣхать, наскоро благодаря хозяина за угощеніе.

— Пусть ѣдутъ, пусть ѣдутъ,—говорилъ онъ, махая рукой.—Я одинъ.

— А я-то, я-то, горемычная!—воскликнула Дарья Никоновна и бросилась къ Сергѣю Сергѣевичу.—Родной мой, голубчикъ мой, не покинь ты меня, сироту горемычную!

— Мамахенъ, мамахенъ... я никогда... никогда я... Одни мы съ вами,—заговорилъ онъ и припалъ къ ней на грудь головой, горько плача.—Мой домъ—вашъ, вашъ... Одни мы, сироты съ вами...

— Поѣдемъ домой,—сказалъ Жоржикъ.

— Нѣтъ у меня дома, нѣтъ дома,—застоналъ Ворошиловъ.

— Да ты къ намъ, мы всѣ туда поѣдемъ,—сказалъ Жоржикъ.—Такъ, господа?

— Да, да, къ вамъ!—раздались голоса.

— И вы, мамахенъ,—обратился Жоржикъ къ Дарьѣ Никоновнѣ.

Она махнула ему рукой и потомъ отвела его за рукавъ въ сторону.

— Чего дурака валяешь? Чего я поѣду къ вамъ. У меня

Digitized by Google

и такъ сердце изныло, что тамъ у насъ, дома. Прислуга, поди, всѣ комоды обшарила.

— А ключи развѣ не у васъ,—озабоченно спросилъ Жоржикъ.

— Одинъ забыла, главный, отъ шифоньерки.

— Ну, такъ поѣзжайте, поѣзжайте!—заторопилъ онъ ее.

Оба они, хотя и подвыпившіе, смотрѣли дѣловито и серьезно.

Всѣ тронулись въ путь, кто по домамъ, кто къ Жоржику. Тамъ уже были готовы и фрукты, и кофе, и ликеры. Сергѣй Сергѣевичъ продолжалъ плакать и жаловаться на судьбу.

— Не поѣду я домой, никогда не поѣду!—говорилъ онъ.— Видѣть я не могу дома своего, руки наложу на себя.

— Полно! полно!—уговаривали его.—Все пройдетъ, успокоишься, забудется...

— Провѣтрить его надо,—рѣшительно сказала Серафима.—Погода чудесная. Пусть уснетъ, а потомъ можно проѣхаться по островамъ. Мнѣ самой не по себѣ. Тошно до сихъ поръ отъ ладана.

Сергѣя Сергѣевича уложили, онъ вздремнулъ. Часовъ въ восемь онъ проснулся, точно разбитый, съ угаромъ въ головѣ, съ тоской на сердцѣ. Ему сказали, что надо освѣжиться. Онъ не противорѣчилъ, повторяя, что ему теперь все равно, что онъ готовъ хоть въ могилу. Хмель еще не вполнѣ вышелъ изъ головы, и Сергѣй Сергѣевичъ то говорилъ, что онъ руки на себя наложитъ, то тупо спрашивалъ, куда его везутъ. Его успокаивали и объясняли, «вотъ Каменный островъ», «на Стрѣлку мы ѣдемъ», «это Елагинъ островъ». Онъ безсмысленно повторялъ: «Каменный островъ», «Стрѣлка», «Елагинъ островъ» и тотчасъ же спрашивалъ снова: «Куда вы меня везете?» Присматриваясь къ нему поближе, можно было замѣтить, что онъ начинаетъ ломаться и привередничать, какъ это часто бываетъ съ полупьяными людьми, желающими казаться болѣе пьяными, чѣмъ они пьяны на самомъ дѣлѣ. Внезапно онъ крикнулъ:

— Музыка! музыка! Везите меня на музыку! Зачѣмъ здѣсь нѣтъ музыки?

Сидѣвшіе съ нимъ въ коляскѣ переглянулись, какъ бы стѣсняясь рѣшеніемъ, что дѣлать.

— Что-жъ, можно заѣхать въ Аркадію, взять отдѣльный кабинетъ,—рѣшила Серафима.—Я, кстати, озябла! Весна, весна, а вечеромъ все же холодно.

Они свернули отъ Стрѣлки по направленію къ Старой и Новой Деревнямъ.

— Его надо непремѣнно развлечь!—толковалъ Жоржикъ,

Digitized by Google

видя, что Ворошиловъ дремлетъ.—Онъ вѣдь теперь готовъ точно руки на себя наложить...

Серафима нетерпѣливо перебила его.

— Глупости порешь! Хмелемъ все пройдетъ!

Жоржикъ поспѣшилъ согласиться.

— Конечно, конечно, а все же...

— Музыка!—пробормоталъ Сергѣй Сергѣевичъ въ полуснѣ.

— Сейчасъ заиграетъ!—отвѣтилъ ему Жоржикъ. — Не волнуйся, Сережа, сейчасъ будетъ музыка...

Они подъѣзжали къ Аркадіи и прошли прямо въ отдѣльный кабинетъ.

Была уже ночь, бѣловатая, весенняя, петербургская ночь. Въ Аркадіи уже кончились и оперное представленіе въ закрытомъ театрѣ, и всякія кривлянья на открытой сценѣ. Продолжалъ играть только оркестръ пожарныхъ. Большинство публики разошлось, но нѣсколько группъ статскихъ и офицеровъ съ дамами двусмысленнаго поведенія, да цыганками сидѣли еще за бѣлыми столами и продолжали пить. Вечерній холодокъ поспалъ, и прозрачная бѣлая ночь была удивительно тепла и тиха. Шума въ саду не было, говорили всѣ тихо, точно всѣ притомились и погрузились въ сладкую полудремоту. Среди этого затишья внезапно на верхней галлереѣ раздался пьяный возгласъ:

— Музыка!

Этотъ крикъ, точно крикъ сумасшедшаго, уже нѣсколько разъ прорывался наверху, потомъ слышалось, какъ кого-то со смѣхомъ уводили съ балкона въ комнату и на нѣкоторое время тамъ снова водворялась тишина. Выкрикивавшему это слово, повидимому, доставляла большое удовольствіе возможность покуралесить и заставить окружающихъ успокаивать и ублажать его. Окружающіе его, тоже сильно подвыпившіе, забавлялись со своей стороны этими выходками и хохотали, когда пьяный вырывался изъ отдѣльнаго кабинета, выбѣгалъ на галлерею и кричалъ:

— Музыка!

Они ловили и уводили его, точно играли съ нимъ въ горѣлки, при чемъ слово «горю» замѣнялось словомъ «музыка».

— Кто это тамъ скандалитъ?—послышался презрительный вопросъ за однимъ изъ столиковъ на террасѣ, гдѣ сидѣло нѣсколько гусаровъ.—Неужели Сергѣй Ворошиловъ продолжаетъ куралесить?

— Да, онъ!—раздался отвѣтъ.

— Этотъ ужъ, вѣрно, не застрѣлится никогда съ горя,

Digitized by Google

что потерялъ жену,—насмѣшливо замѣтилъ спрашивавшій, и по его сильно измятому и обрюзгшему лицу скользнуло выраженіе брезгливости.

Онъ обернулся къ своимъ собесѣдникамъ и спросилъ, произнося слова немного въ носъ и картавя.

— А вы слышали, что изъ-за его сестрицы сегодня застрѣлился графъ Нольтке?

— Нѣтъ! Да неужели! Не можетъ-быть!—раздались восклицанія.

— Я же вамъ говорю, что застрѣлился... Эта пошлая женщина должна была завтра начать съ нимъ бракоразводный процессъ. Какихъ-то людей подкупила, лжесвидѣтелей, падшую женщину.

Послышались отдѣльныя замѣчанія:

— Вотъ новость! Кто могъ ожидать!

— Я его видѣлъ чуть не вчера!

— Конечно, графъ не могъ вынести скандала. Его связи, его фамилія, его положеніе въ обществѣ...

— Наконецъ, у него большіе долги были, вѣдь ему поміру пришлось бы идти,—торопливо вставилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Это былъ совсѣмъ юный, еще безусый, бѣлобрысенькій и женоподобный юнецъ.

Разсказчикъ сдѣлалъ презрительную гримасу и, не отвѣчая юношѣ, заговорилъ:

— Вы, господа, все не то говорите. Имя, фамилія, связи, долги, все это тутъ ни при чемъ. Ошибка лежитъ въ корнѣ дѣла. Просто порядочному человѣку нашего круга невозможно тягаться съ этими торгашами. Они пойдутъ на все то, на что никогда не пойдетъ человѣкъ изъ порядочной семьи, съ родовитымъ именемъ. Это серьезный урокъ всѣмъ намъ не вступать въ разныя мезальянсы...

Безусый юноша, совсѣмъ теперь красный, какъ піонъ, несмѣло и почти пугливо забормоталъ:

— Да... но долги... большіе долги... Какъ же...

Но его никто не слушалъ. Разсказывавшій новость поднялся съ мѣста со словомъ «пора!» и его примѣру послѣдовала вся компанія.

Садъ опустѣлъ, и только нѣсколько цыганокъ походкою шакаловъ еще бродили по верхнй галлереѣ, чутко прислушиваясь къ говору въ отдѣльномъ кабинетѣ, гдѣ бурлилъ Ворошиловъ, и словно чего-то ожидая...

Digitized by Google

Оглавленіе

VI ТОМА.

СТР.

Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ.

Часть первая.

Книга I.

I. Драма въ подвалѣ 5
II. Темное пятно въ свѣтлой жизни статскаго совѣтника Боголюбова 22
III. Просящіе помощи 44
IV. Катерина Александровна Прилежаева 68
V. Лицомъ къ лицу съ ближними 77
VI. Послѣдній вечеръ въ родномъ углу 100

Книга II.

I. Дѣтскій пріютъ графовъ Бѣлокопытовыхъ 113
II. «Передайте сосѣду»—старая игра въ ея примѣненіи къ управленію 129
III. Затишье 144
IV. Непріятное событіе въ пріютѣ графовъ Бѣлокопытовыхъ 168
V. Старая барыня и старая раба 193
VI. Мелкія чувства его превосходительства 208
VII. Тяжелые дни 226

Часть вторая.

Книга III.

I. Ощупью 245
II. Тревожные вопросы 259
III. «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ» 281

Digitized by Google

IV. Продолженіе предыдущей. 2
V. Начало конца 3
VI. Новыя событія 3
VII. Катерина Александровна идетъ къ своей цѣли 3
VIII. Измѣненія въ судьбѣ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа. 365
IX. Продолженіе предыдущей. 385

Книга IV.

I. Добрый родственникъ 40
II. Семейный разладъ 42
III. Продолженіе предыдущей 445
IV. Вслѣдъ за теченіемъ 456
V. У стараго корыта 47
VI. Эпилогъ 49
Тина 531

Digitized by Google

Книга 15.

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

ШЕЛЛЕРЪ-МИХАЙЛОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ VI.

Изданіе
А. Ф. МАРКСА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., улица Гоголя, 22.

Только-что поступило въ продажу:

Н. Ѳ. ГОЛОВИНЪ (Орловскій)

РУССКІЙ РОМАНЪ
и
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

НОВОЕ 2-ое ИЗДАНІЕ.

1-е изданіе одобрено Учен. Комит. М-ва Нар. Просвѣщенія для фундаментальн. библіотекъ средн. учебн. заведеній, для безплатн. народн. библіотекъ и читаленъ (отнош. деп. общ. дѣлъ 14 апр. 1898 г. № 9541) и удостоено Пушкинской премія (1899 г.).

Большой, красиво изданный томъ въ 520 стр., на веленевой бумагѣ.

Цѣна **3** руб., съ перес. **3** р. **50** к.; въ перепл. **3** р. **50** к., съ перес. **4** руб.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу:

П. П. ГНѢДИЧЪ

„БѢГЛЫЕ"

„Недвижимая собственность" и другіе разсказы.

Содержаніе: Бѣглые. (Изъ записной дорожной книжки).—Недвижимая собственность.—Пуховъ. (Изъ моей портретной галлереи).—Мать.—Колотяжный.—Прыгунъ.—Горизонты.

Прекрасно изданный томъ in 8°, 300 стр., на хорошей бумагѣ, отпечатан. четкимъ шрифтомъ.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.; въ перепл. 1 руб. 40 коп., съ перес. 1 руб., 70 коп.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу

НОВАГО ТРЕТЬЯГО ИЗДАНІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

И. Н. ПОТАПЕНКО.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

„ДВА СЧАСТЬЯ".

СОДЕРЖАНІЕ: Два счастья. Романъ. — Баба замѣшалась. Очеркъ.—Рѣшился. Очеркъ.—Гастролеръ. Очеркъ.—Двѣнадцатый. Очеркъ.—Дочь курьера. Романъ.—Никогда.

Изящно изданная книга, 530 стр., отпечатанная четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ. СПБ. 1904 г.

ЦѢНА тома **1 р. 50 к.,** съ перес. **1 р. 75 к.;** въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ **2 р.,** съ перес. **2 р. 30 к.**

Имѣются также въ продажѣ томы I, II, III, IV, V и VI. Остальные томы находятся въ печати, и о выходѣ ихъ будетъ своевременно объявлено.

К. С. БАРАНЦЕВИЧЪ.

СВОБОДНЫЕ СНЫ.

(18 разсказовъ).

СОДЕРЖАНІЕ: Свободные сны. — Изъ дѣтства. — Буранъ. — Красавецъ-мужчина. — Обезьяны. — Было бы болото. — Вожделѣнія Горькухина.—Построился!—Глаза.—Подруги. — Пришелъ за ними.—Запомни!—Поздно. — Интрига. — Панъ Юзефъ.—Сватовство Чикунова. — Женихъ.—Старуха.

Изящно изданный томъ in 8° 325 стр., на веленевой бумагѣ, отпечатанный четкимъ шрифтомъ. СПБ. 1904 г.

Цѣна—**1** руб., съ перес.—**1** р. **25** к.; въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ—**1** р. **40** к., съ пересылкою—**1** р. **70** к.

Digitized by Google

Книга 16

Сборникъ „Нивы" за 1904 г.

ШЕЛЛЕРЪ-МИХАЙЛОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Томъ VI.

Изданіе
А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., ул. Гоголя, № 22.

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ). ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 12 т., 8458 стран. in 8°, съ портретомъ автора, его факсимиле и видомъ могильн. памятника. Цѣна 12 томамъ 18 р., съ перес. 21 р.; въ перепл.—24 р., съ перес. 27 р. Цѣна каждому тому въ отдѣльной продажѣ (только безъ перепл.) 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Станюковичъ, К. М. СОЧИНЕНІЯ въ 13-ти томахъ in 8°, 6484 страницы, на хорошей бумагѣ. Цѣна 13-ти томамъ — 19 руб. 50 коп., съ перес. 21 руб. 50 коп. Тома продаются и отдѣльно, цѣною за каждый томъ по 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 80 коп.

Головинъ, К. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ" въ 12 томахъ, съ портретомъ автора. Изданіе отпечатано на хорошей бумагѣ и содержитъ 4730 стр. in 8°, СПБ. 1903. Цѣна 12 томамъ 15 р., съ перес. 16 р. 50 к.; въ 6 переплетахъ 18 р., съ перес. 19 р. 50 к. Тома продаются и отдѣльно (но только безъ переплетовъ) по 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Антонъ. „СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ". Томы: I, II, III, IV, V, VI, VIII и IX—„Разсказы"; т. VII—„Пьесы"; т. X—„Островъ Сахалинъ". (Изъ путевыхъ записокъ). Изящно изданныя книги, отпечатанныя на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ 8-ю д. л. СПБ. 1900—902 гг. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.; въ красивомъ коленкор. переплетѣ—по 2 р., съ перес.—по 2 р. 30 к.

Лѣсковъ, Н. С. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ", 2-ое изданіе въ 12-ти томахъ, съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ 5 портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета. Изящное изданіе на хорошей бумагѣ, LVI+6646 стр., въ 8 д. л. Цѣна 15 р., съ перес. 17 р.; въ 12-ти переплетахъ 20 р., съ перес. 22 р. 50 к.

Данилевскій, Г. П. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ". 9-ое изданіе въ 24 томахъ (12-ти книгахъ), съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изящное изданіе, отпечатанное на прекрасной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Цѣна 10 р., съ пересылкою 11 р.; въ 7 перепл. 13 р., съ перес. 14 р.

Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава). СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, въ 6 т., 3562 стр. in 8°, съ критико-біографическ. очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора, исполнен. геліогравюрой. Цѣна 9 р., съ перес. 10 р.; въ 6-ти красивыхъ коленкоровыхъ переплетахъ—12 р., съ пересылкою 13 р. 25 к.

Боборыкинъ, П. Д. „СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ", въ 12-ти т., съ портретомъ и автографомъ, гравир. у Броккауза, 4153 стран. in 8°. Цѣна 4 р., съ перес. 5 р.; въ перепл. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р. 50 к.

Случевскій, К. К. „СОЧИНЕНІЯ", съ портретомъ и автографомъ автора, исполнен. геліогравюрой. Изящное изданіе in 8°, въ 6 т. Цѣна 8 р., съ перес. 8 р. 75 к.; въ перепл. 11 р., съ перес. 12 р.

Шекспиръ. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ", въ переводѣ и объясненіяхъ А. Л. Соколовскаго. Въ 8-ми т. in 8°, 3688 стр. Съ обширною вступительною статьею: „Шекспиръ и его значеніе въ литературѣ", біографич. очеркомъ, обстоятельными историко-критическими этюдами къ каждому произведенію и многочисленными (3.097) объяснительными примѣчаніями. Цѣна 10 р., съ перес. 11 р.; въ 4-хъ перепл. 12 р., съ перес. 13 р.

Фетъ, А. А. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ" подъ ред. Б. В. Никольскаго, въ 3-хъ т., съ 4 портретами и автографомъ Фета, съ хронологич. и алфавитн. указателями и съ прилож. вступительн. статей Н. Н. Страхова и Б. В. Никольскаго. Изящное изданіе въ 8 д. л., 1754 стр. СПБ. 1901 г. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.; въ перепл. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р. 25 к. Цѣна роскошн. изданія, на слоновой бумагѣ 10 р., съ перес. 11 р.; въ переплетѣ 13 р., съ перес. 14 р.

Полонскій, Я. П. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ", въ 5-ти том., 2415 стр., вновь пересмотр. и очень значительно дополненное съ прилож. двухъ портр. Я. П. Полонскаго, гравиров. на сталь Броккаузомъ. Цѣна 6 р., съ перес. 6 р. 75 к.; въ перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 25 к.

Гоголь, Н. В. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ", въ 12 т., съ 2 портретами, факсимиле и автографомъ Гоголя, съ нѣсколькими собственноручн. его рисунками и примѣч. редактора. 16-е изданіе. СПБ. 1900 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; въ 6-ти перепл. 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 75 к.

Гоголь, Н. В. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Редакція Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. 17-е изданіе, въ одномъ большомъ томѣ, компактно напечатан. въ 2 столбца (1686 столбцовъ въ 8-ю д. л.), съ портретомъ Н. В. Гоголя, біогр. очеркомъ В. И. Шенрока и съ примѣч. редактора. СПБ. 1901 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.; въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 80 к., съ перес. 2 руб. 30 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Въ 2-хъ том. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; въ перепл. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Цѣна роскошнаго изданія въ 4-хъ т. 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.; въ 4-хъ перепл. 7 р., съ перес. 7 р. 75 к.

Собранія сочиненій РУССКИХЪ КЛАССИКОВЪ: 1) А. С. Грибоѣдова*, 2) А. И. Полежаева*, 3) Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II*, 4) И. И. Козлова*, 5) А. В. Кольцова*, 6) М. В. Ломоносова, 7) Д. И. Фонвизина*,—составленныя по лучшимъ прежнимъ изданіямъ, тщательно провѣренныя по источникамъ, отчасти дополненныя и изданныя подъ редакціею А. И. Введенскаго, съ біографіями и портретами авторовъ, гравированными на сталь Броккаузомъ въ Лейпцигѣ и Дейнингеромъ въ Мюнхенѣ. Цѣна за одинъ экземпляръ каждаго изъ означенныхъ семи собраній сочиненій—1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ коленкор. переплетѣ, тисненномъ золотомъ и красками, 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 80 к. Для любителей изящныхъ изданій сочиненія эти (за исключеніемъ соч. Кольцова) отпечатаны на лучшей голландской слоновой бумагѣ,—по цѣнѣ за экземпл.: 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; а въ роскошн. коленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Книга 17.

Сборникъ „Нивы" за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ VI.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., улица Гоголя, 22.

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ,

составленный проф. **Э. Ю. Петри**

и состоящій изъ 48 главныхъ картъ, 142 дополнительныхъ картъ и чертежей на 47 таблицахъ

Новое 4-ое исправленное и дополненное изданіе.

Въ I, II и III изданіяхъ, имѣвшихъ исправленныхъ и дополненныхъ, Атласъ былъ:

1) Учен. Комитетомъ М. Н. П.—ДОПУЩЕНЪ въ качествѣ учебнаго пособія для средн. учебн. заведеній; 2) Учебн. Комитетомъ, состоящимъ при Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи – РЕКОМЕНДОВАНЪ какъ пособіе при преподаваніи географіи въ средн. учебн. завед.; 3) Главн. Управленіемъ военно-учебн. заведеній—РЕКОМЕНДОВАНЪ какъ полезное пособіе для преподаванія географіи въ кадетск. корпусахъ; 4) Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ — ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ библіотеки второклассныхъ и учительскихъ церковно-приходскихъ школъ.

ЦѢНА АТЛАСА: 1) брошюров. экз. — 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; 2) въ папкѣ съ коленк. корешкомъ и углами—2 р. 85 к., съ перес. 2 р. 90 к.; 3) въ прочномъ коленк. переплетѣ съ кожан. корешкомъ и металлич. углами—2 р. 60 к., съ перес. 3 р. 20 к.

Анри Купенъ.

ПРИЧУДЛИВЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

Съ 211 рисунками въ текстѣ.

Переводъ съ французскаго женщины-врача **Е. Д. Вургафтъ.**

Превосходно изданная книга in 8°, 447 стр., отпечатанная на хорошей бумагѣ. СПБ. 1904 г.

ЦѢНА 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 к.; въ коленкор. переплетѣ 3 руб. 50 коп., съ перес. 4 руб.

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ

„ВИШНЕВЫЙ САДЪ"

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Цѣна съ пересылкою 40 коп.

ШКОЛА ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО РИСОВАНІЯ

для дѣтей отъ 8 до 12-лѣтняго возраста, въ штриховкѣ двумя цвѣтными карандашами.

Въ 2-хъ выпускахъ.

Составилъ **Г. А. СЕРГѢЕВЪ,**

преподаватель и содержатель приготовительныхъ учебныхъ заведеній въ СПБ.

Въ школѣ и дома дѣти охотно занимаются рисованіемъ: оно является однимъ изъ самыхъ первыхъ предметовъ обученія ребенка и самымъ любимымъ его занятіемъ. Вся цѣль воспитателя—разумно направить неумѣлую руку, дать ей навыкъ и систему. „Школа первоначальнаго рисованія" со штрихами двумя цвѣтными карандашами вполнѣ отвѣчаетъ этой задачѣ.

Въ тетради, представляющей первый выпускъ, всѣ 15 рисунковъ исполняются прямыми линіями, помѣщенными въ клѣточкахъ, а затѣмъ въ общемъ квадратѣ. Рисунокъ нужно сначала нарисовать чернымъ карандашомъ слегка, не нажимая, внимательно слѣдя за переплетеніями штриховъ. Проводя линію за линіей, рука ученика становится увѣреннѣе, глазъ привыкаетъ къ симметріи, а расцвѣтка краснымъ и синимъ карандашомъ пробуждаетъ чувство красокъ. Счетъ клѣточекъ и штриховъ, научая вниманію, вырабатываетъ глазомѣръ.

Воспріимчивая впечатлительность ребенка при такомъ методѣ обученія рисованію получаетъ должное направленіе, и учитель, нисколько не утомляя ученика, даетъ строгую систему въ занятіяхъ.

Второй выпускъ первоначальнаго обученія рисованію, состоящій изъ 15 рисунковъ, болѣе сложенъ: тамъ уже ученикъ имѣетъ дѣло съ кривыми и пересѣкающимися линіями, съ цѣлыми окружностями и частями ихъ. Правильными пересѣченіями линій, раздѣленными кругами, вторая тетрадь даетъ наглядное понятіе о геометріи. Ученикъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, почти шутя, научается отличать діагональныя линіи отъ перпендикулярныхъ, полукруги отъ круговъ и т.д.

Такимъ образомъ, „Школа первоначальнаго рисованія", предназначенная для дѣтей отъ 8 до 12-лѣтняго возраста и составленная опытнымъ преподавателемъ, спеціалистомъ дѣла, является новымъ вкладомъ въ небольшое еще у насъ собраніе учебныхъ пособій по рисованію.

Издана „школа" съ требуемой для такого изданія отчетливостью и тщательностью. Всѣ 30 рисунковъ обоихъ выпусковъ отпечатаны въ видѣ отдѣльныхъ листовъ на хорошей бумагѣ и вложены въ прочныя папки.

Цѣна каждаго выпуска въ папкѣ 80 коп., съ перес. 1 руб.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google